

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945

Книга 3

ОСВОБОЖДЕНИЕ

«НАУКА»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
В четырех книгах

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:

В. А. Золотарев, Г. Н. Севостьянов (сопредседатели),
В. И. Васильев, В. К. Волков,
В. П. Зимонин (ответственный секретарь),
А. В. Квашнин, А. С. Киселев, А. А. Кокошин,
Г. А. Куманев, И. В. Лебедев, В. Л. Манилов,
Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, А. Н. Сахаров,
И. Д. Сергеев, А. П. Царев, А. О. Чубарьян

МОСКВА «НАУКА» 1999

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945

Книга 3
ОСВОБОЖДЕНИЕ

МОСКВА «НАУКА» 1999

УДК [947+955]
ББК 63.3(2)722
В 27

“ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ”

Редакционная коллегия:

А.И. БАРСУКОВ, С.И. ГАЙКАЛОВ, В.Н. КИСЕЛЕВ, И.В. ЛЕБЕДЕВ,
В.В. МАРЬИНА, Б.Н. ПЕТРОВ (главный редактор),
Г.Н. СЕВОСТЬЯНОВ (научный руководитель), К.Е. ЧЕРЕВКО

Консультативный совет
при Главной редакционной комиссии:

Г.М. ЕГОРОВ, А.Н. ЕФИМОВ, М.М. ЗАЙЦЕВ, Ю.Ф. ЗАРУДИН,
М.М. КОЗЛОВ, В.Г. КУЛИКОВ, О.А. ЛОСИК, В.М. МИХАЙЛОВ,
В.И. ПЕТРОВ, С.Л. СОКОЛОВ

Рецензент

член-корреспондент РАН А.А. КОКОШИН

Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки.
Книга третья. Освобождение. – М.: Наука, 1999. – 510 с., ил.

ISBN 5-02-008654-1

Книга посвящена событиям третьего, заключительного периода Великой Отечественной войны (с января 1944 по май 1945 г.), а также советско-японской войне (август–сентябрь 1945 г.). В ней показаны изменения в военно-политической, экономической и дипломатической сферах, произошедшие в результате четырех военных кампаний, в ходе которых Красная Армия окончательно сокрушила гитлеровскую военную машину и разгромила японскую Квантунскую группировку.

Для интересующихся историей Отечества.

Подписное

ISBN 5-02-008654-1 (кн. 3)
ISBN 5-02-008655-X

© Издательство “Наука”, Российская академия наук, 1999
© Министерство обороны Российской Федерации, 1999

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга посвящена третьему периоду Великой Отечественной войны, который продолжался с января 1944 по май 1945 г. Кроме того, в двух очерках освещается советско-японская война, в результате которой была разгромлена Квантунская армия на Дальнем Востоке в августе – сентябре 1945 г. Рассматриваемый промежуток времени был насыщен важнейшими военными и политическими событиями.

В последние годы в средствах массовой информации довольно широко распространяется точка зрения, что победа над фашистской Германией достигнута якобы исключительно за счет колоссальных потерь СССР, что даже после Сталинграда и Курской битвы Красная Армия так и не научилась воевать, что советское военное искусство по всем показателям уступало германскому. Однако правда истории состоит в другом. Третий, заключительный период войны по праву считается периодом решающих побед Красной Армии в самой жестокой и тяжелой войне, которую знало человечество. В представленных читателю очерках аргументированно показано, что именно Советский Союз и его вооруженные силы в единоборстве с фашистской Германией показали свое полное превосходство в военной области.

Советский народ встретил новый 1944 год с уверенностью в победе над врагом. Эта вера основывалась на возросшей экономической и военной мощи СССР. Красная Армия прочно удерживала стратегическую инициативу. Перед ней стояла задача окончательно очистить от врага захваченную им родную землю, помочь народам Европы в освобождении от фашизма, завершить войну полным разгромом противника на территории Германии.

В соответствии с общим замыслом советского командования главные события первой половины 1944 г. развернулись на южном крыле советско-германского фронта. Перед его войсками Ставка ВГК поставила задачу – изгнать врага с Правобережной Украины и из Крыма, выйти к Государственной границе СССР. До середины апреля 1944 г. на огромных просторах от Полесья до Черного моря, от Днепра до Карпат развернулась одна из крупнейших стратегических операций, в которой приняли участие более трети сил и средств действующей армии. На завершающей стадии зимне-весенней кампании 1944 г. войска освободили Крым. Одновременно в январе 1944 г. началось наступление под Ленинградом, который героически защищался 29 месяцев. К лету 1944 г. советские войска достигли предгорья Карпат и вышли на подступы к Балканам. Среди союзников Гитлера усилился разброд, обострилось внутривойсковое положение в Германии.

Зимне-весеннее наступление Красной Армии сорвало попытки немецкого командования укрепить оборону на Западе, что обеспечило благоприятные условия для открытия второго фронта, подготовки вторжения во Францию, которое состоялось в июне. Второй фронт привлек значительное количество дивизий вермахта. Германия оказалась зажатой в тиски: с востока – Красной Армией, с запада – войсками США, Великобритании и Франции.

В июне 1944 г. началась Выборгско-Петрозаводская операция. Советские войска за короткий срок сокрушили мощную оборону противника. В этом же месяце

на центральном участке советско-германского фронта развернулась операция в Белоруссии под кодовым названием “Багратион”. Ни в одной из предыдущих наступательных операций советские войска не имели такого количества артиллерии, танков и самолетов, как в Белорусской.

В августе 1944 г. в ходе Ясско-Кишиневской операции был осуществлен прорыв на Балканы. Немцы лишились румынской нефти и других важнейших источников сырья. Красная Армия, можно сказать, понесла самые минимальные потери в операции такого масштаба.

Длительной и кровопролитной была борьба за Прибалтику. В результате трехмесячных боев враг был изгнан из Эстонии, Литвы, почти всей Латвии и боевые действия перенесены на территорию Германии в Восточной Пруссии.

В октябре 1944 г. войска совместно с Северным флотом выбили немцев из Печенги, вступили в Норвегию и оказали ее народу помощь в освобождении от фашистских захватчиков. С изгнанием их из Печенги полностью завершилось освобождение России.

Покончив с оккупантами на своей земле, советские войска приступили к боевым действиям в странах Юго-Восточной и Центральной Европы, находившихся под властью Германии и ее союзников. Продолжив мощное наступление, они совместно с национально-освободительными силами ряда европейских стран избавили от фашистского ига народы Австрии, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии. Около девяти месяцев шли бои за Польшу. Свыше миллиона бойцов и командиров Красной Армии отдали свои жизни за спасение европейских народов от коричневой чумы.

Война неумолимо приближалась к границам Германии. Раньше всего грозный вал наступления советских войск докатился до Восточной Пруссии. В конце января – начале февраля 1945 г. они форсировали Одер. До Берлина оставалось менее 60 км. Война в Европе шла к концу. В феврале 1945 г. состоялась Ялтинская конференция глав правительств трех союзных держав – СССР, США и Англии. На ней были согласованы планы окончательного разгрома Германии, выработаны условия ее безоговорочной капитуляции и последующего послевоенного устройства.

Решающее значение для завершения разгрома Германии имела Берлинская операция. Она началась 16 апреля сокрушительными ударами советской артиллерии и авиации. Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, его оборона была прорвана. На пятый день наступления артиллерийский огонь уже велся по Берлину. 21 апреля войска ворвались на окраину города. С утра 30 апреля начался штурм рейхстага, а утром 1 мая на нем развевалось Знамя Победы. Одновременно войска продвигались на запад и 25 апреля достигли Эльбы, где встретились с частями американской армии. Завершилась война в Европе Пражской наступательной операцией.

В полночь 8 мая в предместье Берлина – Карлхорсте в присутствии представителей командования армий СССР, США, Англии и Франции Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. В ознаменовании окончания войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков 9 мая стало всенародным торжеством и ежегодно отмечается в нашей стране как День Победы.

Историография Великой Отечественной войны насчитывает немало фундаментальных трудов, в которых непосредственно ход военных действий 1944–1945 гг. получил довольно полное изложение. В то же время из-за того, что значительная часть источников была недоступна исследователям, во многих работах нередко трактовки и оценки тех или иных событий страдают односторонностью, а подчас сделаны в угоду политическим и военным деятелям. Так, при жизни Сталина победные операции Красной Армии обычно приписывались его гению. В частности, успехи, достигнутые в 1944 г., именовались “десятью сталинскими ударами”. В годы правления Хрущева и Брежнева преувеличивались роль и значение тех бо-

евых действий, в которых они участвовали. Следует также отметить, что существенным изъяном советской историографии являлось замалчивание или беглое изложение неудачных или незавершенных наступательных операций Красной Армии. Примером могут служить операции, проводимые в Белоруссии зимой 1944 г. Как известно, более полугодом войска безуспешно пытались расчлениить и уничтожить прижатую к морю курляндскую группировку немцев. Прочную оборону противника советские войска так и не смогли прорвать до конца войны. В результате действия курляндской группировки прекратились одновременно с капитуляцией Германии.

Интересна точка зрения маршала Г.К. Жукова о роли Сталина в подготовке и проведении наших неудачных операций. Например, по замыслу Сталина, отмечал он, “планировалась и проводилась операция в Прибалтике в районе Либавы, которая безрезультатно повторялась несколько раз и, кроме тяжелых жертв, ничего не дала. За неудачу в этой операции Сталин сменил трех командующих фронтами”. Неграмотно, с точки зрения военного искусства, «проводились операции севернее Варшавы, в результате которых погибли многие десятки тысяч наших людей. Сталину неоднократно докладывали о том, что по условиям местности там нельзя проводить операцию, однако такие доводы отвергались как “незрелые”, и операция многократно повторялась с одними и теми же результатами»¹.

О подобно рода серьезных неудачах и просчетах в нашей литературе говорилось мало и скупо. В книге сделана попытка дать читателю более полное и объективное представление о происходивших событиях, памятуя, что война такого масштаба изобиловала не только победными операциями, но и изнурительными, мало-результативными сражениями, в которых советские войска, неся большие потери, достигали незначительных успехов или не имели их вовсе.

Справедливость требует также признать, что в нашей историографии не всегда достаточно полно раскрывались сильные стороны противника, уровень военно-стратегического мышления его руководства, искусство ведения войны. То же можно сказать об освещении и политической ситуации, расстановки сил в странах Восточной Европы, их позиции при вступлении Красной Армии в этот регион, разногласия членов антигитлеровской коалиции о будущем послевоенном устройстве этих государств.

При написании очерков авторский коллектив старался учесть отмеченные недочеты и на основе использования ранее не доступных документов и материалов по-новому оценить события третьего периода войны. Авторы не ставили перед собой задачу дать подробное описание военных действий. Они излагаются сжато в хронологической последовательности, в основном рассматриваются крупные стратегические операции, дающие представление о размахе и ожесточенности вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Одновременно показано, как разгром Германии предопределил и ускорил поражение Японии. В книге излагаются мотивы вступления Советского Союза в войну с ней, рассказывается о подготовке и проведении кампании на Дальнем Востоке по разгрому Квантунской армии.

Источником материального могущества вооруженных сил был прочный тыл, который не только стоял против мощной военной машины коалиции фашистских государств, но и обеспечил экономическую победу в войне. Рабочие, крестьяне и интеллигенция своим героическим трудом создали новейшие наиболее эффективные средства борьбы. Красная Армия сокрушила гитлеровскую Германию отечественным оружием, которым ее в достаточном количестве снабжала военная промышленность.

Авторы отдали должное гражданскому подвигу советских людей. В мировой истории не было страны, которая, ведя тяжелейшую войну с агрессором, в то же время восстанавливала освобожденные от него разоренные районы без помощи извне. А разрушения были огромны. Немецкие захватчики, как известно, полностью или частично сожгли 1710 городов и поселков, свыше 6 млн зданий, около 25 млн

человек лишились крова. Ущерб, нанесенный материальным ценностям, составил почти 41% потерь всех стран, участвовавших в войне.

1944 г. вошел в историю как год репрессий, которым подвергались целые народы. В марте этого года был создан отдел спецпоселений НКВД, на учете которого с сентября числилось полтора миллиона “спецпереселенцев”: немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков, крымских татар. Кроме того, к концу войны 4 млн 750 тыс. советских граждан оказалось за рубежом СССР; только в Западной Германии находилось около 2 млн. В октябре 1944 г. СНК СССР принял решение об их возвращении на Родину. Эти вопросы также рассмотрены в очерках.

На основе привлечения новых документов авторы показали, как конкретно в условиях войны правительство решало сложнейшие неотложные проблемы развития народного хозяйства страны. Прежде всего они касались военной экономики, промышленности и сельского хозяйства, а также обеспечения населения необходимыми продуктами питания и предметами широкого потребления. Не обойдены молчанием и те огромные лишения, страдания и тяготы войны, которые выпали на долю советского народа и были с достоинством преодолены.

Успехи Красной Армии в третьем периоде войны активно использовала советская дипломатия. Усилия внешней политики и дипломатии советского государства были направлены на достижение победы, установление прочного послевоенного мира. В связи со вступлением вооруженных сил Советского Союза в Восточную Европу перед внешнеполитическими ведомствами СССР встали новые и ответственные задачи – восстановление независимости государств, разработка условий перемирия и выхода из войны стран – союзников Германии, согласование политических действий членов антигитлеровской коалиции в отношении Европы.

Когда войска агрессора понесли большие потери, резко ослабившие могущество Германии, а Красная Армия пересекла Государственную границу СССР, советская дипломатия предприняла успешные шаги по выводу Венгрии, Румынии, Финляндии и Болгарии из войны на стороне рейха. Утрата европейских союзников поставила Германию практически в положение полной военно-политической изоляции. Это стало существенным фактором ее окончательного поражения. Внешнеполитические шаги США и Англии после открытия второго фронта в Европе объективно содействовали общей борьбе против гитлеровской Германии. Важное место во внешней политике основных государств антигитлеровской коалиции занимало решение конкретных проблем послевоенного устройства мира. В частности, во второй половине 1944 г. были разработаны условия перемирия с бывшими союзниками Германии, выработаны общие принципы политики Большой тройки в отношении стран, оказавшихся под оккупацией Германии, обсуждены принципы деятельности Организации Объединенных Наций (ООН). Важным событием в дипломатической истории второй мировой войны стали международные конференции в Ялте и Потсдаме.

Цель книги – дать комплексное изложение военных, политических, экономических и дипломатических событий истории Великой Отечественной войны на завершающем ее этапе – в 1944 и 1945 гг., показать великое единение армии и народа, их героический путь к победе. Стремясь дать широкую объективную панораму поистине титанической борьбы народа за независимость своей Отчизны, авторы изучили огромный документальный и фактический материал, накопленный за полвека, в том числе ранее не доступный. Опираясь на историографию, посвященную войне, они сосредоточили внимания на мало исследованных фактах ее истории, таких, например, как операция 2-го Украинского фронта в районе Тыргу-Фрумуса в конце апреля – начале мая 1944 г., расстановка политических сил в странах Восточной Европы, куда вступали советские войска, события в Праге накануне Пражской операции и др.

Великая Отечественная война рассматривалась как часть второй мировой войны, как поучительный исторический опыт согласованных усилий советских вооруженных сил и англо-американских войск в Западной Европе и на Дальнем Востоке. История войн не знала столь мощной коалиции, которая в конечном итоге одержала великую победу над общим врагом.

* * *

Редакционная коллегия выражает признательность И.В. Бухарину, Л.Б. Валевой, З.А. Глутову, М.И. Дмитриеву, Б.И. Желицки, И.М. Морозову, Т.А. Покивайловой, Г.А. Тахненко, З.А. Шутову – за предоставленные материалы; Н.Н. Виноградовой, С.И. Гайкалову, Г.П. Горбачевой, В.И. Грибовой, Н.П. Довбенко (фото), Т.Л. Емченко (схемы), Т.П. Жариковой, И.К. Зайцевой, Г.П. Золотаревой (схемы), И.А. Калашникову, В.М. Кашайкину, Е.Н. Москалю, В.И. Русанову, А.М. Соколову, В.И. Фирсовой, П.Я. Цыганкову, В.В. Шеметову, И.М. Шуваевой – за помощь в научно-организационной работе.

¹ Источник. 1995. № 2. С. 152–158.

НЕУДАЧИ НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Н и одна война двух сильных противников не может состоять лишь из одних успешно проведенных победоносных операций и сражений. Случаются неудачи и поражения. Не удалось избежать их ни Македонскому и Ганнибалу, ни Петру I и Фридриху II, ни Наполеону и Кутузову, ни одной из сторон как в первую, так и во вторую мировую войну. И Красной Армии в ходе Великой Отечественной войны пришлось испытать горечь серьезных неудач не только в оборонительных, но и в ряде наступательных операций.

* * *

После блестящей победы в Курской битве советские вооруженные силы развернули широкомасштабное наступление – от Великих Лук до Черного моря. Операции на Левобережной Украине завершились форсированием Днепра и взятием Киева, а на Западном направлении – освобождением Смоленска и восточных районов Белоруссии. В декабре 1943 – апреле 1944 г. войска Красной Армии провели ряд наступательных операций на Правобережной Украине, развернувшихся на фронте до 1400 км. В ходе этого стратегического наступления были разгромлены крупные силы противника, и советские войска вышли на Государственную границу СССР и в предгорья Карпат. В результате Ленинградско-Новгородской операции окончательно была снята блокада Ленинграда, освобождены Ленинградская и часть Калининской области.

Успех такого количества крупных наступательных операций свидетельствовал о том, что в 1943 г. наступил перелом не только в общей обстановке. Наши командующие, командиры, штабы и войска овладели искусством подготовки и ведения наступательных боев и операций. Однако осенью 1943 г. и последующей зимой некоторые наступательные операции не были завершены. На Западном фронте они не имели даже частичного успеха.

На фоне удачного наступления на других фронтах весьма поучительны уроки неблагоприятных операций Западного фронта. Прежде всего они позволяют уяснить, как трудно и неоднозначно развивается военное искусство и происходит овладение его секретами, какая огромная дистанция между изучением командными кадрами опыта других фронтов и приобретением собственных навыков в процессе подготовки и ведения боевых действий. Тем более, что операции Западного фронта в этот период мало изучены и почти не освещены в советской военно-исторической литературе. Об этих операциях лишь бегло упоминают в своих мемуарах Г.К. Жуков, С.М. Штеменко, Н.Н. Воронов, И.Х. Баграмян и некоторые другие. Учитывая их неполную исследованность и личное участие автора в боевых действиях под Витебском, представляется необходимым более обстоятельно рассмотреть уроки и выводы, вытекающие из опыта этих операций, впрочем весьма характерные и для других неудачно проведенных наступательных операций.

О каких конкретно операциях идет речь и каковы были их результаты? С 12 октября 1943 по 1 апреля 1944 г. Западный фронт под руководством ко-

Таблица 1

№ п/п	Наступательные операции и время их проведения	Результаты продвижения, км	Потери советских войск (человек)	
			убитых	раненых
1	На оршанском направлении 12–18 октября 1943 г.	1–1,5	5858	17 478
2	Оршанская операция 21–26 октября 1943 г.	4–6	4787	14 315
3	На оршанском направлении 14–19 ноября 1943 г.	1–4	9167	29 589
4	На оршанском направлении 30 ноября – 2 декабря 1943 г.	1–2	5611	17 259
5	На витебском направлении 29 декабря 1943 г. – 6 января 1944 г.	8–12 (в основном вследствие отхода противника на заранее подготовленный рубеж)	6692	28 904
6	На богушевском направлении 8–24 января 1944 г.	2–4	5517	19 672
7	На витебском направлении 3–16 февраля 1944 г.	3–4	9651	32 844
8	На оршанском направлении 22–25 февраля 1944 г.	безрезультатно	1288	4479
9	На витебском направлении 29 февраля – 5 марта 1944 г.	2–6	2650	9205
10	На оршанском направлении 5–9 марта 1944 г.	безрезультатно	1898	5639
11	На богушевском направлении 21–29 марта 1944 г.	1–3,5	9207	30 828

мандующего генерала армии В.Д. Соколовского (начальник штаба генерал-лейтенант А.П. Покровский) провел одиннадцать операций (см. табл. 1).

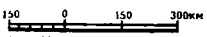
В итоге проведения этих неэффективных операций войска Западного фронта потеряли убитыми и ранеными 530 537 человек!. Во всех этих операциях войска Западного фронта имели некоторое общее превосходство над противником в силах и средствах, а в последней, мартовской, довольно значительное. Для наступления было сосредоточено 9 стрелковых дивизий, 10 артиллерийских бригад, 6 арtpолков РК, 73 танка; противник имел 2 пехотные дивизии, до 5 арtpолков, 40 танков.

Какова была общая цель этих операций и была ли надобность в их проведении? Цель и необходимость наступления в полосе Западного фронта определялись в первую очередь тем, что в результате ряда успешных операций на северо-западе и на Украине, фронты, действовавшие на этих направлениях, значительно продвинулись вперед. А Западный фронт после Смоленской операции, по существу, продолжал на смоленско-минском направлении топтаться на месте. В результате возникла ситуация, крайне невыгодная для советских войск, так как линия фронта представляла собой выступ, углубившийся в сторону Москвы почти на 150 км, где противник сосредоточил довольно крупную группировку. Его авиация получала возможность по кратчайшим направлениям воздействовать на важнейшие объекты и коммуникации не только Западного, но и Прибалтийского и Белорусского фронтов.

В интересах скорейшего и полного освобождения советской территории требовалось разгромить группу армий “Центр” на смоленско-минском направлении. Еще в ходе Смоленской операции Ставка ВГК 20 сентября 1943 г. поставила Западному фронту задачу: к моменту овладения Смоленском левым крылом фронта занять

Сокращения: Б.-Бобруйск, Бер.-Березнеговатов; Д.-Даугавпилс; Из.-Измаил; К.-Каунас; КЛП-Камени-Половский; Кор.-Коростень; К-Ш.-Корсуль-Швацковский; Кр.Р.-Кривой Рог; С.-Сумгай; Тер.-Тернополь; Тир.-Тирасполь; У.-Умань; Уж.-Ужгород

- Цифрами на карте обозначены:
- 1 Эстонская ССР
  - 2 Латвийская ССР
  - 3 Литовская ССР
  - 4 Молдавская ССР
  - 5 Нидерланды
  - 6 Бельгия
  - 7 Албания
  - 8 Венгрия

Общий ход военных действий в 1944 г.

Починск, Рославль и выйти на рубеж р. Сож, Хиславичи, Шумяги; в дальнейшем главной группировкой наступать в оршанском направлении и 10–12 октября взять район Орша, Могилев. Общая глубина предстоящей операции должна была составить 160–210 км. Но уже в последних числах сентября Ставка потребовала: после занятия района Орша, Могилев продолжать наступление в направлении Борисов, Молодечно и выйти на фронт Докшицы–Долгиново–Радошковичи; в дальнейшем освободить Вильнюс. Одновременно Калининскому фронту предписывалось взять Ригу, а Центральному фронту – Минск².

После неудачных попыток наступать в ноябре и декабре 1943 г. Ставка 18 января 1944 г. поставила Западному фронту более ограниченную задачу: во взаимодействии с Прибалтийским фронтом овладеть Витебском (для этого требовалось продвинуться на глубину около 50 км)³. Однако эта задача не была выполнена, и многократные попытки войск Западного фронта продолжать наступление и развить успех Смоленской операции не увенчались успехом.

Нельзя сказать, что все операции были совершенно бесплодными и не дали никаких результатов. Они изматывали противника (он тоже нес немалые потери), не давали ему возможности прочно закрепиться на новых оборонительных рубежах. А главное – вследствие постоянных активных действий войск Западного фронта германское командование так и не смогло перебросить с центрального участка восточного фронта дополнительные силы на другие направления, где решались основные стратегические задачи.

Иногда в исторической литературе и наступление Западного фронта в августе–сентябре 1942 г. на ржевско-вяземском направлении тоже считается неудавшимся или по крайней мере незавершенным. Формально войска, конечно, не выходили на назначенные рубежи, но в августе 1942 г. Ставка, планируя наступление в полосе Западного фронта, других целей, кроме сковывания противника и воспрепятствования переброски им дополнительных сил на южное направление, и не определяла. И эта цель была достигнута. Что касается задач, связанных с выходом на определенные рубежи, то без них невозможно планировать и организовывать наступательные операции. И, если быть объективными, они ставились в подобных операциях “на всякий случай”, как общая цель, к которой надо стремиться.

Если это в основном было правильно для наступательных операций лета 1942 г., то несколько иной была ситуация, когда Ставка определяла задачи Западному фронту в осенне-зимней кампании 1943–1944 гг. Этому фронту после значительного продвижения соседних фронтов никак нельзя было оставаться на занимаемых рубежах. Стратегическая обстановка требовала разгрома противостоящих сил группы армий “Центр” и выхода хотя бы на рубеж Витебск, Орша. Но и эти задачи не были выполнены.

Для выяснения причин неудач Ставка ВГК в апреле 1944 г. послала в войска Западного фронта специальную комиссию в составе члена ГКО Г.М. Маленкова (председатель), генерал-полковников А.С. Щербакова и С.М. Штеменко, генерал-лейтенантов Ф.Ф. Кузнецова и А.И. Шимонаева с привлечением нескольких групп офицеров по родам войск и службам.

Выводы по этим операциям были сделаны в Ставке ВГК еще до выезда комиссии, и последняя направилась в войска фронта уже с готовыми установками Сталина. Работа комиссии была в основном сориентирована на поиск виновных, а не на то, чтобы разобраться в существе дела. Поэтому о полной объективности в анализе обстановки и выявлении причин провалов наступательных операций не могло быть и речи. В частности, комиссия и не пыталась выяснить, насколько реальными были задачи, поставленные Ставкой ВГК Западному фронту, в какой мере они были материально обеспечены всем необходимым.

Что касается изучения положения дел в войсках, то в составе комиссии, по существу, не было достаточно подготовленных и опытных должностных лиц, способных глубоко разобраться в вопросах организации и ведения боевых действий. В ча-

стности, это относится к Г.М. Маленкову и начальнику Главного политического управления А.С. Щербакову. Генерал С.М. Штеменко был весьма способным генштабистом, но никогда лично не занимался организацией каких-либо боевых действий, операций и имел по этим вопросам лишь теоретические знания. Не выше была опытность и некоторые других офицеров.

С докладом комиссии по Западному фронту* автору этого очерка удалось ознакомиться через много лет после окончания войны во время службы в Генеральном штабе. В нем было отмечено много серьезных просчетов, допущенных командующими фронтом, армиями (особенно 33-й армии) и их штабами в организации разведки и действий войск по прорыву обороны, в способах построения боевых порядков при наступлении, при использовании танков, артиллерии и пр. Но, читая доклад комиссии, пришлось вспомнить, как перед началом Белорусской операции в июне 1944 г. на командном пункте 45-го стрелкового корпуса командующий 5-й армией генерал-лейтенант Н.И. Крылов, анализируя готовность проверенных им соединений к наступлению, перечислил в основном те же недостатки, что указывались в докладе комиссии по итогам проверки Западного фронта. Однако Белорусская операция, в том числе в полосе 5-й армии, имела полный успех. И не только потому, что большинство недостатков было устранено до начала наступления.

Чем же объяснить, что Западный фронт, не имевший, по существу, никакого продвижения в течение всей зимы, став 3-м Белорусским фронтом под командованием генерала И.Д. Черняховского, уже через два месяца (в июне 1944 г.) провел блестящую наступательную операцию с продвижением на глубину до 500–600 км? Тем более, что приказом Ставки ВГК от 12 апреля 1944 г. были отстранены от должности только командующий фронтом генерал армии В.Д. Соколовский, командующий артиллерией генерал-полковник И.П. Камера, начальник разведотдела штаба фронта полковник Ильницкий. Все остальные должностные лица, в том числе начальник штаба фронта генерал-полковник А.П. Покровский, большинство командиров соединений и частей остались на своих местах. Генерал В.Н. Гордов был назначен командующим 3-й гвардейской армией 1-го Украинского фронта. Генерал-лейтенанту Н.А. Булганину был объявлен выговор “за то, что он, будучи длительное время членом Военного совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте”⁴. Кстати, такие же претензии были предъявлены и Л.З. Мехлису, когда его снимали с должности члена Военного совета Крымского фронта. Примечательно, что членам военных советов ставились в вину не упущения в воспитании личного состава, не низкое состояние наступательного духа войск, не провалы операций и даже не большие потери, а несвоевременные “доносы”, что, оказывается, считалось их главной функцией.

Поэтому при всей безусловной формальной правильности большинства замечаний, отмеченных в докладе комиссии Маленкова, приходится задуматься: только ли в них коренились главные причины неудач наступательных операций Западного фронта? С учетом всех этих обстоятельств и ряда новых данных, ставших известными после войны, попытаемся рассмотреть, в чем же в действительности состояли подлинные причины упомянутых выше неудач Западного фронта, а также вытекающие из них выводы и уроки, имеющие принципиальное значение для военного искусства.

Первая и главная из причин связана с деятельностью Ставки ВГК и Генерального штаба. Через полвека становится все более очевидным, что она коренилась в непродуманности действий и порою еще проявлявшихся порочных методах управления войсками со стороны Ставки ВГК, Генерального штаба, особенно Главного разведывательного управления, командующих родами войск, в первую очередь командующих артиллерией и ВВС. Ставка и Генштаб неверно оценивали противника на центральном направлении. Он, полагали они, настолько ослабел,

* Доклад полностью публикуется в приложении.

в ходе летних боевых действий, что не сможет сдержать наступление советских войск, группа армий “Центр” не имеет резервов, а это “делает ее оборону весьма неустойчивой”⁵.

Ставка, как и командование Западного фронта, не учитывала также, что если на Украине и на других направлениях немецкие войска после Курской битвы только еще переходили к стратегической обороне, создавая так называемый Восточный вал, то на центральном участке советско-германского фронта они оборонялись уже более двух лет, создав прочную глубокоэшелонированную оборону на местности, весьма выгодной для нее. Это требовало особо тщательной подготовки операции Западного фронта, ее материального обеспечения.

По опыту войны было уже ясно, что для разгрома крупных группировок противника требуются не изолированные фронтовые операции, а согласованные действия групп фронтов. Надо отдать должное германским военачальникам. Они, как правило, своевременно реагировали на изменение обстановки, смело, оперативно маневрировали войсками и при проведении советскими войсками отдельных фронтовых и армейских операций на изолированных направлениях быстро сосредоточивали на них достаточно сил для локализации прорывов и отражения наступления.

И осенью и зимой 1943–1944 гг. Ставка, Генштаб имели возможность вместо изолированных наступательных операций Прибалтийского, Западного и Белорусского фронтов подготовить и провести согласованную операцию этих фронтов на Западном стратегическом направлении. При тех же силах такая операция могла дать более ощутимые результаты. Так, успех проведенной летом 1944 г. Белорусской операции был предопределен не только привлечением более крупных сил, но и в значительной мере продуманной организацией единой стратегической наступательной операции и согласованными действиями нескольких фронтов, массированным применением авиации.

При определении целей частных фронтовых операций Ставка планировала совершенно нереальные задачи. Например, после проведения очень тяжелой Смоленской операции войска Западного фронта понесли большие потери, были основательно измотаны, и, несмотря на это, Ставка требовала продолжения наступления. Как уже говорилось, за неполных 6 месяцев осенне-зимней кампании 1943–1944 гг. Западным фронтом было проведено 11 наступательных операций. Таким образом, на каждую из них в среднем отводилось 15 дней, тогда как по опыту известно, что для подготовки только одной крупной наступательной операции требовалось не менее 30–40 дней.

После каждой неудачной операции под давлением Ставки наспех проводилось новое, обреченное на такой же неутешительный результат наступление. Если бы вместо 11 были предприняты 2–3 хорошо организованные наступательные операции, исход мог быть более положительным. Но Ставка полагала, что и ослабленные войска могут продолжать наступление, если проявят настойчивость. Их укомплектованность личным составом и вооружением была низкой. Потери восполнялись не более чем на 30–50%. Например, численность стрелковых дивизий в октябре 1943 г. составляла 2,5–3 тыс. человек⁶, укомплектованность танковых бригад – 30–35%⁷. Фронт имел всего один танковый корпус. После Смоленской операции количество боевых самолетов в 1-й воздушной армии сократилось в два раза.

Понятно, что Ставка направляла основные силы на решение стратегических задач на главных направлениях, а фронты, выполнявшие второстепенные задачи, были вынуждены держать на “голодном пайке”. Но тогда и задачи, которые ставились последними, должны были соизмеряться с их возможностями и в целом с оперативно-стратегическими условиями обстановки.

В докладе комиссии Маленкова отмечалось, что за год (с марта 1943 по март 1944 г.) Западный фронт израсходовал больше боеприпасов, чем другие фронты, успешно действовавшие на других направлениях (Западный фронт – 17 661 вагон боеприпасов, Белорусский – 12 335, 1-й Украинский – 10 545, 4-й Украинский

фронт – 8 463 вагона)⁸. Но при этом не учитывается, что проведение значительного количества наспех подготовленных наступательных операций обычно всегда приводит к тому, что расходуется нерационально много сил и средств, в том числе и боеприпасов.

Кроме того, Ставка ВГК и Генштаб ограничивали свою роль постановкой задач Западному фронту, периодически давая “подстегивающие” директивы, не оказывая необходимой помощи. Уже после провала первых операций можно было сделать вывод о бесперспективности их продолжения и искать другие приемлемые решения. Но этого не было сделано. Имело значение и то обстоятельство, что войска Западного фронта после Московской битвы более двух лет находились, по существу, в стороне от главных событий войны и решали в основном оборонительные задачи, иногда предпринимая частные наступательные операции. В отличие от войск южного направления они не имели опыта результативно проведенных крупных стратегических наступательных операций. Постоянные неудачи, постигавшие войска Западного фронта в наступательных действиях, порождали неуверенность в возможности успешно наступать в Белоруссии. Это обстоятельство также не было учтено ни Ставкой, ни командованием фронта.

Вторая важнейшая причина и вытекающие из нее уроки связаны с деятельностью командования и штаба Западного фронта. Большая ответственность за провалы наступательных операций и тяжелые потери войск ложатся на командующего войсками фронта генерала армии В.Д. Соколовского, штаб фронта (начальник штаба генерал-лейтенант А.П. Покровский), командующего артиллерией генерал-полковника И.П. Камера, командующего бронетанковыми и механизированными войсками генерал-лейтенанта А.Г. Родина и других военачальников. При всех неблагоприятных условиях командование Западного фронта имело возможность действовать успешнее. Это подтверждается опытом Гомельско-Речицкой наступательной операции Белорусского фронта в ноябре 1943 г., которая проводилась примерно в то же время, что и некоторые из наступательных операций Западного фронта. Операции этих двух фронтов проходили в весьма схожих условиях оперативной обстановки, местности и примерно при одинаковом соотношении сил с противником. Но если войска Западного фронта не имели продвижения и поставленных Ставкой задач не выполняли, то войска Белорусского фронта, несмотря на все трудности, взломали оборону противника на фронте 100 км, продвинулись на глубину до 130 км, овладели городами Гомель и Речица, освободили десятки других населенных пунктов на юго-востоке Белоруссии. Следовательно, многое зависело от качества подготовки войск, организации их действий и искусства управления ими в ходе операции.

В.Д. Соколовский и А.П. Покровский были приверженцами старой военной школы, выработанной еще в первую мировую войну, когда главным считалось принятие решения и определение диспозиций подчиненным объединениям и соединениям. Управление войсками в ходе операции осуществлялось сугубо директивными методами, когда командующие и штабные работники находились на значительном удалении от действовавших войск, весьма редко общаясь с подчиненными. Штабисты этой школы исходили из того, что главная их функция – исполнение воли и задач, поставленных командующим, и они не смели претендовать на какую-либо относительную самостоятельность. Такой подход превращал деятельность командующих и штабов в самоцель и тормозил процесс управления войсками.

В отличие от Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.Д. Черняховского таких военачальников, как В.Д. Соколовский, больше всего подводило отсутствие гражданского мужества, особенно когда надо было отстаивать свои решения и предложения перед Сталиным. Если бы Г.К. Жуков в 1939 г. в районе Халхин-Гола не пошел на крайне рискованный шаг, потребовав отстранения от вмешательства в дела управления его войсками Г.И. Кулика и Г.М. Штерна, если бы он спасовал и

пошел у них на поводу, то, возможно, и сражение на Халхин-Голе было бы проиграно.

В.Д. Соколовский не мог не понимать, что сразу после Смоленской операции невозможно предпринимать новое большое наступление, что нужно время для его тщательной подготовки. Он вносил некоторые обоснованные предложения, но отстоять их у него не хватило твердости характера. К сожалению, далеко не всем командующим удавалось в подобных случаях проявить необходимую настойчивость. Например, командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков доносил Сталину: “Несмотря на то что сосредоточение не закончено, 2-я ударная армия перейдет 7 января (1942 г. – *Ред.*) в наступление”. Такая податливость стоила нам очень многих жертв.

Командующий и штаб Западного фронта крайне поверхностно и формально занимались вопросами боевых действий. Как ни странно, но не планировалась даже цельная фронтовая операция и проводились, по существу, изолированные армейские операции. Все силы и средства отдавались армиям. Не только армии, но и корпуса, дивизии и полки на направлениях наступления имели глубокоэшелонированное построение боевых порядков. Командующий войсками фронта, не имея ни резервов, ни вторых эшелонов, лишал себя всякой возможности наращивать усилия и влиять на ход событий. В решении важнейших оперативно-тактических вопросов давали о себе знать шаблон и схематизм, отсутствие гибкости и военной хитрости. Удары по противнику наносились, как правило, на одних и тех же направлениях. Не обеспечивалась внезапность действий, не было даже серьезных попыток осуществить дезинформацию противника. Артиллерийская и авиационная подготовка проводилась по одной и той же известной ему схеме.

Командующие, штабы мало и крайне беспредметно занимались главным, что определяет успех операции, а именно, практической работой непосредственно в соединениях и частях по организации выполнения поставленных задач. Если к Соколовскому по многу дней не могли попасть на прием командующие родами войск, то И.Д. Черняховский постоянно работал вместе с начальником разведки, командующим артиллерией и начальниками других родов войск. Именно формально бюрократическим стилем работы объясняются многие отмеченные в докладе комиссии Г.М. Маленкова недостатки: слабая организация разведки, недостаточное массирование сил и средств на направлениях ударов (например, артиллерии всего 20–25%), скученность построения боевых порядков, приводившая к неоправданно большим потерям, использование вторых эшелонов и подвижных групп и другие упущения, которые перечисляются на 31 странице доклада.

Третья причина неудач наступательных операций обусловлена крупными недостатками в действиях командиров и штабов оперативно-тактического звена. После войны чаще всего критикуют вышестоящие органы управления. Но, видимо, ни один командир или офицер штаба не может сказать, что с его стороны все было сделано безупречно.

Больше всего серьезных огрехов было допущено в 33-й армии, обстановка здесь была особенно тягостной и нервной. Ее командующий генерал В.Н. Гордов очень часто (без особой надобности) менял задачи, поставленные соединениям, непрерывно дергал подчиненных командиров, был невероятно груб и жесток по отношению к ним, прибегал даже к расстрелам офицеров без суда и следствия. Он неоднократно требовал направить весь офицерский состав штабов соединений в атакующие цепи передовых подразделений, иногда по несколько раз в день вызывал командиров соединений к себе на наблюдательный пункт, хотя добираться туда и обратно под сильным обстрелом противника означало, как тогда говорили, “наркомзем или наркомздрав”.

За полгода в 33-й армии было убито и ранено 4 командира дивизии, 8 заместителей командиров дивизий и начальников штабов дивизий, 33 командира полка и их заместителей, 174 командира батальона. Общие потери личного состава равняют-

ся 50% всех потерь войск Западного фронта. В связи с этим трудно понять, по каким соображениям Г.К. Жуков взял в возглавляемый им 1-й Украинский фронт В.Н. Гордова командующим 3-й гвардейской армией и В.Д. Соколовского начальником штаба фронта.

В дивизиях, полках и батальонах, в том числе в артиллерии, слабо были отработаны разведка и выявление точного положения огневых средств противника, поэтому они не поражались достаточно точно во время артподготовки и оживали с началом атаки нашей пехоты и танков. Особенно низкой была эффективность борьбы с артиллерией противника. Об этом свидетельствует и тот факт, что 70–80% потерь были связаны с осколочными поражениями и ранениями⁹.

В армиях и дивизиях слишком много сил и средств держалось в обороне, в том числе на пассивных участках фронта, хотя обстановка позволяла иметь в первом эшелоне минимально необходимые войска, а основные силы выводить в ближайший тыл для проведения с ними учений и тренировок по наступательному бою. Ограниченные сроки не оставляли времени для серьезной боевой подготовки, даже с прибывающими пополнениями. (Помнится, в январе–марте 1944 г. наша бригада несколько раз получала пополнение из запасных полков по 100–200 человек, которые направлялись прямо на поле боя, и часто командиры подразделений не знали своих солдат, а последние своих командиров.) В докладе комиссии Маленкова отмечался факт, когда в одной из операций 5-й армии 184-я мотострелковая дивизия в ночь на 21 февраля сдала свой участок обороны 158-й стрелковой дивизии и к утру 22 февраля вышла в исходное положение для наступления. С 8.00 этого дня после 10-минутной артиллерийской подготовки она перешла в атаку и, конечно, успеха не имела¹⁰.

В таких условиях трудно было надеяться на умелые действия командиров, штабов и всего личного состава подразделений и частей. Под впечатлением предыдущих неудач атаки начинались неуверенно и неорганизованно, танки отрывались от пехоты и вели иногда бой самостоятельно. Ввиду того что передовые подразделения не продвигались, расстраивалась вся спланированная система артиллерийской и авиационной поддержки атаки. Все это приводило к большим потерям войск. Чтобы сократить их и успешнее преодолеть сопротивление противника, личный состав 36-й отдельной стрелковой бригады в ноябре 1943 г. был оснащен металлическими панцирями, закрывающими переднюю часть тела атакующего пехотинца. В начале декабря 1943 г. бригаду вводили в бой ночью на глубоком снежном поле с целью перерезать шоссе Витебск–Орша. Пройдя несколько километров в тяжелых панцирях и выйдя на эту дорогу, пехота обессилела и не могла двигаться дальше. Правда, ее потери были несколько меньшими, чем в предыдущих атаках, но через несколько дней панцирей ни у кого уже не осталось. Было много и других недостатков в подготовке и ведении боевых действий, предопределивших неудачи наступательных операций Западного фронта.

Итак, как же случилось, что те же в основном командиры и войска совсем по-другому действовали в Белорусской операции летом 1944 г. Конечно, свою роль сыграли существенное усиление 3-го Белорусского (бывшего Западного) и других фронтов танковыми, артиллерийскими, авиационными соединениями, лучшая их укомплектованность и обеспеченность боеприпасами. Но главное состояло в том, что замысел и размах операции “Багратион”, целеустремленная и конкретная творческая и организаторская работа таких командующих, как генерал Черняховский, вызывали общий подъем и уверенность, которые очень часто нейтрализуют, или делают не столь существенными недостатки в действиях командиров и войск тактического звена, создают благоприятные условия для выполнения поставленных задач.

Таким образом, в одном случае, как это было на Западном и Крымском фронтах или в 33-й армии, высшее командование, не приложив всех необходимых, зависящих именно от него, усилий, всецело перекладывает всю тяжесть боевых дейст-

вий на подчиненные войска, надеясь своим жестким давлением выжать из них все возможное и невозможное и заставить любой ценой выполнить задачу, обвиняя их в неудачах. В другом случае, как это было на 1-м и 3-м Белорусском фронтах и в Белорусской операции, высшее командование тщательно продумывает организацию и ход предстоящих действий, чтобы создать подчиненным войскам наиболее благоприятные условия для выполнения боевых задач. Такие начальники никогда не свалят вину на подчиненных, а возьмут всю ответственность на себя. В последующих операциях 1944–1945 гг. второй подход был превалирующим, и именно он привел нас к победе.

¹ Архив ЦК КПСС. Д. 2. Л. 87–116.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 34. Л. 219, 243. (Далее: ЦАМО).

³ Там же. Л. 13–14.

⁴ Архив ЦК КПСС. Д. 2. Л. 83–85.

⁵ Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1961. С. 565–566.

⁶ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2714. Л. 1–10.

⁷ Там же. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 1169. Л. 327.

⁸ Архив Генерального штаба. Ф. 96. Оп. 2011. Д. 35. Л. 4(5).

⁹ *Фесенко В.И.* Причины неудач наступательных операций Западного фронта в Белоруссии осенью 1943–зимой 1944 г.: Выводы и уроки: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 22.

¹⁰ Архив ЦК КПСС. Д. 2. Л. 14(15).

СРАЖЕНИЕ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ И НОВГОРОДОМ

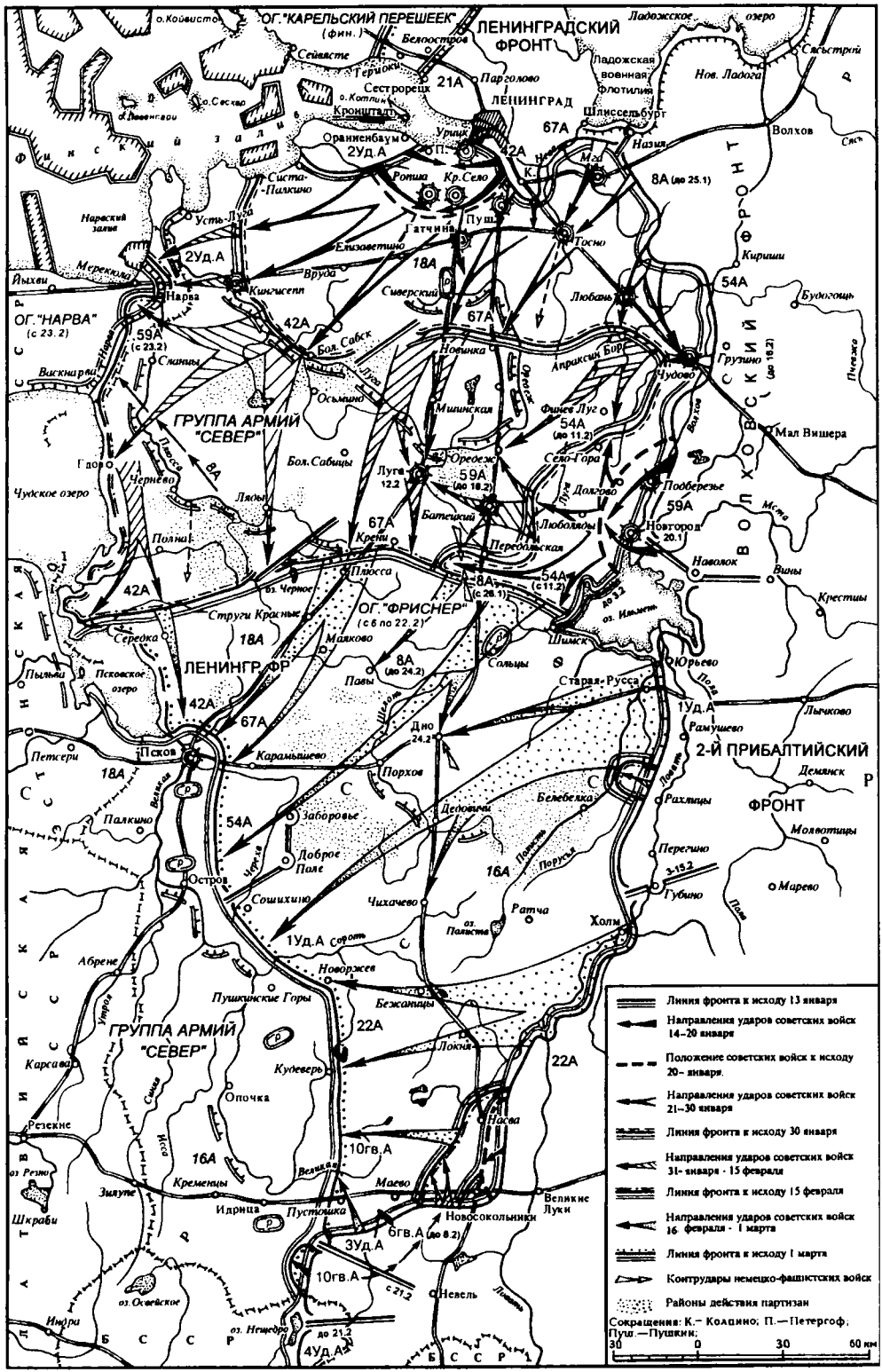
ПОДГОТОВКА К НАСТУПЛЕНИЮ

К началу 1944 г. на Северо-Западном стратегическом направлении советским войскам противостояли группа армий “Север” и финская оперативная группа “Карельский перешеек”. Их поддерживали 1-й воздушный флот, морская оперативная группа “Восток”, финская авиация и флот.

Хотя после прорыва блокады положение Ленинграда несравнимо улучшилось, непосредственную угрозу городу устранить не удалось. “Было решено полностью освободить Ленинград от блокады и отбросить врага за пределы Ленинградской области, – вспоминал маршал Г.К. Жуков. – На Северо-Западном направлении войска должны были выйти к границам прибалтийских республик”¹. Именно эти задачи и легли в основу плана Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции. Ее замысел был выработан Ставкой еще в конце ноября 1943 г. В обсуждении этого вопроса на совещании в Москве приняли участие командующие Ленинградским, Волховским и 2-м Прибалтийским фронтами. Было решено одновременными ударами войск Ленинградского (2-я ударная и 67-я общевойсковая армии, 13-я воздушная армия) и Волховского (8, 54, 59, со 2 февраля 1 ударная, и 14-я воздушная армии) фронтов разгромить самую мощную армию из состава группы армий “Север” – 18-ю, а войсками 2-го Прибалтийского фронта (1 ударная до 2 февраля, 22, 6 гвардейская, 3 ударная 10-я гвардейская и 15-я воздушная армии) сковать основные силы 16-й армии. В последующем войскам всех трех фронтов предстояло, разгромив 16-ю армию, очистить от противника Ленинградскую область, что, по мнению участников совещания, создало бы условия для освобождения Прибалтики. К операции намечалось привлечь также силы Балтийского флота, четыре корпуса авиации дальнего действия, Ленинградскую армию ПВО и партизанские соединения.

А какие намерения были у германского командования? Оно считало очень важным для себя обеспечить устойчивость левого крыла всего Восточного фронта, поэтому приказало войскам группы армий “Север” оборонять занимаемые позиции, иначе говоря, продолжать блокаду Ленинграда и оккупацию Ленинградской области, в то же время любой ценой удерживать Прибалтику и порты на восточном побережье Балтийского моря. Командующий группой армий “Север” генерал Г. Кюхлер, хорошо зная обстановку, не исключал возможность вынужденного отхода от Ленинграда. Поэтому он обратился с просьбой в Берлин разрешить отвести ему 18-ю армию на позиции между Нарвой и Чудским озером, но там не вняли его доводам². Более того, во второй половине 1943 г. из группы армий “Север” были переданы в группы армий “Юг” и “Центр” семь пехотных и моторизованная дивизии для их усиления. Взамен Кюхлер получил три пехотные дивизии из группы армий “Центр”, причем весьма ослабленные³.

Готовясь к отражению вполне вероятного наступления советских войск, противник рассчитывал на долговременную оборону – так называемый Северный вал. Его основу составляли опорные пункты и узлы сопротивления, насыщенные большим количеством артиллерийских и пулеметных точек, в основном железобетонных, броневых и деревоземляных. Они имели довольно развитую систему позиций,

Ленинградско-Новгородская наступательная операция. 14 января – 1 марта 1944 г.

прикрытых многослойным огнем, минно-взрывными и проволочными заграждениями. Вдобавок ко всему широко применялись лесные завалы. Общая глубина обороны достигала здесь 230–260 км. Надо признать, что лесисто-болотистая местность облегчала немецкому командованию организацию обороны, а лесные массивы, сеть железных и шоссейных дорог позволяли скрытно сосредоточивать на наиболее опасных направлениях силы и средства, осуществлять быстрый маневр резервами по фронту и в глубину. Но на случай нежелательного поворота событий командующий группой армий “Север” предусматривал последовательный отвод войск на промежуточные и тыловые оборонительные рубежи, хотя одна только 18-я армия под командованием генерала Г. Линдемана включала пять армейских корпусов и танковый корпус СС.

Войска Ленинградского фронта под командованием генерала Л.А. Говорова к началу 1944 г. занимали полосу обороны протяженностью 256 км. На ораниенбаумском плацдарме оборону держала 2-я ударная армия (43, 122 и 108-й стрелковые корпуса) генерала И.И. Федюнинского. Совсем не просто было перебросить сюда ее соединения из районов восточнее и северо-восточнее Ленинграда. Тем не менее эту задачу блестяще выполнил Балтийский флот. По приказу его командующего адмирала В.Ф. Трибуца сетевые заградители, озерные и речные баржи под покровом ночи переправили на ораниенбаумский плацдарм 5 стрелковых дивизий со средствами усиления, 13 артиллерийских частей и соединений, танковую бригаду, 2 танковых и самоходно-артиллерийский полки, а всего около 53,8 тыс. человек, 211 танков, 677 орудий, 2400 автомобилей и спецмашин, почти 30 тыс. т различных грузов⁴.

Перед войсками этого фронта ближайшая задача состояла в том, чтобы “одно-временным ударом с двух направлений – из района Ораниенбаума и из района Пулковских высот – прорвать оборону немцев под Ленинградом. В последующем войска фронта должны были ликвидировать блокаду Ленинграда и, развивая наступление в западном и юго-западном направлениях, отбросить противника на рубеж р. Луга”⁵.

Советские войска занимали хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону, а благодаря тому, что севернее р. Луга оборонительные позиции глубоко охватывали фланги вражеской группировки, имелись, казалось бы, все возможности для ее окружения и разгрома. К тому же и советская авиация прочно удерживала господство в воздухе, вследствие чего авиации противника пришлось резко сократить количество вылетов.

Данные, приведенные в таблице 2, наглядно показывают, что общее превосходство было на стороне советских войск.

Таблица 2. Соотношение сил и средств противоборствующих сторон на Северо-Западном стратегическом направлении к 14 января 1944 г.⁶

Силы и средства	Ленинградский (без 23-й армии), Волховский и 2-й Прибалтийский фронты	Группа армий “Север”, 1-й воздушный флот	Соотношение сил и средств
Личный состав, тыс. человек	1252	741	1,7:1
Орудия и минометы, шт.	20183	10070	2,0:1
Танки и САУ (штурмовые орудия), шт.	1580	385	4,1:1
Самолеты боевые, шт.	1386	370	3,7:1

Задачи, поставленные Ставкой ВГК, легли в основу планов Красносельско-Ропшинской и Новгородско-Лужской наступательных операций. При проведении первой операции командование Ленинградского фронта наметало нанести два встречных удара по 18-й немецкой армии: с ораниенбаумского плацдарма – силами 2-й ударной армии, а из района южнее Ленинграда – силами 42-й армии. “Выбор формы прорыва в виде двух концентрических ударов, наносившихся на относительно узких участках со стороны Пулковских высот и с ораниенбаумского плацдарма, – объяснял впоследствии такое решение Л.А. Говоров, – был обусловлен стремлением получить после соединения обеих ударных группировок настолько широкий прорыв, который уже на начальном этапе операции привел бы к полному крушению фронта обороны и создал бы благоприятные условия для развития удара в глубину и упреждения противника на подготовленном тыловом рубеже по р. Луга”⁷. Авиации 13-й воздушной армии и силам Балтийского флота надлежало всячески содействовать войскам Ленинградского фронта в прорыве вражеской обороны. На партизанские отряды возлагалась задача активных действий в тылу врага.

Замысел командования Волховского фронта на проведение Новгородско-Лужской операции предусматривал ударом главных сил в направлении Луги расколоть северную группу войск противника как раз на стыке его 18-й и 16-й армий⁸. В дальнейшем этому фронту во взаимодействии с соседями предстояло окружить и уничтожить основные силы 18-й армии западнее р. Волхов. Войска 59-й армии должны были нанести два удара: главный – севернее Новгорода, а вспомогательный – из района Новгорода через оз. Ильмень. Предполагалось, что та же армия освободит Лугу и отрезет войскам 18-й армии пути отхода в сторону Пскова.

Новгородско-Лужскую операцию командующий Волховским фронтом планировал провести в три этапа⁹. Первый (продолжительностью пять-шесть дней) включал прорыв, окружение и уничтожение новгородской группировки противника. На втором этапе предусматривалось создать условия для окружения и уничтожения врага за восемь-десять дней в лужском районе. В ходе третьего этапа (продолжительностью десять дней) намечалось освободить г. Луга. В отчете, представленном в Генеральный штаб, командование Волховского фронта отмечало: “План заключался в том, чтобы глубоким обходным маневром с севера и юга зажать в клещи немецкие войска, оборонявшиеся под Новгородом, уничтожить их и захватить город”¹⁰.

Войска 2-го Прибалтийского фронта имели задачу перерезать железные дороги, ведущие на юг и север, сковать главные силы 16-й армии с целью помешать переброске ее соединений под Ленинград и Новгород, а в последующем развить наступление в направлениях Опочки и Себежа. При подготовке к наступлению командование всех фронтов самое пристальное внимание уделило налаживанию взаимодействия войск с авиацией и силами флота. Артиллерии предстояло решать задачи по предварительному разрушению оборонительных сооружений противника, подготовке и поддержке атаки наступающих войск, а затем сопровождению их в глубине обороны врага. Чтобы защитить свои войска от ударов с воздуха, было решено использовать истребительную авиацию всех трех фронтов. Задача по прикрытию Ленинграда возлагалась на Ленинградскую армию противовоздушной обороны.

Для решения задач по инженерному обеспечению наступления имевшихся инженерных частей было явно недостаточно, а ведь советским войскам предстояло прорвать мощную оборону противника. Поэтому специальную инженерную подготовку на Ленинградском фронте прошли почти 30 тыс. пехотинцев и около 1400 артиллеристов, а в 59-й армии Волховского фронта – 8453 человека¹¹.

В связи с тем, что первую траншею советских войск отделяли от противника 300–500 м, было решено отрыть специальные выносные траншеи, что позволило

бы сократить этот смертоносный отрезок на Ленинградском фронте до 200–300 м, а на Волховском – до 100–200 м. До наступления была разминирована часть минных полей, на переднем крае обороны противника уничтожены проволочные заграждения. Для обеспечения переправы через реки Волхов и Малый Волховец, а потом и через оз. Ильмень инженерные войска Волховского фронта навели шесть мостовых и две паромные переправы.

1240 самолетов должны были поддерживать наступление Ленинградского и Волховского фронтов*. В задачу 13-й воздушной армии входило нанесение ударов по резервам противника и его коммуникациям, уничтожение самолетов на аэродромах, совместно с артиллерией подавление артиллерийских и минометных батарей врага, прикрытие своих войск, ведение воздушной разведки. На авиацию дальнего действия возлагалось нанесение массированных ударов по опорным пунктам, артиллерии, оперативным резервам и авиации противника, причем еще до начала операции. К непосредственной авиационной подготовке планировалось приступить за час-полтора до перехода пехоты и танков в атаку. Командные пункты командиров полков были подготовлены в исходных районах полков: командиров стрелковых дивизий – в 1,3–3 км, а корпусов – в 3–5 км от переднего края своих войск¹². Рядом располагались командные пункты взаимодействующих авиационных дивизий, а также артиллерийских частей и соединений. Связь во фронтах и армиях планировалась проводная, радио- и подвижными средствами.

Действия войск командование фронтов и армий согласовывало по задачам, рубежам и времени. Акции партизан координировали оперативные группы Ленинградского штаба партизанского движения, которые находились при военных советах фронтов. Командование фронтов провело ряд мероприятий с целью ввести врага в заблуждение относительно направлений главных ударов и достижения внезапности операции. Так, инженерные работы проводились только ночью, военную технику окрасили в белый цвет, на правых флангах 2-й ударной и 59-й армий усиленно демонстрировалось сосредоточение пехоты, танков и артиллерии. Тем не менее противнику удалось вскрыть подготовку советских войск к наступлению.

За полтора-два месяца до начала операции активизировалась оперативная и боевая подготовка войск. Проводились тактические занятия и учения, командно-штабные и военные игры на темы, связанные с решением предстоящих задач. Особое внимание уделялось отработке вопросов организации и ведения армейской наступательной операции и наступательного боя с прорывом сильно укрепленной обороны. К 11 января армии Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов были готовы к переходу в наступление.

ПОРАЖЕНИЕ ГРУППЫ АРМИЙ “СЕВЕР”

Утром 12 января первыми начали наступление войска 2-го Прибалтийского фронта. Соединения 10-й гвардейской армии под командованием генерала А.В. Сухомлина сумели продвинуться всего на 2–3 км. Вспоминая об этом, командующий 2-м Прибалтийским фронтом генерал М.М. Попов писал: “Операция, рассчитанная на внезапность прорыва обороны слабого противника и на быстроту продвижения на северо-западном направлении на Идрицу, получила только тактический успех по вине слабого управления армией со стороны генерал-лейтенанта Сухомлина и его начальника штаба генерал-майора Смирнова. В результате 10-я гвардейская армия продолжала наступление все медленнее и медленнее, понесла большие потери в людях (до 9000 человек), израсходовала боеприпасы и, наконец, остановилась”¹³.

В своем донесении Сталину от 23 января Попов отмечал, что на направлении Идрица – Опочка противник сосредоточил значительные силы. Поэтому он выска-

* Без учета сил авиации Балтийского флота, осуществлявшей прикрытие собственных баз и кораблей.

зал мнение отказаться от запланированного удара, а основные усилия сосредоточить на направлении Маево–Новоржев, чтобы как можно быстрее соединиться с войсками Волховского фронта¹⁴. Его предложения были приняты, а генерала А.В. Сухомлина Ставка отозвала в свое распоряжение. Командующим 10-й гвардейской армией был назначен заместитель командующего 2-м Прибалтийским фронтом генерал М.И. Казаков.

Более успешно действовали войска соседних фронтов – Ленинградского и Волховского. Наступление войск 2-й ударной армии началось 14 января, на следующий день в наступление перешли соединения 42-й армии. Противник, опираясь на заблаговременно подготовленные позиции, оказывал упорное сопротивление. Для прорыва обороны командующим армиями пришлось ввести в сражение вторые эшелоны. Однако и командующий 18-й армией генерал Г. Линдемман вынужден был задействовать все свои резервы, но безуспешно: советские войска 16 января все-таки прорвали оборону врага.

Многие солдаты и офицеры Ленинградского фронта действовали самоотверженно. Особо отличился командир танковой роты 98-го отдельного танкового полка старший лейтенант А.В. Спирин, который первым на своем танке ворвался в поселок Дятлицы, уничтожил несколько огневых точек и немало солдат противника, но в том бою погиб и сам. 13 февраля А.В. Спирин был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза¹⁵. А когда 16 января разгорелся бой за поселок Ропша, старший сержант Н.А. Рытов, исполнявший обязанности командира артиллерийского взвода 65-го стрелкового полка 43-й стрелковой дивизии, возглавил расчет одного из орудий. Его меткие выстрелы заставили замолчать немецкий дот. Даже будучи ранен, Рытов остался в строю. Но вот противник перешел в контратаку и, потеснив подразделения полка, окружил отважного артиллериста. И тогда, собрав остатки сил, старший сержант последней гранатой взорвал себя и окруживших его врагов. За этот подвиг ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза¹⁶.

Успешно начатое наступление необходимо было продолжать. С этой целью командующий 2-й ударной армией генерал Федюнинский 17 января ввел в сражение свой танковый резерв, а командующий 42-й армией генерал И.И. Масленников – подвижную группу. Их войскам удалось сломить сопротивление противника на рубеже Ропша, Кипень, освободить Ропшу и Красное Село. В районе Русско-Высоцкой было завершено окружение остатков петергофско-стрельнинской группировки врага. Командующий группой армий “Север” приказал своим войскам отходить с мгинского выступа. Их преследовали соединения 67-й армии, которые 21 января заняли станцию Мга.

За потерю мгинского выступа, представлявшего большой интерес для стратегов из Берлина, генерал Кюхлер был незамедлительно вызван в столицу рейха. 22 января он уже докладывал Гитлеру об обстановке, особо подчеркнув, что ослабленные войска группы армий “Север” необходимо отвести на тыловой оборонительный рубеж. «Я против всяких отводов, – возразил тот, – где бы мы ни находились, у нас всегда могут возникнуть критические моменты. От возможного прорыва нет никакой гарантии, даже если мы будем находиться на позиции “Пантера”... Сражения должны вестись как можно дальше от немецкой границы»¹⁷. Кюхлер, как никто другой понимавший, чем такая установка фюрера грозит вверенным ему войскам, подал в отставку. Его сменил генерал В. Модель.

В свою очередь, генерал Говоров, оценив ситуацию, пришел к выводу, что захват очень важного для снабжения немецкой 18-й армии гатчинского железнодорожно-шоссейного узла поставит под угрозу промежуточный рубеж обороны противника, проходивший вдоль Октябрьской железной дороги¹⁸. Вот почему он решил развивать наступление на этом направлении силами 42-й армии с целью освобождения Гатчины, а войскам 2-й ударной армии поставил задачу овладеть станцией Елизаветино. Одновременно войскам левого фланга 67-й армии предстояло выйти на рубеж Ульяновка, Тосно. Что касается дальнейших действий, то в своем

докладе Сталину, датированном 22 января, генерал Говоров предлагал сосредоточить основные усилия на направлении Кингисепп–Нарва, а вспомогательный удар нанести на Сиверский. После освобождения Нарвы и Кингисеппа следовало, по его мнению, в случае успешного развития событий наступать на юг, в направлении Гдов–Псков¹⁹. Эти предложения были утверждены Ставкой Верховного Главнокомандования.

Командующий Ленинградским фронтом не без основания считал, что “войска армии медленно развивают прорыв и не выполняют поставленных задач в срок”²⁰. Основные причины этого он усматривал в том, что части и соединения наступают на слишком широком фронте, к тому же без четко выраженного направления главного удара, без должного маневра силами и средствами. Причина – плохое руководство со стороны командиров корпусов. Генерал Говоров потребовал от командующих армиями отказаться от линейной тактики и, наконец, перейти к тактике “маневра ударного и огневого кулака на важнейшем направлении, свернуть и уничтожить остальную оборону противника ударами во фланг и с тыла”²¹.

24 января войска генерала Масленникова одновременными ударами с фронта и тыла освободили Пушкин, а на второй день – Гатчину. Войска 42-й армии спустя три дня выбили противника из Волосово. 30 января ее соединения вместе со 2-й ударной армией вышли к р. Луга. Тогда же 67-я армия освободила железнодорожную станцию Сиверская.

Успешному завершению Красносельско-Ропшинской операции во многом способствовали действия войск Волховского фронта. 14 января, после почти двухчасовой артиллерийской подготовки основные силы 59-й армии, наносившие главный удар, прорвали оборону немецкого 38-го армейского корпуса и форсировали р. Волхов. Южная группа 59-й армии нанесла вспомогательный удар южнее Новгорода. Совершив 15-километровый марш по льду р. Мста и переправившись по неокрепшему льду через оз. Ильмень, она внезапно атаковала части 38-го армейского корпуса и в этот же день захватила плацдарм шириной около 5 км и глубиной почти 4 км.

Дальнейшие события на направлении главного удара Волховского фронта развивались не столь благоприятно. Утром 16 января противник усилил сопротивление, введя в бой танки и штурмовые орудия, а его авиация нанесла бомбовый удар по льду оз. Ильмень. Это затруднило переброску на его западный берег частей, предназначенных для наращивания успеха Южной группы 59-й армии. И только после ввода в сражение двух стрелковых дивизий, двух танковых бригад и самоходно-артиллерийского полка войска севернее Новгорода прорвали главную полосу обороны, перерезали железную дорогу Чудово–Новгород и шоссе Новгород–Шимск.

Наступление 54-й армии генерала С.В. Рогинского, сосредоточенной на любанском направлении, началось 16-го числа. Ударная группа, прорвав оборону противника, начала обходить Любань с юго-востока и юга. Так как ее успешное продвижение угрожало новгородской группировке окружением, командование группы армий “Север” перебросило в район Новгорода две пехотные дивизии, несколько отдельных батальонов и кавалерийский полк “Норд”. В результате сопротивление противника усилилось.

Командующий Волховским фронтом генерал Мерецков был недоволен развитием событий. “Операция развивается чрезвычайно медленно, – отмечал он в своем приказе от 17 января. – Основной недостаток этого заключается в плохом управлении: как правило, армейское командование имеет сведения о боевых действиях корпусов один раз в сутки, а поэтому и не может своевременно влиять на обстановку и оказывать своевременную помощь на тех направлениях, где она крайне бывает нужна”²². Он потребовал от командующего 59-й армией освободить Новгород и принять все меры по удержанию того плацдарма, который был уже занят Южной группой.

Генерал И.Т. Коровников, выполняя приказ командующего фронтом, ввел в сражение 112-й стрелковый корпус и 122-ю танковую бригаду. В ночь на 19 января противник начал поспешно выводить свои части из Новгорода. На следующий день силами стрелковых и танковых соединений 59-й армии Новгород был освобожден.

Печальная картина предстала пред глазами генерала Мерецкова, когда он сразу же после освобождения приехал в Новгород: “На улицах царила мертвая тишина. Всюду громоздились кучи битого кирпича. На весь город целыми остались около сорока зданий. Величайшие памятники древности, гордость и украшение старинной русской архитектуры были взорваны”²³.

Части 6-го стрелкового корпуса генерала С.П. Микульского утром 20 января вышли в район Горжнево, где соединились с Южной группой генерала Т.А. Свиглина. Попытки противника вырваться из окружения потерпели провал. 8-я армия генерала Ф.Н. Старикова, наступая на мгинском направлении, 21 января прорвала оборону 26-го армейского корпуса немцев и совместно с войсками 67-й армии Ленинградского фронта заняла железнодорожный узел Мга. Севернее р. Тигода соединения 54-й армии генерала С.В. Рогинского вклинились в оборону 28-го армейского корпуса. Противник под прикрытием арьергардов спешил отвести свои силы с мгинского, любанского и чудовского направлений.

Командование Волховского фронта к 22 января разработало и представило Сталину план дальнейшего ведения операции. В соответствии с ним 59-я армия должна была развивать наступление на лужском направлении и, предварительно перерезав железную и шоссейную дороги юго-западнее Луги, занять этот город. Войскам 54-й армии предстояло взять Любань, а затем наступать на Новинки. После выхода на рубеж Луга, Сольцы ударную группу фронта, усиленную 99-м стрелковым корпусом, намечалось повернуть на псковское направление с целью освобождения Пскова²⁴. Ставка ВГК утвердила план фронта, но при этом потребовала от Мерецкова очистить от врага Лугу, а также рубеж Луга, Сольцы не позднее 29–30 января, а Любань еще раньше – 23–24 января.

24 января войска 8-й армии вышли к станции Тосно. На следующий день командующий Волховским фронтом приказал войскам 54-й армии главными силами нанести удар на Любань, а одним стрелковым корпусом – на Оредеж. 54-я армия выполнила поставленные задачи: 26 января ее войска освободили Тосно, 28-го – Любань, 29-го – Чудово. 59-я армия еще к исходу 26 января вышла к верховьям р. Луга, захватила плацдарм на ее левом берегу, перерезала железную дорогу Ленинград–Дно. На следующий день партизанская бригада майора Карицкого выбила немцев со станции Передольская и удерживала ее вплоть до подхода 7-й танковой бригады, которая входила в состав 8-й армии. К концу месяца войска Волховского фронта прорвали оборону 18-й армии и, пройдя с боями 60–100 км, оказались перед мощным оборонительным рубежом противника на берегу Луга.

В результате наступления Ленинградского и Волховского фронтов наконец-то полностью была снята блокада с Ленинграда. По этому поводу в приказе Военного совета Ленинградского фронта отмечалось: “Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстаивали наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы. От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом”²⁵. На Марсовом поле, на набережной Невы и на кораблях Балтийского флота в честь победы гремели залпы праздничного салюта.

НА ПОДСТУПАХ К “ПАНТЕРЕ”

После поражения под Ленинградом и Новгородом войска группы армий “Север” получили приказ Гитлера прочно удерживать оборонительный рубеж. Им была поставлена также задача сохранить за собой железную и шоссейную дороги Луга–Псков, столь необходимые в случае отвода войск 18-й армии на тыловой оборонительный рубеж “Пантера”²⁶. С этой целью на лужский рубеж были переброшены несколько пехотных дивизий из 16-й армии, а также моторизованная и танковая дивизии из группы армий “Центр”. Для укомплектования сильно поредевших частей новый командующий группой армий “Север” генерал Модель провел чистку тыловых подразделений.

В свою очередь, и Ставка Верховного Главнокомандования поставила новые задачи фронтам Северо-западного стратегического направления. Волховскому фронту предстояло как можно быстрее взять Лугу и перерезать шоссейную дорогу южнее города²⁷. Ленинградский фронт должен был стремительно выдвинуться в район станции Мшинская и после взятия ее помочь Волховскому фронту в скорейшем занятии Луги²⁸.

Войска Ленинградского фронта должны были продолжать развивать наступление в трех направлениях: 2-я ударная армия – на Кингисепп и Нарву, 42-я – на Гдов и Струги Красные, 67-я – на Лугу с севера. И хотя при своем отходе противник повсеместно разрушал мосты, взрывал лед на водных преградах, широко применял минновзрывные заграждения, части 109-го стрелкового корпуса 2-й ударной армии при поддержке авиации Балтийского флота успешно форсировали Лугу севернее и южнее Кингисеппа. На штурм города устремились разведчики 189-й стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Н. Шишина. Им предстояло преодолеть сопротивление трех вражеских пулеметных дзотов, в то время как с чердаков и крыш ближайших зданий немецкие автоматчики простреливали все подходы к этим дзотам. Когда смельчакам удалось забросать их гранатами²⁹, в бой вступили части 109-го (командир генерал И.П. Алферов) и 122-го (командир генерал П.А. Зайцев) стрелковых корпусов. Во взаимодействии с подразделениями 152-й танковой бригады полковника А.З. Оскотского и 222-го отдельного танкового полка подполковника А.Н. Ковалевского они 1 февраля освободили Кингисепп.

В отправленном в тот же день генералом Говоровым докладе Верховному отмечалось, что войска его фронта приступают “к выполнению следующей операции, целью которой является освобождение Эстонской ССР и овладение всем южным побережьем Финского залива”³⁰. Для достижения этого необходимо, по его мнению, в первую очередь, форсировать р. Луга, выйти на р. Нарва и на восточный берег Чудского озера, а кроме того, захватить плацдармы на левом берегу Нарвы. Далее командующий Ленинградским фронтом предлагал сосредоточить основные усилия не на псковском, а на нарвском направлении. Вывод генерала Говорова был таков: псковское направление должно быть вспомогательным, ибо нанесение главного удара на нарвском направлении позволит быстро выйти к границам Эстонии.

К исходу 3 февраля войска 2-й ударной армии преодолели р. Нарва севернее и южнее одноименного города. В то время как начались бои на его подступах, войска 67-й армии вышли на ближние подступы к станции Мшинская. Противник, упорно обороняясь, пытался контратаками пехоты при поддержке танков восстановить положение. Силами 12-й танковой дивизии ему удалось 6 февраля ликвидировать брешь между 18-й и 16-й армиями.

Противник ожесточенно сопротивлялся. Только за один день 13 февраля он предпринял до 30 контратак. С ожесточенным упорством немцы пытались сбить с только что занятых позиций и десантную группу 147-го стрелкового полка 43-й стрелковой дивизии. Несмотря на большие потери, группа продолжала стойко дер-

жаться. Но вот в живых остались всего семь человек. Они поклялись, что скорее погибнут, чем отдадут врагу занятый с таким трудом рубеж. Свое слово бойцы сдержали, выстояв до подхода подкреплений.

Войска 42-й армии 4 февраля заняли Гдов, а через пять дней нанесли поражение 58-й пехотной дивизии противника, оборонявшейся на р. Плюсса. При выходе из окружения ее части потеряли треть своего состава и всю тяжелую технику³¹. Командующий группой армий “Север” генерал Модель был вынужден дать дивизии трехдневный отдых, а затем перебросил на север, в район Нарвы. Тем временем соединения 42-й армии к 15 февраля вышли к г. Струги Красные, тогда как 67-я армия продолжала продвижение на лужском направлении.

На Волховском фронте обстановка складывалась менее благоприятно. Немцы, отходя на юго-запад, в направлении Луги и Пскова, оказывали упорное сопротивление. Командующий 18-й армией еще в начале февраля ввел в сражение 12-ю танковую, 285-ю охранную и только что прибывшую 121-ю пехотную дивизии с единственной целью – обеспечить отход из лужского района главных сил армии. Вот этими силами противник и нанес мощный контрудар. Завязались упорные бои. Ценой больших потерь врагу удалось окружить 256-ю стрелковую дивизию полковника А.Г. Козиева, а вместе с ней отдельные подразделения 372-й стрелковой дивизии полковника П.И. Радыгина и полк 5-й партизанской бригады. Более десяти суток советские войска отражали атаки превосходивших сил противника, удерживая район до подхода войск 8-й и 59-й армий. За умелое руководство войсками и личное мужество полковник А.Г. Козиев 21 февраля 1944 г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

12 февраля 67-я армия Ленинградского фронта при содействии 59-й армии Волховского фронта и 11-й Волховской партизанской бригады под командованием Н.А. Бродникова освободила г. Луга. Через два дня советские войска преодолели лужский оборонительный рубеж.

На левом крыле Волховского фронта наступала 1-я ударная армия генерала Г.П. Короткова. Ее войска, преодолевая ожесточенное сопротивление отборных частей СС, к исходу 16 февраля вклинились в оборону противника всего на 12–20 км. Упорное сопротивление немцев вот основная причина столь медленного продвижения войск фронта, которые преодолели лужский рубеж обороны с запозданием (почти на полмесяца по сравнению с запланированным сроком). Впрочем не повезло и с погодой. Из-за рано начавшейся оттепели танки и артиллерия отставали от стрелковых частей. В условиях бездорожья службы тыла не всегда были в состоянии обеспечить своевременный подвоз боеприпасов, продовольствия и горючего. Из-за неблагоприятных же погодных условий авиация фронта не смогла оказать эффективную помощь наземным войскам.

Немецкое командование, стремясь облегчить положение 18-й армии, приступило к переброске в ее полосу нескольких частей 16-й армии. Командующий 2-м Прибалтийским фронтом понимал, что сорвать эту перегруппировку можно только активными действиями его войск. Поэтому генерал Попов приказал 22-й и 10-й гвардейской армиям перейти в наступление из района Новосokolьники, окружить новосokolьническую группировку³², а 6-й гвардейской армии – прорвать оборону в районе Барсуков и во взаимодействии с левofланговыми соединениями 10-й гвардейской армии овладеть станцией Маево.

Наступление войск 2-го Прибалтийского фронта началось 31 января после 40-минутной артиллерийской подготовки. К исходу дня 15-й гвардейский стрелковый корпус генерала Н.Г. Хоруженко прорвал оборону противника на глубину около 6 км³³, а 7-й и 19-й гвардейские стрелковые корпуса продвинулись еще меньше. Причина столь незначительного результата заключалась в том, что немцы, опираясь на сильно укрепленные позиции, оказывали упорное сопротивление, к тому же наступавшая пехота и танки увязали в подтаявшем снегу, неся при этом чувствительные потери от вражеского огня. К середине февраля войска 2-го Прибалтий-

ского фронта сумели преодолеть еще от 15 до 30 км, так и не выполнив поставленные задачи.

Ставка ВГК, учитывая, что ширина полосы наступления советских войск сократилась, 15 февраля приняла решение реорганизовать управление войсками на Северо-Западном стратегическом направлении. Волховский фронт был расформирован. В распоряжение командующего Ленинградским фронтом передавались 59, 8, 54 общевойсковые и 14-я воздушная армии, 65-я и 310-я стрелковые дивизии. Генерал Мерецков был назначен командующим вновь образованным Карельским фронтом.

К этому времени на нарвском направлении войскам Ленинградского фронта противостояли 4 пехотные, 2 авиаполевые дивизии и 3 танкогренадерские дивизии СС, а на псковском – 10 пехотных, 3 авиаполевые, 2 легкопехотные, 3 охранные, учебная полевая и танковая дивизии, кроме того полицейская дивизия СС и латышская бригада СС³⁴. Генерал Говоров после оценки обстановки принял решение вначале освободить г. Нарва, затем прорвать Нарвский укрепленный район и преодолеть перешеек между Нарвским заливом и Чудским озером. В дальнейших его планах предусматривалось сосредоточение основных усилий армий правого крыла фронта на юго-западном направлении с целью разгрома противостоящей группировки 18-й армии, выход к Таллину, овладение основными узлами железнодорожных коммуникаций на территории Эстонии и базой германского флота в Таллине³⁵.

На псковском направлении генерал Попов намечал нанесение главного удара армиями левого крыла фронта в общем направлении на Псков, выход на рубеж Псков, Порхов, Дно, а в последующем развитие наступления на юго-запад – на г. Остров³⁶. И здесь войска Ленинградского фронта встретили упорное сопротивление: соединения 3-го танкового корпуса СС и 54-го армейского корпуса 18-й армии умело использовали “систему броневых опорных пунктов (танки, бронемашин) на основных направлениях атаки при плотной системе пехотного огня переднего края обороны”³⁷. Несомненно, командиры и штабы соединений 2-й ударной армии допустили ошибку, поскольку своевременно не учли одно очень важное обстоятельство: оборона врага на нарвском направлении была сильно укреплена. Последствием этого упущения было то, что для ее прорыва использовались в основном стрелковые части, почти без поддержки танков и артиллерии. “Неправильная тактика наступательного боя, – отмечал генерал Говоров в своей директиве от 20 февраля, адресованной командующему этой армией генералу И.И. Федюнинскому, – ведет к невыполнению Вами боевого приказа и огромным, неоправданным потерям”. Он потребовал от Федюнинского при атаке броневых опорных пунктов тщательно согласовать действия пехоты с артиллерией и танками.

Во избежание больших потерь командующий Ленинградским фронтом временно приостановил наступление на нарвском направлении. Оно должно было возобновиться после поступления в войска пополнения: 25 февраля силами все той же 2-й ударной армии с востока, а 29-го числа – 59-й армией с запада. Он предусматривал также перегруппировку 8-й армии с псковского на нарвское направление для ввода в сражение в юго-западном направлении. В районе Кингисеппа сосредоточивался 3-й танковый корпус. Ставка ВГК 22 февраля утвердила предложения генерала Говорова. Одновременно она потребовала сразу же после прорыва обороны противника наступать тремя армиями на Пярну, чтобы отрезать ему пути отхода. На левом крыле фронта трем армиям предстояло сосредоточить главные усилия на овладении районом Остров, обойдя Псков, и форсировании р. Великая. В последующем Ставка планировала продвижение на Ригу.

В соответствии с поставленными задачами войска Ленинградского фронта с боями вышли к Нарвскому и Псковско-Островскому укрепленным районам. Однако прорвать их с ходу не удалось. Генерал Говоров 2 марта отдал распоряжение командующему 2-й ударной армией взять Нарву и уничтожить гарнизоны Нарвского укрепрайона³⁸. 42-я и 67-я армии должны были не позднее 10 марта освободить

Псков и Остров, а потом форсировать р. Великая³⁹. В течение двух недель обе армии безуспешно пытались прорвать хорошо подготовленную немецкую оборону. Убедившись в бесплодности атак, генерал Говоров 17 марта принял решение о переходе к обороне на левом крыле фронта⁴⁰, 24 марта он обратился к Сталину с просьбой на три-четыре недели приостановить наступление на нарвском направлении⁴¹.

17 февраля командующий 2-м Прибалтийским фронтом генерал Попов получил приказ Ставки ВГК – двумя армиями во взаимодействии с Ленинградским фронтом разгромить группировку противника в районе Острова⁴². Воспользовавшись тем, что части 10-го корпуса 16-й армии врага отошли из района Старой Руссы, 336-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон (командир майор И.П. Власенко), входивший в 1-ю ударную армию, 18 февраля вступил в город. Через пять дней советские войска заняли город и железнодорожный узел Дно. 29 февраля 26-я стрелковая дивизия (командир полковник К.Г. Черепанов) 22-й армии вступила в Новоржев. Тем временем войска 16-й армии противника успели планомерно отойти на заранее подготовленный оборонительный рубеж восточнее Острова, Новоржева, Пустошки. Попытки войск 2-го Прибалтийского фронта прорвать его не увенчались успехом. Так закончилось наступление на Северо-Западном направлении.

В ходе Ленинградско-Новгородской операции советские войска, взломав оборону противника в полосе шириной почти 600 км, отбросили его на 220–280 км от Ленинграда, полностью сняли блокаду с города на Неве, освободили почти всю Ленинградскую и часть Калининской области, вышли к границам Эстонии. В докладе Сталину об итогах боевой деятельности Ленинградского фронта с 14 января по 14 февраля 1944 г. его командующий генерал Говоров отмечал, что войска разгромили основные силы 18-й армии немцев. По данным штаба фронта, противник потерял убитыми около 60 тыс. солдат и офицеров, пленными до 4 тыс., а также 1400 орудий и 152 танка⁴³. А по сведениям штаба Волховского фронта, с 14 января по 12 февраля войска обоих фронтов уничтожили 82 тыс. солдат и офицеров 18-й и 16-й армий, взяли в плен 3,2 тыс. человек⁴⁴. За весь период Ленинградско-Новгородской операции потери войск Ленинградского (без 23-й армии), Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, а также Балтийского флота составили: безвозвратные – 76 686 и санитарные – 237 267 человек. Советские войска лишились 462 танков и САУ, 1832 орудий и минометов, 260 боевых самолетов⁴⁵.

Весьма лестно о действиях Красной Армии на Северо-Западном стратегическом направлении отозвался президент США Ф. Рузвельт в мае 1944 г. От имени американского народа он прислал Ленинграду специальную грамоту, в которой, в частности, говорилось: "... в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа ... успешно защищали свой любимый город... и символизировали этим неустранимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии"⁴⁶.

Тем не менее Ленинградско-Новгородская операция полностью не достигла своей цели. Основная причина – недостаток сил, потому что Ставка ВГК все внимание в тот период сосредоточила на разгроме группы армий "Юг". "В итоге боевых действий, – вспоминал генерал армии С.М. Штеменко, – наши войска оказались перед глубокой, хорошо развитой в инженерном отношении обороной противника. На пути лежал, в частности, Псковско-Островский укрепленный район, который подпирала с юга основные силы 16-й немецкой армии"⁴⁷.

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 3. С. 95.

² Görlitz W. Der Zweite Weltkrieg, 1939–1945. Stuttgart, 1952. Bd. 2. P. 232.

³ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1977. Т. 8. С. 114.

⁴ Боевой путь советского Военно-Морского Флота. М., 1974. С. 295; Воен.-ист. журн. 1974. № 2. С. 14.

- 5 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 93. Л. 25 (Далее: ЦАМО).
- 6 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 8. С. 120.
- 7 Цит. по: Ленинград – город-герой. М., 1981. С. 160.
- 8 ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2298. Л. 27.
- 9 Там же. Л. 29.
- 10 Там же.
- 11 *Барбашин И.П.* и др. Битва за Ленинград, 1941–1944. М., 1964. С. 316–318.
- 12 Там же. С. 319–320.
- 13 ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2226. Д. 32. Л. 21–22.
- 14 Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. М., 1968. Вып. 4. С. 320–321.
- 15 Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. М., 1988. Т. 2. С. 512.
- 16 Там же. С. 393.
- 17 Цит. по: *Ziemke E.* Stalingrad to Berlin: german Defeat in the East. Wash., 1968. P. 256.
- 18 ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 92. Л. 73.
- 19 Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4. С. 318.
- 20 ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 92. Л. 77.
- 21 Там же. Л. 78.
- 22 Там же. Д. 218. Л. 35.
- 23 *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1983. С. 334.
- 24 Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4. С. 319.
- 25 Цит. по: Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сб. документов и материалов. Л., 1947. Т. 11. С. 174.
- 26 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 8. С. 127.
- 27 Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4. С. 19.
- 28 Там же. С. 20.
- 29 *Зотов В.Н., Орлов М.М.* Солдаты Пулкова. Л., 1978. С. 184.
- 30 ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1827. Д. 92. Л. 140.
- 31 *Ziemke E.* Op. cit. P. 26.
- 32 Незабываемые дороги: Боевой путь 10-й гвардейской армии. М., 1974. С. 87.
- 33 *Казаков М.И.* Над картой былых сражений. М., 1971. С. 224.
- 34 ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 93. Л. 31–32.
- 35 Там же. Л. 32–33.
- 36 Там же. Л. 33.
- 37 Там же. Л. 60.
- 38 Там же. Л. 129.
- 39 Там же. Л. 138.
- 40 Там же. Д. 94. Л. 12.
- 41 Там же. Л. 45.
- 42 Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4. С. 27.
- 43 ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 93. Л. 29.
- 44 Там же. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2319. Л. 126.
- 45 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1992. С. 199, 371.
- 46 Цит. по: Ленинград дважды орденосный. Л., 1945. С. 39.
- 47 *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1985. Кн. 1. С. 313.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ И КРЫМА

В конце 1943 г. основные события вооруженной борьбы на советско-германском фронте по-прежнему происходили на Украине. Не сумев остановить Красную Армию на Днестре, войска Германии и ее союзников продолжали удерживать небольшой участок фронта по правому берегу этой крупной водной преграды в районе Канева и все низовье реки с никопольским плацдармом на левом берегу. Опираясь на каневский выступ и никопольский плацдарм, германское командование планировало отбросить советские войска за Днестр и восстановить сухопутные коммуникации с отрезанными в Крыму силами. Гитлер хотел любой ценой сохранить Правобережную Украину и Крым.

Войска четырех Украинских фронтов были истощены непрерывным наступлением, которое длилось более пяти месяцев. Стремясь выйти на западные границы Советского Союза, Ставка Верховного Главнокомандования сосредоточила главные силы на Украине. В 1, 2, 3 и 4-м Украинских фронтах (без 51-й армии, расположенной на Перекопском перешейке) на 1 января 1944 г. насчитывалось 2230 тыс. человек, 28,6 тыс. орудий и минометов (без зенитной артиллерии и 50-мм минометов), 2015 танков и самоходных артиллерийских установок (САУ), 2600 боевых самолетов¹.

Замысел Ставки предусматривал разгром противника на южном крыле советско-германского фронта – на Правобережной Украине и в Молдавии, выход к Южной Польше, Карпатам и Балканам. Эти задачи должны были выполнить войска Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом, авиацией дальнего действия и партизанами. Операции 1-го и 2-го Украинских фронтов координировал заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г.К. Жуков, 3-го и 4-го – начальник Генерального штаба Красной Армии маршал А.М. Василевский.

На Украине оборонялись основные силы вермахта, объединенные в группы армий “Юг” и “А”. Ими соответственно командовали генерал-фельдмаршалы Э. Манштейн и Э. Клейст. 56-летний Манштейн был в это время, пожалуй, наиболее опытным из командующих на восточном фронте. Достаточно сказать, что он являлся автором плана разгрома Франции в 1940 г. и командующим армией, которая в мае 1942 г. нанесла поражение войскам Крымского фронта. Клейст имел солидный командный стаж.

В двух группах армий (без учета 17-й армии, блокированной в Крыму) и 4-м воздушном флоте насчитывалось 1760 тыс. человек, 16,8 тыс. орудий и минометов, 2200 танков и штурмовых орудий, 1460 боевых самолетов. Таким образом, противник уступал советским войскам по личному составу в 1,3 раза, по орудиям, минометам и самолетам – в 1,7–1,8 раза, но превосходил их по танкам и штурмовым орудиям (самоходным установкам) в 1,1 раза².

На огромном пространстве от Полесья до Черного моря развернулась гигантская битва. Боевые действия на Правобережной Украине вошли в историю Великой Отечественной войны как Днепровско-Карпатская стратегическая операция. Она продолжалась с 24 декабря 1943 по 6 мая 1944 г. В рамках этой операции были проведены Житомирско-Бердичевская, Кировоградская, Корсунь-Шевченков-

ская, Никопольско-Криворожская, Ровно-Луцкая, Проскуровско-Черновицкая, Уманско-Ботошанская, Березнеговато-Снигиревская, Полесская и Одесская операции фронтов и групп фронтов, а также безуспешные наступательные действия 2-го Украинского фронта на тыргу-фрумосском и яском направлениях, 3-го Украинского фронта – с плацдармов на Днестре в конце апреля – начале мая 1944 г. Принятая в советской историографии дата окончания стратегической операции (17 апреля) ошибочна, ибо в этот день к обороне по приказу Ставки перешел только 1-й Украинский фронт. Такое датирование исключает рассмотрение неудачных боевых действий двух фронтов по выполнению ранее поставленных задач в течение 19 суток (после чего они также перешли к обороне).

ПРОРЫВ ОБОРОНЫ В ПРИДНЕПРОВЬЕ

Наступление войск 1-го Украинского фронта в ходе Житомирско-Бердичевской операции началось 24 декабря. Командующий фронтом генерал Н.Ф. Ватутин сосредоточил четыре общевойсковые и обе танковые армии в центре для удара в общем направлении на Житомир, Бердичев, Жмеринку. Одна армия наносила вспомогательный удар севернее главной группировки и две – южнее. В целом войска фронта продвигались по направлениям, расходящимся на запад, юго-запад и юг. Наступление развивалось успешно. К исходу 28 декабря войска прорвали оборону противника на глубину до 100 км. Манштейн сразу же обратился к Гитлеру с предложением направить в район прорыва из-под Кривого Рога и Запорожья 1-ю танковую армию, для чего отвести войска из излучины Днепра, оставив никопольский плацдарм³. Гитлер согласился на переброску только части сил, но вывод войск из-под Запорожья категорически запретил.

Ставка ВГК приняла решение о развитии успеха войсками 2-го Украинского фронта, который до этого готовился к наступлению на своем левом крыле в направлении Кривого Рога. 29 декабря командующий фронтом маршал И.С. Конев получил задачу разгромить кировоградскую группировку и главными силами двигаться в юго-западном направлении на Первомайск. Двумя армиями предстояло нанести вспомогательный удар на северо-запад (на г. Шпола, ст. Христовка), чтобы совместно с войсками 1-го Украинского фронта окружить противника, который оборонял каневский выступ на Днестре⁴. По указанию Ставки Ватутин повернул часть сил главной ударной группировки на юго-восток, навстречу войскам Конева. В результате разрозненные действия 1-го и 2-го Украинских фронтов на их стыке объединялись общей целью.

2-й Украинский фронт был усилен, в том числе двумя механизированными корпусами, но по-прежнему оставался значительно слабее своего северного соседа. Наступление было приказано начать не позднее 5 января. Основные силы фронта предстояло перегруппировать с левого крыла в центр в течение пяти суток. Времени на проведение важнейших мероприятий отводилось недостаточно, и Кировоградская операция оказалась подготовленной наспех.

4 января Манштейн вылетел в ставку Гитлера и вновь поставил вопрос о необходимости решительного сокращения протяженности фронта и усилении войск на житомирско-бердичевском направлении. Он предложил отвести войска из днепровской излучины на нижнее течение р. Южный Буг и рубеж Кировоград, Умань, Бердичев и, кроме того, создать в районе Ровно, где возник опасный разрыв между группами армий “Юг” и “Центр”, новое объединение за счет эвакуации 17-й армии из Крыма. Гитлер заявил, что уход из Крыма чреват серьезными последствиями, вплоть до выхода Румынии и Болгарии из коалиции с Германией, и вновь потребовал упорно оборонять занимаемые рубежи⁵.

Наступление войск 2-го Украинского фронта на кировоградском направлении началось утром 5 января. За два дня ударные группировки на участке шириной до

70 км продвинулись более чем на 20 км, охватив противника в Кировограде. Успех прорыва южнее города был достигнут дорогой ценой. Введенная здесь в сражение в первый день операции 5-я гвардейская танковая армия потеряла до половины боевого состава. К утру 8 января танковые и механизированные корпуса овладели Кировоградом, но довершить окружение противника из-за отставания стрелковых дивизий не удалось.

В последующие дни (8–13 января) Конев главное внимание уделил развитию наступления в западном направлении, чтобы соединиться с 1-м Украинским фронтом и отсечь немцев в каневском выступе. Однако добиться этого не удалось: 8-й механизированный корпус, направленный по тылам противника в северо-западном направлении, в упорных боях потерял много танков, оставшиеся 20 боевых машин вернулись в исходное положение. Действовавшие на этом направлении 4-я гвардейская и 52-я армии продвинулись на 20–40 км, не достигнув назначенного рубежа. Они были остановлены переброшенными сюда тремя танковыми вражескими дивизиями. Отражая сильные контрудары, все войска 2-го Украинского фронта 16 января перешли к обороне.

В этой сложной обстановке бойцы Красной Армии показали образцы стойкости, мужества и героизма. 10 января 1944 г. оружейный расчет 7-го гвардейского воздушнодесантного артополка (4-я гвардейская армия) под командованием старшины И.Г. Шабанова уничтожил 10 неприятельских танков. Весь расчет был выведен из строя. Оставшись один, Шабанов продолжал вести огонь, поражая танки противника. Старшине И.Г. Шабанову 13 сентября 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза посмертно⁶.

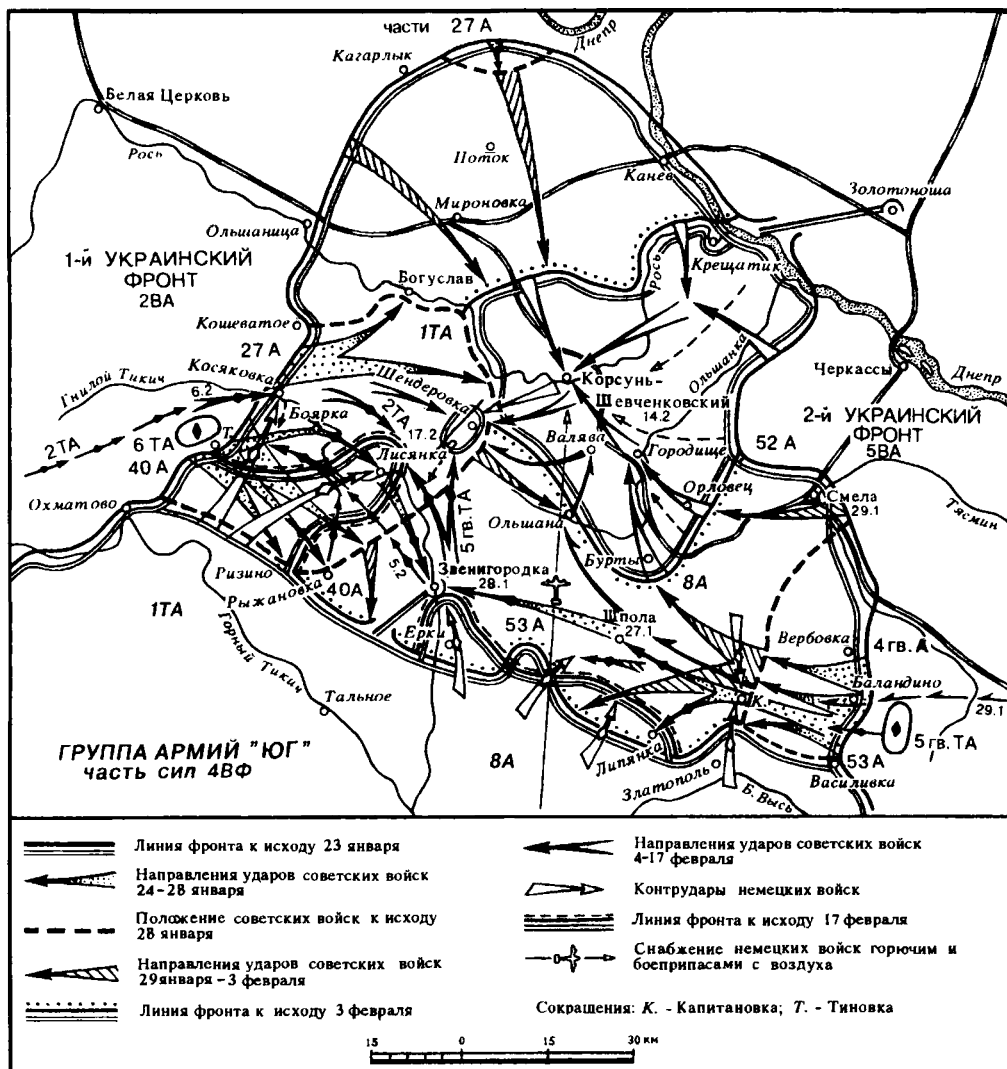
Успешно наступал 1-й Украинский фронт. Армии его левого крыла продвигались на юг и юго-восток. К исходу 6 января на уманском направлении в обороне противника образовалась брешь шириной до 80 км, что создало благоприятные условия для окружения его войск в каневском выступе.

Между тем Манштейн стремился локализовать прорыв. 10 января в полосу наступления 1-го Украинского фронта из резерва группы армий “Юг”, с других участков советско-германского фронта и из Германии было переброшено 16 дивизий⁷, основная часть которых сосредоточивалась в районе Винницы. Ватугин принимал ответные меры. 1-я танковая армия генерала М.Е. Каткуова, двигавшаяся навстречу войскам 2-го Украинского фронта, была повернута на юго-запад, на Винницу. 12 января она вышла на подступы к Жмеринке, оказавшись в тылу винницкой группировки противника. Одновременно войска, наступавшие на юг для соединения со 2-м Украинским фронтом, овладели в основном районом Христиновки. Однако правифланговые армии Конева находились от этого населенного пункта очень далеко – в 120 км.

12 января Ставка потребовала завершить окружение и уничтожение немецких войск в каневском выступе⁸, но наступательные возможности обоих фронтов были исчерпаны. Силами десяти дивизий противник нанес контрудары по войскам 1-го Украинского фронта в районе Жмеринки, а также по соединениям, вышедшим в тыл каневской группировки. Советские армии отошли на 40–50 км. 15 января 1-й Украинский фронт перешел к обороне.

В результате того, что в течение января 1-й Украинский фронт продвинулся на 100–170 км, а 2-й Украинский – на 40–50 км, противник оказался в еще более глубоком тылу советских войск. Неудачей закончилось наступление 3-го и 4-го Украинских фронтов, стремившихся ликвидировать никопольский плацдарм противника в низовье Днепра. 10–11 января они пытались прорвать его оборону, но из-за недостатка сил за шесть дней существенных успехов не добились и приступили к тщательной подготовке новых ударов.

Разгром германских войск в каневском выступе – их корсунь-шевченковской группировки – Ставка возложила на 1-й и 2-й Украинские фронты. Они должны были встречными ударами на Шполу, Звенигородку окружить и уничтожить ее. На

Корсунь-Шевченковская наступательная операция.
24 января – 17 февраля 1944 г.

подготовку операции отводилось около двух недель, в течение которых войска получили пополнение. На 1-м Украинском фронте была создана новая, 6-я танковая армия, которая имела 282 танка и САУ, а в составе 5-й гвардейской танковой армии 2-го Украинского фронта насчитывалось 242 боевые машины⁹. Несмотря на принятые советским командованием меры по оперативной маскировке, противник вскрыл подготовку нового наступления, о чем свидетельствует отчетная карта генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) от 22 января с полным перечислением войск советских фронтов на участках прорыва¹⁰.

Наступление 2-го Украинского фронта началось 24 января, а 1-го Украинского – 26-го. Ударные группировки фронтов быстро прорвали вражескую оборону, и танковые армии устремились навстречу друг другу. Сразу же последовали контрудары. 27 января четыре немецкие танковые дивизии ударами с юга и севера отсекали главные силы 5-й гвардейской танковой армии и закрыли брешь в своей обороне. Однако отрезанные танковые соединения продолжали насту-

пать на запад. 28 января они встретились в районе Звенигородки с передовым отрядом 6-й танковой армии. Окружение курсунь-шевченковской группировки завершилось.

К 31 января вокруг группировки, состоявшей из 7 немецких дивизий и одной бригады, образовался фронт окружения, на котором действовали три общевойсковые армии и кавалерийский корпус. Одновременно на 120-километровом рубеже две танковые и две общевойсковые армии создали обращенный на юг внешний фронт окружения.

Командование группы армий «Юг» принимало лихорадочные меры по спасению окруженных войск. Из районов Винницы к внешнему фронту окружения выдвигались четыре танковые дивизии, которые имели задачу нанести контрудар на север, по войскам 1-го Украинского фронта. Одновременно четыре другие танковые дивизии последовательно атаковали с юга войска 2-го Украинского фронта. С 31 января по 10 февраля на внешнем фронте окружения силы противника возросли в полтора раза, а количество танков – вдвое.

Сражение становилось ожесточеннее с каждым днем. Расчленив окруженную группировку не удавалось. Она, сжимаясь со всех сторон, перемещалась в район Корсунь-Шевченковского. 3–4 февраля деблокирующие немецкие танковые соединения сосредоточили усилия на двух участках внешнего фронта: 3-й танковый корпус наносил удар из-под Ризино, три дивизии пытались пробиться в районе Толмач. 6 февраля Ватутин распорядился выдвинуть из резерва фронта 2-ю танковую армию и направить ее против 3-го танкового корпуса. Противник подтянул под Ризино еще две танковые дивизии.

Советское командование предъявило окруженной группировке ультиматум с предложением сложить оружие. Сдавшимся гарантировалась безопасность и после окончания войны возвращение в Германию или в любую другую страну. Предложение было отклонено. Противник предпринял очередные отчаянные попытки, чтобы выйти из окружения.

11 февраля боевые действия достигли наибольшего ожесточения. Германские танковые дивизии извне и изолированные соединения внутри котла наносили встречные удары на Лисянку и Шендеровку. Возникла реальная угроза прорыва противника. 12 февраля Сталин возложил на Конева руководство войсками, действовавшими на внутреннем фронте окружения. Ватутину было приказано руководить войсками правого крыла 1-го Украинского фронта, завершавшими Ровно-Луцкую наступательную операцию. Представитель Ставки Жуков должен был координировать действия лишь части войск 1-го и 2-го Украинских фронтов на внешнем фронте окружения¹¹. Иначе говоря, Сталин отстранил Жукова от согласования усилий двух оперативно-стратегических объединений на внешнем и внутреннем фронтах, хотя именно на этапе уничтожения окруженной группировки такая задача приобретала особое значение.

В ночь на 17 февраля противник предпринял последнюю отчаянную попытку выйти из окружения. Манштейн разрешил бросить всю боевую технику, кроме танков, и пробиваться любым путем. Точных данных о численности немецких войск, которым удалось прорваться, нет. Штаб 2-го Украинского фронта после сражения, которое завершилось с рассветом 18 февраля, доложил, что группировка ликвидирована полностью, при этом убито 55 тыс., взято в плен 19,2 тыс. солдат и офицеров¹². Однако, по немецким данным, из 50 тыс. окруженных прорвалось до 32 тыс.¹³, из которых были сформированы три новые дивизии.

Совершенно очевидно, что в этой операции задача по изоляции вражеской группировки и ее последующему уничтожению была решена лишь частично. Тем не менее она была разгромлена. Ее потери (вместе с потерями войск, действовавших на внешнем фронте окружения) достигли 70 тыс. человек. Советские фронты насчитывали убитыми и ранеными немногим более 80 тыс.¹⁴

За разгром противника под Корсунь-Шевченковским генералу армии И.С. Ко-неву, первому из командующих фронтами в годы войны, было присвоено звание Маршала Советского Союза, а командующий 5-й гвардейской танковой армией П.А. Ротмистров стал первым и единственным за всю войну среди командующих танковыми армиями маршалом бронетанковых войск.

Ровно-Луцкая операция, на проведении которой Сталин приказал Ватутину сосредото-чить основное внимание, осуществлялась двумя армиями правого крыла 1-го Украинского фронта. В начале января в болотистом Полесье образовался раз-рыв между войсками групп армий “Юг” и “Центр”. Просьба Манштейна к Гитлеру выдвинуть в разрыв новое объединение осталась невыполненной. Сил для создания сплошной обороны противник не имел и создавал опорные пункты лишь на основ-ных дорогах. Уже к середине января обе армии продвинулись значительно дальше остальных войск и после двухнедельной паузы возобновили наступление.

Операция началась 27 января. Стрелковые дивизии 13-й и 60-й армий атакова-ли противника, наступая на Ровно с востока. Два кавалерийских корпуса действова-ли в 50 км севернее участка прорыва. Скрытно выдвинувшись из удаленных от ли-нии фронта исходных районов, они уже в первый день углубились на 40–50 км во вражескую оборону. В ночь на 29 января корпуса повернули на юго-восток и ока-зались в тылу немцев, оборонявших Ровно. 2 февраля город был освобожден от оку-пантов.

Скрытый маневр кавалерийских корпусов по тылам противника оказался эф-фективным способом борьбы в условиях Полесья и позволил достичь крупного оперативного успеха. Ему способствовали партизанские соединения С.А. Ковпака, М.И. Наумова, Д.Н. Медведева, А.Н. Сабурова, В.А. Бегмы, И.Ф. Федорова и пар-тизанские отряды других командиров, действовавших в Полесье. С подходом войск партизаны усиливали удары по вражеским коммуникациям и гарнизонам.

Утрата Ровно вызвала очередной гнев Гитлера. Комендант гарнизона города и командир дивизии, действовавшей на этом направлении, были отданы под суд. Рейхскомиссар Украины гаулейтер Э. Кох, резиденция которого находилась в Ров-но, поспешно покинул город, на прощание потребовав от подчиненных ему поли-цейских формирований “держаться до конца”¹⁵.

К исходу 11 февраля обе армии правого крыла 1-го Украинского фронта в ос-новном выполнили поставленные задачи. По лесисто-болотистой местности они продвинулись на 120 км за 16 дней. С охватом левого крыла группы армий “Юг” бы-ли созданы условия для нанесения удара по ее тылу.

Гитлеровский план остановить Красную Армию на Днестре окончательно рух-нул благодаря боевым действиям войск 3-го и 4-го Украинских фронтов, которые продолжались в низовье реки до конца февраля. Главную роль при этом Ставка ВГК отводила 3-му Украинскому фронту (командующий генерал Р.Я. Малинов-ский). Ударом с севера его войска должны были выйти в тыл противника, оборо-нявшего никопольский плацдарм, и во взаимодействии с наступавшим с юга 4-м Украинским фронтом генерала Ф.И. Толбухина окружить и уничтожить врага в большой излучине Днестра. Замысел Криворожско-Никопольской операции воз-ник еще в ноябре 1943 г. 30 декабря Ставка поставила задачи фронтам, предпола-гая, что противник начал отход из запорожской излучины Днестра¹⁶. Однако в на-чале января 1944 г. выяснилось, что немцы не намерены оставлять район Нико-поля.

Чтобы тщательно подготовить операцию, Ставка перенесла начало наступле-ния на конец января. Советские войска лишь незначительно превосходили против-ника в личном составе, имели тройное преимущество в артиллерии и двойное в авиации, но более чем в полтора раза уступали ему в танках. Много внимания уде-лялось оперативной маскировке, благодаря чему удалось полностью скрыть пере-броску 4-го гвардейского механизированного корпуса из 4-го Украинского фронта на направление главного удара 3-го Украинского фронта. В районе прежней дисло-

кации были оставлены 80 макетов танков, все радиостанции, продолжавшие работу без изменения режима. В результате вплоть до начала наступления немцы считали, что корпус по-прежнему находится на восточном берегу Днепра против никопольского плацдарма¹⁷.

3-й Украинский фронт наносил главный удар двумя армиями и механизированным корпусом на юг – к Днепру, а одной армией на запад – к Кривому Рогу. По решению Толбухина, все армии 4-го Украинского фронта должны были обороняться и в случае отхода противника за Днепр быть готовыми к его преследованию¹⁸. Решение командующего 4-м Украинским фронтом противоречило замыслу Ставки по окружению противника ударами двух фронтов. Силы и средства этого фронта были почти равномерно распределены между тремя армиями, опоясавшими никопольский плацдарм; не просматривалось направление главного удара при переходе к преследованию. Маршал Василевский не скорректировал решение командующего фронтом, поэтому один из двух охватывающих ударов по существу не планировался.

После войны маршал вспоминал: “Собственными силами мы не могли захватить никопольский плацдарм. Нужно было подключить 2-й Украинский фронт, провести перегруппировку войск, пополнить войска Ф.И. Толбухина. Посоветовался с Федором Ивановичем, он поддержал меня, и я решил позвонить в Ставку с его КП. И.В. Сталин не соглашался со мной, упрекая нас в неумении организовать действия войск... Повышенный тон И.В. Сталина произвольно толкал на такой же ответный. Сталин бросил трубку.

Стоявший рядом со мной и все слышавший Федор Иванович сказал, улыбаясь: – Ну, знаешь, Александр Михайлович, я от страха чуть под лавку не залез!”¹⁹

И все же приведенный разговор имел последствия: из 2-го Украинского фронта была выделена 37-я армия генерала М.Н. Шарохина, а из резерва Ставки – 31-й гвардейский стрелковый корпус для усиления 3-го Украинского фронта. Войска же Толбухина были даже ослаблены, так как они лишились 4-го гвардейского мехкорпуса.

Наступление началось 30 января вспомогательным ударом 3-го Украинского фронта на Кривой Рог. Как и рассчитывал Малиновский, противник принял его за главный удар и ввел здесь из резерва две танковые дивизии. Главные силы обоих фронтов перешли в наступление 31 января. В тот же день главная ударная группировка 3-го Украинского фронта прорвала вражескую оборону. 1 февраля в прорыв был введен 4-й гвардейский мехкорпус, который быстро продвигался на юг. Противник только тогда понял свою ошибку и стал перебрасывать танковые дивизии к месту прорыва, но было уже поздно.

Войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление по инициативе командующего 5-й ударной армией генерала В.Д. Цветаева – военачальника с командным опытом еще первой мировой и гражданской войн. Разведка одной из дивизий перед рассветом обнаружила слабые места в обороне противника. Цветаев приказал дивизии атаковать главными силами. К утру успешно продвигались уже две дивизии. Толбухин усилил армию 2-м гвардейским мехкорпусом и передал из соседней армии еще четыре стрелковые дивизии. В полдень наступление развернули все три армии фронта²⁰.

Малиновский приказал 4-му гвардейскому мехкорпусу наступать навстречу 5-й ударной армии, что соответствовало замыслу операции. Однако 2 февраля он изменил направление удара на юго-восток, в сторону Никополя. Учитывая, что наступление наиболее успешно развивалось на юг, а навстречу быстрее других продвигалась 5-я ударная армия, решение Малиновского о повороте мехкорпуса на Никополь было нецелесообразным.

4–5 февраля 3-й Украинский фронт прорвал оборону на глубину более 40 км. Противник понял, что не в силах остановить продвижение советских войск. Осознав угрозу окружения в запорожской излучине, командование группы армий “А”

4 февраля приступило к отводу войск с никопольского плацдарма. Переправленные на правый берег Днепра пять дивизий были использованы для укрепления коридора вдоль берега шириной 8–12 км, по которому войска выходили из образующегося котла. Недостаточно активное наступление 4-го Украинского фронта позволяло противнику совершить этот маневр.

К 10 февраля главная ударная группировка 3-го Украинского фронта вышла к правому берегу Днепра. Ее боевые возможности к этому времени значительно снизились. 4-й гвардейский мехкорпус, продвинувшийся за семь дней на 35 км, потерял 87 боевых машин. В корпусе осталось в строю всего 22 танка и САУ. Попытка окружить отходившие из-под Никополя вражеские войска успеха не имела.

4-й Украинский фронт к исходу 7 февраля полностью овладел никопольским плацдармом, но противник сумел отвести за Днепр почти все силы. С 10 февраля все войска в большой излучине Днепра были подчинены командующему 3-м Украинским фронтом, а 4-й Украинский фронт стал готовиться к разгрому немцев в Крыму²¹. Подтянув артиллерию и пополнив запасы, 3-й Украинский фронт 17 февраля возобновил наступление. Включение в его состав дополнительных войск давало возможность окружить немецкую группировку из пяти-семи дивизий в районе Кривого Рога. Соответствующий план был разработан командованием фронта под руководством Василевского²². Однако из-за низкой подвижности соединений и распутицы создание ударных группировок затянулось. Реализовать план не удалось. К концу февраля войска фронта вышли к р. Ингулец, захватив ряд плацдармов.

Итак, напряженная борьба в Приднепровье завершилась. Войска четырех украинских фронтов взломали оборону на всем протяжении полосы от Припять до нижнего течения Днепра. Продвинувшись в течение двух месяцев на 150–250 км, они разгромили крупные группировки врага и сорвали его планы по восстановлению обороны вдоль Днепра. Были освобождены Ровно, Житомир, Кировоград и другие населенные пункты. Красная Армия возвратила Родине такие крупные промышленные районы, как Никопольский и Криворожский. Рухнули надежды противника на установление сухопутной связи со своей крымской группировкой. После поражения зимой 1943/44 г. гитлеровское командование стремилось лишь закрепиться на занимаемых рубежах. Украинские фронты создали благоприятные условия для продолжения наступления на юго-западном направлении.

ЧЕРЕЗ ЮЖНЫЙ БУГ – К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ

Противник оказался глубоко охваченным с севера. Протяженность фронта на Украине возросла с 950 до 1200 км. При этом южный флаг отставал от северного почти на 500 км. Осознавая опасность такого положения, командование группы армий “Юг” вновь просило Гитлера разрешить отвести войска южного крыла на запад и тем самым упрочить оборону на Украине высвободившимися за счет сокращения линии фронта силами. Как и прежде, фюрер категорически возражал²³. По свидетельству Манштейна, он заявил: “Ведь когда-нибудь русские перестанут наступать! С июля прошлого года они ведут непрерывное наступление. Долго это не может продолжаться”²⁴. Немалые надежды он возлагал на распутицу, которая началась уже в конце зимы и с каждым днем усиливалась.

К началу марта германское командование перегруппировало войска на Правобережной Украине, чтобы укрепить северное крыло группы армий “Юг” и создать там сильный резерв из двух танковых корпусов и трех пехотных дивизий, прибывших из резерва ОКХ. Манштейн считал такие силы недостаточными и настаивал на сосредоточении за левым крылом его группы до двух армий в составе 15–20 дивизий. Однако возможности были исчерпаны, а эвакуацию 17-й армии из Крыма Гитлер безоговорочно отвергал²⁵.

Советское Верховное Главнокомандование планировало одновременными мощными ударами на 700-километровом фронте от Луцка до устья Днепра уничтожить противника по частям и завершить освобождение Правобережной Украины. В предстоявшем наступлении главная роль отводилась 1-му и 2-му Украинским фронтам. Первый должен был нанести удар из района Шепетовки в глубокий тыл группы армий "Юг" и отрезать ее основным силам пути отхода в западном направлении. Второй получил задачу продвигаться на запад к Днестру, расцечь противостоящего противника и во взаимодействии с соседом справа разгромить их. Войска 3-го Украинского фронта действовали на николаевско-одесском направлении. В Полесье создавался новый, 2-й Белорусский фронт, который должен был продвигаться в направлении Ковель – Брест и тем самым прикрыть с севера наступавшие советские войска. Конечной целью согласованных действий всех фронтов являлся выход на Государственную границу СССР от Бреста до устья Дуная²⁶.

Подготовка очередной операции 1-го Украинского фронта, которая вошла в историю как Проскуровско-Черновицкая, была последним вкладом генерала Н.Ф. Ватутина в освобождение Украины. 29 февраля во время выезда в войска командующий попал в засаду банды украинских националистов, был тяжело ранен и в ночь на 15 апреля скончался. Командование фронта 1 марта принял Г.К. Жуков. Он по-прежнему оставался заместителем Верховного Главнокомандующего, но обязанности по координации действий двух Украинских фронтов теперь с него снимались. Эту задачу взяла на себя Ставка.

4 марта 1-й Украинский фронт возобновил наступление. В течение первых трех дней оно развивалось успешно. Главную трудность представляла распутица. В грязи увязали автомашины и танки. Отставала артиллерия, нарушался подвоз боеприпасов и горючего. В который раз самым надежным средством тяги оказалась многострадальная лошадь. Когда останавливался и гужевой транспорт, самое необходимое несли на плечах солдаты и мобилизованные местные жители. Впрочем, отступавшему противнику было не легче: он также оставлял в раскисшем черноземе большое количество боевой техники и транспортных средств.

Наступление оперативных объединений бронетанковых и механизированных войск развивалось медленно. Лишь на пятый день 3-я гвардейская и 4-я танковые армии генералов В.М. Баданова и П.С. Рыбалко вышли к Тернополю. Преодолев 70–80 км, они израсходовали горючее и были вынуждены остановиться. Еще медленнее продвигалась пехота. 1-я гвардейская армия генерала А.А. Гречко за пять дней прошла лишь 24 км.

Несмотря на низкие темпы наступления, удар танковых армий на юг грозил перерезать важную железнодорожную магистраль Львов – Одесса, являвшуюся основной коммуникацией двух групп армий вермахта на Украине. С ее потерей войска пришлось бы снабжать обходным путем через Румынию. Чтобы не допустить этого, командование группы армий "Юг" срочно готовило силы для контрудара. К вечеру 6 марта штаб 1-го Украинского фронта вскрыл сосредоточение новых танковых дивизий противника. Манштейн выдвинул на рубеж Тернополь, Проскуров 9 танковых и 5 пехотных дивизий, которые нанесли контрудар по войскам фронта. Как считал Жуков, "здесь завязалось ожесточеннейшее сражение, такое, которое мы не видели со времен Курской дуги"²⁷. С обеих сторон в нем участвовало до 1300 танков, САУ и штурмовых орудий. 12 марта главные силы фронта вынуждены были перейти к обороне, чтобы подтянуть отставшие силы, подвезти боеприпасы, горючее и подготовить мощный удар по противнику. До 29 марта наступление продолжалось лишь на второстепенных направлениях. Используя успех соседа слева, войска левого крыла 1-го Украинского фронта (18-я и 38-я армии) потеснили врага на 150 км.

Стремительно продвигались войска 2-го Украинского фронта, которые перешли в наступление 5 марта, когда началась Уманско-Ботошанская операция. Уже к исходу первого дня его ударная группировка завершила прорыв вражеской обо-

роны. Конев сразу же ввел в сражение 2-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии. На пятый день войска овладели Уманью, передовыми отрядами вышли к р. Южный Буг и с ходу форсировали ее на 100-километровом участке. Здесь же приступила к боевым действиям 6-я танковая армия. В ночь на 12 марта Конев получил директиву Ставки, в которой требовалось форсировать Днестр, выйти на р. Прут – границу с Румынией²⁸. Наступление развивалось непрерывно. 17 марта, захватив плацдармы на правом берегу Днестра южнее Могилев-Подольского, войска 2-го Украинского фронта начали освобождение Молдавии. Ударная группировка фронта рассекла войска группы армий “Юг”, отрезав ее левофланговую 8-ю армию от 1-й танковой.

6 марта, точно по плану, развернулась Березнеговато-Снигиревская операция 3-го Украинского фронта. Преодолевая упорное сопротивление противника, его ударная группировка продвигалась из района Кривого Рога на запад. К исходу дня в сражение была введена конно-механизированная группа генерала И.А. Плиева, которая к утру 8 марта оторвалась от пехоты и расчленила вражескую группировку. Создались условия для охвата ее войск с запада, действовавших в районе Березнеговатого, Снигиревки. Группу Плиева повернули на юг. Пройдя по тылам противника около 80 км и развернувшись 12 марта фронтом на восток по р. Ингулец в районе Снигиревки, она встала на путях движения войск, отступавших под натиском 6, 5 ударной и 28-й армий. Под угрозой окружения оказались 13 немецких дивизий.

К этому времени конно-механизированная группа потеряла почти треть личного состава (в кавалерийских полках) и более половины танков. Ее сил для окружения противника не хватало. Попытки Малиновского быстро выдвинуть сюда правофланговые соединения 8-й гвардейской армии оказались неудачными, так как почти все они вместе с 23-м танковым корпусом были втянуты в тяжелые бои с вражескими дивизиями, прорывавшимися на запад.

Убедившись в невозможности ликвидировать прорыв и учитывая возросшую угрозу окружения четырех армейских корпусов в районе Березнеговатого и Снигиревки, командующий группой армий “А” Клейст 12 марта решил отвести войска за Южный Буг. Бросив огромное количество тяжелой техники и транспортных средств, противник отошел на указанный рубеж. 18 марта войска 3-го Украинского фронта вышли к Южному Бугу, но с ходу форсировать реку и овладеть г. Николаев не сумели.

Отражая контрудары немцев в районе Тернополя, Проскурова, 1-й Украинский фронт готовился к продолжению наступления в рамках прежней операции. Жуков еще 10 марта доложил в Москву свои соображения о плане дальнейших действий²⁹. Он предлагал встречными ударами 1-го и 2-го Украинских фронтов окружить и уничтожить 1-ю танковую армию противника. На следующий день командующий получил директиву Ставки, которая требовала, чтобы главные силы 1-го Украинского фронта наступали на юг, на Черновцы, а две армии его левого крыла – на запад, на Каменец-Подольский с целью окружить 1-ю танковую армию и выйти на границу с Румынией. Правым крылом войска фронта должны были овладеть Львовом и выйти на границу с Польшей³⁰. В директиве не упоминалось о взаимодействии со 2-м Украинским фронтом, так как его войска предполагалось повернуть к Черному морю для совместного наступления с 3-м Украинским фронтом.

С утра 21 марта 60-я и 1-я гвардейская армии, 1, 4 и 3-я гвардейская танковые армии нанесли главный удар на юг, а 18-я и 38-я армии – на юго-запад и запад. В течение девяти дней войска фронта осуществили один из крупнейших в истории войны маневр на окружение, объектом которого явилась группировка противника из 18 дивизий. Соединения 1-й танковой армии генерала М.Е. Катуква прорвались на глубину 150 км, 24 марта с ходу форсировали Днестр и через пять дней, преодолев Прут, овладели областным центром Черновцы. 4-я танковая армия генерала

Д.Д. Лелюшенко 26 марта ворвалась в г. Каменец-Подольский. Действуя совместно с 1-й гвардейской общевойсковой армией, 3-я гвардейская танковая армия генерала П.С. Рыбалко вышла к городу с севера. Противник оказался в котле, но фронт окружения оказался непрочным.

Войска 1-го Украинского фронта к этому времени сильно ослабли. Особенно большие потери понесли танковые объединения. 3-я гвардейская танковая армия, например, потеряла около 200 танков и САУ, что составило 70% их начальной численности (28 марта ее пришлось вывести в резерв Ставки на укомплектование). Кроме того, между соединениями 1-й гвардейской и действовавшей правее 4-й танковой армий образовался разрыв шириной около 30 км, прикрыть который оказалось нечем. В таком состоянии войска фронта не могли нанести сильных ударов по окруженному противнику.

В операции 1-го Украинского фронта наступил кульминационный момент: 1-я немецкая танковая армия к концу марта сосредоточила главные силы севернее Каменец-Подольского и предприняла дерзкий прорыв в северо-западном направлении. Командование фронта не сумело определить его направление. Маршал Г.К. Жуков после войны писал: «Мы имели тогда основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорваться на юг через Днестр в район Залещиков. Такое решение казалось вполне возможным и логичным»³¹.

Командующий 1-й танковой армией генерал Хубе действительно собирался прорываться на юг, в предгорья Карпат. Однако Манштейн настоял на северо-западном направлении, чтобы в районе Львова сосредоточить 1-ю и 4-ю танковые армии и в дальнейшем предотвратить прорыв советских войск в Галицию и Южную Польшу. Чтобы реализовать задуманное, необходим был встречный удар, для нанесения которого сил группы армий «Юг» не хватало. 25 марта Манштейн доложил свои соображения Гитлеру. Только после ожесточенного спора фюрер утвердил план, выделив для деблокирующего удара 2-й танковый корпус СС в составе двух переброшенных с запада свежих танковых дивизий, а также две пехотные дивизии³². Успех, одержанный Манштейном в споре с Гитлером, оказался для фельдмаршала последним: 31 марта он был отстранен от командования группы армий «Юг». Вместе с ним был снят с должности и уволен в запас командующий группой армий «А» Клейст. Их сменили генерал-фельдмаршал В. Модель и генерал Ф. Шернер. Манштейну и Клейсту были торжественно вручены высокие награды, что, однако, не могло скрыть все углублявшийся раскол в высшем эшелоне гитлеровского военного руководства.

Разведка 1-го Украинского фронта не сумела своевременно вскрыть подготовку деблокирующего удара. Сосредоточив усилия пяти дивизий на двух участках, где в 40-километровой полосе оборонялись только две ослабленные советские дивизии, противник 4 апреля перешел в наступление. Продвинувшись за два дня на глубину более 40 км, немцы отбросили их за Днестр. Окруженные войска противника нанесли встречный удар и 7 апреля соединились с деблокирующей группировкой в районе населенного пункта Бучач.

1-я танковая армия вырвалась из окружения. В результате врагу удалось уплотнить свои войска на львовском направлении. Прорыв 1-го Украинского фронта к Львову, как того требовала Ставка, осуществить не удалось. Изменить обстановку могли только свежие резервы, но ни фронт, ни Ставка ими в то время не располагали. К тому же часть фронтовых резервов (танковый корпус, кавалерийская дивизия и ряд других соединений и частей) была задействована на ликвидации банд украинских националистов. 17 апреля войска фронта перешли к обороне.

По мере продвижения советских войск в Полесье и на Волыни обострилась проблема борьбы с вооруженными формированиями украинских националистов, которые противостояли органам советской власти, терроризировали местное население. 12 февраля 1944 г. правительство Украинской ССР обратилось к выступав-

шим против советской власти повстанцам с призывом сложить оружие, обещая прощение за содеянные преступления. Это, однако, не привело к решительным результатам: украинские националисты продолжали активное вооруженное сопротивление и безжалостно расправлялись с теми жителями, которые не поддерживали “армию повстанцев”. Командование фронтов вынуждено было выделять на борьбу с бандформированиями крупные силы, что фактически превращало националистов в союзников гитлеровских оккупантов.

1-й Украинский фронт надежно прикрывался с севера 2-м Белорусским фронтом, образованным в Полесье с 24 февраля. Новое фронтовое объединение создавалось за счет армий, прибывавших из резерва Ставки, и сил соседних 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Назначенный командовать войсками фронта генерал П.А. Курочкин 4 марта получил директиву: наступать на ковельско-брестском направлении и, разгромив противника, выйти на Государственную границу СССР по р. Западный Буг. К боевым действиям требовалось приступить 12–15 марта³³.

Сжатые сроки не позволили сосредоточить все силы. К середине месяца в исходных районах успели развернуться лишь 15 дивизий из 28, а 6-я воздушная армия перебазировала на новые аэродромы 120 самолетов из 180. Полесская операция 2-го Белорусского фронта началась 15 марта нанесением удара в стык между группами армий “Центр” и “Юг”. Такие действия советских войск оказались неожиданными для противника. Используя не занятые им участки лесисто-болотистой местности, стрелковые дивизии 47-й армии генерала В.С. Поленова обошли Ковель с севера и юга. К 18 марта эта армия продвинулась на глубину 30–40 км. Дороги, ведущие из Ковеля на запад, были перекрыты стрелковыми дивизиями без участия соединений бронетанковых и механизированных войск, что случалось крайне редко в ходе войны.

Внезапный удар 2-го Белорусского фронта создал угрозу выхода его войск в глубокий тыл группы армий “Центр”. Ее командующий генерал-фельдмаршал Э. Буш принял ответные меры. В Полесье, в полосу фронта, было перегруппировано до восьми дивизий, которые нанесли ряд сильных контрударов. 4 апреля немцы прорвались к Ковелю и деблокировали окруженный гарнизон.

Действовавшая на брестском направлении 70-я армия за пять суток продвинулась на 60 км, но к концу марта была не только остановлена, но и частично потеснена. Неудачно развивались боевые действия на правом крыле фронта, где 61-я армия за 10 суток сумела продвинуться только на 4–8 км.

По поручению Ставки ВГК в начале апреля на 2-й Белорусский фронт прибыл командующий 1-м Белорусским фронтом генерал К.К. Рокоссовский. Ознакомившись с обстановкой, он пришел к выводу о нецелесообразности продолжать наступление. По его предложению 5 апреля 2-й Белорусский фронт был расформирован³⁴. Последовали и кадровые изменения: был отстранен от командования армией и назначен командиром корпуса В.С. Поленов, а П.А. Курочкин принял от выдвинутого на должность командующего фронтом генерала И.Д. Черняховского 60-ю армию, которой и командовал до конца войны. Несмотря на незавершенность наступления 2-го Белорусского фронта, оно оказало помощь 1-му Украинскому фронту, ибо в Полесье были скованы значительные силы противника.

В ходе мартовского наступления на Украине вперед вырвался 2-й Украинский фронт, проводивший Уманско-Ботошанскую операцию. Его войска к исходу 21 марта в полосе 200 км вышли к Днестру и, с ходу преодолев его, овладели плацдармом юго-восточнее Могилев-Подольского. Была создана угроза как для 1-й танковой армии противника, так и для группы армий “А”, остановившей 3-й Украинский фронт на р. Южный Буг.

Ставка ВГК решила, что для окружения 1-й танковой армии немцев вполне достаточно сил 1-го Украинского фронта. Поэтому 2-й Украинский фронт теперь должен был содействовать войскам Малиновского. 22 марта Конев получил дирек-

тиву наступать вдоль обоих берегов Днестра к Черному морю, не допустить отхода группы армий “А” за р. Днестр и вместе с 3-м Украинским фронтом окружить и разгромить противника. Предусматривалось, что войска правого крыла 2-го Украинского фронта овладеют Кишиневом и выйдут на р. Прут³⁵.

Изменив направление, войска 2-го Украинского фронта продолжали наступление. Передовые отряды 27-й и 52-й армий, преследуя противника, уже 25 марта вышли на р. Прут, а на следующий день эти оперативные объединения занимали уже 85-километровый участок вдоль границы СССР с Румынией. Армии генералов С.Г. Трофименко и К.А. Коротева были первыми из тех, кто восстановил нарушенную агрессором в июне 1941 г. Государственную границу СССР.

С выходом Красной Армии на границу с Румынией начинался новый этап войны – ее освободительный поход в Европу. В связи с этим советское правительство 2 апреля 1944 г. сделало заявление, в котором говорилось, что советское государство не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии. Вступление советских войск в ее пределы мотивировалось исключительно военной необходимостью и продолжавшимся сопротивлением противника³⁶.

В ночь на 28 марта войска правого крыла 2-го Украинского фронта форсировали Прут. Они продвинулись на 20–40 км в глубь румынской территории. Продолжали наступать и остальные армии фронта. На ближних подступах к Яссам и Кишиневу они встретили упорное сопротивление. Новому командующему группой армий “А”, переименованной с 5 апреля в группу армий “Южная Украина”, удалось развернуть на подготовленных рубежах выдвинутую из глубины страны 4-ю румынскую и отведенную из полосы 3-го Украинского фронта 6-ю немецкую армии.

Главным итогом Уманско-Ботошанской операции, завершившейся 7 апреля, явилось освобождение значительной части территории Украины, Молдавии и вступление войск 2-го Украинского фронта в пределы Румынии. Между тем в ходе операции прижать противника к Черному морю совместными усилиями 2-го и 3-го Украинских фронтов не удалось. Малоэффективной оказалась помощь войск Конева и при окружении 1-й танковой армии немцев. 25 марта Ставка, не зная истинных намерений германского командования, потребовала от 2-го Украинского фронта выдвинуть 40-ю армию на Хотин, чтобы “отрезать проскуровской группировке противника последние пути отхода за Днестр”³⁷. 40-я армия генерала Ф.Ф. Жмаченко 3 апреля овладела г. Хотин, однако эта группировка прорывалась не здесь, а в западном направлении.

2 мая Конев предпринял новую попытку охватить армиями центра и левого крыла 2-го Украинского фронта противника в районе Ясс и Кишинева, во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разгромить его и выйти в низовье р. Прут³⁸. Войска 2-го Украинского фронта добились в первый день успеха и вклинились в оборону на глубину до 10 км. Однако последующие бои, принесли большие потери, продвижения не дали. 6 мая Ставка приказала войскам фронта перейти к жесткой обороне.

Задачу по наступлению на одесском направлении командующий 3-м Украинским фронтом получил еще 11 марта, когда шло окружение противника в районе Березнеговатое, Снигиревка. После форсирования Южного Буга войска фронта должны были, согласно указанию Ставки, выйти к Пруту и Дунаю, т.е. на границу с Румынией³⁹. Малиновский совместно с Василевским разработал план, который был утвержден Сталиным. 26 марта войска 3-го Украинского фронта перешли в наступление и форсировали Южный Буг. Так началась Одесская операция. Армии левого крыла фронта штурмовали Николаев. Спустя два дня оборона противника на правом берегу Южного Буга была прорвана, а город и порт Николаев освобождены. При этом большую роль сыграл десант моряков Черноморского флота. В ночь на 26 марта в тыл противника были высажены 67 морских пехо-

тинцев и саперов под командованием старшего лейтенанта К.Ф. Олышанского. Проводником был местный рыбак А.И. Андреев. Десантники закрепились в николаевском порту и двое суток вели неравный бой с врагом. Они отразили 18 атак, уничтожив около 700 солдат и офицеров противника. Утром 28 марта с оставшейся в живых горсткой смельчаков соединились ворвавшиеся в порт советские войска. Все 68 участников десанта были удостоены звания Героя Советского Союза, из них 55 посмертно.

Удержание Южного Буга силами 6-й немецкой и 3-й румынской армий стало безнадежным, и поэтому в ночь на 28 марта они начали отход на запад. Перенацеливание в эти дни войск 2-го Украинского фронта в тыл двух вышеназванных армий потребовало от Малиновского и его штаба проведения внутрифронтной перегруппировки сил и средств. Направление главного удара 3-го Украинского фронта было перенесено из центра на правое крыло, и поэтому туда перебрасывались конно-механизованная группа, два стрелковых и 23-й танковый корпус, значительная часть артиллерии. Задержка сосредоточения сил на новом направлении была обусловлена трудностями переправы через Южный Буг, которая осуществлялась по единственному мосту. Медленно развивавшееся наступление 3-го Украинского фронта несколько ускорилось 30–31 марта благодаря вводу в сражение конно-механизованной группы и 23-го танкового корпуса. В течение нескольких дней соединения этих формирований продвигались в боевых порядках стрелковых дивизий, не имея возможности вырваться на оперативный простор из-за распутицы. Приданные дивизиям 4-го гвардейского кавкорпуса танковые полки отстали от конницы, так как кончилось горючее, а подвезти его по непроходимым дорогам было невозможно.

Овладев железнодорожным узлом Раздельная, конно-механизованная группа 4 апреля отсекла от главных сил 12 немецких и румынских дивизий, которые поспешно отходили к Одессе и переправам через Днестр и Днестровский лиман. Командующий группой армий «Южная Украина» генерал Шернер стремился эвакуировать часть своих войск из Одессы морем, но эта попытка была сорвана ударами фронтовой авиации и действиями сил Черноморского флота. Совместно они потопили свыше 30 вражеских судов. Однако прочно окружить вражескую группировку под Одессой войскам 3-го Украинского фронта не удалось, ибо на 60-километровом участке вдоль Днестра действовали только два корпуса конно-механизованной группы. К тому же 9 апреля Малиновский приказал командующему группой И.А. Плиеву, чтобы ее главные силы к исходу дня вышли к морю юго-западнее Одессы. Противник к этому времени владел всего двумя переправами через Днестр. К одной из них была послана кавалерийская дивизия, но ее сил для пресечения отхода противника оказалось недостаточно. Дивизия сама попала в окружение и понесла большие потери. К исходу 14 апреля основная часть отступавших войск переправилась на правый берег Днестровского лимана, избежав окружения.

Одессу освободили соединения и части трех армий, которыми командовали генералы В.И. Чуйков, И.Т. Шлемин и В.Д. Цветаев, а также конно-механизованная группа И.А. Плиева. Навстречу им из города и одесских катакомб выступили подпольщики и партизаны, которые вели ожесточенную борьбу с оккупантами с 1941 г. Связавшись с солдатами и офицерами словацкого полка, на который немцы возложили охрану тыловых объектов в Одессе, партизаны предотвратили многие разрушения в городе. К 10 часам 10 апреля Одесса, находившаяся под пятой оккупантов 30 долгих месяцев, наконец-то была избавлена от них. Через два дня 37-я армия генерала М.Н. Шарохина овладела Тирасполем, с ходу форсировала Днестр и захватила на его западном берегу важный плацдарм.

Еще 5 апреля Конев доложил в Ставку ВГК свои соображения на новую наступательную операцию фронта, целью которой являлся охват советскими войсками

“основной южной группировки немцев”. Операцию планировалось начать 8 апреля с наступления 40-й и 27-й армий с задачей выйти на рубеж Рэдеуцы, Тыргу-Няму, Бакэу. После этого 40-я армия перешла к обороне для прикрытия правого крыла фронта. Главный удар в направлении Болотино – Тыргу-Фрумос – Роман – Бакэу сначала наносила 27-я армия с приданным ей 3-м гвардейским танковым корпусом. Затем наступление должны были поддержать 7-я гвардейская и 5-я гвардейская танковые армии, переброшенные с других участков фронта. Задача остальных армий 2-го Украинского фронта (4 гвардейской, 53 и 5 гвардейской общевойсковых, 2 и 6-й танковых) заключалась в овладении Кишиневом и выходе на р. Прут⁴⁰. Утвердив 6 апреля решение Конева, Ставка в то же время приказала ему незамедлительно перевести на правый берег р. Прут 2-ю или 6-ю танковую армию для удара на юг вдоль р. Сирет, 7-ю гвардейскую армию перебазировать в район западнее Рыбницы, а корпус 40-й армии из-под Хотина вывести и использовать для усиления ее наступающих частей⁴¹.

Для выполнения поставленной задачи 2-й Украинский фронт обладал достаточными силами. В его составе было семь общевойсковых, три танковые и воздушная армии, отдельные кавалерийский, два механизированных и два танковых корпуса. Во фронте насчитывалось 56 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 6 танковых и 4 механизированных корпуса, всего 377,5 тыс. человек (в боевых частях), 8,3 тыс. орудий и минометов, 326 танков, 515 боевых самолетов. Фронту противостояла армейская группа “Велер” (8-я немецкая и 4-я румынская армии) и часть сил (три дивизии) 6-й немецкой армии, входившие в группу армий “Южная Украина”. Вражеская группировка насчитывала 24 дивизии (в том числе 5 танковых и 2 моторизованные), всего около 160 тыс. человек, до 3 тыс. орудий и минометов, более 160 танков и свыше 600 боевых самолетов.

Наступление войск правого крыла 2-го Украинского фронта с 8 по 11 апреля шло достаточно энергично. Они форсировали реки Сирет и Жижиа, продвинулись в юго-западном и южном направлениях на 30–50 км и вышли к предгорьям Карпат. 9 апреля соединения 27-й армии овладели Тыргу-Фрумосом, но в результате вражеского контрудара через два дня были вынуждены оставить город. На левом крыле войска фронта встретили организованное сопротивление и смогли продвинуться лишь на 10–15 км. К 11–12 апреля наступление 2-го Украинского фронта практически застопорилось. Из-за распутицы отстали три четверти артиллерии и значительное количество танков. Войска оторвались на 300 км от железнодорожных станций снабжения, и поэтому боеприпасы, горючее и продукты питания подвозились с большим опозданием. Паводком были сорваны мосты на реках Южный Буг, Днестр, Прут, Жижиа, Сирет, Сучава. По этим же причинам задерживалась перегруппировка объединений с левого крыла фронта на направление главного удара.

В течение последующих нескольких дней 40-я и 27-я армии вели упорные бои с контратакующим противником. 2-я танковая армия, введенная в сражение 12 апреля, во взаимодействии с 27-й армией отражала контрудар танковой группировки врага в районе Поду-Илоаей. На левом крыле войска фронта освободили Дубоссары и Григориополь, вышли на р. Днестр и вели бои за расширение плацдарма. С середины апреля дороги подсохли, что дало возможность ускорить подтягивание отставшей артиллерии, танков и подвоз боеприпасов. Но и противник принимал меры к усилению своей группировки. Боевой состав 4-й румынской армии с 9 по 16 апреля увеличился на семь дивизий.

18 апреля Конев представил в Ставку уточненное решение: прорвать оборону западнее Яссы, на участке Пашкани, Тыргу-Фрумос шириной 15 км и нанести главный удар по левому берегу р. Сирет на Бечешти, в дальнейшем развивать наступление на Бакэу или Васлуй. В состав ударной группировки должны были войти 15 стрелковых дивизий из 40, 7-й гвардейской и 27-й армий, 470–520 танков и САУ 5-й гвардейской и 2-й танковых армий. Плотность артиллерии намечалось довести до 150 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Начать операцию планирова-

лось 27–29 апреля. Одновременно предполагалось нанести вспомогательные удары на яском и кишиневском направлениях⁴². В директиве командующего фронтом от 23 апреля задача ударной группировки была сформулирована еще более решительно: овладеть районом Бакэу, Васлуй, отрезать пути отхода яско-кишиневской группировки противника на запад⁴³. Таким образом, к последней декаде апреля план фронтовой операции приобрел более четкие контуры. Перемещение войск 2-го Украинского фронта для создания ударной группировки в районе Тыргу-Фрумос было завершено только к концу апреля, в связи с чем сроки начала наступления переносились несколько раз.

Забываясь о повышении устойчивости обороны на участке Тыргу-Няму, Тыргу-Фрумос, Яссы, с. Исакова, командование армейской группы “Велер” располагало румынские и немецкие дивизии вперемешку. К маю в междуречье Прута и Сирета в первой линии обороны противника находились восемь дивизий, а во втором эшелоне пять танковых и моторизованных из шести имевшихся.

25–26 апреля войска 2-го Украинского фронта перешли в наступление на вспомогательных кишиневском и яском направлениях, чтобы отвлечь резервы противника с главного направления. Однако немецкое командование разгадало замысел операции и, более того, точно знало время ее начала. Из района Пятры в Тыргу-Фрумос была спешно переброшена моторизованная дивизия СС “Мертвая голова”, а в ночь накануне наступления войска были оттянуты с переднего края обороны. Артиллерийская подготовка оказалась проведенной по пустому месту. Поэтому с утра 2 мая армии главной ударной группировки фронта встретили сильное огневое сопротивление, их продвижение было крайне медленным.

3 мая против войск 2-го Украинского фронта на участке прорыва действовало уже четыре танковые дивизии, а на направление Роман – Бакэу были переброшены две румынские пехотные дивизии. В тот и следующий день соединения 7-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий безуспешно пытались прорвать вторую полосу обороны, а части 2-й танковой армии, вышедшие на подступы к Тыргу-Фрумос, без должного взаимодействия с соединениями 27-й армии были вынуждены отойти на исходные позиции под воздействием сильного контрудара. Попытка наступления советских войск с утра 5 мая успеха также не принесла. К началу следующего дня обе танковые армии были выведены из сражения.

Итак, в ходе Тыргу-Фрумосской операции войска 2-го Украинского фронта безуспешно пытались совершить глубокий прорыв обороны противника и выйти в междуречье Сирета и Прута. 6 мая по распоряжению Ставки они сами перешли к обороне занимаемой полосы.

12 апреля командование 3-го Украинского фронта направило в Москву свои сообщения по “осуществлению операции по выходу к государственной границе”. Главный удар должны были нанести пять армий в направлении Тирасполь–Комрат–Кагул, а вспомогательный – 8-я гвардейская армия вдоль Черноморского побережья. Для развития успеха намечался ввод конно-механизированной группы Плиева. Выход на Прут и Дунай планировался на девятый-десятый день. Операция должна была начаться 18–20 апреля с форсирования Днестра всеми силами фронта. До сосредоточения 5-й ударной и 6-й армий в исходных для наступления районах 57, 37 и 46-я армии продолжали расширять плацдармы на правом берегу Днестра⁴⁴. Решение Малиновского Ставка утвердила 15 апреля без изменений⁴⁵.

Однако последующие боевые действия показали, что войска 3-го Украинского фронта с выходом на Днестр исчерпали свои наступательные возможности. За короткий срок не удалось пополнить запасы боеприпасов, горючего, продовольствия и укомплектовать соединения и части недостающим личным составом. Предпринятые армиями фронта несколько попыток нанести удары с имевшихся плацдармов и захватить новые, ни к чему не привели. По указанию Ставки от 6 мая 3-й Украинский фронт перешел к обороне⁴⁶. С 20 апреля до 10 мая войска фронта потеряли 32 633 человека, из них 6 882 безвозвратно⁴⁷.

РАЗГРОМ ПРОТИВНИКА В КРЫМУ

Удержание Крыма Гитлер рассматривал как один из важных факторов устойчивости южного крыла восточного фронта и сохранения союзников на Балканах. С осени 1943 г., когда оборонявшаяся на полуострове 17-я армия оказалась отрезанной от главных сил в результате глубокого удара Красной Армии в низовье Днепра, командующие группами армий на Украине и начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта неоднократно предлагали Гитлеру оставить Крым и усилить тем самым оборону на Правобережной Украине. Фюрер всякий раз отвергал эти предложения. «Оставление Крыма, – заявил он, – будет означать отход от нас Турции, а затем Болгарии и Румынии»⁴⁸. Выход Красной Армии весной 1944 г. на Южный Буг, а затем и к Одессе усилил блокаду 17-й армии с суши и обрек ее на уничтожение в ближайшее время. Упрямство диктатора, стремившегося удержать Крым, вынудило Клейста и Цейтцлера подать в отставку, но Гитлер был по-прежнему непреклонен. Он приказал усилить войска, оборонявшие Крым.

Еще 6 февраля 1944 г. Василевский представил Верховному Главнокомандующему соображения о подготовке и проведении Крымской операции. Ставка согласилась с ним, внесла поправки и в директивах от 7 февраля поставила войскам задачи. В ходе подготовки наступления замысел операции был уточнен. В окончательном виде он заключался в том, чтобы одновременными ударами войск 4-го Украинского фронта с Перекопа и Сиваша и отдельной Приморской армии с керченского плацдарма в общем направлении на Симферополь, Севастополь при поддержке сил Черноморского флота, авиации дальнего действия и партизан разгромить 17-ю армию, не допустив ее эвакуации морем.

Переправа войск через Сиваш являлась одним из самых сложных подготовительных мероприятий фронта. К началу наступления здесь были построены мост на рамных опорах длиной около 2 км с грузоподъемностью до 30 т, обеспечивший пропуск средних танков, и две земляные дамбы с понтонным мостом между ними. Однако сильный шторм на Азовском море и непрерывные ливневые дожди привели в негодность переправы и дороги. Пришлось перенести операцию на 15–20 марта. Через неделю Василевский доложил в Москву о готовности войск фронта. Ставка приказала начать операцию после выхода к Одессе армий 3-го Украинского фронта⁴⁹.

Тем временем в стане противника страсти накалились. 27 марта румынский диктатор маршал Антонеску потребовал от Гитлера эвакуировать румынские войска из Крыма, пока Одесса еще находится в их руках. Германское командование считало, однако, что в результате отвода группы армий «А» за Южный Буг сил для удержания фронта вполне достаточно⁵⁰. 17-й армии ничего не оставалось, как ждать решения своей судьбы.

29–30 марта А.М. Василевский обсудил вопросы взаимодействия с К.Е. Ворошиловым, который являлся представителем Ставки ВГК в отдельной Приморской армии. Оба маршала полагали, что 4-му Украинскому фронту нужно начать наступление не позднее 5 апреля, а отдельной Приморской армии на два-три дня позже.

8 апреля войска 4-го Украинского фронта приступили к штурму мощных укреплений немцев. Этому предшествовала двухдневная артиллерийская обработка обороны на Перекопском перешейке. Сосредоточив тяжелую артиллерию, в том числе орудия калибра 203 мм, советское командование стремилось создать у противника впечатление, что главный удар будет нанесен именно здесь, хотя в действительности основные силы фронта Ф.И. Толбухин сосредоточил на плацдарме южнее Сиваша.

Несмотря на мощную 2,5-часовую артиллерийскую подготовку, первый день операции принес скромный успех: 2-я гвардейская армия выбила врага из двух траншей, а на главном направлении – в полосе 51-й армии – пехота сумела лишь ворваться в первую траншею. Войска фронта вынуждены были в течение трех дней

“прогрызать” вражескую оборону, преодолевая траншею за траншеей, позицию за позицией. Только к вечеру 10 апреля обе армии, наконец, прорвали укрепления. С утра 11 апреля в полосу 51-й армии вступил в сражение 19-й танковый корпус, который за день преодолел с боями 35 км и овладел Джанкоем. Оборона противника трещала по всем швам, и он начал поспешный отход на юг.

Прорыв вражеской обороны 4-м Украинским фронтом создал угрозу отсечения 5-го армейского корпуса на Керченском полуострове. В ночь на 11 апреля он начал отход на запад. Отдельная Приморская армия, которой командовал генерал А.И. Еременко, перешла в наступление и в первый же день овладела Керчью. Войска решительно преследовали противника на полуострове по всему фронту.

13 апреля были освобождены Евпатория, Симферополь и Феодосия. Войска устремились к Севастополю. В течение 15–16 апреля все три армии вышли к внешнему оборонительному обводу вокруг города. 18 апреля отдельная Приморская армия была включена в состав войск 4-го Украинского фронта. Остатки 17-й немецкой армии численностью более 70 тыс. человек оказались “запертыми” в севастопольском оборонительном районе, фронт которого достигал 35 км, а глубина колебалась от 10 до 16 км.

19 апреля советские войска предприняли первую попытку овладения севастопольскими позициями, но успеха не достигли. Василевский и Толбухин решили нанести повторные удары 23 апреля. Как вспоминал А.М. Василевский, это решение было “не совсем охотно утверждено Верховным Главнокомандующим”⁵¹. Соединения и части повторили атаки, нанося главный удар с востока, со стороны Балаклавы. За день удалось продвинуться всего на 3 км. Чтобы ввести противника в заблуждение, было решено нанести отвлекающий удар 2-й гвардейской армией с севера, а днем позже наступать на южный сектор севастопольского района 51-й и отдельной Приморской армиями при поддержке всей авиации и сил флота. На организацию новых ударов требовалось время. Узнав об отсрочке наступления, Сталин и вовсе “вышел из равновесия”⁵² (приближался Первомайский праздник). Василевскому с трудом удалось доказать необходимость планомерной подготовки. Сталин разрешил приступить к операции на второстепенном направлении 5 мая, а к генеральному штурму всеми остальными войсками, включая флот и партизан, – 7 мая.

Когда советские войска начали наступление в Крыму, Гитлер, наконец, отдал приказ об эвакуации войск с полуострова, но Севастополь объявил “городом-крепостью”, который надлежало оборонять до конца. Как всегда подкрепляя свои приказы соображениями политического плана, Гитлер 24 апреля заявил: “Учитывая общую обстановку, потеря Севастополя может стать последней каплей, достаточной, чтобы переполнить чашу. Турция уже резко отрицательно отреагировала на отход из Крыма. В случае сдачи Севастополя она, возможно, перейдет в лагерь противника. Это окажет сильное воздействие на Балканские страны и повлияет на позицию остальных нейтральных государств...”⁵³. Эвакуация войск из гарнизона города с 24 апреля была запрещена. Командование военно-морских сил на Черном море заверило фюрера, что сумеет обеспечить гарнизон Севастополя всем необходимым. К имевшимся к тому времени остаткам пяти немецких и трех румынских дивизий было переброшено морем и по воздуху еще 6 тыс. человек пополнения, в том числе немецкий штрафной батальон из Греции. 1 мая последовала замена командующего 17-й армией: вместо генерала Э. Енеке Гитлер назначил командира 5-го армейского корпуса генерала К. Альмендингера, который получил приказ защищать каждую пядь плацдарма.

Подготовка последнего штурма Севастополя продолжалась 12 дней. За это время были перегруппированы войска, уточнены их задачи, а также цели для ударов артиллерией и авиацией, пополнены запасы, огнем артиллерии большой мощности разрушены основные оборонительные сооружения. 5 мая после артиллерийской и авиационной подготовки перешла в наступление 2-я гвардейская армия. За два дня она продвинулась всего до 2 км, однако цель была достигнута: противник

перебросил в ее полосу часть войск южного сектора своей обороны, где наносился главный удар советских войск. После полуторачасовой артподготовки при массовой поддержке авиации фронта и флота 51-я и Приморская армии 7 мая прорвали оборону противника в южном секторе, овладев ее ключевой позицией – Сапун-горой. К исходу 10 мая город был полностью освобожден от оккупантов. Остатки крымской группировки численностью около 30 тыс. солдат и офицеров отошли на мыс Херсонес. К полудню 12 мая 51-я и Приморская армии завершили их ликвидацию. Из 260-тысячной группировки к началу операции противнику удалось эвакуировать морем и по воздуху 137 тыс. человек⁵⁴. По данным штаба 17-й армии, с 3 по 13 мая в море погибли 42 тыс. человек⁵⁵. В советском плену оказались 53 тыс. солдат и офицеров.

Наступление Красной Армии, которое зимой и весной 1944 г. развернулось на 1300–1400-километровом фронте на юго-западе страны, завершилось продвижением в глубину на 250–450 км. В результате двух стратегических операций, продолжавшихся почти пять месяцев, советские войска освободили от оккупантов Правобережную Украину, Крым, часть Молдавии, на протяжении более 400 км восстановили Государственную границу СССР и вторглись в пределы территории союзника Германии – Румынии. Красная Армия создала выгодные условия для разгрома противника на центральном участке советско-германского фронта и для прорыва на Балканы. Возвращение Крыма и побережья Черного моря улучшило базирование Черноморского флота.

С конца декабря 1943 и до середины мая 1944 г. Красная Армия разгромила на Украине и в Крыму 99 дивизий и 2 бригады, из которых 22 дивизии были уничтожены, 8 расформированы из-за потерь, другие 8 потеряли до двух третей и 61 дивизия до половины своего состава⁵⁶. Общие потери немецких и румынских войск равнялись 389 тыс. человек, в том числе безвозвратные – 93 тыс.⁵⁷

Советские войска возвратили Родине металлургию Юга, руду Криворожья, Керчи и Марганца, плодородные земли между Днепром и Прутом и в Крыму, важнейшие порты на Черном море – Одессу, Николаев, Севастополь, Феодосию, освободили из фашистской неволи миллионы людей. Успешное завершение операций означало также изменение военно-политической обстановки в бассейне Черного моря и на всем юго-востоке Европы. Боевой дух румынской армии, потерявшей в Крыму 40 тыс. человек, был сильно подорван, а народ Румынии осознал, что решимость ее военно-политического руководства продолжать войну ничего хорошего стране не сулит. Турция уже 20 апреля прекратила поставки необходимой для Германии хромовой руды. Эхо освобождения Правобережной Украины и Крыма прокатилось по оккупированным странам Балканского полуострова.

Днепровско-Карпатская и Крымская стратегические операции имели большое значение для развития военного искусства Красной Армии. Впервые после Сталинграда Ставка ВГК, Генеральный штаб и командование фронтов вновь обратилось к идее окружения вражеских группировок. Эта цель преследовалась в семи операциях из одиннадцати, осуществленных на Правобережной Украине зимой и весной 1944 г. И хотя лишь в Корсунь-Шевченковской операции окружение и разгром врага были доведены до логического завершения, накопленный большой боевой опыт был успешно реализован в летне-осенней кампании этого же года. Видное место в вооруженной борьбе занимали прорыв сильно укрепленных оборонительных рубежей (Крымская и другие операции), нанесение глубоких фронтальных ударов, посредством которых достигалось расчленение вражеского фронта (Уманско-Ботошанская операция), и другие способы разгрома крупных группировок, осуществлявшиеся во взаимодействии привлекаемых сил и средств. На приморском фланге операции фронтов координировались с действиями сил Черноморского флота и Азовской военной флотилии. Особую роль играло взаимодействие войск фронтов с партизанами, численность которых достигала 50 тыс. человек. Общие потери советских войск в Днепровско-Карпатской стратегической операции составили

1 192 900 солдат и офицеров, из них безвозвратные – 288 600⁵⁸. Высокие потери фронтов объясняются в значительной мере слабой обученностью пополнения, мобилизованного в освобожденных от оккупации районах Украины. В январе – апреле 1944 г. четыре Украинских фронта получили всего 56 900 человек обученного в военных округах маршевого пополнения, тогда как на один 1-й Украинский фронт было мобилизовано с освобожденной территории 126 300 человек⁵⁹. Не имея необходимой военной подготовки, они сразу зачислялись в роты и шли в бой, где и познавали тяжелую солдатскую службу. Победа добывалась кровью и большими потерями людей.

Советские воины между тем проявляли в боях массовый героизм и самопожертвование. За совершенные в операциях подвиги сотни бойцов и командиров были удостоены звания Героя Советского Союза, а десятки соединений и частей награждены орденами, им присвоены почетные наименования Корсунь-Шевченковских, Никопольских, Николаевских, Одесских, Проскуровских, Керченских, Перекопских, Севастопольских и др.

¹ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1977. Т. 8. С. 66.

² Там же.

³ См.: *Маништейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. С. 504–505.

⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 34. Л. 313. (Далее: ЦАМО).

⁵ *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 507–508.

⁶ *Грылев А.Н.* Днепр – Карпаты – Крым: Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. М., 1970. С. 54.

⁷ История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 8. С. 68.

⁸ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 8–9.

⁹ Там же. Ф. 236. Оп. 2677. Д. 87. Л. 102–115; Ф. 240. Оп. 2795. Д. 195. Л. 10.

¹⁰ Там же. Ф. 500. Оп. 12484. Карта от 22 января 1944 г.

¹¹ Там же. Ф. 132а. Оп. 2462. Д. 13. Л. 201–202.

¹² Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1132. Л. 66; Ф. 48а. Оп. 1137. Д. 1. Л. 567.

¹³ *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 520.

¹⁴ *Vortann N.* Tscherkassy. Heidelberg, 1954. S. 104, 110; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 227.

¹⁵ *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 522.

¹⁶ ЦАМО Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 34. Л. 314.

¹⁷ Там же. Ф. 500. Оп. 12484. Д. 937–952. Карты.

¹⁸ Разгром немецко-фашистских войск на Правобережной Украине. М., 1957. Кн. 1. С. 248.

¹⁹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1989. Кн. 2. С. 77.

²⁰ Разгром немецко-фашистских войск на Правобережной Украине. Кн. 1. С. 282.

²¹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1795. Д. 414. Л. 512–517; Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 35. Л. 2.

²² Там же. Ф. 48а. Оп. 1795. Д. 414. Л. 518–523.

²³ См.: *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 527.

²⁴ Там же. С. 524.

²⁵ Там же. С. 528.

²⁶ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 55, 61, 62, 64.

²⁷ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1992. Т. 3. С. 120.

²⁸ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 61.

²⁹ Там же. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 128–134.

³⁰ Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 64.

³¹ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 121–122.

³² *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 541–543.

³³ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 55.

³⁴ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1984. С. 248–249; ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 75–76.

³⁵ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 67–68.

³⁶ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1946. Т. 2. С. 105.

- 37 ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1795. Д. 9. Л. 206.
- 38 Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1261. Л. 51–53.
- 39 Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 62.
- 40 Там же. Ф. 240. Оп. 2769. Д. 166. Л. 36–40.
- 41 Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 79–80.
- 42 Там же. Ф. 240. Оп. 2769. Д. 180 (Т. 3). Л. 579–583.
- 43 Там же. Д. 166. (Т. 2). Л. 174–179.
- 44 Там же. Ф. 243. Оп. 2912. Д. 122. Л. 50–57.
- 45 Там же. Ф. 48а. Оп. 1795. Д. 19. Л. 227.
- 46 Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 360.
- 47 Там же. Ф. 243. Оп. 2917. Д. 123. Л. 110, 123.
- 48 Цит. по: *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 507.
- 49 ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1975. Д. 414. Л. 812–815; Д. 9. Л. 162. 176; Д. 414. Л. 135–140.
- 50 *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940–1945.* Frankfurt a/M, 1963. Bd. 4. S. 810. (Далее: КТВ/ОКВ).
- 51 *Василевский А.М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 110.
- 52 Там же. С. 112.
- 53 КТВ/ОКВ. Bd. 4. S. 810.
- 54 *Gosztony P.* Deutschlands Waffendefahnten an der Ostfront, 1941–1945. Stuttgart, 1956. S. 123.
- 55 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М., 1964. Т. 4. С. 454.
- 56 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 8. С. 110.
- 57 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12526. Д. 1866–1878 (микрофотокадры).
- 58 Гриф секретности снят... С. 197–198; ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2795. Д. 173. Л. 305, 327; Ф. 243. Оп. 2917. Д. 123. Л. 110, 123.
- 59 ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2677. Д. 34. Л. 662.

ОПЕРАЦИЯ “БАГРАТИОН”

В мае 1944 г. почти на всем протяжении советско-германского фронта царило затишье, обе противоборствующие стороны готовились к предстоящим сражениям. Для их успеха у советских вооруженных сил имелись благоприятные предпосылки. В действующей армии было 6,6 млн человек, 98,1 тыс. орудий и минометов, 7,1 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок (САУ), около 12,9 тыс. боевых самолетов¹. Превосходство над противником в людях было в 1,7 раза, в орудиях и минометах – в 1,8, в боевых самолетах – в 1,9, в танках и самоходных (штурмовых) орудиях – в 1,6 раза².

Задачи Красной Армии на лето и осень 1944 г. были сформулированы в первомайском приказе Верховного Главнокомандующего. Она должна была завершить изгнание оккупантов с советской территории, восстановить Государственную границу СССР на всем протяжении, вывести из войны на стороне Германии европейских союзников и освободить из немецкой неволи поляков, чехов, словаков и другие народы Западной Европы³. Для решения этих задач в ходе летне-осенней кампании планировалось подготовить и последовательно провести целую серию стратегических наступательных операций на огромном пространстве – от Заполярья до Черного моря. Для этого намечалось привлечь силы нескольких фронтов. На первом этапе кампании (июнь–август) предусматривалось нанести три мощных удара и поочередно разгромить крупные группировки врага: вначале на Карельском перешейке и в Южной Карелии, потом на центральном участке фронта – в Белоруссии, а затем в западных областях Украины на львовско-сандамирском направлении. На втором этапе (сентябрь–ноябрь) задумывались наступательные операции на Балканах, в Прибалтике и на Крайнем Севере.

Приоритет в будущей кампании отдавался центральному участку советско-германского фронта. Только уничтожив крупную стратегическую группировку противника, какой являлась группа армий “Центр”, можно было освободить Белоруссию. При этом учитывалось, что на ее оккупированной территории активно действовала разветвленная сеть партизанских формирований, которые постоянно дезорганизовывали тыл противника.

О замысле Ставки на лето 1944 г. Сталин 6 июня, в день вторжения англо-американских войск в Нормандию, писал премьер-министру Великобритании Черчиллю: “Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развиваться этапами путем последовательного ввода армий в наступательные операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск...”⁴.

К боевым действиям готовились и в Берлине. Части и соединения вермахта срочно пополнялись личным составом. С января по май на восточный фронт были переброшены две моторизованные и пехотная дивизии⁵. Тем не менее в результате понесенных потерь в зимней кампании общая численность войск, действовавших против Красной Армии, с 1 января по 1 июня снизилась на 900 тыс. человек⁶. Сократилось также количество танков, орудий и боевых самолетов.

Стратегическое положение третьего рейха существенно осложнилось, когда вооруженные силы США и Англии открыли второй фронт в Европе. С этого времени Германия вынуждена была воевать на два фронта. На востоке против Красной Армии действовали главные силы вермахта – 228 дивизий и 23 бригады, на западе немецкое командование держало 86 дивизий⁷.

Несмотря на утрату инициативы, командование вермахта все еще не считало войну проигранной. На лето 1944 г. оно планировало на восточном фронте упорной обороной не допустить дальнейшего продвижения Красной Армии, а на западном – не допустить вторжения американско-английских войск во Францию, захватить инициативу и изменить ход войны в свою пользу.

Нацистские лидеры напрасно надеялись, что после открытия второго фронта в Северной Франции между СССР и западными державами обострятся противоречия, коренным образом изменится характер войны и это спасет Германию от поражения. Бывший генерал вермахта Ф. Меллентин впоследствии писал в своих мемуарах: “Раскол между Советским Союзом и англо-американцами – вот что было нашей реальной надеждой”⁸. Но, к счастью для всего мира, этого не произошло.

Не оправдались и расчеты командования вермахта в отношении направления главного удара Красной Армии. Оно полагало, что основные события на восточном фронте будут развиваться не на центральном, а на юго-западном направлении. Этот серьезный промах был умело использован советским командованием.

В планах Ставки Верховного Главнокомандования на лето 1944 г. первостепенное значение отводилось Белорусской операции. К лету 1944 г. линия фронта на белорусском направлении изгибалась так, что возник огромный выступ, который глубоко вклинивался в расположение советских войск. Этот выступ, или, как его называли немцы, “балкон” стал для них важным стратегическим плацдармом. Удерживая его, они могли прикрывать подступы к Польше и Восточной Пруссии, сохранять устойчивое положение в Прибалтике и Западной Украине. Командование вермахта принимало во внимание и то обстоятельство, что довольно развитая в Белоруссии сеть железных и шоссейных дорог позволит ему не только осуществлять маневр силами и средствами, но и поддерживать взаимодействие между группами армий “Север”, “Центр” и “Северная Украина”. Кроме того, выступ нависал с севера над войсками 1-го Украинского фронта. Это мешало их дальнейшему продвижению на запад, создавало угрозу фланговых ударов. К тому же немецкие авиационные эскадры, базируясь на аэродромах в Белоруссии, имели возможность совершать налеты на советские коммуникации и промышленные центры.

Германское командование стремилось любой ценой удержать белорусский выступ. Оно готовило его к упорной обороне. Главная роль отводилась группе армий “Центр” во главе с фельдмаршалом Э. Бушем. В ее состав входили 3 танковая, 4, 9 и 2-я армии; они занимали рубеж на 950-километровом фронте. Всего группа армий “Центр” имела 50 дивизий и 3 бригады⁹.

На стыках с группой армий “Центр” оборону держали соединения 16-й армии, входившей в группу армий “Север”, а также 4-я танковая армия из группы армий “Северная Украина”. В общей сложности на белорусском направлении действовали 63 дивизии. В них насчитывалось 1,2 млн человек, 900 танков и штурмовых орудий, 9500 полевых орудий и минометов. С воздуха германские войска поддерживала авиация 6 и частично 1 и 4-го воздушных флотов в количестве 1350 боевых самолетов¹⁰. Главные силы противника были сосредоточены в районах Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, Бобруйска и Ковеля, где они прикрывали самые доступные для наступления направления.

На территории Белоруссии немцы создали сильную в инженерном отношении оборону. Ее рубежи и полосы простирались на глубину 250–270 км. Особенно тщательно готовился первый рубеж под условным наименованием “Пантера”, который проходил по северо-восточным и восточным границам белорусского выступа. Здесь сосредоточивалось до 80% всего личного состава и военной техники. Первая

оборонительная полоса глубиной 3–7 км включала две–три позиции, каждая из которых состояла из двух–трех сплошных траншей, соединенных ходами сообщений. Ее прикрывали проволочные заграждения, минные поля и противотанковые рвы. На удалении 7–10 км от переднего края обороны была сооружена вторая полоса. В зависимости от характера местности она состояла из одной или двух оборонительных позиций, имея три–четыре траншеи. Были построены доты и дзоты, бронеколпаки и сборные железобетонные огневые точки. Блиндажи с перекрытием в пять–шесть бревенчатых накатов изнутри были укреплены железобетонными плитами. Применялись и так называемые лисьи норы – глубоко врытые в толщу земли подземные щели, которые служили укрытием для солдат.

В оперативной глубине обороны немцы умело использовали лесисто–болотистую местность, оборудовав там армейский, промежуточный и тыловой рубежи. Крупные города были превращены в мощные узлы сопротивления, а Витебск, Орша, Бобруйск, Могилев, Борисов и Минск приказом Гитлера объявлены “укрепленными районами”¹¹.

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

Генеральный штаб приступил к планированию наступательной операции по освобождению Белоруссии в начале апреля 1944 г. 20 мая генерал А.И. Антонов представил Верховному Главнокомандующему план, предусматривавший одновременный прорыв обороны противника на шести участках, расчленение его войск и разгром по частям. Особое значение придавалось ликвидации наиболее мощных фланговых группировок в районах Витебска и Бобруйска, стремительному продвижению на Минск, а также окружению и уничтожению основных сил группы армий “Центр” восточнее Минска на глубине 200–300 км. Нарастив удары и расширяя фронт наступления, советские войска должны были неотступно преследовать остатки сил, не позволяя им закрепиться на промежуточных рубежах. Предполагалось, что успешное выполнение замысла позволит освободить всю Белоруссию, выйти на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии, рассечь германский фронт, создать выгодные предпосылки для ударов по вражеским войскам в Прибалтике.

К операции предусматривалось привлечь войска четырех фронтов. Войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала И.Х. Баграмяна наступали из района северо–западнее Витебска, 3-го Белорусского фронта генерала И.Д. Черняховского – южнее Витебска на Борисов. На могилевском направлении действовал 2-й Белорусский фронт генерала Г.Ф. Захарова. Войска 1-го Белорусского фронта под командованием генерала К.К. Рокоссовского нацеливались на Бобруйск, Минск.

После уточнений и дополнений план операции 30 мая был утвержден Верховным. В честь выдающегося русского полководца, героя Отечественной войны 1812 г. генерала от инфантерии Петра Ивановича Багратиона операция получила условное название “Багратион”. В ночь на 31 мая были отработаны частные директивы, которые за подписью Сталина и Жукова были направлены командованию фронтов.

Больших изменений в план внесено не было. Замысел его оставался прежним. Для согласования действий фронтов Ставка ВГК выделила своих представителей. Так, наступление войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов координировал начальник Генерального штаба маршал Василевский, а 1-го и 2-го Белорусских фронтов – заместитель Верховного маршал Жуков. Вопросы применения военно–воздушных сил занимался представитель Ставки ВГК по авиации – командующий ВВС Красной Армии главный маршал авиации А.А. Новиков. Для эффективного использования сил и средств артиллерии в 1-й

и 2-й Белорусские фронты Ставка ВГК направила начальника Главного артиллерийского управления маршала Н.Д. Яковлева, а в 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронты – командующего артиллерией Красной Армии маршала М.Н. Чистякова. Прибытие на фронт такого количества военачальников высокого ранга подчеркивало значение этой операции. Слишком свежи были в памяти шестимесячные неудачные попытки прорвать немецкую оборону в Белоруссии.

В операции “Багратион” немаловажная роль отводилась белорусским партизанам. К лету 1944 г. на белорусской земле действовали 143 тыс. партизан, входивших в состав 150 партизанских бригад и 49 отдельных отрядов¹². Словом, в тылу врага сражалась внушительная сила, которая должна была действовать совместно с войсками Красной Армии. Через Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) Верховное Главнокомандование определило конкретные задачи: в тылу врага нарушать коммуникации и узлы связи, уничтожать немецкие штабы, выводить из строя технику противника, в интересах наступающих фронтов вести разведку, захватывать и удерживать выгодные рубежи и плацдармы на реках до подхода армии, оказывать ее частям поддержку при освобождении городов, железнодорожных узлов и станций, организовывать охрану населенных пунктов, срывать эвакуацию советских граждан в Германию, всячески мешать гитлеровцам взрывать при отступлении промышленные предприятия и мосты.

В начале июня БШПД подготовил план новой рельсовой операции, который 7 июня был рассмотрен и утвержден ЦК компартии Белоруссии. На следующий день все партизанские формирования и подпольные организации получили по радио от начальника БШПД П.З. Калинина указание: “Подготовиться и в ночь с 19 на 20 июня начать партизанскую рельсовую операцию”. В радиogramмах каждому отряду ставились совершенно конкретные задачи: какой участок железной дороги вывести из строя, сколько и где подорвать рельсов¹³.

С середины мая командования и штабы, все воины и партизаны, привлекаясь к освобождению Белоруссии, развернули подготовку к наступлению. К началу операции в составе четырех фронтов было сосредоточено 2400 тыс. человек, 5200 танков и САУ, 36 тыс. орудий и минометов, 5300 боевых самолетов. Советские войска превосходили противника в людях в 2 раза, в танках и самоходных (штурмовых) орудиях – в 5,8, в орудиях и минометах – в 3,8, в боевых самолетах – в 3,9 раза¹⁴. Это давало уверенность в успехе, тем более, что ни в одной из предшествовавших операций Великой Отечественной войны в армии не было такого количества артиллерии, танков и боевых самолетов.

Огромное внимание уделялось достижению внезапности. Для дезинформации противника фронтовым объединениям было приказано создать не менее трех оборонительных рубежей на глубине до 40 км. Населенные пункты приспособлялись к круговой обороне. Фронтовые, армейские и дивизионные газеты публиковали материалы только по оборонительной тематике. Военная хитрость дала свои результаты: внимание немцев в значительной степени было отвлечено от готовившегося наступления.

В войсках строго соблюдались режим радиомолчания и правила скрытного управления, а к разработке плана военных действий привлекался узкий круг лиц. В полном объеме план операции “Багратион” кроме Сталина знали лишь пять человек: заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генерального штаба и его первый заместитель, начальник оперативного управления и один его заместитель¹⁵.

Перегруппировка войска проводилась при тщательной маскировке. В прифронтовой полосе части и соединения передвигались только в ночное время и небольшими группами. Ни днем, ни ночью не разрешалось разводить костры. 5-я гвардейская и 2-я танковые армии, а также часть соединений дальней авиации, ко-

торым предстояло принять участие в операции, до начала наступления в Белоруссии находились на южном крыле советско-германского фронта. Прибывавшие войска на станциях разгрузки встречали специально выделенные офицеры и далее сопровождали их до районов сосредоточения. На остановках эшелоны охранялись усиленными патрулями.

Советское командование предприняло и другие меры по дезинформации противника. Для создания у немецкого командования впечатления, будто летом Красная Армия будет наносить главный удар на юге, по указанию Ставки ВГК на правом крыле 3-го Украинского фронта, севернее Кишинева, была создана ложная группировка в составе 9 стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией. Этот район насыщался макетами танков и орудий зенитной артиллерии. Для большей убедительности над территорией, где имитировалось скопление войск и военной техники, патрулировали истребители. Словом, делалось все возможное, чтобы ввести противника в заблуждение относительно намечавшегося главного удара Красной Армии.

Благодаря этим мерам была достигнута внезапность наступления в Белоруссии. Германское командование не раскрыло ни общего замысла операции, ни ее масштаба, ни направления главного удара, ни срока начала военных действий. Поэтому из 34 танковых и механизированных дивизий 24 дивизии Гитлер держал южнее Полесья¹⁶.

Командование фронтов тщательно отработывало вопросы взаимодействия, обобщался и доводился до каждого солдата, сержанта и офицера опыт, полученный в предыдущих сражениях. Днем и ночью войска занимались боевой подготовкой. Они тренировались в преодолении естественных и искусственных препятствий на поле боя, учились штурму вражеских позиций, форсированию рек и заболоченных участков местности. «Мы готовились к боям тщательно, – вспоминал маршал К.К. Рокоссовский. – Составлению плана предшествовала большая работа на местности, в особенности на переднем крае. Приходилось в буквальном смысле ползать на животе... Нелегкое дело предстояло нашим солдатам и офицерам – пройти эти гибельные места, пройти с боями, пройти стремительно. Люди готовили себя к этому подвигу. Пехотинцы невдалеке от переднего края учились плавать, преодолевать болота и речки на подручных средствах, ориентироваться в лесу. Было изготовлено множество “мокроступов” – болотных лыж, волокуш для пулеметов, минометов и легкой артиллерии, построены лодки и плоты. У танкистов – своя тренировка. Помнится, как-то командующий 65-й армией генерал Батов показал мне “танкодром” на болоте в армейском тылу. Часа полтора мы наблюдали, как машина за машиной лезли в топь и преодолевали ее. Вместе с саперами танкисты снабдили каждый танк фашинами, бревнами и специальными треугольниками для прохода через широкие рвы»¹⁷.

Тщательно планировалось боевое применение артиллерии и авиации. Во всех фронтах в полном объеме было предусмотрено артиллерийское и авиационное наступление. Продолжительность артиллерийской подготовки составляла 120–140 мин. т.е. по сравнению с 1943 г. увеличилась на 30%. Артиллерийскую поддержку атаки пехоты и танков намечалось осуществлять не только одинарным, но и двойным огнем валом на глубину 1,5–2 км.

Особые надежды возлагались на авиацию, которой предстояло решать важные задачи: прочно удерживать господство в воздухе, ударами бомбардировщиков и штурмовиков по объектам противника на поле боя и в тылу помогать своим войскам прорывать оборону и развивать успех операции, нарушать маневр вражеских резервов, дезорганизовывать планомерный отход немецких войск, непрерывно вести воздушную разведку. Огромную работу проделали войска фронтов по инженерному обеспечению операции. Саперные части и соединения строили и ремонтировали дороги, мосты, очищали от мин прилегающую местность. Только в полосе действий 6-й гвардейской и 43-й армий 1-го Белорусского фронта было по-

строено 500 км новых дорог и очищена от мин площадь в 400 кв. км. Войска 3-го Белорусского фронта возвели 157 и отремонтировали 348 мостов. Инженерные войска 1-го Белорусского фронта соорудили четыре моста через Днепр длиной от 65 до 150 м¹⁸.

Сложные задачи стояли перед органами оперативного и войскового тыла. По распоряжению Ставки ВГК в войсках сосредоточивались 5 комплектов боеприпасов, 10–20 заправок авиационного и автомобильного бензина, 30 сутодач продовольствия. В общей сложности четырем фронтам требовалось доставить 400 тыс. т боеприпасов, 300 тыс. т горючего, свыше 500 тыс. т продовольствия и фуража¹⁹. Чтобы лучше представить, каков был объем перевозок, отметим, что только для доставки частям одного боекомплекта снарядов и мин требовалось по меньшей мере 1300 железнодорожных вагонов²⁰. Ежедневно фронтам подавалось в среднем до 100 поездов²¹.

До начала операции войсковая, воздушная и агентурная разведки помогли вскрыть группировку противника и характер его обороны. С наступлением темноты разведчики частей и соединений проникали во вражеский тыл, прощупывали каждый клочок земли перед передним краем обороны, уточняли минные поля, проволочные и другие заграждения, места расположения огневых точек, начертание траншей, определяли границы опорных пунктов и стыки немецких частей и соединений. Только в полосе 1-го Белорусского фронта было захвачено 80 «языков».

Огромную помощь войскам в получении сведений о неприятеле оказали партизаны и подпольщики. За шесть месяцев 1944 г. они передали разведорганам фронтов 5865 оперативных документов, захваченных у противника. Накануне наступления партизаны и подпольщики сообщили командованию фронтов и армий ценные данные о расположении 33 вражеских штабов, 30 аэродромов, 70 крупных складов, составе 900 гарнизонов и около 240 частей, о направлении движения 1642 эшелонов и характере перевозимых грузов²². «Помнится, – делился своими воспоминаниями маршал Баграмян, – партизаны помогли нам детально разведать Западную Двину в районах, намеченных для форсирования. Были взяты на учет все уцелевшие и наведенные фашистами мосты... Партизаны сообщили нам об всех имевшихся бродах, подходы к которым были удобными для танков и всех видов транспорта, разведали и взяли на учет все участки, где можно было быстро, без больших инженерных затрат оборудовать полевые взлетно-посадочные полосы для 3-й воздушной армии»²³.

В ночь на 20 июня в тылу врага на всех железнодорожных магистралях загремели взрывы. Началась партизанская рельсовая операция. В самый ответственный момент боевых действий железнодорожное движение в тылу врага было парализовано. «Последняя неопределенность относительно начала сроков наступления, – писал бывший командующий 4-й немецкой армией генерал К. Типпельскирх, – рассеялась 20 июня, когда партизанами были предприняты крупные диверсии на железных дорогах Пинск – Лунинец, Борисов – Орша и Молодечно – Полоцк, то есть как раз на коммуникациях группы армий «Центр». 23 июня четыре русских фронта начали наступление»²⁴.

20 июня войска фронтов заняли исходное для наступления положение и ждали лишь сигнала для начала боевых действий. Воины передовых батальонов в короткие ночи перед сражениями готовили позиции для атаки, а саперы полков и дивизий незаметно для врага делали проходы в минных и проволочных заграждениях.

22 июня началась разведка боем. Чтобы скрыть направление главного удара, она осуществлялась на широком фронте – 450 км. Специально подготовленные передовые батальоны и разведывательные отряды при поддержке танков, артиллерийского огня и авиации атаковали противника от оз. Нещердо до р. Припять. Приняв разведку боем за наступление главных сил, немцы открыли ответный артиллерийский огонь и стали спешно подтягивать резервы к оборонительному рубежу «Пантера».

РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК ПОД ВИТЕБСКОМ, БОБРУЙСКОМ И МОГИЛЕВОМ

Утром 23 июня перешли в наступление войска 1 Прибалтийского, 3 и 2-го Белорусских фронтов. Сутками позже в сражение включились армии 1-го Белорусского фронта. С раннего утра в течение 120 мин. более 30 тыс. орудий и минометов крушили немецкие укрепления, перепахивали траншеи, подавляли и уничтожали огневые средства и военную технику. Ураганный артиллерийский огонь потряс противника. Большинство его оборонительных сооружений было выведено из строя, огневые средства, артиллерийские и минометные батареи подавлены, а управление войсками нарушено. Казалось, после столь мощной артиллерийской обработки переднего края и ударов авиации в траншеях не останется ничего живого. Однако вопреки ожиданиям противник быстро пришел в себя. Из тыловых районов срочно подтягивались тактические и оперативные резервы.

Советские воины, несмотря на ожесточенное сопротивление врага, действовали смело, шаг за шагом продвигаясь вперед. Соединения 6-й гвардейской и 43-й армий 1-го Прибалтийского фронта в первый день операции опрокинули немцев севернее Витебска и продвинулись на 12–16 км. В ночь на 24 июня они вышли к Западной Двине, с ходу форсировали реку и захватили несколько плацдармов на ее левом берегу.

Германское командование никак не ожидало наступления войск 1-го Прибалтийского фронта. Об этом пишет и бывший генерал вермахта Типпельскирх: “Особенно неприятным было наступление северо-западнее Витебска, так как оно в отличие от ударов на остальном фронте явилось полной неожиданностью, поразив особенно слабо защищенный участок фронта на решающем в оперативном отношении направлении”²⁵.

Успешно действовали войска 30-й и 5-й армий 3-го Белорусского фронта. В течение 23 июня они прорвали оборону на участке шириной 50 км и углубились на 10–13 км. Проявляя настойчивость, непрерывно маневрируя на поле боя, они на следующий день продвинулись еще на 12–15 км. Завязалось сражение за Богущевск – важный узел сопротивления врага. На рассвете 25 июня советские войска взяли этот город.

23 июня на оршанском направлении войска 11-й гвардейской и 31-й армий тоже встретили сильное сопротивление. Чтобы не допустить выхода советских войск на Минское шоссе, германское командование сосредоточило на этом участке самые боеспособные дивизии – 78 и 256 пехотные, а также 25-ю моторизованную. Поэтому несмотря на все усилия и значительные потери, прорвать оборону не удалось.

Командующий 11-й гвардейской армией генерал К.Н. Галицкий, анализируя причины неудач своих войск в первый день операции, отмечал, что низкие темпы наступления 23 июня объяснялись не только прочностью немецкой обороны и упорным сопротивлением вражеских войск, но и серьезными недочетами в ведении боевых действий: артиллерия слабо подавила огневые средства и другие объекты в глубине обороны; не было четкого взаимодействия пехоты, танков и самоходной артиллерии на поле боя; полки, дивизии и корпуса плохо маневрировали в ходе сражения, несвоевременно наращивали удары по противнику²⁶.

Войска 2-го Белорусского фронта действовали более успешно. Соединения 49-й армии в первый же день прорвали оборону на глубину 5–8 км и форсировали р. Проня. В последующем, ломая сопротивление врага, они форсировали р. Веста, вклинились в оборону на глубину почти 30 км, вышли на оперативный простор, начав преследование отступавшего противника.

Благоприятно развивались события в полосе левофланговых армий 1-го Белорусского фронта. Войска 65-й и 28-й армий при активной поддержке авиации в первый день наступления вклинились в оборону на 10 км, освободили 50 населенных

пунктов, расширив участок прорыва до 30 км. К исходу третьего дня соединения 65-й армии вышли на Березину южнее Бобруйска, а войска 28-й армии форсировали р. Птичь.

Совсем иначе развивались события на рогачевско-бобруйском направлении. 3-я армия в первый день добилась незначительных результатов. Дивизии двух ее стрелковых корпусов, отбивая яростные контратаки пехоты и танков, овладели только первой и второй траншеями. С большими трудностями шло наступление и в полосе 48-й армии. Широкая болотистая пойма р. Друть крайне замедлила переправу пехоты, а особенно танков. Лишь после двухчасового напряженного боя части выбили немцев из первой траншеи и к 12 час. дня заняли вторую траншею.

Маршал Жуков, координируя действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов, впоследствии имел мужество признать и собственные упущения: “При подготовке операции была слабо разведана оборона противника на рогачевско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления. В результате этой ошибки 3-й и 48-й армиям был дан завышенный участок прорыва. К тому же армии не имели достаточных средств для обеспечения прорыва. Я как представитель Ставки вовремя не поправил командование фронта”²⁷.

Чтобы облегчить положение, командующий фронтом приказал командармам А.В. Горбатову и П.А. Романенко ввести в сражение все резервы, перегруппировать войска к северу от направления главного удара, где сопротивление врага было слабее, и к 28 июня выйти к Бобруйску. Командующий 16-й воздушной армией генерал С.И. Руденко получил распоряжение усилить на этом же направлении удары по врагу с воздуха.

26 июня наступил перелом. Войска 3-й и 48-й армий, а также введенный в сражение 9-й танковый корпус при поддержке авиации прорвали тактическую оборону. Танкисты генерала Б.С. Бахарова утром следующего дня вышли на левый берег Березины, отрезав противнику пути отступления. Летчики 16-й воздушной армии совершили около 3 тыс. боевых вылетов, активно помогая стрелковым дивизиям и танкистам пробиться к Бобруйску.

Таким образом, войска четырех фронтов настойчивыми и согласованными ударами прорвали оборону на глубину 25–30 км, с ходу форсировали ряд рек и нанесли противнику значительный урон. На всех направлениях для него сложилась критическая обстановка.

Немалые надежды германское командование возлагало на то, что русских удастся остановить на рубежах рек Западная Двина и Днепр. Вдоль этих рек, имевших широкие заболоченные поймы, немцы построили сильную оборону. Но советские войска, проявляя смекалку и высокое боевое мастерство, используя главным образом подручные средства – рыбацкие лодки, сколоченные из бревен плоты, пустые бочки, фашины и доски, быстро и умело форсировали водные преграды. “В 12 часов дня 24 июня, – вспоминал маршал Баграмян, – Иван Михайлович Чистяков (командующий 6-й гвардейской армией. – *Ред.*) радостно доложил:

– Орлы командира 23-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А.И. Ермакова черпают воду из Западной Двины!

– Отлично, – отвечаю, – а плацдарм захватили?

– Захватили, товарищ командующий, не напрасно столько трудились”²⁸.

Для развития успеха в сражение вступили подвижные группы: в 1-м Прибалтийском фронте 1-й танковый корпус генерала В.В. Буткова с 23 июня, т.е. в первый день наступления, а в 3-м Белорусском – конно-механизированная группа генерала Н.С. Осликовского – 24 июня. Утром 26 июня вслед за группой Осликовского на глубине 32–34 км от переднего края начала действовать также и 5-я гвардейская танковая армия маршала П.А. Ротмистрова. При активной поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации она, овладев районным центром Толочин, вышла на минскую автостраду в 50 км западнее Орши. В 1-м Белорусском фронте была введена в прорыв конно-механизированная группа генерала И.А. Плиева.

Наступая по сходящимся направлениям, советские войска приступили к осуществлению замысла по окружению группировок врага в районах Витебска и Бобруйска. Утром 25 июня войска 43-й армии генерала А.П. Белобородова (1-й Прибалтийский фронт) и 39-й армии генерала И.И. Людникова (3-й Белорусский фронт) в результате обходного маневра соединились в районе Гнездиловичей. В окружении под Витебском оказались пять пехотных дивизий 3-й танковой армии общей численностью 35 тыс. человек²⁹. Немцы упорно сопротивлялись, 26 июня они предприняли попытку вырваться из сжимавшегося кольца и уйти на юго-запад. В районе д. Заозерье противник несколько раз пытался выйти из окружения, но тщетно. Потеряв всякую надежду на успех, немцы решили идти на прорыв, прикрываясь стариками, женщинами и детьми. Их расчет строился на том, что советские воины не станут стрелять в своих сограждан. Но и на этот раз уловка врага не удалась. Пропустив через свои боевые порядки стариков, женщин и детей, советские воины в яростной рукопашной схватке уничтожили противника.

Под натиском войск 43-й и 39-й армий, поддержанных крупными силами авиации, окруженная группировка 27 июня была наголову разбита. Только убитыми враг потерял 20 тыс. человек³⁰. Более 10 тыс. были вынуждены сдаться в плен. В их числе оказались командир 53-го армейского корпуса генерал Ф. Гольвитцер и командир 106-й пехотной дивизии генерал А. Хиттер, 14 полковников, сотни старших и младших офицеров³¹.

26 июня штурмом был взят Витебск. Военный журналист Л. Ющенко, непосредственный участник боев за Витебск, записал тогда в своем дневнике: «26 июня. Ранним утром пробираемся по тем улицам, где ужи стихла стрельба. Мертвый город. Фашисты выпили из него кровь и жизнь. Мертвые, обугленные, затянутые дымом дома. Мостовая поросла травой. Бесконечные развалины, пустыри, колючая проволока лагерей, высокий бурьян... Рано утром мы не встретили ни одного жителя...»³².

Не менее успешно развивались события и на левом крыле белорусского выступления, где наступали ударные группировки 1-го Белорусского фронта. Введенные в сражение 1-й и 3-й гвардейские танковые корпуса прорвались во вражеские тылы и отрезали все пути отступления.

9-й танковый корпус генерала Б.С. Бахарова на большой скорости устремился по шоссе к Бобруйску и к утру 27 июня вышел на левый берег Березины. Убедившись, что мост через реку разрушен, генерал Бахаров принял решение временно перейти к обороне и перехватить шоссе и переправы через реку северо-восточнее Бобруйска, чтобы не допустить отход противника из района Жлобина. Во время стремительного наступления по шоссе танкисты освободили 5 тыс. советских граждан, угоняемых в Германию, захватили немало пленных, уничтожили свыше ста вражеских солдат и офицеров. А тем временем танкисты 1-го гвардейского танкового корпуса под командованием генерала М.Ф. Панова прорвались северо-западнее Бобруйска. Вслед за танкистами продвигались стрелковые дивизии 3, 48 и 65-й армий.

В районе Бобруйска в окружении оказалось около шести дивизий 35-го армейского и 41-го танкового корпусов 9-й немецкой армии³³. Во второй половине 28 июня восточнее Бобруйска противник начал концентрировать силы, собираясь с наступлением темноты прорвать слабую здесь оборону советских войск. Однако воздушная разведка вовремя вскрыла его намерения. Для скорейшего уничтожения окруженных войск представители Ставки ВГК маршалы Жуков и Новиков решили привлечь 16-ю воздушную армию. В воздух поднялось 400 бомбардировщиков и штурмовиков под прикрытием 126 истребителей. Массированный налет продолжался полтора часа. Это был удар потрясающей силы. Как очевидец тех событий маршал Жуков впоследствии писал: «Сотни бомбардировщиков 16-й армии С.И. Руденко, взаимодействуя с 48-й армией, наносили удар за ударом по группе противника. На поле боя возникли сильные пожары: горели многие десятки ма-

шин, танков, горюче-смазочные материалы. Все поле было озарено зловещим огнем. Ориентируясь по нему, подходили все новые и новые эшелоны наших бомбардировщиков, сбрасывавших бомбы разных калибров. Весь этот жуткий “хор” дополнялся артиллерийским огнем 48-й армии. Немецкие солдаты, как обезумевшие, бросались во все стороны, и те, кто не желал сдаться в плен, тут же гибли»³⁴.

После массированных налетов авиации и ударов артиллерии район окружения представлял жуткую картину: повсюду были трупы да искореженная техника. Было уничтожено не менее тысячи солдат и офицеров противника, 150 танков и штурмовых орудий, до тысячи орудий разных калибров, около 6 тыс. автомашин и тягачей, примерно 3 тыс. повозок, 1500 лошадей³⁵. До 6 тыс. немцев сдались в плен, в том числе командир 35-го немецкого армейского корпуса генерал К. Лютцов. В качестве трофеев было захвачено 432 орудия, 250 минометов, более тысячи пулеметов.

Во второй половине 27 июня воины 1-го гвардейского танкового и 35-го стрелкового корпусов вышли на подступы к Бобруйску и с ходу завязали бой, однако успеха не добились. В ночь на 28 июня на окраинах города не затихало сражение. Преодолевая сопротивление противника, советские войска овладели вокзалом, разгромив пятитысячную группировку, которая предпринимала попытку вырваться из окружения. 29 июня воины 65-й и 48-й армий полностью очистили Бобруйск от оккупантов. При этом было захвачено и уничтожено 366 танков и штурмовых орудий, 2664 орудия разного калибра, более 20 тыс. солдат и офицеров взято в плен³⁶. В их числе комендант Бобруйска генерал А. Гаман – один из палачей, занесенный Государственной комиссией по расследованию фашистских злодеяний в списки военных преступников. Это по его приказам у матерей насильно отнимали детей и эшелонами отправляли в Германию. Это по его приказу у детей “выкачивали” кровь, а потом переливали ее раненым.

В окружении и уничтожении бобруйской группировки противника существенную помощь оказали моряки Днепровской военной флотилии под командованием капитана 1-го ранга В.В. Григорьева. Ее корабли, продвигаясь вверх по Березине, поддерживали своим огнем пехоту и танки 48-й армии, переправили с левого берега на правый 66 тыс. солдат и офицеров с вооружением и боевой техникой³⁷, пресекали попытки врага переправиться через реку и выйти из бобруйского котла. За умелое руководство войсками при разгроме витебской и бобруйской группировок противника командующему 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховскому 26 июня было присвоено воинское звание генерала армии, а 29 июня командующий 1-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовский получил маршальскую звезду.

С особой смелостью и мужеством сражались под Бобруйском танкисты. На станции Черные Броды 25 июня враг выдвинул бронепоезд, который открыл шквальный огонь по наступающим войскам. От снаряда загорелся танк Т-34. Командир машины 15-й гвардейской танковой бригады 1-го гвардейского танкового корпуса лейтенант Д.Е. Комаров и механик-водитель сержант М.А. Бухтуев, понимая, что сбить пламя им не удастся, в считанные минуты подбили два орудия противника, а затем, разогнав объятый пламенем танк, на полном ходу врезались в бронепоезд и сбили его с рельсов. Воодушевленная этим подвигом пехота поднялась в атаку и вскоре очистила станцию от врага. Обоим танкистам 22 августа 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно³⁸.

Одновременно с окружением и уничтожением группировок противника под Витебском и Бобруйском было нанесено поражение его войскам под Оршей и Могилевом. Германское командование пыталось задержать наступление на оршанском направлении, где проходила минская автомагистраль. Однако после того как введенные в сражение 5-я гвардейская танковая армия маршала Ротмистрова и 2-й гвардейский танковый корпус генерала Бурдейного вышли на Минское шоссе, немецкие войска дрогнули. 26 июня части 3-го Белорусского фронта начали штурм

Орши. Бой в городе продолжался целые сутки. К утру 27 июня противник был разгромлен и Орша полностью освобождена.

В боях за Оршу пример исключительной стойкости и доблестного выполнения воинского долга показал рядовой 77-го гвардейского стрелкового полка 26-й гвардейской стрелковой дивизии (11-я гвардейская армия) Юрий Смирнов. Девятнадцатилетний юноша добровольно вызвался участвовать в танковом десанте. При выполнении боевого задания он был тяжело ранен, упал с танка и попал в плен. В ходе последующих боев в одном из блиндажей нашли прибитое к кресту тело мужественного воина. В блиндаже валялись брошенные фашистами штабные документы и протокол допроса. Здесь же были солдатская книжка и комсомольский билет гвардейца. Он не ответил ни на один вопрос врага и погиб как герой³⁹.

Весть о злодеянии гитлеровцев быстро облетела все полки и дивизии. Воины дали священную клятву отомстить за смерть боевого товарища, не выпускать оружие из рук до тех пор, пока не очистят родную землю от фашистских извергов. 6 октября 1944 г. советское правительство присвоило Ю.В. Смирнову звание Героя Советского Союза посмертно⁴⁰.

Доблестно сражались и войска 2-го Белорусского фронта. При активной поддержке соединений 4-й воздушной армии (командующий генерал К.А. Вершинин) и содействии партизан воины 49-й армии генерала И.Т. Гришина и 50-й армии генерала И.В. Болдина 26–27 июня форсировали Днепр и окружили в Могилеве значительные силы противника. Генерал Типпельскирх, назначенный 25 июня вместо генерала Г. Хейнрици командующим 4-й армией, писал после войны: “4-я армия успела отвести половину сил за Днепр. Здесь, однако, она очутилась в огромном, простиравшемся почти до Минска лесисто-болотистом районе. Он контролировался крупными партизанскими отрядами... Все переправы и дороги в этом труднодоступном районе, покрытом почти первобытными лесами, были разрушены...”⁴¹.

26 июня после ожесточенного сражения советские войска освободили Могилев. Противник потерял здесь 6 тыс. человек убитыми, около 3400 пленными, много оружия и военной техники. В плен сдались командир 12-й пехотной дивизии генерал Р. Бамлер и комендант Могилева генерал Эдмансдорф. Генерал Болдин вспоминал: “Пленных генералов привели ко мне. Вели они себя сдержанно. Говорили вяло... Спрашиваю, долго ли они строили оборону вокруг Могилева.

– Долго, – отвечает Эдмансдорф. – С марта месяца.

– Вокруг Могилева мы построили три кольцевые оборонительные позиции, – вмешался в разговор Бамлер. – Дальнюю – в трех–четыре километрах от города, вторую – на его окраинах и последнюю – в самом городе. Подготовили к обороне дома на перекрестках и площадях. Некоторые кварталы заминировали...

– Во всяком случае, не думали, что город падет так быстро, – отвечает Эдмансдорф. – К тому же, как только началось ваше наступление, мы получили приказ фюрера, в котором он объявил Могилев неприступной крепостью германской армии”⁴².

ЗАВЕРШЕНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛОРУССИИ

В результате первых шести дней наступления Красной Армии группа армий “Центр” оказалась в катастрофическом положении. Ее оборона была сокрушена на всех направлениях 520-километрового фронта. Советские войска, ломая сопротивление, продвинулись на запад на различных участках от 80 до 150 км. К исходу 28 июня войскам 1-го и 3-го Белорусских фронтов удалось обойти оба фланга группы армий “Центр”. Создались благоприятные условия для нанесения концентрических ударов в направлении Минска с целью окружения 4-й армии.

События в Белоруссии привели Гитлера в ярость. 28 июня он смещает генерал-фельдмаршала Э. Буша с должности командующего группой армий “Центр” и на

его место назначает генерал-фельдмаршала В. Моделя. С немалым трудом Моделю удалось все-таки восстановить положение. Он принял решение организовать оборону восточнее Минска. Сюда же командование вермахта срочно перебросило охранные и специальные части из групп армий “Север” и “Северная Украина”. Однако этих сил оказалось недостаточно, чтобы остановить продвижение Красной Армии. Советские войска, лесами и болотами обходя опорные пункты врага, продолжали углублять свои клинья в направлении Минска, Слуцка и Молодечно.

Решающие схватки развернулись в полосе наступления 3-го Белорусского фронта на р. Березина, в районе Борисова. В 1812 г. эта река была свидетельницей гибели армии Наполеона, теперь же здесь под ударами нашей армии терпели поражение войска вермахта. В ночь на 1 июля соединения армий генералов К.Н. Галицкого и В.В. Глаголева во взаимодействии с танкистами П.А. Ротмистрова ворвались в Борисов и на рассвете, к 3 часам, освободили город⁴³.

С мощным ударом советских войск слился удар белорусских партизан, с которыми, как ни в какой другой операции Великой Отечественной войны, были широко налажены связь и оперативное взаимодействие войск фронтов. Они наносили удары по коммуникациям противника, срывали подвоз подкреплений, вооружения и боеприпасов к линии фронта, организовывали засады, непрерывно нападали на отступавшие части, уничтожали или захватывали в плен немецких солдат и офицеров. Страх попасть в окружение деморализовывал войска противника, которые поспешно и беспорядочно отходили по лесисто-болотистой местности с крайне ограниченным количеством дорог. Но и отступая, враг сжигал деревни, уничтожал мосты, взрывал заводы и фабрики.

28–29 июня Ставка Верховного Главнокомандования с учетом создавшегося положения направила командованию фронтов частные директивы с уточнением задач по развитию наступления. Войска 1-го и 3-го Белорусских фронтов должны были двусторонним обходным маневром стремительно выйти к Минску и освободить его, а, следовательно, создать кольцо окружения вокруг немецких войск, отступавших из района Могилева⁴⁴. Войска 1-го Прибалтийского фронта получили задачу преследовать противника в северо-западном и западном направлениях, взять Полоцк и обеспечить действия войск, осуществлявших под Минском окружение 4-й немецкой армии. Перед 2-м Белорусским фронтом ставилась задача фронтальным преследованием сковывать врага в центре белорусского выступа, нарушать его планомерный отход, рассекать группировки с последующим их уничтожением, содействовать окружению главных сил 4-й армии восточнее Минска и вместе с войсками левого крыла 3-го Белорусского фронта освободить столицу Белоруссии⁴⁵.

В условиях, когда противник поспешно отходил на запад, важно было не дать ему закрепиться на заранее оборудованных оборонительных рубежах. В связи с этим командиры дивизий и корпусов, командующие армиями получили приказ о создании маневренных передовых отрядов для захвата переправ на реках, главным же силам предстояло организовать решительное преследование немецких дивизий. Стремительное наступление на параллельных маршрутах (25–40 км в сутки) позволило войскам 1-го и 3-го Белорусских фронтов упредить врага в выходе к Минску, в то время как 2-й Белорусский фронт осуществлял фронтальное преследование. Непрерывное воздействие советской авиации осложняло положение противника.

1 июля передовые подразделения советских войск прорвались в район пересечения Минского и Бобруйского шоссе. Им предстояло преградить путь немецким частям, отступавшим со стороны Минска, задержать их до подхода главных сил, а затем уничтожить. Успешно выполнила поставленную задачу батарея 207-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона под командованием капитана А.Н. Самохвалова. После тщательной разведки он распорядился поставить орудия вдоль шоссе, между деревнями Бродок и Сухище, на 2-километровом участке. Позиции были выбраны с таким расчетом, чтобы немецкие войска последовательно попадали под огонь всех четырех орудий. Проявляя железную выдержку и мас-

терство, артиллеристы батареи сожгли 13 и подбили 19 грузовых автомашин, уничтожили два штурмовых орудия. Противник потерял 120 солдат и офицеров, 56 лошадей⁴⁶. Командиру батареи капитану А.Н. Самохвалову и старшему сержанту В.Ф. Здунову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Особую роль в достижении высоких темпов наступления сыграли танковые войска. Так, совершая рейд по лесам и болотам в тылу противника, не ввязываясь в затяжные бои, 4-я гвардейская танковая бригада подполковника О.А. Лосика, входившая во 2-й гвардейский танковый корпус, опередила главные силы отступающих немцев более чем на 100 км. Ночью 2 июля бригада по шоссе устремила к Минску. “Командир корпуса генерал А.С. Бурдейный приказал с ходу ворваться в Минск, – вспоминает маршал бронетанковых войск О.А. Лосик. – Для разведки мною был выслан танковый взвод, которым командовал младший лейтенант Дмитрий Фроликов. Вскоре он доложил о том, что путь свободен. Я сообщил командиру корпуса и подал сигнал к атаке. Было 3 часа утра. Бригада с ходу развернулась в боевой порядок и ворвалась на городские окраины с северо-востока... 2-й гвардейский танковый корпус и 4-я гвардейская танковая бригада были награждены орденом Красного Знамени. 16 танкистов за подвиги при освобождении Минска стали Героями Советского Союза. Из 4-й бригады в их числе, кроме комбрига, был старший лейтенант Митт и гвардии младший лейтенант Фроликов. И сегодня в центре Минска на постаменте установлен танк именно 4-й гвардейской”⁴⁷.

Вскоре после танкистов 2-го гвардейского танкового корпуса на северную окраину Минска вышли передовые части 5-й гвардейской танковой армии. Тесня противника, танковые части, поддержанные подоспевшими войсками 11-й гвардейской и 31-й армий 3-го Белорусского фронта, начали отбивать квартал за кварталом⁴⁸. В середине дня с юго-востока в город вступил 1-й гвардейский танковый корпус, а вслед за ним 3-я армия 1-го Белорусского фронта.

Бои в Минске продолжались. Остатки трех пехотных и 5-й танковой дивизий, а также несколько полицейских полков отчаянно сопротивлялись. Поздно вечером столица Белоруссии была освобождена от оккупантов. В тот же день в 22 часа Москва салютовала воинам-победителям 24 залпами из 324 орудий. 52 соединения и части Красной Армии получили наименование “Минских”. С ликованием восприняли эту победу и союзники по антигитлеровской коалиции. 5 июля Черчилль писал Сталину: “С большой радостью я узнал о Вашей славной победе – взятии Минска – и о колоссальном продвижении, осуществленном непобедимыми русскими армиями на столь широком фронте”⁴⁹.

Освобожденный Минск – крупнейший экономический и культурный центр республики лежал в руинах. Маршал Василевский 6 июля докладывал Верховному Главнокомандующему: “5 июля я посетил Минск. Впечатление у меня осталось крайне тяжелым. Город был сильно разрушен фашистами. Из крупных зданий враг не успел взорвать только дом белорусского правительства, новое здание ЦК КПБ, радиозавод и Дом Красной Армии. Электростанция, железнодорожный вокзал, большинство промышленных предприятий и учреждений взорваны”⁵⁰.

Основные силы 4-й немецкой армии к исходу 3 июля оказались отрезанными восточнее Минска, а вся группа армий “Центр” понесла такой большой урон и была настолько деморализована, что самостоятельно справиться со своим положением была не в состоянии. По этому поводу генерал Типпельскирх писал после войны: “...результат длившегося теперь уже 10 дней сражения был потрясающим. Около 25 дивизий были уничтожены или окружены. Лишь немногие соединения, оборонявшиеся на южном фланге 2-й армии, оставались еще полноценными, избежавшие же уничтожения остатки практически полностью утратили свою боеспособность”⁵¹.

Немалый урон понесла и советская сторона. Войска Прибалтийского, 2-го и 3-го Белорусских фронтов с 22 по 30 июня потеряли более 19 600 человек убитыми, свыше 74 600 ранеными и пропавшими без вести⁵². Потери войск правого крыла

1-го Белорусского фронта на первом этапе операции Багратион (24 июня – 4 июля) превышали 50 тыс. человек, из них 9160 было убито⁵³.

В то время как главные силы советских войск решали задачу по окружению врага под Минском, другие соединения продолжали громить его на флангах. Соединения 1-го Прибалтийского фронта успешно провели Полоцкую операцию и, уничтожив противника в этом районе, 4 июля освободили Полоцк. Войска 3-го Белорусского фронта 5 июля овладели г. Молодечно. С освобождением столицы Белоруссии и стремительным продвижением советских войск на запад все прочнее становилось кольцо вокруг окруженной группировки восточнее Минска. В котел попало около 20 различных соединений, большое количество отдельных частей и подразделений, а всего 150 тыс. солдат и офицеров 4-й и 9-й армий.

Командующему разгромленной 4-й армией генералу Типпельскирху удалось-таки вместе со своим штабом выскользнуть из окружения. По приказу Гитлера общее руководство войсками, попавшими в окружение, было возложено на командира 12-го армейского корпуса генерала С. Мюллера. Командование вермахта, не имея возможности оказать помощь окруженным войскам и пытаясь хоть как-то спасти своих солдат, приказало им пробиваться самостоятельно, действовать группами по 3–5 тыс. человек в нескольких направлениях, а после прорыва кольца отходить на Барановичи.

Уничтожение окруженной группировки немцев под Минском Ставка ВГК возложила на войска 2-го Белорусского фронта и 31-ю армию 3-го Белорусского фронта. На заключительном этапе главную роль в ликвидации минского котла играла 31-я армия генерала В.В. Глаголева и 33-я армия генерала В.Д. Крюченкина. По поводу первых дней борьбы с окруженным врагом командующий 2-м Белорусским фронтом Г.Ф. Захаров писал 7 июля: “Ликвидация окруженных разрозненных групп противника идет возмутительно медленно и неорганизованно. В результате безынициативной и нерешительной деятельности командармов противник в поисках выхода мечется из стороны в сторону, нападает на штабы корпусов и армий, на склады, на автоколонны, тем самым нарушает бесперебойную работу тыла и управление”⁵⁴. Учитывая сложившуюся обстановку, генерал Захаров приказал 49-й и 50-й армиям выделить пять дивизий для борьбы с окруженным противником, остальными частями обойти немецкие группы с севера и юга, расчленив их и уничтожить в лесах севернее и северо-восточнее населенного пункта Волма⁵⁵.

Боевые действия по ликвидации окруженного противника можно разделить на три коротких этапа. Первый – с 5 по 7 июля заключался в расчленении группировки и пресечении попыток организованного прорыва из кольца. На этом этапе окруженному противнику был нанесен значительный урон. Распавшиеся на несколько изолированных групп, его войска, оставшиеся без управления после сдачи в плен генерала Мюллера, отдавшего приказ о прекращении борьбы, были дезорганизованы. Отсутствие боеприпасов и горючего заставило бросить технику и артиллерию. Каждая группа стремилась выбираться из кольца самостоятельно.

Командующий 50-й армией генерал И.В. Болдин первым из представителей советского командования допрашивал сдавшегося генерала Мюллера. В своих воспоминаниях он писал: “Вид у Мюллера был жалкий. Мундир весь в пыли, на нем только один погон... Обессиленный, опустился он на табуретку у моего стола и объявил: – Господин генерал, трое суток я не имел во рту ни кусочка хлеба. Если можно, прошу накормить. Затем буду отвечать на все ваши вопросы.

Одному из наших офицеров я приказал отвести Мюллера в столовую. Возвратился он оттуда уже более уверенной походкой. Мы сели за стол... Отвечая на наши вопросы, Мюллер показывал на карте районы сосредоточения остатков его армии, подробно сообщал о ее численности, огневых средствах, оснащенности, о моральном состоянии солдат”⁵⁶.

Второй этап – с 8 по 9 июля – характеризовался разгромом разрозненных группировок, укрывавшихся в лесах юго-восточнее Минска и стремившихся просочить-

ся через боевые порядки советских войск. Третий этап – с 10 по 13 июля – примечателен тем, что советские войска прочесывали леса, где вылавливали мелкие группы противника.

Вокруг отдельных немецких групп, укрывавшихся в лесах, войска и партизаны образовывали внутреннее кольцо окружения, которое, однако, не было сплошным. Внешний же фронт 1-го и 3-го Белорусских фронтов был подвижным. Создавался он преимущественно танковыми соединениями, которые продолжали неотступно преследовать отставшие дивизии в западном направлении. Если 3–4 июля внешний фронт окружения находился от войск, попавших в минский котел, в 50 км, то в последующем это расстояние увеличилось до 150 км. Стремительное наступление Красной Армии сделало абсолютно безнадежным выход из котла.

Большую поддержку оказывали партизаны, которые хорошо знали в лесах каждую тропинку. С их помощью удавалось быстро отыскивать разрозненные группы противника. Совместно с частями Красной Армии они вели атаки и участвовали в пленении врага. К 13 июля бои восточнее Минска были завершены. Советские войска уничтожили более 70 тыс. солдат и офицеров, взяли в плен около 35 тыс. человек, в том числе 12 генералов⁵⁷.

А 17 июля по центральному улицам Москвы под конвоем прошли около 57 600 солдат и офицеров, захваченных в плен в Белоруссии. Шествие продолжалось почти три часа. Впереди гигантской колонны, понурившись, шли 19 генералов, за ними – офицеры. На груди у многих – железные кресты и другие награды вермахта. Солдаты, обросшие щетиной, брели в обтрепанных мундирах, кое у кого головы были замотаны женскими платками.

Боевые действия по окружению и уничтожению противника под Минском имели существенные особенности, обогатившие советское военное искусство. Новым было то, что окружение более чем 100-тысячной группировки осуществлялось на большой глубине в результате умелого сочетания параллельного и фронтального преследования. Был сделан значительный шаг в организации взаимодействия между войсками внутреннего и внешнего фронтов окружения. Внешний, где концентрировались главные силы наступавших фронтов, был подвижным. Здесь войска не переходили к обороне, а продолжали продвигаться вперед. Поэтому противник лишился возможности организовать взаимодействие между окруженной группировкой и войсками за внешним фронтом окружения. От подобных операций на окружение эта операция отличалась значительным сокращением сроков ликвидации окруженных войск – всего шесть суток.

В результате разгрома крупных сил противника под Витебском, Могилевом, Бобруйском и Минском ближайшая цель операции “Багратион” была достигнута, причем на несколько дней ранее намеченного срока. За 12 дней – с 23 июня по 4 июля – советские войска продвинулись почти на 250 км. Были полностью освобождены Витебская, Могилевская, Полоцкая, Минская и Бобруйская области. В центре стратегического фронта образовалась гигантская 400-километровая брешь, заполнить которую командование вермахта в короткие сроки не имело сил. Туда-то и устремились советские войска. Катастрофа, нависшая над группой армий “Центр”, неумолимо надвигалась.

Глубокий прорыв на центральном участке советско-германского фронта вызвал панику в Берлине. Чтобы как-то стабилизировать свой фронт, германское командование произвело крупные перегруппировки. Только с 23 июня по 16 июля в Белоруссию было переброшено 46 дивизий и 4 бригады из Германии, Польши, Венгрии, Норвегии, Италии и Нидерландов, а также с других участков фронта⁵⁸.

Для дезорганизации железнодорожных перевозок противника Ставка ВГК приказала командующему авиацией дальнего действия маршалу А.Е. Голованову подготовить и провести воздушную операцию с целью вывода из строя важнейших железнодорожных коммуникаций в Западной Белоруссии, Литве и Польше. Для этого было привлечено восемь авиакорпусов дальней авиации. За семь дней (с 4 по

12 июля) летчики произвели более 2600 самолето-вылетов, нанося удары по железнодорожным объектам.

Массированные налеты бомбардировщиков причинили немалый ущерб противнику. Только на железнодорожном узле Брест было уничтожено 30 эшелонов с военной техникой. Одновременно по распоряжению БШПД в западных районах этой республики и на территории Польши в борьбу с подходившими резервами врага включились партизанские формирования.

В итоге бомбардировок авиации и партизанских диверсий движение противника по железной дороге в значительной степени было парализовано. Резервы немцев, неся огромные потери, прибыли в намеченные районы с большим опозданием, что способствовало успеху наступления советских войск в операции «Багратион».

Бригадный генерал британской армии Ч. Диксон и доктор О. Гейльбрунн в книге «Коммунистические партизанские действия», изданной в Лондоне, Нью-Йорке и Западной Германии, отмечали: «Красная Армия искусными отвлекающими маневрами создала впечатление скорого выступления на южной половине немецкого фронта. Тогда группа армий «Центр» направила все свои оперативные резервы в другие соединения с севера на юг, используя для этого железную дорогу, идущую от Орши через Минск на Брест. Партизаны, которые до этого часто нападали на эту линию, не проявляли активности и не препятствовали немцам... Едва только германские подкрепления прибыли на юг, как Красная Армия неожиданно начала мощное наступление на севере, и, когда немцы захотели перебросить крайне нужные им резервы по этой железной дороге обратно на север для поддержки разваливающегося северного фронта, партизаны снова по приказу командования Красной Армии произвели огромные разрушения на этой дороге и почти полностью остановили движение»⁵⁹.

Между тем вал советского наступления стремительно катился на запад. Успешно наступали войска 2-го Белорусского фронта. Продвинувшись за 12 дней на 270 км, они 9 июля освободили Новогрудок, форсировали Неман, очистили от врага Волковыск. 14–16 июля оккупанты и на этом направлении были изгнаны с белорусской земли. 16 июля войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов принесли свободу жителям Гродно. В это же время армии 3-го Белорусского фронта форсировали Неман и захватили плацдармы на его левом берегу.

Советским частям и соединениям, сражавшимся на неманских рубежах, большую поддержку оказывала авиация. В составе 1-й воздушной армии 3-го Белорусского фронта бок о бок с советскими летчиками храбро сражались французские летчики 1-го отдельного истребительного авиационного полка «Нормандия». За героические действия по прикрытию советских войск во время боев в районе Немана французский авиационный полк был удостоен почетного наименования «Неманский». Командующий фронтом генерал армии И.Д. Черняховский писал по этому поводу командиру полка майору Л. Дельфино: «Военный совет фронта от всей души поздравляет Вас и весь личный состав вверенной Вам части с присвоением Вашему полку наименования «Неманский»... Советский народ никогда не забудет героических подвигов Вашей части в общей борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Мы приветствуем в лице Вашей части великий свободолюбивый французский народ и его армию, героически борющиеся за окончательный разгром гитлеровской Германии»⁶⁰.

Войска 2-го Белорусского фронта продолжали быстро наступать на волковыском направлении. 27 июля они освободили Белосток, 31 июля вышли на рубеж Августовского канала и на р. Нарев, завязав сражение по захвату плацдармов. Особенно большой размах приняли боевые действия в полосе 1-го Белорусского фронта. Используя высокую подвижность танков и моторизованной пехоты, а также ударную мощь авиации, войска правого крыла фронта успешно наступали на барановичско-брестском и пинском направлениях. В районе Барановичей, важного железнодорожного узла и мощного опорного пункта, который прикрывал путь на

Брест, советские войска встретили упорное сопротивление. Германское командование, перебросив сюда три свежие дивизии, задержало наступление на несколько дней. Но обходным маневром соединения генералов И.А. Плиева, П.И. Батова и А.А. Лучинского, поддержанные воздушной армией генерала С.И. Руденко, 8 июля освободили Барановичи.

К 16–17 июля войска 1-го Белорусского фронта вышли к городам Свислочь и Пружаны. За два дня до этого армия генерала П.А. Белова при содействии Днепровской военной флотилии контр-адмирала В.В. Григорьева и партизан освободила г. Пинск и начала выдвигаться к Кобрину. К середине июля оперативное положение 1-го Белорусского фронта намного улучшилось. Если к началу операции “Багратион” его правофланговая и левофланговая группировки были разъединены обширными болотами Полесья, то теперь они остались позади, а протяженность линии фронта сократилась почти вдвое.

ИЗГНАНИЕ ПРОТИВНИКА ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПОЛЬШИ

Используя благоприятную обстановку, созданную успешными боевыми действиями в первые дни операции, войска 1-го Белорусского фронта перешли в наступление на ковельско-люблинском направлении. С 18 июля по 2 августа они провели Люблин-Брестскую операцию, план которой Ставка ВГК утвердила 7 июля. Замысел этой операции заключался в том, чтобы разгромить люблинскую и брестскую группировки противника и затем, развивая успех на варшавском направлении, выйти прямо к Висле. Нанесение удара планировалось из района Ковеля в направлении на Люблин–Прагу (предместье Варшавы). Армии правого крыла фронта должны были при поддержке авиации наступать на варшавском направлении, обходя брестскую группировку с севера.

В состав войск левого крыла фронта, участвовавшего в Люблин-Брестской операции, входили 70, 47, 8 гвардейская и 69 общевойсковые, 2 танковая, 6-я воздушная армии, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса, 6 кавалерийских дивизий и 4 танковых корпуса. Общая численность войск составляла 416 тыс. человек. Здесь было сосредоточено более 7600 орудий и минометов, 1750 танков и САУ, около 1500 боевых самолетов⁶¹.

18 июля советские войска перешли в наступление. За два дня они продвинулись на 70 км и на широком фронте вышла к р. Западный Буг. Маршал Рокоссовский с удовлетворением доносил тогда в Ставку ВГК: “Войска 1-го Белорусского фронта полностью овладели лесами Беловежской пуши и соединениями конно-механизированной группы вышли на Государственную границу СССР северо-западнее Бреста”⁶². С ходу форсировав Западный Буг, воины 1-го Белорусского фронта вступили в пределы Польши и 22 июля освободили г. Хелм. В тот же день в прорыв была введена 2-я танковая армия генерала С.И. Богданова, которая 24 июля совместно с соединениями 8-й гвардейской армии очистила от врага крупный административный центр Польши – Люблин. Вслед за этим немцы были изгнаны из городов Лукув, Седлец, Минск-Мазовецкий. Победные вести об освобождении польских городов Москва отметила артиллерийскими салютами. Продолжая стремительное продвижение, 8-я гвардейская армия генерала В.И. Чуйкова и 69-я армия генерала В.Я. Колпакчи вслед за 2-й танковой армией генерала Богданова 27 июля вышли к Висле. При поддержке авиации их соединения форсировали Вислу и захватили плацдармы на ее левом берегу, в районах Магнушева и Пулавы. Впоследствии эти плацдармы сыграли важную роль при освобождении центральных районов Польши, в Висло-Одерской операции. А тем временем 2-я танковая армия своими передовыми частями вышла на Вислу в районе Демблина, после чего повела наступление на Варшаву.

Начиная с 23 июля в сражение вступили главные силы 1-й Польской армии генерала Э. Берлинга. Выдвинувшись в первый эшелон фронта, они включились в бои на восточном берегу Вислы, в районе Демблина, Пулавы, стремясь овладеть плацдармом на левом берегу реки. Противнику пришлось сконцентрировать здесь значительные силы, даже перебрасывать свои резервы с других участков, что, в свою очередь, облегчало положение войск 3-й гвардейской и 69-й армий при отражении сильных контрударов противника на мангушевском и пулавском плацдармах.

В предместье Люблина 2-я танковая армия, в командование которой в связи с ранением С.И. Богданова вступил генерал А.И. Радзиевский, освободила узников Майданека. В этом лагере смерти, появившемся еще осенью 1941 г., людей уничтожали путем отравления газом “Циклон”. Всего через Майданек прошло около 1,5 млн человек 50 национальностей – военных и гражданского населения оккупированных стран Европы, в том числе стариков, женщин и детей. Большинство заключенных составляли поляки, евреи и русские.

31 июля 2-я танковая армия 1-го Белорусского фронта прорвалась к предместью Варшавы – Праге. Но здесь ее встретил мощный контрудар пяти танковых и двух пехотных дивизий противника. Так как танкисты сильно оторвались от остальных сил фронта, фланги их армии, имевшей к тому времени значительный некомплект боевых средств, оказались открыты, а пути подвоза и эвакуации растянута. Им пришлось перейти к обороне⁶³.

А тем временем армии правого крыла 1-го Белорусского фронта, овладев важным железнодорожным узлом Черемха, обошли Брест с севера. 28 июля соединения генералов П.А. Белова, В.С. Попова и А.А. Лучинского, ликвидировав окруженную группировку врага (около четырех дивизий), освободили Брест – областной центр Белоруссии. Наконец-то завершилось изгнание захватчиков с белорусской земли. Смертельно раненый враг под ударами Красной Армии все дальше откатывался на запад.

В период, когда советские войска еще только приближались к Висле, в Варшаве было поднято вооруженное восстание. Оно было организовано и начато подчиненной польскому лондонскому эмигрантскому правительству Армией Крайовой (АК) во главе с генералом Т. Бур-Комаровским. Командование АК разработало план “Буря”, одобренный премьер-министром польского эмигрантского правительства С. Миколайчиком. Согласно этому плану в момент вступления Красной Армии на территорию Польши – а под ней понималась Польша в границах на 1 сентября 1939 г., т.е. включая Западную Украину и Белоруссию, вошедшие в 1939–1940 гг. в состав СССР, – отряды АК должны были выступить против гитлеровских арьергардов и содействовать переходу политической власти на освобожденной территории в руки вышедших из подполья сторонников эмигрантского правительства.

Между тем политические силы, ориентировавшиеся на СССР и поддержанные им, сформировали 21 июля 1944 г. в Хелме Польский комитет национального освобождения (ПКНО) во главе с Э. Осубка-Моравским. В тот же день из частей Армии Людовой (АЛ), находившейся на освобожденной территории Польши, и Польской армии в СССР было создано Войско Польское под командованием генерала М. Роля-Жимерского.

Еще накануне вступления Красной Армии на территорию Польши Военный совет 1-й Польской армии в Советском Союзе под командованием генерал-лейтенанта З. Берлинга обратился к соотечественникам с призывом помогать “советским войскам уничтожать немецкие вооруженные силы”, подниматься на борьбу с оружием в руках и готовиться к восстанию⁶⁴. Аналогичные призывы исходили и от командования АЛ⁶⁵. Ясно было, что схватка за власть в освобожденной Польше между прозападными и просоветски ориентированными силами неминуема. 21 июля, в день создания ПКНО, генерал Т. Бур-Комаровский доложил по радио эмиг-

рантскому правительству: “Я отдал приказ о состоянии готовности к восстанию с часу ночи 25 июля”⁶⁶.

25 июля правительство Миколайчика сообщило своему политическому представителю в Варшаве и командованию АК, что они самостоятельно могут принять решение о начале восстания. В это время Миколайчик находился в Москве, где состоялась его беседа с В.М. Молотовым. Польский премьер, подчеркнув, что сам он представляет силы, желающие сотрудничать с СССР и “иметь за собой почти все население Польши”, заявил, что все польские вооруженные силы получили приказ вести борьбу совместно с советскими вооруженными силами. При этом Молотов заметил, что у него есть сведения “не совсем такого характера”. Миколайчик сообщил, что “польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве и хотело бы просить советское правительство о бомбардировках аэродромов около Варшавы”, что план действия поляков “предложен английскому правительству с просьбой передать ее Советскому правительству”⁶⁷.

Однако до начала восстания Москва не получала от правительства Великобритании сведений о его подготовке, хотя, как призналось британское министерство иностранных дел 16 августа, англичане располагали такой информацией⁶⁸. Только 2 августа в советский Генеральный штаб поступило сообщение о том, что в Варшаве 1 августа в 17.00 начались бои, поляки просят прислать им необходимые боеприпасы и противотанковое оружие, а также помощи русских “немедленной атакой извне”⁶⁹. 3 августа эта информация была направлена Молотову. Сталин принял представителей польского эмигрантского правительства во главе с Миколайчиком.

Опубликованный в Польше протокол этой встречи свидетельствует, что польский премьер говорил об освобождении Варшавы “со дня на день”, об успехах подпольной армии в борьбе с немцами и о необходимости помощи извне в форме поставок оружия. Сталин выразил сомнение относительно действий АК, заявив, что в современной войне армия без артиллерии, танков и авиации, даже без достаточного количества легкого стрелкового оружия не имеет никакого значения и он не представляет, как АК может изгнать немцев из Варшавы. Сталин добавил также, что не допустит акций АК за линией фронта, в тылу Красной Армии, а также заявлений о новой оккупации Польши⁷⁰.

8 августа Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский представили Верховному Главнокомандующему наметки плана Варшавской операции, которую предполагалось начать 25 августа “всеми силами фронта” с целью занятия Варшавы. Это предложение базировалось на точном расчете времени, в течение которого необходим был ряд подготовительных мероприятий – проведение с 10 по 20 августа операций армиями правого и левого крыльев 1-го Белорусского фронта, перегруппировка войск, подвоз горюче-смазочных материалов и боеприпасов, пополнение личного состава частей⁷¹.

9 августа Сталин снова принял Миколайчика. Согласно записи беседы, сделанной одним из членов польской делегации, премьер опять обратился к советскому руководителю с просьбой “немедленно помочь” восставшей Варшаве оружием, прежде всего гранатами, стрелковым оружием и боеприпасами. На это Сталин ответил: “Все эти действия в Варшаве кажутся нереальными. Могло бы быть иначе, если бы наши войска подходили к Варшаве, но, к сожалению, этого не произошло. Я рассчитывал, что мы войдем в Варшаву 6 августа, но нам это не удалось”. Указав на сильное сопротивление немцев, которое встретили советские войска в боях за предместье Варшавы – Прагу, Сталин сказал: “У меня нет сомнений, что мы преодолеем и эти трудности, но для этих целей мы должны перегруппировать наши силы и ввести артиллерию. Все это требует времени”. Он выразил сомнение относительно эффективности помощи повстанцам с воздуха, поскольку таким образом можно доставлять лишь “определенное количество винтовок и пулеметов”, но не артиллерию” и “сделать это в городе с опасной концентрацией немецких сил –

чрезвычайно трудная задача”. Однако, добавил он, “мы должны попытаться”, “мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы помочь Варшаве”⁷².

Следует отметить, две вещи: во-первых, Миколайчик ни в первую, ни во вторую встречу не обращался к Сталину с просьбой помочь восставшей Варшаве наступлением советских армий; во-вторых, Сталин на обеих встречах выразил желание оказать помощь повстанцам доставкой оружия, хотя не мог не знать об антисоветских настроениях польского эмигрантского правительства и командования АК. Суть же их позиции, отраженная в указаниях главнокомандующего вооруженными силами Польши относительно военного сотрудничества с СССР еще в мае 1944 г., состояла в следующем: “Разница в наших отношениях к немцам и Советам заключается в том, что, не имея достаточно сил [для борьбы] на два фронта, должны мы соединиться с одним врагом для победы над вторым ... При определенных условиях мы готовы к сотрудничеству с Россией в военных действиях, но отмежевываемся от нее политически”⁷³.

Начав восстание прежде всего во имя политических целей – установить власть эмигрантского правительства в столице Польши за “пять минут” до прихода сюда Красной Армии, – командование АК плохо подготовило его в военно-техническом отношении. Против гарнизона немецких войск численностью 16 тыс. человек, вооруженных артиллерией, танками и авиацией, выступило 25–35 тыс. повстанцев, из которых лишь 10% были оснащены легким стрелковым оружием, боеприпасов же имелось не более чем на два-три дня.

Обстановка в Варшаве складывалась не в пользу повстанцев. Многие подпольные организации не были оповещены о сроках начала восстания и потому вступили в борьбу разрозненно. В первый день сражалось не более 40% боевых сил. Захватить ключевые объекты столицы: вокзалы, мосты, почтовые отделения, командные пункты – не удалось.

Однако когда восстание началось, оно стало делом не только АК, но и населения Варшавы. На ее улицах возводились баррикады. Истекая кровью, патриоты дрались за каждый дом, за каждую улицу. Руководство Польской Рабочей партии и командование АЛ 3 августа приняли решение примкнуть к восстанию, хотя признавали его цели реакционными. Но совместная борьба на баррикадах не означала политического единства повстанческих сил.

В первые дни удалось освободить ряд районов города. Но затем положение с каждым днем ухудшалось. Не хватало боеприпасов, медикаментов, продовольствия, даже воды. Повстанцы несли большие потери. Противник же, быстро нарастающая сила, стал теснить патриотов. Им пришлось оставить большую часть освобожденных районов города. Теперь они удерживали лишь центр Варшавы. 12 августа Бур-Комаровский уже не в первый раз обратился к эмигрантскому правительству в Лондон с просьбой срочно прислать оружие, боеприпасы, высадить десант в Варшаве. Но помощь поступала мизерная.

Англичане отказались послать в Варшаву парашютный десант, но согласились организовать помощь с воздуха. Английские ВВС, действуя с аэродромов Италии, в ночь на 4, 8 и 12 августа доставили повстанцам 86 т. грузов, в основном оружие и продовольствие.

14 августа союзники поставили перед советским руководством вопрос о челночных полетах американских бомбардировщиков из Бари (Италия) на советские базы, чтобы оказывать более эффективную помощь повстанцам путем сбрасывания необходимых им грузов. Ответ советских руководителей, упрекавших союзников в том, что они своевременно не поставили их в известность о готовившемся восстании, был отрицательным. 15 августа А. Вышинский сообщил его послу Великобритании в Москве А.К. Керру. В нем Варшавское восстание характеризовалось как авантюра, с которой советское правительство “не хочет связывать себя ни прямо, ни косвенно”⁷⁴.

16 августа Сталин направил послание Черчиллю, в котором говорилось: “Пос-

ле беседы с Миколойчиком я распорядился, чтобы командование Красной Армии интенсивно сбрасывало вооружение в район Варшавы... В дальнейшем, ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную, ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв". Поэтому, писал Сталин, советское командование пришло к выводу о необходимости отмежевания от нее⁷⁵.

20 августа Ф. Рузвельт и У. Черчилль обратились с посланием к И.В. Сталину. Нужно сделать все, полагали они, чтобы спасти как можно больше патриотов, находящихся в Варшаве. Сталин не замедлил с ответом. 22 августа в послании Рузвельту и Черчиллю он подчеркивал, что "рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна" и что восстание, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, с военной точки зрения не выгодно ни Красной Армии, ни полякам. Сталин сообщал, что советские войска делают все возможное, чтобы сломить контратаки гитлеровцев и предпринять "новое широкое наступление под Варшавой"⁷⁶.

Советское командование, несмотря на всю сложность оперативной обстановки (значительные потери в ходе операции "Багратион", усталость войск, мощные контрудары противника в районе Магнушева и Пулавы, отставание тылов Красной Армии), оказывало помощь польским патриотам. На варшавском направлении проводились наступательные операции, чтобы отвлечь силы врага. 6 сентября войска 2-го Белорусского фронта штурмом овладели г. Остроленко, который прикрывал подступы к Варшаве. 10 сентября перешла в наступление 47-я армия 1-го Белорусского фронта. Маршал Рокоссовский сообщал в ставку ВГК: Войска 1-го Белорусского фронта, прорвав сильно укрепленную оборону противника, в результате пятидневных упорных боев 14 сентября овладели городом и крепостью Прага, мощным узлом обороны немцев на реке Висла⁷⁷.

В ночь на 16 сентября 1-я польская дивизия имени Костюшко 1-й Польской армии при поддержке советской артиллерии, авиации и инженерных войск в пределах Варшавы форсировала Вислу и захватила плацдарм на ее левом берегу. Но соединиться с повстанцами десант не смог: гитлеровцы оттеснили их от берега. Захваченный плацдарм на левом берегу Вислы удержать не удалось: под давлением крупных сил противника воины 1-й польской дивизии вынуждены были с большими потерями отойти на правый берег. Не была полностью решена и проблема доставки повстанцам оружия и боеприпасов по воздуху. 5 сентября правительство Великобритании снова обратилось к советскому руководству с просьбой разрешить американским самолетам приземлиться на советских аэродромах. В своем ответном послании 9 сентября советское правительство, не отказываясь от своего мнения относительно характера восстания и малой эффективности помощи повстанцам с воздуха, все же дало согласие на совместную с англичанами и американцами организацию такой помощи по заранее намеченному плану⁷⁸.

Американским самолетам было разрешено приземлиться в Полтаве. 18 сентября 104 американские "летающие крепости" в сопровождении истребителей вышли в район Варшавы и с большой высоты сбросили на парашютах 1284 контейнера с грузами в распоряжение восставших. Но к повстанцам попало лишь несколько десятков, остальные упали в распоряжение либо противника, либо советских войск на правом берегу Вислы⁷⁹. В общей сложности, по подсчетам штаба Варшавского округа Армии Крайовой, английские и американские ВВС доставили в Варшаву 430 карабинов и пистолетов-пулеметов, 150 пулеметов, 230 противотанковых ружей, 13 минометов, 13 тыс. мин и гранат, 2,7 млн патронов, 22 т продовольствия⁸⁰. После этого подобных операций американские ВВС уже не производили. Летчики 1-й польской смешанной авиадивизии и 16-й воздушной армии с 13 сентября по 1 октября сбросили восставшим 156 минометов, 505 противотанковых ружей, более 3 тыс. автоматов и винтовок, 41 730 гранат, 3 млн патронов, 515 кг медикаментов, 113 т продовольствия, совершив при этом 5 тыс. самолето-вылетов⁸¹.

Гитлеровцы объявили Варшаву крепостью и отчаянно сопротивлялись. Попытки войск Красной Армии и Войска Польского пробиться к городу не увенчались успехом. “Чтобы взять Варшаву фронтальной атакой, – считал Сталин, – нужно переправить на другой берег Вислы тяжелые танки и тяжелую артиллерию”, что в сложившихся условиях сделать было чрезвычайно трудно. Ввиду того что повстанцы находились в различных районах города, действия советской армии оказались невозможны. Для взятия Варшавы решено было совершить обходной маневр.

К концу сентября в городе оставалось около 2,5 тыс. вооруженных людей, ведущих борьбу с гитлеровцами в четырех отрезанных друг от друга районах. Население Варшавы голодало. Было ясно, что “аковцы” овладеть городом не смогут и что рано или поздно Варшава будет освобождена Красной Армией. Бур-Комаровский решил прекратить борьбу и капитулировать. 2 октября 1944 г. после 63 дней боев командующий АК подписал акт о капитуляции. С командованием АК вопрос об этом согласовывался. Бойцы АК были взяты в плен немцами как солдаты регулярной армии, отряды АК переправились на правый берег Вислы, где проходил советско-германский фронт. Все население Варшавы гитлеровцы изгнали и приступили к методическому уничтожению города. В ходе боевых действий погибли 22 тыс. повстанцев, 5600 воинов Войска Польского и 180 тыс. жителей⁸². 1,5 тыс. бойцов были взяты гитлеровцами в плен. Многие польские патриоты оказались в концлагерях. Столица Польши была полностью разрушена. Советские войска, пробившиеся к Варшаве в августе–сентябре 1944 г., потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 235 тыс. человек, Войско Польское – 11 тыс. человек. Немецкие потери при подавлении восстания составили 10 тыс. убитыми, 9 тыс. ранеными и 7 тыс. пропавшими без вести⁸³.

ИТОГИ ОПЕРАЦИИ

Белорусская стратегическая наступательная операция, продолжавшаяся 68 суток, является одной из выдающихся операций не только Великой Отечественной, но и всей второй мировой войны. Ее отличительная особенность – огромный пространственный размах и впечатляющие оперативно-стратегические результаты.

Войска Красной Армии, начав наступление 23 июня на фронте 700 км, к концу августа продвинулись на 550–600 км к западу, расширив фронт военных действий до 1100 км. От захватчиков была очищена обширная территория Белорусской республики – 80% и четвертая часть Польши. Советские войска вышли на Вислу и к границе с Восточной Пруссией.

В ходе операции потерпела сокрушительное поражение мощная немецкая группировка. Из 179 дивизий и 5 бригад вермахта, действовавших тогда на советско-германском фронте, 17 дивизий и 3 бригады были полностью уничтожены в Белоруссии, а 50 дивизий лишились более 50% своего боевого состава⁸⁴. Германские войска потеряли 409,4 тыс. солдат и офицеров, в том числе 255,4 тыс. безвозвратно⁸⁵. В ходе операции войска четырех советских фронтов взяли в плен более 200 тыс. немецких солдат и офицеров⁸⁶.

Операция “Багратион” явилась первой стратегической наступательной операцией Красной Армии, проведенной в период, когда в Западной Европе начали военные действия вооруженные силы США и Англии, о чем будет рассказано отдельно. Однако 70% сухопутных сил вермахта продолжало сражаться на советско-германском фронте. Катастрофа в Белоруссии вынудила германское командование перебросить сюда крупные стратегические резервы с запада, что, разумеется, создавало благоприятные условия для наступательных действий союзников после высадки их войск в Нормандии, да и ведения коалиционной войны в Европе.

Победа в Белоруссии произвела огромное впечатление на правительство союзных держав. Президент США Рузвельт в послании Сталину от 21 июля 1944 г. писал: “Стремительность наступления Красной Армии изумительна, и я очень желал бы иметь возможность посетить Вас, чтобы посмотреть, как Вам удается поддерживать связь с наступающими войсками и обеспечивать их снабжение”. Английский премьер-министр Черчилль, отмечая огромные успехи Красной Армии, так оценил положение Германии: “Мало оснований сомневаться в том, что вскоре наступит ее общий крах”⁸⁷.

Операция “Багратион” дала яркие примеры зрелого и высокого мастерства советских полководцев и военачальников. Она внесла заметный вклад в развитие стратегии, оперативного искусства и тактики; обогатила военное искусство опытом окружения и уничтожения крупных группировок врага в короткие сроки и в самых различных условиях обстановки. Была успешно решена задача прорыва мощной обороны противника, а также быстрого развития успеха в оперативной глубине за счет умелого использования крупных танковых объединений и соединений. Нанесение мощных одновременных ударов на шести далеко стоящих друг от друга участках позволяло дробить оборону врага, причем на фронте в несколько сот километров. В таких условиях германское командование не могло при всем своем желании парировать удары советских войск.

В борьбе за освобождение Белоруссии советские воины проявили массовый героизм и высокое боевое мастерство. 1500 ее участников стали Героями Советского Союза, сотни тысяч были награждены орденами и медалями СССР. Только в июле и августе в 1-м Прибалтийском фронте правительственные награды получили 74 157 воинов, в 3-м Белорусском – 104 497 человек, во 2-м Белорусском – 74 343 и в 1-м Белорусском – 149 147 человек⁸⁸. Среди Героев Советского Союза и награжденных – воины всех национальностей СССР. 29 июля 1944 г. за образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями фронтов и достигнутые успехи А.М. Василевский был удостоен звания Героя Советского Союза, а Г.К. Жуков получил вторую Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Исключительно важную роль в освобождении Белоруссии сыграли партизанские формирования. Решая задачи в тесном взаимодействии с войсками Красной Армии, они уничтожили свыше 15 тыс. и взяли в плен более 17 тыс. солдат и офицеров противника. Родина высоко оценила подвиг партизан и подпольщиков. Многие из них были награждены орденами и медалями, а 87 особо отличившихся стали Героями Советского Союза. 15 августа руководители партизанского движения Белоруссии П.К. Пономаренко, П.З. Калинин, В.Е. Лобанок и В.Е. Чернышев были удостоены полководческих орденов Суворова I степени, В.Т. Меркуль, Д.В. Тябут, А.А. Прохоров – орденов Кутузова I степени. Сотни партизан были отмечены орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, Суворова и Кутузова II степени, Красной Звезды.

Но победа досталась дорогой ценой. Потери были чрезмерными, справедливость требует это признать. В ходе наступления войска четырех фронтов потеряли 765 815 человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и убывшими по болезни, что составляет 48,8% их общей численности к началу операции. А безвозвратные потери составили 178 507 человек⁸⁹. С 23 июня по 29 августа фронты потеряли 2957 танков и САУ, 2447 орудий и минометов, 822 боевых самолета и 183,5 тыс. единиц стрелкового оружия⁹⁰. Особенно большой урон в личном составе и военной технике понесли войска в первые дни операции – при прорыве обороны и форсировании рек Западная Двина и Днепр, а также на заключительном этапе наступления – при форсировании рек Висла, Неман, Нарев, при отражении контрударов врага в Прибалтике, в районах Мангушева и Пулавы. С 23 июня и до конца июля, когда шла борьба за освобождение Белоруссии, советские войска потеряли

440 879 человек, или 29,8% личного состава, в том числе убитыми – 97 232 человека, или 6,6%⁹¹.

Такие потери в личном составе объяснялись упорным сопротивлением противника, мощью его обороны, трудностями форсирования многих рек, неэффективной артиллерийской и авиационной подготовкой, неудовлетворительными действиями 5-й гвардейской танковой армии, плохим взаимодействием войск с авиацией и партизанами. Они были обусловлены также недостатками в боевой подготовке воинов, призванных в действующую армию в ходе самой операции. Причина в том, что бывшие партизаны, подпольщики, а это была в основном молодежь призывного возраста, после освобождения территории республики сразу же вливались в части и соединения Красной Армии, нередко поспешно, с ходу, без должной военной подготовки их бросали в бой. Проявляя смелость и отвагу, они, тем не менее, не владели тактическим мастерством, поэтому среди них и были неоправданно большие потери, в чем повинно и командование.

В целом операция по замыслу, масштабам, эффективности и значимости занимает особое место и представляет важную главу в отечественной и мировой историографии военного искусства.

- 1 История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 19.
- 2 Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 380.
- 3 *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 145–146.
- 4 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. М., 1976. Т. 1. С. 267.
- 5 *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933–1945 / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 78.
- 6 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1962. Т. 4. С. 378.
- 7 Там же. С. 117.
- 8 *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945 гг. / Пер. с нем. М., 1957. С. 231.
- 9 Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М., 1956. Вып. 4. С. 92–93.
- 10 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 41, 47.
- 11 *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1984. С. 358.
- 12 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 40.
- 13 *Пономаренко П.К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков, 1941–1944. М., 1986. С. 245.
- 14 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 47.
- 15 *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1985. Кн. 1. С. 304.
- 16 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 47.
- 17 *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1972. С. 256, 258–259.
- 18 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 45.
- 19 *Антипенко Н.А.* На главном направлении. М., 1982. С. 134.
- 20 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 4. С. 165.
- 21 Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1958. Т. 3. С. 325.
- 22 Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 233.
- 23 *Баграмян И.Х.* Так мы шли к победе. М., 1977. С. 311, 312.
- 24 *Типпельсцирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 442.
- 25 Там же. С. 443.
- 26 Освобождение Белоруссии, 1944. М., 1974. С. 472–473.
- 27 Цит. по: Там же. С. 30.
- 28 Цит. по: Там же. С. 124–125.
- 29 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 119. Л. 81. (Далее: ЦАМО).

- 30 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 49.
- 31 ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2830. Д. 8. Л. 223.
- 32 Цит. по: Полки идут на запад. М., 1964. С. 156, 157.
- 33 ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 119. Л. 170.
- 34 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 256.
- 35 ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 256. Л. 167.
- 36 Освобождение Белоруссии, 1944. С. 149.
- 37 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 52.
- 38 Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. М., 1987. Т. 1. С. 227.
- 39 Василевский А.М. Указ. соч. С. 378–379.
- 40 Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. С. 488.
- 41 Типпельскирх К. Указ. соч. С. 445.
- 42 Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961. С. 223.
- 43 ЦАМО. Ф. 241. Оп. 13834. Д. 3. Л. 30.
- 44 Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 384.
- 45 Там же. Л. 383.
- 46 Там же. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 42. Л. 234.
- 47 Красная Звезда. 1995. 1 дек.
- 48 ЦАМО. Ф. 241. Оп. 13834. Д. 3. Л. 36.
- 49 Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 237.
- 50 Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1989. Кн. 2. Изд. шестое. С. 382.
- 51 Типпельскирх К. Указ. соч. С. 447.
- 52 ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2078. Д. 16. Л. 76–78; Ф. 21. Оп. 13834. Д. 25. Л. 81–83; Ф. 237. Оп. 15795. Д. 3. Л. 226.
- 53 Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 г. (23 июня – 29 августа). М., 1959. Т. 2. С. 148.
- 54 ЦАМО. Ф. 237. Оп. 18944. Д. 3. Л. 113.
- 55 Там же. Л. 114.
- 56 Болдин И.В. Указ. соч. С. 224, 225.
- 57 ЦАМО. Ф. 233. Оп. 401862. Д. 1. Л. 351.
- 58 Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. Вып. 4. С. 90–92, 106–110, 126–128.
- 59 Диксон Ч., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия / Пер. с англ. М., 1957. С. 125–126.
- 60 ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2394. Д. 439. Л. 229.
- 61 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 57, 58.
- 62 ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 120. Л. 383.
- 63 Радзиевский А.И. Танковый удар. М., 1977. С. 187.
- 64 Русский архив. 1994. № 14. С. 195–196. Текст по восстанию в Варшаве написан В.В. Марьиной.
- 65 Назаревич Р. Варшавское восстание: 1944 год / Пер. с польск. М., 1989. С. 65–66.
- 66 Цит. по: Там же. С. 72.
- 67 Русский архив. 1994. № 14. С. 205–206.
- 68 Там же. С. 236.
- 69 Там же. С. 210–211.
- 70 Sprawa polska w czasie drugiej wojny swiatowej na arenie miedzynarodowej: Zbiór dokumentów. Warszawa, 1965. S. 553–559.
- 71 Русский архив. 1994. № 14. С. 218–219.
- 72 Там же. С. 220–221.
- 73 Там же. С. 167.
- 74 Там же. С. 230–232.
- 75 Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 295–296.
- 76 Там же. С. 296–297.
- 77 ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 123. Л. 136.
- 78 См.: Русский архив. 1994. № 14. С. 246–249.
- 79 ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 9. Л. 54, 55.
- 80 Назаревич Р. Указ. соч. С. 193.

- ⁸¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 4. С. 246.
- ⁸² Освободительная война польского народа, 1939–1945. Варшава, 1965. С. 41.
- ⁸³ Движение Сопротивления стран Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945. М., 1995. С. 389; Военная энциклопедия. М., 1994. Т. 2. С. 15.
- ⁸⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 4. С. 198.
- ⁸⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12526. Д. 1850, 1860.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 13а. Оп. 950. Д. 6, 8, 9, 10.
- ⁸⁷ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 4. С. 199.
- ⁸⁸ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 43294. Д. 85. Л. 149, 155.
- ⁸⁹ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 203.
- ⁹⁰ Там же. С. 371.
- ⁹¹ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2078. Д. 16. Л. 76–78, 97–98; Ф. 241. Оп. 13834. Д. 25. Л. 83–88; Ф. 237. Оп. 15795. Д. 3. Л. 325; Ф. 233. Оп. 14040. Д. 55; Оп. 14780. Д. 2. Л. 3.

ПРОРЫВ НА БАЛКАНЫ

Три года полыхала война в Европе, Азии, на Тихом океане. Огненный вал продолжал катиться по полям и лесам России, Украины, Белоруссии. Он разрушал и сжигал те же города и веси, которые были опалены еще летом 1941 г. Правда, в отличие от тех дней теперь он двигался не на восток, а на запад и на рубеже свыше тысячи километров уже пересек Государственную границу СССР.

К середине августа 1944 г. противник был изгнан с территории Ленинградской области, Белоруссии и Западной Украины. При этом линия фронта изогнулась в виде огромной дуги от Нарвы к Висле и далее к устью Днестра, показывая, что фланговые группировки Красной Армии сильно отстали от центральной, наносившей главный удар. Это обстоятельство ухудшало стратегическое положение советских войск и требовало быстрее выравнивания линии фронта.

В такой ситуации советское командование планировало провести крупное наступление на южном крыле фронта, которое должно было завершить освобождение Украины и Молдавии, вывести из войны Румынию, Венгрию, и Болгарию, лишить Германию стратегического сырья и продовольствия и создать угрозу удара по третьему рейху с юга. Одновременно предусматривалось оказать помощь народам Восточной и Центральной Европы в их освобождении от оккупации и восстановлении независимости государств в этом регионе.

ВЫВОД РУМЫНИИ ИЗ ВОЙНЫ

26 марта 1944 г. советские войска вышли на р. Прут – Государственную границу СССР с Румынией. В поисках выхода из создавшегося положения диктатор Румынии маршал И. Антонеску организовал зондирование условий перемирия с союзниками. Текст условий советского правительства, предварительно согласованный с США и Англией, 12 апреля был вручен румынскому представителю в Каире. Однако румынское руководство отказалось их принять. Не вняло оно и совместно заявлению правительств США, СССР и Англии от 13 мая, призывавшему страны – сателлиты Германии порвать с третьим рейхом и перейти на сторону объединенных наций¹. Боясь ответственности за совершенные преступления, Антонеску и его окружение делали все, чтобы предотвратить крушение в стране пронацистского режима.

В то время как внешнеполитические ведомства сторон вели дипломатическую борьбу, обмениваясь заявлениями, предложениями и т.д., войска Красной Армии продолжали наступление в Румынии. К середине апреля они продвинулись на юском направлении более чем на 100 км и выбили противника из 800 населенных пунктов. Одновременно советские войска вышли к р. Днестр на рубеже от г. Дубоссары до Черного моря и захватили там ряд плацдармов.

Однако к началу мая обстановка на южном крыле советско-германского фронта изменилась. Красная Армия после непрерывных четырехмесячных боев в условиях зимней и весенней распутицы продвинулась на глубину около 450 км, при этом ее базы снабжения отстали, а личный состав частей сильно устал. Все это негативно отразилось на наступательных возможностях армии и, в свою очередь, дало

Ставке ВГК основание приказать войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов перейти к обороне на достигнутых рубежах.

Командование противника, воспользовавшись данным обстоятельством, решило выбить советские войска с румынской территории. Оно подтянуло свежие силы и развернуло наступление на яском направлении. Сражение отличалось большим напряжением. В отдельные дни враг проводил 15–20 атак на позиции советских войск. Особенно упорными были бои в конце мая–начале июня под Яссами, где действовало 10 вражеских дивизий. На некоторых участках противнику удалось оттеснить соединения Красной Армии на несколько километров к северу.

К этому времени они получили пополнение. Базы снабжения подтянулись ближе к переднему краю. Боеспособность частей в основном была восстановлена. Маршал Р.Я. Малиновский, бывший командующий 2-м Украинским фронтом, после войны вспоминал: “Можно было дать решительный отпор противнику, чтобы он прекратил активные действия. У нас для этого были и силы и средства”². Но Ставка ВГК запретила их использовать. Две главные причины обусловили такое ее решение. Во-первых, готовившееся в то время наступление в Белоруссии требовало значительных сил. Малиновский должен был отправить в резерв Ставки ВГК две танковые, одну общевойсковую армии и несколько стрелковых дивизий. Во-вторых, оно было вызвано стремлением дезориентировать противника относительно истинной группировки войск, их состояния и намерений. Для этого необходимо было всячески подчеркивать пассивность на южном фланге, отсутствие намерения продолжать наступление на Балканы. В то время как под Яссами враг проявлял высокую активность, советское командование снимало с фронта одну дивизию за другой. В конце концов у противника создалось впечатление, что фронт здесь ослаб настолько, что у Красной Армии не осталось сил, чтобы ответить ударом на удар.

Такой вывод устраивал обе воюющие стороны. Для немецкого командования группировка войск, прикрывавшая пути в Румынию, становилась тем источником, из которого можно черпать силы и средства для восстановления обороны, прорванной в Белоруссии и Западной Украине. Поэтому оно изъяло из группы армий “Южная Украина” и перебросило на центральный участок фронта 12 дивизий, в том числе 6 танковых и 1 моторизованную³. Их отправка, если судить по журналу боевых действий группы армий, продолжалась в течение более 1,5 месяца. Даже 16 августа, когда до начала наступления советских войск под Яссами оставалось чуть более трех суток, было отправлено 5 железнодорожных эшелонов с частями 14-й немецкой танковой дивизии⁴. И тем не менее вышеназванная группа армий оставалась еще довольно сильным объединением, насчитывавшим 900 тыс. солдат и офицеров, 7600 орудий и минометов, свыше 400 танковых и штурмовых орудий и 810 самолетов⁵.

Создавшаяся ситуация была выгодна советскому командованию. Дело в том, что после отправки в Резерв Ставки ВГК четырех армий и нескольких дивизий во 2-м и 3-м Украинских фронтах оставались еще значительные силы и средства. Так, в полосе шириной 500 км оборонялись 10 общевойсковых армий. Кроме того, в резерве обоих фронтов находились одна танковая армия и восемь отдельных корпусов⁶. Они превосходили противника в людях в 1,4 раза (1250 тыс. человек), в артиллерии – в 2,1 (16 тыс. орудий и минометов), в танках и самоходных артиллерийских установках (САУ) – в 4,7 (1870 машин) и в авиации – в 2,7 раза (2200 самолетов)⁷. Поскольку же противник не сумел выявить точный состав советских войск на южном участке фронта, да и действия их были очень пассивными, то все успокоилось. Как писал Малиновский, “мы не атаковали противника, и он нас не атаковал”.

Вот такая обстановка сложилась перед Яско-Кишиневской операцией. Она благоприятствовала советскому командованию в подготовке войск и штабов к предстоящему наступлению.

Что же представляла из себя группировка противника и какой была его оборона к этому времени? Группа армий “Южная Украина”, в командование которой 25 июля вступил немецкий генерал Г. Фриснер, состояла из двух армейских групп – “Велер” и “Думитреску”. В первую входили 8-я немецкая, 4-я румынская армии и 17-й отдельный немецкий гвардейский корпус, во вторую – 6-я немецкая и 3-я румынская армии. Они имели 47 дивизий и 5 бригад, из которых 25 дивизий были немецкими. “Характерным для группировки сил, – писал после войны генерал Фриснер, – было смешение немецких и румынских соединений внутри армий и армейских групп, что было сделано по соображениям безопасности. И те и другие подчинялись единому командованию, но лишь в оперативно-тактических вопросах”⁸.

Основная масса немецких войск (64% дивизий) была сосредоточена в 6-й армии, которая занимала центральное положение, находясь на кишиневском выступе. Левее, на яско-фокшанском направлении развертывалась группа “Велер”, 72% которой составляли румынские войска. Правее, в низовьях Днестра и за Днестровским лиманом, оборонялась 3-я румынская армия, в которой из 8 соединений немецким было только одно⁹. Как видим, главная и наиболее боеспособная группировка врага развернулась на вершине дуги под Кишиневом. На флангах ее оборонялись менее устойчивые в морально-боевом отношении румынские войска. Любопытно отметить, что положение противника повторило уже известную картину. Как и в битве под Сталинградом, 6-я немецкая армия оказалась опять в центре, а на ее флангах – те же 3-я и 4-я румынские армии.

Группа армий, обе армейские группы и все армии были построены в один эшелон с выделением резерва. Две трети последнего сосредоточивались под Яссами и Кишиневом, треть – против плацдарма русских на р. Днестр, южнее Тирасполя. Армейские корпуса, как правило, строили боевой порядок в два эшелона. Командование вермахта полагало, что, имея сильную 6-ю армию и основную массу резервов на направлении возможного удара Красной Армии, можно будет отразить не только его, но и наступление на Яссы с севера. Довольно плотной оборона противника была и перед плацдармом южнее Тирасполя. Здесь также ожидался удар. Правда, по оценке генерала Фриснера, он должен был иметь вспомогательное значение, чтобы «сковывающими действиями удерживать на месте войска армейской группы “Думитреску” до тех пор, пока северная группировка не блокирует переправы через Прут. Как мы убедились позднее, это положение было ошибочно»¹⁰.

Готовясь к отражению ожидаемого наступления Красной Армии, враг создал глубоко эшелонированную оборону с развитой системой инженерных сооружений. Перед войсками 2-го Украинского фронта она состояла из трех полос общей глубиной 25–35 км. В оперативной глубине были оборудованы несколько рубежей и отсечных позиций, а у Тыргу-Фрумуса и Ясс – укрепленные районы. Перед 3-м Украинским фронтом противник подготовил три полосы обороны общей глубиной 40–50 км. При построении оборонительных полос использовались многочисленные водные преграды и холмистая местность. Особое значение придавалось рубежу по нижнему течению р. Сирет. В сочетании с Фокшанскими укреплениями он прикрывал путь в центральные районы через Фокшанские ворота – 80-километровую равнинную местность между Восточными Карпатами и Дунаем.

Таким образом, созданная противником оборона и особенности района военных действий, затруднявшие маневр, требовали от советского командования всесторонней подготовки наступления. Вместе с тем, общее превосходство в силах, охватывающее положение войск 2-го и 3-го Украинских фронтов по отношению к противостоявшей группировке, а также довольно большой запас времени благоприятствовали разгрому врага. Подготовка началась с наступления затишья на фронте, усилилась в июне, когда Ставка ВГК дала указание о предстоящем наступлении.

Чтобы выиграть грядущее сражение, командование и штабы исследовали различные варианты операции, определяли потребности в силах и средствах, постоянно изучали неприятеля. Но в центре их внимания был выбор направления главного удара фронта. От его правильного определения зависел исход всей операции. Найдено оно было после напряженных поисков и долгих раздумий.

Командующий 2-м Украинским фронтом генерал Р.Я. Малиновский считал наиболее целесообразным главным удар нанести на участке между Тыргу-Фрумосским и Ясским укрепленными районами в направлении Васлуй – Фокшаны. В этом случае исключалась необходимость прорыва самих укрепленных районов, а удар приходился по сравнительно слабому месту в обороне и менее боеспособной группировке – румынским войскам. Это направление кратчайшим путем выводило главные силы фронта в тыл немецких войск, оборонявшихся на кишиневском выступе, и позволяло окружить их восточнее р. Прут. Удар направлялся в междуречье Прута и Сирета, т.е. параллельно промежуточным рубежам противника, оборудованным вдоль западных берегов обеих рек. Этим исключалась необходимость их прорыва и обеспечивалась свобода маневра, что позволяло обойти с юга труднодоступные Восточные Карпаты и развить наступление в глубь Румынии.

Командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Ф.И. Толбухин считал самым разумным использовать для главного удара плацдарм южнее Тирасполя, именованный кичканским – по названию расположенного здесь села Кичкань. Это направление позволяло наступать без форсирования такой крупной водной преграды, как Днестр. Кроме того, отсюда пролегал кратчайший путь для выхода в тыл и окружения во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом яско-кишиневской группировки врага.

2 августа Ставка ВГК отдала директиву о проведении операции, в которой учла предложения командующих фронтами. Замыслом операции усматривалось прорвать оборону противника одновременно на двух далеко отстоящих друг от друга участках (северо-западнее Ясс и южнее Тирасполя), развить наступление по сходящимся на Хуши направлениям, окружить и уничтожить основные силы групп армий «Южная Украина», а затем высокими темпами наступать в глубь Румынии. Черноморский флот должен был оказать огневую поддержку приморскому флангу 3-го Украинского фронта, нарушить морские коммуникации противника, уничтожить его корабли, нанести воздушные удары по базам в Констанце и Сулине, а Дунайская флотилия – высадить десант у Аккермана (Белгород-Днестровский) и содействовать войскам в форсировании Дуная¹¹.

Выполняя указания Ставки ВГК, генерал Малиновский решил силами 27-й и 52-й армий прорвать тактическую оборону противника на 16-километровом участке, ввести в первый день операции 6-ю танковую армию и 18-й танковый корпус, с ходу преодолеть третью (армейскую) полосу обороны, выйти на рубеж Бакеу, Хуши и совместно с войсками 3-го Украинского фронта окружить яско-кишиневскую группировку врага. В дальнейшем главным силам (65% стрелковых и 80% подвижных соединений) надлежало развить наступление на внешнем фронте окружения в направлении Фокшаны, а частью сил действовать на внутреннем фронте с целью ликвидации окруженного врага.

Оперативное построение 2-го Украинского фронта было глубоким – первый, второй (53-я армия) эшелоны, подвижная группа (6-я танковая армия, конно-механизированная группа и 18-й танковый корпус). В резерве находилось два стрелковых корпуса. Войска фронта поддерживала 5-я воздушная армия. Такое построение позволяло наступать на большую глубину, удерживать превосходство в силах на всем протяжении операции и одновременно действовать как на внешнем, так и на внутреннем фронтах окружения.

План командующего 3-м Украинским фронтом генерала Ф.И. Толбухина состоял в следующем: главный удар нанести силами 57, 37 и правым флангом 46-й армий на 18-километровом участке; с утра второго дня операции ввести в сражение

7-й и 4-й гвардейский механизированные корпуса, развить наступление в западном и юго-западном направлениях, выйти на рубеж восточнее Хуши, р. Прут и далее на Измаил, окружить и совместно с войсками 2-го Украинского фронта уничтожить яско-кишиневскую группировку. Для ликвидации окруженного врага планировалось привлечь 73% войск фронта, а меньшей его частью предусматривалось развивать наступление в направлении на Измаил, не допуская отхода противника за Прут и Дунай. Вспомогательный удар намечалось нанести левым флангом 46-й армии совместно с Дунайской флотилией через Днестровский лиман на Аккерман, с тем чтобы во взаимодействии с 4-м гвардейским механизированным корпусом окружить 3-ю румынскую армию.

Фронт имел одноэшелонное построение, в резерв выделялся один стрелковый корпус. Подвижную группу составлял 4-й гвардейский механизированный корпус. Такое построение объяснялось тем, что главные силы фронта должны были действовать на внутреннем фронте окружения и задача – продвижение на глубину 100–110 км – могла быть успешно выполнена.

Командование и штабы тщательно спланировали применение войск, артиллерии, танков и авиации по этапам операции, конкретизировали задачи на местности, распределили средства усиления по соединениям, перегруппировали войска и т.д. Из всей совокупности подготовительных мероприятий выделим лишь те, которые оказали наиболее существенное влияние на проведение операции. К таковым можно отнести следующие.

Во-первых, умело осуществленное массирование сил и средств. В результате на направлениях главных ударов было сосредоточено от 67 до 85% всех сил и средств и почти вся авиация. Благодаря этому на участках прорыва 2-го и 3-го Украинских фронтов было достигнуто превосходство над противником: в людях – соответственно в 4–8 раз, в артиллерии – в 6–11, в танках и САУ – в 7 раз, а артиллерийская плотность составила 240–280 орудий и минометов на 1 км участка прорыва¹². Это обеспечивало возможность нанесения мощного первоначального удара, наращивания усилий в оперативной глубине и поддержания высоких темпов наступления.

Во-вторых, заблаговременно предусмотренное распределение войск для создания внешнего и внутреннего фронтов окружения. На их образование выделялось примерно по 50% общего количества сил и средств фронтов, что создавало почти двойное превосходство над окружаемым противником. По расчетам командования такое преимущество позволяло быстро ликвидировать попавшие в котел войска.

Заметим, однако, что по замыслу операции непосредственный удар по группировке в кишиневском выступе на первом этапе не предусматривался. В связи с этим к моменту выхода советских войск на внутренний фронт окружения (5–7-й день операции) враг, по существу, свою боеспособность сохранял, а вот наступавшие части уже могли иметь довольно значительные потери. Следовательно, соотношение сил и средств, существовавшее к началу операции, неотвратимо изменялось в ходе ее ведения, причем в худшую для советских частей сторону. В итоге, как показали дальнейшие события, выделенных для ликвидации окруженных войск оказалось явно недостаточно. Устраняя допущенный просчет, советское командование было вынуждено перебрасывать часть сил и средств с внешнего фронта на внутренний.

В-третьих, в целом удачно проведенная оперативная маскировка. Она преследовала цель скрыть от противника истинные районы сосредоточения ударных группировок и направления ударов фронтов. Для этого, например, в полосе 3-го Украинского фронта создавалась ложная группировка войск на кишиневском направлении. Чтобы дезориентировать противника, в “районе сосредоточения” было построено 5305 различных укрытий, 104 склада, установлено 514 макетов танков, пушек, минометов и автомашин. Зенитная артиллерия и истребительная авиация тщательно прикрывали этот район. Артиллерия большой мощности периодически

вела огонь на разрушение долговременных сооружений противника, имитируя подготовку прорыва на этом направлении. Правда, за двое суток до начала наступления ему удалось определить время его начала и направление главного удара 2-го Украинского фронта. Ночью по району западнее р. Прут, где располагались резервы 52-й армии, враг нанес авиационный удар, совершив до 110 самолето-вылетов¹³. Но это противодействие не оказало существенного влияния на боеспособность советских войск. Они изготовились для удара.

ОКРУЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА ПОД КИШИНЕВОМ

9 августа вечером в полосах обоих фронтов была проведена разведка боем. Она установила, что оборонявшаяся группировка осталась прежней. Ясным солнечным утром 20 августа канонада и разрывы бомб возвестили о начале операции советских войск. Артиллерийская, а на 3-м Украинском фронте и авиационная подготовка атаки оказалась весьма эффективной. Противник понес большие потери в людях и технике. Его система огня была дезорганизована, траншеи разрушены, управление в звене рота – полк потеряно, личный состав морально и физически подавлен.

Достигнуть это удалось не только количественным превосходством, но и искусным применением огневых средств. Например, огонь всех 260 орудий 2-го Украинского фронта, приходившихся на 1 км участка прорыва, в течение 2–4 мин. последовательно сосредоточивался по переднему краю и первым траншеям, огневым позициям, командно-наблюдательным и опорным пунктам противника¹⁴. Артиллеристы 3-го Украинского фронта на 55-й мин. огневой подготовки перенесли огонь в глубину обороны. В этот момент пехотинцы, занимавшие первую траншею, открыли интенсивную стрельбу и с криком “Ура!” стали выбрасывать чучела солдат. Такие действия враг принял за начало атаки. Неприятельская пехота поспешила вылезти из блиндажей и занять место на переднем крае, а уцелевшие огневые точки открыли ответную стрельбу. Тогда советская артиллерия вновь перенесла огонь и еще 40 мин. подавляла и уничтожала противника¹⁵. В результате этого создавалась весьма благоприятная ситуация для прорыва тактической обороны врага.

Соединения 27-й армии 2-го Украинского фронта, поддерживаемые двойным огнем валом артиллерии перешли в атаку. За три часа они прорвали главную полосу обороны, а еще через 80 мин. – и вторую, форсировав р. Бахлуй. В этот момент генерал Малиновский приказал командующему 6-й танковой армии генералу А.Г. Кравченко немедленно начать ввод ее соединений в прорыв. В 14 час. в сражение вступил 5-й гвардейский танковый корпус генерала В.М. Алексеева, спустя час – 5-й механизированный корпус генерала М.В. Волкова. Заметим, это был единственный случай за годы войны, когда танковая армия, насчитывавшая 421 боевую машину¹⁶, была успешно введена в прорыв уже в середине первого дня наступления. Но следует отметить и то, что в этот день ей так и не удалось оторваться от стрелковых войск.

Данный факт можно объяснить, во-первых, тем, что противник успел выдвинуть из оперативного резерва две дивизии и совместно с остатками двух других соединений занял оборону, оказав упорное сопротивление продвижению советских войск. Во-вторых, недостаточно было организовано взаимодействие между соединениями, наступавшими в оперативной глубине. Вследствие этого артиллерийские части слабо поддерживали танкистов, и они не смогли прорвать третью полосу обороны, проходившую по хребту Маре. Это подтверждает и то, что прорывом тактической зоны обороны решается только первая часть задачи прорыва сплошного фронта обороны. Располагая оперативными резервами и маневрируя войсками, противник может закрыть ими образовавшуюся брешь и вновь создать сплошной фронт обороны. Поэтому для успешного развития и завершения операции необхо-

димо преодолеть не только тактическую, но и оперативную оборону, а также разгромить оперативные резервы противника.

Успешно началось наступление и 3-го Украинского фронта. К исходу дня 57, 37 и 46-я армии завершили прорыв главной полосы вражеской обороны и местами вклинились во вторую. Войска обоих фронтов продвинулись на глубину от 10 до 16 км.

Как же оценивало обстановку командование противника? В журнале боевых действий группы армий “Южная Украина” за 20 августа записано: “Впечатление, которое производят румынские войска, можно определить как катастрофическое. 5-я румынская пехотная дивизия совершенно разложена. То же самое относится и к 7-й румынской пехотной дивизии...”¹⁷. «В армейской группе “Думитреску” обе румынские дивизии 29-го армейского корпуса (4-я горнопехотная и 21-я пехотная) полностью распались. В армейской группе “Велер” полностью разгромленными оказались до пяти румынских дивизий. Катастрофический итог! – писал генерал Фриснер. – Оставался единственный выход – отвести войска группы армий назад. Однако Гитлер все еще не давал соответствующего приказа»¹⁸. В целом же, как отмечалось в упомянутом журнале боевых действий, “несмотря на ввод большого количества резервных частей, находящихся в расположении нашего командования, удалось лишь частично задержать наступление русских. На обоих участках фронта создалось серьезное положение. Тяжесть боев в ближайшие дни ляжет исключительно на плечи германских войск”¹⁹.

21 августа соединения 27-й армии генерала С.Г. Трофименко, взаимодействуя с 6-й танковой армией и авиацией, вели борьбу за третью полосу. Войска 52-й армии генерала К.А. Каротеева, используя успех введенного в этот день в сражение 18-го танкового корпуса генерала В.И. Полозкова, разгромили противника и к полудню освободили г. Яссы. К этому времени 7-я гвардейская армия генерала М.С. Шумилова во взаимодействии с 23-м танковым корпусом генерала А.О. Ахманова овладела г. Тыргу-Фрумос. В итоге двухдневных боев войска 2-го Украинского фронта прорвали три полосы обороны на глубину до 40 км, расширив прорыв до 65 км по фронту. Сложилась благоприятная условия для стремительного преследования противника и окружения 6-й немецкой армии.

Войска генерала Толбухина, отразив контрудары пехоты и танков противника, за два дня боев продвинулись на глубину до 30 км и расширили прорыв по фронту до 95 км. Авиация 5-й и 17-й воздушных армий под командованием генералов С.К. Горюнова и В.А. Судца, поддерживая войска, произвела более 6350 самолетовылетов.

Вечером 21 августа Ставка ВГК приказала фронтам как можно быстрее замкнуть кольцо окружения в районе Хуши и ликвидировать вражескую группировку. Почти одновременно Гитлер «разрешил оттянуть фронт армейской группы “Думитреску” на позицию Фердинанд», оборудованную на западном берегу Прута. “Приказанный отход войск, – записано в журнале боевых действий группы армий “Южная Украина”, – начался вечером” (22 августа. – *Ред.*)²⁰. “Но, – как справедливо отметил Фриснер, – было уже слишком поздно”²¹. Задержка с отводом войск на двое суток поставила их в безнадежное положение.

С утра 22 августа 4-я гвардейская армия генерала И.В. Галанина перешла в наступление вдоль р. Прут с севера. Действуя совместно с 52-й армией, она к исходу дня продвинулась на 25 км и овладела двумя переправами через реку. 18-й танковый корпус, обходя узлы сопротивления, стремительно приближался к Хуши. А в это время ему навстречу с юго-востока развивали наступление 7-й и 4-й гвардейский механизированные корпуса под командованием генералов Ф.Т. Каткова и В.И. Жданова. К вечеру они находились в 30–35 км от Прута у пос. Леово. Тем самым были перекрыты основные пути отхода противника на запад и 6-я немецкая армия окончательно отрезана от 3-й румынской. Одновременно моряки Дунайской флотилии вице-адмирала С.Г. Горшкова совместно с десантной груп-

пой 46-й армии форсировали 11-километровый Днестровский лиман, освободили г. Аккерман и развивали наступление в юго-западном направлении.

23 августа войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили окружение немецкой группировки под Кишиневом и румынской – западнее Днестровского лимана. 24 августа были освобождены города Кишинев и Хуши, советские войска вышли на оба берега Прута, уплотнили боевые порядки вокруг пяти немецких армейских корпусов 6-й и 8-й армий и вынудили капитулировать 3-ю румынскую армию. К этому времени расстояние между внутренним и внешним фронтами окружения увеличилось до 85–100 км.

Таким образом, на пятый день наступления завершился первый этап стратегической операции, в ходе которого было достигнуто окружение главных сил группы армий “Южная Украина” и созданы благоприятные условия не только для их ликвидации, но и для стремительного наступления в глубь румынской территории. Эти задачи войска 2-го и 3-го Украинских фронтов решали уже в новой военно-политической обстановке, обусловленной крушением существовавшего в Румынии пронацистского режима.

КРАХ РЕЖИМА АНТОНЕСКУ

Во время войны экономический и людской потенциал Румынии был поставлен на службу Германии. Три четверти потребностей вермахта в горючем покрывались румынской нефтью. Для войны против СССР страна выставила свыше 30 дивизий и отдельных бригад, больше, чем все другие союзники Германии. Оказывая огромную помощь третьему рейху, румынские правители надеялись взамен получить богатства и земли Советского Союза. Успешное наступление на советско-германском фронте летом и осенью 1941 г. вызвало шовинистический угар не только у руководства, но и среди солдат и населения страны. Их “соблазняла земля в Бессарабии и между Днестром и Бугом, которую Гитлер посулил маршалу Антонеску”²². А в октябре 1942 г., когда шли бои за Сталинград, раздавались требования о передвижении границы Румынии аж до Урала!²³

Отрезвление началось после разгрома немецких, румынских, итальянских и венгерских войск под Сталинградом и на Среднем Дону. В Румынии стало нарастать недовольство режимом Антонеску и желание покончить с войной. Брожение усиливалось по мере приближения фронта к румынской границе. Оно охватило и соседнюю Венгрию. Руководство Германии, опасаясь выхода этих стран из войны, распорядилось подготовить операции по их оккупации.

9 марта 1944 г., проведя операцию под кодовым названием “Маргарита-1”, немцы ввели свои войска в Венгрию. Что касается Румынии, то намерения гитлеровцев относительно ее оккупации несколько изменились. Как записано в дневнике военных действий штаба верховного главнокомандования (ОКВ), Гитлер из беседы с И. Антонеску вынес “убеждение, что тот имеет как силу, так и желание, чтобы не допустить переворота в Румынии”²⁴. Тем более что Антонеску при отступлении вермахта на южном участке фронта сам открыл часть Румынии для ввода немецких войск²⁵.

По наблюдениям иностранной агентуры у Румынии в тот период появился шанс выйти из войны. Как считали дипломатические представители нейтральных стран, весной–летом 1944 г. и королевский двор, и оппозиция понимали, что всякое сопротивление русским бесполезно, но решимости порвать с Гитлером ни у кого не хватило. И. Антонеску и румынское правительство были слишком тесно связаны с Германией и боялись развития событий по “венгерскому сценарию”. Кроме того, Гитлер не раз давал понять И. Антонеску, что он хотел бы заменить вице-преьера и министра иностранных дел М. Антонеску преданным ему человеком, а именно руководителем легионеров Хорией Симой, находившимся в годы войны в

Германии. И. Антонеску видел в этом прямую угрозу и для себя, так как Хория Сима после разгрома легионерского мятежа 1941 г. стал его личным врагом.

В то же время германское командование, стремясь удержать Румынию на своей стороне, разместило в Бухаресте две дивизии СС, добилось замены префекта столичной полиции, усилило общий контроль за положением дел в стране. В этих условиях и при наличии мощной группировки немецких армий “Южная Украина” на восточных границах Румынии, И. Антонеску продолжал воевать на стороне Германии. Боялся Гитлера и молодой румынский король Михай. По воспоминаниям приближенного к нему генерала Михаила, еще в ноябре 1943 г. король сообщил ему, что он “хотел бы совершить переворот такого же рода, как в Италии в 1943 г., а конкретно – прекратить войну против России и перейти на сторону ее союзников”. Однако в тот момент Михай побоялся решиться на такой смелый и рискованный шаг. Королевский двор маневрировал, надеясь сохранить свои позиции. В этих условиях усилила свою деятельность оппозиция. Втайне от Гитлера пытались вступить в переговоры с западными союзниками также и члены кабинета И. Антонеску. Особое старание прилагал министр иностранных дел М. Антонеску. В конце января 1944 г. он сообщил американскому правительству: “Румыния не ведет войны против Англии и США. Когда английские и американские войска достигнут Дуная, они не встретят сопротивления румынских войск, ибо в тот момент румынские войска будут заняты обороной на Днестре против русских”.

В свою очередь, и оппозиция, и король Михай надеялись договориться с западными державами, рассчитывая, что их армии придут в Румынию раньше, чем русские. Они еще не осознавали, что эти надежды напрасны, хотя румынские дипломаты предупреждали и оппозицию, и Антонеску, что англичане не собираются наступать на Балканах, а остановить продвижение Красной Армии в Центральную и Юго-Восточную Европу невозможно. И поскольку западные державы, основываясь на договоренности с советским правительством, не решались вести сепаратные переговоры с румынскими дипломатами без участия СССР, представители официальных кругов Румынии и оппозиция еще с конца 1943 г. стали искать связи с советским руководством.

В марте 1944 г. в Каир с поручением начать сепаратные переговоры с Англией и США прибыл принц Барбу Штирбей, а затем К. Вишоюну. Лидер румынской оппозиции Ю. Маниу, возглавивший Национал-царанистскую партию (НЦП), имел постоянную радиосвязь с союзниками. Представители оппозиции обратились с просьбой к чехословацкому президенту в изгнании Э. Бенешу выступить посредником на переговорах с Советским Союзом о выходе Румынии из войны при условии, что она останется “самостоятельным государством с наименьшими территориальными потерями только на Востоке”.

Что же имелось в виду? Было ясно, что судьба Бессарабии и Северной Буковины предрешена и что эти области останутся в составе СССР. В этих условиях основные условия оппозиции были направлены на то, чтобы добиться аннулирования решений 2-го Венского арбитража о Трансильвании, навязанного Румынии 30 августа 1940 г. Гитлером и Муссолини, по которому северная Трансильвания была отторгнута от Румынии и передана Венгрии. Во время переговоров советского посла в Египте Н.В. Новикова с румынским представителем князем Б. Штирбеем, состоявшихся в начале апреля 1944 г., последний прямо спросил Новикова, готово ли советское правительство дать заверения о возвращении этой области Румынии²⁶. Советское правительство, несмотря на существование различных точек зрения в вопросе о будущем Трансильвании, в том числе и возможности создания самостоятельного трансильванского государства под покровительством СССР, казалось, все же было склонно в случае выхода Румынии из антисоветской войны и перехода ее на сторону союзников решить вопрос Трансильвании в пользу Румынии. Американцы же и англичане не были настроены давать Румынии обязательства по вопросу Трансильвании²⁷.

12 апреля 1944 г. Н.В. Новиков вручил румынскому представителю князю Барбу Штирбею условия перемирия, которые предусматривали “восстановление советско-румынской границы по договору 1940 г.; возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией румынскими войсками советской территории; обеспечение союзным войскам свободного передвижения по румынской территории в соответствии с военными потребностями; согласие Советского правительства на аннулирование решения Венского арбитража о Трансильвании и оказание помощи в деле ее освобождения”²⁸. Советские условия перемирия были одобрены англичанами и американцами. 27 апреля от имени трех союзников Маниу и Антонеску была передана ультимативная телеграмма, в которой предлагалось дать в течение 72 часов ответ. Однако румынская сторона сделала все, чтобы превратить переговоры в дискуссию²⁹.

Маниу, уклоняясь от прямого ответа на предложения советского правительства от 12 апреля, через своих представителей в Каире – Штирбея и Вишоюну – выдвинул ряд контрпредложений, часть которых была неприемлема для советской стороны. Это касалось, например, вопросов о плебисците в Бессарабии, о заключении соглашения с Румынией, подобного советско-чехословацкому соглашению об администрации на освобожденной территории и т.п. Маниу ставил выступление оппозиции в зависимость от военных действий союзников на Балканах³⁰.

В то же время посол Румынии в Швеции Ф. Нану передал 29 мая от имени М. Антонеску ответ румынского правительства на советские условия перемирия. В нем выдвигалось предположение о сотрудничестве румынской армии с советской по изгнанию немецких войск только в том случае, если они в течение 15 дней не покинут Румынию, если местонахождение румынского правительства не будет оккупировано, если будущее Бессарабии и Буковины станет решаться лишь после окончания войны, а также в случае уменьшения выплат за возмещение ущерба, причиненного румынской оккупацией советским областям, и т.д. Румынское правительство надеялось, что оно сможет уговорить немцев добровольно уйти из Румынии, которая в таком случае могла бы остаться нейтральной. В ответе советской стороны было заявлено о возможности некоторого сокращения законно причитающихся Советскому Союзу сумм возмещения убытков, предоставления местопребывания румынского правительства только на территории, занятой советскими войсками. В остальном же подтверждалось, что предложенные условия перемирия не подлежат никаким изменениям.

Со своей стороны оппозиция предложила план выхода Румынии из войны, аналогичный тому, который был передан 27 июня в Каире Штирбею и Вишоюну. При этом 15 июля было заявлено, что если ей будут сделаны уступки, аналогичные тем, какие были обещаны М. Антонеску, то она намерена приступить к выполнению плана переворота. Было также передано согласие на посылку через линию фронта генерала Алдя для переговоров о координации военных действий с советским командованием³¹.

В первой декаде августа 1944 г. переговоры в Стокгольме по инициативе советской стороны были “спущены на тормозах”³². Внутри страны под влиянием событий на советско-германском фронте произошли значительные перемены в настроениях основных групп населения румынского общества. Характеризуя обстановку в Румынии, лондонское радио передало 20 марта 1944 г.: “В Бухаресте царит страх. Румынский народ все настойчивее требует изыскать средства, чтобы не быть втянутым в неминуемую катастрофу”. В апреле 1944 г. секретная служба информации румынского правительства сообщала, что “общественная атмосфера и настроение населения определяются озабоченностью положением на восточном фронте и англо-американскими бомбардировками”. Наступление Красной Армии стало предметом сильного беспокойства, и “румыны начали понимать невозможность устоять перед победоносным наступлением русских, в то время как немецкие войска стали подавать признаки усталости и морального упадка”³³.

Англо-американские бомбардировки, начавшиеся 4 апреля, принесли не только огромные материальные разрушения и человеческие жертвы среди мирного населения. Они существенно повлияли на морально-психологическое состояние румынского общества. По сообщению иностранного агента (личность не установлена), в результате бомбардировок число человеческих жертв достигло 20 тыс. человек. Разрушения на 2/3 приходились на гражданские строения, особенно пострадали Бухарест, Плоешти, Брашов и другие города. Бомбардировки серьезно дезорганизовали работу железных дорог и промышленности. «Страна полностью дезорганизована, – писал далее агент, – правительство и оппозиция бездействуют, работает только местная администрация. Все это привело к настоящей анархии. Участились вооруженные нападения, грабежи и воровство, в чем не последними являются немцы. Бухарест опустел, население скрывается в пригородах»³⁴.

По наблюдениям автора донесения, англо-американские бомбардировки существенно повлияли и на изменение внешнеполитической ориентации значительной части румынского общества: до первого налета на столицу в нем преобладали симпатии к англосаксам и надежды на то, что они придут раньше русских, однако после их налета на жилые кварталы, когда погибли тысячи людей, «ненависть к англосаксам стала даже сильнее, чем к немцам». «Совершенно ясно, – доносил тот же агент, – что за последние два месяца страх перед русскими ослабел. Население делает сравнение между поведением англо-американцев и русских не в пользу первых. Русские, по мнению румын, не совершают налетов или же совершают их очень редко на объекты военного значения и не истребляют гражданское население. В связи с этим симпатии, которые население питало к англичанам, уменьшаются, в то время как престиж России увеличивается»³⁵. В такой обстановке, полагал автор донесения, «друзья русских – коммунисты – одержали здесь за один месяц больше побед, чем за 20 лет. Они не скрывают, что опираются на Москву, которая не бомбардирует население в отличие от Лондона»³⁶.

Используя благоприятные условия, весной 1944 г. Коммунистическая партия Румынии (КПР) активизировала свою деятельность. Несмотря на то что она была малочисленной и многие ее деятели и рядовые члены находились в тюрьмах и концентрационных лагерях, партия имела достаточно четкую организационную структуру и жесткую дисциплину. Еще осенью 1943 г. КПР выступила за создание Антигитлеровского патриотического фронта, в который кроме КПР вошли «некоторые немногочисленные организации, которые не имели сколько-нибудь значительного влияния в румынском обществе. Руководство оппозиционных режиму национал-царанистской (НЦП), национал-либеральной (НЛП) и социал-демократической партий (СДП) отказалось тогда от совместных с КПР действий. После вступления Красной Армии на территорию Румынии НЦП, НЛП и особенно СДП начали склоняться к сотрудничеству с коммунистами. Вняв совету западных держав, сделанному по просьбе Москвы, румынский король Михай пошел на невероятный для него в других условиях шаг – установил связь с КПР, так как за ее спиной стояли Советский Союз и Красная Армия. Союзники передали королю, что они не будут с ним вести переговоры, если он не включит в свою группу коммунистов и социалистов. «Пришлось уступить этому нажиму. Мы не имели другого выбора, – написал впоследствии король, – но именно союзники заставили нас сотрудничать с коммунистами... несколько позднее я понял, что это сделано по настоянию русских»³⁷.

В свою очередь, в изменившейся внешнеполитической обстановке КПР начала действовать с позиции ультимативных требований. Она заявила руководству НЦП и НЛП, что, если они не присоединятся к антифашистским силам, возглавляемым КПР, им придется в связи с неминуемым разгромом гитлеровской Германии разделить участь предателей родины, стоящих у кормила правления, и вместе с ними нести ответственность за катастрофу Румынии³⁸.

Активизировалась также деятельность возглавляемого А. Паукер представительства КПП в Москве. В феврале 1944 г. она обратилась к Г.М. Димитрову с предложением организовать в СССР заграничное бюро ЦК КПП в составе: А. Паукер, Ласло Лука (Василе Лука) и М. Маноле. Предложение А. Паукер было принято³⁹. По существу началась подготовка московской группы румынских коммунистов для образования политического руководства в стране после ее освобождения Красной Армией.

В марте 1944 г. А. Паукер обратилась к Г. Димитрову с новым предложением создать в СССР “разветвление Отечественного фронта из находящихся в тот период в СССР румынских политэмигрантов”. Назывались имена бывшего председателя судебной палаты Стере, коммунистов А. Паукер, М. Маноле, К. Донча (Виктор Пандулеску), Борде Дину (Г.Д. Петреску), а также румынских офицеров из числа бывших военнопленных, находившихся на командных должностях в сформированной тогда в СССР румынской добровольческой дивизии им. Тудора Владимиреску (Мальтополь, Камбре, Теклу и др.). Свое предложение А. Паукер обосновала тем, что во время продвижения Красной Армии по территории Румынии печатные обращения к населению от имени Отечественного фронта с призывом оказать поддержку Красной Армии могли бы облегчить ее военно-стратегические задачи. Как считал возглавлявший тогда отдел международной информации ЦК ВКП(б) Г. Димитров (его поддержал и Д. Мануильский), “это предложение является целесообразным, поскольку в такой скромной форме оно отводит подозрение наших союзников в том, что СССР односторонним актом создает будущее правительство в Румынии”⁴⁰.

4 апреля 1944 г. в Румынии был смещен генеральный секретарь ЦК КПП (с 1940 г.) коминтерновец Штефан Фориш, обвиненный в причастности к провалу подпольных организаций КПП и соответственно в предательстве, и было избрано новое коллегиальное руководство в составе: Эмиль Боднэраш (по некоторым сведениям нелегально прибывший весной 1944 г. с инструкциями из Москвы)⁴¹, Константин Пырвулеску и Ф. Рангец.

В конце апреля была достигнута договоренность между руководством КПП и СДП о создании Единого рабочего фронта (ЕРФ). 1 мая 1944 г. ЕРФ опубликовал манифест, в котором призвал рабочий класс, весь румынский народ, все классы и слои общества, все партии и организации независимо от политических взглядов, религиозных убеждений и социальной принадлежности к решительной борьбе за немедленный мир, свержение правительства Антонеску и за создание национального правительства из представителей антифашистских сил. В манифесте говорилось о необходимости изгнания гитлеровских войск из страны, содействия Красной Армии, борьбы за свободную и независимую Румынию. В документ были включены требования социального и политического характера: 8-часовой рабочий день, немедленное повышение заработной платы, обеспечение права объединяться в профсоюзы и политические организации, свобода слова, освобождение политических заключенных⁴².

В течении мая на промышленных предприятиях Бухареста, Брашова, Плоешти, Галаца, Тимишоары были созданы комитеты ЕРФ, начали организовываться патриотические вооруженные отряды, велась антифашистская агитация⁴³. Советская и английская авиация наводнили Румынию листовками с призывами выхода из войны на стороне Германии. По сообщениям, поступавшим в 5-е, разведывательное, управление НКВД, в Румынии под руководством Патриотического фронта создавались подрывные группы⁴⁴. В 1944 г. на территории Румынии появилось несколько партизанских отрядов. Во многом этому способствовала переброска сюда из СССР групп, сформированных из числа румынских коммунистов и профессиональных военных.

Нарастало недовольство и среди различных групп населения. В донесениях полиции все чаще сообщалось о подобных фактах. Так, брашовская сигуранца кон-

статировала, что “рабочие пребывают в состоянии непрерывного брожения”. Решицкое отделение тайной полиции доносило, что рабочие говорят между собой о необходимости окончания войны и свержения правительства Антонеску, саботируют военное производство. В Плоешти рабочие-нефтяники в июне организовали манифестацию против войны и гитлеровцев. Жандармерия Ясского уезда докладывала, что в селах очень беспокойно и обстановка для продолжения войны неблагоприятная⁴⁵.

Все более осознавала гибельность антисоветской войны интеллигенция. Обращение к Антонеску с призывом прекратить войну было подписано в апреле 1944 г. 66 профессорами и преподавателями Бухарестского университета и Румынской академии⁴⁶. По мере продвижения советских войск за Прут наблюдалось растущее разложение и распространение пораженческих настроений среди румынских солдат. Имелись случаи их сдачи в плен целыми группами⁴⁷.

В обстановке надвигавшегося краха фашистской Германии против официального руководства НЦП и НЛП выступил ряд их влиятельных лидеров. От НЛП откололась группа либералов во главе с Г. Татареску, установившая в апреле 1944 г. контакты с руководством КПР. В соглашении между КПР и группой Татареску, заключенном в мае 1944 г., говорилось о свержении Антонеску, сформировании нового правительства из представителей оппозиционных партий, способного заключить перемирие с союзниками, о выходе Румынии из войны и осуществлении демократических реформ. В мае же, стремясь отмежеваться от И. Антонеску и спасти трон, король заявил о своем намерении разорвать отношения с Германией и устранить И. Антонеску.

В начале мая между КПР, СДП, НЦП, НЛП была достигнута предварительная договоренность относительно совместных действий с целью вывода Румынии из войны и заключения перемирия с Россией и союзными державами. 20 июня был образован национально-демократический блок (НДБ), в который вошли эти 4 партии, и сформулированы задачи, требовавшие незамедлительного решения: выход Румынии из войны, присоединение ее к объединенным нациям, устранение правительства Антонеску и установление конституционного демократического режима. В июне – августе был разработан план государственного переворота и обсужден с представителями армейского командования, близкими к королю. Выступление приурочивалось к наступлению советских войск. 10 августа было опубликовано заявление НДБ, в котором говорилось: “...Румыния погибнет, если уже сегодня не перейдет на сторону союзников... Этого требует самое элементарное чувство национального самосохранения”. Было принято решение направить эмиссаров советскому правительству.

Острая борьба развернулась вокруг вопроса о формировании будущего правительства. КПР предложила, чтобы оно состояло в основном из председателей партий, вошедших в НДБ. Ю. Маниу считал, что правительство должно быть создано из генералов, пользующихся поддержкой блока. Ю. Маниу и К. (Пину) Брэтиану хотели склонить к сепаратному миру И. Антонеску, обещая предоставить в его распоряжение всю “политическую и социальную силу”. Однако диктатор слишком увяз вместе с Гитлером в агрессии и военных преступлениях, чтобы быть подходящей фигурой для подобного маневра. И. Антонеску до последнего момента давал верноподданнические заверения Гитлеру и проводил тотальную мобилизацию всех средств, материальных и людских ресурсов.

Ход событий в Румынии и на восточном фронте показывал, что страна могла выйти из войны только после разгрома немецких и румынских войск, находившихся на советско-германском фронте и являвшихся главной опорой режима Антонеску. Наступление Красной Армии в ходе успешного осуществления Ясско-Кишиневской операции создало благоприятные условия для вывода Румынии из антисоветской войны и давало шанс оппозиционным силам удержаться на политической арене в случае, если они примкнут к антигитлеровской коалиции. Первоначально

переворот планировался на 26 августа, причем король был намерен убедить И. Антонеску, чтобы он порвал с немцами и подписал перемирие с союзными державами. Но намеченный отъезд маршала Антонеску на фронт побудил короля ускорить этот акт. 23 августа он вызвал во дворец И. Антонеску и потребовал, чтобы тот заключил перемирие. Антонеску отказался, сославшись на то, что он послал своего эмиссара в Стокгольм к советскому послу в Швеции А.М. Коллонтай, и просил подождать результатов. Король Михай, вспоминая впоследствии этот разговор с Антонеску, писал: “У меня сложилось впечатление, что военный союз с немцами для него более важен, чем интересы страны... Другого выхода, кроме ареста, у меня не было”⁴⁸.

Присутствующий при разговоре короля с маршалом генерал Санатеску приказал страже арестовать И. Антонеску и его заместителя М. Антонеску, которые некоторое время содержались во дворце, а затем были переданы вооруженному отряду КПР во главе с Э. Боднэрашем. Арестованные были увезены на конспиративную квартиру на окраине Бухареста, где и находились до их передачи советскому командованию.

В соответствии с разработанным ранее партиями НДБ и королевским окружением планом свержения Антонеску и выхода Румынии из войны частям бухарестского гарнизона был отдан приказ занять и защитить важнейшие объекты столицы – государственные учреждения, центральную телефонную станцию, телеграф, радиостанцию и т.д. Была прервана также связь между германскими учреждениями и воинскими частями. В этих действиях участвовали и вооруженные патриотические отряды. Ни одна из румынских частей не выступила в защиту Антонеску. В срочном порядке из представителей королевского окружения было сформировано новое правительство во главе с генералом К. Санатеску, большинство которого составляли генералы. В правительство были включены представители четырех партий НДБ: Ю. Маниу, Д. Брэтиану, К. Титель-Петреску и Л. Патрашкану.

В 10 час. вечера 23 августа король выступил с воззванием к народу страны. Была обнародована декларация, в которой сообщалось о разрыве Румынией союза с Германией, немедленном прекращении ею войны, принятии условий перемирия, предложенных Советским Союзом, Великобританией и США. Поскольку король Михай являлся главнокомандующим вооруженными силами страны, армии на фронте был отдан приказ прекратить военные действия против Красной Армии.

Румынский король принял германского посланника Келлингера, а затем немецких генералов Гензена и Герштенберга, которым было заявлено о выходе Румынии из “оси” и прекращении войны против СССР. Михай согласился не препятствовать выводу германских войск из Румынии.

Гитлер, получив известие о событиях в Румынии, отдал приказ “о ликвидации путча”. В 00 час. 15 мин. 24 августа штаб группы армий “Южная Украина” получил следующую радиограмму-молнию: “Фюрер приказал: путч должен быть подавлен. Король и придворная камарилья взяты под арест. Наша политическая цель... сформировать новое правительство с настроенным дружественно по отношению к Германии генералом во главе”⁴⁹. Расположенные в пригороде Бухареста германские части (примерно 6 тыс. человек) рано утром 24 августа двинулись на город. Одновременно германская авиация начала его бомбардировку. В тот же день Румыния объявила войну Германии. 26 августа карательную экспедицию против путчистов возглавил генерал Штахель – бывший комендант Варшавы, “отличившийся” ранее в кровавой расправе с польскими патриотами.

Военное командование Бухареста отдало приказ румынскому гарнизону о защите столицы. 24–29 августа части бухарестского гарнизона при поддержке патриотических отрядов и сил самообороны вели бой с германскими войсками. Гитлеровцам не удалось снять с фронта силы для подавления “путча”. Из более чем 600 тыс. человек, входивших в группу армий “Южная Украина”, свыше 550 тыс. попали в окружение или отступали под ударами превосходивших сил Красной Армии,

а в тыловых районах Румынии находилось всего около 60 тыс. солдат и офицеров германской армии. В этих условиях румынский военный гарнизон и повстанцы не только устояли, но и перешли в контрнаступление, и к 28 августа смогли разгромить и разоружить гитлеровские войска в Бухаресте и его окрестностях, освободить столицу и удержать ее до прихода советских войск.

В те дни в соседнем с Бухарестом районе г. Плоешти, основном нефтеперерабатывающем комплексе Румынии, находилось свыше 25 тыс. немецких солдат и офицеров. Они получили приказ из Берлина удержать этот район любой ценой. 24 августа румынский гарнизон, насчитывавший около 23 тыс. человек, и отряды рабочих выступили против войск противника и оттеснили немецкую охрану нефтепредприятий. Несмотря на самоотверженную борьбу, румынским воинским частям и рабочим отрядам было чрезвычайно трудно отстоять Плоешти. Учитывая обстановку, советское командование срочно направило 6-ю танковую и 5-ю воздушную армии для оказания помощи румынским частям в районе Плоешти и Бухареста. Вслед за 6-й танковой двигались 27-я и 53-я армии. Оценивая обстановку в Румынии, американская газета "Нью-Йорк геральд трибюн" писала 24 августа 1944 г.: "Последнее слово в отношении Румынии было сказано двумя наступающими русскими армиями". "Несомненно, – говорилось в статье, – гитлеровцы попытались причинить Румынии максимальный ущерб, но времени у них немного и можно с уверенностью рассчитывать на быстрое продвижение советских войск в глубь Румынии". Части Красной Армии совместно с румынскими 30 августа овладели г. Плоешти, а на другой день вошли в Бухарест.

В последнее время в историографии, и прежде всего в румынской, происходит переоценка главных действующих лиц и сути событий 23 августа 1944 г. На смену прежним понятиям "народное", "национальное", "вооруженное восстание", "антифашистская или антиимпериалистическая революция национального и социального освобождения" все чаще стали приходиться такие формулировки, как государственный переворот, "королевский заговор", "исторический спасительный акт" и т.д. А "почитатели" И. Антонеску, большинство из которых бывшие легионеры, называют день 23 августа 1944 г. "днем национального предательства". Сам же бывший король Михай, герой событий 23 августа, скромно рассматривает эти события как политический акт, каких в его стране было множество⁵⁰.

Во всяком случае выход Румынии из войны на стороне Германии, устранение королевским окружением румынского диктатора Антонеску и его правительства еще до вступления Красной Армии в Бухарест обусловили специфику дальнейшего политического развития Румынии в первые послевоенные годы: сохранение института монархии вплоть до 1948 г., пребывание у власти в течение какого-то времени коалиционного правительства, особые формы и методы монополизации власти компартией Румынии.

ЛИКВИДАЦИЯ КИШИНЕВСКОГО "КОТЛА". РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ

Итак, начало второго этапа Яско-Кишиневской операции совпало с государственным переворотом в Румынии, ее выходом из "оси" и объявлением войны Германии. В этой связи 25 августа советское правительство выступило с заявлением, в котором вновь подтвердило, что не имеет намерения ущемить каким-либо образом независимость Румынии и что Красная Армия сможет прекратить военные действия на ее территории только после ликвидации противника. А некоторое время спустя в Москву прибыла румынская правительственная делегация для переговоров о заключении перемирия.

Казалось, что советско-румынские отношения входят в нормальное русло. Однако при всем их внешнем благополучии развивались они довольно сложно. И это

естественно. Ведь устоявшуюся психологию и действующую государственную машину невозможно одним росчерком пера повернуть вспять. Поэтому и практические дела румынского правительства зачастую не вязались с его заявлением о безоговорочном принятии советских условий перемирия от 12 апреля. Так, объявив войну Германии, оно продолжило способствовать беспрепятственному выводу ее войск из страны и одновременно пыталось ограничить продвижение Красной Армии на территорию Румынии линией между Карпатами и Дунаем. Подобные действия правительства генерала К. Санатеску, с одной стороны, позволяли немцам восстанавливать боеспособность своих войск на южном крыле восточного фронта, а с другой, препятствовали Красной Армии вести борьбу с противником и выходу ее соединений к границам Венгрии и Болгарии. Отметим то, что фашистские организации Румынии в своих многочисленных листовках призывали идти в ногу с Германией и присоединиться к ее борьбе «за освобождение румынской земли»⁵¹. В такой ситуации советское командование было вынуждено ни в какие переговоры о приостановлении наступления с румынами не вступать, а продолжать выполнять поставленные Ставкой ВГК задачи.

Как же развивались боевые действия на внешнем фронте окружения? К исходу 29 августа войска правого крыла 2-го Украинского фронта с тяжелыми боями продвинулись от 25 до 75 км. Это объяснялось тем, что противостоявшие ему немецкие соединения сохранили боеспособность и опирались на выгодные для обороны рубежи лесистых Карпат. Армии центра и левого крыла стремительно выдвигались в направлениях на Плоешти и Бухарест, преодолев путь в 275–325 км. К этому же времени 46-я армия 3-го Украинского фронта овладела устьем Дуная и продолжала движение на юг. Корабли Дунайской военной флотилии вели боевые действия на приморском фланге фронта. При этом высаженные с них десанты овладели портами Новая Килия, Сулина и Констанца.

Глубокое проникновение войск внешнего фронта в глубь Румынии поставило окруженную под Яссами и Кишиневом группировку врага в безвыходное положение. Она отчаянно пробивалась из котла в направлении к р. Прут. В течение 25–27 августа основная борьба шла на восточном берегу. Кольцо окружения здесь стягивали три армии и два механизированных корпуса 3-го Украинского и одна армия (4-я гвардейская) 2-го Украинского фронтов. 25 августа к вечеру этим силам удалось не только сжать кольцо, но и расчленить войска противника на две группы. Однако ночью часть их смогла прорваться на западный берег. 26 августа, используя промежутки в неплотных боевых порядках соединений правого крыла 3-го Украинского фронта, немцы продолжали свои попытки преодолеть рубеж реки. Но наступавшие вдоль восточного берега части 4-й гвардейской армии генерала И.В. Галанина в этот день закрыли путь к Пруту.

При этом у наступавших войск Галанина произошла накладка: они стали действовать в полосе соседнего фронта. С формальной точки зрения – это нарушение приказа, так как перемещивались части различных армий, и создавалась помеха в управлении войсками. В данном же случае произошедшее усиливало сравнительно слабое правое крыло войск генерала Толбухина и отсекало немцев от переправ, что могло ускорить ликвидацию котла. Могло... если бы не вмешался Генштаб. Не оценив всей выгоды сложившейся обстановки, требовавшей на время ликвидации противника подчинить армию Галанина соседнему фронту, заместитель начальника Генштаба генерал А.И. Антонов от имени Ставки ВГК отдал генералу Малиновскому категорический приказ: «Немедленно вывести 4-ю гвардейскую армию в свои границы. Исполнение донести»⁵².

Приказ есть приказ. 27 августа армию Галанина оторвали от противника, с которым она вступила в бой. Враг, воспользовавшись отходом гвардейцев, пробил брешь в котле. Через нее несколько десятков тысяч вражеских солдат и офицеров с танками и другим вооружением переправились на западный берег Прута и соединились у г. Хуши с остатками двух армейских корпусов группы генерала Мита.

Курс к спасению у них был единственный – на Карпаты. А посему, сосредоточив на узком участке почти все свои огневые и ударные средства, немцы ринулись на прорыв в сторону гор.

Воины 52-й армии приняли бой и дрались мужественно, не щадя жизни. Например, когда лавина немцев прошла боевые порядки 69-й гвардейской стрелковой дивизии, яростно заговорили пушки ее артиллерийского полка. Особенно метким был огонь 3-го дивизиона, к которому враг приблизился на дальность прямого выстрела. Но, отражая натиск врага, батареи капитана П.Г. Курочкина израсходовали все снаряды. Тогда капитан организовал из них группу стрелков, отвел от орудий и рассредоточил по фронту. Пропустив немцев вперед, бойцы внезапно открыли по ним залповый огонь из стрелкового оружия. Неприятель от неожиданности дрогнул. Воспользовавшись этим, Курочкин со своей группой бросился в рукопашную схватку. Огнем из автомата и прикладом он лично убил 18 врагов. Будучи тяжело раненым, оставался на поле боя и истреблял противника до тех пор, пока билось его сердце. За этот подвиг П.Г. Курочкин был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

А напряжение боя все нарастало. Несмотря на упорное сопротивление частей 52-й армии, пять пехотных дивизий группы Мита все же прорвали кольцо окружения и устремились к Карпатам по тылам 2-го Украинского фронта. Для их разгрома генерал Малиновский был вынужден привлечь крупные силы: 4-ю гвардейскую армию, совершавшую марш на Бырлад, 27-й стрелковый корпус из фронтового резерва, 23-й танковый корпус из подвижной группы фронта, стрелковый корпус 7-й гвардейской армии и значительное число самолетов. Этими силами группировку врага удалось уничтожить, но уже за р. Сирет, в 110 км от места прорыва. Основная ее часть была ликвидирована к исходу 4 сентября, а остатки 12 сентября.

Как видим, вмешательство генерала А.И. Антонова, сделанное, кстати, с подачи генерала Ф.И. Толбухина, привело к довольно значительным издержкам. Командованию 2-го Украинского фронта пришлось дополнительно привлечь 17 стрелковых дивизий и затратить две недели, чтобы ликвидировать вырвавшегося из котла противника. Это было сделано уже после завершения (29 августа) Яско-Кишиневской операции.

Каковы же итоги самой операции? Несмотря на отмеченные недостатки, они впечатляющие. В ходе боев с 20 августа по 3 сентября советские войска уничтожили 22 немецкие дивизии, в том числе 18, оказавшихся в окружении, и, кроме того, за первые четыре дня операции разгромили 16 вражеских дивизий и бригад; взяли в плен 208,6 тыс. солдат и офицеров, среди которых 25 генералов; вывели из строя и захватили более 3,5 тыс. орудий, 830 танков и штурмовых орудий, 338 самолетов, 33 тыс. автомашин и много другой боевой техники и вооружения. Серьезный ущерб был нанесен и германскому флоту. С 26 по 30 августа немцы вынуждены были затопить свыше 70 подводных лодок, транспортов и барж⁵³.

Это было одно из катастрофических поражений Германии. В ходе операции она потеряла не только крупную группировку войск, но и одного из партнеров по блоку, что снизило ее военный и экономический потенциал. В свою очередь, эти обстоятельства позволили советскому Верховному Главнокомандованию поставить войскам новую политическую задачу – вывести из войны на стороне Германии ее союзников – Болгарию и Венгрию и оказать непосредственную помощь Югославии и Чехословакии в их борьбе за освобождение от немецкой оккупации.

В Яско-Кишиневской операции Красная Армия одержала блестящую победу. Этот ее триумф свидетельствовал о том, что в отличие от первого периода войны советское командование научилось тщательно продумывать и надежно готовить операции, твердо управлять войсками, а советские солдаты стали умело воевать. Вместе с тем сказанное совершенно не означает, что наступление войск Красной Армии – “марш с оружием на плече” или удачное использование условий “всеобщей растерянности”, как это утверждают некоторые зарубежные военные истори-

ки⁵⁴. Это совсем не так. Данная операция – вереница десятидневных ожесточенных сражений и боев, в ходе которых пролили свою кровь 67 130 советских солдат и офицеров, в том числе 13 197 человек остались лежать навечно в румынской земле. Успех операции – результат общих усилий воинов многих национальностей нашей страны. Но наибольший вклад при этом внесли представители России. Они составили большую часть личного состава войсковых соединений, 71% командующих объединениями и 65% командиров соединений. А среди удостоенных за эту операцию высокого звания Героя Советского Союза 72% солдат и офицеров были россиянами⁵⁵.

А война между тем шла своим чередом. 29 августа Ставка ВГК поставила новые задачи. Их суть состояла в следующем: войска правого крыла 2-го Украинского фронта должны были овладеть перевалами через Восточные Карпаты и, наступая в северо-западном направлении, оказать содействие 4-му Украинскому фронту в преодолении Карпат, а центра левого крыла – выйти на юго-западную границу Румынии от г. Турну-Северин (270 км западнее Бухареста) до г. Джорджу (60 км южнее Бухареста); 3-му Украинскому фронту надлежало выйти на румыно-болгарскую границу к югу от устья Дуная⁵⁶.

Выполняя директиву Ставки, войска генерала Р.Я. Малиновского нанесли по врагу новые сокрушительные удары. 2-й Украинский фронт вел наступление совместно с румынскими войсками. Что из себя они представляли? В рассматриваемый момент Румыния имела 2 армии, включавшие 9 боеспособных, 7 вернувшихся с фронта разбитых и 21 учебную дивизию. Они были слабо вооружены, располагали незначительным количеством артиллерии и почти не имели танков. Соединения 1-й румынской армии (5 дивизий) прикрывали границу с Венгрией и Югославией на западе и северо-западе, располагаясь в 200–300 км от советских войск. 4-я армия (11 дивизий) получила задачу прикрыть румыно-венгерскую границу на севере⁵⁷. Взаимодействие с этими армиями советскому командованию пришлось налаживать в непростых условиях непосредственного соприкосновения с противником, стремившимся остановить наступление войск фронта.

Германское командование принимало энергичные меры по восстановлению стратегического фронта. Сосредоточив в Трансильвании остатки войск генерала Фриснера и венгерские войска, оно сомкнуло смежные фланги групп армий “Южная Украина” и группы армий “Ф”, находившейся в Югославии. Его намерение заключалось в том, чтобы внезапным ударом по румынским войскам захватить перевалы в Карпатах до выхода туда советских частей.

5 сентября немецко-венгерские войска при поддержке авиации из района Турды (30 км южнее Клужа) нанесли внезапный удар по еще не успевшей организовать оборону 4-й румынской армии. Под натиском противника румыны к исходу 8 сентября отступили на 40–55 км. Одновременно гитлеровцы развернули наступление и против 1-й румынской армии, форсировав Дунай в 90 км восточнее Белграда.

В такой обстановке румынское правительство 6 сентября передало в оперативное подчинение командующему 2-м Украинским фронтом 1-ю и 4-ю румынские армии, 4-й армейский корпус и 1-й авиационный корпус, имевший 113 исправных самолетов⁵⁸. Параллельно с этим генерал Малиновский изменил ориентировку ударов армий центра фронта, перенацелив их на помощь частям отступавших румынских армий. К 15 сентября усилиями 27-й и 6-й танковой армий враг был отброшен на исходные позиции. Но развить успех советским войскам не удалось, так как сопротивление противника резко возросло. Впервые после постигшей его под Яссами и Кишиневом катастрофы он вновь создал сплошной фронт обороны. Более того, усилив свои войска у Клужа и Турды двумя танковыми дивизиями и двумя венгерскими горнострелковыми бригадами, немецкое командование организовало интенсивные контрудары по наступавшим армиям фронта. В связи с этим дальнейшее продвижение советско-румынских войск на клужском направлении задержалось до 10 октября.

По-иному сложилась обстановка на левом крыле фронта. К 15 сентября 53-я армия и 18-й танковый корпус, преодолев Южные Карпаты и пройдя от 165 до 215 км, разгромили передовые части противника и сорвали его попытки захватить перевалы. Наряду с этим части 75-го стрелкового корпуса достигли румыно-югославской границы. Развивая наступление на северо-запад, соединения 53-й и 1-й румынской армий 22 сентября вышли на румыно-венгерскую границу, а 26 сентября овладели первым венгерским городом – Мако.

Количество войск противника, противостоявших 2-му Украинскому фронту, непрерывно увеличивалось. Если к концу Яско-Кишиневской операции это были части 6 дивизий, то к 24 сентября – уже 25 (без учета 8 соединений резерва группы армий “Южная Украина”). 23 сентября германское верховное командование преобразовало последнюю в группу армий “Юг“, которая объединила все немецко-венгерские войска, действовавшие в Трансильвании и Венгрии⁵⁹.

Ставка ВГК предприняла контрмеры. Она усилила 2-й Украинский фронт 46-й армией и конно-механизированной группой генерала И.А. Плиева в составе 4, 6 гвардейского кавалерийских и 7-го механизированного корпусов. Вместе с тем 6-я танковая (с 12 сентября преобразованная в 6-ю гвардейскую) армия и 33-й стрелковый корпус 27-й армии были перегруппированы ближе к левому крылу фронта. 6 октября эти войска совместно с 53-й армией нанесли удар по врагу на венгерской территории и к 12 октября вышли на подступы к г. Дебрецен, создав угрозу окружения 8 немецкой, 1 и 2-й венгерским армиям. Это обстоятельство заставило противника начать отход перед войсками правого крыла фронта, которые, в свою очередь, немедленно перешли к преследованию. В трудных условиях горно-лесистой местности, ведя бои с аръергардами врага, они ежесуточно продвигались на 15–30 км. 25 октября 40-я и 4-я румынские армии овладели последним крупным опорным пунктом врага в северной части Трансильвании – Сату-Маре. Румыния была полностью освобождена.

Около семи месяцев Красная Армия вела бои на румынской территории, понеся при этом немалые потери. С марта по октябрь 1944 г. здесь пролили свою кровь свыше 286 тыс. советских воинов, из них 69 тыс. человек погибло. В ходе боев было утрачено 2083 орудия и миномета, 2249 танков и САУ и 528 самолетов⁶⁰.

Цена, которую заплатил Советский Союз за освобождение Румынии, была большой. Но военные действия продолжались с неослабевающей силой. Война ставила перед Красной Армией все новые и новые задачи. В момент, когда завершилась Яско-Кишиневская операция, открылись пути для стремительного наступления в пределы Болгарии и Югославии.

ВПЕРЕДИ СТРАНА БОЛГАРИЯ

Разгром немцев под Сталинградом оказал сильнейшее влияние на настроения и взгляды в болгарском обществе. Победа Красной Армии послужила толчком к расширению борьбы против связанного с нацистами режима и вызвала большую растерянность в его правящих кругах. Они начали терять уверенность в будущем, все больше ограничивались их возможности управлять по-прежнему.

Оппозиционный правительству лагерь в годы войны представлял собой пеструю социально-политическую палитру. Наряду с коммунистами в него входили буржуазные и мелкобуржуазные (в том числе крестьянские) политические группировки.

Основной противостоявшей правительству силой были антифашистски настроенные рабочие и крестьяне, прогрессивная интеллигенция. Их политическими представителями были прежде всего Болгарская рабочая партия (БРП)*, Болгар-

* Так в период с 1938 по 1944 г. называлась Болгарская коммунистическая партия.

ский земледельческий народный союз (БЗНС), главным образом его левое крыло “Пладне”, левые социалисты, демократически настроенные офицеры и деятели политического течения “Звено”.

Против прогерманской ориентации правительства выступала также легальная либеральная оппозиция (так называемая нефашистская буржуазная оппозиция*). Она выражала антифашистские, антивоенные взгляды тех слоев болгарского общества, которые искали отличный от коммунистического вариант разрешения сложных социальных и экономических проблем страны. Эти слои охватывали часть среднего крестьянства, ремесленников, интеллигенцию, антигерманскую крупную буржуазию. Эта часть болгарского населения не была готова к активной борьбе против существовавшего режима, отвергала вооруженные методы борьбы.

Единственным организатором и руководителем вооруженной антифашистской борьбы являлась Болгарская рабочая партия. Характерной чертой болгарского движения Сопротивления был его ярко выраженный социальный характер. С момента своего возникновения (июнь 1941 г.) оно было направлено не против иностранного присутствия (поскольку Болгария не была оккупирована Германией, являясь ее сателлитом), а против собственного правительства, связавшего судьбу страны с нацистской Германией. Движение Сопротивления с самого начала было нацелено на изменение существующего строя, создание нового общества, в котором сначала видную, а затем руководящую роль играла бы коммунистическая партия. Эта особенность движения Сопротивления в Болгарии ограничивала его размах. Политический состав борцов был весьма узким: подавляющее их большинство составляли коммунисты и комсомольцы. Колебания среди некоммунистических антиправительственных сил всегда были велики, склонить их к активным действиям было крайне трудно.

Курс на развертывание вооруженной борьбы против гитлеровцев и существовавшего в стране режима был взят болгарскими коммунистами сразу же после нападения Германии на Советский Союз. Обстановка для его реализации была сначала крайне неблагоприятной, поскольку в стране в тот период не было никаких признаков внутривнутриполитического кризиса. В 1941–1942 гг. движение Сопротивления в Болгарии еще только набирало силу, создавались первые партизанские отряды, действовавшие в горах, и боевые группы, проводившие свои операции в населенных пунктах, прежде всего в городах, велась агитационно-пропагандистская работа в армии, собиралось оружие.

В феврале 1943 г. ЦК БРП издал директиву относительно перспектив перерастания вооруженной борьбы в ее высшую форму – восстание⁶¹. Его целью было предотвращение разгрома Болгарии путем свержения существовавшего режима и прихода к власти правительства антифашистского Отечественного фронта (ОФ), которое станет проводить политику дружбы и сотрудничества с СССР и взаимопонимания с его союзниками. Весной 1943 г. все партизанские формирования и боевые группы стали подразделениями единой Народно-освободительной повстанческой армии (НОПА). Начался процесс дифференциации в среде легальной либеральной оппозиции. Одна ее часть, в которой под воздействием успехов Красной Армии возродилось прежнее русофильство, оформилась как леворадикальное течение, постепенно сближавшееся с БРП. Другая часть либеральной оппозиции оставалась на своих прежних позициях: была сторонницей простой реставрации конституционного режима и защитницей буржуазной демократии в ее довоенных формах.

Предложение болгарских коммунистов ко всем силам Сопротивления о присоединении к антифашистскому Отечественному фронту довело начавшуюся диффе-

* В Болгарии в годы войны существовала и так называемая фашистская оппозиция. К ней принадлежали различные группы и организации, которые выступали за более активное и непосредственное участие Болгарии в войне на стороне гитлеровской Германии (группа А. Цанкова, союз болгарских национальных легионеров, “Ратник”, “Бранник” и др.).

ренциацию в среде либеральной оппозиции до логического конца. Часть лидеров ее левого крыла, главным образом из мелкобуржуазных партий, вошла в августе в политическое ядро Отечественного фронта, получившее впоследствии название Национальный комитет ОФ. Правое крыло легальной буржуазной оппозиции отказалось от сотрудничества с коммунистами и от участия в вооруженной борьбе и искало революционный выход страны из кризиса.

Таким образом, ОФ оформился не как широкая коалиция всех демократических сил, а как объединение левых политических сил, где БРП стремилась занять руководящую роль. Преобладание радикальных настроений в рядах ОФ уже с самого начала облегчило ей эту задачу. К ОФ присоединились те политические группировки, которые представляли интересы неимущих и малоимущих слоев и поэтому были готовы идти вместе с коммунистами не только в борьбе против правительства, но и дальше – за радикальное экономическое и политическое переустройство страны⁶². Буржуазно-либеральная оппозиция предлагала свой собственный вариант разрешения политического кризиса – без революционных потрясений, путем соглашения с правящей верхушкой и при поддержке Англии и США.

Оформление буржуазной оппозиции в качестве третьего политического фактора соответствовало состоянию классовых сил в Болгарии. Если правящие круги представляли интересы прогермански ориентированной части крупной буржуазии, а Отечественный фронт выражал стремление к народовластию, социалистические представления рабочих и довольно широкой прослойки мелкой и средней буржуазии, то либеральная оппозиция являлась политическим рупором той части не только антигермански настроенной буржуазии, но и народа, в которой недовольство существующим режимом соседствовало с сильной привязанностью к частной собственности и буржуазной демократии и со страхом перед революцией и коммунизмом. Наконец, три политических лагеря соответствовали также и трем внешнеполитическим тенденциям в Болгарии – ориентации на Германию, Советский Союз или англо-американский блок⁶³. Каждая группировка искала поддержки извне для достижения своих целей.

Первостепенное значение для разрешения политического кризиса в Болгарии приобрел внешний фактор, соотношение сил в мировом масштабе. Было уже ясно, что приближавшийся разгром Германии делал невозможным сохранение прежнего режима. Вырисовывалось два варианта будущего развития Болгарии: восстановление Тырновской конституции и буржуазно-демократического управления или радикальные перемены во внутренней и внешней политике, направленные на коренное изменение социального строя. И буржуазная легальная оппозиция, борющаяся за первый вариант, и ОФ под руководством коммунистов, выступавший за второй вариант, понимали, что для победы той или иной перспективы важнейшее значение имело соотношение сил в рамках антигитлеровской коалиции.

Весеннее наступление Красной Армии в 1944 г. совпало с резким ухудшением дипломатических отношений Болгарии с Советским Союзом. В серии нот (в январе, марте и мае 1944 г.) СССР требовал прекратить строительство военно-морских судов для Германии, не допускать использования болгарской территории, портов и аэродромов в качестве баз для ведения антисоветской войны⁶⁴. Советский дипломатический демарш оказал сильное влияние на политическое развитие Болгарии и фактически вызвал в апреле–мае 1944 г. правительственный кризис.

1 июня 1944 г. управление страной было передано новому кабинету министров во главе с Иваном Багряновым. С учетом наступивших изменений в международной обстановке его правительство поставило перед собой цель осуществить внешнеполитический “поворот”: при содействии США и Англии вывести Болгарию из войны, не порывая предварительно с Германией. Тем самым правительство надеялось отстранить Советский Союз от решения балканских проблем и отвести угрозу революции в Болгарии. Во имя этой цели правительство Багрянова, в отличие от своих предшественников, избрало линию активного маневрирования, более ши-

рокой социальной и политической демагогии. Болгарская рабочая партия выступила с резкой критикой политики нового правительства.

В 1944 г. в обстановке победоносного наступления Красной Армии партизанское движение в Болгарии неуклонно расширялось. К августу война властей с партизанами достигла своей кульминации. С апреля по август общее число боев составило 1909 – в среднем по 380 в месяц или по 12–13 в день, а в последние 8 дней партизанской борьбы (1–8 сентября 1944 г.) их количество возросло до 425, т.е. по 53 в день⁶⁵. К этому времени в рядах НОПА насчитывалось уже 30 тыс. борцов. Она состояла из 1 дивизии, 9 бригад, 36 отрядов, нескольких самостоятельных чет, сотен боевых групп. Сеть помощников партизан – ятакров разрослась почти до 200 тыс. человек⁶⁶.

Власти включили в вооруженную борьбу с партизанами всю полицию, сформировали новые специальные подразделения (контрчеты, военные полицейские отряды, жандармерию), а также задействовали почти всю армию. На всей территории страны проходили ширококомасштабные действия правительственных вооруженных сил против партизан. Однако, несмотря ни на что, интенсивность и масштабы наступательных боевых действий НОПА нарастали летом 1944 г. с неудержимой силой. Армия также перестала быть послушным орудием правительства. С января по август 1944 г. на сторону партизан перешло свыше 1700 болгарских военнослужащих⁶⁷. Из стран – сателлитов Германии Болгария была единственной, где вооруженная борьба превратилась в реальный внутренний фактор разрешения назревавшего кризиса в соответствии с программными целями компартии.

Приближение Красной Армии к Балканскому полуострову и события в Румынии 23 августа 1944 г. резко обострили внутривнутриполитическую ситуацию в Болгарии. Правительство Багрянова все меньше контролировало положение, в то время как Отечественный фронт проявлял все большую активность. 24 августа 1944 г. делегация Национального комитета ОФ, фактически вышедшего из подполья, посетила Багрянова и предложила ему немедленно передать власть Отечественному фронту. Премьер ответил отказом, но не посмел арестовать делегацию. Неудачная попытка взять власть мирным путем означала, что предстоит сделать это насильственно.

К непосредственной подготовке свержения существовавшего режима в Болгарии компартия приступила в тот момент, когда приближение Красной Армии к болгарской границе свело к минимуму возможность немецких войск выступить против участников болгарского Сопrotивления и парализовало верные правительству войска. В этой обстановке 26 августа ЦК БРП издал циркуляр № 4, явившийся планом и сигналом к началу восстания по всей стране⁶⁸. Руководствуясь этим документом, Главный штаб НОПА направил всем партизанским отрядам приказ повсеместно предпринять наступательные операции и установить власть Отечественного фронта⁶⁹.

Главной заботой правящих кругов в этих условиях было не допустить сочетания внутреннего взрыва с решающей поддержкой извне – со стороны Красной Армии. Именно против этой опасности и была направлена политическая сделка властей с легальной либеральной оппозицией. 2 сентября было объявлено о создании нового “правительства национальной консолидации” во главе с Константином Муравиевым, одним из лидеров Болгарского земледельческого народного союза. Кабинет Муравиева был последним средством болгарских верхов предотвратить возможность революционного выхода из государственно-политического кризиса, перехватить инициативу у коммунистов, не допустить вступления в страну Красной Армии. Правительство наметило три основные задачи: совершить поворот во внешней политике, порвать отношения с Германией, заключив перемирие с Англией, и, завоевав доверие СССР, ликвидировать скомпрометировавший себя режим, восстановив конституционные порядки и буржуазно-демократические свободы, привлечь БРП и ОФ к управлению страной с целью предотвращения социального взрыва⁷⁰.

Создание правительства Муравиева представляло собой попытку разрешения политического кризиса в стране в соответствии с концепцией либеральной оппозиции. Именно поэтому все усилия правительства привлечь к управлению Отечественный фронт были заранее обречены на провал. БРП и ОФ усиленно готовились к установлению собственной власти.

К августу – сентябрю 1944 г. процесс радикализации, резкого полевения народных масс под воздействием побед Красной Армии достиг кульминации. Правительство Муравиева, поднявшее знамя буржуазной демократии, не могло уже удовлетворить большинство болгарского общества, воспринявшего смену кабинета как простую “смену вывески”. Активная часть населения стремилась уже не к восстановлению буржуазной демократии довоенного образца, а к установлению демократии нового типа, к глубокому и всестороннему экономическому и политическому переустройству. В глазах радикально настроенных масс летом 1944 г. оказались дискредитированными не только правящий режим и откровенно фашистские группировки, но и либеральная оппозиция, оказавшаяся неспособной решительно изменить внешнюю и внутреннюю политику страны⁷¹.

После поражения немецко-румынских войск под Яссами и Кишиневом, выхода из войны Румынии и с приближением советских войск к Болгарии ее правящие круги начали метаться в поисках выхода из создавшегося положения. Стремясь не допустить вступления Красной Армии на болгарскую территорию, они всячески подчеркивали нейтралитет по отношению к СССР и одновременно вели переговоры с представителями Англии и США в Каире о путях выхода Болгарии из войны. В те же дни было направлено письмо Гитлеру с просьбой “дать Болгарии возможность выйти из борьбы”. Болгарское правительство поставило перед Германией вопрос о выводе из страны немецких войск и военной миссии⁷². Их количество (согласно дневнику военных действий штаба ОКВ) достигало 20 тыс. солдат и офицеров. Располагались они большей частью на территории Южной Добруджи. И именно отсюда к 29 августа 1944 г. в Румынию, где тогда шли упорные бои, перешло 16 тыс. человек⁷³. В то же время германские боевые корабли и транспортные суда перебазировались из Румынии в болгарские порты⁷⁴.

Такого рода действия не остались незамеченными, и 30 августа советское правительство вручило Болгарии очередную, уже пятую с апреля 1944 г., ноту, в которой предложило немедленно прекратить пропуск германских войск через свою территорию, рассматривая его “как прямую помощь немцам в войне против Советского Союза”⁷⁵.

Правительство К. Муравиева 4 сентября выступило с декларацией, в которой сообщало о денонсировании “антикоминтерновского” и “берлинского 1940 года” пактов, об эвакуации болгарского экспедиционного корпуса из Югославии и Греции, о соблюдении Болгарией строгого нейтралитета и мерах по стабилизации внутривнутриполитического положения в стране⁷⁶. Однако претворить намеченное в жизнь болгарскому руководству удалось лишь частично. Уже на другой день обстановка круто изменилась. 5 сентября советское правительство заявило, что отныне СССР “будет находиться в состоянии войны с Болгарией”, которая, как говорилось в заявлении, “фактически ведет войну против Советского Союза уже с 1941 г.”⁷⁷

Такой поворот событий оказался неожиданным не только для болгар, но и для западных союзников. А поэтому 6 сентября английский посол в Москве Керр посетил наркома иностранных дел В.М. Молотова и сообщил, что его правительство несколько удивлено тем, что советское правительство выбрало именно данный момент для разрыва с Болгарией и объявления ей войны. “Является необычным то, – сказал Керр, – что Советское правительство без консультации с английским правительством не только разорвало отношения с Болгарией, но и объявило ей войну именно в тот момент, когда Болгария предпринимает попытки заключить мир с союзниками”⁷⁸.

Действительно, почему советское правительство объявило войну Болгарии именно 5 сентября? Был ли выбор даты случайным или обусловленным какими-то существенными обстоятельствами? Для ответа на этот вопрос сопоставим известные факты. А они таковы. 5 сентября завершалось сосредоточение советских войск у румыно-болгарской границы. В этот же день Ставка ВГК утвердила план болгарской операции 3-го Украинского фронта, а Политбюро Болгарской рабочей партии – план проведения восстания и дату его начала (9 сентября)⁷⁹. Претворению этих намерений в жизнь мешала только неопределенность отношений между СССР и Болгарией. И советское правительство устранило это препятствие, объявив о состоянии войны с ней. Следовательно, выбор даты не был случайным. Все рассмотренные выше факты – звенья одной цепи, хорошо скоординированные и тесно увязанные между собой.

Об этом свидетельствует и содержание плана операции 3-го Украинского фронта. Суть его заключалась в том, чтобы согласованными действиями войск фронта и сил народного восстания вывести Болгарию из войны на стороне Германии. Для этого предусматривалось нанести главный удар на г. Шумен, выйти на рубеж Русе (Рушук), Бургас и здесь остановить наступление. Дальнейшие действия войск ставились в зависимости от хода вооруженного восстания⁸⁰. При этом советское командование исходило из того, что центральная и западная части Болгарии могут быть освобождены силами повстанцев (НОПА).

5 сентября состоялось совместное совещание Политбюро ЦК БРП и Главного штаба НОПА, на котором был утвержден конкретный план действий. По призыву НК ОФ по всей стране начались забастовки и демонстрации под лозунгом “Вся власть Отечественному фронту!” Активизировались действия партизанских отрядов и боевых групп. В течение 6–8 сентября власть ОФ была установлена более чем в 160 населенных пунктах⁸¹. Сопrotивление властей, носившее в ряде мест вооруженный характер (в городах Хасково, Дупнице, Шумене, Габрово и других), было сломлено. Наступил перелом и в настроениях в армии, служившей вооруженной опорой правительства. Усилился процесс ее разложения: созданные коммунистами нелегальные группы готовились к восстанию. Несколько войсковых частей полностью перешли на сторону ОФ.

6 сентября правительство Муравиева объявило о разрыве отношений с третьим рейхом и запросило условия перемирия с СССР. В качестве ответной меры в этот же день немцы начали разоружать находившиеся в Югославии болгарские части. И если в районе Скопле сделать это им удалось, то у г. Прилепа (70 км южнее Скопле) завязались ожесточенные бои между германскими и болгарскими войсками. И тогда в дневнике военных действий штаба ОКВ появилась примечательная запись: “В связи с немецкими мерами в отношении болгарского экспедиционного корпуса правительство Болгарии заявило, что с 18 часов 7 сентября Болгария находится в состоянии войны с Германией”⁸². Таким образом, правительство Болгарии совершило резкий поворот в жизни страны, разорвав отношения с Германией и объявив ей войну. При этом оно, естественно, рассчитывало на положительную реакцию советского руководства. Однако радикальные шаги болгарских властей не оказали никакого влияния на позицию Москвы. Советское правительство продолжало действовать так, будто бы ничего не произошло.

Поскольку наступательной операции войск 3-го Украинского фронта, как таковой, не было, то мы не будем останавливаться на рассмотрении вопросов состава и соотношения сил и средств сторон, задач соединений, организации огневого поражения и всего того, что составляет содержание операции. Мы лишь коротко опишем ход событий тех дней.

7 сентября генерал Ф.И. Толбухин обратился с воззванием к болгарскому народу и болгарской армии. В нем говорилось: “Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией, так как считает болгарский народ братским народом. У Красной Армии одна задача – разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира”⁸³.

Накануне вступления в Болгарию советское командование установило контакт с Главным штабом НОПА. Местные комитеты БРП в пограничной полосе выполняли указания ЦК партии о предотвращении развязывания военных действий против советских войск и об оказании им всяческого содействия⁷⁸⁴.

8 сентября на рассвете в порту Варна высадился морской десант, а в 11 час. войска 3-го Украинского фронта перешли румыно-болгарскую границу. Без единого выстрела, походным порядком они стремительно продвигались по своим маршрутам. Около полудня в порт Бургас был выброшен воздушный десант, а в 13 час. высажен морской отряд.

Уже через полчаса после перехода границы в штаб фронта начали поступать сообщения о восторженной встрече советских воинов болгарским народом. Всюду, где бы они ни появлялись, их ждали горячие объятия болгар. На дорогах – толпы с хлебом-солью, цветами, фруктами, вином и транспорантами со словами приветствия: “Добро пожаловать”, “Добре дошли, наши другари!”. К народу присоединилась и болгарская армия. Ее солдаты и офицеры также радовались россиянам.

Подобная реакция народа была не случайной. Болгары традиционно проявляли любовь и уважение к России – своей освободительнице от многовекового турецкого ига. Это не могли не учитывать болгарские правители. Русофильский фактор сыграл свою роль. Как свидетельствует сообщение немецкого генерала Буттлара от 4 сентября, в Болгарии “уже имелся приказ регента, запрещающий открывать огонь по русским”⁷⁸⁵. В свою очередь, дружественные отношения болгар к советским воинам дали основание Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину отдать распоряжение, запрещавшее разоружать болгарские войска. Этим актом советское командование выразило полное доверие к народу и армии Болгарии.

В обстановке праздничных торжеств и жаркой погоды, когда ртутный столбик поднимался до отметки 38–40°, советские войска к исходу 9 сентября прошли путь в 115–170 км и достигли установленного планом конечного рубежа продвижения. В этот же день стало известно о событиях в болгарской столице. В обстановке быстро развивавшегося наступления Красной Армии в ночь с 8 на 9 сентября в соответствии с заранее намеченным планом действий был нанесен решающий удар по основным правительственным учреждениям в Софии. К утру силами перешедших на сторону ОФ воинских частей болгарской армии при поддержке партизан были захвачены здания военного министерства, радиостанция, центральная почта и телеграф и другие важные объекты. В 6 час. по радио было объявлено о том, что народное восстание победило и власть перешла в руки Отечественного фронта. Его правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о перемирии. В этой связи Ставка ВГК приказала с 22 час. 9 сентября “прекратить военные действия в Болгарии, прочно закрепившись в той стороне Болгарии, которая занята нашими войсками”⁷⁸⁶. К этому времени они находились в 300 км от Софии и в 360–400 км от болгаро-югославской границы.

События 9 сентября 1944 г. привели к власти блок левых сил, оформленный в Отечественный фронт, ведущую роль в котором играли коммунисты. Кабинет министров возглавил Кимон Георгиев (“Звено”). Влияние компартии в новом правительстве не было безраздельным, несмотря на то что ни одна другая партия не могла сравниться с ней по численности (в сентябре из подполья вышли 12–15 тыс. коммунистов), степени организованности и политическому влиянию на массы. Хотя компартия с самого начала была полна решимости не допустить движения страны по пути буржуазной демократии и бороться за установление нового, социалистического строя, она вынуждена была считаться с реальным соотношением сил в стране и на международной арене. Поэтому в соответствии с тогдашней обстановкой БРП не провозглашала чисто социалистических лозунгов, а выдвигала разнообразные политические требования в расчете на то, что их можно будет осуществить в союзе с другими политическими силами с партнерами по ОФ.

Одной из первостепенных задач, вставших перед правительством Отечественного фронта, было включение Болгарии в войну с Германией. Только внеся свой вклад в разгром нацистской Германии, Болгария, являвшаяся до тех пор ее союзником, могла обеспечить себе достойное место в послевоенном мире. В короткие сроки была проведена работа по преобразованию болгарской армии и подготовке ее к вооруженным действиям на стороне государств антигитлеровской коалиции. Большое значение имело при этом слияние регулярных частей болгарской армии с партизанскими отрядами.

10 сентября генерал Толбухин принял делегацию правительства Отечественного фронта. Она выразила желание скоординировать действия болгарской и советской армий и попросила оказать помощь в отражении готовившегося немцами наступления на Софию⁸⁷. Просьба болгар была удовлетворена. 15 сентября в Софию вступили части 34-го стрелкового корпуса генерала И.С. Кособуцкого. Сюда же перебазировались две авиационные дивизии. 17 сентября болгарские войска, которым предстояло вести боевые действия против немцев, по решению правительства Отечественного фронта были оперативно подчинены 3-му Украинскому фронту.

Между тем немцы от угроз в адрес Болгарии перешли к активным действиям и захватили г. Кула на северо-западе страны. Поэтому Ставка ВГК 20 сентября приняла решение о переброске войск 3-го Украинского фронта в западные и южные районы страны. Их перегруппировка была завершена к концу сентября.

Таким образом поход советских войск в Болгарию был завершен*. Каковы же его итоги? Однозначно оценить их не представляется возможным, ибо они не только значительны, но и противоречивы. Так, с одной стороны, этот подход проходил в благоприятных политических условиях и не был связан с ведением боевых действий оперативного масштаба. За время его осуществления, говорил в свое время видный деятель болгарских коммунистов В. Коларов, “с обеих сторон не было сделано ни одного выстрела, не было ни одного убитого или раненого”⁸⁸. Такое заявление, конечно, ласкало слух и согревало сердца болгар и россиян. Но оно не совсем точно отражало реальность войны, которая без потерь не бывает. Были они и на земле болгарской: потери Красной Армии здесь составили 12 750 человек, в том числе безвозвратные – 977⁸⁹. Как видим, и на земле братской страны были убитые, раненые и пропавшие без вести бойцы и командиры нашей армии.

С другой стороны, несанкционированный ввод советских войск в Болгарию наложил определенную тень на отношения между нашими странами и получил негативную оценку в международных кругах. И вот, чтобы как-то завуалировать эту неблагоприятную акцию, Москва и София внесли небольшую “правку” в историю, а именно – перенесли с 7 на 8 сентября время объявления Болгарией войны третьему рейху. При таком уточнении позиция СССР становилась неувязимой: советское правительство, мол, направило свои войска против страны–союзницы Германии, которые вывели Болгарию из войны и освободили ее народ от фашизма.

Наконец, выход Болгарии из гитлеровской коалиции и прорыв Красной Армии на Балканы привели к важным стратегическим результатам. Третий рейх лишился не только продовольственно-сырьевых ресурсов страны, но и возможности распоряжаться болгарской армией, 12 дивизий которой несли оккупационную службу в

---

* В ходе войны, получившей название Отечественной войны болгарского народа, болгарские войска участвовали в освобождении от немцев нескольких районов Югославии. В дальнейшем Болгарская народная армия воевала на территории Венгрии и дошла до подножия Альп в Австрии (см.: История на Отечественната война на България, 1944–1945: В 4 т. София, 1981. Т. 4. С. 2–85). Участие в борьбе с германским фашизмом на заключительном этапе второй мировой войны позволило Болгарии упрочить свои международные позиции, а впоследствии добиться при поддержке Советского Союза достойного мирного договора со странами антигитлеровской коалиции.

Югославии и Греции. Утратив порты на Черном море, германское командование было вынуждено отдать распоряжение о потоплении имевшихся там кораблей. Ухудшилось положение немецких групп армий “Ф” и “Е”. Уязвимость коммуникаций с ними заставила начать подготовку к эвакуации немецких войск из Греции и Южной Югославии.

РАЗГРОМ ПРОТИВНИКА В СЕРБИИ

Территория Югославии, оккупированная странами фашистского блока в апреле 1941 г. и затем поделенная между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией, постепенно освобождалась от захватчиков. В сентябре 1943 г. перед союзными войсками капитулировала Италия, перестав быть оккупационной державой. Через год из войны на стороне Германии вышла Болгария и также отвела свои войска. Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) под командованием маршала И.Б. Тито, выросшая во внушительную силу, контролировала почти половину страны.

Еще осенью 1942 г. в Югославии по инициативе Коммунистической партии Югославии (КПЮ) возник общегославский политический орган – Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), который взял на себя решение основных военных, политических и экономических проблем народно-освободительного движения (НОД). В конце 1943 г. АВНОЮ было преобразовано в верховный, представительный, законодательный и исполнительный орган Югославии. Одновременно был учрежден Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) в качестве высшего исполнительного и административного органа власти, т.е. временного правительства страны во главе с И.Б. Тито. Возглавляемая КПЮ вооруженная борьба, а также созданная в ходе нее организация повстанческой власти, будучи направленными против оккупантов и югославских квислингов, одновременно носили социально-революционную окраску.

Другой вооруженной силой, ведущей, хотя и достаточно пассивно, борьбу против оккупантов на территории Югославии, были четнические отряды Д. Михайловича, монархически и антисоветски настроенного сербского офицера. Возглавляемое им движение находилось в конфронтации с организованным коммунистами НОД и не гнушалось сотрудничать с оккупантами против партизан. Политически Михайлович представлял интересы находившегося в эмиграции югославского короля Петра II и его правительства, назначивших командира четников министром обороны. Само правительство, сначала обосновавшееся в Лондоне, к концу войны перебазировалось поближе к Югославии, в Каир. В это время Советский Союз фактически прекратил с ним формальные существовавшие дипломатические отношения. До 1944 г. на Михайловича и четников делали ставку и англичане, полагавшие, что именно они сыграют решающую роль в борьбе с оккупантами. Однако четнические отряды были малоактивны и придерживались тактики “выжидания ради выживания”, накапливая силы для вооруженного выступления в момент освобождения Югославии войсками союзников и захвата власти в стране.

Реальная оценка обстановки в Югославии, учет позиций Советского Союза в отношении партизан, их боевитость привели английское правительство к выводу, что поддержка четников бесперспективна. К тому же все британские попытки примирить НОД с Михайловичем потерпели поражение. На Тегеранской конференции западные державы вынуждены были пойти на то, чтобы НОД официально получил статус единственной союзнической военной силы в Югославии, признанной ведущими державами антигитлеровской коалиции. 8 января 1944 г. Черчилль обратился с письмом к И.Б. Тито, в котором сообщал, что “Британское правительство не будет в дальнейшем оказывать никакой военной помощи Михайловичу” и будет оказывать помощь “только Вам...”⁹⁰. Вместе с тем Черчилль заявлял, что отноше-

ния с находившимся в эмиграции королем Петром II и его правительством будут сохранены. Тито же настаивал на устранении эмигрантского правительства и вместе с ним Михайловича и признания союзниками НКОЮ в качестве единственного югославского правительства⁹¹.

Советское руководство видело в НКОЮ достойного партнера армий антигитлеровской коалиции и считало, что Югославия “из оккупированной страны превратилась в страну воюющую, оттягивая на себя немалые силы врага”⁹². 23 февраля 1944 г. на освобожденную территорию Югославии в район, где находился НКОЮ, была доставлена советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Н.В. Корнеевым⁹³. Она должна была выполнять не только военные, но и политические функции, свидетельствуя о признании Советским Союзом правительства Тито де-факто. Первоочередной задачей миссии было изыскание путей оказания материальной и военной помощи народно-освободительному движению в Югославии, организация взаимодействия НОАЮ и Красной Армии.

12 апреля 1944 г. в Москву прибыла делегация НОАЮ во главе с М. Джиласом, где находилась около двух месяцев. Было достигнуто соглашение о помощи НОАЮ и о том, что часть делегации останется в Москве как постоянная военная миссия Верховного штаба НОАЮ. Руководил миссией один из ведущих ее командиров генерал-лейтенант В. Терзич. Она, по существу ее деятельности, явилась первым государственно-политическим представительством новой Югославии за рубежом.

Весной и летом 1944 г. со специальных военных баз, созданных в СССР (районы Киева и Винницы) и в Италии (Бари), развернулась переброска советского вооружения, боеприпасов и прочих военных грузов для НОАЮ, что способствовало ее дальнейшему укреплению. К маю 1944 г. в НОАЮ и партизанских отрядах насчитывалось примерно 350 тыс. бойцов.

Весной 1944 г. советские войска вышли на Государственную границу СССР и вступили на территорию Румынии. Англо-американские войска заняли Рим. Части НОАЮ вели бои с противником на юге Сербии, угрожая важным балканским коммуникациям гитлеровцев. В этой обстановке германское командование, не сумев с помощью шести ранее проведенных крупных наступлений разгромить НОАЮ, решило провести седьмую карательную акцию, чтобы обезопасить свой тыл. Операция под кодовым названием “Ход конем” проводилась на большей части территории Югославии, но основной удар наносился по западной части Боснии. Немцы планировали захватить в г. Дрвар (22 км северо-западнее Сараево) Верховный штаб НОАЮ и НКОЮ.

После сильного удара с воздуха противник выбросил у г. Дрвар парашютный десант численностью 700 человек. Атаки вражеского десанта отразили курсанты офицерской школы и батальон охраны Верховного штаба, а его разгром завершили части НОАЮ, действовавшие в этом районе. Но вскоре подошли танки и моторизованные войска врага. Создалась угроза захвата руководства НОАЮ. В течение 10 дней противник преследовал Верховный штаб. Когда все пути отхода ему были отрезаны и гибель казалась неминуемой, пришло спасение с неба: в ночь на 4 июня советский транспортный самолет, пилотируемый летчиками майором А.С. Шорниковым, капитаном Б.Т. Калинкиным и штурманом капитаном П.Н. Якимовым, за два вылета вывез на авиабазу Бари (Италия) И. Броз Тито, членов Национального комитета освобождения и основной состав работников Верховного штаба НОАЮ, а также сотрудников советской, английской и американской военных миссий. Оттуда все они вскоре переехали на остров Вис (27 миль юго-западнее Сплита) и продолжили руководство борьбой патриотов⁹⁴. Попытка германского командования обезглавить партизанское движение Югославии провалилась. Однако бои с НОАЮ продолжались все лето⁹⁵.

На освобожденных патриотами территориях Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории и Македонии к лету 1944 г. были созданы и активно действовали краевые антифашистские веча народного освобождения и их исполнитель-

ные органы, являвшиеся политической и организационной опорой утверждавшейся в Югославии новой власти, самой влиятельной силой которой были коммунисты.

Переговоры Тито с Черчиллем, которые велись посредством переписки весной 1944 г. (о них было осведомлено и советское правительство), привели к компромиссному решению: летом 1944 г. с согласия союзников было создано коалиционное правительство И. Шубашича, в котором коммунисты заняли прочные позиции⁹⁶.

Какой же была расстановка сил в Югославии к осени 1944 г.? На территории страны боевые действия вела группа армий “Ф” под командованием фельдмаршала М. Вейкса. Войска оккупантов вместе с формированиями коллаборационистов насчитывали до 570 тыс. человек⁹⁷. Эти силы прикрывали главные транспортные артерии, удерживали большинство крупных городов, промышленных районов и проводили карательные операции против партизан. Однако в случае прорыва Красной Армии к Белграду со стороны Болгарии и Румынии могла возникнуть угроза группе армий “Е”, действовавшей на юге Балканского полуострова, так как ее войска тогда отрезались бы от главных сил вермахта. Это обстоятельство требовало усиления обороны северо-восточных и восточных районов Югославии. По этой причине в конце сентября из состава группы армий “Ф” была выделена армейская группа “Сербия”, которую возглавил генерал Г. Фельбер. В ее состав кроме немецких вошли части пяти венгерских дивизий и такие формирования, как сербские добровольческий и охранный корпуса, русский белогвардейский корпус, отряды четников и другие части. Эта группировка насчитывала 150 тыс. человек, 2130 орудий и минометов, 125 танков и штурмовых орудий, 352 самолета и 74 боевых корабля⁹⁸. Этой группировке противостояли войска НОАЮ, имевшие в своем составе около 400 тыс. человек, 15 армейских корпусов, 2 оперативные группы, 16 отдельных бригад и 130 партизанских бригад⁹⁹.

Силы противоборствовавших сторон были неравными. Если по количеству бойцов югославские патриоты уступали оккупантам и их пособникам лишь в 1,4 раза, то в техническом отношении – полностью: у НОАЮ было мало оружия, почти отсутствовало тяжелое вооружение и совершенно не имелось артиллерии. Данное обстоятельство обусловило особенности борьбы: боевые действия НОАЮ вела, как правило, партизанскими методами в труднодоступных горно-лесных районах Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории и Македонии. А поскольку войска югославских патриотов были не в состоянии собственными силами разгромить врага и освободить страну, то Верховное командование НОАЮ искало помощи у других государств. Не получив ее от Англии¹⁰⁰, И. Тито 5 июля 1944 г. обратился с письмом к И. Сталину. Самая сильная и ценная во всех отношениях поддержка со стороны Советского Союза, писал Тито, “заклучалась бы в том, чтобы Красная Армия продвинулась через Карпаты и Румынию в южном направлении”¹⁰¹.

И такую помощь югославские союзники по борьбе с фашизмом получили. Советское правительство выделило необходимые средства. Процесс военных поставок координировался военными миссиями СССР и НОАЮ. Доставку грузов для НОАЮ осуществляли самолеты авиации дальнего действия с советских авиабаз не только на Украине (под Винницей), в Италии (Бари), но и в Румынии (после освобождения г. Крайова) и в Болгарии (София). В СССР был создан учебный центр подготовки военных специалистов для НОАЮ. В сентябре ГКО принял решение о формировании в Советском Союзе югославской танковой бригады, двух авиационных полков – истребительного и штурмового, а также югославской добровольческой пехотной бригады, насчитывавшей около 2 тыс. человек. Хорошо вооруженная и экипированная, она в августе 1944 г. была включена в состав 2-го Украинского фронта, а затем передана в одну из дивизий НОАЮ¹⁰². Кроме того, началась предварительная разработка планов будущих совместных операций против общего врага. С этой же целью Верховный штаб подготовил и в начале сентября завершил

операцию по прорыву из Боснии и Черногории в Сербию семи дивизий НОАЮ. Такая акция явилась важным звеном в деле образования единого фронта борьбы югославских патриотов и Красной Армии, приближавшейся к восточным границам страны.

Перенос центра военных действий в Сербию ускорил разложение четнического движения. Его руководство вело поиски союзников в разных направлениях. В меморандуме на имя Рузвельта представители движения просили о помощи и понимании, сообщая, что Михайлович имеет только 75 тыс. легковооруженных бойцов, а мог бы при условии получения оружия мобилизовать 500 тыс. и что сербский народ против всякой диктатуры, включая большевистскую¹⁰³.

В то же время Михайлович встречался с главой сербских коллаборационистов Недичем, который обещал, получив оружие у немцев, передать его четникам и частично выполнил свое обещание. Сам Недич, когда стала ясна неотвратимость вступления частей Красной Армии на территорию Югославии, отдав войскам распоряжение не оказывать сопротивления русским, в сентябре 1944 г. покинул Белград¹⁰⁴.

В августе же представители четников встречались с командующим юго-восточной группой вермахта генералом Нойбахером и сообщили ему, что их цель – национальный фронт всех сербских сил против коммунистов. Нойбахер просил Гитлера вооружить четнические отряды и разрешить широкое сотрудничество с ними. Но тот был против, одобрив лишь взаимодействие на низшем уровне. В июле–августе 1944 г. четники совместно с вермахтом участвовали в крупных сражениях против НОАЮ¹⁰⁵.

Одновременно происходил массовый переход четников на сторону НОД. Подстегнул его и призыв председателя НКОЮ (30 августа 1944 г.) к четникам и другим вооруженным формированиям, борющимся против партизан, оставить оккупантов и перейти на сторону НОД. Срок истек 15 сентября. 30 же августа Михайлович объявил всеобщую мобилизацию, а 1 сентября призвал весь сербский народ к оружию. Однако 12 сентября последовал новый, тяжелый для четников удар: призыв короля всем встать под команду маршала Тито. Попытка объявить королевское обращение “английским фальсификатом” не имела успеха. Михайловича стали покидать не только рядовые четники, но и его ближайшие сотрудники. Четническое движение агонизировало. Часть его участников перешла к НОАЮ, часть разошлась по домам, часть отступила на запад. Некоторые еще сохранившиеся четнические формирования занимали отдельные города и села, иногда вступая в сражения с частями вермахта. Советским войскам они не оказывали сопротивления и нередко сотрудничали с ними.

После открытия второго фронта в Европе в июне 1944 г. Черчилль все же не оставил свой замысел относительно высадки союзнических войск на Балканах, в частности в Югославии. В середине июня английский Комитет по военному планированию занимался изучением возможности осуществления через два месяца высадки десанта в Истрии. В июле 1944 г. Тито писал по этому поводу советскому правительству: “Такая высадка нам не была бы приятной, так как я уверен, что они нам будут делать неприятности в стране”¹⁰⁶.

В первых числах сентября И. Тито через советскую военную миссию в Югославии передал руководству СССР просьбу о вводе войск Красной Армии в Восточную Сербию, чтобы помочь НОАЮ освободить Сербию и Белград. Прошение мотивировалось тем, чтобы разгромить находившиеся в стране немецкие войска или воспрепятствовать их отходу из Греции на север¹⁰⁷. В это же время встал вопрос о поездке И.Б. Тито в СССР.

Тайно покинув о-ов Вис, он прилетел 21 сентября 1944 г. в Москву, где находился до 28 сентября. По уполномочию НКОЮ Тито договорился со Сталиным о вступлении Красной Армии на территорию Восточной Сербии и о ее совместных действиях с НОАЮ по освобождению этого района страны и столицы Белграда. На

территории Югославии, в районах нахождения частей Красной Армии, должна была по-прежнему действовать гражданская администрация НКЮЮ. Было достигнуто соглашение о том, что после выполнения своих боевых задач советские войска будут выведены из страны. Одновременно представители югославской и болгарской армий встретились в Македонии и договорились о возможности совместных действий против оккупантов на ее территории. Соглашение же о таком участии болгар было подписано 5 октября в Крайове (Румыния, 270 км восточнее Белграда).

Активную подготовку к разгрому противника в Югославии вело и советское командование. 20 сентября Ставка ВГК отдала распоряжение командующему 3-м Украинским фронтом маршалу Ф.И. Толбухину о перегруппировке войск фронта к болгаро-югославской границе, а 1 октября утвердила план Белградской стратегической наступательной операции¹⁰⁸. Ее цель состояла в том, чтобы совместными усилиями советских и югославских войск на белградском направлении, югославских и болгарских войск на нишском и скопьевском направлениях разгромить армейскую группу “Сербия” и освободить восточную половину территории Сербии, включая Белград. Одновременно намечалось перерезать коммуникацию группы армий “Е”, не допустить отхода ее соединений с юга Балканского полуострова и создать благоприятные условия для последующей борьбы НОАЮ за полное освобождение своей страны, а также для наступления войск 3-го Украинского фронта на будапештском направлении.

Для выполнения этих задач привлекались: войска 3-го Украинского фронта (57-я и 17-я воздушная армии, 4-й гвардейский механизированный корпус и части фронтового подчинения) и 2-го Украинского фронта (46-я и части 5-й воздушной армии) в составе 300 тыс. человек, 2697 орудий и минометов, 364 танков и САУ, около 1300 боевых самолетов и до 80 боевых кораблей Дунайской военной флотилии; 1-я армейская группа, 2, 13, 14-й армейские корпуса и отдельные дивизии НОАЮ (130 тыс. человек, 40 орудий); 2, 1 и 4-я болгарские армии (156 тыс. человек, 937 орудий и минометов, 158 танков и САУ, 127 боевых самолетов). Советские, югославские и болгарские войска превосходили врага: по живой силе – в 4,4 раза, по артиллерии – в 2,1, по танкам и САУ – в 3,4 и по самолетам – в 3,6 раза¹⁰⁹.

Ставка ВГК предусматривала начать операцию 13–14 октября. Но обстановка внесла коррективы. Противник, стремясь помешать сосредоточению частей 46-й армии в излучине Дуная к юго-западу от Турну-Северина, 25 сентября нанес по ним удар. Потеснив советские войска, враг вышел к Дунаю севернее Неготина. В такой ситуации командующий 3-м Украинским фронтом решил, не дожидаясь сосредоточения всех сил 57-й армии, нанести контрудар по неготинской группировке противника. В ночь на 28 сентября передовые части армии перешли болгаро-югославскую границу, положив начало Белградской операции.

В результате ожесточенных боев соединения 57-й армии генерала Н.А. Гагена во взаимодействии с частями 14-го армейского корпуса НОАЮ прорвали вражескую оборону и, расширив прорыв до 110 км по фронту, к 4 октября продвинулись на 40 км в глубину. Развивая успех, они преодолели Восточно-Сербские горы, вышли к р. Морава, форсировали ее и к 10 октября захватили два плацдарма у г. Велика-Плана (75 км юго-восточнее Белграда). Были созданы условия для ввода в прорыв 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала В.И. Жданова. Его части начали занимать исходный район для наступления на Белград.

На этом этапе операции левобланговые соединения 46-й армии генерала И.Т. Шлемина наступали на территории Баната¹¹⁰. Они не только прикрывали правый фланг 57-й армии, но и, форсировав Дунай на кораблях Дунайской военной флотилии, овладели плацдармом в 10 км северо-восточнее Белграда и создали условия для нанесения с него удара по столице Югославии. Соединения же 2-й бол-

гарской армии генерала К. Станчива в первые дни операции ограничивались ведением боевой разведки и отдельными боями в целях улучшения тактического положения. И только 8 октября по приказу маршала Ф.И. Толбухина, в подчинении которого находились болгарские войска, 2-я армия перешла в наступление, согласуя его с действиями 13-го корпуса НОАЮ.

Жители сел и городов Югославии очень тепло встречали советских воинов. Они выходили на улицы с цветами, жали руки, обнимали и целовали своих освободителей. Воздух наполнялся торжественным колокольным звоном и русскими мелодиями в исполнении местных музыкантов. Кроме того, население помогало советским бойцам ремонтировать дороги и восстанавливать разрушенные мосты, способствуя повышению темпов наступления войск Красной Армии¹¹¹.

В ночь на 12 октября с рубежа р. Морава в прорыв был введен корпус генерала В. Жданова. Развивая наступление, советские танкисты на подходе к г. Топала (50 км южнее Белграда) соединились с частями 1-й армейской группы генерала П. Данчевича и стремительным ударом выбили противника из города. С этого момента югославские воины взаимодействовали с советскими танкистами вплоть до завершения операции. К исходу 13 октября главные силы 4-го гвардейского корпуса вышли к горе Авала (17 км южнее Белграда) и на рассвете 14 октября появились на южной окраине столицы Югославии.

Генералы В.И. Жданов и П. Данчевич согласовали план действий советских и югославских войск, поставили им задачи, перегруппировали силы и во второй половине 14 октября отдали приказ о начале штурма Белграда. Бои за освобождение столицы продолжались целую неделю и носили исключительно упорный характер. В первые два дня наступавшим удалось расчленить группировку противника на несколько частей, уничтожить большинство его опорных пунктов на южной и восточной окраинах Белграда. Но затем штурм несколько замедлился в связи с тем, что пришлось перебросить часть сил для отражения ударов 20-тысячной группировки противника, окруженной юго-восточнее Белграда и пытавшейся пробиться к столице. 19 октября эта группировка врага прекратила свое существование.

Высвободившиеся советские и югославские войска были направлены на разгром немцев в Белграде. Выполняя просьбу И.Б. Тито дать частям НОАЮ возможность первым войти в город, поддержав их действиями советских войск, прежде всего танковых, наступавших опережавшими темпами и уже готовых к штурму Белграда, советское командование согласилось разместить на танках десанты бойцов НОАЮ. К исходу 20 октября они взяли последнюю цитадель противника в столице – старинную крепость Калемегдан.

Еще во время Белградской операции Тито обратился к советскому командованию с просьбой организовать перебазирование с о-ва Вис на освобожденную территорию страны НКОЮ, Президиума АВНОЮ и оставшихся там частей Верховного штаба НОАЮ. Для этой цели были выделены советские военные самолеты, и члены высших органов новой Югославии смогли прибыть в столицу непосредственно вслед за ее освобождением. Сам Тито прибыл туда на советском боевом судне Дунайской военной флотилии. 29 городов Восточной Сербии и Поморавья, а затем Банат и Бачку освободили войска Красной Армии и НОАЮ¹¹².

В конце октября Михайлович, учитывая успехи Красной Армии и широко распространенные русофильские настроения, отдал распоряжение о том, что “отношения с русскими в любом случае должны быть союзническими”, в то время как немцев следует рассматривать “как наших самых больших врагов”. Вначале случаи взаимодействия частей Красной Армии и четников действительно имели место. Но, когда стало известно о договоренностях между Сталиным и Тито в конце сентября 1944 г., четников стали просто разоружать.

С освобождением столицы Югославии завершилась Белградская наступательная операция. В ходе ее была разгромлена армейская группа “Сербия” и нанесено

поражение ряду соединений группы армий “Ф”. В результате операции фронт противника был отодвинут на 200 км к западу, освобождена восточная половина Сербии и перерезана транспортная артерия противника Салоники – Белград. Одновременно создались благоприятные условия для советских войск, наступавших на будапештском направлении. Ставка ВГК могла теперь использовать силы 3-го Украинского фронта для разгрома противника в Венгрии.

Двадцати частям и соединениям Красной Армии было присвоено почетное наименование “Белградские”. Была учреждена медаль “За освобождение Белграда”. Ордена и медали СССР получили 800 бойцов и командиров НОАЮ, более двух тысяч советских солдат и офицеров были награждены югославскими орденами и медалями¹¹³.

В процессе операции обе стороны понесли немалые потери. Противник – до 45 тыс. убитыми, пленными и ранеными, советские войска лишились 53 танков и САУ, 184 орудий и минометов, 66 самолетов, безвозвратные потери составили 4350 человек, санитарные – 14 488¹¹⁴. О потерях югославских и болгарских войск у нас, к сожалению, данных нет.

А как развивались события с окончанием Белградской операции? В соответствии с договоренностью между И. Броз Тито и И.В. Сталиным освобождение остальной территории Югославии брала на себя НОАЮ, выросшая весной 1945 г. до 800 тыс. человек, а СССР обязался оказать материально-техническую помощь. Держа обещание, Советский Союз, во-первых, передал в оперативное подчинение Верховному штабу НОАЮ авиационную группу генерала А.Н. Витрука в составе штурмовой и истребительной авиационных дивизий со всей материальной частью и вооружением, средствами технического и хозяйственного обеспечения. Во-вторых, направил в войска НОАЮ вооружение и снаряжение для оснащения 12 пехотных дивизий. В-третьих, продолжал формировать на территории СССР югославские пехотные, танковые и авиационные части¹¹⁵. Успешно решались и другие проблемы.

30 октября командующий 3-м Украинским фронтом на основе указаний Ставки ВГК начал вывод главных сил 57-й армии на левый берег Дуная у г. Петровграда (50 км севернее Белграда) для последующих действий на будапештском направлении. При этом часть сил армии (стрелковый корпус и части укрепленного района) по просьбе Верховного штаба НОАЮ временно оставались в Югославии для обороны южных подступов к Белграду. Они совместно с НОАЮ вели бои до 25 декабря, после чего были выведены за пределы страны.

К концу 1944 г. Сербия, Черногория и Македония были освобождены полностью, а в Боснии и Герцеговине, Хорватии и Словении крупные силы НОАЮ продолжали бои с оккупантами. В конце 1944 – весной 1945 г. советские войска, продвигавшиеся в районе югославо-венгерской границы, а затем по территории Венгрии и Австрии, взаимодействовали с югославскими войсками, развивавшими наступление в северных и северо-западных районах Югославии.

В ходе освобождения страны на ее территории утверждалась новая государственная власть. На следующий день после освобождения Белграда, 21 октября, начались переговоры между И.Б. Тито и И. Шубашичем о создании вместо НКОЮ и эмигрантского кабинета единого югославского правительства. Шубашич при этом вынужден был согласиться на выдвинутые НКОЮ условия: признание глубоких общественно-политических перемен, происшедших в ходе народно-освободительной борьбы. 1 ноября 1944 г. в Белграде было подписано новое соглашение Тито – Шубашич, уточненное затем 7 декабря. Оно предусматривало образование объединенного югославского правительства и подтверждало возникновение демократического федеративного государства. Основную часть правительства должны были составлять члены НКОЮ, на пост премьер-министра и министра обороны был назначен И.Б. Тито.

Белградское соглашение Тито – Шубашич, не ставя под угрозу происшедшие

на освобожденных территориях социально-политические перемены, открывало перед новой Югославией возможность получить признание западных держав. Однако реализовать соглашение сразу не удалось. Советский Союз выступал на скорейшее осуществление белградских договоренностей, что и было подтверждено во время встречи Шубашича и заместителя председателя НКОЮ Э. Карделя с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым 20–23 ноября 1944 г. в Москве. В своих посланиях Черчиллю 24 ноября и 14 декабря 1944 г. Сталин настаивал на необходимости поддержать белградское соглашение. И Черчилль уступил. 19 декабря он сообщил Сталину, что одобряет соглашение и считает его “удовлетворительной основой для построения новой федеративной Югославии”¹¹⁶.

Югославский король Петр II оказывал упорное противодействие реализации соглашения, получая при этом поддержку США. Англичане пытались преодолеть obstruction короля и не допустить, чтобы он был исключен хотя бы из формального участия в решении югославского вопроса. В конце концов правительство США вынуждено было одобрить соглашение Тито – Шубашич. Пришлось принять его и Петру II. По настоянию СССР Крымская конференция рекомендовала немедленно ввести соглашение в действие.

7 марта 1945 г. было сформировано временное народное правительство Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ) во главе с И.Б. Тито, в которое вошли шесть членов эмигрантского правительства, но большинство министерств и ведомств (22) находились в руках членов НКОЮ. Коммунистам удалось занять решающие позиции во властных структурах федеративной Югославии. И произошло это, в сущности, при поддержке и с согласия всех держав антигитлеровской коалиции: западные союзники не могли не учитывать активности НОД в борьбе с оккупантами и теми, на кого они опирались в Югославии, но надеялись, что небольшая группа коммунистов в конце концов будет “растворена”, “поглощена” крестьянской массой их сторонников по этой борьбе. Однако, как вскоре стало ясно, этого не произошло.

Используя геополитическую конъюнктуру и возможные соглашения между Востоком (СССР) и Западом о разделе сфер влияния на Балканах после войны, КПЮ смогла укрепиться у власти. Содействовал этому и ряд факторов. Прежде всего она была единственной политической силой, организованно и активно действовавшей во всех частях разделенной и оккупированной Югославии. Только КПЮ выступила с общегославской платформы, ратуя за единую Югославию и за единство всех ее народов в борьбе с захватчиками, что имело большое значение, особенно на завершающем этапе войны. Подняв знамя “общегославского патриотизма” в противовес “местному”, “национальному патриотизму”, коммунисты постепенно снискали симпатии достаточно широких кругов населения, уставшего от межнациональных, межрегиональных, конфессиональных и политических противостояний и жаждавшего, наконец, обрести спокойствие. КПЮ, настаивавшей на активных формах борьбы с оккупантами, удалось привлечь в ряды НОД всех недобровольных “новыми порядками” и страдавших от них. Кроме того, КПЮ искусно манипулировала традиционным русофильством значительной части югославского населения, прежде всего сербского, которое считало ее “представителем” великого “славянского брата”, шедшего с востока на выручку своих поработанных “меньших братьев”. Все это дало коммунистам преимущества перед их потенциальными противниками и помогло стать у руля новой федеративной Югославии.

Итак, в сентябре–октябре 1944 г. на южном фланге советско-германского фронта войска Красной Армии, преодолев Дунай и Мораву, прорвались на Балканы. В тесном взаимодействии с Народно-освободительной армией Югославии они разгромили немецкую армейскую группу “Сербия”, освободили восточные и северо-восточные районы Югославии с ее столицей Белградом и создали благоприятные условия для наступления на будапештском направлении. Линия фронта на Балканском полуострове была отодвинута примерно на 200 км.

- 1 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 2. С. 132–133.
- 2 Воен.-ист. журн. 1959. № 2. С. 26–27.
- 3 См.: Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск ее бывших сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М., 1956. Вып. 4. С. 116–136.
- 4 Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации: Документы и материалы. Ф. 191. Оп. 233. Д. 154. Л. 102. (Далее: ИВИ).
- 5 Советская военная энциклопедия. М., 1980. Т. 8. С. 674.
- 6 Состав 2-го Украинского фронта: 40, 7 и 4-я гвардейские, 27, 52, 53-я общевойсковые, 6-я танковая и 5-я воздушная армии, 18, 23 танковые и 5-й гвардейский кавалерийский корпуса; состав 3-го Украинского фронта: 5-я ударная, 57, 37, 46-я общевойсковые и 17-я воздушная армии, 4-й гвардейский и 7-механизированные корпуса.
- 7 История военного искусства: Учебник для военных академий Советских Вооруженных Сил. М., 1984. С. 288.
- 8 Фриснер Г. Проигранные сражения / Пер. с нем. М., 1966. С. 54.
- 9 ИВИ. Инв. № 27787. С. 468.
- 10 Фриснер Г. Указ. соч. С. 69.
- 11 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 435–437. (Далее: ЦАМО).
- 12 ИВИ. Инв. № 27787. С. 471.
- 13 ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 1102. Л. 93–94.
- 14 Воен.-ист. журн. 1959. № 2. С. 30–31.
- 15 См.: *Передельский Г.Е.* и др. Артиллерия в бою и операции. М., 1980. Приложение 2; Яско-Кишиневские Канны. М., 1964. С. 113–114.
- 16 ИВИ. Инв. № 27787. С. 469.
- 17 Там же. Ф. 191. Оп. 233. Д. 152. Л. 13.
- 18 Фриснер Г. Указ. соч. С. 75.
- 19 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 152. Л. 1.
- 20 Освободительная миссия советских вооруженных сил на Балканах. М., 1989. С. 98; Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 5. С. 535.
- 21 ИВИ. Ф. 191. Оп. 133. Д. 152. Л. 83.
- 22 Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 104.
- 23 Текст по внутривойсковой обстановке в Румынии написан Т.А. Покивайловой. См.: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1995. С. 507–526.
- 24 ИВИ. Ф. 191. Оп. 133. Д. 152. Л. 293.
- 25 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 495. Оп. 74. Д. 456. Л. 4. (Далее: РЦХИДНИ).
- 26 Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0125. Оп. 32. Д. 4. П. 125. Л. 1. (Далее: АВП РФ).
- 27 Там же. Л. 1–2.
- 28 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1956. Т. 2. С. 105.
- 29 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 32. Д. 4. П. 125. Л. 19–20.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 21–22.
- 32 Там же. Л. 23.
- 33 Arhivele Statului. Fondul Presedintia Consiliului de Ministri. Dos. 88/1944. P. 5.
- 34 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 26. Д. 15. П. 23а. Л. 47–50, 51, 57–58.
- 35 Там же. Л. 50.
- 36 Там же. Л. 54.
- 37 *Ciobanu M.* Convorbiri cu Mihai I al Romaniei. P. 19.
- 38 Documente din istoria Pfrtidului Comunist din Romania. Bucuresti, 1951. P. 348.
- 39 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 460. Л. 13, 61–65.
- 40 Там же.
- 41 *Ionniiu M.* Amintiri si reflectiuni. Bucuresti, 1993. P. 132.
- 42 См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 213.

- 43 РЦХИДНИ. Ф. 579. Оп. 3. Д. 579. Л. 40–43.
- 44 Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 454. Л. 4.
- 45 См.: Из хроники исторических дней: 1 мая 1944 г. – 6 марта 1945 г. Бухарест, 1974. С. 17–21, 26, 31, 37, 46, 48, 49, 51, 52, 54, 55, 60, 61, 69, 74, 75, 78.
- 46 Там же. С. 62.
- 47 РЦХИДНИ. Ф. 579. Оп. 3. Д. 4. Л. 69.
- 48 Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 95.
- 49 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 156. Л. 49–50.
- 50 См.: Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (Вопросы национальной историографии). М., 1991. С. 201.
- 51 ЦАМО. Ф. 240. Оп. 14253. Д. 9. Л. 656–657.
- 52 Яско-Кишиневские Канны. С. 172.
- 53 Подсчитано по: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 108–109; *Минасян М.М.* Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967. М. 161.
- 54 *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война: Очерк / Пер. с англ. М., 1976. С. 549; Освободительная миссия советских вооруженных сил на Балканах. С. 101.
- 55 Подсчитано по: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 549. (Далее: Гриф секретности снят...); Освободительная миссия советских вооруженных сил на Балканах. С. 349–359; Яско-Кишиневские Канны. С. 261–269.
- 56 ЦАМО. Ф. 240. Оп. 16362. Д. 26. Л. 103–104.
- 57 История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 115.
- 58 Там же. В этих румынских войсках насчитывалось 138 073 человека, 1809 минометов, 611 орудий, 113 исправных самолетов, 6500 пулеметов и 8159 автоматов.
- 59 Одновременно группа армий “Северная Украина” была преобразована в группу армий “А”.
- 60 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 118.
- 61 Текст по внутривнутриполитической обстановке в Болгарии написан Е.А. Валеовой. См.: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 445–446.
- 62 См.: *Димитров И.* Буржуазная оппозиция в Бългaрия, 1939–1944. София, 1969. С. 92–93, 112–113.
- 63 Там же. С. 128–130.
- 64 Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М., 1976. Т. 1. С. 591–593.
- 65 *Баталски Г.* За антифашистската борба и гражданската война (по българския опит от 1941–1944 г.) // Воен.-ист. сб. 1990. № 5. С. 84.
- 66 Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 405–406.
- 67 См.: *Горненски Н.* ВЪоръжената борба, 1941–1944. София, 1971. С. 149–156.
- 68 См.: Антифашистската борба в Бългaрия: Документи и материали. София, 1984. Т. 2. С. 505–507.
- 69 Там же. С. 526–527.
- 70 *Димитров И.* Ор. cit. С. 201.
- 71 *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе, 1944–1948. М., 1993. С. 34.
- 72 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 58. Л. 373.
- 73 Там же. Л. 374.
- 74 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 120.
- 75 Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. М., 1946. Т. 2. С. 198–199.
- 76 *Димитров И.* Ор. cit. С. 201; *Минасян М.М.* Указ. соч. С. 218.
- 77 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 23. Д. 242. Л. 58–59.
- 78 Там же. Л. 62.
- 79 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 122–124; Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976. Т. 23. С. 269.
- 80 ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2917. Д. 104. Л. 295; Ф. 370. Оп. 6518. Д. 304. Л. 14–19.
- 81 *Петрова Сл.* Борбата на БРП за установяването на народно-демократичната власт: май–септември 1944. София, 1964. С. 212–213.

- 82 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 58. Л. 375, 393.
- 83 ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 337.
- 84 Интернациональное сотрудничество КПСС и БКП: история и современность. М., 1985. С. 102.
- 85 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 58. Л. 375.
- 86 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 38.
- 87 Там же. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 308. Л. 70.
- 88 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 128.
- 89 Гриф секретности снят... С. 325.
- 90 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1976. Т. 1. С. 219. (Далее: Переписка Председателя Совета Министров СССР...).
- 91 *Broz Tito J. Sabrana djela*. Београд, 1984. Т. 19. С. 63; *Jugoslavija za pobjedu i slobodu, 1941–1945*. Београд, 1985. С. 68.
- 92 Славяне. 1944. № 1. С. 9.
- 93 *Корнеев Н.В.* Военная миссия СССР в Югославии // Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 201.
- 94 Подробнее см.: *Зеленин В.В.* Операция “Ход конем” // Советское славяноведение. 1974, № 3. С. 86–98. Оба летчика и штурман за этот подвиг были удостоены званий Героя Советского Союза и Народного героя Югославии.
- 95 *Минасян М.М.* Указ. соч. С. 415.
- 96 Движение Сопrotивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945 гг. С. 357–358.
- 97 Освободительная миссия советских вооруженных сил на Балканах. С. 168.
- 98 Советская военная энциклопедия. 2-е изд. М., 1990. Т. 1. С. 352.
- 99 *Минасян М.М.* Указ. соч. С. 418.
- 100 Письма Тито Черчиллю от 3 и 9 февраля 1944 г. // *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 19. С. 63; *Jugoslavija za pobjedu i slobodu, 1941–1945*. С. 68.
- 101 *Broz Tito J. Sabrana djela*. Београд, 1985. Т. 21. С. 54.
- 102 Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. М., 1973. С. 285–286.
- 103 См.: *Duretic V. Saveznici i Jugoslovenska ratna drama*. Београд, 1985. Кн. 2. С. 207–208.
- 104 *Ibid.* С. 194, 230.
- 105 *Ibid.* С. 194, 207–208.
- 106 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1962. Т. 4. С. 419.
- 107 Там же. С. 420.
- 108 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 68.
- 109 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 176.
- 110 Банат – историческая область в Юго-Восточной Европе, расположенная между Трансильванскими Альпами на востоке, р. Тиса на западе, Муреш на севере и Дунием на юге. Западная часть Баната входит в состав Воевоины (Югославия), восточная принадлежит Румынии.
- 111 См.: Освободительная миссия советских вооруженных сил на Балканах. С. 176, 177, 179.
- 112 Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость, 1941–1945. М., 1978. С. 140.
- 113 Освободительная миссия советских вооруженных сил во второй мировой войне. М., 1974. С. 223.
- 114 Советская военная энциклопедия. Т. 1. С. 352; Гриф секретности снят... С. 209, 372.
- 115 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 431.
- 116 См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 352, 353–354, 357–358.

СРАЖЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Одновременно с разгромом противника в Румынии, вступлением в Болгарию и проведением Белградской наступательной операции войска Красной Армии, действовавшие на южном крыле советско-германского фронта, приступили к освобождению таких государств Центральной Европы, как Чехословакия, Венгрия и Австрия. Военные действия здесь носили предельно напряженный характер. Накал борьбы определяли не только сложные географические и погодные условия, но главное фанатичное сопротивление противника, ибо эти страны для него являлись мощным арсеналом и последней сырьевой базой, откуда третий рейх черпал вооружение, боевую технику, горючее, продовольствие и другие средства.

Рассматриваемый этап войны отмечен бурными внутрисполитическими событиями в этих странах, которые развертывались на фоне побед советских вооруженных сил. Именно они оказали огромное влияние на активизацию освободительной борьбы народов Европы против немецких оккупантов. При этом различные политические партии и движения стремились использовать приближение или вступление на их территорию войск Красной Армии для реализации своих замыслов.

СЛОВАКИЯ: ВОССТАНИЕ, ПОМОЩЬ СССР, ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ

К середине 1944 г., когда стало уже совершенно очевидно, что конец гитлеровской Германии недалек, сателлиты третьего рейха стали спешно покидать “тонущий корабль”. Не могла не задуматься о будущем и словацкая правящая верхушка, втянувшая страну в войну против СССР. В правительственных кругах все более явственными становились настроения “алибизма”. Часть их, страшась “русской опасности” больше, чем Чехословацкой республики, главным образом католические клерикальные круги”, всячески стремилась установить связь с Западом¹. Посол Германии в Братиславе Людин не исключал возможности таких попыток со стороны президента Словакии Й. Тисо². В информации, подготовленной в июле 1944 г. словацкими коммунистами для московского руководства КПЧ, сообщалось, что “состоятельные слои... обращают свои симпатии к Бенешу и Лондону”³.

Но среди словацкой верхушки были и такие, кто хотел предложить “свои услуги” Москве, в частности военный министр словацкого правительства Ф. Чатлош, имевший определенный авторитет в армии. В меморандуме, направленном советскому правительству и командованию Красной Армии в августе 1944 г., содержалось предложение об антинемецком военном перевороте и установлении просоветской военной диктатуры в Словакии, которая, по словам автора, “нашла бы поддержку и понимание во всех слоях народа”. В качестве посредников Чатлош предлагал словацких коммунистов. Говорилось о “решении внутрисполитических вопросов в соответствии с интересами СССР” и выражалось пожелание прямых контактов словаков и СССР⁴. Чатлош, который пользовался большим доверием Тисо, хотел склонить к поддержке своей акции и президента, но тот решительно отверг намеки такого рода, поскольку “не хотел иметь ничего общего ни с Чехо-

словацкой республикой, ни с самостоятельной Словакией под советским руководством”⁵.

В случае принятия советской стороной предложений Чатлоша события в Словакии могли бы развернуться по аналогии с румынскими. Военный министр, по всей видимости, знал, что в словацких армейских кругах ведется подготовка к выступлению против режима Тисо и предпринимаются попытки скоординировать действия с планами советского военного командования⁶. Однако он, думается, не видел возможности предотвратить эти выступления, кроме как с помощью немцев, а этого Чатлош не хотел, но, главное, стремясь обеспечить себе алиби на будущее и являясь убежденным сторонником словацкой самостоятельности, министр сам собирался возглавить военный переворот.

Руководство нелегальной КПС (К. Шмидке, Г. Гусак, Л. Новомеский), как об этом свидетельствуют документы, вопреки позже возникшей легенде относилось к планам Чатлоша неоднозначно. Считая его политические проекты “абсурдной наивностью”, оно вместе с тем не отвергало возможности прибегнуть к услугам министра в интересах ускорения военных операций Красной Армии и “сплочения всех антинемецких сил”, руководствуясь при этом принципом – “мавр сделал свое дело, мавр может уйти”. Такую позицию по отношению к Чатлошу занимал, по словам Г. Шмидке, и Словацкий национальный совет (СНС)⁷, созданный в декабре 1943 г. как орган по подготовке восстания.

Не исключено, что со стороны коммунистов это отношение обуславливалось не изжитым пока комплексом “советской Словакии”: ведь Чатлош был за самостоятельную Словакию под эгидой Москвы. В упомянутой информации руководства КПС говорилось о всеобщем настроении в Словакии в пользу социалистического решения вопросов по примеру СССР (что вряд ли соответствовало действительности) и желательности объединения ЧСР, если она возникнет, с Россией. Что касается будущего государственно-правового устройства, то предлагались такие варианты: “лучше всего комбинация с СССР, если ЧСР, то национально-федеративная и социалистическая”⁸.

Однако эти идеи не нашли поддержки ни у советского руководства, ни у чехословацких коммунистов в Москве. Немедленная “советизация” территорий, на которые вступала Красная Армия, не входила тогда в официальные планы Сталина, который предпочитал говорить об установлении здесь демократического строя и союзнических отношений с суверенными “малыми” государствами. Для понимания тогдашней позиции советского руководства интересны малоизвестные заметки о разговоре Г. Димитрова, руководившего в это время отделом международной информации ЦК ВКП(б), с лидерами КПЧ. В декабре 1944 г. Димитров рекомендовал им “вопрос о советизации Чехословакии не ставить и пока не гадать о том времени, когда это можно будет сделать”. “Это не так легко, как многие думают”, сказал он, подчеркнув, что “коммунистам надо систематически готовить народ к социализму и советской власти”. “Те люди в Словакии, которые чересчур спешат, что касается советской власти, должны быть попридержаны”, – заметил он и добавил: “Сталин прав, сказав: нужно идти шаг за шагом и прежде, чем сделать следующий шаг, нужно укрепить завоеванные позиции”⁹.

Кроме того, следует иметь в виду, что к этому времени СССР занял твердую позицию признания в отношении ЧСР и президента Бенеша, да и чехословацкое эмигрантское правительство настойчиво требовало, чтобы Москва не вступала в контакты с коллаборационистами¹⁰. Меморандум Чатлоша был оставлен без ответа, хотя его автор, перешедший в начале сентября к повстанцам, а затем переправленный в Москву, в своих собственных показаниях утверждал, что, по сведениям, полученным коммунистами из Москвы, предложенный им план военного сотрудничества словацкой армии с Красной Армией был принят маршалом Жуковым, а политические проекты отвергнуты¹¹.

После оккупации немцами Венгрии в марте 1944 г. по Словакии стали курсиро-

вать слухи о возможном ее захвате, которые особенно усилились летом 1944 г. Это подогрело антинемецкие настроения и одновременно способствовало росту прорусских и прочехословацких симпатий. Сообщения об этом решительном повороте в состоянии умов содержалось во всех сообщениях, идущих из Словакии в Лондон, Москву или Берлин. Одновременно в связи с приближением к границам страны Красной Армии укреплялись позиции коммунистов, росло, особенно среди рабочих и интеллигенции, их влияние и стремление к сотрудничеству с ними. “Никогда коммунисты не были так обхаживаемы чехословакистами и бенешевцами, как в последние полгода, – говорилось в информации руководства КПС. – Каждый хочет заключить с нами соглашение, зазывает и тащит в свои комитеты и группы”¹². Общество пришло в движение, понимая, что лишь пассивного несогласия существующим положением уже недостаточно, чтобы обеспечить свое будущее в послевоенном мире. На повестку дня встал вопрос об активных, вооруженных формах борьбы.

До августа 1944 г. партизанское движение в Словакии не получило значительного размаха. 17 июля 1944 г. Политбюро КП(б) Украины по указанию ЦК ВКП(б) приняло постановление “Об оказании помощи Чехословацкой компартии в организации партизанского движения на территории Чехословакии”. В июле же Украинский штаб партизанского движения (УШПД) начал забрасывать в Словакию специально подготовленные для его развития организаторские группы. Каждая состояла из 10–20 человек, среди которых были как советские, так и чехословацкие граждане. Эти группы и стали кристаллизующим началом создания, причем очень быстрого, партизанских отрядов. По сообщению начальника УШПД генерала Т.А. Строкача в Словакии в конце августа действовало 20 украинских и словацких партизанских отрядов численностью около трех тысяч человек¹³. Кроме того, своих людей на территорию Словакии посылали командующие фронтами и армиями, а также НКВД¹⁴. Вся эта масса людей входила в контакт с населением, без поддержки которого она не могла ни существовать, ни успешно функционировать, усиливая тем самым брожение в обществе. Командиры организаторских групп установили связи с подпольными коммунистическими и военными организациями.

15 августа Н.С. Хрущев сообщал И.В. Сталину о ходе заброски организаторских групп и о том, что они доносят “о благоприятных условиях для развития партизанского движения” в Чехословакии¹⁵ (при этом имелась в виду Словакия. – *Ред.*) Партизан поддерживало не только население, но и некоторые жандармские части, а также местные воинские гарнизоны. Они развернули такую бурную деятельность, что к концу августа в центральной Словакии возникло несколько освобожденных районов. Правда, как считал Г. Гусак, создать их было не особенно трудно: немецких войск в Словакии не было, а местные власти не способны были, да и не хотели, оказывать сопротивление партизанам. “После каждого успеха их аппетит возрастал, – значилось в сообщении Г. Гусака для московского руководства КПЧ о подготовке, ходе и результатах восстания. – Они имели успехи, не имея врага, так как словаки ничего против них не предпринимали, а из немцев там были только гражданские”¹⁶. Случались и кровавые расправы над немецким населением.

Между тем продолжалась проводимая СНС подготовка восстания. Его организаторы ожидали вестей от направленной в Москву делегации СНС и были чрезвычайно обеспокоены партизанской активностью, которая могла вызвать преждевременную реакцию нацистов и тем самым реализацию менее благоприятного варианта начала восстания, т.е. до согласования действий с Красной Армией. Личные встречи Г. Гусака и руководившего подготовкой восстания в словацкой армии подполковника Я. Голиана с командиром одного из наиболее активных отрядов Величко, а также обращенные к эмигрантскому правительству в Лондоне просьбы Голиана повлиять через Москву на партизан не возымели успеха: они находились в подчинении УШПД и выполняли его указания.

Нацисты были весьма обеспокоены развитием событий в Словакии – ведь она являлась прифронтовым тылом отступавшей немецкой армии – и бессилием ее правительства навести “порядок и спокойствие” в стране. 28 августа Людин, получив приказ из Берлина, посоветовал Тисо обратиться за помощью к Германии, и тот принял это предложение. 29 августа гитлеровцы начали оккупацию Словакии, войска наступали с трех сторон – с территории протектората Чехия и Моравия, Польши и Австрии.

30 августа Голиан отдал приказ о начале вооруженной борьбы против немецких оккупантов. Восстание началось. Центром его стал г. Баньска Быстрица. Повстанческая территория ограничилась срединной Словакией. Крупнейший братиславский гарнизон был в первые же дни оккупации разоружен немцами. Западная Словакия участия в восстании не принимала. Более того, полным ходом шла работа на расположенных здесь военно-промышленных предприятиях. В самом начале восстания нацисты обезоружили и две восточнословацкие дивизии, на которые повстанцы возлагали большие надежды. Словацкий историк Й. Яблоницкий утверждает, что это не было связано с подготовкой восстания, а явилось результатом событий в Румынии и того, что словацкая армия не выступала энергично против партизан¹⁷. Часть их личного состава была интернирована и направлена в концлагеря, часть перешла к повстанцам, пополнив армейские подразделения, часть направилась в горы и присоединилась к партизанам, а часть просто разошлась по домам. Все это не могло не нарушить планы организаторов восстания, ослабив его вооруженные силы.

30 августа чехословацкое правительство в Лондоне обратилось ко всем словакам, чехам и народу Подкарпатъ с призывом поддержать восстание¹⁸. В словацком национальном восстании (СНВ) участвовали социальные и политические силы, единые в негативном отношении к тисовскому режиму и его нацистским покровителям, но весьма различные в своем представлении о будущем. Сходство было в одном: восстановленная республика не должна быть копией домюнхенской ЧСР. Но если левые силы, представленные коммунистами и левыми социал-демократами, не отказывались в перспективе от осуществления социалистической программы и признали лишь необходимость ее поэтапной реализации, то их партнеры – соперники по борьбе, объединившиеся в “гражданский блок” (здесь были представлены все довоенные политические партии, кроме коммунистов), выступали за режим “усовершенствованной демократии”, что предполагало более или менее глубокую модификацию довоенной общественной системы. Поэтому коммунисты, осуществляя первый этап своей программы, руководствовались, по словам Гусака, тезисом “как можно больше нового и как можно меньше старого”. В упомянутом выше документе, доставленном в Москву К. Шмидке, говорилось: “Для коммунистов – приказ дня: не предать собственную программу ни социальную, ни национальную, ни политическую. И не упустить первой возможности”¹⁹. Такой шанс для начала реализации программы коммунистам давало восстание, которое не без оснований в историографии называлось началом национальной и демократической революции в Чехословакии. Их же партнеры, предпочитая эволюционные способы преобразования общества и исходя из обратного – меньше нового, больше старого, – выступали в качестве “тормоза” иницируемого коммунистами движения за глубокое вторжение в общественные порядки.

1 сентября 1944 г. был легализован СНС, в состав которого вошли представители всех более или менее активно действовавших политических сил. Сопредседателями совета стали К. Шмидке и пробенешевски настроенный словацкий политический деятель В. Шробар. Состав совета во время восстания имел тенденцию к расширению и достиг в конце концов 50 человек, из которых 24 были коммунистами²⁰.

Совет, который взял на себя “всю законодательную и исполнительную власть, а также оборону Словакии”²¹, создал и свое правительство – Корпус уполномочен-

ных (КУ), состоявший из 9 ведомств, руководивших различными областями общественной жизни. За 2 месяца восстания СНС издал весьма значительное для такого срока количество распоряжений – 39²², но, как писал впоследствии Гусак, “решались лишь те вопросы, без которых нельзя было обойтись и по которым можно было договориться”²³.

Однако возникали и такие вопросы, по которым достичь договоренности не удавалось, например, важнейший для судеб восстания вопрос о взаимоотношении партизан и армии. С самого начала эмигрантское правительство и руководство повстанческой армии считали необходимым установить единое командование и подчинить ему партизанские отряды. С точки зрения военных успехов восстания, т.е. главного в ту пору, сделать это было нужно, но коммунистов не оставляли политические соображения: они опасались остаться без “собственных” вооруженных сил. Партизанское движение, по словам Гусака, “считалось армией партии, коммунистической армией”*, противостоявшей “буржуазно ориентированной” регулярной армии и ее командованию²⁴. Созданный для координации действий армии и партизан орган – Совет обороны Словакии – на практике оказался неэффективным, став “местом дискуссий” и обсуждений жалоб сторон.

Вступивший 7 октября 1944 г. в командование повстанческой армией генерал Р. Виест (по дороге в Словакию через СССР он посетил штаб 1-го Украинского фронта) также пытался решить вопрос о едином командовании вооруженными силами повстанцев. Видимо, с И.С. Коневым у него была достигнута договоренность на этот счет, так как именно 7 октября Конев приказал командирам партизанских бригад и отрядов Величко, Сечанскому, Егорову, Валянскому, Козлову, Белик и начальнику оперативной группы полковнику А.Н. Асмолову “в целях объединения всех вооруженных сил Средней Словакии для борьбы с немецкими захватчиками” войти в оперативное подчинение командующего 1-й Словацкой армией генерал-лейтенанта Виест. Вместе с тем, “по вопросам организационного и политического руководства” им следовало “выполнять указания оперативной группы штаба партизанского движения полковника Асмолова, который будет получать в этой части указания от военного совета 1-го Украинского фронта”²⁵.

Руководство КПС да и партизанские командиры отвергли такое подчинение. К. Шмидке направил 2 телеграммы Г. Димитрову, где снова настаивал лишь на координации действий и расценивал приказ Конева как “неправильный”, как “вмешательство в компетенцию Словацкого национального совета”. Конфликт дошел до Сталина, которого Конев просил 12 октября поддержать его точку зрения, “дабы избежать разнобоя в организации вооруженной борьбы против немцев”. Он писал, что его приказ “встретил возражения со стороны членов ЦК компартии Чехословакии Сланского и Шмидке”. Они считают, что “Виест назначен Лондоном и подчинять ему партизанские отряды, как буржуазному руководству, нецелесообразно”. Далее подчеркивалось, что “партизанские отряды, действовавшие в Западной и Восточной Словакии, т.е. вне повстанческого района, подчинены полностью штабу партизанского движения фронта” и что “Военный совет фронта до сих пор не вмешивался в политическую деятельность повстанческого района Средней Словакии”. “По данному вопросу прошу Вашего разрешения”²⁶, – заканчивает письмо Конев. К обсуждению вопроса было подключено московское руководство КПЧ, и, в конце концов, возобладал политический подход к его решению, о чем сообщил секретарь КПЧ К. Готвальд в Баньску Быстрицу²⁷. Согласованности действий армии и партизан так и не удалось достигнуть.

* Анализ, проведенный словацким исследователем Я. Шымовчком, показал, что среди партизан Словакии – чехословацких граждан рабочих было 59,09%, за ними шли чиновники – 8,6, группа “прочие”, где основную массу составляли студенты и учащиеся, – 6,9. мелкие предприниматели – 6,55, крестьяне – 6,53, военнослужащие – 4,69, государственные служащие – 4,64, лица свободных профессий – 2,09, учителя – 0,91%. См.: Гусак Г. Свидетельство о Словацком Национальном восстании. М., 1969. С. 470–471.

Не было единства и в самом партизанском движении, хотя 16 сентября был создан его Главный штаб (ГШПД) во главе со Шмидке. После начала восстания партизанские отряды сильно увеличились в количественном отношении. Как сообщал 10 сентября Т.А. Строкач Н.С. Хрущеву, на территории Словакии действовали и поддерживали связь с УШПД 7 партизанских бригад, 2 соединения и 7 отрядов общей численностью 15 153 человека²⁸. Всего же в партизанских частях находилось около 20 тыс. человек.

ГШПД, по словам Гусака, был “неповоротливым институтом”, приказы которого признавались партизанскими отрядами и их командирами только тогда, “когда им это подходило”. Дело в том, что большинство партизанских формирований по-прежнему находилось в подчинении УШПД и выполняло его приказы. Отсутствие единого партизанского командования, конечно же, отражалось на боевых действиях этой части вооруженных повстанческих сил. Так, большинство партизан (70–75%)²⁹ во время восстания находились на освобожденной территории и “держали фронт” совместно с армией. Все попытки УШПД, ГШПД, КПС, СНС, командования повстанческой армии заставить партизан перебазироваться в тыл оккупационной немецкой армии ни к чему не привели. Ничего в этом плане не изменилось и с прибытием в Словакию в конце сентября представителя УШПД полковника Асмолова, который стал заместителем Шмидке в ГШПД.

У повстанческой армии имелись и свои проблемы, не хватало оружия, было мало способных и опытных офицеров, значительную часть личного состава составляли плохо обученные и призванные по мобилизации резервисты. Помимо этого, командование армии постоянно “лихорадило” от двойного подчинения. Вынужденное выполнять приказы СНС и эмигрантского правительства, оно лавировало, колебалось и часто не могло действовать решительно.

В конце сентября руководство КПС и Президиум СНС, считая командование повстанческой армии неспособным выполнять возложенные на него задачи, обратилось в Москву, к Готвальду, Димитрову, послу ЧСР в СССР Э. Фирлингеру с просьбой ходатайствовать перед советским правительством и маршалом Коневым о направлении опытных советских офицеров для руководства повстанческой армией. Однако это предложение не было принято советской стороной, как полагал Гусак, из-за опасения осложнения отношений с чехословацким правительством³⁰.

Все это, естественно, неблагоприятно отразилось на ходе восстания, ослабляло надежды на его успешный исход. В сентябре сложилось определенное равновесие сил между повстанцами и оккупантами. На стороне первых был количественный перевес, поддержка населения освобожденных территорий, энтузиазм начального периода открытой борьбы, вера в ее справедливость и скорую помощь извне. На стороне вторых – лучшая техническая оснащенность, опыт ведения боевых действий, помощь официальных словацких властей. Сначала нацисты полагали, что подавление “банд” будет иметь характер обычной полицейской карательной акции, руководителем которой был назначен генерал СС Бергер. Однако в течение месяца восстание подавить не удалось, и в конце сентября Бергер был заменен генералом Хефле, от которого Гитлер требовал решительных действий. Укрепив подчиненные ему силы новыми армейскими частями и разработав план захвата повстанцев “в котел”, Хефле готовился нанести им окончательный удар. Надежды на помощь восстанию со стороны Красной Армии не было: она находилась еще далеко, пробиваясь с тяжелейшими боями через карпатские перевалы на территорию Словакии.

Между тем и в этой сложной, по существу прифронтовой, обстановке на освобожденной территории страны шла активная политическая жизнь. Соперники собирали силы для обеспечения себе лучших условий в будущей схватке за власть. Особенно деятельной была вышедшая из подполья КПС, действительно единственная хорошо организованная политическая сила³¹. КПС укрепила свои позиции,

объединившись на идейной платформе марксизма-ленинизма с социал-демократией (съезд состоялся 17 сентября) и сохранив свое название.

В октябре 1944 г. на съезде заводских комитетов в Подбрезовой было объединено и профсоюзное движение³². Для его атмосферы характерен эпизод, о котором вспоминал Гусак. Когда в его докладе речь зашла о восстановлении ЧСР, из рядов делегатов раздались возгласы: “Мы хотим не ЧСР, а присоединения к СССР”, которые поддержал аплодисментами почти весь зал. Докладчику в конце концов удалось убедить делегатов в правильности позиции партии³³, но сам он, думается, с трудом отказывался от идеи включения Словакии в состав СССР. Менее чем за месяц до этого, 24 сентября 1944 г., Гусак писал в журнале “Нове слово”: словацкий народ с радостью приветствовал бы, “если бы между нами и остальными славянскими народами, особенно между словаками и русскими, не существовали границы и таможи, если бы словацкий человек своей родиной считал не только территорию от Аша до Ясины, но и от Аша до Владивостока”³⁴.

Не только компартия готовила себе надежный идейно-организационный плацдарм для успешной реализации своих замыслов в будущем. Постепенно стал организационно оформляться и “гражданский блок”, выступив с идеей создания Демократической партии (ДП) и опубликовав ее программные принципы. Она должна была объединить представителей всех политических партий довоенной Словакии, кроме КПС и Глинковской словацкой народной партии (ГСНП), являвшейся опорой режима Тисо. Слабыми сторонами нового политического образования были его неоднородность и, по существу, верхушечный характер. С точки зрения наших сегодняшних представлений программа ДП³⁵ была весьма прогрессивной и шла в русле размышлений о совершенствовании либеральной демократии, характерных для западноевропейского общества в годы войны.

Ведущее положение в формировавшейся партии занимала группа аграриев во главе с Я. Урсини (он стал председателем) и Й. Леттрихом. Почетным председателем ДП был В. Шробар. Таким образом, во время восстания в Словакии были заложены основы двухпартийной политической системы. Коммунистам казалось это выгодным, так как в ту пору они ощущали себя гораздо более сильными, чем ДП.

В октябре повстанцы продолжали борьбу, хотя теперь уже без энтузиазма первых дней и без особой надежды на успех. В середине октября Хефле начал решительное наступление на Баньску Быстрицу, которое закончилось ее падением 27 октября 1944 г. Те, кто не был взят в плен и остался в живых, либо ушли в горы, чтобы продолжать там борьбу партизанскими методами, либо разошлись по домам. Гусак утверждал, что, согласно немецким данным, было пленено 15 тыс. словацких солдат и офицеров, 15–20 тыс. ушли в горы, большинство из них скрылись в деревнях и разошлись по домам³⁶. Отступление повстанческой армии было хаотичным и сумбурным. Многие части не получили последний приказ Виеста о добровольном переходе на партизанский способ ведения войны. Виест и Голиан были пленены, отправлены в Берлин и там казнены. Впоследствии Хефле утверждал: “Повстанческая армия генерала Виеста и его начальника генерального штаба Голиана до самого конца сражалась доблестно – я должен это констатировать к их чести как командующий тогда неприятельскими силами и в интересах исторической правды”³⁷.

В тот период, как говорится “по горячим следам”, посланник Чехословакии в СССР З. Фирлингер доносил в Лондон: “Словацкое восстание выполнило свою политическую и военную задачу, поскольку вызвало у немцев панику и лишило их важных коммуникаций”³⁸. А в настоящее время радикально-националистические круги в Словакии пытаются ревизовать утвердившуюся оценку СНВ, сменив плюс на минус. Они отрицают необходимость и значимость восстания, считая его незаконной попыткой свержения легитимного режима в Словакии.

После падения Баньской Быстрицы началась партизанская война в словацких горах, которую пытался как-то организовать и направлять ГШПД, возглавляемый

А.Н. Асмоловым. Согласно донесению штаба 1-го Украинского фронта в Генштаб Красной Армии 16 ноября на территории Чехословакии действовало 30 партизанских бригад, соединений и отрядов общей численностью около 12 тыс. человек. Большая их часть находилась в Словакии, а самые крупные, под командованием Величко, Егорова, Попова и др., двигались в направлении Праги, Брно, Моравской Оставы³⁹.

8 декабря Асмолов издал приказ о переходе всех партизанских сил к активной борьбе против оккупантов, о подготовке “широкого вооруженного восстания к моменту подхода Красной Армии”, о “беспощадной борьбе с предателями и изменниками как из среды населения, так и партизан, солдат и офицеров, перешедших на службу к немецким захватчикам”. Всем партизанским частям категорически запрещалось уходить из установленных им районов действия на восток с целью соединения с частями Красной Армии⁴⁰.

Но в тех конкретных условиях, когда десятки тысяч людей, оказавшихся зимой в горах без продовольствия, одежды, жилья, а зачастую и оружия, вынуждены бороться за выживание, возможность подготовки нового массового восстания оказалась иллюзорной. В течение декабря 1944 – января 1945 г. шли переформирования партизанских частей (создавались более мелкие отряды в 100–200 человек), их передислокация, переподчинение (они передавались партизанскому штабу 4-го Украинского фронта), с помощью опытных советских партизанских командиров проводилась работа по организации огромных масс людей, не имевших навыков ведения “нерегулярной” войны. Несмотря на колоссальные трудности, борьба в горах продолжалась, сковывая немецкие войска и дезорганизуя нацистский тыл, а также не позволяя братиславскому правительству восстановить свои “порядки” в районах, освобожденных, по выражению Тисо, от “чехо-большевистских банд”. Можно согласиться с Гусаком, утверждавшим: “Не было поражения и не было победы в Словакии”⁴¹.

Вместе с отступавшими в горы ушли и партийные функционеры, которые были тесно связаны с партизанскими отрядами и постепенно создавали сеть партийных организаций, занимаясь не только политико-просветительной работой, но и подготовкой к деятельности на освобождаемой Красной Армией территории Словакии. ГШПД разработал и инструкцию о деятельности коммунистов и создании организаций КПС в партизанских отрядах. Образование ячеек других партий не допускалось⁴². “Наставниками” коммунистов при этом часто являлись советские командиры, которые делились с ними не только опытом организации партизанской войны, но и давали советы относительно налаживания новой жизни по советскому образцу⁴³. Активнейшая сила Словацкого национального восстания готовилась, спустясь с гор, начать новую борьбу, теперь уже борьбу за власть со своими бывшими сторонниками. Естественным классовым союзником словацкие коммунисты считали Красную Армию, в которой они видели гарант победы над фашизмом, установления прочного мира и строительства новой, лучшей, социалистически ориентированной жизни в Словакии. Эти представления коммунистов, безусловно, разделяла часть населения. Какая? Сказать трудно, очевидно, прежде всего среди рабочих и в какой-то мере среди интеллигенции.

Документы свидетельствуют, что русофильские, а в конкретных условиях конца войны и советофильские настроения получили в Словакии весьма широкое распространение и стали основой, по меньшей мере, лояльного, а зачастую и восторженно-гостеприимного отношения к советским солдатам. Тех, кто опасался прихода Красной Армии, было значительно меньше. К ним относились активные приверженцы тисовского режима, который так и не пошел на официальный разрыв с гитлеровской Германией. Й. Тисо перед приходом Красной Армии в Братиславу бежал с группой своих единомышленников в Австрию, сдался американским военным властям, рассчитывая на менее суровую, чем советская, оценку своей деятельности в годы войны. В конце октября 1945 г. Й. Тисо и сопровождавшие его лица

были переданы чехословацким властям. В начале 1947 г. Й. Тисо был судим и по настоянию коммунистов, поддержанных большинством чехословацкого правительства и Бенешем, как военный преступник приговорен к смертной казни, которая и свершилась в апреле 1947 г. Сейчас справедливость этого приговора подвергается сомнению частью словацких исследователей⁴⁴.

31 августа посланник Чехословакии в СССР З. Фирлингер и начальник чехословацкой военной миссии в Советском Союзе генерал Г. Пика обратились к советскому правительству с просьбой оказать срочную помощь восставшему словацкому народу⁴⁵. На другой день, когда Словацкий национальный совет (СНС) объявил о взятии в свои руки законодательной и исполнительной власти, командование 1-го Украинского фронта докладывало И. Сталину о целесообразности “провести совместную операцию левым флангом 1-го Украинского и правым флангом 4-го Украинского фронтов для входа на словацкую территорию”. Предлагалось нанести удар в направлении Кросно–Дукла–Тынява, а операцию начать через 7 дней⁴⁶.

Советское руководство, основываясь на заключенном 8 мая 1944 г. соглашении с чехословацким правительством “Об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления войск Красной Армии на территорию Чехословакии”, по просьбе чехословацкой стороны от 31 августа, сразу же отреагировало на события в Словакии. Оно распорядилось немедленно начать подготовку специальной наступательной операции и одновременно помочь повстанцам материальными средствами по воздуху. Уже 5 сентября на словацкий аэродром “Три дуба” у г. Зволен приземлились первые самолеты с оружием и боеприпасами. В сентябре–октябре советские транспортные самолеты доставляли сюда необходимые повстанцам материалы.

Следует отметить, что советское командование уделяло пристальное внимание Чехословакии: привлекало расположение ее территории в Центральной Европе. Дело в том, что эта страна, вытянувшись узкой полосой в широтном направлении почти на 800 км, вклинивалась в южные районы Германии на глубину до 160 км. Это обстоятельство давало возможность Красной Армии нанести удар отсюда прямо в подбрюшье третьего рейха. По этим соображениям 29 августа, т.е. еще до начала Словацкого восстания, Ставка повернула войска правого крыла 2-го Украинского фронта на северо-запад для нанесения удара в тыл карпатской группировке противника и выхода в Словакию со стороны Трансильвании. Однако прежде чем достигнуть Словакии, войскам фронта предстояло пройти с боями свыше 600 км и затратить значительное время.

Возможность использования советскими войсками чехословацкого стратегического направления для удара по территории Германии учитывало и руководство вермахта. И, чтобы не допустить этого, гитлеровцы создали здесь мощную оборону и развернули довольно крупную группировку войск. Основу обороны составляла довоенная система долговременных фортификационных сооружений, оборудованная в приграничных районах Чехословакии. В свое время по вине мюнхенских “миротворцев” ее сдали Германии без единого выстрела. И вот теперь, с приближением советских войск к границам страны, немцы модернизировали существовавшие и построили много новых оборонительных сооружений. Особенно плотно ими были насыщены и одновременно прикрыты сплошным, многослойным и многоярусным огнем всех видов подступы к Чехословакии с востока, со стороны Карпат. При этом оборона данного направления была эшелонирована на глубину до 60 км.

Здесь было развернуто 19 дивизий 1-й немецкой танковой и 1-й венгерской армий, объединенных в армейскую группу “Хейнрици” и входивших в состав группы армий “Северная Украина” (с 29 сентября группа армий “А”) под командованием генерала Й. Гарпе. В начале сентября данная группировка насчитывала около 300 тыс. солдат и офицеров, 3250 орудий и минометов, 100 танков и 450 боевых самолетов⁴⁷. И разумеется, когда в тылу этих войск началось восстание, гитлеровцы

приняли все меры, чтобы немедленно задушить его. Для борьбы с повстанцами они бросили 8 дивизий, танки и самолеты⁴⁸.

Перед Ставкой ВГК, разрабатывавшей замысел наступательной операции с целью оказания помощи Словацкому национальному восстанию, встала дилемма: продолжать глубокий обход карпатской группировки с юга, начатый войсками правого крыла 2-го Украинского фронта, или нанести по ней удар с востока. С оперативной точки зрения первый путь являлся наиболее обоснованным, рациональным. Но на его реализацию уходило много времени. Второй же вариант требовал огромной затраты сил и сулил значительные издержки. Однако руку помощи словакам здесь можно было протянуть быстрее, чем с юга. И это соображение оказалось самым важным, так как восставшие несли большие потери и нуждались в быстрой помощи. Фактор времени продиктовал решение на нанесение удара в Карпатах.

2 сентября Ставка ВГК дала указание командующим 1-м и 4-м Украинским фронтами о проведении Карпатско-Дуклинской операции. Замысел предусматривал нанесение главного удара на стыке этих фронтов в общем направлении на г. Прешов (административный центр Восточной Словакии) с целью прорыва обороны противника в Восточных Карпатах, преодоления перевалов и соединения частей словацкой армии, участвовавших в восстании, и партизан. Начало наступления планировалось на 8 сентября⁴⁹.

Подробный план операции, представленный маршалом Коневым Сталину и Жукову уже 3 сентября, предусматривал выход частей Красной Армии на словацкую границу уже на третий день боевых действий, а на пятый – овладение г. Стара Любавна и Прешов⁵⁰.

Наступавшим советским войскам должны были содействовать части словацкой армии и партизаны ударами по врагу с тыла. По согласованию руководителей восстания с командованием восточнословацкого корпуса последнему ставилась задача захватить важнейшие горные перевалы и обеспечить проход через них советских войск. Но, как уже говорилось выше, две восточнословацкие дивизии были разоружены немцами. 5 сентября Ставка дала указание 2-му Украинскому фронту нанести удар с юга, овладеть Трансильванскими Альпами и выйти к Сату-Маре (70 км южнее Мукачево) для того, чтобы помочь 4-му Украинскому фронту перейти Карпаты и взять район Ужгорода.

Командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев привлек к операции 38-ю армию, 1-й гвардейский кавалерийский и 25-й танковый корпуса, часть сил 2-й воздушной армии, а командующий 4-м Украинским фронтом генерал И.Е. Петров выделил 1-ю гвардейскую и 18-ю армии. Подготовка операции была связана с большими трудностями. Войска, лишь 29 августа завершившие полуторамесячную Львовско-Сандомирскую наступательную операцию, имели изрядный некомплект личного состава, материально-технических средств и нуждались в отдыхе. Кроме того, у них не было опыта ведения наступления в горах. Командирам и штабам потребовались значительные усилия, чтобы в сжатые сроки провести необходимые подготовительные мероприятия и перегруппировки. К началу операции войска насчитывали 246 тыс. человек, 5140 орудий и минометов, 322 танка и САУ, 1156 самолетов⁵¹. Уступая противнику по количеству людей в 1,2 раза, они превосходили его по артиллерии в 1,5, по танкам и САУ в 3,2 и по самолетам в 2,5 раза. Наступление войск 1-го Украинского фронта началось 8 сентября, а 4-го Украинского – днем позже.

38-я армия, наступая с рубежа, проходившего через польские города Кросно и Санок, в первый же день прорвала главную полосу обороны. Для развития успеха ее командующий генерал К.С. Москаленко ввел в сражение подчиненный ему 1-й Чехословацкий армейский корпус под командованием Л. Свободы и подвижные соединения. Однако сопротивление противника к этому моменту заметно возросло. Стремясь остановить наступление, немцы перебросили против 38-й армии четыре

дивизии и отдельные части, в том числе и из Словакии. Заняв вторую полосу обороны в 6–12 км от первой полосы, противник 9 сентября воспрепятствовал продвижению частей армии. В связи с этим маршал Конев передал генералу Москаленко из своего резерва 4-й гвардейский и 31-й танковые корпуса. Получив такое усиление, армия прорвала вторую полосу обороны врага и к исходу 14 сентября продвинулась на 23 км.

Соединения 38-й армии приближались к Дукельскому перевалу, который был очень сильно укреплен. Чтобы избежать фронтальных атак и выйти в тыл оборонявшемуся здесь противнику, генерал Москаленко распорядился перенести усилия с правого фланга армии на левый, и с утра 15 сентября наступление возобновилось. Однако ожидаемого результата получить не удалось. Немецкое командование, стремясь еще более усилить оборону перевала, подтянуло свежие войска. В ходе тяжелых 10-дневных боев соединения армии смогли продвинуться все-го до 20 км.

17 сентября Конев отправил донесение Сталину и Жукову, в котором объяснялись причины затяжного характера операции: недостаточное количество сил и средств; горный характер местности, что не позволило “со всей эффективностью в начале операции после совершенного прорыва использовать танковые и кавалерийские войска”; неприспособленность нашей пехоты вести бои в горах; переброска противником значительных сил в целях противодействия 38-й армии; слабая материальная обеспеченность операции, поскольку “фронт считается в обороне”; малочисленность пехоты (“операцию 38-я армия начала при укомплектованности дивизии 4,5–5 тыс. За время операции армия потеряла около 20 тыс. человек, дивизии стали насчитывать 3–3,5 тыс. человек”), мало танков (“привлеченные для операции три танковых корпуса, в среднем по 60 танков на корпус, были укомплектованы почти исключительно бывшими в ремонте танками, которые в условиях гор быстро выбывали из строя и разбивались огнем противника. Потери в танках около 150 штук”).

Подчеркивая далее, что словацкое направление является для фронта второстепенным (главное – на Краков и севернее), Конев писал, что не имеет возможности выделить для продолжения операции 38-й армии дополнительные силы и средства за счет главного направления. “В этих условиях, – считал командующий 1-м Украинским фронтом, – вытекает необходимость или прекратить операцию 38-й армии, или, если будет Ваше решение, продолжить операцию, выделив необходимые силы и средства⁵²”.

Операция была продолжена, и, преодолевая сильнейшее противодействие врага, части Красной Армии 6 октября овладели Дукельским перевалом и вступили на территорию Словакии. Однако тяжесть боев не спала. Противник отчаянно сопротивлялся, используя выгоды местности и крепость оборонительных сооружений. В то же время наступательные возможности армии неуклонно снижались. В итоге за последние 22 дня операции ее части продвинулись к западу и юго-западу от перевала лишь на 15–20 км. На подступах к долине р. Ондава армия была остановлена.

Левее с такими же напряженными боями наступали войска 4-го Украинского фронта. За каждую высоту, за каждый пункт 1-й гвардейской армии под командованием генерала А.А. Гречко приходилось вести кровопролитные схватки с врагом. И тем не менее ее части 20 сентября пересекли польско-чехословацкую границу и первыми вступили в пределы Чехословакии. К концу сентября армия выдвинулась к перевалам, захват которых давал возможность развить наступление на словацкий г. Прешов и выйти на фланги противника. Но германское командование, чтобы задержать наступление советских войск, перебросило на прешовское и ужгородское направления до пяти пехотных дивизий, сняв их с фронта перед 18-й армией и 17-м гвардейским стрелковым корпусом⁵³. В этой ситуации войска 18-й армии под командованием генерала Е.П. Журавлева, используя ослабление обороны

противника и применив глубокий обход, 9 октября преодолели Главный Карпатский хребет. Части 17-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал А.И. Гаспилович, вклинились в Керешмезский (Ясиновский) укрепленный район, но осуществить прорыв не смогли: венгерские дивизии упорно обороняли его позиции.

Между тем к 15 октября войска правого крыла 2-го Украинского фронта, успешно продвигаясь по Трансильвании, создали угрозу тылу 1-й венгерской армии, оборонявшей Карпатский хребет. Опасаясь окружения, противник был вынужден оставить Керешмезский укрепленный район и начать отвод своих войск на запад. 17-й гвардейский стрелковый корпус незамедлительно перешел в преследование и во взаимодействии с 40-й армией 2-го Украинского фронта 18 октября овладел г. Сегет на р. Тиса, а 23 октября взял г. Хуст. 18-я армия, овладев Ужокским, Верецким и Вышковским перевалами, продвинулась в глубь Чехословакии от 20 до 50 км. Развивая наступление, ее части 27 октября взяли г. Ужгород.

Последующие действия войск генерала Гречко на территории Чехословакии были безуспешными. Их многочисленные попытки сломить сопротивление противника и продвинуться в глубь страны оказались бесплодными. В связи с этим командующий 4-м Украинским фронтом приказал 1-й гвардейской армии прекратить наступление на всем фронте.

28 октября войска 1-го и 4-го Украинских фронтов завершили Восточно-Карпатскую операцию. Чтобы остановить их наступление, германское командование вынуждено было дополнительно перебросить к Карпатам 15 дивизий, снятых с других участков фронта и из Словакии. Оттянув на себя крупные силы противника, советские войска оказали прямую помощь Словацкому национальному восстанию. В ходе операции впервые в истории войн большие массы войск преодолели такое мощное препятствие, как Карпатские горы.

Храбрость, мужество и самопожертвование советских воинов во многом решили успешный исход операции. Важную роль сыграло и умелое руководство войсками. В нем можно выделить два момента. Во-первых, организованное Ставкой ВГК взаимодействие между фронтами, когда два из них наступали на неприятеля с востока, а один с юга, совершив для этого глубокий обход Карпатских гор. Во-вторых, высокая личная подготовленность многих генералов и офицеров. Так, например, опыт русского генерала И.Е. Петрова, родившегося на Брянщине, два десятка лет осваивавшего способы боевых действий в горах Памира и Тянь-Шаня, получившего боевую практику в горах Крыма и Кавказа, самым положительным образом сказался на результатах наступления войск 4-го Украинского фронта в Карпатах.

Советские войска разгромили 6 вражеских дивизий, взяли в плен 31 360 солдат и офицеров, в том числе командующего и начальника штаба 1-й венгерской армии, захватили 912 орудий и минометов, 40 танков и штурмовых орудий⁵⁴.

Однако следует напомнить, что войска 1-го и 4-го Украинских фронтов, в конце августа завершившие наступательные операции и потерявшие в них немало людей и вооружения, уступали противнику в живой силе в 1,2 раза. Из-за малочисленности они в тот момент предназначались для решения оборонительных задач. Но их бросили на прорыв сильнейшей обороны врага, чтобы оказать помощь восставшим словакам. При этом они не получили ни достаточного времени на подготовку к наступлению, ни необходимого количества боеприпасов и других материальных средств. В результате наступавшие советские войска потеряли 126,2 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, или 34,1% личного состава, имевшегося к началу операции⁵⁵. Если сравнить эти цифры с числом участников Словацкого национального восстания (их было примерно 75–80 тыс. человек), то окажется, что в Восточно-Карпатской операции потеряно солдат и офицеров Красной Армии гораздо больше, чем было самих повстанцев!

Как видим, цена помощи Советского Союза словакам оказалась чрезвычайно высокой. Нелишне напомнить и то, что только благодаря наступлению советских войск через Карпаты, которое оттянуло на себя крупные силы противника, повстанцы смогли сражаться с немцами в течение двух месяцев. Следует также отметить, что переговоры с Западом о возможной поддержке чешского и словацкого Сопротивления, начатые еще до начала восстания, окончились неудачей, поскольку условия ее осуществления оказались неприемлемыми для чехословацкого эмигрантского правительства⁵⁶. И наоборот, условия соглашения о сотрудничестве с Советским Союзом явились очень выгодными. Посему и помощь повстанцам людьми, оружием, боеприпасами, медикаментами и т.п. шла исключительно из СССР.

В те дни посол Чехословацкой республики в СССР З. Фирлингер в телеграмме министру иностранных дел чехословацкого правительства сообщал: «Советы сделали для Словакии все, что было в их силах. Наступление на Карпаты было предпринято по нашей просьбе и означает тяжелые потери для Красной Армии... Поставки оружия в Словакию продолжают. Были переброшены также наш первый авиационный полк и, вероятно, уже вся наша вторая бригада. При тех же средствах транспорта, которыми располагали Советы, это является значительным достижением...»⁵⁷

К сожалению, через полвека после восстания не все в Словакии помнят об этом, а многие стремятся предать забвению не только благородный подвиг советских солдат, но и полученную из СССР помощь. Более того, рассматривая причины поражения повстанцев, некоторые словацкие исследователи видят их корень в том, что, мол, Советский Союз не оказал восставшим максимально возможную помощь оружием, что поставки его могли быть и более масштабными. В связи с этим заметим, что, во-первых, СССР, который уже четвертый год вел тяжелейшую войну, сам находился в трудном положении. Во-вторых, транспортные самолеты того времени – Ли-2 (ПС-84) имели небольшую грузоподъемность (порядка 2 тыс. кг). Это требовало привлечения к перевозкам значительного количества самолетов и совершаемых ими рейсов к повстанцам. Кроме того, не все сброшенное с самолетов было учтено и попало в руки инсургентов. В-третьих, судя по известным документам, запросы руководителей восстания относительно поставок им оружия и других средств, передаваемые советскому командованию через генерала Пика, часто были весьма завышенными и не могли быть удовлетворены полностью по объективным причинам. Вместе с тем, как свидетельствуют те же документы, все заявки рассматривались и выполнялись в срочном порядке.

Следовательно, полностью обеспечить потребности восставших, используя лишь транспортную авиацию, Советский Союз просто не мог. Поэтому переброшенного в Словакию оружия действительно оказалось недостаточно, что, в свою очередь, безусловно повлияло на ход борьбы. Вместе с тем возникает вопрос: была ли в состоянии наспех собранная, плохо обученная, не имеющая тяжелого вооружения и слабо управляемая повстанческая армия успешно противостоять хорошо подготовленным, опытным, дисциплинированным частям вермахта, поддерживаемым танками, артиллерией и авиацией? Ответ на этот вопрос может быть только один – нет, не могла. Повстанцы не удержались бы и в том случае, если бы оружия им было сброшено в 2–3 раза больше, чем в действительности. Они еще не умели по-настоящему воевать. Им оказалось не под силу даже организовать взаимодействие между повстанческой армией и партизанами. Единственное, что их могло тогда спасти, – это вступление на территорию страны Красной Армии. Но ее войска не были еще готовы к быстрому прорыву сильной обороны противника в горах. Таким образом, главными причинами неудач восстания следует считать не мелкомасштабность поставок оружия из СССР, а недостаточную подготовленность восстания Словацким национальным советом и несвоевременность его начала.

ВЕНГРИЯ: ОБСТАНОВКА, ОПЕРАЦИИ, КАПИТУЛЯЦИЯ

До декабря 1944 г. Венгрия являлась королевством без короля. Государством управлял временный правитель, бывший контр-адмирал М. Хорти, провозглашенный в 1920 г. регентом. В 1939 г. Венгрия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, а затем и к Берлинскому пакту 1940 г., участвовала в расчленении Чехословакии, в нападении на Югославию и СССР. За верность третьему рейху Венгрия получила часть Словакии, Закарпатскую Украину, Северную Трансильванию и часть Югославии⁵⁸.

С приближением Красной Армии к территории Румынии правители Венгрии начали проводить политику балансирования, рассчитанную на поддержку США и Англии в случае проигрыша войны Германией. Но, как уже отмечалось выше, 19 марта 1944 г. немцы оккупировали Венгрию, чтобы пресечь попытки венгерского руководства выйти из войны и подавить нараставшее в стране недовольство. В Будапешт прибыл немецкий посол Э. Везенмайер, ставший, по сути, полномочным гитлеровским наместником в стране.

Оккупация Венгрии и произведенные гестапо массовые аресты вызвали различные формы сопротивления со стороны всех основных политических и социальных сил страны. Не отказался от контактов с Западом и М. Хорти, остававшийся главой государства. С целью вывода Венгрии из войны он тайно от немцев направил генерала И. Надаи к союзникам в Италию. Были также начаты секретные переговоры генерала Г. Фараго в Москве по вопросам перемирия и условиям выхода Венгрии из войны.

Один из пунктов подписанных 11 октября в Кремле В.М. Молотовым и Г. Фараго предварительных условий перемирия обязывал Венгрию выступить против Германии на стороне антигитлеровской коалиции. В связи с этим были проведены новые назначения в армии, к Будапешту подтягивались верные Хорти войска, нащупывалась возможность установления контактов с советскими передовыми частями и совместных действий армий против гитлеровцев. 15 октября 1944 г. М. Хорти выступил по национальному радио и объявил о выходе страны из войны, о заключении Венгрией предварительного перемирия и о назначении нового командующего венгерской армией.

Однако планам вывода Венгрии из войны не суждено было сбыться. Нацисты, стремясь предотвратить потерю последнего серьезного союзника и опираясь на близкую им партию “Скрещенные стрелы”, решили осуществить государственный переворот и установить фашистский прогитлеровский режим. В первой половине дня 15 октября особый отряд гестапо во главе с матерым диверсантом О. Скорцени под предлогом встречи с югославскими партизанами заманил в ловушку Хорти-младшего, который был вывезен из страны, а затем попал в концлагерь Маутхаузен. Сын Хорти стал орудием шантажа и давления на 76-летнего регента. Почти одновременно с этой акцией начальник генштаба вермахта направил ультиматум начальнику генштаба венгерской армии с требованием немедленно отменить недавно изданный приказ венгерским частям об открытии линии фронта перед советскими войсками.

16 октября 1944 г., спасая свою жизнь и жизнь своей семьи, М. Хорти подписал в королевском дворце документ об отречении от власти и передаче поста главы государства гитлеровскому ставленнику – отставному полковнику генштаба, главарю венгерских фашистов Ф. Салаши. Хорти же вместе с семьей был вывезен в Германию, где содержался под “охраной” гестапо⁵⁹.

Акция по выводу Венгрии из войны была недостаточно подготовлена в военном и организационном отношении: ни заявление Хорти по радио, ни приказ по войскам не содержали указаний на конкретные действия. Для большинства сторон-

ников разрыва с Германией события 15 октября явились неожиданностью. И хотя эти события, как говорилось в одном из полицейских донесений, “привели в движение организации Сопротивления в Будапеште”, объединявшие “большую часть рабочих, круги левой ориентации и те общественные силы, которые считают нецелесообразным продолжение войны”, силы венгерских антифашистов оказались слишком слабыми и раздробленными, чтобы оказать достойное сопротивление гитлеровцам и путчистам.

К решительным и самостоятельным действиям не удалось прибегнуть даже таким преданным сторонникам выхода Венгрии из войны, как командующие 1-й и 2-й венгерскими армиями. Генерал Л. Вереш оказался арестованным спустя несколько часов после начала путча. Такая же участь ожидала и генерала Б. Далноки-Миклоша. Однако в это время он вместе с начальником своего штаба находился на переговорах в расположении штаба 4-го Украинского фронта. Поэтому Миклош оттуда обратился к своим солдатам, призывая их повернуть оружие против немцев. Однако на этот призыв откликнулось всего около 10 тыс. солдат.

Салашистский путч, установление открытого фашистского режима и меры “по наведению порядка” привели к аресту тысяч антифашистов из самых различных групп населения. Особым преследованиям подвергались коммунисты, левые социал-демократы и деятели профсоюзов. Ф. Салаши, именовавший себя “вождем партии”, исполнял все желания гитлеровцев. Он пообещал Гитлеру выставить до полумиллиона солдат, обязал все население с 14 до 70 лет принудительно трудиться для военных нужд.

Опираясь на салашистов, немцам удалось быстро сменить неугодных им командующих армиями, командиров соединений и частей, установить контроль над венгерскими вооруженными силами и провести тотальную мобилизацию. Это вызвало усиление сопротивления венгерских войск на фронте. Одновременно Гитлер перебросил части четырех танковых дивизий к Будапешту. Столь жестокое отношение Германии к своему последнему сражавшемуся союзнику в Европе обуславливалось не только военно-политическими, но и экономическими соображениями. Дело в том, что после потери Плоешти и Румынии 80% нефти в рейх поступало из венгерских и австрийских источников. Без этой нефти Германия не смогла бы продолжать войну.

В целях предотвращения прорыва Красной Армии в Венгрию, Австрию и Южную Германию, а также для обеспечения вывода немецких войск из Греции, Албании и южных районов Югославии гитлеровское командование срочно создавало оборону на границе Венгрии с Румынией и Болгарией. Эта задача была возложена на войска группы армий “Юг” под командованием генерала Г. Фриснера (с 28 декабря генерала О. Велера) и часть сил группы армий “Ф” (командующий фельдмаршал М. Вейхс). В эту группировку входили 6 и 8 немецкие, 2 и 3-я венгерские армии, располагавшие 3500 орудиями и минометами, 300 танками и 550 самолетами⁶⁰.

Одновременно гитлеровское командование срочно возводило оборонительные сооружения на путях возможного наступления Красной Армии. Войска и местное население вдоль границы и в глубине страны строили несколько рубежей обороны: первый – на границе, второй – на западном берегу Тисы и третий – на правом берегу Дуная. В систему последнего включались и укрепления, созданные на подступах к Будапешту. А к юго-западу от венгерской столицы возводилась “линия Маргариты” по рубежу: озеро Балатон и Веленце до излучины Дуная у г. Виц, далее до чехословацкой границы эта линия состояла из трех полос обороны. Так основательно готовилась территория последней союзницы третьего рейха в Европе к отражению ударов Красной Армии, войска которой приближались к границам Венгрии.

И вот 23 сентября 1944 г. передовые части левого крыла 2-го Украинского фронта вступили на территорию Венгрии в районе г. Баттонья (95 км восточнее р. Тиса у г. Сегед). Они пытались развить наступление в глубь страны, но, столкнувшись с упорнейшим противодействием противника, продвигались медленно.

К концу месяца советским войскам удалось расширить прорыв до 80 км, продвигаться от 5 до 20 км и овладеть городами Элек и Мако. На большее у них не хватало сил.

Чтобы не допустить Красную Армию в Венгрию, немецкое командование планировало нанести ряд контрударов. В директиве германского генерального штаба сухопутных войск от 30 сентября перед группой армий «Юг» была поставлена задача ударом из района Дебрецена разгромить советские войска, вышедшие к румыно-венгерской границе на участке между Орадя и Мако и достичь такого рубежа, который мог бы быть удержан в течение зимы незначительными силами. После этого предполагалось провести перегруппировку войск для нанесения удара в южном направлении с целью захвата выходов из Южных Карпат. Такими действиями мыслилось закрыть русским частям путь в Северную Трансильванию и Средне-Дунайскую низменность.

В сложившейся обстановке были уточнены задачи и советским войскам. 3 октября Ставка ВГК приказала 2-му Украинскому фронту нанести удары в северном и северо-западном направлениях в обход венгерского г. Дебрецен с запада и востока⁶¹. Одновременно Ставка передала в состав фронта 46-ю армию, а также усилила его войска механизированным и двумя кавалерийскими корпусами, артиллерийской дивизией прорыва, авиацией и маршевым пополнением.

Командующий 2-м Украинским фронтом маршал Р.Я. Малиновский, получив указания Ставки, сразу же приступил к подготовке первой наступательной операции на территории Венгрии, получившей название Дебреценской и проводившейся без всякой оперативной паузы. По замыслу главный удар наносился в центре фронта силами 53 общевойсковой, 6 гвардейской танковой, 1-й румынской армий и конно-механизированной группы генерала И.А. Плиева из района южнее Орадя, Батонья в направлении Дебрецена. Войска правого крыла фронта продолжали наступать в тыл восточнокарпатской группировки противника, а левого крыла – обеспечивали наступление главных сил фронта с юга.

К началу операции войска 2-го Украинского фронта превосходили противника: в людях – в 3 раза, в орудиях и минометах – в 2,9, в танках и САУ – в 2,5 и в самолетах – в 2 раза⁶². Но, несмотря на столь значительное преимущество, их ожидало немало трудностей: на ряде участков им предстояло наступать в условиях горно-лесистой местности, вести бои в населенных пунктах с прочными каменными строениями, превращенными в мощные узлы обороны.

Дебреценская операция началась 6 октября 1944 г. В ходе ее успешно действовали 53-я армия генерала И.М. Манагарова и конно-механизированная группа генерала И.А. Плиева. Они уже в первый день прорвали главную полосу обороны и к исходу третьего дня наступления продвинулись на 100 км на север. Действия же 6-й гвардейской танковой армии генерала А.Г. Кравченко оказались крайне неудачными. Наступая в первом эшелоне, она встретила очень сильное сопротивление противника, потеряла значительное число танков и целую неделю не могла продвинуться к г. Орадя. В такой обстановке маршал Р.Я. Малиновский был вынужден отвлечь главные силы генерала Плиева от задачи наступления на Дебрецен. Он круто повернул их на юго-восток. К исходу 12 октября группа Плиева во взаимодействии с 33-м стрелковым корпусом овладела г. Орадя – мощным опорным пунктом врага на дебреценском направлении.

К этому же времени советские войска очистили венгерское левобережье Тисы к югу от Дебрецена, освободили Сегед и Клуж. Продвигаясь в направлении Сату-Маре, Чоп, они содействовали наступлению 4-го Украинского фронта в Карпатах. 20 октября войска центра 2-го Украинского фронта овладели Дебреценом. Передовые части группы Плиева вышли на р. Тиса и перерезали пути отхода 1, 2 венгерским и 8-й немецкой армиям. Чтобы избежать окружения, противник силами двух танковых корпусов нанес контрудар по флангам группы Плиева и перерезал ее коммуникации южнее Ньиредьхазы. После тяжелых пятидневных

боев советские войска оставили Ньередьхазу и 27 октября соединились с основными силами фронта.

К исходу 28 октября войска под командованием маршала Р.Я. Малиновского, преодолев сильное противодействие немецко-венгерских соединений, на правом крыле приблизились к Тисе, на центральном участке вышли на восточный берег реки, а на левом крыле форсировали ее. При этом в междуречье Тиса – Дунай был захвачен крупный плацдарм – около 120 км по фронту и от 20 до 100 км в глубину. В течение 23 дней они продвинулись на 130–275 км и создали предпосылки для наступления на Будапешт. Взаимодействуя с соединениями венгерской армии, советские войска разгромили 10 вражеских дивизий, взяв в плен более 42 тыс. человек. Потери 2-го Украинского фронта в Дебреценской операции составили свыше 84 тыс. человек⁶³. Выход наших соединений в район Дебрецена вынудил гитлеровское командование начать отвод своих войск перед центром и левым крылом 4-го Украинского фронта в Карпатах. Здесь с частью штаба перешел на советскую сторону командующий 1-й венгерской армией генерал Б. Миклош.

В условиях, когда наступающая с востока и юга Красная Армия продвигалась к центру страны, действовавшие в подполье патриотические силы развернули подготовку к общенациональному восстанию. 9 ноября 1944 г. был образован Освободительный комитет венгерского национального восстания (ОКВНВ). Его возглавил известный антифашист Э. Байчи-Жилински, которому удалось бежать из фашистской тюрьмы. С участием военных был разработан план восстания, который предусматривал изгнание фашистов из страны при поддержке Красной Армии. Намечалось также создание независимой и демократической Венгрии, осуществление коренных социальных преобразований и установление тесного сотрудничества с СССР.

К середине ноября, несмотря на критику коммунистов, входивших в Венгерский фронт, план восстания был готов⁶⁴. Был образован специальный военный штаб ОКВНВ, налаживались необходимые связи, создавались соответствующие армейские и полицейские, а также рабочие отряды, прежде всего в столице, особое внимание уделялось установлению тесных контактов с командованием 2-го Украинского фронта. 19 ноября 1944 г. Байчи-Жилински подготовил также специальное послание для высшего советского руководства, в котором предлагалось согласовать следующие проблемы: 1) открытие фронта перед советскими войсками; 2) переход венгерских частей на сторону Красной Армии и формирование из них отдельной армии с венгерским командованием, которая в дальнейшем приняла бы участие в совместных боях против гитлеровцев в рамках действия советской армии; 3) включение в состав венгерской освободительной армии военнопленных; 4) создание рабочих отрядов и партизанских формирований из числа добровольцев, их вооружение; 5) установление необходимой связи между советскими войсками и венгерскими повстанческими частями в районе Будапешта⁶⁵. Однако нацистам удалось напасть на след руководителей готовившегося восстания. 22 ноября 1944 г. его штаб был арестован. 6–8 декабря 1944 г. главные “зачинщики” – Э. Байчи-Жилински и его 10 товарищей, в том числе генерал Я. Кишш, полковник генштаба В. Тартшай, полковник Е. Надь и др., предстали перед военно-полевым судом. Названные лица были приговорены к смертной казни, которая и свершилась, а остальные – к 10–15 годам тюремного заключения⁶⁶.

Так был положен конец планам венгерского антифашистского восстания. В дальнейшем обезглавленное национальное антифашистское движение при отсутствии другой авторитетной, влиятельной, организующей и мобилизующей силы могло опираться в основном лишь на разрозненные небольшие группы вооруженного сопротивления, а также на партизанскую борьбу, организованную главным образом командованием Красной Армии с привлечением венгров, прошедших спецподготовку в антифашистских школах партизанской борьбы на территории СССР. С августа 1944 г. эти школы отправили в Венгрию более 10 смешанных со-

ветско-венгерских парашютных отрядов для развертывания партизанского движения на местах⁶⁷. Только одна такая школа в Обарове (затем переведенная в Святошино под Киевом) до конца 1944 г. подготовила 660 венгерских партизан-”профессионалов”, знающих и подрывную работу⁶⁸. Наиболее ощутимые удары по противнику наносили партизанские отряды и соединения на территории Венгрии под командованием Ф. Патаки, Д. Усты, Ш. Ногради и др.

В промышленном регионе Мишкольц–Диошдьер, а также в районе Будапешта, в горняцких поселках вокруг Нограда, Дорога и Табани успешно боролись партизанские группы, отряды и соединения гражданского подчинения. Как впоследствии писал генерал-полковник вермахта Г. Фриснер, венгерские партизаны, действовавшие на востоке и северо-востоке страны, вызывали особое беспокойство у немцев. Вспоминая о боях за г. Мишкольц, он отмечал: “Когда начались бои на подступах к этому крупному промышленному городу, свыше 20 тысяч местных рабочих подняли восстание... Очевидно они хотели передать промышленные предприятия в советские руки, по возможности в неповрежденном виде. По ночам они организовывали налеты на наши позиции...”⁶⁹. Кроме того, в боях под Мишкольцем, по данным командования Красной Армии, плечом к плечу с советскими воинами участвовало около 600 венгерских партизан⁷⁰. Сопrotивление населения немцам проявилось не только в защите промышленных предприятий от демонтажа, от вывоза заводского оборудования в Германию, но и в саботаже, неявке на призывные пункты и в активных действиях диверсионных групп.

Боевые действия Красной Армии, развернувшиеся на востоке и юге страны, воспринимались населением как неизбежные меры по очищению страны от оккупантов. Оно жило верой в скорейшее окончание войны и поэтому встречало советские войска как освободителей, но вместе с тем испытывало чувство страха и беспокойства. Командование Красной Армии в специальном воззвании заверило население, что она вступает на венгерскую землю “не как завоевательница, а как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского ига”⁷¹, что Красная Армия не преследует иных целей, кроме разгрома гитлеровских войск, не намерена ломать местные порядки и устанавливать свои, гарантирует неприкосновенность частной собственности и сохранение местных органов власти и т.д. Это успокаивало и обнадеживало население.

Вместе с тем в восточных областях страны после их освобождения имели место факты сбора и вызова мужского населения в возрасте от 15 до 55 лет якобы для “трехдневных восстановительных работ”, что, однако, завершилось их депортацией в СССР. Такая участь постигла около 40–60 тыс. человек, большинство из которых так и не возвратилось домой. Слухи об этом просочились через линию фронта, что было использовано гитлеровской пропагандой для подогревания страстей и давало повод говорить либо о выселении оказавшегося за линией фронта населения в Сибирь, либо об уничтожении людей, остающихся “в зоне у красных”. Опасаясь подобной судьбы, на начальном этапе боев за Венгрию около половины граждан таких крупных городов, как Ниредьхаза, Дебрецен и Сегед, перед приходом частей Красной Армии покинули свои родные места и эвакуировались в центральные районы страны, отступая перед линией фронта. Вскоре, однако, массовый уход из городов прекратился, когда стало очевидным неминуемое поражение гитлеровцев и была усилена разъяснительная работа среди населения. Она проводилась как советскими политорганами, так и привлеченными для налаживания мирной жизни возвратившимися из СССР на родину представителями компартии.

Отправленная еще Хорти в Москву венгерская делегация во главе с Г. Фараго 11 декабря 1944 г. вновь подписала предварительные условия перемирия. В освобожденном Дебрецене было создано на многопартийной основе Временное национальное собрание Венгрии и образовано Временное правительство страны во главе с генералом Б. Миклошем, принявшее “Программу демократического восстано-

вления Венгрии". Это произошло не только с ведома, но и при непосредственном участии советских властей. Заместитель наркома иностранных дел СССР Деканозов рекомендовал 6 декабря члену Военного совета 2-го Украинского фронта генерал-полковнику И.З. Сусайкову и политическому советнику при уполномоченном правительства СССР в Венгрии Г.М. Пушкину "в качестве заместителя председателя Временного национального собрания иметь абсолютно надежного человека, чтобы влиять на весь ход работы собрания". В записке на имя Сталина тот же Деканозов сообщал 22 декабря: "Состав венгерского правительства и текст правительственной декларации приняты в полном соответствии с намеченными нами проектами".

Временное правительство, в состав которого вошли представители 4 партий (коммунистической, социал-демократической, независимой партии мелких сельских хозяйев и национальной крестьянской) и известные в стране личности, в том числе высшие хортистские офицеры, перешедшие на сторону советских войск, в частности Г. Фараго, 28 декабря объявило войну Германии. В тот же день в Москву отправилась делегация, которая 20 января 1945 г. от имени нового правительства подписала соглашение о перемирии. В соответствии с этим документом Венгрия обязалась оказать материальное и вооруженное содействие в деле разгрома фашизма, выплатить репарации в пользу СССР, Чехословакии и Югославии, нести расходы по содержанию Союзной контрольной комиссии (СКК) и выполнять все ее указания и распоряжения.

В связи с подписанием соглашения представитель советского командования, изучавший ситуацию на месте, в мае 1945 г. сообщил в Москву следующее: "Важнейшим фактором, повлиявшим на политическое настроение населения, является ожидавшееся, а затем подписанное соглашение о перемирии между Советским Союзом и Венгрией. Сам по себе факт заключения этого соглашения вызвал всеобщее одобрение. Условия перемирия расцениваются населением как тяжелые, но справедливые и выполнимые. Исключения составляют пункты соглашения о репарациях и о Северной Трансильвании. Многие венгры считают, что при создавшемся в стране экономическом положении Венгрия не в силах уплатить 300 миллионов американских долларов или что она сможет выплатить эту сумму лишь в том случае, если ей будет оказана помощь извне. Высказывается также мнение, что вопрос о Северной Трансильвании должен быть пересмотрен со временем в пользу Венгрии"⁷². Такая оценка ситуации и настроения населения достаточно точно отражала действительность.

Создание Временного правительства должно было содействовать процессу освобождения еще оккупированных немцами территорий страны. С завершением Дебреценской операции Ставка приказала маршалу Малиновскому незамедлительно начать наступление на венгерскую столицу силами 46-й армии. Р.Я. Малиновский в телефонном разговоре с И.В. Сталиным для лучшей подготовки Будапештской операции просил оттянуть ее начало на несколько дней, но "Верховный Главнокомандующий, ссылаясь на политические условия, настоял на немедленном наступлении"⁷³.

29 октября 46-я армия под командованием генерала И.Т. Шлемина прорвала оборону и, введя механизированные корпуса, начала стремительное продвижение. 2 ноября эти корпуса находились в 15 км от Будапешта, но войти с ходу в город не смогли. Причина была в том, что неприятель заблаговременно создал здесь сильную и глубокую оборону, состоявшую из трех подковообразных обводов, упиравшихся своими флангами в Дунай севернее и южнее столицы. Кроме того, немецкое командование быстро перебросило к Будапешту три танковые и одну моторизованную дивизии, которые, заняв оборонительные обводы, смогли остановить продвижение советских войск.

4 ноября Ставка ВГК потребовала от Малиновского ускорить вывод войск фронта на правый берег Тисы, чтобы разгромить будапештскую группировку про-

тивника ударами с севера, северо-востока и юга⁷⁴. Выполняя эти указания, войска фронта 11 ноября возобновили наступление. Оно продолжалось 16 дней. Однако расцечь и разгромить будапештскую группировку восточнее города не удалось. Вторая попытка овладеть Будапештом оказалась неудачной.

5 декабря 1944 г. 2-й Украинский фронт возобновил свое наступление. В течение восьми дней войска центра и левого крыла пытались окружить противника путем обхода с севера и юго-запада. При этом подвижные соединения фронта достигли пограничной с Чехословакией р. Ипель, совместно с 7-й гвардейской армией генерала М.С. Шумилова вышли на левый берег Дуная у г. Виц (20 км севернее Будапешта) и, наступая от Вица в южном направлении, преодолели первую и вторую полосы внешнего обвода Будапешта. Одновременно 46-я армия форсировала Дунай в 15 км к югу от Будапешта и захватила плацдарм размером 14 км по фронту и 10–16 км в глубину. Но из-за недостатка сил и ожесточенного сопротивления противника выйти к венгерской столице с юго-запада не смогла. Таким образом, и третья попытка овладеть Будапештом успеха не имела.

В это время войска маршала Ф.И. Толбухина заканчивали перегруппировку с белградского на будапештское направление. Их полное сосредоточение в район городов Бая, Махач, Сомбор (135–180 км южнее Будапешта) было завершено к 25–26 ноября. Параллельно с процессом перегруппировки фронт частью сил форсировал Дунай в районе сосредоточения и захватил важный плацдарм. Опираясь на него, 57-я и 4-я гвардейская армии генералов М.Н. Шарохина и Г.Ф. Захарова 27 ноября перешли в наступление, освободили задунайскую часть Венгрии и югославскую территорию в междуречье Дунай, Драва и к 9 декабря достигли рубежа оз. Веленце, оз. Балатон, г. Барч (80 км южнее оз. Балатон). Этим была создана реальная возможность для нанесения удара в тыл будапештской группировки врага с запада. В целях подготовки такого удара маршал Толбухин приказал войскам фронта закрепиться на достигнутых рубежах перед вражеской оборонительной линией “Маргарита”.

К рассматриваемому моменту германское командование за счет резерва ОКХ, новых формирований и перегруппировки увеличило состав группы армий “Юг” с 38 до 51 дивизии и бригады⁷⁵. И тем не менее неприятель уступал советским войскам в силах и средствах. Так, ударная группа 3-го Украинского фронта превосходила противника в людях – в 3,3 раза, в орудиях – в 4,8, в танках и САУ – в 3,5 раза⁷⁶.

Оценивая состав и распределение немецких и венгерских войск по направлению, советское командование пришло к выводу, что противник намеревается не только удержать за собой Будапешт, но и не допустить Красную Армию в Чехословакию и Австрию. В такой обстановке 12 декабря Ставка ВГК решила войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов прежде всего разгромить будапештскую группировку и овладеть г. Будапешт. С этой целью она приказала маршалу Малиновскому передать в распоряжение маршала Толбухина 46-ю армию со средствами усиления и поставила обоим фронтам задачи по подготовке к совместным действиям⁷⁷. Суть замысла заключалась в том, чтобы силами двух фронтов прорвать оборону противника севернее и юго-западнее Будапешта и, наступая навстречу друг другу, окружить вражескую группировку, а затем одновременными ударами с запада и востока овладеть городом.

Наступление, начавшееся 20 декабря, развивалось успешно. К исходу 26 декабря войска 2-го и 3-го Украинских фронтов соединились у Эстергома (35 км северо-западнее Будапешта), завершив окружение 188-тысячной группировки врага (около 10 дивизий и ряд частей родов войск). 29 декабря командование обоих фронтов во избежание дальнейшего кровопролития и разрушения Будапешта предъявило окруженным войскам ультиматум о капитуляции. Однако вражеское командование не только отвергло этот гуманный акт, но и распорядилось убить парламентаров капитанов М. Штейнмеца и И.А. Остапенко, совершив вопиющий акт бесчестья и

попрания международного права о неприкосновенности парламентариев. Тогда советские войска приступили к ликвидации окруженного противника. Но этот процесс оказался длительным.

Германское командование, сосредоточив близ Будапешта почти половину всех танковых и моторизованных дивизий, имевшихся на советско-германском фронте⁷⁸, в период с 2 по 26 января нанесло три сильных контрудара по войскам 3-го Украинского фронта. В развернувшихся ожесточенных сражениях войска маршала Толбухина, несмотря на превосходство немецких войск в танках, не только остановили их наступление, но и отбросили на исходные позиции. Значительную роль в этом сыграл умелый маневр советских войск, быстрое создание новых оборонительных рубежей на путях распространения противника и наступление войск правого крыла 2-го Украинского фронта в направлении на Комарно⁷⁹, в тыл контрударной группировки противника.

Непосредственно в городе бои вела специально созданная будапештская группа войск, которую возглавил генерал И.М. Афонин (с 22 января генерал И.М. Мангаров). В ее состав входили четыре стрелковых корпуса обоих фронтов и до 18 января один румынский армейский корпус. Бои за освобождение восточной части города (Пешта) шли с 27 декабря по 18 января, а западной его части (Буды) – с 20 января по 13 февраля. Условия штурма тяжелым испытанием легли на жителей Будапешта. Находившийся в осажденной столице командир 9-го корпуса СС, характеризую их настроение, с опасением записал в свой дневник 10 января следующее: “Гражданское население находится в чрезвычайно взбудораженном состоянии. Люди практически не получают еды, крупные кварталы города оставлены без воды, освещения... нарастает недовольство”⁸⁰.

Хотя наступление советских войск развивалось медленно, положение окруженного противника становилось все хуже и хуже. Если вначале ежедневно для него 40–45 самолетов доставляли необходимые грузы, то с 20 января снабжение было сорвано советской авиацией. 13 февраля вражеская группировка в Будапеште, потеряв до 50 тыс. убитыми и 138 тыс. пленными, прекратила свое существование.

На этом Будапештская операция завершилась. В ходе ее советские войска продвинулись от 120 до 240 км, освободили около 45% территории страны (а с учетом Дебреценской операции – 74%) и создали условия для дальнейшего наступления в Чехословакии. Важнейшим итогом явилось то, что советские войска заставили немецкое командование перебросить на южный фланг советско-германского фронта большое количество соединений, особенно танковых и моторизованных, которые были крайне необходимы ему для отражения наступления Красной Армии на варшавско-берлинском направлении в январе–феврале 1945 г.

Дорогой ценой были достигнуты эти результаты. Потери советских войск составили 320 082 человека, из которых 80 082 – безвозвратные (с учетом Дебреценской операции соответственно 404 092 и 99 739 человек), 1766 танков и САУ, 4127 орудий и минометов, 293 боевых самолета⁸¹.

Население венгерской столицы, пережившее не только фашистскую оккупацию, но и 108 тяжелых дней блокады, с облегчением, хотя и с противоречивыми чувствами встречало советских солдат. Сказывалось влияние фашистской пропаганды, наводившей страх на население и рисующей советских воинов в образе “красных дьяволов”, а также слухов о сталинских лагерях и деятельности НКВД⁸². В то же время информация о том, что “среди русских освободителей есть венгры”, перешедшие на их сторону, вселяла в людей надежду.

В боях за освобождение Буды принимало участие немало венгерских солдат и офицеров, которые добровольно перешли на сторону советских войск. Согласно воспоминаниям генерала С.М. Штеменко у этих венгерских солдат-добровольцев “слова не расходились с делом”. Именно из их числа, по неполным данным, около 600 человек пали смертью храбрых в боях за освобождение Будапешта от оккупантов⁸³. Остальные венгерские добровольцы – в общей сложности около 3200 чело-

век – составляли основу Будайского добровольческого полка под командованием полковника О. Варихази⁸⁴.

Уничтожение немецкой группировки в венгерской столице ускорило процесс изгнания из страны гитлеровских оккупантов, усилило брожение в венгерской армии, переход ее солдат к партизанам или на сторону Красной Армии. Общая численность венгров, которые с оружием в руках воевали на стороне советских войск против немцев, по оценкам венгерских историков, составила примерно 6–6,5 тыс. человек⁸⁵. Но верно и то, что вместе с германскими войсками против Красной Армии сражались около 11 дивизий 1-й и 3-й венгерских армий. Массовая сдача в плен их солдат и офицеров началась лишь с завершением освобождения территории Венгрии. Например, только с 28 по 30 марта в приграничных с Австрией районах было взято в плен 45 тыс. венгров⁸⁶. Венгрия фактически оставалась союзницей Германии до тех пор, пока Красная Армия не овладела полностью ее территорией.

Спустя три дня после взятия Будапешта Ставка ВГК поставила 2-му и 3-му Украинским фронтам новые задачи. Войска маршала Малиновского должны были нанести удар в общем направлении на Братиславу, Вену, а 3-й Украинский фронт – не позже 15-го дня операции выйти на австрийско-венгерскую границу, разбив группировку противника севернее оз. Балатон. В дальнейшем фронту предстояло содействовать войскам маршала Малиновского и совместно с ними овладеть Венной⁸⁷.

Однако в разработанный Ставкой ВГК план пришлось вносить коррективы, так как противник предпринял контрнаступление в районе оз. Балатон. Придавая контрнаступлению большое значение, немецкое командование перебросило с запада 6-ю танковую армию СС, на вооружении которой имелось значительное количество танков “Пантера”, “Тигр” и “Королевский тигр”, штурмовых орудий и противотанковых орудий на самоходных лафетах. Всего же перед 3-м Украинским фронтом действовало более 30 дивизий, в том числе 11 танковых, 3 боевые группы и моторизованная бригада. В них насчитывалось свыше 430 тыс. солдат и офицеров, более 5600 орудий и минометов, около 900 танков и штурмовых орудий и 850 самолетов⁸⁸. Сосредоточивая такие силы, немецкое командование надеялось, отбросив 3-й Украинский фронт за Дунай, обезопасить промышленные районы Австрии и Южной Германии, сохранить Венгрию в качестве союзника, отвлечь внимание советского командования от центрального направления.

3-й Украинский фронт, имея более 400 тыс. человек, около 7 тыс. орудий и минометов, 400 танков и САУ, построил оборону на четырех полосах⁸⁹. Делая основную ставку на огневое поражение наступающих войск, советское командование создало достаточно высокие оперативные плотности противотанковой артиллерии (18 орудий на 1 км фронта), минных заграждений (до 270 противотанковых и 2500 противопехотных мин на 1 км).

Наступление противника началось в ночь на 6 марта. Главный удар был нанесен по войскам 4-й гвардейской и 26-й армий, оборонявшимся между озерами Веленце и Балатон. Сосредоточив мощный бронированный кулак (на отдельных направлениях было брошено до 60 танков на 1 км участка прорыва), враг пытался расчленил советские войска и выйти к Дунаю.

Оборонявшиеся войска встретили натиск немецко-венгерских соединений мощным огнем артиллерии и ударами авиации. За 6 марта авиация 17-й воздушной армии произвела 368 самолето-вылетов, в том числе 227 – по танковым дивизиям противника⁹⁰. Как только определилось направление его главного удара, командующий войсками фронта усилил своим резервом и частями 4-й гвардейской армии полосу обороны 26-й армии. Ценой больших потерь немцам и венграм в первый день наступления удалось вклиниться в оборону этой армии до 3–4 км. В последующие дни жесточенность боев не снижалась.

Жаркие схватки с врагом шли в воздухе. 9 марта группа из семи Як-3 во главе с командиром эскадрильи капитаном А.И. Колдуновым вступила в бой с двумя группами немецких самолетов. В них было 10 “фокке-вульфов” и 8 “мессершмит-

тов”. Сбив 5 вражеских самолетов, советские летчики не допустили ударов с воздуха по позициям 135-го стрелкового корпуса и в полном составе вернулись на аэродром⁹¹.

Восемь дней противник таранил оборону войск 3-го Украинского фронта, а на девятый – ввел в сражение свой последний резерв – 6-ю танковую дивизию. Атаки танковой группировки, в которой насчитывалось до 300 танков и штурмовых орудий, следовали одна за другой еще в течение двух суток. Воины 27-й армии сдержали ее натиск и вынудили прекратить атаки. За 10 дней наступления ударная группировка противника, действовавшая восточнее оз. Балатон, смогла преодолеть главную и местами вторую оборонительные полосы, продвинувшись на 20–30 км. Южнее оз. Балатон с 6 по 20 марта вражеские войска вклинились в оборону 57-й армии всего лишь на 6–8 км. Совершенно безуспешными оказались их попытки прорваться через р. Драва на северо-восток. Соединения 1-й болгарской и 3-й югославской армий вместе с советскими частями отбили удар соединения группы армий “Е”.

Отражение контрнаступления противника в районе оз. Балатон явилось последней крупной оборонительной операцией советской войск. Армии 3-го Украинского фронта во взаимодействии с болгарскими и югославскими войсками сорвали замысел немецкого руководства. В этих боях было продемонстрировано качественное превосходство советских танковых войск, вооруженных лучшими в мире танками ИС-2, Т-34 и самоходными артиллерийскими установками типа Су-100. За время контрнаступления противник потерял свыше 40 тыс. солдат и офицеров, более 300 орудий и минометов, около 500 танков и штурмовых орудий, свыше 200 самолетов⁹². Потери советских войск составили 32 899 человек.

Бои в районе оз. Балатон были еще в полном разгаре, когда командующие войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов получили директиву о переходе в наступление. С учетом сложившейся обстановки было изменено направление главного удара: если раньше планировалось нанести его к северу от Дуная, то теперь войскам предстояло развернуть наступление к югу от этой реки⁹³.

16 марта, т.е. на следующий день после завершения оборонительной операции, 3-й Украинский фронт перешел в наступление. Преодолевая сильное сопротивление противника, его войска продвинулись на 3–7 км. Чтобы ускорить разгром танковой группировки противника между озерами Веленце и Балатон, Ставка ВГК передала в распоряжение Ф.И. Толбухина 6-ю гвардейскую танковую армию, изъяв ее из 2-го Украинского фронта⁹⁴. Самолеты 17-й воздушной армии наносили удары по колоннам противника на дорогах, по его узлам связи, оборонительным сооружениям и аэродромам. В эти же дни ряд ударов по важным вражеским объектам нанесла и союзная авиация, выведя, в частности, из строя на 70% нефтеочистительные заводы в Комарно⁹⁵.

Развивая наступление, войска под командованием маршала Толбухина 22 марта с боем взяли г. Секешфехервар. Однако окружить и уничтожить 6-ю танковую армию СС они не могли. Ценой больших потерь противнику удалось вывести большую часть ее сил и средств из образованного советскими войсками оперативного мешка. А 46-я армия этого фронта окружила в районе Товароша 17-тысячную группировку врага и совместно с десантом Дунайской военной флотилии и 23-м танковым корпусом 26 марта завершила ликвидацию противника, отбив сильные контратаки его на внешнем фронте окружения. Развивая достигнутый успех, войска 46-й армии и правого крыла 3-го Украинского фронта к 26 марта прорвали оборону противника между Дунаем и оз. Балатон, преодолели горы Вертешь и Баконь и, продвинувшись на глубину до 80 км, создали условия для наступления на Вену.

Итак, военные действия на территории Венгрии завершались. Близился конец и самой войны. Что же дало участие в ней венгерского государства, сражавшегося на стороне третьего рейха практически до полной потери своей территории? Каковы главные итоги войны для венгерского народа? Их коротко можно свести к сле-

дующему. Страна вновь лишилась тех территорий, которые были переданы ей державами “оси”, и потеряла 40% своего национального богатства⁹⁶. Только в современных границах Венгрия потеряла около 1 млн человек⁹⁷, в том числе 160 тыс. убитых на фронте, 280 тыс. погибших в плену, около 100 тыс. гражданского населения, 350 тыс. уничтоженных в концлагерях евреев и цыган. Кроме того, еще около 350 тыс. венгров покинули пределы страны перед наступлением советских войск. Лидер венгерской компартии М. Ракоши, сообщая В ЦК ВКП(б) Г. Димитрову весной 1945 г. о трудностях, которые переживала Венгрия, подчеркивал катастрофическое положение на транспорте, в промышленности, поскольку “фабрики демонтируются и вывозятся в Советский Союз”. “Каждый день к нам приходят рабочие делегации, которые, ссылаясь на то, что они месяцами работали для Красной Армии, просят оставить, по крайней мере, часть фабричного оборудования, чтобы иметь возможность продолжить работу”⁹⁸, – писал М. Ракоши и выражал свое опасение, что сложившаяся ситуация может повредить авторитету партии и нового венгерского правительства, состав которого еще до созыва Национального собрания был определен в Москве.

Факт создания этого правительства, равно как и его деятельность, не вызвали особого интереса и отклика среди венгерского населения, о чем, в частности, свидетельствует записка, направленная 2-м Украинским фронтом в Главное политическое управление. В ней подчеркивалось, что образование и деятельность нового венгерского правительства “не оказали большого политического влияния на политические настроения населения”, что оно “рассматривает существование правительства лишь как символическое явление, свидетельствующее о намерении Красной Армии сохранить независимость Венгрии”⁹⁹. Наиболее существенным положительным шагом правительства называлось объявление войны Германии.

Советские военные аналитики, характеризуя политические настроения в Венгрии, обращали внимание и на те факторы, которые отрицательно сказывались на общественно-политической ситуации в стране, на настроениях и восприятиях жителями присутствия в стране советских войск. В их числе выделялись: “ошибочное выселение и аресты венгров, носящих немецкие фамилии”, что, по убеждению авторов анализа, “сеяло тревогу и недовольства среди населения”, а также “неизжитые факты самоуправства, мародерства и насилия со стороны отдельных советских военнослужащих”. Авторы анализа ситуации тогда пришли к выводу, что в результате воздействия этих факторов “политические настроения населения следует признать отрицательными для нас”, и предлагали меры по их изживанию. При этом они подчеркивали, что “венгерское население ведет себя лояльно, что объясняется сознанием своего бессилия”¹⁰⁰.

Таким образом, сам акт освобождения Венгрии от гитлеровцев и их приспешников означал конец войны, лишений, тяжелых испытаний и возможность возвращения к мирному созидательному труду ее народа. Вместе с тем советские войска, установление советской администрации, последующая передача власти новым административным органам встречали к концу со смешанным чувством ожидания и беспокойства за будущее, поскольку к концу освобождения страны “как политическая, так и экономическая линии целиком и полностью находились в руках Москвы”¹⁰¹.

АВСТРИЯ: ВЗЯТИЕ ВЕНЫ

Красной Армии после 195-дневных тяжелых сражений и боев в Венгрии предстояло вновь наступать без отдыха и без всякой оперативной паузы. В конце марта – начале апреля советские войска перенесли боевые действия в восточные районы Австрии. Войска 3-го Украинского фронта наступали непосредственно на Вену, обходя ее с юга и запада, а 2-го Украинского – с севера. 6 апреля передовые со-

единения этих фронтов ворвались на окраины австрийской столицы и завязали отличные бои.

К этому времени советское командование уже достаточно хорошо ориентировалось в настроении жителей столицы, в чем им своевременно помог один из лидеров австрийской социал-демократической партии и 2-го Интернационала 75-летний Карл Реннер. О нем вспомнил Сталин. Когда советские войска приближались к границам Австрии, Генеральный штаб получил задание разузнать о месте его жительства. К. Реннер же искал встречи с советским командованием и 4 апреля сам явился в штаб 103-й гвардейской стрелковой дивизии¹⁰². В беседе с представителями советского командования К. Реннер высказал мнение, что девять десятых населения Вены настроены против нацистов, но фашистские репрессии и англо-американские бомбардировки напугали венцев: они чувствуют себя подавленно и не способны к активным действиям. Никаких организованных мер по мобилизации населения на борьбу против гитлеровцев никто не предпринимал. О встрече с Реннером было сообщено Сталину, который посчитал нужным оказать старому социал-демократу доверие и поддержку ради восстановления демократического режима в Австрии. Именно с благословения советского правительства К. Реннер стал вскоре главой Временного правительства, а затем и президентом Австрии¹⁰³.

Зная о настроении венцев, маршал Толбухин 6 апреля все же призвал их к активным действиям, к содействию Красной Армии. “Ради сохранения столицы Австрии, ее исторических памятников культуры и искусства предлагаю: 1. Всему населению, кому дорога Вена, из города не эвакуироваться, ибо с очищением Вены от немцев вы будете избавлены от ужасов войны, а тех, кто эвакуируется, немцы погонят на гибель. 2. Не давать врагу минировать Вену, взрывать ее мосты и превращать дома в укрытия. 3. Организовать борьбу против немцев и защиту от разрушения ее гитлеровцами. 4. Всем венцам активно мешать вывозу немцами из Вены промышленного оборудования, товаров, продовольствия и не позволять грабить население Вены. Граждане Вены! Помогайте Красной Армии в освобождении столицы Австрии – Вены, вкладывайте свою долю в освобождение Австрии от немецко-фашистского ига”, – говорилось в обращении¹⁰⁴. Нельзя сказать, что призыв советского маршала возымел действие. Однако население Вены все же сопротивлялось эвакуации и встречало бойцов Красной Армии как освободителей.

Вся тяжесть борьбы за спасение Вены легла на плечи советских воинов. Благодаря их стремительным и самоотверженным действиям один из красивейших городов мира не был разрушен гитлеровцами, а сотни тысяч венцев остались живыми. 9 апреля в разгар боев за Вену правительство СССР выступило с заявлением об Австрии, в котором указывалось, что советское правительство “не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии”.

В течение 9 и 10 апреля войска 3-го Украинского фронта с боями продолжали наступать к центру Вены. Решающее значение в этот период имело наступление 20-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Н.И. Бирюкова вдоль Дуная через парк Пратер: выход к мостам через Дунай мог привести к полному окружению вражеской группировки, оборонявшей австрийскую столицу. Гвардейцы с боями продвигались вперед и к 10 апреля вышли к центру города, где соединились с войсками, наступавшими с юга и востока.

Серьезную помощь войскам 3-го Украинского фронта оказала 46-я армия 2-го Украинского фронта. Еще 2 апреля она начала переправу на левый берег Дуная в районе Братиславы, после чего развернула наступление в северо-западном направлении в соответствии с директивой Ставки ВГК от 1 апреля¹⁰⁵. Немецкое командование, учитывая опасность выхода 46-й армии в район севернее Вены, в результате чего могли быть потеряны последние пути отхода, усилило свои войска на рубеже р. Морава к северу от Гайнбурга. Для этого перебрасывались отдельные части из глубины и даже из самой австрийской столицы. Форсировав Мораву, воины 46-й

армии захватили плацдармы на ее западном берегу и обеспечили наводку мостов саперам, однако развить наступление не смогли. Лишь к 15 апреля армия вышла в район Корнейбург, Флоридсдорф, где соединилась с войсками 3-го Украинского фронта. Однако к этому времени Вена была уже освобождена.

Последние бои в австрийской столице шли в районе имперского моста через Дунай–Рейхсбрюкен. 13 апреля бойцы батальона под командованием капитана Д.Ф. Борисова проникли на мост, перерезали провода, предотвратив взрыв, а затем овладели им. К 14 час. 13 апреля советские войска полностью заняли Вену.

Продолжая наступление, войска под командованием маршала Толбухина к 15 апреля выдвинулись в горно-лесистую полосу Восточных Альп и закрепились там, а войска 2-го Украинского фронта начали перегруппировку для развития наступления в сторону Чехословакии.

За 31 день наступления армии 2-го и 3-го Украинского фронтов продвинулись с боями на 150–200 км, разгромили 32 дивизии противника, взяли в плен более 130 тыс. солдат и офицеров, захватили и уничтожили 2250 полевых орудий, свыше 1300 танков и штурмовых орудий¹⁰⁶. Но и советским войскам Венская стратегическая наступательная операция стоила больших жертв: людские потери в ней составили 167 940 человек, в том числе безвозвратные – 38 661; потеряно танков и САУ – 603, орудий и минометов – 664, боевых самолетов – 614. Заметим, что общая продолжительность этой операции составила 31 день, из них бои на территории Австрии шли 11 суток, а 20 дней – в Чехословакии и Венгрии. Так вот из вышеназванной цифры безвозвратных потерь – 26 006 человек (67,2%) остались навечно в австрийской земле. А о степени напряженности боев в Австрии можно судить по среднесуточным людским потерям. Здесь они составили 8556 человек¹⁰⁷. Это в 1,3 раза больше, чем в контрнаступлении под Сталинградом, в 1,5 раза – чем в Восточно-Прусской и в 2,9 раза – чем в Будапештской операциях. Такой высокой оказалась цена за взятие шестой по счету европейской столицы и разгром противника в последней стратегической наступательной операции Красной Армии.

Итак, на южном крыле советско-германского фронта завершились боевые действия Красной Армии, которые велись здесь в течение последних девяти месяцев Великой Отечественной войны. Эти операции советских вооруженных сил подробно описаны. Учитывая данное обстоятельство, в нашем очерке о них говорится в предельно сжатом виде. Сделано это для того, чтобы на фоне приближения советских войск к территории Словакии, Венгрии и, частично, Австрии рассмотреть изменения внутривосточной обстановки в этих странах, зажившие основы организации их послевоенной общественно-политической системы.

Такое внимание к событиям, которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к Великой Отечественной войне, обусловлено стремлением уйти от одностороннего, тенденциозного освещения освободительной миссии советских вооруженных сил, что было характерно для предельно идеологизированной историографии недавнего прошлого, и показать всю многоплановость внутривосточной борьбы в странах Центральной Европы.

Вместе с тем в очерке раскрыты благородство, мужество и самопожертвование советского солдата, который, оказывая бескорыстную помощь народам этих стран, не думал о том, как используют политики его ратный подвиг в послевоенные годы.

¹ Státní ústřední archiv ČR. Praha (Zbirka A ÚML ÚV RSČ). F. 37. A.J. 21/3. L. 1.573.

² Slovenské národné povstanie: Dokumenty. Bratislava, 1965. S. 1115. (Далее: SNPД).

³ Dejiny Slovenského národného povstania: Dokumenty. Bratislava, 1984. D. 3. S. 343. (Далее: DSNP).

⁴ SNPД. S. 262–263.

⁵ Ibid. S. 1122–1123.

- ⁶ Центральный архив федеральной службы безопасности Российской Федерации. Уголовное дело по обвинению бывшего главнокомандующего словацкой армией Фердинанда Чатлоша. Т. 1. Л. 15–16. (Далее ЦАФСБ РФ. Уголовное дело... Ф. Чатлоша).
- ⁷ SNPД. S. 331–332.
- ⁸ DSNP. D. 3. S. 342–343.
- ⁹ Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech, 1938–1945. Praha, 1965. D. IV. S. 17.
- ¹⁰ SNPД. S. 395–396.
- ¹¹ ЦАФСБ РФ Уголовное дело... Ф. Чатлоша. Л. 3, 15–16.
- ¹² DSNP. D. 3. S. 343.
- ¹³ Ibid. S. 437.
- ¹⁴ SNPД. S. 221.
- ¹⁵ Ibid. S. 294.
- ¹⁶ Ibid. S. 964–965.
- ¹⁷ *Jablonický J.* Povstanie dez lejiend. Bratislava, 1990. S. 147.
- ¹⁸ SNPД. S. 360–361.
- ¹⁹ DSNP. D. 3. S. 343.
- ²⁰ Ibid. S. 1171–1172.
- ²¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1983. Т. 4. Кн. 2. С. 122. (Далее: ДМИСЧО).
- ²² SNPД. S. 1151–1169.
- ²³ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком Национальном восстании. М., 1969. С. 354.
- ²⁴ См.: *Šimovčák J.* Sociálne složenie partizánov na Slovensku // Zborník Múzea SNP. R. 7. 1983. S. 99–127.
- ²⁵ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 236. Оп. 27029. Д. 2. Л. 96. (Далее: ЦАМО).
- ²⁶ Там же. Оп. 2712. Д. 66. Л. 141, 141 об.
- ²⁷ *Гусак Г.* Указ. соч. С. 490–492.
- ²⁸ SNPД. S. 508.
- ²⁹ *Гусак Г.* Указ. соч. С. 485.
- ³⁰ Там же. С. 530–531.
- ³¹ Slovenské národné povstanie roku 1944. Bratislava, 1965. S. 208; SNPД. S. 898–899.
- ³² См.: *Cesta ke Květnu: Vznik lidové demokracie v Československu: Dokumenty.* Praha, 1965. I-1. S. 269–273.
- ³³ *Гусак Г.* Указ. соч. С. 421–422.
- ³⁴ *Husak G.* Zápas o zajtrajšok. Bratislava, 1948. S. 3–6.
- ³⁵ SNPД. S. 620–626.
- ³⁶ Ibid. S. 975.
- ³⁷ Ibid. S. 1100.
- ³⁸ Ibid. S. 776.
- ³⁹ ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 237.
- ⁴⁰ Там же. С. 248–251.
- ⁴¹ SNPД. S. 976.
- ⁴² DSNP. D. 3. S. 552.
- ⁴³ Ibid. S. 539–540, 553–555.
- ⁴⁴ *Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tizu.* Bratislava, 1992. S. 287–307.
- ⁴⁵ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. М., 1960. С. 181–182.
- ⁴⁶ ЦАМО. Ф. 136. Оп. 2712. Д. 56. Л. 250–254.
- ⁴⁷ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 165.
- ⁴⁸ Там же. С. 162.
- ⁴⁹ Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. М., 1968. Вып. 4. С. 170.
- ⁵⁰ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 81–83.
- ⁵¹ История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 165.
- ⁵² ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 121–125.
- ⁵³ Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1959. Т. 3. С. 592.
- ⁵⁴ Там же. С. 593; История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 171.
- ⁵⁵ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и во-

- енных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 207. (Далее: Гриф секретности снят...).
- 56 SNPД. S. 85, 115, 174.
- 57 Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 203.
- 58 См.: Движение Сопротивления в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1995. С. 467–506.
- 59 *Horthy Miklos. Emlékirataim.* Budapest, 1990. 316–317. old.
- 60 Освободительная миссия советских вооруженных сил во второй мировой войне. М., 1971. С. 271–272.
- 61 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 69.
- 62 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 190–191; Советская военная энциклопедия. М., 1973. Т. 3. С. 119.
- 63 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 72–93; Гриф секретности снят... С. 227.
- 64 См.: *Magyar Front.* Budapest, 1984. 266–285. old; *Fegyverrel a hazaert.* Budapest, 1990. 50–53. old.
- 65 *Magyar Front.* 293–294. old.
- 66 *Ibid.* 298–314. old.
- 67 *Fegyverrel a hazaert.* 6. old.
- 68 См.: *Репринцев Ф.С.* Революционные связи и боевое содружество советского и венгерского народа (1917–1945). М., 1975. С. 96–101.
- 69 *Фриснер Г.* Проигранные сражения / Пер. с нем. М., 1966. С. 167.
- 70 Боевое содружество, рожденное Великим Октябрем. М., 1987. С. 178.
- 71 Советско-венгерские отношения, 1945–1948: Документы и материалы. М., 1969. С. 15.
- 72 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 28. Д. 28. Л. 16. (Далее: РЦХИДНИ).
- 73 *Минасян М.М.* Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 315.
- 74 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 93.
- 75 См.: Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск ее бывших сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М., 1956. Вып. 4. С. 192–194, 208–213; Советская военная энциклопедия. 2-е изд. М., 1990. Т. 1. С. 516.
- 76 ЦАМО. Ф. 240. Оп. 52495. Д. 91. Л. 238–240; Ф. 243. Оп. 62688. Д. 3. Л. 130–134.
- 77 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 131–135.
- 78 См.: *Минасян М.М.* Указ. соч. С. 354–356, 359.
- 79 Комарно – город и порт на Дунае в устье р. Ваг (70 км северо-западнее Будапешта).
- 80 *Magyarország hadtörténete.* 2. kot. Budapest, 1985. 422. old.
- 81 Гриф секретности снят... С. 211–212, 227.
- 82 *Népzabadság.* 1989. 13 febr.
- 83 *Ibid.*
- 84 Боевое содружество, рожденное Великим Октябрем. С. 211.
- 85 *Fegyverrel a hazaért.* 13, 52. old.
- 86 См.: *Минасян М.М.* Указ. соч. С. 386–387, 402.
- 87 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Л. 33–35, 39.
- 88 Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. 3-е изд. М., 1984. С. 405.
- 89 Там же.
- 90 Там же. С. 406.
- 91 См.: 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены. М., 1977. С. 223–227.
- 92 История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1979. Т. 10. С. 185.
- 93 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 39. Л. 50–53.
- 94 Там же.
- 95 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 191.
- 96 *Korot Mihály.* A magyar fegyverszünet. Budapest, 1987. 174. old.
- 97 *Für Lajos.* Mennyi a sok sirkereszt? Magyarország embervesztésége a második világháboruban. Budapest, 1989. 45, 51. old.; *Stark Tamás.* Magyarország második világháborús embervesztésége. Budapest, 1989. 79–80. old.
- 98 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 37. Л. 14–15.

⁹⁹ Там же. Д. 38. Л. 16.

¹⁰⁰ Там же. Л. 17.

¹⁰¹ Maqyar Nemzet. 1992. 31 okt.

¹⁰² Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. М., 1973.
Кн. 2. С. 356.

¹⁰³ Там же. С. 357, 358, 367.

¹⁰⁴ Освободительная миссия советских вооруженных сил в Европе: Документы и материалы.
М., 1985. С. 487.

¹⁰⁵ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 39. Л. 67.

¹⁰⁶ Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 125.

¹⁰⁷ Гриф секретности снят... С. 218, 372.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КАРЕЛИИ, ПРИБАЛТИКИ И ЗАПОЛЯРЬЯ

НАСТУПЛЕНИЕ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ И В ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ. ВЫВОД ФИНЛЯНДИИ ИЗ ВОЙНЫ

Разгром немецких войск в январе–феврале 1944 г. под Ленинградом и Новгородом вызвал дальнейшее замешательство среди союзников Германии: заколебалась Финляндия. Ее правительство стало сомневаться, и не без оснований, в успехе своей так называемой независимой войны¹. Именно тогда-то, в середине февраля 1941 г., финское правительство занялось поисками контактов с советским посольством в Швеции для выяснения условий, на которых Финляндия могла бы прекратить военные действия и выйти из войны². 12 февраля в Стокгольм к чрезвычайному и полномочному послу СССР в Швеции А.М. Коллонтай прибыл посол в Советском Союзе Ю.К. Паасикиви, бывший премьер-министр Финляндии.

Условия, предъявленные финнам, были умеренными: разрыв отношений с Германией, интернирование немецких войск на территории Финляндии, отвод финских войск за границу 1940 г., немедленный возврат советских военнопленных, а также стран–союзников по антигитлеровской коалиции на родину. Решение всех других вопросов откладывалось до будущих переговоров в Москве. Финляндия не приняла условия перемирия с СССР, о чем ее правительство сообщило 16 апреля.

Отказ финнов от переговоров вынуждал советское Верховное Главнокомандование пересмотреть свои планы в отношении этой страны и возобновить военные действия против финской армии. Более того, если до сих пор предполагалось не предпринимать некоторое время активных сражений в Карелии, то теперь план разгрома финских войск было решено осуществить летом 1944 г.

Хотя у финского командования не было ясного представления о замыслах советского военного руководства, оно, понимая, какую ответную реакцию в Москве вызовет отказ заключить перемирие, поспешило максимально усилить оборонительные рубежи на всех важнейших направлениях, выводящих к границам Финляндии. К лету 1944 г. финские войска создали более прочную оборону, чем она была к началу советско-финляндской войны 1939–1940 гг. На Карельском перешейке ее глубина достигала 120 км. Были восстановлены и вновь построены три мощные полосы обороны. Первая – протяженностью около 80 км – была возведена в непосредственном соприкосновении с советскими войсками. В заболоченные лесные массивы финские строители искусно вписали траншеи, доты, дзоты, а также рубежи противотанковых и противопехотных заграждений. В глубине обороны, преимущественно в дефиле озер и рек, создавались опорные пункты и узлы сопротивления, насыщенные дотами и дзотами. Вторая полоса пролегла в 15–25 км от переднего края обороны на выгодном естественном рубеже. Она была рассчитана на длительное сопротивление благодаря системе долговременных огневых сооружений и противотанковых препятствий. Железобетонные сооружения могли выдер-

жать снаряды калибра 210 мм и выше, а противотанковые препятствия составляли сплошные нагромождения гранитных надолб. Третья полоса обороны, находившаяся в 30–40 км от второй, пролегла по линии Вуоксинской водной системы. Особенность ее инженерного оборудования состояла в том, что она включала укрепления бывшей линии Маннергейма, которые были полностью восстановлены, а вдобавок ко всему усилены развитой системой оборонительных сооружений полевого типа. Кроме трех оборонительных полос финны превратили г. Выборг с прилегающей к нему территорией в мощный укрепленный район, а побережье Финского залива и Ладожского озера подготовили для ведения маневренных действий войск, в частности, при отражении десантов противника.

Мощные укрепления финны возвели и на р. Свирь – в Южной Карелии. Здесь оборона была еще более глубокой, чем на Карельском перешейке. Было создано шесть полос и ряд отсечных и промежуточных позиций. Первая полоса проходила по правому берегу реки от Онежского до Ладожского озера. Она представляла собой сплошные траншеи в 2–3 линии. Как на переднем крае, так и в глубине имелись доты и дзоты с установленными в них орудиями или пулеметами. В среднем на 1 км фронта имелось 6–9 дотов и 9–12 дзотов. Вблизи их сооружались железобетонные убежища, каждое в расчете на 10–12 человек. Севернее Онежского озера финские войска имели оборону несколько слабее, так как, по мнению финского командования, наличие в этом районе труднодоступных естественных преград компенсировало отсутствие глубокой обороны и мощных сооружений.

Группировка войск в обороне создавалась в зависимости от важности направления и продумывалась очень тщательно. Так, на участке западнее Беломорска вплоть до Онежского озера оборонялась масельская оперативная группа в составе трех пехотных дивизий и пехотной бригады. В условиях труднодоступности местности эти силы, по мнению финнов, должны были не только противостоять наступлению советских войск, но и сорвать его.

Между Онежским и Ладожским озерами располагалась олонечская группа в составе пяти пехотных дивизий и двух бригад береговой обороны. Им предстояло прочно удерживать районы Южной Карелии.

На Карельском перешейке занимала оборону оперативная группа “Карельский перешеек”. Она была самая многочисленная, включала шесть пехотных и танковую дивизию, а также пять пехотных бригад. В том, что здесь советские войска не пройдут, финны не сомневались.

Всего финны имели 14 пехотных и танковую дивизию, 8 пехотных и кавалерийскую бригады. Они насчитывали 268 тыс. человек, 1930 орудий и минометов, 110 танков и штурмовых орудий, 248 боевых самолетов, 33 корабля и около 100 самолетов морской авиации³. В Финском заливе было сосредоточено 160 немецких и финских кораблей, которые могли оказать серьезное сопротивление советским военно-морским силам.

В летний период местность в Карелии весьма труднодоступна: многочисленные озера и реки, заболоченные лесные массивы представляют для наступающих серьезные преграды, а для обороняющейся стороны – удобства создания оборонительных рубежей. Оценивая характер построения обороны противника, группировку его сил и средств, а также особенности местности, можно утверждать, что перед войсками Ленинградского и Карельского фронтов стояла весьма трудная задача.

Ставка ВГК, учитывая обстановку на этом участке фронта, разработала план разгрома финских войск на Карельском перешейке и в Южной Карелии. Замысел состоял в том, чтобы двумя мощными ударами смежных крыльев Ленинградского и Карельского фронтов при содействии Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий, войск ПВО страны и партизан разгромить противника на Карельском перешейке и в Южной Карелии, овладеть Выборгом и Петрозаводском и выйти на фронт: Тикшозеро (150 км севернее Куолиisma), Сортавала, Котка.

В соответствии с планом операции войска Ленинградского фронта под командованием генерала Л.А. Говорова должны были нанести удар в общем направлении на Выборг вдоль северо-восточного побережья Финского залива, разгромить оперативную группу финнов “Карельский перешеек”, овладеть важным узлом коммуникаций – Выборгом и тем самым создать угрозу вторжения советских войск в глубь Финляндии к ее основным политическим и экономическим центрам.

Карельский фронт под командованием генерала К.А. Мерецкова должен был нанести удар на Олонец, прорвать оборону, уничтожить группировку финских войск между Онежским и Ладожским озерами и выйти на государственную границу 1940 г., а частью сил наступать на север и во взаимодействии с войсками фронта, наступавшими севернее Онежского озера, овладеть Петрозаводском.

Балтийский флот под командованием адмирала В.Ф. Трибуца получил задачу обеспечить приморский фланг Ленинградского фронта, дезорганизовать морские сообщения противника, одновременно кораблями Ладожской военной флотилии подготовить высадку десантов на западное побережье Ладожского озера. Таким образом, замысел Ставки на разгром финских войск предусматривал их уничтожение с последующим выходом советских войск на государственную границу с Финляндией 1940 г. с целью вывода ее из войны на стороне Германии.

Силы, привлекаемые Ставкой ВГК для проведения Выборгско-Петрозаводской операции, насчитывали около 450 тыс. человек, 10 тыс. орудий и минометов, свыше 800 танков и самоходных артиллерийских установок, 1547 самолетов. Советские войска превосходили противника по людям в 1,7 раза, орудиям и минометам – в 5,2, танкам и САУ – в 7,3, по самолетам – в 6,2 раза⁴.

Подготовка к наступлению началась в конце апреля. Она была связана со значительными перегруппировками сил и средств. Так, корабли Балтийского флота перебрасывали из Ораниенбаума на Карельский перешеек войска 21-й армии. Проводились и другие внутрифронтовые и внутриармейские перегруппировки. Большое внимание уделялось скрытности осуществления мероприятий. Для введения противника в заблуждение отдавались соответствующие распоряжения о будто бы подготовке войсками Ленинградского фронта наступательных действий под Нарвой. Карельскому фронту и Северному флоту было приказано “демонстрировать подготовку к наступлению в районе Петсамо и Киркенес”.

Фронтовые объединения проводили работу по подготовке исходных районов для наступления. Первая линия траншей была максимально приближена к переднему краю финской обороны, что позволило расположить войска в непосредственной близости от противника и до минимума сократить разрыв по времени между концом артиллерийской подготовки и началом атаки.

Поскольку предстояло прорвать многополосную, с мощными укреплениями оборону противника, значительное внимание уделялось подготовке штабов и войск способам преодоления таких оборонительных рубежей. Все занятия проводились на специально оборудованных учебных полях, где отрабатывались эффективные приемы борьбы с гарнизонами дотов и дзотов, способы преодоления заграждений и закрепления захваченных рубежей.

В ходе подготовки к операции были пополнены запасы материальных средств, горюче-смазочных материалов, продовольствия. К концу первой декады июня войска Ленинградского и Карельского фронтов были готовы для нанесения удара на Карельском перешейке и в Южной Карелии.

Наступление на Карельском перешейке началось утром 10 июня интенсивной артиллерийской и авиационной подготовкой. Ошибка 1939 г. не повторилась. Финская оборона была подавлена мощным огневым воздействием флота, авиации, наземной артиллерии. Еще накануне артиллерия и авиация Ленинградского фронта и Балтийского флота в течение десяти часов разрушили все наиболее мощные железобетонные оборонительные сооружения. Огневое подавление “неприступной оборонительной первой полосы” было настолько эффективным, что войска 21-й ар-

мии генерала Д.Н. Гусева с ходу пробили брешь на направлении главного удара, форсировали р. Сестра и в первый день продвинулись вдоль Выборгского шоссе почти на 14 км.

На следующий день, после очередного огневого удара, наступление продолжалось. В этих трудных боях весь фронт облетела весть о подвиге старшего сержанта 188-го гвардейского стрелкового полка 633-й гвардейской стрелковой дивизии Н.А. Залетова. При наступлении на хорошо укрепленный опорный пункт обороны противника выбыл из строя командир роты. Коммунист Залетов взял командование ротой на себя и успешно руководил боем, показав себя грамотным и отважным командиром. Ему заслуженно был вручен орден Славы I степени и присвоено офицерское звание.

Из района севернее Куйволи двинулась 23-я армия генерала А.И. Черепанова. Его войска преодолели первую позицию главной полосы обороны финнов и настойчиво пробивались в глубину.

Финны не ожидали такого успеха советских войск. Чтобы восстановить нарушенную оборону, в первые два дня финское командование перебросило на участки прорыва 21-й и 23-й армий дополнительно две пехотные дивизии из состава масельской и олонечкой групп. Опираясь на мощные долговременные сооружения, они решительно контратаковали на всех направлениях. К исходу второго дня боев продвижение войск Ленинградского фронта несколько замедлилось, но остановить их, а тем более восстановить утраченное положение финнам не удалось.

Ставка Верховного Главнокомандования в директиве от 11 июня отметила, что войска Ленинградского фронта в первые два дня наступления справились с поставленной задачей и теперь имеют все возможности развить наступление в глубину обороны противника. Она обязала командующего фронтом приложить все усилия к тому, чтобы 18–20 июня овладеть Выборгом. С утра 12 июня советские части продвинулись почти на 7 км и подошли ко второй оборонительной полосе. Авиация фронта прикрывала свои войска и наносила удары по железнодорожным станциям. В последующие два дня после упорных боев советские войска вклинились во вторую полосу и овладели важными опорными пунктами.

А в это время танковые части 21-й армии, совершив обходной маневр, перерезали шоссе в районе Лемпиляля. На кексгольмском направлении соединения 23-й армии прорвали полосу железобетонных укреплений и вклинились во вторую полосу обороны. Три пехотные и танковая дивизии противника понесли большие потери. Он был выбит из 40 мощных железобетонных и броневых укреплений⁵. Летчики 13-й воздушной армии генерала С.Д. Рыбальченко наносили массированные удары по опорным пунктам и узлам сопротивления второй оборонительной полосы, а также по железнодорожным станциям. За 14 июня было произведено 1424 самолето-вылета, в четырех воздушных боях сбито 6 самолетов противника.

15 июня войска фронта, расширяя прорыв, обходным маневром и ударом с фронта овладели 26 населенными пунктами, в том числе районным центром Каннельярви. На следующий день после ввода в сражение дополнительных сил войска Говорова преодолели упорное сопротивление противника и вечером 17 июня завершили прорыв обороны. Однако до окончательной победы было еще далеко. Финны не оставляли своих позиций без борьбы, они цеплялись за любое естественное препятствие, маневрировали резервами. Нужно было максимально сковать противника в его же обороне и попытаться упредить в выходе на третью оборонительную полосу. Такая задача была под силу только авиации. Воздушная армия генерала Рыбальченко весь день 17 июня штурмовала войска и военную технику финнов, бомбила железнодорожные станции, забитые воинскими эшелонами. За этот день было проведено 14 воздушных боев, в результате которых враг потерял 15 самолетов, авиация Балтийского флота потопила 2 транспорта и 5 сторожевых судов⁶.

Наконец, путь к третьей полосе был открыт. Правда, финское командование попыталось было остановить продвижение советских войск. 19 июня фельдмаршал К. Маннергейм обратился к армии с призывом во что бы то ни стало удержать третью полосу обороны. “Прорыв этой позиции, – подчеркивал он, – может решительным образом ослабить наши возможности к обороне”⁷. Но никакие призывы уже не могли спасти. После мощных ударов артиллерии и авиации командующий Ленинградским фронтом ввел свежие силы, что позволило с ходу преодолеть третью полосу. Противник, не успев организовать противодействие, был смят и начал отходить по направлению к Выборгу.

Войска 21-й армии перешли к преследованию финнов и во второй половине 20 июня завязали бои на подступах к городу. А к 19 часам они овладели Выборгом – крупным железнодорожным узлом и крепостью, создав реальную угрозу вторжения на территорию Финляндии. В это же время в восточной части Карельского перешейка соединения и части 23-й армии отбросили финские войска к оборонительному рубежу, проходившему вдоль озер Вуоксинской водной системы.

После взятия Выборга Ставка ВГК уточнила задачу войскам Ленинградского фронта. Согласно ее директиве от 21 июня он должен был 26–28 июня главными силами выйти на рубеж Иматра, Виройоки, а частью сил наступать на Кексгольм и очистить от противника Карельский перешеек северо-восточнее р. Вуокса и оз. Вуокса⁸.

Финское командование, обеспокоенное продвижением советских войск, вынуждено было заявить своему правительству о приближавшейся военной катастрофе. В создавшейся критической ситуации правительство уполномочило начальника генерального штаба обратиться к Гитлеру с просьбой о помощи немецкими дивизиями. Гитлеру было не до союзников. Он отклонил эту просьбу, но пообещал не прекращать поставки в Финляндию штурмовых орудий и боевых самолетов. Однако обращение финнов насторожило Гитлера. В Финляндию в срочном порядке направился министр иностранных дел И. Риббентроп. После нелегких переговоров ему удалось “выбить” у президента Финляндии Р. Рюти заверение, что его страна остается верной союзническому долгу и не выйдет из войны без согласия рейха⁹.

Пока финны уточняли с Германией свои планы относительно дальнейших действий на советско-германском фронте, Говоров 21 июня получил задачу продолжать наступление. Войскам его фронта предстояло очистить от противника всю территорию Карельского перешейка и выйти на государственную границу с Финляндией 1940 г., в последующем, развивая наступление на Коувола, они должны были закрепиться на левом берегу р. Кюмин-Йоки¹⁰. Для наращивания усилий Верховный разрешил перебросить на перешеек 59-ю армию, которая до этого находилась на восточном побережье Чудского озера¹¹. В начале июля она под командованием генерала И.Т. Коровникова во взаимодействии с кораблями Балтийского флота овладела островами Выборгского залива и начала подготовку к высадке десанта в тыл финских войск.

Тем временем сопротивление противника на Карельском перешейке нарастало. К середине июля здесь было сосредоточено до трех четвертей всей финской армии. Рубеж, который на 90% проходил по водным препятствиям, позволил финнам создать прочную оборону. В тех условиях продолжение наступления могло привести к неоправданным потерям. Поэтому Ставка приказала командующему Ленинградским фронтом с 12 июля перейти к обороне на достигнутом рубеже¹².

Ставка и Генеральный штаб пристально следили за развитием событий на Карельском перешейке и в Южной Карелии. Они были единодушны в том, что вследствие вынужденных перегруппировок противника на выборгское направление из Южной Карелии произошло существенное ослабление финских войск перед Карельским фронтом. Верховный лично заинтересовался этим вопросом. Он по телефону заслушал доклад командующего фронтом К.А. Мерецкого о готовности войск и потребовал начать операцию не позже 21 июня¹³.

Утром 21 июня бомбардировщики и штурмовики обрушили свой смертоносный груз на укрепления финской армии, а спустя 40 минут началась артиллерийская подготовка. Начало наступления было необычным. Перед форсированием Свири группа из 16 смельчаков под прикрытием огня артиллерии и ударов авиации на подручных плавсредствах устремилась к берегу, где находился противник. Финны открыли по ним массированный огонь, что позволило дополнительно выявить многие их огневые точки. Все 16 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза¹⁴.

После уничтожения вновь выявленных целей началось форсирование Свири – одной из крупнейших рек Южной Карелии. Благодаря героическим усилиям бойцов и командиров войска 7-й армии к исходу дня форсировали ее и захватили плацдарм – 16 км по фронту и 6–8 км в глубину¹⁵. Финны боролись буквально за каждый метр, оказывая организованное сопротивление, предпринимали отчаянные контратаки. Продвижение советских войск, несмотря на значительное ослабление вражеской группировки в связи с переброской части сил на Карельский перешеек, развивалось медленно. Ставка потребовала от командования фронта более решительных действий. Однако только успешная высадка 23 июня десанта Ладожской военной флотилией в устье р. Тулокса оказала влияние на увеличение темпов наступления войск фронта на этом направлении.

21 июня также перешла в наступление 32-я армия генерала Ф.Д. Гореленко на медвежьегорском направлении. Ее войска, в тот же день прорвав первую полосу обороны, взяли Повенец и продвинулись на 14–16 км. Казалось, еще совсем немного и финны не выдержат натиска. Но, к сожалению, этого не произошло. Перегруппировав свои силы, финские войска дрались отчаянно и с большим упорством; продвижение войск фронта опять замедлилось.

Ставка выразила недовольство медленным продвижением войск фронта на медвежьегорском и олонцеком направлениях. “Вместо того чтобы решительно атаковать противника, не дать ему уйти и разбить его, войска фронта ожидают отхода противника” – отмечалось в директиве¹⁶. Командующий Карельским фронтом генерал Мерецков получил приказ наступать главными силами 7-й армии на Олоонец, а частью сил – на Коткозеро с тем, чтобы не допустить отхода группировки противника на северо-запад, а, кроме того, во взаимодействии с 32-й армией освободить Петрозаводск.

Выполняя указания Ставки, войска фронта при поддержке с флангов Онежской и Ладожской флотилий за три дня наступления прорвали оборону финнов и продвинулись на 20–30 км. Успешное наступление войск Карельского фронта на олонцеком и петрозаводском направлениях создало благоприятные условия для продолжения наступления 32-й армии. Преодолевая сопротивление врага, ее войска 23 июня освободили Медвежьегорск и развили наступление на Петрозаводск. Соединениям 32-й армии активно помогали партизаны. Нередко они собственными силами освобождали населенные пункты и удерживали их до подхода армии. Особенно дерзко действовали партизанские отряды “Красный партизан”, “Боевой клич” и “Ленинградец” под единым командованием майора А.С. Юдина.

Войска 7-й армии, развивая наступление, 25 июня овладели г. Олоонец – мощным укрепленным пунктом. Им помогли десантники, высаженные кораблями Ладожской военной флотилии в устье р. Тулокса, в тыл вражеской группировки. Взламывая оборону, советские войска 27 июня продолжали успешно продвигаться вдоль Ладожского озера на Питкяранта. В то же время дивизии армии генерала Гореленко продвигались на запад, в направлении Лонгонвара, а частью сил на Петрозаводск. Потери противника составили около 3 тыс. человек.

В результате глубокого обходного маневра и высадки десанта на западном побережье Онежского озера ударом с трех направлений войска Карельского фронта 28 июня освободили г. Петрозаводск, заняли железнодорожную станцию Кондопога, очистив тем самым от противника Кировскую железную дорогу. После взятия

Петрозаводска войска Карельского фронта, преодолевая сопротивление финнов на промежуточных рубежах, обходя их опорные пункты и узлы сопротивления, преследовали противника в западном направлении, освобождая территорию Карелии. Попытки финнов задержать советские войска ни к чему не привели. В период наступления с 21 и 30 июня войска Карельского фронта нанесли крупное поражение соединениям 2-го и 6-го армейских корпусов финнов. Враг потерял свыше 22 тыс. солдат и офицеров¹⁷.

К 11 июля войска достигли рубежа Семозеро, Питкяранта. Чтобы задержать советские войска, финское командование перебросило на опасные участки дополнительные силы с Карельского перешейка, а войскам отдало приказ прекратить отход. Но выполнить его противнику было не так-то просто. И хотя продвижение войск 7-й и 32-й армий несколько замедлилось, инициатива по-прежнему оставалась в руках советского командования.

18 июня генерал Мерецков уточнил задачи своим войскам: совместными усилиями двух армий разгромить группировку противника и овладеть Сортавала. Однако решить их не удалось. К 25 июля 7-я армия почти на всем фронте перешла к обороне. Правда, в полосе наступления 32-й армии положение складывалось несколько иначе. К 21 июля части 176-й стрелковой дивизии первыми в районе Лонгонвара достигли государственной границы с Финляндией 1940 г. и углубились на финскую территорию почти на 5 км. Однако в последующем они были вынуждены отступить и закрепиться вдоль границы.

Поражение финской армии на Карельском перешейке и в Южной Карелии, выход Красной Армии в ряде мест на государственную границу с Финляндией 1940 г. вынудили ее правительство пересмотреть свои прежние планы¹⁸. Согласие, достигнутое в конце июня между президентом Финляндии и министром иностранных дел Германии, привело лишь к временной внутривнутриполитической разрядке. Разразившийся кризис вынудил прогермански настроенного президента Рюти 1 августа уйти в отставку. Его место занял фельдмаршал Маннергейм. Переговоры с советским правительством были возобновлены.

Потеря Финляндии как союзного государства весьма обеспокоила Гитлера. Для выяснения на месте создавшегося положения в Хельсинки прибыл Кейтель. Но его фельдмаршалские погоньи не оказали на финнов должного влияния. Новый президент заявил, что его страна не может далее вести военные действия, так как рискует новыми жертвами поставить под угрозу само существование своего народа¹⁹. Более того, Маннергейм прямо заявил посланнику Гитлера, что не считает себя связанным соглашением с правительством третьего рейха, подписанным прежним президентом.

Вскоре после этого советский посол в Швеции Коллонтай получила послание правительства Финляндии с просьбой к правительству СССР принять финскую делегацию, чтобы договориться о перемирии или заключении мира. В ответном послании Москвы финскому правительству указывалось, что СССР примет финскую делегацию в том случае, если оно согласно заявить о разрыве отношений с третьим рейхом, предъявить его правительству требование о выводе своих вооруженных сил из Финляндии в течение двух недель, но не позднее 15 сентября. В том случае, если Германия ответит отказом, немедленно разоружить ее войска и передать в качестве военнопленных союзникам по антигитлеровской коалиции. Условия, выдвинутые Финляндии, были предварительно согласованы советской стороной с главами правительств США и Великобритании. До получения ответа финского правительства Ставка ВГК распорядилась приостановить наступление 7-й и 32-й армий Карельского фронта и перейти к обороне на достигнутых рубежах²⁰.

2 сентября 1944 г. из президентской резиденции Маннергейма было отправлено два послания. В одном, предназначенном германскому правительству, выражалась полная признательность Финляндии своему союзнику – немецкой армии. Второе послание свидетельствовало о принятии Финляндией условий, предъявленных

советской стороной: провести в жизнь добровольную эвакуацию или интернирование германских войск на южной части своей территории, в течение двух месяцев демобилизовать армию, а также разоружить и передать Советскому Союзу в качестве военнопленных все немецкие войска, которые после 15 сентября будут еще оставаться на ее территории.

Гитлер был против ухода германских войск из Финляндии. Пленный унтер-офицер 7-й роты горнострелкового полка показал: “На следующий день после того как Финляндия приняла условия России, нам, в частности, прочитали специальный приказ Гитлера. В приказе говорилось, что Южная Финляндия большой ценности не представляет, ее можно оставить финнам, но что в северной части находятся никелевые заводы, которые имеют для Германии огромное значение, что немцы никогда не отдадут Северную Финляндию. Приказ заканчивался призывом к солдатам удерживать эти районы при любых условиях”²¹. Но фюрер не хотел полностью терять и Южную Финляндию. Он распорядился осуществить внезапное нападение на о-ов Сурсари в Финском заливе, чтобы в последующем использовать его в качестве военно-морской базы²². Дело принимало серьезный оборот. Однако финны, в силу взятых перед СССР обязательств, при содействии советской авиации сбросили в море уже высадившийся на остров немецкий десант.

Как и было запланировано, 14 сентября в Москве начались советско-финляндские переговоры. Советскую делегацию возглавил министр иностранных дел В.М. Молотов, финскую – министр иностранных дел Финляндии К. Энкель. Сразу же выяснилось, что финская сторона настроена всячески затянуть переговоры, а может, и запутать их по ряду вопросов. В частности, финны утверждали, будто репарации их государства Советскому Союзу в сумме 300 млн долл. сильно завышены. Имелись и другие несовпадения во мнениях, тем не менее они не могли повлиять на главный вопрос – о выходе Финляндии из войны на стороне Германии.

Переговоры завершились 19 сентября подписанием соглашения о перемирии. Для контроля за выполнением условия перемирия была создана Союзная контрольная комиссия²³. После подписания соглашения не все проходило гладко. Финны пытались осуществить то, что им не удалось на переговорах: они всячески затягивали сроки, предусмотренные соглашением, медлили с роспуском фашистских организаций и арестом военных преступников. На севере Финляндии военные действия против войск вермахта финны начали с большим опозданием, к тому же незначительными силами. Да и разоружение немецких войск на территории Финляндии затягивалось. Немцев это вполне устраивало, так как они намеревались использовать свои части для удержания советского Заполярья, особенно это касалось Петсамо (Печенги) – района, богатого никелем, а также для прикрытия подступов к Северной Норвегии.

Правительство СССР не могло допустить такого попустительства со стороны финского правительства в отношении к бывшему союзнику. Оно заняло исключительно жесткую позицию в вопросе выполнения всех статей совместного соглашения. Таким образом, благодаря усилиям СССР Финляндия смогла выйти из войны еще до полного крушения фашистского блока. Соглашение в Москве открывало новую страницу в жизни финского народа, восстанавливало его национальную независимость и государственную самостоятельность.

В результате боевых действий на Карельском перешейке и в Южной Карелии (Выборгско-Петрозаводская операция) была полностью ликвидирована угроза Ленинграду с севера, освобождена большая часть Карело-Финской ССР, очищены от вражеских войск Кировская железная дорога и Беломорско-Балтийский канал, Финляндия выведена из войны на стороне фашистской Германии. С точки зрения военного искусства Выборгско-Петрозаводская операция поучительна ведением наступления на разобщенных труднодоступных направлениях, решительным маскированием сил и средств на участках прорыва, четким взаимодействием фронтов,

флота и флотилий. Характерная особенность операции – последовательный прорыв сильно укрепленной многополосной обороны финских войск с форсированием водных преград. Вместе с тем поставленная Ставкой задача была выполнена не полностью. Главные силы не достигли государственной границы, а вышедшие к ней соединения 32-й армии Карельского фронта были оттеснены финнами.

Советские войска в ходе боевых действий разгромили 13 пехотных и 1 танковую дивизию, 7 пехотных и 1 кавалерийскую бригады. Безвозвратные потери составили: Карельского фронта – 16 924 человека, Ленинградского фронта – 6018, Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий – 732 человека.

За успешные действия под Выборгом и в Южной Карелии 79 воинов удостоены звания Героя Советского Союза, 132 соединения и части, наиболее отличившиеся в боях, получили почетные наименования “Выборгские”, “Ленинградские”, “Петрозаводские”, “Свирские”, 39 награждены орденами. За умелое управление войсками командующему Ленинградским фронтом Л.А. Говорову было присвоено звание Маршала Советского Союза.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРИБАЛТИКИ

В начале декабря 1943 г. Генеральный штаб выдвинул предложения на окружение группы армий “Север” западнее Новгорода и последующее нанесение ударов в направлениях Нарвы, Тарту, Даугавпилса, что создавало выгодные условия для вступления в Прибалтику. Однако затяжные бои под Ленинградом, Новгородом и Великими Луками, а также в восточных районах Белоруссии не позволили реализовать этот замысел. Лишь окончательное снятие блокады с Ленинграда и успешные действия под Новгородом в январе 1944 г. приблизили начало борьбы за Прибалтику.

Германское командование понимало, что с потерей Прибалтики рушилось все северное крыло Восточного фронта, прекращалась связь с Финляндией – единственным поставщиком никеля и грозила потеря высококачественной руды из Швеции. Стремясь сохранить свое влияние в этом регионе, Берлин отдал приказ укрепить оборонительные рубежи на подступах к Прибалтике и срочно восстановить боеспособность группы армий “Север”, для чего из Германии прибывали пополнения. В состав группы включались также соединения из местных националистов. К началу 1944 г. были сформированы и поставлены под ружье две эстонские и две латышские дивизии, а также многие полицейские формирования²⁴. Всего же в группе армий “Север” к этому времени насчитывалось 47 дивизий и одна бригада²⁵.

Начало борьбы за Прибалтику относится к февралю 1944 г., когда войска Ленинградского фронта под командованием генерала Л.А. Говорова достигли восточной границы Эстонии по р. Нарва и захватили плацдарм на ее левом берегу. На псковском направлении войска Говорова совместно со 2-м Прибалтийским фронтом под командованием генерала М.М. Попова охватывали левое крыло 16-й немецкой армии, что создавало благоприятные условия для наступления на Резекне, а потом на Даугавпилс. Однако последующие бои успеха не принесли. Несмотря на то что Верховный Главнокомандующий лично потребовал от Говорова овладеть г. Нарва не позднее 17 февраля, выполнить приказ Сталина не удалось. Это было сделано только 26 июля 1944 г.

В начале июля обстановка в Прибалтике резко изменилась: разгромленный в Белоруссии враг откатывался в западном направлении. 4 июля войска 1-го Прибалтийского фронта генерала И.Х. Баграмяна вышли на стык латвийско-литовской границы, а 3-й Белорусский фронт под командованием генерала И.Д. Черняховского подошел к Молодечно, глубоко охватив все левое крыло прибалтийской группировки противника.

Ставка ВГК, пристально следившая за развитием событий в Прибалтике, стре-

милась незамедлительно использовать выгодные условия для разгрома группы армий “Север” и освобождения Эстонии, Латвии и Литвы. Согласно ее директивам от 4 и 6 июля 1944 г. фронты, действовавшие на прибалтийском направлении, получили задачи на продолжение наступления. Войска 3-го Белорусского фронта должны были продвигаться в направлении Вильнюс (Вильно) и не позднее 10–12 июля освободить столицу Литвы, выйти к Неману и захватить плацдармы на его левом берегу. Задача 1-го Прибалтийского фронта заключалась в том, чтобы наступать на Каунас, Шяуляй и к 10–12 июля овладеть Даугавпилсом. Командующему 2-м Прибалтийским фронтом генералу А.И. Еременко предстояло во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом отрезать группировку врага от коммуникаций, связывавших его с Германией. Вновь сформированный 3-й Прибалтийский фронт под командованием генерала И.И. Масленникова получил задачу освободить Тарту и Пярну и выйти в тыл нарвской группировки противника. Разбить эту группировку должен был Ленинградский фронт, ему же предстояло освободить Нарву²⁶.

Первыми устремились к Неману войска генерала Черняховского. Их целью было как можно быстрее овладеть столицей Литвы. 5-я армия генерала Н.И. Крылова наступала на Вильнюс с севера, а 5-я гвардейская танковая армия маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова наносила удар по городу с юга. На алитусском направлении продвигалась 11-я гвардейская армия под командованием генерала К.Н. Галицкого с задачей захватить плацдарм на р. Неман. 31-я армия генерала В.В. Глаголева наступлением на Лиду обеспечивала левый фланг фронта.

К исходу 5 июля ударная группировка фронта сломала сопротивление 3-й танковой армии противника под командованием генерала Г. Рейнгарда и подошла к Вильнюсу. На следующий день 35-я танковая бригада форсировала р. Виля и ворвалась на южную окраину города. Завязались ожесточенные бои. Танкисты отразили 12 вражеских контратак, но продвинуться вперед так и не смогли. Тогда командир 3-го гвардейского механизированного корпуса генерал В.Т. Обухов во взаимодействии с войсками 5-й армии атаковал Вильнюс с севера. Враг упорно сопротивлялся. 9 июля Вильнюс был полностью взят в плотное кольцо. Продолжать далее борьбу за город не имело смысла. Однако, выполняя приказ Гитлера “держаться до последнего солдата”, части гарнизона дрались с яростью обреченных. Командующий 5-й армией генерал Крылов во избежание напрасного кровопролития 10 июля предложил немцам сложить оружие. Ответа на ультиматум не последовало. В результате пятидневных ожесточенных боев Вильнюс был полностью освобожден. На улицах было подобрано 7 тыс. вражеских трупов, взято в плен 5200 солдат и офицеров. Противник потерял 156 орудий, 28 танков и штурмовых орудий, 1100 автомашин и много военного снаряжения²⁷. При освобождении Вильнюса отдали свои жизни воины самых разных национальностей. На мраморных обелисках кладбища, что в центре литовской столицы, были начертаны имена павших героев.

После освобождения Вильнюса войска 3-го Белорусского фронта продвигались к Неману. К утру 14 июля армия генерала Галицкого, форсировав реку, вступила в бой за плацдарм на ее левом берегу. Особенно отличилась в этих боях 31-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора И.Я. Бурмакова. Воины дивизии первыми форсировали Неман, захватили плацдарм на левом берегу и удерживали его до подхода главных сил.

Во второй половине июля сопротивление противника на рубеже р. Неман резко возросло из-за того, что сюда были брошены дополнительные силы. 28 июля Ставка ВГК приказала генералу Черняховскому развивать наступление силами 39-й и 5-й армий с задачей не позднее 1–2 августа 1944 г. ударами с севера и юга овладеть г. Каунас; в дальнейшем всеми силами фронта наступать к границам Восточной Пруссии²⁸. Командованием фронта было создано две ударные группировки, плотность артиллерии доведена до 100 орудий и минометов на километр фронта. Сюда же перенацеливались главные силы фронтовой авиации.

29 июля войска Черняховского возобновили наступление. К исходу дня обе

ударные группировки прорвали укрепления противника и продвинулись на 9–17 км. Навстречу им немцы бросили все свои резервы, но остановить наступление не смогли. 30 июля сопротивление на рубеже Немана было окончательно сломлено. 2-й танковый корпус генерала А.С. Бурдейного прорвался в глубину обороны немецких войск и поставил под угрозу окружения каунасскую группировку. А в это время соединения 5-й армии охватили Каунас с флангов. Используя успех танкового корпуса, войска 33-й армии 31 июля овладели железнодорожной станцией Марьямполье, а войска 5-й армии ворвались в Каунас и к утру 1 августа освободили город²⁹.

В то время как войска генерала Черняховского продвигались к Неману, на 1-м Прибалтийском фронте обстановка осложнилась. Особенно кровопролитные бои развернулись под Даугавпилсом в полосе наступления 6-й гвардейской армии генерала И.М. Чистякова. Жестокие бои пришлось вести воинам 46-й гвардейской стрелковой дивизии: врагу удалось обойти фланги одного из ее полков. Мужественно отражая все атаки, гвардейцы 11 июля соединились с главными силами дивизии³⁰. Но противник непрерывно усиливал свою оборонительную группировку. Дальнейшее продвижение левого крыла фронта на каунасском направлении затормозилось. Немецкое командование полагало, что если войска 1-го Прибалтийского фронта и далее будут успешно продвигаться южнее Даугавпилса на запад, то окажется отрезанным все северное крыло группы армий “Центр”³¹.

Итак, к 12 июля обстановка в полосе 1-го Прибалтийского фронта оказалась довольно сложной и не совсем обычной. С одной стороны, командование группы армий “Центр” испытывало чувство опасения, а с другой – у командования 1-го Прибалтийского фронта не нашлось сил для решительного броска к Балтийскому морю.

Маршал А.М. Василевский, которому Верховный поручил координировать действия 1-го Прибалтийского фронта, посоветовавшись с И.Х. Баграмяном, обратился в Ставку. В состоявшемся телефонном разговоре он убедил Сталина, что, развивая удар на Ригу, можно быстрее, а главное, с меньшим риском расколоть здесь немецкую оборону и, выйдя к Балтийскому побережью, перерезать коммуникации из Прибалтики в Восточную Пруссию и, следовательно, отсечь всю группу армий “Север” от Германии³².

Верховный Главнокомандующий согласился с доводами представителя Ставки, но, в свою очередь, потребовал ни в коем случае не прекращать наступление. Было также решено, что с вводом прибывших после завершения разгрома немецких войск в Крыму 51-й и 2-й гвардейской армий удар по противнику будет нанесен не позднее 20 июля, а 39-я армия, нацеленная на Каунас, снова войдет в состав 3-го Белорусского фронта.

Как и было запланировано, войска 1-го Прибалтийского фронта нанесли удар 20 июля. Случилось то, на что и рассчитывало советское командование: удар только что введенных в сражение двух свежих армий противник остановить не смог. Соединения 51-й и 2-й гвардейской армий преодолели оборону и за два дня продвинулись почти на 50 км. Их поддерживала 3-й воздушная армия. 25 июля ударная группировка фронта вышла на подступы к Шяуляю. Хотя немцы оказали упорное сопротивление, удержать Шяуляй не удалось. Вечером 27 июля город был освобожден³³.

В то время как войска 2-й гвардейской армии под командованием генерала П.Г. Чанчибадзе продолжали теснить противника на запад, 51-я армия генерала Я.Г. Крейзера и 3-й гвардейский механизированный корпус, развернувшись на север, повели наступление к Рижскому заливу. Немцы подтянули к городу дополнительно три пехотные дивизии, усиленные танками. Бои за Елгаву приняли затяжной характер. Потеря времени в создавшейся обстановке была недопустима, так как противник мог укрепить оборону и на тукумском направлении.

Командующий фронтом принял решение изолировать гарнизон Елгавы и при-

казал направить часть сил на овладение г. Тукумс. Решение этой задачи было возложено на 8-ю гвардейскую механизированную бригаду. Совершив по тылам противника стремительный 60-километровый бросок, она 30 июля выбила немцев из Тукумса, в то время как ее передовой отряд продвинулся на север и вышел к Рижскому заливу. Баграмяну был доставлен бочонок с морской водой – своеобразное свидетельство выполненной задачи. Последние сухопутные коммуникации, связывающие группу армий “Север” с остальными силами вермахта, были блокированы советскими войсками. Командир бригады полковник С.Д. Кремер за блестяще выполненную задачу стал генералом и был представлен к званию Героя Советского Союза.

Выход войск 1-го Прибалтийского фронта к Рижскому заливу вызвал переполох в Берлине. В происшедшем Гитлер обвинил командующего группой армий “Север” Г. Фриснера. Опальный генерал тут же был снят с должности. Вновь назначенному на его должность генералу Ф. Шернеру фюрер приказал восстановить положение.

Шернер сделал, казалось бы, все, что помогло бы выполнить поставленную задачу. К 1 августа в районе г. Биржай он создал более чем тройное превосходство в силах и средствах, а на следующий день нанес мощный контрудар силами шести пехотных дивизий при поддержке танков. В первый день немцам удалось обойти фланги 357-й стрелковой дивизии, отрезать ее от 43-й армии. Но дивизия, умело обороняясь в лесисто-болотистой местности, продолжала упорно сражаться. Командование фронта срочно направило в этот район дополнительные стрелковые части, а также 19-й танковый корпус генерала И.Д. Васильева. Благодаря принятым мерам к вечеру 2 августа продвижение противника было приостановлено.

Утром следующего дня немцы возобновили наступление. В случае их продвижения в южном направлении на Паневежис, над только что вышедшими к Шяуляю советскими войсками нависла бы реальная угроза их отсечения. Однако танковые части, пехота и истребительно-противотанковая артиллерия остановили противника. Удерживая узлы дорог, маневрируя, они перемалывали его танковую группировку. Немецкое командование пыталось вернуть Елгаву, но безуспешно. Воины 51-й армии отразили все предпринятые для этого атаки. Командование вермахта отчаянно стремилось деблокировать группу армий “Север”. К середине августа перед войсками 2-й гвардейской и 51-й армий оно сосредоточило крупную группировку, насчитывавшую около семи танковых дивизий³⁴. Только на елгавском направлении против двух стрелковых дивизий 51-й армии было сосредоточено более четырех танковых и две пехотные дивизии. Столь же мощная группировка изготовилась и для контрудара против 2-й гвардейской армии.

Предвидя опасность прорыва немецких войск в районе Шяуляя, Ставка 4 августа забрала у Черняховского 5-ю гвардейскую танковую армию и направила ее Баграмяну. Гвардейцы Ротмистрова, успешно преодолев 200-километровое расстояние, достойно проявили себя при отражении контрудара.

Утром 17 августа немцы нанесли удар по войскам 2-й гвардейской армии в районе Шяуляя. О силе его свидетельствует тот факт, что плотность одних только танков составляла 40–45 единиц на километр фронта. Созданная на широком фронте оборона 2-й гвардейской армии не смогла выдержать удара столь мощного танкового кулака. Вечером немецкие танки вклинились в оборону советских войск почти на 12 км. Но большего противнику достичь не удалось. Благодаря стойкости воинов 2-й гвардейской и прибывшей ей на помощь 5-й гвардейской танковой армий контрудар противника в районе Шяуляя развития не получил.

Не добившись успеха под Шяуляем, немцы 20 августа нанесли удар с запада и севера на Тукумс и одновременно высадили морской десант на побережье Рижского залива. Части 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерала И.И. Миссана из состава 51-й армии не смогли сдержать натиска противника, и гарнизон Тукумса оказался в окружении. Его части смогли все же прорвать кольцо и отойти к Елга-

ве. Но и врагу удалось отеснить войска 1-го Прибалтийского фронта от Рижского залива и с 21 августа восстановить сухопутное сообщение группы армий “Север” с Восточной Пруссией.

В свою очередь, советское командование в срочном порядке предприняло меры для усиления елгавской группировки. С правого крыла фронта на левый фланг 51-й армии спешно была переброшена 6-я гвардейская армия. Пока шла передислокация войск в район Елгавы, командование 1-го Прибалтийского фронта было вынуждено временно отказаться от попыток закрыть коридор, созданный немцами вдоль побережья Рижского залива, ибо сил на то и другое не хватало.

Вплоть до 26 августа положение на елгавском направлении оставалось весьма сложным. Только с вводом в сражение 6-й гвардейской армии войскам 1-го Прибалтийского фронта к концу августа удалось остановить ударные группировки противника и стабилизировать положение.

В то время как войска 1-го Прибалтийского фронта вели тяжелые бои под Даугавпилсом, армии 2-го Прибалтийского фронта также перешли в наступление. В направлении Резекне продвигались 10-я гвардейская армия генерала М.И. Казакова и 3-я ударная армия генерала А.В. Юшкевича. Несколько южнее, в направлении Даугавпилса, развернули наступление левофланговые армии фронта – 22-я общевойсковая и 4-я ударная. В составе 22-й армии генерала Г.П. Короткова действовал 130-й латышский стрелковый корпус, которым командовал генерал Д.К. Бранткалн. Наибольший успех 2-го Прибалтийского фронта обозначился на даугавпилском направлении, где войска 22-й армии 22 июля очистили от врага Дагду. В это же время 4-я ударная армия генерала П.Ф. Малышева, прорвав сильные укрепления и преследуя отходившие части противника, освободила г. Краслава.

С 25 июля войска фронта начали громить противника на последнем, третьем по счету, оборонительном рубеже, который прикрывал Даугавпилс и Резекне с востока. Спустя два дня упорные бои разгорелись за Даугавпилс. Части 83-го стрелкового корпуса генерала Н.Л. Солдатова сломали сопротивление противника и устремились в центральную часть города. А в это время гвардейцы 10-й армии во взаимодействии с воинами 3-й ударной армии освобождали Резекне.

Прорвав мощные оборонительные рубежи, фронт выполнил поставленную Ставкой ближайшую задачу. В тот же день его командующий генерал А.И. Ерёменко получил новую директиву: войска 2-го Прибалтийского фронта не позднее 10 августа должны освободить Ригу и выйти на побережье Рижского залива³⁵. За две недели соединения и части с боями должны были пройти более 200 км.

Преодолев Лубанскую низменность, войска фронта, преследуя отходившего противника, 13 августа овладели крупным железнодорожным узлом на рижском направлении – г. Мадона. А к концу месяца войска генерала Ерёменко вышли на рубеж Эргли, Плявиняс и перешли к обороне, чтобы подготовиться к наступлению на Ригу.

Войска 3-го Прибалтийского фронта под командованием генерала И.И. Масленникова левым крылом 21 июля перерезали шоссе Остров – Резекне, правым – глубоко обошли островскую группировку противника. Наступление войск 3-го Прибалтийского фронта оказалось для германского командования полной неожиданностью. Оно было вынуждено срочно отводить свои соединения, а это означало потерю выгодного рубежа. В дальнейшем войска фронта развернули наступление в западном направлении. Успешно продвигались соединения 1-й ударной армии. Во второй половине 28 июля они с ходу освободили г. Лиепая. Через три дня войска отбросили противника на оборонительный рубеж “Марианбург”, вступив на территорию Эстонии. Развивая наступление, дивизии 67-й армии нанесли противнику ощутимый урон на подступах к Тарту, а 25 августа завершили его освобождение. В успешном продвижении войск 3-го Прибалтийского фронта к северу от Тарту немецкое командование увидело, и не без основания, угрозу флангу и тылу оперативной группы “Нарва”, оборонявшей подступы к Эстонии. Поэтому в срочном

порядке оно выдвинуло на это направление дополнительные силы и существенно усилило свою группировку на участке от Чудского озера до оз. Выртсъярв. С каждым днем сопротивление противника нарастало. Через три дня продвижение советских войск приостановилось. В этой обстановке генерал Масленников создал из войск, действовавших в межозерье, группу во главе с заместителем командующего фронтом генералом А.А. Гречкиным. До получения фронтом новой задачи ей предстояло упорно оборонять занимаемые рубежи.

Со вступлением в Эстонию войск 3-го Прибалтийского фронта возникли благоприятные условия для разгрома немцев в районе Нарвы. 24 июля началось наступление Ленинградского фронта. Неожиданно для противника соединения 2-й ударной армии генерала И.И. Федюнинского форсировали Нарву севернее одноименного города, а навстречу им наносили удар соединения 8-й армии генерала Ф.Н. Старикова.

Прорвав с двух сторон сильную оборону, войска фронта 26 июля вышли к шоссе Таллин – Нарва, совместными усилиями 2-й ударной и 8-й армий освободили Нарву и подошли к очередному оборонительному рубежу противника, оснащенному мощными укреплениями. Попытки прорвать его с ходу успеха не имели. Фронт здесь стабилизировался. Советскому командованию потребовалось время для подготовки наступления по дальнейшему освобождению Прибалтики.

Таким образом, в ходе летнего наступления войска 3-го Белорусского, трех Прибалтийских и Ленинградского фронтов освободили большую часть Литвы, часть Эстонии, значительную часть Латвии. Противнику было нанесено тяжелое поражение. Оборонявшаяся в Прибалтике группа армий “Север” только за один август потеряла 70 566 солдат и офицеров³⁶.

Однако противник продолжал отчаянно сопротивляться. Созданный им вдоль побережья Рижского залива коридор позволял не только перебрасывать сюда дополнительные силы, но и в случае необходимости осуществлять эвакуацию своих войск из Прибалтики в Восточную Пруссию. Ставка Верховного Главнокомандующего, учитывая эту опасность, в срочном порядке разработала план наступления с целью окончательного разгрома группы армий “Север”. Для этого имелись все условия: инициатива находилась в руках советского командования, да и сил и средств было вполне достаточно.

Осенью 1944 г. с новой силой развернулись боевые действия в Прибалтике. Выполняя приказ Гитлера, командование вермахта дополнительно бросило сюда танковую армию и лихорадочно готовило новые оборонительные рубежи. К 1 сентября в составе группы армий “Север” имелось 55 дивизий, в том числе 5 танковых и 2 моторизованные. В них насчитывалось 730 тыс. человек, 1216 танков и штурмовых орудий, 7 тыс. единиц артиллерийских систем и 400 боевых самолетов³⁷. Основные усилия были сосредоточены на рижском направлении, где немецкое командование сконцентрировало все пять танковых дивизий. Значительные силы стягивались также в районе Нарвы.

Работы по созданию обороны противник завершил к осени. На нарвском направлении немцы особенно тщательно укрепили пространство между Финским заливом и Чудским озером. Ранее построенный здесь рубеж был основательно усилен. Теперь он включал три оборонительные полосы общей глубиной 25–30 км. Непреодолимой, по мнению германского командования, являлась оборона в районе Риги. На подступах к городу с северо-востока и востока были оборудованы четыре оборонительных рубежа. Глубокоэшелонированная, развитая в инженерном отношении оборона была создана и на клайпедском направлении. Именно здесь командование группы армий “Север” ожидало прорыва советских войск к Балтийскому морю.

Конфигурация фронта давала советскому командованию немалое преимущество, ибо способствовала успешному ведению наступления с решительными целями. Так, 3-й Прибалтийский фронт с выходом в район Тарту создал угрозу оперативной

группе “Нарва”, оборонявшейся на западном берегу Чудского озера; войска 2-го Прибалтийского фронта заняли охватывающее положение относительно группировки противника в районе Эргли: 1-й Прибалтийский фронт, несмотря на проложенный коридор, примыкавший к Рижскому заливу, реально угрожал расчленению его группировки и даже изоляции всей группы армий “Север”.

Конечно, германское командование видело все уязвимые места в своей обороне. Оно предпринимало неоднократные попытки выровнять свой фронт. Еще в августе, когда войска 3-го Прибалтийского фронта только выходили к Тарту, командование группы армий “Север” попыталось было с помощью сильных контратак ликвидировать выступ во фронте от Псковского озера до Валги, но это ему не удалось. Столь же безуспешными оказались и действия по ликвидации выступа в районе Елгавы.

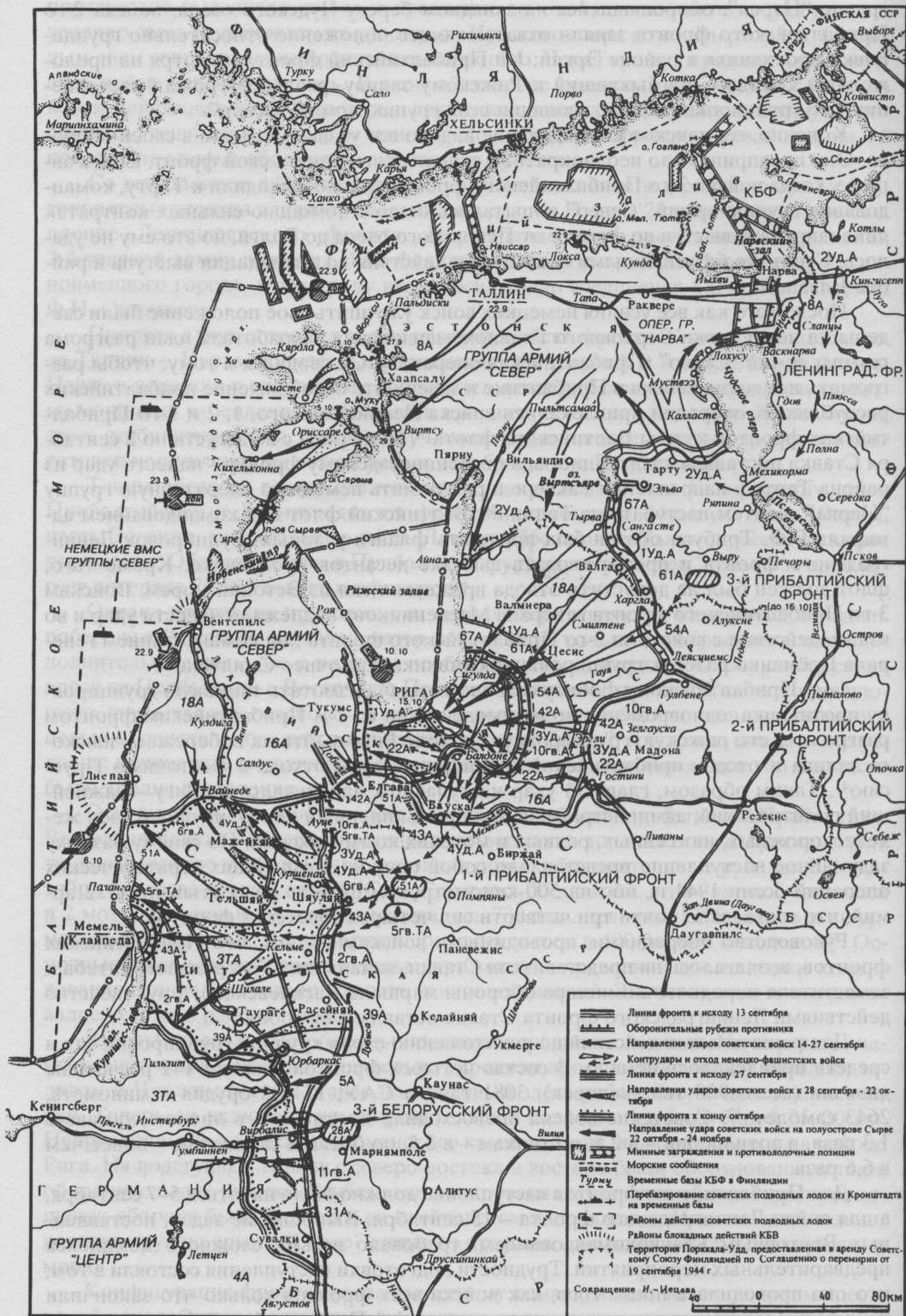
После того как все усилия немецких войск улучшить свое положение были сведены на нет, Ставка Верховного Главнокомандования разработала план разгрома группы армий “Север” (Прибалтийская операция). Он сводился к тому, чтобы разгромить немецкие войска в Прибалтике и завершить освобождение прибалтийских республик. К операции привлекались войска Ленинградского, 1, 2 и 3-го Прибалтийских фронтов и силы Балтийского флота³⁸. На период с 26 августа по 2 сентября Ставка поставила следующие задачи. Ленинградскому фронту – нанести удар из района Тарту в направлении Раквере и разгромить немецкую оперативную группу “Нарва”, а затем наступать на Таллин³⁹. Балтийский флот под командованием адмирала В.Ф. Трибуца обязан был прикрыть фланги ударных группировок Ленинградского фронта и препятствовать высадке десантов противника. Кроме того, флот должен был не допустить отвода вражеских сил из Эстонии морем. Войскам 3-го Прибалтийского фронта генерала Масленникова надлежало нанести удар и во взаимодействии с войсками 2-го Прибалтийского фронта под командованием генерала Ерёмко разбить группировку противника восточнее Смилтене⁴⁰.

1-му Прибалтийскому фронту ставилась задача измотать танковую группировку противника, одновременно во взаимодействии со 2-м Прибалтийским фронтом разгромить его рижскую группировку, в районе Риги выйти на побережье Рижского залива и отсечь прибалтийской группировке пути отхода в Восточную Пруссию⁴¹. Таким образом, главный удар наступавших нацеливался на Ригу – важнейший политический, административный и промышленный центр, крупный узел железнодорожных, шоссейных, речных и морских коммуникаций. По своему размаху задуманное наступление представляло собой одну из крупнейших стратегических операций осени 1944 г., ибо на 500-километровом фронте развертывались 12 армий, что составляло почти три четверти сил четырех советских фронтов.

Руководство операциями, проводимыми войсками 1, 2 и 3-го Прибалтийских фронтов, возлагалось на представителя Ставки, начальника Генерального штаба и заместителя народного комиссара обороны маршала Василевского, а руководство действиями Ленинградского фронта Ставка оставляла за собой.

Для решительных действий по уничтожению столь крупной группировки сил и средств привлекалось немало. В состав четырех фронтов входили 142 расчетные дивизии (всего 900 тыс. человек), 3081 танк и САУ, 17 483 орудия и миномета, 2643 самолета⁴². Советские войска превосходили противника в личном составе в 1,3 раза, в артиллерии – в 2,5, по танкам – в 2,5, по боевым самолетам – более чем в 6,6 раза.

Для Прибалтийских фронтов наступление должно было начаться 5–7 сентября, а для войск Ленинградского фронта – 15 сентября. Выполнение задач, поставленных Верховным Главнокомандованием, требовало весьма сложного комплекса предварительных мероприятий. Трудности подготовки наступления состояли в том, что она проводилась после того, как войска всех фронтов только что закончили предшествующие наступательные операции, а 1-й Прибалтийский фронт отразил мощный контрудар противника в районе Шяуляя.

Прибалтийская наступательная операция. 14 сентября – 24 ноября 1944 г.

В недельный срок войскам прибалтийских фронтов надлежало увеличить общее количество танков и САУ на участках прорыва почти в полтора раза. Особую заботу командование фронтов и армий проявляло по поводу танков непосредственной поддержки пехоты. К большому сожалению, эта проблема осталась нерешенной, так как особыми указаниями Ставки танковые и механизированные корпуса предписывалось использовать только для развития успеха. Это привело к тому, что из 287 наличных танков и самоходных артиллерийских установок в качестве танков непосредственной поддержки во 2-м Прибалтийском фронте было применено лишь 133 боевые машины, т.е. 5–9 единиц на 1 км фронта. Не намного лучше была решена данная проблема и в 3-м Прибалтийском фронте⁴³. Большое количество рек и озер в Прибалтике потребовало объемных работ по обеспечению их форсирования.

Важное место занимала морально-психологическая подготовка войск, особенно прибывавшего пополнения. В значительной степени оно состояло из тех, кто был призван на только что освобожденной территории Белоруссии и Прибалтики, а значит, не имел никакой военной подготовки. Новые и ответственные задачи встали перед командирами и политработниками в связи с вступлением на территории прибалтийских республик, население которых за три с лишним года оккупации подвергалось изощренной идеологической обработке.

Несмотря на то что подготовительная работа в войсках велась круглосуточно, времени оказалось явно недостаточно. И, хотя обстановка требовала безотлагательного наступления, Ставка ВГК вняла просьбам командующих фронтами и отложила его еще на одну неделю. Надо отдать должное командованию фронтов: добавленное время оно использовало весьма эффективно. Штабы более тщательно спланировали боевые действия. Артиллеристы сосредоточили к участкам прорыва необходимое количество орудий и минометов. Инженерные войска лучше подготовились к преодолению водных преград, сумели завершить строительство намеченных дорог и колонных путей. Наконец, органы тыла, не успевшие к первоначальному намеченному сроку подвести необходимое количество боеприпасов, горючего и продовольствия, восполнили этот существенный пробел в обеспечении наступления. Наступление началось утром 14 сентября 1944 г. На рижском направлении одновременно нанесли удар войска трех Прибалтийских фронтов. С разрывом в три дня в наступление на таллинском направлении перешли войска Ленинградского фронта. Наибольшего успеха в первый же день добились войска 1-го Прибалтийского фронта. 43-я и 4-я ударная армии к вечеру овладели первой полосой обороны противника, а севернее г. Бауска ее удалось прорвать на всю тактическую глубину.

Успех войск правого крыла 1-го Прибалтийского фронта отнюдь не случаен. Артиллерийским огнем большой плотности и ударами авиации оборона противника была подавлена. Сыграли свою роль плотины, построенные в верхнем течении рек Мемеле и Лиелупе. С началом атаки они были закрыты, в результате чего уровень воды резко понизился и пехота с танками смогли быстро их преодолеть.

Развивая наступление в районе Бауска, части 3-го гвардейского механизированного корпуса 16 сентября вышли к Даугаве, а войска 43-й армии продвинулись за три дня более чем на 50 км. Противник, не исключавший вероятность прорыва здесь оборонительного рубежа, который прикрывал Ригу с юга, заранее спланировал и нанес сильный контрудар. 18 сентября маршал Василевский докладывал в Москву: «На фронте 6-й гвардейской армии Чистякова, к юго-западу от Дбеле, противник повел наступление в восточном направлении силами 5-й и 6-й танковых дивизий и моторизованной дивизии “Великая Германия”... Ему удалось вклиниться от 4 до 5 км»⁴⁴. Несмотря на настойчивые атаки, предпринятые с 16 по 22 сентября, противник своей цели не достиг. А в то же время на правом крыле фронта 4-я ударная армия продолжала преследовать врага. Продвинувшись на 30–40 км, она очистила от немецких войск левый берег Западной Двины. Такое развитие со-

бытий нарушало все планы командования группы армий “Север”. перебросив в район Бáлдоне 14-ю танковую дивизию и собрав все резервные части, оно сосредоточило на этом направлении около 12 дивизий.

Утром 19 сентября противник нанес удар по соединениям 43-й армии генерала А.П. Белобородова. Ожесточенные бои разгорелись 22-го. До 15 немецких контратак отразили войска 43-й армии. При этом неоценимую помощь им оказали летчики 3-й воздушной армии генерала Н.Ф. Папивина. Одни только штурмовики совершили в тот день 340 самолето-вылетов⁴⁵.

Успех войск 1-го Прибалтийского фронта мог быть еще более весомым, если бы ударные группировки 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов сумели столь же стремительно преодолеть вражескую оборону. Однако севернее Западной Двины они натолкнулись на упорное сопротивление противника. Именно на этот участок фронта генерал Ф. Шернер бросил все наличные силы. Вот почему в первые три дня наступление обоих фронтов приняло характер затяжных боев с незначительным продвижением в пределах главной полосы обороны противника. Начальник штаба 2-го Прибалтийского фронта генерал Л.М. Сандалов дал тем событиям такую оценку: “Сказалось и то, что мы не проявили должной гибкости, изобретательности. Удары нанесли в одни и те же места, стремясь прорваться именно там, где было намечено”⁴⁶. Несмотря на это, войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов многое сделали для ослабления оборонявшейся на рижском направлении группировки противника, вынудив его израсходовать все имевшиеся в наличии резервы, а главное – враг понес существенные потери. Оборонявшиеся здесь пять пехотных дивизий оказались настолько обескровленными, что командованию пришлось свети их в боевые группы.

Хотя Рига продолжала оставаться в руках немцев, положение группы армий “Север” резко ухудшилось. Генерал Шернер докладывал Гитлеру, что для германских войск в Прибалтике, потерявших почти половину своего состава, наступил последний момент. Группа не в состоянии вести длительные оборонительные действия, и остается одна возможность – уйти. Если ранее командование вермахта и мысли не допускало об оставлении Прибалтики, то теперь оно вынуждено было принять решение об отходе с занимаемых рубежей на всем фронте – от Финского залива до Западной Двины.

17 сентября, когда все внимание немецкого командования было приковано к событиям в районе Риги, началось наступление в районе Тарту. В действие вступили войска Ленинградского фронта. Появление в районе Тарту 2-й ударной армии явилось для немецкого командования полной неожиданностью. Ведь всего за несколько дней до того она находилась за Чудским озером. Добиться внезапности удалось благодаря смелому маневру всех соединений армии. За полмесяца удалось переправить через озеро более 100 тыс. человек, 1000 орудий, 4 тыс. автомашин, более 13 тыс. лошадей, 14 тыс. т боезапаса и 67 тыс. т продовольствия⁴⁷. К исходу первого дня наступления войска 2-й ударной армии продвинулись почти на 18 км. Им содействовали 13-я воздушная армия генерала С.Д. Рыбальченко и авиация Балтийского флота.

Осознав угрозу выхода советских войск в тыл главным силам оперативной группы “Нарва”, немецкое командование было вынуждено приступить к отводу своих войск из Эстонии. Вовремя обнаружив это, войска 8-й армии генерала Ф.Н. Старикова в ночь на 19 сентября приступили к преследованию врага. Вечером следующего дня соединения армии, продвинувшись на 90 км, освободили г. Раквере. За эти же дни 2-я ударная армия, преодолевая упорное сопротивление противника, отбросила его на 50–60 км.

С выходом 8-й армии в район Раквере отпала необходимость дальнейшего наступления 2-й ударной армии в северном направлении. По распоряжению маршала Л.А. Говорова ее соединения развернулись фронтом на юго-запад и повели наступление на Пярну, а 8-й эстонский корпус, переданный в состав 8-й армии, устремил-

ся на Таллин. Во взаимодействии с авиацией и кораблями Балтийского флота советские соединения уничтожили прикрывавшие город силы противника и 22 сентября полностью освободили столицу Эстонии. В составе 8-й армии в Таллин вошла 7-я эстонская дивизия полковника К.А. Алликаса. Северо-западнее Таллина моряки Балтийского флота овладели о-вом Найссаар.

После освобождения Таллина войска Ленинградского фронта продолжали преследовать противника. 26 сентября эстонский корпус вышел в район Виртсу, создав благоприятные условия для захвата о-вов Вормси и Муху. В то же время войска 2-й ударной армии заняли Айнажи, где соединились с войсками 3-го Прибалтийского фронта. В ходе Таллинской операции, продолжавшейся всего десять дней, войска Ленинградского фронта разгромили 4 пехотные дивизии, 5 артиллерийских полков, 15 отдельных батальонов, несколько других частей и подразделений, а три дивизии и одна бригада были сильно ослаблены. За период операции было убито свыше 30 тыс. и взято в плен около 16 тыс. солдат и офицеров противника⁴⁸.

Таким образом, действовавшие в Прибалтике советские войска достигли можно сказать значительных успехов. Они освободили материковую часть Эстонии, создали благоприятные условия для того, чтобы очистить от противника и ее островную часть. Войска трех Прибалтийских фронтов, действовавших на рижском направлении, освободили большую часть Латвии. Войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов находились севернее р. Западная Двина, а армии 1-го Прибалтийского фронта были остановлены всего в 16 км от юга столицы Латвии.

Тем не менее поставленные Ставкой ВГК задачи фронты не выполнили. Они так и не сумели окружить и уничтожить группу армий “Север”. Немецкому командованию удалось усилить свою группировку на рижском направлении. В итоге к концу сентября в районе Риги насчитывалось свыше 30 дивизий противника, в том числе 4 танковые. Это обстоятельство и явилось причиной того, что бои на подступах к Риге приняли затяжной характер.

Убедившись, что продолжение наступления на прежних направлениях может привести к неоправданным потерям, Ставка ВГК нашла единственно правильный выход из сложившейся ситуации. 24 сентября было принято решение о переносе главных усилий с рижского направления на мемельское, где группировка противника была намного слабее. В соответствии с этим фронты получили уточненные задачи. Войскам 1-го Прибалтийского фронта предстояло прорвать оборону к западу и юго-западу от г. Шяуляй. Разгромив сосредоточенную там группировку, они должны были выйти к побережью Балтийского моря и отрезать группе армий “Север” пути отхода в Восточную Пруссию⁴⁹. 2-му и 3-му Прибалтийским фронтам ставилась задача: продолжать наступление на рижском направлении с целью разгрома группировки противника и освобождения столицы Латвии. В дальнейшем войскам 2-го Прибалтийского фронта было приказано очистить побережье на участке от Риги до Лиенаи (Либавы). Ленинградскому фронту во взаимодействии с Балтийским флотом ставилась задача осуществить десантные операции на о-ва Сааремаа (Эзель) и Хийумаа (Даго). Согласно общему замыслу Ставки ВГК главные силы сосредоточились в полосе 1-го Прибалтийского фронта южнее и юго-западнее г. Шяуляй.

Перенос усилий с рижского на мемельское направление практически означал подготовку новой наступательной операции, особенно в плане проведения крупных межфронтовых и внутрифронтовых перегруппировок. Только 1-й Прибалтийский фронт должен был перенацелить на другое направление четыре армии из шести. 2-му Прибалтийскому фронту помимо переброски двух армий внутри своего фронта предстояло передать два стрелковых корпуса в состав 1-го Прибалтийского фронта. Передислоцировались на новые направления и крупные силы артиллерии, авиации, инженерных войск.

К 1 октября командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал Баграмян создал в районе Шяуляя мощную ударную группировку. Ожидая наступления совет-

ских войск под Ригой, командование группы армий “Север” не решалось снимать оттуда свои войска. И только 2 октября, точно установив, что 1-й Прибалтийский фронт успел перегруппировать под Шяуляй крупные силы, генерал Шернер начал срочно перенацеливать войска на это направление. Но было слишком поздно.

Утром 5 октября после мощной артиллерийской и авиационной подготовки началось наступление войск 1-го Прибалтийского фронта. Оно оказалось для противника настолько внезапным, что он не смог оказать серьезного сопротивления. Немецкое командование допускало возможность наступления здесь советских войск, но не раньше, чем через 10–13 дней. Взятый в плен командир 2-й роты 95-й пехотной дивизии лейтенант Р. Земмент показал: “Моя рота сразу же потеряла 50% своего состава. Окопы были полностью разрушены, солдаты растеряли свое оружие. Связь с батальоном была прервана. Я не мог далее командовать ротой, и солдаты отошли без приказа, не оказав никакого сопротивления. Так же поступили и соседние с моей ротой”⁵⁰.

Атаквав передний край обороны противника, пехота с танками устремилась в глубину. Дивизии 6-й гвардейской армии генерала И.М. Чистякова и 43-й армии генерала А.П. Белобородова сравнительно легко прорвали главную полосу обороны и обеспечили ввод в прорыв 5-й гвардейской танковой армии генерала В.Т. Вольского. Не выдержав натиска наступающих, немецкие соединения и части оставляли одну позицию за другой на всех направлениях.

За четыре дня оборона врага была преодолена на глубину 60–70 км, а общая ширина фронта прорыва достигла 200 км. Немецкие войска понесли здесь тяжелые потери, а 551-я пехотная дивизия была полностью уничтожена. В составе 2-й гвардейской армии генерала П.Г. Чанчибадзе действовала 16-я литовская стрелковая дивизия под командованием полковника А.И. Урбашаса. Напористо и смело действовали танкисты генерала Вольского. Они буквально сметали вражеские заслоны и на шестой день наступления на 35-километровом участке вышли в район Паланги к побережью Балтийского моря, отрезав тем самым группу армий “Север” от коммуникаций, связывающих ее с Германией.

Взаимодействуя с танковой армией генерала Вольского, столь же быстро продвигалась к морю 43-я армия. Однако при подходе к Клайпедке ожесточенное сопротивление врага заставило ее остановиться. На подступах к городу немцы возвели мощные оборонительные укрепления. Здесь возвышались форты крепостного типа с железобетонными сооружениями, каждый из которых представлял собой группу дотов, соединенных подземными ходами сообщений. К обороне города была привлечена артиллерия береговой обороны и боевых кораблей, введенных в клайпедский порт. Преодолеть такую оборону 43-я армия самостоятельно не могла, а помочь ей командующий фронтом не имел никакой возможности, так как главные свои силы он переключил на уничтожение прижатой к морю курляндской группировки.

В то время как войска 1-го Прибалтийского фронта стремительно продвигались к морю, войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов пробивались к Риге севернее Даугавы. 12 октября завязались бои на окраинах Риги. На следующий день воины 1-й ударной армии генерала Н.Д. Захватаева и 67-й армии генерала В.З. Романовского очистили от немецких войск восточную часть города. Во второй половине дня удалось переправиться на левый берег Даугавы и захватить там плацдарм.

14 октября боевые действия развернулись на южных подступах к Риге. Наступавшие 10-я гвардейская армия и 130-й латышский стрелковый корпус выбили немцев с позиций у железной дороги Рига – Елгава и 15 октября очистили от противника западную часть города. Рига была полностью освобождена.

Потерпев поражение на мемельском и рижском направлениях, войскам группы армий “Север” все же удалось отойти на Курляндский полуостров и закрепиться на заранее подготовленном оборонительном рубеже.

Ставка в директиве от 16 октября возложила уничтожение вражеской груп-

пировки, прижатой к Балтийскому морю в северо-западной части Латвии – в Курляндии, на войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов. Под их ударами противник вынужден был убраться на острова, где он организовал противодесантную оборону.

Гитлер в специальной директиве приказал во что бы то ни стало оборонять Моонзундский архипелаг. В свою очередь, и командующий группой армий “Север” обязал гарнизоны больших и малых островов на всех наиболее вероятных участках высадки советских десантов готовить непреодолимую оборону.

В системе противодесантной обороны немцы создавали опорные пункты полевого типа. В глубине каждого острова все населенные пункты и узлы дорог приспособлялись к круговой обороне. На Моонзундских островах у противника находилось почти 14 тыс. человек, из них бóльшая часть обороняла самый крупный остров – Сааремаа. Эту группировку поддерживали 10 артиллерийских дивизионов, а также базировавшаяся на аэродромы Курляндии авиация. Гарнизоны островов поддерживали также силы флота в составе миноносцев, артиллерийских самоходных барж, тральщиков, торпедных и сторожевых кораблей⁵¹.

Задачу освобождения островной части Эстонии командующий Ленинградским фронтом маршал Говоров возложил на 8-ю армию генерала Старикова. Для проведения десантных операций Балтийский флот выделил 58 торпедных катеров, 13 сторожевых кораблей, 13 катеров-тральщиков, 8 морских бронекатеров, 40 тендеров и 2 штурмовые дивизии морской авиации⁵². Руководство всеми морскими силами было возложено на контр-адмирала И.Г. Святова.

26 сентября началась десантная операция. На рассвете 27 сентября катера под командованием капитана 3-го ранга Е.В. Осецкого, несмотря на штормовую погоду, высадили десант, который сломил сопротивление противника и занял самый ближайший к материковой части Эстонии о-ов Вормси. А в ночь на 29 сентября на о-ов Муху был высажен десант в составе 1500 человек. Камни и мелководье не позволяли торпедным катерам подойти близко к берегу. Десантники покидали катера и по грудь в ледяной воде добирались до берега. Гарнизон острова оказал упорное сопротивление. Только благодаря решительным действиям десантников и умелой поддержке катеров Балтийского флота к вечеру 30 сентября о-ов Муху был освобожден.

2 октября десанты 131-й стрелковой дивизии на торпедных катерах вышли в море и направились к берегам о-ва Хийумаа. С воздуха их поддерживала авиация. К вечеру еще один остров был в руках советских десантников. Теперь можно было подумать о десантировании на самый крупный остров Моонзундских островов – Сааремаа. Было принято решение главный удар по гарнизону острова нанести силами 8-го эстонского корпуса генерала Л.А. Пэрна с о-ва Муху при поддержке авиации флота. Одновременно 131-я стрелковая дивизия 109-го стрелкового корпуса двумя отрядами кораблей к рассвету 5 октября также готовилась к высадке на северо-восточное побережье Сааремаа.

Операция началась рано утром 5 октября. Двое суток гарнизон Сааремаа оказывал упорное сопротивление, неоднократно переходя в контратаки. Несмотря на это, 7 октября части 131-й стрелковой дивизии вышли на западное побережье Сааремаа, в то время как 249-я стрелковая дивизия вела тяжелые бои на подступах к п-ову Сырве, имевшему для немецкого командования особо важное значение. Поэтому командующий 8-й армией потребовал ускорить выполнение поставленной задачи.

Одновременно с фронтальными атаками советское командование применило десантирование сил в тыл обороны врага. Однако попытка высадки десанта 10 октября закончилась неудачно. Только 24 ноября советские войска наконец-то сломали сопротивление немецкого гарнизона и полностью освободили п-ов Сырве. С выходом их к Балтийскому морю в районе Паланги и Рижского залива, а также с завершением освобождения островной части Эстонии главные силы группы армий

“Север” были плотно охвачены и прижаты к морю в северо-западной части Латвии – в Курляндии.

Одновременно с боевыми действиями за Моонзундские острова Ставка силами 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов при поддержке Балтийского флота возобновила наступление на Курляндском полуострове и в районе Клайпеды. 16 октября на всем 250-километровом фронте развернулись ожесточенные бои. Несмотря на внезапность удара, группа армий “Север” смогла удержать занимаемые рубежи. Задача ставки ВГК вновь оказалась невыполненной. Впрочем, повинны в этом отнюдь не войска.

Просчеты были связаны с объективными причинами. С выходом Прибалтийских фронтов к Балтийскому морю необходимых резервов у командования не оказалось. Да и Ставка не в состоянии была выделить им дополнительные силы, так как все задействовала на центральном направлении советско-германского фронта. Следует также отметить, что Балтийский флот имел в своем составе линейный корабль, 2 крейсера, 12 эскадренных миноносцев, 28 подводных лодок, 78 торпедных катеров, 5 сторожевых кораблей, 73 тральщика, 220 малых охотников, 204 катера-тральщика и 47 бронекатеров. По количеству малых надводных боевых кораблей он лишь незначительно уступал немецкому. Однако из-за действий соединений флота на нескольких операционных направлениях силы распылялись и затруднялось его взаимодействие с сухопутными войсками.

Таким образом, в условиях, когда превосходства в силах и средствах для ведения наступательных действий не было, а противник к тому же опирался на мощную и глубоко эшелонированную оборону, продолжать наступление было бессмысленно. Оно привело бы к большим человеческим жертвам.

После октябрьского наступления советских войск командование группы армий “Север” поставило перед своими войсками задачу продолжать оборонять Курляндию и тем самым отвлечь значительные силы Красной Армии⁵³. Для поддержки курляндской группировки на Балтике были сосредоточены главные силы немецкого надводного флота. В его составе имелось 2 линейных корабля, 4 тяжелых и 4 легких крейсера, более 30 эскадренных миноносцев, 70 торпедных катеров, 64 тральщика, около 200 десантных судов, свыше 200 подводных лодок, а также более 300 сторожевых катеров и катеров-тральщиков.

После того как советские войска начали в январе 1945 г. крупное наступление в Восточной Пруссии, немецкое верховное командование пересмотрело свои планы относительно курляндской группировки. По мнению Берлина, те 34 дивизии, которые были заблокированы советскими войсками в Курляндии, оказались бы более полезными в том случае, если бы их удалось перебросить на территорию Германии и развернуть на берлинском направлении. В первой половине января была сделана прикидка, смогут ли плавсредства германского флота перебросить курляндскую группировку. Выяснилось, что эвакуация морем одной только 37-й пехотной дивизии заняла бы 14 суток. Начальник штаба верховного главнокомандования вермахта фельдмаршал В. Кейтель заметил по этому поводу: “Мы испытываем крупные затруднения с морским транспортом... Грубый расчет показал, что для полного вывоза всей группы армий требуется не менее полугодя, так как следует учитывать воздействие со стороны противника, который, безусловно, усилил бы атаки, заметив вывод войск”. Поэтому Гитлер приказал продолжать вывоз техники, материальной части, конского состава и небольшого количества войск, но главные силы оставить для сковывания русских⁵⁴. В первую очередь из Курляндии на территорию Германии перебрасывались наиболее боеспособные и преданные фюреру соединения: 3-й танковый корпус СС и 389-я пехотная дивизия⁵⁵.

С началом переброски немецких войск из Курляндии Ставка ВГК нацелила Прибалтийские фронты на то, чтобы активными наступательными действиями сковать силы противника, а Балтийскому флоту поручила прервать сообщение немцев с портами Лиепая и Вентспилс и тем самым блокировать с моря курлянд-

скую группировку⁵⁶. На авиацию флота возлагалась обязанность нанесения ударов по конвоям противника в портах погрузки и на его морских коммуникациях.

Тем временем германское командование кроме намеченных мероприятий на морских коммуникациях решило осуществить прорыв своих войск из Клайпеды в Курляндию. На сравнительно небольшом участке оно приказало бросить в атаку два пехотных полка в сопровождении 30 танков. Потеснив подразделения 92-го стрелкового корпуса, они повели наступление на Лиепаяу. Обстановка для советских войск создалась тревожная: враг мог прорвать кольцо окружения. Но, к счастью, этого не произошло. Командующий 43-й армией генерал Белобородов вовремя сманеврировал войсками с неатакованных участков, а летчики-балтийцы своевременно нанесли удары с воздуха. Продвижение противника сначала замедлилось, а потом и окончательно заглохло. Срыв попытки врага прорваться из Клайпеды в Курляндию определил дальнейшую судьбу трех его дивизий в районе этого портового города. Всю вторую половину января советские войска готовились к нанесению удара. 28 января дивизии 4-й ударной армии генерала П.Ф. Малышева при поддержке авиации Балтийского флота заняли Клайпеду, завершив тем самым полное освобождение Литвы.

Во второй половине января в районе Лиепаяу предприняли наступление соединения 51-й армии генерала Я.Г. Крейзера. Однако пробиться к городу, а главное, заблокировать порт не удалось. Брошенная навстречу наступавшим советским войскам 14-я танковая дивизия вынудила их остановиться. В то время как немцы упорно оборонялись, обеспечивая работу порта, оттуда началась эвакуация 3-го танкового корпуса СС.

В начале февраля активные боевые действия на лиепайском направлении продолжались. Несмотря на то что противник остался без 3-го танкового корпуса, ему удалось отбить наступление советских войск и сохранить прежний режим работы порта, где проходила погрузка на транспорты 32-й пехотной и 4-й танковой дивизий. К 5 февраля треть состава 3-го танкового корпуса СС уже выгружалась в портах г. Штеттина, впрочем, и остальные его части находились в пути к месту новой дислокации. Всего с 1 по 28 февраля к переброске курляндской группировки было привлечено 181 транспортное судно, или 95% общей численности десантных судов⁵⁷.

В начале марта 1945 г. кардинальных изменений в действиях сторон на Курляндском полуострове не произошло. Немецкое командование, понимая безнадежность дальнейшего пребывания там своей группировки, принимало все меры к тому, чтобы как можно скорее осуществить ее переброску в Германию. К 7 марта были эвакуированы десять наиболее боеспособных соединений, что составляло около трети всей курляндской группировки.

Во второй половине марта в Курляндии вновь развернулись бои, причем как непосредственно на полуострове, так и на прилегающих к нему морских коммуникациях. 17 марта 42-я армия генерала В.П. Свиридова нанесла удар в центре Курляндского полуострова. Вначале наступление развивалось успешно. Однако 19 марта враг бросил в бой свежую 19-ю латвийскую дивизию СС. Поддержанные огнем артиллерии, эсэсовцы перешли в контратаку. Весь следующий день продолжались кровопролитные бои между латышами-эсэсовцами и эстонцами 8-го советского стрелкового корпуса. Тогда-то и повторил подвиг Александра Матросова командир взвода 300-го стрелкового полка лейтенант Я.М. Кундер. Во время атаки возле станции Блидене он подполз к вражескому дзоту и забросал его амбразуру гранатами. Пулемет было замолк, но вскоре опять открыл огонь по атаковавшим. Кундер бросился на дзот и своим телом закрыл амбразуру. Я.М. Кундеру было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно⁵⁸.

Однако мартовское наступление дальнейшего развития не получило. Противнику удалось остановить продвижение советских частей.

В конце марта активизировались боевые действия на морских коммуникациях,

прилегающих к Курляндскому полуострову. Корабли Балтийского флота и морская авиация, казалось бы, делали все для того, чтобы прервать сообщение противника с портами Лиепая и Вентспилс. Но несмотря на наличие довольно сильной авиационной группировки флота и мощные отряды катеров, полностью заблокировать противника до его окончательной капитуляции так и не удалось.

29 марта командующий 2-м Прибалтийским фронтом получил директиву Ставки о переходе во всей полосе фронта к обороне, а на важнейших направлениях создать сильные резервы в готовности при малейшем ослаблении сопротивления противника немедленно перейти в наступление и не позволить противнику оторваться от советских войск⁵⁹. К концу апреля 1945 г. войска этого фронта должны были подготовиться к нанесению решительного удара с целью ликвидации курляндской группировки немецких войск. 29 марта Говоров получил директиву Ставки. В ней говорилось о расформировании с 1 апреля 1945 г. 2-го Прибалтийского фронта и включении всех его войск и тыловых учреждений в состав Ленинградского фронта.

Новое наступление советских войск в Курляндии намечалось на конец апреля. Особое место в нем отводилось Балтийскому флоту. Ему была поставлена задача высадить десант в составе дивизии и пяти пулеметно-артиллерийских батальонов. Руководил всей операцией контр-адмирал В.С. Чероков со своим штабом. Часть авиации флота сосредоточивалась на аэродромах, расположенных в непосредственной близости от предполагаемого места высадки десанта. Вся береговая артиллерия флота развернулась и была введена в действие.

В это время противник предпринимал все возможное, чтобы как можно больше войск эвакуировать из Курляндии. Однако после того как войска маршала К.К. Рокоссовского очистили от немцев все восточное побережье Балтийского моря – от Финского залива до Ростка, сделать это было далеко не просто. Утром 8 мая советское командование предложило противнику ультиматум, а в 12 часов 30 минут по всему переднему краю его обороны появились белые полотнища – знак капитуляции. На рассвете 9 мая к Лиепае подошли отряды катеров с морской пехотой под прикрытием истребительной авиации. Вскоре командир соединения катеров капитан 1-го ранга А.В. Кузьмин водрузил над портом флаг Военно-Морского Флота СССР. В тот день там было пленено 4,5 тыс. немецких солдат и офицеров.

Германское командование, приняв условия безоговорочной капитуляции, в основном выполняло их и в Курляндии; лишь по инициативе отдельных фанатично настроенных офицеров, главным образом из числа ээсовцев, были попытки оказать сопротивление или скрыться в лесах, организовать диверсии и террористические акты, а потом и “просочиться” на территорию Германии.

С момента капитуляции курляндской группировки противника и до 31 мая 1945 г. войска маршала Говорова пленили 284 171 человека, из них 48 генералов, 9529 офицеров, 267 101 солдата и унтер-офицера. В качестве трофеев советским войскам достались 478 танков и штурмовых орудий, 3381 артиллерийское орудие и миномет, 156 самолетов, 18 220 автомашин⁶⁰.

* * *

В результате длительной, упорной и самоотверженной борьбы за Прибалтику советские войска освободили всю территорию Эстонии, Латвии и Литвы. Войска Ленинградского и трех Прибалтийских фронтов нанесли тяжелое поражение группе армий “Север” (с 26 января – группа армий “Курляндия”). В ожесточенных сражениях 4 дивизии противника были полностью уничтожены, 32 разгромлены, 21 пленена на Курляндском полуострове и лишь 10 дивизий успели эвакуироваться в Германию.

Борьба за Прибалтику была продолжительной и носила ожесточенный характер. Немецкому командованию удалось на подступах к Прибалтике и в глубине со-

здать многополосную, глубокую позиционную оборону, что позволило войскам противника упорно обороняться. Хорошо подготовленный личный состав, развитая дорожная сеть позволяли ему активно маневрировать силами в ходе сражений, нередко заставляя наступавшие советские войска переходить к обороне.

Подтвердилось важнейшее значение правильного выбора направления главного удара, а при необходимости своевременного переноса его на новое, более перспективное направление. Так, чтобы не допустить в изменившихся условиях дальнейшей отхода немецких войск из Прибалтики в Восточную Пруссию, усилия 1-го Прибалтийского фронта были перенацелены с рижского на клайпедское направление, где противник ослабил свою оборону, а местность более благоприятствовала быстрому продвижению к берегам Балтийского моря. Проведенная в ограниченные сроки перегруппировка основных сил фронта была осуществлена на расстоянии от 80 до 240 км. Таких примеров в мировой практике немного. Скрытность переброски большого количества соединений обеспечила внезапность удара и во многом способствовала блокированию вражеских войск в Курляндии. Смелые и решительные действия фронта и быстротечный характер боев при освобождении крупных городов, таких, как Рига, Таллин и Каунас, предотвратили массовое разрушение жилого фонда, электростанций, заводов, фабрик, плотин, мостов и городских коммуникаций.

Освобождение Прибалтики продолжалось одиннадцать месяцев. Причинами незавершенности наступательных операций осенью и зимой 1944 г. была недостаточная сила первоначальных ударов фронтов, позволившая противнику маневрировать своими силами и средствами, а скованность Балтийского флота не обеспечила блокаду морского побережья.

В области военного искусства взаимодействие сухопутных войск и военно-морского флота обогатилось опытом организации и проведения высадки морских и озерных десантов с целью выхода на фланги и в тыл противника. В то же время несвоевременное и недостаточно продуманное закрепление взятых в ходе наступления рубежей отрицательно сказывалось на общих результатах операции. Так, выход соединений 1-го Прибалтийского фронта в начале августа 1944 г. к Рижскому заливу не был своевременно закреплён. Противнику удалось оттеснить советские войска, образовать в районе Тукумса 30-километровый коридор и восстановить сухопутные коммуникации группы армий "Север" с Восточной Пруссией.

Затяжные бои увеличивали потери. Только осенью безвозвратные потери советских войск составили 61 468 человек, 522 танка и САУ, 2593 орудия и миномета, 779 боевых самолетов⁶¹.

В ходе борьбы за освобождение Прибалтики советские войска проявили несгибаемую волю к победе и боевое мастерство. Только в сентябрьских боях 112 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза, свыше 330 тыс. награждены орденами и медалями, 131 часть и соединение получили наименования "Рижские", "Таллинские", "Тартусские", "Клайпедские", "Двинские", "Шавлинские" и других городов Прибалтики.

ИЗГНАНИЕ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК ИЗ СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ И СОВЕТСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ

С разгромом финских войск на Карельском перешейке и в Южной Карелии создались благоприятные условия освобождения Северной Карелии. В начале сентября 1944 г. командование Карельского фронта разработало операцию, суть которой сводилась к тому, чтобы нанесением удара по 20-й немецкой горной армии отрезать ее от 36-го и 18-го армейских корпусов и не допустить их отхода в Норвегию.

Согласно замыслу генерала К.А. Мерецкова, войска 19-й армии генерала

Г.К. Козлова должны были обойти основную группировку противника с севера и отрезать пути ее отхода. 26-я армия генерала Л.С. Сквирского получила задачу совершить обходный маневр и разгромить его восточнее Кестеньги. Всего в составе двух армий насчитывалось более 82 тыс. человек, 1534 орудия и миномета, 147 танков и самоходных установок⁶². Превосходство над противником составляло по личному составу в 1,1–1,2 раза, по артиллерии и минометам в 1,3–2 раза и по танкам в 1,2–1,8 раза. Как видим, превосходство было не столь значительным. Этот недостаток следовало компенсировать за счет наиболее рационального использования имеющихся сил и средств.

Наступление началось 5 сентября. Совершая обходный маневр, части 104-й стрелковой дивизии за первые сутки прошли около 15 км, а за вторые – 20 км. 7 сентября ее авангардные подразделения вышли к р. Тумча, а к утру следующего дня заняли плацдарм на ее правом берегу, обеспечив переправу главных сил.

В полосе 26-й армии главные события развернулись на кестеньгском направлении. 5 сентября части 205-й стрелковой дивизии, совершив 25-километровый марш по пересеченной местности, переправились через р. Большая и в районе Сенозера создали угрозу окружения всей группировке противника. Германское командование, распознав, какая ловушка уготована горнострелковому корпусу, начало ускоренный отвод его к глубину своей обороны.

Развивая наступление, соединения 19-й и 26-й армий преодолевали упорное сопротивление вражеских войск на всех направлениях. Только с 9 по 11 сентября в полосе наступления 104-й стрелковой дивизии немцы потеряли около 1,5 тыс. человек убитыми и ранеными. На кестеньгском направлении 83-я стрелковая дивизия уверенно вела бои. Она не стала втягиваться в лобовые атаки обороны, насыщенной дотами, бронеколпаками, минными полями и проволочными заграждениями, а обошла их. Людям пришлось идти по пояс в болотной воде, часто на руках перетаскивать застрявшие орудия и повозки. Противник вынужден был оставить выгодный оборонительный рубеж.

Глубокий обход основных сил врага войсками 19-й армии увенчался успехом. Совершив 150-километровый маневр, соединения армии перерезали ему основные пути отхода. 12 сентября создались все условия для полного окружения и уничтожения 36-го горнострелкового корпуса. Но в Москве решили, что в случае отхода немцев лучше продвигаться за ними, не завязывая больших боев и не изматывая собственные войска боями и глубокими обходными маневрами⁶³. К 1 октября 19-я армия достигла государственной границы с Финляндией 1940 г. и перешла к обороне.

На кестеньгском направлении советские войска также продолжали наступление. В ночь на 17 сентября воины 54-й стрелковой дивизии первыми на севере Карелии пересекли государственную границу с Финляндией. 27 сентября наступление 26-й армии успешно завершилось. Ее соединения продвинулись в восточные районы Финляндии на глубину более 35 км.

В целом войска Карельского фронта выполнили задачу по освобождению Северной Карелии. Несмотря на колоссальные трудности, они, умело используя огневые средства подавления в сочетании с обходным маневром, показали высокую стойкость в их преодолении. Большую работу проделали летчики 7-й воздушной армии. В условиях плохой погоды им удалось произвести 2371 самолето-вылет. Они сожгли 7 железнодорожных станций, 638 грузовых автомашин, в 17 воздушных боях сбили 17 самолетов противника⁶⁴. С выходом войск 19-й и 26-й армий на государственную границу с Финляндией создались благоприятные условия для изгнания оккупантов из советского Заполярья.

В полосе шириной около 60 км оборонялись три немецкие дивизии и четыре бригады 19-го горнострелкового корпуса 20-й горной армии. В их составе насчитывалось 53 тыс. солдат и офицеров⁶⁵. Оборона здесь создавалась в течение трех лет.

Она включала три полосы. Основные усилия немцы сосредоточили в полосе 6-й горнострелковой дивизии.

К непосредственному участию в Петсамо-Киркенесской операции советское командование привлекло 97 тыс. человек, более 2 тыс. орудий и минометов, 725 самолетов, 6 эскадренных миноносцев, 8 подводных лодок, 20 торпедных катеров, 23 охотника и части морской пехоты⁶⁶. 29 сентября Ставка Верховного Главнокомандования утвердила замысел Мерецкого на разгром противника в районе Петсамо с последующим выходом к норвежской границе. Согласно ее плану, главный удар наносила 14-я армия под командованием генерала В.И. Щербакова из района оз. Чапр в общем направлении на Петсамо. На остальном фронте, от губы Большая Западная Лица до оз. Чапр, предполагалось держать оборону, чтобы сковать силы противника и не позволить перебросить их на направление действий главной группировки фронта.

На Северный флот под командованием адмирала А.Г. Головкин возлагалась задача нанести удар с п-ова Средний двумя бригадами морской пехоты в южном направлении, в тыл обороны немецких войск на р. Титовка, тем самым содействуя наступлению войск 14-й армии. Кроме того, с 8 по 28 октября 1944 г. планировались активные действия подводных лодок, блокирование с моря портов Петсамо, Киркенес, а также усиление защиты советского судоходства в Баренцевом море⁶⁷. 7-я воздушная армия должна была во взаимодействии с артиллерией подавить оборону противника, дезорганизовать его управление, уничтожить авиацию на аэродромах, помешать маневрировать резервами.

Операция замышлялась на глубину 50–60 км. На ее проведение Ставка отводила 10–15 суток. В связи с исключительно трудными условиями местности среднесуточный темп наступления планировался в пределах 4–6 км. День операции ставился в зависимость от обстановки на 5–7 октября.

Наступление началось 7 октября. В 8 часов утра раскаты канонады возвестили о том, что наступил решающий момент разгрома немецких войск в Заполярье. Около 100 тыс. снарядов и мин обрушилось на укрепления вражеской обороны⁶⁸. Спустя 2 часа 35 минут на штурм гранитного вала под прикрытием артиллерии и авиации устремилась пехота с танками. На правом фланге ударной группировки 14-й армии перешли в атаку 14-я стрелковая и 10-я гвардейская стрелковая дивизии.

К 15 часам дивизии 131-го стрелкового корпуса под командованием генерала З.Н. Алексеева, прорвав первую полосу, начали теснить противника ко второй полосе. В связи с тем что основные усилия врага были сосредоточены именно на второй полосе, здесь 8 и 9 октября развернулись наиболее ожесточенные бои. К исходу третьего дня наступления вторая полоса обороны была прорвана. В ночь на 10 октября был высажен десант – 63-я морская бригада в районе губы Малая Валоковая. Утром на перешейке п-ова Средний перешла в наступление 12-я бригада морской пехоты. Вскоре обе бригады соединились и повели наступление на Петсамо.

Немецкое командование пыталось приостановить продвижение советских войск. В ночь на 11 октября оно ввело дополнительные силы, но удержать поселок Луостари не удалось. В овладении Луостари большая заслуга принадлежит 126-му легкому горнострелковому корпусу под командованием полковника В.Н. Соловьева, который четверо суток удерживал дорогу Ахмалахти – Луостари, тем самым не допустив 163-ю пехотную дивизию противника на помощь осажденному в Луостари гарнизону⁶⁹.

После освобождения Луостари создались благоприятные условия для удара на Петсамо⁷⁰. 13 октября советские войска вышли на подступы к городу, а в ночь на 14-е начался его штурм. В результате упорных боев войска 14-й армии во взаимодействии с силами Северного флота на следующий день взяли Петсамо – военноморскую базу и мощный опорный пункт обороны немцев на Крайнем Севере. За овладение Петсамо 33 соединения и части Карельского фронта и Северного флота

были награждены орденами. Высокой награды – ордена Красного Знамени были удостоены 126-й и 127-й легкие горнострелковые корпуса, 1-я стрелковая дивизия, 31-я лыжная бригада, 25-я отдельная гвардейская инженерная бригада, 339-й тяжелый танко-самоходный артиллерийский и 73-й отдельный танковый полки⁷¹.

В тот же день Мерецков доложил Ставке ВГК свои соображения относительно дальнейших действий. По его мнению, необходимо было очистить от противника район к северо-западу от Петсамо и к западу от него, вплоть до норвежской границы. Командующий Карельским фронтом попросил разрешения на преследование остатков разбитого противника и на территории Норвегии⁷². На следующий день Ставка утвердила эти предложения.

С утра 18 октября соединения 14-й армии возобновили наступление, а корабли Северного флота высадили десанты на побережье, которые тут же повели наступление в обход Киркенеса. В ходе пятидневных боев войска армии продвинулись на 25–35 км. Под их ударами противник откатывался в западном направлении. 22 октября он вынужден был оставить Никель. В этот же день советские войска вышли к Киркенесскому укрепленному району, перенеся боевые действия на территорию Норвегии⁷³.

В ночь на 25 октября Северный флот высадил десант в 15 км северо-восточнее Киркенеса, а рано утром 131-й стрелковый корпус генерала Ф.Ф. Короткова приступил к форсированию залива Бек-фиорд. Начались бои за г. Киркенес. Противник цеплялся за каждый дом, за каждую улицу. Героическими усилиями советских воинов к часу дня город был очищен от немецких войск. В честь достигнутой победы Москва 25 октября салютовала доблестным воинам Карельского фронта и морякам Северного флота. Генерал армии Мерецков 26 октября 1944 г. был удостоен маршальской звезды.

27 октября 126-й легкий стрелковый корпус очистил от противника г. Нейден, а 31-й стрелковый корпус, наступая вдоль границы с Норвегией, вышел в район Наутси. К исходу 29 октября войска 14-й армии завершили Петсамо-Киркенесскую операцию и закрепились на рубеже севернее Нейдена и юго-западнее Наутси.

* * *

Изгнание немецко-фашистских войск из Северной Карелии и советского Заполярья имело важное военно-политическое и экономическое значение. Войска Красной Армии одержали выдающуюся победу на самом северном крыле советско-германского фронта. От немецко-фашистских захватчиков были освобождены значительная часть северных районов Карелии, территории Мурманской области, важный в экономическом отношении район Петсамо и незамерзающие порты и военно-морские базы Петсамо и Киркенес. Вступив на территорию Норвегии, советские войска оказали помощь норвежскому народу в освобождении северо-восточных районов страны.

Операции проводились с применением всех видов и родов войск и преследовали крупные стратегические цели. Их результаты показали всю несостоятельность утверждений фальсификаторов, пытающихся объяснить успехи Карельского фронта подавляющим превосходством советских войск. Так, бывший командующий 20-й немецкой армией генерал Л. Рендулич утверждает, что против 8 дивизий его армии действовали 33 советские дивизии, тогда как весь Карельский фронт в это время имел меньше дивизий. В действительности же против Рендулича действовали силы 14, 19 и правого фланга 26-й армий, имевших в своем составе в октябре не более 15 дивизий. Победили здесь военное искусство и полководческий талант советских военачальников.

Достигнутые успехи явились результатом тщательной и всесторонней подготовки наступления, включавшей большой объем трудоемких работ по перегруппировке войск, инженерному оборудованию местности и материальному обеспече-

нию наступления. Важнейшим условием разгрома противника в Заполярье явилось тесное взаимодействие сухопутных войск с силами военно-морского флота.

В Петсамо-Киркенесской операции Северный флот, используя незамерзающие круглый год порты Петсамо и Киркенес, в помощь 14-й армии высадил пять морских десантов. Благодаря совместным усилиям соединений армии и сил флота в минимальные сроки были захвачены такие крупные военно-морские базы, как Петсамо и Киркенес. Одновременно корабли и авиация Северного флота активно действовали на коммуникациях противника в Баренцевом море, лишая его возможности оказывать помощь своей группировке.

Успеху наступления в Северной Карелии и Заполярье во многом содействовала авиация. Несмотря на сложность аэродромного базирования, неблагоприятные метеоусловия, 7-я воздушная армия прочно удерживала господство в воздухе, оказывая эффективную поддержку наземным войскам.

Неоценимую помощь действующей армии оказали партизаны и подпольщики. Они снабжали командование фронтов и армий важными разведывательными сведениями, держали под контролем коммуникации, по которым противник осуществлял снабжение и эвакуацию своих войск, разрушали линии связи, пускали под откос эшелоны, непосредственно принимали участие в боевых действиях совместно с соединениями и частями.

В Северной Карелии и Заполярье полностью подтвердилось огромное значение артиллерии, которая нередко являлась единственным средством огневого поражения обороны противника. Артиллерийское обеспечение отвечало условиям наступления и способствовало разрушению долговременной и глубоко эшелонированной обороны врага.

Противник понес ощутимые потери: только убитыми они составили около 30 тыс. человек, Северный флот потопил 156 кораблей и судов, авиация уничтожила 125 самолетов⁷⁴. Карельский фронт потерял убитыми 5298 человек, Северный флот – 786 человек⁷⁵.

Воины Карельского фронта и моряки Северного флота, сражавшиеся в трудных условиях Заполярья, с честью выполнили поставленную им задачу. Многие наиболее отличившиеся были удостоены звания Героя Советского Союза. Только на Северном флоте ими стали 26 моряков, а командир торпедных катеров капитан-лейтенант А.О. Шабалин был награжден второй медалью “Золотая Звезда”. Москва трижды салютовала победам в Заполярье. 51 часть и соединение получили почетные наименования “Печенгские” и “Киркенесские”, 70 частей и соединений – боевые ордена. Для награждения всех участников боев за Крайний Север была учреждена медаль “За оборону советского Заполярья”. Командующий Карельским фронтом генерал К.Л. Мерецков стал Маршалом Советского Союза.

¹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933–1945. М., 1976. С. 219.

² История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 26.

³ Военная энциклопедия. М., 1994. С. 318.

⁴ Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 689.

⁵ Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации: Документы и материалы. Ф. 34. Оп. 341. Д. 6. Л. 200 (Далее: ИВИ).

⁶ Там же. С. 208.

⁷ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. С. 31.

⁸ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 118 (Далее: ЦАМО).

⁹ Типпельскирх К. История второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 439.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 376–377.

¹¹ Там же. Ф. 48а. Оп. 1795. Д. 12. Л. 180.

¹² Там же. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7. Л. 262.

¹³ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1984. С. 368.

- 14 См.: История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 33.
- 15 ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 2156. Л. 13.
- 16 Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 379–380.
- 17 Там же. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 400. Л. 20.
- 18 Вторая мировая война. М., 1984. С. 381.
- 19 *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 456.
- 20 ИВИ. Ф. 32. Оп. 339. Д. 3. Л. 119.
- 21 Информационная сводка. Главное политическое управление РККА. 7-е управление. Июнь–сентябрь 1944. С. 335.
- 22 См.: *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 456.
- 23 См.: История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 36.
- 24 См.: *Зюзин Е.И.* 45 лет победы в Великой Отечественной войне: Малоизвестные страницы войны. М., 1990. С. 56.
- 25 См.: Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М., 1957. Вып. 4. С. 88–90.
- 26 ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 96. Л. 79.
- 27 См.: Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Рига, 1967. Кн. 2. С. 48.
- 28 ЦАМО. Ф. 326. Оп. 547. Д. 480. Л. 50.
- 29 См.: Освобождение городов: Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 109.
- 30 См.: Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 2. С. 62.
- 31 См.: *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 499.
- 32 См.: *Василевский А.М.* Указ. соч. С. 386.
- 33 См.: Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 200.
- 34 ЦАМО. Ф. 235. Оп. 129. Д. 28. Л. 318.
- 35 Там же. Ф. 239. Оп. 2226. Д. 36. Л. 35; Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 420.
- 36 Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 2. С. 127.
- 37 Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. С. 579.
- 38 ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 97. Л. 94; Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 32.
- 39 Там же. Ф. 242. Оп. 2305. Д. 7. Л. 285–286; Ф. 48а. Оп. 1795. Д. 13. Л. 481.
- 40 Там же. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 37. Л. 493; Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 4–5.
- 41 Там же. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 37. Л. 493.
- 42 Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 719.
- 43 Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 2. С. 141.
- 44 ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1795. Д. 13. Л. 775–780.
- 45 Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 2. С. 148.
- 46 *Сандалов Л.М.* Трудные рубежи. М., 1965. С. 70.
- 47 Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М., 1981. С. 24.
- 48 Освобождение Прибалтики: Тематический сб. М., 1984. № 14. С. 7.
- 49 ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 38. Л. 411.
- 50 Цит. по: Информационная сводка. Октябрь–декабрь. 1944. С. 94.
- 51 *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 219.
- 52 Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 2. С. 259.
- 53 История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1979. Т. 10. С. 221.
- 54 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1962. Т. 5. С. 222.
- 55 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 60. Л. 106.
- 56 9 мая 1945 года. М., 1970. С. 605.
- 57 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 60. Л. 1147.
- 58 *Ларин П.* Эстонский народ в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Таллин, 1964. С. 294.

- 59 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. С. 62.
- 60 ИВИ. Ф. 34. Оп. 341. Д. 6. Л. 257–258.
- 61 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 207–208 (Далее: Гриф секретности снят...).
- 62 Карельский фронт в Великой Отечественной войне. М., 1984. С. 237.
- 63 *Штеменко С.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1975. Кн. 2. С. 397.
- 64 Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 248.
- 65 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 148.
- 66 Там же. С. 149.
- 67 Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 254.
- 68 Там же. С. 266.
- 69 Там же. С. 273.
- 70 В 1533 г. у устья р. Печенга был основан русский монастырь. В 1920 г. Печенгская область отошла от Финляндии, а главный ее город стал именоваться Петсамо.
- 71 Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 227.
- 72 ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1354. Л. 2–3.
- 73 На норвежскую землю советские войска вступили в соответствии с соглашением от 17 мая 1944 г., подписанным правительствами СССР, США, Великобритании и Норвегии.
- 74 Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. С. 558.
- 75 Гриф секретности снят... С. 201, 202, 210.

КРИЗИС ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Агрессия Германии против Советского Союза уже вскоре после ее начала стала развиваться совсем не так, как замыслили Гитлер и его генералы. Потерпели крах их расчеты на блицкриг. Война приняла затяжной характер и требовала все большего напряжения сил со стороны армии и народа Германии. Поражения на фронтах отрицательно сказывались на внутреннем положении страны. Среди немецкого народа нарастала усталость от войны, снижался моральный дух вермахта и гражданского населения, ощущалась нехватка людских ресурсов для военной экономики и вооруженных сил, сырья для промышленности. К началу 1944 г., когда завершился коренной перелом во второй мировой войне, кризисные явления в Германии стали проявляться все отчетливее. К весне 1945 г. они переросли в предсмертную агонию нацистского режима.

НАРАСТАНИЕ БЕСПОКОЙСТВА И ТРЕВОГИ

Год, истекший после сталинградской катастрофы вермахта, не улучшил положения третьего рейха. Отступление германских войск на Восточном фронте продолжалось, а ситуация внутри страны ухудшалась. Восточный фронт приближался к границам Германии, возрастали потери ее войск. Усилились бомбардировки немецких городов.

В обращении к германскому народу в связи с новым, 1944, годом фюрер особенно восхвалял “героизм немцев”, заявив, что “никакой другой народ не смог бы столько сделать, вытерпеть и перенести”¹. Однако его попытка поднять моральный дух населения не очень удалась. Призывы слабо действовали в условиях отступления вермахта на всех фронтах. Среди населения распространялось убеждение, что 1944 г. будет для Германии еще более тяжелым, чем предшествовавший. Повсеместно нарастали пессимизм и беспокойство за будущее.

Более всего немцев тревожили события на советско-германском фронте. Их пугало неуклонное продвижение Красной Армии на запад. Однако открыто они свое беспокойство обычно не высказывали, поскольку это было опасно: могли донести в гестапо. Но в беседах с близкими тревожное состояние людей проявлялось часто. В феврале 1944 г. СД – служба безопасности СС зарегистрировала такое типичное высказывание: “Как, собственно говоря, пойдут дальше дела на Востоке, сможем ли мы еще победить? Я полагаю, что мы выиграем войну только горлом и лишь тогда, когда русские будут уже в Берлине. Но вслух ничего нельзя говорить. Враг подслушивает!”².

Тревога чувствовалась не только в тылу, но и на фронте. В письмах военнослужащих с Восточного фронта, в рассказах отпускников все чаще говорилось об ожесточенности боев, больших потерях и отступлении германских войск, проскальзывали пессимизм и разочарование. Вот, к примеру, два письма с фронта одного солдата. В первом, отправленном в начале февраля 1944 г., он пишет: “Этой войне скоро будет конец, и мы сможем все снова возвратиться домой к матерям, так как здесь я уже сыт по горло”. Следующее письмо, написанное несколькими неделями позже,

звучит фаталистически: “Сегодня почти не имеет значения, где я окажусь. В Германии тебе на голову может упасть бомба. В прифронтовом тылу можно пострадать от партизан, а о передовой и говорить нечего”³.

Немало беспокойства причиняли населению Германии воздушные налеты авиации союзников. К маю 1944 г. 15 млн жителей были эвакуированы в восточные и южные районы, менее доступные для бомбардировок. К этому времени было полностью разрушено более 1,1 млн квартир⁴. Во многих городах не работали водоснабжение и канализация, часто прерывалась подача электроэнергии и газа. Многие семьи оказались разделенными: работавшие остались на старых местах, а иждивенцы были эвакуированы в безопасные районы. Тем, кто трудился, часто приходилось недосыпать, так как почти ежедневные воздушные тревоги заставляли их много времени по ночам проводить в подвалах или в других укрытиях.

Дополнительные трудности с размещением людей возникли также в связи с тем, что с 1944 г. на территорию Германии стали в большом количестве прибывать этнические немцы – фольксдойче, поселившиеся в прошлом в других европейских государствах. В связи с наступлением Красной Армии в 1944 г. около 550 тыс. фольксдойче переместились в рейх с оккупированных районов СССР. Кроме того, еще раньше туда прибыло 0,5 млн фольксдойче из Румынии, Югославии, Венгрии и Словакии. 400 тыс. фольксдойче находились на бывшей польской территории⁵.

Возникшие в Германии трудности повседневной жизни вызывали ропот среди населения. Нередко осуждались не только действия англо-американских летчиков, но и германских военных властей, не выполнивших свои обещания защитить страну от воздушных налетов. Население приходило в недоумение еще и от того, что начиная с 1944 г. в печати и по радио о советско-германском фронте говорилось как о второстепенном. На первое место выдвигались события на Западе, а ожидавшееся там англо-американское вторжение преподносилось как решающее для судьбы Германии. Много места официальная пропаганда уделяла проблеме возмездия Англии за бомбардировки германских городов. Однако воздушные налеты, совершавшиеся с Британских островов, становились все интенсивнее, а германского возмездия не было. Многие немцы стали вообще в нем сомневаться, рассматривая эту пропаганду как маневр нацистского руководства. Другая часть населения считала, что разговоры о возмездии ведутся для того, чтобы держать народ “на должном уровне готовности к борьбе”, вселить в него веру в необходимость продолжения войны до конца.

Наряду со скептицизмом в отношении победы Германии значительная часть населения стала проявлять недоверие к нацистскому руководству и к Гитлеру. Эта тенденция была отмечена службой безопасности во время празднования дня рождения Гитлера 20 апреля 1944 г. В этот день флагов на домах было значительно меньше, чем в предшествовавшие годы⁶. В округе Лимбург области Гессен-Нюссау уже вывешенные флаги неожиданно сняли по причине якобы прозвучавшего по радио объявления сделать это в связи с ожидавшимся налетом вражеской авиации на округ.

Агенты службы безопасности СС информировали власти об отдельных негативных высказываниях немцев в адрес Гитлера и других нацистских руководителей. Так, в середине апреля 1944 г. одна жительница г. Швайнфурт (северо-западная часть Баварии), скрываясь с двумя малолетними детьми в бомбоубежище от очередного налета союзной авиации, заявила: “Фюреру легко. Ему не надо заботиться о семье. Если случится самое худшее, он покинет нас в беде и пустит себе пулю в голову. Он всегда утверждал, что не переживет поражения!”⁷. Такая интерпретация населением слов Гитлера стала встречаться повсеместно. К этому времени три четверти немцев уже были убеждены в том, что Германия войну проиграла⁸. Они считали, что правительство должно добиваться мира, а не стремиться изо всех

сил продолжать войну. Среди населения официальная пропаганда теряла авторитет. В г. Вюрцбург несколько членов нацистской партии в беседе между собой в начале июня 1944 г. высказали мнение, что для Германии было бы лучше, если бы Геббельс совсем прекратил выступать в печати и по радио⁹.

О нарастании в стране подобных настроений становилось известно и руководителям Германии. “Когда в один из этих дней я представляю себе в целом картину военного положения как на Западе, так и на Востоке, как на Карельском фронте, так и в воздухе, – записал Геббельс в дневнике 21 июня 1944 г., – то у меня быстро начинает кружиться голова... Легко понять, насколько критической является нынешняя ситуация”. На следующий день у министра пропаганды состоялась беседа с Гитлером. Обсуждалось положение в стране, и был сделан следующий вывод: “Кризис, в котором мы сейчас живем, должен быть признан до того, как он может быть преодолен”¹⁰.

Пытаясь поднять моральный дух немцев, германское руководство решило прежде всего укрепить ряды нацистской партии, повысить ее роль во всех сферах жизни, особенно активизировать работу на местах. Вожди Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) потребовали от каждого члена партии “разоблачать распространителей подрывных слухов” и “бороться с безответственными болтунами”. В феврале и марте 1944 г. были проведены совещания со всеми рейхслейтерами и гаулейтерами, на которых обсуждалась возникшая в Германии критическая ситуация. Были расширены полномочия руководителей областей. В пределах своих областей они выполняли функции высшей законодательной и исполнительной власти. В мае 1944 г. из имперской канцелярии НСДАП была направлена на места директива № 17 о действиях в условиях кризиса. В ней подчеркивалось, что от всего немецкого народа “требуются наивысшие усилия в труде, мужество, терпение и крепкие нервы”¹¹. Чтобы повысить авторитет местных организаций НСДАП, им предписывалось более активно участвовать во всех благотворительных акциях, взять на себя попечительство над пострадавшими от бомбежек, эвакуированными и другими жертвами войны. За счет партийных средств с 19 июня 1944 г. стали проводиться чествования погибших на войне и новорожденных, праздноваться свадьбы¹².

Нацистская пропаганда стремилась всячески поддерживать в народе веру в фюрера. Она твердила о его прозорливости и непогрешимости, заверяла немцев, что “чем более отчаянным является военное положение, тем ближе победа”¹³.

Одним из важных направлений пропаганды стало запугивание немцев приходом на германскую территорию вражеских войск, особенно Красной Армии. Гитлер, выступая 30 января 1944 г. в связи с годовщиной прихода нацистов к власти, заявил, что с приближением Восточного фронта сначала “полное уничтожение угрожает” немецкому народу, а затем такая же участь постигнет все народы Европы, так как ни одно европейское государство не способно оказать эффективного сопротивления советским войскам. 27 апреля всем редакциям периодических изданий от правительства поступило указание как можно шире показывать “бесчинства большевиков” на занятой Красной Армией территории. Германская печать неуклонно следовала этому указанию.

Возрождению у населения уверенности в победе служила широко развернутая пропаганда нового оружия. Руководящие деятели Германии в публичных выступлениях давали понять, что готовится к применению новое секретное оружие. Печать и радио вносили в эту тему свою лепту. На местах распространялись листовки о новом оружии. В одной из них говорилось: “Возможно, еще пройдет немного времени до того момента, когда будут применены новые боевые средства, вам придется перенести еще ряд страданий, но великий час для нашего народа наступит! Тогда произойдет поворот в войне”¹⁴.

16 июня 1944 г. по Лондону и южным районам Англии были выпущены первые

самолеты-снаряды “ФАУ-1”. Немцы восприняли это как начало возмездия. Однако “ФАУ-1” не оказали того воздействия на англичан, которого ожидали в Германии. К тому же не были сброшены в море высадившиеся 6 июня в Нормандии войска западных союзников, а на востоке началось мощное советское наступление против группы армий “Центр”. Временно поднявшийся в результате запуска “ФАУ-1” моральный дух немцев стал резко падать.

НОВЫЙ ВИТОК ТОТАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Сокрушительный разгром летом 1944 г. центральной группировки немецких войск на востоке сильно отразился на внутреннем положении Германии. Наряду с дальнейшим ростом среди населения тревоги за свое будущее активизировалась деятельность оппозиционных сил. Они пытались найти выход из кризисного состояния путем государственного переворота.

Наибольшую активность стали проявлять противники нацистского режима внутри вооруженных сил Германии, объединившиеся в Национальный комитет “Свободная Германия”. 20 июля 1944 г. они организовали покушение на Гитлера в его ставке “Вольфшанце” в Восточной Пруссии. Убить фюрера пытался один из высокопоставленных офицеров вермахта – полковник граф. К. фон Штауффенберг. В заговоре участвовали генерал-фельдмаршалы Э. Вицлебен, Г. Клюге и Э. Роммель, генерал от инфантерии Ф. Олбрихт, генералы артиллерии Э. Вагнер и Ф. Линдеман, генерал войск связи Э. Фелльгибель и многие другие генералы и офицеры. Их участие в путче свидетельствовало о том, что часть германского армейского генералитета и офицерства осознала авантюристичность политики Гитлера. Оппозиция решила убрать обанкротившегося фюрера и тем самым предотвратить катастрофическое для Германии развитие событий. Однако заговор провалился. Фюрер заверил народ Германии, что после покушения остался “совершенно невредим, если не считать совсем мелких ссадин, ушибов или ожогов”. Заговорщиков он пообещал “беспощадно истребить”.

Для расправы с покушавшимися при главном управлении имперской безопасности (РСХА) была создана особая комиссия по делу 20 июля, аппарат которой состоял из 400 чиновников. Полицией были арестованы около 7 тыс. человек, связанных с событиями 20 июля. Многие были казнены по решению суда и без него. Десятки офицеров, имевших отношение к этому делу, покончили жизнь самоубийством, в том числе генерал-фельдмаршалы Роммель и Клюге¹⁵. Нацистская клика воспользовалась заговором также для того, чтобы расправиться со своими давнишними противниками, арестованными ранее. 18 августа 1944 г. был казнен в концлагере Бухенвальд руководитель Коммунистической партии Германии Э. Тельман.

Жестокий террор должен был запугать немецкий народ и не допустить решительной борьбы внутри страны против нацистской диктатуры и за окончание войны. В августе–сентябре 1944 г. гражданским уголовным кодексом в Германии были введены более строгие наказания за политические преступления. С 20 сентября 1944 г. по 2 февраля 1945 г. начальник РСХА Э. Кальтенбруннер издал в общей сложности 42 распоряжения с одной целью – усилить террор в отношении противников войны и Гитлера. С августа 1944 г. репрессии стали распространяться на членов семей участников заговора, а несколько позже и на близких родственников находившихся в СССР немецких военнопленных, которые в той или иной мере участвовали в деятельности национального комитета “Свободная Германия”.

У подавляющего большинства немцев была потеряна вера в успешное окончание войны. Тем не менее основная масса германского общества восприняла путч 20 июля как попытку незаконными, террористическими методами совершить государственный переворот, а такие действия в народе, как правило, осуждались. Поэтому многие, особенно из числа средних и низших слоев, были целиком согласны с

Гитлером, что путч – это дело рук кучки предателей. Никто открыто не высказывал одобрения заговорщикам, даже, наоборот, радовались спасению фюрера. Отмечался рост его авторитета среди населения.

В то же время тайная полиция обнаружила отдельные случаи разочарования в связи с провалом путча. Так, в докладе службы безопасности Баварии от 7 августа 1944 г. сообщалось, что “часть населения приветствовала бы успех попытки покушения прежде всего потому, что появилась бы надежда на быстрое окончание войны”¹⁶.

Большинство германских солдат, как и гражданского населения, выразили негодование попыткой покушения на фюрера и радость, что он остался жив. Об этом свидетельствует просмотр в конце июля – августе 1944 г. цензурой 45 тыс. писем с фронта¹⁷. Но среди них было обнаружено и несколько таких, авторы которых солидаризировались с заговорщиками. Солдат 320-й пехотной дивизии писал домой 4 августа 1944 г.: “В своем письме ты пишешь о нападении на фюрера. Да, мы об этом слышали еще в тот день. К несчастью, господам не повезло. В противном случае уже начались бы мирные переговоры и мы бы вылезли из этого дерьма”. В письме обер-ефрейтора из 6-й танковой дивизии говорилось: “В последнее воскресенье, когда я был в церкви, священник благодарил Бога за то, что он смиловился и спас нашего фюрера. Мне в это время больше всего хотелось заткнуть священнику рот сеном”¹⁸.

Реакция в Германии на заговор 20 июля показала, что основная масса немецкого народа продолжала верить в своего фюрера и готова была следовать за ним. Эта вера в сочетании с усилившимся контролем и репрессиями являлась сдерживающим фактором в развитии оппозиционного движения в стране. Заговорщики оказались изолированными от народа. Немцы до конца войны в основном слепо выполняли исходявшие сверху распоряжения и указания, не наблюдалось никаких массовых выступлений против нацистского режима. При этом народом как-то учитывался опыт первой мировой войны, когда крушение фронта привело Германию к революции. Никаких революций немцы больше не желали. Они готовы были покориться своей судьбе и терпеливо ждать, что будет.

Возникшую в Германии ситуацию в связи с заговором 20 июля гитлеровское руководство решило использовать для усиления влияния нацистской партии в вооруженных силах и расширения мер по тотальной мобилизации населения на войну. Гитлер стал объяснять причину всех неудач на фронте предательством офицеров и генералов верхмахта. Доказательством предательства он считал создание в Москве “Союза немецких офицеров” из военнопленных во главе с генералом артиллерии В. Зейдлицем.

Стремясь усилить контроль нацистской партии над вооруженными силами. Гитлер 20 июля назначил Г. Гимmlера командующим армией резерва вместо замешанного в заговоре генерала Ф. Фромма. Рейхсфюрер СС пообещал радикально перестроить армию резерва и обеспечить фронт таким пополнением, которое “не отступит ни при каких обстоятельствах”¹⁹.

Распоряжением М. Бормана – начальника канцелярии НСДАП с сентября еще больше расширялись полномочия областных руководителей – гаулейтеров НСДАП. Когда территории их областей становились театром войны, вермахт ограничивался выполнением чисто военных функций, в то время как мобилизация всех сил в тыловых районах, строительство оборонительных рубежей, управление населением, особенно его эвакуация, были прерогативами гаулейтеров.

В августе 1944 г. Гитлер предпринял меры по активизации деятельности НСФО – офицеров по нацистскому руководству и воспитанию. Этой службе предписывалось быть проводником идей и политики НСДАП. Она была введена в вермахте приказом Гитлера от 22 декабря 1943 г., когда все больше военнослужащих стали проявлять недовольство затянувшейся войной. При верховном главкомандовании был сформирован штаб по национал-социалистическому руководству во главе

с генералом Х. Райнекке, в группах армий, армиях и армейских корпусах созданы соответствующие отделы, в дивизиях введены штатные, полках и батальонах – внештатные должности офицеров НСФО. В декабре 1944 г. внештатные национал-социалистические руководители стали назначаться во взводах и отделениях из унтер-офицеров и солдат – членов НСДАП. Им предписывалось решительно пресекать любые панические настроения, обеспечивать выполнение приказа Гитлера “стоять насмерть”²⁰.

Стремление гитлеровского руководства подобными мерами подчинить вермахт нацистской партии было ярким показателем того, что кризис в стране и вооруженных силах углублялся. Нацисты были готовы идти на любые, даже самые крайние шаги, не испытывая при этом ни малейшего сожаления по поводу того, что вместе с собой они увлекают в пропасть весь немецкий народ.

Всеохватывающая мобилизация людских и материальных ресурсов для продолжения войны началась с назначением Геббельса 25 июля 1944 г. генеральным уполномоченным по тотальной войне. Ему предоставлялось право отдавать распоряжения всем государственным ведомствам с целью обнаружения скрытых резервов и привлечения как можно большего количества людей и средств для нужд вермахта и военного производства. Предельный возраст женщин, попадавших под действие закона о трудовой повинности, увеличился с 45 до 50.

По распоряжению Геббельса были закрыты театры, варьете, кабаре, цирки, музыкальные и художественные учебные заведения, большая часть издательств и профессиональных училищ. Из 2200 имевшихся в стране кинотеатров продолжали действовать только 630. Был прекращен выпуск художественной и развлекательной литературы, большинства журналов, а также многих газет. В городах, кроме Берлина и Мюнхена, разрешалось издавать только одну газету. Повсеместно сокращался аппарат органов управления. К ноябрю из центральных и местных органов управления в военное производство было направлено 330 тыс. бывших служащих²¹.

В целях мобилизации дополнительных людских ресурсов закрывались десятки тысяч магазинов, небольших предприятий и мастерских. С 11 августа повсеместно были запрещены отпуска, с сентября продолжительность нормальной рабочей недели увеличилась до 50 часов. Были сокращены часы работы кафе, закусочных, ресторанов и кинотеатров, введены ограничения в работе почты²².

Со второй половины 1944 г. немецкие женщины стали широко привлекаться не только в военную промышленность, но и для службы в вооруженных силах. Уже в середине ноября в состав вермахта было направлено 300 тыс. молодых женщин и девушек. Они сменили мужчин в военных медицинских и штабных учреждениях, в прожекторных частях военно-воздушных сил. До 15 января 1945 г. еще 150 тыс. женщин были призваны в вермахт для несения службы, главным образом в войсках ПВО²³.

Не все шло гладко с тотальной мобилизацией скрытых резервов. Распоряжения Геббельса встречали сопротивление на местах. В нацистской верхушке шла междоусобная борьба за лидерство. Борман дал указание руководителям нацистской партии на местах приступить к реализации распоряжений Геббельса только после получения указаний от имперской канцелярии НСДАП. Местные власти бойкотировали мероприятия по тотальной мобилизации по причине якобы того, что это отрицательно сказывалось на настроении населения.

Наблюдалось немало попыток со стороны отдельных лиц, особенно из зажиточных семей (предпринимателей, высокопоставленных чиновников, представителей интеллигенции), избежать мобилизации, обеспечить себе привилегированные условия жизни. Для борьбы с уклонявшимися министр юстиции 25 августа 1944 г. издал распоряжение об их уголовном наказании вплоть до смертной казни. Геббельс потребовал от местных властей следить за тем, чтобы “руководители и члены их семей своим уровнем жизни не выделялись среди остальных членов общест-

ва”²⁴. Однако обеспеченные социальные слои от своих привилегий не отказывались, а это вызывало недовольство простых тружеников, вело к обострению кризиса.

Характерно, что финансовые и промышленные круги, предвидя неизбежность поражения Германии, стали срочно принимать меры к сохранению своих капиталов и производственных мощностей в случае падения нацистского режима. Концерны переместили свои банковские вложения из Силезии и других восточных районов в центральные и западные области Германии. Туда же перебрались правления многих крупных фирм и банков. Осенью 1944 г. была проведена реорганизация концерна Флика. Его разделили на четыре группы промышленных и торговых предприятий, а управление всего концерна перевели из Берлина в Дюссельдорф. Изменения в структуре должны были скрыть присвоение “неарийской” собственности, а также прибыли, нажитые на войне. Перемещение правлений концернов в районы предполагаемой англо-американской оккупации, по мысли их владельцев, позволяло им сохранить свою собственность, которой они могли лишиться в советской зоне оккупации²⁵.

Несмотря на новый виток тотальной мобилизации, Германия испытывала все более острый недостаток в людских ресурсах как для вооруженных сил, так и для военной промышленности. С августа по октябрь 1944 г. сухопутные силы Германии, согласно официальным немецким данным, потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 1189 тыс. человек, а для пополнения получили за это время лишь 289 тыс. Нацистские власти шли на крайние меры, чтобы как-то восстанавливать потери. Были сформированы батальоны, состоявшие из больных людей, ранее считавшихся непригодными к военной службе. Указом Гитлера от 25 сентября 1944 г. создавалось “народное ополчение” – фольксштурм²⁶.

Фольксштурм формировался как территориальные вооруженные силы, подчиненные в политическом и организационном отношении непосредственно нацистской партии. На местах ответственность за его создание несли руководители организаций НСДАП. В фольксштурм включалось способное держать оружие мужское население в возрасте от 16 до 60 лет, которое не было призвано в вермахт. Задумывалось, что “народное ополчение” будет не только участвовать в военных действиях на территории Германии, но при необходимости, в случае отступления вермахта, составит основу партизанских отрядов²⁷.

Однако батальоны фольксштурма, сформированные в конце 1944 – начале 1945 г., имели слабую военную подготовку и вооружение. Многие из них при первом же соприкосновении с противником распались. Лишь в восточных районах Германии они оказывали упорное сопротивление наступающим советским войскам. В осажденном Берлине с фанатизмом сражались отряды фольксштурма, сформированные из 15–16-летних юношей – членов нацистской молодежной организации “Гитлерюгенд”. В целом фольксштурм не оправдал ожиданий нацистского руководства, а сам факт его создания явился ярким доказательством, что третий рейх исчерпал свои людские ресурсы.

Примечательно, что немецкое население отнеслось к созданию фольксштурма весьма скептически. Оно рассматривало его как признак слабости Германии. Приведем два распространенных в октябре 1944 г. высказывания: “Если хромые и инвалиды, ни на что не пригодные ранее, должны обеспечить нам военное счастье, ни о какой победе уже не может быть и речи”; “Раньше мы осуждали партизан, а теперь формируем подобные им войска”²⁸. Многие сравнивали фольксштурм с самолетом-снарядом “ФАУ-1”, который не стал эффективным оружием, а был воспринят немцами в основном как пропагандистская акция Геббельса. Лишь самые активные члены нацистской партии встретили формирование фольксштурма с энтузиазмом.

Роптание в народе вызвало и повсеместное привлечение гражданского населения для сооружения на территории Германии оборонительных рубежей. Началось

оно с июля 1944 г. в восточных районах, а затем распространилось на всю страну. Распоряжением гаулейтера Восточной Пруссии Э. Коха от 13 июля все мужское население приграничных с СССР округов в возрасте от 15 до 65 лет в обязательном порядке направлялось на строительство укреплений в 20–30 км восточнее советско-германской границы 1939 г. Несколько позже приступили к созданию померанско-одерского оборонительного рубежа, так называемого Восточного вала, и других линий укреплений. На окопных работах заставляли работать по 12–16 часов в день. За уклонение от них грозила жестокая расправа²⁹. С конца 1944 г. для строительства укреплений стали широко привлекаться батальоны фольксштурма. Ответственность за эти работы была возложена на руководителей местных организаций нацистской партии.

АГОНИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА

Война все ближе приближалась к Германии, а затем охватила и ее территорию. Она возвратилась туда, откуда началась. Уже осенью 1944 г. немецким войскам пришлось сражаться против частей Красной Армии на земле Восточной Пруссии. Это произвело ошеломляющее воздействие на германское общество. Пожалуй, не было ни одного немца, которого бы оно в той или иной мере не коснулось. Немецкому обывателю, еще недавно мнившему себя владельцем почти всего мира, теперь нужно было думать о собственном спасении.

Прежде всего на стабильности внутреннего положения Германии негативно сказался многомиллионный поток беженцев из восточных районов страны. Подготовка к эвакуации началась еще с июля 1944 г. В первую очередь было решено вывезти нетрудоспособное население из Восточной Пруссии. В августе Кох отдал распоряжение об эвакуации немецкого населения из приграничной советско-германской зоны от Тильзита до Луцка. С сентября началась эвакуация немцев и из западных районов Германии. В отличие от восточных районов, где люди, напуганные пропагандой о зверствах Красной Армии, сами покидали насиженные места, на западе многие жители, особенно крестьяне, не хотели уезжать и всячески избегали эвакуации³⁰.

Поздней осенью 1944 г. тяжелое положение с беженцами возникло в Восточной Пруссии. В ее западные районы прибывали все новые тысячи эвакуированных. В январе 1945 г. южнее Кёнигсберга (Калининграда) на побережье залива Фриш-Гаф (Калининградский) скопилось более 1,4 млн беженцев. По льду залива их переправляли на косу Фриш-Нерунг (Балтийская), откуда дальнейшая эвакуация осуществлялась морем. Однако транспортных судов подавалось мало. Поэтому огромная масса людей долгое время оставалась под открытым небом, дрожа от холода и испытывая недостаток в еде³¹.

Переход в январе 1945 г. в наступление советских войск на берлинском направлении вызвал массовый отток беженцев из Силезии и других восточных районов Германии. Гонимые страхом почти 4 млн человек, в основном женщины, дети, старики, используя любую возможность, кто на поездах, кто на подводах или пешком, бежали куда глаза глядят. Очевидец этих событий священник из Геттингена (округ Бухен) писал 28 января 1945 г.: “По всем дорогам на запад движется нескончаемый поток беженцев. Морозы стоят страшные. Снабжение продовольствием не налажено. По пути люди умирают от изнеможения и холода. Нередко трупы везут с собой, чтобы на какой-нибудь остановке захоронить их... На крупных станциях залы ожидания превращены в склады трупов. Часто случается, что трупы неизвестных лиц просто выбрасывают из поезда. Вокруг царит такое бедствие, которое невозможно даже описать. Все время задаешь себе вопрос, как это случилось, что так много людей оказалось в подобном положении”³². Города и села западнее Одера были переполнены беженцами. В г. Швайд-

ниц (Швидница), насчитывавшем 35 тыс. жителей, в начале 1945 г. оказалось уже 80 тыс. человек. Эвакуированным трудно было найти жилье.

Потоки беженцев двигались из Данцига, Западной Пруссии, Померании. По официальным данным, оглашенным 19 февраля 1945 г. для служебного пользования, число эвакуированных из восточных районов достигло 8350 тыс. человек. К середине марта их, по данным штаба верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), стало более 10 млн человек.

21 февраля 1945 г. начальник штаба ОКВ В. Кейтель приказал прекратить планомерную эвакуацию гражданского населения из западных районов Германии. В преддверии борьбы за Берлин последовало распоряжение имперской канцелярии от 20 февраля, согласно которому не предусматривалась всеобщая эвакуация города, разрешался лишь негласный выезд женщин и детей, а высшим имперским органам управления предписывалось оставаться в столице. Однако большинство министерств постепенно стало ее покидать. Они перевозили свои архивы и имущество в Тюрингию и в район Гарца³³.

С появлением эвакуированных и беженцев с востока тяготы войны распространились на все города и села Германии. Росло недовольство простых людей и местных органов власти. Гитлер с этим считаться не хотел. 23 марта Борман передал его указание гаулейтерам прифронтовых районов, чтобы они обеспечивали “эвакуацию всех немцев”, с какими бы трудностями это ни было связано. Но выполнить это указание в полном объеме было уже невозможно. Многие гаулейтеры стали отказываться от приема в свои области новых эвакуированных. Так, 14 апреля 1945 г. гаулейтер Зальцбурга Г.-А. Шеель сообщил в Берлин, что границы его области для приема беженцев закрыты. Гаулейтер Мюнхена отказался принять 20 поездов с эвакуированными из Вены и Нижней Австрии. Поэтому, несмотря на указание Гитлера, все больше гражданского населения оставалось в городах и селах, занимаемых советскими войсками, а часть немцев начала возвращаться на свое прежнее местожительство до прихода туда советских войск. В отдельных местах жители даже стали протестовать против их выселения при приближении фронта. Например, 21 апреля около 200 женщин из г. Эберсвальде под Берлином собрались у городской комендатуры и потребовали передачи города Красной Армии без боя. 29 апреля штаб группы армий “Висла” рекомендовал подчиненным частям не проводить в Мекленбурге насильственной эвакуации населения, так как его передвижение по дорогам мешает действиям войск³⁴.

В соответствии с указанием Гитлера эвакуация гражданского населения из восточных районов Германии продолжалась вплоть до конца апреля 1945 г., однако полностью “обезлюдить” восточные районы до прихода туда советских войск не удалось. В Пруссии, Померании, области Варталенд и Силезии осталось более 3 млн немцев³⁵.

Появление в Германии миллионов беженцев, их материальная неустроенность и гибель многих от холода и бомбежек отрицательно сказывались и на вермахте. Значительное количество военнослужащих потеряли связь со своими родными, не знали, где те находятся, живы ли они. Тревога за судьбу родных заставляла их уделять много времени наведению различных справок, отвлекала от выполнения служебного долга, порождала упаднические настроения. Все это снижало боеспособность войск.

С перемищением боевых действий на территорию Германии гитлеровское руководство предпринимало меры по превращению каждого немецкого населенного пункта, каждого квартала и дома в неприступную крепость. Еще в сентябре 1944 г. было издано специальное распоряжение по этому поводу. На занимаемой Красной Армией немецкой территории предусматривалось заблаговременно подготовить базы для развертывания в будущем партизанского движения, создать с этой целью диверсионные отряды – вервольф. Возглавить их должны были офицеры СС и полиции. Имелось в виду, что фольксштурмовцы, оказавшиеся в тылу противника, включатся в партизанскую борьбу³⁶.

Однако война принесла неисчислимые страдания немцам. На них обрушились бедствия, связанные особенно с ведением боевых действий непосредственно на германской территории. Во много раз увеличились потери как в войсках, так и среди гражданского населения. Только безвозвратные потери вермахта и войск СС в период с 1 февраля по 9 мая 1945 г. на советско-германском фронте составили 2,8 млн человек, в том числе убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести и погибшими вследствие других обстоятельств (небоевые потери) почти 1,4 млн человек, а пленными – 1420 тыс.³⁷

В создавшихся условиях большинство немцев опасалось, что действия диверсионных отрядов приведут к ухудшению положения на оккупированной территории Германии, вызовут со стороны войск противника ответные карательные меры, когда всем придется отвечать за террористические акты одиночек. Там, где эсэсовские офицеры, активные деятели НСДАП и обманутые подростки, как, например, в Аахене, попытались после оккупации вести вооруженную борьбу, она быстро завершилась поражением³⁸. В большинстве же мест даже не было попыток предпринимать такую борьбу.

В кризисном состоянии оказалась к концу войны экономика Германии. С выходом на германскую территорию советских войск, особенно после занятия ими Силезии, нарушилось обеспечение страны углем. Его добыча в феврале 1945 г. сократилась почти в четыре раза по сравнению с июнем 1944 г. Бомбардировками союзной авиации к началу 1945 г. из 1300 сооружений заводов “Лейна” по производству горючего 1000 была разрушена или сильно повреждена. Резко уменьшился ввоз нефтепродуктов из Венгрии. Недостаток горючего вынудил сократить до минимума перевозки автотранспортом, а также боевое использование танков и авиации, что привело к свертыванию оперативных возможностей вермахта.

Выпуск стали в феврале 1945 г. сократился более чем в пять раз по сравнению с наивысшим уровнем в 3,2 млн т, достигнутым в марте 1944 г. Но и имевшиеся запасы стали невозможно было полностью использовать из-за плохой работы железнодорожного транспорта. Многие железнодорожные линии и станции были сильно повреждены бомбардировками. Перевозились в основном только войска, вооружение и продовольствие. В феврале 1945 г. был образован специальный транспортный штаб во главе с министром вооружения А. Шпеером. Он определял очередность перевозок, намечал меры по повышению пропускной способности дорог, мобилизовывал рабочую силу для ликвидации нанесенных разрушений и срочного ремонта железных дорог. С этой целью им было привлечено 100 тыс. военнопленных, 180 тыс. железнодорожных служащих и технических специалистов, 800 тыс. рабочих военной промышленности³⁹.

Выпуск вооружения уменьшался медленнее, чем шел спад всей промышленности. Это объяснялось тем, что военные предприятия еще располагали на складах запасами сырья и полуфабрикатов. По сравнению с июлем 1944 г., когда был достигнут наивысший уровень, производство оружия и военной техники сократилось в феврале 1945 г. в 1,8 раза, в марте 1945 г. – в 2,2 раза. В первые месяцы 1945 г. выпускалось еще относительно много легкого пехотного оружия. Однако производство тяжелого оружия для пехоты, танков и самолетов, а также боеприпасов крупного калибра быстро уменьшалось. Вследствие больших потерь за 1944 г. промышленность уже не могла полностью восполнить недостачу вооружения. С марта 1945 г. не удовлетворялась потребность в боеприпасах.

Быстрое продвижение советских и англо-американских войск сделало невозможным централизованное управление военной промышленностью. В феврале 1945 г. на основе министерства вооружения были образованы управления семи крупных промышленных районов во главе с уполномоченными, наделенными диктаторскими правами. В своем районе они организовывали производство вооружения по принципу замкнутого круга для непосредственных нужд фронта. Район дол-

жен был сам обеспечивать себя всем необходимым. Такими мерами удалось до последних дней войны поддерживать выпуск вооружения и боеприпасов⁴⁰.

Резко ухудшилось материальное положение немецкого населения. В Берлине из 1,5 млн квартир неповрежденными остались только 370 тыс. Электростанции и газовые заводы в первые месяцы 1945 г. из-за нехватки угля работали лишь на 1/3 своей мощности. Предприятия бытового обслуживания (пекарни, молокозаводы и др.), а также медицинские учреждения получали только 25% необходимого им топлива. Обеспечение населения товарами повседневного спроса, в особенности одежды, составляло 10–15% от довоенного уровня. Одновременно ухудшилось и их качество⁴¹.

В начале марта министр продовольствия и сельского хозяйства констатировал, что нормы обеспечения среднего потребителя “перешли границу прожиточного минимума”. Министерство рекомендовало населению использовать в пищу дикорастущие растения, грибы, желуди, готовить салаты из клевера и люцерны, собирать улиток и лягушек “для восполнения недостатка в белках”. На черном рынке цены на хлеб и другое продовольствие подскочили в сотни раз⁴².

Среди немцев быстро росло недовольство политикой нацистского режима. В докладе о настроении населения, подготовленном службой безопасности СС в конце марта 1945 г., говорилось: “Недоверие к руководству в эти дни растет лавинообразно. Везде с большой силой критикуют партию, определенных руководящих деятелей и пропаганду... Народ чувствует себя обманутым”⁴³.

Нацистская пропаганда, пытаясь поднять моральный дух населения, распространяла идею о возможности окончательной победы. До последних дней войны на многих немцев оказывала влияние пропаганда относительно скорого раскола антигитлеровской коалиции. Эта тема была главной и в последнем обращении Гитлера к немецкому народу 24 февраля 1945 г., которое было зачитано по радио его старым другом по партии Г. Эссером. В обращении говорилось о “противоестественном союзе между капитализмом и большевизмом”, и этим выражалась скрытая надежда на возможность “чуда” в войне. Требовалось лишь упорно сопротивляться⁴⁴.

С этого времени Гитлер, как свидетельствуют очевидцы, все больше отходил от реальности и погружался в своем бункере под рейхсканцелярией в мир грёз. Особое почтение он стал испытывать к прусскому королю Фридриху II, чей портрет был единственным украшением кабинета в его бункере. Он часто сравнивал ситуацию, в которой находилась Пруссия в 1762 г., когда смерть российской императрицы Елизаветы спасла Фридриха от поражения и самоубийства, с ситуацией, в которой оказалась Германия весной 1945 г. По просьбе Гитлера Геббельс читал ему в бункере отрывки из книги Томаса Карлина “История Фридриха Великого”. По предложению Геббельса был срочно составлен гороскоп, в котором предсказывался во второй половине апреля успех Германии и заключение выгодного для нее мира в августе 1945 г. С гороскопом ознакомили не только Гитлера, но и все его окружение. Когда Геббельс узнал о смерти президента США Ф. Рузвельта 12 апреля, то пришел в сильное волнение и немедленно позвонил Гитлеру: “Мой фюрер! Я поздравляю Вас! Рузвельт мертв. Звезды предсказывают, что вторая половина апреля будет для нас поворотным пунктом”⁴⁵. Гитлер был возмущен не меньше. У него появилась надежда, что гороскоп оправдается. Но ликование продолжалось недолго. Смерть Рузвельта не внесла изменений в стратегию и характер военных действий союзников по антигитлеровской коалиции. Американцы продолжали продвигаться к Эльбе, а с востока 16 апреля началось советское наступление на Берлин.

В последние месяцы войны распоряжения Гитлера уже не воспринимались главарями рейха как строго обязательные. Возникали сомнения в их целесообразности. Так было с приказом Гитлера от 19 марта 1945 г. об уничтожении на занимаемой союзниками территории всех промышленных, транспортных и военных объектов, сооружений связи, материальных ценностей. Приказ натолкнулся на противо-

действие прежде всего деловых кругов. Отстаивая их интересы, министр вооружения Шпеер добился от Гитлера издания 30 марта дополнительного распоряжения, согласно которому Шпеер получил право регулировать выполнение приказа от 19 марта по своему усмотрению⁴⁶. Германские промышленники думали уже не о том, как затруднить действия войск союзников, а о том, как обеспечить себе на Западе выгодные стартовые позиции после войны. В соответствии с приказом от 8 апреля 1945 г. осуществлялось разграничение функций в партийном и государственном аппаратах. Руководители нацистской партии должны были ограничиться исполнением только партийных функций. Во главе органов власти в провинциях, городах и общинах рекомендовалось поставить лиц, которые раньше не проявляли политической активности и не скомпрометировали себя прошлыми связями с нацистами. Тем самым создавались органы местного управления, которые могли бы существовать и после оккупации Германии войсками стран антигитлеровской коалиции⁴⁷.

Для многих было совершенно очевидно, что Германия войну проиграла. В настроениях преобладала тревога за будущее после поражения. Но наряду со страхом все шире становилось недовольство собственным руководством, которое привело страну к катастрофе. Простые люди не считали себя виновными в том, что произошло. В народе появились апатия и подавленность, чувствовались разочарование и внутренняя боль, оттого что затраченный труд и принесенные жертвы оказались бессмысленными из-за ошибок руководства⁴⁸.

Немцы, однако, были приучены к дисциплине и сохранению установленного порядка. В создавшихся условиях большая часть населения жила одним днем, заботами об удовлетворении повседневных материальных потребностей в надежде каким-нибудь образом пережить наступавшую катастрофу. Были и такие, которые от разочарования и апатии кончали жизнь самоубийством⁴⁹. Призывы нацистской пропаганды к самопожертвованию не находили отклика среди большинства населения. “Если бы мы в 1933 г. могли представить, как пойдут дела, – заявили в марте 1945 г. жители г. Берхтесгаден, – то никогда не голосовали бы за Гитлера”⁵⁰.

Оценивая положение, сложившееся в управлении страной, Геббельс 28 марта 1945 г. записал в дневнике: “В Берлине мы издаем приказы, которые вниз практически вообще больше не доходят, не говоря уже о возможности их выполнения”⁵¹. Однако, несмотря на наступивший в стране кризис, нацистская система сохранялась в Германии до конца войны. Основным ее элементом являлось насилие. С каждым днем ужесточавшиеся репрессии стали главным средством, с помощью которого гитлеровцы удерживались у власти. Расправа настигала каждого, кто как-то пытался противиться установленным нацистами порядкам или открыто высказывал недовольство ими.

По приказу ОКВ от 28 января 1945 г. в войсках создавались военно-полевые суды для быстрого рассмотрения дел военнослужащих, уклонившихся от выполнения приказа “стоять насмерть” на занимаемых позициях. Командирам всех степеней разрешалось применять оружие для “восстановления дисциплины”, а ответственность за превышение полномочий при этом с них снималась. В соответствии с приказом Гимmlера от 29 января смертной казнью карались все военнослужащие и гражданские чиновники, покидавшие без разрешения свое место службы. Для расправы с неудобными лицами из гражданского населения в тыловых районах министерство юстиции 15 февраля учредило военно-полевые суды, состоявшие из активистов НСДАП и офицеров вермахта. Согласно распоряжению ОКВ от 5 марта подлежали аресту члены семей военнослужащих, “сдавшихся в плен без оказания вооруженного сопротивления”. 9 марта Гитлер приказал создать в войсках, начиная с полка, мобильные военно-полевые суды со специальными командами, которые бы на месте приводили в исполнение смертные приговоры. Один приказ следовал за другим, и каждый был все жестче. Так, по распоряжению Гимmlера от 3 апреля расстреливались на месте все лица мужского пола из дома, вывесившего

белый флаг, а по указанию Гитлера от 22 апреля казни подлежал каждый, кто “пропагандировал или санкционировал ослабление силы сопротивления”⁵².

Казненных становилось все больше. Многих подвешивали на столбах и деревьях с доской, на которой была надпись, порочившая погибшего. Только в течение одного дня, 15 марта 1945 г., командующий 9-й армией генерал Т. Буссе утвердил 13 смертных приговоров. Среди приговоренных были: один ефрейтор за наличие в вещмешке гражданской одежды, два обер-ефрейтора, отставшие от своей части, фельдфебель, притворившийся, что убежал из советского плена. 28 марта в Ашаффенберге военно-полевой суд вынес 40 смертных приговоров. 5 апреля в Веймаре был расстрелян обер-лейтенант Й. Риттер за то, что хотел сдать противнику г. Гота. Причиной расстрела 12 апреля полковника Г. Петри были его колебания, стоит ли сражаться за г. Вернигероде и этим привести к его уничтожению⁵³.

В начале апреля 1945 г. в Нюрнберге владелец небольшого магазина сказал зашедшему к нему покупателю, что Гитлер, выступая за продолжение войны, обманывает немецкий народ и поэтому должен рассматриваться как преступник. Покупатель, оказавшийся ярым нацистом, донес в гестапо на владельца магазина, и того расстреляли “как подрывающего военную мощь Германии”⁵⁴. В г. Бреттхайме военно-полевой суд 10 апреля приговорил к смерти жителя города за то, что последний отнял у фанатичного мальчишки, члена организации “Гитлерюгенд”, фаустпатрон. Одновременно были расстреляны два члена суда, проявившие колебания при вынесении этого смертного приговора. Учитель В. Эркнер из Корбуссена был расстрелян 12 апреля за то, что выбросил из школы портрет Гитлера⁵⁵.

1 мая 1945 г. совсем еще юный немецкий солдат, занимавший позицию в подвале одного из домов в центральной части Берлина, по улице Егерштрассе, увидел через разбитое окно белый флаг на машине начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Г. Кребса, ехавшего для переговоров с советским командованием. Солдат предположил, что война в Берлине закончилась и, бросив винтовку, осторожно вышел из подвала, подняв в руке белый носовой платок. Неожиданно на улице появился эсэсовский патруль. Солдат пытался объяснить, что в ближайшее время официально будет объявлено о капитуляции Берлина. На эсэсовцев это никак не подействовало. Они поставили солдата к стенке и здесь же расстреляли⁵⁶. Так поступали эсэсовцы со многими солдатами вермахта, проявившими колебания в последние недели и дни войны. В Берлине и в других городах для утешения на веревках болтались трупы немецких военнослужащих с такими вывесками: “Я вишу здесь потому, что не верил в фюрера”, “Я – дезертир”, “Все предатели умирают так”⁵⁷. До окончания войны жертвами фашистского террора стали многие тысячи немецких военнослужащих и гражданских лиц.

Предсмертная агония гитлеровского режима проявилась и в массовом умерщвлении узников концентрационных лагерей и тюрем. В феврале 1945 г. был отдан приказ Гитлера, согласно которому ни один человек, находившийся в концентрационных лагерях, не должен был попасть в руки союзников⁵⁸. По этому поводу Гиммлер 5 марта заявил одному из своих приближенных: “Если национал-социалистическая Германия должна погибнуть, то наши враги, предатели великогерманского духа, которые сейчас находятся в концентрационных лагерях, не должны праздновать триумф и выйти победителями. Они не должны дожить до этого дня. Такой четкий и логичный приказ фюрера, и я позабочусь о том, чтобы он был выполнен точно и основательно”⁵⁹.

Особенно интенсивно эсэсовцы истребляли узников при приближении к концлагерям Красной Армии или войск западных союзников. В концлагере Маутхаузен ежедневно умерщвлялось не менее 1000 человек. Всего с января по апрель 1945 г. было уничтожено: в концлагере Заксенхаузен – 41 332 узника, Берген-Бельзен – около 37 тыс., Маутхаузен – 25 572, Дахау – 13 158, Бухенвальд – 1356⁶⁰.

Узников, которых гитлеровцы не успевали уничтожить, перегоняли в другие места. По дороге они массами гибли от голода и пуль охранников. В ходе эвакуа-

ции заключенных из концлагеря Ордруф в Дахау из 59 тыс. узников 12 тыс. погибли. По приказу Гимmlера от 20 апреля 1945 г. заключенных концлагерей, расположенных неподалеку от Балтийского моря, отправляли колоннами в Любек, чтобы там погрузить на суда, вывезти в открытое море и утопить. 21 апреля “марш смерти” к морю начала колонна из оставшихся в живых 68 тыс. узников Заксенхаузена, из которых еще по пути были убиты более 10 тыс., а 30 тыс. освободили 1 мая советские танкисты. Из женского концлагеря Равенсбрюк эсэсовцы погнали к морю через мекленбургские леса 20 тыс. заключенных. Однако наступавшие на запад советские войска обратили в бегство охранников и принесли свободу голодным и озябшим женщинам⁶¹.

Повсеместно производились массовые расстрелы в тюрьмах. В Веймаре 5 апреля 1945 г. были казнены 149 узников из гестаповской тюрьмы. На следующий день в Ганновере более 500 заключенных вывели для расправы на Зеельхорстское кладбище. Среди расстрелянных было много советских военнослужащих, захваченных в плен под Будапештом, а также женщины с детьми. В Лейпциге 12 апреля из двух тюрем гестаповцы вывезли на окраину города и расстреляли 52 заключенных. Такая ситуация наблюдалась по всей Германии, оставшейся еще под контролем гитлеровцев⁶².

В последние недели войны обнаружились разногласия среди нацистских главней. В предвидении неизбежного поражения в войне каждый думал прежде всего о себе, пытался спасти собственную жизнь, пренебрегая интересами других. Сподвижники Гитлера, как и он сам, намеревались воспользоваться противоречиями в антигитлеровской коалиции, чтобы заключить сделку с западными державами за счет СССР. Риббентроп с ведома Гитлера еще в январе 1945 г. попытался через германские представительства в нейтральных странах начать переговоры с США и Англией о сепаратном мире. В Швейцарии такие попытки по поручению Берлина делал обер-группенфюрер СС К. Вольф. 20 апреля 1945 г., когда фюрер отмечал свое 56-летие, Гимmlер, который стал претендовать на роль второго лица в нацистском руководстве, встретился в Любеке без ведома своего шефа со шведским графом Ф. Бернадоттом, поддерживавшим контакты с представителями США и Англии. Через три дня состоялась их вторая встреча. Гимmlер выражал готовность немедленно капитулировать на западном фронте и продолжать войну на восточном. Эти предложения Бернадотт довел до правительства США и Англии. 28 апреля радио Лондона передало сообщение английского агентства Рейтер о предложении Гимmlера и отрицательном ответе на них западных держав⁶³. Когда через пять минут текст этого сообщения передали в бункер Гитлера, он пришел в бешенство и приказал разыскать и арестовать Гимmlера, лишил его всех постов и объявил об исключении из нацистской партии. Подобная участь постигла и Геринга, который раньше официально считался преемником Гитлера⁶⁴.

К исходу 22 апреля 1945 г. Герингу стало известно, что Гитлер, убедившись в невозможности деблокировать столицу, решил остаться в Берлине и покончить жизнь самоубийством. Геринг попытался вступить в переговоры с англо-американским командованием. 24 апреля он готовился вылететь к Эйзенхауэру, чтобы вести переговоры лично с ним. Но через Бормана об этом стало известно Гитлеру. По его приказу в ночь на 24 апреля эсэсовцы арестовали Геринга. Борман предлагал расстрелять его за измену, однако Гитлер счел это чрезмерным и лишил его всех постов, званий и членства в нацистской партии⁶⁵. Так, к концу войны с Гитлером остались только Борман и Геббельс. Остальные были или арестованы, или отстранены от дел, или деградировали, как, например, спившийся Розенберг.

Самого Гитлера, укрывшегося в бункере под почти трехметровым слоем железобетона, уже мало интересовала судьба немецкого народа. Он требовал от подчиненных сражаться до последнего патрона и не сдаваться. По его же приказу 28 апреля в Берлине были взорваны дамбы, отделявшие канал Ландвер от тоннелей метро. Вода стала заливать тоннели в центральной части города. Это было совершен-

но неожиданным для берлинцев, прятавшихся в метро от бомб, снарядов и пуль. Тысячи людей, главным образом дети, старики и раненые, утонули в тоннелях метро⁶⁶.

Гитлера в последние дни апреля занимал лишь вопрос о собственной судьбе, которая уже была решена. Перед самой смертью, в ночь на 29 апреля, он устроил обряд бракосочетания со своей многолетней любовницей Евой Браун. 30 апреля оба они покончили жизнь самоубийством.

Без Гитлера немцы сразу почувствовали облегчение. С их плеч как бы свалился тяжелый груз нацизма. Повсеместно снимали вывески, связанные с нацистской атрибутикой, выбрасывали и сжигали портреты и бюсты Гитлера, партийные эмблемы, нацистскую литературу. Везде спешили сделать это до прихода советских войск или западных союзников. Осуждались те, кто призывал к фанатичному сопротивлению. Основная масса населения была поглощена заботами о собственном выживании. Лишь убежденные члены НСДАП и часть солдат, особенно на Восточном фронте, после смерти Гитлера почувствовали себя потерявшими ориентиры в повседневной жизни, начали испытывать страх перед наказанием за содеянное ранее. Они продолжали еще отчаянно сражаться, но без надежды на какой-либо успех.

Возникшие в последние дни разногласия внутри правящей нацистской клики отразились и на составе нового германского правительства, которое было назначено согласно завещанию Гитлера. Большинство его составляли новые лица, не входившие в прежнее высшее руководство. Преемником Гитлера на посту президента третьего рейха и верховного главнокомандующего стал гросс-адмирал К. Дениц, стоявший несколько в стороне от нацистской партии, но являвшийся горячим поклонником нацизма. В германских правящих кругах его рассматривали как “человека, наиболее приемлемого для западного мира”, а потому связывали с ним надежды на достижение какой-либо договоренности с западными державами в противовес Советскому Союзу⁶⁷.

В свою очередь Дениц рассчитывал, что смерть такой одиозной для западной демократии фигуры, как Гитлер, даст ему возможность приостановить применение силы против западных союзников и одновременно продолжать вооруженную борьбу против СССР, вероятно, даже при поддержке Запада. Вечером 1 мая он по радио обратился к немецкому народу: “Моя первая задача состоит в том, чтобы спасти немцев от уничтожения большевиками. Только ради этой цели продолжается война”⁶⁸. В действительности же для Деница и его правительства главная забота в критические майские дни 1945 г. заключалась не в “спасении немцев”, а в том, чтобы, несмотря на новые жертвы, сохранить территориальную базу, с которой потом можно было бы вести переговоры с западными странами в надежде на уступки с их стороны. От войск, сражавшихся на востоке, Дениц потребовал удерживать позиции любой ценой, не допускать продвижения Красной Армии в глубь Германии. С американцами и англичанами он рекомендовал германским частям и соединениям заключать частичные соглашения о капитуляции.

Однако сложившееся в начале мая военное положение не позволило Деницу осуществить свои замыслы. Советские войска 2 мая захватили Берлин и продолжили продвигаться вперед. Англо-американское верховное командование в Европе во главе с генералом Д.Д. Эйзенхауэром осталось верным союзническому долгу и не пошло на сговор с представителями Деница, соглашавшимися на немедленную капитуляцию только на Западном фронте. Затеянная новым германским фюрером игра окончилась провалом. С его согласия представитель верховного главнокомандования Германии генерал Йодль 7 мая в 2 часа 40 минут подписал в г. Реймс, где была ставка Эйзенхауэра, протокол о безоговорочной капитуляции Германии на всех фронтах, включая Восточный⁶⁹.

Этот протокол явился предварительным. По требованию советского правительства процедура капитуляции еще раз состоялась 8 мая в Берлине. В присутст-

вии Маршала Советского Союза Г.К. Жукова от Верховного Главнокомандования Красной Армии и главного маршала авиации Великобритании А. Теддера, представлявшего верховное командование союзных экспедиционных сил, акт о безоговорочной капитуляции Германии подписали представители трех видов германских вооруженных сил: генерал-фельдмаршал В. Кейтель, адмирал Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф. Это произошло в 00 часов 43 минуты 9 мая 1945 г. (по московскому времени). Война в Европе была завершена. Совместные усилия народов стран антигитлеровской коалиции, и в первую очередь Советского Союза, завершились полной победой над нацистской Германией. Германский фашизм и милитаризм потерпели сокрушительное поражение.

- ¹ Volkischer Beobachter (Berlin). 1944. 1/2. Jan.
- ² Meldungen aus dem Reich: Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS, 1939–1944. Neuwied; B., 1965. S. 486.
- ³ Цит. по: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1984. Bd. 5. S. 187.
- ⁴ Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. Film № 6480. Lagebericht vom. 24.5.1944.
- ⁵ Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. L., 1991. P. 913–915.
- ⁶ Kershaw I. The "Hitler Myth": Image and Reality in the Third Reich. Oxford; N.Y., 1987. P. 213–214.
- ⁷ Ibid. P. 205–206.
- ⁸ United States Strategic Bombing Survey. N.Y., L., 1976. Vol. 4. P. 1, 16–17.
- ⁹ Kershaw I. Op. cit. P. 214.
- ¹⁰ Fröhlich E. Hitler and Goebbels im Krisenjahr 1944: Aus den Tagebuchern des Reichspropaganda ministers // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1990. H. 2. S. 202.
- ¹¹ Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. Film № 10913. Führungshinweis Nr. 17. 27.V.1944.
- ¹² Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 5. S. 205.
- ¹³ Orlow D. The History of the Nazi Party. Newton Abbot, 1973. Vol. 2. P. 477–478.
- ¹⁴ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 5. S. 211.
- ¹⁵ См.: Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года: дело полковника Штауффенберга. М., 1975. С. 318–322.
- ¹⁶ Kershaw I. Op. cit., P. 216–217.
- ¹⁷ См.: Das andere Gesicht des Krieges: Deutsche Feldpostbriefe, 1939–1945. München, 1983. S. 21–22.
- ¹⁸ Ibid. S. 146–148.
- ¹⁹ Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. Film № 4134.
- ²⁰ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 5. S. 214.
- ²¹ См.: Mammach K. Der Volkssturm: Bestandteil des totalen Kriegseinsatzes der deutschen Bevölkerung 1944/45. B., 1981. S. 15–19.
- ²² Ibid. S. 20.
- ²³ Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. Film № 19487.
- ²⁴ Mammach K. Op. cit. S. 20–22.
- ²⁵ Konzept für die "Neuordnung" der Welt: Die Kriegsziele des faschistischen deutschen Imperialismus im Zweiten Weltkrieg. B., 1977. S. 118.
- ²⁶ Блейер В. и др. Германия во второй мировой войне (1939–1945). М., 1971. С. 377.
- ²⁷ См.: Kissel H. Der Deutsche Volkssturm 1944/45. Frankfurt a/M., 1962. S. 20–28, 97–98.
- ²⁸ Steinert M. Hitlerskrieg und die Deutschen: Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf; Wien, 1970. S. 507.
- ²⁹ Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. Film № 1427.
- ³⁰ Deutschland im Zweiten Weltkrieg, B., 1985. Bd. 6. S. 242–245.
- ³¹ Bundesarchiv. Abteilung Potsdam. Film № 3597.
- ³² Das andere Gesicht des Krieges... S. 164.
- ³³ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab). Frankfurt a/M., 1961–1965. Bd. 4. S. 1327.
- ³⁴ См.: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 636; Die Befreiung Berlins 1945: Eine Dokumentation. B., 1975. S. 83.
- ³⁵ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 637.
- ³⁶ Steinert M. Op. cit. S. 501, 508.
- ³⁷ Воен.-ист. журн. 1996. № 3. С. 34.

- ³⁸ Блейер В. и др. Указ. соч. С. 406.
- ³⁹ Там же. С. 400–401; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 620–622.
- ⁴⁰ См.: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 620–623.
- ⁴¹ См.: Блейер В. и др. Указ. соч. С. 373–374; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 616–617.
- ⁴² См.: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 618–619.
- ⁴³ Steinert M. Op. cit. S. 576.
- ⁴⁴ Kershaw I. Op. cit. P. 220.
- ⁴⁵ Trevor-Roper H. The Last Days of Hitler. L., 1950. P. 112–113.
- ⁴⁶ См.: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 623–626.
- ⁴⁷ Блейер В. и др. Указ. соч. С. 407.
- ⁴⁸ См.: Steinert M. Op. cit. S. 574–575.
- ⁴⁹ Ibid. S. 572–574.
- ⁵⁰ Kershaw I. Op. cit. P. 223.
- ⁵¹ Goebbels J. Tagebücher 1945. Hamburg, 1977. S. 406.
- ⁵² Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 652.
- ⁵³ Ibid. S. 651–652.
- ⁵⁴ Kershaw I. Op. cit. P. 224.
- ⁵⁵ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 653.
- ⁵⁶ Poche K., Oliva H. Das OKW gibt nichts mehr bekannt. В., 1961. S. 92.
- ⁵⁷ Жилин П.А., Якушевский А.С., Кульков Е.Н. Критика основных концепций буржуазной истории второй мировой войны. М., 1983. С. 328.
- ⁵⁸ Розанов Г.Л. Конец “третьего рейха”. М., 1985. С. 192.
- ⁵⁹ Besgen A. Der stille Befehl: Medizinalrat Kersten, Himmler und das Dritte Reich. München, 1960. S. 48.
- ⁶⁰ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 645.
- ⁶¹ Женщины Равенсбрюка. М., 1960. С. 133; Damals in Sachsenhausen: Solidarität und Widerstand im Konzentrationslager Sachsenhausen. В., 1960. S. 169; Bechert W. Die Wahrheit über KZ Buchenwald. Weimar, 1949. S. 17.
- ⁶² См.: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 643–644.
- ⁶³ Bernadotte F. Das Ende. Zürich, 1945. S. 19, 82–84.
- ⁶⁴ См.: Розанов Г.Л. Указ. соч. С. 223–224.
- ⁶⁵ Boldt G. Die letzten Tage der Reichskanzlei. Hamburg, 1977. S. 7.
- ⁶⁶ См.: Якушевский А.С. Правде вопреки: против фальсификации истории Великой Отечественной войны. Киев, 1981. С. 71–72.
- ⁶⁷ Trevor-Roper H. Op. cit. P. 107.
- ⁶⁸ Keesings Archiv Der Gegenwart. Essen, 1945. S. 202.
- ⁶⁹ См.: Pogue F. The Supreme Command. Wash. 1954. P. 483–494.

РАСПАД ВОЕННОГО БЛОКА АГРЕССОРОВ

Кризис и распад созданного третьим рейхом военного блока был обусловлен коренным переломом во второй мировой войне, решающий вклад в достижение которого внес Советский Союз и его вооруженные силы. Разгром Красной Армией 6-й и 4-й танковой немецких, 3-й и 4-й румынских и 8-й итальянской армий под Сталинградом, а также 2-й венгерской армии на Верхнем Дону зимой 1942/43 г. окончательно убедил союзников Германии в бесплодности ее дальнейших попыток ослабить и сокрушить СССР. В результате Япония отказалась от готовившегося вступления в войну против Советского Союза. Японское правительство, занятое борьбой против США, Великобритании и Китая на Азиатско-Тихоокеанском театре войны решило, что слишком рискованно наживать себе еще одного сильного противника¹. Итальянское правительство стало призывать своего германского союзника к отказу от продолжения безнадежной войны против СССР, к заключению с ним сепаратного мира². Другие соучастники германской агрессии – Болгария, Венгрия, Румыния, марионеточная Словацкая Республика и Финляндия – приступили к поискам путей выхода из войны.

Германское руководство предприняло попытку вернуть утраченную стратегическую инициативу, доказать своим союзникам, что все еще можно рассчитывать на победу. Летом 1943 г. отборная группировка германских войск предприняла наступательную операцию “Цитадель” в районе Курского выступа. Однако и там вермахт потерпел сокрушительное поражение. Престиж Германии и ее оружия был окончательно подорван.

Победы Красной Армии в Сталинградской и Курской битвах ускорили кризис и крушение фашистского режима в Италии, ее выход из войны в сентябре 1943 г. “Ось Берлин–Рим”, перестала существовать. Начался распад блока агрессоров.

В 1943 г. во взаимоотношениях Германии с Венгрией, Румынией, Болгарией и Финляндией образовались серьезные трещины. Руководители этих стран убедились в том, что продолжение военного сотрудничества с Германией в перспективе может привести их лишь к совместному с ней поражению.

Венгерское и румынское правительства зимой 1942/43 г. установили контакты с США и Великобританией с целью добиться их согласия на заключение сепаратного мира в обмен на гарантии беспрепятственного ввода англо-американских войск в Венгрию и Румынию. Так они рассчитывали предотвратить наступление Красной Армии на их территорию. Вместе с тем с осени 1943 г. Венгрия стремилась вывести войска с оккупированной советской территории, а Румыния отказывалась увеличить количество своих войск на восточном фронте. Их правители хотели тем самым продемонстрировать США и Великобритании свое стремление дистанцироваться от Германии.

Болгария, объявив в конце 1941 г. войну США и Великобритании, в то же время официально заняла позицию нейтралитета по отношению к СССР. Ее руководство вынуждено было считаться с болгарским народом, который испытывал чувства глубокой благодарности к России и русским, которые в 1878 г. освободили их страну от многовекового османского ига. Болгария, однако, содействовала антисоветской агрессии. Она предоставила в распоряжение немецкого командования свои

порты и аэродромы, а ее 12 дивизий и две кавалерийские бригады несли оккупационную службу в Югославии и Греции, что позволило Германии высвободить немало войск для пополнения армии на советско-германском фронте.

Болгарское правительство летом 1943 г. установило тайные контакты с США и Великобританией, которые потребовали от него выйти из “Пакта трех держав”, вывести войска из Югославии и Греции и капитулировать³. В Софии сочли эти требования неприемлемыми. В ответ западные союзники с октября 1943 г. приступили к бомбардировке болгарских городов. В связи с этим среди болгар начал усиливаться гнев против властителей, втянувших их в войну на стороне Германии.

3 февраля 1943 г. финляндское правительство приняло решение приступить к поиску путей выхода из войны. В марте оно запросило Берлин, как он отнесся бы к его попытке при посредничестве США вступить в мирные переговоры с СССР. В ответ Берлин потребовал от Хельсинки подписать союзный договор, в котором содержалось бы обязательство Финляндии не заключать с СССР ни перемирия, ни мира без предварительного согласия Германии⁴. Финляндское правительство это требование отклонило, ограничившись обещанием участвовать и далее в войне против СССР.

В декабре по инициативе советского руководства через посредничество Швеции состоялось выяснение позиций СССР и Финляндии в вопросе о мирных переговорах. Из-за того что Финляндия требовала восстановления финляндско-советской границы 1939 г., отказываясь признать границу, установленную в 1940 г. по окончании советско-финляндской войны, переговоры начать не удалось. Тем не менее обмен мнениями уже сам по себе имел значение. На этот раз финляндское правительство не спрашивало разрешения на мирный зондаж в Берлине, как это имело место в марте 1943 г.⁵

С конца 1943 г. военное командование Германии уже не испытывало никакого доверия ни к одному из своих европейских союзников. 23 ноября на совещании у начальника оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск Германии генерала А. Хойзингера состоялось обсуждение вопроса о взаимоотношениях с союзниками. Позиция венгерского правительства с его стремлением к заключению сепаратного мира с западными державами оценивалась как “двурушническая”. Военачальников вермахта беспокоили контакты министра иностранных дел Румынии М. Антонеску с западными державами. Высказывались соображения о целесообразности подготовки оккупации всей территории Румынии в случае ее попытки выйти из войны. Утверждалось, что болгарский союзник стал проявлять “больше трусости, чем ранее” и он будет еще трусливее по мере интенсификации бомбардировок Болгарии англо-американской авиацией⁶.

О возросшем недоверии германского командования к финляндскому союзнику свидетельствовала информация начальника отдела внешних сношений генерального штаба сухопутных войск полковника Шухарда, посетившего Финляндию в конце октября 1943 г. Он писал: “Страна гораздо больше настроена на мир, нежели на войну. Если бы представилась благоприятная возможность выйти из войны, то она наверняка ею воспользовалась бы”⁷.

Представители высшего и среднего командного звена финляндских вооруженных сил не скрывали от Шухарда готовности поддержать свое правительство в поиске подходящих путей выхода из войны, оговариваясь при этом, что этот шаг будет предпринят с согласия германского военного командования⁸.

После Сталинградской битвы среди личного состава двух словацких дивизий – пехотной, действовавшей на южном участке советско-германского фронта, и охранной, несшей оккупационную службу на захваченной территории Украины, – началось разложение. Оно сопровождалось резким увеличением числа перебежчиков, пополнявших ряды советских партизанских отрядов. Словацкое правительство, опасаясь перехода этих дивизий в полном составе на советскую сторону, стало

добиваться от германского правительства разрешения на отправку их на родину. Это, по мнению германских генералов, свидетельствовало об утрате словацким руководством веры в “германскую окончательную победу” и его стремлении “ослабить зависимость от германского рейха”⁹. Берлин не давал согласия на возвращение словацких соединений на родину из-за опасений, что их примеру последуют румынские и венгерские войска. В конце 1943 г. германское командование разоружило неблагонадежные словацкие дивизии и преобразовало их в строительные бригады. Солдаты и офицеры охранной дивизии были отправлены в качестве рабочей силы в оккупированную вермахтом Северную Италию, а пехотной дивизии – в Румынию¹⁰. После этого Германия окончательно отказалась от использования словацких войск на восточном фронте, смирившись лишь с “символическим участием Словакии в войне”.

Япония с осени 1943 г. была вынуждена сосредоточить все свои силы на обороне ранее захваченных громадных территорий в Азии и на Тихом океане. Ее руководство к тому времени окончательно убедилось в том, что в случае продолжения германско-советской войны Японии уже не дожидаться помощи от Германии в войне против США и Великобритании. В связи с этим на императорской конференции 30 сентября 1943 г. было принято решение добиваться заключения между Германией и СССР компромиссного мира¹¹. Однако предпринятые японским правительством попытки выступить в роли посредника в организации советско-германских переговоров о мире были отвергнуты советским правительством. 28 ноября Риббентроп при встрече с японским послом в Берлине Х. Осима в очередной и последний раз потребовал, чтобы Япония напала на СССР. Осима сообщил об этом в Токио. Никакого ответа оттуда не последовало¹².

Нарастание стремления Венгрии, Румынии и Финляндии выйти из войны, отказ Японии от нападения на СССР не вписывались в стратегический план германского военно-политического руководства на 1944 г. В связи с этим Гитлер и его ближайшее окружение видели свою задачу в том, чтобы убедить своих союзников в реальности намечаемых замыслов.

Во время встреч с маршалом И. Антонеску в феврале–марте 1944 г. Гитлер пытался уверить последнего в том, что вермахт сорвет готовящуюся десантную операцию англо-американских войск на западе, после чего все германские силы будут сосредоточены для “возобновления наступления против русских”, прежде всего на южном участке восточного фронта. Чтобы заставить румынского диктатора поверить в такое оптимистическое будущее, Гитлер намекал ему на возможность возвращения Румынии переданной ею Венгрии в августе 1940 г. под нажимом Германии и Италии Северной Трансильвании¹³.

Руководство третьего рейха стремилось любыми путями заставить своих союзников отказаться от попыток заключить сепаратный мир с США и Великобританией. Заверениями же о последующем наступлении вермахта на востоке оно пыталось побудить их продолжать войну против СССР.

Германское верховное командование предусматривало применение военной силы против союзников. 30 сентября 1943 г. заместитель начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерал артиллерии В. Варлимонт предложил оккупировать Венгрию и разоружить венгерскую армию. По его инициативе был разработан план под условным названием “Маргарита I”, согласно которому немецкие войска при поддержке румынских и словацких войск должны были оккупировать Венгрию в течение восьми суток. Привлечение румынских и словацких войск к проведению этой операции обосновывалось трудностями переброски немецких войск из Западной Европы. Кроме того, представлялась возможность использовать в интересах Германии претензии Румынии на возвращение Северной Трансильвании и желание Словакии вернуть отторгнутую у нее Венгрией территорию при расчленении Чехословакии в 1939 г.¹⁴

26 января 1944 г. штаб оперативного руководства подготовил также план окку-

пации Румынии под условным наименованием “Маргарита II”. Однако для его осуществления у Германии не было сил. Поэтому Гитлер решил уточнить, нельзя ли склонить румынское руководство к более тесному сотрудничеству путем переговоров. 26–27 января 1944 г. он встретился с И. Антонеску в замке Клезхайм под Зальцбургом. Маршал заявил, что будто бы Венгрия представляет для Румынии угрозу и если бы не данное обстоятельство, то он смог бы выставить для восточного фронта один миллион румынских солдат¹⁵. Это был блеф. Между тем у Гитлера сложилось впечатление о прочности позиции Антонеску внутри страны и его верности союзу с Германией. Подготовка к операции “Маргарита II” была отменена. Гитлер услышал от Антонеску то, что ему хотелось, – обещание усилить румынские войска на восточном фронте.

Германия втайне готовила военную акцию и против Финляндии. Принимая в расчет вероятность ее выхода из войны, Гитлер 28 сентября 1943 г. подписал директиву № 50, согласно которой дислоцировавшаяся в Финляндии 20-я горная армия должна была приступить к подготовке захвата наиболее важной для Германии в военно-экономическом отношении северной области, где велась добыча и переработка никелевой руды. При планомерном отходе на север по финской земле ей предписывалось уничтожить все сооружения, которые могли бы послужить на пользу противника¹⁶. В апреле 1944 г. план такой операции получил условное наименование “Береза”. Таким способом руководители третьего рейха стремились затянуть войну и отсрочить неумолимо надвигавшееся поражение.

На рубеже 1943–1944 гг. Красная Армия развернула наступательные действия на северо-западном и юго-западном направлениях советско-германского фронта. В январе она прорвала оборону группы армий “Север” под Ленинградом и Новгородом, освободив Ленинград от блокады, а в следующем месяце, развивая достигнутый успех, очистила от противника Ленинградскую область и вступила на территорию Эстонии. Отступление группы армий “Север” привело к тому, что финские части, занимавшие позиции севернее Ленинграда, утратили оперативно-стратегическое взаимодействие с войсками вермахта. А советские соединения обеспечили себе благоприятные предпосылки для дальнейших ударов по занимавшим оборону на Карельском перешейке финнам.

Правительство Финляндии понимало, что советское командование в любой момент может воспользоваться открывшейся перед ним перспективой, чтобы поставить ее в безвыходное положение. Поэтому оно решило не откладывать в долгий ящик переговоры с СССР о перемирии. С согласия президента Р. Рюти, министра иностранных дел К. Рамсяя и главнокомандующего вооруженными силами маршала К. Маннергейма в Стокгольме для установления контактов с советским полпредом в Швеции А.М. Коллонтай 12 февраля прибыл государственный советник Ю. Паасикиви. Ему удалось выяснить, что Москва не намерена требовать безоговорочной капитуляции Финляндии, но готова вступить с нею в переговоры о перемирии, если она согласится на ряд предварительных условий, как-то: разрыв отношений с Германией; интернирование в Финляндии дислоцировавшихся немецких войск; возобновление действия советско-финляндского мирного договора 1940 г. и отвод финских войск с захваченной советской территории на установленную этим договором границу; освобождение военнопленных и гражданских лиц, вывезенных на работы в Финляндию из СССР и союзных ему государств. Остальные, не менее важные вопросы – демобилизация финской армии, возмещение СССР материального ущерба, вопрос об области Петсамо, которую Советская Россия уступила Финляндии по мирным договорам 1920 и 1940 гг., – было предложено обсудить на предстоящих переговорах в Москве¹⁷.

Большинство членов финляндского парламента посчитало приемлемыми эти предварительные условия и высказалось за продолжение переговоров. 26 марта Паасикиви и бывший министр иностранных дел Финляндии К. Энкель инкогнито прибыли в Осло, а оттуда в Москву.

В это время Маннергейм провел в своей ставке совещание с командирами корпусов и дивизий. С докладом о военно-политической ситуации выступил начальник генерального штаба Э. Хейнрикс. Он отмечал, что “военная мощь Германии сломлена”, а потому намерение командования вермахта осуществить план разгрома англо-американских войск после их высадки в Западной Европе приведет только к распылению его сил; следствием этого явится ослабление немецкой обороны на востоке, чем тут же воспользуется советское командование для проведения нового наступления. Маннергейм, полностью разделявший подобную оценку перспектив вооруженной борьбы, высказался в поддержку заключения финляндско-советско-перемирия¹⁸.

Советско-финляндские переговоры состоялись в Москве 27 и 29 марта 1944 г. В ходе их В.М. Молотов в дополнение к изложенным ранее предварительным условиям выдвинул требование о поэтапном сокращении финских войск до уровня мирного времени, о возмещении Финляндией нанесенного ущерба СССР, а также о возвращении СССР Петсамской области¹⁹.

Советское руководство не ставило вопроса о вводе своих войск в Финляндию. Однако ее правительство и парламент после окончания переговоров в Москве отказались принять советские условия под предлогом, что это поставит под угрозу существование Финляндии как самостоятельного государства²⁰. Подлинная причина отклонения заключалась, видимо, в другом. Дело в том, что в конце февраля командованию группы армий “Север” удалось временно стабилизировать оборону на своем участке фронта. Финское руководство учитывало, что вермахт все еще оставался в Прибалтике достаточно мощным военным фактором, с которым ему следует считаться.

Разумеется, правительство Германии не знало в деталях содержание советско-финляндских переговоров, но о контактах Паасикиви с Коллонтай и вылете двух финских политиков на шведском самолете в Москву ему было известно. В связи с этим Гитлер 21 февраля потребовал от генерала Х. Эстермана – финского представителя при ОКВ, чтобы Финляндия прекратила любые попытки уклониться от продолжения войны на стороне рейха²¹. В тот же день германский посланник в Хельсинки В. Блюхер в беседе с министром иностранных дел Рамсаем заявил, что его страна будет считать заключение Финляндией мира или перемирия с СССР как предательство и намерена предпринять вытекающие из этой оценки меры²².

28 марта германский представитель при ставке Маннергейма генерал В. Эрфурт встретился с начальником генерального штаба Хейнриksom и заявил ему: “Не думаете ли Вы, что эта игра продлится еще достаточно долго? Или Вы думаете, что германский рейх подобно безучастному наблюдателю будет смотреть, как они (финны. – *Ред.*) покинут их позиции на одном из важнейших бастионов крепости Европы?.. Пассивное отношение к колеблющимся союзникам было бы совершенно непростительно”²³.

И действительно, весной 1944 г. в дополнение к плану операции “Береза” командование вермахта разработало еще два плана против Финляндии. Один из них – операция “Ель Запад” – предусматривал оккупацию Аландских островов, а другой – операция “Ель Восток” – о-ва Суурсаари.

К Финляндии были применены и экономические санкции. В апреле по распоряжению Риббентропа ей было отказано в удовлетворении просьбы о поставке 40 тыс. т зерна, наложено вето на поставку Финляндии железа, каменного угля, минеральных удобрений, промышленных товаров широкого потребления. Тогда же начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал В. Кейтель издал директиву, запрещающую ввоз в Финляндию вооружения до тех пор, пока не выяснится, будет ли оно использовано по назначению, т.е. против СССР²⁴. Как видно, отношения между Германией и Финляндией приобрели далеко не союзнический характер.

На углубление кризиса военно-блоковой политики Германии большое воздействие оказало новое наступление советских войск в полосе от Припяти до устья

Днепра, освобождение Правобережной Украины, Молдавии, выход их на государственную границу и вступление в северо-западные районы Румынии. В разгар боев на Правобережной Украине правительство Венгрии было обеспокоено вопросом, как сберечь свою военную силу от разгрома и использовать ее для удержания своей власти в стране. 12 февраля 1944 г. регент М. Хорти в письме Гитлеру настаивал на выводе с оккупированной советской территории 7-го и 8-го венгерских армейских корпусов. Свою просьбу он мотивировал тем, что корпуса слабо вооружены и поэтому могут быть “полностью разгромлены и рассеяны” превосходившими их советскими соединениями. Вместе с тем Хорти обещал “защитить венгерские границы от возможного русского вторжения всеми имеющимися для этой цели силами и средствами”²⁵. Это письмо убедило Гитлера в серьезном намерении венгерского правительства выйти из войны. Он был вне себя. “Если завтра Советы, – с гневом говорил Гитлер, – постучатся в дверь Венгрии, то без немецкой оккупации в этой стране немедленно развернется революция евреев и пролетариев”²⁶.

С конца февраля по начало марта в соответствии с приказом Гитлера велась доработка плана “Маргарита I”. Разоружение и подавление сопротивления 350-тысячной венгерской армии было решено провести только немецкими силами.

Министерство иностранных дел и главное управление имперской безопасности предлагали предотвратить выход Венгрии из войны посредством давления на М. Хорти с тем, чтобы он согласился распустить правительство М. Каллаи, поддерживавшее контакты с западными державами, заменить его новым правительством из людей, преданных идее германско-венгерского сотрудничества, и поставить под контроль наделенных всеми необходимыми полномочиями немецкого “политического особоуполномоченного” и “высшего немецкого генерала”²⁷. Этот вариант усмирения Венгрии Гитлер решил использовать в сочетании с военной оккупацией. Когда была завершена ее подготовка, Хорти был вызван в замок Клезхайм под Зальцбургом для переговоров. 18 марта он в сопровождении министра обороны и начальника генерального штаба предстал перед Гитлером. Из донесений разведки, заявил фюрер, у него сложилось впечатление, что Венгрия собирается перейти на сторону врага. После предательства итальянского союзника нельзя допустить чтобы “за его спиной было совершено новое предательство”; вот та причина, по которой был отдан приказ об оккупации Венгрии²⁸. Хорти ничего не оставалось как признать случившееся. По его указанию утром 19 марта начальник генерального штаба Ф. Сомбатхеи распорядился встретить как можно более дружелюбно немецкие войска, уже начавшие вторжение в страну.

Одновременно Гитлер направил в Венгрию в качестве представителя рейха Э. Везенмайера, наделив его неограниченными полномочиями. По указанию последнего прежнее правительство было расформировано, а многие министры и члены парламента арестованы. Каллаи, чтобы избежать расправы, укрылся за стенами дипломатического представительства Турции. Состав нового правительства, которое возглавил бывший венгерский посланник в Берлине Д. Стояи, определил сам Везенмайер. 23 марта Хорти лишь послушно утвердил его.

Все это руководством рейха было предпринято для укрепления обороны на южном участке восточного фронта. 26 марта советские войска на рубеже р. Прут достигли румынской границы. При последующем их наступлении венгерская территория неизбежно должна была стать ареной новых сражений.

Оккупация Венгрии немецкими войсками усугубила и без того тяжелое положение населения. В стране преобладали упаднические настроения. В этой ситуации даже прогермански настроенный премьер-министр Стояи настаивал на ослаблении оккупационного режима. 7 июля 1944 г. он заявил Риббентропу: “Если Венгрия и не играет в этой союзной системе никакой ведущей роли, до сих пор она все же была поставлена наравне с другими малыми союзниками, т.е. с Румынией, Словакией, Финляндией и Хорватией. После вступления немецких войск, однако, международ-

но-правовое положение Венгрии по отношению к Германии изменилось. С этого момента немецкие органы пользуются на территории Венгрии такими правами, которыми в суверенном государстве могут располагать только собственные органы”²⁹. Поскольку Венгрия по-прежнему участвовала в войне, Стояи просил Берлин отказаться от дискриминации Венгрии как союзника. С аналогичными просьбами обращался к Гитлеру и оставшийся на своем посту Хорти. Германское правительство, однако, не проявляло готовности откликнуться на призывы венгерских руководителей.

Наступление советских войск на Правобережной Украине побуждало румынское правительство все более проявлять готовность сдаться западным союзникам. 31 января 1944 г. оно сообщало в Вашингтон: “Румыния не ведет войну против Англии и США. Когда английские и американские войска достигнут Дуная, они не встретят сопротивления румынских войск, ибо в этот момент румынская армия будет занята обороной на Днестре против русских”³⁰. Самыми активными приверженцами идеи переговоров с США и Великобританией выступили министр иностранных дел М. Антонеску, лидеры национал-царанистской и национал-либеральной партии Ю. Маниу и К. Брэтиану. В феврале 1944 г. по инициативе Маниу с согласия Брэтиану и разрешения маршала И. Антонеску в Анкару для переговоров с англо-американскими представителями был направлен бывший премьер-министр князь Б. Штибрей. В Бухаресте рассчитывали, что США и Англия пойдут на сговор с Румынией за спиной СССР. Однако в Вашингтоне и Лондоне понимали, что нельзя решить судьбу Румынии без СССР, чья армия тогда уже приблизилась к румынской границе.

В марте князь Штибрей прибыл в Каир для переговоров с представителями СССР, США и Великобритании. 12 апреля через того же Штибрея правительству Румынии были переданы выработанные руководством СССР и согласованные с правительствами США и Великобритании условия перемирия. Они предусматривали разрыв Румынией отношений с Германией, участие ее в войне на стороне антигитлеровской коалиции в качестве независимого и суверенного государства, восстановление границ между Румынией и СССР в том виде, какими они были до захвата ею Бессарабии и Северной Буковины, возмещение Советскому Союзу убытков, причиненных Румынией военными действиями и оккупацией части его территории, возвращение всех военнопленных и интернированных, обеспечение свободного перемещения войск СССР и его союзников по румынской территории, поскольку это диктовалось военной необходимостью. Со своей стороны советское правительство выразило согласие на аннулирование Венского арбитража 1940 г., т.е. на возвращение Румынии Северной Трансильвании³¹.

Правительственные круги Румынии считали изложенные условия совершенно неприемлемыми. Под теми или иными предлогами они начали оттягивать вывод страны из войны против СССР. 25 мая в Каире Штибрей представил делегации союзников из войн против гитлеровской коалиции еще одного румынского эмиссара – Ж. Вишоюну. В привезенном им послании от Маниу утверждалось, что в Румынии слишком много немецких войск, а потому ей не удастся быстро выйти из войны. Через четыре дня тот же Маниу сообщил в Каир, что ввод англо-американских войск в Румынию – это основное условие любой акции, направленной на выход его страны из войны³². При последующих переговорах с западными державами оба Антонеску и поддерживавшие их лидеры национал-царанистов и национал-либералов так и не смогли добиться осуществления этого условия.

В сложившейся ситуации наиболее трезво мыслящие политики и военные встали на путь сотрудничества с коммунистами, которые неизменно выступали против соучастия Румынии в германской агрессии. В мае представители компартии установили контакты с королем Михаем и его ближайшим окружением. Король в стремлении спасти свой трон понял, что пришло время отмежеваться от диктатора Антонеску, и дал согласие на его арест³³. В июне 1944 г. по инициативе РКП, под-

держанной представителями армии и королем, началась подготовка к восстанию с целью свержения диктаторского режима Антонеску.

Переход советских войск в стратегическое наступление на Правобережной Украине, как сообщал 16 февраля 1944 г. в Берлин германский посланник в Софии А.-Х. Бекерле, обусловил дальнейший рост недовольства среди населения Болгарии и антигитлеровски настроенных кругов; он породил страх среди болгарских правителей, занимавших прогерманскую позицию. Последние задавали вопрос: “Что станет с Болгарией, если по военным соображениям Германия отступит от Дуная?”³⁴. Бекерле предупреждал Берлин: если “русское наступление будет продолжаться”, то это неизбежно приведет к падению германского влияния на общественность и правительство Болгарии.

Германская политическая разведка 23 февраля проинформировала свое правительство, что “за последние дни возросла коммунистическая активность в Софии и пригородах”; дело дошло до того, что коммунистические партизанские отряды появились уже в окрестностях Софии. Кроме того, болгарское правительство направило в Турцию Й. Севова, ближайшего советника умершего в 1943 г. болгарского царя Бориса III, для переговоров о заключении болгаро-турецкого пакта о ненападении. По предположению разведки, Севов получил задание прощупать почву и для заключения сепаратного мира с США и Великобританией³⁵. Предположение оказалось верным. В марте болгарское правительство действительно установило контакты с западными державами и получило их согласие на переговоры, но при участии в них Советского Союза³⁶.

Один из высших чиновников германского МИДа Г. Нойбахер, наделенный Гитлером чрезвычайными полномочиями для решения задачи по объединению всех антикоммунистических сил стран Юго-Восточной Европы в борьбе против коммунистического партизанского движения, 12 марта сообщил в Берлин об “усилении коммунистического разложения в болгарских воинских частях на сербской и греческой территории”. В донесении отмечалось, что в последние недели увеличилось количество дезертиров из болгарских оккупационных войск, в результате чего возникли партизанские группы, состоявшие из бывших болгарских военнослужащих и бежавших из немецкого плена советских солдат и офицеров, о “восторженных сценах братания”, разыгрывавшихся при встречах болгарских военнослужащих с группами советских граждан, угнанных немцами на принудительные работы в Югославию, и т.д.³⁷

Учитывая рост просоветских настроений среди болгарского населения и в армии, правительство Д. Божилова в начале 1944 г. пошло на восстановление болгаро-советских отношений по линии военных атташе, которые были прерваны в начале 1942 г. из-за отзыва болгарского военного атташе из Москвы. Болгарский министр иностранных дел Д. Шиманов публично стал заявлять об установлении “наикорректнейших” отношений с СССР³⁸.

На самом же деле болгарское правительство продолжало придерживаться враждебного СССР прогерманского курса. Во время проведения советскими войсками операций по освобождению Крыма оно никак не препятствовало германскому вермахту использовать Бургас и Варну для базирования военно-морских сил, действовавших в черноморских водах, а также болгарские аэродромы. Правительство СССР в ноте от 17 апреля 1944 г. указывало, что Болгария, предоставляя свои базы и территорию немецким войскам, нарушает объявленный ею нейтралитет по отношению к СССР, и такое положение “дальше терпимо быть не может”³⁹.

СССР предложил восстановить свое консульство в Варне, закрытое в 1942 г. по настоянию болгарской стороны, а также учредить консульства в Бургасе и Ращуке. Берлин потребовал от Болгарии отклонить эту ноту. Однако ее правительство на это не решилось⁴⁰. Оно натолкнулось на полное неприятие антисоветской позиции широкими массами⁴¹. Такая позиция не поддерживалась и болгарской армией. В конце мая в одном из сообщений немецкой агентуры в Болгарии отмечалось, что

командование болгарской армии не желает “принимать никаких мер”, которые можно было бы истолковать как “направление против России”. “Болгарский солдат, – говорилось далее, – психологически совсем неспособен выступить против Советов. На протяжении нескольких поколений симпатия к русским, пережиток великославянской идеи и воспринятая массами идея социалистического нового порядка по большевистскому образцу парализует волю к борьбе в этом направлении”⁴².

Пойти на нормализацию отношений с СССР правительству Божилова не давали его антикоммунизм и страх перед германским союзником. Ему оказалось не под силу разрешить стоявшие перед страной проблемы, и оно ушло в отставку. 1 июня 1944 г. было образовано новое правительство во главе с И. Багряновым, которое заверило Москву в том, что будет соблюдать нейтралитет⁴³. Правительство не могло не считаться с волей народа. Оценивая тогдашнюю ситуацию в Болгарии, германский МИД отмечал: “Война против России среди массы населения не популярна, даже среди их правящих кругов велико желание по возможности ее избежать”⁴⁴.

Стремясь спасти старый авторитарный режим, правительство Багрянова решило договориться с США и Великобританией о выходе Болгарии из войны. 22 июля оно направило в Турцию бывшего председателя Народного собрания С. Мошанова, который встретился в Стамбуле с генеральным консулом США Б. Бери и получил от него согласие Вашингтона начать переговоры в Каире с участием представителей советского и английского правительств⁴⁵.

17 августа на открытии очередной сессии Народного собрания Багрянов под аплодисменты присутствовавших заявил, что его правительство будет стремиться к миру с США и Великобританией, что болгарский народ никогда не имел желания вмешиваться в конфликт между великими державами⁴⁶. Однако такие декларации не подкреплялись делом. Правительство Багрянова так и не решилось взять на себя ответственность за разрыв с Германией.

Таким образом, германскому правительству, используя дипломатические, экономические и военные методы подавления воли своих европейских союзников и запугивая их “коммунистической угрозой”, удалось в первой половине 1944 г. временно отсрочить дальнейший развал агрессивного блока. Правители Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии не прислушались к правительствам СССР, США и Великобритании, которые 13 мая 1944 г. призвали их прекратить сотрудничество с Германией и тем самым оказать содействие сокращению сроков войны, уменьшив свои собственные жертвы. Более того, следуя требованиям Берлина, Венгрия и Румыния пошли на увеличение своего военного вклада в борьбу против СССР. Венгрия весной 1944 г. выставила на восточном фронте одну армию (12 дивизий и 2 бригады), а Румыния две армии (22 дивизии и 5 бригад)⁴⁷.

В создавшейся ситуации лишь новые сокрушительные удары Красной Армии могли заставить европейских союзников Германии выйти из войны.

Финский генеральный штаб 19 июня 1944 г. просил германское военное командование перебросить в Финляндию шесть дивизий для укрепления обороны на Карельском перешейке. У Германии их не оказалось. Командование вермахта направило на помощь финской армии только одну пехотную дивизию, бригаду штурмовых орудий, авиаэскадрилью, а также обещало противотанковые пушки, фаустпатроны и боеприпасы для тяжелых полевых гаубиц⁴⁸.

Финляндское правительство в то же время обратилось к СССР с просьбой о возобновлении переговоров о перемирии. Эта просьба была удовлетворена. 22 июня в Берлин поступило сообщение от германского посланника в Осло о том, что в Швеции подготовлен самолет для доставки в Москву на переговоры финской делегации⁴⁹. В тот день в Хельсинки нагрянул германский министр иностранных дел И. Риббентроп и в ультимативной форме потребовал от президента Финляндии Р. Рюти за предоставление Германией помощи немедленно подписать германо-финляндский договор, в котором было бы зафиксировано обязательство Финляндии не заключать с СССР сепаратного мира или перемирия.

Перед лидерами Финляндии встала дилемма – пойти на углубление сотрудничества с Германией или же объявить о разрыве отношений с ней. Было найдено компромиссное решение. 26 июня Рюти от собственного имени направил Риббентропу послание, которое гласило: “Принимая во внимание военную помощь, которую Германия оказывает Финляндии в ее опасной ситуации, я как президент финского государства заявляю, что заключу мир с Советским Союзом только с согласия германского имперского правительства и не допущу, чтобы назначенное мною правительство или прочие лица вели переговоры о перемирии или о мире, или участвовали в служащих той же цели переговорах без согласия германского имперского правительства”⁵⁰.

Рюти сделал свое заявление, заранее зная, что оно не будет одобрено парламентом. 1 августа 1944 г. он оставил свой пост и тем самым окончательно обесценил данное Риббентропу обязательство. Парламент, в свою очередь, 5 августа избрал главой государства маршала Маннергейма. Тот взял осторожный, но твердый курс на заключение с СССР договора о перемирии.

29 августа советское руководство удовлетворило просьбу нового правительства Финляндии принять в Москве финскую делегацию при условии, что Финляндия порвет отношения с Германией и предъявит ей требование вывести войска с финской территории в течение двух недель.

2 сентября Маннергейм уведомил Гитлера о решении Финляндии выйти из войны. 7 сентября финская делегация во главе с новым премьер-министром А. Хакцелем вылетела в Москву на переговоры, а 19 сентября советско-финляндское соглашение о перемирии было подписано.

Как только Маннергейм сообщил Гитлеру о решении Финляндии выйти из войны, фюрер отдал приказ 20-й горной армии приступить к операции “Береза”. В ходе ее немецкие войска, совершая планомерный отход на север, применяли испытанную вермахтом на советской территории тактику “выжженной земли”.

Финляндия, согласно условиям перемирия, должна была отвести свои войска за линию советско-финляндской границы 1940 г. и разоружить все оставшиеся после 15 сентября на ее территории войска 20-й горной армии. Однако финской армии решить эту задачу оказалось не под силу. В конце сентября–начале октября она начала военные действия против немецких войск и с помощью Красной Армии в конце ноября 1944 г. изгнала их за пределы своей страны.

За время отступления из Финляндии войска 20-й горной армии разрушили в общей сложности 1060 крупных, в том числе железнодорожных мостов, 3426 малых мостов и туннелей, полностью или частично уничтожили 725 км железнодорожных путей, разрушили 16 аэродромов, затопили 2 парохода и 1000 мелких судов, уничтожили одну крупную ГЭС и многие промышленные предприятия, а также все собственные военные сооружения, заложили около 100 тыс. мин⁵¹, сожгли и разрушили десятки тысяч жилых домов и общественных зданий. Таков был конечный итог так называемого германо-финляндского “братства по оружию”.

В это же время в Берлине нарастала тревога по поводу вероятности выхода из войны Румынии. 3 августа 1944 г. начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал В. Кейтель высказался за ввод в действие плана “Маргарита II”. Гитлер незамедлительно вызвал к себе маршала И. Антонеску для объяснений⁵². 4 августа маршал в сопровождении министра иностранных дел М. Антонеску и начальника генштаба И. Стефлеа прибыл в ставку “Волчье логово”. Гитлера интересовало лишь одно: можно ли рассчитывать на дальнейшее участие Румынии в войне на стороне Германии? В свою очередь, маршала волновало несколько вопросов: получит ли группа армий “Южная Украина” достаточное количество подкреплений из Германии, будет ли усилена противовоздушная оборона нефтяных районов Плоешти и путей сообщения от воздушных налетов англо-американской авиации, сможет ли Германия принять надлежащие оборонительные меры на Балканах в случае присоединения к антигитлеровской коалиции Турции и высадки десанта советских войск на черно-

морском побережье Румынии? И. Антонеску, не получив ответа на эти вопросы, все же поспешил заверить фюрера, что “румынская армия в любом случае выполнит свой долг”⁵³. Однако в донесениях в Берлин командующего группой армий “Южная Украина” Г. Фрисснера выражались большие сомнения в надежности Румынии как союзника.

15 августа Фрисснеру были даны полномочия взять на себя руководство всеми германскими военными формированиями в Румынии и, если он сочтет необходимым, приступить к выполнению плана “Маргарита II”⁵⁴. Подготовка к оккупации Румынии была сорвана наступлением Красной Армии, войска которой 20 августа начали Яско-Кишиневскую операцию с целью разгрома немецко-румынских войск.

Под ударами 2-го и 3-го Украинских фронтов румынские соединения и части распались, а солдаты и офицеры бежали с поля боя или группами сдавались в плен. Не выдерживали натиска и немецкие войска. Диктаторский режим в Румынии агонизировал. Маршал Антонеску метался как дикий зверь, попавший в клетку. Клятвенно заверяя немецкое командование в своей верности рейху, он одновременно предпринимал попытки установить контакты с западными державами с целью убедить их в необходимости высадить десант в Румынии. Его ближайший подручный М. Антонеску обратился к королю с просьбой послать его в Турцию в качестве уполномоченного для переговоров о перемирии. Своими действиями и тот и другой хотели предотвратить продвижение Красной Армии в глубь румынской территории, удержаться у власти. Однако все было тщетно. 23 августа по приказу короля они были арестованы.

В тот же день румынские войска бухарестского гарнизона приступили к блокированию немецких штабов и других военных объектов. Вечером было сформировано новое правительство во главе с генералом К. Санатеску, выступившее за немедленное прекращение войны против антигитлеровской коалиции и заключение с ней перемирия, за поворот оружия против немецких и венгерских войск с целью очищения своей территории⁵⁵.

Германское правительство, получив 23 августа известие о событиях в Бухаресте, приказало командующему группой армий “Южная Украина” немедленно использовать все находящиеся на территории Румынии силы вермахта и войска СС. На следующий день немецкие соединения и части были приведены в состояние повышенной боеготовности. В приказе командующего группой армий “Южная Украина” говорилось: “В Румынии клика предателей с сильным коммунистическим уклоном пытается после ареста маршала захватить власть. Страну хотят передать врагу путем заключения с ним перемирия и таким способом выдать ее большевикам. Румынские воинские части, которые предпринимают против нас враждебные действия или занимаются саботажем, должны быть насильственно разоружены или уничтожены”⁵⁶.

Попытки командующего группой армий “Южная Украина” ликвидировать центр румынского восстания в Бухаресте из-за недостатка сил провалились. 26 августа повстанцы полностью подавили сопротивление немецких частей в Бухаресте, а через два дня и в его ближайших окрестностях. Столкновения между румынскими и немецкими войсками начались по всей Румынии. 31 августа силы повстанцев взяли под свой контроль центральный, южный и западный районы страны, пленили более 50 тыс. немецких солдат и офицеров⁵⁷. Румыния порвала союзные отношения с Германией и объявила ей войну. Переход Румынии на сторону антигитлеровской коалиции был официально закреплен в тексте соглашения о перемирии, которое было заключено 12 сентября 1944 г.

В ходе Яско-Кишиневской операции советские войска, окружив и ликвидировав главные силы группы армий “Южная Украина”, приблизились к границе Болгарии. Эти события побудили правительство Багрянова активизировать свои переговоры о сепаратном мире с антигитлеровской коалицией. Уполномоченный вести

эти переговоры Мошанов 29 августа прибыл в Турцию, а на следующий день на британском самолете его тайно переправили в Каир для встречи с представителями СССР, США и Великобритании. Однако начать переговоры ему было не суждено. Буквально в последний момент Багрянов испугался взять на себя ответственность за разрыв с Германией, а потому 1 сентября заявил о своей отставке⁵⁸.

Пришедшее на смену 2 сентября правительство М. Муравиева, по оценке германской политической разведки, все поставило “на англо-саксонскую карту”⁵⁹ в надежде, что с помощью США и Англии удастся избежать вступления советских войск на болгарскую территорию и не допустить революционного выступления народа. К тому времени Германия лишилась возможности контролировать развитие событий в Болгарии.

4 сентября правительство Муравиева обнародовало декларацию, из которой следовало, что оно считает “Пакт трех держав” утратившим силу, а “Антикоминтерновский пакт” – денонсированным и будет впредь проводить политику “полного безусловного нейтралитета”⁶⁰. Это заявление было сделано по совету британских дипломатов, чтобы “выиграть время, остановив дипломатическим путем русских на северной границе”⁶¹. Расчет строился на том, что провозглашенный “безусловный нейтралитет” позволит Болгарии преградить путь советским войскам. Однако этот замысел провалился. 5 сентября Советский Союз объявил Болгарии войну. Только после этого испуганное правительство Муравиева решило разорвать дипломатические отношения с Германией⁶².

8 сентября в 11 часов утра передовые части советских войск пересекли румыно-болгарскую границу. Через час после этого болгарское правительство собралось на заседание и решило объявить войну Германии. В тот же день СССР принял к рассмотрению его просьбу о перемирии⁶³.

К тому времени вся Болгария была охвачена восстанием. Возглавлял его Отечественный фронт, успевший завоевать в народе авторитет бескомпромиссной борьбой против немецких войск и их пособников. В ночь на 9 сентября восставшие низвергли правительство Муравиева. Новое правительство Отечественного фронта объявило войну Германии и Венгрии. 28 октября между Болгарией и государствами антигитлеровской коалиции было подписано соглашение о перемирии. В нем был закреплен отказ Болгарии от войны против антигитлеровской коалиции⁶⁴.

Успех 1-го Украинского фронта в Львовско-Сандомирской операции (3 июля – 29 августа 1944 г.), нанесшего поражение немецкой группе армий “Северная Украина” и очистившего от захватчиков западные области Украины и Юго-Восточной Польши, способствовал активизации освободительной борьбы словацкого народа, переросшей в национальное восстание. Его подготовкой руководил созданный по инициативе коммунистов Словацкий национальный совет. Он ставил своей целью создание новой Чехословацкой республики.

Начиная с августа 1944 г. партизанское движение в Словакии приняло такой широкий размах, что создало угрозу для существования марионеточного словацкого правительства. 12 августа президент Й. Тисо объявил военное положение, а 23 и 25 августа обращался к германскому правительству с просьбой ввести в Словакию войска. 28 августа начался их ввод. Словацкий национальный совет выступил с призывом начать национальное восстание⁶⁵.

В восстании приняло участие 60 тыс. солдат и офицеров словацкой армии и около 20 тыс. партизан⁶⁶. С его началом мнимая Словацкая республика фактически перестала существовать. Члены ее правительства бежали кто в Вену, кто в западные области страны под защиту немецких войск. Словацкая территория превратилась в поле ожесточенной борьбы. В то время войска 1-го Украинского фронта предпринимали серьезные попытки сломить немецкую оборону в Карпатах и тем самым оттягивали на себя крупные силы, которые могли быть использованы против восставших. Тем не менее Германии к концу октября все же удалось подавить Словацкое национальное восстание и разоружить словацкие войска. Созданное по-

сле этого новое словацкое правительство Й. Тисо не имело ни власти, ни армии. С ним никто уже не считался – ни немецкие оккупанты, приступившие к разграблению страны, ни тем более отступившие в горы и продолжавшие борьбу партизаны. Словакия таким образом начиная с 29 августа 1944 г. уже не могла считаться участницей агрессивного блока.

Резко обострились отношения Германии с Венгрией. 1 октября Хорти связался с представителями западных держав в Швейцарии. Он уверял их о готовности Венгрии выйти из войны, если те, в свою очередь, направят туда свои войска. С аналогичным предложением Хорти направил своих эмиссаров к англо-американскому командованию в Италию. Но, связанное по рукам борьбой против немецких войск в Италии, оно посоветовало Хорти искать выход из войны путем переговоров с СССР. Тогда через советских партизан, действовавших в Словакии, он установил связь с Москвой и запросил у нее согласия на ведение переговоров о перемирии. Такое согласие было получено. 12 октября в Москве венгерская делегация приняла предварительные условия перемирия. Венгрия отказалась от всех захваченных территорий, обязалась порвать отношения с Германией и, не откладывая, объявить ей войну. СССР взял на себя обязательство оказать Венгрии военную помощь⁶⁷.

В Берлине к тому времени было уже известно о пребывании в Москве венгерской делегации. Чтобы не допустить выхода Венгрии из войны, к Будапешту по приказу Гитлера начали подтягиваться воинские части. 15 октября Хорти в выступлении по радио обвинил Гитлера в незаконной оккупации Венгрии и вмешательстве в ее внутренние дела. Это выразилось в арестах оккупационными органами многих венгерских граждан, в том числе и членов парламента, разрушении венгерского государственного строя. Именно этими обстоятельствами Хорти объяснил свое решение путем заключения перемирия с государствами антигитлеровской коалиции защитить честь Венгрии⁶⁸.

В то время как по радио зачитывалось заявление Хорти, Будапешт захватывали немецкие части и вооруженные члены пронацистской партии “Скрещенные стрелы”. Лидера этой партии Ф. Салаши оккупанты поставили во главе марионеточного правительства.

16 октября арестованный Хорти выступил по радио с новым заявлением. Пойти на этот шаг его заставили угрозы Везенмейера расправиться с его сыном, которого 14 октября похитил и отправил в концлагерь О. Скорцени, главный специалист Гитлера по делам такого рода. Хорти вынужден был сказать, что его заявление от 15 октября недействительно. Более того, он подтвердил правильность приказа, составленного в генштабе по указанию Салаши, о продолжении борьбы против Красной Армии. В тот же день он сообщил в парламенте, что уполномочил Салаши образовать так называемое правительство национальной концентрации, а затем объявил об отказе от взятых на себя функций регента⁶⁹.

Путем вторичной оккупации Венгрии Берлину удалось воспрепятствовать ее официальному выходу из войны. Салаши провозгласил продолжение ее. Единственной опорой его были немецкие войска и террор эсэсовцев. Вскоре территория Венгрии стала театром военных действий.

В декабре 1944 г., когда значительная часть венгерской территории была очищена от немецких войск, созданное по инициативе выступавших единым фронтом коммунистов и социал-демократов Временное национальное собрание образовало Временное правительство. Оно 24 декабря запросило у правительства СССР перемирия и 28 декабря объявило войну Германии. Итак, третий рейх лишился всех своих европейских союзников.

Назревал разрыв и в германо-японских отношениях. Начиная с 1944 г. и до окончания войны в Европе японское правительство с тревогой следило за тем, как его германский союзник идет навстречу своей гибели. В Токио росли опасения того, что германское руководство заключит сепаратный мир с западными державами или согласится капитулировать перед антигитлеровской коалицией. В таком слу-

чае все силы США и Великобритании были бы высвобождены для разгрома Японии. Поэтому у японского правительства возрастал интерес и повышалось внимание к Советскому Союзу.

В апреле 1944 г. японский посол в СССР И. Сато, следуя указанию своего правительства, обратился к министру иностранных дел СССР с просьбой дать согласие на прибытие в Москву специальной японской миссии для обсуждения условий заключения советско-германского мирного договора. Предложение Токио было отклонено⁷⁰. СССР не был заинтересован в переговорах с Германией, ибо Красная Армия уже одержала решающие победы над вермахтом. Кроме того, в Европе ожидалось скорое открытие второго фронта западными союзниками, с которыми его связывало обязательство вести войну до безоговорочной капитуляции Германии.

В конце июня 1944 г. японский генеральный штаб довел до сведения Берлина свое мнение, что Германии в интересах мобилизации сил для отражения наступления экспедиционных сил США и Великобритании разумнее всего приступить к поискам политического компромисса с СССР. 26 августа подобный совет был дан германскому военному атташе в Токио⁷¹. К тому времени многие из высших руководителей рейха и сами подумывали о заключении компромиссного мира с СССР, но все попытки Риббентропа, с согласия Гитлера и Гиммлера, установить контакт с советским руководством через нейтральную Швецию потерпели провал.

В начале осени 1944 г., когда Красная Армия изгнала немецких захватчиков из Белоруссии, Украины и восточной части Польши, приступила к освобождению Прибалтики и вышла к границам Восточной Пруссии, а англо-американские экспедиционные силы, высадившиеся во Франции, вплотную придвинулись к германской границе с запада, в Токио началась проработка плана действий на тот случай, если бы Японии пришлось в одиночестве продолжить войну против США и Великобритании. Высший военный совет Японии 21 сентября принял “План дипломатических мероприятий на случай внезапного изменения германской ситуации”. Он предусматривал разрыв Японией всех союзных договоров с третьим рейхом, если он заключит сепаратный мир одновременно с СССР, Англией и США. Тот же план усматривал меры, направленные на сохранение советско-японского пакта о нейтралитете, чтобы после выхода Германии из войны не утратить возможность продолжать войну против США и Великобритании. Японские стратеги также возлагали большие надежды на раскол антигитлеровской коалиции после разгрома Германии. Они ставили перед собой задачу добиться создания японо-советского альянса, направленного против США и Великобритании⁷².

20 апреля 1945 г. Высший военный совет Японии подтвердил свое решение об условиях разрыва союзнических отношений с рейхом от 21 сентября 1944 г. Получив известие о переговорах Германии с западными державами о прекращении военных действий, японский министр иностранных дел С. Того 6 мая официально заявил германскому послу в Токио: “Япония рассматривает себя свободной от всех заключенных с Германией договоров и будет одна и далее вести борьбу”. При этом он сослался на германо-японский договор от 11 декабря 1941 г., согласно которому обе договаривающиеся стороны не должны были без взаимного согласия заключать с США и Англией ни перемирия, ни мира. Ответ германского посла был таков: на переговорах с представителями западных держав речь идет не о мире или перемирии, а о капитуляции⁷³. Однако Того отверг этот аргумент.

После подписания германским верховным командованием акта о безоговорочной капитуляции вермахта премьер-министр К. Судзуки 15 мая выступил по радио с призывом к народу продолжать борьбу против США и Великобритании без европейских союзников. В тот же день было опубликовано коммюнике правительства, в котором оно объявило, что в связи с капитуляцией Германии утрачивают силу связывающие его с нею “Пакт трех держав” от 27 сентября 1940 г., германо-итало-японский договор от 11 декабря 1941 г. и “Антикоминтерновский пакт”⁷⁴. На этом блок агрессоров официально прекратил свое существование.

Таким образом, судьба военной коалиции во главе с Германией в решающей степени определялась ходом вооруженной борьбы на всех театрах военных действий, но прежде всего на главном – советско-германском фронте. После Сталинградской и Курской битв политическому и военному руководству рейха становилось все труднее диктовать свою волю союзникам. Противоречия между ними и Германией по вопросам внешней политики и стратегии приняли острый, неприкрытый характер. Если Япония настаивала на окончании войны против СССР, перенесении всех усилий агрессивного блока на борьбу против США и Англии, то Германия продолжала упорно держаться явно обанкротившегося курса на максимальную концентрацию сил на восточном фронте.

Попытки правительственных кругов Румынии, Венгрии, Болгарии и Финляндии выйти из войны в 1943 – начале 1944 г. отражали углубление кризиса внутри блока агрессоров, но это еще не означало, что они были готовы к решительному разрыву с Германией. Используя политику “кнута и пряника”, Германия еще долго удерживала их под своим контролем. Сообщников по агрессии объединяла враждебность к СССР, стремление сохранить за собой захваченные территории, страх перед наказанием за преступления против мира и человечности. Все они не порывали союзных связей до тех пор, пока каждый поодиночке не оказался перед фактом полного военного и политического краха.

¹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Bonn). R 29660. Büro des Staatssekretärs. Akten betreffend Japan. 1. August – bis 31. Dezember 1943. Bl. 390–391.

² См.: История дипломатии. М., 1975. Т. 4. С. 318–319.

³ См.: Народ против фашизма, 1939–1945: Исторический очерк о борьбе болгарского народа в период второй мировой войны / Пер. с болг. М., 1986. С. 172.

⁴ См.: Deutschland in Zweiten Weltkrieg. В., 1979. Bd. 3. S. 427.

⁵ См.: Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. В., 1988. S. 167–168.

⁶ Bundesarchiv-Militärarchiv (Potsdam). WF-01/135939. Bl. 927.

⁷ Ibid. WF-01/13637. Bl. 885.

⁸ Ibid. Bl. 886–887.

⁹ См.: Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940–1945. (Далее: КТВ/ОКВ). Frankfurt a/M. 1965. Bd. 3. S. 1060.

¹⁰ См.: Мюллер-Гилленбранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933–1945 / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 148.

¹¹ См.: Хамтору Т. Япония в войне, 1941–1945 / Сокр. пер. с япон. М., 1973. С. 338.

¹² Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 3. S. 455.

¹³ Ibid. В., 1984. Bd. 5. S. 542–543.

¹⁴ КТВ/ОКВ. 1961. Bd. 4. Halbband I. S. 190–191.

¹⁵ См.: Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler: Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes, 1940–1945. Zweiter Teil. Frankfurt a/M, 1970. S. 356–357.

¹⁶ См.: Expansionsrichtung Nordeuropa: Dokumente zur Nordeuropapolitik des faschistischen deutschen Imperialismus 1939 bis 1945. В., 1987. S. 158, 190, 192.

¹⁷ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 2. С. 89–90.

¹⁸ Ursachen und Folgen: Eine Urkunden- und Dokumentensammlung. В., о. J. Bd. 22. S. 19.

¹⁹ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 112–113.

²⁰ Там же. С. 113.

²¹ См.: Menger M. Op. cit. S. 187.

²² Expansionsrichtung Nordeuropa... S. 171.

²³ Menger M. Op. cit. S. 188.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Allianz Hitler–Horthy–Mussolini: Dokumente zur ungarischen Aussenpolitik, 1933–1944. Budapest, 1966. S. 358–359.

²⁶ Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler... Zweiter Teil. S. 352.

²⁷ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 5. S. 530.

²⁸ Allianz Hitler–Horthy–Mussoli... S. 366–373.

- ²⁹ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 5. S. 536.
- ³⁰ Лебедев Н.И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976. С. 442.
- ³¹ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 174–175.
- ³² См.: Ливяну В. и др. Из хроники исторических дней 1 мая 1944 – 6 марта 1945. Бухарест, 1974. С. 31–32.
- ³³ Там же. С. 40–41.
- ³⁴ България своенравният съюзник на третия райх. София, 1992. С. 214–215.
- ³⁵ Там же. С. 217.
- ³⁶ Там же. С. 229–230.
- ³⁷ Там же. С. 235–236.
- ³⁸ Там же. С. 232.
- ³⁹ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 185–186.
- ⁴⁰ Там же. С. 188–189.
- ⁴¹ См.: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 5. S. 548–549.
- ⁴² Ibid. S. 546.
- ⁴³ См.: Народ против фашизма, 1939–1945. С. 202.
- ⁴⁴ The National Archiv of United States: A microfilm publikation. Т. 120–337. P. 313627.
- ⁴⁵ България своенравният съюзник на третия райх. С. 312–313.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ См.: Мюллер-Гилленбранд Б. Op. cit. Т. 3. С. 183–184.
- ⁴⁸ См.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 31; Menger M. Op. cit. S. 195.
- ⁴⁹ Menger M. Op. cit. S. 200.
- ⁵⁰ Ibid. S. 205.
- ⁵¹ См.: Expansionsrichtung Nordeuropa... S. 200.
- ⁵² См.: Ливяну В. и др. Op. cit. С. 72.
- ⁵³ Ursachen und Folgen... Bd. 22, S. 56–57.
- ⁵⁴ КТВ/ОКВ. Bd. 4. Halbband 2. S. 804.
- ⁵⁵ См.: Независимость Румынии. Бухарест. 1977. С. 216–217.
- ⁵⁶ Bundesarchiv-Militärarchiv (Potsdam). WF-03/5064. Bl. 219.
- ⁵⁷ См.: Независимость Румынии. С. 221.
- ⁵⁸ България совенравният съюзник на третия райх. С. 315, 316.
- ⁵⁹ Там же. С. 442.
- ⁶⁰ Народ против фашизма, 1939–1945. С. 235.
- ⁶¹ Там же. С. 236.
- ⁶² Там же. С. 237.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Ursachen und Folgen. Bd. 22. S. 105.
- ⁶⁵ См.: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1986. Bd. 6. S. 446–447.
- ⁶⁶ См.: Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 444.
- ⁶⁷ Ursachen und Folgen... Bd. 22. S. 147.
- ⁶⁸ Ibid. S. 162.
- ⁶⁹ Allians Hitler–Horty–Mussolini... S. 403.
- ⁷⁰ См.: История дипломатии. Т. 4. С. 447; The Memoirs of Cordell Hul. N.Y., 1948. P. 1462.
- ⁷¹ Martin B. Deutschland und Japan im 2. Weltkrieg. Göttingen, 1969. S. 291–292.
- ⁷² Ibid. S. 291–292.
- ⁷³ См.: Kase T. Eslipse the of Rising Sun. L., 1951. P. 127.
- ⁷⁴ См.: Хаттори Т. Указ. соч. С. 534.

ДИПЛОМАТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

С наступлением перелома в войне перед государствами антигитлеровской коалиции встала задача планирования перехода от войны к миру и определения судьбы Германии и ее сателлитов. В Москве, Лондоне и Вашингтоне разрабатывались и согласовывались условия оккупации побежденных стран и освобождения стран, оккупированных Германией.

В Лондоне начались заседания Европейской консультативной комиссии (ЕКК), созданной решением Московской конференции министров иностранных дел трех держав в октябре 1943 г. для рассмотрения вопросов, связанных с окончанием военных действий. Работавшая под председательством К.Е. Ворошилова Комиссия по вопросам перемирия при НКВД 16 декабря 1943 г. подготовила проекты документов о трех сателлитах Германии: Финляндии, Венгрии и Румынии. Эти документы исходили из вероятного военного сопротивления союзников Германии до самого конца. 13 мая 1944 г. правительства СССР, США и Англии предложили Венгрии, Румынии, Финляндии и Болгарии прекратить войну на стороне Германии.

Ожидавшееся скорое вступление советских войск в пределы европейских стран – союзниц Германии выдвинуло в повестку дня разработку документов не только об их капитуляции, но и о перемирии с ними. К этому времени выяснилось, что некоторые из сателлитов Германии склонялись к серьезному рассмотрению условий перемирия, предложенных антигитлеровской коалицией: признание поражения в войне против союзных держав, прекращение против них военных действий, вывод германских вооруженных сил с территорий этих стран, разрыв дипломатических и военных отношений с Германией. Комиссия К.Е. Ворошилова предлагала использовать предложенные проекты “условий перемирий”, когда страны-союзницы Германии откажутся от участия в войне до ее капитуляции¹.

Весной 1944 г. в связи с выходом Красной Армии к довоенным границам СССР возникла новая ситуация в приграничных странах Европы. Перед Москвой встали задачи: во-первых, координации с союзными державами действий, связанных с практическими вопросами освобождения территорий, занятых вермахтом и армиями стран-сателлитов Германии; во-вторых, обеспечения взаимодействия с эмигрантскими правительствами оккупированных Германией стран при вступлении Красной Армии на их территорию; в-третьих, взаимодействия с находившимися на территории СССР антифашистскими кругами европейских государств и освободительными силами внутри этих государств и, в-четвертых, отрыва от Германии ее сателлитов.

Различия во внутреннем и международном положении стран Европы определили и линию СССР в отношении каждой из них в период освобождения. Но главным служило объявленное руководством СССР стремление к восстановлению в этих странах их национальной государственности.

Однако положение осложнялось тем, что по мере продвижения войск Красной Армии в страны Восточной Европы и все более просоветской ориентации левых сил в этих странах в отношениях между СССР и западными союзниками в области восточноевропейской политики возникло значительное напряжение. Советское правительство стремилось создать вокруг СССР пояс дружественных сопредельных государств прежде всего в интересах безопасности собственной страны, огра-

ничивая сферу своих интересов Восточной Европой. Но западные державы увидели в этой политике СССР только “безграничное стремление Сталина к экспансии”. Неспособность понять логику партнера, его интересы усиливали противоречия между союзниками.

В Вашингтоне и Лондоне не хотели считаться с тем, что Советский Союз, наученный горьким опытом 30-х годов, был против воссоздания, например, в Польше или Румынии правительств довоенной антисоветской ориентации, усматривая в этом угрозу безопасности СССР. Москва же, ставя на первое место эту проблему, не пыталась увидеть обеспокоенности Запада при установлении просоветских режимов в Восточной Европе. Сталин и его окружение не учитывали заинтересованность их капиталистических партнеров в рынках Восточной Европы, доступ на которые ограничивался доминированием СССР в этом важном экономическом регионе.

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ФИНЛЯНДИИ

15 октября 1943 г. Комиссией по вопросам перемирия был разработан проект документа о безоговорочной капитуляции Финляндии, который 9 ноября был утвержден. Таким образом, когда президент США Ф.Д. Рузвельт в Тегеране поставил вопрос о желательности вывода Финляндии из войны, он получил исчерпывающий ответ о намерениях СССР относительно Финляндии. При этом было добавлено, что Советский Союз не стремился лишить Финляндию независимости. В Москве было известно об опасениях некоторых финских кругов, что “Россия отнимет у Финляндии независимость и превратит ее в свою провинцию”².

В этой ситуации финское правительство предприняло зондаж условий выхода Финляндии из войны. Ю.К. Паасикиви в Стокгольме встретился с советским посланником А.М. Коллонтай, которая передала ему условия перемирия. Они предусматривали: 1) разрыв отношений с Германией и интернирование германских войск собственными силами Финляндии; 2) восстановление договора 1940 г. и отвод финских войск к границам 1940 г.; 3) возвращение советских военнопленных и интернированных советских граждан. Вопросы демобилизации финской армии, возмещения военных убытков откладывались до переговоров в Москве.

26 марта 1944 г. делегация финского правительства в составе Ю.К. Паасикиви и К. Энкеля прибыла в Москву. Здесь были конкретизированы пункты советских условий: интернирование германских войск в Финляндии или их изгнание до конца апреля, возмещение ущерба, причиненного СССР военными действиями; демобилизация финской армии до довоенного уровня в течение четырех месяцев; возвращение СССР области Петсамо (Печенга). Был внесен новый пункт о возвращении Советским Союзом п-ва Ханко Финляндии.

Финское правительство при поддержке парламента, однако, отказалось заключить перемирие на этих условиях и заявило о невозможности осуществить интернирование немецких войск в Финляндии. Впрочем, среди его членов возникло мнение, что лучших условий перемирия не добиться. Обоснованность с военной точки зрения границ 1940 г. для интересов безопасности СССР, по свидетельству финских историков, понимал и главнокомандующий финскими войсками маршал Маннергейм³.

Летом 1944 г. в результате наступательных операций на Карельском перешейке и в Южной Карелии фронт был прорван. Финская армия понесла тяжелые потери. Финское правительство обратилось за военной помощью к Германии. Как условие ее оказания гитлеровское правительство потребовало заключения германо-финского военного союза с обязательством не вести переговоров по вопросу о сепаратном мире. Президент Рюти от своего имени такое обязательство дал. Этот шаг вызвал в Финляндии политический кризис и имел для страны международные

последствия – США разорвали с Финляндией дипломатические отношения. Лишь после того, как гитлеровские войска были изгнаны из Прибалтики и военное положение Финляндии резко ухудшилось, финское руководство решилось на разрыв с Германией.

1 августа Рюти ушел в отставку. Президентом Финляндской республики стал маршал Маннергейм. Сославшись на то, что обязательство, данное Германии прежним президентом, не было ратифицировано парламентом, новое финское правительство заявило Берлину, что Финляндия не считает себя им связанной. 25 августа правительство Финляндии попросило Москву возобновить переговоры о перемирии.

29 августа финскому правительству были сообщены условия начала переговоров с Финляндией о перемирии: немедленный разрыв отношений с Германией; вывод немецких войск с финской территории в двухнедельный срок, в противном случае их разоружение и передача союзникам как военнопленных. Эти условия были согласованы с правительствами Великобритании и США. 4 сентября финское правительство согласилось их принять.

Переговоры об условиях перемирия с Финляндией от имени СССР, Великобритании и других союзных держав начались в Москве 14 сентября 1944 г. Глава советской делегации на переговорах В.М. Молотов перед их началом и в ходе проведения уделял большое внимание обсуждению положений готовившегося соглашения с послами Великобритании и США.

По соглашению о перемирии, подписанному в Москве 19 сентября 1944 г., между СССР, Великобританией, с одной стороны, и Финляндией – с другой, восстанавливалась советско-финская граница 1940 г.; СССР отказывался от прав на аренду п-ва Ханко, взамен чего Финляндия на правах аренды предоставляла территорию в районе Порккала-Удд; СССР возвращалась область Петсамо (Печенга); предусматривалось возмещение СССР ущерба, причиненного военными действиями и оккупацией⁴.

В тот же день условия соглашения были одобрены финским парламентом. Контроль за его претворением в жизнь от имени союзных держав поручался уполномоченному советского главнокомандования генерал-полковнику А.А. Жданову.

ВЫХОД ИЗ ВОЙНЫ РУМЫНИИ

15 ноября 1943 г. английское правительство получило послание от лидера оппозиционной национал-царанистской партии Румынии Ю. Маниу, который предложил “направить специального делегата для обсуждения мероприятий с целью изменения политического режима в Румынии”. Лондон не возражал принять румынского эмиссара для переговоров о замене правительства в Румынии, которое пойдет на безоговорочную капитуляцию перед тремя главными союзниками⁵. Советское правительство 18 ноября выразило готовность послать своего представителя на переговоры с делегацией Румынии.

16 января 1944 г. правительство Великобритании предложило, чтобы Советский Союз, Великобритания и США выработали согласованные условия капитуляции Румынии. При этом признавалось, что первыми из союзных сил границ Румынии достигнут советские войска. Поэтому советское правительство будет играть главную роль в определении того, какими должны быть условия перемирия с румынами⁶.

10 марта Москва заявила: поскольку румынский вопрос не является срочным, нет необходимости передавать его на рассмотрение ЕКК⁷. Тем не менее нецелесообразно отдавать его и на решение США и Англии.

17 марта в Каире начались переговоры представителей СССР, США и Великобритании с делегацией Румынии во главе с ее бывшим премьер-министром князем

Б. Штирбеем. На их ведение уполномочивались: от СССР – посол Советского Союза при югославском и греческом правительствах в Каире Н.В. Новиков, от Великобритании – министр-резидент на Среднем Востоке лорд Мойн, от США – посол при югославском и греческом правительствах в Каире Мак Вег.

Штирбей стремился убедить своих английских и американских собеседников в необходимости вывести Румынию из войны путем ее оккупации войсками их стран. Западные державы, со своей стороны, имели в виду усилить свои позиции в Румынии. С этой целью они предпринимали определенные шаги, способные привести к прекращению военных действий между СССР и Румынией. Так, 22 марта румынам было передано послание верховного командующего союзными войсками на средиземноморском театре военных действий генерала М. Вильсона, лично адресованное И. Антонеску. В нем маршалу рекомендовалось не встречаться с Гитлером, а капитулировать перед тремя великими державами и приказать румынским войскам прекратить сопротивление русским⁸.

23 марта в Каире было получено послание от Маниу. В нем говорилось, что оба Антонеску отложили свой отъезд в Германию, но они хотели бы знать, будет ли советское руководство иметь с ними дело. Запрос был сделан английскому правительству.

На другой день В.М. Молотов ответил послу Великобритании, что у советского правительства “мало надежд на эффективность возможного контакта с маршалом Антонеску”. Тем не менее оно согласилось попробовать установить с ним связь при условии, что к предпринятым генералом Вильсоном шагам будут добавлены следующие действия: “1. Следовало бы, чтобы маршал Антонеску дал приказ румынским войскам, имеющим соприкосновение с советскими войсками, сложить оружие и сдать в плен советским войскам... 2. Следовало бы установить непосредственный контакт между советским командованием и верховным командованием Румынии для разрешения практических вопросов, связанных с оказанием взаимной военной помощи против немцев”⁹.

26 марта от посла Великобритании в Москве А. Керра стало известно, что оба Антонеску все же выехали в ставку Гитлера. 29 марта В.М. Молотов сообщил Керру: советскому представителю в Каире дано указание передать Ю. Маниу через Вильсона, что если он “произведет переворот против немцев и свергнет правительство Антонеску, то Советское правительство готово заключить с ним соглашение об оказании помощи”¹⁰. Однако ответа от Маниу не поступило.

Все это происходило на фоне крупного наступления советских войск в районе рек Южный Буг и Днестр, развернувшегося в феврале–марте 1944 г. 27 марта, успешно форсировав Прут, они перешли границу с Румынией. В связи с этим 2 апреля 1944 г., нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов пригласил представителей советской и иностранной печати и от имени советского правительства сделал заявление. В нем говорилось, что в результате успешного продвижения Красная Армия вышла к государственной границе между СССР и Румынией и положила начало “полного восстановления советской Государственной границы, установленной в 1940 году договором между Советским Союзом и Румынией”. В заявлении указывалось, что советское правительство “не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью”¹¹.

7 апреля посольство Великобритании в Москве направило НКВД СССР ноту, в которой предлагалось заранее проконсультироваться в отношении условий, которые собирается выдвинуть советское правительство. 12 апреля советские условия перемирия были вручены в Каире Штирбею. Однако Антонеску отклонил предъявленные условия, заявив о своем желании продолжать войну на стороне Германии. По существу, отклонил эти условия и Маниу. Союзники решили прервать переговоры с румынскими представителями в Каире.

Тем временем развернувшееся летом 1944 г. широкое наступление Красной Армии, а также действия союзников во Франции кардинально изменили обстановку. В августе войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, разгромив в ходе Яско-Кишиневской операции основные силы фашистской группы армий “Южная Украина”, развернули наступление в глубь территории Румынии. В самой стране сопротивление народных масс И. Антонеску стало перерастать в активные антиправительственные выступления. 23 августа 1944 г. патриотические силы свергли диктатора, который был арестован. В ночь с 23 на 24 августа патриотические отряды и военные части заняли важнейшие учреждения и стратегические пункты Бухареста.

В связи с событиями в Румынии 23 августа советское правительство выступило с заявлением. В нем указывалось, что оно не имеет намерения приобрести какую-либо часть румынской территории. Если румынские войска прекратят военные действия против Красной Армии и начнут освободительную борьбу против немцев, то Красная Армия не будет их разоружать¹².

24 августа 1944 г. Румыния объявила войну Германии. Вновь созданное правительство во главе с генералом Санатеску 25 августа сообщило о решении подписать перемирие и приступить к полному выдворению немцев с румынской территории. В Москву прибыла румынская правительственная делегация в составе Б. Штирбея, Л. Патрашкану, Г. Поп и начала переговоры по выработке условий перемирия. Проходили они с 10 по 12 сентября. На первой встрече румынской делегации был вручен проект соглашения.

12 сентября соглашение о перемирии было подписано. Оно содержало условия перемирия, предъявленные Румынии Советским Союзом в апреле 1944 г. Внутриполитическая обстановка в Румынии продолжала обостряться, правительство практически не выполняло условий перемирия. 6 декабря 1944 г. к власти пришел премьер-министр Н. Радеску. В феврале 1945 г. в некоторых городах Румынии были расстреляны народные демонстрации.

В конце февраля 1945 г. в Бухарест прибыл заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский, который провел с королем Румынии Михаем переговоры о реорганизации румынского правительства, освобождении его от реакционных правых элементов. 2 марта король сместил Н. Радеску с поста премьер-министра. Через четыре дня в Румынии было сформировано правительство Народно-демократического фронта во главе с П. Гроза.

В феврале–марте 1945 г. американские и английские представители в Бухаресте и Москве неоднократно обращались к советской стороне, ссылаясь на решения Ялтинской конференции, с требованиями о трехсторонних консультациях и согласовании политики в отношении Румынии, в частности в вопросе формирования временного правительства. Однако после Ялты все больше проявлялись разногласия между СССР и англо-американскими правящими кругами по проблемам политики союзников в Восточной Европе. В Москве считали, что Восточная Европа не должна быть “санитарным” антисоветским кордоном, как это было до войны; в сопредельных с СССР странах должны быть созданы дружественные Советскому Союзу режимы. Просоветской политике в этих странах способствовали успехи Красной Армии. В Советском Союзе народные массы государств Восточной Европы видели освободителя, страну, внесшую основной вклад в разгром фашизма и понесшую наибольшие жертвы. В то же время буржуазные правительства этих государств либо запятали себя сотрудничеством с фашистами в годы войны, либо в довоенный период способствовали “мюнхенской” политике западных держав. Поэтому народные массы (и не только в Восточной Европе) с энтузиазмом встречали войска Красной Армии и поддерживали левые силы своих стран. Это хорошо понимали в Кремле.

В связи с событиями в Румынии зимой–весной 1945 г. В.М. Молотов писал послу США в Москве А. Гарриману, что после образования в ней правительства демократических сил нет необходимости принимать какие-либо особые меры со сто-

роны США, Великобритании и Советского Союза¹³. 6 августа 1945 г. заместитель председателя Союзной контрольной комиссии в Румынии И.З. Сусайков сделал премьер-министру Румынии П. Грозе заявление о том, что советское правительство решило восстановить с Румынией дипломатические отношения и предложило обменяться посланниками. 29 августа было опубликовано сообщение о преобразовании советской комиссии в Румынии и румынской миссии в СССР в посольства с возведением посланников обеих стран в ранг послов. Послом СССР в Румынии был назначен С.И. Кавтарадзе.

ПОЛИТИКА В ВЕНГРИИ

Летом 1944 г. регент Хорти назначил новое правительство, которое возглавил генерал-полковник Г. Лакатош. В нем не было единства по вопросу о дальнейшей роли Венгрии в войне. Одни считали, что надо воевать на стороне Германии до конца, другие выступали за продолжение войны против СССР, но при условии, если немцы окажут достаточную военную помощь для сопротивления Красной Армии до прихода англо-американцев.

В сентябре венгерские дивизии, вторгшиеся в Южную Трансильванию, были выбиты оттуда войсками 2-го Украинского фронта. Красная Армия подходила к границам Венгрии. В этих условиях венгерские правящие круги решили обратиться к Москве. В середине сентября 1944 г. в Словакию был направлен граф Янош Зичи, который установил там контакт с советским представителем в одном из словацких партизанских отрядов. В конце сентября в Москву для переговоров о возможности заключения перемирия прибыла группа во главе с бароном Э. Ацелом. Вернувшись в Будапешт, Зичи сообщил, что советское правительство предложило Венгрии перейти на сторону антигитлеровской коалиции и сражаться против Германии, а также передало условия перемирия, которые основывались на принципе уважения суверенитета Венгрии.

Еще до вступления Красной Армии на территорию Венгрии 16 сентября 1944 г. посол США в СССР А. Гарриман сообщил в НКВД, что правительство США получило в Берне венгерское послание. В нем излагались условия, на которых венгерское правительство готово было к перемирию: “1. Военные действия должны прекратиться на ныне существующей линии фронта. 2. Должно быть предоставлено время для отвода из Венгрии превосходящих германских вооруженных сил, находящихся в стране. 3. Венгерским вооруженным силам должно быть оставлено их оружие и снаряжение, чтобы дать им возможность поддерживать порядок в Венгрии и защищать страну от возможных немецких нападений”. При этом Гарриман сообщил, что американское правительство не ответило на это послание¹⁴.

21 сентября 1944 г. Лакатош выступил с заявлением, в котором предлагал услуги Венгрии в качестве “защитника Запада против Востока”, добавив, что рассчитывает и на помощь Германии для обороны венгерских границ. 22 сентября Хорти направил своего представителя генерал-полковника И. Надаи на самолете в ставку союзных войск в районе Неаполя. В послании Хорти западным державам, в частности, предлагалось: “Было бы желательно, чтобы Антанта смогла убедить (СССР. – *Ред.*) не переходить границы Венгрии; в этом случае мы могли бы снять с границ все наши войска... Или пусть Антанта спешно высадит несколько дивизий в Фиуме и вторгнется в Западную Венгрию...”¹⁵. Надаи прибыл в ставку, но контакты с союзниками не состоялись, поскольку те не сочли возможным идти на сепаратные переговоры о перемирии с Венгрией в условиях, когда на ее территорию вступили советские войска¹⁶. Тогда Хорти решил направить делегацию в Москву.

В конце сентября 1944 г. венгерские представители во главе с инспектором жандармерии армейским генералом Г. Фараго были пропущены через линию

фронта и 1 октября прибыли в Москву. Начались переговоры о выходе Венгрии из войны. Хорти поручил добиться перемирия на следующих условиях: 1) немедленное прекращение военных действий; 2) участие англичан и американцев в оккупации Венгрии; 3) беспрепятственный отход немецких войск; 4) недопущение армий “малых государств” к оккупации Венгрии¹⁷. В письме Сталину Хорти пытался снять с Венгрии вину за участие в войне на стороне Германии¹⁸.

6 октября 1944 г. В.М. Молотов принял послов Англии и США и вручил им памятную записку о прибытии в Москву венгерской делегации и о советском намерении заявить ей следующее: “Правительства Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании считают необходимым, чтобы регент Хорти и венгерское правительство приняли следующее предварительное условие: Венгрия должна эвакуировать все венгерские войска и чиновников из оккупированных ею территорий Чехословакии, Югославии, Румынии в пределы границ Венгрии, существовавших на 31 декабря 1937 года. Венгрия обязана порвать все отношения с Германией и немедленно объявить войну Германии”¹⁹. 8 октября правительства США и Великобритании сообщили о своем согласии с советскими предложениями, и в тот же день В.М. Молотов принял венгерскую делегацию, вручив ей предварительные условия перемирия.

В это время советские войска, форсировав Тису, угрожали полным окружением 1-й и 2-й венгерским армиям. Хорти 9 октября дал согласие на подписание перемирия. 10 октября в беседе с прибывшим в Москву министром иностранных дел Великобритании А. Иденом В.М. Молотов отмечал, что у СССР нет территориальных претензий к Венгрии, однако “Венгрия является пограничной с Советским Союзом страной, и что заинтересованность Советского Союза в Венгрии понятна”²⁰.

11 октября венгерская делегация вручила В.М. Молотову ответ на заявление трех правительств: “Венгрия принимает предварительные условия перемирия. Она просит начать без промедления детальные переговоры о перемирии и вести их в полной тайне, чтобы перебросить с фронта венгерские войска против превосходящих немецких сил в Будапеште... Чтобы совершить поворот войск и иметь возможность выполнить условия перемирия, венгерское правительство просит, чтобы продвижение вперед русских войск к Будапешту было приостановлено”²¹.

11 октября советское правительство приостановило наступление, но соглашение о перемирии в силу не вступило, венгры продолжали воевать. В этих условиях 14 октября 1944 г. заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии А.И. Антонов вручил Г. Фараго представление. В нем говорилось, что после прекращения наступления венгры активизировали деятельность своих войск и стали на путь невыполнения принятых на себя условий перемирия. Командование советских войск потребовало в течение 48 часов выполнить взятые на себя обязательства.

15 октября по радио было передано воззвание Хорти, в котором говорилось, что он запросил перемирия и сообщил представителю Германии о заключении предварительного соглашения о перемирии. Но на следующий день Хорти аннулировал свое заявление, сложил с себя обязанности регента и выехал в Германию. Управление венгерскими войсками перешло к штабу немецкой группы армий “Юг“, а в стране главой правительства стал лидер венгерских фашистов (партия “Нилаш Керестеш”) Ф. Салаши.

Вступление Красной Армии в Венгрию дало толчок антифашистскому движению венгерского народа. Во главе левых сил встал ЦК Венгерской коммунистической партии (ВКП), который, находясь в подполье, руководил движением сопротивления в Будапеште. В октябре–ноябре 1944 г. в Венгрию из эмиграции вернулись члены ЦК заграничного бюро ВКП. Под руководством коммунистов на освобожденной территории стали создаваться национальные комитеты. В г. Сегед 30 ноября 1944 г. компартия обнародовала программу демократического восстановления и подъема Венгрии. Стали создаваться органы народной власти.

Венгерская делегация в Москве обратилась к советскому правительству с предложением о создании венгерского центра для руководства венграми на освобожденной территории. 13 ноября Молотов заявил венгерской делегации, что «Советское правительство готово поддержать идею создания венгерского центра во главе с лицом, которое будет выдвинуто присутствующими здесь венгерскими делегатами и генералами»²². 2 декабря в Сегеде был образован Венгерский национальный фронт независимости, объединивший все демократические партии. Вслед за этим в Дебрецене было создано Временное национальное собрание, которое 22 декабря приняло решение о формировании Временного национального правительства Венгрии во главе с генерал-полковником М. Бела и поручило правительству обратиться к СССР с просьбой начать переговоры о перемирии.

События на фронте заставляли торопиться. Развивая наступление в Венгрии, 2-й и 3-й Украинские фронты 26 декабря 1944 г. завершили окружение Будапешта. В кольце оказалась 188-тысячная группировка немецких и венгерских войск. В этой обстановке 28 декабря 1944 г. Временное национальное правительство Венгрии объявило войну Германии. 20 января 1945 г. в Москве представители Временного национального правительства – министр иностранных дел Я. Дьендьеш, министр обороны Я. Вереш и статс-секретарь кабинета министров И. Балог подписали соглашение о перемирии. По уполномочию правительств СССР, Англии и США соглашение о перемирии подписал Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Оно содержало ряд постановлений, направленных на ликвидацию последствий захватнической политики хортистской Венгрии, обеспечивало условия для участия Венгрии в войне против Германии, определяло характер взаимоотношений между венгерской администрацией и союзными властями²³. Соглашением о перемирии учреждалась Союзная контрольная комиссия (СКК) под председательством К.Е. Ворошилова. В ее функции входило регулирование и контроль за выполнением соглашения.

Освобождение территории Венгрии завершилось 4 апреля 1945 г. в ходе Венской операции Красной Армии. Началось восстановление страны. Советский Союз оказал Венгрии большую помощь в ликвидации последствий войны, налаживании нормальных жизненных условий. 27 августа 1945 г. между СССР и Венгрией было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве.

25 сентября К.Е. Ворошилов направил письмо премьер-министру Венгрии Б. Миклоши, в котором говорилось, что советское правительство приняло решение восстановить с Венгрией дипломатические отношения, и предлагалось обменяться посланниками. Венгерское правительство согласилось с этим предложением.

ОТНОШЕНИЯ С БОЛГАРИЕЙ

В январе 1944 г. Красная Армия развернула наступательные операции на юго-западном направлении. В это время в Болгарии росло партизанское движение. В парламенте появились группировки, требовавшие от правительства курса на сближение с антигитлеровской коалицией. Однако болгарское правительство продолжало предоставлять Германии возможность использовать аэродромы и порты, территорию страны в военных целях. В связи с этим 17 апреля болгарскому посланнику в Москве Стаменову была вручена нота, в которой обращалось внимание болгарского правительства на этот факт²⁴.

В связи с последовавшим отрицанием болгарским правительством таких фактов советское правительство 26 апреля направило ему еще одну ноту, в которой с целью проверки на месте потребовало восстановления консульства в Варне, а также учреждения консульств в Бургасе и Русуке (Русе) на Дунае, так как черноморские и дунайские порты Болгарии являлись базами германских вооруженных сил. Обо всех своих шагах в отношении Болгарии советское правительство ставило в

известность союзников. Болгарское правительство уклонилось от прямого ответа на это предложение. Только в конце июля, после успешного летнего наступления Красной Армии и операций союзных войск во Франции, болгарское правительство согласилось на восстановление консульства в Варне, отложив на неопределенное время вопрос об открытии консульств в Бургасе и Русуке (Русе).

К моменту, когда военные действия против Германии уже приблизились к границам Болгарии, германское командование, при покровительстве болгарского правительства, стало еще более широко использовать территорию Болгарии. София объявила о так называемом “полном нейтралитете” Болгарии, который на деле явился новой формой помощи Германии. Болгария предоставила свои аэродромы и порты Германии, хотя продолжала поддерживать дипломатические отношения с СССР.

Между тем к началу сентября 1944 г. Красная Армия вела боевые действия в Румынии и находилась у границ Болгарии. В стране ширилось движение левых сил, возглавляемое коммунистами. В этой обстановке правительство Багрянова 1 сентября ушло в отставку и через два дня было сформировано новое правительство во главе с Муравиевым. Оно заявило, что будет проводить нейтралитет, и продолжило начатые правительством Багрянова переговоры с представителями Англии и США в Каире о выходе Болгарии из войны, стремясь главным образом предотвратить вступление советских войск в Болгарию. Вместе с тем оно не прекращало пособничать Германии в войне против Советского Союза.

Советское правительство, желая прекратить использование болгарской территории в интересах Германии, 5 сентября объявило Болгарии войну, поскольку “три с лишним года Болгария на деле помогала Германии в войне против Советского Союза”. В такой ситуации болгарское правительство было вынуждено 7 сентября 1944 г. разорвать отношения с Германией и обратиться к советскому правительству с просьбой о перемирии. На следующий день войска 3-го Украинского фронта перешли румыно-болгарскую границу, почти не встретив сопротивления болгарских войск. Правительство Болгарии в тот же день объявило Германии войну.

В ночь на 9 сентября началось восстание в Софии; оно сразу охватило всю страну. Восстанием руководили ЦК Болгарской рабочей партии и штаб Народно-освободительной партизанской армии. В тот же день к власти пришло правительство Отечественного фронта во главе с К. Георгиевым. Оно немедленно сделало заявление о разрыве отношений с Германией и объявлении ей войны, установило контакт с советским правительством. В 10 часов вечера 9 сентября советские войска прекратили военные действия в Болгарии.

11 октября три союзных правительства сообщили болгарскому правительству о том, что вывод болгарских войск с территории Греции и Югославии является предварительным условием начала переговоров о перемирии. В тот же день командующему советскими войсками в Болгарии маршалу Ф.И. Толбухину был вручен ответ болгарского правительства. В нем говорилось, что оно принимает к исполнению решение союзных правительств и что эвакуация болгарских войск с греческой территории предпринята 10 октября. Спустя шесть дней в Москву прибыла болгарская правительственная делегация для переговоров о перемирии. В это время в Москве проходили переговоры между Сталиным и Черчиллем, в ходе которых, в частности, были согласованы условия перемирия с Болгарией.

22 октября проект соглашения о перемирии с Болгарией был согласован ЕКК в Лондоне и затем утвержден тремя правительствами²⁵. 26 октября в Москве начались переговоры о заключении соглашения о перемирии с Болгарией между представителями Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, и делегацией болгарского правительства – с другой. В ходе переговоров между союзниками по антигитлеровской коалиции возникли серьезные разногласия. Советское правительство выступило против требования Англии и США об оккупации Болгарии, так как такие требования не представля-

лись ни к Румынии, ни к Финляндии. Советская сторона была за то, чтобы болгарское правительство допустило лишь использование территории Болгарии вооруженными силами союзников для войны против Германии. В конечном итоге точка зрения Советского Союза была принята.

Глава болгарской делегации Стайнов 27 октября заявил о принятии условий перемирия. На следующий день соглашение было подписано. Правительство Болгарии добросовестно выполняло условия перемирия, поддерживало тесный контакт с Союзной контрольной комиссией. После 9 сентября болгарские войска приняли активное участие в изгнании захватчиков с территории Болгарии, сражаясь рядом с советскими войсками. Болгарская Народно-освободительная повстанческая армия была преобразована в регулярную армию, которая приняла участие в освобождении Югославии и Венгрии.

В ноябре в ответ на просьбу болгарского правительства советское правительство дало согласие на приезд в Москву посланника Д. Михалчева в качестве политического представителя Болгарии при Правительстве СССР. 14 августа 1945 г. заместитель председателя СКК в Болгарии генерал-полковник С.С. Бирюзов по поручению советского правительства заявил председателю Совета Министров Болгарии К. Георгиеву о решении Москвы восстановить с Болгарией дипломатические отношения²⁶. От К. Георгиева немедленно последовал ответ о согласии.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Руководство СССР стремилось к созданию независимого демократического польского государства в новых границах. 11 января 1944 г. советское правительство заявило о готовности заключить с Польшей соглашение относительно ее восточной границы на основе “линии Керзона”, по которой Западная Украина и Западная Белоруссия входили в состав Советского Союза. Проблему ее западных границ предусматривалось решить “путем присоединения к Польше исконных польских земель, ранее отнятых Германией”. Подчеркивалось стремление к установлению дружбы между СССР и Польшей на основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения²⁷.

Вопрос о польских границах неизменно проходит через дипломатические контакты СССР с Англией и США, а также с польским эмигрантским правительством и другими государственными структурами, созданными в Польше в 1944–1945 гг. Важное место в этом процессе занимали переговоры с лондонским эмигрантским правительством С. Миколайчика, на восстановление отношений с которым настаивали английское и американское правительства. Линия СССР на создание в Польше правительства национального единства встретила яростное сопротивление “лондонских поляков”. Советскую политику в отношении Польши поддерживал Союз польских патриотов, созданный в апреле 1943 г. и находившийся в СССР.

Крупным событием явилось образование в захваченной немцами Польше 1 января 1944 г. Крайовой Рады Народовой (КРН) – политического представительства польского народа для руководства его борьбой против оккупантов. КРН выступила за возвращение всех насильно германизированных польских земель на севере и на западе, поддержала предложение СССР в отношении советско-польской границы, высказалась за сотрудничество с СССР, оспорила право лондонского эмигрантского правительства выступать от имени польского народа.

По мере успехов Красной Армии и приближения военных действий к советско-польской государственной границе формирование новых структур в Польше приобрело все большую динамику. 15 июля в письме уполномоченного КРН Э. Осулки-Моравской и председателя главного управления Союза польских патриотов В. Василевской отмечалось, что “положение вполне созрело для создания Временного польского правительства”²⁸. В течение 17–20 июля 1944 г. войсками

1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов был форсирован Западный Буг. 22 июля был освобожден г. Хелм-Любельский, 24 июля – г. Люблин. В изгнании немецких оккупантов с исконно польских земель непосредственное участие принимала 1-я Польская армия²⁹, действовавшая в составе 1-го Белорусского фронта. 21 июля КРН издает закон о принятии верховной власти над Польской армией в СССР и слиянии Армии Людовой и Польской армии в единое Войско Польское с оперативным подчинением верховному командованию Красной Армии³⁰. 21 июля КРН в качестве временного польского правительства при содействии советского руководства создала Польский комитет национального освобождения (ПКНО) как законный временный орган исполнительной власти.

С вступлением Красной Армии на территорию Польши вопрос о статусе советских войск на польской территории получил конкретное развитие. Советское правительство рассматривало военные действия в Польше как происходящие “на территории суверенного дружественного и союзного государства”, не намереваясь устанавливать в Польше органы своей администрации³¹. Поэтому было решено заключить с ПКНО соглашение об отношениях между советским командованием и польской администрацией.

С 23 по 26 июля в Москве проходили переговоры между представителями правительства СССР и ПКНО по вопросу нормализации положения на освобожденных территориях Польши. Состоялось подписание соглашения по этому вопросу, а также о советско-польской границе, о поддержке со стороны СССР польских требований, касающихся западной границы Польши³².

Тем временем Великобритания и США настаивали на проведении Москвой консультаций с лондонским эмигрантским правительством. Нажим союзников усилился после посещения премьером С. Миколайчиком Вашингтона 5–14 июня, где он трижды встречался с Ф. Рузвельтом, а также после его встреч с У. Черчиллем. Оба просили Сталина принять С. Миколайчика³³. Сталин в послании У. Черчиллю от 23 июля, сообщив о намерении советского правительства установить контакты с ПКНО и о занятии г. Люблин, обещал встретиться с С. Миколайчиком³⁴. Вслед за этим в Москве состоялась серия встреч Миколайчика со Сталиным и Молотовым.

С 6 по 9 августа 1944 г. в Москве находилась польская делегация в составе председателя Крайовой Рады Народовой (КРН) Б. Берута, председателя ПКНО Э. Осубка-Моравского, вице-председателя ПКНО А. Витоса, а также командующего Войском Польским генерала брони М. Роля-Жимерского. Она была принята Сталиным и, кроме того, проводила переговоры с представителями польского правительства в эмиграции С. Миколайчиком, С. Грабским и Т. Ромером.

Миколайчик не согласился с совместными предложениями советской и британской сторон по вопросу о “линии Керзона” в качестве восточной границы Польши, а также с соображениями советского руководства и ПКНО относительно состава будущего польского правительства. Ему предлагали пост премьер-министра и 4 портфеля в правительстве. Он требовал не менее 14. Из-за разногласий в собственном правительстве по этим вопросам С. Миколайчик 24 ноября 1944 г. подал в отставку, после чего было создано новое польское правительство в Лондоне во главе с Т. Арцишевским.

Процесс совершенствования созданных на освобожденных польских территориях органов управления продолжался. На VI сессии КРН 31 декабря 1944 г. после доклада ее председателя Б. Берута было принято решение о преобразовании Польского комитета национального освобождения во Временное правительство Польской республики. 5 января 1945 г. В.М. Молотов в письме премьер-министру Временного правительства Э. Осубке-Моравскому уведомил его о том, что Президиум Верховного Совета СССР 4 января принял решение признать Временное правительство и обменяться послами.

Дискуссия руководителей трех великих держав о будущем польском правительстве продолжалась. На Крымской конференции (4–11 февраля 1945 г.) они совер-

шили прорыв в решении этого вопроса, который обсуждался в двух аспектах: состав правительства Польши и ее будущие границы. По настоянию СССР союзники согласились признать Временное польское правительство, но предложили включить в него некоторых деятелей эмигрантского правительства в Лондоне. Без особых разногласий было принято решение о восточной границе и об увеличении территории Польши. В коммюнике конференции фиксировалось: «Главы трех правительств считают, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы трех правительств признают, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе»³⁵.

21 апреля 1945 г. в Москве находилась польская правительственная делегация во главе с президентом КРН Б. Берутом, а также премьером и министром иностранных дел Временного правительства Э. Осубка-Моравским. В нее также входили вице-премьер В. Гомулка и вице-министр иностранных дел Я. Берман. В ходе визита был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польшей. Этот акт ускорил переговоры о преобразовании Временного правительства в правительство национального единства, о чем ранее была достигнута договоренность на Крымской конференции. Соглашение о польском правительстве было выработано 31 мая 1945 г. в результате переговоров Сталина с представителем президента США Г. Гопкинсом. 28 июня 1945 г. в Варшаве было сформировано Правительство национального единства, состоявшее из представителей демократических партий в Польше и за границей.

В последующие месяцы продолжалось активное формирование правовой базы взаимоотношений между Советским Союзом и новой Польшей. Были заключены соглашения о гражданстве, о передаче Польше управления железными дорогами страны, согласовано открытие советских консульств в Польше и польских в СССР, подписан торговый договор. На Берлинской конференции трех держав было принято решение о западной границе Польши по р. Одере и Западной Нейсе.

16 августа 1945 г. во время визита польской правительственной делегации в Москву был подписан договор о советско-польской государственной границе. В нем советское правительство учло часть пожеланий польской стороны о территориальных изменениях на советско-польской границе в пользу Польши.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ

Война за независимость в Югославии в 1944–1945 гг. являлась продолжением борьбы повстанческих отрядов, сформировавшихся затем в Народно-освободительную армию Югославии (НОАЮ). Их действия развернулись со дня всенародного восстания в июле 1941 г. Вплоть до середины 1944 г. НОАЮ одна сковывала более 35 немецких дивизий.

В феврале 1944 г. в Югославию прибыли военная миссия СССР. Учитывая просьбу руководства Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ)³⁶, база для снабжения НОАЮ создавалась в Румынии вблизи югославской границы. Для помощи антифашистским силам Югославии советское командование создало весной 1944 г. специальную авиагруппу.

К началу сентября 1944 г. советские войска вышли на румыно-югославскую границу, что дало возможность начать совместные действия с НОАЮ. Было принято решение об оказании помощи в освобождении Сербии войсками 3-го Украинского фронта, вышедшими на болгаро-югославскую границу и силами советской Дунайской флотилии. Одновременно была достигнута договоренность о том, чтобы войска левого крыла 2-го Украинского фронта, вышедшие на румыно-югославскую границу, предприняли запланированное наступление в Венгрию, через северо-восточный район Югославии.

Для проведения операции следовало официально определить статус советских войск, вступавших на территорию союзной страны, которая более трех лет самостоятельно вела борьбу с немецкими оккупантами. По итогам согласованных решений, принятых на переговорах в Москве, правительство СССР сообщило 26 сентября 1944 г. о предстоящем вступлении советских войск в Югославию правительством Великобритании и США. При этом указывалось, что просьба об этом исходила от советского командования, обратившегося к югославскому верховному командованию, и что оно предпринимается лишь в целях наступательной операции в Венгрии. Таким образом был создан важный прецедент: предполагалось, что любая союзная держава, которая бы хотела использовать территорию Югославии для действий своих вооруженных сил, должна была предварительно получить согласие НКОЮ и командования НОАЮ.

Упоминание прерогатив НКОЮ и его администрации в условиях, когда югославское королевское правительство находилось в Лондоне, имело большое политическое значение. Последовавшие письма В.М. Молотова и сообщения ТАСС закрепляли в международной практике признание НКОЮ как единственного фактического носителя государственного суверенитета Югославии, власти в стране³⁷.

28 сентября началась Белградская операция. Ее официальный план был утвержден директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 1 октября 1944 г. В течение недели велись упорные бои за каждый дом столицы. Во избежание разрушений и жертв советское командование отдало приказ использовать мощную боевую технику с большой осмотрительностью.

При штурме решался вопрос о том, кто первым войдет в столицу. В этой связи маршал И. Броз Тито в приказе от 5 октября 1944 г. командующему 1-й армейской группой НОАЮ генералу Пеко Дапчевичу указывал: “Вся ваша группа из 9 дивизий должна принять участие во взятии Белграда. Мы хотим, и русские тоже так считают, чтобы в Белград первыми вошли наши подразделения”³⁸. Советское командование не только дало возможность частям НОАЮ первыми войти в столицу, поддержав их танками и артиллерией, но и создало условия для полного освобождения страны к 15 мая 1945 г. в основном силами югославской народной армии.

Вопрос о Югославии обсуждался руководителями трех великих держав на Крымской конференции. Союзники рекомендовали маршалу И. Броз Тито и премьер-министру югославского эмигрантского правительства И. Шубашичу образовать временное объединенное правительство. Они предложили расширить Антифашистское вече национального освобождения, включив в него трех членов последней довоенной югославской Скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с оккупантами. Преобразованное таким образом Антифашистское вече должно было стать временным парламентом страны.

МИССИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Советско-чехословацкие дипломатические контакты и переговоры были весьма интенсивными в течение всего военного периода после подписания в Лондоне 18 июля 1941 г., где в то время находилось правительство Чехословакии, советско-чехословацкого соглашения о совместных действиях в войне против Германии. Они приняли оживленный характер после визита президента Чехословакии Э. Бенеша в Москву в декабре 1943 г. Им был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословацкой Республикой. В статье 4-й Договора подтверждались принципы взаимного уважения независимости и суверенитета договаривающихся сторон и невмешательства во внутренние дела другого государства³⁹.

В связи с приближением частей Красной Армии к границам Чехословакии в апреле 1944 г. чехословацкое правительство предложило руководству СССР заклю-

чить соглашение на случай вступления союзных войск на территорию страны. Советское правительство, выразив согласие, запросило мнения правительств США и Великобритании, которые сообщили, что они не имеют возражений.

8 мая в Лондоне было подписано соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления Красной Армии на территорию Чехословакии. В нем оговаривалось, что, как только какая-либо часть освобожденной территории перестанет быть зоной непосредственных военных операций, управление общественными делами на этой территории перейдет к чехословацкому правительству⁴⁰.

К концу лета 1944 г. партизанская борьба в Словакии переросла в национальное восстание. Центром его стал г. Банска-Бистрица. План восстания был разработан Словацким национальным советом (СНС), созданным во второй половине 1943 г.

К середине августа 1944 г. партизаны контролировали ряд районов Словакии. В них были созданы органы революционной власти. Для борьбы с партизанским движением 29 августа в Словакию вступили части вермахта. В тот же день вспыхнуло восстание. В течение нескольких дней оно охватило большую часть центральной Словакии. В рядах повстанцев вместе со словаками и чехами сражались советские люди, представители других народов. С 1 сентября 1944 г. СНС взял на себя верховную власть в освобожденных районах Словакии. Еще при разработке плана вооруженного восстания СНС на заседании 29 июня 1944 г. принял решение установить связь с советским командованием и координировать действия с Красной Армией. С этой целью делегация СНС побывала в начале августа в Москве и имела беседы с представителем Генштаба Красной Армии генерал-майором Н.В. Славинным⁴¹. 31 августа 1944 г. группа словацких офицеров неожиданно прилетела в штаб 1-го Украинского фронта и сообщила командующему фронтом Маршалу Советского Союза И.С. Коневу о начавшемся восстании⁴².

31 августа посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер и начальник чехословацкой военной миссии в СССР генерал Г. Пика обратились через НКВД СССР к советскому правительству с просьбой, чтобы словацкому народу была оказана помощь в рамках оперативных возможностей Красной Армии. Пика добавил, что чехословацкое правительство ведет одновременно переговоры с союзниками в Лондоне о помощи с их стороны⁴³.

Находившееся в Лондоне чехословацкое правительство Бенеша заявило, что оно руководит борьбой в Словакии. З. Фирлингер сообщил народному комиссару иностранных дел СССР о том, что СНС поддерживает связь с президентом Бенешем и чехословацким правительством и признает его верховное руководство. 2 сентября советское правительство приняло решение оказать помощь восставшим в Словакии. Об этом было сообщено чехословацким представителям в Москве⁴⁴.

8 сентября 1944 г. советские войска перешли в наступление, с тем чтобы помочь восставшим в Словакии. В их составе действовал 1-й Чехословацкий армейский корпус под командованием Л. Свободы⁴⁵. Несмотря на мужественные действия повстанцев и посильную помощь Красной Армии в конце октября 1944 г., 28 октября восстание было подавлено. Как признавал чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер в телеграмме министру иностранных дел чехословацкого эмигрантского правительства Я. Масарику, Советский Союз сделал для Словакии все, что было в его силах. "Как на грех, – сообщил он, – подвело командование обеих словацких дивизий в Восточной Словакии, которые должны были поддерживать наступление"⁴⁶.

Зимой 1944/45 г. Красная Армия совместно с чехословацким корпусом развернула операции в Словакии, где по мере освобождения создавались национальные органы власти. В этих условиях правительство Бенеша выразило готовность к переезду на освобожденную территорию. 16 февраля 1945 г. посол Чехословакии в

Москве сообщил НКВД СССР, что Бенеш решил в ближайшее время выехать туда из Лондона через Москву⁴⁷. В марте 1945 г. Э. Бенеш прибыл в Москву и начал переговоры о создании нового правительства с представителями СНС, социалистов, чешских католиков и других партий. 4 апреля было образовано правительство Национального фронта чехов и словаков во главе с Э. Фирлингером. Заместителем главы правительства стал К. Готвальд. Это правительство 5 апреля обнародовало в словацком городе Кошице программу, которая предусматривала развитие в Чехословакии народно-демократической революции. В ней была зафиксирована внешнеполитическая ориентация страны на союз с СССР⁴⁸. В Кошицкой программе содержался пункт о намерении правительства Чехословакии провести необходимую подготовку для решения вопроса о Закарпатской Украине⁴⁹.

Во время пребывания Э. Бенеша в Москве состоялись его переговоры с советским правительством, в ходе которых стороны подвергли "рассмотрению вопросы дальнейшего развития дружественных отношений между Чехословакией и Советским Союзом, основой которых является Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанный 12 декабря 1943 года"⁵⁰.

24 марта 1945 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым советское правительство выразило согласие отнести все произведенные Советским Союзом затраты на организацию и содержание чехословацких воинских частей в СССР на счет военных расходов Советского Союза и в дальнейшем предоставлять из бюджета СССР необходимые средства для вооружения, снаряжения и обслуживания чехословацких соединений, оперативно подчиненных советскому командованию, ведущих военные действия против Германии⁵¹. В свою очередь, правительство Чехословацкой Республики согласилось покрыть понесенные им затраты на содержание частей Красной Армии на территории Чехословакии. Советское правительство решило также предоставить Чехословакии продовольствие, товары и промышленное сырье, в которых она испытывала особую нужду⁵².

По мере наступления Красной Армии в Чехии и Моравии все шире развивалось партизанское движение. В конце апреля 1945 г. был образован Чешский национальный совет (ЧНС) из политических партий Национального фронта. В первые дни мая в ряде пунктов Чехии и Моравии стихийно вспыхнуло восстание. В Чехословакию к этому времени уже вступили как советские, так и американские войска, но в Праге все еще оставались немецкие соединения. ЧНС, рассчитывая на подход союзников, призвал население Праги к вооруженному выступлению. Оно началось 5 мая. Немецкие войска приступили к его подавлению. Для помощи восставшим советское Верховное Главнокомандование приказало 1, 2 и 4-му Украинским фронтам ускорить движение войск в район Праги. Утром 9 мая 1945 г. танковые соединения указанных фронтов ворвались в столицу Чехословакии. Сопrotивление немцев прекратилось. 10 мая в Прагу из Кошице переехало правительство Национального фронта чехов и словаков.

НА СЕВЕРЕ НОРВЕГИИ

В связи с продвижением в начале 1944 г. советских войск в сторону границ Норвегии, находившейся под оккупацией германских войск, появились практические возможности реализации договоренностей между союзными державами в отношении режима освобождаемых территорий. 9 января 1944 г. британское правительство с согласия правительства США сообщило Москве текст проекта соглашения между британским и норвежским правительствами о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории, освобождаемой союзными силами. В ответе из Москвы 22 февраля 1944 г. выражалось согласие рассмотреть этот вопрос в контексте политики в отношении территории союзных стран, освобождаемой в ре-

зультате наступления вооруженных сил союзников, о чем в октябре 1943 г. была достигнута договоренность на Московской конференции министров иностранных дел⁵³. 19 марта 1944 г. посол США в Москве А. Гарриман, направил в наркоминдел СССР письмо, к которому прилагался текст американско-норвежского соглашения по этому же вопросу.

Отвечая американцам 12 мая, нарком иностранных дел В.М. Молотов сообщил, что норвежское правительство обратилось к советскому правительству с предложением заключить такое же соглашение между СССР и Норвегией на случай участия советских войск в военных операциях на ее территории. “В настоящее время между советским правительством и норвежским правительством достигнута договоренность о подписании указанного соглашения, текст которого идентичен с текстом американско-норвежского проекта”, – говорилось в письме. Молотов писал об отсутствии замечаний к американско-норвежскому соглашению и просил высказать мнение правительства США относительно подписания советско-норвежского соглашения. Американское правительство ответило положительно⁵⁴.

16 мая в Лондоне были подписаны параллельные соглашения между норвежским правительством, с одной стороны, и правительствами Англии, Советского Союза и Соединенных Штатов – с другой. Они предусматривали, что “как только военная обстановка позволит, норвежское правительство возьмет на себя полную конституционную ответственность за гражданскую администрацию”.

Таким образом, дипломатическая подготовка к освобождению Норвегии была проведена с учетом задачи восстановления суверенитета норвежского правительства в эмиграции над освобождаемыми территориями страны. Этот факт имел важное значение для добрососедских межгосударственных отношений с Норвегией в будущем.

25 октября 1944 г. частями 14-й Отдельной армии под командованием генерала В.И. Щербакова, вступившими 18 октября в ходе Петсамо-Киркенесской операции на территорию Норвегии, был освобожден г. Киркенес. О факте пересечения государственной границы норвежскому правительству было сообщено по правительственным каналам. В связи с этим норвежское правительство обратилось к советскому правительству с телеграммой, в которой сообщалось, что “население Северной Норвегии будет приветствовать союзные советские войска как своих освободителей”⁵⁵.

Вслед за освобождением Киркенеса советские части, насчитывавшие в своем составе около 25 тыс. солдат и офицеров, успешно теснили германские оккупационные войска на севере Норвегии. Вместе с ними против немцев сражалось несколько сот норвежцев. В ночь на 7 мая 1945 г. норвежские патриоты повсеместно установили в ранее оккупированных немцами районах страны свой контроль. Германские войска капитулировали. В мае 1945 г. в Норвегию возвратилось норвежское правительство в эмиграции, с которым у советского правительства имелись дипломатические отношения. Осенью 1945 г. советские войска покинули север Норвегии.

БОРЬБА ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ НА БАЛТИКЕ

В начале мая 1945 г., в связи с развитием военных действий, датский о-ов Борнхольм был занят десантом советского Балтийского флота. Находившийся там немецкий гарнизон (остров использовался германским командованием как база против СССР) был разгромлен. Советский Союз принял таким путем участие в освобождении от вермахта территории союзной Дании, входившей в антигитлеровскую коалицию. Овладение Борнхольмом имело большое значение для обеспечения безопасности балтийского побережья СССР. Освобождение острова стало важнейшим фактором дружественных отношений между СССР и Данией.

28 мая 1945 г. член Военного совета 19-й армии 2-го Белорусского фронта полковник Каплуновский принял губернатора о-ва Борнхольм Стемана и передал ему

текст официального заявления от имени командования Красной Армии следующего содержания: “Остров Борнхольм является частью Дании и занят нашими войсками только потому, что расположен в тылу нашей германской оккупационной зоны. Остров занят войсками Красной Армии временно, пока не разрешен еще военный вопрос в Германии. Красная Армия на острове Борнхольм не имеет целью нарушать нормальную жизнь населения или вмешиваться в дела датской администрации”⁵⁶.

В памятной записке НКВД СССР датской миссии в Москве от 25 июля 1945 г. также указывалось, что о-ов Борнхольм, “являющийся частью датской территории, занят войсками Красной Армии лишь временно и до тех пор, пока не будут разрешены военные вопросы в Германии”. 28 февраля 1946 г. правительство Дании поставило перед НКВД СССР вопрос о выводе советских войск с о-ва Борнхольм. 5 марта советское правительство выразило готовность сдать остров датскому государству, если Дания будет в состоянии занять его своими войсками и учредить там свою администрацию. После поступившего 8 марта подтверждения со стороны датского правительства НКВД СССР в ноте от 16 марта известил датскую миссию о том, что советское правительство дало указание начать в ближайшие дни отвод частей Красной Армии, находившихся на о-ве Борнхольм, и закончить его в месячный срок. 4 апреля был подписан акт о передаче Борнхольма датским властям, а 5 апреля советские войска покинули остров.

* * *

В 1944–1945 гг. одним из ключевых направлений внешнеполитической деятельности СССР являлись европейские страны – сателлиты Германии, правительства в эмиграции и патриотические силы государств, оккупированных Германией. На этом направлении решалась задача изоляции Германии, а в конечном счете и ускорения ее военного поражения. Свои шаги в этом вопросе советская дипломатия согласовывала с союзниками, которые также ставили Москву в известность о принимаемых ими мерах.

Последовательная линия Москвы на восстановление суверенитета стран, имеющих границы с СССР, создавала стимул для освободительной борьбы народов этих государств за независимость. На территории СССР были сформированы, обучены и вооружены соединения двух польских армий, чехословацкий армейский корпус, две румынские пехотные добровольческие дивизии, югославские пехотная и танковая бригады, а также другие части и соединения. Общая численность личного состава иностранных формирований на территории СССР к концу войны достигала более 550 тыс. человек. Они приняли активное участие, совместно с войсками Красной Армии, в освобождении своих стран от фашизма. Конечно, главную тяжесть при этом несли советские воины, заплатив дорогую цену: потери за рубежами Родины только убитыми составили 967 тыс. человек⁵⁷.

Утверждение суверенитетов правительств в эмиграции и создаваемых демократических правительств во всех странах происходило в сложной военной обстановке. Присутствие частей Красной Армии на их территории создавало, вместе с тем, гарантии доведения этого процесса до конца. В конечном счете, благодаря этому стабилизирующему фактору по периметру европейских границ СССР возник пояс дружественных государств, что на десятилетия вперед обеспечивало интересы безопасности Советского Союза и многих других стран Европы.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. Секретариат В.М. Молотова, 1944. Оп. 6. П. 151. Д. 15. Л. 1. (Далее: АВП РФ).

² Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. М., 1978. С. 158.

- ³ Revue Internationale d'Histoire Militaire. Vaasa, 1985. № 62. P. 197.
- ⁴ Подробнее о мирном урегулировании с Финляндией см. документы совместного российско-финского семинара историков: Finnish-Soviet Relations, 1944–1948. University of Helsinki. 1994.
- ⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 49–51.
- ⁶ Там же. Оп. 6. П. 31. Д. 363. Л. 2.
- ⁷ Там же. Л. 5–6.
- ⁸ *Cretzianu A. The Lost Opportunity. L., 1957. P. 130.*
- ⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 31. Д. 359. Л. 45, 46.
- ¹⁰ Там же. Л. 70.
- ¹¹ Правда. 1944. 3 апр.
- ¹² Известия. 1944. 25 авг.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 25. Д. 306. Л. 9, 12, 14, 15, 18, 19, 22–24, 27, 30, 33, 36, 37.
- ¹⁴ Там же. Оп. 6. П. 49. Д. 659. Л. 7.
- ¹⁵ *Macartney C. A. October Fifteenth: A History of Modern Hungary 1929/1945. Part. II. Edinburgh, 1957. P. 352.*
- ¹⁶ *Эльведи И. Дебреценская операция и советско-венгерские переговоры о перемирии. // Воен.-ист. журн. 1973. № 9. С. 102.*
- ¹⁷ *Пушкин А.И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 434.*
- ¹⁸ История Венгрии. М., 1972. Т. 3. С. 440.
- ¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 35. Д. 422. Л. 6.
- ²⁰ Там же. П. 2. Д. 19. Л. 64.
- ²¹ Там же. Л. 76.
- ²² Там же. Д. 20. Л. 15, 16.
- ²³ Известия. 1945. 22 янв.
- ²⁴ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 2. С. 185, 186.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 63. Д. 838. Л. 191, 192.
- ²⁶ Советско-болгарские отношения, 1944–1948 гг.: Документы и материалы. М., 1976. С. 169.
- ²⁷ Известия. 1944. 1 янв.
- ²⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1974. Т. 8. С. 129–131.
- ²⁹ Образована на базе 1-й польской дивизии им. Т. Костюшко, сформированной в мае 1943 г. на территории СССР.
- ³⁰ Известия. 1944. 25 июля.
- ³¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. с. 153.
- ³² *Informator o stosunkach polska-zwiazek radziecki, 1944–1991. Warszawa, 1944. P. 8.*
- ³³ Послание Ф. Рузвельта от 19 июня 1944 г. // Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1989. Т. 1. С. 280.
- ³⁴ Там же. М., 1989. Т. 2. С. 158–159.
- ³⁵ Тегеран – Ялта – Потсдам. М., 1971. С. 191.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 48. Оп. 22. П. 308а. Д. 44. Л. 167, 168.
- ³⁷ Там же. Ф. 06. 1944. П. 39. Д. 390. Л. 1.
- ³⁸ *Broz Tito J. Sabrana djela. Београд, 1984. Т. 28. С. 230.*
- ³⁹ АВП РФ. Ф. Секретариат Молотова, 1943. Оп. 5. П. 406. Д. 34. Л. 19.
- ⁴⁰ См.: Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1960. С. 160–162. (Далее: Советско-чехословацкие отношения...).
- ⁴¹ *Гречко А.А. Через Карпаты. М., 1970. С. 26.*
- ⁴² Там же. С. 33.
- ⁴³ См.: Советско-чехословацкие отношения... С. 181–182.
- ⁴⁴ Там же. С. 190–193.
- ⁴⁵ Образован на базе 1-й чехословацкой отдельной бригады, сформированной на территории СССР.
- ⁴⁶ Советско-чехословацкие отношения... С. 187, 189, 203.
- ⁴⁷ Там же. С. 227.
- ⁴⁸ Там же. С. 245.

⁴⁹ Там же. С. 246.

⁵⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 3. С. 155, 156.

⁵¹ См.: Советско-чехословацкие отношения... С. 239.

⁵² Там же. С. 240.

⁵³ АВП РФ. Ф. Секретариат В.М. Молотова, 1944. Оп. 4. П. 344. Д. 30. Л. 19.

⁵⁴ Там же. Оп. 6. П. 346. Д. 30. Л. 12.

⁵⁵ Там же. Ф. 06, 1944. Оп. 6. П. 47. Д. 539. Л. 6.

⁵⁶ Там же. Ф. Архивно-справочная библиотека. Скандинавские страны. Оп. 22. П. 1. Д. 2. Л. 3–4.

⁵⁷ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 325.

ОТ ВИСЛЫ К ОДЕРУ

НАКАНУНЕ ПОБЕДНОГО ГОДА

Наступал 1945 г. Поражение Германии было очевидно. Кольцо вокруг нее немолимо сжималось. Красная Армия с востока, англо-американские войска с запада готовили сокрушительные удары.

От немецких оккупантов была освобождена территория СССР, за исключени-ем Курляндского полуострова. Советские войска очистили от захватчиков также значительную часть восточноевропейских государств. Линия фронта проходила в Восточной Пруссии по государственной границе Германии, затем через Польшу, Словакию и Венгрию. Успешно вела борьбу с оккупантами на своей территории Народно-освободительная армия Югославии. Во взаимодействии с Красной Арми-ей громили общего врага войска Польши, Болгарии, Румынии, Чехословакии.

На западе войска союзников вышли на границу с Германией. В Арденнах они отражали начатое немцами в середине декабря 1944 г. контрнаступление. Совмест-но с армиями США, Англии, Канады и Франции против германского вермахта сра-жались польские, новозеландская, южноафриканская дивизии, а также боевые группы итальянских войск.

Однако Германия все еще продолжала оккупировать ряд европейских госу-дарств. Из когда-то многочисленных союзников теперь на стороне вермахта оста-лись лишь армия свергнутого в Венгрии режима и жалкие остатки итальянских войск. К началу 1945 г. он располагал еще довольно значительными силами: 295 ди-визий и 30 бригад. Вместе с ними действовали 16 венгерских дивизий и бригад, 4 итальянские дивизии и бригада¹. Германские войска могли не только оборонять-ся, но и на отдельных направлениях наносить ощутимые удары, что показали де-кабрьские события в Арденнах и январские – в Венгрии.

Оставаясь еще сильным противником, Германия уже не могла выиграть войну. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе начальник главного штаба воору-женных сил Германии фельдмаршал В. Кейтель говорил: “С лета 1944 г. я понял, что военные уже сказали свое слово и не могут оказать решающего воздействия на ход войны – дело осталось за политикой”².

Стратегический план германского верховного командования на 1945 г. заклю-чался в том, чтобы упорной обороной на востоке задержать наступление Красной Армии и не допустить ее продвижения в глубь Германии. На западном фронте уда-ры вермахта должны были заставить США и Великобританию изменить свою по-литику по отношению к Германии и способствовать достижению сепаратных сде-лок. Исходя из этого германское командование и распределило свои силы. На вос-точном фронте, который по-прежнему оставался главным, находилось, включая венгерские войска, 185 дивизий и 21 бригада³. Здесь насчитывалось 3,7 млн чело-век, в то время как на западе было всего 1,9 млн⁴. Войска на востоке имели 56,2 тыс. орудий и минометов, 8,1 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,1 тыс. бое-вых самолетов⁵.

Красная Армия вместе с восточными союзниками к началу 1945 г. имела 6,7 млн человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и самоходных ар-тиллерийских установок и 14,7 тыс. боевых самолетов. Она превосходила против-ника в личном составе в 1,8 раза, в орудиях и минометах – в 1,9, танках и самоход-

Общий ход военных действий в 1945 г.

ных артиллерийских (штурмовых) орудиях – в 1,5 и боевых самолетов – в 3,6 раза⁶. Соотношение сил было не в пользу вермахта.

Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии приступила к подготовке зимней кампании еще осенью 1944 г. К концу октября в Генеральном штабе сложилась идея этой кампании: предусматривалось наступление на всем советско-германском фронте. На первом этапе предполагалось разгромить противника в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии и овладеть рубежом устье р. Висла, Бромберг (Быдгощ), Познань, Бреслау (Вроцлав), Моравско-Остра-

ва, Вена. На втором этапе намечалось взять Берлин, Прагу и, соединившись с англо-американскими союзниками, завершить разгром Германии⁷.

Основным содержанием первого этапа должны были стать Висло-Одерская и Восточно-Прусская операции. Висло-Одерскую операцию предстояло провести 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам; они наносили главный удар. Наступая на варшавско-берлинском направлении, войска этих фронтов должны были мощными рассекающими ударами на Познань и Бреслау разгромить противника в Польше и затем, вторгшись на территорию Германии, создать условия для завершения разгрома врага.

Для координации действий фронтов, которые готовились к наступлению в Польше и Восточной Пруссии, никаких представителей Ставки, как это обычно делалось раньше, не назначалось. Сталин взял такую миссию на себя, намереваясь при этом не покидать Москвы. Прежде всего он произвел перестановку командующих фронтами. Во главе 1-го Белорусского фронта был поставлен маршал Г.К. Жуков, маршал К.К. Рокоссовский перемещался на 2-й Белорусский фронт. Войсками 1-го Украинского и 3-го Белорусского фронтов продолжали командовать маршал И.С. Конев и генерал армии И.Д. Черняховский. Перемещения являлись целесообразными, хотя и вызвали некоторые недовольства. В частности, генерал армии Г.Ф. Захаров без всяких оснований был понижен в должности и назначен заместителем командующего фронтом к Жукову. Рокоссовский, когда Сталин сообщил ему о новом назначении, возмущен: “За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?”⁸. Рокоссовский с большим сожалением покидал войска, которыми командовал более двух лет. С приходом нового командующего несколько изменилось назначение 2-го Белорусского фронта, который получил такие силы, что почти не уступал войскам ни Жукова, ни Конева.

Тем временем обе стороны готовились к противоборству. Немецкое командование полагало, что зимой 1945 г. советские войска нанесут два удара: главный – через Венгрию и Чехию и второй – в Восточной Пруссии. Оно ожидало и наступления советских войск, находившихся на рубеже р. Висла, но с ограниченными целями⁹. Кроме того, командование вермахта ошибочно предполагало, что Красная Армия будет наступать не одновременно на всем советско-германском фронте, а последовательно, как и в 1944 г.¹⁰

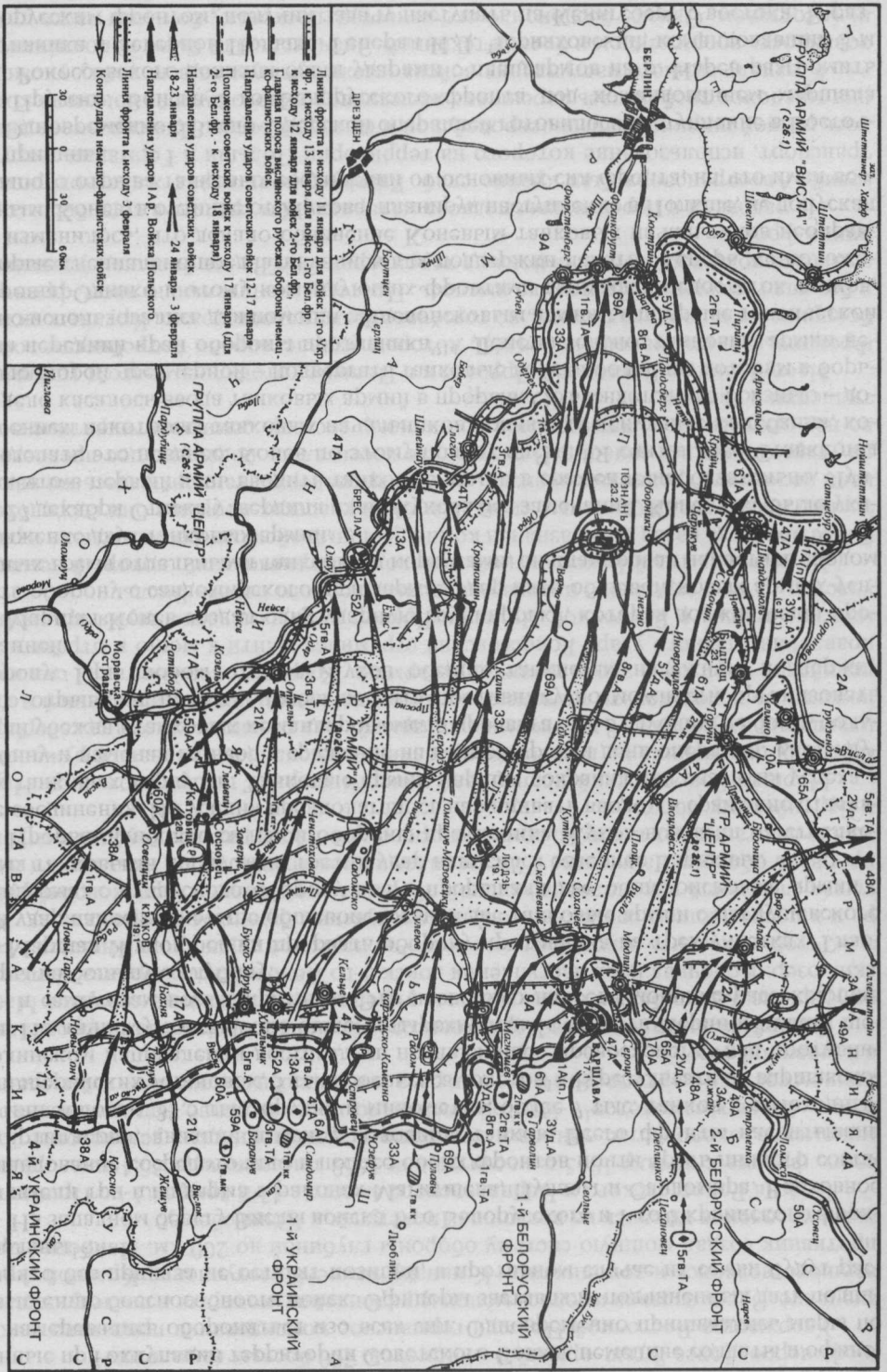
Промех германской разведки в определении вероятного направления главного удара Красной Армии привел к тому, что плотность сил и средств немцев на варшавско-берлинском направлении оказалась в полтора-два раза меньше, чем в среднем на всем восточном фронте. Слабость войск в Польше противник стремился компенсировать созданием мощной системы оборонительных позиций. К началу 1945 г. на обширном пространстве общей глубины более 500 км было построено семь рубежей обороны. Однако войсками был занят только первый, вислинский рубеж глубиной до 70 км. Для обороны остальных рубежей генерал Й. Гарпе, командовавший группой армий “А” в Польше, сил не имел. Он предполагал занимать их последовательно, чтобы ослабить и остановить советское наступление.

Гитлер придавал особое значение обороне крупных городов, подобных Варшаве, Познани, Катовице, Бреслау. Они объявлялись крепостями, гарнизоны которых возглавляли специально подобранные генералы.

Германские войска, оборонявшиеся вдоль Вислы, с большой тревогой ожидали наступления Красной Армии. Офицеры службы воспитания личного состава вермахта всеми силами стремились убедить людей в неприступности созданной в Польше обороны. Личному составу внушали, что война решается теперь на западе. На востоке же задача состоит в обороне имеющимися силами, чтобы не вынуждать командование снимать дивизии с западного фронта. Однако многие не верили в это и предполагали, что к Рождеству или Новому году наступление начнется¹¹.

Большинство личного состава группы армий “А” считало, что родную землю

Висло-Одерская наступательная операция. 12 января – 3 февраля 1945 г.

нужно защищать, упорно обороняясь в Польше. Иначе русские большевики ворвутся в Германию и уничтожат всех немцев. Опасаясь мести за зверства, совершенные при оккупации территории Советского Союза, немецкие солдаты и офицеры намеревались обороняться изо всех сил. Одновременно принимались меры по повышению боеспособности войск. Офицеры заставляли подчиненных дать подписку, что без приказа не оставят позиций, в противном случае их семьи будут расстреляны¹².

На западном берегу Вислы войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов имели три плацдарма в районах Магнушева, Пулавы и Сандомира. Верховное командование сосредоточило в полосе обоих фронтов почти треть личного состава, артиллерии, авиации и более половины танков. Всего фронты насчитывали 2,5 млн человек, 33,5 тыс. орудий и минометов, более 7 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 5 тыс. боевых самолетов¹³. В результате на варшавско-берлинском направлении достигалось подавляющее превосходство над противником. По личному составу оно было четырехкратным, по артиллерии и танкам шести- и самолетам восьмикратным. Это позволяло нанести мощные рассекающие удары на большую глубину.

Маршал Жуков решил прорвать оборону противника на трех участках. Главный удар наносили четыре общевойсковые и две танковые армии с магнушевского плацдарма; с пулавского оборону врага прорывали две общевойсковые армии с двумя танковыми корпусами; третий удар наносился севернее Варшавы.

Прорыв наиболее сильной обороны противника Жуков возлагал на стрелковые соединения. Их усилия предполагалось наращивать вводом в сражение отдельных танковых корпусов. Танковые армии маршал сохранял для развития успеха в глубину и намечал их ввод в сражение на второй-третий день операции. Командующий убеждал танковых командиров смело продвигаться в глубину, не боясь большого отрыва от пехоты, чтобы не дать противнику возможности организовать оборону. При любом отрыве Жуков обещал танкистам надежную поддержку авиацией.

Маршал Конев создал одну ударную группировку, которая должна была прорвать оборону с сандомирского плацдарма. Удар пяти общевойсковых армий, усиленных тремя отдельными танковыми корпусами, он планировал нарастить вводом в сражение двух танковых армий.

27 декабря Ставка утвердила план Жукова без замечаний. Коневу же было указано, что в первый день вводить танковые армии в сражение необязательно. Лучше сделать это позднее. Конев по этому поводу писал: «Я считал, что Ставка под давлением некоторых танковых начальников проявляла ненужные колебания, когда дело касалось ввода танковых армий в прорыв. Объясняется это боязнью – добавлю, порой чрезмерной – подвергать танковые войска большим потерям в борьбе за передний край обороны противника»¹⁴. Действительно, танковые армии нередко использовались для помощи общевойсковым армиям в прорыве тактической обороны. Однако к этому командующих фронтами вынуждал недостаток танков, которые специально предназначались для поддержки пехоты. Теперь же положение изменилось, что делало обвинение Коневым танковых начальников неоправданным. Конев, в отличие от Жукова, планируя наступление в Польше, не допускал большого отрыва танковых соединений от основных сил фронта, на что имел веские причины.

Одновременно с Висло-Одерской операцией готовилось наступление в Восточной Пруссии. Войска 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К.К. Рокоссовского должны были ударами с плацдармов на р. Нарев разгромить противника в Северной Польше. Генерал И.Д. Черняховский, командовавший 3-м Белорусским фронтом, получил задачу наступать на Кёнигсберг с востока. В разгроме противника на кёнигсбергском направлении ему способствовала 43-я армия 1-го Прибалтийского фронта генерала И.Х. Баграмяна.

В Восточной Пруссии и Северной Польше оборонялись войска группы армий “Центр” под командованием генерала Г. Рейнгардта. Группа имела 580 тыс. солдат и офицеров, более 8 тыс. орудий и минометов, 700 боевых самолетов¹⁵.

Удержанию Восточной Пруссии германское командование придавало важное значение. Здесь издавна имелись мощные укрепления, которые в последующем совершенствовались и дополнялись. К началу зимнего наступления Красной Армии противник создал мощную систему обороны глубиной до 200 км. Наиболее прочные укрепления имелись на восточных подступах к Кёнигсбергу.

Войска Рокоссовского и Черняховского вместе с 43-й армией 1-го Прибалтийского фронта к началу 1945 г. насчитывали 1669 тыс. человек, 25,4 тыс. орудий и минометов, около 4 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок и более 3 тыс. боевых самолетов¹⁶. Это обеспечивало превосходство над противником в личном составе и артиллерии в два-три раза, а в танках и самолетах – в четыре-пять с половиной раз.

Общий замысел генерала Черняховского заключался в нанесении фронтального удара на Кёнигсберг в обход мощных укреплений противника севернее Мазурских озер. Конечная цель наступления войск 3-го Белорусского фронта состояла в том, чтобы охватить основные силы восточнопрусской группировки немцев с севера и в последующем совместно со 2-м Белорусским фронтом разгромить их. Учитывая сложность преодоления мощной обороны противника, Черняховский решил прорвать оборону на участке в 24 км силами трех армий, после чего ввести в сражение два танковых корпуса, армию второго эшелона и развивать успех в глубину, к Балтийскому морю.

Маршал Рокоссовский планировал нанести удары с плацдармов на р. Нарев. Оборону противника на главном направлении намечалось прорвать с ружанского плацдарма на участке 18 км силами трех армий. Для развития успеха на север предполагалось использовать сначала отдельные танковый, механизированный и кавалерийских корпуса, а затем и танковую армию. Сосредоточением таких сил на направлении главного удара Рокоссовский стремился выйти к морю и отрезать германские войска в Восточной Пруссии. Другой удар намечался двумя армиями на участке 10 км с сероцкого плацдарма вдоль северного берега Вислы.

И многоопытный Рокоссовский, и молодой Черняховский, который немногим более полугода назад был назначен командующим войсками фронта, смело и решительно массировали основные силы. На узких участках прорыва они сосредоточивали половину стрелковых дивизий, до 90% артиллерии, танков, и здесь же наносила удары почти вся авиация. В результате достигалось подавляющее превосходство над противником: пятикратное по личному составу, семи-девятикратное по артиллерии и танкам.

Наступление в Восточной Пруссии и в Польше готовилось долго и тщательно. Фронтные тылы накопили запасы, которые удовлетворяли потребности войск в боеприпасах и продовольствии, но горючего было недостаточно. Крупных складов и баз для горючего в Польше не имелось. Поэтому значительную часть фронтового запаса пришлось оставить пока на территории СССР – на большом удалении от линии фронта.

Не радовали и перспективы подвоза материальных средств в ходе боевых действий. Автотранспорт был крайне слаб. Главную роль играл железнодорожный транспорт, использование которого на территории Польши и Германии затруднялось разной шириной западноевропейской и союзной колеи. Для сквозного движения эшелонов требовалась перешивка железнодорожного пути на союзную колею.

К началу зимнего наступления войска имели лучшую за всю войну укомплектованность вооружением и боевой техникой. Значительным было пополнение личным составом. Однако беспокоило его качество, поскольку большая часть прибывала из недавно освобожденных от оккупации и незадолго до войны присоединенных к Советскому Союзу районов Прибалтики, Молдавии, Украины и Белоруссии.

Среди новобранцев было много неграмотных, слабо знающих русский язык и даже не владеющих им. Далеко не все имели необходимую военную выучку. Их подготовка к выполнению боевых задач потребовала напряженной кропотливой работы командиров и политических органов.

На личный состав большое воздействие оказывало посещение освобожденных фашистских лагерей смерти в Майданеке и Треблинке, где были уничтожены в газовых камерах, расстреляны, повешены или умерли от непосильного труда и голода сотни тысяч узников разных национальностей. На митингах воины клялись отомстить ненавистному врагу. На танках и других машинах писались лозунги: “Вперед в фашистское логово!”, “Мщение и смерть немецким захватчикам!”, “Водрузим Знамя Победы над Берлином!”.

Наступить предстояло на территории Польши и Германии. И поляки, и немцы понимали, что Красная Армия несет им освобождение от фашизма. Однако поляков больше всего страшила отмена частной собственности, прежде всего на землю, а немцев – месть за преступления, которые творили немецкие оккупанты в Советском Союзе.

Обстановка осложнялась тем, что на польской земле Красную Армию, равно и армию Войска Польского, встречали не всегда дружелюбно. Движение Сопротивления здесь было разнородным. Армия Людова подчинялась прокоммунистическому Польскому комитету национального освобождения, преобразованному 31 декабря 1944 г. во Временное правительство Польской республики. Армия Крайова подчинялась польскому правительству, находившемуся в эмиграции в Лондоне; оно не признавало прокоммунистическое правительство. На освобожденной территории значительная часть Армии Крайовой ушла в подполье и вела борьбу против Красной Армии, Войска Польского и проводимых Временным правительством экономических преобразований. Советское командование создавало военные комендатуры, которые налаживали деятельность местного населения, и совместно с органами НКВД СССР боролось с подпольем.

Советские войска готовились перейти в наступление 8–10 января 1945 г.¹⁷ Западным союзникам планы Ставки ВГК на зимнее наступление не сообщались. 14 декабря посол США в Москве А. Гарриман, изложив Сталину намерения союзников в Европе, попросил его информировать о планах советского командования. Сталин ответил, что сможет это сделать лишь через несколько дней¹⁸. И в это время случилось непредвиденное.

16 декабря началось неожиданное контрнаступление немцев в Арденнах, в результате которого сильная группировка войск группы армий “Б”, которой командовал фельдмаршал В. Модель, прорвала слабую оборону американских войск и начала быстро продвигаться в глубь Бельгии. Застигнутые врасплох союзники терпели поражение. К месту прорыва, который превышал 100 км, Эйзенхауэр спешно подтягивал войска. Быструю помощь отходившим войскам могла оказать мощная англо-американская авиация, но ее действия сковывала нелетная погода. Создалась критическая ситуация.

Главнокомандующий войсками союзников в Западной Европе генерал Д. Эйзенхауэр и его штаб, как вспоминал Черчилль, “жаждали узнать, могут ли русские что-либо сделать со своей стороны, чтобы облегчить нажим, которому мы подверглись на Западе. Все усилия офицеров связи в Москве получить ответ у русских коллег терпели неудачу”¹⁹. Чтобы быстрее узнать советские планы, Эйзенхауэр решил послать в Москву своего заместителя главного маршала авиации А. Теддера. 24 декабря с просьбой принять его обратились к Сталину Черчилль и Рузвельт. Сталин согласился. Однако Теддера надолго задержала в Каире нелетная погода. Его встреча со Сталиным состоялась лишь 15 января.

О цели миссии Теддера американский посол Гарриман 26 декабря сказал Молотову: “Этот офицер посылается в Москву не для обсуждения частного вопроса в связи с наступлением немцев в Бельгии, а для обсуждения следующей фазы”²⁰.

Кризис в Арденнах к этому времени уже начал спадать. Установившаяся погода позволила авиации союзников нанести противнику огромный урон. Вскоре по вклинившимся на глубину до 90 км немцам последовали с севера и юга сильные контрудары англо-американских войск. 5 января Черчилль писал Сталину, что войска союзников являются хозяевами положения, а их численность и вооружение заставят противника «пожалеть о своей смелой и хорошо организованной попытке расколоть наш фронт»²¹. Перед Эйзенхауэром вновь встала проблема перехода в наступление, для чего нужно было знать советские планы.

Задержка Теддера в Каире вынудила Черчилля вновь обратиться к Сталину. 6 января британский премьер писал: «Если он (Теддер. – *Авт.*) еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января»²². Сталин немедленно ответил. Несмотря на то что Черчилль просил не о помощи, Сталин связал начало наступления Красной Армии со стремлением оказать содействие союзникам. Он сообщал, что советское командование решило «ускоренным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января»²³. Обещанный срок начала наступления Красной Армии теперь ограничивал возможности дальнейшего переноса наступления из-за неблагоприятной погоды. Его пришлось начать, так и не дождавшись ее улучшения.

НАСТУПЛЕНИЕ К ОДЕРУ

12 января 1-й Украинский фронт начал наступление, которое вошло в историю как Сандомирско-Силезская операция. Войска фронта нанесли по 4-й танковой армии немцев, которой командовал генерал Ф. Грезер, сокрушительный удар. На позиции противника обрушился артиллерийский огонь, бушевавший почти 2 часа. Каждый километр обороны немцев на участке прорыва обрабатывало более 230 орудий и минометов. Хотя густой туман и низкая облачность не позволили авиации оказать помощь войскам, наступление развивалось успешно. Ошеломленный мощным огнем и атакой, противник только во второй половине дня сумел организовать сопротивление, но его быстро сломали введенные в сражение танковые корпуса, а затем и передовые отряды танковых армий. Вследствие сложных метеоусловий 2-я воздушная армия генерала С.А. Красовского, имея более 2600 самолетов, за день совершила всего 466 самолето-вылетов²⁴.

В первый день 13, 52 и 5-я гвардейская армии, которыми командовали генералы Н.П. Пухов, К.А. Коротеев и А.С. Жадов, прорвались на глубину до 15–20 км, но задачу выполнили не полностью. Тогда маршал Конев приказал выделить часть сил для продолжения наступления и ночью, чтобы не дать противнику возможности закрепиться в глубине.

Стремясь остановить наступление ударной группировки 1-го Украинского фронта, командующий группой армий «А» генерал Гарпе ввел в сражение резервы. Две немецкие танковые дивизии нанесли контрудар. Севернее Хмельника разгорелось встречное сражение, которое длилось более двух суток.

В отражении контрудара противника решающую роль сыграли 4-я танковая армия генерала Д.Д. Лелюшенко и 13-я армия генерала Н.П. Пухова. Первой с колоннами немецких танков встретилась 61-я гвардейская танковая бригада. Утром она дерзко с ходу атаковала 17-ю танковую дивизию в тыл и разгромила ее артиллерию. Однако противник, развернувшись в боевой порядок, сам атаковал бригаду, которая была вынуждена перейти к круговой обороне. За день бригада отразила двенадцать атак превосходящих сил противника, уничтожила 35 немецких танков, но и сама потеряла 24 танка Т-34²⁵. В этих боях погиб командир бригады полков-

ник Н.Г. Жуков, но заменивший его полковник В.И. Зайцев продолжал успешно руководить боем.

Ударами по флангам и тылу противника армии Лелюшенко и Пухова окружили и разгромили 16-ю и 17-ю танковые дивизии. К исходу 15 января генерал В. Неринг, командир 24-го танкового корпуса, который наносил контрудар, собрал лишь его остатки. Пробиваясь лесами ночью, они только к концу января сумели отойти за Одер.

15 января войска правого крыла фронта овладели г. Кельце и продвигались на северо-запад. Главные силы фронта в центре преследовали отходившего противника и, вырвавшись далеко на запад, подходили к р. Пилице. Войска левого крыла фронта наступали на юго-запад к Кракову. В результате для 4-й танковой армии Грезера создалось опасное положение. Глубокий прорыв войск маршала Конева и наступление 1-го Белорусского фронта создали угрозу окружения корпуса, который оборонялся севернее сандомирского плацдарма. Грезер приказал ему срочно отходить, 6-я армия генерала В.А. Глуздовского перешла в преследование, но противнику удалось избежать окружения.

Тогда Конев направил наперерез отходившему корпусу 4-ю танковую армию Лелюшенко; она разгромила штаб корпуса и взяла в плен начальника штаба. Польские партизаны захватили командира корпуса генерала Г. Рекнагеля. Однако его дивизии все же сумели прорваться на запад.

Одновременно стремительно наступали войска центра 1-го Украинского фронта, где передовые отряды 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко с ходу форсировали Пилицу. Южнее реку форсировал 31-й танковый корпус, которым командовал генерал Г.Г. Кузнецов. Выход к последней водной преграде на пути к Германии имел для войск фронта важное значение. Развивая наступление, маршал Конев приказал генералу Рыбалко направить один корпус вдоль Пилицы на север, чтобы обеспечить отставшим армиям правого крыла преодоление реки. Остальным двум корпусам было приказано продолжать удерживать занимаемый по реке рубеж до подхода 52-й армии. Таким образом, наиболее успешно наступавшей танковой армии с 16 января отводилась пассивная роль, что, конечно же, не могло устраивать энергичного Рыбалко: он рвался дальше на запад.

Рыбалко докладывал командующему фронтом, что в городах Ченстохове и Радомско, находившихся в 30–40 км западнее Пилицы, противника нет и просил разрешения занять их. Долгожданный ответ пришел через несколько часов: продолжать наступление, используя лишь две бригады²⁶.

16 января 53-я гвардейская танковая бригада полковника В.С. Архипова вошла в Радомско без боя. 54-я гвардейская танковая бригада, которой командовал полковник И.И. Чугунков, также внезапно ворвалась в Ченстохов, но двухтысячный гарнизон немцев с танками и артиллерией при поддержке 20 самолетов остановил ее. Городом удалось овладеть лишь к утру 17 января совместно с 31-м танковым корпусом и стрелковыми дивизиями 5-й гвардейской армии.

В боях за Ченстохов отличился танковый батальон майора С.В. Хохрякова, который действовал смело и решительно: он первым вышел к городу. За личную храбрость и умелое командование подразделением при форсировании рек и овладении Ченстоховом майор Хохряков был представлен к награждению второй медалью “Золотая Звезда”. Указ об этом был подписан 10 апреля, но получить награду офицер не успел. Он погиб 17 апреля, в тот самый день, когда армия, в составе которой воевал майор, начала наступать на Берлин. Пройдя через всю войну, С.В. Хохряков не дожил до Победы всего три недели.

17 января армии левого крыла войск Конева подошли к Кракову. Итогом шести суток наступления 1-го Украинского фронта стал разгром основных сил 4-й танковой армии противника, остатки которой беспорядочно отходили к Одру. К исходу 17 января войска Конева, овладев рубежом на глубине 150 км, выполнили ближайшую задачу в два раза быстрее срока.

Еще успешнее начал Варшавско-Познанскую операцию 1-й Белорусский фронт. Утром 14 января на оборону немцев обрушился мощный артиллерийский огонь продолжительностью 25 минут. На участках прорыва огонь вели до 250 орудий на каждый километр²⁷. Передовые батальоны, выделенные для разведки боем, быстро продвигались вперед. Ожидая длительной артиллерийской подготовки, противник остался в укрытиях и сопротивления не оказал. Жуков ввел в бой главные силы. Удары с магнушевского и пулавского плацдармов были сокрушительными. 5-я ударная и 8-я гвардейская армии генералов Н.Э. Берзарина и В.И. Чуйкова прорвались на глубину 12 км, а 69-я и 33-я армии генералов В.Я. Колпакчи и В.А. Цветаева – до 20 км.

С начала атаки особенно отличился 1-й батальон 215-го гвардейского стрелкового полка, который первым в 69-й армии прорвал сильную оборону противника. Все солдаты и сержанты батальона были награждены орденами Славы, командиры взводов и рот также получили ордена, а командир батальона майор Б.Н. Емельянов и командир взвода лейтенант М.Н. Гурьев стали Героями Советского Союза. Военный совет армии присвоил отважному подразделению почетное наименование “Батальон Славы”.

Командующий немецкой 9-й армией генерал С. Люттвиц пытался контрударом задержать советское наступление с магнушевского плацдарма, но тщетно. Две отанковые дивизии, встретив сопротивление, отошли за Пилицу.

15 января Жуков ввел в сражение с магнушевского плацдарма танковую армию генерала М.Е. Каткуова, чтобы в этот же день форсировать Пилицу. К вечеру танкисты продвинулись на 40–50 км и подошли к реке. 5-я ударная армия захватила мост грузоподъемностью 60 т. Отличился 270-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника Е.А. Петрова. 8-я рота капитана И.К. Палилова под огнем противника захватила подготовленную к подрыву переправу. За стремительные и умелые действия подполковнику Петрову, капитану Палилову и сержанту А.Е. Шиндеру, группа саперов которого разминировала мост, было присвоено звание Героя Советского Союза. Успешно действовала 2-я гвардейская танковая армия генерала С.И. Богданова. Она устремилась на север и продвинулась на 50 км.

Ясное небо позволило 16-й воздушной армии генерала С.И. Руденко 16 января совершить 3431 самолето-вылет, что в десять раз больше, чем за два первых дня наступления²⁸. Это стало рекордом для армии Руденко за все январское наступление. Она безраздельно господствовала в воздухе. Противник был настолько подавлен, что, несмотря на летную погоду, сумел за день сделать только 42 вылета.

При мощной поддержке авиации увеличились темпы наступления 1-го Белорусского фронта. Прорывы, начатые с двух плацдармов, слились в общий удар на фронте более 120 км. Особенно стремительно продвигалась 2-я гвардейская танковая армия, которая к исходу 16 января прорвалась на глубину 90 км и перерезала автостраду Варшава–Берлин.

Появления советских танков западнее Варшавы противник не ожидал. Одновременно севернее столицы наступала 47-я армия генерала Ф.И. Перхоровича. В результате создалась угроза окружения Варшавы. Комендант, испугавшись, запросил разрешения на отвод войск. Начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Г. Гудериан разрешил. Гарнизон начал спешно покидать город. Узнав об этом, Гитлер пришел в ярость и приказал арестовать нескольких офицеров генерального штаба, а также расследовать деятельность самого Гудериана. Попытки Гитлера прекратить отход гарнизона из Варшавы успеха не имели.

Утром 17 января 1-я польская армия генерала С.Г. Поплавского завязала бои за город, который к середине дня был освобожден. В многострадальной Варшаве из проживавших в конце 1939 г. 1310 тыс. осталось всего 162 тыс. жителей. Один из красивейших городов Европы лежал в руинах.

Итак, войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов к исходу 17 января продвинулись на глубину 100–150 км, разгромили основные силы группы армий

“А” противника. В катастрофе, которая разразилась в Польше, Гитлер обвинил генерала Й. Гарпе. Его заменил личный друг фюрера генерал Ф. Шернер. Гитлер не простил потери Варшавы и командующему 9-й армией генералу С. Люттвицу, назначив вместо него генерала Т. Буссе. Оба опальных генерала были направлены с понижением на западный фронт. Однако смена командующих исправить положение не могла. Даже Шернер, о способностях которого ходила слава, за что Гитлер осыпал генерала наградами, ничего существенного предпринять не мог. Стратегический фронт обороны вермахта на варшавско-берлинском направлении был прорван.

17 января советское верховное командование уточнило задачи. 1-му Белорусскому было приказано не позднее 2–4 февраля овладеть рубежом Бромберг, Познань, а главные силы 1-го Украинского фронта должны были не позднее 30 января выйти на Одер и захватить плацдармы на его западном берегу. Левым крылом войска Конева должны были 20–22 января овладеть Краковом и, обходя Домбровский угольный бассейн, также наступать к Одери²⁹.

Маршал Конев решил продолжать наступление на Бреслау пятью общевойсковыми и двумя танковыми армиями, чтобы не дать возможности отходившему противнику закрепиться на укрепленных вдоль восточной границы Германии позициях и с ходу форсировать Одер. Для овладения Краковом и Силезским промышленным районом он выделил три общевойсковые армии³⁰. Наступая с темпом 25–30 км в сутки, танковые армии должны были к исходу 25 января овладеть районами на подступах к Одери.

Между тем 21 января сопротивление противника стало нарастать. Германское командование перебросило на восток пять пехотных дивизий, в том числе две ранее действовавшие против англо-американских войск. Гитлер оставил идею продолжения наступления на западе. Он приказал перейти там к обороне. Прибывающие резервы генерал Шернер использовал в первую очередь для прикрытия Силезии.

Возросшее сопротивление в полосе 1-го Украинского фронта первой ощутила 5-я гвардейская армия. В создавшейся ситуации маршал Конев повернул танковую армию Рыбалко на юг для удара в тыл противнику. Внезапное появление его танкистов ошеломило немцев. Они в панике бросились отходить за Одер. В последующие три дня к реке вышла главная ударная группировка войск фронта. Противник яростно сопротивлялся. За удержание и расширение плацдармов развернулись ожесточенные бои; они продолжались и в начале февраля.

Успешно шло наступление на Краков. Обходным маневром 59-я и 60-я армии стремительно овладели древним городом. Только поэтому Краков, подготовленный гитлеровцами к разрушению, остался целым, за что жители горячо благодарили освободителей.

Овладение Краковом открыло советским войскам путь в Силезию, на подступах к которой противник сосредоточил до двенадцати пехотных и танковых дивизий³¹. Перед армиями левого крыла 1-го Украинского фронта находились крупные города Силезского промышленного района; они тянулись на десятки километров, сливаясь друг с другом. Маршал Конев имел указание не допустить больших разрушений силезских шахт и заводов. В этих условиях разгром противника был трудной задачей.

Конев приказал 21-й армии генерала А.Н. Гусева вместе с 59-й армией обойти Силезский район с севера, а 60-й армии генерала П.А. Курочкина – с юга. 27 января танковая армия Рыбалко перерезала противнику пути отхода на запад. Дальнейшее продвижение привело бы к полному окружению силезской группировки, однако Ставка рекомендовала Коневу не препятствовать отходу противника из промышленного района, дабы избежать больших жертв и разрушений. Немцы отошли через оставленный коридор. 28 января советские войска овладели центром Верхней Силезии Катовице, а 1 февраля вышли к Одери. Поставленная фронту задача была выполнена в срок.

Успешно наступал и 1-й Белорусский фронт. Маршал Жуков считал, что противник разбит и оказать сопротивление в ближайшие дни не способен. Для максимального использования достигнутого успеха требовалось ускорить продвижение. Танковые армии и корпуса получили задачи, обходя узлы сопротивления немцев, наступать с темпом 70–100 км в сутки³². Общеармейские армии должны были преследовать противника, продвигаясь по 20–25 км в день.

19 января 1-я и 2-я гвардейские танковые армии овладели рубежом Коваль, Коло и далее по р. Варта. Противник не сумел организовать оборону. Жуков неумолимо добивался более решительного преследования врага. Он требовал от Катюкова и Богданова, чтобы их армии уже через два дня вышли на линию Накло, Вонгровец, Познань. Танкистам предстояло преодолеть 150 км. «Для этого, – разъяснял командующий задачу Богданову и Катюкову, – обстановка требует стремительного движения вперед»³³.

Танковая армия Богданова выполнила свою задачу. Ее главные силы 22 января овладели указанным рубежом, а передовые отряды продвинулись на 60 км дальше и, форсировав пограничную р. Нетце, захватили немецкий г. Дейч-Уш. Танковая армия Катюкова подошла к Познани, но с ходу овладеть городом ей не удалось.

Основные силы 16-й воздушной армии поддерживали наступление танковых войск. Однако действия авиации после 20 января опять были ограничены плохой погодой.

Стрелковые дивизии, стремясь использовать успех танковых соединений, увеличили темпы преследования противника. В отдельные дни они продвигались до 45 км. Это было пределом форсированного марша пехоты. Подвижные передовые отряды общеармейских армий, опережая отходящего противника, оставляли его для уничтожения главным силам. От быстрого продвижения войска растянулись, армейские тылы отстали. Все это затрудняло управление и материальное обеспечение. Командующий фронтом вынужден был на 5–8 км сократить дневные переходы пехоты, но она все же преодолела вартовский оборонительный рубеж в ранее установленный срок – к исходу 22 января³⁴.

В тот же день Жуков поставил танковым армиям новые задачи. Сообщая о наличии на границе Германии мощных железобетонных оборонительных сооружений, он нацеливал войска уже на Берлин. В телеграмме Богданову и Катюкову маршал убеждал: «Упреждение противника в занятии этих позиций обеспечит успешное и быстрое проведение Берлинской операции. Если резервы противника успеют занять указанные мною позиции, Берлинская операция может затянуться»³⁵.

Однако дальнейшие действия сковывались из-за трудностей с подвозом горючего. Его основные запасы оставались на восточном берегу Вислы, от которого войска ушли более чем на 300 км. Железнодорожные мосты через реку отсутствовали. Первый из них был наведен лишь в конце января. Автотранспорту приходилось подвозить грузы на 300–400 км и более. Дизельного топлива для танков и особенно бензина для автомашин не хватало. 22 января из-за отсутствия горючего остановились в районе Шубина основные силы 2-й гвардейской танковой армии.

Два дня простояла у Познани 1-я гвардейская танковая армия. Однако причиной были не только перебои в снабжении горючим, но и бесплодные попытки Катюкова взять этот крупный административный центр. Возмущенный такими действиями, Жуков приказал «для блокирования Познани оставить часть пехоты, главными силами обойти город и двигаться вперед»³⁶.

25 января танковая армия Катюкова обошла Познань и устремилась к германской границе. Разгром противника в Познани был завершен стрелковыми дивизиями только 23 февраля. 25 января войска 1-го Белорусского фронта овладели рубежом Бромберг, Познань, выполнив поставленную задачу на неделю раньше срока.

Жуков рвался к Берлину. Он планировал к 30 января преодолеть укрепленные районы на восточной границе Германии, а затем, подтянув тылы и пополнив запасы, продолжить наступление, чтобы с ходу форсировать Одер и стремительно на-

ступать к германской столице³⁷. Поколебавшись, Сталин 27 января утвердил решение Жукова. Ставку смущал большой разрыв, который образовался между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами и с выходом войск Жукова на Одер увеличивался до 150 км. Разрешая дальнейшее наступление, Ставка предупреждала командующего 1-м Белорусским фронтом о необходимости обеспечить правое крыло от возможных контрударов противника с севера³⁸.

Угроза выхода Красной Армии к Берлину всполошила германское командование. Начальник генерального штаба Гудериан предложил Риббентропу искать возможности заключения перемирия с западными державами. Генерал уговаривал министра иностранных дел склонить Гитлера к переговорам с ними. Министр отказался. На него не подействовали даже угрозы о возможном появлении русских войск через три-четыре недели под Берлином. От этого сообщения Риббентроп «потерял присутствие духа»³⁹, но к Гитлеру пойти все же не посмел.

При вступлении советских войск на территорию Германии местное население уходило на запад. Запуганные гитлеровской пропагандой, твердившей, что русские войска никого не оставят в живых, немцы бросали имущество и в панике бежали. Не успевшие уйти прятались.

Страх населения подогревали увеличившиеся случаи мародерства и насилия со стороны некоторых советских воинов. Это в немалой степени вызывалось не только накопившейся у них ненавистью к немецким оккупантам, но и неумелой работой политических органов, которые с вступлением на территорию врага не сумели перестроиться. В 8-й гвардейской армии, например, установили щиты с надписью: «Трепещи, гитлеровская Германия, суд идет!»⁴⁰. В 69-й армии многие солдаты, сержанты и даже офицеры, у которых немецкие оккупанты замучили родных и близких, считали, что с немцами в Германии нужно поступать так же, как они обращались с советскими людьми на территории СССР⁴¹.

Развивая наступление к Одере, войска 1-го Белорусского фронта быстро преодолели мощные укрепления в приграничной полосе Германии. Успешнее других решила эту задачу танковая армия генерала Богданова. Противник считал, что она продолжит наступление на север, но командующий фронтом приказал Богданову повернуть на запад и захватить севернее Кюстрина плацдарм на Одере⁴². Танкисты с ходу преодолели Померанский укрепленный район, а 31 января вышли к Одере и овладели плацдармом. Совместно с ними к реке подошла и 5-я ударная армия.

Южнее 1-я гвардейская танковая армия вела упорные бои по прорыву Мезеритцкого укрепленного района. В ночь на 30 января ее передовая 44-я гвардейская танковая бригада, преодолев еще не занятые противником мощные сооружения, устремилась к Одере. Через два дня ей удалось захватить плацдарм южнее Кюстрина. За дерзкий рейд в глубоком тылу вражеской обороны весь личный состав бригады был награжден правительственными наградами, а 11 воинов стали Героями Советского Союза. Сам командир бригады полковник И.И. Гусаковский был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Однако главные силы 1-й гвардейской танковой армии не сумели использовать успех передового отряда. Противник занял оборону и остановил их.

Ориентируя командующих армиями, военный совет 1-го Белорусского фронта сообщал: «Задачи войск фронта – в ближайшие 6 дней активными действиями закрепить достигнутый успех, подтянуть все отставшее, пополнить запасы до 2 заправок горючего, до 2 боекомплектов и стремительным броском 15–16 февраля взять Берлин»⁴³.

Обстановка на берлинском направлении менялась быстро. Германское командование, стремясь остановить наступление войск Жукова, 26 января образовало в Восточной Померании новую группу армий «Висла» во главе с рейхсфюрером СС Гиммлером. Министр внутренних дел Германии ни военными знаниями, ни талантом полководца не обладал, но мог, по мнению Гитлера, скорее всех пополнить потрепанную войска. Расчет оправдался, и Гиммлер быстро создавал в Померании

сильную группировку. Используя разрыв между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами, который увеличился до 200 км, рейхсфюрер готовил контрудар с севера – в тыл вышедшим к Одеру войскам Жукова.

Разведка 1-го Белорусского фронта своевременно вскрыла сосредоточение войск Гимmlера, а Жуков принял меры, чтобы отразить возможный удар. Он повернул на север три армии первого эшелона. Сюда же выдвигалась находившаяся во втором эшелоне 3-я ударная армия. Дальнейшее усиление угрозы с севера вынудило направить туда обе танковые армии. Сил, необходимых для продолжения наступления на Берлин, до которого было всего 60 км, не осталось. Ставка приказала 1-му Белорусскому фронту перейти к обороне⁴⁴.

В начале февраля оставшиеся на Одере четыре армии 1-го Белорусского фронта, ослабленные в предыдущих боях, вели ожесточенные бои по расширению захваченных в районе Кюстрина плацдармов. Они уничтожали группы противника, которые продолжали еще отходить за Одер. К исходу 3 февраля 100-километровая полоса правого берега реки была очищена от немцев, за исключением небольших районов Кюстрина и Франкфурта.

3 февраля Висло-Одерская операция завершилась. За 23 дня войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов продвинулись на глубину более 500 км. Они освободили западную часть Польши, вторглись в Германию и вплотную подошли к ее столице. В ходе наступления Красная Армия разгромила полностью 35 германских дивизий, а еще 25 дивизий потеряли половину и более сил и средств. Советские войска взяли в плен 147,4 тыс. немецких солдат и офицеров, захватили около 14 тыс. орудий и минометов, 1,4 тыс. танков и штурмовых орудий и другие трофеи⁴⁵. Для восстановления прорванного в Польше стратегического фронта обороны на востоке германское командование только в январе перебросило сюда 29 дивизий и 4 бригады⁴⁶. “В первые дни февраля, – считал Гудериан, – наше положение как на восточном, так и на западном фронтах стало роковым”⁴⁷.

За успешное выполнение боевых задач при наступлении от Вислы до Одера 1192 соединения и части 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов были награждены орденами, многим частям и соединениям присвоены почетные наименования в честь городов, при овладении которыми они отличились. Двадцать пять раз Москва салютовала в честь побед, одержанных войсками двух фронтов. В отдельные дни четыре-пять артиллерийских салютов до позднего вечера озаряли московское небо, так быстро наступали войска. Никогда столица не салютовала так часто, как в январе 1945 г.

Победы Красной Армии радовали советских людей. Успехи признавались и за рубежом. Черчилль 27 января писал Сталину: “Мы очарованы Вашими славными победами над общим врагом и мощными силами, которые Вы выставили против него”⁴⁸. Генерал вермахта Ф. Меллентин ужасался даже после войны: “Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи”⁴⁹.

Успешное наступление в Висло-Одерской операции было осуществлено с относительно небольшими потерями. 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты, считывая вместе с польскими войсками более двух миллионов человек, потеряли убитыми и пропавшими без вести 43,5 тыс. солдат и офицеров и ранеными около 151 тыс. человек⁵⁰. Фронты лишились 374 орудий и минометов и 343 боевых самолетов. Однако урон танковых войск, на которых лежала основная тяжесть борьбы с противником, был значительным. Они потеряли 1267 танков и самоходных артиллерийских установок⁵¹, что составляло почти пятую часть их численности к началу наступления.

В Висло-Одерской операции особенно больших успехов добился 1-й Белорусский фронт, войска которого вырвались вперед. Успехи войск Жукова могли быть значительнее при лучшей поддержке их действий соседями. Отставание 1-го Украинского фронта хотя и создавало угрозу левому крылу 1-го Белорусского фронта,

но было незначительным. Основную роль в прекращении наступления на Берлин сыграла потеря взаимодействия со 2-м Белорусским фронтом. Генеральный штаб Красной Армии и Сталин, взявший в 1945 г. координацию действий фронтов на главном направлении в свои руки, не сумели должным образом согласовать усилия войск. На восстановление нарушенного взаимодействия и создание условий для продолжения наступления на Берлин потребовалось почти два месяца.

НА ФЛАНГАХ БЕРЛИНСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Для разгрома противника в Восточной Пруссии первым перешел в наступление 3-й Белорусский фронт, который проводил Инстербургско-Кёнигсбергскую операцию. Немцы ждали удара. Их артиллерия вела методический огонь по боевым порядкам пехоты, готовившейся к атаке. 13 января войска фронта приступили к операции. Убедившись, что наступление началось, противник на рассвете провел мощную артиллерийскую контрподготовку. Сосредоточенный по ударной группировке войск Черняховского огонь свидетельствовал, что немцы вскрыли направление главного удара фронта и изготовились к его отражению. Ответным огнем артиллерии и поднятыми в воздух ночными бомбардировщиками их батареи были подавлены, но внезапно достичь не удалось.

После двухчасовой артиллерийской подготовки пехота и танки атаковали противника. К концу дня 39-я и 5-я армии генералов И.И. Людникова и Н.И. Крылова вклинились в оборону всего лишь на 2–3 км. Успешнее наступала 28-я армия генерала А.А. Лучинского, но и она, продвинувшись на 5–7 км, прорвать оборону не сумела. Сплошной туман не позволил применить авиацию. Танки продвигались на ощупь и несли большие потери. Задачи первого дня никто не выполнил.

Черняховский приказал приблизить наблюдательные пункты артиллерии к атакующей пехоте, усилить стрелковые роты орудиями для стрельбы прямой наводкой, улучшить взаимодействие пехоты с танками. Принимал меры и противник. Командующий 3-й танковой армией генерал Э. Раус спешно стягивал к участку прорыва советских войск все, что мог.

С утра 14 января немцы начали контратаки; они следовали одна за другой. Несмотря на ввод 2-го гвардейского танкового корпуса, ударная группировка продвигалась медленно. Рубежом, который намечалось захватить в первый день, удалось овладеть только на четвертые сутки. Наиболее сильная оборона осталась позади.

Прорыв советских войск вынудил командующего группой армий “Центр” генерала Г. Рейнгардта отвести войска из междуречья Немана и Инстера. Установив отход, армия Людникова перешла в преследование и быстро продвигалась вперед. В то же время армии Крылова и Лучинского, 2-я гвардейская армия Чанчибадзе продвигались медленно.

Черняховский решил использовать успех армии Людникова и перенес основные усилия на правый фланг, где утром 18 января 1-й танковый корпус генерала В.В. Буткова вступил в бой. Погода прояснилась, что позволило авиации поддерживать войска. Вместе с советскими летчиками действовал французский истребительный авиационный полк “Нормандия-Неман”. Группа этого полка из четырех самолетов, которой командовал младший лейтенант Ж. Андрэ, смело вступила в бой с 20 бомбардировщиками немцев. Она сбила четыре и подбила два самолета врага. Его бомбовый удар был сорван⁵². Корпус Буткова наступал быстро и с ходу форсировал р. Инстер, где противник пытался остановить советское наступление. Используя стремительные действия танкистов, стрелковые дивизии армии Людникова только в течение дня продвинулись на 20 км.

За шесть дней ударная группировка 3-го Белорусского фронта на участке 60 км прорвалась на глубину 45 км. И хотя темпы продвижения были в два раза медлен-

нее планируемых, войска нанесли 3-й танковой армии немцев тяжелые потери и создали условия для продолжения наступления на Кёнигсберг.

Из-за плохой погоды командующий 2-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовский дважды переносил начало наступления⁵³, но вынужден был начать его 14 января. Первые два дня Млавско-Эльбинской операции, которую проводил фронт, дела шли плохо: ударные группировки, наступавшие с ружанского и сероцкого плацдармов, продвинулись всего на 7–8 км. Густой туман и начавшийся снегопад не позволяли применить авиацию и резко снижали эффективность артиллерийского огня. 15 января Рокоссовский ввел в сражение два отдельных танковых корпуса, но сломить возраставшее сопротивление противника не смог. Перелома удалось достичь лишь на следующий день, когда улучшилась погода. 4-я воздушная армия генерала К.А. Вершинина совершила более 2,5 тыс. самолето-вылетов⁵⁴. При авиационной поддержке войска прорвали занятую противником оборону. Его ближайшие резервы были разгромлены.

Удары с обоих плацдармов объединились в общий прорыв на участке 60 км. Продвинувшись за три дня на 30 км, ударные группировки фронта создали условия для быстрого развития успеха в глубину. 17 января в прорыв была введена 5-я гвардейская танковая армия генерала В.Т. Вольского. Преследуя противника, она быстро продвигалась на север и 18 января блокировала Млавский укрепленный район.

Увеличились темпы продвижения и остальных войск фронта. Танкисты генерала Вольского, обходя укрепления немцев, продолжали свой путь к морю. Наступавшие с сероцкого плацдарма 65-я и 70-я армии под командованием генералов П.И. Батова и В.С. Попова устремились вдоль северного берега Вислы на запад и овладели крепостью Модлин.

Войска Рокоссовского на шестой день взяли рубеж, на который планировалось выйти на 10–11 день⁵⁵. 21 января Ставка уточнила задачу 2-му Белорусскому фронту. Он должен был продолжать наступление главными силами на север, а частью сил на запад, чтобы 2–4 февраля овладеть рубежом Эльбинг, Мариенбург, Торунь⁵⁶. В результате войска выходили к морю и отрезали противника в Восточной Пруссии от Центральной Германии.

Прорыв 3-го Белорусского фронта к Кёнигсбергу и наступление 2-го Белорусского фронта к морю создали угрозу окружения 4-й армии. Гитлер разрешил генералу Ф. Госбаху отвести армию на укрепленный рубеж вдоль Мазурских озер.

Обнаружив отход противника, оборонявшиеся здесь войска обоих фронтов перешли к преследованию. Однако армия генерала И.В. Болдина начала его с большим опозданием. Как писал Рокоссовский, “только через два дня разведка боем показала, что перед армией – пустое место”⁵⁷. Опытный генерал, четыре года командовавший 50-й армией, пройдя с ней боевой путь от Тулы до Восточной Пруссии, был отстранен от должности. Новый командующий генерал Ф.П. Озеров приказал форсированным маршем догонять оторвавшегося противника.

Для гаулейтера Восточной Пруссии Э. Коха наступление Красной Армии оказалось неожиданным. Надеясь на непреодолимость созданной обороны, он не готовил эвакуацию и местному населению ее категорически запретил. Последовавший теперь приказ об эвакуации застал жителей врасплох. На подготовку остались считанные часы. Запуганное население в страхе устремилось кто на запад – за Вислу, кто на север – к морским портам. Железные дороги оказались сразу перегруженными беженцами. Толпы людей с тележками загрохотали дороги, мешая маневру войск. Нежелавшие уходить жители прятались по лесам как от советских войск, так и от германских властей.

Войска 2-го Белорусского фронта преследовали противника. Вечером 23 января передовой отряд 5-й гвардейской танковой армии ворвался в г. Эльбинг. Ошеломленный внезапным появлением советских танков, гарнизон не успел изготовиться к бою. Отряд проскочил город и быстро достиг залива Фриш-Гаф. Противник

быстро организовал оборону Эльбинга и задержал продвижение 29-го танкового корпуса. Обойдя город, соединения танковой армии вместе с 42-м стрелковым корпусом вышли к морю. Коммуникации противника были перерезаны. 2-я армия немцев под командованием генерала В. Вейса была отброшена на запад, за Вислу. 4-я армия оказалась также в катастрофическом положении. Генерал Госбах на свой страх и риск решил не задерживаться на Мазурских озерах, а пробиваться дальше на запад, чтобы соединиться с Вейсом. Гитлер, взбешенный самовольным отходом, снял с должности командующего группой армий Рейнгардта, а затем и Госбаха. Сменившие их генералы Л. Рендулич и Ф.-В. Мюллер пытались исправить положение, но было слишком поздно.

Продолжая Инстенбургско-Кёнигсбергскую операцию, войска 3-го Белорусского фронта с 19 по 26 января прорвались к внешнему оборонительному обводу Кёнигсберга. Южнее они с ходу преодолели рубеж Мазурских озер. Обходя Кёнигсберг с севера, 39-я армия вышла к морю западнее города. 43-я армия генерала А.П. Белобородова, 11-я гвардейская армия генерала К.Н. Галицкого прорвались к заливу Фриш-Гаф южнее Кёнигсберга. Прижатая к морю 2-м и 3-м Белорусскими фронтами, группа армий “Центр”, переименованная с 26 января в группу армий “Север”, была рассечена войсками Черняховского на три неравные части: четыре дивизии противника оказались в Земландии, около пяти – в Кёнигсберге и до двадцати дивизий – в районе Хейльсберга юго-западнее Кёнигсберга.

Рендулич стремился во что бы то ни стало ликвидировать прорыв 2-го Белорусского фронта к Балтийскому морю и восстановить сухопутные коммуникации Восточной Пруссии с Центральной Германией. Он развернул от залива Фришес-Хафф до Вормдита восемь дивизий, которые в ночь на 27 января нанесли по войскам Рокоссовского сильный удар с востока. Стрелковые дивизии 48-й армии, растянувшись на фронте 90 км, отразить атаки не сумели. Противник продвинулся до 20 км. Навстречу прорвалась с запада 7-я танковая дивизия СС. Успеху противника способствовала нелетная погода.

Прорыв немцев заставил Рокоссовского принять решительные меры. Маршал усилил оказавшуюся в тяжелом положении 48-ю армию танковым и стрелковым корпусами, пятью противотанковыми артиллерийскими бригадами. Против контрударной группировки немцев были срочно повернуты остатки танковой армии, механизированный и кавалерийский корпуса.

Прорвавшийся противник 30 января был остановлен. Большая роль в этом принадлежала 50-й и 3-й армиям; наступая в северо-западном направлении, они создали угрозу тылу контрударной группировки противника. В последующем она была отброшена в исходное положение.

8 февраля маршал Рокоссовский получил задачу повернуть на запад, разгромить противника в Померании и выйти к Одере. 3-й Белорусский фронт должен был нанести удар по хейльсбергской группировке, а 1-й Прибалтийский фронт под командованием И.Х. Баграмяна – по противнику в Земландии и Кёнигсберге⁵⁸.

В результате Хейльсбергской операции 3-го Белорусского фронта, которая отличалась крайне ожесточенным характером, противник был уничтожен южнее Кёнигсберга. Ослабленные тяжелыми боями, войска фронта 11 февраля возобновили наступление, которое шло медленно. За сутки удавалось продвинуться не более чем на 2 км. Стремясь переломить ход операции, командующий фронтом почти непрерывно находился в войсках. По пути из 5-й в 3-ю армию 18 февраля он был смертельно ранен осколком шального артиллерийского снаряда. Дважды Герой Советского Союза генерал армии И.Д. Черняховский скончался. Красная Армия потеряла одного из талантливейших военачальников, которому шел 39-й год. Командовать фронтом Ставка назначила маршала А.М. Василевского.

1-й Прибалтийский фронт готовился перейти в наступление 20 февраля, имея задачу в течение недели очистить от немцев Земландский полуостров⁵⁹. Однако на

день раньше они сами нанесли удар, в результате которого восстановили сухопутную связь Земландии с Кёнигсбергом и сорвали наступление.

Армии 3-го Белорусского фронта продолжали медленно теснить противника к морю. К 21 февраля они сжали хейльсбергскую группировку на площади 50 км по фронту и 15–25 км в глубину, где оборонялось до 110 тыс. солдат и офицеров. Им противостояло около 170 тыс. человек 3-го Белорусского фронта⁶⁰. Немцы продолжали яростно сопротивляться.

24 февраля 1-й Прибалтийский фронт, передав войска 3-му Белорусскому фронту, был упразднен. Вступив в командование фронтом, Василевский приказал прекратить напрасные атаки, до 10 марта пополнить запасы и тщательно подготовить завершающие удары. Учитывая ограниченные силы, маршал решил уничтожить окруженные группировки последовательно, начиная с самой сильной – хейльсбергской.

Создав необходимое превосходство, войска возобновили наступление 13 марта. Туманы и низкая облачность по-прежнему ограничивали применение артиллерии и авиации. К этим трудностям прибавилась весенняя распутица и половодье. Несмотря на сложные условия и упорное сопротивление немцев, советские войска 26 марта вышли к заливу Фриш-Гаф. Германское командование заранее начало спешную эвакуацию войск на Земландский полуостров. Из 150 тыс. немецких солдат и офицеров, которые оборонялись юго-западнее Кёнигсберга, 93 тыс. было уничтожено, а 46 тыс. взято в плен⁶¹. 29 марта остатки хейльсбергской группировки прекратили борьбу. После завершения Хейльсбергской операции у 3-го Белорусского фронта освободилось шесть армий: три из них были направлены на Кёнигсберг, остальные выводились в резерв Ставки, начав перегруппировку на берлинское направление.

При уничтожении прижатого к морю противника активно действовал Балтийский флот под командованием адмирала В.Ф. Трибуца. Флот наносил удары по врагу авиацией, подводными и легкими надводными силами. Они нарушали морские коммуникации немцев. Только за февраль и март флот уничтожил 32 транспорта и 7 боевых кораблей⁶².

Выдающегося успеха добилась подводная лодка “С-13” под командованием капитана 3-го ранга А.И. Маринеско. 30 января она потопила германский лайнер “Вильгельм Густлов” водоизмещением 25,5 тыс. т, на борту которого эвакуировалось более 5 тыс. человек, в том числе 1,3 тыс. моряков-подводников⁶³. Разгневанный Гитлер объявил командира подводной лодки своим личным врагом. 9 февраля подводная лодка Маринеско добилась еще одного успеха, потопив германский пароход водоизмещением 14,7 тыс. т. Ни один советский подводник не добивался таких блестящих результатов за один поход. Всего же за войну Маринеско потопил четыре корабля противника. За боевые заслуги лодка “С-13” была награждена орденом Красного Знамени. Однако сам командир, попавший в немилость начальства, получил заслуженное звание Героя Советского Союза только после многочисленных ходатайств флотской общественности в 1990 г., спустя 27 лет после своей кончины.

Несмотря на отдельные успехи, Балтийский фронт не сумел блокировать с моря войска противника в Восточной Пруссии. Для решения такой задачи у адмирала Трибуца не было сил. Имея превосходство в судах, немцы без особого противодействия продолжали снабжать и перебрасывать морским путем свои войска, что затрудняло их разгром.

Подготовка к штурму Кёнигсберга началась при уничтожении хейльсбергской группировки. Еще в первой половине марта Василевский направил две армии в районы севернее города. Усилив оборонявшиеся там войска, командующий к концу марта создал две ударные группировки. С севера к штурму Кёнигсберга готовились армии генералов И.И. Людникова, А.П. Белобородова и Ф.П. Озерова. Навстречу им наносила удар 11-я гвардейская армия, которой командовал генерал К.Н. Галиц-

кий. Войска поддерживали три воздушные армии, авиация Балтийского флота, а также по одному авиационному корпусу воздушных армий Ленинградского и 3-го Белорусского фронтов. Такими крупными силами, которые насчитывали 2,4 тыс. боевых самолетов⁶⁴, руководил командующий ВВС Красной Армии Главный маршал авиации А.А. Новиков.

Войска наносили удары на узких участках, на каждый километр которых приходилось до 260 орудий и минометов. При этом до половины артиллерии составляли тяжелые орудия, предназначенные для разрушения долговременных оборонительных сооружений. Выполнение этой задачи началось 2 апреля и продолжалось три дня. Применить авиацию из-за нелетной погоды не удалось. Только вездесущие “кукурузники” По-2 ночами держали противника в напряжении.

6 апреля 3-й Белорусский фронт начал Кёнигсбергскую операцию. После мощной артиллерийской подготовки пехота и танки атаковали позиции немцев. Из-за плохой погоды авиация за день совершила всего 274 вылета⁶⁵. Преодолев упорное сопротивление противника, войска продвинулись на 2–4 км и к исходу дня вышли на окраины города. Решающими стали последующие два дня, когда установилась летная погода. 516 тяжелых бомбардировщиков 18-й воздушной армии, которой командовал Главный маршал авиации А.Е. Голованов, только вечером 7 апреля в течение 45 минут обрушили на крепость 3742 крупнокалиберные бомбы⁶⁶. В массированных ударах участвовали и другие воздушные армии, а также авиация флота. 8 апреля наступавшие с севера и юга войска разрезали противника на две части.

В эти дни отличился личный состав батареи ИСУ-152, которой командовал старший лейтенант А.А. Космодемьянский. 8 апреля батарея поддерживала подразделения 319-й стрелковой дивизии, штурмовавшие один из фортов крепости. Дав залп по толстым кирпичным стенам форта, самоходные установки проломили их и с ходу ворвались внутрь укрепления. Гарнизон форта в количестве 350 человек капитулировал. Было захвачено 9 танков, 200 автомашин и склад с горючим⁶⁷. Командира батареи представили к званию Героя Советского Союза, которое было присвоено уже посмертно. Брат знаменитой партизанки Зои, повешенной немцами в Подмоскowie, погиб 13 апреля во время боев на Земландском полуострове.

Командант крепости Кёнигсберг генерал О. Лаш, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, попросил командующего 4-й армией генерала Мюллера разрешить прорыв оставшихся сил на Земландский полуостров, но получил отказ. Мюллер пытался ударом с полуострова на запад помочь гарнизону Кёнигсберга, но советская авиация сорвала атаки. К вечеру остатки гарнизона были зажаты в центре города и утром оказались под сокрушительным огнем артиллерии. Солдаты стали сдаваться в плен тысячами. 9 апреля Лаш приказал всем сложить оружие. Гитлер расценил такое решение преждевременным и приговорил генерала к смертной казни через повешение. Доклады офицеров, засвидетельствовавших мужественное поведение генерала, не повлияли на решение диктатора.

9 апреля гарнизон Кёнигсберга капитулировал. Сдался и сам Лаш, что спасло генерала от несправедливого приговора Гитлера. Вместе с Лашем в плену оказались 93 853 солдата и офицера. Около 42 тыс. немецких военнослужащих гарнизона крепости погибли⁶⁸. Генерал Лаш на первом же допросе сказал: “Никак нельзя было раньше предполагать, что такая крепость, как Кёнигсберг, так быстро падет”⁶⁹. Генерал Мюллер был смещен с должности командующего армией, а гаулейтер Восточной Пруссии Кох, требовавший от войск на Земландском полуострове сражаться до последнего, бежал на корабле в Данию.

Завершение штурма цитадели германского милитаризма Москва отметила салютом высшей категории – 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Была учреждена медаль “За взятие Кёнигсберга”, что обычно делалось только по случаю овладения столицами государств. Медаль получили все участники штурма.

Потеряв Кёнигсберг, германское командование продолжало удерживать Земландский полуостров, где нашли последнее убежище остатки восточнопрусской группировки. Они насчитывали 65 тыс. солдат и офицеров, 1,2 тыс. орудий и минометов и 166 танков и штурмовых орудий⁷⁰. Для разгрома противника Василевский сосредоточил на участке протяженностью около 40 км все пять оставшихся в его распоряжении армий, которые насчитывали теперь всего 111,5 тыс. человек. Советские войска превосходили противника в людях и танках вдвое, а артиллерии – втрое.

Главный удар в Земландской операции наносили 39-я и 5-я армии; они действовали в полосе 15 км. На флангах наступали вдоль северного и южного побережья полуострова еще две армии, и одна находилась во втором эшелоне.

Стремясь избежать напрасного кровопролития в потерявших всякий смысл боях, Василевский за два дня до перехода в наступление обратился к германским войскам, зажатым на полуострове, с предложением сдаться. Ответа не последовало.

В ночь на 13 апреля бомбардировщики 1-й и 3-й воздушных армий, которыми командовали генералы Т.Т. Хрюкин и Н.Ф. Папивин, нанесли по боевым порядкам врага массированные удары. Утром при поддержке артиллерии и авиации войска атаковали укрепленные позиции. Противник яростно сопротивлялся и контратаковал. Советские войска медленно, по 3–5 км в день, продвигались вперед. На пятый день основная часть полуострова была захвачена. Балтийский флот огнем корабельной и железнодорожной артиллерии содействовал наступлению войска и нарушал эвакуацию противника морем. Остатки земландской группировки численностью до 20 тыс. солдат и офицеров отошли в район Пиллау – самую южную часть Земландского полуострова.

Порт Пиллау был последним пунктом Восточной Пруссии, откуда можно было эвакуировать население и войска. Сам город являлся крепостью, прикрывавшей военно-морскую базу с моря и суши. Немцы обороняли сухопутные подступы к порту с особым упорством, чему способствовали лесные массивы и ненастье.

2-я гвардейская армия генерала П.Г. Чанчибадзе преодолеть сопротивление противника не смогла. Василевский ввел в сражение 11-ю гвардейскую армию. Оборону удалось прорвать только на третий день. В ожесточенных боях за крепость и порт 11-я гвардейская армия 25 апреля овладела Пиллау.

На этом Восточно-Прусская стратегическая операция завершилась. Она продолжалась 103 дня и была самой длительной операцией последнего года войны. Несмотря на то что противник в Восточной Пруссии был прижат к морю и рассечен на части, дальнейшая борьба по его уничтожению заняла более двух месяцев. Сопротивление возрастало вследствие обреченности прижатых к морю войска. К тому же отсутствовала прочная блокада с моря. Слабые силы Балтийского флота не могли решить такой задачи. Организованное в спешке взаимодействие кораблей с войсками, наступавшими вдоль побережья, оказалось малоэффективным. В результате изолированный с суши противник имел возможность маневрировать морским путем, усиливая каждый раз группировку, по которой наносился очередной удар, или выводить ее при угрозе разгрома. Неблагоприятная погода и весенняя распутица не позволяли в полной мере использовать превосходство 3-го Белорусского фронта в артиллерии, авиации и танках.

В Восточной Пруссии советские войска понесли тяжелые потери. Уже к концу января в стрелковых дивизиях 2-го и 3-го Белорусских фронтов, в составе которых к началу наступления было по 6–6,5 тыс. солдат и офицеров, осталось по 2,5–3,5 тыс.⁷¹ 5-я гвардейская танковая армия к концу января насчитывала только половину танков от имевшихся к началу операции. Еще больше было потеряно при уничтожении окруженных группировок. Пополнение в ходе операции почти не поступало. Более того, значительные силы передавались на берлинское направление, которое в кампании 1945 г. было главным. Ослабление 3-го Белорусского фронта привело к затяжным и кровопролитным боям в Восточной Пруссии.

Общие потери советских фронтов и флота с 13 января по 25 апреля были огромными: 126,5 тыс. солдат и офицеров погибло и пропало без вести, более 458 тыс. воинов получили ранения или выбыли из строя по болезни⁷². Войска потеряли 3525 танков и самоходных артиллерийских установок, 1644 орудия и миномета и 1450 боевых самолетов⁷³.

Земля Восточной Пруссии, отошедшая в послевоенное время к России и Польше, густо полита кровью воинов Красной Армии. Современникам об этом напоминают названия городов, переименованных в свое время в честь погибших здесь генералов И.Д. Черняховского, С.С. Гурьева, С.К. Нестерова, полковника Н.В. Мамонова, капитанов С.И. Гусева, П.И. Романова, лейтенанта И.М. Ладущкина.

В Восточной Пруссии Красная Армия уничтожила 25 германских дивизий, другие 12 дивизий потеряли от 50 до 70% своего состава. Советские войска захватили в плен более 220 тыс. солдат и офицеров. Трофеями стали около 15 тыс. орудий и минометов, 1442 танка и штурмовых орудия, 363 боевых самолета и много другой боевой техники⁷⁴. Потеря крупных сил и важной в военно-экономическом отношении области ускорила поражение Германии.

В начале февраля, когда войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов вышли к Одру, их дальнейшему наступлению на запад мешала угроза противника с юга – из Силезии и с севера – из Восточной Померании. Главная опасность нависла с севера, откуда вновь созданная группа армий “Висла” стремилась ударом в тыл главных сил 1-го Белорусского фронта сорвать их наступление на Берлин и выиграть время для усиления обороны на подступах к столице.

Для ликвидации угрозы из Померании Ставка 8 февраля приказала 2-му Белорусскому фронту повернуть свои силы на запад и не позднее 20 февраля ликвидировать образовавшийся с 1-м Белорусским фронтом разрыв. Имея на подготовку наступления всего один день, войска Рокоссовского 10 февраля начали Восточно-Померанскую операцию. Удар был слабым, так как во фронте осталось теперь только четыре армии, которые понесли в предыдущих сражениях значительные потери. Остальные были переданы 3-му Белорусскому фронту. За десять дней напряженных боев войска смогли продвинуться всего на 60 км. Сил для дальнейшего наступления не оказалось. Докладывая об этом в Москву, Рокоссовский сообщал, что ввод в сражение переданной ему из резерва Ставки 19-й армии возможен только 22–23 февраля, так как ей осталось пройти еще 160 км. Командующий просил усилить фронт еще двумя армиями с двумя танковыми корпусами и для пополнения выделить до 100 тыс. человек. “Армии правого крыла фронта, ведущие напряженные боевые действия в течение месяца, – докладывал командующий, – понесли большие потери и в настоящий момент стали малочисленными, насчитывая в среднем трехтысячных двадцать шесть и восемь стрелковых дивизий четырехтысячных”⁷⁵. Однако резервных армий Ставка больше не имела.

Между тем противник, сосредоточив в Восточной Померании на узком участке шесть дивизий, 16 февраля нанес по 1-му Белорусскому фронту контрудар. Не изготовившаяся к его отражению 47-я армия отошла на 8–12 км. Однако большего немцы добиться не сумели и 20 февраля перешли к обороне. Учитывая возросшую активность противника в Восточной Померании, Ставка решила ускорить его разгром. К решению этой задачи она привлекала теперь еще войска 1-го Белорусского фронта.

2-й Белорусский фронт возобновил наступление 24 февраля и уже в первый день прорвал оборону. Главный удар наносила прибывшая из резерва 19-я армия генерала Г.К. Козлова, которая за пять дней продвинулась на глубину 70 км.

1-й Белорусский фронт начал наступление 1 марта, прорывая оборону 3-й ударной и 61-й армиями под командованием генералов Н.П. Симоняка и П.А. Белова. Затем вступили в сражение 1-я и 2-я гвардейские танковые армии М.Е. Катукова и А.И. Радзиевского. Быстро прорвав оборону, ударная группировка фронта устре-

милась на север. Первой к Балтийскому морю 4 марта вышла 45-я гвардейская танковая бригада полковника Н.В. Моргунова. На следующий день к морю в район Кольберга вышли ударные группировки обоих фронтов. Разрезав восточнопомеранскую группировку, войска Жукова повернули на запад – к Одеру, а войска Рокоссовского на восток – к Данцигу.

1-й Белорусский фронт к 10 марта очистил от противника низовье Одера. Армии 2-го Белорусского фронта 21 марта прорвались к Данцигской бухте. К концу марта они разгромили противника в районе Данцига и Гдыни. Рокоссовский начал перегруппировку на Одер для участия в Берлинской операции. Остатки немецких войск продолжали удерживать отдельные участки на косе Фрише-Нерунг, в устье Вислы, севернее Гдыни и Хельскую косу. Объединенные в отдельную армию “Восточная Пруссия”, они были блокированы советскими войсками.

В Восточно-Померанской операции с 10 февраля по 4 апреля советские войска разгромили более 20 дивизий и 8 бригад вермахта⁷⁶. В свою очередь, и урон советских войск был значительным. Безвозвратные потери 1-го и 2-го Белорусских фронтов составили 52 740 солдат и офицеров, почти 173 тыс. воинов были ранены или выбыли из строя по болезни. Вместе с советскими войсками действовала 1-я армия Войска Польского, безвозвратные и санитарные потери которой равнялись 8668 человек⁷⁷. В ходе боев фронты потеряли 1027 танков и самоходных артиллерийских установок, 1005 орудий и минометов, 1073 боевых самолета⁷⁸.

Одновременно с боевыми действиями в Восточной Померании Красная Армия наносила удары по противнику в Силезии. После выхода войск 1-го Украинского фронта на Одер Конев 28 января направил Сталину план дальнейших действий: “Разгромить бреслау-дрезденскую группировку противника и к 25–28 февраля выйти на р. Эльба. Правым крылом фронта во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом овладеть городом Берлин”⁷⁹. Войска маршала Конева от столицы Германии отделяло 250 км. Несмотря на то что Берлин находился в полосе действий 1-го Белорусского фронта, Сталин одобрил план Конева. Однако в начале февраля войска Жукова, вышедшие на Одер, перешли к обороне, и 1-му Украинскому фронту пришлось действовать без поддержки своего могучего соседа.

8 февраля 1-й Украинский фронт начал Нижне-Силезскую операцию. Ударами с плацдармов на Одере севернее и южнее Бреслау войска Конева прорвали оборону немцев и за два дня углубились до 60 км. 15 февраля главная ударная группировка, наступавшая севернее Бреслау, подошла к р. Бобер. Танковая армия генерала Д.Д. Лелюшенко первой форсировала реку и продолжала наступать на запад.

Командующий 4-й танковой армией немцев генерал Ф. Грезер нанес сильный контрудар по советским войскам, которые только что приступили к переправе. Разгорелись ожесточенные бои. Танковая армия генерала Лелюшенко за это время продвинулась на 50 км западнее и вышла к р. Нейсе, оказавшись отрезанной от главных сил фронта, остановленных на р. Бобер. Резервов для наращивания усилий Конев не имел.

Еще труднее шли дела южнее Бреслау. Противник прочно оборонял город, превращенный в крепость. Прорвать оборону не удалось, что ставило замысел Конева под угрозу срыва. К 15 февраля 40-тысячный гарнизон крепости был окружен, но для ее взятия сил оказалось недостаточно. Командующий выделил для блокирования крепости одну армию, приказав остальным наступать в глубину для соединения с танкистами Лелюшенко. Сломив сопротивление на р. Бобер, войска 1-го Украинского фронта к 24 февраля овладели Нижней Силезией и на 100-километровом участке вышли на Нейсе. В результате Нижне-Силезской операции 1-й Украинский фронт овладел рубежом на одном уровне с левым крылом 1-го Белорусского фронта, главные силы которого в это время вели борьбу в Восточной Померании. Без поддержки войск Жукова о дальнейшем наступлении 1-го Украинского фронта для выхода на Эльбу и тем более для овладения Берлином речи быть не могло.

К концу февраля полоса, в которой действовал 1-й Украинский фронт, еще более расширилась. При этом левое крыло отставало от правого на 200 км, что создавало дополнительные трудности для продолжения наступления на берлинском направлении. Ставка предложила ликвидировать оппельнский выступ противника, который мог быть использован для удара в глубокий тыл войск фронта. Конев приступил к подготовке новой операции.

15 марта 1-й Украинский фронт возобновил наступление на левом крыле, приступив к Верхне-Силезской операции с целью окружить и уничтожить германские войска в районе Оппельна и отбросить их в предгорье Судет. Общая обстановка способствовала успешному решению новой задачи. Сосед слева, 4-й Украинский фронт, пять дней назад перешел в наступление на моравско-остравском направлении. Успешно действовали соседи справа – в Померании. Все это отвлекало основные резервы противника.

Несмотря на благоприятную общую обстановку, наступление шло медленно. Сказывалась весенняя распутица и нелетная погода. Несмотря на это, 18 марта 1-й Украинский фронт окружил пять дивизий и несколько отдельных полков и батальонов противника⁸⁰. 20 марта войска фронта уничтожили окруженные в Верхней Силезии немецкие войска и к концу месяца вышли в предгорье Судет. В боях вновь отличилась 4-я танковая армия. За смелые действия, мужество и героизм личного состава она была преобразована в гвардейскую, а Д.Д. Лелюшенко, ставший Героем Советского Союза еще в советско-финляндскую войну 1939–1940 гг., был награжден второй “Золотой Звездой”.

В ходе напряженных боев в Силезии, которые продолжались около двух месяцев, 1-й Украинский фронт продвинулся всего на 100 км, но разгромил 33 германские дивизии⁸¹. После потери Силезии угольная промышленность Германии оказалась перед катастрофой. Она лишилась важных военно-промышленных районов, которые снабжали вермахт боевой техникой, вооружением, боеприпасами и синтетическим горючим. С выходом на рубеж р. Нейсе 1-й Украинский фронт восстановил взаимодействие с 1-м Белорусским фронтом, от которого войска Конева значительно отстали в конце января. Вместе с тем и потери, ценой которых были достигнуты успехи, оказались большими. За 34 дня наступления в феврале–марте только безвозвратные потери 1-го Украинского фронта составила 39,5 тыс. солдат и офицеров, 127,7 тыс. было ранено⁸².

Разгромив крупные силы противника в Восточной Померании и в Силезии, Красная Армия сорвала намерения германского командования нанести фланговые удары по ее войскам, вышедшим на подступы к Берлину. Овладев рубежом рек Одер и Нейсе, они создали благоприятные условия для завершающих ударов по Германии и в Чехословакии. Освободившиеся в Померании и Силезии войска получили наконец-то возможность к продолжению наступления на берлинском направлении.

¹ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1979. Т. 10. С. 35.

² Цит. по: Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1975. С. 772.

³ Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 488.

⁴ Там же.

⁵ Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945. М., 1984. С. 515.

⁶ История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 38.

⁷ См.: Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1985. Кн. 1. С. 346–353.

⁸ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1968. С. 297.

⁹ Типпельскирх К. История второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 542.

¹⁰ Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 773.

¹¹ См.: Информационная сводка. Главное политическое управление РККА. 7-е управление. Январь–март 1945 г. Л. 19–40.

¹² Там же. Л. 38–40.

- 13 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 59.
- 14 *Конов И.С.* Сорок пятый. М., 1966. С. 23.
- 15 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 92.
- 16 Там же.
- 17 Воен.-ист. журн. 1993. № 6. С. 30–31.
- 18 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1984. Т. 2. С. 269.
- 19 *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1955. Т. 6. С. 268–269.
- 20 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 2. С. 284.
- 21 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1958. Т. 1. С. 297.
- 22 Там же. С. 298.
- 23 Там же. С. 299.
- 24 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 338. Л. 65–70 (Далее: ЦАМО).
- 25 Там же. Ф. 674. Оп. 25029. Д. 5. Л. 25; Ф. 236. Оп. 2673. Д. 2393. Л. 12–13.
- 26 Там же. Ф. 315. Оп. 4440. Д. 650. Л. 46; Д. 722. Л. 12.
- 27 История военного искусства. М., 1984. С. 303.
- 28 ЦАМО. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 555. Л. 28.
- 29 См.: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. М., 1968. Вып. 4. С. 244–245.
- 30 Сандомирско-Силезская операция: Наступление 1-го Украинского фронта в январе 1945 г. М., 1948. С. 84.
- 31 История военного искусства. С. 309.
- 32 ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 189. Л. 78.
- 33 Там же. Л. 92, 109.
- 34 Сборник материалов по изучению опыта войны. № 25. М., 1947. С. 54.
- 35 ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 189. Л. 146.
- 36 Там же. Л. 180, 181.
- 37 Там же. Д. 193. Л. 1, 2.
- 38 Сборник документов Верховного Главнокомандования... Вып. 4. С. 251.
- 39 *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. М., 1954. С. 395.
- 40 ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5502. Д. 93. Л. 412.
- 41 Там же. Ф. 426. Оп. 157129. Д. 7. Л. 69.
- 42 Там же. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 189. Л. 207, 208.
- 43 *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 305.
- 44 Сборник материалов по изучению опыта войны. М., 1948. № 25. С. 71.
- 45 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 85.
- 46 Там же.
- 47 *Гудериан Г.* Указ. соч. С. 402.
- 48 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. С. 358.
- 49 *Меллентин Ф.* Танковые сражения, 1939–1945 гг. М., 1957. С. 280.
- 50 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 213.
- 51 Там же. С. 372.
- 52 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 5. С. 109.
- 53 ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2394. Д. 1334. Л. 43, 44.
- 54 Там же. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 476. Л. 20.
- 55 Сборник материалов по изучению опыта войны. № 24. М., 1947. С. 120.
- 56 Сборник документов Верховного Главнокомандования... Вып. 4. С. 247.
- 57 *Рокоссовский К.К.* Указ. соч. С. 315.
- 58 Сборник документов Верховного Главнокомандования... Вып. 4. С. 255.
- 59 ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39. Л. 39.
- 60 Сборник материалов по изучению опыта войны. М., 1947. № 24. С. 158.

- 61 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 170.
- 62 Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1959. Т. 4. С. 79.
- 63 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 225.
- 64 Там же. С. 117.
- 65 Сборник материалов по изучению опыта войны. № 24. С. 175.
- 66 Там же. С. 177.
- 67 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 175.
- 68 Сборник материалов по изучению опыта войны. № 24. С. 179.
- 69 Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 176.
- 70 Там же.
- 71 См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Т. 4. С. 36–37.
- 72 Гриф секретности снят... С. 216.
- 73 Там же. С. 372.
- 74 Подсчитано по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. С. 123, 170, 176, 178.
- 75 ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2394. Д. 1526. Л. 35.
- 76 Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 182.
- 77 Гриф секретности снят... С. 217.
- 78 Там же. С. 372.
- 79 Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. М., 1953. Вып. 10–11. С. 134.
- 80 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 153.
- 81 Там же.
- 82 Гриф секретности снят... С. 227–228.

КРЫМСКАЯ (ЯЛТИНСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ

После открытия второго фронта в Европе военные действия армий СССР, США и Великобритании стали более согласованными. Однако для скорейшего окончания войны с нацистской Германией руководителям трех союзных держав необходимо было договориться о еще большей степени координации в военной области*. Впрочем, у них накопилось немало и других вопросов, которые требовали своего разрешения. Вот почему президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль приняли приглашение И.В. Сталина провести конференцию Большой тройки в Ялте.

Прибывшую американскую делегацию разместили в Ливадийском дворце – бывшей летней резиденции царя Николая II. Вместе с президентом и его военными советниками сюда прибыли Г. Гопкинс, недавно назначенный на пост государственного секретаря Э. Стеттиниус, многие крупные дипломаты. Именно здесь, на первом этаже дворца, проходили все пленарные заседания конференции. А Черчиллю и ведущим членам возглавляемой им делегации был отведен знаменитый дворец в Алупке, сооруженный английским архитектором в начале XIX в. для графа Воронцова. В состав многочисленной британской делегации наряду с военными входили видные дипломаты во главе с министром иностранных дел А. Иденом. Как с усмешкой заметил заместителю наркома иностранных дел СССР И.М. Майскому американский посол в Москве А. Гарриман, “здесь собрался чуть ли не весь Форин офис”¹. Гостей окружили таким вниманием, заботясь об их комфорте, что порой доходило до абсурда. Так, однажды кто-то заметил, что в фужере с коктейлем нет лимонной дольки, и буквально на следующий день в холле выросло лимонное дерево, отягощенное плодами.

Пленарное заседание открылось в Ливадии 4 февраля. Кроме Сталина, Рузвельта и Черчилля присутствовали главы военных и дипломатических ведомств, их заместители, послы и советники. В последующие дни наряду со встречами глав правительств параллельно проходили совещания министров иностранных дел и военных штабов трех стран.

Внушительная поддержка, которую в минувшем январе оказала западным союзникам Красная Армия, начав ранее запланированного срока мощное наступление по всему 700-километровому фронту, способствовала усилению международного веса СССР, а значит, и позиции Сталина на переговорах с Рузвельтом и Черчиллем. В то же время интересы скорейшего завершения войны и устройства мира, причем как в Европе, так и в Юго-Восточной Азии, диктовали западным державам свои правила игры во время сохранения сотрудничества с Советским Союзом. Вот почему Объединенный комитет начальников штабов США отклонил все предложения начальника американской военной миссии в Москве генерала Дж. Дина, направленные на ужесточение политики в отношении России, справедливо полагая, что это может обернуться против самих США. Такой же точки зрения придерживался и Д. Эйзенхауэр. Еще накануне конференции в Ялте он объявил начальнику

---

* О военно-политическом положении в начале 1945 г. и переговорах военных штабов в Ялте см. стр. 323–325.

штаба армии США генералу Дж. Маршаллу, что без наступления русских “нельзя скоро добиться результатов”. Так что военное сотрудничество с СССР в феврале 1945 г. осознавалось его партнерами по коалиции как обязательное условие для достижения полной победы, особенно в свете недавних событий в Арденнах, ввода в боевые действия последних американских резервов и положения на Тихоокеанском ТВД, где японцы оказывали ожесточенное сопротивление².

Переговоры военных штабов на Крымской конференции оказались весьма результативными. 10 февраля У. Черчилль телеграфировал своему заместителю К. Эттли о том, что Объединенный комитет начальников штабов так же, как и он с Рузвельтом после консультаций с СССР достигли полного согласия по всем военным вопросам. “Я в высшей степени удовлетворен результатами. Русские были очень откровенны с нами”³. И все же большая часть времени была посвящена обсуждению политиками и дипломатами проблем послевоенного устройства.

Самое удивительное, что весь комплекс поднятых на конференции вопросов стал предметом изучения Сталина и его переговоров с лидерами стран антигитлеровской коалиции еще в конце 1941 г., когда войска вермахта были совсем близко от Москвы. В сентябре 1943 г. вся подготовительная работа в СССР была сосредоточена в созданных при наркоминделе комиссиях – по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М.М. Литвиновым, по вопросам перемирия под председательством К.Е. Ворошилова⁴, а позже возникла еще одна комиссия под председательством И.М. Майского – по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу нацистской Германией и ее союзниками.

На стадии выработки общих принципов и конкретных деталей послевоенной программы СССР в этих комиссиях было написано множество рекомендаций, которые затем направлялись Сталину. Именно он в конечном счете определял содержание принимаемых внешнеполитических решений. В то же время некоторые положения и соображения, изложенные в документах комиссий НКВД, также принимались в расчет в переговорах на высшем уровне с западными лидерами. Например, совсем недавно рассекреченная записка Майского, подготовленная для Молотова и датированная 11 января 1944 г., под заголовком “О желательных основах будущего мира” была использована при подготовке Крымской, а затем Потсдамской конференций⁵. В качестве общей установки Майский назвал в ней создание такого положения, при котором длительное время была бы гарантирована безопасность СССР и сохранение мира. Для достижения такой цели необходимо, “чтобы СССР вышел из войны с выгодными стратегическими границами”. При этом Майский имел в виду границы СССР 1941 г., а дополнительно к этому ряд поправок, в том числе возвращение СССР Южного Сахалина и Курильских островов⁶. Что касается очень злободневного для безопасности Советского Союза вопроса – о будущем Германии, то Майский развил положение об ее “обезвреживании”, т.е. создании условий, исключающих возможность любого помысла об агрессии. Одним из них, по его мнению, должно стать раздробление Германии на несколько более или менее независимых государств⁷.

Майский был не одинок в своей идее раздела Германии после ее поражения. Подобные предложения выдвигались в проектах высшего руководства СССР, а также и других документах комиссий НКВД. А незадолго до Крымской конференции Литвинов представил вариант, в котором предлагал расчленить Германию на семь или хотя бы на три государства⁸.

Разработку принципов обращения с Германией и ее европейскими союзниками советская дипломатия вела начиная с 1944 г. совместно с представителями США и Великобритании по линии Европейской консультативной комиссии, учрежденной по решению Московской конференции министров иностранных дел трех союзных государств. Уже осенью были достигнуты важные соглашения. В основу одного из них – об условиях безоговорочной капитуляции Германии – легли советские предложения. Они предусматривали установление на территории поверженной Герма-

нии верховной власти СССР, США и Великобритании, включая право на ее полное разрушение, а также проведение других мер, которые три державы сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности.

Соглашение о зонах оккупации Германии и об управлении Большим Берлином базировалось на предложениях Англии, которые были поддержаны СССР. Оно предполагало выделение отдельных зон для каждой из союзных держав: восточной – для СССР, северо-западной – для Великобритании, юго-западной – для США. Район Берлина подлежал совместной оккупации. Устанавливались границы трех зон оккупации и в районе Большого Берлина⁹.

Соглашением о контрольном механизме определялось, что главнокомандующие вооруженными силами трех держав будут осуществлять, каждый в своей зоне, верховную власть как по директивам своих правительств, так и совместно в случаях, затрагивающих всю Германию целиком. Совместные действия планировалось проводить через специальный орган – Контрольный совет.

Вот эти-то три документа стали предметом первоочередного рассмотрения на Крымской конференции, их без особых споров утвердили все участники. Через два дня после завершения конференции было опубликовано заявление за подписями Черчилля, Рузвельта и Сталина, в котором отмечалось, что они договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции, а преданы гласности они будут после достижения полного разгрома Германии. В общем коммюнике объявлялось о создании зон, которые займут вооруженные силы трех держав. Оговаривалось также, что предполагается образовать французскую зону из британской и американской зон и что Франция будет приглашена войти в состав Контрольного совета по Германии. Черчилль, Рузвельт и Сталин провозгласили своей целью “уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда не будет больше в состоянии нарушать мир всего мира”. Вместе с тем они заявили, что в их планы не входит уничтожение германского народа¹⁰.

Зафиксировав в своих решениях главные принципы обращения с Германией (демилитаризация, денацификация, демократизация), союзники не смогли, однако, прийти к общему мнению по поводу двух вопросов – о расчленении этой страны и о репарациях. К тому времени в США и Великобритании обозначились самые разные подходы к решению германской проблемы, усилились позиции тех, кто опасался чрезмерного ослабления Германии, видя в ней противовес росту военной мощи и влияния СССР в Европе. Посол в США А.А. Громыко информировал 26 января 1945 г. заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского: “Идея расчленения Германии в свое время находила немало сторонников в правительственных кругах Соединенных Штатов. Имеется в виду расчленение на Пруссию, Саксонию, Баварию, Вюртенберг. Эта идея в последнее время, однако, не находит много сторонников”¹¹.

План министра финансов Г. Моргантау о “пасторализации” Германии, согласованный Рузвельтом и Черчиллем еще в сентябре 1944 г. в Квебеке, подвергся резкой критике в американских дипломатических и военных ведомствах и с неодобрением был воспринят прессой. Это заставило американского президента принять сторону представителей умеренной линии, которые высказывались за демилитаризацию и денацификацию Германии, но не шли дальше признания необходимости ее децентрализации и отдельных территориальных изменений. Рузвельт согласился с К. Хэллом, который незадолго до ухода с поста государственного секретаря рекомендовал ему не принимать никаких решений о разделе Германии до тех пор, пока не прояснится там внутренняя ситуация и позиция по этому вопросу главных союзников.

Тем не менее незадолго до вылета в Ялту склонный к частым зигзагам в своем политическом курсе Рузвельт изменил тактику, выразив желание обсудить темы, касающиеся обращения с Германией, включая и ее расчленение. На Крымской кон-

ференции Рузвельт и Э. Стеттиниус, новый госсекретарь, выступали в духе конструктивного диалога с советской делегацией. Это отвечало линии Рузвельта, взятой еще в 1943 г., на установление доверительных отношений, причем двусторонних, т.е. без Черчилля, контактов с советским лидером¹². Это не ускользнуло от внимания Молотова, который отметил, что в ялтинских переговорах по вопросу о расчленении Германии позиция американцев “была определенной, а позиция англичан сдержанной”¹³.

Британское правительство по ряду соображений избегало четко формулировать свои планы по этому вопросу. Форин офис проявлял сдержанность, не в последнюю очередь по экономическим мотивам. В штабе послевоенного планирования так же полагали, что расчленение может “ускорить неизбежную тенденцию перехода восточной Германии в советскую зону влияния, а это, следовательно, приблизит советскую военную мощь к западным странам”¹⁴.

Вопрос о расчленении Германии был поднят в Ялте Сталиным на заседании 5 февраля. В последующие два дня он при активной поддержке Молотова добивался немедленного признания принципа раздела Германии, не настаивая, впрочем, на деталях. А вот как этот момент зафиксирован в записях конференции.

Сталин: “Он и не предлагает, чтобы сейчас был составлен конкретный план”.

Молотов: “...мы не обсуждаем конкретного плана расчленения Германии, не обсуждаем, на какое число частей она будет расчленена”¹⁵.

Судя по всему, советское руководство поставило на обсуждение проблему раздела Германии, ожидая, что с инициативой жесткого плана выступят западные партнеры. Однако эти надежды не оправдались. Британские представители, в частности Иден, не переставали в Ливадии оспаривать доводы Молотова. Все, что удалось согласовать, – это решение о создании в Лондоне комиссии для изучения процедуры расчленения Германии.

Ввиду уклончивой позиции западных представителей, особенно британских, советская дипломатия в дальнейшем изменила свою тактику. 24 марта 1945 г. Молотов поручил послу СССР в Лондоне Ф.Т. Гусеву внести в комиссию по расчленению следующее предложение: “Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными”. Чтобы лучше сориентировать в ситуации посла, Молотов добавил, что англичане и американцы, первыми выдвинувшие вопрос о расчленении Германии, теперь хотят свалить всю ответственность на СССР. Уже через два дня Гусев направил Идену как председателю комиссии по расчленению письмо с этими разъяснениями¹⁶. А вскоре эта комиссия практически прекратила свою работу. В подписанном 8 мая 1945 г. Акте о военной (безоговорочной) капитуляции Германии такой термин, как “расчленение”, вообще отсутствует. В обращении к советскому народу в День Победы Сталин заявил, что Советский Союз “не собирается ни расчленять, ни уничтожить Германию”¹⁷.

Немалые трудности возникли на Крымской конференции и при рассмотрении вопроса о репарациях. Советский план, изложенный Майским на заседании 5 февраля, предусматривал взимание репараций с Германии не деньгами, а натурой, причем возмещению должны были подлежать только прямые материальные потери государств от агрессии. С учетом огромного размера своих потерь СССР считал справедливым рассчитывать на изъятия и ежегодные поставки на сумму не менее 10 млрд долл., что в принципе составляло лишь незначительную часть нанесенного ему ущерба. Как заявил Майский, необходимо создать условия, при которых уровень жизни немецкого народа был бы не ниже среднеевропейского. Для подробной разработки репарационной программы он предложил создать репарационную комиссию с местонахождением в Москве из представителей СССР, США и Великобритании. В письменном тексте советских предложений под названием “Основные

принципы взимания репараций с Германии”, который Молотов 7 февраля вручил Стеттиниусу и Идену, общая сумма германских репараций определялась в 20 млрд долл.: СССР – 10 млрд, Великобритании и США с учетом их больших жертв, особенно на море, а также важного вклада в победу – 8 млрд, всем остальным странам – 2 млрд¹⁸.

Советские предложения вызвали немало критических замечаний, главным образом со стороны британских представителей. Черчилль возражал против фиксации точной цифры репарационных обязательств, заявив, правда, что “он решительно стоит за то, чтобы русские получили германские заводы. Англичанам это выгодно, так как к ним перейдет германский экспорт”¹⁹. По существу, премьер-министр подтвердил то, о чем он уже говорил Сталину во время своего и Идена визита в Москву 17 октября 1944 г. А смысл этого сводился к следующему: английский экспорт должен усилиться, “поэтому заинтересованность России в изъятии из Германии оборудования находится в полном соответствии с намерением Англии в некоторой степени занять место Германии в Европе в качестве производителя товаров для малых стран Европы. Интересы Англии и Советского Союза идут в одном и том же направлении”²⁰.

И действительно, заинтересованная в устранении Германии из Европы как своего торгового конкурента Великобритания одновременно не хотела ее чрезмерного ослабления, опасаясь возможного экономического хаоса в Европе и вполне очевидных в таком случае политических последствий. Британский министр финансов Дж. Андерсон был убежден: чем больше союзники по антигитлеровской коалиции изымут из Германии промышленного оборудования, что не может не сказаться на ее экономике, тем больше будет риск социальных волнений в этой стране. Под угрозой тогда окажется стабильность политических институтов всей Западной Европы, а Великобритании придется в качестве оккупирующей страны иметь дело с массовыми социальными беспорядками. В Ялте как на пленарных заседаниях, так и на совещаниях министров иностранных дел британская сторона настаивала на том, чтобы прекратить обсуждение вопроса о суммах репараций и передать его на изучение будущей репарационной комиссии²¹.

Со своей стороны США стремились к одному – лишить Германию базы для ведения войны, ликвидировать ее экономическое господство в Европе. Особого интереса по поводу получения репараций и развития германской экономики для их сбора американское правительство на конференции не высказывало. Незадолго до нее посол Соединенных Штатов в Москве Гарриман в беседе с советским дипломатом поддержал мнение СССР о необходимости полной ликвидации военной промышленности Германии, добавив при этом, что вряд ли американцы будут возражать и против серьезного сокращения ее тяжелой промышленности²².

Можно смело утверждать, что в Ялте позиция делегации США в репарационном вопросе в целом сближалась с позицией СССР. Согласно представленному американцами проекту московская комиссия должна была изучить общий объем репараций, приняв во внимание предложение советского правительства об установлении общей суммы в 20 млрд долл. Стеттиниус оговорил, правда, что при обсуждении в репарационной комиссии эта сумма должна быть взята за основу и что половина ее будет выделена для СССР²³.

В связи с тем, что британская делегация по-прежнему возражала против уточнения суммы репараций, участники переговоров ограничились определением лишь некоторых принципов их взимания. В протоколе, подписанном главами правительств, перечислялись три их формы: единовременные изъятия в течение двух послевоенных лет с целью уничтожения военного потенциала Германии; ежегодные товарные поставки из текущей продукции (срок их не устанавливался); использование труда германских граждан. В качестве базы для обсуждения в комиссии по репарациям упоминалась согласованная советско-американская формула об общей

сумме репараций (20 млрд долл., из них половина для СССР). Было записано и особое мнение британской делегации: впредь до рассмотрения вопроса московской комиссией по репарациям никакие цифры названы быть не могут²⁴. Словом, окончательное урегулирование этой проблемы передавалось в комиссию по репарациям. Оговорка американской делегации (“в качестве базы для обсуждения”) в дальнейшем послужила поводом для споров о том, насколько определенно США связали себя обязательством поддержать советский запрос на 10-миллиардную сумму репараций.

В Крыму более успешно проходили переговоры относительно международной организации безопасности. Рузвельт как главный “архитектор” этой идеи стремился закрепить и в будущей организации ведущую роль США. Построение вместе с союзниками сильной международной структуры мира президент рассматривал в качестве составной части своей концепции “тотальной победы”²⁵. Различные проекты создания международной организации выдвигало и правительство Черчилля, которое надеялось с ее помощью сохранить влияние Великобритании на мировую политику и собственные позиции в принадлежавших ей колониях.

Советские концепции послевоенной безопасности были направлены в первую очередь на расширение зоны стратегической безопасности и влияния СССР вдоль его государственных границ на западе, юге и востоке. Эту линию советское правительство сочетало с разработкой планов коллективного обеспечения мира. Британский подкомитет разведки в докладе о стратегических интересах СССР, представленном еще 18 декабря 1944 г., отметил не только стремление России организовать систему тесно связанных с ней буферных государств, “разрушить на возможно долгий срок агрессивную мощь Германии и Японии”, но и готовность России присоединиться к международной организации безопасности²⁶.

И в самом деле, советская дипломатия активно выступала, особенно после Московской конференции 1943 г., в поддержку новой формы международной организации, свободной от ошибок и изъянов Лиги наций. К тому же атмосфера союзнических отношений после открытия второго фронта в Европе благоприятствовала переговорам СССР с США и Великобританией по вопросам создания такого международного органа. Велись они и на конференции в Думбартон-Оксе (близ Вашингтона) в августе–сентябре 1944 г. Директивы и пояснения к ним, представленные наркоматом иностранных дел Сталину, кроме всего прочего предписывали избегать споров и разногласий с союзниками, оказывать поддержку американской позиции в вопросах опеки и предоставления баз “государствами – членами организации, не имеющими достаточных вооруженных сил”²⁷. Еще на конференции в Думбартон-Оксе представители трех союзных держав относительно быстро согласовали положения Устава, содержание и формы международной организации, получившей впоследствии название Организации Объединенных Наций. Тогда же они смогли договориться по многим пунктам, касавшимся главных политических принципов и организационных основ ООН. Была определена ее структура – Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Секретариат и другие органы. Но так и остались открытыми вопросы о правилах голосования в Совете безопасности и первоначальном членстве.

После Думбартон-Окса продолжались поиски формулы, приемлемой для всех участников Большой тройки. 5 декабря 1944 г. президент США направил Сталину послание с изложением компромиссного предложения о голосовании. С некоторыми редакционными поправками на Крымской конференции его огласил 6 февраля Стеттиниус. По мнению американцев, все международные конфликты следует разделить на две категории: те, которые требовали применения против нарушителя экономических, политических и военных санкций, и те, которые могли быть урегулированы мирными средствами, без применения санкций. В первом случае все постоянные члены Совета, даже участники спора, имели право голосовать и налагать

вето; во втором – постоянные члены Совета безопасности, если они участвовали в споре, такого права лишались. Американское предложение поддерживали британские представители²⁸.

Сталин тогда решил снять свои прежние возражения (они касались именно второго случая) и пойти на уступки, убедившись, что его партнеры признали принцип единогласия великих держав, и рассчитывая на их поддержку в вопросе об участии советских республик в будущей международной организации. Молотов заявил на следующем заседании, что советское правительство согласно с американским предложением о порядке голосования, а затем обратился с просьбой признать три или по крайней мере две советские республики (имелись в виду Украина, Белоруссия и Литва) в качестве членов-учредителей международной организации, подчеркнув их большое политическое и экономическое значение в войне, а главное – понесенный ими при этом крупный урон²⁹.

В итоге было принято решение о созыве 25 апреля 1945 г. в городе Сан-Франциско конференции, где будет объявлено о создании Организации Объединенных Наций. Делегаты США и Великобритании обязались поддержать там советское предложение о допуске Украины и Белоруссии к первоначальному членству. В протоколе Крымской конференции было зафиксировано также соглашение Большой тройки, основанное на принципе единогласия, о процедуре голосования в Совете безопасности (так называемая ялтинская формула, впоследствии включенная в Устав ООН). Рузвельт от имени трех держав должен был провести консультации с правительствами Китая и Франции по решениям Крымской конференции относительно всемирной организации³⁰. Соглашение СССР с ялтинской формулой, а США и Британии – с членством Украины и Белоруссии в международной организации расчистило путь к созыву в начале лета 1945 г. учредительной конференции Объединенных Наций.

Самыми напряженными на Крымской конференции оказались переговоры о Польше. В общем-то они отразили разногласия между СССР и его западными союзниками по вопросам политического развития Восточной и Центральной Европы в целом. Правда, в переговорах по польскому вопросу позицию Сталина сильно подкрепляли стремительное продвижение советских войск, решимость их полностью освободить от нацистов Европу, поддержка, которую оказывали Красной Армии почти все слои населения освобождаемых стран.

Как не без оснований полагают некоторые американские историки, Рузвельт еще до Ялтинской встречи со Сталиным по сути признал контроль СССР над Восточной Европой. 11 января 1945 г. на совещании с членами Сената, последнем перед вылетом в Крым, президент как бы подытожил политические реалии: русские имеют власть в Восточной Европе, поэтому не следует идти на разрыв с ними, а единственно возможный курс – использовать все американское влияние для облегчения ситуации³¹. Не так давно британский дипломат С. Кибл также высказал мнение, что структура послевоенной Европы была в большой степени определена еще до встречи в Ялте всем ходом военных действий, поэтому “судьба Польши была предрешена”³².

На Крымской конференции обсуждались главным образом два аспекта польской проблемы – будущие границы Польши и состав правительства. По настоянию советской делегации было принято решение об установлении восточной границы Польши “вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши”. Но представители США и Великобритании единым фронтом выступили против предложения СССР о западной границе Польши по р. Западная Нейсе. Окончательное определение ее было отложено.

На заседании 6 февраля Сталин заявил, что он как Верховный Главнокомандующий хочет от властей освобожденной Польши “только одного” – обеспечения по-

рядка и спокойствия в тылу Красной Армии, что с этими задачами совсем неплохо справляется варшавское правительство. Он имел в виду контролируемое польскими коммунистами Временное польское правительство с местом пребывания в г. Люблине, которое 4 января 1945 г. получило дипломатическое признание со стороны СССР, а после освобождения Варшавы 17 января переехало в польскую столицу. Для русских, уверял Сталин, вопрос о Польше – это вопрос о безопасности и чести, так как “у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи”³³. Разумеется, к грехам он относил совсем не расстрелы в Катынском лесу. Не обмолвился советский диктатор ни словом и о том, что в намерения руководства СССР входило расширение зоны своего влияния на западные районы Польши.

По вопросу о составе будущего польского правительства развернулась многодневная дискуссия. Советская делегация настаивала на том, чтобы основой его стало Временное польское правительство. Американское и британское руководство, соглашаясь рассматривать Польшу, правда, в известных рамках, как район стратегических интересов СССР, не хотело, тем не менее, допускать “большевизации” этого региона, потому отказывалось иметь дело с послушными Кремлю “люблинскими поляками”. Черчилль считал важным обеспечить эффективное и реальное представительство эмигрантского правительства Миколайчика в новых органах власти в Польше, тесно связанного с Лондоном. Британский военный кабинет ориентировался на такую реорганизацию Временного польского правительства, чтобы из него не были полностью или частично устранены некоммунистические элементы, положение которых всех так беспокоит и в интересах которых должны быть проведены свободные выборы³⁴.

В конце концов договорились о том, что действующее Временное польское правительство будет “реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы”. Новому правительству, которое получит название Польского временного правительства национального единства, предстоит как можно скорее провести “свободные и ничем не воспрепятствованные выборы”³⁵.

Как скоро выяснилось, острые разногласия между СССР и западными союзниками на этом не закончились. Столь же трудно принималась в Ялте предложенная американцами Декларация об освобождении Европы, которая провозглашала создание правового международного порядка и демократических учреждений по выбору самих народов. “Пышная декларация”, – отозвался на ее счет много лет спустя Молотов. “Американцы дали проект. Я к Сталину пришел с этим документом, говорю ему: Что-то уж чересчур. – Ничего, ничего, поработайте. Мы можем выполнять потом по-своему. Дело в соотношении сил”, – вспоминал он много лет спустя. Тогда, по словам Молотова, СССР было выгодно сохранить союз с Америкой³⁶.

Один из наиболее важных итогов Крымской конференции был связан с проблемой будущего участия Советского Союза в войне на Дальнем Востоке. На Тегеранской конференции Сталин пообещал, что после капитуляции Германии СССР выступит “общим фронтом” против Японии. Незадолго до второго визита Черчилля в Москву он вновь подтвердил свое обещание. Но американцы хотели получить информацию о дислокации советских войск на Дальнем Востоке и об их конкретных операциях против Японии после завершения войны в Европе³⁷. Когда в октябре 1944 г. Черчилль находился в Москве, Сталин 15-го числа коснулся этого вопроса в разговоре с Гарриманом, Иденом и другими видными дипломатами. Глава советского правительства заявил, что через три месяца после поражения Германии СССР выступит против Японии при условии, если США окажут ему помощь в создании необходимых материальных запасов, а кроме того, прояснятся политические аспекты участия СССР в той войне. Тогда же на переговорах с американцами (анг-

личане в них не участвовали) он согласился приступить к совместному с США планированию военных действий против Японии и представил список советских заявок на американские поставки. Эти заявки легли в основу программы под кодовым наименованием “Майлпост”, которая предусматривала создание запасов в Сибири для их использования в войне против Японии³⁸.

И накануне Крымской конференции военно-политическое руководство США уделяло большое внимание японскому аспекту переговоров. Американский комитет начальников штабов рассматривал военное участие СССР на Дальнем Востоке как необходимое условие для обеспечения максимальной помощи американским операциям, проводимым в бассейне Тихого океана. Крупномасштабное выступление советских войск против Квантунской армии требовалось, по мнению генерала Маршалла, для скорейшего завершения войны и, что самое главное, предотвращения больших потерь среди американских военнослужащих. На этот счет Рузвельт был целиком согласен с доводами генерала.

Дальневосточные вопросы обсуждались Сталиным и Рузвельтом 8 февраля. Сталин, подтвердив согласие СССР вступить в войну против Японии, настаивал все-таки на уточнении политических условий советского участия. Рузвельт, заранее с ними ознакомленный (Сталин изложил их Гарриману еще 14 декабря 1944 г.), высказался за передачу Советскому Союзу южной части Сахалина и Курильских островов. Президент напомнил о переговорах в Тегеране, где он сам предложил дать СССР возможность использовать Дайрен – теплый порт, возле которого заканчивалась Южно-Маньчжурская железная дорога³⁹. Окончательный текст соглашения по вопросам Дальнего Востока, разумеется, с определением политических условий участия СССР в войне на Дальнем Востоке, был согласован 10 февраля Сталиным и Рузвельтом при участии Молотова и Гарримана. На следующий день он был подписан главами трех держав⁴⁰.

Черчилль поставил свою подпись под соглашением, сознавая, что помощь СССР сократит тяжелые потери не только американцев, но и англичан. Ведь им тоже предстояла, хотя и в значительно меньших масштабах, чем военнослужащим США, борьба за завершение разгрома японского милитаризма. Как вспоминал Черчилль, приходилось учитывать тот факт, что атомная бомба еще не прошла испытания, что в случае, если бы Россия оставалась нейтральной, большая японская армия, сосредоточенная в Маньчжурии, могла быть брошена на защиту Японских островов. Кстати, еще до подписания соглашения о Дальнем Востоке он в конфиденциальной беседе со Сталиным высказался за “появление русских кораблей в Тихом океане” и за восполнение потерь России в русско-японской войне. Черчилль поставил свою подпись под соглашением и по той причине, что отказ мог повлечь за собой утрату всякого влияния Великобритании в делах Юго-Восточной Азии⁴¹.

* * *

Крымская конференция имела огромный международный резонанс. Государственные, политические и общественные деятели США, СССР и Великобритании дали ей позитивные оценки, что соответствовало конструктивному в целом характеру встречи. В оптимистическом духе были выдержаны и отчеты о конференции, с которыми Черчилль выступил в парламенте 27 февраля, а Рузвельт в конгрессе 1 марта 1945 г. Важное значение принятых решений отметило большинство средств массовой информации в главных странах антигитлеровской коалиции. Как несомненный успех межсоюзнической дипломатии воспринималось заявление Большой тройки об основных результатах конференции, подтвердивших важность тесного взаимодействия и единодушия при решении ключевых военно-политических вопросов.

Историки – как сторонники, так и противники ялтинских соглашений – сходят-

сы во мнении, что конференция явилась зенитом сотрудничества СССР, США и Великобритании. “Трехсторонний консенсус” одобрила бóльшая часть американского общества. Особенно высокого уровня достигло советско-американское сотрудничество. Этот факт справедливо относят за счет отсутствия единогласия между США и Англией, а также стремления Рузвельта выступить в роли посредника между Сталиным и Черчиллем⁴².

В период холодной войны решения Крымской конференции стали объектом острой идеологической и политической борьбы. На Западе появилась обширная литература с изобличением “ошибок” Ялты и рузвельтовского курса уступок Советскому Союзу, прежде всего в Восточной Европе. Но даже тогда критические оценки оспаривались рядом историков, с положительной стороны рассматривавших ялтинские решения и заложенную в них традицию международного сотрудничества.

И в последние годы итоги Крымской конференции не получают однозначной трактовки. Широко распространено мнение, что ее решения способствовали разделу Европы после войны на противостоявшие друг другу силовые группировки, что “ялтинская система” основывалась на балансе сил и сферах влияния, а это не принесло прочного мира в десятилетия холодной войны. Критики ялтинских соглашений подчеркивают, что они подготовили базу для формирования после войны во главе с СССР замкнутого военно-политического и идеологического блока в регионе Восточной и Центральной Европы⁴³. Западные державы, как считается, “продали” Восточную и Центральную Европу, они надеялись, что СССР удовлетворится признанием своих стратегических интересов в этом регионе и не утвердит здесь собственную политическую систему⁴⁴. Можно согласиться с тем, что некоторые из принятых в Ялте решений, например, по польскому вопросу, облегчили продвижение советской политической модели в страны Восточной и Центральной Европы. Действительно, “вместе с частями советской армии сталинизм стал выходить за пределы Советского Союза”⁴⁵.

Однако обоснованна точка зрения тех, кто полагает, что США и Британия просто не в состоянии были повлиять на ситуацию в Восточной Европе. Ее судьбы решались Красной Армией, напоминает старейший британский дипломат Ф. Робертс. Он высоко в целом оценивает решения Ялтинской конференции и не придерживается того мнения, что Ялта открыла путь к будущему разделу Германии⁴⁶. Следствием Крымской конференции, подчеркивает также американский историк У.Ф. Кимболл, не явились “ни разделение Европы, ни советско-американское урегулирование на Дальнем Востоке, даже если некоторые его детали там и разрабатывались”⁴⁷. Участники Крымской конференции руководствовались стремлением к разгрому агрессоров и к обеспечению послевоенного мира. Принятые ими решения создавали реальную основу для этого. “Холодная война еще не началась, и не Ялта послужила ее началом”, – резонно считает Д. Клеменс⁴⁸.

Достигнутые в феврале 1945 г. договоренности и компромиссы подтвердили большие потенции, заложенные в политике сотрудничества государств. Ялтинская концепция “единства в организации мира” отвечает актуальным потребностям сегодняшнего дня⁴⁹.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 7а. Д. 3. П. 57. Л. 73. (Далее: АВП РФ).

² Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 121.

³ Public Record Office. Kew, England. CAB 120/180/176534. (Далее: PRO).

⁴ О разработках 1941–1944 гг. см. документальную публикацию: “Заняться подготовкой будущего мира” // Источник. 1995. № 4. С. 114–124.

⁵ Там же. С. 124–144.

⁶ Международная жизнь. 1995. № 4–5. С. 7.

⁷ Источник. 1995. № 4. С. 124–126.

⁸ Там же. С. 126, 127, 137.

- ⁹ СССР и германский вопрос, 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. М., 1996. С. 597–600; Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995. С. 57.
- ¹⁰ Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): Сб. документов. М., 1979. С. 265–266, 277–278. (Далее: Крымская конференция: Сб. документов).
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7а. Д. 5. П. 57. Л. 17.
- ¹² Там же. Д. 3. П. 57. Л. 71–72; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 289; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. P. 157, 159–160 (Далее: FRUS); *Kimball W.F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman*. Princeton, 1991.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 48з. Оп. 11ж. Д. 2. П. 64. О. 12.
- ¹⁴ *Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War*. 5 vol. L., 1970–1976. Vol. 5. P. 239, 243–244; *The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–1945* / Ed. G. Ross. L., 1984. P. 55.
- ¹⁵ Крымская конференция: Сб. документов. С. 69, 85.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 43з. Оп. 11ж. Д. 2. П. 64. Л. 52–54, 56, 57.
- ¹⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1944–1946. Т. 3. С. 45.
- ¹⁸ Крымская конференция: Сб. документов. С. 76–78, 81, 113–115.
- ¹⁹ Там же. С. 211, 78, 79; *Clemens D.S. Yalta*. N.Y., 1971. P. 139, 160–162.
- ²⁰ Источник. 1995. № 4. С. 148, 149.
- ²¹ Крымская конференция: Сб. документов. С. 211, 215 и др.
- ²² FRUS. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. P. 157–158; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7а. Д. 3. П. 57. Л. 77.
- ²³ Крымская конференция: Сб. документов. С. 168, 169, 173.
- ²⁴ Там же. С. 272, 273.
- ²⁵ *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt* / Ed. S.I. Rosenman. 1944–1945 Vol. N.Y., 1950. P. 405–406.
- ²⁶ PRO. FO 371/47860.
- ²⁷ Вторая мировая война: Актуальные проблемы. С. 180–182.
- ²⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1989. Т. 2. С. 181–183, 187–189; Крымская конференция: Сб. документов. С. 88, 94, 95; Союзники в войне, 1941–1945. М., 1995. С. 409–410.
- ²⁹ Крымская конференция: Сб. документов. С. 120–121.
- ³⁰ Там же. С. 274–275.
- ³¹ *Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence* / Ed. W.F. Kimball. Princeton, 1984. Vol. 3. P. 481–482; *Messer R.L. The End of an Alliance: James F. Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War*. Chapel Hill, 1982. P. 42.
- ³² *Keeble C. Britain and the Soviet Union, 1917–89*. L., 1990. P. 193.
- ³³ Крымская конференция: Сб. документов. С. 280.
- ³⁴ PRO. CAB 120/179/17625; CAB 120/177/17655.
- ³⁵ Крымская конференция: Сб. документов. С. 279.
- ³⁶ Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 76.
- ³⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 2. С. 182, 191.
- ³⁸ FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 368, 396; *Jones R.H. The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union*. N.Y., 1969. P. 180; Ялта, 1945 год: Проблемы войны и мира. С. 121.
- ³⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 2. С. 272; Крымская конференция: Сб. документов. С. 140; FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 768.
- ⁴⁰ Крымская конференция: Сб. документов. С. 273.
- ⁴¹ *The Diaries Sir Alexander Cadogan, 1938–1945* / Ed. D. Dilks. L., 1979. P. 715; *The Foreign Office and the Kremlin*. P. 52.
- ⁴² *Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии*. М.,

1988. С. 300; *Rothwell V.* Britain and the Cold War, 1941–1947. L., 1982. P. 136; *Anderson T.H.* The United States, Great Britain and the Cold War, 1944–1947. Columbia, 1981. P. 30.
- ⁴³ Крайне резкие оценки соглашений см.: *The Future of Yalta // The Foreign Affairs*, Winter 1984/85. P. 295 ff.
- ⁴⁴ *Borhi L.* Wartime diplomacy and the fate of East-Central Europe // *Bulletin of the International Committee for the history of the Second World War*, 1995, № 27/28. P. 151.
- ⁴⁵ Советская внешняя политика в ретроспективе, 1917–1991. М., 1993. С. 100.
- ⁴⁶ *Робертс Ф.* Ялта не была ни капитуляцией, ни ошибкой // *Сегодня*. 1995. 21 марта; *Roberts F.* The Yalta Conference // *The End of the War in Europe 1945 / Ed by J. Bennett. L., 1995. P. 56, 61.*
- ⁴⁷ *Кимболл У.Ф.* Версаль и Ялта: Провокация или предупреждение? Американский взгляд // *Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 217.*
- ⁴⁸ Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. С. 22.
- ⁴⁹ *Международная жизнь*. 1997. № 4. С. 15–16.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

КОМУ БРАТЬ БЕРЛИН?

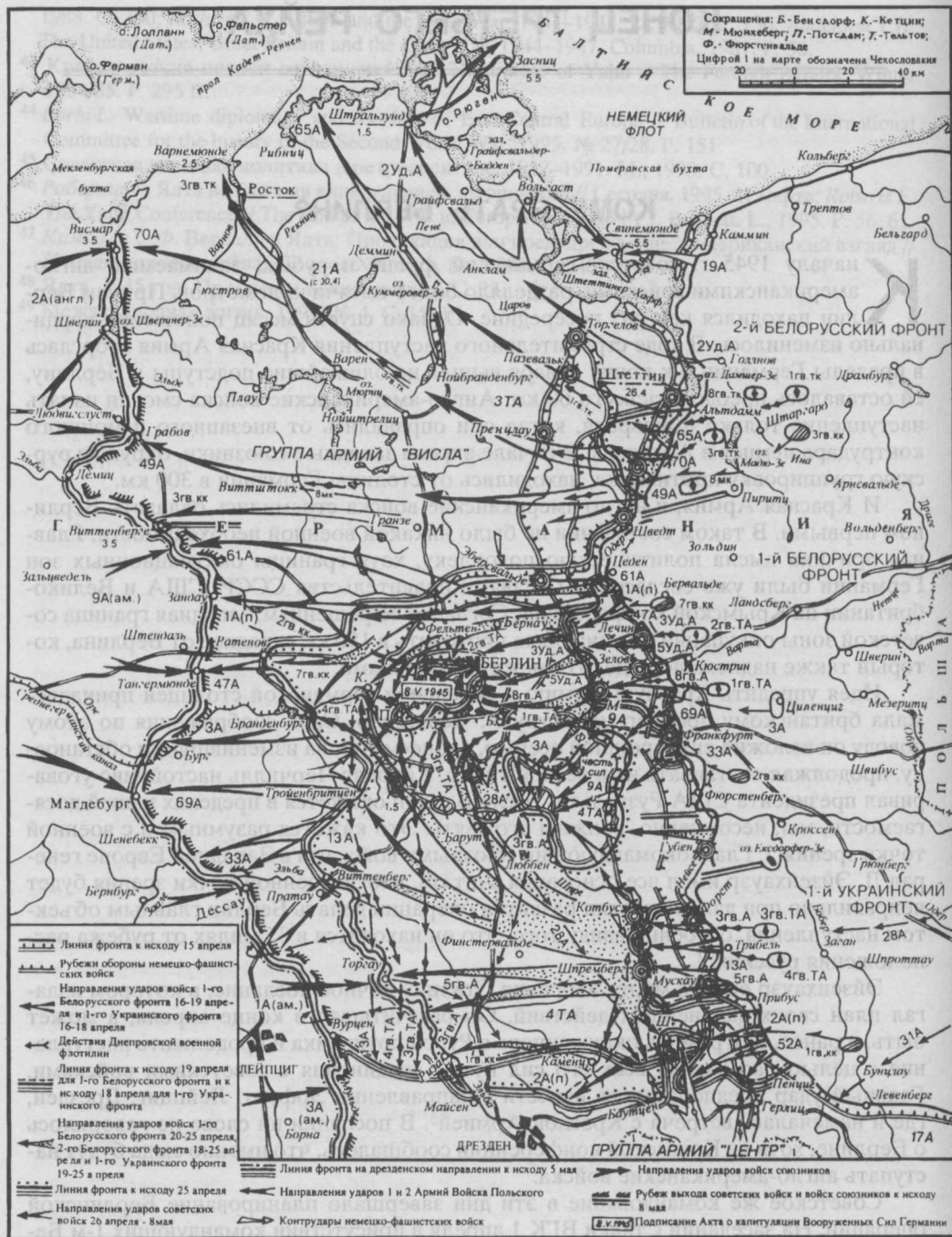
К началу 1945 г. советско-германский фронт и рубеж, занимаемый англо-американскими войсками, разделяло более тысячи километров. Причем Берлин находился как раз посередине. Однако спустя месяц положение кардинально изменилось. В ходе стремительного наступления Красная Армия вторглась в пределы Германии и к концу января вышла на ближайшие подступы к Берлину, ей оставалось преодолеть всего 60 км. Англо-американские войска смогли начать наступление только 8 февраля, когда они оправились от внезапного и мощного контрудара немцев в Арденнах. В начале апреля западные союзники, окружив рурскую группировку противника, находились от столицы Германии в 300 км.

И Красная Армия, и англо-американские войска стремились овладеть Берлином первыми. В таком состязании не было никакой военной необходимости. Главная причина имела политическую подоплеку, хотя границы оккупационных зон Германии были уже согласованы главами правительства СССР, США и Великобритании на Крымской конференции. Согласно ее решениям, западная граница советской зоны оккупации должна была проходить в 150 км западнее от Берлина, который также надлежало поделить между союзниками.

Идея упредить Красную Армию в овладении германской столицей принадлежала британскому премьер-министру У. Черчиллю. Свои соображения по этому поводу он изложил еще прошлой осенью, но, несмотря на изменившуюся обстановку, продолжал отстаивать их и весной 1945 г. 1 апреля Черчилль настойчиво уговаривал президента США Рузвельта: «Если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения»¹. Главнокомандующий союзными войсками в Западной Европе генерал Д. Эйзенхауэр имел все основания считать, что «с военной точки зрения будет неправильно при данной стадии развития операции делать Берлин главным объектом наступления, особенно ввиду того, что он находится в 35 милях от рубежа расположения русских»².

Эйзенхауэр еще 28 марта направил Сталину личное послание, в котором излагал план своих дальнейших действий. Он рассчитывал в конце апреля, а может быть, и ранее, разгромить окруженного в Руре противника и продолжать наступление с целью рассеяния всех его сил путем соединения с советскими войсками. Главный удар предполагалось нанести в направлении Эрфурт, Лейпциг, Дрезден, где и намечалась встреча с Красной Армией³. В послании ни слова не говорилось о Берлине, хотя на Крымской конференции сообщалось, что именно сюда будут наступать англо-американские войска.

Советское же командование в эти дни завершало планирование Берлинской операции. На заседании Ставки ВГК 1 апреля в присутствии командующих 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами обсуждался ее замысел. Мощными ударами 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов намечалось прорвать оборону противника на Одере и Нейсе, окружить и уничтожить основные силы его берлинской группировки и, выйдя на Эльбу, соединиться с наступающими с запада союзниками. Одобрив замысел, Сталин потребовал подготовить операцию в короткие сроки, причем начать ее не позднее 16 апреля, а завершить через 12–15

Берлинская наступательная операция. 16 апреля - 8 мая 1945 г.

дней. Ставка спешила, опасаясь, как бы союзники не опередили советские войска в овладении Берлином.

Именно в этот же день, после совещания, Сталин ответил на послание от 28 марта. Он сообщил, что план Эйзенхауэра целиком совпадает с планами командования Красной Армии. Сталин заверял союзника, что Берлин якобы утратил свое прежнее стратегическое значение и поэтому для взятия его советское командование выделяет лишь второстепенные силы, а главный удар нанесет с целью соединения с англо-американскими войсками. Наступление главных сил начнется приблизительно во второй половине мая. «Впрочем, – писал он далее, – этот план может подвергнуться изменениям в зависимости от изменения обстановки»⁴.

В какой-то мере последнее дополнение должно было оправдать две сознательные допущенные советским лидером неточности: во-первых, для наступления на Берлин выделялись главные силы советских войск, а не второстепенные; во-вторых, согласно только что намеченному сроку оно должно было начаться на целый месяц раньше.

Германское командование стремилось любой ценой сдержать наступление Красной Армии в надежде выиграть время для заключения сепаратного мира с западными державами. Такая политика, рассчитанная на раскол антигитлеровской коалиции, после Крымской конференции глав правительств трех великих держав стала абсолютно нереальной. В опубликованном коммюнике об итогах работы конференции Рузвельт, Сталин и Черчилль, заявили: «Нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее цену своего поражения»⁵.

Однако Гитлера волновала не судьба германского народа, а сохранение фашистского режима. Все его помыслы о сепаратном мире были устремлены на запад. На восточном фронте он потребовал от вермахта, наоборот, усилить сопротивление. В специальных указаниях национал-социалистической партии от 3 апреля говорилось: «Наш взор должен быть обращен только на восток, независимо от того, что будет происходить на западе. Удержание Восточного фронта является предпосылкой к перелому в ходе войны!»⁶.

При организации обороны на советско-германском фронте германское командование основные силы сосредоточило на берлинском направлении. Спешное оборонительное строительство здесь началось в январе, когда советские войска прорвали оборону на Висле. Интенсивность его нарастала за счет привлечения местного населения, иностранных рабочих и даже военнопленных, хотя использование последних на объектах военного значения международными законами категорически запрещено.

Основой обороны противника на берлинском направлении являлся рубеж вдоль Одера и Нейсе. Наиболее сильные рубежи и на большую глубину немцы создали против 1-го Белорусского фронта, войска которого ближе всех подошли к Берлину. За одерско-нейсенским рубежом немцы оборудовали Берлинский оборонительный район, который состоял из трех кольцевых обводов вокруг столицы.

Берлинское направление обороняли войска групп армий «Висла» и «Центр» под командованием генералов Г. Хейнрици и Ф. Шернера. 5 апреля Гитлер присвоил последнему звание генерал-фельдмаршала. Войска, сосредоточенные на этом направлении от Балтики до Карпат, насчитывали около 1 млн солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 10,4 тыс. орудий и минометов. Их поддерживали основные силы люфтваффе в количестве 3,3 тыс. боевых самолетов, в том числе 120 только что появившихся реактивных истребителей Me-262⁷.

Советским войскам предстояла тяжелая борьба, особенно 1-му Белорусскому фронту. Против кюстринского плацдарма на р. Одер, захваченного войсками это-

го фронта, на участке 44 км генерал Хейнрици сосредоточил 14 дивизий. В среднем на каждый километр приходилось 60 немецких орудий и минометов, 17 танков и штурмовых орудий. Самый мощный узел сопротивления на пути к Берлину немцы оборудовали на Зееловских высотах. Их крутые, изрезанные оврагами склоны, которые возвышались над широкой долиной Одера в 10–12 км от кюстринского плацдарма, танки могли преодолеть только по дорогам. Фронту предстояло прорвать подготовленную и заранее занятую войсками оборону противника общей глубиной около 100 км. В то же время 2-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам противостояли значительно меньшие силы, оборона которых имела глубину не более 40 км.

Наступление советских войск осложняли весеннее половодье и распутица. В первую очередь это касалось 2-го Белорусского фронта, который должен был начинать прорыв обороны с форсирования Одера. Река здесь имела два рукава, Ост-Одер и Вест-Одер, разделенные двухкилометровой поймой. Залитое половодьем междуречье допускало движение только по дамбам. Для 1-го Белорусского фронта значение Одера как водной преграды снижалось наличием кюстринского плацдарма. Однако на коротком пути к Берлину его войскам нужно было продвигаться по густо населенной местности со множеством каменных построек. В полосе предстоящих действий 1-го Украинского фронта основными естественными преградами были реки Нейсе и Шпрее, не говоря уже о сплошных лесных массивах.

Разгром мощной группировки противника на берлинском направлении в сжатые сроки требовал больших усилий. Кроме войск трех фронтов к проведению Берлинской операции привлекались часть сил 18-й воздушной армии дальней авиации, войск противовоздушной обороны страны, Балтийского флота и Днепровская военная флотилия. Всего насчитывалось 2,5 млн человек, 41,6 тыс. орудий и минометов, 6250 танков и самоходных артиллерийских установок, 7,5 тыс. боевых самолетов⁸. Никогда еще за всю войну столь большое количество сил и средств не сосредоточивалось для наступления в такой узкой полосе, общая ширина которой составляла всего 385 км.

Советское командование добилось на берлинском направлении превосходства над противником в личном составе в два с половиной раза, артиллерии и танках – в четыре и самолетов – более чем вдвое. Выделенные силы под руководством накопивших богатейший опыт военачальников обеспечивали выполнение поставленных задач.

Основная роль в предстоящей операции отводилась 1-му Белорусскому фронту. Его войсками командовал прославленный полководец маршал Г.К. Жуков, который одновременно являлся заместителем Верховного Главнокомандующего вооруженными силами. Наступая по кратчайшему пути на столицу рейха, войска фронта наносили три удара. На направлении главного удара, который Жуков планировал с кюстринского плацдарма, наступали четыре общевойсковые и две танковые армии. Они уже на шестой день операции должны были взять Берлин. Севернее и южнее плацдарма наносили удары по две общевойсковые армии. Отрезая противника от Берлина, они должны были на одиннадцатый день выйти к Эльбе.

С войсками маршала Жукова тесно взаимодействовали 1-й Украинский и 2-й Белорусский фронты, возглавляемые маршалами И.С. Коневым и К.К. Рокоссовским. 2-й Белорусский фронт должен был ударом трех армий из района южнее Штеттина отсечь противника от Берлина в Западной Померании и уничтожить его. Войскам Конева предстояло нанести два удара: главный – силами трех общевойсковых и двух танковых армий южнее Берлина, а вспомогательный – двумя армиями на Дрезден. Ставка приказала Коневу предусмотреть поворот танковых армий на север, чтобы в случае необходимости помочь войскам 1-го Белорусского фронта в овладении Берлином.

Такое решение вполне устраивало Конева. “Разумеется, это было моим страстным желанием, – писал он после войны об ударе на Берлин. – Не боюсь в этом при-

зняться и сейчас”⁹. Однако Жуков делиться славой в овладении столицей Германии с соседом не хотел. Вернувшись из Москвы, он изменил задачу танковым армиям, которые согласно только что полученной директиве Ставки от 2 апреля должны были обходить Берлин с севера¹⁰. Жуков приказал 1-й гвардейской танковой армии наступать южнее города, чтобы уже на второй день выйти к нему, а затем на западной окраине соединиться со 2-й гвардейской танковой армией, которой по-прежнему предстояло продвигаться севернее столицы.

С военной точки зрения изменение задачи танковой армии было вполне обоснованным. Она могла быстрее общевойсковых армий выйти на южную окраину Берлина и лишит противника возможности получить помощь с юга. Сталин утвердил новое решение командующего. “Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее”, – заявил он Жукову, когда тот изложил свои доводы¹¹.

Задачи фронтам Ставка ВГК поставила 2–6 апреля. До начала наступления оставалось совсем немного времени, а работа предстояла огромная. Главная трудность заключалась в создании ударных группировок. Дело в том, что основные силы фронтов находились в стороне от намеченных ударов. Из Восточной Пруссии в состав 1-го Украинского фронта прибывало две армии, следуя в железнодорожных эшелонах, еще не подошли. В особенно сложных условиях оказался Рокоссовский: 2-му Белорусскому фронту предстояло перегруппировать войска из-под районов Данцига и Гдыни на расстояние 300 км и, сменив армии правого крыла 1-го Белорусского фронта, занять исходное положение для наступления в низовьях Одера. К 16 апреля 2-й Белорусский фронт никак не поспевал выйти в новые районы. Жуков лично докладывал об этом Сталину еще 29 марта. “Ну что ж, – ответил Верховный, – придется начать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он запоздает на несколько дней – не беда”¹². 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам было приказано перейти в наступление 16 апреля, а 2-му Белорусскому – 20 апреля.

В целом к назначенным срокам войска завершили подготовку. Однако 28-я и 31-я армии 1-го Украинского фронта находились еще на подходе. Не успели полностью сосредоточиться в новых районах и некоторые части двух других фронтов. Их пришлось выделить во второй эшелон и резерв, а операцию начинать, не дожидаясь опоздавших.

Сжатые сроки подготовки наступления отразились и на других вопросах, важнейший из них – тыловое обеспечение войск. В ходе их предыдущего продвижения, которое шло почти непрерывно уже более двух месяцев, большая часть запасов была израсходована; склады фронтов и армий отстали, тыловые коммуникации растянулись. Движение по железным и шоссейным дорогам восстанавливалось медленно. Работы было много, следовало спешить.

Тем не менее тыл со своими задачами справился в целом успешно. К середине апреля были созданы необходимые запасы, хотя предстоящее наступление до р. Эльбы обеспечивалось боеприпасами лишь с учетом планируемых поставок. Оставалось их своевременно получить. Для облегчения подвоза фронтные и армейские базы были сосредоточены непосредственно у Одера, что не требовало их перемещения до конца операции. Перед наступлением госпитали были освобождены от не подлежащих лечению во фронтовом тылу больных, а армейские госпитали подготовлены к перемещению и быстрому приему раненых.

Кропотливая работа велась и среди личного состава. Все воины от маршала до солдата понимали, что война подходит к концу. Вполне понятное стремление каждого остаться живым до долгожданной победы создавало определенные трудности. К тому же понесшие большие потери войска получили пополнение в основном за счет призванных из Прибалтики, Молдавии и западных районов Украины и Белоруссии, только что освобожденных от германской оккупации. Они были плохо обучены военному делу, в довершение слабо владели русским языком. Все это требовало от командиров и политработников особых усилий.

Новых воинов командиры дивизий и начальники политотделов встречали лично. Сразу же проводились митинги, на которых ветераны поздравляли новичков со вступлением в ряды фронтовиков, призывали множить боевые традиции части. В торжественной обстановке вручалось оружие. Боевой дух всего личного состава поддерживался письмами родственников и земляков, которые призывали солдат и офицеров быстрее разгромить врага и живыми вернуться домой.

Действия велись на германской территории, где требовалось найти четкую грань между мирным населением и врагом, который еще недавно оккупировал советскую землю, творя на ней неслыханные злодеяния. Важно было направить вполне естественный и справедливый гнев советских воинов к оккупантам на выполнение боевых задач, не допустив в то же время бесчинств в отношении местных жителей.

В разгар подготовки наступления на Берлин газета “Красная звезда” 11 апреля опубликовала статью популярного советского писателя И. Эренбурга. В ней он призывал беспощадно мстить всем немцам. Через несколько дней “Правда” указала на ошибочность взглядов писателя. Однако в сознании советских воинов стремление мстить немцам преобладало и быстро побороть его было очень трудно. В памяти и перед глазами многих остались тысячи сожженных городов и сел, загубленные жизни родных, близких, товарищей по оружию.

Как и всегда, главной опорой командиров и политических органов в подготовке личного состава к выполнению боевых задач были коммунисты. Большие потери в предыдущих боях привели к распаду многих партийных организаций, поэтому принимались все возможные меры к их восстановлению. Только за месяц – с 15 марта до 15 апреля – партийные организации трех фронтов приняли в свои ряды более 17 тыс. солдат и офицеров, причем только лучших, особо отличившихся воинов¹³. Основное внимание уделялось созданию полнокровных партийных организаций в подразделениях. С этой целью туда переводились коммунисты из тыловых частей. К началу наступления ротные ячейки уже насчитывали от 8 до 20 коммунистов. На собраниях, проведенных накануне наступления, принимались решения, которые обязывали коммунистов первыми подняться в атаку, в боях показать пример выполнения воинского долга.

В армиях 1-го Белорусского фронта готовились специальные Государственные флаги СССР размером 1,5 на 3 м. Каждая армия, наступавшая на Берлин, изготовила один такой флаг, предназначался он для водружения на поверженном здании парламента третьего рейха – рейхстаге. Однако в 3-й ударной армии решили заготовить девять знамен, по числу входящих в ее состав стрелковых дивизий¹⁴. В свою очередь корпуса, дивизии, полки и даже подразделения имели свои красные флаги. Лучшим воинам поручалось установить их на объекте, захваченном у противника, что в ходе войны стало традицией.

Пока советские войска завершали подготовку к Берлинской операции, западные союзники стремительно продвигались на восток. 11 апреля бронетанковые дивизии 9-й американской армии генерала У. Симпсона начали выходить к Эльбе. До столицы Германии оставалось немногим больше 100 км. Оторвавшись от главных сил, подходившие к реке дивизии испытывали недостаток горючего. Генерал уверял, что если ему в течение двух суток подвезут запасы, он через 24 часа опередит русских, будет в Берлине. Об этом доложили Эйзенхауэру, но главнокомандующий отклонил предложение. 15 апреля он писал в Вашингтон: “Хотя и верно то, что мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, однако следует помнить, что на эту реку вышли только передовые части; основные же силы пока находятся далеко позади”¹⁵. Реально оценивая обстановку, он как главнокомандующий отдавал себе отчет, что необходимых для овладения Берлином сил у него пока нет. Тем не менее Черчилль смирился с этим лишь после того, как Красная Армия прорвала оборону немцев на берлинском направлении.

КОЛЬЦО ЗАМКНУЛОСЬ

До начала общего наступления 1-й Белорусский фронт провел разведку боем. Выделенные для этого батальоны и полки с утра 14 апреля атаковали с кюстринского плацдарма позиции противника. За два дня они продвинулись на 5 км. Наибольшего успеха достигли передовые части 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова. Сдержат их натиск 20-я моторизованная дивизия немцев не смогла. Взбешенный полученным об этом известием, Гитлер назначил расследование. Не дожидаясь его результатов, он приказал отобрать у всего личного состава провинившейся дивизии ордена и другие знаки отличия до тех пор, пока солдаты и офицеры не заслужат их вновь¹⁶. Однако важно другое: германское командование приняло разведку боем за наступление главных сил и считало, что оно отражено. Но то было заблуждение и неправильная оценка обстановки.

16 апреля за два часа до рассвета войска маршала Жукова начали наступление. После короткой, но мощной артиллерийской подготовки пехота и танки двинулись на вражескую оборону. На каждом километре участка прорыва сокрушительный огонь вели в среднем около 300 орудий и минометов, атаковали более 40 танков непосредственной поддержки пехоты. С началом атаки на участках прорыва были включены 143 зенитных прожектора. Их ослепительный свет немцы приняли за новое оружие. Противник был так ошеломлен, что смог организовать сопротивление только на рассвете. Особой силы сопротивление достигло в середине дня, когда атакующие войска подошли к Зееловским высотам, где немцы сосредоточили основные усилия. Атака стрелковых дивизий захлебнулась. Жуков планировал ввести танковые армии после того, как пехота овладеет этим мощным противотанковым препятствием. Однако усилий первого эшелона фронта для прорыва обороны на высотах оказалось недостаточно. Во второй половине дня пришлось ввести в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии генералов М.Е. Катукова и С.И. Богданова. Танки могли продвигаться только по дорогам, вдоль которых противник создал сильную противотанковую оборону, для чего широко использовал скорострельные зенитные пушки, снятые с противовоздушной обороны Берлина. Несмотря на все усилия, в первый день советские войска выполнить задачу не сумели. Высоты были взяты лишь на второй день.

Ожесточенная борьба по прорыву одерского оборонительного рубежа, общая глубина которого достигала 30 км, продолжалась. Каждый день наступление начиналось после сильной артиллерийской подготовки и шло при непрерывной поддержке огнем артиллерии и ударами авиации. Танковые и стрелковые соединения совместными усилиями упорно прогрызали мощную оборону врага. Только на четвертый день, к исходу 19 апреля, главная ударная группировка 1-го Белорусского фронта прорвала одерский рубеж. Танковые армии, которые по замыслу Жукова должны были на второй день наступления выйти к Берлину, не сумели оторваться от пехоты. До столицы им оставалось 30 км.

В своих воспоминаниях маршал Жуков признает, что допустил оплошность, которая затянула сражение на один-два дня: «При подготовке операции мы несколько недооценили сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10–12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации»¹⁷. Одновременно маршал считал, что свою долю ответственности за недостаточную готовность к взятию высот должны взять на себя командующие армиями, чьи войска прорывали оборону противника на этом направлении.

Удар с кюстринского плацдарма наносили 3-я и 5-я ударные, 8-я гвардейская и 47-я армии генералов В.И. Кузнецова, Н.Э. Берзарина, В.И. Чуйкова и Ф.И. Перхоровича, из которых в конце 60-х годов, когда были опубликованы мемуары

Георгия Константиновича, в живых остался один Чуйков. Он на 8 лет пережил Жукова.

Жуков требовал не прекращать наступать и ночью. Командиры дивизий, корпусов и даже командующие армиями получили его приказ перенести свои наблюдательные пункты в боевые порядки частей и соединений. Все это мало отразилось на ходе операции. Войска, особенно наступавшие впереди танковые армии, несли большие потери. Во 2-й гвардейской танковой армии 18 апреля был тяжело ранен командир 12-го гвардейского танкового корпуса генерал Н.М. Теляков, погиб командир 48-й гвардейской танковой бригады полковник В.И. Макаров, которого всего две недели назад поздравляли с присвоением звания Героя Советского Союза. Значительно больше гибло солдат, сержантов и младших офицеров. Что говорить: война без жертв не бывает, но гибель воина, который прошел всю войну и на пороге победы погиб, особенно тяжела.

Медленное продвижение войск 1-го Белорусского фронта беспокоило Ставку. Из Москвы требовали ускорить темпы наступления. Жукову пришлось выслушивать и упреки Сталина. “Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии (то есть для обхода Берлина с юга. – *Ред.*), а не там, где требовала Ставка,” – резко отчитывал Верховный своего заместителя¹⁸. Упрек был несправедлив уже потому, что и севернее Берлина дела шли не лучше. Севернее кюстринского плацдарма 61-я и 1-я польская армии генералов П.А. Белова и С.Г. Поплавского за четыре дня вклинились в оборону противника на 8 км, а наступавшие южнее плацдарма 69-я и 33-я армии под командованием генералов В.Я. Колпакчи и В.Д. Цветаева – всего лишь на 6 км.

1-й Украинский фронт перешел в наступление одновременно с 1-м Белорусским. В ночь на 16 апреля была проведена разведка боем, с рассветом началась артиллерийская и авиационная подготовка атаки, а также постановка плотной дымовой завесы. Передний край обороны немцев задымлялся не только в 90-километровой полосе, где наступала ударная группировка 1-го Украинского фронта, но и на остальном 300-километровом рубеже. Такая огромная дымовая завеса за годы войны применялась впервые. С одной стороны, она имела цель прикрыть переправу войск через р. Нейсе, а с другой – помешать противнику определить направление ударов фронта.

В ходе мощной артиллерийской подготовки, которая длилась почти два с половиной часа, пехота переправилась через Нейсе и атаковала противника. Уже через час были наведены тяжелые мосты и на помощь пехоте пришли танки непосредственной поддержки. Враг яростно оборонялся, бросив на помощь своей пехоте три танковые дивизии и танкоистребительную бригаду. Но и маршал Конев наращивал усилия. В сражение были введены 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса, которыми командовали генералы П.П. Полубояров и Е.И. Фоминых. Из-за того что они имели слишком мало танков, в бой пришлось ввести также передовые отряды 3-й и 4-й гвардейских танковых армий.

К исходу дня 3-я и 5-я гвардейские танковые армии вместе с 13-й армией под командованием генералов В.Н. Гордова, А.С. Жадова и Н.П. Пухова прорвались на глубину 13 км. При этом пришлось преодолевать не только сопротивление противника, но и лесные массивы, в которых от ударов авиации и огня артиллерии возникли пожары. Хуже шло дело на дрезденском направлении. Наступавшая там 52-я армия генерала К.А. Коротева вместе со 2-й польской армией генерала К.К. Сверчевского сумели на небольшом участке вклиниться в оборону врага лишь на 4–5 км.

17 апреля командующий усилил главную ударную группировку фронта, введя в сражение 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии. Сломив сопротивление противника, танкисты генералов П.С. Рыбалко и Д.Д. Лелюшенко с ходу форсировали Шпрее и на следующий день завершили прорыв оборонительного рубежа, имевшего глубину 40 км.

Напряженные бои разгорелись на дрезденском направлении. Обеспокоенный прорывом обороны на р. Шпрее, командующий группой армий “Центр” фельдмаршал Ф. Шернер сосредоточивал в районе Герлица девять дивизий¹⁹. Контрударом на север по левому флангу главной ударной группировки 1-го Украинского фронта он стремился задержать ее наступление на Берлин. Не дожидаясь пока сосредоточатся все дивизии, фельдмаршал приказал уже 18 апреля нанести удар. Командующий 52-й армией генерал Коротеев вынужден был прервать наступление и отражать натиск противника. Под ее прикрытием 2-я польская армия продолжала наступление. К этому времени в состав 1-го Украинского фронта начали прибывать соединения 28-й армии. Конев приказал ее командующему генералу А.А. Лучинскому выдвигаться на главное направление.

Учитывая, что после форсирования Шпрее на пути войск 1-го Украинского фронта к Берлину противник крупных резервов не имел, а 1-му Белорусскому фронту еще предстояло прорываться через прочную оборону. Ставка решила вернуть танковые армии Конева на столицу. Соответствующие указания он получил еще 17 апреля и сразу же поставил задачу командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями: после преодоления Шпрее развивать наступление на Берлин, чтобы в ночь на 21 апреля ворваться на его южные окраины. Задача предстояла нелегкая: до Берлина по прямой 120 км, а на их преодоление отводилось всего двое суток.

Получив долгожданную команду, танковые армии Рыбалко и Лелюшенко 18 апреля форсировали Шпрее и устремились на север. Стремясь во что бы то ни стало первым ворваться в Берлин, Конев основные надежды возложил на многоопытного командарма Рыбалко. Командующий фронтом усилил 3-ю гвардейскую танковую армию зенитной артиллерийской дивизией, артиллерийским корпусом прорыва, истребительным авиакорпусом. 21 апреля в полосе наступления танковой армии Конев ввел в сражение прибывшую 28-ю армию, усилив ее артиллерийской дивизией. Для быстрой переброски стрелковых частей в распоряжение командующего 28-й армией генерала А.А. Лучинского был выделен автотранспорт.

На пути танкистов Рыбалко к Берлину оказался Цоссен. Здесь глубоко в подземелье располагался главный командный пункт вермахта, где размещались штаб оперативного руководства во главе с генералом А. Йодлем и штаб сухопутных войск, возглавляемый генералом Г. Кребсом. При появлении советских танков личный состав обоих штабов в спешке покинул Цоссен.

Несмотря на быстрое продвижение, 3-я гвардейская танковая армия не смогла выполнить задачу в указанный срок. Лишь вечером 22 апреля, т.е. с опозданием почти на сутки, передовые танковые бригады подошли к Берлину. Однако преодолеть Тельтов-канал с ходу не удалось: оборона южной окраины города оказалась сильной.

Упорно продвигались к Берлину и войска 1-го Белорусского фронта. Получив сообщение о наступлении на столицу танковых армий 1-го Украинского фронта, маршал Жуков вечером 20 апреля направил командующим 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями срочную директиву: им поручалась “историческая задача: первыми ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы”. Требовалось выделить от каждого корпуса по лучшей бригаде и “не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада Сталину и объявления в прессе”²⁰. Однако к городу удалось прорваться только к вечеру, когда к северо-восточной окраине вышла 2-я гвардейская танковая армия, а вместе с ней стрелковые соединения 3-й и 5-й ударных армий. Наступавшая на южном фланге главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта 1-я гвардейская танковая армия отстала. До столицы ей оставалось еще 20 км.

Такими результатами боевых действий Жуков был недоволен. “Оборона Берлина организована очень слабо, – убеждал он командармов в телеграмме от 22 апреля, – а операция наших войск по взятию города развивается очень медлен-

но”²¹. Командующий фронтом требовал организовать круглосуточное наступление. Отставшей 1-й гвардейской танковой армии было приказано переправиться через Шпрее на участке 8-й гвардейской армии и не позднее 24 апреля овладеть на юго-востоке столицы Темпельхофом.

В целом к исходу 22 апреля над противником, оборонявшимся в Берлине и южнее, нависла угроза окружения. Всего 40 км разделяли войска 1-го Белорусского фронта, обходящие Берлин с севера, от войск 1-го Украинского фронта, наступавших на столицу с юга. Ставка ВГК требовала от Жукова и Конева ускорить окружение берлинской группировки.

24 апреля 8-я гвардейская и 1-я гвардейская танковые армии 1-го Белорусского фронта встретились с 3-й гвардейской танковой и 28-й армиями на юго-восточной окраине Берлина. На следующий день 2-я гвардейская танковая и 47-я армии, обойдя столицу севернее соединились с 4-й гвардейской танковой армией 1-го Украинского фронта западнее Берлина. Группировка противника численностью более 500 тыс. человек была не только окружена, но и рассечена на две части: одна осталась в Берлине, другая – южнее города.

2-й Белорусский фронт к 20 апреля завершил подготовку к наступлению. К исходу 19 апреля его войска полностью очистили междуречье между Ост- и Вест-Одером и, наведя мосты через восточный рукав, заняли исходное положение для форсирования Вест-Одера. Основную часть артиллерии пришлось оставить перед Ост-Одером. Зато пленное междуречье не позволило разместить артиллерию ближе, что затрудняло эффективную поддержку атаки переднего края, который проходил за основным, западным рукавом Одера.

Как и планировалось, наступление главных сил 2-го Белорусского фронта началось 20 апреля. Согласно новой задаче, полученной Рокоссовским два дня назад, его войска должны были после форсирования Одера не позднее 22 апреля нанести удар в юго-западном направлении на Берлин, чтобы помочь маршалу Жукову в овладении столицей²².

В 50-километровой полосе южнее Штеттина наступали 65, 70 и 49-я армии, которыми командовали генералы П.И. Батов, В.С. Попов и И.Т. Гришин. Каждая армия прорывала оборону на узком участке от 4 до 6 км, где и сосредоточивались почти все силы. Севернее Штеттина оборонялась 2-я ударная армия. Ее задача состояла в том, чтобы демонстрировать форсирование Одера и не допустить переброски войск противника на направление, где наносился главный удар.

Несмотря на то что армии имели по девять стрелковых дивизий, против которых оборонялась всего одна немецкая пехотная дивизия, 20 апреля только 65-й и 70-й армиям удалось захватить на левом берегу Вест-Одера три небольших плацдарма глубиной до полутора километров. При этом 49-я армия, где Рокоссовский сосредоточивал основные силы, преодолеть реку не сумела. Генерала Гришина подвела разведка: не разобравшись в хитросплетении рукавов и каналов, она неправильно определила основное русло реки, а значит, и передний край обороны противника. Результат оказался плачевным: авиация и артиллерия нанесли удары по пустому месту, а двинувшиеся в атаку подразделения попали под губительный огонь противника. 49-я армия форсировала Одер только 25 апреля.

21 апреля Рокоссовскому пришлось перенести основные усилия ударной группировки фронта на правый фланг в полосу 65-й армии, которая добилась большего успеха. Маневр осуществлялся перенацеливанием ударов 4-й воздушной армии, перегруппировкой артиллерии и переправочных средств. Уже к вечеру на участке форсирования 65-й армии через Вест-Одер было наведено шесть паромных переправ для грузов до 16 т. Возможности армии резко возросли. К тому же через восточный рукав к этому времени были наведены переправы, выдерживающие 30–50 т, что позволило перебрасывать тяжелую технику, включая танки. 24 апреля через Одер была переправлена вся армия.

Генерал Х. Мантейфель – командующий 3-й немецкой танковой армией, которая оборонялась против войск 2-го Белорусского фронта, бросил к участку прорыва 65-й армии все резервы. При поддержке артиллерии крепости Штеттин они непрерывно контратаковали советские войска. Отражая эти удары, особенно отличился стрелковый батальон майора В.Д. Мячина, который всего год назад надел погоны младшего лейтенанта. 22 и 23 апреля Мячин лично семь раз водил роты в атаку. За умелое командование батальоном при захвате и удержании плацдарма, причем с малыми потерями, за личное мужество и героизм командиру батальона было присвоено звание Героя Советского Союза. На груди талантливого офицера к орденам Красной Звезды, Отечественной войны, Александра Невского и Суворова прибавилась высшая награда Родины – орден Ленина и Золотая Звезда Героя.

23 апреля по каналам междуречья удалось провести тяжелые понтоны и собрать через Вест-Одер мост грузоподъемностью 60 т. Противник открыл по нему ураганный артиллерийский огонь. Хотя ряд понтонов был поврежден, мост удалось быстро восстановить, а батареи немцев, обстрелявшие его, были уничтожены. Советские танки начали переправу без особых помех противника.

25 апреля 1-й гвардейский танковый корпус генерала М.Ф. Панова, вступив в сражение на участке 65-й армии, завершил прорыв главной полосы обороны. Достичь большего успеха ему не удалось: сопротивление противника, усиленного резервами, нарастало. В тот день более значительным оказалось продвижение 70-й армии, наступавшей в центре ударной группировки фронта. Воспользовавшись тем, что противник бросил основные силы против 65-й армии, стрелковые дивизии 70-й армии вырвались вперед и к исходу дня продвинулись более чем на 20 км. Теперь путь им преграждала р. Рандов, по которой проходила вторая полоса обороны немцев. Левофланговая 49-я армия преодолела Одер, используя переправы соседней армии, и к вечеру продвинулась на 5–6 км.

К этому времени удар войск 2-го Белорусского фронта для помощи в овладении Берлином уже не требовался. Оценивая решение Сталина повернуть войска этого фронта на Берлин, Жуков писал: «Есть такая поговорка: “Поспешишь – людей насмешишь”. Так и получилось с этой директивой Ставки»²³. 25 апреля Рокоссовскому было приказано действовать в общем направлении на северо-запад, прижимая противника к морю.

Наступление Красной Армии на Берлин изменило обстановку на западном фронте. 15 апреля командующий группой армий “Б” фельдмаршал В. Модель, войска которого были окружены в Руре, после долгих раздумий приказал солдат старших и младших возрастов, только что призванных в армию, распустить по домам, а остальным с 17 апреля сопротивление прекратить и сдаваться в плен или пробиваться из окружения²⁴. Однако прорваться стремились немногие. 20 апреля началась массовая сдача в плен. Сам Модель на следующий день застрелился. Западный фронт вермахта прекратил существование.

21 апреля Эйзенхауэр направил через военную миссию США в Москве начальнику Генерального штаба Красной Армии генералу А.И. Антонову информацию о своих планах и предложил рубеж рек Эльбы и Мульде для соединения англо-американских войск с советскими. Антонов ответил согласием. О возможности встречи с войсками западных союзников маршалы Жуков, Конев и Рокоссовский были предупреждены еще 20 апреля, когда им сообщили согласованные с союзниками сигналы для взаимного опознавания. Согласно полученным указаниям, командующие армиями должны были при встрече по договоренности со старшим начальником войск союзников установить временную линию, исключавшую их перемешивание²⁵.

Первая встреча произошла 25 апреля на р. Эльбе. Как сообщал в тот день Антонову начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал И.Е. Петров, в районе Торгау в 15 часов передовые подразделения 58-й гвардейской стрелковой дивизии встретились с разведывательными группами американской 69-й пехотной дивизии.

Момент был поистине исторический: почти год, громя общего врага, продвигались навстречу друг другу союзные армии и наконец соединились. Москва отметила важное событие традиционным салютом: прогремели 24 артиллерийских залпа из 324 орудий. До сих пор так отмечалось освобождение столицы союзной республики или государства. А поздравительный приказ Сталина был адресован не непосредственному виновнику торжества – войскам 1-го Украинского фронта, как это обычно делалось, а всей действующей армии. По этому же поводу 27 апреля было опубликовано обращение Сталина к Красной Армии и войскам союзников. Аналогичным образом поступили У. Черчилль и Г. Трумэн, ставший после смерти Рузвельта президентом США.

Несмотря на то что событие на Эльбе оценивалось главами союзных держав как расщепление войск Германии на две части, имело оно чисто символический характер. С войсками 1-го Украинского фронта встретились только разведывательные подразделения 1-й американской армии. Ее главные силы находились на взаимно обусловленном рубеже р. Мульде, что в 50 км западнее Эльбы. Главные же силы 1-го Украинского фронта вышли к Мульде позднее, в начале мая, готовясь к проведению Пражской операции.

Вслед за первой встречей последовали взаимные визиты. 26 апреля командир 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерал В.В. Русаков принимал командира 69-й пехотной дивизии генерала Э. Рейнхардта. На следующий день командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Г.В. Бакланов встречал командира 5-го армейского корпуса генерала К. Хюбнера. Больше всего убеленных сединами американцев удивила и восхитила молодость советского генерала, которому в ту пору шел тридцать пятый год. 30 апреля генерал А.С. Жадов, командующий 5-й гвардейской армией, устроил прием в честь генерала Э. Ходжеса, командующего 1-й американской армией. Двумя днями раньше на приеме у маршала Конева командующий 12-й группой армий США генерал О. Брэдли заявил: “Наш народ всегда с восхищением следил за боями и победами славной Красной Армии, и мои солдаты и офицеры стремились подражать боевому примеру, который подавали им войска 1-го Украинского фронта”²⁶. Ответные визиты наносили советские военачальники. Повсеместно воины союзных армий, с трудом еще сознавая окончание так опостылевшей всем войны, встречались как братья по оружию.

Гитлер и его приближенные до последнего момента надеялись, что встречное наступление Красной Армии и англо-американских войск приведет к вооруженному столкновению, а вслед за этим и распаду союза трех великих держав. Однако их расчеты не оправдывались; никаких боевых стычек между союзниками не произошло, и, следовательно, последние иллюзии нацистского руководства на благополучное для себя окончание войны рухнули безвозвратно.

ШТУРМ БЕРЛИНА

После 25 апреля основная задача войск 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов заключалась в разгроме группировок противника, окруженных в Берлине и южнее его. По совету своего верного соратника генерала А. Йодля Гитлер решил повернуться спиной к англо-американским войскам, а все усилия сосредоточить на удержании Берлина.

Еще 20 апреля фюрер намеревался вылететь в Южную Германию и оттуда руководить продолжением войны. Однако через день его планы кардинально изменились: он решил лично возглавить оборону столицы и в случае неудачи здесь же умереть. В тот же день диктатор провел со своими приближенными последнее совещание, после которого они направились в войска для организации помощи Берлину. 12-я армия, которая держала оборону вдоль Эльбы против американских войск, спешно перебрасывалась на восток. Она получила приказ пробиться навстречу

войскам 9-й и 4-й танковой армий, окруженным южнее Берлина, чтобы отрезать армии 1-го Украинского фронта, ворвавшиеся в столицу с юга. Соединившись, немецкие армии должны были наступать на север и разорвать кольцо окружения берлинского гарнизона²⁷. С севера же на помощь столице направлялась армейская группа обергруппенфюрера СС Ф. Штейнера. Предполагалось, что претворению в жизнь этого замысла будут способствовать и действия герлицкой группировки, которая продолжала наносить удары по войскам 1-го Украинского фронта, наступавшим на Дрезден.

Прекращая сопротивление на западе, Гитлер намеревался создать благоприятную почву для соглашения с англо-американским руководством. Как заявил генерал Йодль начальнику штаба люфтваффе генералу К. Коллеру в личной беседе 23 апреля, «совсем безразлично, что при этом предпримут американцы на Эльбе. Может быть, удастся доказать этим, что мы хотим воевать только против Советов»²⁸. Окруженные южнее Берлина войска противника, основу которых составляла 9-я армия под командованием генерала Т. Буссе, насчитывали до 200 тыс. человек, более 300 танков и штурмовых орудий, свыше 2 тыс. орудий и минометов²⁹. Взвешивая в кольцо эту группировку войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов превосходили ее по личному составу почти в полтора и по артиллерии в четыре раза. Танков у той и другой стороны было поровну, ибо основные силы танковых войск обоих советских фронтов сражались за Берлин.

В очень сложном положении оказался 1-й Украинский фронт. Его войскам предстояло действовать одновременно на четырех направлениях: наступая на север, штурмовать Берлин; не допустить прорыва из окружения 9-й армии на запад; сорвать наступление 12-й армии на восток; отразить контрудар герлицкой группировки с юга. Штурм Берлина и разгром 9-й армии предстояло осуществлять в тесном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом, войска которого, кроме того, обходя столицу с севера, выходили на Эльбу.

Сложность предстоящих задач, решаемых двумя фронтами, требовала четкого и оперативного взаимодействия. Между тем наступление войск на берлинском направлении по-прежнему координировал Сталин. Так как Верховный находился в Москве, его реакция на изменения обстановки не могла быть своевременной. Командующие больше действовали самостоятельно.

Несмотря на отсутствие единого руководства уничтожением окруженного противника, распределение задач между фронтами было естественным и целесообразным. Командование 1-го Украинского фронта не только предвидело, но и вовремя вскрыло подготовку 9-й армии немцев к прорыву на запад. Конев уделил основное внимание организации обороны на участке, где генерал Буссе готовил удар. Такая задача была поставлена 3-й гвардейской армии, а также 28-й и 13-й армиям, которые выделили для обороны по одному стрелковому корпусу. Перейдя к обороне фронтом на восток, эти войска спешно оборудовали три оборонительные полосы общей глубиной до 20 км. Одновременно 3, 69 и 33-я армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус 1-го Белорусского фронта получили задачу ударами с севера и востока расчленив и во взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта уничтожить группировку немцев южнее Берлина³⁰. Против 12-й армии противника предстояло действовать 4-й гвардейской танковой и 13-й армиям, которые продолжали наступать в общем северо-западном направлении, находясь к исходу 25 апреля в 50 км западнее окруженных сил врага.

Для поддержки войск маршал Конев выделил шесть авиационных корпусов, что составляло три четверти всех сил 2-й воздушной армии. В полосе 1-го Белорусского фронта главные силы авиации поддерживали войска, которые штурмовали Берлин. В интересах армий, наносивших удары по 9-й армии противника, Жуков выделил всего три штурмовые авиадивизии.

В ночь на 26 апреля немцы, используя лесные массивы, скрытно сосредоточили на узком участке пять дивизий, но уже на рассвете воздушная разведка 1-го Ук-

раинского фронта вскрыла их. Командир 4-го бомбардировочного корпуса генерал П.П. Архангельский сразу же поднял в воздух 70 бомбардировщиков, которые нанесли удар. Противник был ослаблен, но все же перешел в наступление и атаковал еще не успевшие окопаться советские войска.

Удар пришелся как раз в стык двух дивизий 21-го стрелкового корпуса генерала А.А. Яманова. Немцы наступали колоннами. В голове двигались танки, которые буквально таранили боевые порядки оборонявшихся войск. Как показали взятые в плен, их гнала вперед не только угроза расстрела за невыполнение боевой задачи, но и страх перед ужасами сибирской каторги, усиленно раздуваемый фашистской пропагандой. Уже через три часа после начала атаки ударная группа противника прорвалась на глубину 10–15 км.

В ожесточенных боях особое упорство проявил батальон 293-го гвардейского стрелкового полка под командованием капитана И.М. Филипповского. Позиции батальона атаковало около двух батальонов пехоты при поддержке шести танков и штурмовых орудий. 26 апреля противник пытался прорваться восемь раз, но безуспешно. Когда подошла помощь, капитан поднял роты в атаку. Только в плен они захватили 450 немцев³¹. За умелое командование, личное мужество и героизм капитан Филипповский был удостоен звания героя Советского Союза, а многие офицеры и солдаты батальона награждены орденами и медалями.

Прорванный фронт окружения удалось восстановить благодаря контрудару 25-го танкового корпуса, которым командовал генерал Е.И. Фоминых. В отражении попытки немцев вырваться из окружения большую роль сыграла 2-я воздушная армия генерала С.А. Красовского. Особенно напряженно работали экипажи самолетов 1-го и 2-го гвардейских штурмовых авиакорпусов. Группами восемь–десять штурмовиков они наносили непрерывные удары. Немецкие солдаты не выдерживали налетов и разбегались по горящему лесу.

Войска 1-го Белорусского фронта теснили 9-ю армию Буссе с севера. Утром 27 апреля навстречу им перешла в наступление 3-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта под командованием генерала В.Н. Гордова.

Возраставшая угроза уничтожения, следовавшие один за другим грозные приказы Гитлера гнали окруженную группировку немцев на запад, навстречу 12-й армии. В свою очередь, фельдмаршал В. Кейтель и генерал Йодль, на которых фюрер возложил организацию встречного наступления, требовали от обеих армий самых решительных действий.

9-ю армию генерала Буссе и попавшие в окружение дивизии 4-й танковой армии советские войска сжимали со всех сторон. В довершение к этому они подвергались сильным ударам авиации. Задохаясь в дыму лесных пожаров, немцы отчаянно стремились вырваться из этого ада. Ночь на 27 апреля Буссе использовал для подготовки нового прорыва, а с утра предпринял очередную атаку. Наиболее результативным для оставшихся в окружении германских войск оказался день 29 апреля: они сумели на узком шестикилометровом участке прорваться на 25 км. Контрудары советских войск при поддержке авиации заставили противника остановить дальнейшее продвижение. Прорвавшиеся части были окружены в трех изолированных друг от друга районах. До соединения с 12-й армией оставалось менее 30 км.

12-я армия генерала В. Венка перешла в наступление 25 апреля. 5-й гвардейский механизированный и 102-й стрелковый корпуса генералов И.П. Ермакова и И.М. Пузикова отразили удар. Уже через день активность противника резко снизилась. По категорическому требованию Кейтеля и Йодля Венк ввел в сражение последние оставшиеся в резерве две дивизии и 29-го предпринял еще одну попытку прорваться к 9-й армии. 2-я воздушная армия генерала Красовского нанесла удар такой силы, что от дальнейшего наступления Венку пришлось отказаться. На следующий день Кейтель признал, что попытка деблокировать Берлин окончательно провалилась, о чем вынужден был доложить Гитлеру.

Тем не менее 20 тыс. солдат и офицеров упорно пробивались из окружения для

соединения с армией Венка. В ночь на 1 мая они вышли в тыл 5-го гвардейского механизированного корпуса, который оборонялся против 12-й армии. Между выходящими из окружения и армией Венка оставалось всего 3–4 км. Корпус генерала Ермакова занял круговую оборону. На помощь ему командующий 4-й гвардейской танковой армией бросил свои резервы. Разгорелись ожесточенные бои. Стремясь не допустить соединения противника, советские войска напрягали все силы. Даже раненые не покидали боевые порядки. В рядах танкистов генерала Лелюшенко таких было более 2 тыс.³² Решающую роль сыграли штурмовики 1-го гвардейского авиакорпуса генерала В.Г. Рязанова. Совместными усилиями танкистов и летчиков противник был разбит.

1 мая 9-я армия и попавшая в окружение часть 4-й танковой армии противника прекратили свое существование. Немцы потеряли 60 тыс. убитыми, а 120 тыс. сдались в плен. Лишь немногим удалось прорваться на запад. В качестве трофеев советским войскам достались более 300 танков и штурмовых орудий, 500 пушек и минометов, свыше 17 тыс. автомобилей и много другого имущества³³.

Одновременно войска 1-го Украинского фронта отражали контрудары герлицкой группировки немцев. 19 апреля ее девять дивизий нанесли удар по 52-й и 2-й польской армиям, наступавшим на дрезденском направлении, потеснив их на 20 км к северу. В помощь войскам, отражавшим контрудар, маршал Конев направил соединения 5-й гвардейской армии, в том числе успевший выйти к Эльбе 4-й гвардейский танковый корпус генерала П.П. Полубоярова. На поддержку войск была выделена штурмовая и истребительная авиация, а с 22 апреля и часть бомбардировщиков. Отражая контратаки противника, советские войска перешли к обороне и к исходу 24 апреля остановили его дальнейшее продвижение.

Стремясь облегчить положение Берлина, Гитлер потребовал от командующего группой армий “Центр” фельдмаршала Шернера возобновить наступление герлицкой группировки. С утра она опять предприняла контрудар. Атаки немцев продолжались до конца апреля, когда противник полностью исчерпал свои наступательные возможности. Вклинившись почти на 35 км, герлицкая группировка перешла к обороне. Выйти на тыловые коммуникации 1-го Украинского фронта, как предполагал фельдмаршал Шернер, она не смогла.

Главная задача 1-го Белорусского фронта, вместе с которым действовала часть войск 1-го Украинского, заключалась в штурме Берлина. Еще в начале марта Гитлер объявил его городом-крепостью, и теперь это был мощный оборонительный район.

22 апреля адмирал К. Дениц, который должен был возглавить войска, находящиеся в Северной Германии, получил от Гитлера телеграмму следующего содержания: “Битва за Берлин – решающая для судеб Германии. Все остальные задачи имеют второстепенное значение. Отложить все мероприятия военно-морских сил и поддержать Берлин переброской в город войск воздушным путем, по воде и суше”³⁴. На следующий день по радио было передано заявление И. Геббельса, который сообщал, что руководство обороной Берлина взял на себя сам фюрер и это придает битве за столицу европейское значение. По его словам, на оборону города выступило все население, а члены партии, вооруженные панцерфаустиами, автоматами и карабинами, заняли посты на перекрестках улиц³⁵.

Между тем в той обстановке дальнейшее сопротивление в Берлине не имело никакого смысла. Армия была обречена. Еще до окружения в городе кончились запасы угля, прекратилась подача электроэнергии, а 21 апреля остановились все предприятия, трамваи, метро, перестали работать водопровод и канализация. С выходом советских войск на окраины города гарнизон и жители лишились продовольственных складов. Населению на неделю выдали на человека по 800 г хлеба, 800 г картофеля, 150 г мяса и 75 г жиров³⁶. Жизнь города была парализована, начался голод. Дальнейшее сопротивление вело только к разрушению столицы и напрасным жертвам, в том числе и среди мирных жителей.

Окруженный гарнизон Берлина к 25 апреля насчитывал 300 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов, 250 танков и штурмовых орудий. Возглавлял его генерал Г. Вейдлинг, назначенный 12 апреля комендантом города-крепости. Окружившие столицу войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов имели около 464 тыс. солдат и офицеров, 14,8 тыс. орудий и минометов, почти 1500 танков и самоходных артиллерийских установок. В ходе штурма города к ним присоединились еще 12,5 тыс. польских воинов³⁷. Итак, советские войска превосходили противника в полтора раза, в артиллерии и танках – в 5–6 раз. Такого превосходства было бы вполне достаточно для разгрома врага в полевых условиях, но не в городе, где применение танков, естественно, затруднено, а укрытые в каменных зданиях живая сила и огневые средства имеют большие преимущества перед наступающими.

Во избежание напрасного кровопролития командование 1-го Белорусского фронта 23 апреля предложило гарнизону Берлина сдаться, но ответа не последовало. Днем 25 и в ночь на 26 апреля более 2 тыс. самолетов 16-й и 18-й воздушных армий, которыми командовали генерал С.И. Руденко и Главный маршал авиации А.Е. Голованов, нанесли по городу три массированных удара. Утром четыре общевойсковые армии и столько же танковых обоих фронтов, наступая с севера, востока и юга, начали штурм.

Удары наносились на узких участках общего 100-километрового фронта окружения города. Вклинившись в глубину, войска отсекали один квартал за другим и нарушали стройную систему обороны противника. Основную роль в его уничтожении в зданиях играли штурмовые группы и отряды, которые состояли из пехоты, усиленной танками, артиллерией, саперами и огнеметчиками. Пехота при их поддержке врвалась в здание и, продвигаясь с одного этажа на другой, уничтожала засевших там солдат. Бои шли круглые сутки одновременно на земле, в подземных коммуникациях и в воздухе. Сменяясь, штурмовые подразделения продвигались вперед.

Из-за того что Берлин был окутан дымом пожаров, летчики с большим трудом отличали своих от чужих. Для поддержки штурмовых отрядов использовались главным образом пикирующие бомбардировщики, причем экипажи подбирались лучшие из лучших. Точными ударами они обеспечивали штурм наиболее прочных зданий. Истребительная авиация не только прикрывала войска, но и блокировала берлинский гарнизон от снабжения воздушным путем. Прославленный летчик майор И.Н. Кожедуб сбил над Берлином свои последние два из 60 уничтоженных им за войну самолетов, за что был награжден третьей Золотой Звездой Героя Советского Союза. Среди сбитых здесь оказался и реактивный самолет-истребитель Ме-262.

Нельзя не сказать об отряде глиссеров Днепровской военной флотилии, который был придан 5-й ударной армии. До р. Шпрее десять маленьких кораблей отряда доставили на автомобилях. Спущенные на воду в ночь на 23 апреля, они под ураганным огнем перебросили на занятый противником берег передовые подразделения 230-й и 301-й стрелковых дивизий. Захваченный плацдарм позволил начать паромную переправу. Буксируя паромы, моряки перебросили через Шпрее 27 танков, 600 орудий и минометов. Всего за три дня отряд доставил на другой берег более 16 тыс. человек³⁸. Подвиг всего личного состава отряда был отмечен наградами, а 9 воинам присвоено звание Героя Советского Союза. Нелегко найти подразделение, которое, насчитывая всего лишь 30 человек, имело бы столько Героев. К сожалению, к концу переправы живых в отряде осталось всего 16 человек, а из них лишь 2 Героя – командир отряда лейтенант М.М. Калинин и командир катера старшина Г.П. Казаков³⁹. Остальные погибли, в том числе Герои Советского Союза матросы Н.А. Баранов, А.Е. Самофалов, В.В. Черинов, которым не исполнилось и девятнадцати лет.

Как всегда, труднее всего пришлось пехоте. Кто еще, кроме пехотинцев, мог врваться в здания и уничтожить противника в подвалах и подземных коммуникациях? Без пехоты даже танкам опасно было продвигаться по улицам. Дело в том,

что немцы широко применяли фаустпатроны. Пользоваться этим простым противотанковым средством были обучены даже подростки из фольксштурма; стреляло оно всего на 30 м, но пробивало броню до 200 мм. На узких улицах города фаустпатроны стали грозой танков. Одна только 2-я гвардейская танковая армия за неделю боев в Берлине потеряла 204 танка. Половина их оказалась подбитой фаустпатронами⁴⁰. Вот почему танкисты предпочитали наступать под прикрытием автоматов, в задачу которых входило уничтожение засевших в домах фаустников.

В то же время танковые армии, имея в своем составе небольшое количество мотопехоты, не могли одновременно обеспечивать сопровождение наступающих по городу танковых подразделений и создавать штурмовые группы для захвата зданий. Пришлось выделить для совместных действий со 2-й гвардейской танковой армией 1-ю польскую дивизию, а 3-ю гвардейскую танковую армию сопровождали три стрелковые дивизии 28-й армии. 1-я гвардейская танковая армия наступала совместно с 8-й гвардейской армией. При этом каждый корпус генерала М.Е. Катюкова продвигался с одним из стрелковых корпусов генерала В.И. Чуйкова. Такое взаимодействие решило проблему.

Однако вскоре возникли новые трудности: все войска устремились к центру Берлина – к рейхстагу. Естественно, полосы действий войск, в том числе и танковых армий, сужались, и им негде было развернуться. В это время танковая бригада наступала вдоль какой-нибудь улицы, ширина которой позволяла пройти, как правило, двум–трем развернутым в линию танкам и за ними – трем–четырем самоходным артиллерийским установкам. Остальные стояли, неся напрасные потери.

Советскому командованию наряду с руководством боевыми действиями пришлось взять на себя заботу о местном населении. Эти обязанности были возложены на командующего 5-й ударной армией генерала Н.Э. Берзарина, назначенного военным комендантом Берлина. Комендатуры создавались во всех только что взятых районах города. Так как в городе возник голод, тыловые органы фронтов и армий организовали выдачу продуктов горожанам. Советские солдаты и сами делились пищей с детьми, женщинами и стариками.

26 апреля от группировки, окруженной в Берлине, удалось отсечь Потсдам – пригород столицы. На следующий день 47-я армия генерала Ф.И. Перхоровича совместно с соединениями 2-й и 4-й гвардейских танковых армий уничтожила отрезанные там немецкие войска. В самом Берлине благодаря ударам с севера и юга противник оказался зажатым в узкой, не более 2–4 км, полосе, вытянутой с запада на восток почти на 20 км. К вечеру 28 апреля противник был рассечен на три части. Сообщение между ними сохранялось только по подземным коммуникациям. Чтобы советские войска не смогли использовать метро, Гитлер приказал открыть шлюзы на Шпрее, хотя он не мог не знать, что будет затоплен участок метро между Лейпцигер-штрассе и Унтер-ден-Линден, где на станциях укрывались тысячи берлинцев⁴¹.

В 22 часа генерал Вейдлинг доложил Гитлеру, что боеприпасов осталось приблизительно на два дня, по его мнению, дальнейшее сопротивление бесполезно. Генерал предложил план прорыва остатков частей на запад, к англо-американским войскам. “Фюрер долго размышлял, – рассказывал уже в плену Вейдлинг. – Он оценивал обстановку как безнадежную”⁴². Мысль о прорыве Гитлер отклонил.

Советские войска упорно пробивались к рейхстагу. Это величественное здание в северо-восточной части парка Тиргартен было многим знакомо. С севера через р. Шпрее к рейхстагу продвигалась 3-я ударная армия генерала В.И. Кузнецова: кстати, ее 79-й стрелковый корпус первым из советских войск ворвался в город. Теперь командир корпуса генерал С.Н. Переверткин лелеял надежду первым водрузить Красное знамя над рейхстагом. С юго-востока через плотно застроенную часть города наступали гвардейцы 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий. Генерал Чуйков поставил корпусам задачу: 28 апреля выйти в район рейхстага и во что бы то ни стало взять его. С юга продвигалась 3-я гвардейская танковая

армия 1-го Украинского фронта. Ее 9-й механизированный корпус генерала И.П. Сухова только что вышел к Ландвер-каналу. Утром 29 апреля он должен был форсировать его, а затем по Геринг-штрассе двинуться к рейхстагу.

В соответствии с директивой Ставки ВГК от 23 апреля разграничительная линия между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами на севере заканчивалась Ангальтским вокзалом, расположенным в центральной части города в 2 км южнее рейхстага. 28 апреля войска 1-го Белорусского фронта овладели вокзалом. Строго говоря, это являлось нарушением установленной границы, так как вокзал входил в полосу наступления 1-го Украинского фронта. В нем еще больше, чем командование 1-го Белорусского фронта, были повинны Генеральный штаб и Ставка, которые не сумели обеспечить на должном уровне взаимодействие двух фронтов, направив их на одну и ту же цель. Основная причина перемещения войск заключалась в несвоевременном разграничении районов действий фронтов. С началом Берлинской операции граница между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов была определена всего-навсего на глубину 50 км – до Люббена. Несмотря на то что войска маршала Конева ворвались в Берлин 21 апреля, Ставка установила разграничительную линию между фронтами в городе только 23 апреля. Трудности не замедлили сказаться. И Конев, и Жуков стали получать от своих войск одно донесение за другим о том, что собственная авиация наносит по ним удары. Разобраться, авиация какого фронта виновата, в тех условиях было невозможно.

Однако и назначенная 23 апреля разграничительная линия, упорядочив действия войск на суше, не устранила неразберихи в воздухе. По мере продвижения к центру Берлина она нарастала. Летчики нередко ошибались. Как докладывало командование 3-й гвардейской танковой армии, 16-я воздушная армия, входившая в состав 1-го Белорусского фронта, нанесла случайный удар по 6-му гвардейскому танковому корпусу, причинив ему серьезный урон. Случалось, что танкистов генерала Рыбалко бомбила авиация своего же фронта. Дело доходило до того, что Рыбалко попросил Конева совсем убрать авиацию⁴³. Когда все войска устремились к рейхстагу, даже артиллерия иногда обстреливала своих соседей.

28 апреля, наступая на запад южнее Ландвер-канала, 29-й гвардейский стрелковый корпус 8-й гвардейской армии пересек железные дороги, которые идут на север к Ангальтскому и Потсдамскому вокзалам. При этом продвижение 9-го механизированного корпуса армии генерала Рыбалко на север, вдоль железных дорог, к Ландвер-каналу пришлось как раз по тылам 8-й гвардейской армии. Последствия продвижения войск перпендикулярно друг другу могли быть непредсказуемыми.

В 20 часов 45 минут Конев направил Жукову телеграмму: “По донесению Рыбалко армии Чуйкова и Катюкова получили задачу наступать на северо-запад по южному берегу Ландвер-канала и таким образом режут боевые порядки войск 1-го Украинского фронта, наступающих на север. Прошу изменить направление наступления армий Чуйкова и Катюкова”⁴⁴. Копия телеграммы тут же была передана в Москву генералу Антонову. В принципе выполнение просьбы Конева должно было привести к прекращению наступления армий Чуйкова и Катюкова.

Получив телеграмму командующего 1-м Украинским фронтом, Жуков доложил Сталину: “Наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление боем. Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к еще большему перемешиванию и затруднит управление”⁴⁵. Жуков просил установить новую разграничительную линию между фронтами или заменить войска Конева в Берлине войсками 1-го Белорусского фронта. Буквально через несколько минут Москва установила такую разграничительную линию, которая требовала вывода армий Рыбалко и Лучинского из города на запад⁴⁶.

За разграничительной линией, которая устанавливалась с 24 часов 28 апреля, оказался 9-й механизированный корпус, продолжавший по-прежнему наступать к рейхстагу. Получив директиву Ставки, Конев приказал Рыбалко отвести войска.

“Он (генерал Рыбалко. – *Ред.*) буквально должен был пересилить себя, чтобы выполнить мой приказ, – вспоминал маршал Конев после войны. – И я не склонен его осуждать за эти хорошо понятные мне личные переживания”⁴⁷.

Первой к рейхстагу вышла 3-я ударная армия. Наступая с севера, ее 79-й стрелковый корпус прорвался к мосту через Шпрее и после ожесточенных боев в ночь на 29 апреля захватил его. От моста до рейхстага оставалось каких-нибудь 500 м, но они оказались необычайно трудными. Площадь перед зданием обороняли отборные подразделения СС и батальон фольксштурма. Предыдущей ночью сюда для подкрепления прибыли три роты морской школы из Ростока. Почти 5 тыс. немецких солдат и офицеров, сосредоточенных у стен рейхстага, поддерживали три дивизиона полевой артиллерии и зенитный артиллерийский дивизион⁴⁸. Система обороны на подступах к зданию включала 3 траншеи, прикрытые минными полями и противотанковым рвом с водой, 15 железобетонных дотов. Ходы сообщения связывали траншеи с подвалами рейхстага. В целом оборона была прочной.

Штурм рейхстага начался перед рассветом 30 апреля. К зданию германского парламента устремились 150-я и 171-я стрелковые дивизии, которыми командовали генерал В.М. Шатилов и полковник А.И. Негода. Первая попытка овладеть зданием с ходу окончилась неудачей. Началась тщательная подготовка штурма. Для поддержки атаки пехоты только для ведения огня прямой наводкой было сосредоточено 135 орудий, танков и самоходных артиллерийских установок⁴⁹. Еще десятки пушек, гаубиц и реактивных установок вели огонь с закрытых позиций. С воздуха штурмующих поддерживали эскадрильи 283-й истребительной авиационной дивизии полковника С.Н. Чирвы.

В 12 часов началась артиллерийская подготовка. Через полчаса пехота ринулась на штурм. Ей осталось преодолеть всего 250 м. Казалось, успех был обеспечен. “Вокруг все ревели и грохотало, – вспоминал полковник Ф.М. Зинченко, полк которого входил в 150-ю стрелковую дивизию. – Кому-то из командиров и могло показаться, что его бойцы если еще не достигли, то вот-вот достигнут заветной цели... Вот и полетели по команде донесения. Ведь всем так хотелось быть первыми!...”⁵⁰.

Генерал Шатилов сначала по телефону, а затем и письменно сообщил командиру 79-го стрелкового корпуса генералу С.Н. Перевёрткину, что в 14 часов 25 минут стрелковые батальоны под командованием капитанов С.А. Неустроева и В.И. Давыдова ворвались в рейхстаг и водрузили на нем знамя. В данное время подразделения продолжают очищать здание от немцев⁵¹. Столь долгожданная весть понеслась дальше – в штабы 3-й ударной армии и 1-го Белорусского фронта. О ней сообщило советское радио, а следом и зарубежные радиостанции. Военный совет фронта приказом от 30 апреля уже поздравил воинов с одержанной победой, объявил благодарность всем солдатам, сержантам, офицерам 171-й и 150-й стрелковых дивизий и, разумеется, генералу Перевёрткину и обязал военный совет армии представить наиболее отличившихся к наградам⁵².

К рейхстагу устремились военные кинооператоры, фотокорреспонденты, журналисты, среди них известный писатель Б.Л. Горбатов. Увиденное разочаровало: штурмующие батальоны по-прежнему вели бои на подступах к зданию, где ни одного советского солдата и ни одного флага не было.

Третья атака началась в 18 часов⁵³. Вместе с атакующими батальонами 674, 756 и 380-го стрелковых полков, которыми командовали подполковник А.Д. Плеходанов, полковник Ф.М. Зинченко и исполняющий обязанности командира майор В.Д. Шаталов, наступали две группы добровольцев, возглавляемые адъютантом командира 79-го стрелкового корпуса майором М.М. Бондарем и командиром батареи управления командующего артиллерией корпуса капитаном В.Н. Маковым⁵⁴. По инициативе командования и политотдела корпуса эти группы были созданы специально для водружения изготовленных в корпусе флагов.

Эта атака увенчалась успехом: батальоны капитанов С.А. Неустроева, В.И. Давыдова, старшего лейтенанта К.Я. Самсонова и группы добровольцев ворвались в здание, о чем Зинченко доложил генералу Шатилову. Тот всю вторую половину дня неоднократно требовал ворваться в рейхстаг и, что его больше всего беспокоило, водрузить на нем знамя. Доклад обрадовал командира дивизии и одновременно огорчил: знамя все еще не было установлено. Генерал приказал очистить здание от противника и “немедленно установить на его куполе знамя военного совета армии!” Чтобы ускорить выполнение задачи, командир дивизии назначил Зинченко комендантом рейхстага.

Однако полковник Зинченко понимал, как он писал уже после войны, “что ни за вечер, ни в течение ночи рейхстаг полностью не очистить, но знамя должно быть установлено любой ценой!”⁵⁵. Он приказал до наступления темноты отбить у противника как можно больше комнат, а затем дать личному составу отдых. Для водружения знамени военного совета армии, врученного полку еще 26 апреля, командир выделил группу во главе с политработником батальона лейтенантом А.П. Берестом. Входившие в нее сержанты М.А. Егоров и М.В. Кантария в ночь на 1 мая водрузили флаг на рейхстаге⁵⁶. Через два дня он был заменен большим красным стягом. Снятый флаг 20 июня специальным рейсом самолета с воинскими почестями отправили в Москву. Он стал почитаться как Знамя Победы, которое хранится в Центральном музее вооруженных сил России.

Кроме знамени военного совета армии на здании рейхстага было укреплено много других флагов. Первый флаг водрузила группа капитана В.Н. Макова, которая атаковала вместе с батальоном Неустроева. Возглавляемые капитаном добровольцы старшие сержанты А.П. Бобров, Г.К. Загитов, А.Ф. Лисименко и сержант М.П. Минин сразу же бросились на крышу рейхстага и укрепили флаг на одной из скульптур правой башни дома⁵⁷. Произошло это в 22 часа 40 минут⁵⁸, что на два–три часа раньше водружения флага, которому историей суждено было стать Знаменем Победы.

Большая группа воинов была представлена в наградам, а вся группа капитана В.Н. Макова по ходатайству командира 79-го стрелкового корпуса – к званию Героя Советского Союза. Однако приказом командующего 1-м Белорусским фронтом от 18 мая 1945 г. их удостоили только орденом Красного Знамени⁵⁹. Такую же награду получили М.А. Егоров и М.В. Кантария, а звание Героя им было присвоено вместе с командирами штурмовавших рейхстаг батальонов В.И. Давыдовым, С.А. Неустроевым и К.Я. Самсоновым только через год – 8 мая 1946 г., к первой годовщине Победы над фашистской Германией.

В конце апреля имперскую канцелярию, в подземном убежище которой укрывался Гитлер, с внешним миром соединяла только радиосвязь. Фюрер, все еще надеясь на помощь извне, то и дело запрашивал, когда же войска деблокируют столицу. Наконец, 30 апреля пришел ответ. Кейтель радировал, что 9-я армия Буссе из окружения так и не вырвалась, а 12-я армия Венка наступать на Берлин не может. Потеряв всякую надежду на спасение, Гитлер в 15 часов 30 минут (по средневропейскому времени) застрелился.

В ночь на 1 мая в расположение войск 8-й гвардейской армии прибыл немецкий офицер–парламентер с пакетом, адресованным советскому командованию. В нем содержалась просьба установить время и место перехода линии фронта начальником генерального штаба сухопутных войск вермахта генералом Г. Кребсом для сообщения особой важности. Просьба была удовлетворена, и в 3 часа Кребс был доставлен к командующему армией генералу Чуйкову. Начальник генерального штаба сообщил о самоубийстве Гитлера, о составе нового правительства Германии и передал обращение Геббельса и Бормана к Главному Командованию Красной Армии с просьбой о временном прекращении боевых действий в Берлине как условии для мирных переговоров между Германией и СССР.

Сообщение было передано маршалу Жукову, который, в свою очередь, доло-

жил о нем в Москву, выделив для переговоров с германским руководством в Берлине своего заместителя генерала В.Д. Соколовского. Вскоре позвонил Сталин: “Передайте Соколовскому, никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести”⁶⁰. Кребс в 9 часов отбыл для передачи ответа советского командования. В 18 часов пришел ответ с отклонением безоговорочной капитуляции гарнизона.

Кстати, ожесточенности сопротивления противника переговоры не убавили, но после отказа капитулировать советские войска усилили удары по врагу. 2 мая в первом часу ночи по московскому времени радиостанция 79-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав 8-й гвардейской армии, приняла радиограмму на русском языке: “Просим прекратить огонь. К 12 час. 50 мин. (ночи. – *Ред.*) по берлинскому времени высылаем парламентаров на Потсдамский мост”⁶¹. В указанное время на мост прибыл немецкий офицер, который от имени генерала Вейдлинга заявил о готовности берлинского гарнизона прекратить сопротивление.

Утром 2 мая сдался в плен Вейдлинг. По его словам, такое решение он принял самостоятельно, так как Геббельс отравился. Генералу было предложено отдать письменный приказ о капитуляции подчиненных ему войск гарнизона, что он и сделал. Вскоре по просьбе советского командования аналогичный приказ отдал от имени германского правительства заместитель Геббельса Г. Фриче. Приказы по усилительным радиостанциям передавались немецким войскам. Началась массовая сдача в плен. 2 мая сдались 134 700 человек. Тем не менее отдельные группы продолжали вопреки приказам пробиваться на запад. Самых крупных было две: одна (численностью около 17 тыс. человек) прорвалась из Берлина, другая (до 30 тыс. солдат и офицеров) – из Шпандау. Вместе с ними из окружения выходили около 300 видных функционеров нацистской партии. Обе группы в тот же день были разгромлены.

С 26 апреля 2-й Белорусский фронт наступал в северо-западном направлении, стремясь прижать 3-ю танковую армию генерала Х. Мантейфеля к Балтийскому морю. Маршал Рокоссовский наращивал силу ударов по противнику: кроме трех армий в наступление перешла также 2-я ударная армия генерала И.И. Федюнинского. Вступили в сражение переправившиеся через Одер все танковые, механизированный и кавалерийский корпуса. При поддержке 4-й воздушной армии генерала К.А. Вершинина они стремительно продвигались в глубину.

Навстречу войскам Рокоссовского наступала 21-я группа армий союзных войск. Командовал ею британский фельдмаршал Б. Монтгомери. В конце апреля английские войска форсировали Эльбу и, не встречая сопротивления, быстро шли на восток. 3 мая им без боя сдался гарнизон Гамбурга. С утра 5 мая прекратили боевые действия немецкие войска и силы флота в Голландии и Дании, на северо-западе Германии и островах Северного моря.

Однако против Красной Армии вермахт продолжал борьбу. Командующий группой армий “Висла”, куда входила и 3-я танковая армия, получил приказ ставшего преемником Гитлера адмирала Деница вести боевые действия так, чтобы как можно больше своих сил отвести на запад, за линию Демиц, Висмар, т.е. в зону боевых действий английских и американских войск⁶². 2-й Белорусский фронт следовал за 3-й танковой армией по пятам, хотя при отходе противник минировал дороги и взрывал мосты. Упорным сопротивлением на подготовленных по рекам, каналам и в межозерных дефиле оборонительных рубежах он стремился задержать преследующих. 2-я ударная и 65-я армии 2 мая вышла на побережье Балтийского моря. 70-я и 49-я армии, преследуя дивизии 3-й танковой и только что сформированной 21-й армий, наступали на запад. До соединения с группой армий фельдмаршала Монтгомери советским войскам оставалось всего 20–30 км.

Главные силы Монтгомери в это время наступали на север, к Балтийскому морю. Для прикрытия с востока фельдмаршал выделил один американский корпус. 4 мая советские войска на рубеже Висмар, Шверин, Демиц соединились с союзни-

ками, но противник куда-то бесследно исчез. Выяснилось, что еще два дня назад командующие 3-й танковой и 21-й армий вермахта генералы Мантейфель и К. Типпельскирх установили контакт с американцами. В самый последний момент, когда советские войска должны были вот-вот подойти, обе немецкие армии перешли линию американского фронта и сложили оружие. При этом Мантейфель со своей 200-тысячной группировкой сдался одной американской пехотной дивизии⁶³.

Важно то, что за весь период боевых действий 2-й Белорусский фронт не позволил противнику перебросить под Берлин ни одной дивизии. Даже те части, которые германское командование уже начало передвигать из-под Данцига к столице, были скованы и разгромлены.

Войска 1-го Белорусского фронта, которые в период штурма Берлина обходили его с севера и с юга, теперь продвигались к Эльбе. 2 мая передовые отряды 61-й армии генерала П.А. Белова встретились южнее Виттенберга с 84-й пехотной дивизией американских войск. В период с 4 по 7 мая на Эльбу вышли, соединившись с 9-й американской армией, 1-я польская и 47-я армии. Отступавшая под их натиском 12-я армия генерала Венка после предварительных переговоров с американцами переправилась на западный берег реки и сдалась им. По словам Типпельскирха, тогда “удалось спасти примерно 100 тыс. человек от русского плена”⁶⁴. Еще южнее, сменив войска 1-го Украинского фронта, рубеж Эльбы заняли 3, 69 и 33-я армии 1-го Белорусского фронта. К р. Мульде вышли, соединившись с главными силами 1-й американской армии, две стрелковые дивизии 13-й армии 1-го Украинского фронта, в то время как его главные силы со 2 мая перемещались на юг, готовясь для наступления на Прагу.

Советским войскам, проводившим Берлинскую операцию, существенную помощь оказал Балтийский флот, которым командовал адмирал В.Ф. Трибуц. 22 апреля народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н.Г. Кузнецов потребовал от Трибуца сразу же после завершения разгрома немцев в Кёнигсберге и Данциге поддержать наступление войск 2-го Белорусского фронта вдоль морского побережья. Трибуц стремился воспрепятствовать эвакуации германских войск из Восточной Пруссии и Курляндии в порты западной части Балтийского моря. Для выполнения поставленных задач флот использовал военно-воздушные силы, торпедные и сторожевые катера, тральщики и развернутые на позициях подводные лодки. Как и прежде, крупные надводные корабли оставались в Кронштадте, лишённые возможности из-за сложной минной обстановки выйти из Финского залива в открытое море.

В начале мая авиация Балтийского флота нанесла массированные удары по военно-морской базе противника в Свиномюнде. Успех превзошел все ожидания: потоплен германский линкор “Шлезин”, уничтожены и повреждены шесть транспортов, три эскадренных миноносца, несколько тральщиков и сторожевых катеров⁶⁵. Войска 2-го Белорусского фронта, используя удары флота, 5–6 мая овладели Свиномюнде и о-ом Рюген.

Вечером 7 мая командующие советскими фронтами, действовавшими против Германии, получили директиву Ставки ВГК, в которой указывалось, что германские вооруженные силы как на западном, так и на восточном фронтах 8 мая с 23 часов средневропейского времени согласно достигнутому в Реймсе соглашению должны капитулировать. Ставка приказывала любыми средствами известить об этом командование и войска противника, потребовать от них сложить оружие и сдаться в плен, а в случае продолжения сопротивления – нанести решительные удары⁶⁶. Правда, в полосе 1-го и 2-го Белорусских фронтов сопротивляться было уже некому. От капитуляции уклонялись лишь группировка противника, сосредоточенная в Южной Германии и Чехословакии, а также военно-морские силы вермахта на Балтийском море.

Итак, Берлинская операция успешно завершилась. 1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронты поставленную перед ними задачу выполнили. С 16 апреля по 8 мая, продвинувшись на глубину от 160 до 220 км, они овладели Берлином и соеди-

нились с англо-американскими войсками. За такой короткий срок Красная Армия разгромила 93 германские дивизии, большое количество отдельных полков и батальонов; было захвачено около 480 тыс. военнопленных, 11 тыс. орудий и минометов, более 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,5 тыс. боевых самолетов⁶⁷. Столь высокой результативности не достигалось ни в одной из проведенных ранее операций Великой Отечественной войны.

Берлинская операция содержит много поучительного и по праву составляет отечественную военную гордость. Возросшее мастерство, несокрушимая воля к победе советских солдат и офицеров были убедительно продемонстрированы как при прорыве мощной обороны, так и при уничтожении окруженного противника. Если под Сталинградом разгром 300-тысячной группировки занял более двух месяцев, то на уничтожение полумиллионной группировки, окруженной в Берлинской операции, потребовалось только семь суток.

Тем не менее оценка Берлинской операции содержит немало преувеличений, навеянных эйфорией победного завершения войны. Прежде всего необходимо напомнить, что общая военно-политическая обстановка, в которой проводилась операция, была особенно благоприятной. Германия вела вооруженную борьбу на два фронта, отражая одновременно удары с востока и запада. Ей, оставшейся в одиночестве, теперь противостояли державы, которые обладали сильной экономикой, огромными людскими ресурсами, могучими вооруженными силами.

И при всем этом войска трех советских фронтов и силы Балтийского флота за три недели наступления потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 361 367 человек, в число которых входят 8,9 тыс. воинов 1-й и 2-й польских армий⁶⁸. Фронты потеряли 2108 орудий и минометов, 1997 танков и самоходных артиллерийских установок, 917 боевых самолетов⁶⁹. Берлинская операция занесена в книгу рекордов Гиннеса как самое кровопролитное сражение современности, в котором с обеих сторон участвовало 3,5 млн человек, 52 тыс. орудий и минометов, 7750 танков и 11 тыс. самолетов⁷⁰.

Разумеется, столь огромные потери советских и польских войск – это следствие прежде всего отчаянного сопротивления немцев. Слишком велик был их страх, что пришло время держать ответ за многочисленные злодеяния, совершенные на оккупированной территории СССР. Однако и действия Красной Армии страдали недостатками. Это прежде всего спешка с началом наступления, вызванная больше всего политическими мотивами: стремлением опередить англо-американских союзников в овладении Берлином. Неудачным оказался лобовой удар 1-го Белорусского фронта по Берлину, что привело к необходимости прорывать оборону в самом сильном месте.

Признавая недостатки в наступлении на Берлин, маршал Жуков писал в своих мемуарах: «Взятие Берлина следовало бы сразу, и в обязательном порядке, поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому... Мог быть, конечно, и иной вариант: взятие Берлина поручить одному 1-му Белорусскому фронту, усилив его левое крыло не менее чем двумя общевойсковыми и двумя танковыми армиями, одной авиационной армией и соответствующими артиллерийскими и инженерными частями»⁷¹. Но такие силы Жуков мог получить прежде всего за счет 1-го Украинского фронта, потому что две танковые армии взять было больше не у кого. Кстати, второй вариант вообще исключал участие маршала Конева в овладении столицей Германии. В этом случае, по мнению Жукова, было бы меньше всяких трений и неясностей, которые в конце концов возникли в ходе взаимодействия двух фронтов при штурме Берлина.

Конев спустя 20 лет после войны признавал, что после окружения Берлина никакой надобности помощи 1-му Белорусскому фронту в штурме города не было⁷². Напрашивается вывод: выделение чрезмерного количества войск для овладения столицей при неумелой организации взаимодействия между фронтами только увеличило потери.

Немногим выпала честь наступать на столицу Германии, но еще меньше советских воинов осуществили свою заветную мечту войти в Берлин победителями. В ознаменование этого события была учреждена медаль “За взятие Берлина”. Вручили ее непосредственным участникам штурма города – 1082 тыс. солдатам, сержантам и офицерам Красной Армии и Войска Польского⁷³. Москва щедро наградила победителей. Так, в 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах, которые к началу наступления насчитывали около 1,5 млн человек, ордена и боевые медали получили 1141 тыс. воинов⁷⁴. Жуков стал трижды Героем Советского Союза, Конев и Рокоссовский удостоены второй Золотой Звезды. Почетное наименование Берлинских было присвоено 187 частям и соединениям⁷⁵.

НА ПОМОЩЬ ПРАГЕ

После разгрома противника на берлинском направлении единственной силой, способной оказать серьезное сопротивление Красной Армии, оставались группа армий “Центр” и часть группы армий “Австрия”, сосредоточенные на территории Чехословакии. Они насчитывали 900 тыс. солдат и офицеров, 9,7 тыс. орудий и минометов, 1,9 тыс. танков и штурмовых орудий, около тысячи боевых самолетов⁷⁶. Войска 4-го и 2-го Украинских фронтов под командованием генерала А.И. Еременко и маршала Р.Я. Малиновского, освободив Словакию, в начале мая продолжали громить противника на территории Чехии. С севера, занимая оборону в предгорье Рудных гор и Судет на рубеже свыше 400 км, над группировкой противника в Чехословакии нависали войска 1-го Украинского фронта.

Основные силы маршала Конева в начале мая находились еще в районе Берлина. С запада к границе Чехословакии продвигалась 3-я американская армия под командованием генерала Дж. Паттона, имевшая задачу овладеть уже согласованным с советским командованием рубежом Ческе-Будеевице, Пльзень, Карлови-Вари. Против американских войск в полосе около 200 км вдоль р. Мульде и границы Чехословакии оборонялись пять понесших большие потери дивизии.

Приближение советских и американских войск активизировало движение Сопротивления в Чехии. В апреле 1945 г. там действовало 120 партизанских отрядов, насчитывавших 7,5 тыс. человек⁷⁷. Деятельность партизан носила оборонительный характер, что объяснялось прежде всего нехваткой оружия и недостатком опытных кадров. Чешское партизанское движение не имело центрального штаба. Связь отдельных отрядов с командованием Красной Армии была эпизодической или отсутствовала вовсе.

Формирование Чешского национального совета (ЧНС), как единого руководящего чешского Сопротивления, шло с трудом и завершилось лишь к концу апреля 1945 г. ЧНС состоял из представителей разнородных в политическом отношении национальных организаций. Важную роль в нем играли коммунисты. Совет возглавил профессор Пражского университета А. Пражак. Во внутренней политике ЧНС ориентировался на “самую широкую демократию”, во внешней – на “теснейшее сотрудничество” с Советским Союзом и на “дружественные отношения” с остальными союзниками⁷⁸. Однако глубокие внутренние противоречия и слабая связь с восставшими на местах снижали руководящую роль Совета.

Немедленное начало восстания не входило в расчеты ни ЧНС, ни коммунистов. Подпольное руководство КПЧ 4 мая решило на два-три дня повременить с призывом к восстанию. 5 мая постановление не начинать восстания приняли около 100 представителей 70 предприятий Праги, Бероуна, Кладна и Пльзена, собранных по инициативе нелегального Центрального совета профсоюзов⁷⁹.

Восстание в Праге готовило командование бывших чехословацких военнослужащих “Бартош” во главе с генералом К. Кутлвашром. Действуя независимо от ЧНС, оно в первых числах мая вступило в контакт с командиром 1-й дивизии так

называемой Русской освободительной армии С.К. Буняченко. Сформированная предателем Родины генералом А.А. Власовым из попавших в немецкий плен советских солдат и офицеров, “армия” двигалась на запад, находясь в 50 км юго-западнее Праги. Буняченко и почти все командиры полков дивизии, рассчитывая на политическое убежище в Чехословакии, согласились на союз с чехами в борьбе против “нацизма и большевизма”. Власов же не верил в успех, но представил командиру дивизии полную свободу действий⁸⁰.

1-й Украинский фронт 1 мая получил задачу не позднее 4 мая передать 1-му Белорусскому фронту рубеж по Эльбе, а высвободившиеся силы стремительно бросить на Прагу. На следующий день такая же задача была поставлена и 2-му Украинскому фронту с использованием успеха 4-го Украинского фронта. В результате три Украинских фронта должны были окружить и уничтожить противника в Чехословакии.

Советские войска и действовавшие вместе с ними 2-я польская, 1-я и 4-я румынские армии и чехословацкий армейский корпус насчитывали более 2 млн человек, 30,5 тыс. орудий и минометов, около 2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, более 3 тыс. боевых самолетов⁸¹. Они превосходили немцев в личном составе в два с лишним раза, артиллерии и авиации в три раза, танков было поровну. Такое превосходство не предвещало легкого успеха, но характер действий противника определялся теперь не столько соотношением сил, сколько критическим положением Германии.

3 мая новое правительство Германии во главе с Деницем провело совещание, на котором кроме Кейтеля и Йодля присутствовали представители оккупационной власти и командования вермахта в Чехословакии. Был сделан вывод, что положение германских войск в Чехии безнадежно, но решено не капитулировать перед Красной Армией, а попытаться найти выход путем переговоров с американским командованием и, выжидая удобного момента, подготовить войска к отходу на запад⁸².

Британского премьер-министра Черчилля чрезвычайно волновал вопрос о распространении коммунизма в Европе. 30 апреля он писал новому президенту США Трумэну: “Можно почти не сомневаться в том, что освобождение вашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны”⁸³. И в начале мая Черчилль продолжал настаивать на продвижении американских войск к столице Чехословакии. Однако Трумэн считал недопустимым вмешательство в военные планы Эйзенхауэра, который все же сделал попытку прощупать возможность наступления на Прагу.

4 мая Эйзенхауэр направил начальнику Генерального штаба Красной Армии послание. Подтвердив согласованный ранее рубеж своего продвижения в Чехословакии, он добавил о вероятном выходе американских войск к р. Влтаве, что означало овладение левобережной Прагой. Генерал Антонов с этим согласиться никак не мог, потому что советские войска уже завершали подготовку Пражской операции. По его мнению, внезапное изменение рубежа встречи с американскими войсками грозило опасностью: наступление навстречу друг другу союзных армий могло привести к жертвам. Аргумент был, несомненно, важен. Но главной тут была невысказанная политическая мотивация: Чехословакия, согласно представлениям советского руководства о национально-государственных интересах СССР, входила в сферу его интересов. Поэтому не менее, чем Черчилль, настаивавший на том, чтобы в Прагу первыми вступили американские войска, советские руководители были заинтересованы в освобождении чехословацкой столицы Красной Армией. Эйзенхауэр принял во внимание соображения, изложенные в телеграмме Антонова, и 6 мая отдал приказ командующему 12-й группой армий генералу О. Брэдли дальше рубежа Ческе-Будеевице, Пльзень, Карлови Вари не продвигаться. В посланной Антонову телеграмме Эйзенхауэр писал: “Полагаю, что советские войска

смогут быстро перейти в наступление и разгромить силы противника в центре страны”⁸⁴.

Операцию 1-го и 2-го Украинских фронтов намечалось начать 7 мая. 4-й Украинский фронт продолжал наступление, преследуя начавшего отход противника.

В начале мая 1945 г. в ряде городов Чехии возникли антинацистские выступления, переросшие в Майское восстание чешского народа. Оно началось стихийно. 5 мая восстал Прага. Желание спасти город от разрушения заставило десятки тысяч горожан выйти на улицы. Они не только соорудили сотни баррикад, но и овладели центральной почтой, телеграфом, вокзалами, важнейшими мостами через Влтаву.

Повстанцы, захватив ряд военных складов и разоружив несколько мелких немецких частей, дислоцированных в Праге, установили контроль над значительной частью города. В первый же день позиции гитлеровцев в Праге были серьезно ослаблены. Как представитель революционного движения чешского народа и как доверенный орган правительства Чехословацкой республики ЧНС взял на себя законодательную и исполнительную власть на территории Чехии, Моравии и Силезии.

Однако ЧНС по-прежнему не координировал действия с советским командованием и даже не установил с ним контакт. К Совету, о котором практически ничего не было известно, не испытывали доверия ни советское командование, увидевшее в нем ставленника Лондона, ни чехословацкое правительство, действовавшее на освобожденной территории страны.

Командующий группой армий “Центр” фельдмаршал Шернер приказал подавить восстание, которое перерезало основной путь намеченного отхода немцев на запад. 6 мая гитлеровцы, применив против восставших танковые части и авиацию, снова овладели частью города. Восставшие, понеся большие потери, обратились по радио к союзникам за помощью. Как вспоминал Конев, “одновременно мы получили разведывательные данные о том, что генерал-фельдмаршал Шернер спешно стягивает к Праге войска. 5 мая я отдал приказ войскам ударной группировки начать наступление утром 6 мая”⁸⁵.

Оказавшись в трудном положении и не зная, скоро ли придет военная помощь со стороны союзников, ЧНС, которому теперь подчинилось и командование “Бартош”, вынужден был согласиться на сотрудничество с власовцами. 6 мая дивизия С.К. Буняченко вошла в Прагу. Власовцы шли в бой против вчерашних союзников под лозунгами: “Смерть Гитлеру!”, “Смерть Сталину!”. К вечеру они овладели западными районами города. На другой день подразделения дивизии переправились на правый берег и рассекли противника на две части.

По отношению к новым союзникам в руководстве восстанием единства не было. ЧНС после определенных колебаний и под давлением коммунистов отказался от дальнейших переговоров с “власовцами” и от их помощи, понимая, что такой “союз” мог бы быть негативно воспринят советскими властями и командованием⁸⁶.

Прибывшие в штаб Буняченко посланцы ЧНС привезли благодарственное письмо генералу Власову за оказанную помощь и сообщили решение Совета отказаться от услуг его армии. Буняченко готов был действовать против немцев и отдельно от ЧНС. Теперь он просил чехов передать по радио его меморандум, разъясняющий, почему он оказался в РОА, почему пришел на помощь Праге и теперь будет продолжать воевать против гитлеровцев. Представители ЧНС отказались выполнить это требование.

Поняв, что американские войска не собираются наступать к Праге и в нее войдут части Красной Армии, дивизия Буняченко вечером 7 мая стала покидать сражавшийся город, уходя теперь на запад, к американцам. Не вняли власовцы и просьбам повстанцев оставить им оружие. Впрочем, часть бойцов дивизии осталась в Праге и продолжала борьбу. Несомненно, что среди власовцев были люди, искренне желавшие сражаться с гитлеровцами и тем самым получить прощение Ро-

дины. Всего в боях за город, по некоторым данным, погибло около 300 власовцев⁸⁷. С отходом на запад их основных сил немцы снова стали хозяевами положения в Праге.

1-й Украинский фронт наносил удар на Прагу с севера через Рудные горы. Ранним утром 6 мая разведка установила, что сплошной обороны противник создать не успел. Во второй половине дня стрелковые дивизии 13-й и 3-й армий совместно с соединениями 3-й и 4-й гвардейских танковых армий нанесли мощный и внезапный удар по самым слабым местам в обороне немцев. 5-я гвардейская армия сумела завершить подготовку к наступлению только к вечеру, когда основные силы фронта уже прорвали оборону и, несмотря на сильные дожди, затруднявшие движение по размокшим дорогам, продвинулись более чем на 20 км.

6 мая войска фельдмаршала Шернера начали общий отход из Чехословакии. В этот же день прекратил сопротивление блокированный еще с середины февраля 40-тысячный гарнизон города-крепости Бреслау; он сдался, убедившись в бесплодности дальнейшей борьбы в тылу советских войск. Маршал Конев приказал всем армиям немедленно преследовать противника. 7 мая наступление войск 1-го Украинского фронта развернулось в полосе более 400 км.

К исходу дня главная ударная группировка фронта вышла к северным отрогам Рудных гор. Особого успеха добилась 13-я армия генерала Н.П. Пухова. Действуя совместно с 4-й гвардейской танковой армией, она значительно вырвалась вперед. 5-я гвардейская и 3-я гвардейская танковые армии генералов А.С. Жадова и П.С. Рыбалко, завязав бои за Дрезден, отстали.

7 мая наступление на Прагу начал и 2-й Украинский фронт. Его 7-я гвардейская армия под командованием генерала М.С. Шумилова сразу же продвинулась на 12 км. Используя ее успех, командующий фронтом маршал Р.Я. Малиновский на следующий день ввел в сражение 6-ю гвардейскую танковую армию генерала А.Г. Кравченко, которая устремилась к столице Чехословакии.

Во второй половине дня 7 мая Шернер получил по радио приказ фельдмаршала Кейтеля о капитуляции немецких войск на всех фронтах, но до подчиненных его не довел. Позже, находясь в советском плену, Шернер оправдывался: «...приказ о капитуляции мною в мои войска передан не был, так как я полагал, что он невыполним... Нами был выработан по этапам план отхода войск группы армий “Центр”»⁸⁸. Фельдмаршал просто-напросто лукавил. Приказ он отдал, но в нем говорилось, будто слухи о капитуляции распространяет англо-американская и советская пропаганда. Шернер заверял войска, что “война против Советского Союза будет продолжаться”⁸⁹. По существу подобная позиция – это не своеволие фельдмаршала, а отражение официальной точки зрения нового руководства Германии.

7 мая для повстанцев в Праге был самым тяжелым днем. Именно тогда в штаб генерала К. Кутлвашра прибыли американские офицеры, которые сообщили о немецкой капитуляции и советовали прекратить бои в Праге.

Ночью стало известно о том, что начальник гарнизона немецких войск в Праге – генерал Р. Туссэн готов вступить в переговоры с руководством восстания о капитуляции. Они начались 8 мая в 10 часов в здании, где размещался ЧНС. В 16 часов представителями Национального совета, с одной стороны, а с другой – генералом Туссэном был подписан акт о капитуляции немецкого гарнизона. Согласно протоколу немецкие войска могли свободно отойти на запад, оставив тяжелое вооружение на выходе из Праги, а остальное сложив перед американской демаркационной линией⁹⁰. Это дало возможность части нацистских сил избежать советского плена. Соглашаясь с такими условиями, мало похожими на капитуляцию противника, восставшие попросту стремились быстрее избавиться от оккупантов и избежать кровопролития.

8 и 9 мая стали решающими днями наступления советских войск к Праге. Войска правого крыла 1-го Украинского фронта преодолели сопротивление противника на перевалах через Рудные горы. На рассвете 9 мая передовые части

3-й и 4-й гвардейских танковых армий ворвались в Прагу. Днем с востока в город вступили передовые части 60-й и 38-й армий 4-го Украинского фронта. В течение нескольких часов город был очищен от остатков немецких войск.

Основные силы группы армий “Центр” были окружены и к исходу 11 мая сдались в плен. Советские войска 10 мая вышли в районы Хемница, Пльзень и Ческе-Будеевице и установили контакт с союзниками. На следующий день они встретились в Карлови Вари и южнее Пльзеня в Клатови.

Выдвигаясь в район Клатови, разведка 25-го танкового корпуса генерала Е.И. Фоминых установила, что на запад отходит дивизия Буняченко, вместе с которой находился и генерал Власов. Для его захвата Фоминых выделил группу во главе с капитаном М.И. Якушевым. Как докладывал в Москву начальник политуправления 1-го Украинского фронта генерал Ф.В. Яшечкин, 12 мая танкистами 25-го танкового корпуса был захвачен генерал Власов. При нем были найдены американский паспорт на его имя, старый партбилет и копия его приказа ла войскам сложить оружие и сдать в плен Красной Армии. По показаниям Власова, “он намеревался пробраться на территорию, занятую нашими союзниками”⁹¹.

Подошедшая к занимаемому американцами рубежу дивизия Буняченко не была принята командованием союзников. Он сорвал с себя погоны немецкого генерал-майора и распустил личный состав. Некоторые офицеры и солдаты тут же застрелились, другие безучастно опустили на обочину дороги, третьи направились на восток, навстречу советским войскам. Власова и его сподручных в Москве ждали суд и виселица. За 13 и 14 мая, говорилось в вышеупомянутом донесении, в районе г. Пльзень “до 20 тысяч власовцев сложили оружие, сдались к нам в плен”. Их дорога вела в ГУЛАГ.

В результате боевых действий в Пражской операции в плен было взято около 860 тыс. солдат и офицеров, захвачено 9,5 тыс. орудий и минометов, 1,8 тыс. танков и штурмовых орудий, более тысячи боевых самолетов⁹². Потери советских, румынских, польских и чехословацких войск составили 12 тыс. человек, а 40,5 тыс. солдат и офицеров получили ранения. Кроме того, было потеряно 373 танка и самоходные артиллерийские установки, тысяча орудий и минометов, 80 боевых самолетов⁹³.

КАПИТУЛЯЦИЯ ГЕРМАНИИ

Берлинская и Пражская операции завершили вооруженную борьбу на советско-германском фронте. Овладение столицей Германии сорвало расчеты руководства рейха на затягивание боевых действий на востоке с целью поисков благоприятного окончания войны. Последним звеном такой политики была попытка избежать капитуляции перед Красной Армией германских войск в Чехословакии. В результате их разгрома у вермахта не осталось сил для продолжения сопротивления, и Германия безоговорочно капитулировала.

Принцип безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, Италии и Японии, выдвинутый президентом США Ф. Рузвельтом, был принят главами правительств США и Великобритании в январе 1943 г. на конференции в Касабланке. Поддержанный Советским Союзом, он в целом способствовал укреплению антигитлеровской коалиции и решимости всех входивших в нее стран вести войну до полного разгрома фашизма. Требование безоговорочной капитуляции как единственного условия окончания войны против Германии затрудняло ее руководству заключение сепаратных соглашений с западными державами. В то же время этот принцип не давал не только нацистским лидерам, но и всему немецкому народу никакой альтернативы выхода из войны, и фашистская пропаганда в полной мере использовала его для сплочения сил государства воевать до последней возможности.

В 1945 г. лидеры третьего рейха все еще надеялись на раскол антигитлеровской коалиции. Придя к власти 2 мая, новый президент и военный министр германской империи адмирал Дениц в узком кругу своего штаба в Фленсбурге обсудил вопросы продолжения войн. Было решено капитулировать перед англо-американскими войсками, но продолжать боевые действия против Красной Армии. В тот же день Дениц обратился к народу и вермахту Германии с воззванием, из которого следовало, что война продолжается с единственной целью – спасти немцев от уничтожения наступавшими большевиками⁹⁴. Убедившись, что на общую капитуляцию на всем западном фронте ни Вашингтон, ни Лондон не пойдут, правительство Деница приняло план капитуляции по частям. “Поскольку политические связи союзников между собой не позволяют нам выполнить этот замысел официальным путем, следует попытаться провести его через группу армий и постепенно”, – говорится в протокольной записи того совещания у Деница⁹⁵.

Опыт капитуляции по частям немцы уже имели: ведь 29 апреля они договорились о прекращении боевых действий в Италии. При подписании документа о капитуляции войск группы армий “Ц” (он вступал в силу со 2 мая) присутствовал и советский представитель генерал А.П. Кисленко. Еще 21 апреля военные миссии США и Великобритании в Москве уведомляли Генеральный штаб Красной Армии: “Начальники Объединенного штаба считают, что каждая из главных союзных держав, если она этого пожелает, должна получить возможность послать своих представителей для присутствия на переговорах по поводу любой из подобных капитуляций. Однако никакому предложению о сдаче не может быть дано отказа только потому, что будут отсутствовать представители одного из трех союзников”⁹⁶. Советская сторона ответила на это согласием, что означало признание капитуляции по частям нормальным явлением.

5 мая капитулировали германские войска, действовавшие в Хорватии, Австрии и Баварии. “Мы должны радоваться каждой возможности оккупации нашей территории американскими, а не русскими войсками”, – так оценили эти события в ставке Деница⁹⁷.

Утром 3 мая Дениц направил военную делегацию во главе с новым главнокомандующим военно-морскими силами адмиралом Г. Фридебургом к командующему 21-й группой армий фельдмаршалу Монтгомери. Перед адмиралом стояла задача считать главным вопросом переговоров с англичанами спасение как можно большего числа немецких солдат от порабощения большевиками⁹⁸. Возглавляемая им делегация добивалась того, чтобы германским войскам, в том числе и 3-й танковой армии, которая сражалась против Красной Армии, было разрешено пройти через расположение английских войск. Разумеется, права принимать капитуляцию от противника, который сражался против советских войск, Монтгомери не имел. Это было в компетенции Эйзенхауэра, который вмешался и не разрешил фельдмаршалу принимать капитуляцию на советско-германском фронте и в Норвегии. Несмотря на это, Монтгомери заявил Фридебургу, что немецких солдат будут принимать в индивидуальном порядке как военнопленных без выдачи их советской стороне. На следующий день германская делегация подписала протокол о безоговорочной капитуляции перед англичанами, который вступал в силу 5 мая с 8 часов.

Все немецкие войска, расположенные в Голландии, Северо-Западной Германии и Дании, капитулировали перед 21-й группой армий. Прекратили сопротивление и военно-морские силы на Балтийском и Северном морях, но лишь против англо-американских сил. Выполняя соглашение о перемирии, командование германского военно-морского флота вместе с тем поставило кораблям задачу продолжать эвакуацию войск из Курляндии и Восточной Пруссии. Оно приказало направить туда все, что только возможно, в том числе и 12 эсминцев из Дании. Словом, Монтгомери, несмотря на запрет Эйзенхауэра, правда неофициально, но разрешил незаконную эвакуацию немцев с восточного фронта⁹⁹.

Новое руководство Германии особую заботу проявляло о войсках группы армий “Центр” и “Австрия”, общее командование которыми теперь осуществлял фельдмаршал А. Кессельринг. По поручению Деница 5 мая в Реймс, где находился штаб генерала Эйзенхауэра, прибыл адмирал Фридебург. Когда он поставил вопрос о капитуляции войск обеих групп армий перед американскими войсками, ему объяснили, что речь может идти только об общей безоговорочной капитуляции, в том числе и на советско-германском фронте, причем германские войска везде должны оставаться на достигнутых рубежах.

Адмирал уехал ни с чем. Следом Кессельринг обратился к Эйзенхауэру с просьбой принять его посланника по этому же вопросу. Но Эйзенхауэр был неумолим, заявив, что это не имеет никакого смысла, если Германия не собирается капитулировать одновременно перед англо-американскими и советскими войсками¹⁰⁰. В конце концов Деницу пришлось начать переговоры о всеобщей капитуляции. 6 мая он направил в Реймс генерала Йодля, который приступил к переговорам с начальником штаба союзных войск в Европе генералом У. Смитом.

Йодль изложил намерения Деница по поводу скорейшего окончания войны. “Никакая сила в мире не может заставить войска групп армий Лера, Рендулича и Шернера (войска восточного фронта в Югославии, Австрии и Чехословакии. – *Ред.*) исполнить приказ о капитуляции, – доказывал он Смит. – С мужеством отчаявшихся они сметут со своего пути все, мешающее им, и в конце концов в полном составе или отдельными группами придут к вам”¹⁰¹.

В ответ на возражения Смита Йодль предложил такой вариант: пусть документы о капитуляции подпишут командующие видами вооруженных сил Германии. Йодль имел в виду, что на сбор командующих и последующее доведение приказов до войск потребуются не менее двух суток. Тогда перемирие вступит в силу на ранее второй половины дня 10 мая, а за это время удастся отвести войска вермахта на запад. Смит немедленно информировал Эйзенхауэра. Тот категорически отклонил предложение Йодля и потребовал в тот же день незамедлительно подписать документ о капитуляции, который при всех обстоятельствах должен вступить в действие с началом суток 9 мая. Эйзенхауэр дал Йодлю 30 минут на размышление и был категоричен: если немцы отклонят его условия, переговоры прекратить, а немцев через линию англо-американских войск больше не пропускать. Главнокомандующий пригрозил возобновлением воздушной войны против Германии и отказом от продолжения переговоров, которые германской стороне в дальнейшем придется вести только с русскими.

Поняв невозможность дальнейшего затягивания переговоров, Йодль запросил у Деница полномочий подписать капитуляцию на предъявленных условиях и сразу же получил их. 7 мая в 2 часа 41 минуту (по центральноевропейскому времени) генералы Йодль, Смит и представитель СССР генерал И.А. Суслопаров в присутствии свидетеля от Франции подписали протокол о капитуляции. Германские войска должны были с 23 часов 01 минуты 8 мая, оставаясь в районах расположения, прекратить боевые действия на всех фронтах. Условия капитуляции, подписанные в Реймсе, считались не окончательными. Их должен был заменить акт о всеобщей капитуляции. Йодль уже в Реймсе сообщил состав германской делегации, уполномоченный ратифицировать окончательный акт. В нее входили начальник штаба верховного командования вермахта вместе с главнокомандующими военно-воздушными и военно-морскими силами. Время и место ратификации надлежало определить совместным решением западных держав и Советского Союза.

Трумэн и Черчилль предложили Сталину объявить о победе над Германией уже 8 мая, но Сталин не согласился. Отвечая главам правительства США и Великобритании, он писал, что на советско-германском фронте противник продолжает сопротивляться, более того, советская сторона имеет сведения о намерениях значительной группировки немцев продолжать борьбу. Сталин предлагал подождать, ко-

гда вступит в силу намеченный в Реймсе срок окончания боевых действий. По московскому времени это был 1 час ночи 9 мая.

Опасения Сталина имели веские основания. Буквально через пять минут после того, как Йодль получил разрешение подписать документ о капитуляции в Реймсе, Дениц отдал фельдмаршалу Кессельрингу и генералу Винтеру, возглавлявшим войска в Чехословакии, приказ: “Задача состоит в том, чтобы отвести на запад возможно больше войск, пробиваясь при этом в случае необходимости через расположение советских войск с боем”¹⁰².

Вместе с тем Сталина беспокоило не только продолжение сопротивления противника, но и то, где будет подписан протокол о капитуляции. Как вспоминал заместитель начальника Генерального штаба генерал С.М. Штеменко, Сталин тогда заявил: “Договор, подписанный в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия – в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции”¹⁰³.

С союзниками быстро достигли договоренности, согласно которой было решено акт о безоговорочной капитуляции оформить именно в Берлине. 7 мая заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Жуков получил из Москвы телеграмму: “Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил”¹⁰⁴.

В полдень 8 мая в Карлсхорст, восточное предместье Берлина, прибыли представители верховных главнокомандований союзников. Командование экспедиционных сил в Европе представлял заместитель Эйзенхауэра главный маршал авиации Великобритании А. Теддер, вооруженные силы Соединенных Штатов Америки – командующий стратегическими военно-воздушными силами США генерал К. Спаатс, французские вооруженные силы – главнокомандующий армией генерал Ж.-М. де Латтр де Тассиньи. Из Фленсбурга под охраной английских офицеров в Карлсхорст была доставлена делегация Германии: фельдмаршал В.Кейтель, адмирал Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф.

Церемонию подписания Акта о военной капитуляции, как был дословно назван этот документ, подводивший черту под существованием вермахта, открыл Жуков. За главным столом располагались представители четырех союзных держав. Введенные по распоряжению маршала Жукова члены германской делегации подписали акт. Затем свои подписи поставили Теддер и Жуков, а в качестве свидетелей – представители США и Франции. “В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года, – писал Жуков, – подписание акта безоговорочной капитуляции было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал”¹⁰⁵. Новый документ окончательно закрепил подписанные в Реймсе условия прекращения военных действий и полного разоружения вермахта с 23 часов 01 минуты центральноевропейского времени 8 мая.

Сухопутные, морские и воздушные силы вермахта на советско-германском фронте начали складывать оружие. В 23 часа 8 мая прекратила сопротивление прижатая к Балтийскому морю группа армий “Курляндия”, утром 9-го сдались в плен остатки германских войск в районе Данцига и Гдыни. В Норвегии капитулировала оперативная группа “Нарвик”. Советский десант, начавший высадку 9 мая на датский о-в Борнхольм, через два дня завершил прием немецких войск.

Только на юго-западном участке советско-германского фронта войска групп армий “Центр” и “Австрия” по-прежнему пытались пробиться к американцам. 10 мая Эйзенхауэр вынужден был отдать приказ, в соответствии с которым те германские военнослужащие, что нарушат акт о капитуляции и попытаются ускользнуть от Красной Армии, будут возвращены советскому командованию. Так как группировка противника в Чехословакии к тому времени была уже окружена, значение приказа Эйзенхауэра оказалось практически незначительным. Однако для

самого фельдмаршала Шернера он стал роковым. Попытка фельдмаршала укрыться в американском плену закончилась неудачей: американцы передали его советскому командованию. Мелкие группы немцев на территории Чехословакии и Австрии пришлось уничтожать вплоть до 19 мая.

Согласно сведениям, которые по требованию советского командования представил фельдмаршал Кейтель, 9 мая на советско-германском фронте вермахт имел более 1,5 млн солдат и офицеров. С 9 по 17 мая советские войска взяли в плен или приняли при капитуляции 1 390 978 солдат и офицеров, а также 101 генерала¹⁰⁶.

5 июня в Берлине собрались главнокомандующие вооруженными силами СССР, США, Великобритании и Франции, выделенными для оккупации Германии. По поручению своих правительств, действовавших на основе решений Крымской конференции, маршал Жуков, генерал Эйзенхауэр, фельдмаршал Монтгомери и генерал де Латтр де Тассиньи составили Контрольный совет. Они подписали Декларацию о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении побежденного государства. Для оккупации, которую четыре державы-победительницы осуществляли с целью демилитаризации страны, развязавшей вторую мировую войну, Германия была разделена на четыре зоны. В каждой из них верховная власть теперь принадлежала соответствующему главнокомандующему. Декларация о поражении Германии вместе с Актом о военной капитуляции заложили основные принципы управления поверженной страной. Свое дальнейшее развитие они получили в решениях Потсдамской конференции глав правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Агрессор был разбит, в Европе наконец-то наступил долгожданный мир.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1955. Т. 6. С. 443.

² Цит. по: Погью Ф. Верховное командование. Пер. с англ. М., 1959. С. 458.

³ The Papers of Dwight D. Eisenhower. The War Years. Baltimore, 1970. Vol. 4. P. 2615.

⁴ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 5. С. 257.

⁵ Тегеран–Ялта–Потсдам: Сб. документов. М., 1967. С. 142.

⁶ Цит. по: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1979. Т. 10. С. 311.

⁷ Советская военная энциклопедия. М., 1990. Т. 1. С. 383.

⁸ Там же. С. 383.

⁹ Конев И.С. Сорок пятый. М., 1970. С. 93.

¹⁰ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 3. Л. 229 (Далее: ЦАМО).

¹¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1992. Т. 3. С. 232.

¹² Там же. С. 224.

¹³ История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 324.

¹⁴ Лисицын Ф.Я. В те грозные годы. М., 1985. С. 292.

¹⁵ The Papers of Dwight D. Eisenhower. The War Years. Vol. 4. P. 2613.

¹⁶ Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации. Документы и материалы. Ф. 191. Оп. 233. Д. 200. Л. 202 (Далее: ИВИ).

¹⁷ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 3. С. 248.

¹⁸ Цит. по: Там же. С. 246.

¹⁹ Воробьев Ф.Д. и др. Последний штурм. М., 1975. С. 221.

²⁰ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 88.

²¹ Там же. Ф. 299. Оп. 17055. Д. 4. Л. 305.

²² Там же. Ф. 237. Оп. 2394. Д. 146. Л. 85.

²³ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 3. С. 248.

²⁴ См.: Макдональд Ч. Тяжелые испытания. Пер. с англ. М., 1979. С. 387.

²⁵ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 38. Л. 14, 15.

²⁶ Цит. по: Полевой Б. До Берлина – 896 километров. М., 1973. С. 219.

²⁷ ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 200. Л. 215, 223.

²⁸ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a/M, 1963. Bd. 4. S. 1694 (Далее: КТВ/ОКВ).

- 29 История военного искусства. М., 1984. С. 324.
- 30 ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Д. 142, 143.
- 31 *Воробьев Ф.Д.* и др. Указ. соч. С. 280.
- 32 ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 194. Л. 39.
- 33 *Воробьев Ф.Д.* и др. Указ. соч. С. 296.
- 34 КТВ/ОКВ. Bd. 4. S. 1454.
- 35 Ibid. S. 1262–1266.
- 36 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 274.
- 37 История военного искусства. С. 325.
- 38 *Воробьев Ф.Д.* и др. Указ. соч. С. 231.
- 39 *Григорьев В.В.* И корабли штурмовали Берлин. М., 1984. С. 241.
- 40 *Воробьев Ф.Д.* и др. Указ. соч. С. 402.
- 41 *Боков Ф.* Весна победы. М., 1980. С. 243.
- 42 “Совершенно секретно! Только для командования!”: Сб. документов. М., 1967. С. 619.
- 43 ЦАМО. Ф. 233. Оп. 238268. Д. 3. Л. 244.
- 44 Там же. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 346. Л. 152.
- 45 Там же. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 159–161.
- 46 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 39. Л. 89.
- 47 *Конец И.С.* Указ. соч. С. 207.
- 48 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 281.
- 49 *Зинченко Ф.М.* Герои штурма рейхстага. М., 1983. С. 131.
- 50 Там же. С. 150.
- 51 Правда. 1990. 30 апр.
- 52 *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 267.
- 53 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 283; *Зинченко Ф.М.* Указ. соч. М., 1983. С. 150, 151.
- 54 *Зинченко Ф.М.* Указ. соч. С. 157–158.
- 55 Там же. С. 155.
- 56 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 285; *Неустров С.* Мы шли к рейхстагу. Краснодар. 1970. С. 104–105.
- 57 Правда. 1990. 30 апр.
- 58 *Егоров М.А., Кантария М.В.* Знамя Победы. М., 1975. С. 95.
- 59 Правда. 1990. 30 апр.
- 60 Цит. по: *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 270.
- 61 Цит. по: *Воробьев Ф.Д.* и др. Указ. соч. С. 368.
- 62 КТВ/ОКВ. Bd. 4. S. 1470.
- 63 *Типпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 548; *Макдональд Ч.* Указ. соч. С. 414.
- 64 *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 549.
- 65 ИВИ. Инв. № 115. С. 313.
- 66 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 39. Л. 113, 114.
- 67 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 344.
- 68 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 220.
- 69 Там же. С. 372.
- 70 Книга рекордов Гиннеса 1988 / Пер. с англ. М., 1989. С. 210.
- 71 *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 249.
- 72 *Конец И.С.* Указ. соч. С. 206.
- 73 Советская военная энциклопедия. Т. 1. С. 385.
- 74 Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 523.
- 75 Советская военная энциклопедия. Т. 1. С. 385.
- 76 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 350.
- 77 *Malá I. a kol. Český lid v boji proti fašismu.* Praha, 1975. S. 486.
- 78 *Cesky odboj a Kvetnové povstání: Sb. dokumentů. 1943–1945.* Praha, 1975. S. 161–164.
- 79 *Osvobození Československa Rudou Armádou, 1944–1945.* Praha, 1969. Sv. 2. S. 334, 335.
- 80 *Хоффман Й.* История власовской армии. Париж, 1990. С. 170–172.
- 81 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 350.
- 82 КТВ/ОКВ. Bd. 4. S. 1480.
- 83 *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 6. С. 479.

- ⁸⁴ Цит. по: История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 261.
- ⁸⁵ *Конев И.С.* Указ. соч. С. 242.
- ⁸⁶ Zázpis o zasedání ČNR ve dnech 4–9 května 1945. // Historie a vojenství. 1967. № 6. S. 971–1019.
- ⁸⁷ Правда. 1995. 5 апр.
- ⁸⁸ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 322–232.
- ⁸⁹ Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М., 1949. Вып. 1. С. 1.
- ⁹⁰ Информационная сводка. Главное политическое управление РККА. 7-е управление. Апрель–май 1945 г. С. 455.
- ⁹¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 16.
- ⁹² История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 354.
- ⁹³ Гриф секретности снят... С. 221, 372.
- ⁹⁴ КТВ/ОКВ. Bd. 4. S. 1470.
- ⁹⁵ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 343.
- ⁹⁶ Цит. по: История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 361.
- ⁹⁷ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 345.
- ⁹⁸ КТВ/ОКВ. Bd. 4. S. 1471.
- ⁹⁹ Краснознаменный Балтийский флот, 1944–1945. М., 1975. С. 140–141.
- ¹⁰⁰ КТВ/ОКВ. Bd. 4. S. 1478.
- ¹⁰¹ Ibid. S. 1480.
- ¹⁰² Ibid. S. 1483.
- ¹⁰³ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1973. Т. 2. С. 441.
- ¹⁰⁴ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 39. Л. 115.
- ¹⁰⁵ *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 281.
- ¹⁰⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 354.

БЕРЛИНСКАЯ (ПОТСДАМСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ

Едва отгремели победные салюты, как началась подготовка к новой встрече руководителей трех великих держав для рассмотрения актуальных проблем, в том числе и не решенных в Ялте. Прежде всего предстояло окончательно согласовать позиции по всему комплексу вопросов, которые касались Германии и ее бывших европейских союзников. Не терпело отлагательства определение условий и характера послевоенного устройства других стран Европы, а главное – надо было торопиться с решением вопросов, связанных с завершением войны против Японии.

Однако возникшая после Крымской конференции напряженность в отношениях между СССР и западными державами сильно затрудняла реализацию этих важных задач. Все дело в том, что некоторые действия США и Великобритании были критически оценены советским руководством. Серьезное недовольство оно выразило в связи с сепаратными англо-американскими переговорами в Берне с представителями германского военного командования. По мнению Сталина, это никак не отвечало сохранению и укреплению доверия между союзными странами¹. Новые сложности обозначились после кончины Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г., когда его место в Белом доме занял Г. Трумэн, который, особенно в начале своего президентства, прислушивался в основном к рекомендациям сторонников проведения в отношении СССР жесткого курса. 11 мая Трумэн подписал директиву о прекращении поставок по ленд-лизу для Советского Союза, что преследовало цель оказать политическое давление и добиться от него уступок, в частности, в польском вопросе. После протеста Кремля поставки в мае все же были возобновлены, но их приостановка, пусть и непродолжительная, так же как и отсрочка с решением о предоставлении СССР американского кредита, усилили подозрения И.В. Сталина в отношении намерений Запада².

Возможность применения средств политического и военного нажима начиная с марта 1945 г. обдумывал и британский премьер-министр, озабоченный тем, что рост влияния Советского Союза в перспективе обернется распространением коммунизма в Европе. В послании Трумэну от 12 мая Черчилль, используя термин “железный занавес” из арсенала главного идеолога третьего рейха Й. Геббельса, живописал картину продвижения Красной Армии до “Северного моря и Атлантики”. Тем не менее он советовал президенту США: “...прийти к соглашению с Россией или выяснить с ней отношения прежде, чем мы смертельно ослабим свои армии или уйдем в свои зоны оккупации”³. Черчилль предложил созвать новую конференцию глав правительств трех держав. Она-то, по его замыслу, и должна была способствовать закреплению выгодных для Англии военных и политических позиций в Европе и в других регионах мира.

Отношения США и Великобритании с СССР во многом обострились вследствие акций советского руководства, направленных на то, чтобы у власти в странах Восточной и Центральной Европы утвердились подвластные контролю Москвы политические режимы. Принятая в Ялте Декларация об освобожденной Европе, как и пообещал перед ее подписанием Сталин В.М. Молотову, начала выполнять-

ся советским правительством “по-своему”, а протесты западных лидеров в связи с нарушением положений этого документа (о проведении свободных выборов и др.) оставались без всякого внимания.

Беспокойство Запада вызвало и решение назначить вместо наркома иностранных дел Молотова А.А. Громыко, посла СССР в США, главой советской делегации на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско. Там сочли, что выбор на этот пост фигуры, менее представительной по рангу, означает снижение интереса СССР к переговорам о международной организации безопасности. Решение это особенно болезненно было воспринято американцами, как заявил 5 апреля И.М. Майскому посол США в СССР А. Гарриман, перечисляя пункты разногласий между США и Советским Союзом (Польша, Румыния и пр.)⁴.

Весной и летом 1945 г., несмотря на многие симптомы обострения отношений между СССР и его западными союзниками, не могло идти и речи о свертывании их связей. Вне всякого сомнения, советское правительство тогда не намеревалось отходить от курса сотрудничества с ними. Поэтому оно приняло самое активное участие в создании международной организации безопасности. В качестве главы советской делегации на конференцию в Сан-Франциско все же был направлен Молотов. Этот шаг, как сообщил в Лондон 19 апреля британский посланник в Москве Ф. Робертс, свидетельствовал о серьезном намерении Кремля “поддерживать хорошие отношения с администрацией президента Трумэна и обеспечить продолжение советско-американского сотрудничества”. А сообщая о реакции советской прессы на смерть Рузвельта, он особо отметил, что печать подчеркивает огромное значение рузвельтовского наследия в области военного сотрудничества⁵.

26 июня СССР совместно с США, Великобританией и другими государствами подписал Устав ООН с его основополагающими принципами демократии и свобод. Таким образом, представитель страны, которая совсем недавно, следуя марксистско-ленинской традиции, клеймила “ложные буржуазные трактовки” названных принципов, поставил свою подпись под этим документом⁶.

Ориентация СССР на сохранение после войны партнерства с США и Великобританией документально подтверждается материалами комиссий при наркоминделе, в разработке которых большая роль принадлежала М.М. Литвинову, И.М. Майскому и другим советским дипломатам. Записка Майского для Молотова “О желательных основах будущего мира”, датированная 11 января 1944 г., была использована, как уже упоминалось, при подготовке Крымской конференции. Основные ее положения оставались в силе и в период подготовки Берлинской конференции. Намечая линии возможного и желательного во внешней политике СССР в послевоенный период, Майский поставил на первый план “укрепление дружественных отношений с США и Англией”, а также “использование в советских интересах англо-американского противоречия с перспективой все более тесного контакта с Англией”.

Ошибка Майского заключалась в том, что он полагал неизбежным перенесение основного направления во внешней политике Англии на борьбу с Соединенными Штатами, а поэтому делал вывод, что советско-английский договор о союзе, заключенный в 1942 г., имеет реальную базу для своего укрепления и развития в послевоенный период. “Я склонен также думать, – добавлял он, – что СССР в этот период будет заинтересован в сохранении Англии как могущественной державы, в частности, он будет заинтересован в наличии у Англии сильного морского флота, ибо такая Англия может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США...”. Со своей стороны и Литвинов прогнозировал ухудшение послевоенных отношений Англии с США, а значит связанные с этим благоприятные перспективы развития советско-британского сотрудничества⁷. Вместе с тем оба дипломата не подвергали сомнению возможность и необходи-

мость продолжения партнерства СССР и с Англией, и с США, считая это основой сохранения длительного мира и одним из важнейших условий безопасности СССР.

Правительство США во главе с новым президентом летом 1945 г. также не помышляло о разрыве с Советским Союзом, а тем более о войне с ним, в успехе которой американские военные сильно сомневались. Комитет начальников штабов США и их советники не были настроены тогда в пользу политики ответных мер или открытого противостояния Советскому Союзу. Эту позицию они занимали вплоть до Потсдамской конференции. В мае 1945 г. генерал У. Донован, основатель Управления стратегических служб США, ставил в известность Трумэна о том, что “русская экспансия” трактуется целиком в терминах невоенного (по крайней мере в пределах 10–15 лет) противостояния двух сверхдержав⁸. Руководство США не восприняло советов Черчилля задержать американские войска в Саксонии и Тюрингии, т.е. в районах советской зоны оккупации. В своей переписке главы правительств СССР, США и Великобритании все же достигли договоренности об отводе войск начиная с 1 июля 1945 г. и размещении их по соответствующим оккупационным зонам в Германии и Австрии. В Вашингтоне, правда, не исключали, что в скором будущем удастся воздействовать на СССР методами силовой дипломатии, в том числе и атомной.

Немаловажными для большинства военно-политических лидеров США являлись их расчеты на участие СССР в нанесении поражения сухопутным силам Японии. Трумэн признал, что самым главным в его поездке в Потсдам было получить личное подтверждение Сталина о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке, в чем и американское военное командование было очень заинтересовано⁹.

К этому следует добавить, что общественность США, Великобритании и других стран антигитлеровской коалиции решительно высказалась против разрыва с советским союзником. Так, опрос Принстонского университета в мае 1945 г. показал, что 72% респондентов верят в возможность послевоенного сотрудничества с СССР. Иными словами, отход от этой политики был невозможен как в США, так и в Англии по причинам внутривосточным¹⁰.

Глава британского правительства, который усиленно рекомендовал Трумэну применить к Советскому Союзу методы силовой дипломатии, в общем-то не хотел полностью отказываться от сотрудничества. О. Сарджент и другие видные британские дипломаты, критикуя тогда советскую политику за отход от ялтинских соглашений в Восточной Европе, все же не усматривали в ней непосредственной угрозы жизненным интересам своей страны. Да и в Форин офисе, хотя и считали Советский Союз трудным партнером, готовы были продолжать сотрудничество с ним¹¹.

Новая встреча Большой тройки состоялась в Потсдаме – небольшом городе около Берлина. Местом заседаний был избран дворец Цецилиенхоф, сооруженный в 1913–1916 гг. по заказу германского кронпринца. Его окружает огромный парк “Новый сад”. Члены делегаций обосновались в Бабельсберге, что в 4 км восточнее Потсдама.

17 июля на первом пленарном заседании свои места за круглым столом заняли главы делегаций – Сталин, Трумэн и Черчилль. С 28 июля, после смены консервативного правительства лейбористским, делегацию Великобритании возглавлял премьер-министр К. Эттли. В работе конференции участвовали также министры иностранных дел СССР (В.М. Молотов), США (Дж. Бирнс) и Великобритании (А. Иден, затем Э. Бевин), их заместители и другие высокопоставленные дипломаты, а также представители военных ведомств трех стран. Председателем конференции был избран Трумэн.

В самом начале конференции по предложению Трумэна был рассмотрен, а на следующий день одобрен американский проект об учреждении Совета министров иностранных дел Великобритании, СССР, Китая, Франции и США (СМИД), т.е. пяти государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН. Совету надлежало

выработать мирные договоры для Болгарии, Венгрии, Италии, Румынии и Финляндии, а также подготовить мирное урегулирование с Германией, которое должно будет принять новое германское правительство¹². Созданный СМВД весьма положительно повлиял на процесс мирного урегулирования в Европе.

Германская проблема рассматривалась Большой тройкой в главных ее аспектах. Еще до встречи в Потсдаме СССР, США и Великобритания в дополнение к решениям Крымской конференции подписали ряд принципиально важных документов, прежде всего Акт о военной (безоговорочной) капитуляции германских вооруженных сил и Декларацию о поражении Германии и взятии на себя союзниками верховной власти. На Берлинской конференции был предложен проект делегации США о политических и экономических принципах, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период. Политическая часть проекта основывалась по-прежнему на межсоюзнических решениях о демилитаризации, денацификации и демократизации Германии. Сталин сразу заявил, что советская делегация “в основном принимает все пункты политического раздела этого вопроса”¹³.

В протоколе Берлинской конференции, под которым 1 августа поставили свои подписи Сталин, Трумэн и Эттли, а также в опубликованном ими на следующий день сообщении были зафиксированы основы согласованной политики в отношении Германии (к соглашению вскоре присоединилась и Франция). В разделе “Политические принципы” три державы подтвердили, что в соответствии с соглашением о контрольном механизме верховная власть в Германии будет осуществляться главнокомандующими вооруженных сил СССР, США, Великобритании и Франции, “каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного совета”. Главы правительств торжественно обязались искоренить германский милитаризм и нацизм, навсегда предотвратить их возрождение, всякую форму фашистской и милитаристской деятельности. В то же время они обязались разрешить и поощрять все демократические политические партии в Германии, предоставить им право на собрания и публичное обсуждение. Своими целями Сталин, Трумэн и Эттли провозгласили выполнение Крымской декларации о Германии и принятие других мер “для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире”.

Все это подразумевало, с одной стороны, полную демилитаризацию Германии, полное и окончательное упразднение всех видов германских вооруженных сил, а также СС, СА, СД и гестапо, а с другой – подготовку к реконструкции германской политической жизни на демократической основе. “С учетом необходимости поддержания военной безопасности” победители разрешили в Германии свободу слова, печати, религии, создание свободных профсоюзов¹⁴.

Вопрос о разделе Германии специально в этот раз не обсуждался. После обращения Сталина к советскому народу в День Победы, где он заявил об отсутствии у СССР намерений расчленять или уничтожить Германию, западные дипломаты сочли для себя нежелательным вести с советской стороной дискуссии, заранее обреченные на политические издержки, и выдвигать какие-то инициативные планы. Помощник государственного секретаря США Дж. Данн высказался по этому поводу на конференции совершенно однозначно. “Данн полагает, – читаем мы в записи встречи двух западных делегаций в Берлине 14 июля 1945 г., – что чем меньше будет сказано о расчленении Германии, тем лучше. Сэр А. Кадоган (постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании. – *Ред.*) заявил, что мы всегда считали, что расчленение станет желательным, если оно произойдет само по себе, но что было бы бесполезным пытаться навязать его. Вопрос сейчас еще не решен, и лучше, пожалуй, оставить его в таком положении, пока мы не увидим, как складываются условия в Германии”¹⁵. Словом, он рекомендовал занять позицию выжидания и не принимать каких-то опрометчивых решений.

Характерно, что когда на заседании 31 июля было упомянуто советское предложение о Рурской области* и в ответ Сталин заметил, что взгляды по вопросу о расчленении Германии теперь несколько изменились, то ни американцы, ни англичане не отреагировали на его фразу: «Германия остается единым государством». Решения Берлинской конференции подтверждали, что союзники «не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ»¹⁶.

В соответствии с американским проектом этими же решениями предусматривалось следующее: «Управление в Германии должно идти в направлении децентрализации политической структуры и развития на местах чувства ответственности»; «пока что не будет учреждено никакого центрального германского правительства»¹⁷. Потсдамское соглашение в случае его реализации смогло бы обеспечить немцам право на свободное самоопределение¹⁸. В то же время не стоит забывать, что решения Берлинской конференции с самого начала не стали претворяться в жизнь. Причина – различия в политике СССР и западных держав, в характере тех политических институтов, которые возникали на западе и востоке Германии. В западных зонах оккупационные власти проявляли осторожность в передаче функций управления местным политическим группам. Как правило, при отборе лиц на официальные посты предпочтение отдавалось тем, кто по духу был близок США и Великобритании¹⁹. В восточной же зоне оккупации внутривнутриполитическое развитие пошло по пути, который в конечном счете привел к установлению режима, сходного с советским.

В целом в Потсдаме политические аспекты германской проблемы были относительно быстро согласованы, но обсуждение экономических принципов выявило большие разногласия. Особенно затянулось согласование вопроса о репарациях.

В соответствии с советским репарационным планом, поставленным на обсуждение 23 июля, примерно половину репараций Германия должна была в первые два послевоенных года покрывать за счет единовременных изъятий из своего национального богатства. Другую половину предлагалось покрывать в течение десяти лет после капитуляции за счет товарных поставок из германской текущей продукции. Делегация СССР составила подробный список отраслей хозяйства Германии (военной и химической промышленности, черной и цветной металлургии и др.), которые могли бы обеспечить поставки в счет репараций, а также примерный перечень продуктов для покрытия ежегодных обязательств Германии по товарным поставкам (уголь, химические продукты, продовольствие и пр.). Наибольший процент изъятий оборудования и материалов (75%) был запланирован для военной промышленности, наименьший – для пищевой (15%) и транспорта (25%)²⁰. С точки зрения советской стороны, репарации должны были способствовать экономическому разоружению Германии и хотя бы частично компенсировать тот огромный ущерб, что был нанесен Советскому Союзу и другим странам.

Американская делегация в Потсдаме с самого начала отошла от ялтинской договоренности об определении общей суммы репараций в 20 млрд долл. и выдвинула принцип пропорционального их взимания. Согласно американскому предложению, каждому из четырех государств – Англии, СССР, США и Франции – предоставлялась возможность удовлетворять репарационные претензии из своей зоны оккупации²¹. Учитывая, что в советской зоне, по оценкам экспертов из СССР, находилось менее половины (42%) национального богатства Германии²², американское предложение по сути означало, что доля советских репараций не достигнет и половины ранее оговоренной общей суммы.

* Накануне делегация СССР внесла предложение рассматривать Рурскую промышленную область как часть Германии и установить над Руром совместный контроль США, Великобритании, СССР и Франции. – Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.): Сб. документов. М., 1980. С. 414.

Вопрос о репарациях впервые был вынесен на заседание глав правительств трех стран 31 июля, а до этого он обсуждался в основном министрами иностранных дел США и СССР. Британская делегация собственных проектов не выдвигала, хотя именно она добивалась ограничения советских возможностей на получение репараций. Целью Англии было устранить Германию как своего торгового и морского конкурента и как источник угрозы с воздуха. Заинтересованность ее в прекращении германского производства подводных лодок и ракет, в ликвидации германского судостроения и ряда отраслей химической промышленности подчеркивал прибывший на Берлинскую конференцию У. Монктон – глава британской делегации в Межсоюзной репарационной комиссии. В интересы же России, по мнению того же Монктона, входит приостановка производства Германией танков и пушек, не говоря уже о сильном сокращении ее металлургической промышленности. Между Англией и СССР, полагал он, могут возникнуть серьезные расхождения²³.

Кроме того, в советском репарационном плане британское правительство усматривало опасность для социальной стабильности Европы. Министр финансов Дж. Андерсон, весьма влиятельная фигура в кабинете Черчилля, считал необходимым, чтобы жизненный уровень населения Германии в период выплаты репараций был где-то “между Бельгией и Болгарией”, но не приближался к балканским условиям хаоса. 18 июля Андерсон известил Монктона: британское правительство не намерено мешать России в возмещении ее потерь (но только некоторых) за счет германских репараций, акций и предприятий; однако во имя благополучия и мира в Европе нельзя доводить политику разрушения германской экономики до полного провала. В памятке для британской делегации, составленной Форин офис за несколько дней до открытия Потсдамской конференции, вопрос о репарациях рекомендовалось рассматривать в связи с неурегулированным еще вопросом о западной границе Польши. Указывалось, что в случае, если советская сторона не пойдет на приемлемое для Лондона решение этого последнего вопроса, то он должен будет известить Москву, что всякие репарационные поставки из американской и британской оккупационных зон прекратятся²⁴.

Тем временем инициативу переговоров с СССР прочно держала в своих руках американская делегация. Она также выдвигала предложение об увязке вопросов о западной границе Польши и репарациях (об этом, в частности, шла речь на встрече Трумэна и Бирнса с Молотовым), но назвать какую-то общую сумму американцы отказывались. В переговорах 30–31 июля американская сторона заявила о своем согласии на то, чтобы западная граница Польши прошла по рекам Одер и Западная Нейсе, но поставила это согласие в зависимость от принятия советской стороной двух предложений – снять с обсуждения сумму репараций в 20 млрд долл. и допустить в ООН нейтральные и бывшие вражеские государства (Италию, Болгарию, Венгрию, Финляндию, Испанию и ряд других).

В тот же день делегация СССР представила на рассмотрение измененное предложение, в котором уже отсутствовало требование о сохранении точной цифры репараций и был одобрен позональный принцип их взимания. В переговорах с Трумэном и Эттли Сталин настаивал на более полном возмещении ущерба, нанесенного Советскому Союзу, а также его потерь в связи с вывозом американцами и англичанами части оборудования из районов советской зоны оккупации, временно занятых ими до вступления туда Красной Армии²⁵.

Таким образом, компромисс “репарации – границы – ООН” был достигнут в самом конце конференции главным образом благодаря усилиям советских и американских представителей. Согласно ее решениям репарационные запросы СССР должны были обеспечиваться за счет изъятия не только из советской зоны оккупации Германии, но и из соответствующих германских вложений за границей. Кроме того, СССР предстояло получить из западных зон 25% промышленного капитального оборудования, из них 15% – в обмен на эквивалентную стоимость поставок из советской зоны, а 10% – без оплаты или возмещения. В свою очередь, Советский Союз обязался удо-

влетворить из своей доли репарационные претензии Польши. Для США, Англии и других стран, имевших право на репарации, предусматривались поступления из западных зон и из соответствующих германских вложений за границей²⁶.

Тем не менее потсдамские договоренности о репарациях не могли полностью удовлетворить нужды разоренного войной хозяйства Советского Союза. В счет репараций, например, с августа 1945 по июль 1949 г. с 40 заводов из западных зон Германии было вывезено 239,3 тыс. т оборудования на общую сумму в 81,7 млн германских марок (в ценах 1938 г.). Из них Польше СССР передал оборудование 17 заводов стоимостью в 10,3 млн марок²⁷. По признанию представителя Великобритании в Межсоюзной репарационной комиссии Д. Уэйли, 25% выторгованного русскими промышленного оборудования едва ли могли нанести какой-то ощутимый урон Америке или любому из ее союзников²⁸.

На Берлинской конференции на сей раз без дискуссии был решен вопрос о Восточной Пруссии. Эта территория, как известно, служила своеобразным трамплином для германской экспансии на восток. 22 июля 1945 г. на заседании глав правительств Сталин вручил Трумэну и Черчиллю предложение о передаче СССР района Кёнигсберга, сославшись на то, что еще в Тегеране Большая тройка согласовала подобный акт. Пришлось президенту США и английскому премьер-министру объявить о своем принципиальном согласии. Черчилль от имени своего правительства заверил Сталина в «постоянной поддержке русской позиции в этой части света». По решению Берлинской конференции Кёнигсберг (с 1946 г. Калининград) с прилегающим к нему районом передавался Советскому Союзу²⁹.

В очередной раз Большая тройка обсуждала вопрос о составе правительства Польши. Еще в конце мая 1945 г. Сталин в беседе с Г. Гопкинсом, которого Трумэн направил в Москву для урегулирования спорных проблем, согласился дополнить существующее правительство четырьмя–пятью «нелюблинскими» поляками по списку, представленному США и Великобританией. Успешные переговоры Гопкинса, а также договоренность между различными политическими течениями поляков ускорило образование Польского временного правительства национального единства, в которое наряду с коммунистами вошли несколько представителей от польской эмиграции и от широких слоев населения. Вскоре оно получило признание со стороны СССР, США и Великобритании. В Потсдаме советской делегации удалось провести, правда с некоторыми изменениями, свое предложение о разрыве западными державами отношений с находившимся в Лондоне польским эмигрантским правительством.

Достижение договоренности относительно западной границы Польши потребовало от советской делегации немалых усилий. Советский проект от 20 июля предусматривал установление границы по рекам Одер и Западная Нейсе. Для обоснования этого требования был специально приглашен в Потсдам президент Крайовой Рады Народовой Б. Берут.

Черчилль выразил свое решительное несогласие, ибо в его намерения входило достичь с советским руководством такого соглашения, чтобы западная граница Польши была непременно намного меньше ее теперешних притязаний³⁰. Свои возражения против существенного приращения территории Польши премьер-министр мотивировал экономическими и моральными соображениями, в первую очередь трудностями массового переселения немцев из Восточной Германии. На самом деле главная причина была в его нежелании усиливать новую Польшу, где утверждался контролируемый СССР политический режим и, следовательно, расширялась сфера влияния Советского Союза в Европе. Черчилль намеревался «повоевать» с советским руководством по значительному числу несогласованных вопросов. Впоследствии он писал: «Я предполагал, что в случае, если меня выберут, как многие ожидали, дать бой советскому правительству по этим многочисленным вопросам. Так, например, ни я, ни Иден никогда не согласились бы, чтобы граница проходила по Западной Нейсе»³¹.

Однако лидеры лейбористской партии, одержавшей победу на парламентских выборах*, такое согласие дали. Ведь только совсем недавно, в ходе избирательной кампании, Э. Бевин пообещал британцам, что лейбористы, если придут к власти, будут проводить политику сотрудничества с СССР лучше, чем консерваторы. Главное же заключалось в том, как об этом 31 июля 1945 г. сообщал Бевин Г. Моррисону, что накануне на заседании министров иностранных дел трех держав в Потсдаме американская делегация поддержала советское предложение о западной границе Польши, даже не уведомив предварительно об изменении своей позиции по этому вопросу британскую делегацию³².

Таким образом, на Берлинской конференции западная граница Польши была установлена по рекам Одер и Западная Нейсе. Кроме того, Польша получала г. Данциг (Гданьск) и часть Восточной Пруссии за исключением Кёнигсберга с прилегающим к нему районом³³.

Значительные расхождения выявились при обсуждении вопроса о мирном урегулировании с бывшими союзниками Германии. США и Великобритания внимательно следили за ходом политического развития в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где после их освобождения шел процесс становления новых структур и форм власти, которые западные державы считали абсолютно неприемлемыми. Острое их недовольство вызывала политика СССР в этих странах, в частности, в Румынии; там при поддержке Сталина к власти пришло угодное ему правительство. В Потсдаме американская дипломатия в центр дискуссии поставила ялтинскую Декларацию об освобожденной Европе; по предварительной договоренности с британской делегацией Трумэн 17 июля заявил о невыполнении Советским Союзом этого документа. Американцы требовали реорганизовать правительства Румынии и Болгарии на основе свободных выборов, обосновывая это тем, что с обеими странами после получения дипломатического признания должны быть заключены мирные договоры³⁴. В действительности США и Великобритания стремились предотвратить создание в Восточной Европе политических коалиций с преобладанием в них коммунистов и при полном контроле СССР.

В своем втором предложении от 21 июля американская делегация, сняв уже требование о реорганизации правительств Румынии и Болгарии, выдвинула проект "О допущении в Организацию Объединенных Наций", в котором основная мысль сводилась к поддержке просьбы Италии о принятии ее в члены ООН.

Решительно оспаривая позицию западных держав в отношении Восточной Европы, Сталин вместе с тем добивался того, чтобы в вопросе о вступлении в ООН Болгария, Венгрия, Румыния и Финляндия не были поставлены в худшие условия, нежели Италия. Дав "добро" на вхождение ее в международную организацию безопасности, он потребовал от западных держав согласия на восстановление дипломатических отношений с первыми четырьмя из названных выше государств³⁵. Упорство Сталина в торге с союзниками вполне объяснимо: удельный вес влияния СССР на политическую жизнь Италии, находившейся тогда под контролем западных держав, был намного меньше, чем в случае с Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией.

После затяжной дискуссии был достигнут, наконец, компромисс по всему пакету вопросов. В решении Берлинской конференции "О заключении мирных договоров и о допущении в Организацию Объединенных Наций" три правительства провозгласили свое стремление прекратить путем заключения мирных договоров "теперешнее аномальное положение" Италии, Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии. Первоочередной задачей СМВД объявлялась подготовка мирного договора с Италией – первой из стран оси, порвавшей с нацистской Германией. Каждое из трех правительств согласилось изучить вопрос об установлении дипломатических отношений с Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией еще до заключения

* Выборы в Англии состоялись 5 июля, а их результаты были обнародованы 26 июля 1945 г.

мирных договоров, а после этого поддержать просьбу не только их, но и Италии о принятии в члены ООН³⁶.

В коммюнике о Берлинской конференции указывалось, что представители прессы союзных государств "будут пользоваться полной свободой сообщать миру о событиях в Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии". С советской стороны это была явная уступка американцам, которые требовали устранения в освобожденных странах и государствах – бывших союзниках оси всяких ограничений на свободу печати и на доступ к информации³⁷. Британский посол в Москве А. Кларк Керр вскоре напомнил Бевину; в Потсдаме советская сторона согласилась улучшить положение британских и американских представителей в союзных контрольных комиссиях в Румынии, Болгарии и Венгрии; положение западных демократий изменилось к лучшему в Польше и Чехословакии; достигнуто соглашение о въезде западных журналистов в Восточную Европу и об улучшении транспортного сообщения с Западом. Однако не делалось никаких послаблений в жестком контроле над сообщениями иностранных корреспондентов из Восточной Европы и из СССР. Как докладывал Бевину британский посланник в Москве Ф. Робертс, советские цензоры запрещали публикацию каких-либо критических материалов о политике СССР³⁸.

Разумеется, участники Берлинской конференции уделили внимание и вопросам Дальнего Востока. Перед открытием первого пленарного заседания Сталин, встретившись 17 июля с Трумэном, сам заговорил на тему об участии СССР в войне против Японии. В ответ на замечание президента, что США ожидают обещанной помощи, советский лидер заверил его: СССР сдержит свое слово и будет готов вступить в действие к середине августа³⁹.

После успешного испытания американского ядерного оружия некоторые деятели США, в том числе Бирнс, адмиралы У. Леги и Э. Кинг, выразили мнение о желательности завершения войны с Японией без участия СССР. Однако и после 21 июля, когда в Потсдам поступил доклад американского генерала Л. Гровса о взрыве атомной бомбы в Аламогордо, стратегический план ведения войны остался без изменения. 24 июля Объединенный комитет начальников штабов в присутствии Трумэна и Черчилля подтвердил прежнюю установку "поощрять вступление России в войну против Японии". А 26 июля на переговорах начальников штабов СССР и США были достигнуты договоренности о сотрудничестве вооруженных сил обеих стран в этой войне⁴⁰.

Тем не менее в правительственных кругах США не отказывались и от мысли вынудить Японию к капитуляции с помощью ядерного оружия. Испытательный взрыв атомной бомбы в Аламогордо, атомные бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки были рассчитаны также на то, чтобы утвердить положение США в мире как главной сверхдержавы, оказать политическое и психологическое воздействие на СССР. Явно пытаясь поразить Сталина сенсационным известием, Трумэн после пленарного заседания 24 июля сообщил ему о создании Америкой совершенно нового оружия необычайной разрушительной силы. Проявленное тогда Сталиным полное равнодушие Трумэн с Черчиллем ошибочно восприняли так, будто он не понял значение случившегося. На самом же деле в СССР уже с конца 1942 г. развернулись секретные работы по собственному атомному проекту. События июля и августа 1945 г. лишь подстегнули усилия советской разведки и ученых в этом направлении. Потсдамская конференция стала как бы точкой отсчета ядерной эры.

* * *

Берлинская конференция – последняя в серии встреч Большой тройки периода второй мировой войны – доказала возможность поиска и нахождения взаимоприемлемых решений, достижения компромиссов между СССР и его западными союзниками, несмотря на все более проявлявшиеся между ними разногласия. Советское

руководство смогло претворить большую часть из поставленных им целей, касавшихся обеспечения стратегической безопасности страны, территориального расширения, а также сохранения сотрудничества с США и Великобританией. По решениям Крымской и Берлинской конференций Советский Союз вернул все то, что было обусловлено секретным протоколом к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г., и даже более того⁴¹. “Думаю, что мы неплохо поработали, – с удовлетворением заявил 31 июля 1945 г. британский дипломат А. Кадоган. – Джо (Сталин. – *Ред.*) получил большую часть того, что он хотел, но почти все карты были у него в руках. Мы тоже кое-чего добились, главным образом в вопросах обращения с Германией”⁴².

Решения Берлинской (так же, как и Крымской) конференции подверглись в годы холодной войны резкой критике со стороны большей части западных политиков и историков за predeterminedный ими раздел сфер влияния, за фактическую легализацию советского контроля над Восточной Европой. И в наши дни допускаются утверждения, будто опубликованные после окончания переговоров в Потсдаме решения не обеспечили мира, а открыли эпоху холодной войны⁴³.

Высказываются, впрочем, и иные взгляды. Западные лидеры, как подчеркивается, например, могли бы предотвратить установление такого контроля СССР, лишь применив свои вооруженные силы, а это совершенно исключалось и по военным, и по политическим причинам, ибо общественность США требовала возвращения американской армии из Европы, да и предпринять военную кампанию против СССР – недавнего союзника было невозможно⁴⁴. Действительно, очевидцы тех событий подтверждают, что выдающаяся храбрость советских людей и их колоссальные жертвы в борьбе с агрессором вызвали в мире широкие симпатии к СССР. Это и после победы заставило молчать многих критиков сталинской системы и политики⁴⁵. Отмечается, кроме того, что президент США Трумэн и государственный секретарь Бирнс, впервые выступившие на международном форуме, не смогли еще в тот момент отступить от рузвельтовского курса и повести дело к провалу Потсдамской конференции, ибо они рисковали потерей своего престижа в стране⁴⁶. Английский историк Д. Дилкс признает, что во многих отношениях конференция не оказалась успешной, однако обращает внимание на следующее: стремление сохранить союз, насколько это было возможным, оставалось сильным у обеих сторон; политику холодной войны predeterminedил не Потсдам; участники конференции предпринимали все усилия, чтобы не допустить разрыва⁴⁷.

Некоторые исследователи ставят под сомнение обвинения тех, кто обрушился с критикой на Большую тройку за формирование в Ялте и Потсдаме двух блоков – “капиталистического и демократического Запада”, с одной стороны, и “социалистического (по типу Советов) тоталитарного Востока” – с другой⁴⁸. Более того, теперь считается обоснованной версия, что летом и осенью 1945 г. из всех трех руководителей антигитлеровской коалиции Сталин меньше всего был склонен к разделу Европы⁴⁹.

Новые документы, в частности, из Архива Президента Российской Федерации, свидетельствуют, что при разработке основ будущего мира советские дипломаты, особенно Литвинов и Майский, куда шире определяли зоны влияния и стратегических интересов Советского Союза. Еще в записке от 15 ноября 1944 г. Литвинов развивал идею “полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства”, намечал возможные рамки “максимальной сферы интересов” СССР и “сферы безопасности” Англии и Европы⁵⁰. Подобного рода проекты, обсуждение Сталиным с Иденом и Черчиллем такой темы, как сферы влияния, имперские устремления, заложенные в политике великих держав, шли вразрез тем демократическим целям, что декларировали правительства трех союзных государств в ходе войны.

Однако, как представляется, было бы ошибочным выносить достигнутым в Потсдаме итогам одни негативные оценки и связывать с ними начало холодной

войны. Решения Берлинской конференции, к которым вскоре присоединилась Франция, обобщили результаты борьбы стран антигитлеровской коалиции за предотвращение агрессии германского милитаризма. Конференция, которая подвела черту под почти шестилетний кровопролитной войной, вселила народам надежду на длительный мир. Положительные итоги переговоров стали возможны благодаря реалистической позиции лидеров и членов делегаций трех стран, благодаря их желанию преодолеть трудности и достичь согласия по важным вопросам послевоенного устройства. Не вызывает сомнения, что главные из принятых весной и летом 1945 г. решений все же создавали хорошую основу для проведения совместно и согласованного курса в германском вопросе и в европейской политике в целом.

К сожалению, развитие событий пошло в ином направлении. Межсоюзническое сотрудничество по вине обеих сторон – СССР и западных держав – уступило место открытому противостоянию.

- ¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1989. Т. 2. С. 221.
- ² *Herring G.C. Aid to Russia 1941–1945: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War.* N.Y., 1973. P. 205–211; *Wheeler-Bennett, Nicholls A. The Symbiosis of Peace: The Political Settlement After the Second World War.* L., 1972. P. 319–321; Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995. С. 332–333.
- ³ *Foreign Relations of the United States. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference 1945).* In: 2 vol. Wash., 1960. P. 8, 9. (Далее: FRUS).
- ⁴ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129. Оп. 29. П. 166. Д. 4. Л. 15. (Далее: АВП РФ).
- ⁵ Public Record Office. Kew, England. FO 371/47939.
- ⁶ Союзники в войне, 1941–1945. М., 1995. С. 6.
- ⁷ Источник: Документы русской истории. 1995. № 4. С. 143; Вторая мировая война: Актуальные проблемы. С. 59.
- ⁸ *Diplomatic History.* 1982. Spring. P. 174, 179; Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 124; *Даллес А.* О политике // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 94.
- ⁹ FRUS. 1945. Vol. 5. P. 1000; *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 458; *Белецкий В.Н.* Потсдам 1945: История и современность. М., 1987. С. 173–177.
- ¹⁰ *Aronson L., Kitchen M. The Origins of the Cold War in Comparative Perspective: American, British and Canadian Relations with the Soviet Union, 1941–1948.* L., 1985. P. 33–34.
- ¹¹ *Reynolds D. Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century.* L., 1991. P. 156; *The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on the Anglo-Soviet Relations, 1941–1945* / Ed. G. Ross. Cambridge, 1984. P. 59–60, 197, 211; *Ross G. The Great Powers and the Decline of the European State System, 1914–1945.* L., 1985. P. 145.
- ¹² Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.): Сб. документов. М., 1980. С. 459–460.
- ¹³ Там же. С. 307–309.
- ¹⁴ Там же. С. 462–464, 484, 485.
- ¹⁵ *Documents on British Policy Overseas* / Ed. M.E. Pelly. Series I. L. 1984. Vol. 1. P. 286.
- ¹⁶ Берлинская (Потсдамская) конференция: Сб. документов. С. 260, 484.
- ¹⁷ Там же. С. 486–487.
- ¹⁸ *Филитов А.М.* Германский вопрос: От раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993. С. 38.
- ¹⁹ *Feis H. Between War and Peace: The Potsdam Conference.* Princeton, 1960. P. 244.
- ²⁰ СССР и германский вопрос, 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 1996. Т. 1. С. 597–600.
- ²¹ Берлинская (Потсдамская) конференция: Сб. документов. С. 371.
- ²² Там же. С. 239.
- ²³ *Documents on British Policy Overseas. Series I. Vol. 1.* P. 298.
- ²⁴ *Ibid.* P. 755–756.
- ²⁵ Берлинская (Потсдамская) конференция: Сб. документов. С. 247–255, 267, 268, 431–432; АВП РФ. Ф. 483. Оп. 11 ж. П. 64. Д. 2. Л. 111, 138–139.

- ²⁶ Берлинская (Потсдамская) конференция: Сб. документов. С. 467.
- ²⁷ АВП РФ. Ф. 48з. Оп. 11ж. П. 70. Д. 16. Л. 275–276.
- ²⁸ Documents on British Policy Overseas. Series I. Vol. 1. P. 1260.
- ²⁹ Берлинская (Потсдамская) конференция: Сб. документов. С. 351, 162, 471.
- ³⁰ Documents on British Policy Overseas. Series I. Vol. 1. P. 222.
- ³¹ Churchill W.S. The Second World War. L., 1954. Vol. 6. P. 581.
- ³² Feis H. From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945–1950. L., 1971. P. 48; Rothwell W. Britain and the Cold War, 1941–1947. L., 1982. P. 180; Documents on British Policy Overseas. Series I. Vol. 1. P. 1094.
- ³³ Берлинская (Потсдамская) конференция: Сб. документов. С. 473.
- ³⁴ Там же. С. 316, 317.
- ³⁵ Там же. С. 330, 176, 178, 179, 352, 353.
- ³⁶ Там же. С. 494, 495.
- ³⁷ Там же. С. 344, 345, 494, 495.
- ³⁸ The Foreign Office and the Kremlin. P. 226; Documents on British Policy Overseas. Series I. Vol. 1. P. 1207.
- ³⁹ Берлинская (Потсдамская) конференция: Сб. документов. С. 43.
- ⁴⁰ Mee Ch. Meeting at Potsdam. L., 1976. P. 80, 326; Ситолс В.Я. На пути к великой победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985. С. 439.
- ⁴¹ Международная жизнь, 1995, № 4–5. С. 23.
- ⁴² The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945 / Ed. by D. Dilks. L., 1971. P. 778.
- ⁴³ Das Potsdamer Abkommen (Studiengruppe für Politik und Völkerrecht. Teil 3: Rückblick nach 50 Jahren). Bonn, 1996. S. 181.
- ⁴⁴ Bulletin of the International Committee for the history of the Second World War. 1995. № 27/28. P. 152.
- ⁴⁵ Союзники в войне, 1941–1945. М., 1995. С. 334.
- ⁴⁶ Das Potsdamer Abkommen... S. 11–12.
- ⁴⁷ Dilks D. The Conference at Potsdam, 1945 / The End of the War in Europe, 1945 / Ed. B. Bennett. L., 1996. P. 95–98.
- ⁴⁸ Bulletin of the International Committee for the history of the Second World War. 1995. № 27/28. P. 171.
- ⁴⁹ Gardner L.C. Spheres of Influence. The Partition of Europe, from Munich to Yalta. Cambridge, 1993. P. 261.
- ⁵⁰ Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела... // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. С. 59.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР С США И АНГЛИЕЙ

С самого начала образования антигитлеровской коалиции перед ее участниками встал вопрос о выборе совместной целенаправленной военной политики и стратегии в войне против общего врага, поскольку театры войны и фронты охватывали обширные и разрозненные регионы планеты. Что должно быть приоритетным – стратегия, согласованная по усилиям и времени, координируемая правительствами СССР, США и Англии, или стратегия “каждый сам за себя”, подчиненная, в первую очередь, национальным интересам, как их понимала каждая из великих держав?

Коалиционная стратегия подразумевала наступлением на Германию с востока и запада заставить третий рейх и его союзников воевать на двух фронтах, на направлениях, выводящих к жизненно важным районам Германии. Это позволяло максимально быстро разгромить главного противника – гитлеровский рейх, сократить число жертв и разрушений в оккупированной Европе. При выборе такой стратегии западные державы, используя свои военно-экономические потенциалы, были в состоянии в первые годы войны более активными действиями на Северо-Африканском, Азиатском (Сингапур, Бирма) и Тихоокеанском театрах войны оказывать действительное давление на государства фашистского блока и создавать предпосылки для открытия второго фронта в Западной Европе в 1943 г. При ориентации на такую стратегию США и Англия должны были максимально мобилизовать имеющиеся ресурсы и быть готовыми к большим потерям своих вооруженных сил, чем при проведении военных операций на театрах, удаленных от жизненно важных центров Германии.

Однако западные державы отдали свои приоритеты не коалиционной, а национальным стратегиям. Так, Черчилль и военный кабинет Великобритании избрали стратегию “непрямых действий”, рассчитанную на длительную войну, на измор противника. Основные этапы этой стратегии предусматривали: сжатие кольца, освобождение народов, нанесение решающего удара по германской цитадели. Сжатие кольца выразилось в том, что в 1941–1943 гг. английские войска вели военные действия ограниченными силами в Северной Африке, на Сицилии и в Италии, осуществляли воздушные бомбардировки Германии и вели интенсивную войну на море. “Освобождение народов” мыслилось начать после того, как Красная Армия значительно ослабит вермахт, а движение Сопротивления в Европе наберет силу. Тогда, по замыслу английских стратегов, союзные войска высадят десанты в районах с наиболее активным Сопротивлением и возглавят восстание народов за освобождение своих стран. На третьем этапе планировалось совместно с армиями США и СССР начать решительное наступление на Германию до ее полного разгрома. Ход военных событий, однако, внес значительные коррективы в эти замыслы.

Главная цель стратегии США состояла в том, чтобы нанести полное военное поражение главным державам “оси” (Германия, Япония) и вывести из войны Италию. При этом действовал принцип “сначала Германия”. Поэтому предусматривалось главные силы сосредоточить на Атлантическо-Европейском театре, а в Тихоокеанском регионе сражаться ограниченными силами, затем, разгромив с помо-

щью СССР и Англии Германию и ее союзников в Европе, направить значительные вооруженные силы против Японии. Сформулированная в общих чертах, эта стратегия на практике никогда не была реализована в полном объеме. До августа 1943 г. США на Атлантическо-Европейском театре следовали в русле английской средиземноморской стратегии (хотя руководители армии США видели свою главную цель во вторжении в Западную Европу), а с осени 1943 г. под влиянием побед Красной Армии американское командование сделало главным приоритетом своей стратегии высадку во Франции и наступление через нее на Германию, подчинив своему курсу и Великобританию.

Таким образом, и Англия и США, в первую очередь, проводили стратегию, отвечающую, как казалось, их национальным интересам. Стратегия, отдающая приоритет национальным интересам, ослабляла согласованные усилия трех великих держав, увеличивала общее число жертв и разрушений, удлиняла сроки войны, но обеспечивала определенные политические и геополитические выгоды США и Англии; она позволяла им свести до минимума потери в людях и технике, переложить главную тяжесть войны с Германией на СССР. Англия рассчитывала сохранить британскую империю и свое влияние в послевоенном мире, не допустив гегемонизма СССР в Европе. США надеялись добиться доминирующего положения на мировых рынках, убрать с них как конкурентов Германию и Японию, потеснить Англию и Францию, не позволить СССР стать влиятельной силой в мире.

СССР, находившийся в крайне тяжелом положении, был заинтересован в проведении коалиционной военной стратегии. Его национальные интересы объективно совпадали с интересами всех народов и государств, входивших в коалицию. Интересы СССР требовали освобождения оккупированной врагом своей территории, а также других стран, полного разгрома Германии, создания благоприятной внешнеполитической обстановки в мире после войны для восстановления и развития Советского Союза.

Западные державы предпочли стратегию, отвечающую их национальным интересам, приняв в 1942 г. обоснованный У. Черчиллем курс “непрямых действий”, а по отношению к СССР проводя линию “удержания России в войне”. Непосредственно военная помощь оказывалась на оперативно-тактическом уровне, в основном при проведении конвоев в арктических морях и защите северных коммуникаций СССР. Так, в 1941 г., у побережья Норвегии действовали две английские подводные лодки – “Тайгрис” и “Трайдект”, небо над Кольским заливом вместе с советской авиацией прикрывали в августе – октябре 1941 г. две английские истребительные эскадрильи. В составе союзных северных конвоев действовали и советские корабли и подводные лодки. Но все это носило эпизодический характер. От ширококомасштабных совместных действий, объединенных общим замыслом, союзники уклонялись.

Советский Союз мог изменить стратегию союзников только крупными успехами Красной Армии на советско-германском фронте. Битвы под Сталинградом и Курском показали всему миру, что СССР способен самостоятельно освободить свою территорию и перенести военные действия в Восточную Европу. Это привело США и Англию к признанию необходимости проводить согласованную коалиционную стратегию, серьезно заняться подготовкой к открытию второго фронта, а после вторжения во Францию и наступления на Германию все в большей степени координировать военную политику и стратегию с Советским Союзом. Поэтому, если в 1941–1943 гг. в союзнических отношениях между СССР, с одной стороны, и США, Великобританией – с другой, преобладали дипломатические и военно-экономические аспекты, то после первой встречи глав трех правительств – Большой тройки – проблема военно-политического и стратегического сотрудничества все более выходила на первый план.

Важнейшим военно-стратегическим вопросом, решенным на Тегеранской конференции Большой тройки, было согласованное решение об открытии второго

фронта в Западной Европе в мае 1944 г. Это был большой шаг вперед на пути военного сотрудничества восточного и западных союзников по антигитлеровской коалиции.

Военно-стратегические вопросы заняли на Тегеранской конференции весьма важное место. По настоянию советской делегации было принято считать главной операцией союзников в 1944 г. вторжение во Францию (Нормандская операция) и последующее наступление на Германию. В ходе совещаний по военным вопросам советской стороной было убедительно доказано, что операции по высадке в Южной Франции и действия в Италии могут расцениваться как важные стратегические, но все же вспомогательные операции.

Для действительной помощи союзникам при вторжении в Западную Европу Советский Союз принял на себя обязательство после высадки союзных экспедиционных войск во Франции начать широкое наступление Красной Армии на одном из важных участков советско-германского фронта, с тем чтобы облегчить операции союзникам по захвату и удержанию плацдармов во Франции. По настоянию советской делегации был также решен вопрос о верховном командующем союзными войсками. Им стал американский генерал Дуайт Эйзенхауэр.

Если до Тегерана США, Англия только извещали СССР об уже выработанных совместных планах тех или иных стратегических операций союзных войск, то теперь план и сроки открытия второго фронта были заблаговременно согласованы с Советским Союзом и скоординированы с предстоящими действиями Красной Армии. Именно с этого времени начинаются согласованные по замыслу, времени и месту планы боевых действий Красной Армии и объединенных сил США и Англии.

Координация планируемых и проводившихся боевых операций в 1944–1945 гг. охватывала многие вопросы, но главными были три направления: согласованные по времени удары по вермахту с Востока и Запада; сотрудничество советских и союзных ВВС в ходе “челночных операций” стратегической авиации США и Англии с целью бомбардировок административно-политических и военно-промышленных центров Германии; взаимноинформация между генеральными штабами СССР и войск союзников в виде информационных и разведывательных сводок, а также других документов.

В феврале 1944 г. был разработан совместный план прикрытия и маскировки союзных операций в Европе на 1944 г., получивший кодовое название “Бодигард”. В нем, в частности, было предусмотрено, чтобы союзники на восточном и западном фронтах смогли убедить врага, что главное летнее наступление русских не начнется ранее конца июня. Наряду с мерами, предпринимавшимися союзными войсками, намечалось также создать у противника впечатление, что высадка через Ла-Манш произойдет не ранее конца лета 1944 г., а до этого возможны крупные наступления русских на советско-германском фронте и “русская десантная операция на болгарское и румынское побережье”.

Но, конечно, главным направлением военно-политического сотрудничества союзников было планирование стратегического взаимодействия Красной Армии и союзных войск США и Англии, контроль за военными действиями на фронтах против вермахта и армий союзников Германии. Здесь важную роль играли операции Красной Армии, увязанные по времени с открытием второго фронта. Его ждали долго. В США и Англии с тревогой: как получится? В Германии со страхом: что будет? В СССР с нетерпением: когда же, наконец! В оккупированной Европе с надеждой: скорее бы!

И вот свершилось. 6 июня 1944 г. под грохот сотен дальнебойных корабельных батарей, под прикрытием тысяч бомбардировщиков и истребителей на пляжи Нормандии высадились первые эшелоны англо-американских союзных сил под командованием американского генерала Д. Эйзенхауэра. Преодолевая сопротивление врага, танки и пехота союзников завязали бои в “живых изгородях Нормандии”, расширяя захваченные плацдармы.

Операция “Оверлорд” – вторжение во Францию – была крупнейшей морской операцией второй мировой войны. При подготовке и в ходе ее американо-английское командование решило ряд сложнейших военно-технических проблем. Им удалось многое: и скрытность подготовки столь крупномасштабного десанта, и внезапность высадки, и достаточно надежное взаимодействие крупных сил авиации, флота и сухопутных войск и т.п. Было применено много новинки в деле материального обеспечения войск: сконструированы специальные плавучие молы и искусственные порты, по дну Ла-Манша проложен бензопровод, применено множество специальных судов различного назначения.

Все это позволило уже в первые 16–17 часов высадить на берег более 130 тыс. человек, переправить 900 танков, 600 орудий, 4300 т боеприпасов и снаряжения. К 17 июня на плацдарме находилось 19 дивизий и 12 отдельных бригад. Их поддерживали 11 тыс. самолетов и около 7 тыс. судов и кораблей.

К концу операции “Оверлорд” (25 июля 1944 г.) общая численность союзных войск составляла 2,8 млн человек. Им противостояло 58 дивизий вермахта, рассредоточенных во Франции, Бельгии и Голландии. Захватив и расширив плацдарм, англо-американские войска начали наступление на Париж. К началу сентября вся Франция была освобождена. Это явилось значительным успехом союзных войск.

Успешному продвижению американо-английских войск способствовал ряд факторов: слабость войск противника и почти полное отсутствие немецкой авиации (всего 156 самолетов), высокая активность движения Сопротивления, нарастающая мощь самих союзных войск по мере поступления во Францию новых соединений и техники. Но главной причиной было согласование стратегических усилий союзных государств, скоординированное наступление на рейх с запада и востока, достигнутое на Тегеранской конференции.

Еще в ходе зимней кампании 1944 г. Красная Армия, развивая стратегическое наступление, полностью разгромила 30 дивизий и нанесла тяжелые потери 142 соединениям вермахта. Для восстановления своих сил на востоке гитлеровское командование было вынуждено в январе–мае 1944 г. перебросить на советско-германский фронт из Германии 40 дивизий и 4 бригады, что оказало существенную помощь США и Англии в открытии второго фронта. По признанию генерала Эйзенхауэра, в течение всего заключительного периода войны в Европе стратегическое планирование и практические действия американо-английских войск на западном фронте находились в прямой зависимости от хода и исхода наступательных операций Красной Армии.

Обращаясь к народам антигитлеровской коалиции по лондонскому радио 6 июня 1944 г. с известием о вторжении союзных войск в Нормандию, генерал Эйзенхауэр подчеркнул, что эта высадка является частью освобождения Европы “совместно с нашими великими русскими союзниками”¹. В этот же день Сталин писал Черчиллю (и на следующий день Рузвельту): “Ваше сообщение об успехе начала операции “Оверлорд” получило. Оно радует всех нас и обнадеживает относительно дальнейших успехов. Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта”².

На четвертый день после высадки союзников в Нормандии началось советское наступление в Карелии. Третья годовщина войны СССР против гитлеровской Германии ознаменовалась началом мощного наступления Красной Армии в Белоруссии, вошедшего в историю под названием операция “Багратион”. Грандиозное сражение развернулось на фронте 700–1100 км.

Операция “Багратион” завершилась в последние дни августа. Были полностью освобождены Белоруссия, более 3/4 территории Литвы, Латвии, началось изгнание немецких оккупантов из Польши. Осенью 1944 г. советские войска очистили от оккупантов западные области Украины, восточные районы Польши, советской Прибалтики.

На юге Красная Армия освободила Южную Украину, Молдавию, вступила на территорию Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии. Выход ее частей к Висле, Дунаю, Сану, границам Восточной Пруссии открывал дорогу на Будапешт, Вену, Варшаву, Берлин, Кёнигсберг.

Грандиозное наступление Красной Армии заставило немецкое командование держать основные силы вермахта на советско-германском фронте. Здесь летом 1944 г. находилось 4,3 млн солдат и офицеров фашистского блока, тогда как во Франции против западных союзников действовала группировка, насчитывавшая 1 млн человек. Это в решающей степени способствовало успеху наступления союзных сил генерала Эйзенхауэра во Франции, причем с минимальными потерями. “В то время как на фронте в Нормандии ... части западных союзников готовились осуществить прорыв нашего фронта, – писал Г. Гудериан, – ... на восточном фронте развивались события, непосредственно приближавшие катастрофу”³. Необходимость укрепить свои силы на востоке вынудило немцев к отступлению во Франции. В этой обстановке англо-американские войска в сентябре 1944 г. сумели перейти германскую границу в районе Аахена и Люксембурга, вступили на территорию Бельгии и Голландии и перешли к обороне.

Таким образом, первый опыт прямого стратегического взаимодействия “Оверлорд” – “Багратион” оказался удачным. Вообще 1944 г. стал пиком плодотворного сотрудничества трех великих держав. В этот год поставки по ленд-лизу в СССР достигли наибольших показателей – 6,2 млн т грузов, тогда как в 1941 г. они составили – 0,3 млн т, в 1942 г. – 2,4, в 1943 г. – 4,7, а в 1945 г. снизились до 3,6 млн т. По Лондонскому протоколу (01.07.1943–30.06.1944) СССР получил 8 тыс. самолетов (из общего числа за всю войну 18 тыс.), 38,4 тыс. автомобилей, 15,7 тыс. комплектов радиостанций, 300 тыс. км телеграфно-телефонного кабеля, 463,2 тыс. т специальной стали, 24 тыс. станков, большое количество продовольствия и многое другое. Первая половина 1944 г. была “медовым месяцем” антигитлеровской коалиции. В жизнь претворялись многие замыслы, ранее не получавшие положительных решений. Следует также назвать и договоренности Тегеранской конференции о действиях американской стратегической авиации с аэродромов Италии и Англии на авиабазы СССР.

Правительство США с начала войны добивалось разрешения использовать для американской авиации аэродромы СССР, особенно на Дальнем Востоке, откуда можно было бы совершать налеты на Японию. Но до окончания действия договора о нейтралитете между СССР и Японией этот план был нереален. Тогда в предвидении открытия второго фронта Сталин разрешил использовать советские аэродромы на Украине для “челночных операций” авиации США, действовавшей из Англии и Италии. Цель операций – с началом вторжения союзников во Францию бомбовыми ударами по объектам Восточной Германии, где была сосредоточена значительная часть военной промышленности, слабо прикрытой средствами ПВО, заставить немцев перебросить крупные силы ПВО на восток и ослабить ее группировку на западе в районах высадки союзных войск.

Вопрос этот обсуждался в правительстве СССР, и через месяц заместитель председателя Совнаркома В.М. Молотов вручил 25 декабря 1943 г. послу США в Москве А. Гарриману “Памятную записку”. В ней, в частности, говорилось: “Как уже было сообщено ранее, с советской стороны в принципе не имеется возражений к предоставлению на территории СССР для американских военных самолетов воздушных баз в целях осуществления сквозной бомбардировки Германии... С этой целью командованию Военно-Воздушных Сил будет поручено начать предварительные переговоры по указанному вопросу с соответствующими военными представителями США в Москве с последующим рассмотрением этого вопроса Советским Верховным Командованием”.

4 февраля 1944 г. Сталин дал указание командующему ВВС А.А. Новикову и его заместителю А.В. Никитину о предоставлении аэродромов, порядке размеще-

ния американских подразделений и их снабжения. Для американской авиации был выделен полтавский аэродромный узел, включавший аэродромы Полтава, Миргород, Пирятин. Командиром базы был назначен генерал-майор авиации А.Р. Перминов. Задачей советских войск было обеспечение американцев разведданными, информацией и организация ПВО базы.

Американская сторона сформировала так называемое Восточное командование. Возглавил руководство “челночными” операциями генерал Р. Уолш, его заместителем был полковник У. Кесслер. К концу мая подготовка базы была в основном завершена. 2 июня 128 бомбардировщиков B-17 в сопровождении 64 истребителей взлетели с аэродромов Италии, нанесли удар по железнодорожному узлу Дебрецен (Венгрия) и совершили посадку в Полтаве.

6 июня американские бомбардировщики во взаимодействии с истребительной авиацией нанесли удар по аэродрому и порту Галац и совершили посадку в Италии. 11 июня 1000 самолетов 15-й воздушной армии действовали из Италии. Они совершали налеты на военные объекты Констанцы и Джурджу (Румыния), Смердово (Югославия). Часть из них после выполнения задания приземлялась в Полтаве. 21 июня 2500 самолетов 8-й воздушной армии, действуя из Англии, нанесли удар по Берлину, после чего совершили посадку в Полтаве, Миргороде и Пирятине.

Советско-американское боевое сотрудничество в воздухе с каждым днем крепло и расширялось. Но в ночь на 22 июня немецкая авиация нанесла массированный воздушный удар по аэродрому Полтавы. Более 300 бомбардировщиков в течение 1 часа 40 минут сбросили более 500 бомб. Было уничтожено 44 “летающие крепости” B-17 и 6 советских самолетов, повреждено 19 B-17 и 20 истребителей ВВС Красной Армии⁴.

В июле с полтавского аэродромного узла действовали отдельные группы истребителей. Так, 22 июля 72 истребителя P-33 (“Лайтнинг”) и 41 P-51 (“Мустанг”), вылетев из Италии, нанесли удар по аэродромам Бузэу и Силестрия (Румыния) и совершили посадку в Полтаве. 27 июля 38 P-38 и 34 P-51, стартовав из Полтавы, подвергли бомбардировке аэродром Мелец (Польша) и возвратились в Полтаву. 28 июля эти самолеты вылетели в Италию, нанеся удары в ходе перелета по Бухаресту и Плоешти.

О боевой деятельности Восточного командования ВВС США в августе 1944 г. дает представление информационная справка командования 169-й АБОН, направленная в штаб ВВС Красной Армии 2 сентября 1944 г. В ней говорилось: «В августе с.г. американскими ВВС с баз Италии, Англии и Советского Союза проведено 5 воздушных операций, в которых принимали участие: самолеты “Лайтнинг” и “Мустанг” 58-й и 82-й истребительных групп 15-го авиасоединения под командованием подполковника Лигтон, самолеты “летающая крепость” и “Мустанг” 13-го и 66-го боевых крыльев 8-го авиасоединения под командованием бригадного генерала Кисснер. Всего за месяц произведено 499 боевых самолето-вылетов»⁵.

Дальнейшие операции под кодовым названием “Френтик” были проведены в сентябре. 11 сентября 75 B-17 и 64 P-51, вылетев из Англии, нанесли удар по военному заводу в Брюге (по другим данным – в Хемнице), южнее Берлина и совершили посадку в Полтаве. 13 сентября они вылетели в Италию, нанеся в ходе операции удар по военному заводу в Венгрии. 18 сентября 11 B-17 и 73 P-51, стартовав с аэродромов Италии, сбросили различные грузы над Варшавой для повстанцев. 105 бомбардировщиков и 62 истребителя этой группы произвели посадку в Полтаве. Через несколько дней эта группа самолетов убыла на запад.

Осенью 1944 г., после освобождения значительной части Восточной Европы и Франции, американская авиация могла достичь любого объекта на сократившейся территории третьего рейха, действуя из Италии и Англии. Дальнейшая эксплуатация полтавской авиабазы, находившейся теперь в 800 км от линии фронта, потеряла практический смысл. Было принято решение о постепенном ее сокращении⁶.

5 октября первый поезд с американскими военнослужащими и имуществом отправился в Иран. В том же месяце убыл генерал Уолш. Из Тегерана он направил командиру 169-й АБОН генералу А.Р. Перминову послание, в котором отмечал успешную совместную деятельность и высоко оценивал работу личного состава базы и ее руководства. В частности, он писал: "...Я получил огромное удовольствие, имея возможность видеть вашу замечательную работу, а также работу штаба и других подразделений Красных Вооруженных Сил, находящихся под Вашим командованием на базах в Полтаве, Миргороде и Пирятине. Благодаря чувству взаимопонимания и симпатии друг к другу у нас установились и существовали самые теплые отношения. Я надеюсь, что убывающий личный состав американских ВВС выполнил свои задачи и оставляет хорошее впечатление"⁷.

Последние два самолета С-47, на которых убывал штаб и отправлялся архив американского Восточного командования, покинули Полтаву 22 июня 1945 г. За время существования Восточного командования 7 воздушных оперативных групп произвели 18 налетов на объекты противника. Они совершили 2207 самолетов-вылетов, сбросили 1955 т бомб. Потери вермахта составили 230 самолетов (170 сбито в воздухе, 60 уничтожено на земле), США – 68 самолетов.

Проведение "челночных" операций американской авиации с советских аэродромов явилось примером непосредственного взаимодействия ВВС Советского Союза и США. Это сотрудничество было успешным и плодотворным. Советское правительство наградило орденами и медалями многих советских и американских военнослужащих. Руководящий состав 169-й АБОН был награжден орденами и медалями США.

В ходе Белорусской операции советские войска вступили в восточные районы Польши. 21 июля был освобожден г. Хельм, где Польский комитет национального освобождения (ПКНО), созданный на территории СССР из польских эмигрантов, начал свою деятельность как временный орган исполнительной власти в Польше. С 22 июля его резиденцией был провозглашен только что освобожденный Люблин. Таким образом, образовалось два польских правительства – новое в Люблине и эмигрантское в Лондоне.

К началу августа советские войска вплотную подошли к Варшаве, но от столицы Польши их отделяла многоводная Висла, форсирование которой требовало времени и сил. Между тем наступавшие с середины июня войска устали, понесли большие потери, тылы растянулись на 300–500 км. Форсировать Вислу с ходу не представлялось возможным. К тому же немцы, понимая, что Висла предпоследний водный рубеж, способный удержать Красную Армию, усилили свои войска на ее восточном берегу и оказывали сильное сопротивление. Для взятия Варшавы требовалась основательная подготовка – не менее 20 дней. Но эмигрантское правительство Польши решило силами Армии Крайовой, своего партизанского формирования в Польше, поднять в Варшаве восстание. Расчет строился на том, что повстанцы в течение нескольких дней захватят город и "за 12 часов до вступления в него Красной Армии" установят там власть лондонского эмигрантского правительства.

Восстание началось 1 августа, но оказалось плохо подготовленным. Не согласованное с командованием Красной Армии оно не могло рассчитывать на успех. С первых дней немцы рассекли отряды восставших на три сектора, ключевые пункты в городе повстанцам взять не удалось. Хотя население, а также отряды Армии Людовой – просоветских формирований поддержали повстанцев, успеха не было, начались затяжные бои.

В те же дни премьер-министр польского эмигрантского правительства С. Миколайчик находился в Москве, где вел переговоры с советским правительством и "люблинскими поляками" о создании коалиционного правительства. Каждая из сторон стремилась создать такое правительство, в котором она имела бы большинство портфелей. К 9 августа Сталину стало ясно, что лондонские и люблинские поляки между собой не договорятся.

В этой обстановке, когда Красная Армия в ближайшие дни взять Варшаву не могла, а надежды на создание коалиционного правительства провалились, советское правительство решило отмежеваться от Варшавского восстания. 16 августа Сталин писал Черчиллю: "При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию"⁸. Это был ответ на просьбу Черчилля и американцев привлечь советскую авиацию к оказанию помощи повстанцам с воздуха, а также разрешить авиации США и Англии сбрасывать оружие и продовольствие для повстанцев (о чем они настоятельно просили) с использованием советских аэродромов, в том числе и в Полтаве.

Однако Сталин считал, что в условиях разобщенности группировок восставших, большинство грузов попадет к противнику. К тому же (и это главное) после отказа Миклоайчика сформировать коалиционное правительство на условиях ПКНО помогать повстанцам означало способствовать созданию в стране антисоветского правительства. Тем более, что Армия Крайова отказывалась сотрудничать с представителями и войсками Красной Армии. Поэтому в письме британскому послу в Москве К. Керру Молотов 16 августа писал: "Советское правительство, разумеется, не может возражать против того, чтобы английские или американские самолеты сбрасывали оружие в районе Варшавы, считая, что это – дело самих американцев и англичан. Но Советское правительство, безусловно, возражает против того, чтобы американские или английские самолеты после сбрасывания оружия в районе Варшавы приземлялись на советской территории, так как Советское правительство не хочет связывать себя ни прямо, ни косвенно с авантюрой в Варшаве"⁹.

Попытки англо-американской авиации доставлять грузы для повстанцев из Италии и Англии из-за дальности расстояний и сильной немецкой ПВО не давали должного эффекта. Соппротивление восставших все более усиливавшимся немецким войскам слабело с каждым днем.

Тем временем новое наступление советских войск на Варшаву, начатое 25 августа, хотя и медленно, но неуклонно развивалось. 14 сентября была взята Прага, предместье Варшавы на восточном берегу Вислы. Части 1-й польской армии, входившей в состав 1-го Белорусского фронта, форсировали Вислу, ворвались в Варшаву. Отряды Армии Людовой были готовы взаимодействовать с 1-й польской армией и советскими войсками. Появился шанс овладеть Варшавой силами Красной Армии. И тогда Сталин разрешил авиации союзников оказывать помощь повстанцам с воздуха. Начала сбрасывать оружие и продовольствие для варшавян и советская авиация. Но помощь пришла слишком поздно: Варшава уже почти полностью была занята немцами. Восстание, длившееся 63 дня, было жестоко подавлено. 2 октября генерал Бур-Комаровский подписал продиктованные командованием гарнизона условия капитуляции. В ходе боевых действий погибли 22 тыс. повстанцев, 5600 воинов Войска Польского и 180 тыс. жителей¹⁰. Многие польские патриоты были брошены в концлагеря. Столица Польши была полностью разрушена. Так трагически закончилось Варшавское восстание. Его провал еще более осложнил союзнические отношения. Но в ближайшем будущем союзникам предстояли новые испытания на прочность антигитлеровской коалиции.

Правительства Великобритании и США опасались советизации восточноевропейских и балканских государств. Судьба Балкан особенно волновала британского премьер-министра У. Черчилля. Установление дружественных СССР режимов в Болгарии и Румынии, крепящие связи Советского Союза с правительством Тито в Югославии и с левыми силами в Греции беспокоили английского премьера.

Об оценке политики Великобритании на Балканском полуострове свидетельствует письмо фельдмаршала Я. Смэтса, близкого друга Черчилля, от 28 сентября

1944 г., адресованное английскому премьеру. В нем, в частности, говорилось: «Быстро вырисовываются контуры будущей структуры в районе Средиземного моря, и нельзя сказать, чтобы они были для нас благоприятными. Я говорю это без всякой враждебности по отношению к России. Наши надежды на ближайшее будущее связаны с тесным сотрудничеством “Большой тройки”... Однако, чем прочнее России удастся укрепиться в седле сейчас, тем дальше она поскачет в будущем и тем менее прочными станут наши позиции. В районе Средиземного моря и в Западной Европе нам нужно укреплять, а не ослаблять свои позиции»¹¹.

В этой обстановке Черчилль принял решение нанести визит в Москву. 27 сентября 1944 г. он писал Сталину: “Я только что вернулся после длительных переговоров с президентом и могу заверить Вас, что мы твердо убеждены в том, что весь мир возлагает надежды на согласие между тремя странами – Англией, США и СССР... Конечно, мы должны обсудить все эти планы совместно. Я охотно приеду в Москву в октябре, если сумею выбраться отсюда. Если же мне не удастся сделать этого, Иден охотно поедет вместо меня. А пока шлю Вам и Молотову самые искренние пожелания всего хорошего”¹².

Одновременно Черчилль (29 сентября) извещал Рузвельта о своем намерении посетить Москву. Он сообщал президенту: “Мы ставим перед собой две основные задачи: во-первых, договориться о том, чтобы он (Сталин. – *Ред.*) выступил против Японии, и, во-вторых, попытаться добиться дружеского урегулирования с Польшей. Есть и другие вопросы, касающиеся Югославии и Греции, которые мы также будем обсуждать. Мы будем держать вас в курсе всех дел. Я совершенно уверен в необходимости личного контакта”¹³.

30 сентября Сталин, отвечая на письмо Черчилля, писал: “Я весьма приветствую Ваше желание приехать в Москву в октябре. Нам следовало бы обсудить военные и другие вопросы, которые имеют большую важность”¹⁴.

Черчилль и Иден прибыли в Москву 9 октября. В тот же вечер состоялась беседа Черчилля со Сталиным. Они обсуждали положение в Польше, Румынии, Греции, Болгарии, а также в Италии, договорились о том, чтобы свести вместе “люблинских” и “лондонских” поляков. Но самым важным аспектом этой беседы стал разговор о разделе сфер интересов на Балканах. “Давайте урегулируем наши дела на Балканах, – заявил Черчилль. – Ваши армии находятся в Румынии и в Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли Вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90% в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90% в Греции и пополам в Югославии”¹⁵. Затем он взял небольшой листок бумаги, на котором так обозначил степень влияния. Румыния: Россия – 90%, другие – 10%; Греция: Великобритания (в согласии с США) – 90%, Россия – 10%; Югославия: 50 и 50%; Венгрия: 50 и 50%; Болгария: Россия – 75%, другие – 25%. Сталин, прочитав переведенный текст, исправил против Болгарии: Россия – 90% и, поставив синюю “птичку”, вернул листок Черчиллю. Далее, после длительной паузы, британский премьер сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку. “Нет, оставьте ее себе” – сказал Сталин»¹⁶.

После согласования предложенных Черчиллем условий, определяющих степень влияния Великобритании и СССР в каждом из Балканских государств, эти предварительные расчеты были переданы для дальнейшего обсуждения руководителям внешнеполитических ведомств Англии и СССР – Молотову и Идену. Молотов настаивал на пересмотре цифр в отношении Венгрии – 75% России, 25 – Великобритании. Иден соглашался рассмотреть этот вопрос, но добивался увеличения британского влияния в Болгарии. Молотов ссылался на то, что Черчилль уже согласился на 90% России. Иден пытался торговаться, предлагая изменить соотношение в Болгарии (80%–20%) в обмен на Венгрию (75%–25%). Тогда Молотов потре-

бовал большего влияния для СССР в Югославии, на что Иден не соглашался. Стало ясно, что проблему Болгарии не удалось решить. Был устроен перерыв.

Через некоторое время Молотов вернулся за стол переговоров и предложил 80% на 20% для Болгарии и Румынии, а для Югославии – 50% на 50%. “После некоторой дискуссии, в ходе которой Молотов пытался изменить процентное соотношение для Венгрии, Иден согласился на эти предложения”¹⁷.

Как показали следующие события, это негласное соглашение некоторое время служило ориентиром в политике обоих государств на Балканах. Так, СССР не оказывал помощи греческим левым силам в их борьбе против Англии в октябре – декабре 1944 г. Однако торг за Балканы, имевший место в 1944 г., характеризует методы подхода и Сталина, и Черчилля к проблемам разделения “сфер влияния” в послевоенном мире. В этом эпизоде проявилось стремление обоих лидеров добиться односторонних преимуществ за счет ослабления конкурента, т.е. черты, свойственные многим политическим деятелям 30–40-х годов. Сегодня изучение особенностей менталитета политиков прошлых поколений представляет немалый интерес.

За нарастающими осложнениями в межсоюзнических отношениях внимательно следили в Берлине. Еще 19 августа 1944 г. Гитлер отдал приказ о подготовке на западном фронте крупного наступления в конце осени, когда действия союзных ВВС будут максимально ограничены. Успех этого наступления, по мнению главы третьего рейха, будет способствовать развалу “противоестественного союза”, как назвал Гитлер антигитлеровскую коалицию, обострит противоречия в стане союзников. Это приведет к тому, что США и Англия осознают несостоятельность и нецелесообразность своих планов по овладению Германией, откажутся от принципа безоговорочной капитуляции и пойдут на предлагаемый немцами сепаратный мир. Тогда, заключив с западными державами перемирие, Германия сможет бросить силы на восточный фронт против СССР. Оставшись без союзников, ослабленная Россия также будет вынуждена стремиться к миру. В этом случае рейх, хотя и потеряет все территориальные приобретения, но сохранится и избежит оккупации. Гитлер полагал, что к осени 1944 г. западные союзники поймут, в какой мере они нуждаются в Германии, способной спасти Европу от “азиатских орд”. Он был убежден, что “наступление вобьет клин между Америкой, Англией и Канадой, которые устанут от безнадежной войны”¹⁸.

Наступательная операция немцев – “Вахта на Рейне” имела целью мощным танковым клином расцезь оборонявшиеся в Арденнах союзные войска и прорваться к Антверпену – главной базе снабжения союзников. Ее захват лишил бы армии Эйзенхауэра материальной базы снабжения и способствовал бы разгрому союзников.

На рассвете 16 декабря 1944 г. 25 немецких дивизий, в том числе 7 танковых, прорвали фронт 12-й американской группы армий и двинулись на Брюссель и Антверпен. Д. Эйзенхауэр 21 декабря писал в Вашингтон Объединенному комитету начальников штабов: “Если русские намереваются предпринять решительное наступление в этом или следующем месяце, известие об этом факте имеет для меня исключительно важное значение... Можно ли что-либо сделать, чтобы добиться такой координации?”¹⁹ Через три дня Рузвельт писал Сталину: “Для того чтобы могли получить информацию, важную для координации наших усилий, я хочу дать указание генералу Эйзенхауэру направить компетентного офицера из его штаба в Москву для обсуждения с Вами положения дел у Эйзенхауэра на западном фронте и вопроса о взаимодействии с восточным фронтом”²⁰. Остается только добавить, что в Москву вылетел заместитель Эйзенхауэра английский маршал авиации А. Теддер.

К 25 декабря немцы продвинулись в 80-километровой полосе на 100 км. Хотя к 26 декабря ударами британских и американских войск с севера и 3-й американской армии с юга продвижение вермахта было остановлено, напряженные бои в этом районе продолжались. Кроме того, 1 января 1945 г. немецкая авиация нанесла мощ-

ный удар по 27 аэродромам союзников, и сразу же вермахт начал наступление в Эльзасе.

Однако к 3 января 1945 г. наступление немцев повсеместно было остановлено. Между тем Арденнская операция вермахта показала, что немецкая армия еще очень сильна и дальнейшие действия западных союзников потребуют значительных жертв. Поэтому, по мнению западных лидеров, для успешного последующего наступления необходима была пауза, которую могли обеспечить только активные действия Красной Армии на восточном фронте. 6 января Черчилль попросил Сталина в специальном письме начать "крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января"²¹. Сталин на следующий день ответил: "...учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка ... решила ... не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января"²².

Оба лидера преследовали свои цели. Черчиллю было нужно, чтобы Красная Армия отвлекла на себя возможно большее количество армий вермахта и позволила войскам Эйзенхауэра подготовиться и нанести решающий удар по ослабленным силам немцев. Это помогло бы избежать больших потерь. Сталину же, после осложнений с Варшавским восстанием и советской политикой на Балканах, надо было показать Англии и США, что СССР лояльный союзник, всегда готовый прийти на помощь, а главное, в ходе нового мощного наступления Красной Армии добиться крупных стратегических успехов, которые следует превратить на Ялтинской конференции в политический успех.

Наступление Красной Армии, развернувшееся на фронте 500–1000 км в течение трех недель (12.01–02.02.45), привело к тому, что советские войска продвинулись на 500 км и остановились в 60 км от Берлина. Внушительная поддержка, оказанная западным союзникам мощным советским наступлением по всему фронту с выходом к Одере, способствовала усилению международного веса СССР, позиций Сталина в Ялте на переговорах с Рузвельтом и Черчиллем. Интересы завершения войны и устройства мира – как в Европе, так и на Дальнем Востоке – диктовали западным державам необходимость сотрудничества с СССР. Это хорошо понимали трезво оценивавшие ситуацию военные и политики.

Перечень тем, которые начальники штабов США предлагали рассмотреть на конференции в Ялте, был передан Генеральному штабу Красной Армии. Конкретно на совещании штабов трех стран намечалось затронуть следующие вопросы, относящиеся к войне с Германией: 1) дислокация противника, возможности и намерения (обсуждение и обмен информацией); 2) координация операций в Западной Европе и в Италии с операциями в Восточной Европе, в том числе установление эффективной связи между начальниками штабов и между командующими трех стран; 3) сквозные бомбардировки и мероприятия для остановок или базирования частей 15-го корпуса ВВС в районе Вена–Будапешт; 4) военные перспективы оккупационных зон Германии и Австрии.

Что касается Дальнего Востока, то американцы хотели рассмотреть два вопроса: 1) дислокация японцев, возможности и намерения на Дальнем Востоке (обсуждение и обмен информацией); 2) участие русских в войне против Японии. Эта повестка дня была представлена одновременно и начальникам штабов Великобритании²³.

С военных вопросов и началась встреча. 4 февраля первое пленарное заседание состоялось в Ливадии, которое открыл американский президент. Начальник штаба Красной Армии генерал А.И. Антонов в своем докладе ознакомил глав правительств и начальников штабов трех стран с замыслами и результатами зимнего наступления советских войск. Он охарактеризовал вероятные военные действия противника, включая переброску на восток сил из Центральной Германии, стран Западной Европы и из Италии (16 вражеских дивизий уже прибыли на советско-германский фронт). В докладе был высказан также ряд пожеланий к союзникам: уско-

речь переход в наступление на западном фронте; ударами авиации воспрепятствовать переброске войск противника на восток с западного фронта, из Норвегии и Италии; не позволять немцам снимать свои силы из Италии²⁴.

Вслед за Антоновым выступил генерал Дж. Маршалл, начальник штаба армии США, с сообщением о положении на западном и итальянском фронтах: последствия немецкого наступления в Арденнах ликвидированы, союзные войска переходят в наступление на северном участке 8 февраля, в начале марта предполагается форсирование Рейна²⁵. В ходе обмена мнениями была дополнена информация об обстановке на фронтах.

Дальнейшее обсуждение и согласование военных планов было перенесено на совещания военных штабов трех стран, которые проходили в Крыму ежедневно. Первое совещание 5 февраля начальник имперского генерального штаба Великобритании фельдмаршал А. Брук начал с выяснения возможностей перспектив наступления Красной Армии на восточном фронте в феврале и марте–апреле 1945 г. Генерал Антонов подтвердил, что советские войска продолжают наступление, пока этому позволят условия погоды, и что возможные паузы будут непродолжительными²⁶.

Если Брук и выступавший после него генерал Маршалл хотели убедиться в том, что советские войска не приостановят активных действий в период планируемой западными союзниками операции по форсированию Рейна, то советская сторона вновь настаивала на необходимости сковывания сил противника союзниками на западном фронте. Советское командование считало важным не допустить переброски на восток тех немецких дивизий, которые были отправлены на западный фронт во время операции “Оверлорд”. Действия союзных армий в Италии особенно интересуют советское командование, заявил Антонов, поскольку одновременно с наступлением на центральном фронте оно готовит также наступление на Вену и к западу от оз. Балатон.

Однако на свой вопрос – сколько немецких дивизий могут сковать союзные войска на итальянском фронте – Антонов удовлетворительного ответа не получил. Более того, Брук признал, что в случае отступления немцев за р. Адидже они смогут отозвать из Италии 10 из 27 находившихся там немецких дивизий. “Я понял, – заключил советский генерал, – что мы не можем рассчитывать на удар союзных армий, действовавших в Италии, в направлении на Любляну, Грац”. Брук утверждал: главные усилия союзных войск сосредоточатся на западном фронте, во Франции и Бельгии; из-за отсутствия необходимого у них превосходства в силах пять дивизий снимаются с итальянского фронта и направляются во Францию; в связи с этим “на итальянском фронте наступление не предполагается”²⁷.

В ходе последующих переговоров американские и британские представители так и не дали обещания активизировать кампанию в Италии, не пошли навстречу советскому пожеланию о том, чтобы помешать переброске немецких дивизий из Норвегии и Италии на советско-германский фронт. Но по другим вопросам члены военных делегаций достигли согласия. Они наметили в общих чертах взаимодействие стратегических сил авиации, рассмотрели порядок поддержания постоянно действующей связи между сторонами и ряд других вопросов. С советской стороны была дана широкая информация, в том числе о базах и технической помощи. Западные союзники представили обзор действий своих сил на Тихоокеанском театре военных действий²⁸.

В целом совещания военных штабов, как отмечалось в итоговом документе конференции, “привели к более тесной координации военных усилий трех союзников, чем это было когда-либо раньше. Штабы полностью согласовали и детально спланировали сроки и масштабы новых мощных ударов союзных армий и авиации по Германии с востока, запада, севера и юга”²⁹.

Деловая, дружественная атмосфера переговоров приятно удивила их западных участников. 10 февраля Черчилль известил заместителя премьер-министра К. Этт-

ли о том, что англо-американский комитет начальников штабов и главы правительств Англии и США достигли после консультаций с СССР полного согласия по всем военным вопросам. "Я в высшей степени удовлетворен результатами. Русские были очень откровенны с нами"³⁰.

В заключительной кампании войны в Европе, зимой и весной 1945 г., Генеральный штаб Красной Армии старался координировать военные операции на советско-германском фронте с наступающими англо-американскими войсками. Но связь осуществлялась преимущественно через американскую и британскую военные миссии в СССР. В последние месяцы войны против Германии большую важность приобрел вопрос согласования "рубежей бомбометания". Проблема состояла в том, чтобы стратегическая авиация союзников по ошибке не наносила удары по наступающим соединениям Красной Армии или объектам, которые советские войска могли в ближайшее время захватить, избежав их разрушения (София, Плосшти). Эта проблема стала особенно актуальной после того, как в ноябре 1944 г. американские истребители-бомбардировщики Р-38 "Лайтнинг" подвергли бомбардировке советскую воинскую часть, во время которой погибли генерал и пятеро солдат³¹.

Подписанное 6 февраля в ходе Крымской конференции соглашение между советским, американским и английскими штабами ВВС установило демаркационную линию для налетов авиации союзных держав. Соглашение предусматривало также обмен между авиасоединениями трех стран информацией об осуществляемых воздушных операциях. В марте 1945 г. было достигнуто соглашение о совместных действиях для прикрытия с воздуха наступающих частей союзных армий.

На Крымской конференции были определены районы германской территории, которые должны были быть заняты Красной Армией и войсками США и Англии. В связи с этим в последние недели войны в Европе взаимодействие на оперативном уровне становилось все более широким. В середине апреля американские, английские, канадские и французские войска приближались к определенным для них рубежам, где они должны были встретиться с наступающими советскими фронтами. В этот период имели место радиоконтакты между командирами соединений и частей Красной Армии и соответствующими англо-американскими офицерами. В ходе этих контактов устанавливались рубежи встречи союзных войск, чтобы избежать открытия огня по союзникам.

Эти импровизированные меры себя оправдали. Однако не все было просто. Хотя в Ялте союзники договорились продолжать координировать воздушные и наземные операции, на практике возникали непредвиденные осложнения, нарастало недоверие союзников по отношению друг к другу. В начале 1945 г. в директиве Сталина командующим фронтами и председателям контрольных комиссий в Венгрии, Румынии, Польше говорилось: "За последнее время участились случаи посадки иностранных, в том числе английских и американских, самолетов на территорию, занятую нашими войсками. Вредное благодушие, ненужная доверчивость и потеря бдительности... способствуют использованию этих посадок враждебными элементами для переброски террористов на территорию Польши, диверсантов и агентов польского эмигрантского правительства в Лондоне..."³².

Вообще по мере приближения конца войны множились и обострялись многие проблемы. Несмотря на то что на совещаниях и конференциях различного уровня принимались согласованные решения, ряд инцидентов, связанных с боевыми действиями на западном фронте, осложнял отношения между союзниками. Наиболее крупными эпизодами в этом плане явились переговоры западных союзников с немцами в Швейцарии, вопрос о взятии Берлина и отношение к капитуляции германских вооруженных сил.

Несмотря на взятые на Крымской конференции глав правительств союзных держав обязательства проводить согласованную политику по отношению к Германии, официальные представители США и Англии вступили весной 1945 г. в Швейцарии в отдельные переговоры с высокопоставленными представителями третье-

го рейха. Последние стремились заключить соглашение о капитуляции немецких войск в Италии, с тем чтобы прекратить войну на западном фронте и использовать находившиеся там силы для борьбы против наступления Красной Армии.

Переговоры с германскими эмиссарами было поручено вести руководителю разведывательной службы США в Европе А. Даллесу. Со стороны Германии в них участвовали главный уполномоченный СС при группе армий "Ц" в Италии генерал СС К. Вольф и дипломат Р. Ран. Первая встреча состоялась 8 марта в Цюрихе. Предложение гитлеровцев прекратить военные действия на итальянском театре встретили поддержку главнокомандующего войсками в районе Средиземного моря английского фельдмаршала Г. Александера. 19 марта в южношвейцарском местечке Аскона состоялась конференция, в которой наряду с К. Вольфом, А. Даллесом и сопровождавшими их лицами приняли участие представители штаба Г. Александера – начальник разведывательного отдела английский генерал Л. Лемнитцер и другие, всего около 40 человек.

Вольф, стараясь убедить союзников в несомненной выгоде для них принятия его предложения, всячески подчеркивал, что "ситуация, сложившаяся в Италии, исключительно сложная. Влияние различных подрывных организаций быстро растет. Нельзя исключать в ближайшее время создания коммунистического правительства в Северной Италии. Если к тому же учесть, что к востоку от этого района, в Югославии, господствуют коммунисты во главе с Тито, а к западу на юге Франции французские коммунисты пользуются все возрастающей поддержкой, то нетрудно представить угрозы большевистского опоясывания всей Южной Европы. Тут нужны скоординированные действия, а не просто капитуляция"³³.

12 марта советское правительство сообщило британскому послу А. Керру о желании направить на эти переговоры советских представителей. После обмена посланиями по этому вопросу Рузвельт и Черчилль сообщили Сталину о согласии на участие советского представителя на этих переговорах³⁴. Это решение, несмотря на положительный ответ Вашингтона и Лондона, не получило развития, поскольку вскоре переговоры союзников с гитлеровскими эмиссарами были прекращены.

С окружением войсками Эйзенхауэра крупной немецкой группировки в Руре и фактическим распадом после этого западного фронта вермахта Черчилль пытался убедить верховного главнокомандующего союзническими экспедиционными силами Д. Эйзенхауэра, используя благоприятную обстановку, двинуть англо-американские войска на Берлин. Черчилль 2 апреля 1945 г. писал Эйзенхауэру (после того как Эйзенхауэр известил Сталина, что он не намерен наступать на Берлин, а Сталин одобрил это решение): "Я, однако, придаю еще большее значение вступлению в Берлин – возможность, которая, вполне вероятно, нам представится... Я считаю чрезвычайно важным, чтобы мы встретились с русскими как можно дальше на Востоке"³⁵. Эйзенхауэр не пошел на нарушение достигнутых в Ялте соглашений, и инцидент был исчерпан (хотя 9-я американская армия 11 апреля вышла к Эльбе в районе Магдебурга. Командующий армией генерал Симпсон утверждал, что после двух дней подготовки он в течение суток смог бы ворваться в Берлин³⁶).

Между тем приближались дни встречи Красной Армии с американско-английскими войсками. Впервые это произошло 25 апреля 1945 г. на Эльбе в районе г. Торгау, где американская 69-я пехотная дивизия 1-й армии встретилась с подразделениями 175-го гвардейского стрелкового полка 58-й гвардейской стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта. В этот незабываемый день старший лейтенант Г. Голобородько первым пожал руку американскому лейтенанту А. Котцебу. В Москву докладывали: «Встречи с американскими и английскими войсками проходят в восторженной обстановке... Тосты, речи, подарки, "ура"»³⁷. Однако вскоре на фронты пришла директива Верховного Главнокомандующего. В ней говорилось: "При встрече наших войск с американскими или английскими войсками Ставка Верховного Главнокомандования приказывает руководствоваться следующим:

1) Старшему войсковому начальнику, на участке которого произошла встреча, в первую очередь связаться со старшим начальником американских или английских войск и установить совместно с ним разграничительную линию. Никаких сведений о наших планах и боевых задачах наших войск никому не сообщать.

2) Инициативу в организации дружеских встреч на себя не брать. При встречах с союзными войсками относиться к ним приветливо...”³⁸.

Несмотря на это, на Эльбе, в предгорьях австрийских Альп, на других участках огромного фронта продолжались волнующие и радостные встречи воинов союзных армий. Дружеские рукопожатия, братские объятия, обмен сувенирами – это был поистине звездный час в жизни сотен тысяч воинов-победителей.

В дни агонии третьего рейха в начале мая 1945 г. возник вопрос о порядке и процедуре принятия капитуляции германских вооруженных сил. Правительство Германии, возглавляемое после смерти Гитлера адмиралом Деницем, прилагало все усилия к тому, чтобы капитулировать только перед англо-американскими войсками с целью “сохранить для германской нации возможно большее число немцев и спасти их от большевизма”. В ставку Эйзенхауэра, находившуюся в Реймсе, был направлен 6 мая генерал-полковник Йодль. Он имел задачу заключить перемирие с западными державами для отхода немецких войск с восточного фронта с тем, чтобы сдать в плен армиям Эйзенхауэра. После переговоров немецкая сторона была вынуждена согласиться на полную капитуляцию Германии. Подписание акта о капитуляции было назначено на 2.30 7 мая. Начальнику советской военной миссии при штабе верховного главнокомандования объединенными экспедиционными силами союзников генерал-лейтенанту И.А. Суслопарову Эйзенхауэр предложил участвовать в процедуре принятия капитуляции от имени СССР.

Не имея указаний из Москвы (ответ на его телеграмму ко времени подписания не пришел), Суслопаров поставил свою подпись с примечанием, что данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том, заявить какое-либо союзное правительство. Такое заявление из Москвы последовало немедленно. И как известно, Акт о военной капитуляции фашистской Германии был подписан представителями СССР (Маршал Советского Союза Г.К. Жуков), США (генерал К. Спаатс), Великобритании (маршал авиации А. Теддер), Франции (генерал де Тассиньи) в ночь на 9 мая 1945 г.

Важным аспектом стратегического взаимодействия между СССР и западными державами был вопрос о совместной борьбе Красной Армии и союзных сил после вступления СССР в войну против Японии. Согласно Советского Союза об объявлении войны Японии после окончания войны в Европе было получено в Тегеране, подтверждено в Ялте и Потсдаме.

Но особенностью Потсдамской конференции, которая наложила отпечаток на всю атмосферу, царившую на ней, стал факт обладания США атомной бомбой. В первый же день конференции, 17 июля, Трумэн получил известие об успешном испытании атомного устройства на полигоне Аламогордо (штат Нью-Мексико) 16 июля 1945 г. Об этом сразу было сообщено Черчиллю. Оба лидера западных держав придавали этому факту огромное значение.

Во-первых, атомная бомба, как оружие огромной разрушительной силы, позволила ускорить победу над Японией и избежать кровопролитных десантных операций по взятию Японских островов. (По расчетам военных специалистов при продолжении войны обычными средствами боевые действия могли затянуться еще на полтора года, а число потерь могло превысить 1,5 млн человек). Предварительное решение применить атомную бомбу, как только она будет готова, против Японии было принято еще до Берлинской конференции и окончательное – 22 июля. 24 июля командующий стратегической авиацией США на Дальнем Востоке генерал К. Спаатс получил приказ использовать бомбу как только позволит погода после 3 августа.

Во-вторых, теперь США, как полагал Трумэн, могли по-другому разговаривать с Советским Союзом относительно вступления его в войну с Японией. Известно, что и в Тегеране, и в Ялте американцы проявляли крайнюю заинтересованность в участии СССР в войне против Японии. Рузвельт часто поддерживал позиции Сталина на этих конференциях и всячески стремился улучшить личные отношения с ним, с тем чтобы гарантировать советское участие в войне на Дальнем Востоке. Сталин прекрасно понимал это и широко использовал во взаимодействиях с союзниками. На Ялтинской конференции были определены сроки – через два–три месяца после разгрома Германии. С весны 1945 г. полным ходом шло сосредоточение советских войск на дальневосточных границах СССР.

Теперь же, когда США обладали столь мощным оружием как атомная бомба, ценность вступления СССР в войну против Японии, по мнению Трумэна и Черчилля, снижалась, и надо было дать понять Сталину, что обстоятельства изменились и роль советского участия в действиях против Японии не будет иметь такого значения для союзников, как это было раньше. А потому и цена вклада СССР в эту войну будет другая. Кроме того, надо было показать Сталину, что при наличии у американцев нового сверхмощного оружия военно-политическая обстановка в мире изменилась, так как резко возросло военное могущество США.

Но как сообщить Сталину обо всем этом так, чтобы он почувствовал, что обстановка внутри Большой тройки, да и во всем мире, меняется не в его пользу? Было решено сказать ему о новом оружии в неофициальной обстановке, после одного из очередных совещаний. 24 июля после пленарного совещания Трумэн в разговоре со Сталиным один на один (присутствовали только переводчики) обронил ему как бы мимоходом, что США “располагают новым оружием необычайной разрушительной силы” (он не упомянул, что это атомное оружие). Сталин “не проявил особого интереса”, а лишь сказал, как вспоминал Трумэн, что “рад услышать об этом и надеется, что мы сумеем хорошо использовать его против японцев”³⁹.

Трумэн, а также Черчилль, стоявший поодаль и наблюдавший эту сцену, решили, что Сталин не понял огромной важности сообщенного ему факта. Черчилль впоследствии писал: “Я убедился, что в тот момент Сталин не был особо осведомлен о том огромном процессе научных исследований, которым в течение столь длительного времени были заняты США и Англия”⁴⁰.

Но факты говорят обратное. Известно, что, когда Трумэн вступил в должность президента, ему было сообщено об атомном проекте и о том, что советская разведка интересуется этим. В последние годы стало известно, что еще в сентябре 1941 г. в СССР узнали о работах в США и Англии над атомной бомбой. В марте 1942 г. советские разведчики подготовили руководству Советского Союза подробную информацию об этих работах. Перед поездкой в Потсдам, в конце июня 1945 г., Сталину было доложено, что на 10 июля планируется испытание атомной бомбы (оно затем было перенесено на 16 июля, но в июне это еще не было известно). Отправляясь на Берлинскую конференцию Сталин знал о том, что атомная бомба почти готова⁴¹. Сообщение Трумэна подтвердило, что испытания прошли успешно, а реплика Сталина в отношении ее применения против японцев говорит о том, что он не сомневается в боевом применении нового американского оружия в ближайшее время.

В связи с этим встает вопрос: повлияла ли информация об атомной бомбе на сроки вступления СССР в войну против Японии? Западная историография давно уже утверждает, что сроки начала боевых действий советских войск были перенесены с середины августа на 9-е в связи со сбросом атомной бомбы на Хиросиму 6 августа. Факты говорят, что это не совсем так. Еще 26 мая в беседе с представителем президента США Г. Гопкинсом Сталин сказал, что СССР выступит против Японии через три месяца после окончания войны с Германией (9 мая).

24 июля в рамках протокола Берлинской конференции состоялось первое заседание начальников штабов вооруженных сил держав. Рассматривался вопрос о согласовании действий союзников в войне против Японии. Начальник генерального

штаба Красной Армии генерал армии А.И. Антонов информировал присутствующих, что происходит концентрация советских войск на Дальнем Востоке и к середине августа они будут готовы начать военные действия⁴².

Союзники также доложили о своих намерениях, однако об атомной бомбе и планах ее применения ничего сказано не было. Дж. Маршалл сообщил о строительстве аэродромов на захваченном американцами о-ве Окинава, переброске американских войск из Европы на Филиппины. Он передал Антонову ряд предложений об организации взаимодействия между советскими и американо-английскими войсками в ходе предстоящих операций в войне с Японией. 26 июля, на следующем заседании, генерал Антонов ответил на вопросы и предложения американо-английской стороны о путях взаимодействия между союзными войсками и той помощи, которую может оказать СССР союзникам в области метеосводок и на море.

3 августа, сразу же по возвращении из Берлина в Москву, Сталин получил доклад главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке А.М. Василевского. Маршал сообщил, что войска готовы начать наступление с утра 5 августа, чтобы использовать благоприятную по прогнозу на эти дни погоду в Забайкалье, где располагалась основная группировка войск, действовавших на направлении главного удара. В Приморье к 9–10 августа также ожидалось прекращение дождей, что позволяло широко использовать авиацию. Эти предложения были одобрены Сталиным. Таким образом, решение начать боевые действия 9–10 августа было принято до первого применения атомной бомбы. Однако директиву на наступление Верховный Главнокомандующий подписал лишь 7 августа в 16.30, т.е. после того как 6 августа Хиросима была уничтожена американской атомной бомбой, но до выступления Трумэна по радио с сообщением об атомной бомбардировке.

В ходе кампании на Дальнем Востоке также встал вопрос о месте и порядке встречи Красной Армии и американских войск. Такая встреча могла произойти на Корейском полуострове. На Потсдамской конференции советские представители предлагали, чтобы в ходе предстоящих боевых действий против японских войск при освобождении Кореи Красная Армия взяла бы на себя сухопутные операции, а США – морские и воздушные. Таким образом, правительство СССР не выразило желания полностью подчинить себе все действия по освобождению Кореи от японского владычества. Более того, когда Трумэн предложил Сталину 14 августа, что “все (японские. – *Ред.*) наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся в пределах Маньчжурии, Кореи севернее 38° северной широты и на Филиппинах должны сдаваться главнокомандующему сухопутными вооруженными силами США на Тихом океане”, Сталин немедленно согласился⁴³. В августе 1945 г., достигнув 38-й параллели, Красная Армия прекратила наступление и ждала, когда с юга в начале сентября подошли войска США.

Таким образом, решения Потсдамской конференции были успешно претворены в жизнь. Эта конференция оказалась последней встречей глав правительств ведущих держав антигитлеровской коалиции, хотя лидеры Большой тройки, казалось, рассчитывали на продолжение. Закрывая Берлинскую конференцию, Трумэн сказал: “До следующей встречи, которая, я надеюсь, будет скоро”. “Дай Бог”, – отозвался Сталин. Они еще не знали, что ровно через 10 лет их преемники – главы правительств СССР, США, Англии и Франции соберутся в Женеве именно в тот же день, 17 июля 1955 г., для того, чтобы начать длительный и мучительный процесс переговоров об окончании уже другой войны – “холодной”...

¹ Новоселов Б., Орлов А. Факты против мифов. М., 1986. С. 88.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1976. Т. 1. С. 267 (Далее: Переписка...).

³ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954. С. 326.

- ⁴ Центральный государственный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 35. Оп. 11250. Д. 107. Л. 68, 69 (Далее: ЦАМО). Столь большие потери объясняются слабой противовоздушной обороной авиабазы, которую обеспечивало недостаточное количество истребительной авиации и зенитной артиллерии Красной Армии.
- ⁵ Там же. Правильно не “авиасоединение” (как в тексте документа), а “авиаобъединение”. Речь идет о 8-й и 15-й воздушных армиях.
- ⁶ Там же. Д. 109. Л. 55.
- ⁷ Там же. Л. 71.
- ⁸ Переписка... Т. 1. С. 295, 296.
- ⁹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 6. Д. 232. Л. 14 (Далее: АВП РФ).
- ¹⁰ См.: Освободительная война польского народа. 1939–1945. Варшава, 1965. С. 41.
- ¹¹ *Charchill W.* The Sekond World War. L., 1954. Vol. VI. P. 185, 186.
- ¹² *Ibid.* P. 186, 187.
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1983. С. 182.
- ¹⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1991. Т. 3. С. 448, 449.
- ¹⁶ Там же. С. 449.
- ¹⁷ *Kitchen V.* British Policy towards the Soviet Union during the Second World War. 1986. P. 233, 234.
- ¹⁸ *The Outer World.* № 4. 1969. P. 111.
- ¹⁹ *Комаров Н., Орлов А.* “Вахта на Рейне” и наступление на Висле // Красная звезда. 1975. 18 дек.
- ²⁰ Переписка... М., 1989. Т. 2. С. 187.
- ²¹ Там же. Т. 1. С. 348, 349.
- ²² Там же. С. 349.
- ²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7а. Д. 9. Л. 2, 3.
- ²⁴ См.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): Сб. документов. М., 1979. С. 53–56 (Далее: Крымская конференция...).
- ²⁵ Там же. С. 57, 58.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 0556. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.
- ²⁷ Там же. Л. 62, 63, 65.
- ²⁸ Ялта, 1945: Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 98.
- ²⁹ Крымская конференция... С. 255.
- ³⁰ Цит. по: *Rothwell V.* Britain and the Cold War, 1941–1942. L., 1982. P. 138.
- ³¹ *Lukas Eugies East: The Armi Air Torse and the Soviet Union, 1941–1945.* Tallahassee (Fla), 1970. P. 183, 184.
- ³² ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 18. Л. 74.
- ³³ Цит. по: *Ржещевский О.А.* История второго фронта: Война и дипломатия. М., 1988. С. 59.
- ³⁴ Переписка... Т. 1. С. 396, 397; Т. 2. С. 211, 212.
- ³⁵ *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 3. С. 582.
- ³⁶ *Макдональд Ч.* Тяжелое испытание. М., 1979. С. 397. Следует иметь в виду, что в районе Магдебурга 9-я американская армия имела около 50 тыс. человек, а в районе Берлина была сосредоточена миллионная группировка вермахта. Даже при значительном усилении армии Симпсона (а на это требовалось время) вероятные потери войск США могли составить 100 тыс. человек. Это было одной из причин, по которой Эйзенхауэр отказался от предложения Симпсона.
- ³⁷ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 170. Л. 108–311.
- ³⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 11556. Д. 18. Л. 110.
- ³⁹ *Truman H.* Years of Decision, 1945. N.Y., 1955. P. 416.
- ⁴⁰ *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 3. С. 683.
- ⁴¹ Правда. 1992. 16 июля.
- ⁴² *Ситолс В.Я.* На пути к великой победе: советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985. С. 439, 440.
- ⁴³ Переписка... Т. 2. С. 281, 282.

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Размах сражений, развернувшихся на советско-германском фронте, потребовал от экономики СССР бесперебойного снабжения вооруженных сил всем необходимым. Военные расходы росли, ложась тяжелым бременем на плечи народа. Лишенные многих нормальных условий существования, советские люди напрягали все силы, чтобы быстрее разгромить врага, вернуться к мирной жизни, с которой связывали самые радужные надежды.

1944 г. стал кульминационной точкой развития советской военной экономики. Ее промышленность смогла даже несколько превзойти довоенный показатель производства валовой продукции, составившей 104% по отношению к 1940 г. Это было достигнуто за счет развития тяжелой индустрии и выпуска военной продукции. Предметов же народного потребления производилось чуть больше половины, а продуктов питания в два–три раза меньше довоенного уровня. Особые трудности выпали на долю населения освобожденных от оккупации районов.

В единоборстве с Германией советская экономика опиралась прежде всего на свои силы. Вместе с тем более заметной стала военно-экономическая помощь западных держав в рамках ленд-лиза.

1944 г. характеризовался началом перевода военного хозяйства СССР на мирные рельсы. Этот процесс набрал новые темпы в первой половине следующего года, особенно после разгрома Германии. Однако лейтмотивом военной экономики страны до конца второй мировой войны оставалось обеспечение разгрома врага как в Европе, так и в Азии.

Важными факторами роста советской экономики являлись повышение производительности труда в промышленности, более эффективное использование действующих предприятий, максимальная мобилизация ресурсов, научных достижений, ввод новых и восстановление разрушенных оккупантами предприятий и объектов промышленности и транспорта. Сельскохозяйственное производство с его ослабленной материально-технической базой развивалось крайне медленно, главным образом в восточных районах страны. Валовая продукция сельского хозяйства даже в 1945 г. составляла только 60% к довоенному уровню.

* * *

С самого начала завершающего периода Великой Отечественной войны Государственный Комитет Оборона, Совнарком СССР, наркоматы, центральные и местные партийные органы в целом оперативно решали сложные организационные, хозяйственные, технические и кадровые вопросы, совершенствуя стиль и методы руководства военной экономикой. Основные направления политики государства в этой области на 1944–1945 гг. определялись годовыми планами восстановления и развития народного хозяйства СССР. В 1944 г. планировался ускоренный рост всего промышленного производства, опережающие темпы развития тяжелой индустрии, дальнейшее расширение и повышение качества военной продукции. Наряду с этим предусматривалось увеличение гражданской продукции. Намечалось также укрепить материально-техническую базу сельского хозяйства, транспорта, существенно увеличить объем работ по возрождению народного хозяйства на освобож-

денной от оккупантов территории. При этом требовалось не только закрепить достигнутые военно-экономические результаты, но и подготовить страну к быстрому переходу на рельсы мирного строительства, задачи которого заметно расширились в плане 1945 г.

Переход к мирной жизни не был простым и легким делом. Предстояло восстановить нормы довоенного времени во всех сферах жизни советского общества. Разрабатывались мероприятия по демобилизации армии, всемерному расширению выпуска гражданской продукции, перестройке аппарата. Для этого в хозяйственных наркоматах, ведомствах, на предприятиях создавались новые управления, отделы, конструкторские бюро и цехи. Научные учреждения начали разработку первоочередных теоретических проблем, связанных с перспективами развития народного хозяйства, науки и культуры.

Для финансового обеспечения принятых планов восстановления и развития народного хозяйства СССР государство проводило соответствующую политику (см. табл. 3).

Таблица 3. Доходы и расходы по государственным бюджетам СССР за 1943–1945 гг., в млрд руб.¹

Статьи бюджета	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Доходы (всего)	204,4	268,7	302,0
В том числе:			
от социалистического хозяйства	141,4	187,2	229,7
привлечение средств населения	63,0	81,5	72,3
Расходы (всего)	210,0	264,0	298,6
В том числе:			
на оборону страны	125,0	137,8	128,2
на народное хозяйство	33,1	53,8	74,5

Главным источником увеличения доходов государства по-прежнему являлась прибыль, полученная от планового социалистического хозяйства. Ее доля составляла в 1944 г. 69,7%, а в 1945 г. увеличилась до 76%². До конца войны неуклонно возрастали поступления в бюджет налогов с населения. В 1945 г. они в 4,2 раза превысили довоенный уровень³, распространение которых носило, особенно среди колхозников, добровольно-принудительный характер. Бремя займов стало снижаться только в победном 1945 г.

Государственный бюджет 1944–1945 гг. стал вновь бездефицитным, что являлось выдающимся событием. История не знала подобного примера, чтобы во время столь кровопролитной и разрушительной войны удалось не только сбалансировать бюджет, но и добиться в ходе его выполнения превышения доходов над расходами. Большую роль в этом сыграло не только увеличение доходов, но и постепенное сокращение доли военных расходов.

Основная тяжесть материально-технического обеспечения вооруженной борьбы с врагом лежала, как и прежде, на промышленности, которая в последние годы войны добилась значительных успехов (см. табл. 4).

В 1944 г. среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве по сравнению с 1943 г. возросла на 4,2 млн человек, или на 21,7%⁴. При этом, как и в 1943 г., женщины составили на 1 октября 57% занятых в народном хозяйстве. В 1945 г. среднегодовая численность рабочих и служащих увеличилась еще на 3,6 млн человек, а доля женщин снизилась всего на 2%⁵.

Таблица 4. Производство основных видов промышленной продукции в СССР за 1943–1945 гг.⁶

Виды продукции	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Электроэнергия, млрд квт-ч	32,3	39,2	43,3
Уголь, млн т	93,1	121,5	149,5
Нефть, млн т	18,0	18,3	19,4
Чугун, млн т	5,6	7,3	8,8
Сталь, млн т	8,5	10,9	12,3
Автомобили, тыс. шт.	49,3	60,5	74,7
Тракторы, тыс. шт.	1,1	3,2	7,7
Магистральные паровозы, шт.	43	32	8
Грузовые магистральные вагоны, тыс. шт.	0,1	0,01	0,8

Основным источником пополнения рабочих и служащих в народном хозяйстве были советские граждане, освобожденные из-под оккупации, а в 1945 г. – демобилизованные солдаты и офицеры. Подготовка новых кадров с последующим повышением их квалификации шла, как и прежде, в основном непосредственно на производстве. Продолжали обучение молодых рабочих училища и школы системы трудовых резервов, которые в 1944–1945 гг. выпустили 869 тыс. квалифицированных специалистов⁷.

Набирали темпы энергетика и топливная промышленность. В 1944 г. шахтеры страны добыли на 30,5% больше угля, чем в 1943 г. Всего же за два последних года добыча угля возросла в 1,6 раза. Это был выдающийся подвиг шахтеров и поднимавших шахты из руин рабочих. Благоприятными для военной экономики СССР оказались и итоговые данные по производству электроэнергии: в 1945 г. они были выше показателя 1943 г. на 34%. Впервые за время войны было остановлено сокращение добычи нефти и природного газа и достигнут некоторый рост. Однако из-за низкого уровня буровых работ достичь большего не удалось и потребности народного хозяйства и даже действующей армии обеспечивались нефтепродуктами с большим напряжением.

Война предъявляла все более высокие требования к металлургии. Дальнейший рост производства военной продукции был невозможен без увеличения выпуска чугуна, стали, проката, цветных металлов. Много металла требовалось для восстановления разрушенных войной предприятий. Государственный Комитет Обороны 18 февраля 1944 г. принял постановление “О неотложных мерах помощи черной металлургии”, которое определило конкретные меры по бесперебойному снабжению металлургических заводов сырьем, топливом, электроэнергией, пополнению рабочей силой⁸. На основе жестких требований этого документа советская черная металлургия (соответствующий наркомат возглавлял И.Ф. Тевосян) увеличила выплавку чугуна, стали и проката металлов.

Ведущее место в обеспечении потребностей народного хозяйства СССР черным металлом, как и прежде, принадлежало предприятиям Урала и Сибири. Преодолевая огромные трудности, из месяца в месяц неуклонно наращивал производство флагман черной металлургии – Магнитогорский комбинат, перешедший на выплавку высоколегированных марок стали. Во многом благодаря умелой и энергичной работе руководства комбината, непрерывным творческим поискам инженеров, техников, передовых рабочих, более производительного использования агрегатов, мартеновские цехи в течение года увеличили выплавку металла на 470 тыс. т. При этом большую часть продукции составлял качественный и самый дешевый в стране металл⁹. За 1944 г. коллектив Магнитогорского комбината увеличил производительность труда на 21,1%¹⁰. И это в условиях, когда 61% рабочих ведущих профес-

сий составляла молодежь, недавно пришедшая на производство¹¹. Осваивая опыт известных не только на Урале, но и по всей стране мастеров-новаторов, таких, как М.Ф. Пугачев, М. Зинуров, В.Ф. Шлямнев, Е.О. Сазонов, П.Н. Бревешкин, молодые доменщики и сталевары улучшали использование полезного объема доменных печей, добивались сокращения сроков плавки и высокого съема стали.

В не менее трудных условиях самоотверженно трудился коллектив Кузнецкого металлургического комбината, который на третьем году войны давал качественного металла в 7 раз больше довоенного уровня. Печать и радио не раз сообщали о высоких трудовых достижениях кузнецких мастеров сталеварения: М.В. Буркацкого, М.Я. Федотова, Р.Н. Нехорошева, М.М. Привалова, А.Я. Чалкова, Н.М. Прудникова, П.В. Заварыкина и их многочисленных последователей. Только из сверхплановой продукции одного Буркацкого можно было изготовить несколько десятков танков. Другой характерный пример: молодой сталевар Александр Чалков, освоив варку стали в обычных мартенах (чем совершил переворот в технологии), за 1941–1945 гг. дал стране около 13,3 т сверхплановой качественной стали¹².

Усилия металлургов были поддержаны работниками горнорудной промышленности, добившимися заметных результатов. Многие горняки перенимали передовые методы знатных уральских бурильщиков А.И. Семиволоса, И.П. Завертайло, Г.В. Ануфриенко, С.И. Еременко, И.П. Янкина. В 1944 г. в стране было добыто 11,7 млн т железной и более 1 млн т марганцевой руды, а в 1945 г. соответственно 15,9 и 1,5 млн т, чем создавалась прочная основа для развития черной металлургии¹³.

Расширение производства металла достигалось не только лучшим использованием имевшихся мощностей, но вводом в действие новых агрегатов. В 1944–1945 гг. только в восточных районах вступили в строй 4 доменные и 11 мартеновских печей, один прокатный стан и 6 коксовых батарей¹⁴.

Несмотря на успехи черной металлургии, уровень производства металла в стране в 1944 г. был почти в два раза ниже уровня Германии. Перелом наступил только в 1945 г., когда выплавка чугуна и стали в СССР многократно, в десятки раз, превзошла германское производство¹⁵.

Продолжала развиваться и цветная металлургия. Производимое ее работниками стратегическое сырье целиком использовалось для нужд фронта. В течение 1944 г. на Норильском никелевом комбинате были полностью освоены мощности, введенные в эксплуатацию еще в первые годы войны. Стал давать медь Сибайский завод Баймацкого медеплавильного комбината. На Новосибирском оловянном комбинате была пущена обогатительная фабрика, а на Медногорском медно-серном комбинате – брикетная фабрика. Расширились мощности Уральского алюминиевого завода, а также предприятий алмазной и золотодобывающей промышленности¹⁶.

“Характерным для военного периода было то, что различные отрасли народного хозяйства страны действовали неразобщенно, – отмечал нарком цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако. – Взаимовыручка, поддержка, стремление прийти на помощь друг другу были приметами времени. Нас выручали машиностроители, геологи. Мы, в свою очередь, старались сделать все от нас зависящее и для работников электротехнической промышленности, и для приборостроителей, и для химиков... И это понятно, так как все мы, советские люди, жили одним стремлением – приблизить долгожданный день Победы, разгромить ненавистного врага”¹⁷.

Ввод новых мощностей цветной металлургии в сочетании с самоотверженностью рабочих коллективов ощутимо сказался на выпуске конечной продукции в этой отрасли промышленности. Только в 1944 г. по сравнению с 1943 г. выпуск алюминия увеличился на 32,9%, меди – на 7,7%, цинка – на 35,6%, никеля – на 18%. Возросло также производство кобальта, вольфрама, олова, ртути, молибдена, сурьмы и твердых сплавов¹⁸.

Новый шаг вперед был сделан в области машиностроения. В 1944 г. производство металлорежущих станков увеличилось на 46%. Рост, хотя и в три раза меньший, произошел и в 1945 г. При этом довоенный уровень был достигнут всего на 66%. В 1944–1945 гг. было произведено больше, чем в 1940 г., турбобуров – в 2–2,7 раза, однако нефтеаппаратуры выпускалось менее десятой части довоенного уровня. В 1945 г. выпускалось больше довоенного врубовых машин – в 1,5 раза, отбойных молотков – в 2 с лишним раза¹⁹, что позволило поднять добычу угля.

Узким местом машиностроения оставались сельскохозяйственные машины, паровозы, вагоны, автомобили, тракторы. Сельское хозяйство снабжалось в основном конными плугами, сеялками, косилками и молотилками, уровень производства которых в большинстве случаев был также в несколько раз ниже довоенного. В 1944 г. страна выпускала меньше, чем в 1940 г. тракторов – в 9,9 раза, автомобилей – в 2,4, паровозов магистральных – в 28,5, грузовых вагонов – в 2375 раз²⁰. Основные мощности машиностроения были заняты военной продукцией.

Заметную помощь СССР оказали союзники. США и Великобритания только в 1944 г. по ленд-лизу поставили в СССР 591,9 тыс. т проката черных металлов, 18,6 тыс. металлорежущих станков, 1,1 тыс. магистральных паровозов, 129,1 тыс. грузовых автомашин²¹. Помощь продолжала поступать и в 1945 г. Если ее доля в прокате была невелика, составляя в 1944 г. всего 8% советского производства, то станков было получено 54,6%, а количество поставленных западными союзниками автомобилей и паровозов превосходило их отечественный выпуск соответственно в 2,4 и 34 раза²².

Рост отечественной тяжелой индустрии позволил оборонной промышленности добиться значительного увеличения выпуска танков, самоходных артиллерийских установок, боевых самолетов, боеприпасов (см. табл. 5).

Таблица 5. Производство основных видов вооружения в СССР в 1943–1945 гг.²³

Вооружение и боевая техника, тыс. шт.	1943 г.	1944 г.	1945 г. (январь–август)
Винтовки и карабины	3436,2	2450,0	637,0
Пистолеты-пулеметы	2023,6	1970,8	583,4
Пулеметы всех видов	458,5	439,1	156,0
Орудия всех видов	130,3	122,4	72,2
Минометы	69,4	7,1	3,0
Танки и САУ	24,1	29,0	20,5
Боевые самолеты	29,9	33,2	19,1

В авиационной, танковой промышленности и промышленности вооружения непрерывно осваивались современные образцы боевой техники и другой военной продукции, создаваемые работниками оборонных заводов и конструкторских бюро во главе с С.В. Ильюшиным, А.И. Микояном, С.А. Лавочкиным, А.С. Яковлевым, А.Н. Туполевым, Н.Л. Духовым, Ж.Я. Котиним, А.А. Морозовым, В.Г. Грабиным, Ф.Ф. Петровым, С.Н. Махониным, А.И. Савиным, П.М. Горюновым, Г.С. Шпагиним, В.А. Дегтяревым и другими. Заводы Наркомата вооружения (нарком Д.Ф. Устинов) перешли на выпуск более мощных артиллерийских орудий и минометов. Производство стрелкового оружия, потребности в котором снизились, в 1944 г. сократилось на 18%. Выпуск 45-мм противотанковых и всех зенитных пушек уменьшился, в то же время 57-мм – увеличился. Началось производство 100-мм противотанковых пушек, возросло количество орудий калибра 76 мм и выше.

Предприятия Народного комиссариата минометного вооружения, который

возглавлял П.И. Паршин, выпуск 50-мм прекратили, а 82-мм минометов – уменьшили, начав производство 160-мм миномета, созданного в сжатые сроки главным конструктором И.Г. Теверовским, главным инженером Л.Г. Шершня и конструкторами С.А. Емельяновым и З.З. Гуревичем.

Упорно трудилась над совершенствованием техники танковая промышленность, возглавляемая наркомом В.А. Малышевым. Было налажено массовое производство нового тяжелого танка ИС-2 со 122-мм пушкой, который пришел на смену танку КВ. Коллектив завода им. Кирова на Урале всего за 51 день наладил точный выпуск танка ИС, а чтобы удвоить его, в апреле 1944 г. на заводе был создан сборочный цех, переставлены 900 станков, изготовлены необходимые инструменты и приспособления.

В конце 1944 г. в производство поступил новый средний танк Т-44, а весной 1945 г. – тяжелый танк ИС-3. “Все годы, – писал известный советский конструктор тяжелых танков Ж.Я. Котин, – шло состязание конструкторских умов воюющих сторон. Германия трижды меняла конструкцию своих танков. Однако гитлеровцам так и не удалось достигнуть боевой мощи советских танков, созданных и модернизированных учеными и конструкторами А. Морозовым, М. Кошкиным, Л. Трояновым, Н. Духовым, А. Ермолаевым, М. Балжи, В. Торотько, Н. Шамшуриным, Л. Сычевым и многими другими”²⁴.

В связи с переходом только на средние и тяжелые танки их производство в 1944 г. сократилось на 15%. Общий рост бронетанковой техники был достигнут за счет увеличения в 2,9 раза выпуска самоходных артиллерийских установок, 59,3% которых составляли легкие СУ-76²⁵. Эта установка имела боевую рубку без крыши, слабое противопульное бронирование, бензиновые двигатели. СУ-76 предназначалась для огневой поддержки атаки пехоты. Поддержку танков осуществляли более совершенные и мощные тяжелые самоходные установки ИСУ-152, ИСУ-122, средние СУ-85. С сентября 1944 г. развернулся выпуск мощной самоходной установки СУ-100. До конца года их число составило около 500²⁶.

В 1944 г. были сняты с производства старые истребители и бомбардировщики. С конвейеров авиационных заводов начали сходиться новые, более совершенные типы самолетов. Часть истребителей и штурмовиков оснащалась реактивным оружием. Коллектив конструкторов во главе с А.С. Яковлевым создал истребитель Як-3 с повышенной маневренностью, скоростью и сильным вооружением. Высокой маневренностью и лучшими боевыми качествами обладал другой новый истребитель Ла-7. «Продолжал совершенствоваться штурмовик С.В. Ильюшина, – вспоминал нарком авиапромышленности СССР А.И. Шахурин. – Сначала появился Ил-8, а затем Ил-10, при создании которого были учтены почти все пожелания летчиков и воздушных стрелков. Немецкие авиаконструкторы попытались построить самолет, похожий на наш “летающий танк”. Для этого они тщательно изучали попавшие к ним подбитые советские самолеты-штурмовики. Однако из этого замысла ничего не вышло»²⁷.

В 1944 г. производство боеприпасов (соответствующий наркомат возглавлял Б.Л. Ванников) осталось почти на прежнем уровне, обеспечивая потребности войск. При этом значительно вырос выпуск снарядов среднего и крупного калибра и к противотанковым пушкам, продолжая оставаться высоким и в 1945 г., достигнув максимальной месячной цифры в апреле. После разгрома Германии производство боеприпасов резко сократилось. Уменьшилось количество вооружения, однако темпы выпуска самолетов и особенно бронетанковой техники оставались высокими до окончания войны с Японией.

В 1944 г. СССР получил от западных союзников 5877 самолетов, 3223 танка и САУ, 3122 орудия²⁸. Боевой техники поступало не так много, и в сравнении с тем, что давала советская промышленность, ее число составляло: самолетов – 17%, танков – 11%, орудий – 2,4%. Военно-экономические поставки продолжались до конца второй мировой войны.

В ведущих отраслях промышленности последовательно осуществлялся курс на освоение поточного метода, новых, более совершенных видов продукции и передовой технологии. Много было сделано, например, для внедрения системы автоматической сварки по методу академика Е.О. Патона, по налаживанию массовых поточно-конвейерных установок и других технических усовершенствований. «1944 год был для нас во многом не похожим на другие годы, – писал академик Е.О. Патон. – Мы продолжали все шире разворачивать работу на оборонных заводах, продолжали жить войной, ее интересами и нуждами. К этому времени на военных заводах страны работало свыше сотни наших установок. Они сваривали не только средние и тяжелые танки, но и авиабомбы, некоторые типы артиллерийского оружия и специальные виды боеприпасов. Если бы швы, сваренные в “Танкограде” автоматами за три года, вытянуть в линию вдоль железнодорожного полотна, то длина ее составила бы шесть тысяч километров»²⁹.

Напряженно работали труженики сельского хозяйства (нарком земледелия СССР А.А. Андреев, нарком зерновых и животноводческих совхозов П.П. Лобанов). Война продолжала тяжело сказываться на сельском хозяйстве и положении крестьянства. Численность трудоспособного сельского населения в 1944 г. сократилась по сравнению с 1940 г. на 13,8 млн человек, или на 18%³⁰. При этом основная тяжесть ложилась на женщин, подростков, инвалидов и стариков. Уровень сельскохозяйственного производства снижался до 1943 г. включительно. Улучшение общей обстановки в стране в связи с освобождением захваченной врагом территории СССР позволило принять меры по повышению качества обработки земли, восстановлению севооборотов и перераспределению зерновых посевов.

В 1944 г. для увеличения материально-технической базы сельского хозяйства было дополнительно выделено 2 млрд руб. Всего государственные ассигнования в эту отрасль выросли по сравнению с 1943 г. на 37%³¹. Чтобы поставить ее на ноги в техническом отношении, увеличивался выпуск сельскохозяйственных машин и запасных частей к тракторам и другим машинам, а также снабжение горючим. За год производство запасных частей на предприятиях союзной и местной промышленности возросло в 2,5 раза по сравнению с 1943 г. и даже превысило уровень 1940 г. Намного больше стало поставляться горючего³².

Вступила в строй первая очередь Алтайского тракторного завода в г. Рубцовске. Многие заводы взяли шефство над МТС и совхозами, помогали им в ремонте тракторов, сельскохозяйственных машин, в производстве запасных частей. Расширилась и подготовка кадров механизаторов. Только в течение 1943–1944 гг. на курсах МТС и в школах механизации было обучено более 700 тыс. трактористов, механиков и комбайнеров³³.

В очень тяжелых условиях шла упорная борьба за хлеб, хлопок, технические культуры. Между тем к этому времени трудовые резервы колхозов оказались исчерпанными и дефицит рабочей силы почти не восполнялся. На 1 января 1945 г. в колхозах страны, включая освобожденные районы, насчитывалось 22 млн трудоспособных – почти на 14 млн человек (или на 38%) меньше, чем к началу 1941 г. В самый напряженный период уборочных работ на помощь сельским труженикам приходил город: в 1944 г. для этой цели было направлено 3,3 млн служащих, учащихся, рабочих³⁴.

1944 год можно назвать переломным в развитии сельского хозяйства в военные годы. Производство его продукции стало расти (см. табл. 6).

Посевная площадь расширялась за счет освобожденных от оккупации районов. В 1944 г. по сравнению с предыдущим было собрано больше зерна – на 67,1%, сахарной свеклы – в 3,1 раза, льноволокна – на 7%, картофеля – на 57,3%³⁵. Увеличилось поголовье скота, производство мяса, сала, молока, яиц и шерсти.

Положительные результаты, хотя и не везде значительные, достигались прежде всего, огромным напряжением сил колхозников, рабочих машинно-тракторных станций, совхозов. Росту сельскохозяйственного производства способствовали и

Таблица 6. Основные показатели сельского хозяйства СССР
(на конец года)³⁶

Основные показатели	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Посевные площади всех культур, млн га	94,1	109,9	113,6
Валовый сбор:			
зерна, млн т	29,4	49,1	47,2
сахарной свеклы, млн т	1,3	4,1	5,5
хлопка-сырца, тыс. т	726	1131	1161
льноволокна, тыс. т	156	167	150
картофеля, млн т	34,9	54,9	58,1
Поголовье:			
ручного рогатого скота, млн голов	33,9	44,2	47,4
лошадей, млн голов	7,7	9,9	10,7
свиней, млн голов	5,6	8,8	10,5
овец и коз, млн голов	63,3	70,2	69,9
Производство:			
мяса и сала (уб. вес.), тыс. т	1767	1953	2559
молока, тыс. т	16 391	22 044	26 428
шерсти, тыс. т	100	103	111

некоторые правительственные меры. С целью восстановления и сохранения поголовья скота и укрепления кормовой базы колхозы районов, освобожденных от оккупации после 1 января 1944 г., освобождались от обязательных поставок государству всех продуктов животноводства. Во второй половине года была введена дополнительная оплата труда колхозников за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота в колхозах РСФСР. Увеличились ассигнования на ремонт и восстановление животноводческих ферм, а также строительство новых помещений для содержания скота.

Однако при этом следует иметь в виду, что и в заключительный период войны колхозы продолжали выполнять непосильные обязательные поставки государству зерна, мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов, хотя жизнь требовала внесения определенных корректив в заготовительную политику, чтобы облегчить тяжкое бремя, взваленное на плечи крестьянства. Но в деятельности центральных директивных органов господствовали методы административного нажима. Стремление некоторых колхозов заготовить для себя более надежный продовольственный и семенной фонд и выдать на трудодни хотя бы что-то из продуктов, как правило, рассматривалось “сверху” как “нежелание увеличить госпоставки” и “саботаж”.

Военные месяцы победного 1945 г. не принесли советскому крестьянству существенного облегчения. Колхозники и работники совхозов испытывали громадные тяготы от изнурительного труда, большие материальные лишения, однако жертвовали всем во имя скорейшей победы. Несмотря на позднюю весну, посевная кампания была проведена в стране более организованно, быстрее и при лучшем качестве работ, чем раньше. Засеянные площади увеличились, но составили всего только 75% уровня 1940 г.

Продолжала расти валовая продукция сельскохозяйственного производства, что было связано с некоторым укреплением материально-технической базы. В феврале 1945 г. Совнарком СССР принял постановление “О развитии сельской электрификации”, которое предусматривало создание малых колхозных и межколхозных электростанций и подключение колхозов к государственным электросетям. К концу войны потребляемая мощность электроэнергии приближалась к довоенному уровню.

Впервые за военные годы стал пополняться парк тракторов и грузовых автомобилей в сельском хозяйстве. Поставки тракторов сельскому хозяйству с 2,5 тыс. в 1944 г. увеличились до 6,5 тыс. в 1945 г., а грузовых автомобилей – с 0,8 тыс. до 9,9 тыс.³⁷ Улучшилось снабжение минеральными удобрениями, плугами, боронами,

сеялками, жатками, молотилками. Новая техника направлялась прежде всего в пострадавшие от вражеского нашествия районы. Впервые за время войны колхозы в 1945 г. выполнили государственный план ярового сева, а совхозы даже перевыполнили его.

На ряд районов страны в 1945 г. обрушилась засуха, поэтому, несмотря на увеличение посевных площадей, сбор зерна оказался ниже урожайного 1944 г. Уборка урожая проходила в обстановке большой активности тружеников села. Многие коллективы добились высоких показателей. Отличились бригады знатных трактористок Д.М. Гармаш (Рязанская область), П.Н. Ангиной (Украинская ССР), известный комбайнер А.И. Оськин (Оренбургская область), звеньевой колхоза “Новая жизнь” М.Е. Озерный (Днепропетровская область), свекловод С. Кайназарова (Киргизская ССР), труженики колхоза “Заря Востока” Ташкентской области и многие другие. В уборке урожая приняли участие сотни тысяч демобилизованных воинов. Поистине самоотверженный труд людей позволил убрать хлеб без больших потерь.

Увеличение масштабов производства, возросший размах наступления Красной Армии, коммуникации которой с продвижением на запад удлинялись, повысили роль транспорта. Советское государство увеличило бюджетные ассигнования на транспорт и связь в 1944 г. на 31,2% по сравнению с 1943 г.³⁸ Как и прежде, главную роль в перевозках грузов играл железнодорожный транспорт, удельный вес которого в 1944 г. составлял почти 82% общего грузопотока³⁹. Капиталовложения в железнодорожный транспорт СССР на 1944 г. были определены в размере 1965 млн руб., в результате чего его материально-техническая база окрепла⁴⁰. На транспорт были направлены новые людские ресурсы, в результате чего численность работников, занятых на перевозках, возросла в 1944 г. на 35,6%, составив почти 1,4 млн человек⁴¹. Однако недоставало паровозов и вагонов, а также ремонтных средств и топлива. Много сил и средств выделялось для возрождения железных дорог в освобожденных районах, поскольку отступавший противник осуществлял здесь массовые разрушения. Железнодорожный транспорт, который возглавлял “железный” нарком путей сообщения Л.М. Каганович, работал с большим напряжением, последовательно увеличивая объем и темпы перевозок.

Несмотря на трудности, уже в первом квартале 1944 г. железнодорожный транспорт СССР впервые за многие годы, в том числе и предвоенные, в условиях зимы перевыполнил общий план погрузки и выгрузки. Был превышен запланированный объем перевозок боеприпасов, вооружения и других грузов для действующей армии.

Наряду с этим коллективы Южно-Уральской, Московской, Донбасской, Томской и Карагандинской дорог не справлялись с заданиями по продвижению угольных эшелонов. Вмешался Государственный Комитет Обороны, который принял суровые меры. По его указанию были детально разработаны графики подачи вагонов под погрузку, установлены контрольные посты на многих станциях погрузки угля, куда была направлена дополнительная рабочая сила.

Все это позволило в первом полугодии 1944 г. увеличить погрузку угля на 28% по сравнению с тем же периодом 1943 г.⁴² Уже к 29 июля, на месяц раньше срока, коллективы 25 магистралей завершили семимесячную программу. Сверх плана для фронта и народного хозяйства было отправлено более 1 млн вагонов⁴³.

В ходе операции “Багратион” работники транспорта обеспечили огромный поток воинских грузов. С ноября 1943 г. по июль 1944 г. их перевозки по железным дорогам значительно выросли, составив 128,4% по отношению к соответствующему периоду 1942–1943 гг.

При подготовке летнего наступления в Белоруссии серьезное испытание выдержали работники Белорусской железной дороги во главе с ее начальником Н.И. Краснобаевым. Для пропуска огромного потока воинских эшелонов были построены новые разъезды, погрузочные станции, что увеличило пропускную спо-

способность дороги. На участках, где в обычных условиях одновременно продвигалось не более 8 поездов, во время подготовки наступления проходило до 25 воинских эшелонов. Особое внимание обращалось на строжайшее соблюдение мер маскировки и дезориентации противника. “Немцы могли увидеть только то, что мы хотели им показать, – вспоминал об этих днях бывший командующий войсками 1-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. – Части сосредоточивались и перегруппировывались ночью, а днем от фронта в тыл шли железнодорожные эшелоны с макетами танков и орудий. Во многих местах наводили ложные переправы, прокладывая для видимости дороги”⁴⁴. Всего при подготовке наступления в Белоруссии для доставки войск и воинских грузов было использовано более 440 тыс. вагонов, т.е. около 65% вагонного парка страны⁴⁵. В результате усилий Красная Армия получила все необходимое для успешного ведения операции “Багратион”.

В 1944 г. одних только боеприпасов железнодорожники доставили фронту свыше 118 тыс. вагонов. Объем годовых воинских перевозок достиг наибольших размеров за всю войну, составив 5718 тыс. вагонов (26,4% всех перевозок по железным дорогам)⁴⁶.

И все же работа железнодорожного транспорта не удовлетворяла возросшие потребности военной экономики. Перевозки металла, леса, зерна и особенно угля осуществлялись с перебоями. Все это привело к тому, что некоторые промышленные и транспортные предприятия стали расходовать запасы топлива, накопленные для зимы.

22 декабря 1944 г. наркомом путей сообщения СССР вместо Кагановича стал начальником Центрального управления военных сообщений Красной Армии генерал-лейтенант И.В. Ковалев. К началу 1945 г. отставание в перевозках топлива и других народнохозяйственных грузов было ликвидировано.

1945 г. принес железнодорожному транспорту новые испытания. С выходом Красной Армии на территорию зарубежных государств возникла проблема использования железных дорог, имеющих другую ширину колеи и многие иные отличия в эксплуатации. Железные дороги Румынии, Венгрии и Болгарии не подверглись большому разрушению, имели достаточно подвижного состава и кадров железнодорожников, что создавало благоприятные условия для перевозок без перешивки западноевропейской колеи. Однако требовалась перегрузка, для чего были созданы перевалочные базы. Такой же порядок планировалось использовать и в Польше. В октябре–ноябре 1944 г. Государственный Комитет Обороны запретил перешивку, полагая, что она потребует нового напряжения от подвижного состава отечественных железных дорог и не позволит использовать трофейный транспорт⁴⁷. Такое решение оказалось ошибочным. Отсутствие опыта организации перегрузочных работ подобного масштаба, недостаток средств их механизации потребовали отменить запрет. В феврале четырем фронтам, коммуникации которых проходили на польской территории, было разрешено перешить по одному железнодорожному пути на союзную колею⁴⁸.

Дополнительные меры, принятые в конце 1944 г. – начале 1945 г., дали положительные результаты. В марте государственный план погрузки был выполнен железнодорожным транспортом на 102,5, а в апреле на 107,3%⁴⁹. Заметно увеличилась интенсивность движения воинских эшелонов. Если в феврале в районы сосредоточения войск в среднем в сутки прибывало 2155 вагонов, то в марте – уже в полтора раза больше. С января по май 1945 г. железнодорожники доставили к линии фронта 1,9 млн воинских вагонов⁵⁰, или столько, сколько потребовалось для обеспечения самых интенсивных эвакуационных перевозок в 1941–1942 гг.

Росту перевозок в значительной мере способствовало восстановление и строительство новых железнодорожных линий, а также ликвидация узких мест в пропускной способности дорог. Всего в военные месяцы 1945 г. только строительными организациями наркомата путей сообщения было реконструировано 14 железнодо-

рожных узлов, сдано в эксплуатацию несколько сот километров новых магистралей. За это же время железнодорожные войска и спецформирования НКПС восстановили вслед за наступавшими войсками 45 409 км железных дорог СССР, Польши, Венгрии, Австрии, Чехословакии и Германии.

Во втором и третьем кварталах 1945 г. работники транспорта, и прежде всего железнодорожного, осуществили огромные перевозки, связанные с подготовкой и проведением военных действий против милитаристской Японии. С мая по сентябрь 1945 г. на Дальний Восток прибыло более 116 тыс. вагонов с военными грузами⁵¹. По единственной Транссибирской железнодорожной магистрали были перегруппированы с запада крупные силы Красной Армии. Такого перемещения войск за короткие сроки на многие тысячи километров по железной дороге история еще не знала.

Напряженно трудились работники речного флота (нарком З.А. Шашков). Осенью 1944 г. экипажи судов досрочно справились с навигационным планом. Годовое задание по грузообороту было выполнено на 101,4%⁵², а план воинских перевозок – на 107,7%. И это в условиях большого урона, который понес советский речной транспорт: противник захватил или потопил 8309 различных судов, разрушил 479 портов и пристаней.

Во время навигации 1944 г. впервые за всю историю волжского судоходства был осуществлен сквозной рейс из Астрахани в Москву буксирного парохода “Академик Губкин” (капитан Н.И. Халдин) с тремя нефтебаржами в 25 тыс. т нефти. Судно прошло 3200 км за 36 суток, что высвободило для других целей почти 10 железнодорожных составов.

В сложных условиях работал коллектив торгового морского флота (нарком П.П. Ширинов), суда которого принимали непосредственное участие во многих боевых операциях, например, в наступательных действиях войск 3-го Украинского фронта, сил Черноморского флота и Дунайской военной флотилии⁵³. Особая ответственность ложилась на моряков Дальневосточного пароходства. По океанским коммуникациям в дальневосточные порты доставлялись грузы из США и других стран. Нередко под огнем врага морякам Северного морского пароходства приходилось везти караваны судов. Важное место в обеспечении страны нефтью и транспортной связью между республиками Закавказья и Средней Азии отводилось Каспийскому гражданскому морскому флоту.

Как правило, морские грузы в портах страны разгружались скоростными методами. Грузооборот морского транспорта СССР в 1944 г. составил 104,5% по отношению к 1943 г.⁵⁴

Важные задачи в 1944 г. решали также работники автомобильного и воздушного транспорта. В течение года заметно ббльшим стал парк грузовых автомашин (210 тыс. на 1 января 1945 г. по сравнению с 169,7 тыс. на 1 января 1944 г.). Значительную часть из них составили американские грузовики “Форд” и “Студебеккер”, полученные по ленд-лизу. В итоге грузовым автомобильным парком народного хозяйства СССР было перевезено грузов на 52,3 млн т больше, чем в 1943 г.⁵⁵ Вдвое возрос по сравнению с тем же годом общий объем перевозок, выполненный воздушным транспортом Главного управления Гражданского воздушного флота⁵⁶. В первом полугодии 1944 г. автомобильный транспорт увеличил свой грузооборот на 47,1%, а воздушный – на 22,9%⁵⁷.

Всего в течение 1944 г. грузооборот всех видов советского транспорта по сравнению с 1943 г. вырос на 15,3%. Это положительно сказалось на укреплении военной экономики СССР и позволило Красной Армии осуществить серию успешных наступательных операций на фронтах войны.

Военно-экономическая политика Советского Союза предусматривала активное привлечение научных сил страны к решению вопросов народнохозяйственного строительства и научно-технических проблем оборонного значения. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) определили и главные направления организационного разви-

тия научных центров и творческой деятельности ученых в области фундаментальных наук и наук прикладного характера. В 1943–1945 гг. были образованы академии наук Азербайджанской, Армянской, Казахской и Узбекской союзных республик, а также открыты Западно-Сибирский, Казахский и Киргизский филиалы Академии наук СССР. Крупнейшие ученые П.С. Александров, И.М. Виноградов, М.А. Лаврентьев, В.И. Смирнов, С.Л. Соболев вели исследования в области вычислительной техники и математики. Научные коллективы под руководством А.Ф. Иоффе, М.В. Келдыша, Н.Е. Кочина, С.И. Вавилова, С.А. Христиановича проводили изучение полупроводников, делали открытия в области авиастроения, создавали новые приборы для самолетов, боевых кораблей, артиллерии. Группы ученых химиков во главе с академиками Н.Д. Зелинским и Н.Н. Семеновым исследовали проблемы горения и создавали новые взрывчатые вещества. Большую роль в военной промышленности сыграла автоматическая сварка металлов по методу академика Е.О. Патона.

Советские ученые во главе с И.В. Курчатовым продолжали возобновившиеся с лета 1943 г. исследования в области ядерной физики, которые имели большое народнохозяйственное и оборонное значение. Научные коллективы под руководством С.П. Королева и В.П. Глушко весьма успешно разрабатывали теорию и практические основы создания ракет и ракетного оружия.

Важную роль в оказании практической помощи военному хозяйству сыграла Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири, Казахстана, которую возглавлял президент Академии наук СССР В.Л. Комаров. Действовали также Комиссия по мобилизации ресурсов среднего Поволжья и Комиссия по географическому направлению. Учеными были выявлены новые месторождения полезных ископаемых, в центре их внимания находились и вопросы развития сельского хозяйства, транспорта, связи и других отраслей советской военной экономики.

Неоценимую помощь фронту оказали ученые-медики. В результате их достижений не менее 75% лечившихся в госпиталях солдат и офицеров возвращались на фронт. Деятели науки мужественно преодолевали суровые испытания военных лет, убедительно демонстрируя свою верность Родине.

* * *

Как известно, уже в ходе войны советский народ развернул широкие восстановительные работы. Они начались сразу же после освобождения от оккупации первых же районов зимой 1941/42 г. и усиленно продолжались позднее.

Вынужденные откатываться под ударами Красной Армии, оккупанты применяли тактику “выжженной земли”, превращая в безжизненные пространства обширные регионы страны. Огромный ущерб был нанесен народному хозяйству и культуре России, Украины, Белоруссии, Литвы, Эстонии, Карело-Финской и Молдавской ССР. Враг разрушил 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, превратил в развалины свыше 6 млн зданий, 31 850 крупных и средних промышленных предприятий, 65 тыс. км железных дорог, разорил 98 тыс. колхозов, 1976 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций⁵⁸.

Страна понесла громадные материальные убытки. Достаточно сказать, что во время войны 66% промышленного производства СССР подверглись разрушению или остановке⁵⁹. СССР потерял почти третью часть национального богатства⁶⁰. В результате советская промышленность оказалась отброшенной назад: по производству цемента – до уровня конца 20-х годов, по добыче нефти, выпуску тракторов, выплавке чугуна – к началу 30-х годов, а угля, стали и черных металлов – к середине 30-х годов. В целом война задержала развитие экономики СССР не меньше, чем на десять лет.

Возрождение пострадавших от вражеского нашествия районов нельзя было откладывать, так как освобожденные города и села составляли тыл Красной Армии,

который должен был стать прочной опорой фронту. Это требовали интересы войны.

В 1944 г. объем строительных работ значительно возрос. Капитальные вложения на эти цели из бюджета государства по сравнению с предыдущим годом увеличились в 3,4 раза, составив огромную сумму в 14,2 млрд руб.⁶¹ В целом же восстановление охватило огромную территорию общей площадью около 2 млн кв. км, а также прифронтовые районы, где часть предприятий была также разрушена огнем артиллерии и авиации или эвакуирована в восточные районы страны.

Большое значение имело возрождение Ленинградского и Центрального промышленных районов, которые до войны были ведущими индустриальными базами страны. 29 марта 1944 г. ГКО принял постановление “О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.” В программу работ входило прежде всего: восстановление энергетического хозяйства, малой металлургии, турбостроения, электропромышленности, станкостроения, приборостроения, промышленности строительных материалов и городского хозяйства города-героя.

Выполнение этого решения создавало производственно-техническую базу для дальнейших работ в Ленинграде. В восстановлении промышленности и городского хозяйства участвовало почти все взрослое население города. За короткий срок здесь было введено в действие: 14 мартовских печей, 16 электропечей, 40 варганок, 22 прокатных стана, около 1 млн кв. м производственных площадей, 750 км различных коммуникаций; отремонтировано 1300 станков и кузнечно-прессового оборудования; установлено 500 единиц нового оборудования. Восстановленные мощности полностью удовлетворяли потребность ленинградской промышленности в чугуне. Начали выпускать продукцию для страны крупные машиностроительные заводы “Электросила”, Металлический, имени Ленина и др.

Набирали мощь возрожденные предприятия Центрального промышленного района. Производственные показатели работы многих из них, в том числе Подмосковского угольного бассейна, превысили довоенный уровень.

Широким фронтом шло восстановление Донбасса, где оккупанты хозяйничали около двух лет и нанесли особенно большой урон. Угольные шахты, домны и мартены, машиностроительные заводы и предприятия химической промышленности лежали в руинах.

Восстановленные шахты Донбасса уже к середине 1944 г. несколько уменьшили дефицит в топливном балансе страны. Однако достигнутый уровень добычи угля был явно недостаточным. ГКО в постановлении от 18 июня 1944 г. обратил внимание партийных, советских и хозяйственных организаций на то, что “восстановление угольной промышленности Донбасса, особенно шахт, добывающих коксующиеся угли, является первоочередной государственной задачей, без решения которой немисливо восстановление черной металлургии, всей промышленности, железнодорожного транспорта и электростанций на Юге”⁶².

Не хватало продовольствия, одежды, плохо было с жильем. Далеко не все тяготы и лишения вызывались объективными причинами, но рабочие коллективы, занятые на восстановлении шахт, трудились самоотверженно, проявляя инициативу и изобретательность. Они хорошо понимали, что многое зависит от того, насколько быстро вступит в строй “Всесоюзная кочегарка”, как народ еще до войны называл Донбасс.

Расширение фронта восстановительных работ сдерживал недостаток крепежного леса, который доставлялся из глубины страны. Тогда горняки многих шахт заменили крепежный лес местными материалами: камнем, кирпичом, бетонными и железобетонными блоками. Из затопленных шахт Донбасса к концу войны было выкачено 700 млн куб. м воды: целое озеро глубиной в 5 м и площадью 140 кв. км. Уже в 1944 г. донецкие шахты дали стране 21 млн т угля (более 17% общей добычи), а на следующий год Донбасс вновь стал главным в стране производителем каменного угля⁶³.

Возрождались черная металлургия. В основном участие в этом принимали строительные организации наркомата черной металлургии, которые в первую очередь обеспечивались рабочей силой, строительной техникой, инструментами, механизмами и материалами. Общее руководство организацией восстановительного процесса на предприятиях отрасли осуществляли нарком черной металлургии И.Ф. Тевосян, нарком по строительству СССР С.З. Гинзбург, их заместители по капитальному строительству Д.Я. Райзер и П.А. Юдин. В 1944–1945 гг. на освобожденной от фашистских захватчиков территории СССР вновь вступили в строй 16 домен, 61 мартен, 28 прокатных стана и 53 коксовые батареи⁶⁴.

Поднимались из руин машиностроительные заводы Юга, поставлявшие оборудование прежде всего черной металлургии и угольной промышленности Донбасса. В начале 1944 г. налазил серийное производство отбойных молотков, вентиляторов и другого оборудования Горловский машиностроительный завод имени Кирова. В сентябре начал давать продукцию Новокраматорский завод тяжелого машиностроения. С вводом его в строй страна резко увеличила выпуск машин и механизмов для металлургической, рудной и угольной промышленности. Высокими темпами возрождались машиностроительные заводы Сталинграда, Ростова, Ворошиловграда, Харькова, Киева, Новочеркасска, Гомеля. В 1945 г. на Украине начали выпускать машиностроительную продукцию 93 восстановленных завода⁶⁵.

Летом в Белоруссии возобновили работу такие крупные предприятия, как завод заточных станков в Витебске, станкостроительный завод имени С.М. Кирова, завод сельскохозяйственного машиностроения в Гомеле, завод “Красный металлист” в Борисове, – всего более 8 тыс. заводов, мастерских и артелей⁶⁶. Существенных результатов достигли трудящиеся прибалтийских советских республик. В Латвии, например, уже через несколько месяцев после ее освобождения было введено в действие 183, а в Литве – свыше 100 промышленных предприятий.

К концу войны полностью была восстановлена Волховская ГЭС, снабжавшая электроэнергией Ленинград. Вновь вступили в строй крупные электростанции на Украине, в том числе – Штеровская и Зуевская.

Всенародной стройкой стала Днепровская ГЭС. В ее возрождении участвовали 120 промышленных предприятий 53 городов. 25 тыс. молодых рабочих и колхозников 25 национальностей поднимали из руин этот гигант⁶⁷. В 1945 г. в районах, освобожденных от оккупации, стали действовать 30 крупных электростанций, которые давали 6,5 млрд киловатт-часов электроэнергии, в 2,2 раза больше, чем в 1944 г.⁶⁸

Продолжались большие работы по возрождению транспорта. Из многих областей на западные железные дороги шли эшелоны с оборудованием, запасными частями, лесом. Работники транспортных предприятий Центра, Урала, Сибири, Средней Азии взяли шефство над освобожденными магистралями. По сравнению с 1942 г. железнодорожные пути восстанавливались в 3 раза, а средние мосты – более чем в 2 раза быстрее. В результате в 1944 г. эксплуатационная длина железных дорог страны увеличилась с 81,7 до 110,5 тыс. км⁶⁹.

Одна из американских газет в январе 1944 г. писала: “Когда Гитлер в ноябре 1941 года объявил, что им захвачено 40 тыс. километров советских железных дорог, казалось почти невероятным, чтобы транспортная система Советского Союза могла быть когда-нибудь восстановлена для наступления крупного масштаба. Однако невероятное снова стало фактом”⁷⁰. Действительно, в истории не было такого примера, чтобы после огромных потерь и разрушений железнодорожный транспорт так быстро наращивал свою мощь. Столь же интенсивно возрождались и другие виды транспорта.

К концу войны на освобожденной от оккупации территории было восстановлено и введено в строй 7,5 тыс. крупных промышленных предприятий, более 115 тыс. км железнодорожных путей⁷¹. Их продукция стала составлять пятую часть всего промышленного производства страны.

Военные годы сильно опустошили деревню западной части страны: не хватало рабочей силы, машин, семян; страшный урон понесло общественное животноводство. Искалеченные, изрытые блиндажами, траншеями, воронками, поля хранили мины и неразорвавшиеся снаряды. Для их обезвреживания в каждой области создавались школы минеров. Земля очищалась от мин и снарядов, зарывались траншеи, собирались трактора, машины, ремонтировался инвентарь. Крестьяне пахали, сеяли и убирали урожай.

Освободившиеся от фашистского рабства люди не жалели сил ради скорейшего возрождения сельскохозяйственного производства. И результаты их труда были налицо: например, к началу второго полугодия 1944 г. на Украине и в освобожденной части Белоруссии была уже восстановлена большая часть колхозов и совхозов. В ходе ликвидации последствий вражеской оккупации постепенно создавалась и техническая база земледелия. К осени 1944 г. из восточных районов страны сюда поступило: 22 тыс. тракторов, 12 тыс. плугов, 1,5 тыс. комбайнов и более 600 автомашин. Кроме того, по решению ЦК ВКП(б) и советского правительства наркомат обороны выделил из своих ресурсов 3 тыс., а Наркомат Военно-Морского Флота – 300 гусеничных тракторов. Конечно, это не могло удовлетворить все потребности освобожденного села в технике: например, поступившие тракторы составили только пятую часть довоенного тракторного парка МТС данных районов. Но все же и это было реальной помощью.

Во многих областях в период весеннего сева использовались в качестве тягловой силы коровы. В Курской области, например, на весенних полевых работах 1944 г. использовалось до 1400 тыс. коров, в Полтавской – 90 тыс., в Кировоградской – 37 тыс. В Запорожской области в 1944 г. на коровах было выполнено две пятых полевых работ, в Сумской – шестая часть. Когда и коров не хватало, колхозники сами впрягались в плуги, бороны или вскапывали землю лопатами. В Смоленской области весной 1944 г. было обработано вручную 45 тыс. га, в Калининской области – 30 тыс. га⁷².

Крайне мало было посевного зерна: оккупанты при отступлении вывезли или уничтожили семенные фонды. Государство помогало колхозам ссудой, в порядке шефской помощи семена посылали им тыловые районы. Наряду с этим колхозники выделяли семена и из своих личных запасов, которые удалось сохранить от гитлеровцев.

Труднее было восстановить животноводство. Из восточных областей были возвращены эвакуированные туда сотни тысяч голов скота. Почти весь возвращенный скот прибыл в хорошем состоянии. В общей сложности это около 3 млн голов скота, в том числе более 1 млн голов крупного скота⁷³.

К концу войны на освобожденной территории удалось восстановить 85 тыс. колхозов, все совхозы и машинно-тракторные станции. И хотя до полного возрождения сельского хозяйства было еще далеко, уже в 1944 г. освобожденные районы дали стране более половины общегосударственных заготовок зерна, свыше трех четвертей сахарной свеклы, четвертую часть скота и птицы, около трети молочных продуктов. Это явилось серьезным вкладом тружеников села в укрепление советской военной экономики, в обеспечение разгрома врага.

Таким образом, уже в ходе жестокой и кровопролитной войны в СССР была проведена огромная работа по возрождению территории, пострадавшей от фашистского нашествия. Умелая организация миллионных масс на это чрезвычайно важное дело в совокупности с преимуществами планового хозяйства позволили достичь поразительных результатов, которые способствовали усилению военного потенциала страны. Тем самым не только были сокращены сроки разгрома фашистского агрессора, но и созданы необходимые условия для быстрого заживления ран, нанесенных войной, и перехода к мирному хозяйственному строительству.

- ¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945: Стат. сб. М., 1990. С. 215.
- ² Там же. С. 215.
- ³ *Кравченко Т.С.* Военная экономика СССР, 1941–1945. М., 1963. С. 224–225.
- ⁴ Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации: Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 414. (Далее: ИВИ).
- ⁵ Там же. Л. 419, 421.
- ⁶ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 38–39.
- ⁷ ИВИ. Л. 8, 9.
- ⁸ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1977. Т. 8. С. 353–354.
- ⁹ Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 74.
- ¹⁰ Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне, 1941–1945: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1967. С. 290.
- ¹¹ *Васильев А.Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1982. С. 124.
- ¹² *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 337.
- ¹³ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 51.
- ¹⁴ *Кравченко Г.С.* Указ. соч. С. 235.
- ¹⁵ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 34.
- ¹⁶ *Ломако П.Ф.* Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 252–253.
- ¹⁷ Там же. С. 61.
- ¹⁸ ИВИ. Инв. № 819. Л. 150.
- ¹⁹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 64.
- ²⁰ Там же. С. 66–68.
- ²¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1962. Т. 4. С. 585.
- ²² Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 48, 62, 66.
- ²³ Там же. С. 15.
- ²⁴ Правда. 1975. 15 февр.
- ²⁵ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1962. Т. 3. С. 20.
- ²⁶ Оружие Победы. М., 1987. С. 66.
- ²⁷ *Шахурин А.И.* Крылья Победы. М., 1984. С. 190.
- ²⁸ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 395, 396.
- ²⁹ *Патон Е.О.* Воспоминания. М., 1958. С. 333.
- ³⁰ *Арутюнов Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 320.
- ³¹ История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 493; *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993. С. 47.
- ³² Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 554.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 555.
- ³⁵ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 88.
- ³⁶ Там же. С. 83, 84, 112; ИВИ. Инв. № 819. Л. 320, 325.
- ³⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 5. С. 388.
- ³⁸ Десятая сессия Верховного Совета СССР. 28 января–1 февраля 1944 г.: Стеногр. отчет. М., 1944. С. 17, 31.
- ³⁹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 155.
- ⁴⁰ *Куманев Г.А.* Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941–1945. М., 1988. С. 211.
- ⁴¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 155.
- ⁴² Железнодорожный транспорт. 1944. № 7. С. 5.
- ⁴³ Гудок. 1944. 4 авг.
- ⁴⁴ Железнодорожный транспорт. 1945. № 2/3. С. 33; *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1968. С. 263.
- ⁴⁵ *Ковалев И.В.* Транспорт в решающих операциях Великой Отечественной войны. М., 1969. С. 36.

- ⁴⁶ *Куманев Г.А.* Указ. соч. С. 242.
- ⁴⁷ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1977. С. 239.
- ⁴⁸ Там же. С. 240.
- ⁴⁹ *Куманев Г.А.* Указ. соч. С. 252, 253.
- ⁵⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 398.
- ⁵¹ Там же. С. 399.
- ⁵² Советский речной транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1981. С. 288.
- ⁵³ См.: *Вайнер Б.А.* Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1989. С. 272.
- ⁵⁴ ИВИ. Инв. № 819. Л. 385.
- ⁵⁵ Там же. Л. 406, 407.
- ⁵⁶ Там же. Л. 408.
- ⁵⁷ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1979. Т. 10. С. 406.
- ⁵⁸ *Вознесенский Н.* Избр. произв., 1931–1947. М., 1979. С. 582–583.
- ⁵⁹ Там же. С. 592.
- ⁶⁰ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1982. Т. 12. С. 148.
- ⁶¹ Там же. Т. 8. С. 368.
- ⁶² Там же. Т. 9. С. 396.
- ⁶³ *Морехина Г.Г.* Рабочий класс – фронту. М., 1962. С. 372.
- ⁶⁴ *Кравченко Г.С.* Указ. соч. С. 235.
- ⁶⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 5. С. 406.
- ⁶⁶ История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 435.
- ⁶⁷ Днепрострой. 1944. 4 апр.
- ⁶⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 405.
- ⁶⁹ *Куманев Г.А.* На службе фронта и тыла. М., 1976. С. 308.
- ⁷⁰ *Ковалев И.В.* Железнодорожный транспорт в новой пятилетке. М., 1946. С. 8.
- ⁷¹ История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 10. С. 418.
- ⁷² *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 333.
- ⁷³ Там же. С. 351.

ИСПЫТАНИЕ И ВЕЛИЧИЕ НАРОДА

В настоящем очерке предпринята попытка расширить изучение жизни советских людей на заключительном этапе войны, деятельности государства в социальной сфере. Жизненный уровень народных масс охватывает широкий круг вопросов. В узком понимании он включает показатели, характеризующие доходы, потребности людей в питании, жилище, медицинском и социальном обеспечении. На завершающем этапе войны решение этих насущных задач, как и в предшествовавшие периоды войны, оставалось трудной проблемой.

В 1941–1943 гг. произошла существенная ломка уклада жизни всего общества страны. Сократились финансовые и продовольственные ресурсы. В 1944–1945 гг. усложнение социальных проблем было связано с возросшим объемом работ по обслуживанию участников войны и инвалидов, необходимостью оказания помощи жителям освобожденных от оккупации районов, миграцией населения (реэвакуации, репатриация). В результате ограбления, тактики “выжженной земли”, которую проводили агрессоры, миллионы советских граждан лишились самого необходимого.

На заключительном этапе войны увеличение объема национального дохода и изменение его структуры дали возможность в больших размерах направлять средства на решение проблемы народного потребления. В бюджете страны возросли ассигнования на социально-культурные мероприятия.

Государство в годы войны придерживалось распределения заработной платы и материальных благ по труду. Однако ограничение ресурсов, карточная система, спецобслуживание номенклатуры препятствовали полной реализации этого принципа. Существование льгот и привилегий партийно-бюрократического аппарата отразилось на распределительной системе 40-х годов, являющейся частью социальной политики государства. В то же время хозяйственные руководители на местах опирались на материальное и моральное стимулирование высоких показателей труда, повышающих заинтересованность каждого работника и коллектива в целом. В условиях, когда решалась судьба Отечества, для большинства людей не требовались меры принуждения. Они трудились с полной отдачей сил, чтобы приблизить долгожданный мир.

Вместе с тем следует признать, что применялись и чрезвычайные меры: закрепление для постоянной работы рабочих и служащих оборонных предприятий: трудовая мобилизация и др. Самовольный уход с военных заводов карался тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. Число осужденных по этой статье в 1944 г. составило 275 966 человек¹. Крайне медленно изживалась установка на достижение результата любой ценой за счет величайшего напряжения сил всего народа. Одним из распространенных проявлений этого было массовое применение сверхурочных работ и работы в выходные дни. Нередки были случаи, когда 14–15-летние подростки не только продолжали трудиться наравне со взрослыми в течение целой недели, но и привлекались к сверхурочным и ночным сменам, хотя в марте 1944 г. постановление СНК СССР установило для подростков моложе 16 лет гарантированный день отдыха и очередной отпуск продолжительностью 12 рабочих дней².

Преобладающая часть рабочих оплачивалась по сдельно-прогрессивной и повременно-премиальной системам. При разработке государственной политики в области заработной платы приходилось учитывать в определенной мере цены колхозного рынка и низкую покупательную способность рубля. В 1944 г. среднемесячная зарплата у рабочих союзной промышленности составляла 573 руб., а в 1940 – 375 руб. (в масштабе цен военных лет). А цены на базарах в среднем по СССР в апреле 1944 г. были следующие: 1 кг говядины – 244 руб., литр молока 52 руб., 1 кг пшеничной муки – 162 руб., пшеница – 199 руб. и т.д. В Москве стоимость продуктов питания на рынках подскочила еще выше. В государственной торговле были низкие цены на нормированные товары³.

Уровень оплаты был выше у тружеников оборонной и тяжелой промышленности. На увеличение заработной платы трудящихся оказывала влияние премиальная система. Доля премий в сумме заработка как рабочих, так и инженерно-технического персонала возросла. Материальное поощрение работников осуществлялось и в натуральной форме в связи с крайним дефицитом промышленных изделий. Получение костюма, платья или обуви было радостным событием в семье. С 1945 г. началась выплата компенсаций за неиспользованные отпуска.

В деревне в связи с ослаблением материально-технической базы совхозов и колхозов, сокращением людских ресурсов требовалось организовать труд работников и его оплату таким образом, чтобы максимально использовать имеющиеся резервы. Для работников совхозов денежная оплата в виде основной заработной платы и премий оказалась недостаточной для содержания семьи. Вводились натуральные формы поощрения труда. Рабочие совхозов стали получать зерно, мясо.

Для колхозников был повышен обязательный минимум трудодней. Каждый член сельскохозяйственный артели должен был выработать в год не менее 100–150 трудодней (в зависимости от района). Впервые вводился обязательный минимум трудодней для подростков. Колхозники, не выработавшие установленного минимума без уважительных причин, могли быть преданы суду и наказаны исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев⁴. Выдача денег и продуктов на трудодни резко уменьшилась.

Увеличилась трудовая нагрузка педагогов, врачей. Количество врачей в тылу сократилось наполовину. Деля все тяготы войны с народом, интеллигенция выполняла работу, не всегда связанную со своей профессией. Как и рабочие, научные сотрудники, преподаватели вузов, техникумов, школ, библиотекари привлекались к трудовой повинности, участвовали в отрядах ПВО, в организации санитарных постов. В тяжелое военное время оклады интеллигенции были увеличены незначительно. В науке средняя зарплата составляла 755 руб. в месяц⁵.

В военное лихолетье многие семьи, проводившие мужей на фронт, жили на заработок женщин. Труженицы тыла, освоив новые профессии, в том числе и “мужские”, повышали производственную квалификацию, работали сверхурочно, зарабатывая на жизнь и содержание детей.

На одном из авиационных заводов по шесть норм выполняла Валентина Щорс, дочь легендарного полководца гражданской войны. Она пришла на производство летом 1941 г., закончив педагогический институт. Женская фронтовая бригада моторостроительного завода в Сталинграде, созданная женами погибших воинов и руководимая П.С. Ковалевой, по производительности труда обогнала многие мужские бригады и была известна в городе. Своим героическим трудом женщины помогали фронту, родным и близким как на передовой, так и в тылу. Можно только преклоняться перед их мужеством.

Женщина в сельской местности стала таким же кормильцем семьи, как и муж-

чина. Женщина – мать, жена, дочь – становилась труженицей, защитником Отечества. Не случайно ее образ в годы Великой Отечественной войны стал символом матери-Родины, звавшей на разгром врага.

...Да разве об этом расскажешь –
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!
Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.

Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим...
За все ты бралась без страха
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой, и ткахой,
Умела – иглой и пилой⁶.

По-прежнему в 1945 г. первоочередную значимость имела проблема обеспечения народных масс продуктами питания. Продовольственная база СССР была чрезвычайно сужена. Валовая продукция сельского хозяйства страны в 1945 г. составляла 60% к уровню 1940 г. Объем производства в пищевой промышленности уменьшился на 50%⁷.

В городах и рабочих поселках основные продукты и промышленные изделия отпускались по карточкам с дифференцированными нормами для различных слоев общества. Преимущественным правом пользовались работники оборонного комплекса и топливной промышленности, снабжавшиеся хлебом по первой категории. По нормам снабжения все население делилось на 4 группы: рабочие и приравненные к ним лица; служащие; иждивенцы; дети до 12 лет включительно.

Уровень потребления на душу населения в военное время значительно снизился, и в первую очередь по таким продуктам, как сахар, мука, мясо. Особенно тяжелое положение сложилось в прифронтовой полосе и на освобожденной территории. Пайка многим не хватало. Люди умирали от голода и болезней, связанных с недоеданием. Военные действия на территории 8 союзных республик согнали с родных мест огромные массы людей.

По мере того как Красная Армия продвигалась на Запад, а экономика набирала темпы, расширялись и возможности удовлетворения спроса населения. В 1944 г. увеличились рыночные фонды продуктов питания, предназначенные для продажи населению, снижение наблюдалось только по таким видам продуктов, как мука и сельдь. Большая часть рабочих и инженерно-технического персонала в городах снабжалась по повышенным нормам. Так, в конце 1944 г. нормы хлеба от 600 до 1000 г получали в городах более 60% всех рабочих и ИТР, а нормы 500 г – менее 40%⁸. В 1945 г. начали восстанавливаться нормы снабжения хлебом, действовавшие до ноября 1943 г., когда произошло их временное снижение в связи с неурожаем зерна.

Кроме категорийных и общих норм карточного обеспечения хлебом и группой других продовольственных товаров в централизованном снабжении действовали еще 7 норм: особо повышенные, повышенные, особого списка, г. Москвы, торфопредприятий и т.д. Вводились и различные виды дополнительного довольствия (второе горячее питание, сухие пайки, обеды руководящим работникам в спецстоловых, холодные завтраки и т.д.). Продовольственный стимул действовал и в научно-исследовательских институтах, конструкторских бюро, учреждениях образования, системе ГУЛАГ. Исходили из важности и срочности правительственного задания либо из условий труда. Снабжение, продовольственный стимул умело использовался властью для достижения более высокой производительности труда. Общая численность гражданского населения СССР, находившегося на государственном снабжении хлебом, составила в 1944 г. 73,9 млн человек, а 1945 г. – 80,6 млн человек.

Дополнительным источником удовлетворения спроса советских людей в потребительских товарах была коммерческая торговля. С 15 апреля 1944 г. в Москве, а затем в Ленинграде, Киеве, Свердловске и других крупных городах была введена свободная продажа продовольственных и промышленных товаров по более высоким ценам в специальных магазинах и ресторанах. Открытая торговля без карто-

чек решала следующие задачи: обеспечение высокооплачиваемых групп населения товарами сверх установленных норм, улучшение ассортимента и качества выпускаемых изделий. В 1945 г. коммерческая торговля велась в 26 городах. Количество видов товаров увеличилось за год с 1599 до 2080⁹.

Коммерческая торговля отвлекала часть платежеспособного спроса от колхозного рынка и благодаря этому способствовала пополнению государственных денежных запасов. Нарком финансов А.Г. Зверев вспоминал: «Иногда внезапно возникла ситуация, когда срочно требовалось пополнить казну крупной денежной суммой, а взять ее было неоткуда. Тут на помощь приходила продажа по “коммерческим” ценам товаров, пользовавшихся спросом. Выручал нас, как правило, нарком внешней торговли А.И. Микоян... Не раз и не два проводили мы пополнение бюджета таким образом... Слова “на нужды фронта” были в те дни волшебными»¹⁰.

Население деревни, непосредственно связанное с сельским хозяйством, на государственное снабжение не принималось. Централизованные фонды хлеба и некоторых других товаров выделялись только для сельской интеллигенции (учителей, медицинских работников, агрономов, зоотехников и др.), а также для инвалидов Отечественной войны и эвакуированных. Этим категориям граждан в деревне хлеб и другие продукты отпускались по талонам и спискам, но из-за острого дефицита эта форма распределения продуктов применялась не везде. Карточки в сельской местности не вводились. Тяжелой была крестьянская жизнь в советской стране. Оплата трудодня была мизерная, а в некоторых колхозах отсутствовала полностью. Натуральная оплата трудодня в РСФСР уменьшилась в 2–3 раза¹¹.

От общественного хозяйства колхозник стал получать меньше 200 г зерна и около 100 г картофеля в день – это стакан зерна и одна картофелина. А мясо, масло, молоко практически не распределялись. В 1945 г. колхозниками было получено лишь 80% “определенных к выдаче” зерна и картофеля! Существовал остаточный принцип оплаты трудодней. При этом следует иметь в виду, что рыночная покупательная способность денег упала в десятки раз. Оплата трудодней могла лишь частично удовлетворить потребности крестьянской семьи, поэтому все большее значение в ее жизни приобретало личное подсобное хозяйство. Оно в среднем на 85–90% восполняло недостачу продуктов, которые не производились в колхозах и не выдавались по трудодням, в наиболее тяжелые для страны годы.

В 1945 г. наблюдался значительный рост посевов зерновых, как следствие резкого снижения выдачи хлеба по трудодням. Как и раньше, личное животноводство и птицеводство было единственным источником поступления для жителей деревни мяса, молока, яиц. Но обеспеченность крестьянских семей этими продуктами не улучшилась, поскольку значительная часть мяса, молока, яиц, равно как и продукция с личного огорода, продавалась колхозниками на рынке или обменивалась на товары промышленного производства. Это вызывалось острой потребностью в последних, ибо государственная торговля для огромной массы сельских жителей оказалась закрытой.

Таким образом, основу питания крестьянского населения составили такие продукты, как хлеб, картофель, овощи, молочные изделия. Но хлеб содержал добавки в виде тертого картофеля, отрубей. Картофель ели и на завтрак, и в обед, и за ужином. Но в иных местах и этих продуктов было мало, тогда в пищу употребляли лебеду. Из крестьянского рациона почти исчезли продукты промышленного производства: сахар, кондитерские изделия, консервы.

В обстановке постоянной неустойчивости рыночных цен и многократного падения покупательной способности денег колхозники предпочитали товарообмен (меновую торговлю). Председатель колхоза имени А.С. Пушкина Топчихинского района Алтайского края Кузнецова рассказывала о том, как в деревню на машинах приезжали представители заводов Барнаула. Они привозили продукцию, изготов-

ленную во внеурочное время (вилы, лопаты, проволоку, гвозди, другие изделия, необходимые крестьянам). За это им отдавали муку, картофель, яйца, масло¹².

Начиная с 1944 г., по мере восстановления сельского хозяйства, развития огородничества рабочих и служащих, рыночные цены на продовольствие стали заметно снижаться, и в 1945 г., по сравнению с 1943 г., они уменьшились в 2,3 раза¹³. Однако и эти цены были высоки. Продажа даже небольшой части картофеля, овощей, молока или мяса на рынке не только покрывала потребности крестьян в денежных расчетах с государством, но и вела к накоплению денежной наличности в сельской местности, которую трудно было реализовать. Тем самым сложились несоответствие между покупательной способностью денег и колхозно-рыночными ценами. Если горожане могли реализовать зарплату или отоваривание карточек, но в большинстве своем были ограничены в денежных средствах, то сельчане, наоборот, располагая денежными средствами, в основной своей массе не могли пользоваться централизованным снабжением. Государство стремилось смягчить это несоответствие.

Важным фактором в улучшении обслуживания тружеников тыла было общественное питание. Контингент лиц, пользующихся столовыми, буфетами, ресторанами, фабриками-кухнями, увеличился с 10–11 млн в 1940 г. до 25 млн в 1944 г. Среди них были главным образом рабочие и служащие крупных городов, железнодорожники, строители, рабочие совхозов. Но, несмотря на расширение сети предприятий общественного питания, их не хватало. На заседании коллегии Наркомторга СССР в декабре 1944 г. отмечался недостаток предприятий общественного питания в таких городах, как Куйбышев, Иваново, Новосибирск и др. Они слабо привлекали дополнительные виды продовольственного сырья, не имели необходимых запасов продуктов, что сокращало возможности улучшения питания трудящихся. В Москве – крупнейшем промышленном и научном центре, где в 1943 г. работа сферы обслуживания отставала от возросших потребностей города в связи с увеличением численности жителей, в 1944 г. положение несколько улучшилось. Московский обком профсоюза работников высшей школы и научных учреждений заслушал на своем заседании итоги обследования столовых для научных сотрудников, преподавателей и студентов¹⁴. Проверка проводилась и в 1945 г. Строгий контроль системы общественного питания был оправдан и давал положительные результаты.

Однако пища была малопитательной и скудной. Употреблялось меньше чем до войны мясных и рыбных изделий и больше дешевых – овощных и мучных. Использовались грибы, водоплавающая дичь, дикорастущие травы. К их сбору привлекались школьники и учителя. Широко применялись, особенно в Ленинграде, заменители пищевых продуктов (жмых, отруби, солодовое молоко и т.д.). Из овсяных отрубей варили кисели, а из дрожжей – супы. Напиток из хвои в шутку называли “лимонным соком”. Помощь в изыскании заменителей оказывали и ученые.

В тяжелом положении находились многие молодые рабочие, проживавшие вдали от родственников, в общежитиях. Питаясь в заводских столовых, они часто имели горячую пищу только один раз в сутки вместо трех. Учащиеся системы трудовых резервов получали продовольственные товары в столовых по установленным нормам. Плохое питание, неустроенность быта вынуждали молодежь совершать прогулы, самовольно покидать предприятия, ремесленные училища и школы ФЗО. А директора вместо заботы ограничивались применением административных и судебных мер, не всегда разобравшись в существе дела.

Вопросы экономного расходования продовольствия, контроля за бытовыми условиями молодых кадров, сферой услуг в 1944–1945 гг. стали чаще рассматриваться высшими государственными и партийными органами, профсоюзами. За недобросовестную работу, отсутствие оперативности и инициативы был снят с должности нарком торговли Чувашской АССР Г. Никитин. Вопрос о деятельности наркома торговли Казахской ССР К. Омарова был обсужден на заседании коллегии Наркомторга СССР¹⁵. В апреле 1944 г. бюро ЦК КП(б) Киргизии заслушало док-

лад уполномоченного Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) о результатах проверки распределения продуктовых карточек в Киргизии. Стало известно, что в республике органами НКВД был арестован ряд групп, производивших печатание и продажу карточек¹⁶. В РСФСР по результатам проверок и выявленным злоупотреблениям с карточками было передано в судебно-следственные органы более тысячи дел¹⁷.

В 1945 г. материальное благосостояние населения по сравнению с первыми военными годами несколько улучшилось. Это было результатом общего изменения положения в стране, а также осуществления социальных мероприятий государства. Источником увеличения производства продуктов питания в военное время были подсобные хозяйства. Только в системе отделов рабочего снабжения (орсов) промышленных предприятий в 1945 г. имелось 231,3 тыс. подсобных хозяйств. Основными районами, где они возникали, были Восток и Центр страны¹⁸. Подсобные хозяйства, созданные при высших учебных заведениях, играли немалую роль в улучшении питания студенчества и профессорско-преподавательского состава. ВЦСПС, ЦК отраслевых профсоюзов, фабрично-заводские комитеты принимали меры к повышению рентабельности подсобных хозяйств. Вложенные капиталы, усилия рабочих, домохозяек позволили поднять урожайность и продуктивность скота.

Освоение новых площадей требовало огромной затраты сил. Учитывая, что наличие свободных земель на горных склонах Урала и в таежных районах Сибири было ограничено, приходилось выкорчевывать часть лесных массивов, а на освобожденной территории нужно было разминировать поля, очищать их от осколков снарядов и трофейной техники. Из всех районов Сибири и Дальнего Востока самое широкое развитие подсобные хозяйства получили в Кузбассе. Среди горняков Кузбасса был популярным лозунг: “Каждой шахте – свое картофельное поле!”

За 1942–1945 гг. в подсобных хозяйствах страны продукция картофеля возросла почти в 3,5 раза, овощей – в 4,8, молока – в 2,5 раза¹⁹. Хотя валовой доход хозяйств возрастал, но качественные показатели, особенно в животноводстве, не везде были удовлетворительными. Одновременно в 1944–1945 гг. ГКО, СНК СССР приняли меры по расширению продовольственной базы вокруг крупных промышленных центров и мобилизовали трудящихся на выполнение поставленных задач.

Улучшение питания горожан достигалось путем развития огородничества. 19 февраля 1944 г. Совнарком СССР издал постановление “О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 г.”²⁰ Наилучших результатов в 1944 г. добились ЦК профсоюзов работников авиационной промышленности и тяжелого машиностроения. В городах Урала и Сибири были организованы поезда, отвозившие людей на отдаленные участки. В цехах заводов изготовлялся инвентарь. Инициативные руководители, думающие о человеке не только как о “кадрах” и “рабочей силе”, изыскивали местные возможности обеспечения коллектива продуктами питания. Например, директор Магнитогорского металлургического комбината Г.И. Носов сумел добиться для рабочих выделения пашни, превышающей тысячу гектаров. Для обработки земли использовались трофейные танки, с которых снимались башни. Горючим для них служил бензол, который вырабатывался в коксохимическом цехе. Об опыте мастеров высоких урожаев информировали многотиражки, фотовыставки. Профиздат, Сельхозгиз выпускали в помощь огородникам справочники, плакаты. Многие убеждались, что самообеспечение – дело реальное.

В Ленинграде под огороды использовали каждый участок пригодной земли, даже у Исаакиевского собора и на Марсовом поле. Это было удобно для ослабевших людей. Вот что вспоминает учительница Н. Никольская: «Школа получила огородные участки в Летнем саду... На грядках были посажены капуста, морковь, свекла, укроп. В каникулы мы, учителя, работали в “своем” Летнем саду. Иногда нас застигал там артобстрел»²¹.

Индивидуальные и коллективные огороды в 1944 г. имели 16,5 млн рабочих и служащих. Значение урожая, собранного в то голодное и суровое время, трудно переоценить. Овощи при нехватке хлеба выручали рабочие семьи. В победном 1945 г. было собрано 2556 тыс. т картофеля и овощей²². Огородничество в стране стало массовым.

Часть продуктов питания в количестве 4 324 429 т Советский Союз получил по ленд-лизу из США, были поставки из Канады и Англии. Наиболее значительное место занимал импорт по таким продуктам питания, как тушенка, яичный порошок, зерно. Продукты поступали и из Монгольской Народной Республики. Наш народ ценит помощь, оказанную бывшими союзниками.

На освобожденной территории налаживание снабжения продовольствием, товарами повседневного спроса было непереносимым условием нормализации жизни и развертывания восстановительных работ. При оккупационном режиме и при отступлении фашисты разрушили там хлебозаводы, торговую сеть. Из фондов, выделенных союзным правительством, только в 1944 г. в БССР было завезено и продано жителям продовольственных и промышленных товаров на сумму 700 млн руб.²³

На Украине среди населения, перенесшего всю тяжесть оккупации, к началу 1945 г. по карточкам снабжалось свыше 10,5 млн человек²⁴. Но продукты питания, товары широкого потребления поступали в продажу в недостаточном количестве. Велики были растраты и хищения государственной собственности. В прокуратуре и судах УССР было заведено более 600 дел на виновных лиц²⁵.

На имевшие место недостатки в работе торговых и снабженческих организаций остро реагировал государственный аппарат, профсоюзы. Ужесточались меры наказания лиц, виновных в хищении, спекуляции. Многие граждане были осуждены по суровым законам военного времени.

Говоря о работе в районах, подвергшихся оккупации, следует отметить такие негативные факты, как подозрительность отдельных руководителей к освобожденным соотечественникам. Некоторые из них, хотя не были виновны в том, что остались на оккупированной территории, карались за измену Родине. В анкетах государственных учреждений появился пункт "Были ли Вы или Ваши ближайшие родственники в плену или интернированы в период Отечественной войны, где, когда, при каких обстоятельствах освобождены?". Появился и пункт "Были ли Вы во время войны на оккупированной территории".

Подозрительность и недоверие проявлялись к репатриантам, особенно к бывшим советским военнопленным, испытавшим все ужасы фашистских концлагерей. К началу октября 1945 г. из-за границы на Родину вернулось около 4,1 млн человек. На практике сплошь и рядом права репатриированных советских граждан ущемлялись. Уже летом 1945 г. в ЦК ВКП(б), СНК ССР и другие органы пошел поток писем от репатриантов с жалобами на несправедливое к ним отношение, проявлявшееся в разных формах²⁶.

Широкую помощь освобожденным районам, репатриантам оказывали тыловые регионы, союзные республики. Из Казахстана, Узбекистана, Башкирии, Сибири, Урала, Москвы, Ленинграда, со всех концов страны шли на Украину, в Белоруссию, Молдавию эшелоны с заводским оборудованием, лесом, продовольствием, предметами первой необходимости. Благодаря трудящимся Закавказья за помощь, ставропольцы писали: "В бедствии познается народная дружба. Вы оказываете нам неоценимую поддержку, делитесь с нами всем, что у вас есть. Нет слов, чтобы выразить то чувство благодарности, которое мы испытываем к вам..."²⁷. Помогали переносить горе и лишения взаимовыручка родственников и соседей, милосердие простых людей.

В СССР были также установлены дифференцируемые нормы отпуска населению промышленных изделий. Они были введены во всех городах и рабочих поселках. В число нормированных товаров вошли все виды тканей, обувь, швейные изделия, трикотаж, часы, мыло и некоторые другие предметы повседневного спроса.

Право на покупку в закрытой торговле предоставлялось только по результатам труда. Особенно острую нужду в этих товарах испытывали эвакуированные, беженцы, жители освобожденных районов. Как обычная одежда стали использоваться шинели и полушубки, гимнастерки и бушлаты, которые переходили от раненых воинов и инвалидов к другим членам семьи. Возобновились домашнее ткачество, изготовление простейшей обуви. Таким образом, бедствия войны отразились не только на пище, но и на одежде населения, его облике и всем бытовом укладе.

Снабжение непродовольственными товарами сельского населения осуществлялось через потребительскую кооперацию, членом которой являлась почти каждая крестьянская семья. Они продавались в магазинах и лавках потребкооперации по талонам. Но обзавестись одеждой, обувью, тканями было исключительно трудно. Например, на одного члена семьи в 1942–1944 гг. приходилось не более полуметра ткани, обуви – на два человека одна пара²⁸. Ущерб, причиненный войной потребкооперации, хищение материальных ценностей сильно осложнили осуществление мер по улучшению материального обеспечения крестьянства. Основную часть необходимых товаров приходилось закупать на рынке, где цены сильно возросли.

Тяжелое материально-бытовое положение народа объяснялось не только военными обстоятельствами, административно-командной системой управления, но и нарушениями законности и принципа социальной справедливости. В 1944–1945 гг. только число осужденных не по политическим мотивам составило 198 357 человек²⁹.

Скудный паек и повышенная физическая нагрузка вели к высокой смертности заключенных, которая была в несколько раз выше, чем в 1940 г. В 1944 г. нормы питания заключенных ГУЛАГа по сравнению с 1942 г. были увеличены. Но даже и после этого они были ниже довоенных (по калорийности) примерно на 30%³⁰.

Начальник Главпромстроя НКВД СССР, а затем нарком целлюлозно-бумажной промышленности СССР Г.М. Орлов вспоминал, что на его предложение увеличить надбавку к пайку эков – строителей Куйбышевского авиационного завода Берия ответил отказом. Норма жилья на одного заключенного в 1944 г. составляла 1,8 кв.м, а в конце 1941 г., в связи с эвакуацией осужденных из угрожаемых районов, она едва достигала 1 кв.м. На 1 июля 1944 г. в СССР насчитывалось 1,2 млн заключенных³¹.

В местах лишения свободы отстраненные от активной борьбы с фашистскими агрессорами осужденные вносили свой трудовой вклад в достижение превосходства над врагом. Деятельность ГУЛАГа охватывала 17 отраслей, в том числе лесной комплекс, металлообработку и машиностроение, швейную и текстильную промышленность, топливодобывающие отрасли и т.д.³².

На спецпоселении в трудных условиях с ограниченными гражданскими правами жили раскулаченные крестьяне, депортированные народы (немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, крымские греки, турки-месхетинцы, курды, хемшилы). А адаптация стоила им физического здоровья. Многие погибли еще в пути к новому месту жительства. Ответственность за трагическую судьбу сотен тысяч переселенцев лежит на И.В. Сталине и его окружении. На своих прежних местах жительства эти люди могли бы принести больше пользы для страны, и были бы сохранены многие жизни.

Прибывшим в восточные регионы обездоленным женщинам, старикам, детям помогла выстоять братская помощь соседних народов. Проявляя человеческую доброту, сострадание, местные жители оказывали переселенцам посильную помощь в устройстве на новых местах, вселяли надежду и веру в торжество справедливости.

Важнейшей государственной задачей военного времени была забота о семьях защитников Родины. Многие семьи остались без кормильца, дети становились сиротами. Ежегодно в целом по стране расходовались большие средства на пенсии и пособия, хотя их размеры и были невелики. В городе сумма пособия составляла от 100 до 250 руб. в зависимости от числа нетрудоспособных в семье, в сельской мест-

ности – 50% этой суммы. Кроме пенсий и пособий были предоставлены льготы по налогам, квартплате и т.д.³³

Материальную и моральную поддержку семьям участников войны оказывали общественные организации, церковь, миллионы советских граждан. В стране проводились месячники, декады, недели помощи малообеспеченным семьям военнослужащих, во время которых шел сбор средств, продуктов, одежды. Так, по инициативе жителей Свердловска в 1944 г. по всей стране прошли воскресники помощи семьям фронтовиков. Во время одного из них молодежь предприятий легкой, текстильной и местной промышленности Азербайджана выработала 100 тыс. м ткани, 1 тыс. пар белья, 75 тыс. комплектов одежды и обуви. Все это было передано детям защитников Родины. На средства, собранные комсомольцами, тысячи детей были обеспечены обувью³⁴. В России за 1943–1944 гг. в детсады и ясли было определено около 1 млн детей солдат и офицеров³⁵. Проявляя милосердие, люди проводили сбор пожертвований для малоимущих. В Москве активно работал совет жен фронтовиков.

Благодаря благотворительным акциям этого совета наиболее нуждающиеся получали бесплатно продовольствие, одежду, обувь, собранные жителями столицы. При его помощи десятки тысяч женщин и подростков начали трудовую жизнь в коллективах предприятий и учреждений, получили индивидуальные огороды. Тысячи активисток из женсоветов, созданных в различных населенных пунктах страны, посещали квартиры бедных людей, помогали матерям в устройстве ребят в государственные учреждения, в приобретении профессии.

Государство оказывало помощь инвалидам войны, ежемесячно выплачивая им пенсии по 150 руб., предоставляя льготы по обеспечению жилплощадью, бесплатному обучению в техникумах и вузах, уделяя внимание их трудоустройству. Тяжелых судеб было немало. 2576 тыс. солдат и офицеров стали инвалидами. В Российской Федерации в начале 1945 г. их на учете состояло 1 139 668 человек³⁶. Работающим на предприятиях и в учреждениях сохранялась выплата пенсии независимо от размера их заработка, работающим в колхозах – независимо от размера их дохода.

Главное в работе по обслуживанию инвалидов войны заключалось в том, чтобы за общими цифрами видеть и знать их конкретные нужды. Человеческим и гражданским долгом сотрудников отделов социального обеспечения являлась забота о каждом пострадавшем от фашистской агрессии.

В результате деятельности государственных и общественных организаций к началу 1944 г. было трудоустроено около 910 тыс. инвалидов войны³⁷. Многие из них прошли переобучение, хотя нелегко в зрелом возрасте менять профессию, образование. Для воинов, проливших кровь за Родину и желающих перейти на полное государственное обеспечение, были открыты сотни домов инвалидов. Так, к лету 1943 г. в системе Наркомсобеса РСФСР их имелось 323. Десятки таких учреждений были открыты в других союзных республиках. Трудно теперь сказать, какую бездну горя, какие муки пришлось пережить изувеченным людям. Сюда передавались пожертвования соотечественников и заграничные подарки, поступавшие через общество Красного Креста и Красного Полумесяца. В 1945 г. в Сталинград с благотворительной миссией приезжала Клементина Черчилль.

С каждым годом войны увеличивалось число инвалидов, нуждающихся в протезировании, лечении, переобучении. Поэтому Секретариат ВЦСПС 8 июля 1944 г. принял постановление “Об улучшении работы профсоюзных организаций по трудовому устройству и бытовому обслуживанию инвалидов Отечественной войны”. Внимание фабрично-заводских и местных комитетов было обращено на необходимость улучшения производственных, жилищных условий, медицинского и культурного обслуживания инвалидов, контроля за соблюдением установленных для них льгот³⁹. Людям помогали не только материально, но и добротой, сочувствием.

В трудовые коллективы и общественные организации поступало немало писем от солдат и офицеров с благодарностью за заботу и внимание к людям, оказавшимся в беде. С московского завода “Красный богатырь” ушел на защиту Отечества рабочий Ходюков. Дома остались жена и четверо ребят. Его письма были полны тревоги за семью. Заводчане навестили родственников бойца, отремонтировали квартиру, отправили письмо Ходюкову, сообщив, что дома все в порядке. И таких примеров немало⁴⁰.

На местах большинство сотрудников системы социального обеспечения отличались добросердечием, но были и бюрократы, придерживавшиеся “директивной” политики. В Наркомате социального обеспечения РСФСР за бездушно-бюрократическое отношение к семьям военнослужащих и инвалидов была снята с должности наркома А.П. Гришакова, за злоупотребления преданы суду заведующие общесобесами Кировской, Челябинской и Омской областей.

Ветеранам, проживающим в сельской местности, помощь оказывалась через колхозные кассы общественной взаимопомощи. Создавались дома для престарелых за счет общественных фондов колхозов.

Вместе с тем имелись и серьезные искажения социальной политики. В течение всей войны на основе приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г. лишались пособий и льгот, предоставляемых семьям фронтовиков, родственники солдат, командиров и политработников, попавших в плен и считавшихся предателями Родины⁴¹. Такой подход ни в моральном, ни в юридическом плане нельзя оправдать. И по сей день наше государство остается в большом долгу перед ветеранами, особенно перед инвалидами, потерявшими здоровье при защите его свободы.

Из средств, ассигнованных государством на социально-культурные мероприятия, часть суммы расходовалась на оказание помощи многодетным и одиноким матерям. Президиум Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г. утвердил Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня”, учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”»⁴².

В соответствии с Указом от 8 июля 1944 г. многодетные матери стали получать пособие начиная с рождения третьего и на каждого следующего ребенка, тогда как раньше пособия полагались многодетным при рождении седьмого и каждого следующего ребенка. Повысился и размер пособия. Они стали выплачиваться и одиноким матерям. Увеличивался отпуск до и после родов с 63 дней до 77 дней. Предусмотрена была выдача пайка будущим матерям и т.д.⁴³ Уже во второй половине 1944 г. количество женщин, получающих государственное пособие, выросло почти в 2 раза⁴⁴.

Война принесла большое горе детям, лишив их родителей. Фонд помощи детям пополнялся средствами, собранными коллективами и частными лицами различных национальностей, заработанных на воскресниках, во время месячников помощи детям защитников Отечества. В целом по стране в период войны для детей фронтовиков было собрано значительное количество обуви, одежды, белья, различного продовольствия, 273 млн руб.⁴⁵

Создавались новые детские дома, суворовские военные и ремесленные училища. Только в 1944 г. в СССР было устроено в детские дома, школы фабрично-заводского обучения, ремесленные училища и на работу 598,2 тыс. сирот⁴⁶. Однако состояние большинства детских домов было тяжелым: не хватало питания, одежды, обуви, инвентаря и т.д. Руководители детских домов обращались за помощью в СНК СССР, ВЦСПС. Профсоюзы взяли шефство над детскими домами наркоматов просвещения республик. Всего к концу войны в Советском Союзе имелось около 6 тыс. детдомов, 350 тыс. детей, по неполным данным, воспитывались в семьях трудящихся⁴⁷. Жительница украинского города Ровны А.А. Деревская

приняла в свой дом 30 сирот. Подвиг ее был отмечен орденом Трудового Красного Знамени, а 20 марта 1974 г. ей было посмертно присвоено почетное звание “Мать-героиня”.

Тысячи сирот в годы Великой Отечественной войны стали “сыновьями полков” и вместе с бойцами прошли дорогами войны сотни километров. Еще не достигнув совершеннолетия, ребята достигали таких высот мужества, что оказывались достойными орденов и медалей. Это про них сказал поэт Ю. Воронов:

Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом –
Паспорта⁴⁸.

Советская страна протянула руку помощи детям зарубежных стран, в том числе испанским детям, когда их родина была объята огнем гражданской войны. Они попали из этой войны в Великую Отечественную. Детские дома для испанских детей находились в эвакуации в Челябинской, Кировской областях, Башкирской АССР, Алтайском крае. Врачи, педагоги, воспитатели заменили ребятам родителей, помогли устроиться в жизни. А жизнь у многих из них сложилась нелегко, даже драматично. Тем не менее испанские друзья сохранили память о стране, где прошли их детство и юность, и искреннюю благодарность людям, принявшим участие в их судьбе.

Возвратившиеся из фашистской неволи сироты – бывшие узники концлагерей – росли в детских домах, отдыхали в пионерлагерях, лечились в больницах. Но в годы сталинского правления нередко и дети-репатрианты попадали в разряд “неблагонадежных”. Многие из них, покидая детдом, с трудом находили работу, средства для пропитания. Строчка в автобиографии “находился в гитлеровском концлагере” закрывала перед молодыми людьми двери техникумов и вузов. И они стали скрывать свое прошлое, которым могли гордиться: подростками они участвовали в Сопротивлении, в борьбе подпольных организаций узников концлагерей наравне со взрослыми.

Вспоминая опаленное войной детство, страдания в Майданеке и Бухенвальде, И.Ф. Купченко так писал о возвращении на родную землю: «В 1945 г. вернулся я домой, понес в районное КГБ свидетельство о пребывании в фашистских лагерях, там молодой лейтенант и спрашивает: “А почему тебя не расстреляли?” Схватил я со стола чернильницу и облил его. Бросили меня в подвал. Наутро уже другой майор Сорокотяга допрашива. Умный оказался человек, понял все, впоследствии помог мне в жизни, к таким, как я, было недоверие какое-то глупое»⁴⁹.

Война подорвала здоровье людей. Напряженный труд для фронта, фашистская оккупация, ранения, психологические нагрузки увеличили заболеваемость. Многие нуждались в серьезном лечении. Почти каждый ленинградец, переживший блокаду и голод, нуждался во врачебном наблюдении и длительном лечении. Но у государства, как и в мирное время, не хватало средств на развитие социальной сферы. Остаточный принцип финансирования социальных мероприятий сохраняется до настоящего времени.

Гражданская система здравоохранения испытывала трудности, вызванные призывом в армию значительной части медиков, большим ущербом на оккупированной территории. Число больничных коек (без госпиталей), резко сократившись в 1941–1942 гг., в 1944 г. достигло 728 тыс., что составляло 92% довоенного уровня, число врачей (без стоматологов) – 108,5 тыс. или 77%⁵⁰. Основное внимание органов здравоохранения было сосредоточено прежде всего на том, чтобы спасти жизнь раненых солдат и командиров.

Были разрушены сотни больниц, поликлиник, расхищено оборудование. Гро-

мадный урон был нанесен всемирно известным курортам Кавказа и Крыма, в том числе детской здравнице – Артеку. Восстановление лечебной сети в городах и селах проходило медленно.

Следствием боевых потерь, повышением заболеваемости гражданского населения, гибели от голода и других неблагоприятных условий жизни было повышение смертности в период войны, особенно в ее первый период. В 1942 г. общие коэффициенты смертности гражданского населения России (без учета боевых потерь и гибели людей на оккупированной территории) по отношению к 1940 г. возросли на 22%, а в городах – на 52%. Это самым непосредственным образом отразилось на демографической ситуации, сложившейся в России в послевоенные десятилетия.

Обращает на себя внимание большая младенческая смертность. Наиболее высокие ее показатели были в областях массового размещения эвакуированных семей (Свердловская, Кировская, Горьковская, Омская) и на освобожденной территории. В течение 1943–1945 гг. благодаря принятым мерам правительства наблюдалось снижение смертности. В деревне уже с 1945 г. в связи с ростом рождаемости наблюдался естественный прирост населения⁵¹.

Медики, мужественно выполняя свой профессиональный долг, спасали жизнь и возвращали в строй миллионы раненых воинов, старались уменьшить заболеваемость гражданского населения, предупреждали на фронте и в тылу возникновение эпидемий. В тылу важно было обеспечить надлежащим медицинским обслуживанием коллективы оборонных предприятий. Поэтому на заводах создавались медико-санитарные части (МСЧ), которые принимали профилактические и противоэпидемиологические меры.

На заключительном этапе войны органам здравоохранения страны, исполкомам местных Советов в большей мере приходилось заниматься восстановлением лечебно-профилактической сети и других медицинских учреждений в разоренных фашистами районах, где наблюдалась сложная эпидемиологическая обстановка. На Украине с февраля по декабрь 1944 г. было зарегистрировано 340 тыс. случаев острых инфекционных заболеваний. Благодаря энергичным мерам органов здравоохранения и Общества Красного Креста и Красного Полумесяца очаги эпидемий были быстро ликвидированы⁵².

Постепенно в результате общих усилий врачей, ученых-медиков, профсоюзов обстановка нормализовалась, улучшались условия работы и отдыха. Труд людей этой благородной профессии был высоко оценен Родиной. Ордена и медали были вручены свыше 116 тыс. врачей, фельдшеров, медсестер, а 43 медика удостоены звания Героя Советского Союза⁵³.

Пагубное влияние на здоровье трудящихся оказали тяжелые жилищно-бытовые условия, особенно на освобожденной территории. Варварскому разрушению подверглись города Новгород, Смоленск, Сталинград, Орел, Курск, Минск, Киев и т.д. Тысячи сел и деревень были стерты с лица земли. На опустошенной, выжженной земле 25 млн человек остались без крова. Они ютились в землянках, в развалинах домов. Бывший нарком по строительству С.З. Гинзбург, посетивший Сталинск (ныне Донецк) в марте 1944 г., вспоминал: “Утром сквозь завесу тумана из окна вагона был виден город с высокими строениями. Можно было подумать, что здесь не было боев. Но вот туман рассеялся, и перед глазами предстали освещенные мартовским солнцем мертвые, выжженные скелеты домов с зияющими проемами окон... Вдоль улиц тянулись ряды мертвых домов. Эта картина была странна какой-то призрачностью...”⁵⁴.

Опаленная огнем сражений земля еще не успевала остывать, как население включалось в борьбу за возрождение. Энергичные меры для нормализации жизни в освобожденных районах принимало командование фронтов: ликвидировались пожары, разминировались дома и улицы, оказывалась помощь в обеспечении населения едой. Широким фронтом развернулись восстановительные работы методом на-

родной стройки по примеру бригады добровольцев Сталинграда, руководимой А.М. Черкасовой. В Сталинграде в 1944 г. трудилось свыше тысячи черкасовских бригад, которые после рабочего дня на производстве выходили на строительные площадки города⁵⁵. Рабочие и служащие, деятели науки и культуры, студенты, домохозяйки участвовали в возрождении родных городов. Ленинградцы после рабочей смены восстанавливали разрушенные за годы блокады жилые дома, школы, парки и дворцы. За 4–5 месяцев 1944 г. женщины города на Неве отработали на его восстановлении 6 млн человеко-часов и отремонтировали сотни квартир и общественных зданий⁵⁶.

В РСФСР в 1945 г. с землянками покончили в 9 областях, в том числе в Псковской, Смоленской, Калужской⁵⁷. И все же с жильем было очень трудно и в освобожденных и в тыловых районах. В восточном регионе, куда прибыли миллионы эвакуированных и беженцев, семьи жили в бараках, общежитиях с двухъярусными койками. Недоставало мебели, инвентаря, воды и топлива. Жилой фонд находился в запущенном состоянии. Местные советы для возведения жилья использовали местные ресурсы. К строительным работам привлекались военнопленные и заключенные. Но часто задуманное не выполнялось по вине многих руководителей, которые не проявляли должной заботы о людях.

Для военного времени характерно строительство общежитий, что объяснялось большим притоком на производство мобилизованной молодежи, потерявшей связь с семьями. В общежитиях было холодно, неудобно, поэтому часть рабочих оставалась жить в цехах. В некоторых городах заботу о благоустройстве общежитий взяли на себя фабрично-заводские комитеты, домохозяйки, проявившие внимание к эвакуированным, молодым рабочим.

Жилые помещения были плохо оборудованы необходимыми санитарно-гигиеническими устройствами. Дома строились в городах в основном малоэтажные, без наружных отделочных украшений. Более ускоренными темпами велось строительство домов с удобствами в Москве. Управление по делам архитектуры, возглавляемое известным архитектором Д.Н. Чечулиным, использовало зарубежные достижения. Средняя норма на человека по городам Российской Федерации к 1945 г. составляла 4,5 кв.м, а в отдельных городах и того меньше, особенно в Поволжье, на Урале (Куйбышев, Саратов, Челябинск, Свердловск), в освобожденных от оккупации районах.

В 1944–1945 гг. сотни тысяч москвичей участвовали в заготовке торфа и дров. В осеннюю распутицу и зимний холод, не жалея сил, они перевыполняли установленные нормы, чтобы обогреть не только свой дом, но и школы, больницы, где лечились фронтовики и труженики предприятий. Это был настоящий трудовой подвиг.

В сельской местности дома, возведенные в это время, были чаще всего небольшими и недостаточно благоустроенными. Крыши редко покрывали железом, на Украине для этого использовалась солома, в средней полосе России – дранка. Из-за недостатка стекла окна делали небольшими. Деревни и вовсе не благоустраивались. Многие районные центры были в запущенном состоянии. Больницы, клубы располагались в ветхих зданиях, не имели радио, бани работали редко. Улицы сел заросли бурьяном. Восстановление разрушенного сельского жилищного фонда шло медленно.

Война сказалась на развитии городского транспорта и коммунального хозяйства. Средства передвижения работали с огромными нагрузками, не хватало электроэнергии, топлива.

Урон, причиненный агрессором Советскому Союзу, составлял около 30% его национального богатства. Огромный ущерб был нанесен имуществу граждан. Война разрушила семьи, множество сирот осталось беспризорными. Но годы суровых испытаний памятливы не только разорением и потерями, голодом и холодом, они вошли в историю как великий подвиг советского народа в борьбе с фашизмом. Люди

в тылу мужественно преодолевали лишения и невзгоды, жили и работали с мыслью “Все для фронта! Все для победы!”.

Переносить трудности быта и личное горе помогали благотворительность и милосердие. При крайнем недостатке материальных благ не было дефицита человечности среди простых людей. Благотворительной деятельностью в СССР в рамках различных комиссий, комитетов, фондов занимались представители разных поколений, социальных групп и национальностей.

Война продемонстрировала огромный духовный потенциал народа. Анализируя уроки Великой Отечественной войны, необходимо подчеркнуть удивительный контраст нищенского быта населения и несокрушимую силу воли. Высокая духовность военного поколения, унаследованная от отцов и дедов, была одним из источников победы в 1945 г. Люди, дорого заплатившие за многонациональную Родину, жившие небогато в тесноте коммуналок и бараков, заслуживают значительно большего внимания государства.

¹ Всероссийская Книга памяти: Обзорный том. М., 1995. С. 320.

² *Кнышевский П.Н.* Государственный Комитет Обороны: Методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53, 54.

³ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. сб. М., 1990. С. 198, 199.

⁴ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 310, 311.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп. 81. Д. 231. Л. 7 (Далее: ГАРФ).

⁶ *Исаковский М.* Соч. М., 1951. Т. 2. С. 104–105.

⁷ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 6, 79–82, 93.

⁸ *Чернявский У.Г.* Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. М., 1964. С. 74.

⁹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 202; Российский государственный архив экономики. Ф. 7971. Оп. 3. Д. 349. Л. 15; Д. 928. Л. 183, 184 (Далее: РГАЭ).

¹⁰ *Зверев А.Г.* Записки министра. М., 1973. С. 210, 211.

¹¹ История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3. С. 356, 357.

¹² *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 353.

¹³ *Любимов А.В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 116.

¹⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 799. Л. 6.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 1062. Л. 35.

¹⁶ Там же. Оп. 5. Д. 227. Л. 9.

¹⁷ Там же. Д. 226. Л. 4; Д. 231. Л. 7.

¹⁸ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1797. Л. 32. (Далее: РЦХИДНИ).

¹⁹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 1047. Л. 107–120.

²⁰ *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья, 1941–1945. Вып. 1. М., 1994. С. 89.

²¹ Непокоренный Ленинград. Л., 1974. С. 399.

²² ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 129. Л. 52.

²³ *Супрун М.Н.* Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы второй мировой войны // Отечественная история. 1996. № 3. С. 51. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 3. Д. 329. Л. 12, 13.

²⁴ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Киев., 1975. Т. 3. С. 236, 237.

²⁵ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 3. Д. 328. Л. 276.

²⁶ История СССР. 1990. № 4. С. 34, 39, 40; Россия. 1995. № 5–6. С. 183–192.

²⁷ *Цкитишвили К.В.* Закавказье в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Тбилиси, 1969. С. 371.

²⁸ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 1045. Л. 10–12.

²⁹ Россия. 1994. № 1–2. С. 109, 110.

³⁰ ГАРФ. Коллекция документов.

³¹ Воен.-ист. журн. 1991. № 1. С. 23.

- 32 Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 5; Вопросы истории. 1994. № 6. С. 189, 190.
- 33 Правда, 1941. 27 июня; СП СССР. 1943. № 12. Ст. 214.
- 34 *Мадатов Г.А.* Азербайджан в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1975. С. 252.
- 35 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 25. Д. 565. Л. 13.
- 36 Там же. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 169. Л. 2; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 140.
- 37 ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 460. Л. 2.
- 38 См.: *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. 2-е изд. М., 1985. С. 245, 246; ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 351. Л. 23.
- 39 В помощь фабрично-заводским и местным комитетам. М., 1944. № 7–8. С. 46; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 1982. Л. 2, 3.
- 40 Всероссийская Книга памяти. С. 323.
- 41 Воен.-ист. журн. 1988. № 9. С. 23–28.
- 42 История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 378.
- 43 Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 16 июля.
- 44 История СССР. 1985. № 3. С. 115; *Тамарченко М.Л.* Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М., 1967. С. 121, 122.
- 45 Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 762.
- 46 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 377.
- 47 *Синицын А.М.* Указ. соч. С. 391, 394.
- 48 *Воронов Ю.* Блокада: Книга стихов. М., 1982. С. 89.
- 49 Семья. 1989. № 9. С. 5.
- 50 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 213, 214.
- 51 Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграции. М., 1994. С. 99, 103, 104.
- 52 История СССР. 1985. № 5. С. 116.
- 53 Гриф секретности снят... С. 138.
- 54 Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Кн. 2. С. 154.
- 55 Вопросы истории. 1985. № 4. С. 94–99; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1792. Л. 1, 2.
- 56 *Мурманцева В.С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1979. С. 61.
- 57 ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 1800. Л. 3.

ЯПОНИЯ НАКАНУНЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ВОЙНУ С СССР

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ ТОКИО

Японцы встречали 1945 г. в состоянии глубокой депрессии. Многие государственные и политические деятели видели безысходность войны. В новогоднем послании к народу император Хирохито признал тяжелое военное положение страны. Эфир приносил горькие новости. Только что японские войска покинули стратегически важный о-ов Лейте. Поражения на Филиппинах резко ухудшали для Японии военно-стратегическую обстановку на Тихом океане. Создавалась реальная угроза прекращения доставки нефти и других сырьевых ресурсов с юга, а войска оказались отрезанными от метрополии. В первые дни января 1945 г. посол СССР в Японии Я.А. Малик, анализируя развитие событий, записал в дневнике: “Перед правящими кругами Японии все отчетливее встает роковой вопрос – что делать?”. 5 января он отметил: “Кабинет генерала В. Койсо скоро вынужден будет уйти в отставку”¹.

Это показала и открывшаяся 26 декабря 1944 г. сессия парламента, на которую не был приглашен дипломатический корпус. Император присутствовал на ней всего 14 минут. Прочитав свое послание, он тотчас покинул парламента. Депутаты были охвачены тревогой за судьбу страны. Премьер Койсо заявил о намерении провести сессию ускоренно и упрощенно. Доклад военного министра маршала Х. Сугиямы отличался краткостью: он вынужден был сообщить о скрывавшихся до сих пор поражениях японских вооруженных сил и отступлении на Филиппинах и в Бирме. Исключением являлся театр военных действий в Китае, где японцы заняли несколько крупных городов. Им удалось продвинуться на 1600 км, взять в плен 250 тыс. солдат, захватить 1200 орудий. В целом же военный министр заявил, что положение исключительно серьезно. Морской министр адмирал М. Ионай нарисовал безотрадную картину, признав полное господство американского флота на море и авиации США в воздухе.

Наблюдая за работой сессии парламента, посол Малик писал: “Господство в воздухе и на море утрачено японцами безвозвратно. Инициатива вырвана у них из рук”². Япония не выдержала состязания с военной промышленностью США – таково было мнение посла, отражавшее суровую реальность.

Сессия парламента, продолжавшаяся пять дней, проходила в условиях обострения и ухудшения внутреннего и внешнеполитического положения страны. В обществе росло смятение, в высших официальных кругах – неуверенность и разногласия. Политика кабинета Койсо вызывала общее недовольство.

Во время работы сессии парламента посол записал в дневнике: “В стране царит беспокойство и смятение, понижение боевого духа, ослабление веры в победу, прямой страх перед грозой и непреодолимой силой противника”. И далее он констатировал: “Царит грызня, идейный разброд и организационный разлад”³. Некоторые депутаты требовали отставки кабинета Койсо и замены его правительством “сильной политики”. Парламент ограничился утверждением огромного бюджета в

100 млн иен. Была провозглашена программа чрезвычайных мер. В области внешней политики Япония оказалась в состоянии международной изоляции. “Никакой помощи ей ждать не от кого и неоткуда”⁴, – так охарактеризовал Малик итоги сессии парламента и в целом ситуацию в стране.

Лидеры антигитлеровской коалиции в это время заканчивали последние приготовления к встрече в Крыму, к обсуждению стратегий ведения войны в Европе и Азии и устройства послевоенного мира. Большое место в повестке дня должен был занять вопрос о вступлении СССР в войну против Японии. На протяжении всего 1944 г. американские дипломаты на встречах с советскими представителями при каждом удобном случае стремились затронуть эту тему. 14 декабря 1944 г. И.В. Сталин в беседе с американским послом в Москве А. Гарриманом изложил политические условия вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Он высказал пожелание о восстановлении прав СССР на ранее утраченную Россией территорию Южного Сахалина, а также на Курильские острова и прав, которые она имела до русско-японской войны 1904–1905 гг. в Маньчжурii⁵.

Два дня спустя, 16 декабря, глава американской военной миссии в Москве генерал Дж. Дин обсуждал с начальником Генштаба генералом армии А.И. Антоновым вопросы о сотрудничестве военно-морских флотов и авиации двух стран на Дальнем Востоке. Конкретно речь шла о проведении военными представителями США рекогносцировки на Камчатке и на р. Амур⁶.

28 декабря 1944 г. Комитет по делам Дальнего Востока при госдепартаменте закончил изучение послевоенного статуса Курильских островов и сформулировал свои рекомендации правительству США. Члены Комитета проанализировали возможные претензии заинтересованных сторон – СССР, США и Японии – и предложили компромиссное решение. Они признавали, что Курилы имеют важное стратегическое значение для всех трех стран, но особенно важны для Советского Союза, так как являются барьером, прикрывающим доступ к Охотскому морю и к побережью Приморского края. Для США их значение определяется географическим положением на пути из Японии в Америку, так как они составляют своеобразный мост между Японией и Аляской. Для Японии Курилы представляют как военно-стратегическую, так и экономическую ценность.

Комитет рекомендовал оставить южную группу островов за Японией, над центральной и северной группами островов установить контроль международной организации. Для этой цели она может привлечь СССР. Но вполне возможно, что Советский Союз потребует все Курильские острова, для чего ему даже придется вступить в войну. Комитет предлагал уступить Советскому Союзу северную и центральную гряды Курильских островов как компенсацию за его вступление в войну против Японии. США и их военное командование должны получить морские базы на Курилах для развертывания военно-морских операций в этом регионе⁷.

По разработанному к началу 1945 г. американским командованием плану высадка войск союзников на Японские острова должна была состояться 1 ноября – на о-ов Кюсю. В случае ее успеха 1 марта 1946 г. планировалась высадка на о-ов Хонсю. Накануне Крымской конференции Объединенный комитет начальников штабов США и военное командование Великобритании на совещаниях 30 января – 2 февраля 1945 г. на о-ве Мальта подтвердили дату окончания войны с Японией – через 18 месяцев после поражения Германии⁸. Завершение войны предусматривалось к концу 1946 г. Такое планирование объяснялось тем, что к началу 1945 г. в японской армии насчитывалось около 6 млн человек в сухопутных войсках и авиации. На вооружении армий находилось 10 тыс. самолетов, около 500 боевых кораблей. Войска же США и Великобритании на Тихом и Индийском океанах и в Юго-Восточной Азии насчитывали всего 1,8 млн военнослужащих, авиация – 5 тыс. самолетов⁹. Такое соотношение сил и средств исключало быструю победу США и Великобритании. Необходимо было перебрасывать на Дальневосточный театр военных действий дополнительно значительные вооруженные силы.

10 января 1945 г. президент Ф. Рузвельт, беседуя с бывшим послом США в Москве Дж. Девисом о предстоящей Крымской конференции, обратил особое внимание на советско-американские отношения, дальневосточные проблемы и создание международной организации по обеспечению длительного всеобщего мира. А это возможно, сказал президент, только при сотрудничестве и взаимопонимании стран и народов, при учете реальных факторов. Между тем у У. Черчилля, заметил он, иное видение мира, и нередко он мыслит категориями прошлого¹⁰. 10 дней спустя посол Гарриман в беседе с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым сообщил, что президент хотел бы на конференции обсудить со Сталиным политические и военные вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку. Госсекретарь Э. Стеттиниус признал, что в Крыму делегация США прежде всего хотела определить время вступления СССР в войну против Японии¹¹. Это признание соответствовало действительности. Рузвельт непрестанно думал о предстоявших военных операциях на Дальнем Востоке, о том, сколь кровопролитными они будут на земле собственно Японии.

Условия вступления СССР в войну против Японии разрабатывались советской стороной уже с 1943 г. – с Тегеранской конференции руководителей трех держав. 4 сентября 1943 г. была создана Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства. Возглавлял ее заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов. Комиссией была проведена большая работа по подготовке проектов мирных договоров.

Активное участие в подготовке конференции в Ялте принимал член комиссии, заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский, который несколько лет курировал проблемы Дальнего Востока.

15 января 1945 г. Лозовский направил Сталину докладную записку под названием “Англо-американские планы в войне СССР против Японии”¹². В записке обращалось внимание на то, что правительства США и Великобритании занимают сдержанную позицию по этому вопросу, но американские сенаторы и конгрессмены часто выступают с речами и заявлениями, вопрошая, почему Советский Союз не помогает США в войне против Японии? Английская и американская пресса старается использовать малейший повод для того, чтобы опубликовать статьи, выражая недовольство отказом советского правительства предоставить американцам воздушные и военно-морские базы для борьбы против Японии. В китайской печати, говорилось в записке, постоянно ведется кампания за скорейшее вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. “В Китае государственные и политические деятели спят и видят, как бы втянуть Советский Союз в войну против Японии”. Американская печать предлагала даже прекратить поставки по ленд-лизу, если Советский Союз не выступит против Японии. 11 ноября 1944 г. руководитель бюро по мобилизации военных ресурсов США Дж. Бэрнс в выступлении в г. Колумбия (штат Южная Каролина) заявил: “Если Россия присоединится к союзникам в борьбе против Японии, ее участие в войне уменьшит лежащую на нас задачу, уменьшит наши потери”¹³.

Каким в этих условиях должно быть поведение Советского Союза? – ставил вопрос Лозовский. Он считал, что приближается время, когда можно будет аннулировать Портсмутский договор со всеми его территориальными, политическими и экономическими последствиями, т.е. вернуть Южный Сахалин, Порт-Артур, Китайско-Восточную (КВЖД) и Южно-Маньчжурскую (ЮМЖД) железные дороги, ликвидировать советско-японские рыболовные конвенции, поставить вопрос о возвращении Курильских островов, “без владения которыми мы будем отрезаны от Тихого океана”¹⁴. Но как это сделать? По мнению замнаркома, нужно выиграть время, отложить урегулирование всех этих вопросов. Рузвельт и Черчилль вряд ли официально поставят на конференции вопрос о выступлении СССР против Японии. Скорее они ограничатся свободным обменом мнений и скажут, что им нужны военные базы на советском Дальнем Востоке, в противном случае война еще более затянется.

Союзники могут намекнуть, писал Лозовский, что “наше участие в разрешении судеб Японии, Китая и Кореи и всех тихоокеанских проблем будет зависеть от степени и размеров нашего участия в войне против Японии”. В ответ советская делегация может сказать, что СССР намерен придерживаться договора о нейтралитете 1941 г. вплоть до истечения его срока. До разгрома Германии СССР не склонен прибегать к осложнениям во взаимоотношениях с Японией и только после окончания войны в Европе будет готов обсудить с США и Великобританией тихоокеанские вопросы с учетом интересов трех великих держав. При такой позиции СССР союзники вряд ли могут прекратить поставки по ленд-лизу. “Таким ответом, – заканчивал докладную записку Лозовский, – оттянули бы весь вопрос еще на один год, а к концу 1945 г. можно будет занять более определенную и более ясную позицию и по этому вопросу”¹⁵.

Итак, Лозовский считал, что не следовало проявлять поспешность, и рекомендовал внимательно наблюдать за развитием событий на Дальнем Востоке, за ходом военной операции и поведением Японии. Война в Азии, полагал он, могла продлиться еще значительное время – год или полтора. Вследствие этого изменилась бы обстановка и наступили бы более благоприятные условия для урегулирования ряда спорных вопросов с Японией.

Предложения Лозовского, как члена Комиссии по вопросам послевоенного устройства мира, во многом совпадали с идеями, изложенными И.М. Майским, в то время замнаркома иностранных дел, в его большой докладной записке под названием “О желательных основах будущего мира”, адресованной Молотову. Она была подготовлена 11 января 1944 г. вскоре после Тегеранской конференции. В записке пространно говорилось о возможном послевоенном устройстве мира и планах Советского Союза в Европе и Азии. Этот документ, длительное время хранившийся в архиве Президента РФ, только недавно полностью опубликован¹⁶. Майский, как замнаркома иностранных дел и член Комиссии по вопросам перемирия, возглавлявшейся К.Е. Ворошиловым, высказал свои соображения и по Японии. Он писал: “СССР не заинтересован в развязывании войны с Японией, но он очень заинтересован в военном разгроме Японии, ибо без этого последнего условия нельзя рассчитывать на длительный мир в Азии. Но союзники официально, по-видимому, поставят вопрос о вступлении Советского Союза в войну на Дальнем Востоке лишь после поражения Германии. Наибольшую активность в этом, очевидно, будут проявлять США”. Майский предлагал в этом случае применять тактику искусного маневрирования, дабы “избежать открытого вовлечения нас в войну с Японией”. “Пусть американцы и англичане ее разгромят, понесут человеческие и материальные потери... Это было бы также нашим реваншем за позицию англо-американцев в вопросе о втором фронте”.

Касаясь определения границ СССР на Дальнем Востоке, Майский рекомендовал добиваться возвращения Южного Сахалина и передачи Курильских островов. “Я не считаю, что для этого нам обязательно необходимо участвовать в войне с Японией. Вполне допустимо, что на мирной конференции при генеральном межвоенном картры мира и сложном маневрировании великих и малых держав СССР мог бы получить только что названные объекты, не сделав ни одного выстрела на Дальнем Востоке, – конечно при неременном условии, что США и Англия действительно разгромят Японию”.

Как видим, рассуждения Лозовского были менее категоричны, чем рекомендации Майского. Возникает вопрос, знал ли Лозовский о докладной записке Майского, был ли знаком с ее содержанием? Есть основания ответить на него утвердительно. Впрочем, неизвестно, каких взглядов придерживался сам Майский спустя год после составления своей записки, беседовал ли Молотов с ним по изложенным в записке послевоенным проблемам, что думал Майский как участник конференции в Ялте, когда Большая тройка обсуждала дальневосточные проблемы. На эти вопросы исследователям еще предстоит ответить.

Во всяком случае Майский советовал занять выжидательную позицию вплоть до выяснения ситуации. Тезис о вступлении СССР в войну против Японии не был конкретно сформулирован. Надо подождать – таков был лейтмотив его докладной записки. Между тем Сталин и Молотов по-иному видели решение этой проблемы. Они, как свидетельствуют документы и их беседы на конференциях и с официальными лицами США и Англии, рассчитывали на активное участие СССР в дальневосточной войне. Без этого было невозможно, по их мнению, укрепление позиций Советского Союза и расширение его влияния в Азии. Они считали, что события требуют решительных и безотлагательных действий после разгрома Германии.

На Крымской конференции Большой тройки советская делегация согласилась обсудить вопрос о военно-политическом положении на Дальнем Востоке, выработать и подписать официальный документ с изложением условий вступления Советского Союза в коалиционную войну в Азии. В секретном соглашении между правительствами СССР, США и Великобритании, принятом на конференции, предусматривалось вступление СССР в войну против Японии через два–три месяца после капитуляции Германии. Условиями вступления в войну были сохранение статус-кво Внешней Монголии, восстановление принадлежавших России прав, нарушенных нападением Японии в 1904 г., а именно – возвращение южной части о-ва Сахалин, интернационализация торгового порта Дайрена, восстановление прав на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР, совместная эксплуатация Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, передача Советскому Союзу Курильских островов. СССР должен был заключить с Китаем при содействии США пакт о дружбе и союзе в целях освобождения страны от японского ига.

Характерно, что Рузвельт, ознакомившись с предложениями советской стороны еще в конце 1944 г., бросил реплику: “Русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто”¹⁷. Черчилль также соглашался с этим¹⁸.

Во время конференции Рузвельт в беседе со Сталиным откровенно сказал о нежелательности высадки американских войск на Японские острова. Это будет сделано, отметил он, только в случае крайней необходимости: “На островах у японцев имеется 4-миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако, если подвергнуть Японию сильной бомбардировке, то можно надеяться, что все будет разрушено, и таким образом, можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова”¹⁹. Декларация Крымской конференции широко обсуждалась во всем мире. Японские газеты опубликовали текст декларации 14 февраля. В комментариях отмечалось, что конференция прошла под знаком успехов советской дипломатии и лично Сталина. Рузвельт и Черчилль вынуждены были сделать уступки в польском и югославском вопросах. Высказывались предположения о возможной совместной войне трех держав против Японии.

На следующий день премьер-министр Койсо созвал экстренное совещание высших сановников с участием принца Ф. Коноэ, барона К. Хиранумы, бывших премьер-министров К. Хироты и Х. Тодзио. Оно длилось три часа. Посол Малик записал в дневнике: “Японцы весьма обеспокоены решениями Крымской конференции, на них она произвела несравненно более тревожное и гнетущее впечатление, чем Тегеранская”²⁰. Дипломаты в Токио пытались узнать что-либо у сотрудников советского посольства о решении конференции, но тщетно. Впрочем никто из них не знал о подписании секретного соглашения.

15 февраля вице-премьер иностранных дел Ф. Миякава посетил Малика и затронул вопрос о международном положении, опубликованной Декларации Крымской конференции и японо-советских отношениях. В прошлом Миякава был советником в японском посольстве в Москве. Его интересовали возможности выступления СССР в роли посредника между Японией и США и Великобританией в достижении перемирия. По его мнению, СССР все более подпадает под влияние политики США и Великобритании. Малик опроверг это, подчеркнув самостоятельность и

независимость во всех вопросах внешней политики и дипломатии советского правительства, внимание которого устремлено к Европе. На слова собеседника об ожидающих Японию тяжелых испытаниях Малик напомнил ему о критическом положении Советского Союза в июле 1941 г. и беседе в эти дни главы внешнеполитического ведомства Японии И. Мацуоки с полпредом СССР в Токио К.А. Сметаниным. Мацуока тогда надменно заявил: “Союз с Германией является основным курсом внешней политики Японии, и если Германия обратится с просьбой к Японии, то последняя должна будет учесть эту просьбу”. Эти слова были сказаны человеком, поставившим в апреле 1941 г. подпись под советско-японским пактом о нейтралитете. Услышав это от Малика, Миякава смутился и удивленно переспросил: неужели Мацуока так сказал? Малик подтвердил²¹.

21 марта у Малика состоялись беседы с двумя влиятельными представителями делового мира Японии – рыбопромышленниками Танакамару и Хирацукой. Первый из них был близок к министерству иностранных дел, иногда его называли “внештатным советником”. В неофициальной беседе с послом он вдруг с увлечением стал говорить о регионализме, о делении мира на четыре сферы: Европа, Америка, Азия и Африка. И тут же поставил вопрос: зачем Америке лезть в Европу? Малик решительно отклонил такой подход. США, отметил он, помогают свободолюбивым народам Европы бороться против гитлеровской тирании, их участие в европейской войне вполне оправданно. Суждения Танакамару о том, что СССР мог бы решить европейские проблемы без Америки и Англии и без их предстоящего обсуждения на международной конференции в Сан-Франциско, вызвали, по меньшей мере, удивление посла. Они свидетельствовали о наивности и ограниченности Танакамару²². Миллионер Хирацука оценивал ситуацию более трезво. Он сказал: положение Японии исключительно тяжелое, и войну надо кончать, быть может, в июне²³.

25 марта американцы высадились на трех небольших островах, расположенных вблизи о-ва Окинава. Их целью было создать удобный и близкий плацдарм для проведения бомбардировок Японии с воздуха. Сообщение об этом потрясло страну, тем более что за несколько дней до него, 21 марта, японцы потеряли стратегически важный о-в Иводзима. Командующий войсками гарнизона передал предсмертную радиограмму: «Наши солдаты гибнут один за другим вследствие непрерывных атак противника. Все боеприпасы вышли, нет воды. С громким “банзай” и вместе с офицерами и солдатами идут в последний бой».

1 апреля американские войска высадились на Окинаве. Готовясь к защите от бомбардировок, правительство приняло срочные и чрезвычайные меры, эвакуировав из крупных городов население. В Токио осталась всего половина жителей. авиация США начала наносить мощные удары по жизненным центрам Японии. Только с 5 марта до начала апреля в результате “ковровых бомбардировок” было уничтожено свыше 1,2 млн домов и десятки тысяч мелких, средних и крупных предприятий. Военный потенциал страны резко упал. Сократилось производство вооружения, самолетов, в стране были закрыты школы. Учащиеся мобилизовывались на трудовой фронт. Сократилось пассажирское движение на железных дорогах. 23 марта был принят закон о создании отрядов для строительства оборонительных сооружений. В армию призывались даже подростки до 17 лет. Провозглашен был лозунг превратить страну в “неприступную крепость”.

Усилия кабинета Койсо, поставившего своей целью добиться единства командования и правительства, оказались тщетными. Декларация единения народа, провозглашенная в 1943 г., также осталась пустым обещанием. В обществе действовали центробежные силы. Премьер-министру Койсо недоставало решимости и быстроты: он потерял уверенность и силу воли. Характерно, что первый секретарь посольства СССР А.П. Коробочкин, проанализировав положение страны на основании обзора японской печати, сделал 31 марта 1945 г. вывод: “Можно ожидать, что выход Японии из войны будет фактом в ближайшем времени”²⁴. Наблюдая за раз-

витием событий – политических, экономических и военных, посольство в одном из обзоров сообщало: «Настроение японцев подавленное. Власти опасаются возможных народных волнений и “рисовых бунтов”. Давно созрели условия отставки Койсо»²⁵.

Еще 3 февраля газета “Асахи” в передовой статье отмечала: “Надежды на войну как легкую прогулку потерпели крах”. У народа, познавшего ужасы войны и все ее тяготы, пропало доверие к правительству. Росли пораженческие настроения, недовольство и глухой ропот. Военные неудачи, нарастание напряженности в стране сопровождались внешнеполитическими провалами, что имело место при поисках перемирия с Чан Кайши в 1944 г., зондаже насчет укрепления отношений с СССР и возможности перемирия с США и Великобританией.

ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ ВОЙНЫ

5 апреля 1945 г. в 19 часов 30 минут радио сообщило об отставке кабинета Койсо. Она должна была открыть дорогу более сильному правительству. Действительными причинами явились кризисное состояние экономики и общества, высадка американцев на о-ов Окинава, сокрушительные бомбардировки городов Японии. Сыграл свою роль и другой фактор. Отставка кабинета Койсо произошла в день денонсации правительством СССР советско-японского договора о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. Это было серьезным предупреждением правительству Японии о том, что продолжение Японией войны против союзников СССР неизбежно приведет Токио к поражению.

Заявление наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова о денонсации договора было помещено во всех японских газетах. Их комментарии были подчеркнуты спокойными. Отмечалось, что договор будет сохранять силу в течение года и пока нет оснований для особого беспокойства. В то же время власти Токио запросили дополнительную информацию от посла в Москве Н. Сато. В близких к правительству кругах стали говорить о его смене, о необходимости проведения более гибкой, продуманной и осторожной политики в отношении СССР, о направлении туда опытного и авторитетного дипломата с широкими полномочиями и решительным намерением во что бы то ни стало улучшить отношения между Токио и Москвой.

Формирование нового кабинета было проведено быстро. Лорд-хранитель печати К. Кидо после консультации с высшими сановниками тайного совета рекомендовал на пост премьер-министра адмирала К. Судзуки. Ему было почти 80 лет. Власть досталась ему слишком поздно. Он, видимо, не ждал ее. Его кабинет в большинстве своем состоял из бесцветных людей.

Судзуки призывал, как и его предшественники генералы Тодзио и Койсо, к продолжению войны, мобилизации всех сил для обороны страны, к единению народа, армии и флота. Новый премьер-министр и его ближайшее окружение понимали обреченность страны, и основным их помыслом, наряду с призывами к продолжению войны и защите от вторжения американских войск, было стремление безотлагательно принимать конкретные шаги к выходу Японии из войны.

Некоторые дипломаты называли правительство Судзуки “Ноевым ковчегом”. Оно было призвано проводить двойную стратегию: с одной стороны, вести войну, с другой – готовиться к поражению и поискам выхода из нее путем компромиссного мира с США и Великобританией. Наблюдательный Малик отмечал, что кабинет Судзуки, провозглашая продолжение войны до победного конца, “равно способен убедить и доказать бессмысленность ведения войны, если будет решено капитулировать”. Через некоторое время он, скорее всего, “капитулирует, возьмет на себя всю тяжесть вины за поражение и капитуляцию”²⁶. Престарелый адмирал будет настойчивее, чем Койсо, искать политические пути выхода из войны.

7 апреля, в день прихода к власти правительства Судзуки, состоялось формирование 1-й и 2-й объединенных армий и объединенной авиационной армии для обороны метрополии. 25 апреля был учрежден главный штаб военно-морских сил для руководства боевыми операциями.

Политики, дипломаты и аналитики определили кабинет Судзуки как правительство с военной вывеской, но с мирным содержанием, занятое поисками немедленного и безотлагательного выхода из войны, но при обязательном условии – избежать безоговорочной капитуляции, которая подорвала бы авторитет императорской власти. Наиболее желательный и возможный путь – посредничество СССР, обеспечение его нейтралитета. Тем более важно не допустить вступления СССР в войну на Дальнем Востоке.

Правительство Японии понимало, что в сложившейся ситуации кардинально решить с СССР все назревшие вопросы невозможно. Но в то же время, считая министра иностранных дел С. Того “просоветским”, оно надеялось, что он обеспечит нейтралитет СССР, создаст перед США и Англией хотя бы внешнюю видимость начала переговоров между Токио и Москвой и тем самым в некоторой степени облегчит Японии решение главной задачи – добиться перемирия с США и Англией.

Перед кабинетом Судзуки императором была поставлена задача в области внешней политики: во-первых, обеспечить нейтралитет Советского Союза, не допустить его военного выступления против Японии; во-вторых, постараться найти выход из войны политическими средствами – путем установления контактов с США и Англией.

Оценивая военно-политическое положение страны и политику кабинета Судзуки, Малик писал 28 апреля: “Вопрос об абсолютной необходимости выхода Японии из войны будто бы решен японцами окончательно и бесповоротно. Остается только определить наиболее благоприятный момент и изыскать наиболее приемлемые пути для этого. Главным желанием Японии по-прежнему остается выскользнуть из войны, избежав безоговорочной капитуляции”²⁷.

20 апреля Того встретился в своей официальной резиденции с послом Маликом. Он напомнил, что был одним из инициаторов заключения договора о нейтралитете. Денонсация договора советским правительством весьма огорчительна. Того хотел бы лично встретиться с Молотовым, если тот будет возвращаться после конференции в Сан-Франциско в Москву через Берингов пролив и Сибирь. Вряд ли Молотов, заметил Малик, изберет такой маршрут, ибо на этой трассе частые густые и глубокие туманы. Скорее всего, он предпочтет рейс через Атлантический океан²⁸.

Того вел беседу сдержанно и официально. Никаких конкретных предложений о японо-советских отношениях и положении Японии в мире и в Азии он не выдвинул. Все его рассуждения, сожаления по поводу денонсации договора о нейтралитете, пожелание встретиться с Молотовым свидетельствовали об осторожных поисках выхода Японии из войны.

В это время вести из Европы для Токио были удручающими. Японская пресса их почти не комментировала, ограничиваясь лишь пространными сообщениями корреспондентов из Берлина, Цюриха, Лиссабона, Стокгольма. В них констатировалось: Германия накануне краха, ее положение угрожающе, скоро окончательно решится исход войны в Европе. Вслед за поражением Германии наступит черед Японии.

25 апреля 1945 г. состоялось открытие конференции объединенных наций в Сан-Франциско. Накануне конференции, 20 апреля, японский Высший совет по руководству войной принял документ, в котором говорилось о том, чтобы умелой пропагандой постараться разбить союз США, Англии и СССР или подорвать решимость Вашингтона и Лондона вести в дальнейшем войну²⁹. Через три дня министр Того заявил представителям императорской ставки: “Если Японии удастся одер-

жать победу на Окинаве, Советский Союз и другие страны увидят, что у Японии еще имеются значительные резервы военной мощи. Воспользовавшись подобной ситуацией, можно будет построить фундамент для нашей дипломатии, которая находится в тупике”³⁰.

В тот же день поспешно было созвано совещание аккредитованных в Токио послов восточноазиатских стран. Министр Того выступил с пространной речью, заявив, что основной целью Японии является обеспечение стабильности в Восточной Азии, преодоление всех трудностей и достижение победы. В это, пожалуй, не верили не только участники встречи, но, не исключено, и сам министр.

Напомним, что цели войны были изложены японским правительством в совместной декларации восточноазиатских стран, опубликованной в ноябре 1943 г. В ней говорилось об установлении “нового порядка”, который включал “совместное процветание стран Азии”, их политическое равенство, освобождение народов от колониальной зависимости, экономическое сотрудничество между ними и развитие связей. Все эти широкообещательные обещания были провозглашены в связи с конференцией США, Англии и Китая, состоявшейся в Каире в том же ноябре. Многие народы стран Азии поверили в них, но вскоре горько разочаровались. Этот документ носил лишь пропагандистский характер.

Японская пресса широко комментировала материалы совещания послов восточноазиатских стран, призывала к твердой решимости продолжать борьбу против США и Великобритании. Послы и посланники марионеточных правительств, созданных японскими властями, продолжали выступать с заверениями в верности Японии, своей, как они выражались, “старшей сестре”, Тщетны были их призывы придерживаться пяти принципов восточноазиатской декларации, провозглашенной в ноябре 1943 г., разговоры о чувстве дружбы к Японии. Видя жестокою реальность, участники совещания, тем не менее, приняли резолюцию об объединении сил для борьбы против США и Великобритании. Целью встречи явилось желание успокоить возбужденную общественность, продемонстрировать мнимое единство стран Восточной Азии и, главное, скрыть истинное тяжелое положение Японии.

17 апреля газета “Асахи” в передовой статье констатировала пассивность и неудачи политики и дипломатии Японии. В ней отмечалось, что совместная декларация 1943 г. не смогла объединить народы Азии. Прошло полтора года, и никто не стремился реализовать изложенные в ней принципы. В действительности народы убедились, что война принесла им только неисчислимые страдания и разрушения. Они оказались обманутыми. Потому никакими резолюциями невозможно изменить ход событий: дипломатия оказалась бессильной. Совещание послов продемонстрировало политическую ограниченность, неэффективность и практическую безрезультативность внешнеполитических средств и шагов, предпринимавшихся министерством иностранных дел Японии.

Оценивая результаты совещания послов, Малик с полным основанием заметил: “Японцы состряпали это совещание наспех, приказали послам выступить по японским шпаргалкам, не дав им возможности даже получить инструкции от своих правительств”³¹.

Никакого значения совещание не имело. Все было напрасно. 25 апреля в японских газетах были опубликованы материалы о громадных разрушениях городов от американских авианалетов. Более 770 тыс. домов сгорело, пострадало свыше 3 млн жителей. Опубликование этих страшных цифр должно было оказать воздействие на общественность страны. “Это необходимо кабинету Судзуки, – отмечал Малик, – на случай необходимости принятия прямых шагов к выходу Японии из войны. Подготовка общественного мнения к мысли о невозможности дальнейшего сопротивления”³².

К маю 1945 г. Япония оказалась в полной международной изоляции. Многие европейские страны порвали с ней отношения. Испания, представлявшая интересы

Японии в Европе, и та заявила о разрыве с ней дипломатических отношений. 4 мая японское правительство обратилось к Швеции, но Стокгольм согласился представить интересы Японии только в четырех странах.

Весна приносила в Токио одно за другим печальные известия, как с полей сражений, так и из далекой Европы. В связи с капитуляцией Германии в стране чувствовалась растерянность в правительственных и военных кругах. Пресса опубликовала подробные сообщения о сдаче немецких гарнизонов, арестах и самоубийствах нацистских главарей. Японский корреспондент в Цюрихе Тагути писал о крахе нацистской Германии – уничтожении антикоммунистической крепости в Европе. Он признал, что Советский Союз вышел из этого противостояния победителем.

1 мая эфир принес весть о смерти Гитлера. Министр Того посетил 3 мая германского посла О. Штаммера и выразил соболезнование.

В связи с безоговорочной капитуляцией Германии 9 мая в Токио состоялось экстренное совещание кабинета министров. Обсуждалось положение в Европе. Затем Судзуки был с докладом у императора. В прессе опубликовали особое заявление правительства, в котором уже не было слов о “великой Восточной Азии”, ее освобождении, “новом порядке”, “сфере совместного процветания”. Вся эта терминология исчезла. В газетах сдержанно говорилось о поражении Германии, подчеркивалось возможное нарастание противоречий среди объединенных наций, в первую очередь между СССР и США и Великобританией в Европе. Утверждалось, что переброска на Дальний Восток освободившихся в Европе союзных войск потребует не менее года. Отмечалось также, что Германия совершила громадную ошибку, когда начала войну против СССР, не овладев предварительно Британскими островами. Гитлер просчитался, допустив создание двух фронтов, недооценил силу Красной Армии, экономический потенциал СССР, уровень его промышленности, систему организации народного хозяйства, чрезмерно понадеялся на легкость победы.

Окончание войны в Европе создавало серьезное положение для Японии. США и Великобритания получали благоприятные условия для сосредоточения вооруженных сил против нее. Ей предстояло воевать в одиночку.

11, 12 и 14 мая Высший совет Японии по руководству войной, обсуждая изменившуюся ситуацию, высказался за заключение мира с Великобританией и США при посредничестве СССР. Перед дипломатией ставилась задача во что бы то ни стало предотвратить вступление СССР в войну против Японии³³.

Даже начальник генерального штаба Е. Умэдзу, сторонник войны “до конца”, 14 мая согласился с предложением попытаться использовать СССР в качестве посредника для заключения мира с США и Великобританией на условиях, выгодных для Японии. К такому выводу пришел военный министр К. Анами. Вступление в переговоры с правительством СССР создавало, по мнению Токио, возможность расколоть союз США, СССР и Великобритании.

15 мая Того официально уведомил Штаммера о предпринятом правительством акте денонсации всех договоров с Германией и ее союзниками. Этим была подведена черта под “антикоминтерновским периодом” в политике и дипломатии Японии. Он был бесславым. В результате антикоминтерновского пакта страна оказалась в полной изоляции накануне крупнейшего поражения. И это кабинету Судзуки было ясно. По иронии судьбы министр Того являлся одним из инициаторов и проводников политики союза с Германией, а теперь ему самому суждено было выступить докладчиком на заседании кабинета и признать, что эта политика потерпела полный провал и “утратила силу”. 17 мая в газете “Ниппон таймс”, органе министерства иностранных дел, появилась передовая под названием “Изменились условия, но неизменны идеалы”. В прессе выдвигалась идея о необходимости обновления дипломатии, освобождения ее от всяких оков в области международных отношений.

Этим косвенно признавалось, что Антикоминтерновский и Тройственный пакты были оковами для Японии в ее отношениях с СССР.

17 мая кабинет Судзуки принял решение о роспуске с 10 июня “Ассоциации помощи Трону” и многочисленных подведомственных ей организаций. Вместо них был создан Гражданский добровольческий корпус во главе с премьер-министром. Эта организация призвана была объединить большинство населения страны – мужчин, начиная со школьного до 65-летнего возраста, и женщин до 45-летнего возраста – и подчинить их целям продолжения войны. Отряды корпуса организовывались в каждом городе, деревне, населенном пункте, на фабриках и заводах. Во главе их стояли обычно руководители предприятий и заводов, и главной их целью являлось усиление военной мобилизации.

Японское министерство иностранных дел лихорадочно разрабатывало планы выхода страны из войны. “Ниппон таймс” в заметке “Новости и взгляды” 24 мая писала о распространении слухов касательно мирных предложений США и Англии. В дипломатических кругах обсуждались пути и средства сближения с СССР, возможности использования его как посредника в переговорах Японии с США и Англией. Перед японскими дипломатами была поставлена задача продолжать маневрирование в Москве, вступить с СССР в переговоры, постараться добиться его посредничества для завершения войны на выгодных для Японии условиях. Сам факт начала таких переговоров, полагали в Токио, затруднит вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. “За это посредничество и услуги СССР Япония, – отметил Малик, – готова отказаться от рыболовных прав в советских водах и уступить Советскому Союзу Южный Сахалин и Курильские острова (последнее, по мнению японцев, целесообразно, дабы столкнуть СССР и США)”³⁴.

21 мая упоминавшийся ранее Танакамару вновь посетил посла СССР. Говоря о японо-советских отношениях, он высказал обеспокоенность их состоянием и пожелание улучшить их путем урегулирования ряда вопросов. По его мнению, для этого следовало бы направить в Москву нового посла – авторитетного и видного государственного деятеля старшего поколения такого масштаба, как Хирота. В свое время тот был послом в СССР, превосходно изучил страну и ее политику, являлся сторонником сотрудничества с СССР³⁵. Характерно, что в те же дни, 25 мая, американские самолеты бомбили Токио. Дворец императора сгорел. Через четыре дня такая же участь постигла г. Иокогама. Министр двора Ц. Мацудайра ушел в отставку, лорд-хранитель печати Кидо пребывал в растерянности. Придворные круги являлись основным центром разработки мирных предложений. В ней принимало участие и министерство иностранных дел. 29 мая газета “Ниппон таймс” опубликовала большую статью под крупным заголовком “Победа Советского Союза – урок для Японии”. Ее автором являлся Т. Кигемори, руководитель бывшего японо-советского телеграфного агентства. В день появления статьи начальник протокольного отдела министерства иностранных дел сказал первому секретарю посольства СССР Коробочкину: “Вот как хорошо мы пишем теперь о вашей стране”³⁶. У руководителей Японии зрела надежда на возможность раскола объединенных наций по вопросу послевоенного устройства стран Восточной Европы, особенно Польши, и будущего Германии.

Оценивая первоначальные шаги Того как министра, Малик писал 27 мая 1945 г.: “Этот косвенный ход Япония предпринимает в целях подготовки к выходу из войны, облегчения мирных переговоров с США и Англией, смягчения для себя будущих условий перемирия”³⁷. При этом японцы, отмечал посол, разрабатывая планы сближения с СССР, готовы пойти на уступки, в частности, в отношении Южного Сахалина, Курил, отказа от рыболовства в советских водах. Это подтверждалось и беседами Малика с дипломатами других стран, аккредитованными в Токио.

3 мая поверенный в делах Швеции Сидоу посетил советское посольство с офи-

циальным визитом и поделился своими впечатлениями с Маликом. “Военное положение Японии, – отметил Сидоу, – с каждым днем ухудшается. После поражения Германии Япония будет в состоянии продержаться в лучшем случае не более полугода”³⁸. Шведский дипломат отметил, что японские руководители рассчитывают на возможность раскола американско-советско-английской коалиции, возникновения на конференции в Сан-Франциско разногласий и противоречий между СССР, с одной стороны, и США и Англией – с другой. Приход кабинета Судзуки следует оценивать как реальный шаг в направлении мира с США. Того, заметил Сидоу, назначен министром с целью улучшения или хотя бы сохранения статус-кво в японо-советских отношениях.

9 июня на сессии парламента выступили премьер-министр Судзуки, военный министр К. Анами и морской министр М. Ионай. Их речи были проникнуты пессимизмом. Премьер-министр заявил, что империя стоит перед лицом глубочайшего кризиса. “Положение таково, что возможно вторжение врага на территорию собственно Японии”³⁹. Многие города пострадали от воздушных бомбардировок. Только от налетов 23 и 25 мая сгорело 257 тыс. домов, около 1 млн погорельцев покидали города, не зная куда идти.

Правительство потребовало одобрения законопроекта о проведении чрезвычайных мер, предоставления ему неограниченных прав и полномочий. 21 июня, после кровопролитных боев, японцы оставили Окинаву. Сообщение об этом потрясло страну. Для многих оно было неожиданным, так как правительство и особенно пресса усердно заверяли общественность в неприступности этого острова, обороняемого гарнизоном в 80 тыс. человек.

Бои за Окинаву продолжались более двух с половиной месяцев. Японцы ожесточенно сопротивлялись. Американские вооруженные силы численно превосходили японские войска в несколько раз, но японское командование сделало ставку на “камикадзе” – летчиков-смертников. На Окинаве погибли 12 тыс. американских солдат, 34 тыс. были ранены. Командование США сделало вывод: высадка на Японские острова потребует огромных жертв.

Потеря Окинавы, отметил Малик, поставила территорию собственно Японии под смертельный удар и сделала бессмысленным дальнейшее сопротивление⁴⁰. Кроме того, правительство было серьезно обеспокоено предстоящей конференцией руководителей трех великих держав в Берлине, на которой должны были обсуждаться проблемы послевоенного устройства мира в Европе и завершения войны в Азии. Размышляя над этим, Малик записал в дневнике: кабинет Судзуки и ближайшее его окружение (лорд-хранитель печати Кидо, принц Коноэ и барон Хиранума) в глубокой тайне разработали план выхода страны из войны⁴¹. Назначение Хиранумы председателем тайного совета означало усиление влияния этой группы, которая возлагала надежды на заключение компромиссного мира при посредничестве СССР. Осуществление с этой целью контактов с Маликом было возложено на бывшего премьер-министра К. Хироту. 3 июня он посетил советского посла и высказал пожелание японского правительства достигнуть с СССР взаимопонимания для “сохранения стабильности на Дальнем Востоке”.

Хирота напомнил Малику, что маркиз М. Ито и виконт С. Гото являлись сторонниками сближения с советской Россией. Затем он отметил, что министр двора Ц. Мацудайра всегда был и остается сторонником дружбы с СССР и противником военного союза Японии с Германией и Италией. Лично Хирота также всегда был противником этого союза и сторонником дружбы с СССР. Будучи послом в Москве, он, по его словам, в 1933 г. предложил заместителю наркома иностранных дел Л.М. Карахану продать КВЖД Японии. Эта идея сначала вызвала удивление советского руководства, но через неделю оно дало положительный ответ⁴².

На следующий день Хирота вновь посетил Малика и задал вопрос: что думает советская сторона в связи с высказанными им накануне идеями? Малик ограничил

ся общими дипломатическими фразами о намерении правительства СССР прежде всего заняться восстановлением народного хозяйства, пострадавшего от войны, созданием гарантий мира и безопасности в Европе. Далее Хирота осторожно спросил: возможно ли заключение договора между двумя государствами, не преминув при этом заметить, что японские политики в свое время излишне увлеклись Германией, понадеялись на нее, получали от нее военную технику. Эта ошибка японской дипломатии. Гитлер также совершил крупный стратегический просчет, напав на Советский Союз, недооценил его силы. В заключение Хирота подчеркнул желание Японии заключить с СССР договор на длительный срок и в любой форме. Посол уклонился от каких-либо обещаний.

24 июня Хирота, посетив Малика, пошел несколько дальше: он передал конкретные предложения: готовность Японии поставлять СССР некоторые стратегические материалы (каучук, олово, вольфрам и др.) в обмен на экспорт нефти в Японию. 29 июня по указанию министра Того он предложил заключить «соглашение об оказании друг другу поддержки в сохранении мира в Восточной Азии и двухстороннее соглашение о ненападении»⁴³.

Малик спросил, что географически понимается под Восточной Азией. Последовал ответ: «Маньчжурия и Китай до островов Южных морей. В это понятие возможно включение также Сибири и дальневосточных районов Союза»⁴⁴. Далее, конкретизируя условия переговоров, Хирота выразил готовность обсудить вопросы о нейтрализации Маньчжоу-Го, выводе оттуда японских войск, невмешательстве в дела этой страны. Япония могла бы отказаться от своих прав на вылов рыбы в советских дальневосточных водах при условии снабжения ее нефтью с Сахалина, в которой страна испытывает нужду⁴⁵.

Малик был предельно лаконичен, ограничившись выслушиванием высказываний Хироты и не обсуждая их. Он пообещал передать полученные сведения в Москву, но не больше. Посол видел очевидную несостоятельность и неприемлемость предложений Хироты. Дипломатия Токио демонстрировала свою ограниченность и непонимание ситуации, в частности, союзнических отношений и коалиционного характера войны, которую вели США, Англия и другие страны в Азии и на Тихом океане, международных обязательств СССР. Японские лидеры рассчитывали вбить клин между СССР, с одной стороны, и США и Англией – с другой. Это стало очевидным, когда Хирота сказал: «Я лично полагаю, что Советский Союз находится в мирных отношениях со всеми частями Восточной Азии и имеет полную возможность самостоятельно и свободно рассматривать свою позицию. Я не думаю, что у Советского Союза есть необходимость связываться с Америкой и Англией, которые ведут войну в этой зоне»⁴⁶.

Одновременно с визитом Хироты к Малику 28 июня из Токио поступило указание послу Н. Сато в Москву обратиться к советскому правительству с предложением о посредничестве в прекращении войны и постараться ускорить ответ СССР на него. 10 июля он посетил С.А. Лозовского и сообщил о состоявшихся беседах бывшего премьер-министра Хироты с послом Маликом. Сато спросил о том, как к ним относится советское правительство. Лозовский дипломатично уклонился от обсуждения этого вопроса.

Через три дня Сато вручил Лозовскому послание императора о готовности направить в Москву своего официального представителя – бывшего премьер-министра принца Ф. Коноэ. В послании говорилось, что император желает как можно скорее покончить с войной. Однако США и Англия настаивают на безоговорочной капитуляции Японии, что побуждает ее вести войну до победного конца. Сато поставил вопрос о приезде Коноэ в Москву с чрезвычайной миссией. Ему было сказано, что послание императора носит слишком общий характер, оно не содержит конкретных предложений. Не ясны и цели миссии Коноэ. Поэтому советское правительство не считает возможным его принять. Отмечалось также, что Ста-

лин и Молотов через день уезжают в Берлин на конференцию глав великих держав⁴⁷.

25 июля 1945 г. Лозовский в беседе с послом Сато подтвердил, что нет возможности принять Коноэ, так как цели его приезда в Москву все еще не ясны. Сато старался убедить Лозовского в желательности приезда Коноэ, ибо тот имел важное поручение – “просить советское правительство выступить в роли благожелательного посредника”. Настойчивость посла побудила Лозовского прибегнуть к маневру. Он попросил посла представить в письменной форме его заявление. Тот отказался, сообщив, что это превышает его полномочия. Тогда Лозовский уточнил: означают ли слова посла, “что японское правительство просит советское правительство о посредничестве в прекращении войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США – с другой”⁴⁸. Последовал утвердительный ответ. Этого желает сам император. Далее Лозовский спросил, каких конкретных предложений можно ожидать от Коноэ? Посол кратко сформулировал: посредничество и укрепление японо-советских отношений. Он отметил, что Коноэ пользуется большим доверием в окружении императора и авторитетом в политических кругах Японии. В его миссию входит обсуждение вопроса о прекращении войны. “Японское правительство, – подчеркнул посол, – просит советское правительство взять на себя хлопоты по посредничеству”⁴⁹.

Итак, посол Сато все же сказал в общих чертах о целях миссии Коноэ, хотя в письменной форме их изложить отказался. Однако в тот же день в 19 часов 30 минут второй секретарь японского посольства Юсахи от имени посла передал в Секретариат НКВД пакет с изложением в письменной форме целей миссии Коноэ. Уместно напомнить, что сразу после Крымской конференции, 14 февраля 1945 г., принц Коноэ вручил секретный доклад императору с призывом “как можно скорее закончить войну”. Он подчеркивал опасность вмешательства СССР во внутренние дела Японии, беспокоился о сохранении императорской системы правления. Коноэ писал: “Наибольшую тревогу должно вызвать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением”. Он предлагал капитулировать перед США и Великобританией, “общественное мнение которых еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя”⁵⁰.

НЕОТВРАТИМОСТЬ ПОРАЖЕНИЯ

Берлинская (Потсдамская) конференция, проходившая с 17 июля по 2 августа, приняла важные решения относительно ведения войны против Японии. 26 июля в Берлине была опубликована Потсдамская декларация от имени правительств Великобритании, США и Китая. В ней было выдвинуто требование о безоговорочной капитуляции Японии и формулировались основные политические принципы обращения с Японией после капитуляции. Это был последний призыв к разуму, отказу от бессмысленного сопротивления, к безоговорочной капитуляции. В противном случае, предупреждалось в Декларации, “Японию ждет быстрый и полный разгром”.

Сталин и Молотов просили воздержаться несколько дней от опубликования Декларации, но им было сказано: невозможно. 26 июля ее текст был вручен Молотову со словами “Эта декларация передана прессе для опубликования завтра”. Это было сделано без обмена мнениями с советской делегацией, что, естественно, вызвало недоумение представителей СССР. Сталин высказал недовольство тем, что в последний момент с ним не посоветовались.

30 июля посол Сато в Москве вновь встретился с Лозовским и просил ответа советского правительства на предложение о посредничестве. Заместитель наркома

объяснил послу, что Сталин и Молотов – в Берлине; для ответа нужно время, пока ничего нельзя сказать. Сато вновь поднял вопрос о посылке миссии Коноэ в Москву с широкими полномочиями для обмена мнениями о том, как построить мир на Дальнем Востоке. Лозовский пообещал довести информацию посла до правительства⁵¹.

События развивались по заранее запланированному сценарию. Все было решено международными соглашениями. СССР готовился к войне против Японии. Во время пребывания в Москве в мае 1945 г. Г. Гопкинса, личного представителя президента Трумэна, он первым делом пожелал обсудить с советскими руководителями дальневосточные проблемы. Сталин подтвердил готовность советских войск к проведению наступательных операций в первой половине августа. Как и предусмотрено, сказал он, идет переброска войск на Дальний Восток. На вопрос Гопкинса, нужно ли применять к Японии принцип безоговорочной капитуляции, Сталин высказался за полный военный разгром и безоговорочную капитуляцию⁵².

Более того, Сталин выразил опасение, что капитуляция Японии, возможно, не будет безоговорочной. По слухам, заметил он, “между японцами и англичанами ведутся переговоры о капитуляции. Имеется возможность того, что Япония будет готова капитулировать, но не безоговорочно. В этом случае союзники в качестве одного из вариантов могут прибегнуть к оккупации островов, обращаясь с Японией мягче, чем с Германией. Второй вариант – это безоговорочная капитуляция Японии, которая позволит союзникам наголову разбить Японию. С точки зрения коренных интересов союзников, он, Сталин, лично предпочитает добиться безоговорочной капитуляции Японии, ибо она будет означать полный разгром Японии”⁵³.

В это время в СССР денно и нощно с запада на восток скрытно шли поезда с войсками. 3 июня Государственный Комитет Обороны утвердил план перевозки войск и вооружения для пополнения Забайкальского и Дальневосточного фронтов и Приморской группы; было предложено закончить ее к 1 августа. Для переброски войск выделялось 946 эшелонов⁵⁴. Эти невиданные по масштабу и срокам мероприятия были успешно осуществлены.

2 июля главнокомандующий Военно-морскими силами адмирал Н.Г. Кузнецов направил Сталину докладную записку о взаимодействии двух тихоокеанских флотов – Советского Союза и США – при проведении операции на море против Японии. Он предлагал приступить к отработке с американцами организационных вопросов представления им военных баз на Камчатке и в Амурском лимане. Зоной действия флотов должны были быть: Японское, Охотское и Желтое моря, Татарский пролив⁵⁵. 11 июля, в канун Берлинской конференции, Сталин поставил перед адмиралом Кузнецовым задачу при возникновении военных действий на Дальнем Востоке: Тихоокеанскому флоту не допустить высадки японских войск на советском побережье, вторжения в Татарский пролив, разрушить коммуникации в Японском море, нанести авиационные удары по портам и военным базам западного побережья метрополии в случае концентрации кораблей и транспортов⁵⁶.

В это время в Вашингтоне обсуждали вопрос, как поступить с Японией – сохранить ли императорский трон и систему императорской власти? Для японцев это имело исключительное значение. В госдепартаменте не было единого мнения о послевоенном устройстве Японии. Шли споры. Предлагались разные варианты. Еще в 1944 г. госдепартамент закончил составление предварительного плана будущего Японии, и он был передан на рассмотрение военного министерства. Активное участие в его подготовке принимал бывший посол США в Японии Дж. Грю, который был сначала назначен заведующим дальневосточным отделом госдепартамента, а осенью – заместителем госсекретаря Э. Стеттиниуса. Грю пользовался авторитетом в правительственных кругах. В конце мая 1945 г. он настойчиво рекомендовал сохранить в Японии конституционную монархию и импе-

раторскую систему. К этому склонялись и некоторые представители военного министерства, а также президент Г. Трумэн. Однако в самый последний момент в текст Потсдамской декларации было внесено требование о принятии Японией безоговорочной капитуляции.

Японское правительство 28 июля отклонило требования Потсдамской декларации. Премьер-министр Судзуки высокомерно заявил на пресс-конференции: “Мы игнорируем ее. Мы будем неотступно идти вперед и вести войну до конца”. Война на Дальнем Востоке вступила в завершающую фазу.

Планы ведения войны обсуждались в политических и военных кругах союзников. Генерал Д. Макартур по-прежнему настаивал на непременном вторжении американских войск на Японские острова, рассчитывая высадиться на о-в Кюсю 11 ноября 1945 г., а через пять месяцев – на о-в Хонсю.

18 июня в Белом доме под председательством президента специально обсуждались планы ведения войны против Японии. Участники дискуссии опасались больших людских потерь при вторжении. Трумэн одобрил воздушные бомбардировки и морскую блокаду Японии, высадку 1 ноября десанта на о-ов Кюсю, а 1 марта 1946 г. – на о-ов Хонсю⁵⁷. Между тем военный министр Г. Стимсон и его помощник Дж. Маклой обратили внимание президента на возможность окончания войны политическими средствами, ибо значительная часть населения США отрицательно относится к продолжению тихоокеанской войны. В то же время Стимсон был активным сторонником сбрасывания атомной бомбы на один из японских городов – “для устрашения противника”.

Относительно вступления СССР в войну против Японии мнения участников совещания разделились. Объединенный комитет начальников штабов считал этот шаг желательным. Адмирал Э. Кинг же заявил, что США одни справятся с Японией⁵⁸.

В действительности, японские вооруженные силы были еще вполне боеспособны. Армия имела более 5 млн человек, половина ее была предназначена для обороны собственно Японии. Флот насчитывал 5 линейных кораблей, 4 авианосца, 6 крейсеров и 24 миноносца. Вступление СССР в войну должно было обеспечить успех вторжения американских войск на Японские острова. Это сократило бы людские потери, ускорило окончание войны.

В это время в Вашингтоне обсуждались условия капитуляции Японии. Разведка пришла к выводу, что она может капитулировать в любое время при условии сохранения императорской системы правления⁵⁹. Эта оценка была близка к реальной. К такой же мысли склонялся и заместитель госсекретаря Дж. Грю, знаток этой страны. В военном министерстве проявили повышенный интерес к последним прогнозам разведки. 2 июля Стимсон представил президенту Трумэну памятную записку, в которой предлагалось предупредить Японию перед вторжением на острова и использованием против нее атомной бомбы, информировать о возможности сохранения в стране конституционной монархии.

Вступление Советского Союза в войну могло бы ускорить капитуляцию Японии. Однако некоторые руководители США опасались последствий этого акта. Еще 1 мая 1945 г. морской министр Д. Форрестол на заседании кабинета США поставил вопрос: “Насколько целесообразно нам добивать Японию? Что мы собираемся противопоставить русскому влиянию – Китай или Японию?”⁶⁰. Этот вопрос беспокоил не только Форрестола, но и других политиков США. Многие склонялись к тому, чтобы использовать атомную бомбу против Японии и быстрее покончить с войной. В начале июня госсекретарь Дж. Бирнс откровенно признался в узком кругу, что применение атомной бомбы нужно не только для разгрома Японии, но и для того, чтобы “сделать Россию более податливой в Европе”⁶¹.

Памятная записка Стимсона была одобрена лично Трумэном. 4 июля британское правительство дало согласие на использование атомной бомбы против Японии. 6 августа на г. Хиросиму была сброшена атомная бомба, возвестившая миру

наступление новой, атомной эры. Это роковое решение было принято президентом Трумэнном после длительного обсуждения. Ее применение преследовало как военные, так и политические цели – ускорить окончание войны и в то же время продемонстрировать миру могущество и силу США.

Даже после трагедии в Хиросиме партия войны в Японии настаивала на ее продолжении. Заседание высшего совета по руководству войной, назначенной на 8 августа, было отменено. Предложение С. Того обсудить вопрос о прекращении сопротивления было отклонено. Правители Японии ждали вестей из Москвы от посла Сато, которому поручено было выяснить “позицию, занятую Советским Союзом в отношении Потсдамской союзной декларации”. Встреча Сато с Молотовым была назначена на вечер 8 августа. В 17 часов Молотов встретился с Сато и заявил, что советское правительство с 9 августа считает себя в состоянии войны с Японией. Эта весть была немедленно передана в Токио. Рано утром Того посетил Судзуки и сказал: необходимо завершать войну. В 10 часов 30 минут Судзуки на заседании высшего совета по руководству войной заявил: вступление Советского Союза в войну создало безвыходное положение и сделало невозможным продолжение сопротивления. Затем состоялось чрезвычайное заседание Высшего совета, длившееся семь часов.

Поздно вечером, в 23 часа 30 минут вновь было созвано совещание совета под председательством самого императора. Чрезвычайные дебаты продолжались до двух часов ночи. По предложению Того и Судзуки было решено принять условия Потсдамской декларации. Утром Того посетил советского посла Малика и уведомил его о решении Высшего совета. По телеграфу оно было передано правительствам Швейцарии и Швеции для передачи в Вашингтон и Лондон. Однако экстремисты – военный министр К. Анами и начальник генерального штаба Е. Умэдзу – все еще требовали продолжения войны.

* * *

Таким образом, в 1945 г. Япония была обречена на поражение. Страна неумолимо двигалась к национальной катастрофе. Все попытки правительства и военного командования отсрочить безоговорочную капитуляцию в конечном счете оказались тщетными. Приход к власти кабинета Сузуки означал усиление политических поисков окончания войны, особенно после разгрома Германии и полнейшей изоляции Японии в мире.

Дипломатия Токио предпринимала активные шаги, чтобы использовать СССР в качестве посредника в переговорах о заключении мира с США и Великобританией. Одновременно руководители Японии надеялись тем самым предотвратить вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. Но все эти попытки потерпели неудачу. Советское правительство строго придерживалось принятых международных обязательств. Между тем мнения в Москве относительно Японии не были однозначными. Как известно, Сталин в Тегеране пообещал Рузвельту, что СССР выступит против Японии после окончания войны в Европе. Однако заместитель наркома иностранных дел Майский в январе 1944 г. в докладной записке Молотову полагал возможным урегулирование проблем Южного Сахалина и Курильских островов без вступления СССР в войну. Год спустя заместитель наркома Лозовский рекомендовал не проявлять поспешности, постараться выиграть время, год или полтора, и лишь после этого на конференции заинтересованных государств решить дальневосточные вопросы, связанные с Южным Сахалином и Курильскими островами.

Сталин постоянно проявлял интерес к войне на Тихом океане и в Восточной Азии и послевоенным проблемам в этом регионе. Он обсуждал эти вопросы с американскими и британскими послами в Москве и считал, что вступление

СССР в войну на Дальнем Востоке позволит урегулировать накопившиеся за многие годы спорные вопросы на Дальнем Востоке, в частности проблему Южного Сахалина и Курильских островов. В Тегеране Рузвельт в беседе со Сталиным затронул вопрос о желательности ведения с участием СССР коалиционной войны на Дальнем Востоке. Глава советского правительства высказался положительно. На Крымской конференции было заключено секретное соглашение по поводу вступления Советского Союза в войну против Японии после капитуляции Германии.

В Вашингтоне же среди военного командования в 1945 г. стали все чаще раздаваться голоса: насколько целесообразно военное сотрудничество с СССР на Дальнем Востоке? Могут ли США и Англия обойтись без него? И все же эта точка зрения не одержала верх. Как Ф. Рузвельт, так и Г. Трумэн опасались высадки американских войск на острова – это затянуло бы войну и повлекло огромные человеческие жертвы. Вступление в нее Советского Союза кардинально изменило картину.

- ¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891. Л. 141 (Далее: АВП РФ).
- ² Там же. Л. 108.
- ³ Там же. Л. 181–182.
- ⁴ Там же. Л. 184.
- ⁵ Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): Сб. документов. М., 1979. С. 129.
- ⁶ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1061. Л. 15–18 (Далее: АП РФ).
- ⁷ Там же. Л. 17–27.
- ⁸ Foreign Relation on the United States: The Conferences at Malta and Yalta 1945. Wash., 1955. P. 476.
- ⁹ Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. М., 1965. С. 528.
- ¹⁰ Мальков В.Л. Франклин Рузвельт: проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988. С. 298.
- ¹¹ Stettinius E. Roosevelt and Russians: The Yalta Conference. L., 1945. P. 90–91.
- ¹² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1061. Л. 2–15.
- ¹³ Там же. Л. 4.
- ¹⁴ Там же. Л. 12–13.
- ¹⁵ Там же. Л. 15.
- ¹⁶ Источник. 1995. № 4. С. 124–144.
- ¹⁷ Leahy W. I was Trere: The Personal Story of the Chief of Staff to President Roosevelt and Truman. N.Y., 1950. P. 373.
- ¹⁸ Churchill W. The Second World War. Vol. 1. Boston, 1953. P. 341.
- ¹⁹ Крымская конференция... С. 129.
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891. Л. 167.
- ²¹ Там же. Л. 157.
- ²² Там же. Л. 211–214, 217.
- ²³ Там же. Л. 216.
- ²⁴ Там же. Ф. 06. Оп. 7. Д. 68. Л. 69.
- ²⁵ Там же. Л. 71.
- ²⁶ Там же. Д. 89. Л. 118.
- ²⁷ Там же. Оп. 54. Д. 91. Л. 133.
- ²⁸ Там же. Л. 263–266.
- ²⁹ Хаттори Т. Япония в войне, 1941–1945 / Пер. с япон. М., 1973. С. 532.
- ³⁰ История войны на Тихом океане. М., 1958. Т. IV. Второй период войны. С. 184–185.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891. Л. 293.
- ³² Там же. Л. 257–258.
- ³³ История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 188.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891. Л. 314–315.
- ³⁵ Там же. Л. 318.
- ³⁶ Там же. Л. 329.

- 37 Там же. Л. 321.
- 38 Там же. Л. 281.
- 39 Там же. Л. 357.
- 40 Там же. Оп. 7. Д. 68. Л. 134.
- 41 Там же. П. 854. Д. 890. Л. 126.
- 42 Там же. П. 54. Д. 891. Л. 337–338.
- 43 Кошкин А.А. Крах стратегии спелой хурмы. М. 1989. С. 20–21.
- 44 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891. Л. 416–417.
- 45 Там же. Л. 417–418.
- 46 Там же. Л. 418–420.
- 47 Там же. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1049. Л. 39–42.
- 48 Там же. Л. 48.
- 49 Там же. Л. 50.
- 50 История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 252–258.
- 51 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1049. Л. 51–58.
- 52 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1984. Т. 2. С. 406–407.
- 53 Там же. С. 406.
- 54 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1061. Л. 49–59.
- 55 Там же. Л. 62–65.
- 56 Там же. Л. 76–77.
- 57 Важнейшие решения: Сб. статей. Пер. с англ. М., 1964. С. 337.
- 58 Там же. С. 333, 337.
- 59 Там же. С. 338.
- 60 The Forrestal Diaries. N.Y., 1951. P. 52.
- 61 Важнейшие решения. С. 344.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В РЕГИОНЕ К НАЧАЛУ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

В начале 1945 г. военно-политическое руководство Японии отчетливо осознавало всю бесперспективность продолжения войны. Тем не менее оно искало возможность любыми средствами ее затянуть, чтобы добиться почетного мира. В конце января командующие японскими вооруженными силами на Азиатско-Тихоокеанском театре войны получили из Токио директиву, которая гласила: “Императорская ставка предполагает сломить боевой дух врага путем разгрома американских сил вторжения и тем самым обеспечить надежную оборону империи с метрополией, находящейся в ее центре”¹.

Понимая, что США с союзниками в скором времени выйдут на ближние подступы к Японским островам, императорская ставка вознамерилась превратить метрополию, Корею, Маньчжурию и оккупированную часть Китая в “неприступную крепость”, чтобы в случае штурма противник понес большие потери, а значит, и война затянулась бы на неопределенное время. Избежать безоговорочной капитуляции и добиться компромиссных условий мира политики и дипломаты в Токио вознамерились с помощью СССР, рассчитывая использовать его как посредника в переговорах с США и их союзниками в войне против Японии.

Между тем защита “неприступной крепости” требовала огромных сил. Хотя Япония постоянно поддерживала на театре войны существенное численное преимущество над противником в сухопутных войсках, в ставке и правительственных кругах заговорили о необходимости тотальной мобилизации всех, кто только способен держать в руках оружие. Пытаясь придать войне общенародный характер, Высший совет по руководству войной создал гражданский добровольческий корпус – по сути японский вариант фольксштурма. В корпус обязали вступить все население, за исключением стариков, детей, калек, беременных и кормящих матерей². К августу в нем насчитывалось уже 28 млн человек, а из зачисленных в него военнообязанных создали боевые отряды, являвшиеся мощным резервом армии. В сельской местности шло формирование крестьянского трудового корпуса. Для отражения возможного вторжения противника на острова началось поголовное обучение населения военному делу.

Еще 21 июня японский парламент принял закон “О чрезвычайных мерах военного времени”, санкционировавший любые действия властей по организации обороны и пресечению беспорядков, а на следующий день – закон “О добровольной военной службе”, по которому в случае необходимости призыву подлежали все мужчины в возрасте от 15 до 60 и женщины от 17 до 40 лет³. В результате принятых мер к августу численность регулярных вооруженных сил выросла до 7,2 млн, а сухопутных войск – до 5,5 млн человек⁴. На заключительном этапе войны сухопутные войска Японии включали четыре стратегические группировки: Южную группу армий, Экспедиционные силы в Китае, Квантунскую группировку войск, 1-ю и 2-ю Объединенные армии национальной обороны вместе с 5-м фронтом, сосредоточенные в метрополии. На островных территориях и в Юго-Восточной Азии действовали 8-й и 10-й фронты. Крупные силы входили в Объединенную воздушную армию и Объединенный флот ВМС⁵.

Впрочем, военно-политическое руководство Японии беспокоило не только численность вооруженных сил. Оно делало все возможное и даже невозможное, чтобы поднять боевой дух военнослужащих. Характерно, что к этому времени началась усиленная популяризация самоубийств в случае угрозы плена, поощрение “тактики поголовной гибели”, подготовка смертников – летчиков-камикадзе, чело-веко-торпед (“кайтэн”) и водителей самовзрывающихся скоростных катеров, боевых пловцов. В конце войны и в сухопутных войсках появились отряды и даже бригада смертников, в основном для борьбы с танками противника.

В США по поводу дальнейшего ведения войны не было единого мнения. Председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал У. Леги, главнокомандующий ВМС, начальник морского штаба адмирал Э. Кинг и командующий ВВС армии генерал Г. Арнольд считали, будто действий флота и авиации вполне достаточно, для того чтобы вынудить Японию капитулировать. Правда, совсем недавно такого взгляда придерживалось практически все политическое и военное руководство США, в том числе и президент. Теперь же ставка на флот и авиацию стала квалифицироваться как “стратегия ограниченных целей”, многие признали, что последняя играет вспомогательную роль. Несмотря на крупномасштабность бомбардировок, американская авиация 65% своего бомбового груза сбрасывала не на военно-морские и авиационные базы или скопления войск, а чаще всего на японские города. «“Стратегия ограниченных целей” – говорилось в документе Объединенного комитета начальников штабов, – не дает гарантий в том, что она приведет (Японию. – *Ред.*) к безоговорочной капитуляции или разгрому»⁶.

Аналогичная оценка ситуации содержалась и в меморандуме Г. Стимсона от 2 июля 1945 г. на имя Г. Трумэна. Военный министр США предлагал президенту изыскать такой способ, который принудил бы японские вооруженные силы к капитуляции без насильственной оккупации собственно Японии⁷. Многие военные эксперты сходились в одном: заставить ее капитулировать в короткий срок можно только путем нанесения решающего поражения одной из японских стратегических группировок.

Огромный маньчжурско-корейский регион с его более чем миллионной группировкой войск, развитой промышленной структурой и богатыми сырьевыми ресурсами, с крупными стратегическими запасами являлся важной базой Японии, но одновременно и ее “ахиллесовой пятой”, ибо был связующим звеном между метрополией и континентом. В Вашингтоне понимали, что с потерей столь важного плацдарма Япония лишится большей части необходимых для продолжения войны средств и вынуждена будет капитулировать. Решить эту задачу в короткий срок могли только советские войска, сосредоточенные в непосредственной близости от Маньчжурии и Кореи. Вот почему среди видных военачальников немало было тех, кто связывал планы завершения войны на Тихом океане с обязательным вступлением в нее Советского Союза⁸. К тому же руководители США и Великобритании понимали, что “если Россия так и останется нейтральной”, то “огромная японская армия в Маньчжурии может быть брошена на защиту собственно Японии”.

Следует отметить, что на протяжении всей войны военно-политические лидеры США и Великобритании неоднократно отмечали в своих решениях, что после разгрома стран оси в Европе они во взаимодействии с другими государствами Тихоокеанского бассейна, а также с Россией, если это будет возможно, направят все ресурсы на достижение безоговорочной капитуляции Японии, причем в минимально короткий срок⁹. Этому призваны были служить и договоренности глав трех великих держав в Тегеране относительно вступления СССР в войну против Японии вскоре после разгрома третьего рейха. Специальное соглашение, подписанное ими 11 февраля в Ялте, предусматривало, как уже отмечалось в других очерках, вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке через два или три месяца после капитуляции Германии.

На Крымской конференции главе правительства СССР, у которого, по справедливой оценке У. Черчилля, на “колоссальном фронте” происходили “самые ожесточенные бои”¹⁰ и которому предстояло провести опасную и кровопролитную схватку с нацистским зверем в его собственном логове, было совсем непросто решиться, причем гораздо сложнее, чем в Тегеране, на то, чтобы дать окончательное “добро” по поводу вступления в войну против Японии. Еще в сентябре 1944 г. в беседе с американским послом в СССР А. Гарриманом И.В. Сталин заявил, что в его позиции нет по этому вопросу никаких изменений, но если США и Великобритания предпочитают поставить Японию на колени без советского участия, то он готов с этим согласиться¹¹. Сталин понимал, что кроме чисто технических сложностей, которые неминуемо возникнут при переброске огромного количества личного состава, военной техники и средств снабжения войск на такой далекий театр военных действий, придется решать целый ряд иных проблем, но главная из них – психологическая подготовка населения, уже в течение четырех лет страдавшего от тягот жестокой войны. Было очевидно и то, что предстоявшая кампания на Дальнем Востоке ляжет на плечи народа дополнительным экономическим бременем. На подготовку страны к решению этих проблем как раз и требовалось, по мнению Сталина, не менее двух–трех месяцев. В данной ситуации нужно было изыскать, а затем убедительно обосновать перед советскими людьми, в том числе и воинами Красной Армии, такие политические, моральные и иные преимущества, которые были бы адекватны неизбежным в случае вступления СССР в новую войну материальным и человеческим жертвам.

Принимая на себя подобное обязательство, Советский Союз имел на то веские причины. Достаточно вспомнить войну, развязанную Японией в 1904 г., повлекшую за собой утрату исконно российских территорий, участие японских войск в интервенции на Дальнем Востоке в первые годы советской власти, вооруженные акции у оз. Хасан в 1938 г. и в районе монгольской пограничной р. Халхин-Гол в 1939 г. Как потом показывали на допросах пленные японские генералы, после нападения Германии на СССР японское верховное командование, вплоть до конца 1943 г., готовило вторжение на территорию советского Дальнего Востока в надежде захватить огромное пространство вплоть до сибирского г. Омска, что составило бы более двух третей общей площади СССР¹².

По признанию министра иностранных дел тех лет И. Мацуоки, пакт о нейтралитете от 13 апреля 1943 г. был нужен Японии лишь для прикрытия военных приготовлений на севере и подготовки без лишних помех к войне в бассейне Тихого океана. За четыре года со времени его подписания подразделения вооруженных сил Японии многократно совершали провокации на границах СССР; японские военные корабли около 200 раз останавливали, нередко с применением оружия, советские торговые и рыболовные суда, некоторые вводили в свои порты, а 8 из них потопили. К тому же Япония оказывала политическую и экономическую помощь третьему рейху в его войне против Советского Союза: поставляла разведывательную информацию, снабжала стратегическим сырьем¹³. И, наконец, у советских дальневосточных границ стояла крупная стратегическая группировка отборных японских войск, которую в течение многих лет готовили к нападению на северного соседа.

Такая позиция Японии вынуждала Советский Союз на протяжении всей войны с Германией держать у своих дальневосточных границ от 32 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий, до 6 дивизий и 4 бригад Войск ПВО страны общей численностью более 1 млн солдат и офицеров, 8–16 тыс. орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков и САУ, от 3 до 4 тыс. боевых самолетов и более 100 боевых кораблей основных классов, а это составляло от 15 до 30% боевых сил и средств советских вооруженных сил¹⁴. Что и говорить: этим войскам нашлось бы лучшее применение на советско-германском фронте, особенно в критические для Красной Армии периоды.

Непреложным является тот факт, что, ведя войну против основных сил агрессивного блока в Европе, СССР одновременно оттягивал на себя крупную группировку войск Японии, которые она в противном случае могла бы использовать против Китая, США, Великобритании и их союзников. Разумеется, это существенно облегчало их положение, так как давало возможность, оправившись от первых потрясений, восстановить понесенные потери в кораблях и самолетах, создать ударные группировки и подготовиться к широкомасштабным наступательным действиям в акватории Тихого океана и на Азиатском театре военных действий.

Словом, правительство Советского Союза имело полное моральное право в случае войны с Японией выставить не только определенные претензии к ней, но и надеяться на приятие их своими союзниками. Поэтому в ответ на новые просьбы о подключении к войне Сталин в упоминавшейся уже беседе с послом Гарриманом в октябре 1944 г. высказал ему, кстати, по инициативе самого посла, некоторые свои конкретные предложения относительно послевоенных претензий в этом регионе¹⁵.

Интересно, что президент США Ф. Рузвельт, узнав “об азиатских требованиях Сталина”, был поражен их скромностью¹⁶. На Крымской конференции этот вопрос обсуждался им и Сталиным 8 и 10 февраля 1945 г. В ответ на согласие вступить в войну против Японии через два–три месяца после капитуляции Германии президент обещал поддержать требования советской стороны. 10 февраля и британский премьер в беседе с глазу на глаз заверил Сталина, что будет “приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане”, а далее высказался за то, чтобы “потери, понесенные Россией во время русско-японской войны, были восполнены”¹⁷. На следующий день главы правительств подписали специальное соглашение, которое оставалось строго конфиденциальным вплоть до 5 июля, когда Черчилль принял решение проинформировать о нем премьер-министров британских доминионов.

Текст соглашения, подписанного Большой тройкой, гласил:

“Руководители Трех Великих Держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два–три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В. Сталина Президент (Рузвельт. – *Ред.*) примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы Правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И. Сталин
Ф. Рузвельт
Уинстон С. Черчилль

1945 г., 11 февраля”¹⁸.

Министерство обороны США не сомневалось в правильности и выгодности для собственной страны принятого в Крыму решения. 21 мая военный министр Г. Стимсон писал исполнявшему обязанности госсекретаря США Дж. Грю: “Вступление России (в войну против Японии. – *Ред.*) будет иметь далеко идущий военный эффект, который почти определенно приведет к сокращению сроков войны и тем самым спасет американские жизни”¹⁹. А 18 июня участники заседания Объединенного комитета начальников штабов, посвященного выработке стратегии войны против Японии на завершающем ее этапе, приветствовали решение о вступлении СССР в эту войну.

В ходе работы Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) мнение американской стороны по этому вопросу не изменилось. Учитывая прочность позиций Японии на континенте, Объединенный комитет начальников штабов счел необходимым, чтобы “изгнанием японской армии с материка занялись русские”. Генерал Д. Макартур, осуществлявший общее руководство военными действиями в этом регионе, был убежден, что американские войска “не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии”²⁰. Поэтому то обстоятельство, что советская делегация в Потсдаме подтвердила намерения своей страны выполнить положения заключенного в Ялте соглашения, было встречено союзниками с удовлетворением. Вступление в войну СССР было, безусловно, выгодно всем странам, воевавшим против Японии*.

И хотя окончание войны в этом регионе было не за горами, среди высших представителей политического и военного руководства США все настойчивее обсуждалась идея применения против Японии атомного оружия, работы над созданием которого к лету того года подошли к своему завершению. Однако даже перспектива использования атомной бомбы никак не повлияла на позицию Трумэна. В своих мемуарах он пишет, что в Потсдаме одной из важнейших для него задач было “получить лично от Сталина подтверждение о вступлении России в войну против Японии”²¹.

Группировка японских войск в Маньчжурии, традиционно называемая Квантунской армией, еще в предвоенные годы превратилась в самостоятельное стратегическое объединение. Если в 1944 г. части и подразделения этой группировки еще привлекались для участия в боях в районе Южных морей, то начиная с 1945 г. они были сосредоточены на северо-востоке Китая, существенно пополнив свои запасы горючим, боеприпасами, продовольствием и т.д. В конце июля императорская ставка пришла к выводу: чтобы увеличить мощь своих сил на маньчжурском плацдарме, необходимо перебросить туда как можно большее количество войск, соответственно сократив масштабы боевых действий на китайском фронте²². 17 июля она дала указание и о передислокации из Южной Кореи в Северную 34-й армии, которая с 10 августа вошла в состав 17-го фронта²³.

Для операций на суше намечалось также использовать личный состав флота – около 1,7 млн человек, из которых 1,3 млн уже находились в метрополии, а значит не представляло особого труда быстро передислоцировать их в Корею или Маньчжурию, где к тому времени проводилась тотальная мобилизация местного населения, причем одних только корейцев планировалось призвать 210 тыс. человек²⁴.

Войска Квантунской группировки были сведены во фронтовые и армейские объединения, которые включили три фронта – 1, 3 и 17-й, отдельную 4-ю полевую армию, а всего 42 пехотные и 7 кавалерийских дивизий, 23 пехотные, 2 кавалерийские, 2 танковые бригады и бригаду смертников, 6 отдельных полков, 2 воздушные армии – 2-ю и 5-ю, а также Сунгарийскую военную флотилию. Кроме того, в распоряжении японского командования находились войска 250-тысячной армии мари-

* Руководство и народы Китая приветствовали вступление СССР в войну против Японии, а 14 августа 1945 г. между двумя странами был подписан соответствующий договор.

онеточного государства Маньчжоу-Го вместе с кавалерийскими соединениями князя Дэвана (Тонлопа) – японского ставленника во Внутренней Монголии. Общая численность группировки японских и марионеточных войск к августу 1945 г. превышала 1 млн человек. На своем вооружении она имела 6640 орудий и минометов, 1215 танков, 1907 боевых самолетов и 26 кораблей²⁵.

Наряду с этим японское командование предусматривало возможность использования там жандармских, полицейских, железнодорожных и иных военизированных формирований, а также вооруженных отрядов резервистов-переселенцев. В связи с относительной удаленностью Маньчжурии от метрополии и других японских фронтов в случае острой необходимости на помощь Квантунской группировке войск планировалось перебросить войска Суйюаньской армейской группы и Экспедиционных сил в Китай²⁶.

В зону предстоящих действий советских войск непременно, по мнению японского командования, должны были войти Южный Сахалин и Курильские острова, где к 1945 г. дислоцировалась часть соединений 5-го фронта, штаб которого находился на Хоккайдо, а при неудачном для японцев развитии событий и сам этот остров. Поэтому там держали три пехотные дивизии, отдельную смешанную бригаду, отдельный пехотный и отдельный танковый полки²⁷.

Дальневосточный театр охватывал территорию Маньчжурии, Внутренней Монголии и Северной Кореи. Обширной была и морская часть театра, на которой действовал советский Тихоокеанский флот. Она включала бассейны Охотского, Японского и Желтого морей, а также и акваторию северо-западной части Тихого океана. В меридиональном направлении ее протяженность составляла около 4 тыс. миль (7,5 тыс. км). По своим размерам Дальневосточный театр резко отличался от Европейского. Площадь только сухопутной его части составляла 1,5 млн кв. км, а это территория Германии, Италии и Японии, вместе взятых. С севера на юг Дальневосточный театр простирался на 1500 км, а с запада на восток – на 1200 км. Общая же протяженность границы, вдоль которой предстояло развертываться советским войскам, составляла более 5 тыс. км.

Этот театр представлял собой сочетание горно-таежной, болотистой и пустынной местности с большим количеством рек, озер и болот к востоку от Большого Хингана. Объединения и даже соединения могли вести здесь наступательные действия лишь на отдельных направлениях, порой изолированных друг от друга сотнями километров.

Японцы в предвидении войны с Советским Союзом заблаговременно оборудовали театр военных действий. Они создали целую систему оборонительных сооружений. К августу 1945 г. в Маньчжурии и Корее было построено 20 авиабаз, 133 аэродрома, более 200 посадочных площадок – всего свыше 400 аэродромных точек с оперативной емкостью свыше 6 тыс. самолетов. На территории, занятой Квантунской группировкой войск, располагалось 870 крупных военных складов и хорошо оборудованных военных городков, рассчитанных на 1,5-миллионную армию. Общая протяженность железных дорог вместе с ветками, отходившими от главных магистралей, достигала здесь 14 тыс. км. Квантунская группировка имела в своем распоряжении около 22 тыс. км автомобильных дорог.

Вдоль границ с СССР и МНР японцы возвели 17 мощных укрепленных районов, из них 8 общей протяженностью около 800 км (4500 долговременных сооружений) – против советского Приморья. Каждый укрепленный район простирался от 50 до 100 км по фронту и до 50 км в глубину. На Сахалине и о-вах Курильской гряды (близ Камчатки) береговые артиллерийские батареи были скрыты в железобетонных укрытиях, а воинские гарнизоны расположены в долговременных сооружениях²⁸. Словом, для успешного развития наступления Ставке ВГК предстояло сконцентрировать здесь мощные силы.

Средства материально-технического обеспечения советских войск стали перебрасываться на Дальний Восток уже с февраля²⁹. А начиная с мая по единственной

Транссибирской железнодорожной магистрали было перевезено 2 фронтовых и 4 армейских управления, 15 управлений стрелковых, артиллерийского, танкового и механизированного корпусов, 36 управлений стрелковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских дивизий, а также 53 бригады основных родов сухопутных войск и 2 укрепленных района, что в общей сложности составило 30 расчетных дивизий. Всего к началу военных действий было сосредоточено свыше 87 расчетных дивизий. Сюда же прибыли управления 6-го бомбардировочного авиационного корпуса и 5 авиационных дивизий, 3 корпуса ПВО. С мая по 8 августа с запада на восток было переброшено свыше 403 тыс. военнослужащих, около 275 тыс. единиц стрелкового оружия, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и самоходных артиллерийских установок, 17 374 грузовые автомашины, около 1,5 тыс. тракторов и тягачей, свыше 36 тыс. лошадей³⁰. По пространственному размаху, срокам осуществления, количеству переброшенных войск, оружия, военной техники и материальных средств это была беспрецедентная в истории войн стратегическая перегруппировка.

Личный состав соединений и объединений, особенно офицеры, обладали уникальным боевым опытом. Соединения и части 5-й армии, совсем недавно участвовавшие в прорыве укрепленных оборонительных полос в Восточной Пруссии, были направлены в состав 1-го Дальневосточного фронта, которому предстояло преодолеть сплошную полосу железобетонных укреплений противника, рассчитанных на длительное автономное выживание. А соединения 6-й гвардейской танковой и 53-й общевойсковой армий, имевшие опыт действий в горно-степной местности, были включены в состав Забайкальского фронта. Ведь именно ему предстояло наступать в горных районах и на пустынных просторах Маньчжурской равнины³¹.

Проведение стратегической наступательной операции на Дальнем Востоке Ставка ВГК поручила опытным военачальникам: А.М. Василевскому, Р.Я. Малиновскому, К.А. Мерецкову, М.В. Захарову, С.П. Иванову, А.Н. Крутикову, А.П. Белобородову, Н.Д. Захватаеву, Н.И. Крылову, А.А. Лучинскому, И.И. Людвинову, И.М. Мангарову, И.М. Чистякову и другим.

Тем временем императорская ставка и генеральный штаб армии вместе со штабом квантунской группировки избрали тот вариант оперативного плана, в соответствии с которым в случае войны с СССР оборонительные действия предусматривались лишь на первом этапе, а в последующем намечался переход в контрнаступление и даже вторжение на советскую территорию. Суть замысла японского командования состояла в том, чтобы упорной борьбой в укрепленных приграничных районах и на выгодных естественных рубежах измотать советские войска и не допустить их прорыва в центральные районы Маньчжурии и Корею³². Эту идею предстояло реализовать войскам прикрытия. Составляя примерно третья часть японской группировки, они включали армию Маньчжоу-Го, пограничные войска и часть полевых войска.

Главные силы этих войска были сосредоточены в Центральной Маньчжурии. На первом этапе им предстояло ликвидировать прорыв советских войска на любом операционном направлении путем проведения мощных контрударов, но с неизменным сохранением компактности всей группировки. В случае неблагоприятного исхода оборонительной операции японское командование предусматривало отвод войска на рубеж Чанчунь, Мукден, Цзиньчжоу, а при невозможности закрепиться там – в Корею, где планировалось организовать отпор на рубеже рек Тумыньцзян и Ялуцзян³³. Разрабатывался и другой вариант: использовать Маньчжурию в качестве “последнего оплота империи”. Туда должны были эвакуироваться император и его окружение, если бы японским войскам под ударами американо-британских соединений пришлось оставить метрополию. А “противостоять превосходившим по силе и подготовке советским войскам” Квантунская группировка, по мнению японского командования, “способна была в течение года”³⁴.

По предварительным прогнозам японского командования, первый этап должен был продлиться где-то около трех месяцев. Считалось, что только прорыв пригра-

ничной полосы долговременных укреплений займет у советских войск не меньше месяца, да два месяца уйдет у них на то, чтобы продвинуться до рубежа Байчэн, Цицикар, Бэйань, Цзямусы, Муданьцзян. Еще три месяца им потребуются, чтобы подтянуть тылы и подготовиться к операциям. На захват советскими войсками остальной части Маньчжурии и Внутренней Монголии японцы отводили примерно полгода³⁶. За это время японское командование рассчитывало перегруппировать силы для контрнаступления и при благоприятном развитии событий, вторгнувшись на территорию СССР, добиться почетных условий мира.

Немалые надежды возлагались на организацию партизанских действий на занятой противником территории. Мелкие группы диверсантов, по возможности из числа белоэмигрантов, а также смертники должны были проводить небольшие по масштабам, но систематические и с решительными целями “специальные операции”³⁶.

ПОДГОТОВКА К БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ

План военных действий вооруженных сил СССР предусматривал проведение Маньчжурской стратегической наступательной операции, Южно-Сахалинской наступательной операции, Курильской десантной операции и десантной операции по овладению северной частью о-ва Хоккайдо до линии, протянувшейся от г. Кусиро до г. Румоз³⁷.

Цели вступления Советского Союза в войну сводились к следующему: обеспечение безопасности своих дальневосточных рубежей, не раз подвергавшихся угрозе со стороны Японии; выполнение союзнических обязательств; стремление приблизить окончание второй мировой войны, которая продолжала приносить народам неисчислимые страдания; желание оказать помощь трудящимся Восточной Азии в их освободительной борьбе; восстановление исторических прав СССР на территории, ранее отторгнутые у России Японией. Как указывалось в заявлении правительства СССР, немаловажное значение имело стремление дать возможность японскому народу избежать тех опасностей и разрушений, которые были пережиты немецким народом после отказа нацистских лидеров от безоговорочной капитуляции³⁸.

Общее руководство военными действиями в кампании осуществляло Главное командование советских войск на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А.М. Василевским. К тому времени это был один из опытнейших военачальников. С июня 1942 г. он возглавлял Генеральный штаб, но почти всю войну провел в качестве представителя Ставки ВГК на фронтах, координируя их действия. Это позволило маршалу не только приобрести неоценимый опыт вождения войск, но и создало ему заслуженный авторитет среди солдат и офицеров. Однако наиболее ярко полководческий талант Василевского раскрылся именно в кампании на Дальнем Востоке.

К участию в военных действиях против Японии планировалось привлечь войска трех фронтов, силы Тихоокеанского флота, Краснознаменной Амурской военной флотилии, три армии ПВО – Забайкальскую, Приамурскую и Приморскую, 4 кавалерийские дивизии, бронебригаду, танковый и артиллерийский полки, авиационную дивизию³⁹, а также войска монгольской Народно-революционной армии во главе с маршалом Х. Чойбалсаном. К началу военных действий были сосредоточены 11 общевойсковых, танковая и 3 воздушные армии. Советская группировка насчитывала более 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов, свыше 5200 танков и самоходных артиллерийских установок, более 5 тыс. боевых самолетов. В полной боевой готовности находились корабли (93 боевых надводных корабля основных классов, 78 подводных лодок и 273 катера) и авиация (1618 боевых самолетов) Тихоокеанского флота, которым с 1941 г. командовал адми-

рал И.С. Юмашев. Краснознаменную Амурскую флотилию возглавлял контр-адмирал Н.В. Антонов⁴⁰.

Подготовка к Дальневосточной кампании началась задолго до открытия военных действий. Маршал Василевский вспоминал: “То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 года. После окончания Белорусской операции И.В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией... Как только закончилась Восточно-Прусская операция, я был отозван Ставкой с 3-го Белорусского фронта по должности заместителя народного комиссара обороны. 27 апреля я включился в работу над планом войны с Японией”⁴¹. Практически же активная подготовка к боевым действиям на Дальнем Востоке началась сразу после возвращения советской делегации с Крымской конференции.

19 марта 1945 г. Ставка ВГК издает первую директиву по Дальневосточной кампании, в которой намечается создание южнее Хабаровска нового фронтового объединения. Тогда же из состава Дальневосточного фронта и была выделена Приморская группа войск. Ее командующим был назначен маршал К.А. Мерецков, обладавший большим опытом прорыва укрепленных районов. В состав группы включались 1-я Краснознаменная, 25-я и 35-я общевойсковые армии, 10-й механизированный корпус и 9-я воздушная армия⁴².

Ставка ВГК понимала, что повышенная активность в войсках не может не привлечь внимание японцев. Не исключалось и обострение обстановки, вплоть до нападения на приграничные территории СССР. Поэтому 26 марта войска Приморской группы и Дальневосточного фронта получили приказ противопоставить возмозному нападению мощную оборону на всех направлениях, а тем более на участках соприкосновения с войсками Квантунской группировки. Приморская группа во взаимодействии с кораблями Тихоокеанского флота должна была упорной обороной не допустить вторжение противника на советскую территорию, не говоря уже о высадке и закреплении его на побережье от устья р. Тумэнь-Ула до мыса Сосунова, а кроме того, обеспечить сосредоточение новых сил в Приморье⁴³. При организации обороны особое внимание обращалось на обеспечение бесперебойности работы железных дорог, надежное прикрытие иманского, лесозаводского, спасского и ворошиловского направлений, а также районов Приморья, непосредственно прилегающих к Маньчжурии.

Не менее ответственные задачи предстояло решать Дальневосточному фронту. Во взаимодействии с Северной Тихоокеанской и Краснознаменной Амурской флотилиями он должен был не допустить вторжение японцев в пределы советской территории, высадку и закрепление их на побережье Татарского пролива, прежде всего в районе Советской Гавани, на Сахалине и Камчатке, обеспечить сосредоточение новых сил на Дальнем Востоке. Как и в Приморье, здесь важно было обеспечить четкую работу железных дорог, а также прочное прикрытие сковородинского, благовещенского, завитинского и архаринского направлений, районов Хабаровска, Николаевска-на-Амуре, Александровска-Сахалинского и Петропавловска-Камчатского⁴⁴.

Замысел Дальневосточной кампании окончательно определился в апреле. Суть его состояла в том, чтобы одновременным вторжением советских войск из Забайкалья, Приморья и Приамурья в пределы Маньчжурии нанести сокрушительные удары по Квантунской группировке и освободить от японских оккупантов северо-восточные провинции Китая и Северную Корею. Предусматривались два глубоких и мощных встречных удара – с территории Монгольской Народной Республики и советского Приморья, что должно было поставить войска Квантунской группировки перед необходимостью вести оборону на два фронта. Намечались и несколько вспомогательных ударов из Забайкалья и Приамурья по сходящимся к центру Маньчжурии направлениям. Для изоляции Квантунской группировки от Экспедиционных сил, сосредоточенных в Китае, и от метрополии планировались вспомо-

гательные удары на калган-бэйпинском направлении с выходом на побережье Желтого моря и вдоль восточного побережья Северной Кореи. Далее в зависимости от того, удастся ли разгромить японские войска в Маньчжурии и Северной Корее, намечалось освобождение от японцев Южного Сахалина и Курильских островов, а в случае их сопротивления планировалось высадить крупный десант на о-в Хоккайдо.

Замысел, разработанный в Генеральном штабе, 27 июня был в целом одобрен Ставкой ВГК, утвержден ЦК партии и Государственным Комитетом Обороны, лишь вопрос о высадке на Хоккайдо остался открытым⁴⁵. На следующий день командующие Забайкальским и Дальневосточным фронтами, а также Приморской группой войск получили конкретные задачи. Войска Забайкальского фронта под командованием Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского должны были расчлнить 3-й фронт японцев на две части, преодолеть пустынную степь и горный хребет Большого Хингана, а затем по кратчайшему направлению стремительно выйти к жизненно важным районам Центральной Маньчжурии и, разгромив совместно с Приморской группой и Дальневосточным фронтом Квантунскую группировку войск, овладеть районом Чифын, Мукден (Шэньян), Чанчунь, Чжаланьтунь⁴⁶.

Главный удар Ставка требовала нанести силами трех общевойсковых (17, 39 и 53-й) и одной танковой (6-й гвардейской) армий в обход Халун-Аршанского укрепленного района с юга в общем направлении на Чанчунь, причем все армии вводились на широком фронте. 6-й гвардейской танковой армии генерал-полковника А.Г. Кравченко ставилась задача к десятому дню наступления закрепиться на перевалах через Большой Хинган, чтобы помешать противнику переброску резервов из Центральной Маньчжурии.

Соединениям монгольской Народно-революционной армии, действовавшим в составе конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И.А. Плиева, предстояло ударом на Калган (Чжанцзякоу) и Долоннор (Долунь) сковать те войска противника, что занимали оборону на правом крыле Забайкальского фронта. В то время как левифланговая 36-я армия должна была овладеть Хайларским укрепленным районом, остальным силам надлежало прочно оборонять государственную границу и быть в готовности наступать на хайларском направлении в обход Маньчжуро-Чжалайнорского укрепрайона на Цицикар⁴⁷.

Приморская группа (с 5 августа 1-й Дальневосточный фронт) под командованием Маршала Советского Союза Мерецкова получила задачу вторгнуться с территории советского Приморья в центральные районы Маньчжурии, совместно с войсками Забайкальского и Дальневосточного фронтов разгромить Квантунскую группировку и овладеть районом Харбин, Чанчунь, Сейсин (Чхонджин)⁴⁸. В соответствии с планом Приморская группа главный удар должна была нанести в направлении Харбина силами двух общевойсковых (1-й Краснознаменной и 5-й) армий, 10-го механизированного корпуса и кавалерийской дивизии. Для прикрытия правого крыла Приморской группы и обеспечения бесперебойной работы железной дороги на участке Хабаровск–Владивосток 35-й армии было приказано наступать в общем направлении на Мишань. С юга ударную группировку поддерживали войска 25-й армии, которой в последующем предстояло пробиваться к портам Северной Кореи.

Выполнение Приморской группой поставленных задач позволило бы вывести основные ее силы навстречу войскам Забайкальского и Дальневосточного фронтов, а следовательно, расчлнить 1-й японский фронт, отбросив одну часть сил противника на север, а другую – на юг. Изолировать маньчжурскую группировку японских войск от той группировки, что дислоцировалась в Северной Корее, планировалось совместными действиями 25-й армии (к тому времени она должна была выйти к морскому побережью) и кораблей Тихоокеанского флота.

Дальневосточный (с 5 августа 2-й Дальневосточный) фронт под командованием генерала армии М.А. Пуркаева получил задачу, форсировав реки Амур и Уссури в районе Ленинское, Бикин, нанести главный удар вдоль Сунгари в направлении

Харбина силами 15-й армии во взаимодействии с Амурской флотилией; одновременно прочно прикрывать важные объекты на северном берегу Амура со стороны Маньчжурии и побережье Татарского пролива с моря. После того как войска фронта соединятся с частями Приморской группы, наступавшими на Харбин с востока, они должны были расцечь группировку противника в северо-восточной части Маньчжурии.

После достижения успеха на сунгарийском направлении 2-й Краснознаменной армии надлежало нанести вспомогательный удар из района Благовещенска на Цицикар, чтобы во взаимодействии с войсками левого крыла Забайкальского фронта расчленил и уничтожить японскую группировку в северо-западной части Маньчжурии. На Дальневосточный фронт возлагалась задача совместно с силами Тихоокеанского флота очистить южную часть Сахалина. Иными словами, войска этого фронта должны были с помощью ряда последовательных ударов воспрепятствовать приамурской группировке противника отойти в центральную часть Маньчжурии, а затем во взаимодействии с соседними фронтами окружить, расчленил и уничтожить ее по частям в районах Харбина и Цицикара.

Тихоокеанскому флоту под командованием адмирала Юмашева была поставлена задача надежно прикрывать свои порты и морские коммуникации. Кроме того, совместно с сухопутными войсками он должен был овладеть портами и военноморскими базами в Северной Корее и на Сахалине, очистить от японцев Курильские острова и быть в готовности обеспечить высадку крупного десанта на о-в Хоккайдо.

Таким образом, замысел этой совершенно беспрецедентной по масштабам стратегической операции был определен с учетом особенностей театра и характера предстоявших военных действий. Выбор операционных направлений был обусловлен не только принятой формой ведения стратегической наступательной операции, характером группировки японских войск и системы их обороны, но и своеобразием конфигурации государственной границы и физико-географическими условиями местности. Войска фронтов были нацелены на ведение решительных действий, обеспечивавших быстрый разгром Квантунской группировки, а нанесение двух встречных ударов позволяло в ограниченные сроки завершить окружение основных ее сил.

Ставка Верховного Главнокомандования стремилась претворить в жизнь свой замысел путем последовательного решения ряда задач. Прежде всего имелось в виду быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступные горно-пустынную и горно-таежную полосы местности, а затем главные силы трех взаимодействующих фронтов вывести на рубежи, с которых они могли бы развить наступление на жизненно важные узлы обороны противника.

Особенно интенсивно подготовка войск к наступлению началась с получением фронтами директив на разгром Квантунской группировки. В соответствии с полученными задачами вырабатывались и решения. Все было направлено на то, чтобы разгромить противника в сжатые сроки и с минимальными потерями. В ходе большой и кропотливой работы удалось выбрать такие варианты, которые должны были нарушить все планы японского командования задержать советские войска в зонах укрепленных районов и на отрогах Большого Хингана. Так, за счет тщательной подготовки к трудному маршу через горные кряжи (надежной организации всестороннего обеспечения, взаимопомощи танкистов, пешехотинцев, саперов, повышения обученности экипажей) была изыскана возможность преодоления войсками 6-й гвардейской танковой армии Большого Хингана не на десятый день операции, как предусматривалось замыслом, а не позднее пятого дня с начала наступления. Это позволяло значительно сократить сроки выхода общевойсковых армий Забайкальского фронта в пределы Маньчжурской равнины. А 17-я армия должна была захватить Дабаньшан (Балиньюци) уже к исходу пятого дня наступления⁴⁹.

Важное место отводилось поиску способов преодоления укрепленных районов, особенно сплошной их зоны в Приморье. В войсках отрабатывались приемы прорыва ночью железобетонных укреплений без предварительного их огневого разрушения, с использованием промежутков между опорными пунктами, узлами сопротивления и отдельными железобетонными сооружениями. Учитывались и такие варианты, чтобы уничтожать гарнизоны дотов непосредственно в казармах.

Совершенно по-иному, чем на Европейском театре военных действий, пришлось решать проблему своевременного вывода войск в выжидательные и исходные районы. Например, в Забайкалье в связи с ограниченным количеством железных дорог решили выгружать прибывавшие с запада войска в 500–600 км от исходных районов, а затем своим ходом выдвигать их к линии фронта.

Поскольку пустынно-степная местность существенно затрудняет маскировку войск, необходимо было обеспечить скрытность создания ударных группировок. Это достигалось за счет организации последовательного (поэтапного) вывода и развертывания войск. Вначале соединения и части из мест постоянной дислокации или со станций выгрузки выдвигались в районы сосредоточения, которые, как правило, отстояли от государственной границы на 150 км и даже далее. В последующем они под видом учений выводились в выжидательные районы, подготовленные или только намеченные в 60–90 км от границы. Более двух недель войска в этих районах усиленно готовились к предстоящему наступлению с учетом реальной обстановки.

Особое внимание обращалось на подготовку личного состава, не имевшего боевого опыта. Архивные материалы свидетельствуют, что значительная, а в некоторых объединениях и большая часть солдат и сержантов поступала на укомплектование соединений из состава запасных полков и ранее участия в боях не принимала (в 5-й армии их было более 60%). А инспекторская проверка танковых войск вскрыла существенные недостатки в подготовке штабов и подразделений. Выявилось, что прибывавшие на пополнение механики-водители имели практику вождения не более восьми часов каждый, знаний и навыков по обслуживанию машин у них почти не было, материальную часть знали плохо и, следовательно, водить танки без дополнительной подготовки в условиях Дальнего Востока не могли.

Разумеется, на ликвидацию этих недостатков потребовалось дополнительное время. Выход ударных группировок в исходные районы осуществлялся исключительно ночью. Подобным образом проходило развертывание ударных группировок 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов. Закрытая местность позволяла максимально приблизить выжидательные районы к обороне противника и до минимума сократить сроки выхода в исходные для наступления районы⁵⁰.

Командиры и политорганы всех звеньев отчетливо сознавали, какое огромное значение имеет морально-психологическая подготовка личного состава к наступлению. Продуманная до мелочей, она проводилась в два этапа в тесной связи с организациями ВКП(б) Хабаровского и Приморского краев. На первом этапе главным было признано разъяснение воинам политического значения заявления советского правительства от 5 апреля 1945 г. В документах военных советов фронтов и флота подчеркивалось, что, как только будет объявлено о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете, необходимо направить все усилия командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций на повышение боевой выучки войск, усиление пропаганды боевого опыта войны с Германией. Военный совет Приморской группы в своей директиве от 16 мая предложил повысить уровень воспитания воинов в духе любви к Родине и ненависти к японскому милитаризму, шире пропагандировать мужество и отвагу фронтовиков в борьбе с германским фашизмом, освещать героизм советских воинов в боях у оз. Хасан и в районе р. Халхин-Гол⁵¹.

На втором этапе морально-психологическая подготовка проводилась с учетом конкретных условий. Так, воины, прибывшие из-под Праги и из Восточной Прус-

сии, нацеливались на быстрейшее овладение способами боевых действий на новом театре, изучение военно-политического положения Японии, структуры японских войск и их тактики, традиций и обычаев японского народа. Поскольку войска 1-й Краснознаменной армии постоянно дислоцировались на Дальнем Востоке, а 5-я армия только в июне прибыла в состав фронта из Восточной Пруссии, из боевых офицеров были созданы лекторские группы, которые, используя свой опыт, проводили беседы по тематике, связанной с преодолением мощных укреплений обороны противника.

Примечательной особенностью Дальневосточной кампании было участие в ней монгольской Народно-революционной армии. На совместных учениях командиры и политработники союзных армий отработывали боевое взаимодействие войск, способы ведения боя в горно-пустынной местности. Регулярно устраивались встречи воинов – участников боев в районе р. Халхин-Гол.

Вся деятельность по подготовке к военным действиям велась с таким расчетом, чтобы японцы не раскрыли планы советского командования относительно ведения операций и войны в целом. За неделю до начала боевых действий войска были практически готовы выступить для разгрома Квантунской группировки противника.

7 августа командование Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов получило директиву Ставки ВГК. Она предписывала с 9 августа начать боевые действия для выполнения задач, поставленных еще 28 июня. А 8 августа в Москве в 23 часа японскому послу было передано заявление советского правительства, в котором говорилось, что в связи с отказом Японии прекратить военные действия против США, Великобритании и Китая Советский Союз с 9 августа считает себя в состоянии войны с ней. В заявлении далее указывалось, что этот шаг является “единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий”⁵².

ПОСЛЕДНЯЯ ТОЧКА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

9 августа около часа ночи (по хабаровскому времени) передовые и разведывательные отряды трех фронтов пересекли государственную границу и вклинились в пределы Маньчжурии. На рассвете в наступление перешли и главные силы⁵³. Вместе с Красной Армией действовали пограничники и воины-речники. Так началась Дальневосточная кампания советских вооруженных сил, в которой блестяще проявились боевой опыт и военное искусство, накопленные в Великой Отечественной войне.

Наступление войск 1-го Дальневосточного фронта проходило под проливным дождем. Однако в первый же день соединения 1-й Краснознаменной армии под командованием генерал-полковника А.П. Белобородова и 5-й армии генерал-полковника Н.И. Крылова без артиллерийской подготовки пробили брешь в укрепленных районах противника и продвинулись в глубь Маньчжурии почти на 20 км⁵⁴. Особо отличился один из батальонов 215-й стрелковой дивизии 5-й армии, которым командовал Герой Советского Союза капитан Д.Е. Москалев. Под покровом темноты подразделения батальона выдвинулись на рубеж государственной границы и, используя промежутки в укреплениях, стремительной атакой блокировали доты и дзоты; разгромив гарнизон противника, они еще до рассвета полностью нарушили его оборону на этом направлении.

На забайкальском направлении войска фронта под командованием маршала Р.Я. Малиновского еще в приграничной зоне сорвали планы противника втянуть их в изнурительные бои. Соединения 36-й армии под командованием генерал-лейтенанта А.А. Лучинского и 39-й армии генерал-полковника И.И. Людникова при активной поддержке авиации овладели Маньчжуро-Чжалайнорским укрепленным районом, с юга обошли Халун-Аршанский укрепрайон и устремились вперед. В это

же время 6-я гвардейская танковая армия генерала А.Г. Кравченко и конно-механизированная группа генерала И.А. Плиева разгромили войска прикрытия противника и двинулись к Большому Хингану.

К исходу первого дня войска 36-й армии стали развивать наступление на г. Хайлар. Советские танки с автоматчиками на броне, совершив обходной маневр, захватили железнодорожную станцию Хайлар и мосты на восточной окраине города. На рассвете японский гарнизон попытался выбить передовой отряд советских войск с занимаемых позиций. Бои за Хайлар приняли ожесточенный характер. Контратаки противника следовали одна за другой, но верх одержали советские войска, сломив его сопротивление.

В иной обстановке проходило наступление 2-го Дальневосточного фронта под командованием генерала М.А. Пуркаева. Оно началось здесь активными действиями Краснознаменной Амурской флотилии против японских баз на р. Сунгари. Одновременно войска 15-й армии генерал-лейтенанта С.К. Мамонова с помощью кораблей флотилии форсировали Амур и своими передовыми частями захватили все основные острова на реке, а затем плацдармы на маньчжурском берегу.

И в последующие дни наступление советских войск развивалось успешно. Особенно стремительно продвигались вперед войска Забайкальского фронта. Уже 12 августа соединения 6-й гвардейской танковой армии, действовавшей в первом оперативном эшелоне, а не в качестве передовой группы для развития успеха, как это было принято в войне с Германией, преодолели неприступный, по мнению японских генералов, Большой Хинган и вырвались на Маньчжурскую равнину, оказавшись таким образом в глубоком тылу Квантунской группировки, а значит, и упредив выход ее основных сил к этому горному хребту. За первые пять суток танкисты преодолели более 450 км и к исходу 12 августа устремились к ключевым центрам Маньчжурии – Чанчуню и Мукдену.

О героизме воинов этого фронта лучше всего свидетельствуют боевые донесения. Вот что говорилось, например, в одном из них: “Точно в установленный срок части и соединения армии (53-й. – *Ред.*) подошли к Большому Хингану и тут же по горным верблужьим тропам, по совершенно не известной местности, где никогда не проходили войска, начали форсировать его, не имея при этом ни точных географических (топографических. – *Ред.*) карт этого района, ни проводников... Путь пришлось прокладывать через горы и заболоченные узкие долины. Потребовались огромные усилия, люди по несколько суток работали без сна и отдыха на устройстве дорог, проходов, взрывали скалы, засыпали овраги, на себе таскали через горы, по болотам и пескам машины, пушки, повозки, на руках переносили боеприпасы”⁵⁵.

А командир 1136-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии 39-й армии полковник Г.Г. Савокин сообщал: “Если бы мне раньше сказал кто-либо, что мой полк пройдет по горячим пескам, по горам и ущельям со скоростью марша до 65 километров в сутки, с ограниченным запасом воды и с такой нагрузкой, я бы ни за что не поверил... Великий Суворов был мастером больших переходов, но он водил натренированных солдат, служивших 20–25 лет, а у меня в полку была молодежь 1927 года рождения... Так идти, как мы идем, могут только люди, обладающие высоким моральным духом”⁵⁶.

Войскам 1-го Дальневосточного фронта пришлось преодолевать труднопроходимую горно-таежную местность. Прорвав железобетонный пояс укрепленных районов, они продвинулись в глубь Маньчжурии на 120–150 км и завязали бои за крупный узел сопротивления – г. Муданьцзян.

На сунгарийском направлении (в полосе 2-го Дальневосточного фронта) войска 15-й армии генерал-лейтенанта С.К. Мамонова овладели городами Тунцзян (Лахасусу) и Фуцзинь (Фугдин). Отсюда им предстояло продвигаться по заболоченной пойме Сунгари к важному узлу дорог Цзямусы. В труднейших условиях бездорожья и разлившейся реки Сунгари советские пехотинцы, танкисты и моряки дрались самоотверженно и упорно. На подступах к г. Цзямусы танк лейтенанта

Н.Ф. Романов уничтожил несколько огневых точек противника, но и сам подорвался на mine. Японцы окружили танкистов в надежде захватить танк и уничтожить его экипаж. Шесть часов сражались танкисты, отбивая яростные атаки врага, и все-таки вышли из, казалось бы, безвыходного положения победителями. За этот бой лейтенант Романов был удостоен звания Героя Советского Союза⁵⁷.

Благодаря сокрушительным ударам советских войск мощные японские укрепленные линии, созданные по рекам Амур и Уссури и по Большому Хинганскому хребту, были прорваны. А там, где японцы продолжали упорно сопротивляться, советские войска их блокировали и обошли. За первые шесть дней наступления советские и монгольские войска разгромили противника в 16 укрепленных районах. За это время Забайкальский фронт продвинулся на 250–400 км, 1-й Дальневосточный – на 120–150 км, а 2-й Дальневосточный – на 50–200 км⁵⁸.

Войска 1-го Дальневосточного фронта продолжали успешно наступать на всех направлениях, кроме муданьцзянского, где войска 1-го японского фронта оказали упорное сопротивление соединениям 1-й Краснознаменной и 5-й армий. Учитывая оперативно-стратегическое значение Муданьцзяна, командование Квантунской группировки принимало все меры к тому, чтобы любой ценой удержать этот крупный узел дорог, открывавший с востока путь на Маньчжурскую равнину. Город прикрывали четыре оборонительных рубежа по три–четыре линии траншей в каждом, с множеством дотов и блокгаузов. Большинство крупных зданий было также приспособлено к обороне. Муданьцзян обороняли соединения 5-й японской армии. Бои за город продолжались несколько суток. Подтянув подкрепления и создав превосходство в силах, японцы 12–13 августа нанесли сильные контрудары по вклинившимся в их оборону советским войскам, пытаясь восстановить положение. Им удалось потеснить части 26-го стрелкового корпуса на 8–10 км к северу.

Тогда командование 1-го Дальневосточного фронта перегруппировало войска и вновь развернуло наступление на Муданьцзян. К исходу 16 августа в результате совместных ударов 1-й Краснознаменной и 5-й армий город был взят. В этих боях японцы потеряли свыше 40 тыс. солдат и офицеров, т.е. две трети состава муданьцзянской группировки. Остатки 5-й армии в беспорядке отступили к Харбину. Захваченный в плен командующий этой армией генерал-лейтенант Н. Симидзу заявил: “Мы не ожидали, что русская армия пройдет через тайгу, и наступление внушительных сил русских со стороны труднодоступных районов оказалось для нас совершенно неожиданным”. По его собственному признанию, после понесенных потерь “оказывать дальнейшее сопротивление армия не могла”⁵⁹.

На втором этапе Маньчжурской наступательной операции (15–20 августа) был завершен разгром основных сил Квантунской группировки, освобождены важнейшие политические и экономические центры Северо-Восточного Китая и Северная Корея. Началась массовая капитуляция японских войск. Очаговое сопротивление некоторых гарнизонов противника уже не могло существенным образом повлиять на ситуацию в пределах континентальной части Дальневосточного ТВД. Однако порой оно было весьма ожесточенным. Так, серьезное сопротивление десантникам Тихоокеанского флота оказал гарнизон г. Сейсин – важной военно-морской базы. В боях за г. Сейсин отличился передовой отряд морского десанта во главе с Героем Советского Союза старшим лейтенантом В.Н. Леоновым. Только в ночь на 15 августа японцы предприняли 14 контратак, пытаясь сбросить десантников в море. В одной из контратак взвод мичмана А.М. Никандрова оказался отрезанным от основных сил десанта и более суток удерживал свои позиции. За героизм и высокое воинское мастерство мичману А.М. Никандрову было присвоено звание Героя Советского Союза, а командир отряда В.Н. Леонов получил вторую Золотую Звезду.

С 11 августа советские войска и силы флота вели боевые действия по освобождению Южного Сахалина, а с 18-го – Курильских островов. Южно-Сахалинская наступательная операция была осуществлена силами 56-го стрелкового корпуса

16-й армии генерал-лейтенанта Л.Г. Черемисова (2-й Дальневосточный фронт) и Северной Тихоокеанской флотилии, которой командовал вице-адмирал В.А. Андреев. Боевые действия корпуса начались утром 11 августа. Японские войска, опираясь на мощный Котонский укрепленный район у перевала Харамы-Тогэ, оказали упорное сопротивление. Самый ожесточенный бой разгорелся 16 августа. В ходе предпринятой контратаки японцы вклинились в боевые порядки 79-й стрелковой дивизии. Артиллеристы старшего лейтенанта П.Н. Сидорова выкатили орудия на прямую наводку. Большие потери от точных ударов заставили противника отойти в исходное положение. Одна эта батарея в общей сложности уничтожила до роты японцев, разрушила четыре дота и шесть наблюдательных пунктов. Командир батареи П.Н. Сидоров был удостоен звания Героя Советского Союза⁶⁰.

Соединения корпуса, осуществив смелый маневр по болотистой местности, вышли с тыла к вражеским укреплениям. К исходу 17 августа они разгромили гарнизон Котонского укрепленного района, а с утра 19-го, выйдя на оперативный простор, стали стремительно продвигаться в южные районы Сахалина. Этому во многом способствовали морские десанты, высаженные Северной Тихоокеанской флотилией в Торо и Маока. Однако сломить сопротивление японских войск на Сахалине к 22 августа, как планировалось, не удалось. Крупные бои за южную часть острова завершились лишь к утру 25-го, когда десантники заняли военно-морскую базу в Отомари, а части корпуса вступили в Тойохара – административный центр Южного Сахалина⁶¹.

Успех Курильской десантной операции определили бои за самый северный и наиболее укрепленный в Большой Курильской гряде остров – Шумшу (18–23 августа). В борьбе за него принимали участие воины Камчатского оборонительного района под командованием генерал-майора А.Р. Гнечко и силы Тихоокеанского флота. Высадка десанта состоялась утром 18 августа. С самого начала смело и решительно действовал отряд десантников под командованием старшего лейтенанта С.А. Савушкина. Когда путь им преградил один из вражеских дотов, старшина 1-й статьи Н.А. Вилков подполз к амбразуре и закрыл ее своим телом. Его примеру последовал молодой матрос П.И. Ильичев, закрывший собой другую амбразуру. Подвиги отважных моряков обессмертили их имена. Мыс Башенный на Камчатке был переименован в мыс Вилкова, а именем Ильичева названы бухта и мыс, а также одна из школ на Камчатке. Оба они были удостоены звания Героя Советского Союза посмертно⁶².

Упорное сопротивление японского гарнизона острова, а кроме того, ошибки в организации и проведении высадки десанта потребовали принятия срочных мер. Десант усилили двумя стрелковыми полками, переброшенными с Камчатки. А в ночь на 21 августа Верховный Главнокомандующий лично отдал распоряжение на один-два дня приостановить боевые действия по очистке о-ва Шумшу, чтобы все силы бросить на овладение портом Катаока. Принятые меры возымели действие: сопротивление противника было сломлено. Остальные острова Большой Курильской гряды, до о-ва Уруп включительно, были последовательно заняты войсками Камчатского оборонительного района, а все острова к югу от него – частями 87-го стрелкового корпуса, переброшенными накануне морем на Южный Сахалин из состава 1-го Дальневосточного фронта. 1 сентября морские десанты высадились на о-ов Кунашир и крупнейший остров Малой Курильской гряды Шикотан (Шпанберга), а 4 сентября небольшие подразделения войск беспрепятственно высадились на группе мелких островов Хабомаи⁶³. Приемом капитуляции японских гарнизонов на этих островах завершилась Курильская десантная операция.

Итак, Дальневосточная кампания советских вооруженных сил продолжалась менее четырех недель. Несмотря на возникавшие в ходе нее проблемы, она оказалась самой скоротечной за всю вторую мировую войну. Но по размаху, динамизму событий и конечным результатам эта кампания занимает одно из важнейших мест в событиях той войны.

А почему же Ставка ВГК отказалась от высадки советских войск на о-ов Хоккайдо? Анализ архивных документов показывает, что в соответствии с указаниями Сталина в десантной операции на Хоккайдо должны были участвовать две-три стрелковые дивизии 87-го стрелкового корпуса, предварительно переброшенные из Приморья на Сахалин, истребительная и бомбардировочная авиационные дивизии из состава 9-й воздушной армии 1-го Дальневосточного фронта, боевые и вспомогательные корабли Тихоокеанского флота, а также суда морского торгового флота, предназначенные для переброски десантируемых войск⁶⁴, которую планировалось провести с 19 августа по 1 сентября⁶⁵.

О ходе подготовки десантной операции на Хоккайдо Василевский систематически докладывал лично Верховному Главнокомандующему. В очередной шифровке от 20 августа маршал сообщал: “В настоящее время я и командование первым Дальневосточным фронтом серьезно заняты подготовкой десантной операции на остров Хоккайдо. Сейчас ведем морскую разведку, готовим авиацию, артиллерию, пехоту и транспортные средства. С Вашего разрешения морскую операцию здесь начнем после занятия южной части Сахалина, ориентировочно 22.8.45”⁶⁶.

Реализуя указания Сталина от 20 августа, маршал Василевский в тот же день приказал командующим 1-м и 2-м Дальневосточными фронтами, командующим Тихоокеанским флотом и Военно-воздушными силами на Дальнем Востоке быть в готовности к проведению операции на Хоккайдо к исходу 23 августа. Общее руководство авиацией в войне с Японией Ставка ВГК возложила на главного маршала авиации А.А. Новикова⁶⁷.

Однако, как показал ход событий, проведение операции можно было начать не ранее 25 августа из-за того, что Южно-Сахалинская наступательная операция несколько затянулась и сломить сопротивление противника к 22 августа, как намечалось, не удалось. Хотя официальным днем завершения этой операции считается 25 августа, мелкие группы японских военнослужащих продолжали оказывать сопротивление и после этой даты. Следовательно, на участие занятых здесь советских войск в каких-то других операциях можно было рассчитывать только после перегруппировки и пополнения. Вместе с тем обстановка в районе Курильских островов по-прежнему оставалась сложной: следом за о-ом Шумшу еще предстояло очистить от японцев остальные острова Курильской гряды.

Но дело даже не в этом. Верх одержали другие соображения. Во-первых, оккупация о-ва Хоккайдо утратила свое военно-стратегическое значение для обеспечения безаговорочной капитуляции Японии. А во-вторых, выраженное Сталиным желание по поводу того, чтобы представители советского командования приняли капитуляцию японских войск в северной части этого острова, встретило негативную реакцию президента США Трумэна⁶⁸.

Вот почему Верховный Главнокомандующий в первой половине 22 августа приказал маршалу Василевскому приостановить подготовку к высадке на о-в Хоккайдо. В тот же день Василевский продублировал этот приказ главнокомандующему Военно-Морскими Силами СССР адмиралу флота Кузнецову и командующему Тихоокеанским флотом адмиралу Юмашеву. В шифротелеграмме маршала указывалось: “От операции по десантированию наших войск с острова Сахалин на остров Хоккайдо необходимо воздержаться впредь до особых указаний Ставки”. В той же шифротелеграмме Василевский просил моряков перебросить головную дивизию 87-го стрелкового корпуса с о-ва Сахалин на южные острова Курильской гряды Кунашир и Итуруп, “минуя остров Хоккайдо”⁶⁹. 27 августа начальник штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке генерал-полковник С.П. Иванов разослал приказ главкома: “Во избежание создания конфликтов и недоразумений в отношении союзников категорически запретить посылать какие бы то ни было корабли и самолеты в сторону о. Хоккайдо”⁷⁰.

Таким образом, мощные удары по сосредоточенной близ границ Советского Союза и Монгольской Народной Республики крупной группировке японских сухопутных войск, а также операции на Сахалине и Курилах привели к быстрому разгрому противника, потере им контроля над Маньчжурией, Северной Кореей, Южным Сахалином и Курильскими островами, а главное – к коренному изменению военно-политической обстановки в Азии. За период войны с Советским Союзом общие потери противника составили свыше 700 тыс. солдат и офицеров, из них около 84 тыс. погибшие и более 640 тыс. пленные (среди них 609,5 тыс. – японской национальности). В это число не входят пропавшие без вести. Советские войска захватили 4300 орудий и минометов (гранатометов), 686 танков, 861 самолет и другую военную технику⁷¹. Только на Южном Сахалине и Курильских островах было разоружено и пленено 68 762 японских солдата и офицера⁷². За неполные две недели в Маньчжурии была разгромлена одна из самых боеспособных группировок противника. Такого поражения Япония не переживала за всю вторую мировую войну.

Столь блестящая победа далась не просто. СССР потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек, из них 24 425 – это заболевшие и те, кто выжил после ранения⁷³. Из 1298 человек, составивших общие потери Тихоокеанского флота, 903 человека были убиты или смертельно ранены⁷⁴. И все же наши людские потери оказались в 18,6 раза ниже потерь японцев. Они равнялись менее 0,1% от численности всего личного состава советских войск, принявших участие в этой кампании⁷⁵.

Дальневосточную кампанию отличают высокое искусство планирования и ведения операций, особенно Маньчжурской стратегической наступательной операции, боевое мастерство воинов армии и флота. Советское командование еще в ходе подготовки учло характер военных действий японцев против России в 1904 г. и против американско-британских войск, начиная с 1941 г. Японская армия, привыкшая к методичности, а то и к робости в действиях своих противников, к относительно невысоким темпам их наступления, оказалась не готовой к борьбе с вооруженными силами СССР, имевшими богатый опыт ведения высокоманевренных военных операций. Важнейшей чертой кампании советских войск на Дальнем Востоке явилось то, что стратегические цели войны были достигнуты уже в самом ее начале.

Вместе с тем операции осуществлялись бы еще успешнее, если бы имелся достаточный опыт ведения наступления в специфических условиях Дальневосточного ТВД, не говоря уже о сложностях в получении достоверных разведывательных данных, недостатках в подготовке военной техники, а также о других причинах как объективного, так и субъективного характера. Например, в 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта 40% танков из общего числа потерь увязло в болотах, а 30% вышло из строя по причине технических неисправностей, связь и управление штаба были налажены слабо, плохой оказалась организация бесперебойного тылового обеспечения. В 1-й Краснознаменной армии ремонтные летучки и тылы сильно отставали от боевых эшелонов, отсутствие службы регулирования вызывало частые пробки на дорогах и т.д.⁷⁶

Ныне не только отечественные военные историки, но и исследователи ряда других стран внимательно анализируют Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию. В этой связи нельзя обойти молчанием оценки военных историков КНР. В книге “Вторая мировая война 1939–1945 гг.” авторского коллектива Военной академии Народно-освободительной армии Китая особо подчеркиваются следующие черты операций Красной Армии в августе 1945 г.: “принятие всех возможных мер для обеспечения оперативной внезапности”, в результате чего “оперативная инициатива с самого начала военных действий находилась в руках советских войск”; “создание сильных первых эшелонов для нанесения мощного первоначального удара (до 80% сил и средств, участвовавших в операции)”; “нанесение одновременных ударов с нескольких операционных направлений, сходящихся к центру, при

централизованном управлении”; “высокая организация централизованного тылового обеспечения”, несмотря на “высокие темпы наступления” и “оторванность Дальнего Востока от экономических центров СССР”⁷⁷.

Интерес китайских военных историков не случаен: ведь стремительное наступление советских войск в Маньчжурии оказало большую помощь китайским войскам, руководимым компартией Китая, так как к лету 1945 г. они оказались в тяжелом положении. Когда передовые соединения Квантунской группировки войск начали отступать, главнокомандующий китайскими войсками Чжу Дэ издал ряд приказов, предписывавших его армиям немедленно перейти в наступление, действуя совместно с советскими и монгольскими войсками против Японии с целью расширения территории освобожденных районов.

А известный британский историк Д. Эриксон заявил о “новой стратегии советского командования” в этой операции, которая, по его мнению, проявилась в высоких темпах наступления, тесном взаимодействии видов вооруженных сил, открытых флангах, высадке десантов впереди наступающих войск и т.п. Эриксон, впрочем, так же, как и другие исследователи на Западе, отмечает, что “концентрация сил на ключевых направлениях, быстрое наступление, нацеленные танковые удары сокрушили японское сопротивление значительно быстрее, чем это когда-либо удавалось Западу”, и эти черты, по существу, заложили основу для “послевоенной стратегии и доктрины советского командования”⁷⁸.

Дальневосточная кампания резко изменила положение Японии на всех других фронтах. Союзники СССР быстро завершали войну принятием капитуляции императорских вооруженных сил, причем в ряде мест американско-английской войска оккупировали территории уже после окончания войны. Так, в Южной Корее американцы стали высаживаться лишь спустя неделю после того, как 2 сентября 1945 г. в Токийской бухте на борту американского линкора “Миссури” японские представители, а также уполномоченные СССР, США, Китая, Великобритании, Франции и других союзных государств подписали акт о капитуляции Японии⁷⁹. Разумеется, в намерения союзников входило как можно скорее добиться оккупации обширных территорий Малайи, большей части Голландской Индии, Сингапура, Гонконга и других районов, но и там японские войска сложили оружие много дней спустя, хотя в столицах стран-победительниц уже отгремели салюты в честь завершения длительной и кровопролитной мировой войны⁸⁰.

НЕКОТОРЫЕ АКЦЕНТЫ

Нет сомнения в том, что и сброшенные атомные бомбы, и вступление Советского Союза в войну так же, как и продолжавшаяся морская блокада со стороны открытого океана, и удары американско-английской авиации, и ухудшение ситуации для японской армии на других фронтах сыграли свою роль в приближении дня капитуляции Японии. И не было бы нужды подробно останавливаться на непосредственных причинах и механизме принятия японской верхушкой окончательного решения, если бы очерченный круг вопросов не оставался в фокусе внимания зарубежных исследователей. При этом наряду с попытками дать на них объективные ответы, нередко допускаются неточные оценки, а порой и заведомо неверное изложение исторических событий.

В зарубежной историографии по-прежнему время от времени появляются высказывания о том, будто исход войны на Востоке решила атомная бомба, так как только она дала ощутимый военный эффект и предоставила императору Хирохито шанс оправдать в глазах собственного народа решение о капитуляции. Более того, некоторые даже утверждают, что применение атомной бомбы было весьма гуманным с точки зрения морали, ибо она “явила собой средство предотвращения любой войны”⁸¹.

А что же говорится на Западе относительно вклада Советского Союза? Одни авторы считают, что он навязал союзникам свое участие в войне против Японии, чтобы “не опоздать к дележу пирога”⁸², будто его участие оказалось чуть ли не символическим⁸³. Еще в 1947 г. президент США Г. Трумэн в своем выступлении перед американскими историками заявил, что “Россия не внесла никакого военного вклада в победу над Японией”⁸⁴. В интересах правды необходимо еще раз вернуться к этой проблеме. Тем более, что как зарубежные, так и отечественные исследователи обошли своим вниманием некоторые обстоятельства, связанные с вступлением СССР в войну против Японии, а именно они-то и сыграли существенную роль в принятии японским руководством решения о капитуляции.

Итак, 6 августа 1945 г. Соединенные Штаты Америки нанесли первый атомный удар по г. Хиросима. Спустя три дня последовал второй удар, на этот раз по г. Нагасаки. Применение принципиально нового оружия, причем огромной разрушительной силы, действительно оказалось неожиданным для противника. И все же, как свидетельствуют факты, атомные удары не привели к немедленной капитуляции. Даже Черчилль вынужден был признать, что “было бы неправильно полагать, будто атомная бомба решила судьбу Японии”⁸⁵.

Спрашивается, почему же атомные бомбардировки не оказали на японскую нацию того воздействия, на которое рассчитывали американские и британские политики и военные? На тот счет имеется несколько причин.

Во-первых, сам император Японии, более или менее полную информацию о характере удара, нанесенного по Хиросиме, получил лишь 8 августа, т.е. спустя два дня после применения бомбы. Узнав о случившемся, он заявил: “Если противник применяет такого рода оружие, войну продолжать невозможно. Но для того чтобы добиться выгодных условий, немедленно прекращать войну нельзя. Что касается условий, то как только появится возможность маневрировать на переговорах, можно будет сразу же прекратить войну”⁸⁶.

Во-вторых, как это ни удивительно сегодня, но атомные бомбардировки не дали и ощутимого военного результата. Японская ставка целиком разделяла мнение фельдмаршала С. Хата – командующего 2-й Объединенной армией о необходимости продолжать войну. Прибывший в Токио фельдмаршал доложил непосредственному начальству, что, хотя его штаб находился в Хиросиме недалеко от эпицентра взрыва, постройки разрушены мало, а число погибших солдат незначительно, причем пострадали в основном только те, кто не был защищен. Хотя Хиросиме и нанесен крупный ущерб, вряд ли она, по его мнению, пострадала больше, чем другие японские города от массированных налетов авиации. Разумеется, о таких последствиях ядерного взрыва, как остаточная радиация и радиоактивное заражение местности, мир тогда еще не ведал⁸⁷. Самое прискорбное, что новое оружие было применено почти исключительно против мирного населения. Подавляющая же часть личного состава вооруженных сил так же, как и основная масса населения, оставалась в неведении относительно характера примененного оружия и, следовательно, вне его психологического воздействия. Сплошным заблуждением оказалась и слепая вера американского руководства во “всесилие” атомной бомбы. Достаточно напомнить, что в Хиросиме уцелели почти все крупные промышленные предприятия, сосредоточенные на окраинах, а железнодорожное сообщение по городу было восстановлено уже через 48 часов. Чтобы полностью вывести из строя Нагасаки, американцам потребовалось бы еще несколько бомб, но их США не имели⁸⁸.

Как свидетельствовал потом бывший офицер императорской ставки полковник Н. Такаима, у тех офицеров, кто знал об атомных ударах по Хиросиме и Нагасаки, они не вызвали никаких иных чувств, кроме усилившейся ненависти к противнику⁸⁹. Более того, атомные бомбардировки лишь подтолкнули японцев к активизации работы над собственной программой (“Проект N”), направленной на создание аналогичного оружия. Завершить ее намечалось через шесть месяцев⁹⁰. Вот

почему правительство Японии и мысли не допускало о возможности оккупации страны войсками противника.

Таким образом, руководство США, санкционировав применение атомной бомбы, проявило политический и военный авантюризм, который в конце концов завел мир в ядерный тупик. Атомная бомба была сброшена на Хиросиму в условиях, когда Советский Союз вот-вот должен был вступить в войну против Японии. В Вашингтоне отдавали себе отчет, что остановить русских уже невозможно. Посол в СССР Гарриман сообщал из Москвы, что “Россия вступит в войну вне зависимости от того, что мы (американцы. – *Ред.*) можем сделать”⁹¹.

Уместно, пожалуй, перефразировать известную фразу А.П. Чехова: на военно-политической “сцене” советское “ружье” не только “висело”, но и было “заряжено”, более того, уже был “взведен курок”.

Атомная бомбардировка японских городов не была продиктована и военной необходимостью. Именно так считал генерал Д. Эйзенхауэр, командовавший союзными войсками в Западной Европе с момента открытия второго фронта, а впоследствии президент США. Вспоминая о своей беседе с военным министром США Г. Стимсоном, в которой речь зашла об атомной бомбе, генерал свидетельствует: “Я сказал ему о своих тяжелых опасениях. Это в первую очередь касалось моей уверенности, что Япония уже потерпела поражение, и поэтому применение атомной бомбы не представляло никакой необходимости. Во-вторых, я полагал, что наша страна не должна шокировать мировое общественное мнение использованием атомной бомбы, поскольку это оружие утратило право считаться средством спасения американских жизней”⁹².

Заслуживает внимания “Белая книга о последствиях атомной бомбардировки”, подготовленная японскими учеными во главе с лауреатом Нобелевской премии физиком Х. Юкава. В разделе “Жертва – Япония, противник – Советский Союз” они отмечают, что применение атомных бомб было не столько последним актом второй мировой войны, сколько первой операцией в начинавшейся “холодной войне” против СССР. (Жизни трехсот тысяч невинных людей, погибших в Хиросиме и Нагасаки, заключают авторы, были, таким образом, жертвой, принесенной Соединенными Штатами на алтарь “холодной войны”)⁹³.

Действительно, вступление 9 августа Советского Союза в войну против Японии в корне изменило ситуацию. В тот же день на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной японский премьер-министр Судзуки заявил: “Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны”⁹⁴.

Ошибочно считать, будто достаточно было лишь одного объявления, чтобы заставить Японию капитулировать. Хотя буквально через сутки после этого японский министр иностранных дел Того заявил советскому послу, что “японское правительство готово принять условия Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., к которой присоединилось и Советское правительство”⁹⁵. По сути, это было не что иное, как заявление о “готовности”, не подкрепленное, однако, реальными действиями, даже наоборот, сопровождаемое рядом предварительных условий. Только после молниеносного сокрушительного удара в первые же дни советского наступления, когда японские войска понесли невосполнимый урон, император Хирохито подписал 14 августа рескрипт о капитуляции. На следующий день его зачитали по радио, но японцы продолжали оказывать упорное сопротивление советским войскам, не имевшее ни малейшее смысла. Среди центрального командования Японии была предпринята попытка военного переворота. Приняв решение о капитуляции, японское руководство, тем не менее, предложило Квантунской группировке войск усилить сопротивление Красной Армии, но прекратить военные действия против американско-английский войск⁹⁶. Вечером 14 августа ее командование получило телеграфный приказ генерального штаба уничтожить знамена, портреты императо-

ра, важные секретные документы, но о прекращении сопротивления там не было ни слова.

17 августа главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Василевский направил командующему войсками маньчжуро-северокорейской группировки генералу О. Ямаде радиogramму, в которой, в частности, говорилось: “Японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен”⁹⁷.

Свой ультиматум главнокомандующий подкрепил решительными действиями советских войск. Чтобы ускорить капитуляцию и немедленно взять под контроль наиболее важные объекты на территории противника, 1-й Дальневосточный фронт 18 и 19 августа высадил воздушные десанты в Харбине и Гирине. 19–23 августа в ряде городов, в том числе в крупном административном центре Мукдене, высадил свои воздушные десанты Забайкальский фронт, а 22-го в Порт-Артуре – Тихоокеанский флот.

Быстрый разгром японских войск в Маньчжурии и Корее не оставлял Токио никаких надежд. 18 августа японское командование отдало приказ о безоговорочной капитуляции на континенте. Фактически же японские войска прекратили сопротивление лишь на 23-й день Дальневосточной кампании.

Следует признать, что столь оперативно принятые условия капитуляции перед всеми силами союзников по коалиции были продуманным шагом японских милитаристов. Командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Ч. Нимиц свидетельствовал, что с началом оккупации американцы “увидели островную империю с почти нетронутой, хорошо оснащенной армией, располагающей большой авиацией... империю, которая капитулировала еще до вторжения”⁹⁸. Япония в отличие от Германии смогла уберечь от уничтожения миллионы военнослужащих и гражданских лиц, сохранить подавляющую часть своего военно-экономического потенциала. Это означало также, что, хотя еще не все средства сопротивления были исчерпаны, императорская ставка в отличие от ставки Гитлера предпочла позор капитуляции перспективе физической ликвидации всех человеческих и материальных ценностей японского милитаризма и, возможно, утраты императорской системы правления. Главную угрозу существующему строю лидеры Японии видели в лице Советского Союза.

Еще 14 февраля, ровно за полгода до принятия императором решения о капитуляции, бывший премьер-министр принц Ф. Коноэ подал императору меморандум, из которого следовало, что самым опасным для будущего Японии может стать не столько военное поражение, сколько коммунистическая революция, а этого нельзя было исключить в случае поражения. Сам Коноэ больше всего опасался прихода на Японские острова советских войск⁹⁹. Аналогичные опасения высказал в своей памятной записке лорд-хранитель печати при императорском дворе К. Кидо. По его мнению, отказ от принятия условий Потсдамской декларации может самым пагубным образом отразиться на Японии, ибо ее “постигнет участь Германии, и обстоятельства могут так сложиться, что мы не сможем даже сохранить национальную форму правления...”¹⁰⁰ В Токио опасались, что в случае продолжения сопротивления японских войск на территории метрополии могут оказаться соединения Красной Армии, столь стремительно действовавшие в Маньчжурии.

Говоря о причинах капитуляции Японии, было бы, однако, неверно сводить все только к политическим интересам правящей верхушки. Решение о капитуляции еще долго не было бы принято, если бы в Токио не почувствовали всей мощи ударов советских вооруженных сил. А ведь союзники, несмотря на обладание атомной бомбой, рассчитывали добиться от Японии капитуляции лишь через один-полтора года войны.

То обстоятельство, что советское руководство после принятия Японией условий капитуляции воздержалось от оккупации о-ва Хоккайдо, красноречиво свидетельствует, во-первых, об уважительном отношении СССР к интересам своих союзников по коалиции, а, во-вторых, полностью опровергает утверждения, будто он стремился к “кровавому разделу” чужой территории, в чем его пытаются обвинить некоторые современные японские историки и официальные лица Страны восходящего солнца.

* * *

Таким образом, не вызывает сомнения, что Советский Союз, который явился главной силой, сломившей нацистскую Германию, и который в течение всей войны на Тихом океане оттягивал на себя миллионную Квантунскую группировку, внес весомый вклад в завершение разгрома вооруженных сил Японии. “Вступление Советского Союза в войну с Японией на заключительном этапе второй мировой войны, – указывают китайские историки, – является одной из важнейших операций. Ряд побед Советской Армии и поражение Квантунской армии ускорили капитуляцию фашистской Японии, создали благоприятные условия для окончательной победы Китая в антияпонской войне”¹⁰¹. “Объявление Советским Союзом войны Японии и разгром Советской Армией главной стратегической мобильной силы Японии – Квантунской армии непосредственно сыграли активную роль в поражении японского империализма”, – говорится в другом китайском труде¹⁰².

Такой же точки зрения придерживается и Э. Бетит – автор опубликованной в американском журнале “Милитари ревью” статьи “Маньчжурская кампания СССР (август 1945 г.) – образец современных наступательных операций”. Он считает, что западные союзники были ошеломлены тем, что советские войска сокрушили японцев намного быстрее, чем они предполагали”¹⁰³.

И все же в минувшей мировой драме Великая Победа была бы невозможна без тесного военно-политического союза – антигитлеровской коалиции. Для сохранения действенности его до самого конца войны важную роль сыграли Крымская и Потсдамская конференции руководителей США, Великобритании и СССР, верность союзническому долгу со стороны Советского Союза.

Вклад вооруженных сил Соединенных Штатов Америки в достижение победы над Японией состоит в уничтожении основных сил военно-морского флота Японии, в нанесении значительного урона ее авиации, в достижении существенных успехов в ходе блокады и воздушных бомбардировок самой метрополии. Определенное воздействие на позицию правительства Японии оказали и атомные удары по городам Хиросима и Нагасаки.

Фактором, значительно снижавшим возможности японских вооруженных сил расширять агрессию, а в конце войны оказывать сопротивление, была длительная и упорная борьба китайского народа, отдавшего во имя свободы родины свыше 20 млн жизней. Однако для нанесения окончательного поражения оккупационным войскам требовалась не просто многомиллионная армия, а вооруженные силы, оснащенные современным оружием и военной техникой, обладавшие опытом ведения крупномасштабных и маневренных действий, а этим Китай не располагал.

Крупный вклад в поражение Японии внесли также английские, индийские и африканские войска. В январе–мае 1945 г. союзники продолжали вместе с местными патриотами боевые действия в Бирме. 5 мая был высажен морской десант с целью захвата Рангуна. Однако еще 1 мая, когда японские войска покинули бирманскую столицу, патриоты во главе с Не Вином, поддержанные восставшей Национальной армией Бирмы, руководимой Аун Саном, установили в Рангуне свою власть¹⁰⁴. Восстановив в начале 1945 г. сухопутные коммуникации из Индии в Китай, гоминьдановское командование отвело свои войска из Бирмы. Американцы также сняли оттуда свои сухопутные войска и ограничили возглавлявшего коалиционные силы ан-

глийского адмирала лорда Л. Маунтбеттена в праве использовать материальные ресурсы США в этом регионе. Явно сепаратистские действия задержали завершение операций, нацеленных на ликвидацию японских вооруженных формирований в Бирме, вплоть до капитуляции Японии¹⁰⁵. До полного окончания войны в руках японцев находились Малайя, Гонконг, большая часть Голландской Индии и ряд других территорий¹⁰⁶.

Разумеется, среди союзников самый крупный вклад в достижение победы над Японией внесли Соединенные Штаты Америки. Остальные союзники – Китай, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Канада и некоторые другие страны – сыграли более скромную роль в ее разгроме. Самые тяжелые испытания выпали на долю народов Китая, Бирмы, Филиппин, Индонезии, Малайи, оказавших упорное сопротивление японским захватчикам.

- ¹ War in Asia and the Pacific, 1939-1949; A Fifteen-Volume Collection / Ed. by D. Detwiler, Ch. Burdick. N.Y.; L., 1980. Vol. 8. China, Manchuria and Korea (part 1). P. 180.
- ² Хаттори Т. Япония в войне, 1941–1945. Сокр. пер. с япон. М., 1973. С. 538.
- ³ Там же. С. 538–539.
- ⁴ Вторая мировая война: Итоги и уроки. М., 1985. С. 288.
- ⁵ История войны на Тихом океане. Токио, 1973. Т. 5. С. 380–382 (на япон. яз.); Савин А.С., Носков А.М., Зимонин В.П. и др. Вооруженные силы Японии: История и современность. М., 1985. С. 301.
- ⁶ The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans, 1941–1945. Wash., 1955. P. 63.
- ⁷ Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. М., 1984. С. 478.
- ⁸ Spector R. Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N.Y., 1985. P. 552–553.
- ⁹ Говард М. Большая стратегия (сентябрь 1942 – июль 1943). Пер. с англ. М., 1980. С. 434.
- ¹⁰ Churchill W. The Second World War. N.Y., 1974. Vol. 6. P. 297.
- ¹¹ Negotiating with the Russians / Ed. by R. Dennett and J. Johnson. Boston, 1951. P. 20.
- ¹² Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 451п. Оп. 6. Д. 68. Л. 166–167; Д. 72. Л. 18–20 (Далее: ЦХИДК).
- ¹³ Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щепеньков Ю.М. Победа на Востоке: К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. С. 9; Кразнознаменный Тихоокеанский флот. М., 1981. С. 135, 136; Локвуд Ч. Топи их всех. Пер. с англ. М., 1960. С. 95; Вторая мировая война: Краткая история. М., 1982. С. 485, 550.
- ¹⁴ Борисов О.Б. и др. Указ. соч. С. 21.
- ¹⁵ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 10 (Далее: ЦАМО).
- ¹⁶ Rose L. After Jalta: America and the Original of the Cold War. N.Y., 1973. P. 25.
- ¹⁷ Churchill W. Op. cit. Vol. 6. P. 334.
- ¹⁸ Цит. по: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании 4–11 февраля 1945 г. М., 1984. С. 254–255 (тексты в первых двух редакциях см.: ЦАМО. Ф. 133. Оп. 3274. Д. 11. Л. 233–234).
- ¹⁹ Command Decisions / Ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. Wash., 1987. P. 503.
- ²⁰ The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans, 1941–1945. P. 51.
- ²¹ Truman H. Memoirs. N.Y., 1955. Vol. 1. P. 411.
- ²² Военные исследования. 1977. № 6. С. 58–59 (на япон. яз.).
- ²³ Официальная история войны в великой Восточной Азии. В 110 т. Т. 73. Квантунская армия. Ч. 2. План “Кантокуэн”: Военные действия против СССР на завершающем этапе. Токио, 1974. С. 391 (на япон. яз.).
- ²⁴ Борисов О.Б. и др. Указ. соч. С. 88.
- ²⁵ Официальная история войны в великой Восточной Азии. Т. 73. С. 388–397.
- ²⁶ Бутурлинов В.Ф., Вартанов В.Н., Зимонин В.П. и др. Вторая мировая война в азиатско-тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989. С. 237.
- ²⁷ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1980. Т. 11. С. 182.

- 28 Там же. С. 180; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 2. С. 243; *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1981. Кн. 1. С. 408, 409.
- 29 ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 224, 230.
- 30 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 11. С. 193.
- 31 Там же. С. 192; *Штеменко С.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 403–404, 418.
- 32 Официальная история войны в великой Восточной Азии. Т. 73. С. 393.
- 33 Там же. С. 394–395.
- 34 Там же. С. 383.
- 35 Там же. С. 384.
- 36 ЦХИДК. Ф. 451п. Оп. 5. Д. 72. Л. 22, 115–122.
- 37 *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. М., 1989. Кн. 2. Ч. 2. С. 18.
- 38 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 11. С. 213.
- 39 Там же. С. 193. 196–197.
- 40 *Внотченко Л.Н., Егоров П.Я.* Разгром агрессии на Дальнем Востоке. М., 1975. С. 9.
- 41 *Василевский А.М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 238–239, 241.
- 42 ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13. Л. 225–228.
- 43 Там же. Д. 42. Л. 73–74.
- 44 Там же. Л. 75–76.
- 45 *Борисов О.Б.* и др. Указ. соч. С. 22; *Василевский А.М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 243; *Славинский Б.Н.* Советская оккупация Курильских островов (август – сентябрь 1945 года): Документальное исследование. М., 1993. С. 126–127.
- 46 Археографический фонд Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 18. Л. 184 (Далее: Археографический фонд ИВИ).
- 47 Там же.
- 48 Там же. Л. 180.
- 49 *Василевский А.М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 251.
- 50 ЦАМО. Ф. 339. Оп. 5179. Д. 91. Л. 111–113.
- 51 Там же. Ф. 32. Оп. 2215. Д. 2. Л. 20–28.
- 52 Там же. Ф. 25. Оп. 331. Д. 1. Л. 1.
- 53 Там же. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8. Л. 231–233.
- 54 Археографический фонд ИВИ. Ф. 25. Оп. 331. Д. 1. Л. 8.
- 55 Цит. по: Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и документально-художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985. С. 507.
- 56 ЦАМО. Ф. 394. Оп. 9072. Д. 399. Л. 79
- 57 *Борисов О.Б.* и др. Указ. соч. С. 35.
- 58 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 11. С. 237.
- 59 Разгром японского милитаризма во второй мировой войне. М., Воениздат, 1986. С. 106–116; *Гусаревич С.Д., Сеоев В.Б.* На страже дальневосточных рубежей. М., 1982. С. 78–89; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 5. С. 574.
- 60 *Борисов О.Б.* и др. Указ. соч. С. 44.
- 61 ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 32; Д. 3. Л. 617–618.
- 62 *Борисов О.Б.* и др. Указ. соч. С. 47.
- 63 ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 39.
- 64 Там же. Д. 2, 3, 4, 8, 9 и др.
- 65 Там же. Д. 9. Л. 24–33; Д. 3. Л. 340–342.
- 66 Там же. Д. 9. Л. 31–32.
- 67 Там же. Л. 37.
- 68 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 275–286.
- 69 ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8. Л. 379–380.
- 70 Там же. Д. 9. Л. 61.
- 71 *Бутурлинов В.Ф.* и др. Указ. соч. С. 243; *Чжу Гуйшен, Ван Чжэньдэ, Чжан Чуньнань.* История второй мировой войны. Пекин, 1982. С. 718 (на китайском яз.); Воен-ист. журн. 1991. № 5. С. 69.

- 72 ЦАМО. Ф. 234. Оп. 310119. Д. 1. Л. 21; Центральный военно-морской архив. Ф. 291. Д. 24087. Л. 191; Отделение ЦВМА. Ф. 129. Д. 17777. Л. 30.
- 73 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 223.
- 74 Там же. С. 303.
- 75 Там же. С. 158.
- 76 ЦАМО. Ф. 326. Оп. 5047. Д. 703; Оп. 5068. Д. 104.
- 77 Хуан Юйчжан и др. Вторая мировая война, 1939–1945. Пекин, 1984. С. 505–507 (на китайском яз.).
- 78 *Erickson D. Soviet Military Power*. L., 1971. P. 73; *Military Review*. 1976. May. P. 65–73.
- 79 *Савин А.С.* и др. Указ. соч. С. 102.
- 80 *Churchill W.* Op. cit. Vol. 6. P. 551.
- 81 *Command Decisions*. P. 510; *Dull P.* A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945). Annapolis, 1979. P. 342.
- 82 *Japan Times*. 1984. August 15.
- 83 Национальная оборона. 1981. № 11. С. 55 (на япон. яз.).
- 84 *Bulletin of History*. 1949. № 143. P. 30.
- 85 *Churchill W.* Op. cit. Vol. 6. P. 552.
- 86 Цит. по: *Чжу Гуйшен* и др. Вторая мировая война, 1939–1945. С. 702 (на китайском яз.).
- 87 *Kirby S.* The War Against Japan. L., 1969. Vol. 5. P. 207–208, 434.
- 88 *Борисов О.Б.* и др. Указ. соч. С. 73.
- 89 Военные исследования. 1977. № 8. С. 28 (на япон. яз.).
- 90 *The Japan Times*. 1984. August 15.
- 91 *Command Decisions*. P. 504.
- 92 Цит. по: *History of the Second World War*. L., 1968. Vol. 6. 16. P. 2648.
- 93 Цит. по: *Борисов О.Б.* и др. Указ. соч. С. 73.
- 94 Цит. по: *Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии. Пер. с япон. М., 1955. С. 263–264.
- 95 Правда. 1945. 11 авг.
- 96 *Внотченко А.Н.* Победа на Дальнем Востоке. М., 1971. С. 242.
- 97 Цит. по: Правда. 1945. 17 авг.
- 98 Цит. по: *Яковлев Н.Н.* 3 сентября 1945 года. М., 1971. С. 174.
- 99 *Иноуэ К.* и др. Указ. соч. С. 265.
- 100 Цит. по: *Брукс А.* За кулисами японской капитуляции / Сокр. пер. с англ. М., 1971. С. 148.
- 101 *Чжан Цзинин* и др. История второй мировой войны, 1939–1945. Ланьчжоу, 1984. С. 627–638 (на китайском яз.).
- 102 *Хэ Ли.* История войны сопротивления Японской агрессии. Шанхай, 1987. С. 438.
- 103 *Military Review*. 1976. May. P. 65.
- 104 *Бутурлинов В.Ф.* и др. Указ. соч. С. 288; *Можейко И.В., Узяков А.Н.* История Бирмы: (краткий очерк). М., 1973. С. 24.
- 105 История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 11. С. 91.
- 106 *Churchill W.* Op. cit. V. 6. P. 551.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К началу третьего периода войны советско-германский фронт проходил вдали от территории не только германского рейха, но и его европейских союзников. Агрессор удерживал часть России, Эстонию, Латвию, Литву, Белоруссию, Правобережную Украину, Молдавию. Германия и ее союзники стремились стабилизировать оборону на захваченных рубежах и избежать поражения.

В зимне-весенней кампании 1944 г. Красная Армия рассеяла мечту германского командования о стабилизации фронта обороны. Она отбросила противника на огромном пространстве от Полесья до Черного моря и Карпат. Окончательно была снята блокада Ленинграда, продолжавшаяся более двух лет. Еще более сокрушительное поражение гитлеровцы потерпели в летне-осенней кампании 1944 г., когда удары Красной Армии с востока слились с ударами англо-американских войск с запада. Последовательные наступательные операции Красной Армии на отдельных направлениях переросли к концу лета в общее наступление, охватившее весь советско-германский фронт от Баренцева до Черного моря. В результате Красная Армия изгнала оккупантов с советской земли. Продолжая наступление, она освободила от иноземного гнета часть Польши, Чехословакии, Югославии, Норвегии. Вступив на территорию Румынии, Болгарии, Финляндии и Венгрии, советские войска вынудили их отказаться от союза с Германией и объявить ей войну. Надежда на выигрыш войны у гитлеровского режима исчезла безвозвратно. Остался мираж сепаратного мира с западными державами.

В завершающей войну с Германией кампании 1945 г. Красная Армия, вместе с которой действовали польские, чехословацкие, югославские, а также порвавшие с вермахтом румынские и болгарские войска, продолжала ожесточенную борьбу с противником. Германия была зажата в тиски фронтов с востока и запада, однако советско-германский фронт до конца войны оставался главным. В поисках путей сепаратного мира с западными державами гитлеровское правительство и командование стремились сдержать наступление Красной Армии. Спротивление вермахта на востоке усиливалось вплоть до капитуляции Германии. Между тем Красная Армия в начале года вторглась в центральные районы рейха и в мае, овладев Берлином, водрузила над ним Знамя Победы. Соединившись в центре Германии, армии антигитлеровской коалиции рассеяли последние надежды гитлеровских главарей на вооруженное столкновение западных союзников с советской страной. Германия потерпела полное поражение. Великая Отечественная война завершилась победой советского народа.

Выполняя обязательства, данные на Ялтинской конференции, Советский Союз вступил в войну с Японией. После крупнейшей перегруппировки войск с запада на Дальний Восток Красная Армия, вместе с которой наступали монгольские войска, стремительным ударом разгромила Квантунскую армию. Потеря крупной группировки сухопутных войск, военно-экономических баз в Китае и Корее ускорили безоговорочную капитуляцию Японии и окончание второй мировой войны.

Красная Армия нанесла Германии и ее европейским союзникам большие потери. С 1 января 1944 по 15 мая 1945 г. они составили 3,5 млн убитыми, пленными, пропавшими без вести и ранеными, не считая 284 тыс. сложивших оружие при ка-

питуляции¹. За это время враг потерял 78 тыс. орудий и минометов, более 27 тыс. боевых самолетов². Всего Красная Армия за это время разгромила 290 дивизий и бригад, кроме 93 германских и венгерских дивизий, которые капитулировали после окончания войны³. Наступление Красной Армии в завершающий период войны с Германией было более эффективным, так как в среднем каждый месяц врагу наносило потерь на 20% больше, чем в 1941–1943 гг.

Советские вооруженные силы внесли в разгром германского вермахта и его союзников решающий вклад, что досталось дорогой ценой. За полтора года войны в Европе погибло 2565 тыс. советских воинов, 236,2 тыс. оказались в плену или пропали без вести, более 7 млн солдат и офицеров были ранены или контужены. За это время Красная Армия лишилась 70,2 тыс. орудий и минометов, 37,4 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 35,8 тыс. боевых самолетов⁴.

В сравнении с 1943 г., не говоря уже о трагических 1941–1942 гг., безвозвратные потери личного состава в 1944–1945 гг. значительно снизились, но количество раненых не уменьшилось. К тому же среднесуточные безвозвратные потери людей в 1945 г. вновь возросли до уровня 1943 г., что было вызвано резким увеличением сопротивления противника на собственной территории. Главным образом по той же причине в завершающие годы возросли потери основных видов вооружения и боевой техники, особенно артиллерии и авиации. Как и прежде, Красная Армия теряла и личного состава, и боевой техники больше, чем противник.

В этом отношении большим контрастом являлась военная кампания на Дальнем Востоке, в ходе которой японцы потеряли убитыми 83,7 тыс., пленными 640,1 тыс. солдат и офицеров⁵, а Красная Армия 11 120 человек погибшими и 24,4 тыс. ранеными и больными⁶. Красная Армия захватила более 1,8 тыс. орудий, около 700 танков и 860 самолетов, а сама потеряла 232 орудия, 78 танков и САУ и 62 боевых самолета⁷.

Результаты боевых действий как на Западе, так и на Дальнем Востоке свидетельствуют о возросшем уровне военной стратегии, оперативного искусства и тактики Красной Армии. Верховное Главнокомандование приступало к планированию каждой кампании 1944–1945 гг. заблаговременно. Уже за 2–3 месяца определялись цели и замысел кампаний войны в Европе. Подготовка кампании на Дальнем Востоке началась еще весной 1945 г., когда завершалась война против Германии.

Безраздельное владение инициативой давало возможность Ставке ВГК самой избирать виды и способы стратегических действий. В 1944–1945 гг. советская стратегия отличалась возросшей решительностью, поэтому основным видом военных действий всех военных кампаний как против Германии, так и против Японии являлось наступление. Оборона носила вспомогательный характер и применялась лишь для прикрытия второстепенных направлений, чтобы сэкономить силы для создания мощных ударных группировок. Она использовалась также при завершении стратегических наступательных операций, чтобы закрепить захваченные рубежи и подготовиться к новому наступлению. В ряде случаев приходилось временно переходить к обороне для отражения контрударов и контр наступления противника, как это было зимой и весной 1945 г. в Венгрии.

Определяя задачи стратегического наступления, Ставка исходила из необходимости достижения военно-политических целей кампании и возможностей, которые определялись прежде всего соотношением сил. Важнейшими целями обеих кампаний 1944 г. был разгром основных группировок войск Германии и ее союзников, полное изгнание оккупантов с территории СССР, вывод из войны сателлитов Германии, а также помощь странам Центральной и Юго-Восточной Европы в освобождении от фашизма. Кампания на Дальнем Востоке, способствуя ускорению разгрома Японии и национально-освободительному движению в Китае и Корее, преследовала цель вернуть Советскому Союзу территории и права, которые были утрачены Россией в начале XX в.

В третьем периоде войны соотношение сил воюющих сторон не было одинаковым. В начале 1944 г. Красная Армия превосходила противника в личном составе, артиллерии и особенно авиации. Однако, что касается танков, то соотношение по сравнению с 1943 г. значительно ухудшилось и противник добился некоторого превосходства. Огромная протяженность советско-германского фронта, которая достигала 4,5 тыс. км, и недостаток сил не позволяли наступать везде. Ставка ВГК наносила удары последовательно по фронту. Выбирая наиболее выгодное направление, советское командование проводило в удобное для себя время одну наступательную операцию за другой и громило противника по частям.

К лету 1944 г. Красная Армия по личному составу и авиации, действующих на фронтах, стала превосходить немцев. В танках некоторое превосходство сохранял противник. В этих условиях советское стратегическое руководство по-прежнему наносило последовательные удары, но осуществляло их мастерски. Наступление к осени охватило весь советско-германский фронт. Командование вермахта, не имея достаточно резервов, пыталось отразить удары переброской войск. Однако еще до того, как оно успевало сосредоточить их в одном месте, советские войска переходили в наступление на другом, как правило, значительно удаленном участке. Сокрушительное наступление Красной Армии в летне-осенней кампании 1944 г. достигло глубины 600–1100 км, что в два-три раза превышало продвижение в любой из предыдущих кампаний⁸.

Новый и более эффективный способ стратегического наступления был применен в кампании 1945 г. Оно сразу же развернулось почти на всем советско-германском фронте, протяженность которого к этому времени сократилась до 2,2 тыс. км. В результате значительно возросшего превосходства над противником наступление завершилось полным разгромом вермахта. Одновременное наступление на всех стратегических направлениях Красная Армия провела против Квантунской армии в Маньчжурии.

Большую роль в достижении успеха стратегического наступления играл правильный выбор главного направления. Зимой 1944 г. основные усилия по-прежнему сосредоточивались на юго-западном стратегическом направлении. Используя результаты наступления, достигнутые в предыдущей кампании, Ставка ВГК без паузы продолжала наступление главными силами на Украине, чтобы не дать противнику возможности стабилизировать здесь оборону. Последовательные по фронту и в глубину операции привели к разгрому наиболее крупной группировки немцев на советско-германском фронте, к освобождению от оккупации важного экономического района СССР и выходу Красной Армии к Балканам. Все это усилило противоречия среди союзников Германии, создав предпосылки к развалу гитлеровской коалиции.

К началу летне-осенней кампании 1944 г. основные усилия Красной Армии были перенесены с юго-западного на центральное, западное стратегическое направление, которое оставалось главным до конца войны в Европе. Разгромив противника в Белоруссии и Польше, главная группировка Красной Армии кратчайшим путем вышла к жизненно важным районам Германии. Командование вермахта, перебросив с запада танковую армию, попыталось весной 1945 г. контрнаступлением в Венгрии вынудить советское командование ослабить берлинское направление. Однако противнику удалось лишь на время задержать переход в наступление советских войск южнее Карпат. Контрнаступление в районе оз. Балатон было отражено имевшимися в Венгрии войсками. Ставка ВГК настойчиво проводила в жизнь замысел по сосредоточению основных усилий на берлинском направлении. Овладев Берлином, Красная Армия соединилась в центре Европы с западными союзниками, вынудив агрессора к безоговорочной капитуляции.

На Дальнем Востоке советское командование наносило главный удар через Большой Хинган и Гоби. Стремительное продвижение через горы и пустыню уже через 10 дней вывело основную группировку в тыл Квантунской армии на глубину 800 км. Окруженная армия японцев была вынуждена сдаться.

Искусство военной стратегии предполагает не только правильный выбор главного направления, но и решительное массирование основных сил и средств, скрытое сосредоточение наступательных группировок, внезапность удара по противнику. В прошлом, опасаясь наступления противника, Ставка держала значительные силы на второстепенных направлениях. В кампаниях 1944–1945 гг. на главном направлении, которое составляло, как правило, третью-четвертую часть общей протяженности советско-германского фронта, она сосредоточивала половину и более личного состава, артиллерии, танков и авиации. Особое значение придавалось массированию танков, которые являлись главной ударной силой. Если к началу летнего наступления 1944 г. Красная Армия не имела общего численного превосходства над противником в танках, то на главном, минско-варшавском, направлении их было сосредоточено в шесть раз больше, чем у немцев. Возросшая степень массирования сил позволяла создавать подавляющее превосходство и наносить мощные удары на большую глубину.

Стратегическая внезапность обеспечивалась, как и прежде, скрытностью подготовки нового наступления и введением противника в заблуждение. Скрытности не удалось достичь в начале зимне-весенней кампании 1944 г. О планируемых наступательных операциях как под Ленинградом, так и на Правобережной Украине командование противника знало и изготовилось к их отражению. Однако и в этой кампании продолжение наступления на Украине весной, когда началась ранняя и сильная распутица, стало полной неожиданностью для немцев. Германское командование было совершенно не готово к мощному стратегическому наступлению Красной Армии летом 1944 г. в Белоруссии и в январе 1945 г. на варшавско-берлинском направлении. Внезапным для командования Квантунской армии оказался удар крупной группировки советских войск, продвигавшихся через Большую Хинган, что способствовало эффективности Маньчжурской наступательной операции.

Наиболее сложной обязанностью Ставки ВГК было согласование усилий фронтовых объединений, флотов, дальней авиации и партизан в интересах выполнения общей стратегической задачи. Основным организатором взаимодействия являлся Генеральный штаб, который оставался главным органом Ставки по управлению войсками. Непосредственную работу по координации действий войск проводили представители Ставки, которыми по-прежнему, как правило, были маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский. В отличие от прошлых лет они с лета 1944 г. не только координировали действия ряда фронтов, но и получили право руководить ими. Надобность в представителях Ставки ВГК в 1945 г., когда протяженность советско-германского фронта резко уменьшилась, сократилось количество фронтовых объединений, а искусство командующих в управлении войсками возросло, в основном отпала. Хотя действия фронтов южнее Карпат до конца войны координировались по-прежнему маршалом С.К. Тимошенко. Для руководства же войсками и флотом на Дальнем Востоке было создано главное командование во главе с маршалом А.М. Василевским, которое в отличие от подобного органа управления в начале войны имело крупный штаб, широкие полномочия и большую самостоятельность.

Основная цель взаимодействия заключалась в создании наиболее благоприятных условий для наступления главной стратегической группировки и в использовании ее успеха войсками, действующими на других направлениях. Блестящим примером использования успеха главной группировки является летне-осенняя кампания 1944 г. Начавшись с прорыва стратегического фронта обороны противника в Белоруссии, действия войск в ходе кампании переросли в общее стратегическое наступление на всем советско-германском фронте.

Летом 1944 г. самый большой за всю войну размах получило стратегическое взаимодействие войск фронтов с партизанами. В успехе операции “Багратион” им принадлежала значительная роль.

С вступлением Красной Армии на территорию зарубежных государств возникла необходимость организации взаимодействия с антифашистскими силами, которые в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы стали поднимать вооруженные восстания против оккупантов. При дружественном отношении руководства повстанцев к Советскому Союзу удавалось достичь согласованных действий, как это имело место в ходе Словацкого восстания. Однако антисоветская настроенность руководства Варшавским восстанием 1944 г. не позволила достичь согласованных эффективных действий, что стало основной причиной его трагического исхода.

В 1944 г. расширился круг союзников, которые вместе с Красной Армией сражались на советско-германском фронте. Польские, чехословацкие, болгарские и румынские войска, а также монгольские войска на Дальнем Востоке включались в состав действующих фронтов Красной Армии. Совместные удары с Народно-освободительной армией Югославии при подготовке и в ходе Белградской операции координировались военным командованием армий обоих государств.

Возникли новые задачи по согласованию усилий с западными союзниками, которые до середины 1944 г. ограничивались конвоированием морских транспортов с грузами помощи по ленд-лизу. С лета начались “челночные” операции американской авиации с использованием советских аэродромов. После высадки англо-американских войск в Северной Франции взаимодействие расширялось. По дипломатическим и военным каналам шло согласование сроков и масштабов операций сухопутных войск. С весны 1945 г. отношения союзников стали более тесными. Они разграничивали действия и организовывали взаимное опознание сначала авиации, а затем и наземных войск. Кульминационным пунктом согласования была встреча советских войск в центре Германии, которая рассеяла последние надежды гитлеровского руководства на возможные вооруженные столкновения союзников. Аналогов подобной координации действий военная история еще не знала.

Завершающий период Великой Отечественной войны характеризовался возросшей эффективностью боевых действий. В ходе каждой военной кампании 1944–1945 гг. разгрому подвергались значительно большие силы противника, чем в предыдущие годы. Особенно высокой результативностью отличалась летне-осенняя кампания 1944 г., в течение которой советские войска полностью уничтожили или пленили 96 дивизий и 24 бригады, разгромили, нанеся потери, составлявшие 50–70% их первоначальной численности, еще 219 дивизий, 22 бригады врага⁹. Это в два–четыре раза превосходило потери, нанесенные противнику в любой из предыдущих кампаний.

Показателем возросшего уровня стратегического руководства войсками является степень достижения поставленных целей. Если в 1941–1943 гг. они достигались лишь в половине стратегических наступательных операций, то в 1944–1945 гг. такие операции составляли подавляющее большинство. Более того, часто достигнутые результаты значительно превышали предусмотренные первоначальным замыслом Ставки. Глубина продвижения войск в таких операциях, как Белорусская, Висло-Одерская, Яско-Кишиневская, оказалась в полтора–два раза больше планируемой.

Вместе с тем Ставка в ряде случаев ставила задачи, которые превышали возможности войск. По этой причине по существу бесплодными стали попытки трех фронтов в январе–марте 1944 г. перейти в наступление на минском направлении. Не полностью завершенной осталась Днепровско-Карпатская операция, в которой от войск требовалось на Украине и в Молдавии выйти на границу СССР. Однако сделать это удалось лишь на небольшом участке, а в остальной полосе войска не смогли преодолеть сопротивления противника и были остановлены в 150–200 км от границы. В Прибалтийской операции фронты не сумели разгромить крупную группировку противника в Курляндии. Она до конца войны сдерживала значительные силы советских войск, мешая их наступлению вдоль морского побережья. Неудачи

по уничтожению курляндской группировки были связаны главным образом с упущениями Ставки в организации взаимодействия между войсками, Балтийским флотом и дальней авиацией, что не обеспечило надежной блокады противника с моря. Нередко Ставка требовала от войск продолжения дальнейшего наступления, когда их возможности к этому времени были уже исчерпаны, как это имело место в Польше осенью 1944 г. Все это приводило к неоправданным потерям.

В 1944–1945 гг. дальнейшее развитие получили советское оперативное искусство и тактика, с помощью которых войска претворяли в жизнь замыслы и решения стратегического руководства. В последние годы войны противник усиленно совершенствовал оборону, стремясь сделать ее непреодолимой. Главным направлением ее развития являлось заблаговременное инженерное оборудование местности путем создания ряда оборонительных рубежей на большую глубину, которая в ряде случаев стала достигать 200–500 км. Рубежи строились, как правило, по рекам, что усиливало их устойчивость. На территории Польши, и особенно Германии, прежде всего Восточной Пруссии, система обороны включала, кроме того, укрепленные районы с мощными долговременными сооружениями и превращенные в крепости города.

Однако сил, достаточных для заблаговременного занятия всех рубежей, немцы не имели и заранее занимали обычно только первую оборонительную полосу глубиной 6–8 км, где располагалось до 80% всех сил и средств¹⁰. Далее на глубине 30–50 км находились слабые оперативные резервы. Количество резервов постоянно уменьшалось, и они стали создаваться лишь на направлениях, где ожидался удары советских войск. Оборонительные рубежи в глубине противник занимал в ходе оборонительного сражения отходящими войсками и силами, переброшенными с второстепенных направлений, из Германии или с других театров военных действий в Европе.

Несмотря на кажущуюся слабость, оборона немцев отличалась большим упорством, высокой активностью и широким применением маневра. Характер обороны требовал от советских войск быстрого прорыва занятых войсками позиций и стремительного развития наступления в обход городов-крепостей, чтобы не дать противнику возможности занять оборудованные в глубине рубежи.

Командующие фронтами стремились прорвать оборону противника на узких участках, которые составляли 5–15% общей полосы наступления. При этом все чаще войска стали осуществлять прорыв на одном участке, где сосредоточивалось до половины и более всех стрелковых дивизий, большая часть артиллерии, авиации и почти все танки. В результате создавались высокие плотности сил и средств, обеспечивающие мощный удар по врагу. Стрелковая дивизия нередко прорывала оборону на участке всего 1–2 км. Несмотря на то что дивизии имели по 5–6 тыс. человек, что составляло около половины их штата, такой прорыв на узком участке приводил к не всегда оправданной скупенности пехоты.

Противник перед наступлением советских войск часто отводил большую часть сил в глубину, стремясь уберечь их от огня артиллерии. Чтобы не допустить ведения огня по оставленным немцами пустым местам обороны, советское командование перед артиллерийской и авиационной подготовкой атаки проводило разведку боем. Выделенные для этого подразделения после короткого налета артиллерии атаковали передний край обороны, занимая оставленные траншеи. Такой способ приводил, как правило, к большим потерям, поэтому для разведки боем использовались штрафные роты и батальоны. Однако их не хватало, поэтому от дивизий первого эшелона выделялось по стрелковому батальону. Иногда успешное продвижение батальонов перерастало в атаку главных сил, что ускоряло прорыв.

Наступлению главных сил предшествовала артиллерийская и авиационная подготовка атаки. Повышение плотности артиллерии почти в два раза по сравнению с прошлым периодом позволило сократить продолжительность артиллерийской подготовки. Успеху атаки способствовала сокрушительная артиллерийская под-

держка. Атакующие пехота и танки продвигались за огневым валом, сначала оди-нарным, а с лета 1944 г. – двойным. Сила атаки возросла также вследствие увели-чения по сравнению с 1943 г. в полтора-два раза танков непосредственной поддерж-ки пехоты. Несмотря на это, танковая поддержка атаки пехоты до конца войны оста-валась недостаточной, так как большая часть танков по-прежнему использова-лась в подвижных группах армии и фронта.

Прорвать оборону противника в первый день наступления удавалось редко, хо-тя в 1945 г. таких случаев стало больше. Несмотря на продолжение наступления и ночью, прорыв, как правило, завершался только на второй день. При этом усилили стрелковых войск приходилось наращивать вводом в сражение подвижных групп армий. Составлявшие их отдельные танковые корпуса вводились в сражение уже во второй половине первого дня наступления и завершали прорыв. Для этой же це-ли нередко приходилось использовать и танковые армии, которые являлись под-вижной группой фронта. Начиная с лета 1944 г. возросшие возможности позволи-ли прорывать заранее подготовленную оборону без привлечения танковых армий, что сохраняло их силы для стремительного наступления в глубину.

После прорыва вражеской обороны главную роль в преследовании противни-ка играли танковые армии и корпуса, а также конно-механизированные группы. Не сумев удержать оборону на первом рубеже, противник стремился отойти на подго-товленные в глубине позиции. Возможности срыва организованного его отхода у советских войск возросли. Наступавший на главном стратегическом направлении фронт с 1944 г. стал иметь две, а иногда три танковые армии и, кроме того, от трех до пяти отдельных механизированных и танковых корпусов, которыми усилива-лись общевойсковые армии ударной группировки фронта¹¹. Возросшее количество подвижных войск, к тому же имевших значительно лучшую по сравнению с про-шлым укомплектованность, позволяло неотступно преследовать противника и пре-пятствовать ему организовать оборону на подготовленных в глубине рубежах.

Стремительные действия танковых армий и корпусов обеспечивались под-держкой основных сил авиации. Улучшилось ее взаимодействие с войсками, чему способствовало выделение для поддержки танковых армий штурмовых и истреби-тельных авиационных дивизий и корпусов. При этом командиры авиасоединений продвигались в боевых порядках танковых войск, обеспечивая быстрый вызов са-молетов для поддержки и прикрытия. Кроме того, для обеспечения аэродромного маневра авиачастей с наступавшими продвигались части аэродромного обслужи-вания, которые сразу восстанавливали захваченные у противника аэродромы или оборудовали новые взлетно-посадочные полосы.

Однако в операциях, которые развивались в высоких темпах, авиация часто от-ставала от наступающих войск. Основные причины состояли в слабой подвижности авиационного тыла, который не успевал оборудовать аэродромы и подвозить на них горючее и боеприпасы.

Противник стремился упорной обороной городов-крепостей ослабить удар со-ветских войск в глубину. Оставляя крепости без личного разрешения Гитлера под страхом жестокой кары запрещалось. Танковые армии и корпуса, а также основ-ные силы других советских войск обходили крепости, оставляя для их блокады часть пехоты и артиллерии. Города-крепости удерживались противником длитель-ное время, но, находясь в глубоком тылу наступавших советских войск, существен-ного влияния на их продвижение не оказывали.

Серьезными препятствиями для наступавших войск, особенно для танковых со-единений, оставались реки. В большинстве случаев водные преграды преодолева-лись с ходу, в чем главную роль играли передовые отряды танковых армий и кор-пусов. Упреждая отходящего противника, они захватывали мосты, плацдармы на противоположном берегу, чем обеспечивали форсирование реки главными силами. Если этого не удавалось, форсирование, как и раньше, являлось сложной проблемой.

Противник восстанавливал оборону, как правило, вдоль крупных водных преград, на которых и завершалось большинство стратегических наступательных операций. При этом советские войска стремились обязательно захватить на реках плацдармы, борьба за удержание и расширение которых носила ожесточенный характер. Захват плацдармов обеспечивал начало последующих наступательных операций без форсирования водной преграды. Если овладеть плацдармами не удавалось, новое наступление превращалось в сложнейшую проблему, как это было у войск 2-го Белорусского фронта в Берлинской операции, которому на прорыв обороны с форсированием Одера потребовалось пять суток.

1944–1945 гг. стали важнейшим этапом развития военного искусства. Оценивая его, Г.К. Жуков писал: “В третьем периоде войны, когда соотношение сил и средств резко возросло в пользу советских войск, советское военное искусство достигло высшей степени совершенства и враг в кратчайший срок был разгромлен. Стратегическое искусство германского командования, начиная с битвы на Волге, пошло на резкое снижение, дойдя к 1945 г. до упадка”¹².

В последние годы войны стратегия германского командования основывалась на ее затягивании в ожидании неизбежного, как оно считало, раскола коалиции США и Великобритании с СССР. Как показал ход войны, такой расчет оказался неверным. Оборонительная стратегия на советско-германском фронте в результате мощных ударов Красной Армии провалилась. Однако до открытия второго фронта в Европе продолжение вермахтом вооруженной борьбы оставляло какие-то шансы на достижение поставленных стратегических целей. С высадкой же англо-американских войск во Франции эти шансы превращались в мираж, а после вторжения союзников с востока и запада в Германию продолжение войны потеряло всякий смысл. Упадок стратегического руководства был результатом несоответствия поставленных целей возможностям Германии.

Следствием поражений, которые германские войска одно за другим терпели в 1944 г. на востоке, явилась целая серия отставок военачальников. В результате к началу 1945 г. во главе немецко-фашистских войск, действовавших на советско-германском фронте, не осталось не одного фельдмаршала. Группами армий стали командовать генерал-полковники, из которых только одному в самом конце войны было присвоено звание фельдмаршала.

Между тем в Красной Армии происходил противоположный процесс. Если в начале войны она не имела на фронте ни одного маршала, то заканчивала войну, когда большинство фронтов возглавляли Маршалы Советского Союза. Все командующие фронтами получили это высшее воинское звание за выдающиеся заслуги в руководстве войсками в 1944 г. Многие командармы стали генерал-полковниками. К этому времени командующие фронтами и армиями приобрели не только большой опыт, но и уверенность в своих силах, чего так не хватало им в первые дни войны.

Умелыми и инициативными стали действия командиров корпусов, дивизий, бригад, полков, батальонов. Однако подготовка младших офицеров оставалась невысокой. Наиболее опытные офицеры быстро продвигались по службе, а ротами и особенно взводами командовали в основном только что прошедшие ускоренный курс обучения молодые офицеры. Для успеха действий подразделений большое значение имели опыт и смекалка бывалых сержантов и солдат, которые способствовали быстрому вводу в строй фронтовиков нового поколения, качество которого в последние годы войны не улучшилось.

Высокая активность боевых действий Красной Армии требовала нового напряжения сил советского народа для удовлетворения возросших потребностей фронта. Военные расходы СССР в 1944 г. достигли самой большой за войну суммы. Даже в победном 1945 г. они оставались больше военных расходов переломного 1943 г. Однако национальный доход государства рос медленно, значительно отставая от довоенного уровня, а в 1945 г. наступил даже некоторый спад, что являлось естествен-

ным при переходе на мирную продукцию. В то же время налоги с населения и навязанные ему государственные займы увеличивались быстрее, чем национальный доход.

Валовая продукция промышленности в 1944 г. достигла довоенного уровня и даже несколько превзошла его. Однако производство предметов народного потребления по-прежнему оставалось низким, составляя немногим более половины довоенного. В то же время тяжелая промышленность производила продукции почти в 1,4 раза больше, чем до войны, что позволило наращивать выпуск военной техники и вооружения. Валовая продукция сельского хозяйства хотя и возросла по сравнению с прошлыми годами, но все же не обеспечивала полностью потребности армии и населения. Тем не менее советская система сельского хозяйства показала свою невероятную способность к максимальной мобилизации возможностей при минимальной оплате труда колхозников.

Несмотря на нехватку рабочей силы, сырья и другие трудности, наращивала производство военная промышленность. Так как потребности в стрелковом оружии и минометах были полностью удовлетворены, их производство сокращалось. В то же время увеличивался выпуск крупнокалиберной артиллерии, танков, самоходных артиллерийских установок, боевых самолетов, боеприпасов. В 1944 г. военное производство достигло высшего уровня, который сохранялся до конца войны. В результате Красная Армия бесперебойно получала необходимую боевую технику, оружие и боеприпасы. Несмотря на возросший размах боевых действий, потребности армии как в войне с Германией, так и с Японией удовлетворялись полностью. Бурное развитие военной промышленности СССР в 1944–1945 гг., наряду с помощью, которая продолжала поступать от западных держав, являлось главным фактором успешных боевых действий против стран гитлеровского блока.

Рост военно-экономических возможностей страны позволил улучшить техническую оснащенность войск. В действующей армии значительно возросло количество автоматического оружия, танков, самоходных артиллерийских установок, боевых самолетов. Огневая мощь сухопутных войск росла как за счет улучшения качества артиллерии, так и создания крупных артиллерийских соединений резерва главного командования, что позволяло сосредоточить их на главном направлении, обеспечивая высокие плотности огневого поражения обороны противника. Ударная сила войск возросла в результате увеличения за 1944 г. количества танков более чем в два раза. Это дало возможность как выделять их для непосредственной поддержки атаки пехоты при прорыве обороны, так и иметь танковые армии и отдельные танковые корпуса для развития успеха фронтов и армий в глубину. Количественное и качественное усиление состава воздушных армий обеспечивало надежное прикрытие сухопутных войск от воздушных ударов противника и мощную авиационную поддержку при прорыве обороны и, особенно, при развитии наступления в оперативной глубине.

Несмотря на большие потери Красной Армии, численность действующих войск в 1944–1945 гг. увеличивалась за счет призыва подрастающего поколения, а также освобожденных от оккупации советских людей. В 1944 г. в ряды армии были призваны юноши 1927 года рождения. Недостаток людских ресурсов вынуждал по-прежнему призывать в армию женщин. Особенность пополнения личным составом состояла в том, что в армию призывались военнообязанные западных областей Белоруссии, Украины, а также Прибалтики и Молдавии, значительная часть которых имела слабую военную подготовку. Однако, вливаясь в ряды фронтовиков, новое поколение относительно быстро овладевало минимумом необходимых боевых качеств. Красная Армия к концу войны стала более сильной, чем в ее начале.

В стремлении сокрушить врага и, победоносно завершив войну, вернуться к мирному труду, советские люди стойко переносили все трудности. Условия их жизни по-прежнему были тяжелыми, особенно на территории, только что освобожденной от фашистской оккупации. Война оставила миллионы людей без крова. Они

ютились в землянках и блиндажах, в кое-как приспособленных к жилью разрушенных домах. В тесноте, связанной с необходимостью дать жилье эвакуированным из районов боевых действий, жило население глубокого тыла страны, не испытавшего оккупации.

Другой сложной проблемой оставалось питание. Рабочие и служащие получали основные продукты по карточкам. Так как существовать, получая установленную норму, было трудно, а купить продукты на базаре из-за высоких цен мог далеко не каждый, приходилось заниматься огородничеством. Большинство людей жило впроголодь, в том числе и сельское население. За труд в колхозе труженики получали крайне мало. Карточки на продукты колхозникам не выдавались. Главным, а нередко и единственным источником их существования были небольшие по площади приусадебные огороды. Нормированное снабжение рабочих и служащих по карточкам осуществлялось бесперебойно, но личное потребление советских людей в годы войны, в сравнении с предвоенным, снизилось примерно на 35–40%¹³.

Несмотря на огромные трудности, советские люди на фронте и в тылу стали еще более едиными в стремлении разгромить врага. Организующей силой общества и государства выступала, как и раньше, Коммунистическая партия, ряды которой неуклонно увеличивались. Жесткая требовательность партийного руководства сочеталась с самоотверженностью рядовых коммунистов, которые стремились быть в авангарде и в бою, и в труде. Обладая монополией на идеологическую обработку сознания народа, партийная пропаганда добилась больших результатов в единении общества. Этому способствовала эйфория, вызванная крупными успехами на фронте. Инакомыслие подавлялось созданием соответствующего общественного мнения и репрессиями. Следует отметить, что миллионы советских людей, особенно из освобожденных от оккупации деревень, черпали силы в религии.

Что касается экономики Германии, то она, продолжая эксплуатировать оккупированные страны и напрягать свои силы, добилась в 1944 г. максимального уровня военного производства. Страна расходовала на военные нужды три четверти национального дохода¹⁴, в то время как СССР немногим более половины. В середине 1944 г. Германия вкладывала в военное производство в три раза больше денежных средств, чем в начале 1942 г.¹⁵ В результате в 1944 г. она произвела орудий, минометов, а также боеприпасов к ним почти в полтора раза больше Советского Союза. Самолетов было выпущено поровну, однако танков и самоходных артиллерийских установок СССР произвел в 1,6 раза больше Германии¹⁶.

Открытие второго фронта в Европе и возросшие удары Красной Армии потребовали от Германии нового напряжения, которого ее экономика выдержать не могла. С лета 1944 г. начался общий спад производства Германии. Потеря оккупированных территорий, а затем и собственных экономически важных районов привела в 1945 г. страну к катастрофе.

Еще быстрее обострялась проблема людских ресурсов. Несмотря на привлечение к принудительному труду миллионов иностранцев и военнопленных, численность рабочих в промышленности и сельском хозяйстве Германии уменьшалась. Необходимость восполнить потери войск потребовала очередных тотальных мобилизаций и призыва в 1945 г. в ряды вермахта 16- и 17-летних юношей. Однако численность военнослужащих восстановить не удавалось, и она уменьшалась. Для помощи вермахту стал создаваться фольксштурм за счет ограниченно годных к военной службе мужчин, а также подростков.

Техническая оснащенность войск Германии ухудшалась. Несмотря на увеличение количества танковых дивизий, вооруженных более совершенными боевыми машинами, штатная численность танков в дивизии сократилась в 1945 г. в пять раз, до 54¹⁷. Некогда грозные танковые армии вермахта на завершающем этапе войны превратились в обычные полевые армии: нередко в них не было ни одной танковой дивизии. Пехотные дивизии, как и прежде, по укомплектованности значительно превосходили советские стрелковые дивизии. Особенно резко снизились боевые

возможности военно-воздушных сил, которые на советско-германском фронте в 1944–1945 гг. уступали в численности советской авиации в три–семь раз. В целом силы противника сокращались, а превосходство Красной Армии становилось все более значительным.

Жизненный уровень населения Германии был выше, чем в других странах Европы, что обеспечивалось за счет оккупированных территорий. Однако уже в 1944 г. гражданское население снабжалось потребительскими товарами промышленности на 50–60% от уровня 1938 г.¹⁸ С потерей захваченных территорий снабжение продуктами питания ухудшилось. По сравнению с 1943 г. запасы продовольствия сократились на 25%.¹⁹ Еще тяжелее стало в 1945 г., когда были введены урезанные нормы, по которым большинство населения получало по 250 г хлеба в день. Вера населения в победу Германии быстро падала, хотя гитлеровская пропаганда стремилась скрыть истинное положение и внушить надежды на поворот к лучшему. Когда фронт подошел к Германии, пропаганда стала запугивать немцев зверствами большевиков, сибирской ссылкой, всеобщей катастрофой человечества.

Понимая, что война проиграна, верхушечная часть буржуазии и военных, чтобы спасти Германию от поражения, сделала попытку убрать Гитлера и его ближайшее окружение. Военные совершили покушение 20 июля 1944 г., стремясь заключить мир с западными державами антигитлеровской коалиции. Провал заговора был использован для расправы с противниками режима.

Тяжелые военные поражения, тотальные мобилизации, ухудшение жизненных условий, угроза оккупации приводили германский народ в уныние. Все меньше немцев верило в победу, быстро падал авторитет власти. Пропаганда сначала уверяла, что отступление вермахта является преднамеренным маневром, а потом затрубила о спасительном “чудо-оружии” и, наконец, об ожидаемом расколе антигитлеровского союза. Усиливались репрессии. В последние месяцы солдат стали вешать, оставляя для всенародного обозрения. Ожидания расплаты за фашистские злодеяния вселяли в немцев страх и стремление сохранить жизнь. Общество и государство распались.

В завершающие годы войны резко возросла роль внешнеполитической деятельности, что было вполне естественно: исход войны не вызывал сомнений, поэтому государства антигитлеровской коалиции готовились делить “победный пирог”, а агрессоры искали пути менее болезненного выхода из войны. Советский Союз, руководствуясь государственными интересами и рассчитывая расширить коммунистическое влияние, стремился к укреплению военного союза стран антигитлеровской коалиции, установлению новых отношений с освобожденными от фашизма странами и достижению выгодного для Советского Союза послевоенного устройства мира.

Основными вехами объединения усилий антигитлеровской коалиции для разгрома фашистского блока являлись конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, которые проходили в Тегеране и Ялте. Тегеранская конференция стала первой встречей лидеров трех великих держав. На ней были согласованы планы совместных действий союзников по разгрому Германии, предопределившие ее судьбу, достигнута договоренность об участии СССР в войне с Японией и о послевоенной организации мира. Кульминацией сотрудничества трех великих держав явилась Ялтинская конференция. Она конкретизировала тегеранские решения. Сосредоточив внимание на согласовании планов по завершению разгрома Германии, конференция определила порядок ее оккупации после безоговорочной капитуляции как единственно возможного условия окончания войны в Европе, выработала основные принципы общей политики союзников в послевоенной организации Европы и создания Организации Объединенных Наций.

Последней и самой продолжительной встречей глав государств Большой тройки стала Потсдамская конференция, которая подвела итоги разгрома Германии и обсудила практические вопросы окончания войны на Дальнем Востоке. Союзники

были единодушны в необходимости искоренения милитаризма и нацизма в Германии и предания международному суду военных преступников. Принятые решения были направлены на обеспечение мира и безопасности в Европе. Однако острая борьба разгорелась по возмещению Германией ущерба, нанесенного СССР и другим странам, по мирному урегулированию конфликта с бывшими союзниками Германии и по польскому вопросу

Потсдамские решения о репарациях не полностью отвечали требованиям СССР, которому Германия нанесла наибольший ущерб. С большим трудом удалось достичь согласия Лондона и Вашингтона на установление западной границы Польши за счет германской территории по Одеру и Нейсе. Наиболее острые разногласия вспыхнули по политическому развитию стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Перед вступлением Красной Армии в восточноевропейские страны правительство Советского Союза декларировало свои намерения освободить их народы от фашистских захватчиков, сурово наказать военных преступников, восстановить национальные государства и предоставить освобожденным народам право самим решать вопрос о государственном устройстве. В Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Югославии существовали силы, добивавшиеся как установления прокоммунистического строя, так и режимов западной демократии. Ни одна из названных стран самостоятельно избавиться от германской оккупации не могла. Несмотря на это, Красная Армия как освободительница воспринималась далеко не всем населением, что особенно сильно проявлялось в Польше, а также в Венгрии и Румынии. Однако и обещание предоставить освобожденным от фашизма народам право самим решать свою судьбу являлось во многом пропагандистской декларацией советского правительства. Освободительная миссия Красной Армии стала только первым шагом на пути постепенного превращения этих стран в государства системы социализма. При этом спор между сторонниками разных систем решался не выражением воли большинства населения, а определялся присутствием Красной Армии, опираясь на которое, побеждали прокоммунистические силы.

США и Великобритания внимательно следили за ходом политического развития в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где шел процесс становления новых структур власти, которые для западных держав являлись неприемлемыми. Упреки по поводу политики, проводимой западными странами и СССР в контролируемых ими странах, были взаимными. Западные державы всячески противодействовали распространению влияния Советского Союза. Однако решающий вклад в разгром Германии настолько поднял международный авторитет СССР, что с ним приходилось считаться.

Коалиция западных держав с Советским Союзом в годы второй мировой войны была обусловлена необходимостью разгромить фашистские силы, которые угрожали мировой цивилизации. Общая цель отодвинула на второй план существовавшие между ними противоречия, потребовала объединить усилия во имя достижения победы. Но к концу войны, когда крах Германии стал очевиден, противоречия между ведущими членами антигитлеровской коалиции стали все более проявляться по ряду вопросов мировой политики. Потсдамская конференция, завершившаяся в целом удачно для коалиции, продемонстрировала здравый смысл и дипломатию компромиссов среди ее участников. Народы мира торжествовали великую Победу.

¹ Всероссийская Книга памяти, 1941–1945. М., 1995. Обзорный том. С. 454.

² Подсчитано по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 5. С. 462.

³ Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. М., 1984. С. 468.

- ⁴ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 146, 367.
- ⁵ Всероссийская книга памяти. С. 454.
- ⁶ Гриф секретности снят... С. 146.
- ⁷ Всероссийская книга памяти. С. 428; Гриф секретности снят... С. 373.
- ⁸ История второй мировой войны 1939–1945. М., 1982. Т. 12. С. 283.
- ⁹ Там же. М., 1978. Т. 9. С. 531.
- ¹⁰ История военного искусства. М., 1984. С. 387.
- ¹¹ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1962. Т. 3. С. 501.
- ¹² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1992. Т. 3. С. 301.
- ¹³ См.: Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945. С. 448.
- ¹⁴ Кравченко Г.С. Военная экономика СССР, 1941–1945. М., 1963. С. 223.
- ¹⁵ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1977. Т. 8. С. 412.
- ¹⁶ Там же. Т. 9. С. 449.
- ¹⁷ Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М., 1979. С. 385.
- ¹⁸ Промышленность Германии в период войны, 1939–1945 / Пер. с нем. М., 1956. С. 70.
- ¹⁹ История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 452.

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

1944 год

- 1 января – Образование Крайовой Рады Народовой в Польше. Декрет КРН о создании армии Людовой.
- 14 января – 1 марта – Операция Ленинградского, Волховского фронтов и Балтийского флота под Ленинградом и Новгородом.
- 20 января – Войска Волховского фронта освободили Новгород.
- 24 января – 17 февраля – Корсунь–Шевченковская операция советских войск.
- 24 января – 12 мая – Освобождение Красной Армией Правобережной Украины, части Западной Украины и Крыма.
- 27 января – Окончательное снятие блокады Ленинграда.
- 2 февраля – Войска 1-го Украинского фронта освободили города Луцк и Ровно.
- 12 февраля – Войска Ленинградского фронта освободили г. Луга.
- 18 февраля – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) “О строительстве тракторных заводов и развитии производственных мощностей по выпуску тракторов для сельского хозяйства”.
- 14 марта – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) “О государственном плане развития сельского хозяйства на 1944 г.”
- 15 марта – Началась Полесская наступательная операция войск 2-го Белорусского фронта.
- 19 марта – Оккупация немецко-фашистскими войсками Венгрии.
- 26 марта – Выход советских войск к Государственной границе СССР на р. Прут.
- 27 марта – Вступление советских войск на территорию Румынии.
- 2 апреля – Заявление советского правительства в связи с вступлением на территорию Румынии.
- 10 апреля – Войска 3-го Украинского фронта освободили Одессу.
- 15 апреля – После тяжелого ранения скончался командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин.
- 8 мая – Подписание советско-чехословацкого соглашения об отношениях между советским Главнокомандованием и чехословацкой администрацией после вступления Красной Армии на территорию Чехословакии.
- 11 мая – Постановление Государственного Комитета Обороны о мероприятиях по увеличению добычи нефти в 1944 г.
- 13 мая – Обращение правительств СССР, Великобритании и США к Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии с предложением прекратить войну на стороне Германии.
- 6 июня – Высадка войск союзников в Нормандии. Открытие второго фронта в Западной Европе.
- 24 июля – Нормандская десантная операция союзных вооруженных сил.
- 10 июня – 9 августа – Выборгско-Петрозаводская наступательная операция советских войск.
- 20 июня – Войска Ленинградского фронта при содействии Краснознаменного Балтийского флота освободили Выборг. Образование Национально-демократического блока в Румынии.
- 23 июня – 29 августа – Белорусская наступательная операция советских войск.
- 26 июня – Войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов освободили г. Витебск.
- 28 июня – Войска 2-го Белорусского фронта освободили г. Могилев. Войска Карельского фронта во взаимодействии с Онежской военной флотилией освободили г. Петрозаводск.

- 29 июня – Войска 1-го Белорусского фронта освободили г. Бобруйск.
- 3 июля – Войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов освободили г. Минск.
- 11 июля – Советские войска завершили ликвидацию группировки фашистских войск, окруженной восточнее Минска.
- 13 июля – Войска 3-го Белорусского фронта освободили г. Вильнюс.
- 13 июля – 29 августа – Львовско-Сандомирская наступательная операция советских войск.
- 17 июля – Войска 1-го Украинского фронта вступили на территорию Польши.
- 20 июля – Покушение на Гитлера. Подавление путча властями.
- 21 июля – Создание Польского комитета национального освобождения. Объединение 1-й польской армии с Армией Людовой в единое Войско Польское.
- 25 июля – Объявление новой тотальной мобилизации в Германии.
- 26 июля – Войска Ленинградского фронта освободили г. Нарву.
- 28 июля – Войска 1-го Белорусского фронта освободили г. Брест.
- 1 августа – 2 октября – Варшавское восстание.
- 11 августа – Постановление СНК СССР “О первоочередных мероприятиях по восстановлению предприятий легкой промышленности в освобожденных районах УССР в 1944 году”.
- 17 августа – Войска 3-го Белорусского фронта вышли на границу с Германией (Восточная Пруссия).
- 20–29 августа – Яско-Кишиневская наступательная операция советских войск.
- 23 августа – Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили окружение группировки немецко-фашистских войск под Кишиневом. Государственный переворот в Румынии. Свержение диктатуры Антонеску.
- 24 августа – Освобождение советскими войсками г. Кишинева. Объявление Румынией войны Германии.
- 29 августа – 27 октября – Словацкое национальное восстание.
- 31 августа – Войска 2-го Украинского фронта вступили в Бухарест, освобожденный румынскими патриотами.
- 1 сентября – Постановление СНК СССР о мерах неотложной помощи по восстановлению сельского хозяйства Литовской, Латвийской и Карело-Финской ССР.
- 4 сентября – Правительство Финляндии заявило о разрыве отношений с Германией.
- 5 сентября – Советский Союз объявил о состоянии войны с Болгарией.
- 8 сентября – Советские войска вступили в Болгарию.
- 8 сентября – 28 октября – Карпатско-Дуклинская операция советских войск.
- 9 сентября – Приход к власти Отчественного фронта в Болгарии.
- 9 сентября – 28 октября – Карпатско-Ужгородская операция 4-го Украинского фронта.
- 14 сентября – Войска 1-го Белорусского фронта совместно с армией Войска Польского освободили Прагу, предместье Варшавы.
- 17–26 сентября – Таллинская наступательная операция советских войск.
- 19 сентября – Подписание СССР и Великобританией соглашения о перемирии с Финляндией.
- 20 сентября – Вступление войск 4-го Украинского фронта на территорию Чехословакии.
- 21–28 сентября – Советско-югославские переговоры в Москве.
- 22 сентября – Освобождение советскими войсками г. Таллина.
- 24 сентября – Войска 2-го Украинского фронта вышли на румыно-венгерскую границу.
- 25 сентября – Директива Гитлера о создании фольксштурма.
- 27 сентября – 24 ноября – Моонзундская десантная операция советских войск.
- 28 сентября – Войска 3-го Украинского фронта вступили на территорию Югославии.
- 1 октября – Постановление ГКО “Об усилении внимания делу восстановления и развития угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии и электростанций”.
- 5–22 октября – Мемельская наступательная операция советских войск.
- 6–28 октября – Дебреценская наступательная операция советских и румынских войск.
- 7–18 октября – Войска 3-го Белорусского фронта пересекли границу Восточной Пруссии.
- 7 октября – 9 ноября – Петсамо-Киркенесская наступательная операция советских войск.
- 10 октября – Войска 1-го Прибалтийского фронта вышли к побережью Балтийского моря южнее Лиепая.
- 13 октября – Освобождение советскими войсками Риги.
- 15 октября – Войска Карельского фронта во взаимодействии с Северным флотом освободили Петсамо (Печенгу).
- 20 октября – Советские и югославские войска освободили столицу Югославии г. Белград.

- 22 октября – Войска Карельского фронта вышли на государственную границу с Норвегией.
 25 октября – Завершение освобождения территории Румынии.
 28 октября – Советские войска завершили освобождение Закарпатской Украины.
 29 октября – Начало Будапештской операции войск 2-го Украинского фронта.
 1 ноября – Подписание Соглашения между Национальным комитетом освобождения Югославии и эмигрантским правительством об образовании единого правительства Югославии.
 12 ноября – Английская авиация потопила немецкий линкор “Тирпиц”.
 23 ноября – Постановление ГКО “О мерах помощи черной металлургии”.
 24 – ноября – Войска Ленинградского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом завершили освобождение о-ва Сааремаа.
 1 декабря – Постановление ГКО “О мерах помощи Днепрострою по восстановлению Днепровской гидроэлектростанции им. В.И. Ленина”.
 2 декабря – Создание Венгерского национального фронта независимости.
 10 декабря – Подписание в Москве Договора между СССР и Французской республикой о союзе и взаимной помощи.
 13 декабря – Постановление СНК СССР “Об итогах всесоюзного социалистического соревнования областей, краев и республик за получение высокого урожая и подъем колхозного животноводства в 1944 году”.
 16 декабря – Начало контрнаступления немецко-фашистских войск в Арденнах.
 22 декабря – Образование Временного правительства Венгрии.
 26 декабря – Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили окружение будапештской группировки немецко-фашистских войск.
 28 декабря – Объявление Временным правительством Венгрии войны Германии.
 31 декабря – Постановление Крайовой Рады Народовой о преобразовании Польского комитета национального освобождения во Временное правительство Польской Республики.

1945 год

- 5 января – Признание советским правительством Временного правительства Польской республики.
 6 января – Обращение премьер-министра Великобритании к Верховному Главнокомандующему вооруженными силами СССР с просьбой оказать срочную помощь в связи с наступлением немецких войск в Арденнах.
 7 января – Ответ Верховного Главнокомандующего вооруженными силами СССР премьер-министру Великобритании об открытии широких наступательных действий на советско-германском фронте во второй половине января.
 12 января – 3 февраля – Висло-Одерская операция советских войск.
 12 января – февраль – Наступление войск 4-го и 2-го Украинских фронтов в Западных Карпатах.
 13 января – 25 апреля – Восточно-Прусская операция советских войск.
 17 января – Войска 1-го Белорусского фронта совместно с 1-й армией Войска Польского освободили столицу Польши г. Варшаву.
 19 января – Войска 1-го Украинского фронта освободили Краков.
 23 января – Войска 1-го Белорусского фронта окружили группировку немецко-фашистских войск в Познани.
 26 января – Первый обстрел Кёнигсберга советской артиллерией.
 27 января – Войска 1-го Украинского фронта освободили узников фашистского концентрационного лагеря в Освенциме.
 28 января – Войска 1-го Прибалтийского фронта освободили г. Клайпеда и завершили освобождение от немецко-фашистских захватчиков Литовской ССР.
 29 января – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о Государственном народнохозяйственном плане на первый квартал 1945 г.
 4–11 февраля – Крымская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.
 8 февраля – Постановление СНК СССР “О развитии сельской электрификации”.
 8–24 февраля – Нижне-Силезская операция войск 1-го Украинского фронта.
 8 февраля – 10 марта – Наступление американско-английских войск на западном фронте и выход их на р. Рейн.

- 10 февраля – 4 апреля – Восточно-Померанская операция советских войск.
- 13 февраля – Освобождение советскими войсками столицы Венгрии г. Будапешта.
- 17 февраля – Решение СНК СССР об оказании помощи в восстановлении столицы Польши г. Варшавы.
- 18 февраля – Скончался от тяжелого ранения командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И.Д. Черняховский.
- 23 февраля – Войска 1-го Белорусского фронта уничтожили группировку немецко-фашистских войск в г. Познань.
- 26 февраля – Приказ Гитлера о создании “Особых полевых судов по борьбе с явлениями роспуска”.
- 5 марта – Призыв военнослужащих 1929 года рождения в Германии.
- 6 марта – Начало последнего немецкого наступления в Венгрии севернее Балатона.
– Образование в Румынии правительства во главе с Петру Гроза.
- 6–15 марта – Балатонская оборонительная операция советских войск.
- 10 марта – 5 мая – Моравско-Островская операция войск 4-го Украинского фронта.
- 15–31 марта – Верхне-Силезская операция войск 1-го Украинского фронта.
- 16 марта – 15 апреля – Венская операция советских войск.
- 17 марта – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о Государственном народнохозяйственном плане на второй квартал 1945 г.
- 17–31 марта – Визит Бенеша в Москву. Переговоры о формировании правительства национального фронта Чехословаков.
- 19 марта – Гитлер издает приказ “Выжженная земля” на территории рейха.
- 23 марта – 17 апреля – Наступление американских войск в Руре.
- 25 марта – 5 мая – Братиславско-Брновская операция войск 2-го Украинского фронта.
- 28 марта – Войска 2-го Белорусского фронта освободили г. Гдыня в Польше.
- 29 марта – Войска 3-го Белорусского фронта завершили разгром группировки немецко-фашистских войск юго-западнее Кёнигсберга.
- 30 марта – Войска 2-го Белорусского фронта освободили г. Данциг (Гданьск) в Польше.
- 1 апреля – Американские войска завершили окружение рурской группировки противника.
- 4 апреля – Завершение освобождения Венгрии от немецкой оккупации.
- 4–5 апреля – Приезд правительства национального фронта чехов и словаков в Кошице и обновление его программы.
- 5 апреля – Денонсация правительством СССР советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.
- 9 апреля – Войска 3-го Белорусского фронта штурмом овладели крепостью Кёнигсберг.
- 11 апреля – Подписание в Москве Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией.
- 13 апреля – Постановление ГКО о мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса, о плане добычи нефти и выработке нефтепродуктов во втором квартале 1945 г.
- 16 апреля – 8 мая – Берлинская операция советских войск.
- 21 апреля – Подписание в Москве Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей.
- 24 апреля – 1 мая – Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов ликвидировали франкфуртско-губенскую группировку немецко-фашистских войск.
- 25 апреля – Встреча советских и американских войск в районе Торгау на Эльбе.
– Советские войска замкнули кольцо вокруг Берлина.
- 30 апреля – Советские войска водрузили Знамя Победы над рейхстагом.
- 5–9 мая – Пражское восстание.
- 6–11 мая – Пражская наступательная операция советских войск.
- 9 мая – День Победы над фашистской Германией.
- 10 мая – Капитуляция группы армий “Курляндия”.
- 24 июня – Парад Победы в Москве на Красной Площади.
- 17 июля – 2 августа – Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.
- 8 августа – Советский Союз объявил войну Японии.
- 9 августа – 2 сентября – Маньчжурская операция советских войск.
- 2 сентября – Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Японии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР И ГЕРМАНИИ

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СССР К НАЧАЛУ 1944 г., тыс. человек *

Виды вооруженных сил и рода войск	Всего	В том числе				
		действующие фронты и флоты	резерв Ставки ВГК	недействующие фронты и флоты	военные округа	войска ПВО страны
Сухопутные войска	9518**	5568	419	1187	2344	–
Военно-воздушные силы (с АДД)	611	331	77	110	93	–
Военно-морской флот	491	266	–	225	–	–
Войска ПВО страны	454	–	–	–	–	454
Воздушно-десантные войска	78	–	75	3	–	–
И т о г о:	11 152***	6165	571	1525	2437	454

* Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 605.

** В том числе в стрелковых войсках – 3308 тыс., в артиллерии – 2592 тыс., в бронетанковых войсках – 999 тыс. человек.

*** В том числе (без ВМФ) в запасных частях фронтов, армий, округов – 1958 тыс. и военно-учебных заведениях – 498 тыс. человек.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ГЕРМАНИИ К НАЧАЛУ 1944 г., тыс. человек *

Виды вооруженных сил и рода войск	Всего	В том числе	
		действующая армия	армия резерва
Сухопутные войска	7090	4370	2750
Военно-воздушные силы	1919	1501	418
Военно-морские силы	726	559	167
Войска СС	434	282	152
И т о г о:	10 169	6682**	3487

* Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 613.

** Без учета 498 927 человек подсобного персонала ВВС, рабочих и служащих запасных частей.

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННАЯ ТЕХНИКА СССР И ГЕРМАНИИ К НАЧАЛУ 1944 г.^{1*}

Вооружение и боевая техника	СССР						Германия		
	Всего	В том числе					Всего	В том числе	
		действующие фронты и флоты	резерв Ставки ВГК	недейств. фронты и флоты	военные округа	войска ПВО страны		действующая армия	армия резерва
Орудия и минометы	148 610 ^{2*}	92 650 ^{3*}	5040	20 100	17 850	12 970	68 000 ^{5*}	65 400	2600
Танки и самоходные орудия	11 732	5357	271	2350	3754	–	12 000 ^{6*}	9900	2100
Боевые самолеты	20 672 ^{4*}	8506	312	5080	3848	2926	5500	5000	500

^{1*} Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 606, 613.

^{2*} Без 50-мм минометов и РС.

^{3*} В том числе 1470 орудий ВМФ (зенитной и береговой обороны).

^{4*} Без Р-5 и У-2, используемых как ночные бомбардировщики.

^{5*} В том числе 42 тыс. полевых орудий, 20 тыс. минометов и 6 тыс. зенитных орудий.

^{6*} В том числе 8 тыс. танков и 4 тыс. штурмовых орудий.

ОБЩЕЕ СООТНОШЕНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ К НАЧАЛУ 1944 г.^{1*}

Силы и средства	Советские войска	Войска противника	Соотношение	Силы и средства	Советские войска	Войска противника	Соотношение
Дивизии (расчетные) ^{2*}	535	238,5	2,2:1	Орудия и минометы ^{3*}	83580	49100	1,7:1
Всего людей в действующей армии, тыс. человек	6165	4834	1,3:1	Танки и САУ ^{4*}	5357	3700	1,4:1
				Боевые самолеты ^{5*}	8506	3073	2,7:1

^{1*} Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 624.

^{2*} При расчете один ТК, МК и УР взяты за одну дивизию, две отдельные бригады – также за одну дивизию. При этом необходимо иметь в виду, что численность немецких дивизий была выше советских.

^{3*} Без учета орудий зенитной артиллерии.

^{4*} Кроме того, в войсковом ремонте находилось танков и САУ: советских – 1577; немецких – 1590.

^{5*} В том числе 828 самолетов АДД и 874 самолета ВМФ.

**СИЛЫ И СРЕДСТВА ВОЮЮЩИХ СТОРОН
В ВАЖНЕЙШИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ КРАСНОЙ АРМИИ В 1944–1945 гг.***

Операции	Дивизии расчетные	Люди, тыс. чел	Орудия и минометы	Танки и САУ	Боевые самолеты	Результаты																																																																																									
						разгромлено дивизий противника	в том числе уничтожено																																																																																								
Наступление под Ленинградом и Новгородом	<u>114,5**</u>	<u>1241</u>	<u>21 600</u>	<u>1475</u>	<u>1500</u>	26	3																																																																																								
	46	741	10 070	385	300			Освобождение Правобережной Украины	<u>199,5</u>	<u>2365</u>	<u>28 840</u>	<u>2037</u>	<u>2367</u>	83	10,5	94	1760	16 840	2200	1460	Белорусская	<u>178</u>	<u>1430</u>	<u>31 679</u>	<u>3360</u>	<u>4853</u>	68,5	18,5	63	800	7627	900	1342	Яско-Кишиневская	<u>99</u>	<u>929</u>	<u>16 079</u>	<u>1404</u>	<u>1759</u>	66	42,5	50,5	643	7618	404	810	Восточно-Прусская	<u>132</u>	<u>1669</u>	<u>28 360</u>	<u>3300</u>	<u>2980</u>	37	25	40	580	8200	700	515	Висло-Одерская	<u>163</u>	<u>2204</u>	<u>32 143</u>	<u>6464</u>	<u>4770</u>	60	35	30	400	4103	1136	270	Берлинская	<u>193</u>	<u>2500</u>	<u>41 600</u>	<u>6250</u>	<u>7500</u>	101	101	85	1000	10 400	1500	3300	Маньчжурская	<u>107</u>	<u>1577</u>	<u>26 137</u>	<u>5556</u>	<u>3826</u>	44	44	63	1200
Освобождение Правобережной Украины	<u>199,5</u>	<u>2365</u>	<u>28 840</u>	<u>2037</u>	<u>2367</u>	83	10,5																																																																																								
	94	1760	16 840	2200	1460			Белорусская	<u>178</u>	<u>1430</u>	<u>31 679</u>	<u>3360</u>	<u>4853</u>	68,5	18,5	63	800	7627	900	1342	Яско-Кишиневская	<u>99</u>	<u>929</u>	<u>16 079</u>	<u>1404</u>	<u>1759</u>	66	42,5	50,5	643	7618	404	810	Восточно-Прусская	<u>132</u>	<u>1669</u>	<u>28 360</u>	<u>3300</u>	<u>2980</u>	37	25	40	580	8200	700	515	Висло-Одерская	<u>163</u>	<u>2204</u>	<u>32 143</u>	<u>6464</u>	<u>4770</u>	60	35	30	400	4103	1136	270	Берлинская	<u>193</u>	<u>2500</u>	<u>41 600</u>	<u>6250</u>	<u>7500</u>	101	101	85	1000	10 400	1500	3300	Маньчжурская	<u>107</u>	<u>1577</u>	<u>26 137</u>	<u>5556</u>	<u>3826</u>	44	44	63	1200	5360	1555	2000										
Белорусская	<u>178</u>	<u>1430</u>	<u>31 679</u>	<u>3360</u>	<u>4853</u>	68,5	18,5																																																																																								
	63	800	7627	900	1342			Яско-Кишиневская	<u>99</u>	<u>929</u>	<u>16 079</u>	<u>1404</u>	<u>1759</u>	66	42,5	50,5	643	7618	404	810	Восточно-Прусская	<u>132</u>	<u>1669</u>	<u>28 360</u>	<u>3300</u>	<u>2980</u>	37	25	40	580	8200	700	515	Висло-Одерская	<u>163</u>	<u>2204</u>	<u>32 143</u>	<u>6464</u>	<u>4770</u>	60	35	30	400	4103	1136	270	Берлинская	<u>193</u>	<u>2500</u>	<u>41 600</u>	<u>6250</u>	<u>7500</u>	101	101	85	1000	10 400	1500	3300	Маньчжурская	<u>107</u>	<u>1577</u>	<u>26 137</u>	<u>5556</u>	<u>3826</u>	44	44	63	1200	5360	1555	2000																							
Яско-Кишиневская	<u>99</u>	<u>929</u>	<u>16 079</u>	<u>1404</u>	<u>1759</u>	66	42,5																																																																																								
	50,5	643	7618	404	810			Восточно-Прусская	<u>132</u>	<u>1669</u>	<u>28 360</u>	<u>3300</u>	<u>2980</u>	37	25	40	580	8200	700	515	Висло-Одерская	<u>163</u>	<u>2204</u>	<u>32 143</u>	<u>6464</u>	<u>4770</u>	60	35	30	400	4103	1136	270	Берлинская	<u>193</u>	<u>2500</u>	<u>41 600</u>	<u>6250</u>	<u>7500</u>	101	101	85	1000	10 400	1500	3300	Маньчжурская	<u>107</u>	<u>1577</u>	<u>26 137</u>	<u>5556</u>	<u>3826</u>	44	44	63	1200	5360	1555	2000																																				
Восточно-Прусская	<u>132</u>	<u>1669</u>	<u>28 360</u>	<u>3300</u>	<u>2980</u>	37	25																																																																																								
	40	580	8200	700	515			Висло-Одерская	<u>163</u>	<u>2204</u>	<u>32 143</u>	<u>6464</u>	<u>4770</u>	60	35	30	400	4103	1136	270	Берлинская	<u>193</u>	<u>2500</u>	<u>41 600</u>	<u>6250</u>	<u>7500</u>	101	101	85	1000	10 400	1500	3300	Маньчжурская	<u>107</u>	<u>1577</u>	<u>26 137</u>	<u>5556</u>	<u>3826</u>	44	44	63	1200	5360	1555	2000																																																	
Висло-Одерская	<u>163</u>	<u>2204</u>	<u>32 143</u>	<u>6464</u>	<u>4770</u>	60	35																																																																																								
	30	400	4103	1136	270			Берлинская	<u>193</u>	<u>2500</u>	<u>41 600</u>	<u>6250</u>	<u>7500</u>	101	101	85	1000	10 400	1500	3300	Маньчжурская	<u>107</u>	<u>1577</u>	<u>26 137</u>	<u>5556</u>	<u>3826</u>	44	44	63	1200	5360	1555	2000																																																														
Берлинская	<u>193</u>	<u>2500</u>	<u>41 600</u>	<u>6250</u>	<u>7500</u>	101	101																																																																																								
	85	1000	10 400	1500	3300			Маньчжурская	<u>107</u>	<u>1577</u>	<u>26 137</u>	<u>5556</u>	<u>3826</u>	44	44	63	1200	5360	1555	2000																																																																											
Маньчжурская	<u>107</u>	<u>1577</u>	<u>26 137</u>	<u>5556</u>	<u>3826</u>	44	44																																																																																								
	63	1200	5360	1555	2000																																																																																										

* Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 926.

** В числителе показаны войска Красной Армии, в знаменателе – Германии.

**СОСТАВ И ВООРУЖЕНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ СССР
К НАЧАЛУ 1945 г.***

Личный состав, вооружение и боевая техника	Действующие фронты и флоты	Резерв Ставки ВГК	Всего
Сухопутные войска, тыс. человек	5831	458	6289
Военно-воздушные силы, тыс. человек	372	95	467
Военно-Морской Флот, тыс. человек	329	–	329
Воздушнодесантные войска, тыс. человек	–	24	24
Итого	6532	577	7109
Орудия и минометы**	108 000	7100	115 100
Танки и самоходные артиллерийские установки	12 900	2200	15 100
Боевые самолеты***	15 540	275	15 815

* История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 5. С. 27.

** Без реактивных установок и 50-мм минометов.

*** Без самолетов ПО-2.

СОСТАВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ 1945 г.*

Личный состав, вооружение и боевая техника**	Всего	В том числе	
		действующая армия	армия резерва
Сухопутные войска, тыс. человек	5513	3906	1607
ВВС, тыс. человек	1453	1047	407
ВМФ, тыс. человек	510	390	120
Орудия и минометы	43 000	40 300	2700
Танки и штурмовые орудия	7087	5977	1090***
Боевые самолеты	6800	3530	930****

* Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 762.

** Вооружение и боевая техника только исправные; большая часть действующей армии по-прежнему находилась на советско-германском фронте.

*** Кроме того, в резерве ОКВ – 4300 танков и штурмовых орудий.

**** Кроме того, в резерве и парковом ремонте – 2340 самолетов.

**СОСТАВ ВОЙСК ПРОТИВНИКА НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ
В НАЧАЛЕ 1945 г.***

	Немецкие	Венгерские**	Всего
Дивизии расчетные	179	16,5	195,5
Личный состав, тыс. человек	2800	300	3100
Орудия и минометы	27 300	1200	28 500
Танки и штурмовые орудия	3800	150	3950
Боевые самолеты	1680	280	1960

* Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 763.

** Кроме войск Германии на советско-германском фронте действовали 1-я и 3-я венгерские армии.

**СОСТАВ ВОЙСК ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ,
ДЕЙСТВОВАВШИХ СОВМЕСТНО С КРАСНОЙ АРМИЕЙ
НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ К НАЧАЛУ 1945 г.***

Войска**	Люди	Дивизии	Пехотные бригады	Кавалерийские бригады
1-я и 2-я армии Войска Польского	129 900	9	–	1
1-й Чехословацкий армейский корпус	11 475	–	2	–
1-я и 4-я армии, 27-й армейский корпус и 1-я пехотная дивизия румын	101 500	14	–	–
1-я Болгарская армия	83 650	6	–	–
И т о г о:	326 525	29	2	1

Войска**	Танковые бригады	Орудия и минометы	Танки и САУ
1-я и 2-я армии Войска Польского	1	2154	193
1-й Чехословацкий армейский корпус	1	192	10
1-я и 4-я армии, 27-й армейский корпус и 1-я пехотная дивизия румын	–	1683	–
1-я Болгарская армия	–	1192	–
И т о г о:	2	5221	203

* Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 759.
 ** Кроме перечисленных, на стороне Красной Армии сражались французский авиационный полк "Нормандия" и воины югославской бригады.

ПОТЕРИ ВОЮЮЩИХ СТОРОН

СОТНОШЕНИЕ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА ПО КАМПАНИЯМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1944–1945 гг.*

Кампании	Людские потери, тыс. человек					
	Безвозвратные		Санитарные		Всего	
	число	%	число	%	число	%
Зимне-весенняя (1.1–31.5.44 г.)	<u>801,5**</u> 5,3	<u>7,1</u> 0,05	<u>2219,7</u> 14,6	<u>12,1</u> 0,08	<u>3021,2</u> 19,9	<u>10,2</u> 0,07
Летне-осенняя (1.6–31.12.44 г.)	<u>962,4</u> 4,5	<u>8,5</u> 0,04	<u>2895</u> 13,5	<u>15,8</u> 0,07	<u>3857,4</u> 18	<u>13</u> 0,06
В Европе (1.1–9.5.45 г.)	<u>800,8</u> 6,2	<u>7,1</u> 0,05	<u>2212,7</u> 17,2	<u>12,1</u> 0,09	<u>3013,5</u> 23,4	<u>10,2</u> 0,08
На Дальнем Востоке (9.8–2.9.45 г.)	<u>12</u> 0,5	<u>0,1</u> –	<u>24,4</u> 0,97	<u>0,1</u> –	<u>36,4</u> 1,5	<u>0,1</u> –

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 158.

** В числителе показаны все потери, в знаменателе – в том числе среднесуточные.

СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ СПИСОЧНАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОТЕРИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ДЕЙСТВУЮЩИХ ФРОНТОВ И ОТДЕЛЬНЫХ АРМИЙ В 1944–1945 гг.*

Период	Среднемесячная списочная численность	Безвозвратные потери	Санитарные потери**	Все потери
1944 г. I квартал	6 268 600	470 392	1 565 431	2 035 823
II квартал	6 447 000	251 745	956 828	1 208 573
III квартал	6 714 300	430 432	1 541 965	1 972 397
IV квартал	6 770 100	259 766	1 026 645	1 286 411
Итого за год:	6 550 000	1 412 335	5 090 869	6 503 204
1945 г. I квартал	6 461 100	468 407	1 582 517	2 050 924
II квартал	6 135 300	163 226	609 231	772 457
Итого за год:	6 330 880	631 633	2 191 748	2 823 381

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 153.

** В том числе раненные и больные, в последующем умершие в госпиталях.

**ПОТЕРИ ЛИЧНОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
В 1944–1945 гг. ПО КАТЕГОРИЯМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ***

Период	Безвозвратные потери**					Санитарные потери					Всего				
	офицеры	сержанты	солдаты	итого	%	офицеры	сержанты	солдаты	итого	%	офицеры	сержанты	солдаты	итого	%
1944 г. I квартал	50 566	113 731	406 474	570 761	5	114 468	284 108	1 174 166	1 572 742	8,6	165 024	397 839	1 580 317	2 143 503	7,2
II квартал	38 815	66 035	239 408	344 258	3,1	70 665	165 666	728 877	965 208	5,3	109 480	231 701	968 608	1 309 466	4,4
III квартал	46 673	105 457	358 660	510 790	4,5	122 830	300 419	1 122 193	1 545 442	8,4	169 503	405 876	1 480 853	2 056 232	7
IV квартал	28 762	61 861	247 459	338 082	3	76 606	183 155	771 597	1 031 358	5,6	105 368	245 016	1 019 056	1 369 440	4,6
Итого за 1944 г.:	164 806	347 084	1 252 001	1 763 891	15,6	384 569	933 348	3 796 833	5 114 750	27,9	549 375	1 280 432	5 048 834	6 878 641	23,2
1945 г. I квартал	49 661	121 812	386 048	557 521	4,9	125 932	339 103	1 129 600	1 594 635	8,7	175 593	460 915	1 515 648	2 152 156	7,3
II квартал	23 502	48 502	171 292	243 296	2,2	52 480	123 697	441 878	618 055	3,4	75 982	172 199	613 170	861 351	2,9
Итого за два квартала 1945 г.:	73 163	170 314	557 340	800 817	7,1	178 412	462 800	1 571 478	2 212 690	12,1	251 575	633 114	2 128 818	3 013 507	10,2
Кампания на Дальнем Востоке (9.8–2.9.1945 г.)	1470	3568	6993	12 031	0,1	2019	7123	15 283	24 425	0,1	3489	10 691	22 278	36 456	0,1

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 143–144.

** Военнослужащие, не имевшие офицерских званий, но занимавшие офицерские должности, показаны в числе сержантов, а рабочие и служащие – в числе солдат; в числе безвозвратных потерь показаны все умершие от ран и болезней, как на этапах санитарных эвакуаций, так и в госпиталях.

**БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ ОСНОВНЫХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ
И БОЕВОЙ ТЕХНИКИ
СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В 1944–1945 гг.***

Наименование	Единица измерения	1944 г.		1945 г.	
		количество	%	количество	%
Стрелковое оружие всех типов	млн	2,81	18,2	1,04	6,7
Танки и САУ**	тыс.	23,7	24,6	13,7	14,2
Орудия и минометы	"	51,8	16,3	18,4	5,8
Боевые самолеты***	"	<u>24,8</u> 9,7	<u>28,1</u> 22,5	<u>11</u> 4,1	<u>12,4</u> 9,5

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 366–367. В потери включены оружие и боевая техника, имевшиеся на 22.6. 1941 г. и поступившие на оснащение вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны.

** В общее количество потерь включены и 50-мм минометы.

*** В числителе показаны общие, в знаменателе – боевые потери. Потери остальных видов вооружения и боевой техники на боевые и небоювые не делились, так как последние составляли незначительный процент.

**ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ В НЕКОТОРЫХ КРУПНЫХ ФРОНТОВЫХ ОПЕРАЦИЯХ
ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1.1.44–9.5.45 гг.)***

№, № шт	Наименование операций	Численность войск к началу операции	Потери			
			безвозвратные	санитарные	всего	среднесуточные
1.	Житомирско-Бердичевская наступательная операция	831 000	23 163	76 855	100 018	4546
2.	Калинковичско-Мозырская наступательная операция	232 600	12 350	43 807	56 157	2442
3.	Корсунь-Шевченковская наступательная операция	336 700	23 286	55 902	80 188	3208
4.	Рогачевско-Жлобинская наступательная операция	232 000	7164	24 113	31 277	5213
5.	Режицко-Двинская наступательная операция	391 200	12 880	45 115	57 995	3222
6.	Псковско-Островская наступательная операция	258 400	7633	25951	33 584	1599
7.	Мадонская наступательная операция	390 000	14 669	50 737	65 406	2336
8.	Тартуская наступательная операция	272 800	16 292	55 514	71 806	2564
9.	Дебреценская наступательная операция	698 200	19 713	64 297	84 010	3653
10.	Гольданская наступательная операция	377 300	16 819	62 708	79 527	5302
11.	Нижне-Силезская наступательная операция	980 800	23 577	75 809	99 386	5846
12.	Балатонская оборонительная операция	465 000	8492	24 407	32 899	3290
13.	Верхне-Силезская наступательная операция	408 400	15 876	50 925	66 801	3929
14.	Моравско-Оставская наступательная операция	317 300	23 964	88 657	112 621	1976
15.	Братиславско-Брновская наступательная операция	272 200	16 933	62 663	79 596	1895

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 227–228.

**ПОТЕРИ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ ПО СТРАТЕГИЧЕСКИМ ОПЕРАЦИЯМ
В 1944–1945 гг.***

Наименование операций, сроки их проведения, продолжительность, сут.	Потери							
	стрелковое оружие, тыс. шт.		танков и САУ, шт.		орудий и минометов, шт.		боевых самолетов, шт.	
	в операции	среднесуточные	в операции	среднесуточные	в операции	среднесуточные	в операции	среднесуточные
Освобождение правобережной Украины 24.12.1943–17.4.1944 г. (116)	362,6	3,1	4666	40	7532	65	676	6
Ленинградско-Новгородская 14.1–1.3.1944 г. (48)	77,1	1,6	462	10	1832	38	260	5
Крымская 8.4–12.5.1944 г. (35)	29,7	0,8	171	5	521	15	179	5
Выборгско-Петрозаводская 10.6–9.8.1944 г. (61)	24,1	0,4	294	5	489	8	311	5
Белорусская 23.6–29.8. 1944 г. (68)	183,5	2,7	2957	43	2447	36	822	12
Львовско-Сандомирская 13.7–29.8.1944 г. (48)	79	1,6	1269	26	1832	38	289	6
Яско-Кишиневская 20– 29.8.1944 г. (10)	6,2	0,6	75	7–8	108	10–11	111	11
Восточно-Карпатская 8.9– 28.10.1944 г. (51)	47,9	0,9	478	9	962	19	192	4
Прибалтийская 14.9– 24.11.1944 г. (71)	172,7	2,4	522	7	2593	37	779	11
Белградская 28.9– 20.10.1944 (23)	16,6	0,7	53	2	187	8	66	3

Окончание

Наименование операций, сроки их проведения, продолжительность, сут.	Потери							
	стрелковое оружие, тыс. шт.		танков и САУ, шт.		орудий и минометов, шт.		боевых самолетов, шт.	
	в операции	среднесуточные	в операции	среднесуточные	в операции	среднесуточные	в операции	среднесуточные
Петсамо-Киркенесская 7–29.10.1944 г. (23)	2,9	0,1	21	1	40	2	62	3
Будапештская 29.10.1944– 13.2.1945 г. (108)	135,1	1,3	1766	16	4127	38	293	2–3
Висло-Одерская 12.1– 3.2.1945 г. (23)	25,8	1,1	1267	55	374	16	343	15
Западно-Карпатская 12.1– 18.2.1945 г. (38)	21,5	0,6	359	9	753	20	94	2
Восточно-Прусская 13.1– 25.4.1945 г. (103)	119,4	1,2	3525	34	1644	16	1450	14
Восточно-Померанская 10.2–4.4.1945 г. (54)	89,4	1,7	1027	19	1005	19	1073	20
Венская 16.3–15.4.1945 г. (31)	29,6	0,9	603	19	764	25	614	20
Берлинская 16.4–8.5.1945 г. (23)	215,9	9,4	1997	87	2108	92	917	40
Пражская 6.5–11.5.1945 г. (6)	59,8	10	373	62	1006	168	80	13
Маньчжурская наступательная операция 9.8–2.9.1945 г. (25)	11	0,4	78	3	232	9	62	2

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование: М., 1993. С. 371–373.

**ПОТЕРИ КРАСНОЙ АРМИИ
ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ И АЗИИ В 1944–1945 гг.***

Государства, на территории которых Красная Армия понесла потери при выполнении освободительной миссии	Безвозвратные потери		Санитарные потери		Общее количество потерь	
	всего	в том числе убито и умерло от ран и болезней	всего	в том числе контужено, обморожено	человек	%
Польша	600 212	541 029	1 416 032	1 145 329	2 016 244	51,84
Чехословакия	139 918	122 392	411 514	346 044	551 432	14,18
Венгрия	140 004	112 625	344 296	290 136	484 360	12,45
Германия	101 961	92 316	262 861	241 522	364 822	9,38
Румыния	68 993	59 499	217 349	150 311	286 342	7,36
Австрия	26 006	23 128	68 179	60 143	94 185	2,42
Югославия	7995	6307	21 589	14 617	29 584	0,76
Норвегия	3436	2887	14 726	4750	18 162	0,47
Болгария	997	154	11 773	514	12 750	0,33
Китай	9272	6729	20 630	15 885	29 902	0,77
Северная Корея	961	528	1272	1154	1963	0,05
В с е г о	1 099 465	967 594	2 790 221	2 270 405	2 889 686	100

* Всероссийская книга памяти, 1941–1945. М., 1995. С. 447.

ПОТЕРИ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК С 1 ЯНВАРЯ ПО 30 АПРЕЛЯ 1945 г.*

Виды потерь	Личный состав			Всего
	Сухопутные силы и войска СС	Военно-воздушные силы	Военно-морские силы	
Безвозвратные потери	1 250 000	17 000	10 000	1 277 000
из них: убито	250 000	10 000	5000	265 000
пропало без вести или попало в плен	1 000 000	7000	5000	1 012 000
Санитарные потери (раненые)	750 000	30 000	15 000	795 000
И т о г о:	2 000 000	47 000	25 000	2 072 000

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 338. В связи с тем, что статистических данных о людских потерях за 1945 г. нет, оценка их масштабов отделом учета потерь вермахта произведена ориентировочно.

**КОЛИЧЕСТВО НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ,
ЗАХВАЧЕННЫХ КРАСНОЙ АРМИЕЙ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ
В 1944–1945 гг.***

Период	Личный состав				
	генералы	офицеры	унтер-офицеры	солдаты	всего
1 января – 30 июня 1944 г.	12	2974	15 313	238 116	256 415
1 июля – 31 декабря 1944 г.	51	8160	44 373	895 946	948 530
1 января – 30 апреля 1945 г.	20	10 014	59 870	1 235 440	1 305 344
1 мая – 8 мая 1945 г.	66	10 424	40 930	583 530	634 950
И т о г о:	149	31 572	160 486	2 953 032	3 145 239

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 391.

ВАЖНЕЙШИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ГОСУДАРСТВ

ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ ВИДОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СЫРЬЯ И ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ В СССР И ГЕРМАНИИ В 1944 г.*

Виды продукции	Единица измерения	СССР	Германия и ее союзники	Виды продукции	Единица измерения	СССР	Германия и ее союзники
Сталь	млн т	10,9	35,2	Уголь	млн т	121,5	281,0
Чугун	"	7,3	20,7	Нефть	"	18,3	5,5
Прокат	"	7,3	19,1	Электро-энергия	млрд квт/ч.	39,2	49,0

* Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 602, 611.

ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ ВИДОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В СССР В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1945 г.*

Виды продукции	Второе полугодие 1944 г.	Первое полугодие 1945 г.	Первое полугодие 1945 г. в % ко второму полугодию 1944 г.
Электроэнергия, млрд квт. ч	20,4	21,2	103,4
Уголь, млн т	65,0	70,6	108,6
Нефть, млн т	9,4	9,3	98,9
Чугун, млн т	4,0	4,2	105,0
Сталь, млн т	5,8	5,9	101,7
Прокат, млн т	3,9	4,1	105,1
Железная руда, млн т	6,5	7,5	115,4
Металлорежущие станки, тыс. шт.	18,2	18,9	103,3
Автомобили, тыс. шт.	31,1	33,4	107,4

* История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1979. Т. 10. С. 403.

ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ ВИДОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В СССР И РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ В 1944 г.*

Виды продукции	СССР	США	Англия	Франция	Германия в границах 1937 г.
Железная руда, млн т	11,7	95,6	15,8	18,9	9,6
Чугун, млн т	7,3	56,3	6,8	2,9	13,4
Сталь, млн т	10,9	81,3	12,3	3,1	18,3
Уголь, млн т	99,4	618,9	195,8	27,2	234,8
Нефть, млн т	18,3	226,8	Добыча нефти незначительна		
Электроэнергия, млрд квт · ч	39,2	279,5	49,8	–	74,3
Металлорежущие станки, тыс. штук	39,0	135,8	59,1	–	71,0
Цемент, млн т	1,5	15,5	4,6	1,5	10,1

* Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945: Стат. сб. М., 1990. С. 31–33.

**ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИКИ СССР
В 1944–1945 гг., в % к 1940 г.***

Показатели	1944 г.	1945 г.
Национальный доход	88	83
Продукция промышленности	103	91
Продукция сельского хозяйства	54	60
Грузооборот всех видов транспорта	71	76
Все капитальные вложения	79	92
Среднегодовая численность рабочих и служащих	84	88
Основные производственные фонды (без скота)	76	87
Объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли (в сопоставимых ценах)	37	43

* Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 815.

**ПРОИЗВОДСТВО В СССР ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ
В 1944–1945 ГГ., тыс. шт.***

Виды военной техники	1944 г.	1945 г. (январь–август)	Всего
Винтовки и карабины	2450,0	637,0	3087,0
Пистолеты-пулеметы	1970,8	583,4	2554,2
Пулеметы всех видов	439,1	156,0	595,1
Орудия всех видов и калибров	122,4	72,2	194,6
Танки и САУ	29,0	20,5	49,5
Боевые самолеты	33,2	19,1	53,3
Минометы	7,1	3,0	10,1
Боевые корабли основных классов, единиц	4	2	6

*Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: Стат.сб. М., 1990. С. 15.

**ВЫПУСК ВОЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В 1944–1945 гг.***

Наименование продукции	Единица измерения	Среднемесячное производство во втором периоде	Зимняя кампания 1944 г. (январь–май)		Летне-осенняя кампания 1944 г. (июнь–декабрь)	
			за кампанию	среднемесячный выпуск	за кампанию	среднемесячный выпуск
Орудия и минометы	шт.	13 398	27 105	5420	39 143	5592
Танки и САУ	"	2036	11 310	2262	17 674	2525
Боевые самолеты	"	2470	13 322	2665	19 038	2758
Боеприпасы	тыс. шт.	13 222,1	66 351,86	13 270,0	100 940,0	14 420,0
Горючее (авиационный и автомобильный бензин)	тыс. т	213,0	1706,8	284,2	2066,6	344,4

Наименование продукции	За 1944 г.		Зимняя кампания 1945 г. (январь–май)		За третий период		Изменение среднего месячного производства по сравнению со вторым периодом
	всего	среднемесячный выпуск	за кампанию	среднемесячный выпуск	всего	среднемесячный выпуск	
Орудия и минометы, шт.	66 246	5520	26 727	5345	92 973	5455	-7943
Танки и САУ, шт.	28 984	2416	12 783	2556	41 767	2457	+421
Боевые самолеты, шт.	32 630	2720	14 159	2832	46 789	2752	+282
Боеприпасы, тыс. шт.	167 292,36	13 941,0	72 084,15	14 416,8	239 376,51	14 081,0	+858,9
Горючее, тыс. т (авиационный и автомобильный бензин)	3773,4	314,4	1 392,9	278,6	5166,3	303,9	+90,9

*Советское военное искусство в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1962. С. 490–491.

ДОКУМЕНТЫ

ДОКЛАД КОМИССИИ ГКО

Товарищу Сталину

По приказу Ставки Верховного Главнокомандования Чрезвычайная Комиссия в составе члена ГКО тов. Маленкова (председатель), генерал-полковника Щербакова, генерал-полковника Штеменко, генерал-лейтенанта Кузнецова и генерал-лейтенанта Шимонаева провела работу штаба Западного фронта и на основании этой проверки установила следующее:

I

НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА

Начиная с 12 октября 1943 года по 1 апреля 1944 года Западный фронт под командованием генерала армии Соколовского на оршанском и витебском направлениях провел одиннадцать операций, а именно:

- Оршанская операция 12–18 октября 1943 г.
- Оршанская операция 21–26 октября 1943 г.
- Оршанская операция 14–19 ноября 1943 г.
- Оршанская операция 30 ноября – 2 декабря 1943 г.
- Витебская операция 23 декабря 1943 г. – 6 января 1944 г.
- Богушевская операция 8–24 января 1944 г.
- Витебская операция 3–16 февраля 1944 г.
- Частная операция на оршанском направлении 22–25 февраля 1944 г.
- Витебская операция 29 февраля – 5 марта 1944 г.
- Оршанская операция 5–9 марта 1944 г.
- Богушевская операция 21–29 марта 1944 г.

Все эти операции закончились неудачно, и фронт поставленных Ставкой задач не решил. Ни в одной из перечисленных операций не была прорвана оборона противника, хотя бы на ее тактическую глубину, операция заканчивалась в лучшем случае незначительным вклиниванием в оборону противника при больших потерях наших войск.

Наступление на оршанском направлении 12–18 октября закончилось вклиниванием на 1–1,5 километра. Наши потери: убитых – 5858 человек, раненых – 17 478 человек. Всего – 23 336 человек.

Наступление на оршанском направлении 21–26 октября – продвижение от 4 до 6 километров. Наши потери: убитых – 4787 человек, раненых – 14 315 человек. Всего – 19 102 человека.

Наступление на оршанском направлении 14–19 ноября – продвижение от 1 до 4 километров. Наши потери: убитых – 9167 человек, раненых – 29 589 человек. Всего – 38 756 человек.

Наступление на оршанском направлении 30 ноября – 2 декабря – вклинение от 1 до 2 километров. Наши потери: убитых – 5611 человек, раненых – 17 259 человек. Всего – 22 870 человек.

Наступление на витебском направлении 23 декабря – 6 января – продвижение на 8–12 км. Противник отошел на ранее подготовленный рубеж. Наши потери: убитых – 6692 человека, раненых – 28 904 человека. Всего 35 596 человек.

Наступление на богушевском направлении 8–24 января – вклинение на 2–4 километра. Наши потери: убитых – 5517 человек, раненых – 19 672 человека. Всего – 25 189 человек.

Наступление на витебском направлении 3–16 февраля – продвижение на 3–4 километра. Наши потери: убитых – 9651 человек, раненых – 32 844 человека. Всего – 42 495 человек.

Частичная операция на оршанском направлении 22–25 февраля никакого результата не дала. В эту операцию части 52-го Укрепленного района сами попали в окружение, и с боль-

шими потерями было восстановлено первоначальное положение. Наши потери: убитых – 1288 человек, раненых – 4479 человек. Всего – 5767 человек.

Наступление на витебском направлении 29 февраля – 5 марта – продвижение от 2 до 6 километров. Наши потери: убитых – 2650 человек, раненых – 9205 человек. Всего – 11 855 человек.

Наступление на оршанском направлении 5–9 марта – успеха не имело. Наши потери: убитых – 1898 человек, раненых – 5639 человек. Всего – 7537 человек.

Наступление на богушевском направлении 21–29 марта – вклинивание от 1 до 3,5 километров. Наши потери: убитых – 9207 человек, раненых – 30 828 человек. Всего – 40 035 человек.

В этих безрезультатных операциях в период с 12 октября 1943 г. по 1 апреля 1944 г. только на участках активных действий фронт понес потери убитыми – 62 326 человек, ранеными – 219 419 человек, а всего убитыми и ранеными – 281 745 человек. Если к этому прибавить потери на пассивных участках фронта, то за период с октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт потерял – 330 587 человек. Кроме того, за это же время из войск Западного фронта в госпитали поступило – 53 283 человека больных.

В указанных выше операциях с октября 1943 по апрель 1944 г. Западный фронт израсходовал очень большое количество боеприпасов, а именно: 7261 вагон. За год же, с марта 1943 г. по март 1944 г., фронт израсходовал 16 661 вагон боеприпасов. За это же время, т.е. за год, Белорусский фронт израсходовал – 12 335 вагонов, 1-й Украинский фронт – 10 945 вагонов. 4-й Украинский фронт – 8463 вагона, и каждый из остальных фронтов израсходовал боеприпасов меньше перечисленных фронтов. Таким образом, Западный фронт израсходовал боеприпасов гораздо больше любого другого фронта.

Безуспешные действия Западного фронта за последние полгода, большие потери и большой расход боеприпасов объясняются не наличием сильного противника и непреодолимой обороны перед фронтом, а исключительно неудовлетворительным руководством со стороны командования фронта. Западный фронт при проведении всех операций всегда имел значительное превосходство в силах и средствах перед противником, позволяющее безусловно рассчитывать на успех.

По отдельным операциям соотношение в силах выглядит следующим образом:

Оршанская операция 12–18 октября 1943 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 19 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 8 сд, во 2-м эшелоне – 1 сд; танковый корпус, кавкорпус, 12 артиллерийских бригад, 20 артполков РГК, 3 танковые бригады, 6 танковых и самоходных полков. Всего было танков – 134. Артиллерийская плотность от 150 до 200 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. Две пехотные дивизии, три–пять артполков и около 30 танков. Впоследствии были подтянуты: одна пд, две мд и 3–4 артполка.

Оршанская операция 21–26 октября 1943 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 11 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 8 сд, во 2-м эшелоне – 3 сд; танковый корпус, 13 артбригад, 19 артполков РГК, 2 танковые бригады, 3 танковых и самоходных полка. Всего было танков – 172. Артиллерийская плотность от 115 до 260 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 4 пехотных дивизии, одна бригада “СС”, 6–7 артполков и до 60 танков.

Оршанская операция 14–19 ноября 1943 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 32 стрелковые дивизии, из них в 1-м эшелоне 18, во втором эшелоне 14; танковый корпус, 16 артбригад, 23 артполка РГК, 4 танковые бригады, 7 танковых и самоходных полков.

Всего было танков – 410. Артиллерийская плотность от 120 до 260 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 4 пехотные дивизии, 2 танковые дивизии, бригада “СС”, до 12 артполков. Всего было танков около 70 штук.

Оршанская операция 30 ноября – 2 декабря 1943 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 34 стрелковые дивизии, из них в 1-м эшелоне – 24 сд, во 2-м эшелоне – 10 сд; 13 артбригад, 24 артполка РГК, 4 танко-

вые бригады, 10 танковых и самоходных полков. Всего было танков – 284. Артиллерийская плотность от 120 до 170 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 4 пехотные дивизии, 2 танковые дивизии, до 10 артполков. Всего было танков около 200 штук.

Витебская операция 23 декабря 1943 г. – 6 января 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 11 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 5, во 2-м эшелоне – 6; танковый корпус, 10 артбригад, 4 артполка РГК, 4 танковые бригады, 5 самоходных артполков. Всего было танков – 147. Артиллерийская плотность 110 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 2 пехотные дивизии, до 5 артполков и около 60 танков. К концу операции было подброшено еще три пехотные дивизии.

Богушевская операция 8–24 января 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 16 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 11, во 2-м эшелоне – 5 сд и одна сбр, танковый корпус, 12 артбригад, 6 артполков РГК, 6 танковых бригад, 8 самоходных артполков. Всего было танков – 295.

Витебская операция 3–16 февраля 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 16 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 9 сд, во 2-м эшелоне – 7 сд, танковый корпус, 15 артбригад, 9 артполков РГК, 2 танковые бригады, 2 самоходных полка. Всего было танков – 129. Артиллерийская плотность от 115 до 140 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 5 пехотных дивизий, до 9 артполков и около 140 танков. Впоследствии было подброшено около 2 пехотных полков.

Витебская операция 29 февраля – 5 марта 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 15 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 13 сд, во 2-м эшелоне – 2 сд и сбр, 7 артбригад, 10 артполков РГК, 6 танковых бригад. Всего было танков – 87.

Силы противника. 5 пехотных дивизий, 10 артполков и около 90 танков.

Оршанская операция 5–9 марта 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 8 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 3, во 2-м эшелоне – 5 сд, 3 артбригады, 6 артполков РГК, 1 танковая бригада, 2 танковых полка. Всего было танков – 80. Артиллерийская плотность 100 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 1 пехотная дивизия, три артполка и до 35 танков.

Богушевская операция 21–29 марта 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 9 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 6 и во 2-м эшелоне – 3, 10 артбригад, 6 артполков РГК, 5 танковых бригад, 4 самоходных полка. Всего было танков – 73. Артиллерийская плотность – от 100 до 150 стволов на 1 км фронта.

Силы противника. 2 пехотные дивизии, до 5 артполков и до 40 танков. Таким образом, Западный фронт во всех проводимых операциях имел явное превосходство перед противником в силах и средствах. Несмотря на это, все операции кончались неудачно и фронт с октября месяца вперед не продвинулся.

В результате застойного положения на Западном фронте и продвижения соседних фронтов создалось крайне невыгодное для нас начертание линии фронта на смоленско-минском направлении. Противник на этом направлении имеет выступ в нашу сторону глубиной до 150 километров.

Такое положение оказывает неблагоприятное влияние на соседние фронты, дает возможность противнику иметь в треугольнике Лепель, Могилев, Минск свою авиацию и воздействовать ею по кратчайшим направлениям по тылам Прибалтийских и Белорусского фронтов. Со стороны Западного фронта противник находится ближе всего к Москве.

КРУПНЫЕ НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ АРТИЛЛЕРИИ

В проведенных операциях наша артиллерия, несмотря на сосредоточение ее в больших количествах и превосходство над артиллерией противника, не подавляла, как в период артиллерийской подготовки, так и в процессе боя, огневую систему противника. Зачастую артиллерия вела огонь по пустому месту, не выполняла заявок пехоты, теряла с ней взаимодействие, иногда вела огонь даже по своей пехоте. Пехота шла в атаку на неподдавленную огневую систему противника, несла громадные потери и не продвигалась вперед. Огневая деятельность нашей артиллерии, и особенно контрбатареями, во всех периодах боя была неполноценной и не отвечала предъявляемым к ней требованиям.

В 33, 31 и 5-й армиях были неоднократные случаи, когда артиллерия вела огонь по районам (квадратам), данным штабами артиллерии армии, а на самом деле в этих квадратах целей не было и артиллерия вела огонь по пустому месту, а нашу пехоту расстреливали огневые точки противника из других районов.

В операции 33-й армии 23 декабря 1945 г. (1943 г. – *Ред.*) на наблюдательных пунктах некоторых артполков были не офицеры, а рядовые бойцы. Не везде были наблюдатели в первом эшелоне пехоты. В результате этого 199-я стрелковая дивизия была обстреляна своей артиллерией. В этой же дивизии дело доходило до того, что орудия прямой наводки вели огонь по своей пехоте.

При наступлении 33-й армии 3 февраля с.г. в ряде дивизий не было организовано взаимодействие артиллерии с пехотой. Так, например, 144 сд наступала на Павлюченки, а поддерживающая ее артиллерия вела огонь западнее Павлюченки. В это же время при наступлении 222 сд поддерживающая ее артиллерия молчала.

О неудовлетворительной работе артиллерии Западного фронта свидетельствуют многие показания пленных немцев.

Командующий Западным фронтом генерал армии Соколовский, бывший член Военного Совета фронта генерал-лейтенант Булганин и командующий артиллерией фронта генерал-полковник Камера повинны в том, что они не вскрыли крупных недостатков и ошибок в работе артиллерии. Среди артиллеристов царит самоуспокоенность, чванство и зазнайство. Артиллеристы своих ошибок и недостатков не вскрывают, не изучают, а пытаются замазать их. Фронт и армии до последнего времени не издавали приказов по недочетам в действиях артиллерии и не указывали мер по устранению их. В результате такого неправильного отношения командования фронта к делу руководства артиллерией в каждой операции повторялись грубые ошибки и недостатки в действиях артиллерии.

В период подготовки операции артиллеристы во всех звеньях исключительно плохо ведут разведку целей и не вскрывают огневой системы противника. Вследствие незнания целей артиллерия не может вести прицельного огня по конкретным целям, а, как правило, ведет малоэффективный огонь по площадям. В этот же период артиллеристы медленно развертывают разведывательные органы, разведку ведут пассивным наблюдением, мало применяют подвижные и выдвинутые к переднему краю обороны противника наблюдательные пункты. Старшие артиллерийские командиры и их штабы лично разведку почти не ведут и свои функции в этом важнейшем вопросе ограничивают сбором и фиксацией сведений от нижестоящих и менее квалифицированных инстанций, к тому же поступающие сведения не проверяются. Особенно плохо ведется разведка во время наступления пехоты. Разведорганам не нарезаются конкретные полосы и сектора наблюдения, а поэтому внимание разведчиков рассеивается по всему полю и они занимаются беспредметным наблюдением картины боя, а не розыском огневых точек противника. Во многих артиллерийских частях разведывательные подразделения содержатся в некомплекте, при полной штатной укомплектованности небоевых подразделений. Для целей разведки и корректировки огня плохо используется авиация и совсем не используются аэростаты наблюдения.

Огонь артиллерии, как правило, планируется в высших штабах, без учета конкретных данных об огневой системе противника, вследствие этого он планируется не по целям, а по площадям. Исполнителям огневые задачи на местности ставятся очень редко. Во многих случаях командиры батарей и дивизионов получают схемы, которые не отвечают действительному положению целей. Такое планирование и доведение задач до исполнителей приводит к стрельбе по пустому месту и тем самым не обеспечивает подавление огневых точек противника. В период подготовки операции высшие артиллерийские штабы для своей работы по

планированию забирают большую часть времени, отведенного на подготовку. В результате этого низшим артиллерийским звеньям почти не остается времени, особенно светлого, для обработки задач на местности и организации взаимодействия.

Артподготовка проводится по шаблону. Начало артподготовки обозначалось залпом РС, затем проводился период разрушения и в конце – налет артиллерии по переднему краю. Противник привык к этому шаблону и, зная порядок огня, умело сохранял свою живую силу в укрытиях. Вследствие же того, что в период артподготовки наша артиллерия, как правило, вела огонь по площадям и не подавляла огневую систему противника, наша пехота встречалась противником организованным огнем всех видов, несла большие потери и во многих случаях с самого начала не могла продвигаться вперед.

С начала наступления плохо организуется сопровождение пехоты артиллерией. Как правило, связь и взаимодействие пехоты с артиллерией и минометами в этот период теряется. Обнаруженные и мешающие нашей пехоте цели или совсем не подавляются, или подавляются с большим опозданием. Чрезмерная централизация артиллерии при продвижении пехоты вперед в руках командиров стрелковых дивизий и выше лишает командира батальона средств подавления и возможности реагировать на обстановку. Особенно плохо воспитаны минометчики, в ряде случаев они просто уклоняются от связи с пехотой, задерживаются в тылу, вследствие чего минометы бьют куда попало. Радиостанций в низовом звене мало, и питанием они не обеспечены, хотя во фронте радиостанций достаточно для того, чтобы обеспечить наступающие войска. Орудия прямой наводки, несмотря на обилие их в боевых порядках пехоты, используются плохо и неумело. Подчиненность этих орудий не определена, конкретных целей они зачастую не имеют. От пехоты орудия прямой наводки часто отстают и вследствие этого иногда бьют по своим. Самоходные орудия используются неумело и должного эффекта не дают. Борьба с самоходными орудиями противника не организована и никем не планируется. Управление огнем в динамике боя осуществляется слабо. Вследствие незнания целей старший начальник бессилён в определении огневых задач подчиненным. Штабы артиллерии, как правило, находятся на большом удалении от наблюдательных пунктов, а следовательно, выключаются из управления огнем артиллерии.

Особенно плохо организуется контрбатарейная и контрминометная борьба с артиллерией и минометами противника как в период артподготовки, так и при продвижении пехоты вперед. Наши контрбатарейные и контрминометные группы не подавляют артиллерию и минометы противника, вследствие чего продвижение пехоты сдерживается сильным артиллерийским и минометным огнем противника и она несет большие потери, о чем свидетельствует тот факт, что в некоторых операциях процент осколочных ранений доходил до 70–80%. Огонь контрбатарейных артгрупп вследствие плохого знания целей и отсутствия корректировки малоэффективен. Артиллерия дальнего действия привыкла стрелять по площадям, по знакам разрыва стреляет плохо, не умеет быстро и точно переносить огонь. Контрминометные группы подавлять минометные батареи противника не умеют, стреляют плохо и неметко.

Контроль за выполнением огневых задач почти не осуществляется. С исполнителя не спрашивают результатов огня, на него возлагается ответственность только за своевременное его открытие. Такое положение порождает безответственность у офицерского состава артиллерии.

III

НЕДОСТАТКИ В ПЛАНИРОВАНИИ И ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАЦИЙ

При планировании операций имели место факты неправильной группировки войск фронта, о чем командованию фронта указано директивой Ставки от 15.10.43 г. за № 30225. В этой директиве говорилось:

“Войска Западного фронта не выполнили поставленную им задачу – овладеть к 12.10. г. Орша – и ведут затяжные, безрезультатные бои, приводящие к потере времени, сил и средств. Происходит это вследствие неправильной группировки войск фронта.

Основная группировка, до половины всех стрелковых дивизий фронта с большей частью средств усиления, создана в центре фронта.

Эта группировка, в случае ее успешного продвижения, упрется в р. Днепр и, таким образом, дальнейшее развитие ее наступления будет ограничено. В то же время правое крыло

фронта может наступать без форсирования р. Днепр и имеет возможность очистить Днепр путем удара во фланг и тыл войскам противника, обороняющимся на Днепре”.

Вопреки сложившемуся опыту войны командование Западного фронта в некоторых операциях организовывало прорыв на очень узких участках: в Витебской операции 23 декабря – на фронте 6 км, в Оршанской операции 5 марта – на фронте 5 км. Это позволяло противнику сосредоточить губительный фланкирующий огонь и в сочетании с контратакующими небольшими резервами исключить возможность продвижения нашей пехоты и нанести ей большие потери.

Штаб фронта от планирования операций был отстранен и фиксировал только ход событий, развивающихся по армейским планам. Никаких планирующих оперативных документов по проведенным операциям штаб фронта не имеет. Все проведенные операции планировались только в армиях и устно утверждались командующим фронтом. Вследствие этого штаб фронта не вносил своих предложений командованию по планированию и проведению операций и не осуществлял надлежащего контроля за выполнением решений командования.

Что касается подготовки операций, то и здесь были крупнейшие недостатки, отрицательно влияющие на исход операции.

Перегруппировка войск и подготовка к операциям проводились без должной скрытности и дезинформации противника, в результате чего почти во всех операциях внезапность была потеряна и операции протекали в условиях готовности противника к встрече нашего наступления, хотя формально фронтом и не издавалось никаких документов и все хранилось, якобы, в строжайшей тайне.

В некоторых операциях стрелковые дивизии и пополнение вводилось в бой с хода. В операции 5-й армии 22–25 февраля 184 сд в ночь на 21 февраля сдала свой участок обороны 158 сд и к утру 22 февраля вышла на исходное для наступления положение и с 8.00 этого же дня, после 10-ти минутного артналета, перешла в наступление и, конечно, успеха не имела. В операции 33-й армии 3–16 февраля 222, 164, 144 и 215-я стрелковые дивизии накануне наступления получили по 1500 человек пополнения и на следующее же утро ввели его в бой. Офицерский состав, прибывший на пополнение, принимал свои подразделения на исходном положении, а через несколько часов повел их в наступление.

При подготовке операций высшие штабы забирают для своей работы большую часть времени, отведенного на подготовку, а для производства рекогносцировок, отработки задач низшим звеньям на местности и на организацию взаимодействия времени почти не остается.

IV

О НЕПРАВИЛЬНОМ ПОСТРОЕНИИ БОЕВЫХ ПОРЯДКОВ ПРИ НАСТУПЛЕНИИ

В большинстве операций, проведенных фронтом, армии, особенно 33-я армия, наступали, глубоко эшелонируя свои боевые порядки, и создавали излишнюю плотность живой силы, нарушая тем самым приказ Ставки № 306. Такое построение боевых порядков приводило к тому, что в дивизии атаковало 2–3 батальона, а остальные батальоны стояли в затылок. При этих условиях ударная сила дивизии использовалась не одновременно, а расходовалась по частям и огневые средства замораживались. Все это приводило к большим потерям еще до вступления войск в бой, а понеся такие потери и находясь под непрерывным огнем воздействием, части теряли свою боеспособность еще до боя.

V

О НЕДОСТАТКАХ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТАНКОВ

Как известно, опыт войны показал, что крупные танковые соединения должны использоваться для развития успеха после прорыва основной оборонительной полосы противника.

Вопреки опыту войны и указаниям Ставки по вопросу использования танковых соединений, командование Западного фронта имеющийся у него 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус бросало на нерасстроенную оборону противника, вследствие чего танковый корпус не мог продвинуться вперед и нес большие потери. В операции на оршанском направлении 14–19 ноября танковый корпус был введен в бой, когда пехота на фронте 3 км едва вкли-

нилась в оборону на глубину 2–3 км. В операции 33-й армии на витебском направлении 23 декабря ввод танкового корпуса в бой планировался после овладения пехотой р. Лучеса (18 км в глубине обороны). На этом основании танковый корпус при продвижении пехоты в первые три дня наступления на глубину до 8–10 км в бой не вводился, а когда пехота была остановлена организованным огнем противника с заранее подготовленных рубежей и впереди продолжала оставаться р. Лучеса, танковый корпус бросается в бой и после потери 60 танков, не добившись успеха, отводится за боевые порядки пехоты. В операции на богушевском направлении 8 января танковый корпус был введен в бой, когда по существу никакого успеха пехота не имела. Понесла до 70% потерь, танковый корпус продвинулся вместе с пехотой на 2–4 км и после этого был выведен из боя.

Таким образом, постоянное стремление командования фронта добиться прорыва обороны посредством преждевременного ввода в бой танкового корпуса не дало результатов и привело к тому, что в танковом корпусе в настоящее время осталось два танка.

В танковых бригадах, действующих непосредственно с пехотой, во всех боях наблюдаются исключительно большие потери. Основная причина этих потерь заключается в том, что противотанковые средства противника не подавляются нашим артиллерийским огнем и отсутствует взаимодействие между танками, поддерживающей артиллерией и пехотой.

VI

Штаб Западного фронта не выполняет своей роли. Штаб обезличен, оторван от командования фронта и от насущных задач, решаемых войсками, и по существу является каким-то статистическим бюро, собирающим только данные по обстановке и то с опозданием. Вопросы планирования операций, организации боя и контроля за выполнением принятых командованием решений на деле изъяты из функций штаба. В течение 4 месяцев начальник штаба и весь штаб находятся на расстоянии около 100 километров от расположения командования фронта, и за это время командующий и начальник штаба встречались не более 3–4 раз. С командующим на ВПУ (хотя в данном случае это название не подходит) находится от штаба один полковник, выполняющий по существу обязанности адъютанта. Такое невиданное в практике положение командующий фронтом тов. Соколовский считает вполне нормальным.

На такое положение низвел штаб не только командующий фронтом, но в этом повинен и начальник штаба генерал-лейтенант Покровский, который боится ответственности и не может самостоятельно принять решения даже по мелкому вопросу. Покровский не принимает никаких мер к выправлению создавшегося ненормального положения со штабом, работает формально и бюрократически. Начальник оперативного отдела генерал-майор Чирков безынициативный работник и на роль руководителя оперативного отдела фронта не годится.

VII

Разведка на Западном фронте ведется совершенно неудовлетворительно. Добываемые ею данные зачастую являются недостоверными. Разведотдел штаба фронта не руководит деятельностью разведывательных органов армий, корпусов и дивизий и развалил агентурную разведку. Начальник разведотдела полковник Ильницкий сомнительные и преувеличенные сведения о противнике выдавал за достоверные.

Войсковая разведка не организована, ведется беспланоно. Разведывательные операции подготавливаются и проводятся плохо. При больших потерях разведчиков, в среднем до 5 человек на одного захваченного пленного, войсковая разведка нужных для командования данных не добывает.

Разведка боем ведется нецелестремленно и проводится без тщательной подготовки и организации, часто не обеспечивается огневой поддержкой, вследствие чего большая часть всех разведывательных действий войск фронта заканчивалась неудачно и с большими потерями.

Крупные недостатки имеют место в подготовке и проведении поисковых разведывательных операций и особенно в тылу у противника. Основная задача поиска – захват контрольных пленных – во многих случаях не выполняется. Так, в декабре месяце в 192 сд проведено 23 разведоперации с целью захвата “языка”. Ни одного пленного в этих операциях не захвачено, а потери наших разведгрупп составили 26 человек убитыми и ранеными. В 192,

247 и 174 сд с 1 января по 15 февраля проведены сотни поисковых разведопераций и не захвачено ни одного пленного. В 331 и 251 сд разведчики неоднократно подрывались на своих минных полях, так как им не было указано их расположение.

Служба наблюдения в войсках фронта организована формально. Этим видом разведки никто не руководит, наблюдение ведется необученными людьми и зачастую превращается в беспредметный обзор местности, а конкретное наблюдение за противником отсутствует.

Указания Ставки, запрещающие использование в бою разведывательных подразделений, как обычной пехоты, на Западном фронте систематически нарушаются. Так, в январе 1944 г. в 33-й армии все разведывательные подразделения соединений и частей участвовали в наступлении как линейные подразделения и почти полностью были уничтожены.

Особенно крупные недостатки имеют место в агентурной разведке. Агентурная разведка на Западном фронте засорена сомнительными людьми, ведется примитивно и шаблонно. Добываемые этим видом разведки сведения зачастую не подтверждаются и нередко являются источником дезинформации.

Вербовка агентуры производится без достаточной проверки, не индивидуально. Агентура часто набирается группами из лиц, не проверенных и не имеющих жизненного опыта. В число агентов нередко попадали люди политически сомнительные, ненадежные, перевербовываемые немцами тотчас же после их выброски.

Подготовка агентов проходит неорганизованно и наспех, без надлежащего обучения. Многие агенты, не получая достаточной подготовки, быстро проваливались. Элементарные правила конспирации нарушались. Большие группы агентов общались между собой и хорошо знали друг друга. Так, разведгруппы Христофорова, Юрченко, Калниболотского и Ситникова, предназначенные для работы в тылу у противника в разных районах, общей численностью в 28 человек, в течение всей подготовки размещались вместе, в одном помещении. Экипировка агентов, отправляемых в тыл противника, нередко являлась стандартной и позволявшей легко раскрыть нашего агента. На территорию, оккупированную немцами в 1941 г., посылались агенты в 1942 и 1943 гг. в одежде с пометкой о производстве ее Московшвеем в 1942 и 1943 гг. Стандартность же их одежды, в случае провала одного агента, позволяла легко раскрыть и других наших агентов.

Разведотдел фронта не стремился к внедрению своей агентуры в штабы и воинские учреждения противника. Работа агентов протекала по линии наименьшего сопротивления и ограничивалась простым наблюдением и сбором слухов среди местного населения. Связь разведотдела со своими агентами, работавшими в тылу, находится в очень плохом состоянии. Многие агенты перестали присылать донесения исключительно потому, что нет питания для радиостанций. Разведывательный отдел, имея все возможности к бесперебойному снабжению агентов питанием для раций, относится к этому важному делу халатно и безответственно.

Авиационная разведка хотя формально и проводится, но данные, получаемые от авиации, своевременно не обрабатываются, не сверяются с другими источниками и зачастую не доводятся до войск. Фотосхемы и фотопланы застревают в высших штабах и в войска своевременно не направляются.

Радиоразведка, несмотря на большое количество радиосредств, работает плохо, очень часто дает абсолютно неправильные данные и вводит наши штабы в заблуждение.

Разведывательный отдел штаба Западного фронта с возложенными на него задачами не справляется. Переоценка сил противника, бесплановость в разведке, оторванность от войск, неумение добывать своевременно нужные сведения, отличить ложное от достоверного, таковы характерные черты в работе разведотдела штаба Западного фронта.

Начальник разведотдела полковник Ильницкий, при попустительстве командования фронта и начальника штаба фронта, систематически преувеличивал силы противника перед Западным фронтом. Это выразилось в увеличении количества дивизий и численного состава дивизий противника перед Западным фронтом.

VIII

О ПОЛОЖЕНИИ В 33-Й АРМИИ В ПЕРИОД КОМАНДОВАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА ГОРДОВА

33-я армия во многих операциях на Западном фронте занимала центральное место, ей придавались значительные средства усиления, командование фронта уделяло армии большое внимание и считало командира Гордова лучшим командующим армией.

Однако факты показывают обратное. Нигде так плохо не был организован бой, как в армии Гордова. Вместо тщательной подготовки операции и организации боя, вместо правильного использования артиллерии Гордов стремился пробить оборону противника живой силой. Об этом свидетельствуют потери, понесенные армией. Общее количество потерь, понесенных 33-й армией, составляет свыше 50% от потерь всего фронта.

Вопреки указаниям Ставки, запрещавшим использование в бою специальных подразделений как обычную пехоту, Гордов нередко вводил в бой разведчиков, химиков и саперов.

К числу наиболее тяжких проступков Гордова следует отнести факты, когда Гордов весь офицерский состав дивизии и корпуса направлял в цепь.

В своем приказе от 4 сентября 1943 г., адресованном командиру 173-й стрелковой дивизии полковнику Зайцеву и командирам полков подполковнику Милованову, подполковнику Сизову, майору Гуслицер, Гордов требовал:

“Весь офицерский состав поставить в боевые порядки и цепью пройти лес, назначив небольшие отряды для выкуривания автоматчиков из их гнезд”.

И дальше Гордов в приказе писал: “Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу”.

Четвертого сентября 1943 г. Гордов приказал начальнику штаба 70 ск генерал-майору Иконникову:

“Немедленно все управление корпуса отправить в цепь. Оставить в штабе только начальника оперативного отдела”.

Такие недопустимые действия Гордова приводили к дезорганизации управления боем и ничем не оправдываемым потерям в офицерском составе. За последние полгода в 33-й армии под командованием Гордова убито и ранено 4 командира дивизии, 8 заместителей командиров дивизий и начальников штабов дивизий, 38 командиров полков и их заместителей и 174 командира батальона.

Гордов преступно нарушил приказ Ставки о запрещении прибегать к расстрелам командиров без суда и следствия. Так, 6 марта по приказу Гордова без суда и следствия был расстрелян майор Трофимов, якобы за уклонение от боя. На самом деле, как установлено следствием, майор Трофимов не был виноват.

Во время боевых действий управление со стороны Гордова сводилось к ругани и оскорблениям. Гордов часто прибегал по отношению к своим подчиненным к угрозам расстрела. Так было в отношении командира 277 сд генерал-майора Гладышева и командира 45 ск генерал-майора Поплавского. По заявлению ряда командиров, работавших с Гордовым, нечеловеческое отношение к людям, сплошная истерика так издергала их, что были случаи, когда командиры не могли командовать своими соединениями и частями.

Командование фронта проходило мимо всех этих безобразий в действиях Гордова, не поправляло его и продолжало считать его лучшим командующим армией.

IX

О КОМАНДОВАНИИ ФРОНТА

Главной причиной неудач операций на Западном фронте является неудовлетворительное руководство войсками со стороны командования фронта.

Командование Западного фронта, вместо изучения недостатков и их устранения, проявляло самодовольство, зазнайство, не вскрывало недостатков, не учитывало ошибок, не учило людей, не воспитывало кадры командиров в духе правдивости. Крупнейшие недостатки и ошибки повторялись во всех операциях. Причиной этого является тот недопустимый факт, что разборы операций, издания итоговых приказов по недостаткам и результатам боевых операций на Западном фронте не практиковались.

Несмотря на то, что одним из крупнейших недостатков при проведении операций была плохая работа артиллерии, этот недостаток не изживался и продолжал повторяться. Артиллерия во всех операциях, проводимых фронтом, не подавляла огневую систему противника и, следовательно, не обеспечивала продвижения пехоты. Командование фронта знало о больших потерях в людях вследствие плохой работы артиллерии, о громадном расходе боеприпасов и, однако, мер к выполнению работы артиллерии не принимало.

Командование фронта критики не терпит, попытки критиковать недостатки встречаются в штыки. Характерными в этом отношении являются резолюции генерала армии Соко-

ловского на докладе офицера Генштаба, в котором освещались недостатки подготовки и руководства операцией, проводившейся 31-й армией 29 октября 1943 г. Резолюции эти следующие:

“Цена документа очень ничтожная, даже в хороший базарный день”.

“Подполковник Некрасов, видимо, не думал, что писал. Человек, видимо, привык болтать вообще”.

“Вранье!”

“Глупое вранье”.

“Вранье”.

“Писатель совершенно не понимает боя по прорыву обороны”.

“Слова и не больше!”

Во фронте создана такая атмосфера и люди так воспитаны, что боятся ставить перед командованием фронта вопросы о недостатках. Со стороны отдельных командующих родами войск были робкие попытки указать на недостатки в действиях родов войск и разобрать их в приказе, но командующий фронтом отклонял такие попытки.

Указания командования по устранению недостатков носили характер устных, семейных наставлений, никого ни к чему не обязывающих. Так, например, положение в армии Гордова не изменилось вплоть до его отстранения Ставкой с должности командарма 33-й, хотя т. Соколовский и заверяет, что он давал устные указания Гордову о ликвидации творящихся в армии безобразий.

Командование фронта не представляло докладов в Ставку о недостатках и причинах провала операций и тем самым правдиво не вскрывало ни для себя, ни для Ставки причин невыполнения фронтом задач, поставленных Ставкой. Замалчивание действительных причин провала операций являлось в данном случае не чем иным, как формой обмана Ставки.

Командование фронта плохо разбиралось в людях, некритически относилось к их недостаткам. Этим объясняется тот факт, что генерал-полковник Гордов совершенно необоснованно считался лучшим командующим армии, а генерал-полковник артиллерии Камера считается хорошим артиллеристом, несмотря на то, что артиллерия не выполняла своих задач, полковник Ильницкий считается хорошим разведчиком, а на самом деле работа разведотдела фронта находится в разваленном состоянии.

Командующий фронтом т. Соколовский оторван от своих ближайших помощников – командующих родами войск и начальников служб, по многу дней не принимает их и не решает их вопросов. Некоторые заместители командующего не знали о задачах своих родов войск в связи с проводившимися операциями, не говоря уже о том, что они не привлекались к разработке операций. Например: командующий БТ и МВ генерал-лейтенант танковых войск Родин заявил: “Меня ни разу не спрашивали, как лучше использовать танки. Я только диспетчер и посылаю танки то в одну, то в другую армию. Задачи танковых войск я узнавал в армиях или от подчиненных танкистов”.

Командование фронта оперативно не реагирует на нужды войск. Вследствие этого, например, в некоторых наступающих дивизиях, особенно в 33-й армии, на ручные пулеметы приходилось по одному диску, на станковый пулемет по одной ленте. Это приводило к тому, что в разгар боя пулеметчики не могли поддерживать пехоту, а большую часть времени занимались набивкой дисков и лент. В ряде операций артиллерия отставала от пехоты, вследствие отсутствия тяги к орудиям. Между тем во фронте имеется достаточное количество тяги для того, чтобы полностью обеспечить артиллерию наступающих войск, надо было только командованию фронта реагировать на нужды армии и своевременно сманеврировать средствами фронта. В низовых звеньях артиллерии и пехоты не хватало раций, вследствие чего нарушалось взаимодействие между пехотой и артиллерией. А между тем в тылах и штабах фронта и армий раций имелось в достаточном количестве для обеспечения наступающих войск. По вине командования фронта в ноябре и декабре 1943 г., т.е. в разгар операций, во многих дивизиях имели место серьезные перебои в питании. По некоторым основным продуктам (мясо, рыба, хлеб, крупа) обеспеченность была не больше 5–7 суточных дач, с учетом имеющегося наличия продуктов в дивизиях, армиях и фронте.

Х

1. С октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт, несмотря на превосходство в силах над противником и большой расход боеприпасов, продвижения вперед не имел. Все проведенные за эти полгода операции по вине командования фронта провалились. Западный

фронт не выполнил задач, поставленных перед ним Ставкой Верховного Главнокомандования, и ослаблен в результате тяжелых потерь в людях и технике, явившихся следствием неумелого руководства командования фронта.

Западный фронт в настоящее время требует укрепления и помощи.

2. Такое положение на Западном фронте явилось результатом неудовлетворительного руководства командования фронта и, следовательно, в первую очередь неудовлетворительного руководства со стороны командующего фронтом генерала армии Соколовского, бывшего члена Военного Совета Западного фронта генерал-лейтенанта Булганина и работающего ныне членом Военного Совета фронта генерал-лейтенанта Мехлиса.

Командование Западного фронта зазналось, критически к своим недостаткам и ошибкам не относилось и не относится. Несмотря на провал в течение полгода одиннадцати больших и малых операций, командование фронта уроков из этого не извлекло и не докладывало правдиво Ставке о положении на фронте.

Генерал армии Соколовский оказался, как командующий фронтом, не на высоте положения.

Тт. Соколовский и Булганин прежде всего несут ответственность за то, что на Западном фронте не было должного воспитания командных кадров в духе правдивости и непримиримости к недостаткам.

Ошибкой ныне работающего членом Военного Совета Западного фронта генерал-лейтенанта Мехлиса является то, что он не докладывал в Ставку об истинном положении дел на фронте.

3. Особенно крупные недостатки имеют место в действиях артиллерии. Артиллеристы на Западном фронте ошибок своих не вскрывают, не исправляют их, в то время как плохая работа артиллерии явилась основной причиной неудач наступательных операций. В этом помимо командования фронта, в первую очередь, повинен командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии Камера. Ошибкой Главного маршала артиллерии т. Воронова является то, что он, находясь на Западном фронте, не вскрывал крупных недостатков в артиллерии и не доложил Ставке о плохой работе артиллерии на Западном фронте.

4. Штаб Западного фронта обезличен, оторван от командования и от войск и требует укрепления. Нынешний начальник штаба генерал-лейтенант Покровский не справляется со своими обязанностями.

5. Совершенно неблагоприятно является положение в разведывательном отделе штаба фронта. Начальник разведотдела полковник Ильницкий требует специальной проверки и его необходимо заменить.

6. В интересах дела необходимо:

а) снять генерала армии Соколовского с должности командующего Западным фронтом как не справившегося с командованием фронтом и назначить его начальником штаба одного из фронтов. Назначить на Западный фронт нового командующего, способного выправить положение дел на Западном фронте;

б) объявить выговор генерал-лейтенанту Булганину за то, что он, будучи длительное время членом Военного Совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте;

в) укрепить штаб Западного фронта и предупредить начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Покровского, что если он не исправит своих ошибок, то будет снижен в звании и по должности;

г) снять с должности командующего артиллерией фронта генерал-полковника артиллерии Камера с понижением по должности. Назначить на Западный фронт нового командующего артиллерией, способного устранить недостатки в работе артиллерии. Обязать Главного маршала артиллерии Воронова немедленно заняться делом устранения крупных недостатков в артиллерии Западного фронта;

д) снять полковника Ильницкого с поста начальника разведотдела штаба Западного фронта с понижением по должности и снизить его в звании до подполковника. Назначить на должность начальника разведотдела штаба фронта опытного и проверенного командира. Обязать начальника Разведывательного управления Генштаба генерал-лейтенанта Кузнецова принять все необходимые меры к выправлению положения дел в разведотделе штаба Западного фронта;

е) учитывая крупные ошибки генерал-полковника Гордова в командовании 33-й армией, а также ряд его неправильных действий, за что он был отстранен от командования 33-й

армией, предупредить Гордова, что при повторении допущенных им ошибок в 33-й армии, он будет снижен в звании и должности.

Сообщить о недостатках Гордова командующему 1-м Украинским фронтом маршалу Жукову, где Гордов в настоящее время работает в качестве командующего 3-й гвардейской армией.

Г. Маленков
А. Щербаков
С. Штеменко
Ф. Кузнецов
А. Шимонаев

11 апреля 1944 г.

№ М-715

Копия с копии верна:

Начальник Архива Генерального штаба
полковник
(Денисов)

“__” января 1957 г.

Архив ЦК КПСС. Ф. № 2-44 з. Л. 87-116.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Государственный комитет обороны

Постановление ГКО

от 12 апреля 1944 г. Москва, Кремль.

О недостатках в работе командования
и штаба Западного фронта

Одобрить доклад от 11 апреля 1944 г. Комиссии в составе члена ГКО тов. Маленкова (председатель), генерал-полковника т. Щербакова, генерал-полковника т. Штеменко, генерал-лейтенанта т. Кузнецова и генерал-лейтенанта т. Шимонаева – о недостатках в работе командования и штаба Западного фронта и утвердить как общие, так и организационные выводы Комиссии (см. доклад Комиссии).

Государственный Комитет Обороны

Копия с копии верна:

Начальник Архива Генерального штаба

Полковник
(Денисов)

“__” января 1957 г.

Архив ЦК КПСС. Д. № 2-44 з. Л. 86

Архив Генерального штаба Ф. 96. Оп. 2011 сс. Д. 35.

№ 2

Приказ

Ставки Верховного Главнокомандования

На основании постановления ГКО от 12 апреля 1944 г. о работе командования и штаба Западного фронта Ставка Верховного Главнокомандования ПРИКАЗЫВАЕТ:

I

1. Генерала армии Соколовского снять с должности командующего Западным фронтом, как не справившегося с командованием фронтом и назначить его начальником штаба 1-го Украинского фронта.

2. Генерал-лейтенанту Булганину объявить выговор за то, что он, будучи длительное время членом Военного Совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте.

3. Генерал-лейтенанта Покровского, начальника штаба Западного фронта, предупредить, что если он не исправит своих ошибок, то будет снижен в звании и должности.

4. Генерал-полковника артиллерии Камера снять с должности командующего артиллерией Западного фронта и направить его в распоряжение командующего артиллерией Красной Армии.

5. Полковника Ильницкого снять с должности начальника разведотдела штаба Западного фронта, снизить в звании до подполковника и назначить на другую работу с понижением в должности.

6. Генерал-полковника Гордова, отстраненного от должности командующего 33-й армией, предупредить, что при повторении ошибок, допущенных им в 33-й армии, он будет снижен в звании и должности.

II

1. Западный фронт в нынешнем его составе разделить на два фронта: на 2-й Белорусский фронт в составе 31, 49 и 50-й армий и на 3-й Белорусский фронт в составе 39, 33 и 5-й армий.

Управление 2-го Белорусского фронта сформировать на базе Управления 10-й армии. Закончить формирование и принять войска, назначенные в состав фронта, не позднее 25 апреля.

2. Нынешний Белорусский фронт именовать 1-м Белорусским фронтом.

3. Командующим 2-м Белорусским фронтом назначить генерал-полковника Петрова с освобождением его от командования 33-й армией; членом Военного Совета 2-го Белорусского фронта назначить генерал-лейтенанта Мехлиса; начальником штаба – генерал-лейтенанта Боголюбова с освобождением его от должности начальника штаба 1-го Украинского фронта.

4. Командующим 3-м Белорусским фронтом назначить генерал-полковника Черняховского с освобождением его от командования 60-й армией; членом Военного Совета 3-го Белорусского фронта назначить генерал-майора Макарова с освобождением его от должности начальника Политуправления Западного фронта; начальником штаба – генерал-лейтенанта Покровского с освобождением его от должности начальника штаба Западного фронта.

5. Командующим 33-й армией назначить генерал-лейтенанта Крюченкина с освобождением его от командования 69-й армией.

6. Образование двух фронтов и распределение дивизий, частей усиления, авиации, тыловых частей, учреждений и имущества Западного фронта между двумя фронтами произвести под контролем представителя Ставки генерал-полковника Штеменко.

Ставка Верховного Главнокомандования

Сталин
Антонов

12 апреля 1944 г.

№ 220076

Копия с копии верна:

Начальник Архива Генерального Штаба

Полковник
(Денисов)

“__” января 1957 г.

Архив ЦК КПСС. Д. № 2–44 г. Л. 83–85.

**ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ГЕНЕРАЛУ АРМИИ ГОВОРОВУ¹**

Войска Ленинградского фронта, перейдя в наступление из районов Пулково и южнее Ораниенбаума, прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную, долговременную оборону немцев и за пять дней напряженных боев продвинулись вперед на каждом направлении от 12 до 20 километров и расширили прорыв на каждом участке наступления до 35–40 километров по фронту.

В результате произведенного прорыва войска фронта 19 января штурмом овладели городом Красное Село, превращенным немцами в крепость, и таким же мощным опорным пунктом обороны противника и важным узлом дорог – Ропша.

В ходе наступления нашими войсками нанесено тяжелое поражение семи пехотным дивизиям немцев и захвачена большая группа вражеской тяжелой артиллерии, систематически обстреливавшей город Ленинград.

При прорыве обороны немцев и в боях за Красное Село и Ропшу отличились войска генерал-полковника Масленникова, генерал-лейтенанта Федюнинского, генерал-майора Симоняка, генерал-майора Андреева, генерал-майора Фадеева, полковника Романенко, артиллеристы генерал-майора артиллерии Михалкина, генерал-майора артиллерии Чарнявского, танкисты полковника Жукова и летчики маршала авиации Голованова, генерал-лейтенанта авиации Рыбальченко и генерал-лейтенанта авиации Самохина.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившимся в боях соединениям и частям присвоить наименования “Красносельских” и “Ропшинских” и представить их к награждению орденами.

Сегодня, 19 января, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Ленинградского фронта, прорвавшим оборону немцев и овладевшим городом Красное Село и Ропшей, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, осуществившим прорыв и участвовавшим в боях за город Красное Село и Ропшу.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин

19 января 1944 года.

**ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КОНЕВУ²**

Войска 2-го Украинского фронта, продолжая стремительное наступление, несколько дней назад форсировали реку Днестр на участке протяжением 175 километров, овладели городом и важным железнодорожным узлом Бельцы и, развивая наступление, вышли на нашу государственную границу – реку Прут – на фронте протяжением в 85 километров.

В боях за форсирование Днестра, овладение городом и железнодорожным узлом Бельцы и за выход на государственную границу отличились войска генерал-лейтенанта Коротеева, генерал-лейтенанта Трофименко, генерал-лейтенанта Жмаченко, генерал-лейтенанта Манагарова, генерал-лейтенанта Галанина, танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Богданова, маршала бронетанковых войск Ротмистрова, генерал-лейтенанта танковых войск Кравченко, артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии Фомина, летчики генерал-

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 103–104.

² Там же. С. 133–134.

полковника авиации Горюнова и саперы полковника Глезера, полковника Понимаша, полковника Малова, полковника Петрова.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся при форсировании Днестра, взятии Бельц и выходе на государственную границу, представить к присвоению наименования “Днестровских” и к награждению орденами.

Сегодня, 26 марта, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 2-го Украинского фронта, форсировавшим реку Днестр и вышедшим на нашу государственную границу, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях при форсировании Днестра, овладении Бельцами и выходе на государственную границу.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин

26 марта 1994 года.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖУКОВУ¹

Войска 1-го Украинского фронта, нанеся поражение противнику в предгорьях Карпат, вышли на нашу государственную границу с Чехословакией и Румынией на фронте протяжением до 200 километров. Преследуя отходящего противника, войска фронта овладели городом Серет и заняли свыше 30 других населенных пунктов на территории Румынии.

В боях за выход на нашу юго-западную государственную границу отличились войска генерал-лейтенанта танковых войск Катукова, генерал-майора Замерцева, генерал-майора Прохорова, генерал-майора Замировского, полковника Лемантовича; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Гетмана, генерал-майора Дремова, подполковника Бойко; артиллеристы полковника Вишневого, полковника Разумовского; летчики генерал-майора авиации Галунова и саперы полковника Соколова, майора Темкина, майора Яковлева.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившихся в боях за разгром противника в предгорьях Карпат и за выход на нашу юго-западную государственную границу, представить к присвоению наименования “Прикарпатских” и к награждению орденами.

Сегодня, 8 апреля, в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, вышедшим на нашу юго-западную государственную границу, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за выход на нашу юго-западную государственную границу.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин

8 апреля 1944 года.

---

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 139–140.

**ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВАСИЛЕВСКОМУ
ГЕНЕРАЛУ АРМИИ ТОЛБУХИНУ¹**

Войска 4-го Украинского фронта при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии в результате трехдневных наступательных боев прорвали укрепленную оборону немцев, состоящую из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, и несколько часов тому назад штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море городом Севастополь.

Тем самым ликвидирован последний очаг сопротивления немцев в Крыму и Крым полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков.

В боях за Севастополь отличились войска генерал-лейтенанта Захарова, генерал-лейтенанта Крейзера, генерал-лейтенанта Мельника, генерал-лейтенанта Чанчибадзе, генерал-лейтенанта Коломийца, генерал-майора Ловягина, генерал-лейтенанта Миссана, генерал-майора Неверова, генерал-майора Кошвского, генерал-майора Провалова, генерал-майора Лучинского, генерал-майора Рождественского; артиллеристы генерал-полковника артиллерии Красноповцева, генерал-майора артиллерии Стрельбицкого, генерал-майора артиллерии Телегина, генерал-майора артиллерии Сокольского, генерал-майора артиллерии Тверецкого, полковника Кобзева, полковника Фролова, танкисты полковника Поцелуева, полковника Барабаша, полковника Жидкова; летчики маршала авиации Голованова, генерал-лейтенанта авиации Хрюкина, генерал-майора авиации Савицкого, генерал-майора авиации Филина, генерал-лейтенанта авиации Ермаченкова, генерал-майора авиации Федорова, генерал-майора авиации Рубанова, генерал-майора авиации Кузнецова, генерал-лейтенанта авиации Тупикова, генерал-лейтенанта авиации Логинова, генерал-майора авиации Волкова, генерал-майора авиации Счетчикова, полковника Пруткова, полковника Гетьмана, полковника Чучева, полковника Гейбо, полковника Волкова, [полковника] Канарева, [полковника] Корзунова, подполковника Манжосова, подполковника Рождественского, [полковника] Любимова; моряки адмирала Октябрьского, контр-адмирала Болтунова, капитана 1-го ранга Филиппова, капитана 1-го ранга Соловьева, капитана 2-го ранга Проценко, капитана 2-го ранга Дьяченко; саперы генерал-майора инженерных войск Колесникова, полковника Павлова, полковника Корявко и связисты генерал-лейтенанта войск связи Королева.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение Севастополя, представить к присвоению наименования “Севастопольских” и к награждению орденами.

Сегодня, 10 мая, в 1 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 4-го Украинского фронта, овладевшим городом Севастополь, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Севастополя.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин

10 мая 1944 года.

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 149–150.

ТОВАРИЦУ СТАЛИНУ И.В.*

Конвоирование военнопленных через Москву будет начато в 11 часов утра 17 июля с Ипподрома по Ленинградскому шоссе, улице Горького через площадь Маяковского, по Садово-Каретной, Садово-Самотечной, Садово-Сухаревской, Садово-Черногрязской до площади Курского вокзала. По этому маршруту пройдет всего 18 эшелонов.

От площади Маяковского по Большой Садовой, Садово-Кудринской, через Крымскую и Калужскую площади и по Большой Калужской пройдет 8 эшелонов.

Руководство движением колонн осуществляет командующий войсками МВО генерал-полковник Артемьев.

Поддержанием порядка на улицах и организацией движения транспорта и пешеходов руководит комендант города Москвы генерал-майор Синилов и начальник милиции города Москвы комиссар милиции 2-го ранга Романенко.

Представляю при этом проект извещения от начальника милиции города Москвы, которое предполагается напечатать в "Правде" от 17 июля на 1-й странице и передать по Московской закрытой городской радиосети в 7-8 часов утра 17 июля.

Прилагается схема движения колонн**.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Л. Берия

И з в е щ е н и е

от начальника милиции г. Москвы

Управление милиции гор. Москвы доводит до сведения граждан, что 17 июля через Москву будет проконвоирована направляемая в лагеря для военнопленных часть немецких военнопленных рядового и офицерского состава в количестве 57 600 человек из числа захваченных за последнее время войсками Красной Армии 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов.

В связи с этим 17 июля с 11 часов утра движение транспорта и пешеходов по маршрутам следования колонн военнопленных: Ленинградское шоссе, ул. Горького, площадь Маяковского, Садовое кольцо, по улицам: 1-й Мещанской, Каланчевской, Б. Калужской, Смоленской, Каляевской, Ново-Слободской и в районе площадей: Колхозной, Красных Ворот, Курского вокзала, Крымской, Смоленской и Кудринской – будет ограничено.

Граждане обязаны соблюдать установленный милицией порядок и не допускать каких-либо выхонок по отношению к военнопленным.

Начальник милиции гор. Москвы
комиссар милиции 2-го ранга

Романенко

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 500. Л. 54-55.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ ТОВАРИЦУ СТАЛИНУ И.В.

НКВД СССР докладывает о результатах конвоирования через город Москву немецких военнопленных, захваченных войсками Красной Армии 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов.

Движение колонн военнопленных с Московского ипподрома началось ровно в 11 часов утра сегодня, 17 июля, по маршруту: Ленинградское шоссе, улица Горького, площадь Маяковского, Садово-Каретная, Садово-Самотечная, Садово-Черногрязская, улица Чкалова, Курский вокзал и по улицам: Каляевской, Ново-Слободской и 1-й Мещанской. По этому маршруту прошло 42 000 военнопленных, в том числе колонна военнопленных генералов и офицеров численностью 1227 человек, из них 19 генералов и 6 старших офицеров (полковники и подполковники).

* На бланке Народного комиссариата внутренних дел СССР.

** Не публикуется.

Движение колонн военнопленных на этом маршруте продолжалось 2 часа 25 минут.

Вторая часть колонн военнопленных прошла от площади Маяковского по улицам: Большая Садовая, Садово-Кудринская, Новинский бульвар, Смоленский бульвар, Зубовская площадь, Крымская площадь, Большая Калужская улица, станция Канатчиково Окружной железной дороги. По этому маршруту прошло 15 600 военнопленных и движение колонн продолжалось 4 часа 20 минут.

Колонны шли по фронту 20 человек.

Движением колонн руководил командующий Московским военным округом генерал-полковник Артемьев.

По прибытии к пунктам погрузки военнопленные немедленно погружались в железнодорожные эшелоны для отправки в лагеря военнопленных.

К 19 часам все 25 эшелонов военнопленных были погружены в вагоны и отправлены к местам назначения.

Из общего количества проконвоированных через город 57 600 военнопленных 4 человека были направлены в санлечучку ввиду ослабления.

Военнопленные генералы по прибытии на Курский вокзал были погружены на автомашины и доставлены по назначению.

При прохождении колонн военнопленных население вело себя организованно.

При прохождении колонн военнопленных со стороны населения были многочисленные восторженные возгласы и приветствия в честь Красной Армии, нашего Верховного Главнокомандования и в честь генералов и офицеров Красной Армии. Было большое количество антифашистских выкриков: “Смерть Гитлеру”, “Смерть фашизму”, “Сволочи, чтобы они подошли”, “Почему вас не перебили на фронте” и т.д.

Никаких происшествий в городе во время прохождения колонн военнопленных не было.

Улицы города по прохождении колонн военнопленных были соответствующим образом очищены и промыты.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Л. Берия

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 500. Л. 59–60.

ЗАПИСЬ ИЗ БЕСЕДЫ НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В.М. МОЛОТОВА С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ПОЛЬСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С. МИКОЛАЙЧИКОМ

Москва

31 июля 1944 г. 21 час

На беседе присутствовали Грабский*, Мнишек** и Ромер***.

Миколайчик приветствует Молотова.

Молотов говорит, что он приветствует Миколайчика в Москве.

Миколайчик благодарит за все удобства, предоставленные ему в Москве. Одновременно Миколайчик выражает просьбу быть принятым И.В. Сталиным. Некоторое время тому назад Грабский уже говорил об этом желании Миколайчика Лебедеву****. Сейчас он, Миколайчик, хотел бы сказать две вещи. Во-первых, польское правительство осуществляет сейчас накопление сил для содействия в решающий момент советским войскам в их борьбе с немцами. План действий поляков разработан польским правительством вместе с генералом Табором*****, прибывшим недавно из Польши, и предложен английскому правительству с просьбой передать его Советскому правительству. Еще в октябре прошлого года все вооруженные силы Польши получили приказ о том, чтобы они вели борьбу совместно с советски-

* С. Грабский – председатель Национального Совета эмигрантского правительства.

** А. Мнишек – сотрудник министерства иностранных дел эмигрантского правительства.

*** Т. Ромер – министр иностранных дел эмигрантского правительства.

**** В.Е. Лебедев – посол СССР при союзных эмигрантских правительствах в Лондоне.

***** Псевдоним С. Татары – начальника оперативного управления командования вооруженными силами польского эмигрантского правительства.

ми вооруженными силами. Наверное В.М. Молотов имеет сведения о том, что это уже осуществляется.

Молотов отвечает, что у него есть сведения, но не совсем такого характера.

Миколайчик говорит, что у польского правительства имеется план, предусматривающий мобилизацию всех сил на борьбу с немцами. В этот решающий момент важно найти общий язык между Советским и польским правительствами, чтобы заложить основы дружественного сотрудничества между Польшей и Советским Союзом в будущем. Он, Миколайчик, уверен, что имеет за собой почти все население Польши. Он, Миколайчик, представляет те политические партии Польши, которые хотели бы сотрудничать с Советским Союзом и вели борьбу с теми партиями, которые не особенно хотели сотрудничать с Советским Союзом.

Молотов замечает, что он не совсем понимает то, что говорит Миколайчик. В польском правительстве представлены разные партии, включая и такие, враждебность которых никто не может оспаривать.

Миколайчик заявляет, что таких партий в польском правительстве нет. Все четыре партии, представленные в правительстве, хотят сотрудничать с Советским Союзом.

Молотов замечает, что тогда лучше оставить этот вопрос.

Миколайчик замечает, что он уверен, что между Советским и польским правительствами нет больше разногласий. Он, Миколайчик, хотел бы переговорить с Советским правительством о всех делах и убедить Советское правительство в искренности намерений польского правительства.

Молотов отвечает, что лучше переговорить с Польским Национальным Комитетом.

Миколайчик заявляет, что, как он думает, ему лучше переговорить с Советским правительством, героические армии которого бьют немцев. Советское правительство представляет мощь своей страны, которая будет руководить Европой. Когда он, Миколайчик, говорит об историческом моменте, то он хочет подчеркнуть, что если Советское правительство великодушно пойдет навстречу польскому правительству, то польский народ пойдет на союз с Советской Россией. Если он, Миколайчик, будет говорить с Национальным Комитетом, то он не уверен, что случится то же самое.

Молотов отвечает, что, как ему кажется, Миколайчику лучше переговорить с Польским Комитетом Национального Освобождения, который лучше знаком с положением в Польше. Он, Молотов, хотел бы добавить, что то, что Маршал Сталин сообщил через Черчилля о возможности его встречи с Миколайчиком, остается в силе. Так как Маршал Сталин весьма занят военными делами, он сможет, как он, Молотов, предполагает, судя по положению дел в Москве, принять Миколайчика в среду или в четверг. Он, Молотов, передаст И. Сталину просьбу Миколайчика о приеме.

Миколайчик говорит, что в ответ на замечание Молотова о том, что Польский комитет знает положение в Польше, он хотел бы сказать, что польские делегаты, прибывшие в Лондон, хорошо знают положение в Польше.

Молотов отвечает, что в самой Польше больше информации, чем у польских делегатов.

Миколайчик соглашается с тов. Молотовым и говорит, что генерал Табор может вылететь из Лондона в любое время и сообщить о положении в Польше. Польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве* и хотело бы просить Советское правительство о бомбардировке аэродромов около Варшавы.

Молотов замечает, что до Варшавы осталось всего лишь около 10 километров.

Молотов спрашивает, имеются ли у Миколайчика еще какие-либо вопросы.

Миколайчик заявляет, что вопросов у него больше нет и что он готов ответить на вопросы Молотова.

Молотов спрашивает, какие пожелания имеются у Миколайчика, которые он, Молотов, мог бы передать Маршалу Сталину.

---

* 21 июля 1944 г. командующий Армией Крайовой генерал Коморовский издал приказ о состоянии ожидания сигнала к восстанию с часа ночи 25 июля. Это решение утверждено 23–24 июля Главной комиссией Рады Едности Народовой. Вопрос о восстании в Варшаве стал предметом совещания эмигрантского правительства 25 июля 1944 г., которое приняло решение предоставить высшему политическому представителю польского эмигрантского правительства в оккупированной Польше право начать восстание в любой выбранный им момент (См.: Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 186–189; *Nasarewicz R. Z. problematyki polityczney powstania warszawskiego 1944. Warszawa, 1985.*

Миколайчик отвечает, что у него имеется одно генеральное желание – просить Молотова передать Маршалу Сталину, что он, Миколайчик, является выразителем настроений всего польского народа.

Молотов говорит, что он уже высказал свое мнение, что лучше было бы Миколайчику встретиться с Польским Комитетом Национального Освобождения.

Миколайчик говорит, что он готов говорить с Комитетом. Но он хорошо понимает, что с Комитетом он может обсудить только часть вопросов, а с Советским правительством он может переговорить обо всем.

Молотов говорит, что с Советским правительством следует обсудить те вопросы, которые касаются Советского правительства.

Ромер спрашивает, можно ли будет Миколайчику отправлять зашифрованные телеграммы в Лондон.

Молотов сказал, что, как он думает, это будет возможно.

Ромер просит тов. Молотова дать соответствующее распоряжение.

Беседа продолжалась 30 минут.

Записал (В. Павлов)

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 6. Д. 17. Л. 91–93.

ОТВЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПОСЛАНИЕ БРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА от 5 сентября

5 сентября Советское правительство получило послание Британского правительства по вопросу о Варшаве.

Советское правительство сообщало уже Британскому правительству свое мнение о том, что за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования и в нарушение оперативных планов последнего, несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Советское правительство хотело бы, чтобы была организована беспристрастная комиссия для выяснения того, по чьему именно приказу было начато восстание в Варшаве и кто виновен в том, что советское военное командование не было об этом уведомлено заранее. Никакое командование в мире, ни английское, ни американское, не может мириться с тем, чтобы перед фронтом его войск было организовано в большом городе восстание без ведома этого командования и вопреки его оперативным планам. Понятно, что советское командование не должно составлять исключение. Несомненно, что если бы перед восстанием в Варшаве запросили советское командование о целесообразности устройства восстания в Варшаве в начале августа, то советское командование отговорило бы от такой затеи, ибо советские войска, прошедшие с боями свыше 500 километров и достаточно уставшие, не были тогда готовы, чтобы взять штурмом Варшаву, имея при этом в виду, что немцы к тому времени уже успели перебросить с запада свои танковые резервы в район Варшавы.

Никто не сможет упрекнуть Советское правительство, что оно оказывает будто бы недостаточную помощь польскому народу, и в том числе Варшаве. Наиболее действенной формой помощи являются военные действия советских войск против немецких оккупантов в Польше, давшие возможность освободить более четвертой части Польши. Все это дело рук советских войск и только советских войск, проливающих кровь за освобождение Польши. Остается малоэффективной форма помощи варшавцам, а именно – сбрасывание с самолетов оружия, медикаментов, продовольствия. Мы несколько раз сбрасывали и вооружение, и продовольствие варшавским инсургентам, однако каждый раз получали сведения, что сброшенное попало к немцам. Если Вы, однако, так сильно верите в эффективность такой помощи и настаиваете на том, чтобы советское командование организовало совместно с англичанами и американцами подачу такой помощи, Советское правительство может согласиться на это. Необходимо только, чтобы помощь эта оказывалась по заранее установленному плану.

Что касается Вашей попытки сделать Советское правительство в какой-либо степени ответственным за варшавскую авантюру и за жертвы варшавцев, то Советское правительство не может это рассматривать иначе, как желание свалить ответственность с большой головы на здоровую. То же самое надо сказать насчет того, что позиция Советского правительства по вопросу о Варшаве будто бы противоречит духу союзного сотрудничества.

Не может быть сомнения, что если бы Британское правительство приняло меры к тому, чтобы командование было своевременно предупреждено о намеченном восстании в Варшаве, то дела с Варшавой приняли бы совсем другой оборот. Почему Британское правительство не сочло нужным предупредить об этом Советское правительство? Не произошло ли здесь то же самое, что и в апреле 1943 года, когда польское эмигрантское правительство, при отсутствии противодействия со стороны Британского правительства, выступило со своим враждебным Советскому Союзу клеветническим заявлением о Катыни? Нам кажется, что дух союзного сотрудничества подсказал бы Британскому правительству другой образ действий.

Что же касается общественного мнения в той или другой стране, то Советское правительство выражает полную уверенность в том, что правдивое изложение фактов о событиях в Варшаве даст полное основание для общественного мнения безоговорочно судить авторов варшавской авантюры и правильно понять позицию Советского правительства. Надо только постараться, чтобы общественное мнение хорошо узнало правду о событиях в Варшаве.

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 6. Д. 352. Л. 43–46.

**ИЗ ДОКЛАДА ЧЛЕНА ВОЕННОГО СОВЕТА
1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА К.Ф. ТЕЛЕГИНА
ГЛАВНОМУ ПОЛИТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ КРАСНОЙ АРМИИ
О ПОЛОЖЕНИИ В ВАРШАВЕ И ПОМОЩИ ПОВСТАНЦАМ
(по прямому проводу)**

16 сентября 1944 г. 14.00–15.00

– У аппарата генерал-лейтенант Шикин.

Здравствуйте, товарищ Телегин!

Прошу доложить, что Вам известно о положении в Варшаве на сегодня.

– Здравствуйте! У аппарата Телегин.

Докладываю о положении дел в Варшаве.

1. Разведке частей первой польской армии сегодня ночью удалось проникнуть на западный берег р. Вислы в районе южного моста. Разведчиками был доставлен на наш берег подполковник Радослав* и два рядовых повстанца.

Радослав возглавляет повстанцев численностью в 150 человек, продолжающих держаться в этом районе, сам он и его люди принадлежат к корпусу безопасности, являющемуся сторонником Люблинского правительства. Радослав рассказал, что по западному берегу р. Висла у южного моста до последнего времени повстанцы удерживали район в границах с севера по улице Людна, с запада по улице Розбрат-Мыслевецка, с юга улица Зезенковска, с востока по берегу р. Вислы, включая косу и дамбу.

С начала нашего наступления немцы усилили нажим на этот район, ежедневно по несколько раз бомбили авиацией, обстреливали артиллерией, применили танки, нанеся повстанцам большие потери и зажав их в одном квартале, примыкающем к берегу (квартал № 71 плана гор. Варшава). Положение этой группы стало критическим.

Сегодня на правый берег Вислы переправлен один батальон польской армии, который очистил квартал № 71 от немцев и прочно удерживает его вместе с повстанцами** [...]**.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 23. Л. 15–16.

* Радослав – псевдоним подполковника Яна Мазуркевича.

** Как указывалось в оперсводке штаба 1-го Белорусского фронта, на правый берег Вислы в ночь на 16.9.1944 г. переправились один батальон и разведроты 3-й польской пехотной дивизии, усиленные минометной ротой, ротой ПТР и 9-ю станковыми пулеметами. К исходу дня переправившиеся части закрепились на западном берегу на линии дамбы (западнее Саска Кемпа) (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 38. Л. 160–165). Квартал № 71 в Варшаве ограничен улицами Виляновска и Черняковска: именно этот квартал был занят батальоном.

*** Опущен текст с перечислением районов Варшавы, занятых повстанцами.

**ДОНЕСЕНИЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
В 1-й АРМИИ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО
ЗАМЕСТИТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
О СОДЕРЖАНИИ ДОКУМЕНТА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
АРМИЕЙ КРАЙОВОЙ,
ПРИЗЫВАВШЕГО К БОРЬБЕ С СОВЕТАМИ**

19 сентября 1944 г.

Действующая армия

Маршалу Советского Союза товарищу Жукову

Докладываю:

1. В западной части Праги найден документ – приказ Главного коменданта вооруженных сил в стране (Польше) генерала Бур. Документ отпечатан на польском языке, формат – лист (объявление, приказ) для расклеивания на стенах домов, копия этого документа у меня имеется. Документ националистический, фашистский.

Доношу дословно его концовку:

“Поляки, решительный момент нашей героической борьбы потребует от всех непоколебимой веры в победу, готовности к жертвам во имя нации и дисциплины перед руководством.

Провозглашаю следующий приказ:

Большевики перед Варшавой. Они заявляют, что они друзья польского народа. Это коварная ложь. Наша окраина, Вильно и Люблин взывают к мести. Большевицкий враг встретится с такой же беспощадной борьбой, которая поколебала немецкого оккупанта. Действия в пользу России являются изменой родине. Час польского восстания еще не пробил. Приказы советских приспешников аннулирую. Коменданта Армии Крайовой обязал подавить всякие попытки поддержки Советов. Немцы удирают. К борьбе с Советами.

Да здравствует свободная Польша. Бур* –

Главный Комендант вооруженных сил в стране”.

Листовка обезличена. Даты не имеется. Шрифт крупный, чтобы хорошо читать. Я доложил Вам только концовку этой листовки, которая ясно характеризует лицо лондонского эмигрантского правительства и некоторых политических группировок в Польше. В листовке указывается, что великая и независимая Польша вскоре воспрянет рядом с нашими союзниками – с Америкой и Англией, но никогда не будет под немецким сапогом и под советским ярмом. Поэтому прошу Вашего решения о докладе по существу товарищу Сталину.

2. Докладываю легенду о группах повстанцев в Варшаве:

а) Северная группа (Жолибовский район). Численностью около 2000 солдат и офицеров и около 500 человек гражданского населения. Состоит из группировок Армии Крайовой и Армии Людовой.

Вооружение: винтовки, пистолеты, ПТ ружья – большинство наши. Связи с повстанческими отрядами других районов Варшавы не имеет. С 18.9.44 г. налаживается связь по радио и связниками со 2 пд по 1 польской армии.

Боеприпасами обеспечивается за счет сбрасывания авиацией, нередко – трофеев. Командование АК – подполковник Живицель, АЛ – капитан Шаневский.

б) Центральная защита – “А” – состоит из солдат и офицеров Армии Людовой, занимает район Тварда, Цегляна, Хлодна. “Б” – состоит из солдат Армии Крайовой и занимает участок улицы Крулевской до Пляцзбавицеля.

Этими двумя разрозненными отрядами Центральной защиты командует подполковник Богуслав.

В течение последних трех дней, после неудачной попытки захвата университета на улице Краковске очековске предместья, немцы вытеснили повстанцев из целого ряда районов на этом участке. Связи с данной группой с 14.9.1944 г. нет.

в) Восточная группа занимает участок Бурановский. В течение последних трех дней проводились неудачные мероприятия по восстановлению связи с центральной группой ударами в направлении Фраскати. В результате занимаемый участок в настоящее время сводит-

---

* Имеется в виду Т. Бур-Коморовский.

ся к плацдарму на левом берегу р. Висла. Имеется связь с 3-й пд 1-й ПА. Основные силы повстанцев на этом участке: б-н “Крымка” численностью до 300 человек.

Штаб – улица Окронга – 2. Участком командует подполковник Радослав. Штаб – улица Загурна – 24.

В ночь на 16.9.44 г. участок усилен подразделениями 9 пп 3 пд польской армии.

г) Южная группа района Мокотув 12.9.1944 г. лишена связи с восточной группой подполковника Радослава.

По имеющимся сведениям, обстановку в районе Мокотув можно считать наиболее благоприятной, так как повстанцы не чувствуют там нажима немцев. В Мокотуве имеется несколько очагов восстания, районы и границы неизвестны.

В настоящее время установлено взаимодействие частей 3 пд с повстанцами восточной группы подполковника Радослава.

Повстанцы нуждаются в помощи вооружением, продовольствием и боеприпасами.

С повстанцами северной группы подполковника Живицель устанавливается связь и налаживается взаимодействие частей 2 пд...

4. После частичной перегруппировки войск польской армии форсирование р. Висла сегодня возобновится в 16.10.

Об изложенном Вам докладываю

Представитель Генштаба КА

генерал-майор Молотков

[Резолюция] “Штеменко. Доложите телеграмму Молоткова т. Семенову, Жаров”.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 233. Оп. 178503. Д. 4. Л. 127–130.

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ ЩЕРБАКОВУ А.С.¹

Докладываю:

1. Допрошенный репортер газеты “Демократ” Погонский Лешко подтвердил все предыдущие данные о ходе Варшавского восстания.

Газета “Демократ”, где работал Погонский, принадлежала к левому крылу ППС² и РППС³ и считалась независимым социалистическим органом. Она пропагандировала дружеский союз возрождающейся Польши с Великобританией, Америкой и СССР.

Погонский рассказывает, что в первые дни восстания на домах в Варшаве были расклеены прокламации и воззвания к жителям, в которых ясно говорилось, что восстание было поднято по приказу лондонского правительства. Эти воззвания были подписаны уполномоченным лондонского правительства по стране и командующим Армии Крайовой генералом Бур.

Факт вооруженной борьбы с немцами население Варшавы приняло с энтузиазмом. В первые дни можно было видеть очень много случаев проявления любви и заботы к оставшим, их забрасывали цветами, во всех почти воротах выставляли столы с едой и папиросами. Население принимало деятельное участие в развертывании пунктов медицинской помощи и сборе медикаментов, в строительстве баррикад и в противовоздушной обороне. Однако, видя слабое вооружение оставших, население понимало, что без помощи извне борьба с вооруженными до зубов немцами будет непосильной. Поэтому с еще большим нетерпением и напряжением ждали известий из Москвы о результатах переговоров между Миколайчиком и Польским Комитетом Национального Освобождения.

В первое время в связи с некоторыми успехами повстанцев начала выходить из подполья печать различных политических группировок. В третью неделю восстания уже выходило более 54 печатных изданий.

Пролондонская печать с первых дней восстания продолжала свою антисоветскую кам-

¹ Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 105–106.

² Польская социалистическая партия.

³ Рабочая партия польских социалистов.

панию, начатую в подполье. После неудачи переговоров Миколайчика и его отъезда из Москвы вся пролондонская печать как бы по команде обрушилась на люблинское правительство, обзывая его агентами Москвы, предателями родины, сторонниками включения Польши в состав Советского Союза, коммунистами и т.д. По примеру времен режима санации, когда каждого оппозиционера называли предателем, они называли сторонников польско-советского соглашения коммунистами и предателями народа.

Под влиянием этой кампании даже печать левого крыла демократии, а именно ППР¹ и РППС, как “Голос Варшавы” и “Баррикада свободы”, не поместили за это время ни одной статьи, которые бы определяли их позицию по вопросу о русско-польской границе. Лондонская печать убеждала общественное мнение в том, что наступление Красной Армии на запад было умышленно задержано, чтобы дать возможность подавить восстание. Позиция правительственной печати осталась без изменения. В вопросе о границах она твердо стояла на позициях Рижского договора². О существовании польского войска правительственные газеты ничего не писали, а армию генерала Берлинга называли наемной армией, состоявшей из насильно призванных поляков и действующей во имя интересов Советского Союза. О союзе польских патриотов в Москве в Варшаве почти ничего не знали в силу печатной и устной агитации ППР и левого крыла ППС.

Погонский рассказывает, что число убитых и раненых в Варшаве в конце августа составляло более 150 тыс. человек.

В последние дни восстания настроение населения сильно изменилось. Одной из причин этого было варварское разрушение столицы немцами и огромные потери, понесенные населением как ранеными, так и убитыми. Население Варшавы и повстанцы начали понимать, что они стали игрушкой в руках реакционных элементов лондонского эмигрантского правительства. Это начало проявляться в открытой критике деятельности повстанческих властей, в невыполнении приказов Армии Крайовой, безразличном отношении к проправительственной печати. Население начало интересоваться деятельностью люблинского правительства, особенно большой интерес проявляли к нему рабочие и большая часть интеллигенции. Мелкие мещане и буржуазия в большинстве своем к люблинскому правительству были настроены враждебно. Пролондонская печать не помещала совершенно материалов о люблинском правительстве и его мероприятиях.

После того как повстанцев оттеснили, среди населения усилились панические разговоры о неизбежном поражении. Положением спасло наступление Красной Армии и Польской армии, занявших 14 числа Прагу. Население воспрянуло духом, все с нетерпением ожидали вступления наших войск в Варшаву, открыто выражали благодарность за прикрытие Варшавы с воздуха авиацией и зенитной артиллерией.

Погонский считает, что руководство Армии Крайовой, несмотря на боевое содружество солдат и офицеров с Армией Людовой и Польской армией Людовой, на каждом шагу подчеркивало свою враждебность к этим организациям. Руководство Армии Крайовой умышленно недоснабжало их продовольствием, оружием и боеприпасами, не давало пополнения из добровольцев, тем самым сохраняло за собою численный перевес, руководство восстанием и администрацией.

2. 8 октября в Праге состоялись многолюдные митинги, посвященные памяти погибших в Варшаве повстанцев. Во всех костелах были проведены траурные панихиды. Все выступавшие на митингах, как от организаций, так и от местного населения, единодушно осуждали лондонское правительство, преждевременно спровоцировавшее население к восстанию. Народ с ненавистью и презрением говорит о Бур-Коморовском и других изменниках, высказывая желание отомстить за жертвы Варшавы.

За последнее время как в Праге, так и в ряде уездов, где ранее отмечалась активная работа подпольных организаций, значительно стало спокойнее. Меньше выпускается листовок и прокламаций, меньше отмечается других активных реакционных выступлений.

Член Военного совета 1-го Белорусского фронта
генерал-лейтенант

Телегин

10 октября 1944 г.

¹ Польская рабочая партия.

² Мирный договор 1921 г., заключенный между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, завершивший советско-польскую войну 1920 г. По этому договору к Польше отходили Западная Украина и Западная Белоруссия. Договор аннулирован советским правительством 17 сентября 1939 г.

**ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ГЕНЕРАЛУ АРМИИ ТОЛБУХИНУ
АДМИРАЛУ ОКТЯБРЬСКОМУ¹**

Войска 3-го Украинского фронта 8 сентября пересекли румыно-болгарскую границу, за два дня продвинулись вперед до 170 километров, заняли важный узел коммуникаций Шумен (Шумла), крупный порт на Дунае Русе (Руцук) и во взаимодействии с Черноморским флотом овладели городами и крупными портами на Черном море Варна и Бургас.

Операции наших войск в Болгарии были начаты потому, что болгарское правительство не хотело разорвать свои отношения с Германией и давало приют немецким вооруженным силам на территории Болгарии.

В результате успешных действий наших войск цель военных операций достигнута: Болгария разорвала отношения с Германией и объявила ей войну. Тем самым Болгария перестала быть опорой немецкого империализма на Балканах, каковой она была в течение последних тридцати лет.

В операциях, проведенных на территории Болгарии, отличились войска генерал-лейтенанта Шлемина, генерал-лейтенанта Гагена, генерал-лейтенанта Шарохина; танкисты генерал-майора танковых войск Жданова, генерал-майора танковых войск Каткова, генерал-лейтенанта танковых войск Сухоручкина; моряки капитана 1-го ранга Деревянко, капитана 2-го ранга Ратнера, майора Котанова, летчики генерал-лейтенанта авиации Ермаченкова.

В ознаменование достигнутого успеха соединения и части, наиболее отличившиеся в операциях на территории Болгарии, представить к присвоению наименований "Руцукских", "Шумлинских", Варненских" и "Бургасских".

Сегодня, 9 сентября, в 23 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Украинского фронта и морякам Черноморского флота, отличившимся в операциях на территории Болгарии, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, кораблям и частям, участвующим в операциях в Болгарии.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин.

9 сентября 1944 года.

**ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. СТАЛИНУ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. ЖУКОВУ**

Операция 38-й армии первоначально была запланирована с целью выхода на словацкую границу и соединения со словацкими дивизиями и партизанами Словакии. Выход на границу Словакии был выполнен, но обстановка в восточной Словакии, ко времени выхода наших войск на границу, резко изменилась. Словацкие дивизии рассыпались.

В связи с задачами 2-го и 4-го Украинских фронтов сейчас характер операции 38-й армии изменился – переросла в операцию, взаимодействующую со 2-м и 4-м Украинским фронтами*.

В связи с этим дальнейшая операция 38-й армии в Словакии принимает затяжной характер по причинам:

1. Недостаточное количество привлеченных к операции сил и средств. Фронт выделить больше сил не в состоянии, учитывая отправку двух стрелковых корпусов и двух танковых армий в резерв Ставки и напряженность боев на плацдарме за р. Висла.

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 234.

* Карпатско-Дуклинская операция 38-й армии 1-го Украинского фронта и 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта переросла в Восточно-Карпатскую стратегическую операцию.

2. Горный характер местности не позволил со всей эффективностью в начале операции, после совершенного прорыва, использовать танковые и кавалерийские войска, и первоначальный полный прорыв обороны противника не получил поэтому глубокого развития.

За время операции [части] 38-й армии, продвинувшись в глубину на 40 км, вынуждены были преодолеть с напряженными боями три хребта (отроги Карпат), идущих перпендикулярно фронту нашего наступления.

3. Неприспособленность и необученность нашей пехоты вести бои в горах, а также организация и вооружение войск, не рассчитанные на действия в горах, затрудняют и снижают темпы наступления.

4. Медленность наступления позволила противнику перебросить на участок нашего наступления дополнительно значительные силы – три пехотные и три танковые дивизии со средствами артиллерийско-минометного усиления. Всего же перед фронтом 38-й армии действует шесть пехотных и три танковые дивизии.

В связи с этим бои приняли еще более напряженный характер, а темпы наступления снизились.

5. Материально операция обеспечена слабо. Фронт считается в обороне, поэтому лимит расхода боеприпасов, авиагорючего центральными довольствующими управлениями дается фронту только на оборону. Нет возможности использовать достаточно мощную артиллерию фронта, особенно гаубичную, а это основные предпосылки для действия в горах.

6. Малочисленность пехоты. Операцию 38-я армия начала при укомплектованности дивизии 4,5–5 тысяч.

За время операции армия потеряла около 20 тыс. человек, дивизии стали 3–3,5 тыс. человек.

Мало танков. Привлеченные для операции три танковых корпуса, в среднем по 60 танков на корпус, были укомплектованы почти исключительно ремонтными танками, которые в условиях гор быстро выбывали из строя и разбивались огнем противника. Потери в танках около 150 штук.

Противнику нанесены большие потери в людях и материалах. Противник вынужден в связи с большими потерями, чтобы остановить наше наступление, бросать с других направлений дивизии и давать пополнение.

Проводимая операция оттянула у противника все силы со Словакии, которые он бросил для подавления повстанческого движения, что дало время и возможности повстанческому движению в Средней Словакии организационно окрепнуть и собрать силы для дальнейшего сопротивления немцам.

Для фронта направление на Словакию является второстепенным – главное направление на Краков и севернее, где фронт и должен держать главные силы и средства и соответственно их готовить.

На второстепенное – словацкое направление в связи с затяжкой операции фронт, помимо запланированных сил и средств, вынужден был дополнительно израсходовать две стрелковые дивизии и два танковых корпуса и материальные средства, ослабив тем самым главное направление.

Для 4-го Украинского фронта правый фланг его – направление Прешов, Мишколец – является главным, однако решительного характера операция на правом фланге 4-го Украинского фронта до сих пор не имеет.

Дополнительно привлечь еще силы и средства за счет главного направления 1-го Украинского фронта [командующий] не может. В этих условиях вытекает необходимость или прекратить операцию 38-й армии или, если будет Ваше решение, продолжать операцию, выделить необходимые силы и средства: два стрелковых корпуса, пополнение, три боекомплекта боеприпасов для 38-й армии со средствами усиления, 300 штук танков для восполнения потерь трех танковых корпусов и четыре тысячи тонн авиационного горючего.

Конев Соколовский Крайнюков

27.9.44 г.

3.20

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 121–125.

**ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОЛБУХИНУ¹**

Войска 3-го Украинского фронта совместно с войсками Народно-освободительной армии Югославии в результате упорных боев завершили уничтожение немецкого гарнизона в городе Белград и сегодня, 20 октября, освободили столицу союзной нам Югославии от немецких захватчиков.

В боях за освобождение Белграда отличились войска генерал-лейтенанта Гагена, генерал-майора Шкодуновича, генерал-майора Акименко, генерал-майора Кравцова, генерал-майора Лазарева, генерал-майора Козака, генерал-майора Миляева, полковника Махамедъярова, полковника Сагитова, полковника Салычева, полковника Кулижского, полковника Сидоренко, полковника Сычева, полковника Балдынова; югославские войска генерал-лейтенанта Пеко Дапчевича, генерал-лейтенанта Данило Лекича, полковника Джоко Йованича, подполковника Милоша Шелеговича, полковника Раде Милоевича, полковника Васо Йовановича, полковника Родослова Йовича, полковника Марко Перичина; артиллеристы генерал-полковника артиллерии Неделина, генерал-лейтенанта артиллерии Вознюка, генерал-майора артиллерии Брейдо, полковника Даньшина, полковника Гладкова, [подполковника] Быковского, полковника Соловьева, подполковника Нечаева, подполковника Смолькина, подполковника Махлина, (полковника) Леонова, майора Селезнева, майора Низкова, майора Родионова, майора Леонова, майора Харина, подполковника Дамаева; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Сухоручкина, генерал-лейтенанта танковых войск Жданова, полковника Сергиенко, полковника Никитина, [подполковника] Андрианова, полковника Завьялова, полковника Жукова, подполковника Дворкина, майора Шевкина, майора Катилова; летчики генерал-полковника авиации Судец, генерал-лейтенанта авиации Толстикова, генерал-майора авиации Витрука, полковника Смирнова, подполковника Шатилина, полковника Иванова; корабли и части Дунайской военной флотилии вице-адмирала Горшкова, капитана 2-го ранга Державина, капитан-лейтенанта Борботько, старшего лейтенанта Бутвина, подполковника Яблонского; саперы генерал-полковника инженерных войск Котляра, полковника Загребина, полковника Ильченко, полковника Бабурина, подполковника Гончара, инженер-майора Зайцева, майора Ковалева, майора Землянухина; связисты генерал-лейтенанта войск связи Королева, полковника Старолетова, подполковника Кобы.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение Белграда, представить к присвоению наименования “Белградских” и к награждению орденами.

Сегодня, 20 октября, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Украинского фронта и Народно-освободительной армии Югославии, освободившим столицу Югославии Белград, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Белграда.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины и братской Югославии!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин

20 октября 1944 года.

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 254–255.

**ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ГЕНЕРАЛУ АРМИИ МЕРЕЦКОВУ¹**

Войска Карельского фронта, преследуя немецкие войска, пересекли государственную границу Норвегии и в трудных условиях Заполярья сегодня, 25 октября, овладели городом Киркенес – важным портом в Баренцевом море.

В боях за овладение городом Киркенес отличились войска генерал-лейтенанта Щербакова, генерал-майора Абсалямова, генерал-майора Микульского, генерал-майора Короткова, генерал-майора Жукова, полковника Соловьева, полковника Гребенкина, генерал-майора Панина, полковника Каверина, полковника Кошкиенко, полковника Лысенко, полковника Калиновского, генерал-майора Худалова, полковника Блака, полковника Амвросова, генерал-майора Сопенко, полковника Старцева, полковника Никандрога, полковника Евменова, полковника Крылова, полковника Рассохина, подполковника Цыпышева, подполковника Пидуста, майора Пасько, подполковника Лазарева, подполковника Чернецкого, подполковника Поваренкова, подполковника Копыла; моряки капитана 1-го ранга Кузьмина, капитана 1-го ранга Клевенского, капитана 2-го ранга Коршуновича, капитана 3-го ранга Зюзина; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии Дегтярева, генерал-майора артиллерии Паниткина, полковника Ярославцева, [подполковника] Григорьева, полковника Бандюкевича, полковника Манякина, полковника Лихута, полковника Храмова, подполковника Голтыхова, подполковника Фетисова, подполковника Ересько, подполковника Шапиро, подполковника Шепеля, подполковника Зубарева, подполковника Кривошей, майора Голубева, майора Едемского, майора Вакурова; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Кононова, полковника Соколова, полковника Юренкова, подполковника Сучкова, подполковника Лещенко, [майора] Коршунова, подполковника Терентьева, подполковника Торчилина, подполковника Аршиневского; летчики генерал-лейтенанта авиации Соколова, генерал-майора авиации Преображенского, полковника Удонина, полковника Ларюшкина, полковника Финогенова, полковника Калугина, полковника Минаева, полковника Пушкарева; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск Хренова, полковника Лейчика, полковника Аршба, полковника Захарова; связисты генерал-лейтенанта войск связи Добыкина, полковника Екимова, майора государственной безопасности Гаврилова.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом Киркенес, представить к присвоению наименования “Киркенесских” и к награждению орденами.

Сегодня, 25 октября, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Карельского фронта, овладевшим городом Киркенес, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение городом Киркенес.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин

25 октября 1944 года.

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 261–262.

ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖУКОВУ
НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ФРОНТА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ МАЛИНИНУ¹

Войска 1-го Белорусского фронта, совершив стремительный обходной маневр к западу от Варшавы, заняли город Жирардув, перерезали дороги на Сохачев, форсировали Вислу севернее Варшавы и, отрезав таким образом Варшаву с запада, сегодня, 17 января, путем комбинированного удара с севера, запада и юга овладели столицей союзной нам Польши городом Варшава – важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на реке Висла.

В боях за овладение городом Варшава отличились войска генерал-майора Перхоровича, генерал-полковника Белова, 1-й польской армии генерал-лейтенанта Поплавского, генерал-лейтенанта Лукьянченко, генерал-майора Стражевского, генерал-лейтенанта Пулко-Дмитриева, генерал-майора Андреева, генерал-майора Анашкина, генерал-майора Позняка, генерал-майора Чернова, полковника Выдригина, генерал-майора Заикина, полковника Соловьева, полковника Павловского, полковника Музыкина, генерал-майора Роткевича, полковника Шейпака, генерал-майора Бевзюка, полковника Зайковского, генерал-майора Кеневича, полковника Радзивановича; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии Година, генерал-майора артиллерии Модзелевского, генерал-майора артиллерии Пласкова, полковника Блонского, полковника Викентьева, полковника Скаковского, полковника Дейнеховского, полковника Керпа, полковника Прокоповича, полковника Грехова, генерал-майора артиллерии Лярского, полковника Колоколова, полковника Еловацкого, полковника Юргелевича, [подполковника] Васищева, подполковника Мухачева, майора Поповича, подполковника Васильчева, подполковника Михайловского; танкисты генерал-полковника танковых войск Богданова, генерал-лейтенанта Радзиевского, генерал-майора танковых войск Всденеева, генерал-майора танковых войск Телякова, генерал-лейтенанта танковых войск Кривошеина, генерал-майора танковых войск Кретьова, подполковника Белобородова, подполковника Коростия, полковника Еремова, подполковника Малютина, подполковника Цурочкина; летчики генерал-полковника авиации Руденко, генерал-лейтенанта авиации Брайко, генерал-лейтенанта авиации Савицкого, генерал-майора авиации Каравацкого, генерал-майора авиации Дзусова, генерал-майора авиации Токарева, полковника Тимофеева, полковника Белоусова, полковника Сухорябова, генерал-майора авиации Комарова, полковника Рассказова, подполковника Наконечникова, полковника Ситкина, полковника Бузылева, полковника Беркаля, полковника Иванова, полковника Ромейко, подполковника Шерстюка, подполковника Гаврильченко; саперы генерал-майора инженерных войск Комарова, генерал-майора инженерных войск Бордзиловского, полковника Бельского, полковника Киселева, полковника Любанского, полковника Пузыревского, подполковника Хавратовича; связисты полковника Соловьева, полковника Сучек, полковника Заруцкого, полковника Смолия, подполковника [государственной безопасности] Вакиша, (полковника) Ступаченко.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом Варшава, представить к присвоению названия “Варшавских” и к награждению орденами.

Сегодня, 17 января, в 19 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Белорусского фронта, в том числе 1-й польской армии, овладевшими столицей Польши городом Варшава, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, в том числе войскам 1-й польской армии, участвовавшим в боях за освобождение Варшавы.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины и союзной нам Польши!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин

17 января 1945 года.

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 288–290.

**ПРИКАЗ ГИТЛЕРА от 19.1.1945 г.
КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМ НА ТЕАТРАХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ,
КОМАНДУЮЩИМ ГРУППАМИ АРМИЙ И АРМИЯМИ С УВЕДОМЛЕНИЕМ
НАЧАЛЬНИКОВ ГЛАВНЫХ ШТАБОВ ВВС И ВМФ¹**

Я приказываю:

1. Командующие группами армий и армиями, командиры корпусов и командиры дивизий лично ответственны передо мною:

- а) за любое решение на осуществление оперативных передвижений;
- б) за любое намеченное наступление в масштабе дивизии и выше, которое не предусмотрено в рамках директив вышестоящего командования;
- в) за каждую наступательную акцию на стабильных участках фронта, выходящую за рамки нормальных боевых действий и имеющую тенденцию привлечь внимание противника к данному участку фронта;
- г) за каждый намечаемый отход или отступление;
- д) за планируемое оставление занимаемой позиции, укрепленного опорного пункта или крепости.

Во всех перечисленных случаях надлежит докладывать заранее, с тем чтобы у меня была возможность вмешаться в принятие окончательного решения и чтобы в случае отдачи мною возможного контрприказа последний мог быть своевременно доведен до сведения войск.

2. Командующие группами армий и армиями, командиры корпусов, командиры дивизий и начальники их штабов, а также каждый офицер генерального штаба или любой офицер, несущий службу в оперативных штабах, ответствен передо мною за то, чтобы направленное мне донесение содержало неприкрашенную правду. В будущем я буду принимать draconianские меры в случае любой попытки с их стороны скрыть действительное положение на фронте, будь то сделано предумышленно, по небрежности или по невнимательности.

3. Я должен указать на то, что содержание в должном состоянии сети связи, прежде всего в условиях ведения тяжелых боевых действий и в кризисных положениях, является предпосылкой для осуществления управления в бою. Каждый войсковой командир ответствен передо мною, чтобы эта сеть связи с вышестоящим штабом, а также с подчиненными командными инстанциями не прерывалась и чтобы, используя все средства, вплоть до личного участия и вмешательства, была обеспечена непрерывная связь вверх и вниз в любых условиях обстановки.

ИЗ ДНЕВНИКА Й. ГЕББЕЛЬСА²

13 марта 1945 г.

Настроение германского народа как в тылу, так и на фронте все больше падает. Органы пропаганды рейха постоянно жалуются на это в своих донесениях. Народ чувствует нашу полную бесперспективность в войне. Критикуя в целом военное руководство, он уже не щадит и фюрера. Его упреки прежде всего в том, что он не принимает решений по главным военным вопросам, и в первую очередь кадровым. В частности, ссылаются на случай с Герингом. Фюрер должен был бы уже давно произвести кадровые перестановки в военной авиации. Поскольку этого не происходит, народ считает, что он или не осведомлен о действительном положении дел, или осведомлен, но не принимает решений, что еще хуже. Однако в донесениях постоянно отмечается, что нынешнее настроение нельзя смешивать с явным

¹ Мюллер-Гиллебранд. Б. Сухопутная армия Германии, 1933–1934: / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 320.

² Геббельс Й. Дневники 1945 года: Последние записи / Пер. с нем. Смоленск, 1993. С. 167–168.

пораженчеством. Народ по-прежнему выполняет свои обязанности, и солдат на фронте тоже держится, пока у него для этого остается хоть какая-то возможность. Но таких возможностей становится все меньше – главным образом из-за превосходства противника в воздухе. Воздушный террор, непрерывно обрушивающийся на германскую территорию, полностью лишает народ мужества. Чувствуешь себя таким бессильным, что не знаешь, как помочь ему выбраться из этого. Распространению такого пессимистического настроения среди германского народа способствует прежде всего полный паралич транспортного сообщения в Западной Германии.

Что касается Восточного фронта, то хотя и признается его известная стабильность, тем не менее в ближайшее время ожидается советский удар по Берлину и Дрездену. Полагают, что именно здесь будет предрешен исход войны. Однако надеются, что у нас еще достаточно резервов для отражения этого удара.

Последнее обращение фюрера от 24 февраля оказало исключительно хорошее воздействие – прежде всего потому, что фюрер твердо и уверенно охарактеризовал общее военное положение и вселил в немецкий народ некоторую надежду, подчеркнув, что еще в этом году следует ожидать решительного поворота в войне.

В войне на востоке будут теперь руководствоваться только одним чувством – чувством мести. Сейчас уже все соотечественники верят в то, что большевики совершают зверства. Нет больше человека, который игнорировал бы наши предостережения. Но люди знают также, что в результате продвигания Советов наше продовольственное снабжение оказалось в весьма критическом положении, и сомневаются в том, что нам хоть в какой-то мере удастся преодолеть трудности.

В целом, однако, можно сказать, что, несмотря на столь критическое положение, народ все еще проявляет относительный оптимизм, хотя, конечно, местами возникает глубокая депрессия. Но ее в известной степени можно сравнить с пятнами на лице больного, которые появляются и исчезают.

Теперь и противник подтверждает, что боевой дух немецких войск на западе в значительной мере еще не сломлен, что почти все пленные твердо убеждены в победе Германии.

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА ВСЕМ КОМАНДУЮЩИМ АРМИЯМИ И КОМАНДИРАМ ОТДЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ О НЕОБХОДИМОСТИ УСТРАНЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ И АКТИВИЗАЦИИ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА БЕРЛИН

17 апреля 1945 г. 20.30

1. Хуже всех проводят наступательную Берлинскую операцию 69-я армия под командованием генерал-полковника Колпакчи, 1 ТА под командованием генерал-полковника Катуква и 2 ТА под командованием генерал-полковника Богданова.

Эти армии, имея колоссальнейшие силы и средства, второй [день] действуют неумело и нерешительно, топчась перед слабым противником.

Командарм Катуква и его командиры корпусов Ющук, Дремов, Бабаджян за полем и за действиями своих войск не наблюдают, отсиживаясь далеко в тылах (10–12 км). Обстановка эти генералы не знают и плетутся в хвосте событий.

2. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся, израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлин.

Я требую: а) Не медля развить стремительность наступления. 1-й и 2-й танковым армиям и 9 тк прорваться при поддержке 3, 5 и 8-й гв. армий в тыл обороны противника и стремительно продвинуться в район Берлина.

Все крупные населенные пункты и узлы дорог обходить, имея в виду, что в этих местах противник будет иметь сильную ПТО. Танковым армиям не разбрасываться по фронту и действовать кулаком.

б) Всем командармам находиться на НП командиров корпусов, ведущих бой на главном направлении, а командирам корпусов находиться в бригадах и дивизиях первого эшелона на главном направлении.

Нахождение в тылу войск категорически запрещено.

в) Всю артиллерию, в том числе БМ, подтянуть к первому эшелону и держать ее не далее 2–3 км за эшелон, ведущим бой.

Действия артиллерии концентрировать на тех участках, где решается задача на прорыв.
3. Иметь в виду, что до самого Берлина противник будет сопротивляться и цепляться за каждый дом и куст, а потому танкистам, самоходчикам и пехоте не ждать, пока артиллерия перебьет всех немцев и предоставит удовольствие двигаться по чистому пространству.

4. Бейте беспощадно немцев и двигайтесь вперед днем и ночью на Берлин, тогда Берлин будет очень скоро наш¹.

Жуков
Телегин

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 233. Оп. 2707. Д. 193. Л. 65–67.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ²

Войска 1-го Украинского фронта и союзные нам англо-американские войска ударом с востока и запада рассекли фронт немецких войск и 25 апреля в 13 часов 30 минут соединились в центре Германии, в районе города Торгау. Тем самым немецкие войска, находящиеся в Северной Германии, отрезаны от немецких войск в южных районах Германии.

В ознаменование одержанной победы и в честь этого исторического события сегодня, 27 апреля, в 19 часов столица нашей родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта и союзным нам англо-американским войскам двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

Да здравствует победа свободолюбивых народов над Германией!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин

27 апреля 1945 года.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ВОЙСКАМ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ³

Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин – центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, обороняющий город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом сегодня в 15 часов прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

2 мая к 21 часу нашими войсками взято в плен в городе Берлине 70 000 немецких солдат и офицеров.

¹ Пункт 4 вписан собственноручно Г.К. Жуковым.

² Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 473.

³ Там же. С. 494–497.

В боях за овладение Берлином отличились войска генерала армии Соколовского, генерал-полковника Кузнецова, генерал-полковника Чуйкова, генерал-полковника Берзарина, генерал-лейтенанта Лучинского, генерал-лейтенанта Перхоровича, генерал-лейтенанта Лукьянченко, генерал-полковника Черевиченко, генерал-лейтенанта Казанкина, генерал-лейтенанта Глазунова, генерал-лейтенанта Рыжова, генерал-лейтенанта Жеребина, генерал-лейтенанта Рослого, генерал-лейтенанта Терешкова, генерал-лейтенанта Андреева, генерал-майора Букштыновича, генерал-майора Белявского, генерал-майора Кущева, генерал-майора Барина, генерал-майора Переверткина, генерал-майора Рогачевского, генерал-майора артиллерии Хетагурова, генерал-майора Шатилова, генерал-лейтенанта Шафаренко, генерал-майора Смирнова, генерал-майора Козина, генерал-майора Карапетяна, генерал-майора Красильникова, генерал-майора Шугаева, генерал-майора Зализюка, генерал-майора Станкевского, генерал-майора Панкова, генерал-майора Глебова, генерал-майора Баканова, генерал-майора Дуки, генерал-майора Серюгина, генерал-майора Гаспаряна, генерал-майора Соколова, генерал-майора Дорофеева, генерал-майора Сызранова, генерал-майора Галая, генерал-майора Шкрылева, генерал-майора Сафаряна, генерал-майора Выдригина, генерал-майора Бевзюка, генерал-майора Мышкина, генерал-майора Корчинова, генерал-майора Турчинского, генерал-майора Вехина, полковника Антонова, полковника Иванова, полковника Гервасиева, полковника Соловьева, полковника Шишкова, генерал-майора Фомиченко, полковника Смолина, полковника Воробьева, полковника Марченко, полковника Негоды, полковника Асафова, полковника Шацкого, полковника Рыбалки; танкисты генерал-полковника танковых войск Богданова, генерал-полковника танковых войск Катукова, генерал-полковника Рыбалко, генерал-полковника Лелюшенко, генерал-полковника танковых войск Новикова, генерал-лейтенанта танковых войск Орла, генерал-лейтенанта Радзиевского, генерал-лейтенанта танковых войск Кривошеина, генерал-лейтенанта танковых войск Сухова, генерал-лейтенанта танковых войск Белова, генерал-лейтенанта Шалина, генерал-майора танковых войск Бахметьева, генерал-майора танковых войск Упмана, генерал-майора танковых войск Салмина, генерал-майора танковых войск Стогния, генерал-майора Дремова, генерал-лейтенанта танковых войск Кириченко, генерал-майора танковых войск Ющука, генерал-майора танковых войск Митрофанова, генерал-майора танковых войск Вайнруба, генерал-майора танковых войск Анисимова, полковника Николаева, полковника Бабаджаняна; артиллеристы генерал-полковника артиллерии Казакова, генерал-полковника артиллерии Варенцова, генерал-лейтенанта артиллерии Шамшина, генерал-лейтенанта артиллерии Пожарского, генерал-лейтенанта артиллерии Игнатова, генерал-лейтенанта артиллерии Рожановича, генерал-лейтенанта артиллерии Кожухова, генерал-майора артиллерии Морозова, генерал-майора артиллерии Косенко, генерал-майора артиллерии Пласкова, генерал-майора артиллерии Фролова, генерал-майора артиллерии Лихачева, генерал-майора артиллерии Снегурова, генерал-майора артиллерии Лебедовского, генерал-майора артиллерии Кознова, генерал-майора артиллерии Брюханова, генерал-майора артиллерии Шлепина, генерал-майора артиллерии Богданова, генерал-майора артиллерии Середина, генерал-майора артиллерии Каменского, генерал-майора артиллерии Полосухина, генерал-майора артиллерии Петропавловского, генерал-майора артиллерии Никольского, генерал-майора артиллерии Монтыкова, генерал-майора артиллерии Добринского, генерал-майора артиллерии Краснокутского, полковника Фанталова, полковника Пасько, полковника Корчагина, полковника Оверченко, полковника Любимова; корабли и части Краснознаменной Днепровской флотилии контр-адмирала Григорьева, капитана 1-го ранга Лялько; летчики главного маршала авиации Новикова, главного маршала авиации Голованова, генерал-полковника авиации Руденко, генерал-полковника авиации Красовского, генерал-лейтенанта авиации Савицкого, генерал-лейтенанта авиации Белецкого, генерал-лейтенанта авиации Тупикова, генерал-лейтенанта авиации Логинова, генерал-лейтенанта авиации Счетчикова, генерал-лейтенанта авиации Нестерцева, генерал-лейтенанта авиации Рязанова, генерал-лейтенанта авиации Утина, генерал-майора авиации Токарева, генерал-майора авиации Крупского, генерал-майора авиации Каравацкого, генерал-майора авиации Скока, генерал-майора авиации Сиднева, генерал-майора авиации Дзусова, генерал-майора авиации Слюсарева, генерал-майора авиации Зюбалуева, генерал-майора авиации Архангельского, полковника Никишина, полковника Сталина, полковника Покрышкина, генерал-майора авиации Комарова, полковника Александровича; саперы генерал-полковника инженерных войск Прошлякова, генерал-полковника инженерных войск Галицкого, ге-

нерал-майора инженерных войск Марьина, генерал-майора инженерных войск Ткаченко, генерал-майора инженерных войск Фурсы, генерал-майора инженерных войск Харчевина, генерал-майора инженерных войск Жирова, полковника Бельского, полковника Каменчука, полковника Полуэктова; связисты генерал-лейтенанта войск связи Максименко, генерал-лейтенанта войск связи Булычева, генерал-майора войск связи Акимова, полковника Черкасова, полковника Фалина, полковника Смолия, полковника Захарова, полковника Плоткина, полковника Борисова, полковника Остренко, подполковника государственной безопасности Гриб.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившихся в боях за овладение Берлином, представить к присвоению наименования “Берлинских” и к награждению орденами.

Сегодня, 2 мая, в 23 часа 30 минут в честь исторического события – взятия Берлина советскими войсками – столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинских фронтов, участвовавшим в боях за овладение Берлином.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин

2 мая 1945 года.

АКТ О ВОЕННОЙ КАПИТУЛЯЦИИ¹

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, – Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23.00 по центральноевропейскому времени 8 мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным объединенными нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное [командование] или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил предпримут также карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

¹ Красная звезда. 1945. 9 мая.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 года в г. Берлине.

От имени Германского
Верховного Командования
Кейтель, Фриденбург, Штумпф

в присутствии:

по уполномочию
Верховного Главнокомандования
Красной Армии
Маршала Советского Союза
Г. Жукова

по уполномочию
Верховного Командования
Экспедиционными силами союзников
Главного маршала авиации
Теддера

При подписании также присутствовали в качестве свидетелей:

Командующий стратегическими
вооруженными силами США
генерал Спаатс

Главнокомандующий
французской армией генерал
Делатр де Тассиньи

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ВОЙСКАМ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ¹

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!
Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин

9 мая 1945 года.

---

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 511–512.

Комитет
государственной безопасности
при Совете Министров СССР
13 марта 1970 г.
№ 655-А/ов
г. Москва

ЦК КПСС

В феврале 1946 г. в г. Магдебурге (ГДР) на территории военного городка, занимаемого ныне Особым отделом КГБ по 3-й армии ГСВГ, были захоронены трупы Гитлера, Евы Браун, Геббельса, его жены и детей. (Всего 10 трупов).

В настоящее время указанный военный городок, исходя из служебной целесообразности, отвечающей интересам наших войск, командованием армии передается немецким властям.

Учитывая возможность строительных или других земляных работ на этой территории, которые могут повлечь обнаруженные захоронения, полагал бы целесообразным произвести изъятие останков и их уничтожение путем сожжения.

Указанное мероприятие будет проведено строго конспиративно силами оперативной группы Особого отдела КГБ 3-й армии ГСВГ и должным образом задокументировано.

Председатель Комитета госбезопасности
Андропов

Архив Президента Российской Федерации. Пакет № 282.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ВОЙСКАМ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ¹

2 сентября 1945 года в Токио представителями Японии подписан акт о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил.

Война советского народа, совместно с нашими союзниками, против последнего агрессора – японского империализма – победоносно завершена, Япония разгромлена и капитулировала.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением войны против Японии.

В ознаменование победы над Японией сегодня, 3 сентября, в день Праздника Победы над Японией, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту победу, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть живут и здравствуют наша Красная Армия и наш Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий
Генералиссимус Советского Союза И. Сталин

3 сентября 1945 года.

---

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 520.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Товарищу Молотову В.М.

Продолжая неуклонно выполнять задачи, предъявляемые войной, Главное управление кадров НКО вместе с тем считает необходимым уже сейчас приступить к разработке плана использования офицерских кадров по окончании войны.

Докладываю по данному вопросу нижеследующие соображения:

I

Мы в настоящее время располагаем самыми ценными военными кадрами, какие когда-либо до сих пор имели, так же как и самыми лучшими – в сравнении с кадрами любой армии мира.

Хотя у нас имеется очень большое количество офицеров, тем не менее, при переходе на мирное положение мы не можем допустить массовой, валовой демобилизации офицеров, а обязаны увольнять их только в персональном порядке, спланировав и растянув сроки демобилизации до полугода с тем, чтобы отобрать и удержать в армии как можно больше ценного в политическом, деловом и физическом отношениях.

Для того чтобы впитать в сокращенный организм армии максимальное количество офицерского состава, необходимо:

1. Сохранить путем перехода на дивизии сокращенного состава наибольшее количество соединений всех родов войск. К примеру, вместо сохранения 100 стрелковых дивизий 10–12-тысячного состава сохранить 200–250 дивизий 4–6-тысячного состава.

Генералами замещать не только должности командиров дивизий и корпусов, но их заместителей и начальников штабов, а также начарткорпусов, корпусных инженеров и нач. АБТ корпуса.

2. Вместо прежней громоздкой штатной организации военных училищ по 1000–1500 курсантов перейти на училища по 300–400 курсантов.

Примечание: Военные училища старой армии имели в своем штате по 300–400 курсантов.

Это позволит из 100 имеющихся сейчас военных училищ пехоты сохранить не менее половины и на деле перейти на принцип индивидуального обучения и воспитания будущих офицеров.

Начальниками училищ назначать генерал-лейтенантов и генерал-майоров из лучших командиров корпусов и дивизий.

3. В интересах сохранения возможно большего количества фронтовых и армейских управлений перейти на более мелкую территориальную организацию военных округов. В их штатах урезать все, что угодно, только не отделы оперативные, разведывательные, связи, артиллерии и танковые.

4. Разрешить назначение генералов на должности командиров гвардейских полков для всех родов войск.

5. Создать не менее чем на годичный срок широкую сеть полковых, дивизионных, корпусных, армейских и фронтовых комиссий с единственной задачей – изучить и описать боевую историю частей и соединений действующей армии, а также все наиболее значительные и поучительные бои и операции за все годы Отечественной войны.

Этим мероприятием государство будет обеспечено невиданным по объему и богатству содержания боевым и военно-историческим материалом, а армия сохранит на переходной период несколько тысяч хороших офицеров и генералов на весьма ценной для их роста работе.

6. Пересмотреть существующий состав начальников военных кафедр и преподавателей военных дисциплин гражданских высших и средних учебных заведений и назначить вместо них наиболее квалифицированных и работоспособных генералов и офицеров; тем самым укрепить очень слабый участок подготовки офицерских кадров запаса.

К настоящему времени мы имеем военные кафедры в 641 гражданском ВУЗе.

II

При отборе офицеров особое внимание уделить тому, чтобы оставить в армии как можно больше молодого состава в возрастном отношении с тем, чтобы он был боеспособен по истечении последующих 15–20 лет.

На должности командиров частей и соединений, в основном, назначить тех, кто помоложе.

Более пожилых использовать, в основном, в штабах округов и фронтов, в центральном аппарате, в военных академиях и училищах, в высших гражданских учебных заведениях, в органах местного военного управления, в военных органах гражданских наркоматов и ведомств.

Должности заместителей командиров частей и соединений, на которых сейчас находятся люди не вполне подходящие к самостоятельной боевой работе, нужно будет заместить командирами другого типа – молодыми, энергичными, имеющими перспективы роста и данные для самостоятельной работы, а именно: в полках – из числа командиров батальонов, в дивизиях из числа командиров полков и т.д.

При изложении принципа отбора офицерских кадров на предстоящие десятилетия с учетом возрастных требований речь вовсе не идет об упрощенном отборе по “метрикам”. Отбор должен производиться строго в индивидуальном порядке с учетом всех основных принципов подбора, но при этом требования возраста должны занимать одно из решающих мест.

Возраст наших командиров стрелковых полков в данное время таков:

До 25 лет	26–30 лет	31 год	32 года	33 года	34 года	35 лет	36–40 лет	41–45 лет	46–50 лет	Старше 50 лет	Итого
35	180	67	73	51	71	99	555	277	70	10	1488

Таким образом, основную массу командиров стрелковых полков мы, при строго индивидуальном их отборе, можем иметь в возрасте от 26 до 35 лет и, частично, от 36 до 40 лет.

Командиры стрелковых дивизий имеют возраст:

26–30 лет	31–35 лет	36–40 лет	41 год	42 года	43 года	44 года	45 лет	46–50 лет	Старше 50 лет	Итого
2	30	109	40	43	58	52	34	119	16	503

Таким образом, и при их строго индивидуальном отборе основной костяк наших командиров дивизий мы можем иметь в возрасте от 31 до 42 лет и, частично, до 45 лет.

Возраст командиров стрелковых корпусов:

31–35 лет	36–40 лет	41 год	42 года	43 года	44 года	45 лет	46–50 лет	Старше 50 лет	Итого
1	19	6	11	28	20	16	54	12	167

Также и здесь мы можем основной состав командиров корпусов иметь в возрасте от 36 до 45 лет и частично – старше.

Возраст командармов:

36–40 лет	41–45 лет	46–50 лет	Старше 50 лет	Итого
2	28	30	7	67

Таким образом, имеется возможность и командармов отобрать в основном 40–45 лет.

Что касается начальников штабов, то они по своему возрасту на всех ступенях (от полков до армий) относительно даже моложе соответствующих категорий своих командиров.

III

Актуальное значение приобретает задача военной доподготовки высшего командного состава, так как довольно большой процент общеармейских генералов и командиров полков получил военно-теоретическую подготовку лишь на краткосрочных курсах академий, “Выстрел”а, окружных (фронтовых) курсах.

Это подтверждается следующей таблицей:

Должности	Высшая военная академия		Военные академии		Курсы усовершенствования	Военные училища	Ускоренные курсы и др.	Итого
	Норм. курс	Ускор. курс	Норм. курс	Ускор. курс				
Командарм	9	1	33	–	24	–	–	67
Наштарм	20	3	38	1	6	–	–	68
Комкор стр.	14	2	85	3	45	5	13	167
Наштакор стр.	15	2	106	4	16	11	9	163
Комдив стр.	17	51	202	19	113	67	34	503
Наштадив стр.	5	10	196	71	95	82	41	500
Комполка стр.	–	5	108	220	700	329	126	1488
ВСЕГО:	80	74	768	318	999	494	223	2956

Среди генералов службы тыла и политаппарата, а также юридического состава имеется немало лиц, совершенно не имеющих военного образования.

Считаю, что военная доподготовка общевоинских командиров, получивших огромный боевой опыт, но не имеющих достаточно военно-теоретического образования, должна пойти двумя путями – часть командиров, но не основная, должна проходить полный курс соответствующих академий, а другая, основная по количеству, – пройти доподготовку на основе сокращенного годового курса.

Для последней категории создать:

а) курсы усовершенствования при Высшей военной академии Красной Армии для командиров дивизий, корпусов, начальников училищ;

б) курсы усовершенствования при Академии им. Фрунзе для начальников штабов дивизий и заместителей командиров дивизий;

в) “Выстрел” для доподготовки командиров полков и батальонов;

г) курсы усовершенствования офицеров пехоты в округах для командиров рот.

Основные задачи доподготовки:

а) изучение, обобщение и анализ опыта Отечественной войны по вопросам тактического, оперативного и стратегического порядка;

б) боевое использование средств усиления общевоинских соединений и организация взаимодействия с артиллерией, танками, ВВС и инженерными частями;

в) управление войсками и штабная работа;

г) повышение общеобразовательного уровня.

IV

Необходимо будет уделить серьезное внимание правильному использованию, с точки зрения интересов армии, того, все же довольно большого количества офицеров, которых сокращенная армия не сможет вместить и которые должны быть демобилизованы.

Их использование целесообразно установить следующим порядком:

1. В центральном, краевом, областном и районном советском аппарате установить должности заместителей председателей советов, зам. наркомов и заместителей начальников главков по военной работе, обязанностью которых будет организация военной и мобилизационной подготовки наркомата, края, области, района.

2. На предприятиях промышленности ввести должности заместителей директоров заводов по военно-мобилизационной работе, возложив на них мобилизационную подготовку, бронирование, учет, ПВО, боевую подготовку рабочих.

3. В областных, краевых, районных партийных комитетах ввести должности секретаря или заместителя секретаря по военной работе, на обязанности которых будет лежать конкретное руководство оборонной работой отрасли, края и района, с непосредственным подчинением им военных отделов парткомов.

4. С окончанием войны ввести во всех средних школах и техникумах изучение курса “История Отечественной войны”, преподавателей которого назначать, главным образом, из

числа офицеров Красной Армии. Этим преподавателям разрешить ношение военной формы, дать право состоять членами офицерских клубов и Домов Красной Армии, а также предоставить льготы по обучению детей в военных училищах.

5. Разработать и ввести по всем ведомствам, наркоматам, общественным и профсоюзным организациям номенклатуру должностей, которые должны замещаться генералами и офицерами, находящимися в запасе и отставке.

V

Так как уже сейчас гражданские наркоматы и ведомства всеми путями добиваются увольнения из армии многих офицеров, которые были до войны гражданскими работниками, необходимо обеспечить за армией при общей демобилизации полное право оставления тех офицеров, которые, хотя и попали в армию в годы Отечественной войны, оказались более ценными для армии, нежели некоторые кадровые офицеры.

VI

При переходе армии от военного на мирное положение необходимо освободить армию от всего, что ее обременяет и в известной степени мешает росту ее кадров.

Среди офицерского состава нашей армии до сих пор имеется некоторое количество лиц, которые мешают армии – одни в силу своей неработоспособности независимо от их добрых желаний (из-за болезни, старости, отсталости); другие – в силу моральной неустойчивости, например, систематические пьяницы и недисциплинированные элементы; третьи – в силу политической неустойчивости, сомнительности и враждебности.

Армия вполне может без них обойтись.

Доклад об этом мною представлен товарищу Сталину.

2 августа 1944 года.

Генерал-полковник

Голиков*

2 августа 1944 года.

ГУК/ОМУ–1490538

Архив Президента Российской Федерации, Ф. 56. Оп. 1. Д. 813. Л. 34–39.

ТОВАРИЩУ ГОЛИКОВУ

На № ГУК/ОМУ–1490538

При разработке плана использования и создания кадров Красной Армии после войны нужно прежде всего исходить из опыта, который мы получили в начальный период Отечественной войны.

Чему нас учит полученный опыт?

Во-первых, мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали люди, которые проваливали одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Буденный, Черевиченко, Тюленев, Рябышев, Тимошенко и др.).

На армии ставились также мало изученные и неподготовленные люди. Иначе и не могло быть, так как подготовленных еще в мирное время кандидатов на фронты, армии и соединения не было. Людей знали плохо. Наркомат обороны в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих – командовать фронтами и армиями.

Еще хуже обстояло дело с командирами дивизий, бригад и полков. На дивизии, бригады и полки, особенно второочередные, ставились не соответствующие своему делу командиры.

Короче говоря, каждому из нас известны последствия командования этих людей и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командующих и командиров.

* Голиков Ф.И. (1900–1980) – с апреля 1943 г. заместитель наркома обороны по кадрам, начальник Главного управления кадров НКО СССР, одновременно с 1944 г. уполномоченный СНК СССР по делам репатриации граждан СССР.

В ы в о д: Если мы не хотим повторить ошибок прошлого и хотим успешно вести войну в будущем, нужно, не жалея средств, в мирное время готовить командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

Затраченные средства окупятся успехами войны.

Видимо, в мирное время нужно иметь два–три комплекта и командиров дивизий и полков, которые бы обеспечили полное развертывание армии и трех–четырёхмесячное ведение войны.

Каждому командующему фронтом и армией иметь заранее отобранного и подготовленного заместителя.

Во-вторых, мы, безусловно, оказались неподготовленными с кадрами запаса.

Все командиры, призванные из запаса, как правило, не умели командовать полками, батальонами, ротами и взводами. Все эти командиры учились войне на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей.

В-третьих, мы не имели культурного штабного командира и как следствие не имели хорошо сколоченных штабов.

В-четвертых, в культурном отношении наши офицерские кадры недостаточно соответствовали требованиям современной войны. Современная война – на 8/10 война техники с техникой врага, а это значит, нужно быть культурным человеком, чтобы уметь быстро разобратся со своей техникой и техникой врага и, разобравшись, грамотно применить свою технику.

Нужно правду сказать, что из-за неграмотности и безкультурья наших кадров мы очень часто несли большие потери в технике и живой силе, не достигнув возможного успеха.

В-пятых, существовавшая в мирное время система обучения и воспитания наших кадров не дала нам для войны образцового и авторитетного командира.

Наши академии, школы и курсы неправильно учили командные кадры, а именно:

1) Теоретическое обучение шло явно в ущерб практическому обучению. Опыт войны показал, что только те командиры оказались хорошими командирами, которые выросли на полевой работе, а не в кабинетах.

Следовательно, главный упор в будущем должен быть в обучении командира – это работа в поле, в обстановке, близкой к боевой.

2) Наши командиры очень плохо знали и знают технику (авиацию, артиллерию, танки и пр.). Нужно каждого командира, от командира батальона и выше, в будущем обязательно прикомандировать в спец. части на 6–10 месяцев для капитального изучения сердца техники.

3) Волевые качества нашего командира – инициатива, умение взять на себя ответственность, развиты явно недостаточно, а это очень пагубно сказалось на ходе войны в первый период. Следовательно, этот важнейший вопрос нужно решить так же капитально.

Что касается Ваших соображений об оставлении возможно большего состава командного состава в рядах армии в мирное время, я считаю в основном их правильными, но при этом я только за оставление нужных и способных кадров, а не таких, как у нас были, вроде провалившихся.

22 августа 1944 г.

№ 002/л

Г. Жуков

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 55. Оп. 1. Д. 30Л. 95–96.

О ГЕНЕРАЛИТЕТЕ КРАСНОЙ АРМИИ¹

Представляю при этом в приложении статистическую разработку на генеральский состав Красной Армии.

На 15 мая Красная Армия имеет 2952 генерала.

В целом эти данные свидетельствуют:

1. Об огромном росте военных кадров советского государства за время Отечественной войны.

2. О создании в годы Отечественной войны большого генералитета Красной Армии (до войны было всего 994 генерала).

3. О том, что основным источником выращивания и формирования советского генералитета явилась лучшая, наиболее боевая и способная часть офицеров, выдвинувшаяся снизу из числа полковников – 1152 чел., подполковников – 182 чел., майоров – 186 чел., капитанов – 15 чел. и старших лейтенантов – 1 чел.

4. О том, что генералитет Красной Армии в своей основной и подавляющей массе состоит из коренного кадрового состава Красной Армии, прослужившего в ее рядах 20–26 лет (2763 чел., или 93,69%), и что в его составе также имеется значительная группа (189 чел.) со стажем службы от 5 до 15 лет, выдвинувшаяся в генералитет за свою выдающуюся работу.

Анализируя отдельные стороны разработки, я считаю необходимы выдвинуть нижеследующие соображения.

1. Определить и ограничить общую численность генералов

Уже сейчас мы имеем почти 3 тысячи генералов (2952 чел.).

Это очень серьезная цифра. В сравнении с другими армиями она будет выглядеть так: США – 1065 генералов, сухопутная армия Англии – 517 генералов, Германия – 2198 генералов (без санитарной и ветеринарной службы). Япония – 1209 генералов (данные Разведывательного управления от 25 января 1944 года).

Требования на присвоение новых и новых генеральских званий не прекращаются и не ослабевают.

Особенно они велики по линии службы тыла Красной Армии (в то же время они наиболее сдержанны из действующей армии и по общевойсковой линии).

С точки зрения штатной нам могут предъявить требования еще на присвоение 6000 генеральских званий. Это вытекает из того, что в действующих сейчас штатах военного ведомства установлено 9007 должностей, которые должны и могут замещаться лицами генеральского состава. Эта цифра в 3 раза больше количества уже имеющихся генералов.

Кроме того, нужно учесть, что в целом ряде случаев центральные управления стремятся добиться генеральского звания даже тем лицам, должностное положение которых определяется категорией “подполковник–полковник”.

Н е о б х о д и м о :

а) установить ориентировочную численность генералов для вооруженных сил Советского Союза, чтобы ее придерживаться;

б) основательно сократить штатно-должностное количество генералов, установленное сейчас, тем более, что излишне большая численность генеральского состава отрицательно скажется на авторитете и весе генералов.

Такое сокращение штатных должностных генералов является безусловно возможным и реальным делом, это видно хотя бы из того, что из 9007 штатных генеральских должностей – 3287 идут под рубрикой “полковник–генерал”, т.е. вполне могут заполняться полковниками.

Этот процент особенно велик в ВВС КА, где количество должностей, могущих заполняться “полковник–генерал” почти в два раза больше цифры, установленной для заполнения генералами (по штату установлено генеральских должностей 380, а должностей “полковник–генерал” – 666);

¹ Источник. 1996. № 2: С. 139–143.

в) исходя из общей цифры, которая будет установлена для генеральского состава, установить численность генералов по родам войск и служб с тем, чтобы для них это явилось ограничительными рамками.

2. Централизовать представление к генеральским званиям через ГУК НКО

Основные центральные управления НКО представляют свои кандидатуры в СНК СССР на присвоение генеральских званий каждое самостоятельно, исходя из своего собственного критерия и своих ограниченных служебных интересов.

При этом стараются избежать представления через Главное управление кадров НКО и избавиться от его контроля.

Нагляднее всего это проявляется со стороны Управления тыла, где ярко выражено стремление как можно больше произвести генералов и возвести их в высший ранг.

Уже сейчас по службе тыла имеется 326 генералов, что составляет к общему числу 11,04%. Это обстоятельство приводит к фактам незаслуженного присвоения генеральских званий.

Так, Постановлением Совнаркома СССР от 11.5.1944 года присвоены генеральские звания 24 офицерам и генералам службы Тыла, из которых по крайней мере 6 человекам, по моему мнению, звание присвоено незаслуженно, среди них:

1. Начальник административно-хозяйственного управления Поляков В.В.

Он только 20.12.1942 г. получил звание “генерал-майора”. В Красной Армии прослужил всего лишь 6 лет и 6 месяцев, из которых один год рядовым, 5 лет военкомом финуправления и 5 месяцев начальником административно-хозяйственного управления НКО. Военного образования никакого не имеет. Он с успехом мог бы и сейчас быть вполне в звании “полковник интендантской службы”. Столь стремительного движения в званиях нет даже в Действующей армии.

2. Начальник Управления базы Центра НКО Азизбеков А.М. в Красной Армии всего лишь 8 месяцев, ни опыта, ни военного образования, ни стажа службы в армии совершенно не имеет.

3. Начальник 1 отдела Интендантского управления Чистяков В.А. Хотя в армии он и с 1918 г., но вся его служба с 1920 г. проходила только в военно-хозяйственном управлении НКО, на канцелярских должностях, начиная с младшего делопроизводителя по положению не выше майора–подполковника, и сейчас он занимает должность не генерала, а только полковника. С 1920 г. ни одного месяца службы в войсках.

4. Начальник автомобильного управления Белорусского округа Наберухин И.М. Ему звание полковника было присвоено только в апреле 1943 года. Будучи в окружении в 1941 году, по сообщению Управления контрразведки “Смерш”, сдался в плен румынам, порвал и выбросил партбилет. В плену подвергался допросам, после чего был освобожден и направлен на работу. При выходе из окружения неоднократно задерживался немцами и полицейскими органами. Вышел из окружения одиночным порядком, что пыгается скрыть.

В 1942 году во время осады Сталинграда немцами высказывал пораженческие настроения.

5. Зам. начальника вещевого управления Палеев Б.С. Вся его служба в Красной Армии с 1919 г. исчерпывается четырьмя месяцами рядовым и начальником разведки батальона в 1919 г.; восьмью годами учебы в хозяйственных ВУЗах (с 1920–1928 гг.) и 16 годами непрерывной службы в интендантском управлении НКО, начиная с должности мл. приемщика в г. Москве; ни одного дня службы в войсках.

6. Зам. начальника отдела кадров управления тыла Бавин И.В. Занимал и занимает должность, отнесенную к званию “подполковник–полковник”. Имеет перерыв по службе в армии 7 лет.

Для более правильного подхода и в целях усиления контроля необходимо установить, чтобы представления к генеральским званиям шли только через Главное управление кадров НКО и им докладывались. Конечно, могут быть исключения, но и тогда начальник любого центрального управления, лично докладывающий вопрос о присвоении генерального звания, должен иметь на материале мнения Главного управления кадров НКО.

3. Выправить распределение генералов между войсками и управленческим аппаратом

Из 2952 генералов Красной Армии – 1569 чел. (или 57,5%) находятся в органах управления; из них 395 чел. – в Центральном аппарате НКО, 1174 – во фронтовом, окружном и армейском аппарате. В войсках же (в корпусах, дивизиях, бригадах, училищах, академиях и научно-исследовательских институтах) находится 1256 генералов (или 42,5%).

При всем значении органов управления все же необходимо установить более правильное распределение генеральского состава между аппаратом управления и между войсками.

Сейчас у нас в звании “полковник” находится: 276 командиров дивизий, 74 командира бригады и 67 начальников училищ. По мере их роста они войдут в состав генералов.

Но даже при полной заполненности штатных должностей генералами в войсках количество генералов в управленческом аппарате остается очень большим; еще больше оно по штату, о чем я уже говорил.

От уменьшения генеральских должностей авторитет управленческого аппарата, в том числе и центрального, отнюдь не проигрывает, а только выигрывает.

Между тем руководители учреждений центрального аппарата стремятся к тому, чтобы у них было больше генеральских должностей.

4. Повысить требования к военному образованию генералов

Очень велика цифра генералов, не имеющих никакого военного образования – 142 чел. (4,8% к всему составу генералов). Также очень велика цифра генералов, имеющих военное образование всего лишь в объеме военного училища (443 чел.) и курсов (769 чел.), что составляет 41,05% (по обеим цифрам).

К генеральскому составу необходимо предъявить серьезные требования в отношении собственного военного образования.

В первую очередь нужно потребовать от лиц, вовсе не имеющих военного образования, подготовиться и сдать за военное училище.

Для генералов, окончивших лишь военные училища и курсы, установить определенный план получения академического образования, хотя бы по сокращенной программе (в соответствии со специальностью) – для одних путем пропуска через академические курсы, для других путем самостоятельной работы над собой, для третьих путем широкой организации в Красной Армии заочного и вечернего обучения.

5. О генералах, не имеющих наград

204 генерала не имеют вовсе наград.

Из них по должностям:

Командующих армией	– 3 чел.
Членов военных советов	– 4 чел.
Зам. командующих фронтами, округами и армиями	– 8 чел.
Нач. штабов армий и корпусов	– 5 чел.
Командующих и зам. командующих, начальников спецродов войск фронтов, округов и армий	– 7 чел.
Командиров корпусов	– 6 чел.
Командиров дивизий, бригад и комендантов Ур'ов	– 22 чел.
Зам. командиров корпусов, дивизий	– 8 чел.
Нач. училищ, школ, институтов, зам и пом.нач. академий, училищ, нач. кафедр академий и преподавателей	– 86 чел.
Нач. управлений центр. и фронт. аппаратов, их заместит., нач. отделов, нач. служб, работников прокуратуры и военных трибуналов	– 29 чел.
Прочих	– 26 чел.

По стажу службы в Красной Армии:

Свыше 20 лет	– 183 чел.
До 20 лет	– 6 чел.
До 15 лет	– 8 чел.
До 10 лет	– 2 чел.
До 5 лет	– 5 чел.

Эта цифра является дополнительным доказательством необходимости ввести законом награждение военнослужащих за выслугу лет (согласно моего представления от 14 апреля 1944 г. № 459643).

Приложение: справка на 12 листах.

Генерал-полковник

Голиков

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ НКО СССР

СПРАВКА О ГЕНЕРАЛАХ КРАСНОЙ АРМИИ ПО СОСТОЯНИЮ на 15 мая 1944 г. (без ВМФ, НКВД, НКГБ и др. наркоматов)*

Воинское звание	Всего генералов	Стаж					
		с 1940 г.	с 1. 1941 г. по 26.6.1941 г.	с 22.6.41 г. по 1.1.1942 г.	с 1942 г.	с 1943 г.	с 1.1. по 1.5. 1944 г.
Генералы армии	10	2	—	—	—	8	—
Генерал-полковники	60	1	2	2	3	34	18
Генерал-лейтенанты	428	47	—	9	49	263	60
Генерал-майоры	2454	357	1	83	584	1152	277
ИТОГО:	2952	407	3	94	636	1457	355

* Источник. 1996. № 2. С. 143.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛОВ КРАСНОЙ АРМИИ ПО РОДАМ ВОЙСК И СЛУЖБАМ*

Воинское звание	Всего генералов	Из них											
		общевойсковые	артил. и инж.-арт. сл.	авиации и инж.-авиацион. сл.	танковых войск и инж.-танк. службы	войск связи	инженерных войск	технических войск	инж.-техн. службы	интендантск. службы	медицинск. службы	ветеринарн. службы	юстиции
Генералы армии	10	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Генерал-полковники	60	33	6	13	5	—	1	—	—	—	1	—	1
Генерал-лейтенанты	428	227	50	57	37	12	10	6	—	15	10	2	2
Генерал-майоры	2454	1197	298	284	163	58	64	110	44	128	60	19	29
ИТОГО:	2952	1467	354	354	205	70	75	116	44	143	71	21	32

* Источник. 1996. № 2. С. 143.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абсалямов 468
Азизбеков А.М. 483
Акименко 467
Акимов 474
Алдя 90
Александр Г. 326
Александров П.С. 342
Александрович 473
Алексеев В.М. 86
Алексеев З.Н. 173
Алферов И.П. 28
Альмендингер К. 50
Амвросов 768
Анами К. 372, 374, 379
Анашкин 469
Ангелина П.Н. 339
Андерсон Д. 259, 306
Андреев 454, 469, 473
Андреев А.А. 337
Андреев А.И. 46
Андреев В.А. 397
Андрианов 467
Андропов Ю.В. 476
Андрэ Ж. 244
Анисимов 473
Антонеску Й. 49, 81, 88–90, 92–95, 197, 198, 201, 204, 205, 422
Антонеску М. 89, 90, 196, 201, 204, 205, 214, 215
Антонов А.И. 57, 96, 97, 217, 277, 284, 291, 323, 324, 326, 329, 364, 453
Антонов И.В. 390, 473
Ануфриенко Г.В. 334
Арнольд Г. 383
Артемьев 457, 458
Архангельский 473
Архангельский П.П. 280
Архипов В.С. 238
Арцишевский Т. 221
Аршба 468
Аршиневский 468
Асафов 473
Асмолов А.Н. 122, 123, 125
Аун Сан 404
Афонин И.М. 138
Ахликаса К.А. 165
Ахманов А.О. 87
Ацелом Э. 216
- Бабаджаниян 471, 473
Бабурин 467
- Бавин И.В. 483
Баграмян И.Х. 10, 57, 60, 62, 155, 157, 158, 165, 234, 246
Багратион П.И. 57
Багрянов 101, 102, 203, 205, 206, 219
Баданов В.М. 41, 471
Байчи-Жилински Э. 134
Баканов 473
Бакланов Г.В. 278
Балдынов 467
Балжи М. 336
Балог И. 218
Бамлер Р. 65
Бандюкевич 468
Барабаш 456
Баранов Г.А. 282
Баринов 473
Батицкий 473
Батов П.И. 59, 71, 245, 276
Бахаров Б.С. 62, 63
Бахметьев 473
Бевзюк 469, 473
Бевин Э. 303, 308, 309
Бегма В.А. 38
Бекерле А.Х. 202
Бела М. 218
Белецкий В.Н. 473
Белик 122
Белобородов А.П. 63, 164, 166, 169, 247, 388, 394, 469
Белов 473
Белов П.А. 71, 72, 250, 274, 288, 469
Бельский 469, 474
Белявский 473
Бенеш Э. 89, 118, 119, 126, 224, 225, 424
Бергер 123
Берест А.П. 286
Берзарин Н.Э. 238, 273, 283, 473
Бери Б. 203
Берия Л.П. 355, 457, 458
Беркаль 469
Берлинг 72, 464
Берман Я. 222
Бернадотт Ф. 191
Берут Б. 221, 222, 307
Бетиг Э. 404
Бирнс Д. 303, 306, 309, 310, 378
Бирюзов С.С. 220
Бирюков Н.И. 142
Блак 468

- Блонский 469
 Блюхер В. 199
 Бобров А.П. 286
 Богданов С.И. 71, 72, 239, 241, 273, 455, 469, 473
 Боголюбов 453
 Богуслав 462
 Боднэраш Э. 92
 Божилев Д. 202, 203
 Бойко 455
 Болдин И.В. 65, 68, 245
 Болтунов 456
 Бондарь М.М. 285
 Борботько 467
 Бордзиловский 469
 Борис III 202
 Борисов 474
 Борисов Д.Ф. 143
 Борман М. 182, 183, 186, 191, 286
 Брайко 469
 Бранткалн Д.К. 159
 Браун Е. 192, 476
 Бревешкин П.Н. 334
 Брежнев Л.И. 6
 Брейдо 467
 Бродников Н.А. 29
 Брук А. 324
 Брэдли О. 278, 291
 Брэтиану К. 93, 201
 Брюханов 473
 Буденный 480
 Бузылев 469
 Букштынович 473
 Булганин Н.А. 14, 444, 451, 453
 Булычев 474
 Буняченко С.К. 191–194
 Бур-Комаровский Т. 72, 74, 76, 320, 462, 463
 Бурдейный А.С. 64, 67, 157
 Буркацкий М.В. 334
 Бурмаков И.Я. 156
 Буссе Т. 240, 279, 280, 286
 Бутвин 467
 Бутков В.В. 62, 244
 Бутлар 105
 Бухтуев М.А. 64
 Буш Э. 44, 55, 65
 Быковский 467
 Бэрнс 365
- Вавилов С.И. 342
 Вагнер Э. 18
 Вакиш 469
 Вакуров 468
 Валянский 122
 Ванников Б.Л. 336
 Варенцов 473
 Варихази О. 138
- Василевский А.М. 33, 39, 40, 45, 49, 50, 57, 67, 77, 157, 161, 163, 246, 247, 329, 388, 390, 398, 403, 411, 449, 456
 Васильев И.Д. 158
 Васильчев 469
 Васишев 469
 Ватутин Н.Ф. 34, 37, 38, 41, 421
 Веденеев 469
 Везенмайер Э. 131, 200, 207
 Вейдлинг Г. 282, 283, 287, 472
 Вейнруб 473
 Вейс В. 246
 Вейхс М. 109, 132
 Велер О. 132
 Величко 122, 125
 Венк В. 280, 281, 286, 288
 Вереш Л. 132
 Вериш Я. 218
 Вершинин К.А. 65, 245, 287
 Вехин 473
 Виест 122, 124
 Викентьев 469
 Вилков Н.А. 397
 Вильсон М. 214
 Виноградов И.М. 342
 Винтер 297
 Витос А. 221
 Витрук А.Н. 113, 467
 Вицлебен Э. 181
 Вишневецкий 455
 Вишоюну К. 89, 201
 Власенко И.П. 30
 Власов А.А. 291, 292, 294
 Вознюк 467
 Волков М.В. 86, 456
 Вольский В.Т. 166, 245
 Вольф К. 191, 326
 Воробьев Ф.Д. 473
 Воронов Н.Н. 10, 451
 Воронов Ю. 358
 Воронцов 255
 Ворошилов К.Е. 49, 211, 218, 256, 366
 Выдрин 469
 Вышинский А.Я. 74, 215, 257
- Гавлильченко 469
 Гаврилов 468
 Гаген 465, 467
 Гаген Н.А. 111
 Галанин 87, 96, 454
 Галая 473
 Галицкий К.Н. 61, 66, 156, 246, 247, 473
 Галунов 455
 Гаман А. 64
 Ганнтбал 10
 Гармаш Д.М. 339
 Гарпе Й. 126, 232, 237, 240
 Гарриман А. 215, 216, 226, 236, 255, 259, 262, 263, 302, 317, 364, 365, 384, 385, 402
 Гаспарян 473

Гастилович А.И. 129
Геббельс И. 180, 183, 184, 188, 189, 191, 288,
286, 287, 301, 470, 476
Гейбо 456
Гейльбрунн О. 70
Гензьяк 94
Георгиев К. 105, 219, 220
Гервасиев 473
Геринг 191, 470
Герштенберг 94
Гетман 455
Гетьман 456
Гиммлер Г. 182, 189–191, 208, 242, 243
Гинзбург С.З. 344, 359
Гиннес 289
Гитлер А. 5, 25, 27, 33, 34, 38, 40, 43, 49, 50,
59, 68, 87–89, 93, 94, 103, 110, 123, 132, 151,
153, 154, 156, 158, 160, 164, 167, 168,
178–182, 184, 186, 188–192, 197–202, 204,
207, 208, 214, 232, 239, 240, 242, 245, 246,
248, 269, 273, 278–281, 283, 286, 287, 322,
327, 344, 372, 375, 409, 414, 418, 422, 424,
470, 476
Глаголев В.В. 66, 68, 156
Гладков 467
Гладышев 449
Глазунов 473
Глебов 472
Глуздовский В.А. 238
Глушко В.П. 342
Гнечко А.Р. 397
Говоров Л.А. 22, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 149,
150, 151, 155, 164, 167, 170, 454
Годин В.Г. 469
Голиан Я. 120, 121, 124
Голиков 480, 484
Голобородько 326
Голованов А.Е. 69, 248, 282, 454, 456, 473
Головко А.Г. 173
Голтыхов 468
Голубев 468
Гольвитцер Ф. 63
Гомулка В. 222
Гончар 467
Гопкинс Г. 222, 255, 307, 328, 377
Горбатов А.В. 62
Горбатов Б.Л. 285
Гордов В.Н. 14, 17, 18, 274, 280, 448–453
Гореленко Ф.Д. 152
Горшков С.Г. 87, 467
Горюнов П.М. 335
Горюнов С.К. 87, 455
Госбах Ф. 245, 246
Готвальд К. 222, 223, 225
Гото С. 374
Грабин В.Г. 335
Грабский С. 221, 458
Гребенкин 468
Грезер Ф. 237, 238, 251, 455
Грехов 469
Гречкин А.А. 160
Гречко А.А. 41, 128, 129
Гриб 474
Григорьев 468, 473
Григорьев В.В. 64, 71
Гришаков А.П. 357
Гришин И.Т. 65
Гровс Л. 309
Гроза П. 215, 216, 424
Громько А.А. 257, 302
Грю Д. 377, 378, 386
Гудериан Г. 239, 242, 243, 317, 329
Гуревич З.З. 336
Гурьев С.С. 250
Гусак Г. 199–125, 144
Гусаковский И.И. 242
Гусев А.Н. 240
Гусев Д.Н. 150
Гусев С.И. 250
Гусев Ф.Т. 258
Гуслицер 449
Давыдов В.И. 286
Даллес А. 326
Далноки-Миклош Б. 132
Дамаев 467
Данн Д. 304
Даньшин 469
Дапчевич П. 112, 223, 467
Дворкин 467
Деван 387
Девис Д. 365
Дегтярев 468
Дегтярев В.А. 335
Дейнеховский 469
Деканозов 135
Делатр де Тассиньи 475
Дельфино Л. 70
Денисов 452, 453
Дениц К. 192, 281, 287, 291, 295–297, 327
Деревская А.А. 357
Деревянко 465
Державин 467
Джилас М. 108
Дзусов 469, 473
Диксон Ч. 70
Дилкс Д. 310
Димитров Г. 92, 119, 122, 123
Дин Д. 255, 364
Дину Б. 92
Добринский 473
Добыкин 468
Донован У. 303
Донча К. 92
Дорофеев 473
Дремов 455, 471, 473
Дуки 473
Духов Н.Л. 335, 336

- Дьендьешы Я. 218
 Дьяченко 456
- Евменов** 468
 Егоров 122, 125
 Егоров М.А. 286
 Едемский 468
 Елизавета 188
 Еловацкий 469
 Емельянов С.А. 336
 Енеке Э. 50
 Еременко А.И. 50, 156, 159, 161, 290
 Еременко С.И. 334
 Еремов 469
 Ерьсько 468
 Ермаков А.И. 62
 Ермаков И.П. 280, 281
 Ермаченков 456, 465
 Ермолаев А. 336
- Жадов** А.С. 237, 274, 278, 293
 Жаров 463
 Жданов А.А. 213
 Жданов В.И. 87, 111, 112, 465, 467
 Жеребин 473
 Живицель 462, 463
 Жидков 456
 Жиров 474
 Жмаченко Ф.Ф. 45, 454
 Жуков Г.К. 7, 10, 11, 16, 18, 20, 33, 37, 41–43, 57, 62, 63, 73, 77, 127, 128, 232, 234, 239, 241–243, 251, 270, 271, 273–277, 279, 284, 286, 289, 290, 297, 298, 327, 411, 415, 452, 454, 455, 462, 465, 467–469, 472, 475, 481
 Жуков Н.Г. 238
 Журавлев Е.П. 128
- Заварыкин** П.В. 334
 Завертайло 334
 Завьялов 467
 Загитов Г.К. 286
 Загребин 467
 Занкин 469
 Зайковский 469
 Зайцев 49, 469
 Зайцев В.И. 238
 Зайцев П.А. 28
 Залетов Н.А. 150
 Зализюк 473
 Замерцев 455
 Заруцкий 469
 Захаров 456, 468, 473
 Захаров Г.Ф. 57, 68, 137, 232
 Захаров М.В. 388
 Захватаев Н.Д. 166, 388
 Зверев А.Г. 351
 Здунов В.Ф. 67
 Зейдлиц В. 182
 Зелинский Н.Д. 342
 Землянухин 467
- Земмент Р. 166
 Зинуров М. 334
 Зинченко Ф.М. 286, 385
 Зичи Я. 216
 Змировский 455
 Зубарев 468
 Зюбалуев 473
 Зюзин Е.И. 468
- Иванов** 467, 469, 473
 Иванов С.П. 388, 398
 Игнатов 473
 Иден А. 217, 255, 258, 259, 262, 303, 307, 310, 321, 322
 Иконников 449
 Ильичев П.И. 397
 Ильницкий 14, 447, 448, 450, 451, 453
 Ильченко 467
 Ильюшин С.В. 335, 336
 Ионай М. 363, 374
 Иоффе А.Ф. 342
 Ито М. 374
- Йованич** Д. 467
 Йованович В. 467
 Йович Р. 467
 Йодль А. 192, 275, 278–280, 291, 296, 327
- Каверин** 468
 Кавтарадзе С.И. 216
 Каганович Л.М. 339
 Каглуновский 226
 Кадоган А. 304, 310
 Казаков В.И. 473
 Казаков Г.П. 282
 Казаков М.И. 24, 159
 Казанкин 473
 Кайназаров С. 339
 Калинин М.М. 282
 Калинин П.З. 58, 77
 Калинин Б.Т. 108
 Калиновский 468
 Каллаи М. 200
 Калниболоцкий 448
 Калугин 468
 Кальтенбруннер Э. 181
 Каменский 473
 Каменчук 474
 Камера И.П. 14, 16, 444, 450, 451, 453
 Канарев 456
 Кантария М.В. 286
 Каравацкий 469, 473
 Карапетян 473
 Карахан Л.М. 374
 Кардель Э. 114
 Карицкий 27
 Карлин Т. 188
 Каротеев К.А. 8
 Катиллов 467
 Катков Ф.Т. 87, 465

Катуков М.Е. 35, 42, 239, 250, 273, 283, 284, 341, 455, 471, 473
Кейтель В. 153, 168, 186, 193, 199, 204, 230, 280, 291, 298, 475
Келдыш М.В. 342
Келлингер 94
Кеневич 469
Керп 469
Керр А.К. 74, 214, 309, 320, 326
Кессельринг А. 296, 297
Кесслер 318
Кибл С. 261
Кигемори Т. 373
Кидо К. 369, 373, 374, 403
Кимболл У.Ф. 264
Кинг Э. 309, 378, 383
Кириченко 473
Киров С.М. 336, 344
Киселев 469
Кисленко А.П. 295
Кисснер 318
Кишш Я. 134
Клевенский 468
Клейст Э. 33, 42, 43, 49
Клеменс Д. 264
Клюге Г. 181
Коба 467
Кобзев 456
Ковалев И.В. 340, 467
Ковалева П.С. 349
Ковалевский А.Н. 28
Ковпак С.А. 38
Кожедуб И.Н. 282
Кожухов 473
Козак 467
Козиев А.Г. 29
Козин 473
Козлов 122
Козлов Г.К. 171
Кознов 473
Койсо В. 363, 367–369
Коларов В. 106
Колдунов А.И. 139
Колесников 456
Коллер К. 279
Коллонтай А.М. 93, 147, 153, 198, 212
Колоколов 469
Коломийц 456
Колпакчи В.Я. 71, 274, 371
Комаров 469, 473
Комаров В.Л. 342
Комаров Д.Е. 64
Коморовский 459
Конев И.С. 34, 35, 37, 41, 44, 45–47, 122, 123, 127, 128, 224, 232, 234, 238, 240, 251, 252, 270, 271, 274–279, 281, 284, 285, 289, 290, 292, 293, 454, 466, 472
Кононов 468
Коноз Ф. 367, 374–377, 403
Копыла 468
Корзунов 456
Корнеев Н.В. 108
Коробочкин А.П. 368, 373
Коровников И.Т. 26, 151
Королев С.П. 342, 456, 467
Коростия 469
Коротеев К.А. 45, 237, 274, 275, 454
Коротков 468
Коротков Г.П. 29, 159
Коротков Ф.Ф. 174
Корчагин 473
Корчиков 473
Коршунов 468
Коршунович 468
Корявко 456
Косенко 473
Космодемьянский А.А. 248
Кособуцкий И.С. 106
Костюшко 75
Котин Ж.Я. 335, 336
Котляр 467
Котцеб А. 326
Кох Э. 38, 185, 245, 248
Кочин Н.Е. 342
Кошевой 456
Кошкин 336
Кошценко 468
Кравцов 467
Кравченко А.Г. 86, 133, 391, 455
Крайнюков 466
Красильников 473
Краснобаев Н.И. 339
Краснокутский 473
Красноповцев 456
Красовский С.А. 237, 280, 473
Кребс Г. 190, 275, 286, 287
Крейзер Я.Г. 157, 169, 456
Кремер С.Д. 158
Кретов 469
Кривошеин 469, 473
Кривошея 468
Крупский 473
Крутиков А.Н. 388
Крылов 468
Крылов Н.И. 14, 94, 156, 244, 388
Крюченкин В.Д. 68, 453
Кузнецов 456
Кузнецов В.И. 273, 283, 473
Кузнецов Г.О. 238
Кузнецов Н.Г. 288, 377, 398
Кузнецов Ф.И. 480
Кузнецов Ф.Ф. 13, 441, 451, 452
Кузнецова 351
Кузьмин 468
Кузьмин А.В. 170
Кулижский 467
Кулик Г.И. 16
Кудер Я.М. 169

- Купченко И.Ф. 358
 Курочкин П.А. 44, 240
 Курочкин П.Г. 97
 Курчатов И.В. 342
 Кутлвашр К. 290, 293
 Кутузов М.И. 10
 Кущев 473
 Кюхлер Г. 20, 25
- Лавочкин С.А. 335
 Лаврентьев М.А. 342
 Ладушкин И.М. 250
 Лазарев 467, 468
 Лакатош Г. 216
 Ларин П. 176
 Ларюшкин 468
 Латтр де Тассиньи Ж.М. 297, 298
 Лаш О. 248
 Лебедев В.Н. 458
 Лебедевский 473
 Леги У. 309, 383
 Лейчик 468
 Лекич Д. 467
 Лелюшенко Д.Д. 43, 237, 238, 251, 252, 274,
 275, 281, 473
 Лемантович 455
 Лемнитцер Л. 326
 Ленин В.И. 277, 423
 Леонов В.Н. 396, 467
 Лер 296
 Лещенко 468
 Лигтон 318
 Линдсман Ф. 22, 25, 181
 Лисименко А.Ф. 286
 Литвинов М.М. 256, 302, 310, 365
 Лихачев 473
 Лихута 468
 Лобао П.П. 337
 Лобанок В.Е. 77
 Ловгин 456
 Логинов 456, 473
 Лозовский С.А. 365, 366, 375–377, 379
 Ломако П.Ф. 334
 Лосик О.А. 67
 Лукьянченко 469, 473
 Лучинский А.А. 71, 72, 244, 275, 284, 388,
 394, 456, 473
 Лысенко 468
 Любанский 469
 Любимов 456, 473
 Людин 118, 128
 Людников И.И. 63, 244, 247, 388, 394
 Люттвиц С. 239, 240
 Лютцев К. 64
 Лялько 473
 Лярский 469
- Магдональд Ч. 330
 Мазуркевич 461
- Майский И.М. 255, 256, 258, 302, 310, 366,
 379
 Мак Вег 24
 Макаров В.И. 274, 453
 Макартур Д. 378, 386
 Македонский А. 10
 Маклой Д. 378
 Маков В.Н. 285, 286
 Максименко 474
 Маленков Г.М. 13, 14, 17, 18, 441, 452
 Малик Я.А. 363, 364, 367–371, 373–375,
 379
 Малинин 469
 Малиновский Р.Я. 38, 39, 42, 44–46, 48, 82, 84,
 86, 96–98, 133, 134, 136, 137, 139, 290, 388,
 391
 Малов 455
 Малышев В.А. 355
 Малышев П.Ф. 159, 169
 Малютин 469
 Мамонов Н.В. 250
 Мамонов С.К. 395
 Манагаров И.М. 133, 138, 388, 454
 Манжосов 456
 Маниу Ю. 89, 90, 93, 201, 213, 214
 Маннергейм К. 151, 153
 Маннергейм М. 198, 199, 201, 212, 213
 Мантейфель Х. 277, 287, 288
 Мануильский Д. 92
 Маньчжоу-Го 375
 Манякин 468
 Маринеско А.И. 247
 Марченко 473
 Маршалл Д. 256, 263, 324, 329
 Марьин 474
 Масарик Я. 224
 Масленников И.И. 25, 26, 156, 159, 161
 Матросов А. 169
 Маунтбеттен Л. 405
 Махамедяров 467
 Махлин 467
 Махонин С.Н. 335
 Мацудайра Ц. 373, 374
 Мацуоки 368, 384
 Медведев Д.Н. 38
 Меллентин Ф. 55, 243
 Мельник 456
 Мерецков К.А. 17, 26, 27, 29, 149, 151–153,
 171, 173–175, 388, 390, 391, 468
 Меркуль В.Г. 77
 Мехлис Л.З. 14, 451, 453
 Миклош Б. 134, 135, 218
 Миколайчик 262, 319, 320
 Миколайчик С. 72–75, 220, 221, 458–460, 463,
 464
 Микоян А.И. 335, 351
 Микульский С.П. 27, 468
 Милованов 449
 Милоевич 467
 Миляев 467

- Минаев 468
 Минин М.П. 286
 Миссан 456
 Миссана И.И. 158
 Мита 96
 Митрофанов В.М. 473
 Митт 67
 Михаил 89, 201
 Михай 89, 91, 94, 95, 215
 Михайлович Д. 107, 108, 110, 112
 Михайловский 469
 Михалкин 454
 Михалчев Д. 220
 Миякава Ф. 367, 368
 Мнишек А. 458
 Модель В. 25, 28, 43, 66, 277
 Модзелевский 469
 Мойн 214
 Молотков 463
 Молотов В.М. 73, 103, 114, 131, 154, 199,
 213–215, 217, 218, 221, 223, 226, 256, 258,
 261–263, 301–303, 306, 317, 320–322, 364,
 366, 367, 369, 370, 376, 378, 379, 458–460,
 477
 Монктон У. 306
 Монтюков 473
 Моргентау Г. 257
 Моргунов Н.В. 251
 Морозов 473
 Морозов А.А. 335, 336
 Моррисон Г. 308
 Москалев Д.Е. 304
 Москаленко К.С. 127, 128
 Монтгомери 287, 295, 298
 Мошанов 203, 206
 Музыкин 469
 Муравиев К. 102–104, 206, 219
 Муссолини 89
 Мухачев 469
 Мышкин 473
 Мюллер С. 68
 Мюллер Ф.В. 246, 248
 Мюллер-Гиллебранд Б. 470
 Мячин В.Д. 277

 Наберухин И.М. 483
 Надаи И. 131, 216
 Надь Е. 134
 Наконечников 469
 Нану Ф. 90
 Наполеон Б. 10, 66
 Наумова М.И. 38
 Неверов 456
 Невином 404
 Невский А. 277
 Негода 473
 Негода А.И. 285
 Неделин 467
 Недич 110
 Некрасов 450

 Нерид В. 238
 Нестерцев 473
 Неустроев С.А. 285, 286
 Нехорошев В.Р. 334
 Нечаев 467
 Низков 467
 Никандров 468
 Никандров А.М. 396
 Никитин 467
 Никитин А.В. 317
 Никитин Г. 352
 Никишин 473
 Николаев 473
 Николай II 255
 Никольская Н. 353
 Никольский 473
 Нимич Ч. 403
 Новиков А.А. 57, 63, 248, 317, 398, 473
 Новиков В.В. 473
 Новиков Н.В. 89, 90, 214
 Новомеский Л. 119
 Новоселов Б. 329
 Ногради Ш. 135
 Нойбахер Г. 110, 20
 Носов Г.И. 353

 Обухов В.Т. 156
 Оверченко 473
 Озерный М.Е. 339
 Озеров Ф.П. 245, 247
 Октябрьский 456, 465
 Ольшанский К.Ф. 46
 Омаров К. 352
 Орел 473
 Орлов А. 329, 330
 Орлов Г.М. 355
 Осецкий Е.В. 167
 Оскотский А.З. 28
 Осликовский Н.С. 62
 Остапенко И.А. 137
 Остренко 474
 Осубка-Моравский Э. 72, 220–222
 Оськин А.И.

 Паасикиви Ю.К. 147, 198, 199, 212
 Павлов 456
 Павлов В. 460
 Павлов Д.Г. 480
 Павловский 469
 Палеев Б.С. 483
 Палилов И.К. 239
 Панин 468
 Паниткин 460
 Панков 473
 Панов М.Ф. 63, 277
 Папивин Н.Ф. 164, 249
 Паршин П.И. 336
 Пасько 468, 473
 Патаки Ф. 135
 Патон Е.О. 337, 342

- Патрашкану Л. 94, 215
 Паттон Д. 290
 Паукер А. 92
 Переверткин 473
 Переверткин С.Н. 283, 285
 Перечин М. 467
 Перминов А.Р. 318, 319
 Перхорович Ф.И. 239, 273, 469, 473
 Петр I 10
 Петр II 107, 108, 114
 Петри Г. 190
 Петров 455
 Петров Е.А. 239
 Петров И.Е. 127, 129, 277, 453
 Петров Ф.Ф. 335
 Петропавловский 473
 Пидуст 468
 Пика Г. 126, 130, 224
 Пласков 469, 473
 Плеходанов А.Д. 285
 Плиев И.А. 42, 46, 62, 71, 99, 133, 391, 395
 Плоткин 474
 Поваренков 468
 Погонский Л. 463
 Пожарский 473
 Позняк 469
 Покровский А.П. 11, 14, 16, 447, 451, 453
 Покрышкин 473
 Поленов В.С. 44
 Полозков В.И. 87
 Полосухин 473
 Полубояров П.П. 274, 281
 Полуэктов 474
 Поляков В.В. 483
 Понимаш 455
 Пономаренко П.К. 77
 Поп Г. 215
 Поплавский С.Г. 239, 274, 449, 469
 Попов 125
 Попов В.С. 29, 30, 72, 245, 276
 Попов М.М. 24, 155, 480
 Попович 469
 Поцелуев 456
 Пражак А. 290
 Преображенский 468
 Привалов М.М. 334
 Провалов 456
 Прокопович 469
 Прохоров А.А. 77, 455
 Проценко 456
 Прошляков 473
 Прудников Н.М. 334
 Прутков 456
 Пугачев М.Ф. 334
 Пузиков И.М. 280
 Пузыревский 469
 Пулков-Дмитриев 469
 Пуркачев М.А. 391, 395
 Пухов Н.П. 237, 238, 274, 293
 Пушкарев 468
 Пушкин А.И. 135
 Пушкин А.С. 351
 Пырвулеску К. 92
 Пэрн Л.Н. 167
 Радеску Н. 215
 Радзиванович 469
 Радзиевский 469
 Радзиевский А.И. 72, 250, 473
 Радыгин П.И. 29
 Разумовский 455
 Райзер Д.Я. 344
 Райнекке Х. 183
 Ракоши М. 141
 Рамсай К. 198, 199
 Ран Р. 326
 Рангец Ф. 92
 Рассказов 469
 Рассохин 468
 Ратнер 465
 Раус Э. 244
 Рейнгард Г. 156, 235, 244
 Рейнхард Э. 278
 Рекнагель Г. 238
 Рендулич Л. 174, 246
 Реннер К. 142
 Ржешевский О.А. 330
 Риббентроп И. 151, 191, 197, 199, 200, 242
 Риттер И. 190
 Робертс Ф. 264, 302
 Рогачевский 473
 Рогинский С.В. 26, 27
 Родин А.Г. 16, 450
 Родионов 467
 Родослав 463
 Рожанович 473
 Рождественский 456
 Розенберг 191
 Рокоссовский К.К. 44, 57, 59, 64, 71, 73, 75,
 170, 232, 234, 235, 245, 250, 270, 271, 276,
 277, 287, 290, 340
 Роль-Жимерский М. 72, 221
 Романенко 457
 Романенко А. 454
 Романенко П.А. 62
 Романов Н.Ф. 396
 Романов П.И. 250
 Романовский В.З. 166
 Ромейко 469
 Ромер Т. 221, 458, 460
 Роммель Э. 181
 Рослый 473
 Роткевич 469
 Ротмистров П.А. 38, 62, 64, 66, 156, 158, 455
 Рубанов 456
 Руденко С.И. 62, 63, 71, 239, 282, 469, 473
 Рузвельт Ф.Д. 75, 77, 110, 188, 212, 221, 236,
 255–258, 260, 261, 264, 267, 269, 278, 294,
 301, 302, 316, 321, 322, 326, 364–367, 380,
 385

- Русаков В.В. 278
 Рыбалко П.С. 41, 43, 238, 240, 274, 275, 284, 285, 293, 473
 Рыбальченко С.Д. 150, 164, 454
 Рыжов 473
 Рытов Н.А. 25
 Рюти Р. 151, 153, 198, 203, 204, 212, 213
 Рябышев 480
- Сабуров А.Н. 38
 Савин А.И. 335
 Савицкий 456, 469, 473
 Савокин Г.Г. 395
 Савушкин С.А. 397
 Сагитов 467
 Сазонов Е.О. 334
 Салаша Ф. 131, 132, 207, 217
 Салминов 473
 Салычев 467
 Самохвалов А.Н. 66, 67, 282
 Самохин 454
 Самсонов К.Я. 286
 Санатеску К. 94, 96, 205, 215
 Сандалов Л.М. 164
 Сарджент О. 303
 Сато Н. 208, 369, 375, 376, 379
 Сафарян 473
 Сверчевский К.К. 274
 Свиклин Т.А. 27
 Свиридов В.П. 169
 Свобода Л. 127
 Святов И.Г. 167
 Севов Й. 202
 Севостьянов Г.Н. 363
 Селезнев 467
 Семенов Н.Н. 342
 Семиволос А.И. 334
 Семенов 463
 Сергиенко 467
 Середин 473
 Серюгин 473
 Сиднев 473
 Сидоренко 467
 Сидоров П.Н. 397
 Сидоу 373, 374
 Сизов 449
 Сима Х. 88, 89
 Симидзу Н. 396
 Симоньяк Н.П. 250, 454
 Симпсон У. 272
 Синилов 457
 Сиполс В.Я. 330
 Ситкин 469
 Ситников 448
 Скаковский 469
 Сквирский Л.С. 172
 Скок 473
 Скорцени О. 131, 207
 Славин Н.В. 224
- Сланский 122
 Слобода Л. 224
 Слюсарев 473
 Сметанин К.А. 368
 Смирнов 24, 467, 473
 Смирнов В.И. 341
 Смирнов Ю.В. 65
 Смит У. 296
 Смолин 473
 Смолия 469, 474
 Смлькин 467
 Смэтс Я. 320
 Снегуров 473
 Соболев С.Л. 342
 Соколов 455, 468, 473
 Соколовский В.Д. 11, 14, 16–18, 287, 441, 444, 447, 449–452, 466, 473
 Сокольский 456
 Солдатов Н.Л. 159
 Соловьев 456, 467–469, 473
 Соловьев В.Н. 173, 469
 Сомбатхен Ф. 200
 Сопенко 468
 Сорочотяга 358
 Спаатс К. 297, 327, 475
 Спирин А.В. 25
 Стайнов 220
 Сталин В.И. 473
 Сталин И.В. 2, 6, 7, 13, 16, 17, 25, 27, 30, 31, 54, 57, 58, 67, 73–77, 105, 109, 110, 113, 114, 119, 120, 122, 126–128, 136, 142, 157, 212, 217, 219, 221, 222, 236, 242–244, 255, 256–262, 264, 267, 269, 274, 275, 278, 287, 296, 297, 301, 303–310, 317, 319–323, 325, 326, 328, 329, 335, 364, 365, 367, 375–377, 379, 380, 384–396, 390, 398, 441, 453–455, 457–460, 462, 465, 467–469, 472, 474–476, 480, 488
 Стаменов 218
 Станкевский 473
 Станчив К. 112
 Стариков Ф.Н. 27, 160, 164, 167
 Старолетов 467
 Старцев 468
 Стеттиниус Э. 255, 258, 259, 365, 377
 Стефлеа И. 204
 Стимсон Г. 326, 330, 378, 383, 386, 402
 Стогния 473
 Стояи Д. 200, 201
 Стражевский 469
 Стрельбицкий 456
 Строкач Т.А. 120, 123
 Ступаченко 469
 Суворов А.В. 395
 Сугняма Х. 363
 Судец 467
 Судзуки К. 208, 369–372, 374, 378, 379, 402
 Сусайков И.З. 135, 216
 Суслопаров И. 296, 327

- Сухов 473
 Сухов И.П. 284
 Сухомлин А.В. 24
 Сухоручкин 465, 467
 Сухорябов 469
 Сучек 469
 Сучков 468
 Счетчиков 456, 473
 Сызранов 473
 Сычев 467
 Сычев Л. 336
- Тагути 372
 Такаяма Н. 41
 Танакамара 368, 373
 Тассиньи 327
 Татар С. 458, 459
 Татареску Г. 93
 Тверецкий И.Г. 456
 Теверовский 336
 Тевосян И.Ф. 333, 344
 Теддер А. 193, 236, 297, 322, 327, 475
 Тегелин 456, 461, 464, 472
 Тельман Э. 181
 Теляков 469
 Теляков Н.М. 274
 Темкин 455
 Терентьев 468
 Терешков 473
 Терзич В. 108
 Тимофеев 469
 Тимошенко С.К. 411, 480
 Типпельскирх К. 60, 61, 65, 67, 68, 228
 Тимо И. 118, 119, 121, 124–126, 206, 207
 Титель-Петреску К. 94
 Тито И.Б. 107–110, 112–114, 223, 320, 326
 Ткаченко 474
 Того С. 208, 370–372, 375, 379
 Тодзио Х. 367, 369
 Токарев 469, 473
 Толбухин Ф.И. 38, 39, 49, 50, 84, 87, 96, 97, 104, 106, 111, 112, 137, 138, 140, 142, 143, 219, 456, 467
 Толстикова 467
 Торотько В. 336
 Торчилин 468
 Трибуц В.Ф. 22, 149, 161, 247, 288
 Трофименко С.Г. 45, 87, 454
 Трофимов 449
 Троянов Л. 336
 Трумэн Г. 278, 296, 301–304, 306–310, 327–329, 377, 378, 383, 386, 398, 401
 Тупиков 456, 473
 Туполев А.Н. 335
 Турчинский 473
 Туссэн Р. 293
 Тюленев 480
 Тябут Т.В. 77
- Удонин 468
 Умэдзу Е. 372, 379
 Уолш 318, 319
 Упман 473
 Урбашас А.И. 166
 Урсини Я. 124
 Усты Д. 135
 Утин 473
 Уэйли Д. 307
- Ф**адеев 454
 Фалин 474
 Фанталов 473
 Фараго Г. 131, 135, 136, 216, 217
 Федоров И.Ф. 38, 456
 Федотов М.Я. 334
 Федюнинский И.И. 22, 25, 30, 160, 286, 454
 Фелльгибель Э. 181
 Фельбер Г. 109
 Фетисов 468
 Филин 456
 Филиппов 456
 Филипповский И.М. 280
 Финогенов 468
 Фирлингер Э. 123, 124, 126, 130, 224, 225
 Фирсов 473
 Фомин 455
 Фоминых Е.И. 274, 280, 294
 Фомиченко 473
 Фориш Ш. 92
 Форрестол Д. 378
 Фридебург Г. 193, 295, 296, 475
 Фридрих II 10, 188
 Фрисснер Г. 83, 86, 87, 98, 132, 135, 158, 205
 Фроликов Д. 67
 Фролов 456, 473
 Фромм Ф. 182
 Фурс 474
- Хавратович 46
 Хакцель А. 204
 Халдин Н.И. 341
 Харин 467
 Харчевин 474
 Хата С. 401
 Хейнрикс Э. 199
 Хейнрици Г. 65, 269, 270
 Хетагуров 473
 Хефле 123, 124
 Хиранума К. 367, 374
 Хирацука 368
 Хирота К. 367, 373–375
 Хирохито 363, 400, 402
 Хиттер А. 63
 Ходжеса Э. 278
 Ходюков 357
 Хойзингер А. 196
 Хорти 130, 131, 135, 200
 Хорти М. 200, 201, 207, 216, 217
 Хоруженко Н.Г. 29

- Хохряков С.В. 238
 Храмов 468
 Хренов 468
 Христианович С.А. 342
 Христофоров 448
 Хрущев Н.С. 6, 120, 123
 Хрюкин Т.Т. 249, 456
 Хубе 43
 Худалов 468
 Хэллом К. 257
 Хюбнер К. 278
- Цанков** 100
 Цветасв В.Д. 274
 Цейтцлер 49
 Цурочкин 469
 Цыпышев 468
- Чалков А.Я.** 334
 Чан Кайши 385
 Чанчибадзе 244, 249, 456
 Чанчибадзе П.Г. 157, 166
 Чатлош Ф. 118, 119, 144
 Черевиченко 473, 480
 Черемисов Л.Г. 397
 Черепанов А.И. 150
 Черепанов К.Г. 31
 Черинов В.В. 282
 Черкасов 474
 Черкасова А.М. 360
 Чернецкий 468
 Чернов 469
 Чернышов В.Е. 77
 Чернявский У.Г. 454
 Черняховский И.Д. 14, 16–18, 44, 57, 64, 70,
 155, 158, 232, 234, 235, 242, 244, 250, 453
 Чероков В.С. 170
 Черчилль К. 356
 Черчилль У. 54, 67, 74–77, 107, 109, 110, 114,
 219, 221, 243, 255–260, 262, 264, 267, 269,
 272, 278, 291, 296, 301, 303, 306, 307, 309,
 310, 313, 314, 316, 320–324, 326–328, 330,
 364–367, 384, 385, 401
 Чехов А.П. 42
 Чечулин Д.Н. 360
 Чжу Дэ 400
 Чирва С.Н. 285
 Чирков 447
 Чистяков В.А. 483
 Чистяков И.М. 62, 157, 163, 166, 388
 Чистяков М.Н. 58
 Чойбалсан Х. 389
 Чугунков И.И. 238
 Чуйков В.И. 46, 71, 238, 273, 274, 283, 286,
 473
 Чучев 456
- Шабалин А.О.** 175
 Шабанов И.Г. 35
- Шалин 473
 Шамшин 473
 Шамшурич Н. 336
 Шаневский 462
 Шапиро 468
 Шарохин М.Н. 39, 46, 137, 465
 Шаталов В.Д. 285
 Шатилин 467
 Шатилов В.М. 285, 286, 473
 Шафаренко 473
 Шахурин А.И. 336
 Шацкий 473
 Шашков З.А. 341
 Шварев 473
 Шевкин 467
 Шеель Г.А. 186
 Шейпак 469
 Шелегович М. 467
 Шепель 468
 Шернер Ф. 43, 46, 158, 164, 166, 240, 269, 275,
 281, 292, 293, 298
 Шерстюк 469
 Шершнь Л.Г. 336
 Шикин 461
 Шиманов Д. 202
 Шимонаев А.И. 13, 441, 452
 Шиндер А.Е. 239
 Ширшов П.П. 341
 Шишина Н. 28
 Шишков 473
 Шкодунович 467
 Шкрылев 473
 Шлемин И.Т. 46, 111, 136, 465
 Шлепин 473
 Шлямнев В.Ф. 334
 Шмидке К. 119–123
 Шорников А.С. 108
 Шпагин Г.С. 335
 Шпеер А. 187, 189
 Шробар В. 121, 124
 Штаммер О. 372
 Штауффенберг К. 181
 Штахель 94
 Штейнер Ф. 279
 Штейнмец М. 137
 Штеменко С.М. 10, 13, 14, 31, 138, 146, 297,
 441, 452, 453, 463
 Штерн Г.М. 16
 Штибрей Б. 89, 90, 201, 214, 215
 Штумпф Г. 193, 297, 475
 Шубашич И. 109, 113, 114, 223
 Шугаев 473
 Шумиов М.С. 87, 137, 293
 Шухард 196
- Шербаков А.С.** 13, 14, 441, 452, 463
Шербаков В.И. 173, 226, 468
Щорс В. 349

Эдмансдорф 65
Эйзенхауэр Д. 191, 192, 236, 255, 267, 269,
272, 277, 291, 292, 295, 296–298, 315–317,
322, 326, 327, 402
Энкель К. 154, 198, 212
Эренбург И. 272
Эриксон Д. 400
Эркнер В. 190
Эрфурт В. 199
Эссер Г. 188
Эстерман Х. 199
Эттли К. 256, 303, 304, 306, 324

Юдин А.С. 152
Юдин П.А. 344
Юкава Х. 402
Юмашев И.С. 390, 392
Юргелевич 469

Юренков 468
Юрченко 448
Юшкевич А.В. 159
Ющенко Л. 63
Ющук 471, 473

Яблоницкий Й 121
Яблонский 467
Якимов П.Н. 108, 468
Яковлев 455
Яковлев А.С. 335, 336
Яковлев Н.Д. 58
Якушев М.И. 294
Ямад 403
Яманов А.А. 280
Янкин И.П. 334
Ярославцев 468
Яшечкин Ф.В. 294

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Армения 341
Аахен 187, 317
Авала 112
Австралия 6, 113, 118, 121, 125, 132, 137, 139, 141–143, 295, 296, 298, 303, 323, 340, 405
Австрия 231, 341
Адидже 324
Азербайджан 342, 356
Азия 81, 197, 331, 364, 366–368, 370, 371, 399
Азовское море 49
Айнажи 165
Аккерман 84, 85, 88
Аламагордо 309, 327
Аландские ост. 199
Албания 132
Александровск-Сахалинский 390
Алтайский кр. 351, 358
Алупка 255
Альпы 327
Аляска 364
Америка 262, 307, 322, 364, 368, 375, 462, 463
Амур р. 364, 391, 392, 395, 396
Амурский лиман 377
Англия 6, 8, 55, 81, 89, 102, 103, 109, 131, 161, 179, 180, 191, 201, 206, 208, 209, 211, 217–219, 226, 257, 259, 263, 301–303, 305–307, 310, 313–318, 320–323, 325, 328, 329, 354, 366–368, 370, 373, 375, 376, 380, 438, 462, 482
Анкара 201
Антверпен 322
Арденны 230, 236, 237, 256, 267, 322, 324, 423
Армения 342
Астрахань 341
Атлантика 301
Атлантический океан 370
Африка 368
Ахмалахти 173
Аша 124
Ашаффенбург 190

Бабельсберг 303
Бавария 179, 182, 257, 295
Байчэн 389
Байя 137
Бакэу 47, 48, 84
Балаклава 50
Балатон 132, 137, 139, 140, 324, 410, 421
Балдоне 164

Балканские страны 50, 321
Балканский п-ов 102, 109, 111, 114, 320, 410
Балканы 5, 6, 33, 49, 51, 54, 82, 89, 90, 106, 110, 114, 204, 320–323, 465
Балтийское море 20, 57, 157, 160, 165–168, 170, 171, 191, 235, 287, 288, 295, 297, 422
Балтика 168, 269
Баната 112
Баньска Быстрица 121, 122, 124, 224
Барановичи 68, 70, 71
Баренцево море 173, 175, 408, 468
Бари 74, 108
Барнаул 351
Барсуков 29
Барч 137
Баттонья 133
Бауска 163
Бахлуй р. 86
Бачку 112
Башенный мыс 397
Башкирия 354
Башкирская АССР 358
Бек-фиорд 174
Белград 98, 109–114, 223, 422, 467
Белосток 70
Беловежская пуца 71
Беломорск 148
Беломорско-Балтийский канал 154
Белоруссия 6, 7, 10, 16, 54, 55, 57–59, 65, 66–68, 69, 72, 76, 77, 81, 82, 155, 168, 208, 235, 251, 261, 316, 340, 342, 344, 345, 354, 408, 410, 411, 416
Бельгия 236, 306, 316, 317, 324
Бельцы 454, 455
Берген-Бельзен 190
Бердичев 34
Березина р. 62–64, 66
Березнеговатый р-н 42, 45
Берингов пр. 370
Берлин 6, 20, 25, 54, 69, 95, 120, 121, 124, 155, 158, 168, 178, 183, 184, 186, 188–192, 196, 197, 200–205, 207, 208, 213, 232, 236, 241, 242–244, 251, 252, 257, 267–284, 286–290, 303, 304, 317, 318, 322, 323, 325, 326, 329, 330, 370, 376, 377, 408, 410, 424, 471–475
Берн 216, 301
Бероуп 290
Берхтесгаден 189
Бессарабия 88–90, 201

Бечешти 47
 Бикин 391
 Биржай 158
 Бирма 363, 404, 405
 Благовещенск 392
 Блидене 169
 Бобер р. 251
 Бобрыйск 55, 57, 62–64, 66, 69, 422
 Бобрыйская обл. 69
 Богушевск 61
 Болгария 1, 6, 8, 34, 49, 81, 96, 97, 99–107, 109, 118, 132, 195, 196, 202, 203, 205, 206, 209, 211, 218–220, 230, 304, 306, 308, 309, 317, 320–322, 340, 408, 419, 421, 422, 465
 Болотино 47
 Большая р. 172
 Большая Западная Лица 173
 Большой Хинган 387, 391, 392, 395, 396, 410, 411
 Борисов 13, 57, 60, 66, 344
 Борнхольм ос. 226, 227, 297
 Босния 108–110, 113
 Братислава 118, 125, 139, 142
 Брашов 91, 92
 Бреслау 231, 232, 240, 251, 252, 293
 Брест 41, 70–72, 422
 Бреттхайм 190
 Брно 125
 Бродок 66
 Бромберг 231, 240, 241
 Брюге 318
 Броссель 322
 Брянщина 129
 Буг р. 88
 Будапешт 131, 132, 134–139, 191, 207, 216, 217, 317, 323, 424
 Британия 261, 264
 Буды 138
 Бузэу 318
 Буковина 90
 Бургас 104, 105, 202, 218, 219, 465
 Бухарест 89–92, 94–96, 98, 201, 205, 215, 297, 298, 318, 422
 Бырлад 97
 Бэйань 389

Валга 161
 Варна 105, 202, 218, 219, 465
 Варошиловград 344
 Варта р. 241
 Варталенд 186
 Варшава 7, 71, 76, 94, 222, 232, 239, 262, 317–320, 422–424, 459, 464, 469
 Васлуй 47, 48, 84
 Вашингтон 201, 203, 211, 212, 260, 272, 295, 303, 322, 326, 370, 377–379, 383, 402, 419
 Веймар 190, 191
 Веленце 132, 137
 Велика-Плана 111
 Великая р. 30
 Великие Луки 10, 115
 Великобритания 5, 54, 73–75, 94, 153, 195–197, 201–203, 206, 208, 213, 214, 216, 217, 221, 223, 230, 255–261, 263, 267, 295, 298, 301–305, 307, 308, 310, 313, 314, 320, 321, 323, 324, 327, 329, 330, 335, 383, 384, 394, 400, 404, 405, 415, 418, 419, 421–424, 463
 Вена 139, 141–143, 186, 206, 232, 317, 323, 324
 Венгрия 6, 8, 69, 81, 88, 89, 96–98, 107, 118, 119, 130, 132–138, 140, 141, 143, 179, 187, 195, 197, 198, 200, 201, 203, 206, 207, 209, 211–218, 220, 222, 223, 230–232, 304, 306, 308, 309, 317, 318, 321, 322, 325, 341, 408, 410, 418, 421–424
 Вентспилс 168, 170
 Вернигерод 190
 Верхняя Силезия 240
 Вест-Одер 270, 276, 277
 Веста р. 62
 Вилия р. 156
 Вильно 462
 Вильнюс 13, 156, 422
 Винница 35, 37, 108, 109
 Виройоки 151
 Виртсу 165
 Вис о. 110
 Висла р. 71, 72, 74, 77, 81, 231, 232, 234, 241, 251, 252, 317, 319, 320, 323, 330, 461, 463, 465, 469
 Висмар 287
 Витебск 10, 13, 55, 57, 61, 63, 64, 69, 344, 421
 Витебская обл. 69
 Виц 132, 137
 Владивосток 124, 391
 Влтава р. 291, 292
 Внешняя Монголия 367, 385
 Внутренняя Монголия 387, 389
 Волковыск 70
 Волма 68
 Волосово 26
 Волхов р. 23, 26
 Вольнь 43
 Вормдйтт 246
 Восточная Померания 249–252
 Вормси о. 165, 167
 Восток 216
 Восточная Азия 371, 372, 375, 379, 389
 Восточная Германия 307, 317
 Восточная Европа 7, 8, 81, 211, 212, 215, 261, 264, 301, 303, 308–310, 314, 318, 323, 373
 Восточная Померания 249–252
 Восточная Пруссия 6, 55, 57, 76, 156–158, 161, 162, 165, 168, 171, 181, 185, 208, 232, 235, 244–251, 271, 288, 295, 307, 308, 317, 388, 393, 394, 413, 422
 Восточная Сербия 110, 112
 Восточная Словакия 122, 126

- Восточные Альпы 143
 Восточные Карпаты 83, 84, 98, 126
 Вуокса оз. 151
 Вуокса р. 151
 Вуоксинская водная система 148, 151
 Выборг 149, 150, 151, 155, 421
 Выборгский зал. 151
 Выртсъярв оз. 160
 Вюртенберг 257, 288
 Вюрцбург 180
- Габрово 104
 Гайнбург 142
 Галац 92, 318
 Галиция 43
 Гамбург 287
 Ганновер 191
 Гарц 186
 Гатчина 25, 26
 Гданьск 308
 Гдов 25, 28
 Гдыня 251, 271, 297, 424
 Герлиц 275
 Германия 5, 6, 8, 54, 55, 58, 63, 64, 69, 70, 77, 81, 88, 89, 91, 93, 94, 96, 97, 100–104, 106, 107, 118, 121, 125, 126, 131, 132, 135, 136, 139, 140, 147, 149, 151, 153–157, 166, 169, 170, 178–182, 184–187, 189–193, 195–199, 201–209, 211–219, 227, 230, 232, 245, 252, 255–260, 264, 267, 259, 271, 278, 286, 288–291, 294–298, 301, 303–306, 308, 310, 313, 314, 316, 317, 322–325, 327, 328, 331, 334–336, 341, 354, 366–368, 370, 372, 373, 375, 377, 379, 403, 404, 408, 409, 412, 413, 416, 418, 419, 421–428, 437, 438, 465, 471, 472, 475, 482
 Герцеговина 108, 109, 113
 Гессен-Носсау 179
 Гирин 403
 Гнездиловичи 63
 Гоби 410
 Голландия 287, 295, 316, 317
 Голландская Индия 400, 405
 Гомель 16, 344
 Гонконг 400, 405
 Готта 190
 Грац 324
 Горьковская обл. 359
 Греция 50, 103, 107, 110, 132, 196, 219, 320, 321
 Григориополь 47
 Гродно 70
- Дабаньшан 392
 Дагда 159
 Дайрен 263, 367, 385
 Дальний Восток 5, 7, 9, 262–264, 303, 309, 317, 328, 329, 341, 353, 364–367, 370, 374, 377–379, 380, 382–384, 387–390, 393, 394, 398–400, 403, 408–410, 412, 418
- Дания 226, 227, 287, 295
 Данциг 186, 251, 271, 288, 297, 308, 424
 Даугавпилс 155–157, 159
 Дебрецен 99, 133–135, 218, 318
 Дейч-Уш 241
 Демблин 71, 72
 Демиц 287
 Джанкой 50
 Джорджу 98
 Дно 27, 30, 31
 Днепр, р. 5, 10, 33–35, 38–41, 49, 51, 60, 62, 65, 77, 200, 445, 446
 Днепропетровская обл. 339
 Днестр р. 34, 41–48, 81, 82, 84, 88, 89, 201, 214, 454, 455
 Днестровский лиман 46, 63, 85, 88
 Добеле 163
 Докшицы 13
 Долгиново 13
 Долоннор 391
 Дон р. 195
 Донбасс 342, 344, 424
 Донецк 359
 Драва р. 137, 140
 Дрвар 108
 Дрезден 267, 270, 279, 293, 471
 Друть р. 62
 Дубоссары 47, 81
 Дукельский перевал 128
 Дукла 126
 Думбаргон-Окса 260
 Дунай р. 41, 45, 48, 83–85, 89, 96, 98, 111, 113, 114, 132, 134, 136, 137, 139, 140, 142, 201, 202, 218, 317, 465
 Дупнице 104
 Дюссельдорф 184
- Евпатория 50
 Европа 5–8, 45, 51, 55, 72, 76, 81, 180, 193, 199, 208, 211, 227, 236, 239, 243, 255, 259–262, 264, 291, 296–298, 301, 304, 306–308, 310, 313–316, 322, 325, 327, 329, 331, 364, 366, 368, 370, 372, 374, 378, 379, 383, 385, 409, 410, 413, 418, 419, 459
 Египет 89
 Елгава 157–159, 161, 166
 Елизаветино станц. 25
- Желтое море 377, 387, 391
 Женева 329
 Жижия р. 47
 Жирарду 469
 Житомир 34, 40
 Жлобин 63
 Жмеринка 34, 35
- Забайкалье 329, 390, 393
 Закавказье 341, 359
 Закарпатская Украина 82, 191, 225, 423
 Зальцбург 186, 198, 200

Западная Померания 270
 Запад 5, 70, 212, 216, 264, 301, 302, 309, 350
 Западная Белоруссия 69, 220
 Западная Венгрия 216
 Западная Германия 7, 70, 471
 Западная Двина р. 60–62, 77, 163–166
 Западная Европа 9, 54, 76, 197, 199, 259, 303–315, 321, 323, 402, 421
 Западная Нейсе 261, 306–308
 Западная Пруссия 186
 Западная Сибирь 342
 Западная Словакия 122
 Западная Украина 55, 72, 81, 220, 421, 464
 Западные Карпаты 423
 Западный Буг р. 44, 71, 221
 Заполярье 147, 154, 172–175, 467
 Запорожская обл. 345
 Запорожье 34, 54
 Звенигородка 37
 Зволен 126
 Зееловские высоты 270, 273
 Зелещики 43
 Земландия 247
 Земландский п-ов 246, 248, 249

Иванова 352
Иводзима 368
Идрица 24
Измаил 85
Ильмень оз. 23, 26
Иматра 151
Ингулец р. 40, 42
Индийский океан 364
Индия 404, 405
Индонезия 405
Инстер р. 244
Иокогама 373
Ипель р. 137
Иран 319
Исакова 48
Испания 306, 371
Италия 69, 74, 107, 108, 131, 195, 197, 207, 304, 306, 308, 309, 313, 315, 317, 318, 320, 321, 324, 326, 329, 374, 387
Итуруп о-ов 398

Кавказ 359
Кагул 48
Казахстан 342, 352, 354
Каир 37, 89, 90, 103, 107, 201, 203, 206, 213, 214, 219, 236, 237
Калган 391
Калининград 185, 307
Калининская обл. 10, 31, 345
Калужская обл. 360
Каменец-Подольский 42, 43
Камчатка 364, 377, 397
Канада 320, 322, 354, 405
Канев 33
Каннельярви 150

Карелия 147, 148, 153, 172, 174, 316
Карело-Финская ССР 154, 342, 422
Карельский перешеек 147–149, 151–154, 171, 198, 203, 212
Карлови Вари 290, 291, 293, 294
Карпаты 5, 10, 33, 43, 47, 96–98, 109, 126, 127, 129, 134, 206, 269, 408, 410, 455, 466
Касабланка 294
Катаока 397
Катовице 232, 240
Катынь 461
Каунас 156, 157, 171
Квебек 257
Кексгольм 151
Кельце 238
Кенингсберг 185, 234, 235, 245–248, 288, 307, 308, 317, 423, 424
Керченский п-ов 50
Керчь 50, 51
Кестеньга 172
Киев 10, 108, 135, 344, 350, 359
Кингисепп 25, 28, 30
Киргизия 339, 352, 353
Киркенес 149, 173–175, 226, 468
Кировоградская обл. 345
Кировоград 34, 35, 40
Кировская обл. 357–359
Китай 195, 261, 303, 363, 365–367, 371, 375, 376, 378, 382, 385–387, 390, 394, 400, 404, 405, 408, 409
Кицкань 84
Кишинев 45, 47, 59, 86, 88, 93, 96, 98, 103, 422
Кладно 290
Клайпеда 166, 168, 169, 429
Клатови 294
Клезхайм 198, 200
Клуж 99, 133
Кобрин 71
Коваль 241
Ковель 41, 44, 55, 71
Кольский залив 314
Коло 241
Колумбия 365
Кольберг 251
Комарно 138, 140, 145
Комрат 48
Кондопога 152
Констанца 84, 96, 318
Корбуссен 190
Корейский п-ов 329
Корея 329, 366, 382, 383, 386–388, 403, 408, 409
Корнейбург 143
Котка 148
Коткозеро 152
Коуволла 151
Кошица 225, 424
Крайний Север 173
Крайова 109, 111
Краков 129, 238, 240, 423, 466

Краслава 159
 Красное село 25, 454
 Кривой Рог 34, 39, 40, 42
 Криворожский пром. р-н 40
 Криворожье 51
 Кронштадт 288
 Кросно 126, 127
 Крым 5, 33, 34, 40, 49–51, 157, 202, 260, 281,
 324, 359, 364, 365, 386, 421, 423, 456
 Кузбасс 353
 Куйбышев 352, 360
 Куйволи 150
 Кула 106
 Кунашир о. 397, 398
 Куолиσμα 148
 Курильские о-ва 256, 263, 364–367, 373, 380,
 385, 387, 391, 392, 396, 398, 399
 Курляндия 168–171, 228, 412
 Курляндский п-ов 166, 169, 170, 230
 Курск 314, 339
 Курская обл. 345
 Кусиро 389
 Кюмин-Йоки 151
 Кюсю о-ов 364, 377, 378

Ла-Манш 315, 316
 Ладожское оз. 148, 149, 152
 Ландвер 191
 Латвия 6, 156, 160, 165, 168, 170, 316, 344, 408,
 422
 Левобережная Украина 10
 Лейпциг 191, 267
 Лейте о. 363
 Лемпиляля 150
 Ленинград 5, 10, 20, 22, 23, 27, 31, 147, 154,
 155, 198, 343, 344, 350, 352, 354, 408, 410,
 421, 427, 454
 Ленинградская обл. 10, 20, 31, 198
 Ленинское 391
 Лепель 443
 Ливадия 255, 258, 323
 Лида 156
 Лиелупе р. 163
 Лиепая 7, 159, 165, 168–170, 422
 Лимбург 179
 Лиссабон 370
 Лисянка 37
 Литва 6, 69, 156, 160, 169, 170, 261, 316, 342,
 344, 408, 422, 423
 Лонгонвар 152, 153
 Лондон 10, 14, 91, 107, 118, 120–122, 124, 180,
 191, 201, 211–213, 219, 222–225, 236, 258,
 262, 292, 295, 302, 306, 307, 319, 325, 326,
 370, 379, 419, 459, 460
 Лубанская низменность 159
 Луга 23, 26–29, 421
 Луга р. 22, 23, 27, 28
 Лукув 71
 Луинец 60

Луостари 173
 Лучеса р. 447
 Луцк 41, 185, 421
 Львов 41–43
 Любань 26, 27
 Любек 191
 Люблин 71, 72, 221, 262, 319, 462
 Любляна 324
 Люксембург 317

Магдебург 326, 330, 476
 Магнушев 71, 75, 77, 234
 Мадона 159
 Маево 29
 Мазурское оз. 246
 Майданек 72, 236, 358
 Македония 108, 111, 113
 Маока 99, 132, 397
 Малайя 400, 405
 Малая Волоковая 173
 Малый Волховец 23
 Мальта о-ов 364
 Маньчжоу-Го 387, 388
 Маньчжурия 263, 329, 364, 375, 382, 383,
 385–392, 394, 395, 399, 400, 403, 410
 Марганец 51
 Мариенбург 245
 Мариамполь 157
 Марсово поле 27
 Маутхаузен 190
 Махач 137
 Мга 25, 27
 Медвежьегорк 152
 Мекленбург 186
 Мелец 318
 Мемеле р. 163
 Минск 13, 57, 65–70, 359, 422, 443
 Минск-Мазовецкий 71
 Минская обл. 69
 Миргород 318, 319
 Мишань 391
 Мишкольц 135, 136, 466
 Могилев 13, 55, 57, 64–66, 69, 421, 443
 Могилев-Подольский 42, 44
 Могилевская обл. 69
 Молдавия 33, 42, 45, 51, 81, 200, 235, 317, 342,
 354, 408, 412, 416
 Молодечно 18, 60, 66, 68, 155
 Монголия (МНР) 354, 387, 390, 399
 Моонзундский архипелаг 167, 168
 Морава р. 111, 112, 114, 142
 Моравия 121, 225
 Моравская Острава 125, 232
 Москва 11, 20, 42, 48, 49, 67, 69, 71, 73, 74, 91,
 92, 95, 103, 104, 106, 108, 110, 114, 118, 119,
 121, 123, 131, 135, 140, 147, 153, 154, 163,
 172–174, 182, 198, 199, 202–204, 207, 208,
 211–223, 225–227, 236, 255, 256, 258, 259,
 262, 271, 274, 277–279, 284, 286, 290, 301,

- 306, 307, 309, 317, 321, 322, 326, 327, 329, 341, 349, 350, 352, 354, 356, 360, 365, 367, 369, 370, 373, 375–377, 379, 394, 422–424, 443, 452, 454–458, 463–465, 467–469, 472, 474, 476, 483
- Мста р. 26
- Муданьцзян 389, 395, 396
- Мукден 388, 391, 395, 403
- Мульде р. 277, 278, 288
- Мурманская обл. 174
- Муху о-ов 165, 167
- Мшинская 28
- Мюнхен 183, 186
- Нагасаки** 309, 401, 402, 404
- Найссаар о. 165
- Накло 241
- Нарва 20, 25, 28, 30, 81, 149, 155, 156, 160, 422
- Нарвский зал. 30
- Нарев р. 70, 77, 234, 235
- Наутси 174
- Неаполь 216
- Нева р. 27, 30, 360
- Неготин 111
- Нейден 174
- Нейсе р. 222, 251, 252, 267, 269, 270, 274, 419
- Неман р. 70, 77, 156, 157
- Нетце р. 241
- Нещердо оз. 60
- Нидерланды 69
- Нижняя Силезия 251
- Никель 174
- Николаев 42, 45, 51
- Николаевск-на-Амуре 390
- Никополь 39, 40
- Никопольский пром. р-н 40
- Новая Зеландия 405
- Новая Килия 96
- Новгород 23, 26, 27, 147, 155, 198, 359, 421
- Новинки 27
- Новогрудок 70
- Новоржев 24, 30
- Новосибирск 352
- Новосокольники 29
- Новочеркасск 344
- Норвегия 6, 69, 171, 174, 225, 226, 297, 314, 324, 408, 423, 468
- Нормандия 54, 76, 181, 315–317, 421
- Ньередьхаза 133–135
- Нью-Йорк 70
- Нюрнберг 190
- Нью-Мексика 327
- Обаров** 135
- Одер р. 6, 185, 222, 237, 238, 240, 242, 243, 251, 267, 269, 270, 276, 277, 306–308, 323, 415, 419
- Одесса 41, 46, 49, 51, 421
- Окинава о-ов 329, 368–370, 374
- Олонец 149, 152
- Омск 384
- Омская обл. 357, 359
- Ондава р. 128
- Онежское оз. 148, 149, 152
- Опельн 252
- Опочка 23, 24
- Орадя 113
- Ораниенбаум 20, 49, 454
- Ордрув 191
- Оредеж 27
- Орел 359
- Оренбургская обл. 339
- Орша 13, 55, 57, 60, 62, 64, 65, 70, 445
- Освенцим 423
- Осло 198, 203
- Остров 30, 31, 159
- Остроленко 74
- Отомару 397
- Охотское море 364, 377, 387
- Паланга** 166, 167
- Памир 203
- Павлюченки 444
- Паневежис 158
- Париж 316
- Пашкани 47
- Первомайск 34
- Передольская 27
- Перекоп 49
- Перекопский перешеек 33, 49
- Петровград 118
- Петрозаводск 148, 149, 152, 421
- Петропавловск-Камчатский 390
- Петсамо 149, 154, 173–175, 198, 212, 213, 422
- Петсамская область 199
- Печенга 6, 212, 213
- Пешт 138
- Пилица 238, 239
- Пиллау 249
- Пинск 60, 71
- Пирятин 316, 318, 319
- Питкьяранта 152, 153
- Плоешти 91–93, 95, 96, 132, 204, 318, 325
- Пльзень 290, 291, 294
- Плюсса р. 28
- Плявиняс 159
- Повенец 152
- Поволжье 360
- Подбрезовой 123
- Подкарпатье 121
- Поду-Илоаей 47
- Познань 231, 232, 240, 241, 423, 424
- Полесье 33, 38, 41, 43, 44, 59, 71, 408
- Полоцк 5, 55, 50, 66, 68
- Полтава 75, 318–320
- Полтавская обл. 345
- Польша 6, 42, 55, 69, 70–74, 76, 121, 208, 220–222, 230–234, 250, 261, 262, 302, 306,

309, 316, 319, 321, 325, 341, 375, 408, 410,
413, 418, 421–424, 458–460, 462–464, 469
Померания 186, 242, 251, 252
Поморавья 112
Порккала-Удд 213
Порт-Артур 365, 385, 403
Порхов 30
Потсдам 8, 283, 303, 305, 307–310, 327, 328,
376, 386
Починок 13
Правобережная Украина 5, 10, 33, 40, 41, 49,
51, 200–202, 408, 410, 421, 427
Прага 8, 71–74, 125, 225, 232, 288, 290–294,
393
Прага (Польск.) 422, 462, 464
Прешов 127, 128, 466
Приамурье 390
Прибалтика 6, 7, 20, 55, 57, 77, 147, 155, 157,
160, 161, 163–165, 170, 171, 199, 208, 213,
235, 271, 316, 412, 416
Приднестровье 34, 40
Прилепа 104
Приморский край 364, 393
Приморье 329, 387, 390, 391, 393, 398
Прпяць р. 40, 60, 199
Проня р. 62
Проскуров 41, 42
Пружаны 71
Пруссия 186, 188, 231, 257
Прут р. 42, 45, 47, 48, 51, 83–88, 93–96, 200,
214, 421, 454
Псков 23, 25, 27, 29, 30
Псковская обл. 360
Псковское оз. 161
Птичь р. 62
Пулава 71, 72, 74, 77, 234
Пулково 454
Пулковские высоты 22, 23
Пустошки 30
Пушкин 26
Пярну 30, 156, 164
Пятры 48

Равенсбрюк 191
Радомск 238
Радощковичи 13
Раквере 164
Рангун 404
Ращук 202, 218, 219
Резекне 155, 159, 161
Реймс 192, 288, 296, 297, 327
Рейн р. 324, 423
Речица 16
Рига 13, 30, 157, 159–161, 163–166, 171, 422
Рижский зал. 157–161, 167, 171
Ризино 37
Рим 108
Ровно 38, 40, 357, 421
Роман 47, 48
Ропша 25, 454

Россия 6, 74, 84, 91, 93, 97, 105, 119, 154, 195,
203, 212, 255, 259, 260, 263, 286, 301, 306,
309, 314, 321, 322, 342, 356, 359, 364, 365,
367, 378, 383, 385, 386, 389, 399, 401, 402,
408, 409, 462
Ростов 344
Росток 170, 285
РСФСР 337, 351, 356, 357, 360, 364, 464
Рудные горы 293
Румоэ 389
Румыния 6, 8, 34, 41, 42, 45, 49, 51, 81, 82, 84,
88–96, 98, 99, 102, 103, 108, 109, 118, 121,
131, 132, 179, 195–205, 207, 211–217, 219,
220, 222, 230, 302, 304, 308, 309, 317,
320–322, 325, 340, 408, 418, 421–424, 455
Рур 267, 277, 326, 424
Рурская обл. 305
Русе 104, 218, 219, 465
Русско-Высокая 25
Рыбница 47
Рэдеуцы 47
Рюген 288
Рязанская обл. 339

Сааремаа о-ов 165, 167, 423
Саксония 257, 303
Салоники 113
Сан-Франциско 267, 302, 368, 370, 374
Сандомир 234
Санок 127
Сану р. 317
Сараево 108
Саратов 360
Саскакемп 461
Сату-Маре 99, 127, 133
Сахалин о-ов 263, 367, 375, 380, 385, 387, 392,
397–399
Свердловск 350, 356, 360
Свердловская обл. 359
Свинемюнде 288
Свирь 148, 152
Свислочь 71
Себеж 23
Святошино 135
Сумская обл. 345
Северная Германия 281, 472
Северная Италия 197, 326
Северная Польша 234, 235
Сохачев 469
Север 23, 42, 70, 71
Севастополь 49–51, 456
Северная Буковина 89, 201
Северная Карелия 171, 172, 174, 175
Северная Корея 387, 390–392, 396, 399
Северная Норвегия 154, 226
Северная Трансильвания 131, 133, 184, 197,
201
Северная Финляндия 154
Северная Франция 55, 412
Северное море 287, 301

- Северная Африка 313
 Сегед 129, 132, 135, 217, 218
 Седлец 71
 Сейсин 391, 396
 Секешфехервар 140
 Семозеро 153
 Сенозера 172
 Сербия 107, 108, 110, 113, 222
 Сестра р. 150
 Сибирь 135, 263, 333, 344, 353, 354, 370, 375
 Сиваш 49
 Сиверский 25, 26
 Силезия 184–187, 240
 Силистрия 318
 Симферополь 49, 50
 Сингапур 313, 400
 Сирет р. 47, 48, 83, 84, 97, 455
 Сицилия 313
 Скопле 104
 Словакия 118–126, 128–130, 179, 197, 200, 206, 207, 216, 224, 290, 465, 466
 Словацкая республика 195, 206
 Словения 113
 Слуцк 66
 Смердово 318
 Смилен 161
 Смоленск 10, 11, 359, 470
 Смоленская обл. 345, 360
 Снигиревки 42, 45
 Советское Заполярье 171
 Сож р. 13
 Сольцы 27
 Сомбор 135
 Сортавала 148, 153
 Сосунова мыс 390
 София 105, 106, 109, 196, 202, 219, 325
 Союз Советских Социалистических Республик (СССР) 6, 31, 41, 44, 45, 51, 52, 72, 74, 81, 84, 88–94, 97, 99–110, 112–114, 118, 119, 121, 126, 130, 135, 136, 147, 153, 154, 177, 178, 192, 193, 195–199, 201–204, 206–209, 211–227, 230, 234, 235, 255–264, 267, 272, 274, 286, 293–298, 301–311, 313–315, 317–323, 326–345, 349, 350, 354, 355, 357, 360, 361, 363–370, 372–380, 382–389, 399–404, 409, 412, 415, 417–419, 421–426, 428, 430–433, 435–440, 454–458, 461, 463–465, 467–469, 472, 482
 Среднее Поволжье 342
 Средиземное море 321, 326
 Средне-Дунайская низменность 133
 Средний Дон 88
 Средний п-ов 173
 Средняя Азия 341, 344
 Средняя Словакия 122, 466
 Сталинград 5, 51, 88, 99, 195, 289, 314, 344, 349, 356, 360, 483
 Сталинск 359
 Стамбул 203
 Стара Любавна 127
 Старая Русса 30
 Стокгольм 90, 93, 147, 198, 212, 370, 372
 Струги Красные 28
 Судеты 252
 Сулина 84, 96
 Сунгари р. 391, 395
 Суурсаари о. 154, 199
 Сухище 66
 Сучава р. 47
 США 5, 6, 8, 55, 81, 89, 94, 101, 103, 114, 131, 153, 191, 195–197, 200–203, 206, 208, 209, 211–213, 216–219, 221–224, 226, 230, 267, 277, 294–298, 301–310, 313, 314–317, 319–325, 327–330, 335, 341, 354, 363–380, 382–383, 394, 398, 400–405, 415, 417, 419, 421, 423, 424, 438, 482
 Сырве п-ов 167
 Тайохара 397
 Таллин 30, 160, 161, 165, 171, 422,
 Тарту 155, 156, 159–161, 164
 Татарский пр. 377, 392
 Ташкентская обл. 339
 Тегеран 212, 263, 307, 315, 319, 327, 328, 379, 380, 383, 384, 418
 Темпельхофом 276
 Тирасполь 46, 48, 82, 84
 Тернополь 41, 42
 Тигода р. 27
 Тикш оз. 148
 Тильзит 185
 Тимишоары 92
 Тиса р. 129, 132–134, 136, 217
 Титовка р. 173
 Тихий океан 81, 197, 263, 363–365, 379, 383–385, 387
 Товарош 140
 Токио 197, 207, 208, 363, 367–373, 375, 379, 382, 401, 403, 476
 Токийская бухта 400
 Толмач 37
 Толочин 62
 Топала 112
 Топчихинский р-н 351
 Торгау 227, 326, 424, 472
 Торо 397
 Торунь 245
 Тосно 25, 27
 Трансильвания 89, 90, 98, 126, 129
 Треблинка 236
 Тукумс 158, 171
 Тулокса р. 152
 Трансильванские Альпы 127
 Тумча р. 172
 Тумыньцзян 388
 Тумэнь-Ула р. 390
 Тунцзян 395
 Турды 98
 Турну-Северин 97, 111
 Турция 49, 50, 200, 203–206

- Тынъяв 126
 Тыргу-Нямү 47, 48
 Тыргу-Фрумос 47, 48
 Тюрингия 186, 303
- Ужгород 127, 129
 Узбекистан 342, 354
 Украина 11, 15, 33, 38, 40, 41, 43, 44, 45, 49, 52, 54, 81, 82, 109, 120, 196, 206, 208, 235, 261, 271, 316, 317, 339, 342, 344, 345, 354, 359, 360, 408, 410–412, 422, 464
 Ульяновка 25
 Умань 34
 Урал 88, 334, 342, 344, 353, 354, 360
 Уруп о-ов 397
 Уссури р. 391
- Феодосия 50, 51
 Филиппины 329, 369, 405
 Финляндия 8, 147, 149, 151, 153–155, 172, 177, 195–200, 204, 208, 209, 211–213, 220, 304, 306, 308, 309, 408, 421, 422
 Финский зал. 28, 149, 154, 160, 164, 170
 Фиум 216
 Фленсбург 295, 297
 Флоридедорф 143
 Фокшаны 84
 Франкфурт 243
 Франция 5, 6, 33, 55, 215, 219, 230, 257, 261, 297, 298, 303–305, 311, 314–318, 324, 326, 329, 400, 423, 428
 Фриш-Гаф зал. 185, 245–247
 Фриш-Нерунг 185, 251
 Фуцзинь 395
- Хабаровск 390, 391
 Хабаровский край 393
 Хабомай 397
 Хайлар 395
 Халкин-Гол 17, 384, 393, 394
 Ханко п-ов 212, 213
 Харамы-Тогэ 397
 Харбин 391, 392, 396, 403
 Харьков 344
 Хасан оз. 384, 394
 Хасково 104
 Хелм 71, 319
 Хелм-Любельский 221
 Хейльсберг 246
 Хельсинки 153, 196, 199, 203
 Хельская коса 251
 Хемниц 293, 318
 Херсонес мыс 51
 Хийумаа оз. 165, 167
 Хиросима 309, 329, 379, 400, 402, 404
 Хиславичи 13
 Хмельник 237
- Хоккайдо о-ов 387, 389, 391, 392, 398, 404
 Хонсю о-ов 364, 378
 Хорватия 108, 109, 113, 200
 Хотин 45, 47
 Христовка ст. 34, 35
 Хуст 129
 Хуши 84, 85, 88, 96
- Центральная Германия 246, 323
 Центральная Европа 6, 81, 89, 118, 126, 143, 145, 261, 264, 301, 308, 412, 419
 Центральная Маньчжурия 388, 391
 Цзиньчжоу 388
 Цзямусы 389, 395
 Цицикар 391, 392
 Цоссен 275
 Цюрих 326, 370, 372
- Черемха 72
 Чанчунь 388, 391, 395
 Чапр оз. 173
 Челябинская обл. 357, 358
 Ченсетохов 238
 Черновцы 42
 Черногория 108–110, 113
 Черное море 5, 10, 45, 50, 51, 54, 81, 107, 408, 456, 465
 Черные Броды 64
 Ческе-Будеевице 290, 291, 293, 294
 Чехия 121, 225, 232, 290–292
 Чехословакия 6, 97, 118–122, 124, 125, 128, 129, 131, 136–138, 143, 206, 217, 223–225, 230, 231, 252, 288, 293, 296, 297, 299, 309, 341, 408, 421, 422, 455
 Челябинск 360
 Чжаланьтунь 391
 Чифын 391
 Чоп 133
 Чувашия 352
 Чудово 26, 27
 Чудское оз. 20, 28, 30, 151, 159, 160, 164
- Швайдниц 185
 Швайнфурт 179
 Швейцария 191, 207, 325, 379
 Швеция 90, 93, 147, 153, 155, 196, 198, 203, 208, 371, 373, 379
 Шелетовка 41
 Шикотан о. 397
 Шимск 26
 Шендеровка 37
 Шпандау 287
 Шпола 34, 35
 Шпрее р. 270, 274–276, 282, 283, 285
 Штеттин 169, 270, 276, 277
 Шумен 104, 465
 Шумшу о-ов 397, 398
 Шумяги 13
 Шяуляй 156–158, 161, 165, 166

Эберсвальд 186
Элек 132
Эльба 6, 188, 251, 271, 272, 278, 279, 288, 291,
326, 327, 424
Эльбинг 245, 246
Эргли 159, 160
Эрфурт 267
Эстония 6, 28, 30, 31, 156, 159–161, 164, 165,
168, 170, 198, 342, 408
Эстервом 137
Юг 23, 25, 51, 70
Юго-Восточная Азия 255, 263, 364, 382
Юго-Восточная Европа 6, 89, 145, 202, 308,
412
Юго-Восточная Польша 206
Югославия 6, 97–99, 103, 104, 107–114, 131,
132, 136, 179, 196, 202, 217, 219, 220, 222,
223, 230, 296, 317, 321, 322, 326, 408,
422–424, 467
Южная Каролина 365
Южное море 375
Южная Добруджи 109
Южная Германия 132, 139, 278, 288
Южная Европа 418
Южная Карелия 54, 147–149, 151–155, 171,
212
Южная Корея 386, 400
Южная Польша 33, 34
Южная Трансильвания 216
Южная Украина 317
Южная Финляндия 154
Южная Франция 315
Южные Карпаты 99, 133
Южный Буг р. 34, 40, 42, 44–47, 49, 214
Южный Сахалин 256, 364–366, 373, 379, 387,
391, 396, 397, 399
Ялта 8, 215, 255, 257–259, 261, 262, 264, 301,
310, 323, 325–328, 330, 383, 386, 418
Ялуцзян 388
Япония 7, 195, 197, 208, 209, 260, 262, 263,
294, 301, 303, 309, 313, 314, 317, 321, 323,
327–329, 336, 341, 363–380, 382–390, 394,
398, 400, 401, 404, 405, 408, 409, 416, 418,
424, 476, 482
Японские о-ва 263, 327, 367, 374, 378, 382, 403
Японское море 377, 387
Ясины 124
Яссы 45, 47, 48, 81–84, 87, 96, 98, 103

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Б.Н. Петров)	5
НЕУДАЧИ НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ (М.А. Гареев)	10
СРАЖЕНИЕ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ И НОВГОРОДОМ (В.О. Дайнес)	20
Подготовка к наступлению	20
Поражение группы армий "Север"	24
На подступах к "Пантере"	28
ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ И КРЫМА (В.Т. Елисеев, С.Н. Михалёв)	33
Прорыв обороны в Приднестровье	34
Через Южный Буг – к Государственной границе	40
Разгром противника в Крыму	49
ОПЕРАЦИЯ "БАГРАТИОН" И.В. Тимохович	54
Планирование и подготовка операции	57
Разгром немецких войск под Витебском, Бобруйском и Могилевом	61
Завершение освобождения Белоруссии	65
Изгнание противника из Юго-Восточной Польши	71
Итоги операции	76
ПРОРЫВ НА БАЛКАНЫ (Б.И. Невзоров, В.В. Марьина)	81
Вывод Румынии из войны	81
Окружение противника под Кишиневом	86
Крах режима Антонеску	88
Ликвидация кишиневского "котла". Развитие наступления	95
Впереди страна Болгария	99
Разгром противника в Сербии	107
СРАЖЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ	118
Словакия: восстание, помощь СССР, причины поражения (Б.И. Невзоров, В.В. Марьина)	118
Венгрия: обстановка, операции, капитуляция (Б.И. Невзоров, Б.И. Желицки)	131
Австрия: взятие Вены (Б.И. Невзоров)	141
ОСВОБОЖДЕНИЕ КАРЕЛИИ, ПРИБАЛТИКИ И ЗАПОЛЯРЬЯ (П.Я. Цыганков)	147
Наступление на Карельском перешейке и в Южной Карелии. Вывод Финляндии из войны	147
Освобождение Прибалтики	155
Изгнание немецких войск из Северной Карелии и советского Заполярья	171

КРИЗИС ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА А.С. Якушевский	178
Нарастание беспокойства и тревоги	178
Новый виток тотальной мобилизации	181
Агония нацистского режима	185
РАСПАД ВОЕННОГО БЛОКА АГРЕССОРОВ <i>(Е.Н. Кульков)</i>	195
ДИПЛОМАТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ <i>(И.В. Лебедев, А.С. Орлов)</i>	211
Политика в отношении Финляндии	212
Выход из войны Румынии	213
Политика в Венгрии	216
Отношения с Болгарией	218
Польский вопрос	220
Освобождение Югославии	222
Миссия в Чехословакии	223
На севере Норвегии	225
Борьба за безопасность на Балтике	226
ОТ ВИСЛЫ К ОДЕРУ <i>(В.Н. Киселёв)</i>	230
Накануне победного года	230
Наступление к Одеру	237
На флангах берлинского направления	244
КРЫМСКАЯ (ЯЛТИНСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ <i>(Л.В. Поздеева)</i>	255
КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА <i>(В.Н. Киселёв)</i>	267
Кому брать Берлин?	267
Кольцо замкнулось	273
Штурм Берлина	278
На помощь Праге	290
Капитуляция Германии	294
БЕРЛИНСКАЯ (ПОТСДАМСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ <i>(Л.В. Поздеева)</i>	301
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР С США И АНГЛИЕЙ <i>(А.С. Орлов)</i>	313
ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА <i>(Г.А. Куманёв)</i>	331
ИСПЫТАНИЕ И ВЕЛИЧИЕ НАРОДА <i>(М.С. Зинич)</i>	348
ЯПОНИЯ НАКАНУНЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ВОЙНУ С СССР <i>(Г.Н. Севостьянов)</i>	363
Внешняя политика и дипломатия Токио	363
Поиски выхода из войны	369
Неотвратимость поражения	376
ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ <i>(В.П. Зимонин)</i>	382
Стратегическая обстановка в регионе к началу боевых действий	382
Подготовка к боевым действиям	389
Последняя точка во второй мировой войне	394
Некоторые акценты	400

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>В.Н. Киселёв</i>)	408
ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ (<i>П.Я. Цыганков</i>)	421
ПРИЛОЖЕНИЕ	425
Сравнительные характеристики вооруженных сил СССР и Германии	425
Потери воюющих сторон	430
Важнейшие экономические показатели государств	438
Документы	441
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (<i>В.М. Кашайкин</i>)	486
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ (<i>В.М. Кашайкин</i>)	498

Научное издание
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.
1941–1945

Военно-исторические очерки

Книга третья

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Утверждено к печати
Главной редакционной комиссией
научного труда
“Великая Отечественная война
1941–1945 гг.
Военно-исторические очерки”

Заведующая редакцией
“Наука – история” Н.Л. Петрова

Редактор В.М. Черемных

Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Г.М. Коровина

Технический редактор З.Б. Павлюк

Корректоры Н.Л. Голубцова, Н.П. Круглова, Т.И. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 05.05.99

Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 45,5. Усл.кр.-отт. 45,5. Уч.-изд.л. 51,2

Тираж 2000 экз. Тип. зак. 836

Издательство “Наука”
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Типография “Наука”
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6